Карлъ Марксъ.

КАПИТАЛЪ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

Съ приложеніемъ портрета автора.

Полный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

доктора-математики

В. Д. Любимова.

ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книжнаго склада Н. С. Аскарханова.

6, ТРОИЦКАЯ, 6

Типо-лит. и фотот. П. И. Бавкина, уг. Офицерской и Англійскаго пр., д. № 28/58.

Предисловіе къ первому нѣмецкому изданію.

Трудъ, первый томъ котораго я отдаю на судъ публики, составляетъ продолженіе моего сочиненія, напечатаннаго въ 1859 году, „Къ критикѣ политической экономіи“. Долговременная болѣзнь, нѣсколько разъ прерывавшая мои занятія, была причиной такого долгаго промежутка между выпусками обоихъ сочиненій.

Первая глава этого тома содержитъ вкратцѣ резюме перваго сочиненія. Это сдѣлано ради сохраненія связи и полноты изложенія и, кромѣ того, улучшено изложеніе предмета. Гдѣ допускали обстоятельства дѣла, многія, прежде только намѣченныя точки развиты яснѣе, и наоборотъ, многое, пространно разъясненное прежде, теперь только намѣчается. Само собою разумѣется, что отдѣлы по исторіи теоріи денегъ и стоимости совершенно исключены, но читатель перваго произведенія найдетъ въ примѣчаніяхъ первой главы много новыхъ источниковъ по исторіи этой теоріи.

Въ каждой наукѣ извѣстно, что всякое начало трудно. Поэтому наибольшую трудность представитъ уразумѣніе того отдѣла первой главы, который заключаетъ анализъ товара. Что касается анализа существа и величины стоимости, я, насколько возможно, популяризировалъ его. Форма стоимости, готовое изображеніе которой представляютъ деньги, — безсодержательна и проста. Но, несмотря на это, человѣческій умъ въ теченіе болѣе чѣмъ 2000 лѣтъ напрасно пытался ее изслѣдовать, между тѣмъ какъ анализы болѣе содержательныхъ и сложныхъ формъ почти удавались. Почему? Потому, что готовое тѣло легче изслѣдовать, чѣмъ клѣточку. При изслѣдованіи экономическихъ формъ не можетъ служить ни микроскопъ, ни химическіе реагенты. Отвлеченіе замѣняетъ ихъ.

Для общества товарная форма производительности труда или форма стоимости товара представляетъ экономическую клѣточку. Для малоразвитого человѣка весь анализъ представляетъ только хитросплетенія. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь найдутся хитросплетенія, но не болѣе чѣмъ ихъ находится въ анатоміи. Слѣдовательно, за исключеніемъ отдѣла о формахъ стоимости, эту книгу нельзя обвинить въ неудобопонятности. Конечно я подразумѣваю читателей, которые хотятъ учиться, слѣдовательно мыслить.

Физикъ наблюдаетъ природу въ ея выдающихся формахъ, когда она насколько возможно удалена отъ смущающихъ ее вліяній, или же дѣлаетъ опыты при условіяхъ, вполнѣ обезпечивающихъ успѣхъ. Въ этомъ сочиненіи я хочу изслѣдовать капиталистическій способъ производства и соотвѣтствующія ему отношенія производства и сообщенія. Въ этомъ смыслѣ Англія до сихъ поръ классическая страна. Вотъ почему я воспользовался ею для главной иллюстраціи моихъ теоретическихъ объясненій.

Въ сущности дѣло идетъ вовсе не о высшей или низшей степени развитія общественныхъ противоположностей, которыя вытекаютъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства. Дѣло идетъ собственно объ этихъ законахъ, объ этихъ тенденціяхъ, дѣйствующихъ и пробивающихся впередъ съ несокрушимою предопредѣленностью. Промышленно развитая страна показываетъ странѣ, менѣе развитой въ этомъ отношеніи, только картину ея будущности.

Гдѣ капиталистическое производство у насъ вполнѣ основалось, напримѣръ, на фабрикахъ, за отсутствіемъ фабричныхъ законовъ положеніе вещей гораздо хуже, чѣмъ въ Англіи. Во многихъ другихъ сферахъ насъ мучитъ не только развитіе капиталистическаго производства, но и недостатокъ этого развитія... Мы страдаемъ не только отъ живыхъ, но и отъ мертвыхъ. Рядомъ съ новѣйшими бѣдствіями, насъ давитъ цѣлый рядъ бѣдствій, унаслѣдованныхъ, вытекающихъ изъ продолжающагося прозябанія старинныхъ, отжившихъ способовъ производительности...

Еще одно слово во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Я изображаю фигуры капиталиста и землевладѣльца далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Но здѣсь дѣло идетъ о лицахъ только, на сколько они олицетворяютъ экономическія категоріи, представляютъ опредѣленныя отношенія и интересы классовъ. Моя точка зрѣнія, видящая въ развитіи экономическихъ общественныхъ образованій только естественно-историческій процессъ, менѣе чѣмъ какая-либо другая можетъ дѣлать одного отвѣтственнымъ за обстоятельства, созданіемъ которыхъ онъ остается, какъ бы высоко онъ субъективно надъ ними ни поднимался.

Свободное научное изслѣдованіе встрѣчаетъ и въ области политической экономіи не только тѣхъ же самыхъ враговъ, какъ и въ другихъ областяхъ. Своеобразный матеріалъ, которымъ она занимается, вызываетъ на борьбу противъ нея самыя мелочныя, самыя низменныя страсти человѣка, фурій частнаго интереса... Но и здѣсь можно замѣтить шагъ впередъ... Въ то же время по ту сторону

Атлантическаго Океана Wade, вице президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, сказалъ на одномъ митингѣ, что съ уничтоженіемъ рабства на сцену должно выступить полное измѣненіе положенія капитала и землевладѣнія!..

Во второмъ томѣ этого сочиненія я буду говорить объ обращеніи капитала (книга II) и видахъ общаго процесса (книга III). Послѣдняя часть будетъ посвящена исторіи теоріи.

Всякое мнѣніе научной критики будетъ мнѣ пріятно. Что-же касается пристрастныхъ взглядовъ такъ называемаго мнѣнія общества, я никогда не уступалъ имъ, а всегда былъ согласенъ съ великимъ флорентинцемъ,

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti! *).

Лондонъ 25 іюля 1867 г.

Карлъ Марксъ.

*) Иди своимъ путемъ, и оставь говорить людей!

Ко второму нѣмецкому изданію.

До сихъ поръ въ Германіи политическая экономія была пришлая наука. Густавъ фонъ-Гюлихъ въ выпущенныхъ въ 1830 г. двухъ первыхъ частяхъ своего «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe u s. w.» касается историческихъ обстоятельствъ, задержавшихъ у насъ развитіе капиталистическаго производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе новѣйшаго общества. Политической экономіи не хватало живой точки опоры. Она была въ видѣ готоваго товара привезена изъ Англіи и Франціи. Чуждыя теоріи въ ея рукахъ обратились въ собраніе догматовъ, которые объяснялись въ духѣ окружавшаго ихъ мѣщанскаго міра,—слѣдовательно, объяснялись ложно. Чувство научнаго безсилія и безпокойное сознаніе, что приходится поучать въ совершенно незнакомой области, многіе пытались скрыть подъ блескомъ литературно-исторической учености или примѣшивая посторонніе предметы, взятые у такъ называемыхъ камеральныхъ наукъ, смѣшеніе знаній, въ чистилище которыхъ пришлось окунуться безнадежному кандидату нѣмецкой бюрократіи.

Съ 1848 года капиталистическая производительность быстро развилась въ Германіи и въ настоящее время дала уже плоды. Судьба съ самаго начала благопріятствовала нашимъ спеціалистамъ. Пока они могли спокойно заниматься политической экономіей, новѣйшія экономическія отношенія не существовали въ нѣмецкой дѣйствительности. Но едва эти отношенія вступили въ жизнь, это случилось при обстоятельствахъ, недопускавшихъ ихъ спокойнаго изученія въ кругѣ мѣщанскихъ воззрѣній. Пока политическая экономія видитъ въ капиталистическомъ порядкѣ не историческую преходящую ступень развитія, а абсолютное и послѣднее представленіе общественной производительности, она останется только нау-

кой, пока борьба классовъ будетъ скрыта или будетъ проявляться въ одиночныхъ случаяхъ.

Возьмемъ Англію. Ея политическая экономія приходится на періодъ неразвившейся борьбы классовъ. Послѣдній крупный представитель ея, Рикардо, дѣлаетъ, наконецъ, главною цѣлью своихъ изысканій противоположность интересовъ классовъ, рабочей платы и прибыли, прибыли и основной ренты, наивно принимая эту противоположность за естественный законъ. Но тутъ мѣщанское изученіе экономіи пришло къ непереходимымъ границамъ. Еще при жизни Рикардо выступила ей на встрѣчу критика въ лицѣ Сисмонди *).

Слѣдующіе годы отъ 1820—1830 отличаются въ Англіи научнымъ оживленіемъ въ области политической экономіи. Это былъ періодъ общаго распространенія теоріи Рикардо и ея борьбы со старой школой. Можно было любоваться блестящими турнирами. Континентъ мало зналъ объ этомъ, потому что полемика большею частью велась въ журнальныхъ статьяхъ, случайныхъ изданіяхъ и памфлетахъ. Спокойный характеръ этой полемики, несмотря на задоръ теоріи Рикардо противъ благопристойнаго мѣщанскаго хозяйства, объясняется обстоятельствами времени. Съ одной стороны крупная промышленность только что вышла изъ дѣтства, что безъ труда доказывается, что она начинаетъ періодическое круговое теченіе своей новѣйшей жизни только съ кризиса 1825 года. Съ другой стороны борьба классовъ между капиталомъ и трудомъ была отодвинута на задній планъ политически и экономически... но въ Англіи она снова вспыхнула съ изданія хлѣбныхъ законовъ. Политико-экономическая литература Англіи въ этотъ періодъ напоминаетъ бурный экономическій періодъ во Франціи послѣ смерти Кене (Quesnay), но не болѣе какъ бабье лѣто напоминаетъ весну. Въ 1830 году выступилъ рѣшительный кризисъ.

Въ Англіи и во Франціи буржуазія завладѣла властью. Съ этого времени борьба классовъ пріобрѣтаетъ практитески и теоретически все болѣе и болѣе явныя и угрожающія формы. Прозвонилъ заупокойный колоколъ научной буржуазной экономіи. Рѣчь шла теперь уже не о томъ, та или другая теорія истинна-ли, а о томъ полезна-ли она или вредна, удобна или неудобна для капитала. Вмѣсто безпристрастныхъ наблюденій выступилъ оплаченный задорный споръ, вмѣсто спокойныхъ научныхъ изслѣдованій, нечистая совѣсть и дурныя намѣренія апологетики. Но даже небольшіе трактаты, выпущенные въ свѣтъ фабрикантами Кобденомъ и Брайтомъ противъ хлѣбныхъ законовъ, представили если не научный, то историческій интересъ благодаря своей полемикѣ съ земельной аристократіей.

Революція 1846 года отозвалась и въ Англіи. Люди, имѣвшіе притязанія на научное значеніе и не хотѣвшіе быть только софистами сикофантами господствующихъ классовъ, пытались подвести все подъ одинъ тонъ съ требованіями пролетаріата, которыхъ больше нельзя было игнорировать. Это было настоящее сознаніе банкротства «буржуазной» экономіи, которое такъ хорошо очертилъ

*) См. мою книгу «Zur Kritik etc.» p. 39.

извѣстный русскій экономистъ и критикъ Н. Чернышевскій въ своемъ сочиненіи: «Очерки Политической экономіи по Миллю».

Въ Германіи капиталистическое производство вполнѣ созрѣло, послѣ того какъ во Франціи и въ Англіи историческая борьба его надѣлала шуму, а нѣмецкій пролетаріатъ пріобрѣлъ больше теоретическаго самосознанія классовъ, чѣмъ германская буржуазія. Едва проявилась возможность появленія буржуазной науки политической экономіи, какъ она снова стала невозможной.

При этихъ условіяхъ ея послѣдователи раздѣлились на двѣ части. Одна часть, умная, практическая, стремящаяся къ прибыли, сомкнулась у знамени Бастіа, самаго плоскаго и удачливаго представителя грубо экономической Апологетики; другая-же часть, гордясь своими профессорскими знаніями, слѣдовала за Джонъ Стюартъ Миллемъ, въ надеждѣ примирить непримиримое.

Своеобразное историческое развитіе нѣмецкаго общества исключило въ этомъ случаѣ всякое оригинальное развитіе «буржуазной» экономіи, но не ея критику. Если подобная критика выступаетъ отъ какого-нибудь класса, она можетъ выступать только отъ такого, историческое назначеніе котораго произвести полный переворотъ въ капиталистическомъ способѣ производства, то-есть отъ пролетаріата.

Ученые и неученые представители нѣмецкой буржуазіи стремились замолчать «Капиталъ», какъ это имъ удалось съ другими моими сочиненіями, но нашли достаточно противниковъ въ рабочей прессѣ и до сихъ поръ замедлили возраженіемъ.

Чудесный переводъ «Капитала» на русскомъ языкѣ появился весною 1872 года въ Петербургѣ. Около того-же времени профессоръ Зиберъ въ своемъ трудѣ «Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо» указываетъ на мою теорію стоимости, какъ необходимое преобразованіе Смито-Рикардовскаго ученія.

Методъ, примѣненный къ капиталу, былъ мало понятъ, какъ это доказываютъ различныя, противоположныя разъясненія его.

Одни говорятъ, что я обращаюсь съ политическою экономіей чисто метафизически; другіе увѣряютъ, что я ограничиваюсь чисто критическимъ размельченіемъ даннаго предмета. Профессоръ Зиберъ возражаетъ, что мой методъ есть дедуктивный, а М. Блокъ заявляетъ, что это чисто аналитическій методъ. Нѣмецкіе рецензенты непремѣнно заговорили о Гегелевской софистикѣ. Вѣстникъ Европы въ майскомъ номерѣ 1872 г. тоже высказалъ свое мнѣніе. Онъ находитъ мои мнѣнія строго реалистическими, методъ изложенія-же, къ несчастью крайне нѣмецко-діалектическій. Въ перемѣнахъ періодическаго цикла, черезъ которыя проходитъ новѣйшая промышленность, практичному буржуа особенно чувствительны противорѣчащія движенія капиталистическаго общества, и это кончается всеобщимъ кризисомъ.

Лондонъ 24 Января 1873 года.

Карлъ Марксъ.

Къ третьему нѣмецкому изданію.

Марксу не пришлось самому подготовить къ печати настоящее третье изданіе. Мыслитель, передъ величіемъ котораго теперь преклоняются даже его противники, скончался 14 марта 1883 года.

Въ продолженіе сорока лѣтъ онъ былъ моимъ неизмѣннымъ другомъ, а потому на меня легла обязанность озаботиться какъ настоящимъ третьимъ изданіемъ, такъ и разобрать рукописи второго тома, которыя онъ оставилъ. Пусть судитъ читатель, насколько удачно я выполнилъ первую часть этой обязанности.

Марксъ сначала собирался переработать большую часть текста перваго тома, выразить рѣзче нѣкоторые теоретическіе вопросы, дополнить историческій и статистическій матеріалъ новѣйшими данными. Болѣзнь и неотложная необходимость закончить просмотръ второго тома принудили его отказаться отъ этого намѣренія, и онъ ограничился только измѣненіемъ самаго необходимаго, и внесеніемъ дополненій, которыя уже находились въ появившемся между тѣмъ французскомъ изданіи (Le Capital. Par Karl Marx. Paris, Lachâtre, 1873).

У него нашелся еще нѣмецкій экземпляръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленный имъ самимъ и съ ссылками его на французское изданіе; точно также нашелся и французскій экземпляръ, гдѣ были точно обозначены соотвѣтственныя мѣста.

Многіе подъотдѣлы новаго изданія Марксъ просмотрѣлъ самъ, и этимъ далъ мнѣ указанія.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ третьемъ изданіи, если и измѣнено хотя единое слово, то измѣнено только въ томъ случаѣ, когда мнѣ было положительно извѣстно, что самъ авторъ измѣнилъ бы его. Мнѣ не могла даже придти и мысль ввести въ «Капиталъ» тотъ жаргонъ, на которомъ говорятъ теперь наши экономисты, ту тарабарщину, по которой, напримѣръ, того, кто заставляетъ другихъ работать на себя за наличныя деньги, они называютъ работодателемъ, а того, чей трудъ получается за рабочую плату—работополучателемъ. И на французскомъ языкѣ въ обыкновенной жизни слово travail употребляется въ смыслѣ «занятія». Но французы будутъ вполнѣ правы, если сочтутъ за безумнаго такого экономиста, который вздумалъ-бы капиталиста называть donneur de travail, а рабочаго—receveur de travail.

Наконецъ нѣсколько словъ о мало понятномъ способѣ Маркса приводить цитаты. При чисто фактическихъ данныхъ и описаніяхъ выписки, напримѣръ изъ англійскихъ Синихъ книгъ, служатъ, само собою разумѣется, лишь документальнымъ подтвержденіемъ того, о чемъ говорится въ текстѣ. Когда-же приводятся теоретическія мнѣнія другихъ экономистовъ,—въ этихъ случаяхъ выписка приводится для удостовѣренія того, когда, гдѣ и кѣмъ было впервые ясно формулировано данное экономическое положеніе, о которомъ идетъ рѣчь. Это дѣлается авторомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда данное экономиче-

ское положеніе имѣетъ значеніе для исторіи науки, какъ болѣе или менѣе соотвѣтственное теоретическое выраженіе хозяйственныхъ условій своего времени. Имѣетъ-ли такое положеніе, съ точки зрѣнія автора, какое либо значеніе въ настоящее время, или оно стало уже вполнѣ достояніемъ исторіи, это совершенно безразлично. Слѣдовательно, такія выписки служатъ нѣкоторымъ текущимъ комментаріемъ текста, заимствованнымъ изъ исторіи экономической науки, и точно устанавливаютъ когда и кѣмъ были сдѣланы отдѣльные важнѣйшіе шаги по пути развитія экономической теоріи. Сдѣлать это было особенно необходимо въ наукѣ, историки которой отличались до сихъ поръ лишь тенденціознымъ, почти старательнымъ невѣжествомъ.

Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ, 7-го ноября 1883 г.

Къ четвертому нѣмецкому изданію.

Для четвертаго изданія я окончательно провѣрилъ какъ текстъ, такъ и примѣчанія.

Затѣмъ я далъ нѣкоторыя дополнительныя объясненія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовали измѣнившіяся историческія обстоятельства. Всѣ подобныя замѣчанія заключены въ угловатыя скобки или подъ ними поставлены мои инициалы.

Полный пересмотръ многочисленныхъ цитатъ сталъ необходимъ вслѣдствіе появленія англійскаго изданія. Для послѣдняго, младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя трудъ сличенія всѣхъ приводимыхъ мѣстъ съ оригиналомъ, такъ что въ немъ выписки изъ англійскихъ книгъ приводились не въ переводѣ вновь съ нѣмецкаго, но въ англійскомъ оригиналѣ. Поэтому, мнѣ пришлось въ четвертомъ изданіи сличить подлинный текстъ съ переводомъ. Оказались кое-какія незначительныя неточности. Невѣрныя указанія на страницы, частью происшедшія при перепискѣ, частію вслѣдствіе накопившихся опечатокъ при печатаніи трехъ изданій. Неправильно поставленныя ковычки или многоточія, обозначающія пропуски, что неизбѣжно при множествѣ цитатъ, переписанныхъ изъ тетради для выписокъ. Иногда неудачный выборъ выраженій при переводѣ. Нѣкоторыя мѣста цитировались изъ старой парижской тетради, относящейся къ 1843—1845 гг., когда Марксъ еще не понималъ по англійски и читалъ англійскихъ экономистовъ во французскомъ переводѣ, когда двойной переводъ нѣсколько измѣнялъ оттѣнокъ переводимаго, напримѣръ, при выпискахъ изъ Steuart'a, Ure' а и др.— гдѣ теперь я пользовался англійскимъ текстомъ. Если-же сличить четвертое изданіе съ прежними, то можно убѣдиться, что весь этотъ хлопотливый трудъ свѣрки рѣшительно ничего не измѣнилъ въ книгѣ, о чемъ бы стоило говорить.

Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ, 25 іюня 1890 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. *)

Товаръ и деньги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Товаръ.

1) Два фактора товара: потребительная стоимость и мѣновая стоимость. (Сущность стоимости; величина стоимости).

Общество съ капиталистическимъ способомъ производства, обладаетъ «несмѣтнымъ накопленіемъ товаровъ» [1]), что и составляетъ богатство общества. Мы начнемъ наше изслѣдованіе поэтому съ элементарной формы этого богатства, съ анализа товара.

Что такое товаръ? прежде всего онъ есть вещь, которая служитъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Природа этихъ потребностей, духовная или физическая, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла [2]). Безразлично также какимъ образомъ вещь удовлетворяетъ человѣческую потребность, непосредственно-ли какъ средство существованія, иными словами, какъ предметъ потребленія, или косвенно, какъ средство производства.

Всякій полезный предметъ, какъ напримѣръ, желѣзо, бумагу и т. д., можно разсматривать качественно и количественно. Каждый такой предметъ обладаетъ многими качествами, а потому полезность его обнаруживается различно. Открытіе этой разнообразной пользы и способа употребленія разныхъ предметовъ есть дѣло времени [3]). То же самое по отношенію къ открытію общественной мѣры, которой бы измѣрялось количество полезныхъ вещей. Различія въ мѣрахъ количества товаровъ происходитъ отчасти отъ различій и въ существѣ измѣряемыхъ предметовъ, отчасти отъ условленнаго соглашенія.

Полезность какой нибудь вещи создаетъ ея потребительную стоимость [4]). Такая полезность очень опредѣленна и ясна. Она опредѣляется вещественными свойствами товара, безъ нихъ ея нѣтъ. Самое вещество товара, какъ напримѣръ желѣзо, пшеница, алмазъ и т. п., является поэтому потребительной стоимостью и безъ относительно къ тому, какимъ трудомъ человѣкъ добился такихъ его потребительныхъ свойствъ. Количественное опредѣленіе потребительныхъ стоимостей уже всегда подразумѣвается, какъ напримѣръ дюжина часовъ, аршинъ холста, тон-

---

*) При переводѣ съ 4-го нѣмецкаго изданія я пользовался послѣднимъ французскимъ и 2-мъ изд. русскаго перев. *Перевод.*

[1]) Karl Marx: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin, 1859, p. 4.

[2]) «Желаніе подразумѣваетъ потребность; это аппетитъ ума, и онъ настолько же естественъ, какъ тѣлесный голодъ... Наибольшее число (вещей) обладаютъ цѣнностью только по тому, что удовлетворяютъ потребности ума». Nikolas Barbon: «A. Discourse on coining the new money lighter, in answer to M-r Locke's Considerations etc.» London, 1696, p. 2, 3.

[3]) «Вещи имѣютъ внутреннее свойство (терминъ vertue служитъ у Barbon'а специфическимъ обозначеніемъ понятія потребительная стоимость), которое одинаково повсюду; такъ желѣзо притягивается магнитомъ вездѣ» (l. c. p. 16). Свойство магнита притягивать желѣзо только тогда стало полезнымъ, когда посредствомъ его открыли магнитную полярность.

[4]) «Естественная стоимость какой нибудь, вещи состоитъ въ пригодности ея удовлетворить какой нибудь потребности, или для того чтобы послужить удобствамъ человѣческой жизни». (John Locke: «Some considerations on the consquences of the lowering of Interest. 1691» въ «Works edit. London 1777». Vol. II, p. 28). Въ XVII столѣтіи у англійскихъ писателей мы еще часто встрѣчаемъ терминъ «worth» для обозначенія потребительной стоимости, а «value»—мѣновой, совершенно въ духѣ англійскаго языка, который предпочитаетъ выражать рефлектированныя—романскими, а непосредственныя вещи германскими словами.

на желѣза и т. д. Потребительныя стоимости товаровъ составляютъ особую отрасль знаній, товаровѣдѣнія [5]). Потребительная стоимость сказывается лишь въ пользованіи ею или въ потребленіи. Потребительныя стоимости составляютъ вещественную сущность богатства, какой угодно общественной формы. Въ общественной формѣ, разсматриваемой нами, онѣ въ то же время составляютъ естественное основаніе мѣновой стоимости.

Мѣновая стоимость прежде всего есть отношеніе количественное, такое, въ которомъ одна потребительная стоимость обмѣнивается на другую [6]), отношеніе это постоянно измѣняется по времени и мѣсту. Такимъ образомъ мѣновая стоимость является чѣмъ-то случайнымъ и вполнѣ относительнымъ; имманентная мѣновая стоимость товара (valeur intrinséque), представляетъ противорѣчіе. contradictio in adjecto [7]). Посмотримъ на дѣло поближе.

Какой нибудь извѣстный товаръ, четверть пшеницы напримѣръ, обмѣнивается на x ваксы, или на y шелка, или на z золота и т. д., словомъ, обмѣнивается самымъ разнообразнымъ образомъ на другіе товары. Такимъ образомъ пшеница обладаетъ не одной мѣновой стоимостью, а множествомъ ихъ. Но такъ какъ x ваксы, точно также какъ y шелка, z золота и т. д., составляетъ мѣновую стоимость четверти пшеницы, то x ваксы, y шелка, z золота должны обмѣниваться другъ на друга, или имѣть равную стоимость. Отсюда, во-первыхъ, слѣдуетъ, что мѣновыя стоимости нашего товара имѣютъ что-то равное, во-вторыхъ, что мѣновая стоимость вообще можетъ являться лишь способомъ выраженія, «формою проявленія», отличающагося отъ нея содержанія.

Мы беремъ два товара, напримѣръ пшеницу и желѣзо. Въ какомъ бы отношеніи они не обмѣнивались одинъ на другой, это отношеніе можетъ быть всегда выражено уравненіемъ, въ которомъ какое нибудь опредѣленное количество пшеницы приравнивается какому нибудь другому количеству желѣза, напримѣръ 1 четверть пшеницы $=$ a пудамъ желѣза. Что показываетъ это уравненіе? Что въ двухъ различныхъ предметахъ, въ одной четверти пшеницы, а также въ a пудахъ желѣза заключается одинаковое количество чего-то общаго имъ обоимъ. Значитъ, оба предмета равняются третьему, уже особому. Стало быть каждый изъ двухъ, какъ мѣновая стоимость, приводится къ третьему, который не есть ни тотъ, ни другой.

Пояснить это можно геометрическимъ примѣромъ. Чтобы опредѣлить площади прямолинейныхъ фигуръ и сравнить ихъ между собою мы ихъ разбиваемъ на треугольники. Самый треугольникъ обращаемъ въ выраженіе, совершенно отличное отъ его видимой фигуры,—обращаемъ въ половину произведенія изъ основанія на высоту. Точно также и мѣновыя стоимости товаровъ приводятся къ чему нибудь для нихъ общему, и представляютъ извѣстное количество этого общаго.

Это общее не есть какое нибудь естественное свойство товаровъ ни геометрическое ни физическое, ни химическое, ни какое-либо другое. Ихъ вещественныя свойства принимаются въ соображеніе вообще лишь по степени ихъ полезности. благодаря которой товары обращаются въ потребительныя стоимости. Но съ другой стороны очевидно, что отношенія, въ которыхъ обмѣниваются товары, характеризуются именно отвлеченіемъ отъ ихъ потребительныхъ стоимостей. При обмѣнѣ каждая потребительная стоимость обладаетъ совершенно такимъ же значеніемъ, какъ и всякая другая, если только сохраняется надлежащее соотношеніе. Или, какъ говоритъ старикъ Barbon: «Одинъ родъ товаровъ также хорошъ, какъ и другой, если только стоимости ихъ равны. Нѣтъ никакой разницы или преимущества одной надъ другой между вещами, стоимость которыхъ одинакова» [8]). Товары, въ смыслѣ ихъ потребительныхъ стоимостей, различаются качественно, а въ смыслѣ мѣновыхъ стоимостей они только различаются количественно, не имѣя атома потребительной стоимости.

Помимо потребительной стоимости товара, у него остается только одно свойство, именно свойство его какъ продукта труда. Но даже самый продуктъ труда безъ нашего вѣдома подвергся измѣненію. Если мы умственно отвлечемся отъ его потребительной стоимости, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы отвлечемся отъ вещественныхъ составныхъ частей и формъ, обращающихъ его въ потребительную стоимость. Это уже болѣе не столъ, не домъ, не пряжа и не какой бы то ни было полезный предметъ. Онъ потерялъ всѣ свойства, воспринимаемыя нашими чувствами. Онъ уже не является также продуктомъ труда столяра, ка-

---

[5]) Въ буржуазномъ обществѣ господствуетъ юридическая фикція, что каждый человѣкъ какъ покупатель товаровъ, обладаетъ энциклопедическимъ знаніемъ ихъ.

[6]) «Стоимость есть мѣновое отношеніе между тою и другою вещью, между такою-то мѣрою даннаго продукта и такою-то мѣрою другаго». (Le Trosne: «De l'Intérêt Social». Physiocrates, ed. Daire». Paris, 1846, p. 889).

[7]) «Ничто не можетъ имѣть внутренней стоимости») N. Barbon, l. c. p. 16), или, какъ говоритъ Butler:

The value of a thing,
Is just as much as it will bring.

(Цѣнность вещи—это именно столько, сколько за нее дадутъ).

[8]) Къ этому Barbon добавляетъ: «Количества свинца или желѣза на 100 фунтовъ стерлинговъ обладаютъ такою же стоимостью, какъ и количества серебра или золота на сумму въ 100 фунт. стерл.» (N. Barbon, l. c. p. 53 и 7).

меньщика, прядильщика, или какого нибудь другаго опредѣленнаго полезнаго труда. Вмѣстѣ съ полезнымъ характеромъ продукта труда теряется также полезный характеръ заключающагося въ немъ труда и различныя вещественныя формы, которыми различаются между собой виды разботы. И такъ, остается что-то общее между всѣми этими работами; всѣ онѣ требуютъ одинакового человѣческаго труда, абстрактнаго человѣческаго труда, требуютъ траты человѣческой рабочей силы, помимо той особой формы въ какой потратилась эта сила.

Разсмотримъ теперь residuum, этотъ остатокъ продуктовъ труда. Каждый изъ нихъ вполнѣ сходенъ съ другимъ. Всѣ они сохранили ту же самую призрачную реальность простаго сгустка (Gallerte) безразличнаго человѣческаго труда. Всѣ эти предметы ничего не выражаютъ кромѣ траты на ихъ производство человѣческой рабочей силы и накопленія человѣческаго труда. Какъ кристаллы такой общей имъ всѣмъ общественной субстанціи, они представляютъ собой — стоимости.

И такъ стоимость есть нѣчто общее, обнаруживающееся въ отношеніяхъ, въ которыхъ обмѣниваются товары или въ ихъ мѣновой стоимости, а потребительная стоимость или какой нибудь предметъ обладаетъ стоимостью настолько, насколько онъ есть выраженіе человѣческаго труда. Если мысленно отвлечься отъ потребительной стоимости продуктовъ труда, то получится ихъ стоимость, какъ мы ее только что опредѣлили. Значитъ то общее, что проявляется въ мѣновыхъ отношеніяхъ или въ мѣновой стоимости товара, есть ихъ стоимость. Дальнѣйшее изслѣдованіе приведетъ насъ вновь къ мѣновой стоимости, какъ необходимому способу выраженія или формѣ проявленія стоимости, которую мы должны сначала изслѣдовать независимо отъ этой формы.

Потребительная стоимость или вещь обладаетъ стало быть стоимостью лишь по тому, что въ ней овеществленъ или матеріализованъ отвлеченный человѣческій трудъ. Невольно является вопросъ, какъ измѣрить ея величину? На это отвѣчаемъ: количествомъ содержащейся въ ней «стоимости созидательной субстанціи», то-есть труда. Количество же самаго труда измѣряется его продолжительностью, а рабочее время въ свою очередь измѣряется опредѣленнымъ временемъ, часами, днями и т. д.

Если стоимость товара опредѣляется количествомъ труда, потраченнымъ на его производство то, чѣмъ человѣкъ лѣнивѣе или чѣмъ онъ менѣе искусенъ, тѣмъ большею стоимостью обладаетъ его товаръ, потому что тѣмъ больше рабочаго времени нужно ему на его изготовленіе. Но трудъ, образующій сущность стоимости товара, есть одинаковый человѣческій трудъ, трата одинаковой человѣческой рабочей силы. Вся сумма рабочей силы людей, выражающаяся въ стоимостяхъ всѣхъ товаровъ, принимается при этомъ въ расчетъ какъ одна и таже человѣческая рабочая сила, хотя она и состоитъ изъ безчисленныхъ единичныхъ рабочихъ силъ. Каждая, изъ такихъ единичныхъ рабочихъ силъ является такой же человѣческой рабочей силой какъ и другая, насколько она обладаетъ характеромъ средней общественной рабочей силы и дѣйствуетъ какъ таковая, если при производствѣ товара требуетъ только средняго или общественно-необходимаго рабочаго времени. Общественно-необходимое рабочее время требуется для производства какой нибудь потребительной стоимости, какого нибудь товара, при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства и при общественно средней степени искусства и напряженности труда. Возможно, что послѣ введенія въ Англіи пароваго ткацкаго станка, напримѣръ, оказалось, достаточно только половины того труда, который расходовался прежде, на превращеніе даннаго количества пряжи въ ткань; хотя для англійскаго ручнаго ткача и требовалось прежнее количество рабочаго времени для такого превращенія, но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа сталъ представлять теперь только половину общественнаго рабочаго часа, а потому понизился на половину своей прежней стоимости.

Слѣдовательно, величина стоимости товара, потребительной стоимости, опредѣляется лишь количествомъ потраченнаго на его изготовленіе общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго рабочаго времени [9]). Единичный товаръ берется при этомъ за средній экземпляръ своего рода [10]). И такъ товары, съ равнымъ количествомъ труда, или изготовленные въ одинаковое рабочее время, имѣютъ равную величину стоимости. Стоимость одного какого нибудь товара относится къ стоимости каждаго другаго товара, какъ рабочее время, требуемое на производство перваго товара, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другаго товара. «Какъ стоимости, всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени [11])».

---

9) Выноска ко второму изданію. — «Стоимость ихъ (необходимыхъ жизненныхъ потребностей), при обмѣнѣ ихъ однѣ на другія, опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства и обыкновенно употребляющагося для этого». («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particulary in the Public Funds etc.» London, p. 36). На этомъ замѣчательномъ сочиненіи неизвѣстнаго автора прошлаго столѣтія не обозначено года изданія. Но по его содержанію видно, что оно относится ко времени Георга II и появилось въ 1739 или 1740 году.

10) «Всѣ продукты, одинаковые по роду, составляютъ, собственно говоря, одну массу, цѣна которой опредѣляется вообще и безъ всякаго соотношенія къ особеннымъ обстоятельствамъ». (Le Trosne, l. c. p. 893).

11) K. Marx l. c., p. 6.

Величина стоимости товара очевидно не измѣнится, при прежнемъ рабочемъ времени, необходимомъ для его производства. Послѣднее же измѣняется при каждомъ измѣненіи производительной силы труда. Производительная сила труда зависитъ отъ множества условій, между прочимъ отъ средней степени искусства рабочаго; отъ развитія науки и ея техническаго примѣненія, отъ общественнаго сочетанія процесса производства; отъ объема и успѣшности средствъ производства, и отъ природныхъ условій. Тоже самое количество труда выражается въ благопріятные, годы, напримѣръ, въ 8 четвертяхъ пшеницы, а въ неблагопріятные только въ четырехъ. Тоже самое количество въ богатыхъ мѣсторожденіяхъ производитъ больше металловъ, чѣмъ въ бѣдныхъ и т. п. Такъ какъ алмазы встрѣчаются въ землѣ рѣдко, то на нахожденіе ихъ въ среднемъ затрачивается много рабочаго времени; такъ что въ маломъ количествѣ они стоятъ много труда. Стоимость золота врядъ ли когда была оплачена. Тоже самое можно сказать и объ алмазахъ. Восьмидесятилѣтняя добыча бразильскихъ алмазныхъ розсыпей до 1823 года по Eschwege еще не достигла цѣны средняго полуторагодоваго производства сахарныхъ и кофейныхъ плантацій той же самой страны, не смотря на то, что она стоила гораздо больше труда, а слѣдовательно и представляла больше стоимости. При болѣе богатыхъ розсыпяхъ тоже самое количество труда дастъ большее количество алмазовъ и стоимость ихъ станетъ ниже. Если удастся, при небольшой затратѣ труда, уголь превратить въ алмазъ, то стоимость его можетъ упасть ниже стоимости кирпичей. Вообще: чѣмъ производительнѣе трудъ, тѣмъ меньше затрачивается рабочаго времени на изготовленіе даннаго предмета; чѣмъ меньше количество кристаллизованнаго въ немъ труда, тѣмъ меньше его стоимость. Наоборотъ, чѣмъ меньше производительность труда, тѣмъ больше потребуется рабочаго времени, для производства даннаго предмета и тѣмъ больше его стоимость. Стало быть величина стоимости товара прямо пропорціональна его количеству и обратно пропорціональна производительной силѣ заключающагося въ немъ труда.

Мы знаемъ теперь сущность стоимости: это—трудъ. Мы знаемъ мѣру ея величины: это—рабочее время.

Какая нибудь вещь можетъ быть потребительною стоимостью, хотя она и не представляетъ въ тоже время стоимости. Это бываетъ тогда, когда она, будучи полезною для человѣка, не является продуктомъ его труда, напримѣръ, воздухъ, естественный лугъ, цѣлина, дико растущій лѣсъ и т. д. Вещь можетъ быть полезнымъ продуктомъ человѣческаго труда, не будучи товаромъ. Кто продуктомъ своего труда удовлетворяетъ собственныя потребности, тотъ, хотя и производитъ потребительныя стоимости, но не производитъ товаровъ. Для производства товара, надо производить не только потребительныя стоимости для себя, но и для другихъ, иначе говоря производить общественныя потребительныя стоимости. [И не только для другихъ вообще. Крестьянинъ въ средніе вѣка производилъ хлѣбъ и отдавалъ его, какъ дань, феодальному господину, какъ десятину духовенству. Этотъ хлѣбъ являлся данью или десятиною, но не товаромъ. Чтобы продуктъ сдѣлался товаромъ, онъ, долженъ быть переданъ другимъ, для которыхъ онъ служитъ потребительной стоимостью, при посредствѣ обмѣна, въ видѣ товаровъ] [11a]). Никакая вещь не можетъ наконецъ быть стоимостью, если она не является предметомъ потребленія, полезною вещью. Если она безполезна, то и трудъ заключающійся въ ней безполезенъ, не считается трудомъ и, слѣдовательно, не создаетъ никакой стоимости.

2) Двойственный характеръ труда въ товарѣ.

Мы уже видѣли, что товаръ является чѣмъ-то двойственнымъ: потребительной стоимостью и мѣновой стоимостью. Затѣмъ оказалось, что какъ только трудъ, создающій потребительныя стоимости, выразится въ стоимости, онъ теряетъ всѣ свои характерныя качественныя отличія. Этотъ двойственный характеръ труда въ товарѣ впервые критически изслѣдовалъ я [12]). А такъ какъ это является основнымъ пунктомъ политической экономіи, то я нѣсколько остановлюсь на немъ.

Возмемъ два товара, скажемъ сюртукъ и 10 аршинъ холста. Стоимость перваго, допустимъ будетъ вдвое болѣе стоимости втораго, такъ что если 10 аршинъ холста=Т, то сюртукъ=2 Т.

Сюртукъ представляетъ потребительную стоимость, удовлетворяющую опредѣленной потребности. Для его изготовленія требуется извѣстнаго рода производительная дѣятельность, она опредѣляется ея цѣлью, пріемами, предметомъ, средствами и результатомъ. Трудъ, выражающійся такимъ образомъ въ полезности или потребительной стоимости его продукта, называется просто полезнымъ трудомъ. Съ этой стороны трудъ всегда разсматривается по отношенію къ производимому имъ полезному дѣйствію.

Какъ сюртукъ и холстъ представляютъ качественно различныя потребительныя стоимости, точно также и трудъ портного, который шьетъ

11a) Къ 4-му изд. — То, что заключено въ скобки, я ввожу во избѣжаніе очень часто возникающихъ недоразумѣній, будто всякій продуктъ, потребляемый кѣмъ нибудь другимъ, а не производителемъ, Марксъ считаетъ товаромъ.—Фр. Э.

12) l. c. p. 12 и въ другихъ мѣстахъ.

сюртукъ, качественно отличается отъ труда ткача, который ткетъ холстъ. Если бы сюртукъ и холстъ не были потребительными стоимостями, качественно различными, слѣдовательно продуктами качественно различныхъ полезныхъ работъ, то они-бы не противопоставлялись другъ другу какъ товары. Сюртукъ не обмѣниваютъ на сюртукъ,—какую нибудь потребительную стоимость на точно такую же потребительную стоимость.

Совокупность всякаго рода потребительныхъ стоимостей или товаровъ проявляетъ настолько-же разнообразную совокупность полезныхъ работъ, разнообразныхъ по роду, виду, семейству, повиду разновидности, другими словами обнаруживается общественное раздѣленіе труда. Безъ него не можетъ быть производства товаровъ, хотя нельзя сказать наоборотъ, что безъ производства товаровъ не можетъ быть общественнаго раздѣленія труда. Въ старинной индійской общинѣ хотя и существуетъ общественное раздѣленіе труда, но продукты не дѣлаются товарами. Или, возмемъ болѣе близкій примѣръ, на каждой фабрикѣ работы систематически раздѣлены; но такое раздѣленіе произошло не вслѣдствіе взаимнаго обмѣна рабочихъ продуктами своихъ отдѣльныхъ работъ. Только продукты самостоятельныхъ и другъ отъ друга независимыхъ частныхъ работъ являются товарами, они то и могутъ обмѣниваться одни на другіе.

И такъ, мы, слѣдовательно видѣли, что потребительная стоимость каждаго товара заключаетъ въ себѣ опредѣленную цѣлесообразную производительную дѣятельность или полезный трудъ. Потребительныя стоимости не могутъ противопоставляться одна другой какъ товары, если въ нихъ не скрывается качественно различная полезная работа. Въ томъ обществѣ, гдѣ продукты обыкновенно имѣютъ форму товаровъ, въ обществѣ товаропроизводителей, такое качественное различіе полезныхъ работъ, которыя производятся самостоятельными производителями, независимо одинъ отъ другого какъ частныя предпріятія, обращается постепенно въ крайне сложную систему, въ общественное раздѣленіе работъ.

Для сюртука, впрочемъ, рѣшительно все равно, будетъ-ли его носить портной или кто другой. Въ обоихъ случаяхъ сюртукъ является потребительною стоимостью. Точно также отношеніе между сюртукомъ и создавшимъ его трудомъ нисколько не измѣнится отъ того, что портняжество обратится въ особую профессію, что оно явится самостоятельнымъ въ общественномъ раздѣленіи работъ. Повсюду, гдѣ была потребность въ одеждѣ, человѣкъ портняжничалъ цѣлыя тысячелѣтія, прежде чѣмъ завелись особые портные. Но сюртукъ, холстъ, или вообще какой бы то ни было предметъ вещественнаго богатства, ненаходимаго въ природѣ, обязанъ всегда своимъ существованіемъ особенной цѣлесообразной работѣ, цѣль которой приспособить опредѣленныя, находимые въ природѣ вещества опредѣленнымъ человѣческимъ потребностямъ. Поэтому трудъ, какъ творецъ потребительныхъ стоимостей, какъ полезная работа, является условіемъ существованія человѣка, независимымъ отъ какихъ бы то ни было общественныхъ формъ, вѣчною естественною необходимостью, благодаря которой происходитъ обмѣнъ веществъ между человѣкомъ и природою; другими словами, трудъ обусловливаетъ человѣческую жизнь.

Потребительныя стоимости, сюртукъ, холстъ и т. д., словомъ вещество товаровъ, обладаютъ двумя элементами: веществомъ природы и трудомъ. Если вычесть всю сумму разнообразныхъ полезныхъ работъ, заключающихся въ сюртукѣ, холстѣ и т. д., то всегда получается какой-нибудь матеріальный остатокъ, нѣчто даваемое природою, независимое отъ человѣческаго труда. При производствѣ человѣкъ можетъ только измѣнять форму веществъ [13]), но не творить новыя.

Мало того, эту работу простаго превращенія формъ человѣку постоянно помогаютъ силы природы. Стало быть трудъ не есть единственный источникъ производимыхъ имъ потребительныхъ стоимостей, вещественнаго богатства. Трудъ является его отцемъ, а земля его матерью, какъ говоритъ William Petry.

Мы разсмотрѣли товаръ какъ предметъ потребленія, теперь перейдемъ къ стоимости товара.

Мы предположили, что сюртукъ стоитъ вдвое дороже холста. Но это только количественное различіе, пока насъ не интересующее. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны замѣтить, что, если стоимость сюртука вдвое больше стоимости 10 аршинъ холста, то 20 аршинъ холста имѣютъ такую же, стоимость какъ и сюртукъ. Какъ стоимости, сюртукъ и холстъ имѣютъ одинаковую субстанцію, являются объективными выраженіями того же самаго труда. Но портняжество и ткачество

---

13) «Всѣ явленія вселенной, будутъ-ли они произведеніемъ рукъ человѣческихъ или обусловлены общими законами природы, не представляютъ дѣйствительно новаго созданія, но являются лишь видоизмѣненіями матеріи. Приспособленіе и раздѣленіе — единственные элементы, постигаемые человѣческимъ умомъ, анализируя представленіе о воспроизводствѣ. Воспроизводствомъ стоимости (потребительной стоимости, хотя въ этомъ мѣстѣ Verri, полемизируя съ физіократами, самъ не знаетъ о какого рода стоимости говоритъ) и богатства, будетъ и то когда земля, воздухъ и вода превращаются на поляхъ въ зерно, или же то, когда изъ вязкаго вещества шелковичнаго червя, переработаннаго рукою человѣка, получается бархатъ; и то, когда куски металла формируются въ какой-нибудь механизмъ». (Pietro Verri, «Meditazioni sulla economia politica»; (было впервые напечатано въ 1773 году, въ изданіи итальянскихъ экономистовъ Custodi, parte moderna, Vol. XV. 22 p.).

являются трудами различными по качеству. Существуютъ однако такія общества, гдѣ тоже самое лицо попеременно является то портнымъ, то ткачемъ, а потому эти оба вида труда составляютъ лишь видоизмѣненія труда одного и того же лица, а не постоянныя особенныя занятія отдѣльныхъ лицъ, — совершенно подобно тому какъ сюртукъ, который нашъ портной шьетъ сегодня, и брюки, которые онъ будетъ шить завтра, являются лишь видоизмѣненіями того же самаго индивидуальнаго труда. Ясно видно, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ, въ зависимости отъ измѣненія направленія запроса на трудъ, извѣстное количество человѣческаго труда попеременно предлагается то въ видѣ портняжной работы, то въ видѣ ткачества. Какія бы затрудненія не встрѣтились при такой перемѣнѣ формы труда, онъ тѣмъ не менѣе существуетъ. Если упустить изъ виду опредѣленность производительной дѣятельности, значитъ и полезный характеръ труда, то въ концѣ концовъ окажется лишь трата человѣческой рабочей силы. Хотя портняжество и ткачество и представляютъ качественно различныя производительныя дѣятельности, но и тотъ и другой трудъ представляютъ производительную трату человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, костей и т. д. и въ этомъ смыслѣ оба представляютъ человѣческій трудъ. Это только двѣ различныя формы траты человѣческой рабочей силы. Конечно, для того, чтобы расходоваться въ той или другой формѣ, сама рабочая сила должна быть болѣе или менѣе развита. Но стоимость товара представляетъ просто человѣческій трудъ, расходованіе человѣческаго труда вообще. Какъ въ буржуазномъ обществѣ банкиръ или генералъ играетъ большую роль [14]), а просто человѣкъ очень жалкую, такъ въ этомъ случаѣ и относительно человѣческаго труда. Это есть расходованіе простой рабочей силы, неимѣющей спеціальнаго развитія, которою въ среднемъ обладаетъ каждый обыкновенный человѣкъ. Правда, по характеру средній простой трудъ не одинаковъ въ различныхъ странахъ и въ различныя времена; но въ извѣстномъ обществѣ на него надо смотрѣть какъ на нѣчто существующее. Сложный, искусный трудъ (skilled labour, travail qualifié) является только болѣе высокой степенью простого труда, труда чернорабочаго; такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большему количеству простого. Опытъ показываетъ, что такое приведеніе сложнаго труда къ простому происходитъ постоянно. Даже и тогда, когда товаръ есть продуктъ труда самаго сложнаго, по своей стоимости онъ сводится въ какомъ нибудь отношеніи къ продукту простого труда; вслѣдствіе чего самъ онъ является лишь опредѣленнымъ количествомъ простого труда [15]). Различныя соотношенія, въ которыхъ разнообразные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ своей единицѣ измѣренія, устанавливаются какимъ то общественнымъ процессомъ безъ вѣдома, за глазами производителей и представляются имъ какъ-бы существующими въ силу обычая. Отсюда слѣдуетъ, что при анализѣ стоимости, каждый родъ труда слѣдуетъ разсматривать какъ простой трудъ; этимъ избавимся мы отъ лишней работы приводить сложный трудъ къ простому.

Такимъ образомъ, какъ въ понятіи стоимости сюртука и холста не принимаются въ соображеніе понятія о различіи ихъ потребительныхъ стоимостей, такъ и въ томъ трудѣ, который выражается въ этихъ стоимостяхъ, не принимаются во вниманіе понятія о различіи его полезныхъ формъ о портняжествѣ и о ткачествѣ. Также какъ потребительныя стоимости сукна и пряжи являются соединеніемъ цѣлесообразной производительной дѣятельности съ сюртукомъ и пряжей, тогда какъ стоимости сюртука и холста выражаютъ только простой кристаллизованный однородный трудъ; точно также и трудъ, проявляющійся въ этихъ стоимостяхъ, имѣетъ значеніе уже не по производительному отношенію его къ сукну и пряжѣ, а лишь какъ расходованіе простой рабочей силы. Благодаря портняжеству и ткачеству получаются сюртукъ и холстъ, именно, въ силу различія ихъ качества; стоимости же создаютъ они оба, только благодаря свойству общему и тому и другому, благодаря осуществленію ими простого человѣческаго труда.

Сюртукъ и холстъ представляютъ не только стоимости вообще, а стоимости опредѣленной величины, такъ по нашему предположенію, сюртукъ стоитъ вдвое болѣе чѣмъ 10 аршинъ холста. Отчего происходитъ такое различіе? Вслѣдствіе того, что 10 аршинъ холста заключаютъ въ себѣ наполовину меньше труда, чѣмъ сюртукъ, такъ что для производства сюртука рабочая сила расходуется въ продолженіе вдвое большаго времени, чѣмъ для производства холста.

Слѣдовательно, если относительно потребительной стоимости, трудъ, находящійся въ товарѣ, имѣетъ значеніе только своимъ качествомъ, то, принимая во вниманіе величину стоимости, мы видъ, что онъ важенъ только своимъ количествомъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду какъ совершается трудъ и что онъ производитъ; а во второмъ — сколько времени онъ продолжается. Такъ какъ величина стоимости товара выражаетъ со-

---

[14]) Сравн. Hegel, «Philosophie des Rechts». Berlin, 1840, стр. 250, § 190.

[15]) Читателю слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что здѣсь говорится не о рабочей платѣ и не о стоимости, полученной рабочимъ за рабочій день, а о стоимости товара, въ которомъ его рабочій день воплощается. Мы пока еще не дошли до понятія о рабочей платѣ, о чемъ рѣчь будетъ впереди.

бою лишь количество содержащагося въ немъ труда, то отсюда явствуетъ что товары, взятые въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ, должны обладать и равною стоимостью.

Если производительная сила всѣхъ полезныхъ работъ, которая требуется для производства, положимъ, сюртуковъ не измѣняется, то величина стоимости сюртуковъ возрастаетъ съ ихъ собственнымъ числомъ. Если одинъ сюртукъ представляетъ x рабочихъ дней, то два сюртука представятъ 2 x, и т. д. Допустимъ, что продолжительность труда, необходимаго для производства сюртука, возрастетъ вдвое или уменьшится наполовину,—въ первомъ случаѣ, одинъ сюртукъ будетъ имѣть стоимость вдвое большую прежней, а во второмъ— два сюртука будутъ имѣть такую же стоимость, какую прежде имѣлъ одинъ, хотя въ обоихъ случаяхъ сюртукъ полезенъ по прежнему, и полезная работа, при помощи которой онъ произведенъ, такого же качества, какъ и прежде. Измѣнилось же только количество труда, потраченнаго на его производство.

Очевидно, что чѣмъ больше потребительныхъ стоимостей, тѣмъ больше вещественнаго богатства: двумя сюртуками можно одѣть двухъ людей, а однимъ одного и т. п. Но съ возростаніемъ количества вещественнаго богатства можетъ уменьшаться его стоимость. Такое противуположное движеніе является слѣдствіемъ двойственнаго характера труда. Успѣшность полезнаго труда въ теченіе даннаго времени зависитъ отъ его производительной силы. И такъ, полезный трудъ является источникомъ болѣе или менѣе обильнаго количества продуктовъ и находится въ прямой зависимости отъ повышенія или пониженія его производительной силы свои слова вставляете. Наоборотъ измѣненіе производительной силы труда никогда не находится въ прямомъ отношеніи къ самому труду, представляемому стоимостью. Такъ какъ производительная сила принадлежитъ конкретной полезной формѣ труда, то конечно она не можетъ вліять на трудъ, отвлеченный отъ его конкретной полезной формы. Трудъ, дѣйствующій въ продолженіе того же самаго времени, создаетъ всегда ту же стоимость, какъ-бы не измѣнялась его производительная сила. Но въ продолженіе даннаго времени, при возрастающей производительной силѣ онъ доставляетъ болѣе потребительныхъ стоимостей, при убывающей—менѣе.

Всякое измѣненіе производительной силы, отъ которой увеличивается плодотворность труда, стало быть и количество доставляемыхъ имъ потребительныхъ стоимостей, если имъ сокращается вся сумма труда, необходимаго для ихъ производства, уменьшается слѣдовательно стоимость увеличившагося количества продуктовъ; если наоборотъ, то стоимость продуктовъ возрастаетъ.

Каждый трудъ есть, съ одной стороны, физіологическая трата человѣческой рабочей силы и въ этомъ качествѣ одинаковаго человѣческаго труда или абстрактнаго человѣческаго труда, онъ создаетъ стоимость товара. Съ другой стороны всякій трудъ есть трата человѣческой рабочей силы въ опредѣленной полезной формѣ, и какъ конкретный полезный трудъ, онъ производитъ потребительныя стоимости [16]).

3) Форма стоимости или мѣновая стоимость.

Товары являются либо какъ потребительныя стоимости, либо какъ тѣла товаровъ въ видѣ желѣза, холста, пшеницы и т. д. Говоря иначе, такова ихъ естественная форма. Но они являются товарами именно въ силу того, что совмѣщаютъ въ себѣ одновременно двѣ вещи: предметъ потребленія и носителя стоимости. Поэтому товарами они становятся или имѣютъ форму товаровъ лишь тогда, когда обладаютъ двойною формой: натуральной формой и формой стоимости.

Реальность стоимости товара тѣмъ отличается отъ пріятельницы Фальстафа, вдовушки Куикли,

---

[16]) Ко 2-му изданію.—Чтобы доказать: «что только одинъ трудъ есть обыкновенная реальная мѣра, благодаря которой во всякое время можно оцѣнить и сравнить стоимость товаровъ», Ад. Смитъ говоритъ: «Одинаковыя количества труда во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ для самаго работника должны, по необходимости, имѣть одинаковую стоимость. При нормальномъ состояніи его здоровья, силы и дѣятельности, и при средней степени привычки и искусства, которыя могутъ у него быть, требуется, чтобы онъ всегда отдавалъ одинаковую часть своего покоя, свободы и счастія» («Wealth of nations», book I, ch. V). Ад. Смитъ, съ одной стороны, здѣсь смѣшиваетъ (но не повсюду) опредѣленіе стоимости количествомъ труда, израсходованнымъ на производство товара, съ опредѣленіемъ стоимости товара стоимостью труда; старается, стало быть, доказать, что равныя количества труда имѣютъ всегда одну и ту же стоимость. Съ другой стороны, онъ правда думаетъ, что трудъ, насколько онъ выражается въ стоимости товара, есть только расходованіе человѣческой рабочей силы; но такое расходованіе онъ признаетъ исключительно опять-таки не въ видѣ нормальной жизненной дѣятельности, а въ видѣ жертвы покоемъ, свободою и счастіемъ. Очевидно также и то, что онъ имѣетъ въ виду современнаго наемнаго рабочаго.— Гораздо вѣрнѣе высказывается одинъ изъ предшественниковъ Ад. Смита, неизвѣстный авторъ, цитированный въ 9-й выноскѣ: «Одинъ человѣкъ употребилъ недѣлю для производства этой жизненной потребности... и тотъ, кто дастъ ему взамѣнъ какую нибудь другую, не можетъ сдѣлать лучшей оцѣнки ея настоящаго эквивалента, какъ вычисливъ, что ему стоило такого же самаго количества времени и труда. А это въ дѣйствительности есть не что иное, какъ обмѣнъ труда одного человѣка на какую нибудь вещь, въ продолженіе опредѣленнаго времени, на трудъ другаго, на другую вещь, въ тотъ-же самый промежутокъ времени» (l. c. p. 39).

что неизвѣстно, чѣмъ взять ее. Въ стоимость товара, въ прямую противоположность съ грубой вещественностью товарнаго тѣла, не входитъ ни одного атома вещества. Почему всякій единичный товаръ можно сколько угодно разсматривать со всѣхъ сторонъ, насколько онъ представляетъ стоимость, онъ остается неуловимымъ. Если-же мы припомнимъ что стоимости товаровъ имѣютъ реальность чисто общественную, поскольку онѣ выражаютъ одну и ту-же общественную единицу человѣческаго труда, намъ станетъ очевиднымъ, что такая общественная реальность выразится лишь въ общественныхъ сдѣлкахъ, въ отношеніяхъ товаровъ между собой. Мы исходили изъ мѣновой стоимости или изъ мѣнового отношенія товаровъ для того, чтобы отыскать слѣды скрывающейся въ нихъ стоимости. Теперь мы вернемся къ той формѣ, въ которо прежде всегой проявилась стоимость.

Каждый, кто даже кромѣ этого болѣе ничего не знаетъ, пойметъ, что товары имѣютъ одну особенную форму стоимости, и она находится въ рѣзкой противоположности съ натуральной формой ихъ потребительной стоимости,—денежной формой. Мы сдѣлаемъ здѣсь то, чего никогда не дѣлала буржуазная политическая экономія, именно мы представимъ происхожденіе денежной формы, иначе прослѣдимъ развитіе выраженія стоимости, заключающееся въ отношеніи стоимости товаровъ, отъ самой простой и незамѣтченной его формы, до той денежной формы, которая видна всѣмъ. Одновременно съ этимъ мы разрѣшимъ и уничтожимъ загадку, что такое деньги?

Вообще товары имѣютъ между собою никакихъ другихъ отношеній, кромѣ отношенія ихъ стоимости, а самое простое отношеніе стоимости, это— конечно отношеніе одного товара къ другому товару—безразлично къ какому. Поэтому соотношеніе стоимости двухъ товаровъ является простѣйшимъ выраженіемъ стоимости какого нибудь товара.

А. Простая, единичная или случайная форма стоимости.

x товара $A = y$ товара B или: x товара A стоитъ y товара B.

(20 аршинъ холста = 1 сюртуку или: 20 арш. холста стоятъ одного сюртука).

1) Оба полюса выраженія стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная ея форма.

Секретъ всей формы стоимости находится въ этой простой формѣ стоимости. Поэтому анализъ ея представляетъ особенную трудность. Очевидно, что при этомъ два разнородныхъ товара A и B, въ нашемъ примѣрѣ холстъ и сюртукъ, имѣютъ различное значеніе. Стоимость холста выражается въ сюртукѣ, сюртукъ является матеріаломъ для выраженія этой стоимости. Первый товаръ активенъ, второй—пассивенъ. Стоимость перваго товара будетъ относительной стоимостью, иначе говоря, онъ находится въ относительной формѣ стоимости. Второй товаръ является эквивалентомъ или находится въ эквивалентной формѣ.

Относительная форма стоимости и эквивалентная ея форма представляютъ соотносительныя, одна другую обусловливающія и нераздѣльныя стороны и, въ тоже время онѣ представляютъ противоположности и исключаютъ одна другую, иначе—они являются полюсами того же самаго выраженія стоимости. Онѣ постоянно распредѣляются между различными товарами, и это выраженіе ставитъ ихъ во взаимное отношеніе. Я, напримѣръ, не могу стоимость холста выразить въ холстѣ: 20 аршинъ холста=20 аршинамъ холста не есть выраженіе стоимости. Уравненіе напротивъ того скорѣе говоритъ, что 20 арш. холста суть именно 20 аршинъ холста, т. е. что это извѣстное количество данной потребительной стоимости. Слѣдовательно, стоимость холста можетъ быть выражена только относительно, то-есть въ другомъ товарѣ. Поэтому относительной формой стоимости холста мы допускаемъ, что какой нибудь другой товаръ въ противуположность ему находится въ эквивалентной формѣ. Съ другой стороны, этотъ другой товаръ, какъ эквивалентъ не можетъ быть одновременно въ относительной формѣ стоимости. Онъ не выражаетъ свою стоимость. Онъ только служитъ матеріаломъ для выраженія стоимости другаго товара.

Выраженіе 20 арш. холста=1 сюртуку или 20 аршинъ холста имѣютъ стоимость одного сюртука, правда, заключаетъ въ себѣ и противоположное отношеніе: 1 сюртукъ=20 арш. холста или 1 сюртукъ, стоитъ 20 арш. холста. Но для выраженія относительной стоимости сюртука приходится перевернуть уравненіе, и тогда эквивалентомъ становится уже не сюртукъ, а холстъ. Выходитъ, что тотъ же самый товаръ не можетъ одновременно быть обѣими этими формами въ томъ же самомъ выраженіи стоимости. Эти двѣ формы, прямо противуположныя, исключаютъ одна другую.

Находится-ли товаръ въ относительной, или въ противуположной ей эквивалентной формѣ стоимости, зависитъ исключительно отъ мѣста, имъ каждый разъ занимаемаго въ выраженіи стоимости, отъ того, является-ли онъ товаромъ со стоимостью выраженной или же товаромъ, въ которомъ стоимость выражается.

2) Относительная форма стоимости.

а) Содержаніе относительной формы стоимости.

Чтобы найти какимъ образомъ простое выраженіе стоимости товара содержится въ отно-

шеніи стоимости двухъ товаровъ, необходимо сначала изслѣдовать его, совершенно игнорируя его количественную сторону. По большей части поступаютъ какъ разъ наоборотъ и въ отношеніи стоимости видятъ только соразмѣрность, къ которой опредѣленныя количества двухъ родовъ товаровъ принимаются равными. При этомъ упускается изъ вида, что величины различныхъ предметовъ могутъ сравниваться количественно лишь только тогда, когда будутъ сведены къ одной и той-же единицѣ измѣренія. Только при этомъ условіи онѣ будутъ имѣть общій знаменатель и станутъ соизмѣримыми [17]).

Равняется-ли 20 аршинъ холста одному сюртуку или они = 20 или = x сюртукомъ, т. е. стоитъ-ли данное количество холста больше или меньше сюртуковъ, каждое такое соотношеніе всегда предполагаетъ, что и холстъ и сюртукъ, какъ величины стоимости, являются выраженіемъ той же самой единицы, предметы одинаковаго свойства. Холстъ=сюртуку, вотъ основаніе уравненія.

Но два товара, количественно приравненные одинъ къ другому, имѣютъ не одинаковое значеніе. Выражается лишь стоимость холста. А какимъ образомъ? Если мы его сравнимъ съ товаромъ иного рода, съ сюртукомъ, какъ его эквивалентомъ; т. е. съ такою вещью, которая можетъ его замѣстить, или можетъ быть обмѣнена на него. Ясно, что сюртукъ вступаетъ въ это отношеніе лишь въ видѣ формы существованія стоимости, ибо, только будучи выраженіемъ стоимости, онъ можетъ имѣть значеніе стоимости по отношенію къ другому товару. Съ другой стороны при этомъ появляется или пріобрѣтаетъ самостоятельное выраженіе собственная стоимость холста. Дѣйствительно, развѣ стоимость сюртука можно было бы приравнять холсту или развѣ сюртукъ могъ бы служить для него эквивалентомъ, если бы онъ самъ не былъ стоимостью?

Пояснимъ это примѣромъ изъ химіи. Такъ, масляная кислота и муравьинокислый пропилъ представляютъ два различныя тѣла и по виду и по физическимъ и химическимъ свойствамъ. Между тѣмъ они состоятъ изъ тѣ же самыхъ элементовъ: углерода (C), водорода (H) и кислорода (O) и какъ разъ въ одинаковомъ процентномъ отношеніи, именно $C_4H_8O_2$. Если же приравнять муравьинокислый пропилъ съ масляною кислотою или если его сдѣлать эквивалентомъ послѣдней, то, во-первыхъ, муравьинокислый пропилъ въ этомъ соотношеніи явится лишь формой существованія $C_4H_8O_2$; а, во-вторыхъ, этимъ выразится, что и масляная кислота имѣетъ также составъ $C_4H_8O_2$. Слѣдовательно уравненіе, въ которомъ муравьинокислый пропилъ игралъ бы роль эквивалента масляной кислоты, было бы косвеннымъ выраженіемъ того, что вещество кислоты есть нѣчто совершенно отличное отъ ея вещественной формы.

Если мы говоримъ, что насколько товары суть стоимости, всѣ они представляютъ лишь кристаллизованный человѣческій трудъ, то нашимъ анализомъ мы ихъ приводимъ къ абстракціи стоимости, но и теперь они имѣютъ по прежнему только одну форму, свою натуральную форму полезнаго предмета. Дѣло представится инымъ, когда товаръ сопоставится по отношенію къ стоимости съ другимъ товаромъ. Съ этого момента выступаетъ его характеръ какъ стоимости и выражается какъ присущее ему свойство, опредѣляющее его отношеніе къ другому товару.

Тѣмъ, что сюртукъ какъ стоимость приравнивается къ холсту, трудъ, заключающійся въ сюртукѣ, отождествляется съ трудомъ, содержащимся въ холстѣ. Правда, портняжество отличается отъ ткачества, но приравненіе къ ткачеству приводитъ портняжество фактически къ тому дѣйствительно общему, что содержится и въ той и въ другой работѣ, къ человѣческому труду. Это косвенный способъ выраженія того, что ткачество, насколько оно ткетъ стоимость ничѣмъ не рознится отъ шитья сюртука; другими словами, это есть отвлеченный человѣческій трудъ. Особенный характеръ стоимость-созидательнаго труда выступаетъ только при выраженіи равенства разнородныхъ товаровъ, вслѣдствіе того, что разнообразныя работы, содержащіяся въ разнородныхъ товарахъ, сводятся фактическимъ къ тому, общему, что въ нихъ есть, къ человѣческому труду вообще [17a]).

---

[17]) Даже тѣ немногіе экономисты, которые, какъ S. Bailey, занимались анализомъ формы стоимости, не пришли ни къ какому результату, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что смѣшивали форму стоимости съ самою стоимостью, а во-вторыхъ, потому, что они подъ вліяніемъ практическаго мѣщанства, уже съ самаго начала имѣли въ виду исключительно количественное опредѣленіе. «Владѣніе (the command) количествомъ... составляетъ стоимость» (Monay and its Vicissitudes», London 1837, p. 11. Авторъ S. Bailey).

[17a]) Ко 2-му изданію. — Франклинъ, одинъ изъ первыхъ экономистовъ (послѣ William Petty) понявшій сущность стоимости, говоритъ: „Такъ какъ торговля вообще есть ни что иное, какъ обмѣнъ одной работы на другую работу, стоимость всѣхъ предметовъ всего вѣрнѣе оцѣнивается работой, трудомъ". («The work of B. Franklin» etc., edited by Sparks, Boston 1836, v. II, p. 267). Франклинъ не сознаетъ, что, оцѣнивая стоимость всѣхъ предметовъ «работой», онъ умственно отвлекается отъ различія обмѣниваемыхъ работъ — и сводитъ ее такимъ эбразомъ къ одинаковому человѣческому труду. Хотя онъ этого и не знаетъ, тѣмъ не менѣе высказываетъ. Онъ говоритъ сначала объ «одной работѣ», затѣмъ о «другой работѣ», и, наконецъ, о «работѣ», о «трудѣ», какъ сущности стоимости всѣхъ предметовъ, безъ дальнѣйшаго опредѣленія.

Однако, еще недостаточно выразить особенный характеръ труда, создающій стоимость холста. Дѣйствующая человѣческая рабочая сила, или человѣческій трудъ, создаетъ стоимость, но самъ трудъ еще не есть стоимость. Стоимостью онъ становится лишь въ застывшемъ состояніи, въ овеществленномъ видѣ, когда онъ является какимъ нибудь предметомъ. Для выраженія стоимости холста какъ застывшаго человѣческаго труда, она должна быть выражена, имѣющей объективное существованіе, чѣмъ-то вещественно различнымъ отъ самаго холста, но вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то общимъ холсту со всѣми другими товарами. Задача эта уже разрѣшена.

Дѣйствительно мы знаемъ, что разъ мы приняли сюртукъ эквивалентомъ, уже нѣтъ необходимости для сюртука имѣть свидѣтельство для удостовѣренія его характера стоимости. Въ этой его роли собственная его форма существованія отождествляется съ формою существованія стоимости; въ этой его роли, это такая вещь, въ которой мы ничего не видимъ, кромѣ стоимости, въ которой осязательная тѣлесная форма представляетъ собою стоимость. Но самъ сюртукъ, тѣло товара сюртука, есть только полезная вещь, потребительная стоимость. Сюртукъ также мало выражаетъ стоимость, какъ любой кусокъ холста. Это только служитъ доказательствомъ, что, поставленный въ соотношеніе къ холсту, сюртукъ, означаетъ нѣчто большее, чѣмъ внѣ такого соотношенія, подобно тому, какъ нѣкоторые люди въ сюртукѣ съ галунами кажутся значительнѣе, чѣмъ въ сюртукѣ безъ галуновъ.

При шитьѣ сюртука, въ видѣ портняжества дѣйствительно расходуется человѣческая рабочая сила. Слѣдовательно онъ является накопленіемъ человѣческаго труда. Съ этой своей стороны сюртукъ представляетъ «носителя стоимости», хотя это его качество совершенно въ немъ не замѣтно, какъ бы изношенъ онъ ни былъ. Противопоставленный по стоимости холсту, онъ имѣетъ значеніе только этою своею стороною, какъ овеществленная стоимость, какъ тѣло стоимости. Несмотря на его совершенно различный видъ, холстъ ему родственъ по стоимости. Однако это только платоническая сторона дѣла, въ дѣйствительности въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ къ другимъ товарамъ, сюртукъ не выражаетъ стоимости, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ стоимость эта не приняла форму сюртука. Одинаково какая-нибудь личность *A* не сдѣлается надъ другой личностью *B* владыкой, безъ того, чтобы такое владычество въ глазахъ *B* не приняло бы тотчасъ же форму *A*, а въ силу этого съ каждой перемѣной такого отца отечества измѣняются его черты лица, волосы, и еще многое другое.

Въ томъ отношеніи стоимости, которое превращаетъ сюртукъ въ эквивалентъ холста, сюртучная форма служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и формой стоимости, или стоимость холста выражается въ потребительной стоимости сюртука, стоимость одного товара въ потребительной стоимости другаго товара. Холстъ, какъ потребительная стоимость существенно отличается отъ сюртука, а какъ стоимость онъ «равносюртученъ» и имѣетъ одинаковый съ нимъ видъ, что и доказывается эквивалентностью съ нимъ сюртука. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣтаетъ форму стоимости, отличную отъ его естественной формы.

Мы теперь видимъ, что все, что намъ уже открылъ анализъ стоимости товара, подтверждаетъ самъ холстъ едва онъ входитъ въ соотношеніе съ другимъ товаромъ, съ сюртукомъ. Но онъ выражаетъ свою мысль не иначе, какъ лишь на своемъ обычномъ языкѣ, на которомъ онъ только и умѣетъ говорить, на товарномъ языкѣ. Чтобы выразить, что его собственная стоимость образуется человѣческимъ трудомъ, въ отвлеченномъ смыслѣ, онъ говоритъ, что сюртукъ, насколько онъ стоитъ столько же какъ и онъ, значитъ насколько онъ представляетъ стоимость, состоитъ изъ такого же труда какъ и холстъ. Чтобы выразить, что его высокая реальность какъ стоимости отличается отъ его волокнистаго и скрученнаго тѣла, холстъ говоритъ, что стоимость имѣетъ видъ сюртука, а вслѣдствіе этого, онъ самъ, какъ вещь обладающая стоимостью, также похожъ на сюртукъ, какъ одно яйцо на другое. Замѣтимъ, между прочимъ, что и товарный языкъ, какъ и всякій другой, имѣетъ множество болѣе или менѣе правильныхъ нарѣчій. Такъ, напримѣръ, нѣмецкое «Werthsein» выражаетъ менѣе ясно и отчетливо, чѣмъ романскій глаголъ valere, valer, valoir, что приравненіе товара *B* къ товару *A* есть лишь способъ товара *A* выражать свою стоимость. Paris vaut bein une messe *).

Въ силу соотношеній стоимости природная форма одного товара *B* становится стало быть формою стоимости товара *A*, или тѣло товара *B* становится зеркаломъ, въ которомъ отражается стоимость товара *A*[18]). Такъ что товаръ *A* ставится въ соотношеніе къ товару *B*, какъ къ носителю стоимости, какъ къ выраженію человѣческаго труда; онъ этимъ самымъ обращаетъ потребительную стоимость *B* въ матеріалъ для

---

*) Парижъ стоитъ вполнѣ одной обѣдни!

18) Въ извѣстномъ смыслѣ съ человѣкомъ происходитъ тоже, что и съ товаромъ. Такъ какъ онъ родится и безъ зеркала, и не въ видѣ философа вродѣ Фихте, для котораго совершенно достаточно представленія, что *Я* есмь *Я*, то онъ отражается и познаетъ себя сначала только въ другомъ человѣкѣ. Петръ основываетъ свою собственную подлинность какъ человѣка, сравнивъ себя предварительно съ Павломъ, какъ себѣ подобнымъ. Поэтому, Павелъ какъ онъ есть, въ своей павловской тѣлесности для него становится типомъ genus homo.

выраженія своей собственной стоимости. Стоимость товара A, выраженная такимъ образомъ въ потребительной стоимости товара B, получаетъ уже форму относительной стоимости.

b) Количественое опредѣленіе относительной формы стоимости.

Каждый товаръ, стоимость котораго должна быть выражена, является предметомъ потребленія извѣстнаго количества, 15 четвертей пшеницы, 100 фунтовъ кофе и т. д. Такое данное количество товара обладаетъ опредѣленнымъ количествомъ человѣческаго труда. Слѣдовательно форма стоимости выражаетъ не просто только стоимость вообще, но количественно опредѣленную стоимость или величину стоимости. Въ соотношеніи стоимости товара A къ товару B, холста къ сюртуку, опредѣленный родъ товара, сюртукъ, не только качественно приравнивается холсту, какъ носитель стоимости вообще, но приравнивается опредѣленное количество холста, напримѣръ 20 арш. холста, опредѣленному количеству носителя стоимости или эквивалента, напримѣръ одному сюртуку.

Уравненіе 20 аршинъ холста=1 сюртуку или 20 аршинъ холста стоятъ одного сюртука попускаетъ, что одинъ сюртукъ и 20 аршинъ холста стоятъ одинаковаго труда, или что на тотъ и на другой товаръ затрачивается одинаковое рабочее время. Но рабочее время, потребное для производства 20 арш. холста или одного сюртука, измѣняется съ каждымъ измѣненіемъ производительной силы созидающаго ихъ труда,— ткачества или портняжничество. Разсмотримъ теперь поближе вліяніе подобныхъ измѣненій на относительное выраженіе величины стоимости.

I. При измѣненіи стоимости холста [19]), стоимость сюртука остается прежней. Если рабочее время необходимое для производства холста, увеличится вдвое, положимъ вслѣдствіе того, что плодородіе земли подъ льномъ уменьшилось, то стоимость его удвоится. Вмѣсто того, чтобы 20 арш. холста=1 сюртуку, у насъ было бы 20 арш. холста=2 сюртукамъ, такъ какъ одинъ сюртукъ содержитъ теперь рабочаго времени на половину меньше, чѣмъ 20 арш. холста Если-же, наоборотъ, рабочее время, нужное на производство холста, сократится на половину, положимъ вслѣдствіе усовершенствованія ткацкихъ станковъ, то стоимость холста понизится на половину,—теперь 20 арш. холста=½ сюртука. Относительная стоимость товара A, слѣдовательно его стоимость, выраженная въ товарѣ B, повышается и понижается такъ же, какъ и стоимость товара A, при неизмѣняющейся стоимости товара B.

[19]) Выраженіе «стоимость» употребляется здѣсь такъ, какъ оно употреблялось уже иногда и прежде, въ смыслѣ количественно опредѣленной стоимости, т. е., для обозначенія величины стоимости.

II. Стоимость холста не измѣняется, а лишь измѣняется стоимость сюртука. Если при этихъ условіяхъ рабочее время, необходимое для производства сюртука увеличится вдвое, допустимъ по неблагопріятному выходу шерсти при стрижкѣ, то вмѣсто 20 арш. холста = 1 сюртуку, у насъ теперь будетъ 20 аршинъ холста=½ сюртука. Наоборотъ, если понизится стоимость сюртука наполовину, то 20 арш. холста =2 сюртукамъ. Значитъ, при постоянной стоимости товара A, относительная стоимость его въ товарѣ B понижается или повышается обратно пропорціонально измѣненію стоимости B.

При сравненіи различныхъ случаевъ, указанныхъ нами, величина относительной стоимости можетъ также измѣниться въ силу діаметрально противоположныхъ причинъ. Такъ изъ: 20 арш. холста=1 сюртуку могутъ произойти уравненія: 1) 20 арш. холста=2 сюртукамъ, или отъ увеличенія стоимости холста вдвое, или отъ пониженія наполовину стоимости сюртука, и 2) 20 арш. холста=½ сюрука или отъ пониженія наполовину стоимости холста, или вслѣдствіе увеличенія вдвое стоимости сюртука.

III. Количество труда, необходимое для производства холста и сюртука, можетъ измѣняться въ одно время въ томъ же самомъ направленіи и въ одинаковомъ соотношеніи. Тогда 20 арш. холста будутъ по прежнему=1 сюртуку, каково бы ни было измѣненіе ихъ стоимости. Это измѣненіе ихъ стоимости обнаруживается лишь при сравненіи ихъ съ какимъ нибудь третьимъ товаромъ, съ прежнею стоимостью. Если стоимости всѣхъ товаровъ повышаются или понижаются одновременно и въ одинаковой степени, то относительныя ихъ стоимости вовсе не измѣняются. Дѣйствительное измѣненіе ихъ стоимости выразится въ томъ, что въ тоже рабочее время количество изготовляемыхъ товаровъ будетъ болѣе или менѣе значительно, чѣмъ раньше.

IV. Рабочее время, затрачиваемое какъ на производство сюртука, такъ и на производство холста, а также и стоимость этихъ товаровъ, могутъ измѣняться или въ одинаковомъ направленіи, но не въ одинаковой степени, или въ противоположномъ направленіи и т. д. Дѣйствіе всѣхъ такихъ возможныхъ случаевъ на относительную стоимость товара легко опредѣляется, если примѣнить случаи, указанные выше подъ рубриками I, II и III.

Мы знаемъ теперь, что дѣйствительныя измѣненія величины стоимости не отражаются ясно и отчетливо въ ея относительномъ выраженіи или въ ея относительной величинѣ. Относительная стоимость какого нибудь товара можетъ измѣниться, хотя стоимость его остается прежнею. Относительная его стоимость можетъ не измѣниться, хотя стоимость его измѣняется, и, наконецъ измѣненія количества стоимости и ея

относительнаго выраженія могутъ происходить въ одно время, не будучи вполнѣ одинаковыми [20]).

3) Эквивалентная форма стоимости и ея особенности.

Мы уже знаемъ, что если какой нибудь товаръ *A* (холстъ) выражаетъ свою стоимость въ потребительной стоимости какого нибудь товара другого рода *B* (въ сюртукѣ), то этимъ онъ создаетъ особенную форму его стоимости, эквивалентную форму. Холстъ проявляетъ свое собственное свойство стоимости въ томъ соотношеніи, въ которомъ другой товаръ, сюртукъ, въ своемъ натуральномъ видѣ, приравнивается ему. Стало быть, мы видимъ, что холстъ самъ кое что стоитъ, именно изъ того факта, что другой товаръ, сюртукъ, непосредственно обмѣнивается на него. Слѣдовательно, эквивалентная форма товара есть непосредственная форма его обмѣна на другой товаръ.

Всѣ товары, поскольку они составляютъ стоимости, являются одинаковыми выраженіями тойже самой единицы человѣческаго труда, и ихъ можно замѣстить одни другими. Стало быть, если одинъ товаръ обладаетъ формой, въ которой онъ проявляется какъ стоимость, то онъ можетъ быть обмѣненъ на другой.

[20]) Ко 2-му изданію.—Несоотвѣтствіе между величиною стоимости и ея относительнымъ выраженіемъ, заурядные экономисты эксплуатируютъ со своимъ обычнымъ остроуміемъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ сочиненіи, направленномъ главнымъ образомъ противъ теоріи стоимости Рикардо, мы находимъ: «Если допустить, что *A* понижается вслѣдствіе того, что *B*, на который онъ обмѣнивается, повышается, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ на *A* тратится труда не менѣе, то вашъ общій принципъ стоимости теряетъ подъ собою почву... Если онъ (Рикардо) допускаетъ, что вслѣдствіе того, что *A* повышается въ стоимости относительно *B*, *B* понижается въ стоимости относительно *A*, то этимъ онъ подкапывается подъ основаніе, на которомъ строитъ свое главное предположеніе, что стоимость товара всегда опредѣляется содержащимся въ немъ трудомъ, такъ какъ если измѣненіе издержекъ на *A* измѣняетъ не только его собственную стоимость по отношенію къ *B*, на который онъ обмѣнивается, но также стоимость *B* по отношенію къ стоимости *A*, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ количество труда на изготовленіе *B*, осталось прежнимъ, то не только рушится сама теорія, по которой стоимость предмета опредѣляется количествомъ труда, потраченнаго на его производство, но также и то, что стоимость какого нибудь товара опредѣляется издержками на его производство». (J. Broadhurst: «Political Economy», London, 1842, p. 11, 14). Broadhurst съ одинаковымъ правомъ могъ-бы сказать: посмотримъ на дроби $^{10}/_{20}$, $^{10}/_{50}$, $^{10}/_{100}$, число 10 во всѣхъ случаяхъ остается прежнимъ, а между тѣмъ его относительная величина по отношенію къ знаменателямъ 20, 50, 100, постоянно уменьшается. Слѣдовательно, теряетъ основаніе великій принципъ, что величина цѣлаго числа, напримѣръ 10, «опредѣляется» числомъ содержащихся въ немъ единицъ.

Одинъ товаръ можетъ обмѣниваться на всякій другой товаръ, если они эквивалентны; слѣдовательно мѣсто, его въ соотношеніи стоимости, превращаетъ его натуральную форму въ форму стоимости другого товара. Ему не нужно ни какой иной формы, отличной отъ его натуральной формы, чтобы явиться стоимостью относительно другого товара, чтобы стоить именно столько, сколько этотъ другой товаръ, и значитъ, чтобы его можно было обмѣнивать на него. Слѣдовательно, для товара эквивалентная его форма есть такая, въ какой онъ можетъ непосредственно обмѣняться на другой товаръ.

Если какой нибудь родъ товара, сюртукъ напримѣръ, является эквивалентомъ другому товару, какъ напримѣръ холсту, причемъ первый товаръ, сюртукъ, получаетъ такимъ образомъ характерное свойство имѣть форму, въ которой онъ можетъ быть непосредственно обмѣненъ на холстъ, то все же этимъ еще не опредѣляется соотношеніе обмѣна сюртуковъ и холста. Разъ величина стоимости холста дана, то это соотношеніе зависитъ отъ величины стоимости сюртука. Выражается-ли относительная стоимость въ холстѣ, а сюртукъ служитъ эквивалентомъ, или же наоборотъ, эквивалентомъ служитъ холстъ, а относительная стоимость выражается сюртукомъ, величина его стоимости въ обоихъ случаяхъ опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ на его производство, стало быть опредѣляется помимо формы его стоимости. Но если извѣстный родъ товара, напримѣръ сюртукъ, къ выраженіи стоимости занимаетъ мѣсто эквивалента, то стоимость его не получаетъ количественнаго выраженія. Въ уравненіи стоимости онъ, напротивъ, имѣетъ значеніе какъ опредѣленное количество какой нибудь вещи. Товаръ со стоимостью въ относительной формѣ, выражается всегда въ видѣ количества стоимости, чего никогда не бываетъ съ эквивалентомъ, который въ уравненіи является простымъ количествомъ полезнаго предмета. Напримѣръ, 40 аршинъ холста стоятъ 2 сюртуковъ. Вслѣдствіе того, что товаръ, сюртукъ, является при этомъ эквивалентомъ, потребительная стоимость сюртука по отношенію къ холсту принимаетъ видъ тѣла стоимости, а потому достаточно также опредѣленнаго количества сюртуковъ, чтобы показать опредѣленное количество стоимости въ холстѣ. Поэтому два сюртука могутъ выразить величину стоимости 40 арш. холста, но они никогда не выразятъ свою собственную величину стоимости, величину стоимости сюртуковъ. Неправильное пониманіе того факта, что въ уравненіи стоимости эквивалентъ имѣетъ всегда лишь форму простого количества полезнаго предмета, потребительной стоимости, ввело въ заблужденіе S. Bailey, а также и множество другихъ предшествовавшихъ ему экономистовъ. Въ выраженіи стоимости они всѣ ви-

дѣли лишь количественное отношеніе. Потому что эквивалентная форма товара представляется прямымъ количествомъ какого нибудь вещества именно въ силу того, что количество его стоимости не имѣетъ выраженія.

Противорѣчія, заключающіяся въ эквивалентной формѣ, требуютъ болѣе глубокаго анализа ея особенностей.

Первая особенность эквивалентной формы состоитъ въ слѣдующемъ: потребительная стоимость становится формою проявленія ея противуположности, стоимости.

Натуральная форма товаровъ становится формою ихъ стоимости. Но, это для товара B (сюртукъ, пшеница, желѣзо и т. д.) бываетъ только въ предѣлахъ соотношенія стоимости, въ которомъ становится къ нему какой нибудь другой товаръ A (холстъ и т. д.), и только въ этихъ предѣлахъ. Разсматривая внѣ такого соотношенія, отдѣльно, сюртукъ напримѣръ представляется просто полезной вещью, потребительной стоимостью, также какъ и холстъ; его натуральная форма есть только натуральная форма опредѣленнаго рода товара. Но такъ какъ никакой товаръ не можетъ относиться къ самому себѣ какъ къ эквиваленту, и не можетъ также сдѣлать свою натуральную форму выраженіемъ своей собственной стоимости, то по необходимости ему приходится взять эквивалентомъ другой товаръ, потребительная стоимость котораго служитъ ему, стало быть формой его собственной стоимости.

Одна изъ прилагаемыхъ нами къ товарамъ, какъ веществамъ, то-есть, какъ предметамъ потребленія, мѣръ, можетъ объяснить намъ все это. Голова сахара, какъ тѣло, имѣетъ тяжесть, а слѣдовательно, и вѣсъ, но мы этотъ вѣсъ не видимъ и не осязаемъ. Мы беремъ различные куски желѣза, съ опредѣленнымъ заранѣе вѣсомъ. Желѣзо само по себѣ слабо представляетъ форму проявленія тяжести, какъ и сахарная голова. Но чтобы показать, что сахарная голова имѣетъ тяжесть, мы ставимъ ее въ вѣсовое соотношеніе съ желѣзомъ. Въ этомъ соотношеніи мы разсматриваемъ желѣзо какъ тѣло, не представляющее ничего кромѣ тяжести. Поэтому количества желѣза служатъ вѣсовою мѣрою сахара и по отношенію къ веществу сахара представляютъ лишь простое показаніе тяжести, форму ея проявленія. Желѣзо можетъ играть эту роль только въ предѣлахъ отношенія, въ которое съ этой точки зрѣнія ставится къ нему сахаръ или какое бы то ни было другое тѣло, вѣсъ котораго долженъ быть опредѣленъ. Если бы оба тѣла не были тяжелы, то они бы не могли быть поставлены въ такое соотношеніе, и, стало быть, желѣзо не могло бы выразить тяжести другаго тѣла. Если мы оба эти тѣла положимъ на чашки вѣсовъ, то дѣйствительно увидимъ, что какъ тяжести они равны, а потому также въ извѣстныхъ соотношеніяхъ они имѣютъ одинаковый вѣсъ. Какъ желѣзо, въ качествѣ вѣсовой мѣры по отношенію къ головѣ сахара, не представляетъ ничего иного кромѣ тяжести, точно также и въ нашемъ выраженіи стоимости вещественный предметъ, сюртукъ, не представляетъ по отношенію къ холсту ничего иного кромѣ стоимости.

Но здѣсь однако аналогіи нашей конецъ. Въ выраженіи вѣса головы сахарной желѣзо представляетъ природное свойство, общее обоимъ тѣламъ, ихъ тяжесть; между тѣмъ какъ сюртукъ въ выраженіи стоимости холста представляетъ не природное свойство того и другаго тѣла, а нѣчто вполнѣ общественное, именно ихъ стоимость.

Такъ какъ относительная форма стоимости товара—напримѣръ холста—выражаетъ стоимость этого товара, какъ нѣчто вполнѣ отличное отъ его вещества и свойствъ, какъ нѣчто похожее на сюртукъ напримѣръ, то уже самое это выраженіе означаетъ, что оно скрываетъ за собою общественное отношеніе. Эквивалентная форма даетъ какъ разъ противуположное. Самая сущность этой формы заключается въ томъ, что вещественный товаръ — сюртукъ — какъ онъ есть, выражаетъ стоимость, слѣдовательно уже отъ природы обладаетъ формою стоимости. Конечно, это справедливо лишь въ томъ случаѣ, если другой товаръ, холстъ, будетъ поставленъ въ отношеніе къ товару сюртуку, какъ къ эквиваленту [21]). Но такъ какъ матеріальныя свойства вещи не возникаютъ изъ отношенія ея къ другимъ вещамъ и лишь обнаруживаются въ такихъ отношеніяхъ, то кажется, какъ будто и сюртукъ имѣетъ также отъ природы свою эквивалентную форму, свое свойство непосредственной вымѣниваемости, какъ свое свойство тяжести или поддерживать въ насъ тепло. Отсюда загадочный характеръ эквивалентной формы, ускользающій отъ взора буржуазнаго экономиста до тѣхъ поръ, пока форма эта не явится передъ нимъ уже готовою въ видѣ денегъ. Тогда, чтобы устранить таинственное свойство золота, и серебра, онъ силится незамѣтно замѣстить ихъ менѣе ослѣпительными товарами и довольно усердно составлетъ и передѣлываетъ каталогъ всѣхъ предметовъ, служившихъ въ свое время эквивалентами. Онъ и не подозрѣваетъ, что даже такое простое выраженіе стоимости, что 20 арш. холста = 1 сюртуку, само по себѣ загадачно и что ему слѣдуетъ постараться разрѣшить эту загадку именно въ этой простой формѣ.

Тѣло товара, служащаго эквивалентомъ, постоянно изображаетъ воплощеніе абстрактнаго

---

[21]) Подобныя выраженія отношеній вообще, называемыя Гегелемъ рефлексіонными категоріями, крайне любопытны. Напримѣръ, этотъ человѣкъ король только потому, что другіе люди признаютъ себя его подданными. Они наоборотъ признаютъ себя его подданными въ силу того, что онъ король.

человѣческаго труда и является всегда продуктомъ какой нибудь опредѣленной полезной, конкретной работы. Эта конкретная работа и становится выраженіемъ абстрактнаго человѣческаго труда. Если съ одной стороны сюртукъ, напримѣръ, есть лишь простое воплощеніе абстрактнаго человѣческаго труда, то съ другой стороны портняжество, дѣйствительно въ немъ воплощенное, имѣетъ лишь форму работы, въ которой осуществляется абстрактный трудъ. Въ выраженіи стоимости холста полезность портняжества заключается не въ томъ, что оно дѣлаетъ платье и, какъ говоритъ нѣмецкая пословица, людей, а въ томъ, что оно производитъ вещь, которую мы сейчасъ же признаемъ стоимостью, а слѣдовательно кристализованнымъ трудомъ, притомъ такимъ, который не различимъ отъ труда овеществленнаго, реализованнаго въ стоимости холста. Чтобы стать такимъ зеркаломъ стоимости, трудъ портняжества долженъ отражать только свое абстрактное свойство, быть человѣческимъ трудомъ вообще.

Въ формѣ ткачества, точно также, какъ въ формѣ портняжества, происходитъ трата абстрактной человѣческой рабочей силы И та и другая форма обладаетъ общимъ свойствомъ, обѣ онѣ представляютъ человѣческій трудъ, а поэтому въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ при производствѣ стоимости, могутъ быть разсматриваемы лишь съ этой точки зрѣнія. Въ этомъ нѣтъ ничего таинственнаго. Но въ выраженіи стоимости дѣло представляется наоборотъ. Напримѣръ, для того, чтобы показать, что ткачество производитъ стоимость холста не своею конкретною формою какъ ткачество, а своимъ общимъ свойствомъ, какъ человѣческій трудъ,—ему противополагается другой трудъ, портняжество, конкретный трудъ, эквивалентный труду изготовленія холста, какъ очевидная форма абстрактнаго человѣческаго труда. Трудъ портнаго превращается такимъ образомъ въ простое выраженіе своего собственнаго абстрактнаго свойства.

Значитъ, вторая особенность эквивалентной формы состоитъ въ томъ, что конкретный трудъ становится формой, въ которой проявляется его противоположность, абстрактный человѣческій трудъ.

Но вслѣдствіе того, что такой конкретный трудъ, портняжество, есть выраженіе безразличнаго человѣческаго труда, онъ равенъ всякому другому роду труда, а стало быть и труду, воплощенному въ холстѣ, а потому, несмотря на то, что онъ является трудомъ частныхъ лицъ, какъ всякій трудъ, производящій товары, онъ дѣлается такимъ образомъ непосредственно общественнымъ трудомъ. Именно вслѣдствіе этого онъ реализуется въ продуктѣ, который можетъ обмѣниватья непосредственно на другой товаръ. Слѣдовательно, третья особенность эквивалентной формы заключается въ томъ, что частный трудъ—трудъ частныхъ лицъ, становится формою своей противоположности, трудомъ въ непосредственно общественной формѣ.

Послѣднія двѣ особенности эквивалентной формы будутъ еще понятнѣе, если мы обратимся къ философу Аристотелю, который впервые анализировалъ и формы мышленія, и общественныя, и естественныя формы.

Онъ, во-первыхъ, ясно высказывалъ, что денежная форма товара есть только дальнѣйшее развитіе простой формы стоимости, т. е. выраженіе стоимости какого угодно товара въ любомъ другомъ товарѣ; такъ какъ онъ говоритъ:

«5 кроватей = 1 дому» («Κλίναι πέντε ἀντὶ οἰκίας») «не отличается» отъ:

«5 кроватей=такому-то количеству денегъ». («Κλιναι ἀέντε ἀντι... ὕσου αι' πέντε κλιναι»).

Онъ находилъ затѣмъ, что отношеніе стоимостей, въ которомъ заключается это выраженіе стоимости, въ свою очередь, требуетъ, чтобы домъ качественно былъ приравненъ кровати, и что эти, по существу различныя вещи, безъ такого равенства ихъ сущности не могли бы быть относимы другъ къ другу, какъ соизмѣримыя величины. «Мѣна, говоритъ онъ, не можетъ быть безъ равенства, а равенство не можетъ быть безъ соизмѣримости» («οὔτ' ἰδστης μὴ οὔσης συμμετρίας»). Здѣсь, однако, онъ смущается и отказывается отъ дальнѣйшаго анализа формы стоимости. «Въ дѣйствительности же невозможно (τῇ μὲν οὖν ἀληςεία ἀδύνατον»), чтобы такія разнородныя вещи были соизмѣримы», т. е. качественно одинаковы. Это приравниваніе можетъ представлять только нѣчто постороннее истинной природѣ вещи, то есть только «удовлетвореніе практической потребности».

Стало быть, самъ Аристотель говоритъ намъ почему не удается его дальнѣйшій анализъ, именно вслѣдствіе отсутствія какого-либо представленія о стоимости. Въ чемъ можетъ заключаться равное, т. е. нѣчто общее, что позволяло бы кровати выразить свою стоимость въ домѣ? Ничего подобнаго этому «въ дѣйствительности существовать не можетъ», говоритъ Аристотель. Почему? Домъ представляетъ относительно кровати нѣчто равное, если въ обоихъ, и домѣ и кровати, заключается дѣйствительно нѣчто равное; и это нѣчто есть—человѣческій трудъ.

Но Аристотель не могъ замѣтить въ формѣ стоимости товара того обстоятельства, что въ ней всѣ виды труда считаются однимъ и тѣмъ же человѣческимъ трудомъ и потому выражены какъ равнозначащіе, вслѣдствіе того, что греческое общество пользовалось трудомъ рабовъ, и слѣдовательно въ основаніи этого общества лежало неравенство людей и ихъ труда. Можно проникнуть въ тайну выраженія стоимости—равенство и равное значеніе всѣхъ видовъ труда, настолько,

насколько они являются продуктомъ человѣческаго труда вообще,—только тогда, когда идея равенства людей обладаетъ уже прочностью народнаго обычая. Но это возможно только въ обществѣ, гдѣ товарная форма является общей формой продукта труда, и слѣдовательно, отношеніе людей другъ къ другу, какъ товаро-владѣльцевъ, есть господствующее соціальное отношеніе. Аристотель въ выраженіи стоимостей товаровъ открываетъ отношеніе равенства, и только историческія рамки общества, въ которомъ онъ жилъ, помѣшали ему найти, въ чемъ состоитъ «въ дѣйствительности» это отношеніе равенства.

4) Простая форма стоимости въ ея цѣломъ.

Простая форма стоимости товара заключается въ отношеніи его стоимости къ товару другаго рода или въ мѣновомъ отношеніи къ нему. Стоимость товара A качественно выражается въ непосредственной вымѣниваемости товара B на товаръ A. Она выражается количественно въ вымѣниваемости опредѣленнаго количества товара B на данное количество товара A. Говоря иначе, стоимость товара только потому пріобрѣтаетъ самостоятельное и опредѣленное выраженіе, что принимаетъ форму мѣновой стоимости. Хотя въ началѣ настоящей главы мы говорили на общепринятомъ языкѣ, что товаръ есть въ тоже время и потребительная стоимость и мѣновая, но, строго говоря, это было не вѣрно. Товаръ—это потребительная стоимость или полезная вещь и «стоимость». Онъ представляется двойственною вещью, какъ только стоимость его пріобрѣтаетъ форму, независимую отъ его собственной натуральной формы, форму мѣновой стоимости. Форму эту онъ пріобрѣтаетъ тогда только если его поставить въ отношеніе стоимости или мѣновое отношеніе съ другимъ товаромъ иного рода. Разъ мы это знаемъ, то общепринятое выраженіе не поведетъ къ какимъ-либо неудобствамъ, а послужитъ только для сокращенія.

Нашъ анализъ показалъ, что форма стоимости или выраженіе стоимости товара зарождается изъ природы стоимости товара, а что не наоборотъ, не стоимость и ея величина возникаютъ изъ способа выраженія ихъ какъ мѣновыхъ стоимостей. Но въ этомъ однако и состояла ошибка какъ меркатилистовъ и ихъ позднѣйшихъ почитателей, вродѣ Феррье, Ганиля и имъ подобныхъ[22]), такъ и ихъ антиподовъ коммивояжеровъ свободной торговли, какъ Бастіа и ему подобные. Меркантилисты настаивали главнымъ образомъ на качественной сторонѣ выраженія стоимости, стало быть на эквивалентной формѣ товара, достигающей наибольшаго совершенства въ деньгахъ. Наоборотъ, современные разнощики фритредерства, которымъ необходимо избавиться отъ своихъ товаровъ, настаиваютъ главнымъ образомъ на количественной сторонѣ относительной формы стоимости. Для нихъ, стало быть, нѣтъ ни стоимости, ни величины стоимости товара внѣ выраженія ихъ въ мѣновомъ отношеніи, значитъ практически внѣ ежедневныхъ котировокъ прейсъ-куранта. Шотландецъ Маклеодъ, взявшій на себя задачу придать предразсудкамъ и смѣшенію понятій Ломбардстрита (улица въ Лондонѣ, гдѣ помѣщаются важнѣйшія конторы) наивозможно болѣе ученый видъ, представляетъ удачную помѣсь суевѣрнаго меркантилиста и просвѣщеннаго разнощика фритредерства.

Ближайшее изслѣдованіе выраженія стоимости товара A въ товарѣ B показало, что въ этомъ соотношеніи натуральная форма товара A является лишь полезной вещью, потребительной стоимостью, а натуральная форма товара B — лишь формой или образомъ стоимости. Внутренняя противоположность потребительной и мѣновой стоимости товара обнаруживается слѣдовательно во внѣшней противоположности, то-есть въ соотношеніи двухъ товаровъ, въ которомъ одинъ товаръ, стоимость котораго должна быть выражена, непосредственно имѣетъ значеніе только потребительной стоимости; напротивъ того другой товаръ, въ которомъ выражается стоимость, непосредственно играетъ роль только мѣновой стоимости. Простая форма стоимости какого нибудь товара есть стало быть, простая форма проявленія заключающейся въ немъ противоположности потребительной и мѣновой стоимости.

Во всѣхъ общественныхъ состояніяхъ продуктъ труда есть потребительная стоимость или полезная вещь, но только въ исторически опредѣленную эпоху общественнаго развитія такой продуктъ дѣлается товаромъ, и именно въ такую эпоху, когда трудъ, потраченный на производство полезныхъ предметовъ, становится выраженіемъ одного изъ объективныхъ свойствъ такихъ предметовъ, ихъ стоимости. Отсюда выходитъ, что простая форма стоимости товара есть въ тоже время первоначальная форма, въ которой продукты труда впервые появляются какъ товары, и что постепенное преобразованіе такихъ продуктовъ въ товары идетъ рядомъ съ развитіемъ стоимости.

Уже съ перваго взгляда видна недостаточность простой формы стоимости: это лишь зародышъ, которому предстоитъ еще рядъ превращеній, прежде чѣмъ онъ достигнетъ формы цѣны.

Выраженіе стоимости товара A въ терминахъ какого бы то ни было товара B, отличаетъ только стоимость отъ потребительной стоимости A, а потому ставитъ A только въ мѣновое отноше-

---

[22]) Ко 2-му изданію. F. C. A. Ferrier (sous inspecteur des douanes). «Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce». Paris 1805 и Charles Ganilh: «Des Systèmes de l'Economie Politique», 2-ème éd. Paris 1821.

ніе къ опредѣленному другому товару *B*; но оно все еще не выражаетъ качественнаго равенства *A* и его количественнаго соотвѣтствія со всѣми товарами. Простой относительной формѣ стоимости товара соотвѣтствуетъ единственная эквивалентная форма какого нибудь одного товара. Такъ, въ относительномъ выраженіи стоимости холста, сюртукъ принимаетъ эквивалентную форму или форму непосредственной вымѣниваемости только по отношенію къ этому единственному роду товара, холсту.

Но простая форма стоимости сама переходитъ въ форму болѣе сложную. Правда, ею выражается стоимость товара *A* лишь въ какомъ-либо одномъ данномъ товарѣ. Но все равно:—будетъ-ли это сюртукъ, или желѣзо, или пшеница и т. д. Слѣдовательно, выраженія стоимости товара *A* настолько же различны, насколько различны товары, съ которыми онъ сопоставляется по стоимости [22а]). Число такихъ возможныхъ выраженій стоимости ограничивается лишь числомъ различнаго рода товаровъ, не похожихъ на него. Отдѣльное выраженіе стоимости *A* можетъ, слѣдовательно, превратиться въ безконечный рядъ различныхъ простыхъ выраженій стоимости.

B. Полная или развитая форма стоимости.

z товара $A = u$ товара B или $= v$ товара C или $= w$ товара D или $= x$ товара E или и т. д. (20 арш. холста=1 сюртуку или=40 ф. кофе или 10 ф. чаю или 1 четв. пшеницы = 2 унц. золота или=$1/2$ тонны желѣза или=и т. д.).

1) *Развитая форма относительной стоимости.*

Стоимость любого товара, холста напримѣръ, выражается теперь въ безчисленномъ множествѣ продуктовъ товарнаго міра. Всякій другой товаръ является теперь отраженіемъ стоимости холста [23]). Такимъ образомъ, сама эта стоимость обнаруживается впервые въ видѣ кристаллизованнаго безразличнаго человѣческаго труда; ибо трудъ, созидающій стоимость холста, только теперь дѣйствительно представляется трудомъ, равнозначащимъ съ каждымъ другимъ человѣческимъ трудомъ, все равно въ какомъ бы видѣ овеществленъ онъ ни былъ, въ видѣ-ли сюртука, пшеницы, золота, желѣза и т. д. Поэтому и своею формою стоимости холстъ становится въ общественное соотношеніе уже не къ одному какому нибудь данному роду товара, но ко всему товарному міру. Какъ товаръ, онъ становится гражданиномъ этого міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечный рядъ его выраженій показываетъ, что для товарной стоимости все равно, подъ какимъ особымъ видомъ потребительной стоимости онъ проявляется.

Въ первой формѣ: 20 арш. холста=1 сюртуку, это равенство можетъ показаться случайнымъ. Во второй формѣ, напротивъ того, мы сразу видимъ извѣстное основаніе, существенно отличное отъ такого случайнаго проявленія и вполнѣ его опредѣляющее. Стоимость холста остается по величинѣ одинаковою, выражается-ли она въ сюртукѣ, въ кофе, въ желѣзѣ или въ какомъ нибудь другомъ изъ безчисленныхъ товаровъ, принадлежащихъ различнымъ владѣльцамъ. Случайное соотношеніе двухъ частныхъ владѣльцевъ исчезаетъ. Теперь уже ясно, что не обмѣнъ опредѣляетъ величину стоимости товара, а наоборотъ величина стоимости товара, опредѣляетъ ихъ мѣновыя отношенія.

2) *Особая эквивалентная форма.*

Всякій товаръ—сюртукъ, чай, пшеница, желѣзо и т. д. — въ выраженіи стоимости холста играетъ роль эквивалента, а слѣдовательно роль вещества стоимости. Опредѣленная естественная форма каждаго изъ этихъ товаровъ представляетъ теперь особенную эквивалентную форму вмѣстѣ со всѣми другими. Такія же разнообразные, содержащіеся въ различныхъ товарныхъ тѣлахъ, опредѣленные, конкретные, полезные виды труда, представляютъ столько же особенныхъ формъ осуществленія или формъ проявленія человѣческаго труда вообще.

3) *Недостатки полной или развитой формы стоимости.*

Во-первыхъ, относительное выраженіе стоимости холста не закончено, такъ какъ рядъ его

[22а]) Ко 2-му изданію: У Гомера, напримѣръ, стоимость вещи выражается въ цѣломъ рядѣ другихъ вещей. Иліада, VII, 472—475.

[23]) Вотъ почему говорятъ о сюртучной стоимости холста, когда стоимость его выражается въ сюртукахъ, о его хлѣбной стоимости, когда стоимость его выражается въ хлѣбѣ и т. д. Такое выраженіе показываетъ, что въ потребительныхъ стоимостяхъ сюртука, хлѣба и т. д, проявляется собственная стоимость холста. «Такъ какъ стоимость какого нибудь товара обозначаетъ его мѣновое соотношеніе, то мы можемъ говорить о ней какъ... о его хлѣбной стоимости, сюртучной стоимости, смотря по товару, съ какимъ его сравниваемъ; существуютъ тысячи различныхъ родовъ стоимости, или столько родовъ стоимости, сколько существуетъ разныхъ товаровъ, а всѣ онѣ одинаково дѣйствительны и одинаково номинальны» («A. Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of Value: chiefly in reference to the writings of M-r Ricardo an his followers. By the Author of Essays no the Formation etc. of Opinions». London, 1825, p. 39); Bailey, авторъ этого анонимнаго сочиненія, которое въ свое время надѣлало много шуму въ Англіи, наивно думаетъ, что, указаніемъ своимъ на разнообразныя относительныя выраженія той же стоимости товара, онъ тѣмъ самымъ доказалъ невозможность никакого опредѣленія понятія стоимости. Но какъ бы онъ ни былъ ограниченъ, онъ тѣмъ не менѣе касается иногда больныхъ мѣстъ теоріи Рикардо. Мы видимъ это изъ того, какъ грозно напала на него школа Рикардо, напримѣръ Вестминстерское Обозрѣніе.

безконеченъ. Цѣпь, каждое звено которой состоитъ изъ соотношенія стоимостей, можетъ быть всегда продолжена каждымъ вновь вступающимъ родомъ товара, который доставляетъ матеріалъ для новаго выраженія стоимости. Во-вторыхъ, оно чрезвычайно пестро по разнороднымъ выраженіямъ стоимости. Если, наконецъ, относительная стоимость каждаго товара будетъ выражена въ этой развитой формѣ, то относительная форма стоимости каждаго товара представляетъ безконечный рядъ выраженій стоимости, отличный отъ относительной формы стоимости всякаго другаго товара. Недостаточность развитой относительной формы стоимости отражается на соотвѣтственной эквивалентной формѣ. Такъ какъ естественная форма каждаго единичнаго рода товара имѣетъ при этомъ особую эквивалентную форму, вмѣстѣ съ безчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуютъ вообще только ограниченныя эквивалентныя формы, изъ которыхъ каждая исключаетъ другія. Точно также каждый опредѣленный, конкретный, полезный родъ труда, заключающійся въ каждомъ особенномъ товарномъ эквивалентѣ, представляетъ особенную, а слѣдовательно не полную форму проявленія человѣческаго труда. Послѣдній обладаетъ совершенной или полной формой проявленія именно во всей совокупности этихъ особенныхъ формъ проявленія. Но въ этомъ случаѣ выраженіе его въ безконечномъ рядѣ всегда неполно и ему не достаетъ единства.

Однако, полная или развитая относительная форма стоимости состоитъ только изъ суммы простыхъ относительныхъ выраженій стоимости или изъ уравненій первой формы, какъ, напримѣръ:

20 аршинъ холста=1 сюртуку,

20 аршинъ холста=10 фун. чаю и т. д.

Но каждое изъ этихъ уравненій заключаетъ и обратныя тождественныя уравненія:

1 сюртукъ=20 аршинамъ холста,

10 фун. чаю=20 аршинамъ холста и т. д.

Дѣйствительно, если владѣлецъ холста обмѣниваетъ свой товаръ на многіе другіе товары, и этимъ самымъ равняетъ стоимость своего товара цѣлому ряду другихъ товаровъ, то, конечно, многіе другіе товаро-владѣльцы должны также обмѣнивать свои товары на холстъ и этимъ самымъ должны выражать равенство стоимости своихъ различныхъ товаровъ стоимости одного и того же третьяго товара, холста. Если мы перевернемъ рядъ: 20 арш. холста=1 сюртуку или=10 фун. чаю или=и т. д., т. е. если выразимъ само собою разумѣющееся и уже содержащееся въ ряду обратное отношеніе, то получимъ:

C. Всеобщая форма стоимости.

1 сюртукъ=
10 фунт. чаю=
40 фунт. кофе=
1 квартеръ пшеницы=
$^1/_2$ тонны желѣза=
x товара A=
и т. д. товара=
} 20 аршинамъ холста.

1) *Измѣненіе характера относительной формы стоимости.*

Всѣ товары выражаютъ свою стоимость, во-первыхъ, въ простой формѣ, такъ какъ выражаютъ ее въ какомъ нибудь другомъ единичномъ товарѣ; во-вторыхъ, въ общей формѣ, такъ какъ выражаютъ ее въ одномъ и томъ же товарѣ. Форма ихъ стоимости есть простая и общая имъ всѣмъ, т. е. всеобщая.

Формы I и II были годны лишь для того, чтобы выразить стоимость товара, какъ нѣчто отличное отъ его собственной потребительной стоимости или отъ его вещественной формы.

Первая форма, A, даетъ уравненія стоимости вродѣ слѣдующихъ: 1 сюртукъ=20 арш. холста, 10 фунт. чаю=$^1/_2$ тонны желѣза и т. д. Сюртучная стоимостъ выражается, какъ нѣчто равное холсту, стоимость чая—какъ нѣчто равное желѣзу и т. д.; но эти выраженія стоимости сюртука и чая настолько же отличны одно отъ другаго, какъ и холстъ отъ желѣза. Очевидно, что практически эти формы являются только въ первое время, когда продукты труда превращаются въ товары только изрѣдка и случайно.

Вторая форма, B, полнѣе чѣмъ первая, выдѣляетъ стоимость товара, напримѣръ сюртука, отъ его собственной потребительной стоимости. Дѣйствительно, стоимость сюртука принимаетъ въ ней всевозможныя формы, въ противоположность его натуральной формѣ; она становится равной стоимости холста, чая, желѣза, словомъ, всякой другой, но только не равной стоимости сюртука. Съ другой стороны, при этомъ прямо исключается всякое общее выраженіе стоимости товара, ибо въ выраженіи стоимости какого либо одного товара, всѣ другіе товары имѣютъ теперь значеніе только эквивалентовъ, и не могутъ выразить свою собственную стоимость. Такая развитая форма стоимости является только тогда, когда продуктъ труда, напримѣръ, скотъ, обмѣнивается на разные другіе товары уже не случайно, а постоянно.

Вновь пріобрѣтенная третья форма выражаетъ стоимости товаровъ всего міра въ одномъ и томъ же особомъ родѣ товара, напримѣръ въ холстѣ, изображая, такимъ образомъ, стоимость всѣхъ товаровъ, приравнявъ ихъ къ холсту. Стоимость каждаго товара, какъ равная стоимости холста, не только отличается отъ его собственной потреби-

тельной стоимости, но отъ всякой потребительной стоимости, и этимъ самымъ выражается какъ свойство, общее всѣмъ товарамъ. Только эта форма ставитъ дѣйствительно всѣ товары во взаимныя соотношенія какъ стоимости, или даетъ имъ возможность проявиться какъ стоимостямъ.

Первыя двѣ формы или выражаютъ стоимость каждаго товара въ терминахъ какого нибудь одного товара другаго рода, или въ рядѣ многихъ отличныхъ отъ него товаровъ. Въ обоихъ случаяхъ это — спеціальное дѣло каждаго единичнаго товара придать себѣ форму стоимости, и онъ выполняетъ его безъ помощи другихъ товаровъ. Послѣдніе по отношенію къ нему, играютъ пассивную роль эквивалентовъ. Наоборотъ, общая форма стоимости, *C*, возникаетъ какъ слѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія всего міра товаровъ, и только благодаря ему. Товаръ только по тому пріобрѣтаетъ общее выраженіе стоимости, что въ то же время всѣ другія товары выражаютъ свою стоимость въ томъ же самомъ эквивалентѣ, и что каждый родъ товара, вновь появляющійся поступаетъ точно также. Такимъ образомъ становится яснымъ, что такъ какъ товары, которые съ точки зрѣнія стоимости представляютъ нѣчто общественное, и это нѣчто общественное можетъ быть выражено только ихъ всесторонимъ общественнымъ соотношеніемъ, то такая ихъ форма стоимости должна быть поэтому общественно признанною формой.

Всѣ товары, приравненные теперь къ холсту, являются не только качественно равными, какъ стоимости вообще, но какъ величины стоимости сравнимыя количественно. Выражая величины стоимостей въ одномъ и томъ же матеріалѣ, въ холстѣ, эти величины стоимости сравниваются вмѣстѣ съ тѣмъ одна съ другою. Напримѣръ, 10 ф. чая=20 арш. холста, и 40 ф. кофе также=20 арш. холста, поэтому 10 ф. чая=40 ф. кофе. Другими словами, въ одномъ фунтѣ кофе содержится такое же количество субстанціи стоимости, труда, сколько въ 1 ф. чая.

Общая относительная форма стоимости товаровъ всего міра придаетъ исключенному изъ него единичному товару, холсту, характеръ общаго эквивалента. Вещественная форма холста становится теперь общею формою, которую принимаютъ стоимости всѣхъ товаровъ; поэтому холстъ можетъ быть непосредственно обмѣниваемъ теперь на каждый изъ товаровъ. Его натуральная форма является въ то же время его общественной формой. Вещественная форма льна дѣлается видимымъ воплощеніемъ человѣческаго труда всякаго рода. Ткачество, частный трудъ производящій холстъ, пріобрѣтаетъ этимъ самымъ характеръ труда общественнаго, форму равенства со всякимъ трудомъ иного рода. Безчисленными уравненіями общей формы стоимости, приравнивается поочередно трудъ, овеществленный въ холстѣ ко всякому труду, содержащемуся въ другихъ товарахъ, причемъ ткачество обращается во всеобщую форму проявленія человѣческого труда вообще. Такимъ образомъ, трудъ овеществленный въ товарной стоимости, представляется не только отрицательно трудомъ, мысленно отвлеченнымъ отъ всякихъ конкретныхъ формъ и полезныхъ свойствъ дѣйствительныхъ работъ, но ясно выступаетъ положительный характеръ его. Общая форма стоимости приводитъ всѣ виды дѣйствительнаго труда къ свойству общему—къ человѣческому труду, къ тратѣ человѣческой рабочей силы.

Общая форма стоимости, представляющая продукты труда простыми кристаллами безразличнаго человѣческаго труда, по своему собственному построенію является общественнымъ выраженіемъ товарнаго міра. Она показываетъ, что въ предѣлахъ этого міра характеръ всякаго труда, какъ труда человѣческаго, создаетъ его специфически общественный характеръ.

2) *Соотношеніе развитія относительной формы стоимости и эквивалентной формы.*

Степени развитія относительной формы стоимости соотвѣтствуетъ степень раввитія эквивалентной формы. Но,—что весьма важно,—развитіе эквивалентной формы есть лишь выраженіе и слѣдствіе развитія относительной формы стоимости.

Простая или отдѣльная относительная форма стоимости товара превращаетъ другой товаръ въ отдѣльный эквивалентъ. Развитая форма относительной стоимости, выраженіе стоимости какого нибудь одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ, придаетъ ему форму особаго эквивалента, различнаго по роду. Наконецъ, какой нибудь опредѣленный родъ товара пріобрѣтаетъ общую эквивалентную форму по тому, что всѣ другіе товары дѣлаютъ его матеріаломъ, въ которомъ всѣ они одинаково выражаютъ свои стоимости.

По мѣрѣ развитія формы стоимости вообще, развивается также противоположность между относительной и эквивалентной формами стоимости, этими двумя полюсами формы стоимости.

Уже первая форма—20 арш. холста = 1 сюртуку—будетъ этимъ противорѣчіемъ. Смотря по тому, читаемъ-ли мы это уравненіе слѣво направо или справо налѣво—холстъ и сюртукъ имѣютъ различное значеніе. Въ одномъ случаѣ относительная стоимость холста выражается въ сюртукѣ, а въ другомъ относительная стоимость сюртука выражается въ холстѣ. Поэтому въ такой простой формѣ стоимости трудно удержать въ представленіи прямую противоположность обоихъ терминовъ.

Форма *B* показываетъ, что вполнѣ развить свою относительную стоимость можетъ только какой-нибудь одинъ товаръ, и что онъ пріобрѣ-

таетъ такую развитую относительную форму только въ силу того, что всѣ другіе товары по отношенію къ нему являются въ эквивалентной формѣ. Здѣсь уже нельзя перемѣстить обѣ стороны уравненія—напримѣръ, 20 арш. холста=1 сюртуку или=10 ф. чая или 1 четверти пшеницы и т. д. — иначе измѣнится весь его характеръ и оно изъ полной или развитой формы стоимости превратится въ общую ея форму.

Наконецъ, послѣдняя форма *C* придаетъ совокупности всѣхъ товаровъ выраженіе всеобщей общественной относительной формы стоимости только тогда и настолько, когда и насколько всѣ товары, кромѣ только одного, исключаются ею изъ эквивалентной формы. Поэтому, какой-нибудь одинъ товаръ, холстъ, только потому и настолько находится въ формѣ непосредственной вымѣниваемости на всѣ другіе товары, или въ непосредственной общественной формѣ, почему и насколько всѣ другіе товары не обладаютъ такою формою[24]).

Съ другой стороны, товаръ, являющійся эквивалентомъ, исключается изъ всеобщей относительной формы стоимости. Если бы холстъ или какой бы то ни было другой товаръ, служащій всеобщимъ эквивалентомъ, долженъ быть въ тоже время также общей относительной формой стоимости, то онъ служилъ бы эквивалентомъ самому себѣ. У насъ въ такомъ случаѣ получилось бы: 20 арш. холста =20 арш. холста; или получилось бы тожесловіе, въ которомъ не разобрать было бы ни стоимости, ни величины стоимости. Для выраженія относительной стоимости всеобщаго эквивалента, намъ напротивъ того надо взять формулу *C* въ обратной послѣдовательности. Такой эквивалентъ не обладаетъ относительной формой стоимости, общей съ другими товарами, но стоимость его выражается относительно въ безчисленномъ рядѣ всякихъ другихъ товаровъ. Такимъ образомъ, полная или развитая форма относительной стоимости, или формы *B*, является теперь особенною относительною формою эквивалентнаго товара.

3) *Переходъ отъ всеобщей формы стоимости къ денежной формѣ.*

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Слѣдовательно, ее можно отнести ко всякому товару. Съ другой стороны, какой-нибудь товаръ находится въ эквивалентной формѣ, въ формѣ *C*, только по тому и настолько, насколько онъ исключается изъ всѣхъ остальныхъ товаровъ какъ ихъ эквивалентъ. И только съ того момента, когда такое исключеніе окончательно произойдетъ только въ какомъ-нибудь одномъ опредѣленномъ родѣ товара, всеобщая форма относительной стоимости міра товаровъ дѣйствительно пріобрѣтаетъ объективную прочность и всеобщее соціальное значеніе.

Общественное отождествленіе натуральной и эквивалентной формъ даннаго рода товара превращается тогда въ денежный товаръ и этотъ товаръ замѣняетъ деньги. Роль всеобщаго эквивалента въ товарномъ мірѣ становится его особенною общественною функціей, а слѣдовательно, его общественною монополіей. Такое привилегированное мѣсто среди товаровъ, — что въ формѣ *B* являлись особенными эквивалентами холста, а въ формѣ *C* сообща выражали свою относительную стоимость въ холстѣ, —завоевалъ себѣ историческимъ путемъ одинъ опредѣленный товаръ— золото. Поэтому, если въ формѣ *C*, вмѣсто холста мы подставимъ золото, то получится:

D. Денежная форма.

$$\left.\begin{array}{r} 20 \text{ арш. холста} = \\ 1 \text{ сюртукъ} = \\ 10 \text{ ф. чаю} = \\ 40 \text{ ф. кофе} = \\ 1 \text{ четв. пшеницы} = \\ {}^1/_2 \text{ тоны желѣза} = \\ x \text{ товара } A = \end{array}\right\} 2 \text{ унціямъ золота.}$$

Переходъ отъ формы *A* къ формѣ *B* существенно разнится отъ перехода формы *B* къ формѣ *C*. Но форма *D* только тѣмъ отличается отъ формы *C*, что общимъ эквивалентомъ является теперь не холстъ, а золото. Въ формѣ *D* золото остается тѣмъ же, чѣмъ былъ холстъ въ формѣ *C* — общимъ эквивалентомъ. Прогрессъ заключается

---

[24]) Отнюдь нельзя сказать, чтобы такое свойство всеобщей непосредственной вымѣниваемости, представлялось бы уже на первый взглядъ полярною противоположностью и настолько же тѣсно связаннымъ съ своимъ противоположнымъ полюсомъ, отсутствіе непосредственной вымѣниваемости, какъ положительный полюсъ магнита связанъ съ отрицательнымъ. Не трудно было бы представить, что всѣмъ товарамъ можно придать свойство непосредственной вымѣниваемости, подобно тому какъ легко вообразить, что всѣ католики могли бы сдѣлаться папами. Для мѣщанства, которое въ товарной формѣ производства видитъ nec plus ultra человѣческой свободы и индивидуальной независимости, было бы конечно очень желательно устранить темныя стороны этой формы, въ особенности же не непосредственную вымѣниваемость товаровъ. Соціализмъ Прудона — родное дѣтище этой филистерской утопіи, причемъ этотъ соціализмъ, какъ это я показалъ въ другомъ мѣстѣ, не обладаетъ даже достоинствомъ оригинальности, а былъ задолго до Прудона и гораздо лучше его развитъ Bray, Gray и другими. Это нисколько однако не мѣшаетъ тому, что подобная премудрость процвѣтаетъ въ извѣстныхъ кругахъ подъ именемъ „science“, науки. Никогда ни одна школа не злоупотребляла такъ словомъ „science“, какъ школа Прудона, потому что

«Wo Begriffe fehlen,
Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein».
Гдѣ не хватаетъ понятій, тамъ во время является слово).

только въ томъ, что форма непосредственной всеобщей вымѣниваемости или общая эквивалентная форма теперь срослась, окончательно отождествилась, вслѣдствіе общественной привычки, со спеціальной естественной формой товара — съ золотомъ.

Золото только потому противополагается другимъ товарамъ въ качествѣ денегъ, что уже оно противостояло имъ въ качествѣ товара. Подобно всѣмъ другимъ товарамъ оно служило эквивалентомъ: или единичнымъ эквивалентомъ, въ единичныхъ актахъ обмѣна, или особеннымъ эквивалентомъ рядомъ съ другими товарными эквивалентами. Мало-по-малу, въ измѣняющихся предѣлахъ, оно стало всеобщимъ эквивалентомъ. Завоевавъ себѣ монополію этого положенія въ выраженіи стоимости міра товаровъ, золото становится денежнымъ товаромъ, и только съ того мгновенія какъ оно уже стало денежнымъ товаромъ, форма D начинаетъ отличаться отъ формы C, или изъ общей формы стоимости она обращается въ денежную форму.

Простое относительное выраженіе стоимости какого-нибудь товара — напримѣръ холста — въ товарѣ, являющемся уже денежнымъ товаромъ, напримѣръ въ золотѣ, есть форма цѣны. Поэтому «форма цѣны» холста будетъ:

20 арш. холста = 2 унц. золота,

или, если денежное наименованіе 2 унц. золота будетъ 2 ф. стерл., то

20 арш. холста = 2 фунт. стерл.

Трудность пониманія денежной формы ограничивается трудностью пониманія всеобщей эквивалентной формы, слѣдовательно, всеобщей формы стоимости вообще, — формы C. Но форма C выводится изъ формы B, развитой формы стоимости, элементъ же, составляющій форму B, есть форма A: 20 арш. холста = 1 сюртуку, или x товара $A = y$ товара B. Простая товарная форма есть, слѣдовательно, зачатокъ денежной формы.

4) *Фетишизмъ товаровъ и его тайна.*

Товаръ съ перваго взгляда всѣмъ кажется понятною, обыкновенною, простою вещью; но анализъ его показалъ, что эта вещь очень сложная, полная метафизическихъ мудрствованій и теологическихъ тонкостей. Какъ потребительная стоимость въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго, все равно смотрѣть-ли на него, какъ на вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ человѣческія потребности, или пріобрѣтаетъ эти свойства только, какъ продуктъ человѣческаго труда. Очевидно, что человѣкъ своею дѣятельностью видоизмѣняетъ природный матеріалъ съ пользою для себя. Форма дерева, напримѣръ, измѣняется, когда изъ него дѣлаютъ столъ. Тѣмъ не менѣе столъ остается все тою-же обыкновенною, видимою, чувственною вещью. Но лишь только онъ является товаромъ, какъ тотчасъ-же превращается въ вещь чувственно-сверхчувственную. Онъ не только стоитъ своими ногами на полу, но по отношенію ко всѣмъ другимъ товарамъ становится, такъ сказать, на свою деревянную голову и предается идеямъ несравненно болѣе причудливымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда продѣлываетъ «столоверченіе».

Загадочный характеръ товара возникаетъ, слѣдовательно, не изъ его потребительной стоимости. Онъ возникаетъ также не изъ свойствъ стоимости. Во-первыхъ, какъ бы различны ни были виды полезнаго труда или производительной дѣятельности, тѣмъ не менѣе это физіологическій фактъ, что всѣ они являются слѣдствіями отправленій человѣческаго организма, и что каждое такое отправленіе, каковы-бы ни были его содержаніе и форма, есть въ сущности трата человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, органовъ чувствъ и пр. Во-вторыхъ, что касается продолжительности этой траты — лежащей въ основаніи опредѣленія величины стоимости — или количества труда, то всякому понятно, что количество труда не равно его качеству. Человѣка, во всѣхъ его общественныхъ состояніяхъ, хотя и неодинаково на разныхъ ступеняхъ его развитія, должно было постоянно интересовать то рабочее время, которое необходимо для производства средствъ существованія [25]). Наконецъ, какъ только люди начинаютъ какимъ нибудь образомъ работать одни для другихъ, ихъ трудъ пріобрѣтаетъ также общественную форму.

Что же за причина загадочности продукта труда, лишь только онъ принимаетъ форму товара? Причина это—самая форма. Равенства всѣхъ родовъ человѣческаго труда объективно выражаются въ томъ, что всѣ эти продукты имѣютъ одинаковую стоимость; опредѣленіе величины траты рабочей силы продолжительностью такой траты принимаетъ форму величины стоимости продуктовъ труда и, наконецъ, взаимныя отношенія производителей, въ которыхъ обнаруживается общественный характеръ ихъ труда, принимаютъ форму общественнаго отношенія продуктовъ труда.

Товаръ, стало быть, становится таинственною вещью просто по тому, что общественный характеръ человѣческаго труда представляется объективнымъ свойствомъ, которымъ одаренъ продуктъ этого труда; поэтому также отношеніе производителей ко всей суммѣ ихъ собственнаго

---

[25]) У древнихъ германцевъ единица измѣренія земли опредѣлялась тою площадью, которая требовала работы одного дня, и называлась Tagwerk, Tagwanne (journale или terra journalis или diornalis) Mannwerk, Mannskraft, Mannsmaad, Manushanet и т. п. (См. G. L. von Maurer: «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof- u. s. w. Verfassung», München, 1859, p. 129 и слѣд.). Кромѣ того выраженіе «journal» земли до сихъ поръ сохранилось еще кое-гдѣ во Франціи.

труда представляется имъ общественнымъ отношеніемъ, существующимъ не между ними самими, а внѣ ихъ, между продуктами ихъ труда. Вотъ почему эти продукты становятся товарами, предметами чувственно-сверхчувственными или общественными. Вѣдь и впечатлѣніе свѣта отъ какого нибудь предмета ощущается нами не какъ субъективное ощущеніе нашего зрительнаго нерва, а какъ вещественная форма чего-то, находящагося внѣ самаго глаза. Но въ актѣ зрѣнія въ дѣйствительности свѣтъ отбрасывается отъ внѣшняго предмета на другой предметъ, глазъ. Это физическое отношеніе между физическими предметами. Форма же стоимости и отношеніе стоимости продуктовъ труда, въ которыхъ она проявляется, наоборотъ, не имѣютъ ничего общаго съ ихъ физической природой и возникающими изъ нея вещественными отношеніями. Опредѣленное общественное отношеніе людей между собою въ ихъ глазахъ принимаетъ при этомъ фантастическую форму отношеній между предметами. Чтобы найти аналогію подобныхъ отношеній, намъ придется обратиться въ туманную область народныхъ вѣрованій, гдѣ произведенія человѣческаго ума кажутся независимыми существами, одаренными жизнью и вступающими въ отношенія между собою и съ людьми. То же самое происходитъ въ товарномъ мірѣ съ продуктами человѣческихъ рукъ. Это есть фетишизмъ, присущій продуктамъ труда, разъ они являются товарами, а потому неотдѣлимый отъ товарнаго производства.

Подобный фетишизмъ товаровъ возникаетъ, какъ это уже было видно изъ предшествующаго анализа изъ особеннаго общественнаго характера труда, который ихъ производитъ.

Предметы потребленія становятся вообще товарами, потому что представляютъ собою продукты труда отдѣльныхъ лицъ или группъ отдѣльныхъ лицъ, занимающихся производствомъ вполнѣ независимо одни отъ другихъ. Полная сумма труда всѣхъ этихъ независимыхъ отдѣльныхъ лицъ даетъ совокупность труда всего общества. Но такъ какъ производители вступаютъ въ общественное соприкосновеніе между собою только тогда, когда обмѣниваются продуктами своего труда, то специфическій общественный характеръ труда каждаго изъ нихъ проявляется лишь въ актѣ обмѣна. Говоря иначе, трудъ отдѣльныхъ лицъ обнаруживаетъ свой характеръ какъ часть общественнаго труда только непосредственными отношеніями акта обмѣна между продуктами и косвенно, черезъ ихъ посредство, между производителями. Поэтому для послѣднихъ отношенія, связывающія трудъ отдѣльнаго лица съ трудомъ остальныхъ, представляются не непосредственнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ лицъ, занимающихся изготовленіемъ продуктовъ, но наоборотъ тѣмъ, чѣмъ они представляются въ дѣйствительности, вещественнымъ отношеніемъ между лицами и общественнымъ отношеніемъ между вещами.

Только въ актѣ обмѣна продукты труда пріобрѣтаютъ однородное для нихъ для всѣхъ общественное существованіе, они становятся стоимостями, пріобрѣтаютъ свойство, отличное отъ ихъ разнообразныхъ видовъ существованія какъ предметовъ потребленія. Это раздвоеніе продукта на предметъ потребленія и на предметъ, имѣющій стоимость, только тогда пріобрѣтаетъ практическое значеніе, когда обмѣнъ настолько дѣлается распространеннымъ, что предметы потребленія производятся исключительно съ цѣлью обмѣна, когда поэтому характеръ ихъ какъ стоимостей слѣдуетъ уже имѣть въ виду заранѣе, при самомъ ихъ производствѣ. Съ этого момента трудъ отдѣльнаго производителя получаетъ двойственный характеръ. Съ одной стороны, какъ опредѣленный родъ полезнаго труда, его работа должна удовлетворить опредѣленной общественной потребности, поэтому должна составлять часть работъ всего общества и быть отраслью общественнаго раздѣленія работъ, раздѣленія, возникшаго самопроизвольно, стихійно. Съ другой стороны, работы могутъ удовлетворять разнообразнымъ потребностямъ самихъ индивидуальныхъ производителей настолько, насколько каждая изъ отдѣльныхъ полезныхъ работъ можетъ быть обмѣнена на всякую другую полезную работу отдѣльнаго лица, слѣдовательно, насколько она равнозначуща послѣдней. Равенство же разнообразныхъ работъ можетъ заключаться только въ отвлеченіи отъ ихъ дѣйствительнаго несходства, въ приведеніи ихъ къ общему имъ всѣмъ свойству, которымъ всѣ онѣ одарены, будучи тратой человѣческой рабочей силы, къ абстрактному человѣческому труду. Двойственный общественный характеръ труда отдѣльныхъ лицъ отражается въ ихъ головахъ лишь въ томъ видѣ, который ему придаетъ дѣйствительное обращеніе, обмѣнъ продуктовъ. Стало быть, то свойство его собственнаго труда, что онъ общественно полезенъ, принимаетъ форму условія, необходимаго, чтобы продуктъ его труда былъ не только полезенъ для себя, но и для другихъ; общественный характеръ его собственаго труда, равный всѣмъ другимъ разнообразнымъ родамъ труда, пріобрѣтаетъ форму, въ какой всѣ вещественно различные предметы — если только они произведены человѣческимъ трудомъ — имѣютъ одно общее имъ всѣмъ свойство, т. е. всѣ они обладаютъ стоимостью.

Если мы и сопоставляемъ продукты нашего труда какъ стоимости, то дѣлаемъ это не вслѣдствіе того, что въ этихъ предметахъ видимъ простыя вещественныя оболочки, подъ которыми скрывается однородный человѣческій трудъ. Наоборотъ, какъ только мы приравниваемъ свои разнообразные продукты одни къ другимъ, мы уже этимъ устанавливаемъ равенство различнаго

рода потраченнаго на нихъ труда, какъ труда человѣческаго. Мы поступаемъ такъ безсознательно[26]). Съ перваго взгляда мы не знаемъ, что такое стоимость; каждый продуктъ труда она превращаетъ въ общественный іероглифъ. Позднѣе люди стараются разобрать смыслъ іероглифа, разгадать тайну своего собственнаго общественнаго продукта, а превращеніе предметовъ потребленія въ стоимость, это такой же общественный продуктъ какъ и языкъ. Позднѣйшее научное открытіе, благодаря которому узнали, что продукты труда насколько они представляютъ стоимости, суть простыя вещественныя выраженія человѣческаго труда, потраченнаго на ихъ производство, хотя составляетъ эпоху въ исторіи развитія человѣчества, но нисколько не разсѣиваетъ тумана, за которымъ общественный характеръ труда представляется намъ объективнымъ свойствомъ самихъ продуктовъ. То, что вѣрно только для этой особенной формы производства, для товарнаго производства,—именно, что специфически общественный характеръ частныхъ работъ, другъ отъ друга независимыхъ, заключается въ равенствѣ всѣхъ родовъ человѣческаго труда, и что такой специфически общественный характеръ придаетъ имъ объективную форму, форму стоимости продуктовъ труда,—представляется производителямъ, несмотря на только что упомянутое открытіе, настолько же реальнымъ и конечнымъ, какъ тотъ фактъ, что послѣ открытія химическихъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ воздухъ, самый воздухъ, какъ физическое тѣло, остался такимъ же, какимъ былъ и до такого открытія.

Производителей продуктовъ при обмѣнѣ ихъ прежде всего интересуетъ, много-ли чужихъ продуктовъ они получатъ въ обмѣнъ за свои собственные, стало быть, въ какомъ соотношеніи обмѣниваются продукты одни на другіе. Лишь только обычай придастъ такимъ соотношеніямъ извѣстную устойчивость, кажется какъ будто эти соотношенія возникаютъ изъ свойства продукта труда, такъ что представляется, напримѣръ, что тонна желѣза и двѣ унціи золота настолько же естественно обладаютъ одинаковою стоимостью, какъ то, что фунтъ золота и фунтъ желѣза обладаютъ одинаковымъ вѣсомъ, несмотря на различіе ихъ физическихъ и химическихъ свойствъ. Если разъ продукты труда получили свойство обладать стоимостью, то свойство это пріобрѣтаетъ устойчивость лишь въ томъ случаѣ, когда продукты эти дѣйствуютъ и воздѣйствуютъ одни на другіе, какъ величины стоимостей. Величины эти постоянно мѣняются, независимо отъ воли, предусмотрительности и дѣятельности обмѣнивающихся. Въ ихъ глазахъ собственная ихъ общественная дѣятельность пріобрѣтаетъ форму дѣятельности вещей, которая вмѣсто того, чтобы подчиняться дѣятельности производителей, подчиняетъ ее себѣ. Нужно вполнѣ развитое производство потребительныхъ стоимостей въ видѣ товаровъ, прежде чѣмъ, путемъ одного только накопившагося опыта, появится научное убѣжденіе, что всѣ роды специальныхъ работъ, хотя и выполняются независимо однѣ отъ другихъ, всетаки всесторонне зависятъ однѣ отъ другихъ, какъ развѣтвленія естественно возникшаго всесторонняго общественнаго дѣленія труда, и постоянно сводятся къ количественнымъ соотношеніямъ, въ какихъ нуждается въ нихъ общество. И это вслѣдствіе того, что сквозь случайныя и вѣчно колеблющіяся мѣновыя соотношенія между продуктами отдѣльныхъ производителей насильственно прорывается, какъ законъ природы, которому подчиняются, то рабочее время, которое общественно необходимо на ихъ производство, подобно тому какъ законъ тяжести проявляется когда кому нибудь на голову обрушивается домъ [27]). Опредѣленіе величины стоимости рабочимъ временемъ есть слѣдовательно тайна, скрытая въ видимыхъ колебаніяхъ относительныхъ стоимостей товаровъ. Хотя открытіе ея, и устраняетъ кажущуюся простую случайность въ опредѣленіи величины стоимости продуктовъ, но не устраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ форму, представляющую эту величину въ видѣ отношенія вещей между собою, между самими продуктами труда.

Размышленія о формахъ человѣческой жизни, какъ и научный анализъ ихъ, идетъ по пути прямо противоположному дѣйствительному ихъ развитію. Начинается онъ post festum, имѣя стало быть передъ собою готовые результаты процесса развитія. Свойства, придающія продуктамъ труда форму товаровъ, и представляющія поэтому необходимыя условія обращенія товаровъ, уже пріобрѣли устойчивость естественныхъ формъ общественной жизни, прежде чѣмъ человѣкъ сможетъ дать себѣ отчетъ не объ историческомъ характерѣ этихъ непреложныхъ по его мнѣнію формъ, но объ ихъ содержаніи. Вслѣдствіе этого только анализъ цѣнъ товаровъ

---

[26]) Ко 2-му изд. Если поэтому Галіани говоритъ: „La ricchezza è una ragione tra due persone“ — стоимость есть отношеніе между двумя лицами,—то ему слѣдовало бы прибавить: отношеніе, скрытое подъ вещественной оболочкой. (Galiani: Della Moneta», p. 220 v. III въ сборникѣ Custodi: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte Moderna. Milano 1801).

[27]) «Что слѣдуетъ думать о законѣ, который можетъ проявляться лишь періодическими переворотами? Это просто законъ природы, который основывается на безсознательности тѣхъ, кто подчиняется ему». (Fr. Engels: «Umrisse zu einer Kritik der Nationaloekonomie» p. 103, въ «Deutsch-Französische Jahrbücher, von Arnold Ruge und Karl Marx». Paris, 1844).

привелъ къ опредѣленію величины ихъ стоимости, и только общее всѣмъ товарамъ выраженіе ихъ въ деньгахъ повело къ установленію ихъ свойствъ какъ стоимостей. Но эта законченная и установившаяся форма товарнаго міра, ихъ денежная форма, вмѣсто того, чтобы обнаруживать общественный характеръ индивидуальныхъ работъ, а слѣдовательно общественныя отношенія индивидуальныхъ рабочихъ, только лишь затемняетъ его. Если мы говоримъ, что сюртукъ, сапоги и т. п. относятся къ золоту какъ всеобщему воплощенію абстрактнаго человѣческаго труда, то нелѣпость такого выраженія намъ сразу же бросается въ глаза. Однако если производители сюртука, сапоговъ и т. п. сопоставляютъ эти товары съ холстомъ—или же съ золотомъ, серебромъ, что нисколько не мѣняетъ дѣла — какъ всеобщимъ эквивалентомъ, то этимъ самымъ они выражаютъ соотношеніе своего индивидуальнаго труда къ совмѣстному труду всего общества какъ разъ въ той же самой нелѣпой формѣ.

Категоріи буржуазной политической экономіи изъ подобныхъ формъ и состоятъ. Эти формы мышленія объективно истинны, насколько онѣ отражаютъ дѣйствительныя общественныя отношенія, но отношенія эти имѣютъ силу только для опредѣленной данной исторической эпохи, когда товарное производство является общественнымъ способомъ производства. Значитъ, если мы возьмемъ другія формы производства, то тотчасъ же исчезнетъ вся таинственность, все волшебство, какими облекаютъ продукты труда, едва они принимаютъ форму товаровъ.

Обыкновенно экономисты любятъ брать въ примѣръ Робинсона Крузо [28]), обратимся и мы къ нему. Какъ бы его потребности скромны ни были, но ему все же надо удовлетворять нѣкоторыя изъ нихъ, а для этого ему приходится на своемъ островѣ производить разнородныя полезныя работы, изготовлять рабочіе инструменты, домашнюю утварь, приручать ламъ, охотиться, заниматься рыболовствомъ и т. п. Мы уже не говоримъ объ его молитвѣ и другихъ духовныхъ потребностяхъ, доставляющихъ ему удовольствіе и служащихъ ему отдыхомъ. Несмотря на разнообразіе его работъ, онъ знаетъ, что его трудъ, въ какой бы формѣ онъ не былъ, представляетъ собою его же Робинсона разнообразную дѣятельность, что стало быть всѣ эти работы состоятъ не изъ чего другаго, какъ только изъ разнаго рода человѣческаго труда. Необходимость заставляетъ его распредѣлять свое время между различными работами насколько возможно точно. Насколько какой нибудь одинъ родъ его работъ отнимаетъ изъ всей его дѣятельности больше времени, чѣмъ какой нибудь другой, это зависитъ отъ необходимости преодолѣвать большія или меньшія затрудненія для достиженія задуманнаго полезнаго результата. Этому Робинсонъ вскорѣ научается, благодаря опыту, а такъ какъ онъ спасъ съ разбитаго корабля часы, главную бухгалтерскую книгу, перья и чернила, то, какъ истый англичанинъ, тотчасъ заводитъ счетъ самому себѣ. Счетъ его инвентаря содержитъ перечень принадлежащихъ ему предметовъ потребленія, различныхъ приспособленій, необходимыхъ для ихъ изготовленія, наконецъ рабочаго времени, затраченнаго на все количество продуктовъ. Всѣ отношенія между Робинсономъ и предметами, имъ же созданнаго богатства, являются при этомъ такими простыми и ясными, что ихъ пойметъ безъ особеннаго напряженія ума даже г. Максъ Виртъ, а между тѣмъ въ этихъ отношеніяхъ и заключается все существенное для опредѣленія стоимости.

Оставимъ теперь свѣтлый островъ Робинсона и перенесемся въ погруженную во мракъ средневѣковую Европу. Здѣсь, вмѣсто независимыхъ людей, мы встрѣчаемъ рабовъ: крѣпостныхъ и помѣщиковъ, вассаловъ и сюзереновъ, мірянъ и духовенство. Личная зависимость характеризуетъ при этомъ общественныя условія матеріальнаго производства на столько же, насколько она характеризуетъ всѣ прочія сферы жизни, для которыхъ она служитъ основаніемъ. Но, именно вслѣдствіе того, что основаніемъ общества является личная зависимость, всѣ общественныя отношенія представляются личными отношеніями; слѣдовательно для труда въ его разныхъ видахъ и для продуктовъ этого труда нѣтъ необходимости принимать фантастическія формы, отличныя отъ ихъ реальности. Они принимаютъ форму личной службы, натуральной повинности или платежа натурою. При этомъ непосредственно общественной формой труда является работа въ ея натуральной формѣ, съ ея особенностями, не такъ какъ въ обществѣ, основанномъ на производствѣ товаровъ, гдѣ такой трудъ имѣетъ общую абстрактную форму. Барщинный трудъ точно также какъ трудъ производящій товары, измѣряется временемъ; но каждый крѣпостной знаетъ, что то, что онъ тратитъ на службу своему помѣщику, есть опредѣленное количество его собственной личной рабочей силы. Десятина, отдаваемая патеру — дѣйствительность болѣе очевидная, чѣмъ его благословленіе. Поэтому, что бы мы ни думали

---

[28]) Ко 2-му изд. У Рикардо есть своя робинсонада. «Первобытный рыбакъ и охотникъ являются въ его глазахъ торговцами обмѣнивающимися рыбою и дичью, сообразно рабочему времени, овеществленному въ этихъ мѣновыхъ стоимостяхъ. При этомъ онъ впадаетъ въ анахронизмъ, заставляя этихъ лицъ, насколько при этомъ должны браться въ соображенія ихъ рабочія орудія, пользоваться для вычисленія ежегоднаго погашенія ихъ и уплаты процентовъ таблицами, принятыми на лондонской биржѣ 1817 г. Какъ будто единственная общественная форма, которая ему была извѣстна, кромѣ буржуазной», это «параллелограммы Mr Owen' а»)Karl Marx: «Zur Kritik» etc. 38, 39)

о роли различныхъ классовъ въ этомъ обществѣ и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, они, эти общественныя отношенія между отдѣльными лицами въ смыслѣ производимыхъ каждымъ изъ нихъ работъ, являются опредѣленно, въ видѣ ихъ собственныхъ личныхъ отношеній, а не въ извращенномъ видѣ общественныхъ отношеній между вещами, между продуктами труда.

Нѣтъ надобности за примѣромъ общаго труда или труда непосредственно общественнаго обращаться намъ къ стихійно возникшей формѣ его, которую мы находимъ у всѣхъ цивилизованныхъ расъ въ раннемъ періодѣ ихъ исторіи [29]). Подобный примѣръ у насъ подъ руками, въ видѣ патріархальнаго хозяйства крестьянскаго семейства, занимающагося производствомъ хлѣба, скота, пряжи, холста и одежды для домашняго употребленія. Эти различные предметы для самого семейства представляются въ видѣ различныхъ продуктовъ его труда, а не въ видѣ товаровъ, которые обмѣниваются другъ на друга. Различные роды труда, производящіе эти предметы,—земледѣліе, скотоводство, пряденіе, ткачество, портняжество—уже съ самого начала являются общественными функціями, такъ какъ они являются функціями семейства, имѣющаго свое собственное, естественно возникшее раздѣленіе труда, точно также какъ и товарное производство. Работы распредѣляются внутри семейства и рабочее время различныхъ его членовъ регулируется въ зависимости какъ отъ различія возраста и пола, такъ и отъ естественныхъ условій, измѣняющихся вмѣстѣ съ временами года. При этомъ, благодаря уже прямо общественнымъ свойствомъ труда отдѣльныхъ лицъ, вслѣдствіе того, что рабочія силы ихъ являются при этомъ только частью общей рабочей силы всего семейства, является измѣреніе траты рабочихъ силъ отдѣльныхъ лицъ продолжительностью такой траты.

Возьмемъ, наконецъ, общину свободныхъ лицъ, работающихъ при помощи средствъ производства принадлежащихъ общинѣ, каждый членъ которой расходуетъ свои индивидуальныя рабочія силы сознательно, какъ общественную рабочую силу. Все, что мы сказали о работѣ Робинсона, при этомъ повторяется, съ тою впрочемъ разницей, что теперь идетъ дѣло о работахъ общественныхъ, а не личныхъ. Всякая вещь, сдѣланная Робинсономъ, была продуктомъ его личнаго труда, и служила исключительно для его личнаго потребленія. Продуктъ же нашей общины всецѣло есть продуктъ общественный. Часть этого продукта служитъ снова средствомъ производства, она и остается общественною. Другая же часть расходуется членами общины какъ средства существованія. Поэтому она должна быть распредѣлена между ними. Способъ такого распредѣленія измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ самой производительной организаціи общины и соотвѣтствующей ей степени историческаго развитія, достигнутой производителями. Чтобы представить это дѣло параллельно товарному производству, предположимъ, что доля каждаго производителя на средства существованія опредѣляется его рабочимъ временемъ. Рабочее время въ такомъ случаѣ имѣетъ двоякое значеніе. Съ одной стороны, распредѣленіе его по опредѣленному общественному плану, устанавливаетъ должное соотношеніе различныхъ работъ къ различнымъ потребностямъ, а съ другой стороны, оно въ тоже время служитъ мѣрою участія каждаго отдѣльнаго производителя въ общей работѣ, а слѣдовательно и доли его въ части общаго продукта, предназначенной для личнаго потребленія. При подобныхъ условіяхъ общественныя отношенія отдѣльныхъ лицъ въ ихъ трудѣ и въ продуктахъ ихъ труда являются совершенно простыми и удобопонятными, какъ въ производствѣ, такъ и въ распредѣленіи.

Религіозный міръ есть отраженіе міра дѣйствительнаго, а потому для общества, гдѣ продукты труда принимаютъ обыкновенно форму товаровъ, и гдѣ, слѣдовательно, наиболѣе обычное отношеніе между производителями заключается въ сравненіи ими стоимостей ихъ продуктовъ, и подъ видомъ такого сравненія предметовъ, въ приведеніи своего частнаго личнаго труда къ мѣркѣ однороднаго человѣческаго труда,—для такого общества христіанство съ его культомъ абстрактнаго человѣка, и въ особенности, въ его буржуазномъ развитіи — въ протестантствѣ, деизмѣ и т. п., представляетъ наиболѣе подходящую форму вѣрованій. Въ древнеазіатскихъ, античныхъ и т. п. способахъ производства превращеніе продуктовъ въ товаръ, слѣдовательно, превращеніе людей въ товаропроизводителей, играетъ подчиненную роль, послѣдняя становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе общинное хозяйство близится къ своему разложенію. Настоящіе торговые народы встрѣчаются только въ расщелинахъ древняго міра, подобно богамъ Эпикура или евреямъ въ порахъ польскаго общества. Эти древнія общественны

---

[29]) Ко 2-му изд. «Въ послѣднее время распространился смѣшной предразсудокъ, будто естественно возникшее общинное владѣніе—форма по преимуществу славянская, даже исключительно русская. На самомъ дѣлѣ общинное землевладѣніе является просто первобытной формой, существованіе которой можно найти у римлянъ, германцевъ, кельтовъ, многочисленные образчики которой встрѣчаются даже и въ настоящее время у индусовъ, хотя бы и въ состояніи упадка и разложенія. Болѣе глубокое изученіе азіатскихъ, въ особенности индійскихъ формъ общиннаго владѣнія, разъяснитъ, какимъ образомъ изъ различныхъ формъ его возникли различныя формы его разложенія. Такъ, напримѣръ, происхожденіе разныхъ оригинальныхъ типовъ римской и германской частной собственности можно прослѣдить до различныхъ формъ индусскаго общиннаго владѣнія». (K. Marx. «Zur Kritik» etc., p. 10).

производительныя организаціи гораздо проще и яснѣе буржуазнаго общества, но они основываются или на неразвитіи индивидуальнаго человѣка, который еще не оторвался отъ пуповины, связывающей его естественною родовою связью съ членами общины, или на отношеніяхъ непосредственнаго господства и подчиненія. Они рождаются и существуютъ только тамъ, гдѣ производительныя силы труда находятся еще на очень низкомъ уровнѣ развитія, когда слѣдовательно общественныя отношенія въ области матеріальной жизни, какъ людей между собою, такъ и человѣка къ природѣ, соотвѣтственно очень ограничены. Такая ограниченность идеально отражается въ старинныхъ поклоненіяхъ природѣ и другихъ формахъ народныхъ вѣрованій. Отраженіе дѣйствительнаго міра въ вѣрованіяхъ во всякомъ случаѣ исчезнетъ лишь тогда, когда условія труда и практической жизни дадутъ человѣку ясныя и разумныя отношенія къ ему подобнымъ и къ природѣ. Общественная жизнь, основаніемъ которой служитъ вещественное производство и предполагаемыя имъ отношенія, только тогда освободится отъ окутывающаго ее таинственнаго тумана, когда станетъ произведеніемъ людей, свободно соединившихся въ общество, дѣйствующихъ сознательно и сообразно опредѣленному плану. Но для этого обществу нужна опредѣленная матеріальная основа или совокупность вещественныхъ условій существованія, которыя съ своей стороны представляютъ продуктъ продолжительнаго и мучительнаго процесса развитія.

Хотя, политическая экономія анализировала стоимость и величину стоимости очень неполно [30]), и открыла, что скрывается за этими формами но она ни разу не поставила даже вопроса, почему трудъ выражается въ стоимости его продуктовъ, а рабочее время въ величинѣ этой стоимости? [31]) Формы ясно говорятъ о своей

[30]) Неполнота анализа величины стоимости, сдѣланнаго Рикардо—а это лучшій анализъ ея—будетъ указана въ третьей и четвертой книгахъ этого труда. Что-же касается до стоимости вообще, то классическая политическоя экономія нигдѣ ясно и съ полномъ сознаніемъ не различаетъ труда, насколько онъ выражается въ потребительной стоимости продукта. Фактически она дѣлаетъ это различіе, когда въ одномъ случаѣ разсматриваетъ трудъ количественно, а въ другомъ—качественно. Но она не догадывается, что простое количественное различіе видовъ труда предполагаетъ ихъ качественное единство или равенство, стало быть, приведеніе ихъ къ абстрактному человѣческому труду. Рикардо, напримѣръ, соглашается съ Destutt de Tracy въ слѣдующемъ: «Такъ какъ несомнѣнно, что наши физическія и нравственныя способности представляютъ наше единственное первородное богатство, то употребленіе этихъ способностей на какой нибудь трудъ, есть единственное наше первоначальное сокровище, и что только вслѣдствіе такого употребленія создаются всѣ тѣ вещи, которыя мы называемъ богатствомъ... Настолько-же несомнѣнно, что всѣ эти вещи не представляютъ ничего иного, кромѣ труда, который создалъ ихъ, и что если онѣ и обладаютъ стоимостью, и даже двумя различными стоимостями, то могутъ пріобрѣсти эти стоимости только отъ стоимости труда, отъ котораго они произошли» (Ricardo: «The principles of Political Economy» 3-е изд. London, 1821, p. 334). Тутъ Рикардо придаетъ словамъ Destutt'а свой собственный, болѣе глубокій смыслъ. Хотя съ одной стороны Destutt дѣйствительно говоритъ, что всѣ вещи, составляющія богатство, «представляютъ трудъ, создавшій ихъ», но съ другой стороны онъ утверждаетъ, что онѣ пріобрѣтаютъ свои «двѣ различныя стоимости» (потребительную и мѣновую) отъ стоимости труда». Такимъ образомъ онъ попадаетъ въ область легковѣсной политической экономіи, которая предполагаетъ стоимость какого нибудь товара (въ данномъ случаѣ труда) для того, чтобы ею опредѣлить стоимость другихъ товаровъ. Между тѣмъ Рикардо понимаетъ слова Destutt'а въ томъ смыслѣ, что какъ въ потребительной, такъ и въ мѣновой стоимости выражается трудъ (а не стоимость труда). Но самъ онъ такъ мало различаетъ двойственный характеръ труда, что вынужденъ посвятить цѣлую главу: «Value and Riches, Their distinctive Properties» на борьбу съ большими усиліями противъ пошлостей какого нибудь J. B. Say. Но въ концѣ концовъ онъ оказывается очень удивленнымъ, найдя, что хотя Destutt и сходится съ нимъ въ томъ, что трудъ есть источникъ стоимости, но что съ другой стороны тотъ-же Destutt раздѣляетъ мнѣніе о стоимости, котораго придерживается Say.

[31]) Одинъ изъ основныхъ недостатковъ классической политической экономіи заключается въ томъ, что она никогда не съумѣла вывести изъ анализа товара и именно изъ анализа стоимость товара, форму стоимости, которая какъ разъ и обращаетъ его въ мѣновую стоимость. Даже ея лучшіе представители, Ад. Смитъ и Рикардо, разсматриваютъ форму стоимости, какъ нѣчто совершенно безразличное, или какъ нѣчто постороннее природѣ товара. Происходитъ это не только отъ того, что все ея вниманіе поглощено анализомъ величины стоимости; причина лежитъ глубже. Форма стоимости продукта есть самая абстрактная, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая общая форма капиталистическаго способа производства, который этимъ самымъ пріобрѣтаетъ историческій характеръ, характеръ особаго способа общественнаго производства. Если мы впадемъ въ ошибку и станемъ считать ее за форму естественную, вѣчную, свойственную всѣмъ состояніямъ общества, то конечно, упустимъ также изъ вида особенность формы стоимости, стало быть, товарной формы и ея дальнѣйшаго развитія: денежной формы, формы капитала и т. д. Вотъ почему у экономистовъ даже вполнѣ согласныхъ между собою относительно измѣренія величины стоимости рабочимъ временемъ, можно найти самыя разнообразныя и противорѣчивыя представленія о деньгахъ, то есть о законченной формѣ общаго эквивалента. Особенно это бросается въ глаза, когда рѣчь идетъ о банковомъ дѣлѣ, гдѣ общія мѣста, выдаваемыя за опредѣленія, становятся уже недостаточными. Это повело къ появленію реставрированной меркантильной системы (Ganilh и др.), видящей въ стоимости только общественную форму или скорѣе

принадлежности къ такой общественной организаціи, гдѣ процессъ производства управляетъ человѣкомъ, а не наоборотъ, для ея буржуазнаго сознанія представляются на столько-же очевидною естественною необходимостью, какъ и самый производительный трудъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что она третируетъ всѣ докапиталистическія общественныя производительныя организаціи точно также, какъ отцы церкви третируютъ всѣ дохристіанскія вѣрованія [32]).

До какой степени вводятся въ заблужденіе нѣкоторые экономисты фетишизмомъ, присущимъ товарному міру, или матеріальною внѣшностью общественныхъ признаковъ труда, видно, между

ея призракъ, лишенный содержанія.—При этомъ разъ на всегда замѣчу, что подъ классической политической экономіей мы понимаемъ всю ту политическую экономію, которая, начиная съ William Petty, стремится постигнуть реальную внутреннюю связь капиталистическихъ условій производства, въ противоположность легковѣсной политической экономіи, которая довольствуется видимою, кажущеюся связью для правдоподобнаго объясненія, такъ сказать, грубѣйшихъ явленій для домашняго употребленія буржуазіи, постоянно вновь пережевываетъ матеріалъ, уже давнымъ давно доставленный научною политической экономіей, въ остальномъ же довольствуется тѣмъ, что педантически систематизируетъ и провозглашаетъ вѣчными истинами иллюзіи, которыми буржуазія такъ любитъ населять свой собственный міръ, этотъ лучшій изъ міровъ.

[32]) Экономисты поступаютъ иногда очень странно. Для нихъ существуетъ только два рода учрежденій, искусственныя и естественныя. Они въ этомъ случаѣ похожи на богослововъ, которые также устанавливаютъ два рода вѣрованій. Всякое вѣрованіе, исповѣдуемое другими, чужое, есть изобрѣтеніе человѣческое, тогда какъ ихъ собственное вѣрованіе исходитъ отъ Бога. Также было и съ исторіей, но теперь этого уже болѣе нѣтъ» (Karl Marx: «Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère par Proudhon», 1847, p. 113). Еще болѣе смѣшонъ Бастіа, который воображаетъ, что древніе греки и римляне жили только грабежемъ. Если цѣлыя столѣтія подрядъ живутъ грабежемъ, то должно же постоянно находиться нѣчто, что можно грабить, иначе говоря, предметы для грабежа должны постоянно воспроизводиться. Поэтому-то и кажется, какъ будто у грековъ и римлянъ тоже былъ какой-то процессъ производства, стало быть, и у нихъ было также хозяйство, которое составляло матеріальную основу ихъ общества какъ буржуазное хозяйство составляетъ основу современнаго. Или быть можетъ Бастіа думаетъ, что способъ производства, основывающійся на рабствѣ, основывается на грабежѣ? Въ такомъ случаѣ онъ становится на опасную почву. Если такой гигантъ-мыслитель, какъ Аристотель, могъ впасть въ ошибку, восхваляя рабскій трудъ, то почему такой пигмей-экономистъ, какъ Бастіа, будетъ непогрѣшимъ въ своемъ восхваленіи наемнаго труда? — Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы въ немногихъ словахъ отвѣтить на упрекъ, сдѣланный мнѣ въ одной нѣмецкой американской газетѣ при появленіи моего сочиненія «Zur Kritik der Politischen Ekonomie», 1859. Въ этомъ сочиненіи говорилось, что «люди для созданія матеріальныхъ условій своей общественной жизни, вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, — производственныя отношенія, соотвѣтствующія опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность такихъ производственныхъ отношеній образуютъ экономическую организацію общества, реальное основаніе, на которомъ высятся правовые и политическія надстройки, и которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія. Вообще весь ходъ общественной, политической и духовной жизни находится въ полной зависимости отъ способа производства матеріальной жизни. Не сознаніе человѣка опредѣляетъ формы его бытія, а наоборотъ, его общественное бытіе опредѣляетъ формы его сознанія. Матеріальныя производительныя силы общества, на извѣстной степени своего развитія, вступаютъ въ противорѣчіе съ данными производственными отношеніями, или, что есть только правовое выраженіе этого, съ отношеніями собственности, въ предѣлахъ которыхъ они до сихъ поръ вращались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ отношенія эти становятся тормазами ихъ. Тогда наступаетъ время общественнаго переворота. Одновременно съ измѣненіемъ экономическаго фундамента перестраивается болѣе или менѣе скоро также вся огромная надстройка. Разсматривая такія преобразованія, слѣдуетъ постоянно различать вещественныя преобразованія въ хозяйственныхъ условіяхъ производства, которыя можно опредѣлить съ естественно-научною точностью, отъ преобразованій правовыхъ, политическихъ, религіозныхъ или философскихъ, словомъ идеолическихъ формъ, въ которыхъ противорѣчіе это доходитъ до сознанія человѣка, и въ которыхъ вступаютъ съ нимъ въ борьбу. Какъ нельзя судить о человѣкѣ по тому, что онъ думаетъ о себѣ, такъ нельзя судить также о такой эпохѣ преобразованій по ея сознанію; напротивъ того само это сознаніе вытекаетъ изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ противорѣчія, существующаго между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Любая изъ общественныхъ стадій развитія приходитъ въ упадокъ не раньше, чѣмъ разовьетъ всѣ свои производительныя силы, которымъ есть еще гдѣ развиваться, и новыя высшія производственныя отношенія замѣняютъ ее, не прежде чѣмъ матеріальныя условія существованія ихъ созрѣютъ въ самихъ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно въ состояніи разрѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи мы всегда найдемъ, что самыя задачи возникаютъ лишь тогда, когда существуютъ матеріальныя условія для ихъ разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, когда уже они нарождаются. Въ общихъ чертахъ можно сказать, что поступательными стадіями развитія хозяйственной общественной формаціи являются способы производства: азіатскій, античный, феодальный и современный капиталистическій. Капиталистическія производственныя отношенія есть послѣдняя антагонистическая форма общественнаго процесса производства, антагонистическая не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а антагонизма, возникшаго изъ общественныхъ условій существованія личностей; но производительныя силы, развивающіяся въ нѣдрахъ капиталистическаго общества создаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальныя условія для разрѣшенія подобнаго

прочимъ, изъ продолжительнаго и скучнаго спора о роли природы въ образованіи мѣновой стоимости. Такъ какъ мѣновая стоимость есть особенный общественный способъ, которымъ выражается количество труда, потраченнаго на какую нибудь вещь, то въ ней, можетъ быть, природнаго содержанія столько-же, сколько напримѣръ въ вексельномъ курсѣ.

Такъ какъ способъ производства, при которомъ продукты принимаютъ форму товаровъ, или изготовляются исключительно для обмѣна, представляетъ самую общую и наименѣе развитую форму капиталистическаго производства и появляется уже въ раннихъ періодахъ исторіи, хотя и не въ такой преобладающей и характерной формѣ, какъ въ настоящее время, то фетишистическій характеръ этой формы сравнительно какъ будто не трудно распознать. Въ конкретныхъ формахъ исчезаетъ даже этотъ призракъ простоты. Откуда, напримѣръ, возникаютъ заблужденія меркантильной системы? Для нея золото и серебро, служа деньгами, не имѣли общественнаго отношенія между производителями, а были естественными предметами, обладающими странными общественными свойствами. Ну, а новѣйшая политическая экономія, которая съ такимъ высокомѣріемъ относится къ меркантильной системѣ, развѣ не проявляетъ своего фетишизма, какъ только заведетъ рѣчь о капиталѣ? Давно-ли исчезло физіократическое заблужденіе, что земельная рента возникаетъ изъ земли, а не изъ общества?

Не забѣгая сильно впередъ, приведемъ только одинъ примѣръ относительно самой товарной формы. Если бы товары могли говорить, то они сказали бы: наша потребительная стоимость можетъ интересовать человѣка; но это не есть нѣчто такое, что свойственно намъ, какъ вещамъ. То, что свойственно намъ, какъ вещамъ, это—наша стоимость. Это доказываетъ наше обращеніе, какъ товаровъ. Мы относимся другъ къ другу только какъ мѣновыя стоимости. Вотъ, что говоритъ устами экономиста товарная душа: «Стоимость (мѣновая) это—свойство вещей; богатство (потребительная стоимость) — свойство человѣка. Въ этомъ смыслѣ стоимость предполагаетъ обмѣнъ, богатство же не предполагаетъ» [33]). «Богатство присуще человѣку, стоимость присуща товару. Человѣкъ или общество бываютъ богаты; жемчужина или алмазъ цѣнны!.. Жемчужина или алмазъ цѣнны, какъ жемчужина или алмазъ» [34]). Еще ни одинъ химикъ не открылъ до сихъ поръ мѣновой стоимости ни въ жемчугѣ, ни въ алмазѣ. Экономисты же, открывшіе такое химическое вещество и имѣющіе особенную претензію на критическую глубину, находятъ, что потребительная стоимость вещей независима отъ ихъ вещественныхъ свойствъ, и что мѣновая ихъ стоимость, напротивъ того принадлежитъ имъ, какъ вещамъ. Въ этомъ ихъ въ особенности убѣждаетъ то странное обстоятельство, что потребительная стоимость вещей реализуется для человѣка безъ обмѣна, слѣдовательно, въ непосредственномъ отношеніи человѣка къ вещи между тѣмъ какъ съ другой стороны, стоимость реализуется только при помощи обмѣна, т. е. при помощи общественнаго акта. Невольно вспомнишъ при этомъ нашего хорошаго пріятеля Догбери, когда тотъ поучаетъ ночного сторожа Сиколя, что «быть человѣкомъ пріятнымъ, это—даръ судьбы, а умѣнье читать и писать дается отъ природы» [35]).

антагонизма. Поэтому этою общественною формацiей завершается прошедшая исторія человѣческаго общества». Вотъ относительно этого-то мѣста критикъ замѣчаетъ, что все это пожалуй вѣрно для современнаго міра, гдѣ преобладаютъ матеріальные интересы, но не для среднихъ вѣковъ, гдѣ господствовалъ католицизмъ, и не для древнихъ Аѳинъ и Рима, гдѣ преобладала политика. Прежде всего странно думать, что кому бы-то ни было неизвѣстны подобныя общія мѣста о среднихъ вѣкахъ и древнемъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ ясно, что средніе вѣка не могли существовать католицизмомъ, а древній міръ—политикой. Способъ, какимъ они поддерживали свое существованіе, напротивъ того объясняетъ, почему въ одномъ случаѣ политика, а въ другомъ католицизмъ игралъ такую преобладающую роль. Къ тому же не требуется особенно большого знакомства, хотя-бы, съ исторіей римской республики, чтобы знать, что подкладку ея составляетъ исторія поземельной собственности. Съ другой стороны еще Донъ-Кихотъ считалъ странствующее рыцарство одинаково возможнымъ при всѣхъ хозяйственныхъ формахъ общества и за свою ошибку сильно поплатился.

[33]) «Value is a property of things, riches o man. Value, in these sense, necessarily implies exchanges, riches do not». («Observations on some verbal dispute in Political Economy, particulary relating to value and to supply and demand». London 1821, p. 16).

[34]) «Riches are the attribute of man, value is the attribute of commodities. A man or community is rich, a pearl or a diamond is valuable... A pearl or diamond is valuable as pearl or diamond». (S. Bailey l. c. p. 165).

[35]) Авторъ «Observations» и S. Bailey обвиняютъ Рикардо въ томъ, что онъ превратилъ мѣновую стоимость изъ только относительнаго въ нѣчто абсолютное. Напротивъ того: кажущуюся относительность, которою обладали эти вещи, напр. алмазы и жемчугъ, какъ мѣновыя стоимости, онъ привелъ къ истинному отношенію, скрытому подъ наружною внѣшностію, къ ихъ относительности какъ простому выраженію человѣческаго труда. Если рикордіанцы отвѣчали Bailey'ю рѣзко, но не убѣдительно, то это только потому, что они не нашли у самаго Рикардо объясненія внутренней связи между стоимостью и формою стоимости или мѣновою стоимостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Процессъ обмѣна товаровъ.

Товары не могутъ сами путешествовать на рынокъ и вымѣниваться сами собою. Мы должны поэтому обратиться къ ихъ опекунамъ, владѣльцамъ товаровъ. Товары—вещи, а потому беззащитны противъ человѣка,—онъ можетъ употребить силу, или попросту, взять ихъ [36]). Чтобы сопоставить эти вещи какъ товары, хранители товаровъ должны относиться другъ къ другу, какъ лица, воля которыхъ находится въ ихъ вещахъ, такъ что каждый только на основанiи своей собственной воли и воли другого, оба слѣдовательно на основанiи ихъ общей воли, присвоиваютъ себѣ чужой товаръ, тѣмъ, что отдаютъ собственный. Они должны слѣдовательно считать другъ друга частными собственниками. Это юридическое отношенiе, форма котораго есть договоръ, законно или незаконно совершенный, есть только волевое отношенiе, отражающее экономическое отношенiе. Содержанiе этого юридическаго или волевого отношенiя дается самимъ экономическимъ отношенiемъ [37]). Лица относятся здѣсь другъ къ другу лишь постольку, поскольку ставятъ извѣстныя вещи въ отношенiе другъ къ другу, какъ товары. Слѣдовательно всѣ опредѣленiя этого отношенiя заключаются въ опредѣленiи вещи, какъ товара. Одинъ человѣкъ существуетъ при этомъ для другого, только какъ представитель товара, а потому какъ владѣлецъ товара. Дальше мы увидимъ, что характерныя экономическiя физiономiи лицъ суть только олицетворенiя экономическихъ отношенiй, представителями которыхъ являются они одинъ относительно другого.

Отличiе товара отъ владѣльца товаровъ заключается именно въ томъ, что для него потребительная стоимость другого товара имѣетъ значенiе только формы проявленiя его собственной стоимости. Прирожденный циникъ и уравнитель—товаръ ежеминутно готовъ обмѣниться со всякимъ другимъ товаромъ не только душою, но и тѣломъ, хотя-бы тотъ обладалъ большимъ количествомъ отталкивающихъ свойствъ, чѣмъ Мариторна. Это недостающее товару чувство конкретности дополняется пятью и болѣе чувствами его владѣльца. Собственный его товаръ не имѣетъ для него непосредственно потребительной стоимости. Иначе онъ не принесъ-бы его на рынокъ. Онъ имѣетъ потребительную стоимость для другихъ. Для него товаръ имѣетъ непосредственную потребительную стоимость быть представителемъ мѣновой стоимости, и, слѣдовательно, орудiемъ обмѣна [38]). Поэтому онъ желаетъ обмѣнить его на товаръ, потребительная стоимость котораго его удовлетворяетъ. Всѣ товары не представляютъ потребительныя стоимости для ихъ владѣльцевъ, а являются потребительными стоимостями для другихъ. Поэтому всѣ они должны мѣнять владѣльцевъ. Но эта перемѣна владѣльцевъ составляетъ обмѣнъ ихъ самихъ, а обмѣнъ сопоставляетъ ихъ, какъ стоимости, и реализируетъ ихъ въ видѣ стоимостей. Стало быть товары должны реализоваться какъ стоимости, прежде нежели они могутъ реализоваться какъ потребительныя стоимости.

Съ другой стороны, прежде чѣмъ они могутъ реализоваться какъ стоимости, товары должны доказать свою потребительную стоимость, потому что затраченный на нихъ человѣческiй трудъ можетъ приниматься въ расчетъ только въ той мѣрѣ, насколько онъ тратится въ полезной формѣ для другихъ. Но только обмѣномъ можно показать, полезенъ-ли товаръ для другихъ, а слѣдовательно, способенъ-ли его продуктъ удовлетворять чужимъ потребностямъ.

Каждый владѣлецъ товаровъ хочетъ отдать

---

[36]) Въ XII-мъ столѣтiи, столь знаменитомъ своею набожностiю, часто встрѣчаются между этими товарами очень хрупкiя вещи. Такъ одинъ французскiй писатель того времени, между товарами, находившимися на рынкѣ въ Landit, рядомъ съ платьемъ, башмаками, кожами, сельскохозяйственными инструментами и пр., упоминаетъ также о «femmes folles de leur corps».

[37]) Прудонъ впервые почерпнулъ свой идеалъ справедливости, justice éternelle, изъ юридическихъ отношенiй, соотвѣтствующихъ товарному производству; чѣмъ — замѣтимъ мимоходомъ — дано было также, столь утѣшительное для всѣхъ филистеровъ, подтвержденiе того, что форма товарнаго производства столь-же вѣчна, какъ справедливость. Затѣмъ онъ старается обратно передѣлать дѣйствительное товарное производство, и соотвѣтствующее ему дѣйствительное право, по своему идеалу. Что сказали-бы о химикѣ, который вмѣсто изученiя дѣйствительныхъ законовъ обмѣна веществъ и рѣшенiя задачъ на основанiи этихъ законовъ, захотѣлъ-бы передѣлать обмѣнъ веществъ по «вѣчнымъ идеямъ» «naturalité» и «affinité»? Узнаемъ ли мы о ростовщикѣ, когда скажемъ, что онъ противорѣчитъ «justice éternelle», «équité éternelle», «mutualité éternelle», и другимъ «vérités éternelles», что нибудь больше того, что знали отцы церкви, когда говорили, что ростовщикъ противорѣчитъ «grâce éternelle», «foi éternelle», «volonté éternelle de dieu»?

[38]) «Но употребленiе каждой вещи двояко.— Одно свойственно вещи, какъ вещи, другое—нѣтъ; напр., сандалiя служитъ обувью и можетъ обмѣниваться. Оба составляютъ потребительныя стоимости сандалiи, потому что если кто нибудь мѣняетъ сандалiю на что-нибудь нужное, напр., на пищу, то онъ все-таки пользуется сандалiей какъ сандалiей, но не естественнымъ способомъ ея употребленiя, такъ какъ она существуетъ не для мѣны» (Aristoteles, de Rep. I. l. c. 9).

свой товаръ только за такой другой товаръ, потребительная стоимость котораго удовлетворила-бы его потребности. Въ этомъ смыслѣ обмѣнъ является лишь чисто индивидуальнымъ процессомъ. Съ другой стороны, онъ хочетъ реализовать свой товаръ какъ стоимость, слѣдовательно въ какомъ ему вздумается другомъ товарѣ той-же стоимости, независимо отъ того, имѣетъ-ли его собственный товаръ потребительную стоимость для владѣльца другого товара, или нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ обмѣнъ является для него всеобщимъ общественнымъ процессомъ. Но тотъ-же самый процессъ не можетъ быть одновременно для всѣхъ владѣльцевъ товаровъ только индивидуальнымъ и, въ то-же самое время, только всеобщимъ общественнымъ.

Если всмотрѣться ближе, то легко замѣтить, что для каждаго владѣльца товара всякій чужой товаръ имѣетъ значеніе особеннаго эквивалента его товара, а его собственный товаръ имѣетъ слѣдовательно значеніе общаго эквивалента всѣхъ другихъ товаровъ. Но такъ какъ для всѣхъ владѣльцевъ товаровъ существуетъ тоже самое, то ни одинъ товаръ не можетъ быть всеобщимъ эквивалентомъ, а также относительная стоимость товаровъ не имѣетъ никакой всеобщей формы, въ которой бы они могли быть приравниваемы какъ стоимости и сравниваемы какъ величины стоимостей. Слѣдовательно они вообще не сопоставляются какъ товары, но какъ продукты или потребительныя стоимости.

Находясь въ затрудненіи, наши владѣльцы товаровъ размышляютъ какъ Фаустъ. Въ началѣ было дѣло. Слѣдовательно, они уже дѣйствовали прежде, чѣмъ подумали. Законы природы товара проявляются въ природномъ инстинктѣ владѣльцевъ товаровъ. Свои товары они могутъ сопоставить какъ стоимости, а слѣдовательно какъ товары, только противополагая ихъ какому нибудь другому товару, какъ общему эквиваленту. Это показалъ анализъ товара; но извѣстный товаръ можетъ стать общимъ эквивалентомъ только вслѣдствіе акта общественнаго. Поэтому общественная дѣятельность изъ всѣхъ товаровъ выдѣляетъ одинъ опредѣленный товаръ, въ которомъ они всѣ и всюду выражаютъ свои стоимости. Чрезъ это природная форма такого товара становится эквивалентною формою, имѣющею общественное значеніе. Роль всеобщаго эквивалента, помощью соціальнаго процесса, является специфически-общественнымъ отправленіемъ выдѣленнаго товара, и онъ становится деньгами*).

Деньги, это—кристаллъ, образующійся неизбѣжно въ процессѣ обмѣна товаровъ, въ которомъ разнородные продукты труда фактически приравниваются одни къ другимъ, и этимъ фактически превращаются въ товары. Продукты труда пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе характеръ товаровъ и одновременно развиваютъ присущую ихъ природѣ противоположность между потребительной и мѣновой стоимостью, благодаря историческому развитію обмѣна и въ ширь и въ глубь. Необходимость дать внѣшнее выраженіе такой противоположности для цѣлей торговыхъ сношеній стремится установить самостоятельную форму товарной стоимости и до тѣхъ поръ не успокоивается, пока такая форма не будетъ наконецъ найдена, вслѣдствіе раздѣленія товара на товаръ и деньги. Слѣдовательно, по мѣрѣ того какъ происходитъ превращеніе продуктовъ труда въ товаръ, совершается вмѣстѣ съ тѣмъ превращеніе товара въ деньги [39]).

Съ одной стороны, непосредственный обмѣнъ продуктовъ, имѣетъ форму простого относительнаго выраженія стоимости, а съ другой—его не имѣетъ. Первая форма была слѣдующая: x товара $A = y$ товара B. Форма же непосредственнаго обмѣна продуктовъ есть: x потребительной стоимости $A = y$ потребительной стоимости B [40]). До обмѣна, при этомъ вещи A и B не были товарами, но онѣ становятся ими только послѣ обмѣна. Первое, что даетъ предмету потребленія возможность сдѣлаться мѣновою стоимостью, это то, что онъ превышаетъ, какъ потребительная стоимость, потребности въ немъ своего владѣльца, что для послѣдняго онъ не является потребительной стоимостью. Вещи сами по себѣ представляютъ для человѣка нѣчто внѣшнее, а потому могутъ отчуждаться. Чтобы это отчужденіе было взаимнымъ, необходимо только, чтобы люди молча признавали другъ друга частными собственниками этихъ отчуждаемыхъ вещей и тѣмъ самымъ взаимно относились бы, какъ лица другъ отъ друга независимыя. Однако подобнаго отношенія взаимной независимости не существуетъ для членовъ первобытной общины, имѣетъ-ли она формы древне-индійской общины, государства Инковъ и т. п. Мѣна товаровъ начинается тамъ, гдѣ общины кончаются, т. е. въ мѣстахъ соприкосновенія съ чужими общинами или съ членами

*) «Hi unum consilium habent et virtutem et potestatem suam bestiae tradunt. Et ne quis possit emere aut vendere, nisi qui habet characterem aut nomen bestiae, aut numerum nominis ejus» (Apocalypse).

[39]) Отсюда можно судить о прозорливости мѣщанскаго соціализма, который хочетъ увѣковѣчить товарное производство и въ тоже время уничтожить «противорѣчіе денегъ и товара», слѣдовательно и самыя деньги, такъ какъ онѣ существуютъ только какъ результатъ этого противорѣчія. Это все равно, что уничтожить папство, оставивъ католицизмъ. Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ сочиненіи: Zur Kritik der Pol. Oekonomie» p. 61 sq.

[40]) Пока не происходитъ обмѣна между двумя различными предметами потребленія, но — какъ это часто бываетъ у дикихъ—разнообразная масса вещей предлагается какъ эквивалентъ третьей вещи, — непосредственный обмѣнъ продуктовъ еще только зарождается.

чужихъ общинъ. Но разъ вещи становятся товарами во внѣшней жизни общинъ, онѣ дѣлаются ими и во внутренней. Ихъ количественное мѣновое отношеніе въ началѣ совершенно случайно. Обмѣниваются онѣ вслѣдствіе добровольнаго акта ихъ владѣльцевъ, желающихъ ихъ другъ другу отчуждать. Между тѣмъ нужда въ предметахъ потребленія, производимыхъ внѣ общины, мало-по-малу укореняется. Постоянное повтореніе обмѣна дѣлаетъ его правильнымъ общественнымъ процессомъ, поэтому, съ теченіемъ времени, по крайней мѣрѣ часть продуктовъ труда производится уже исключительно для обмѣна. Съ этого мгновенія, съ одной стороны устанавливается различіе между полезностью вещей для непосредственнаго употребленія, и полезностью ихъ для мѣны; ихъ потребительная стоимость отдѣляется отъ ихъ мѣновой стоимости. Съ другой стороны, количественное соотношеніе, въ которомъ онѣ обмѣниваются, становится зависимымъ отъ самого ихъ производства. Обычай закрѣпляетъ эти отношенія какъ величины стоимостей

Въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ, каждый товаръ есть непосредственное орудіе обмѣна для его владѣльца и эквивалентъ для его невладѣльца, впрочемъ лишь на сколько онъ имѣетъ для него потребительную стоимость. Слѣдовательно, предметъ обмѣна, пока еще не пріобрѣтаетъ формы стоимости, независимой отъ его собственной потребительной стоимости или отъ индивидуальной потребности участниковъ обмѣна. Эта форма дѣлается все необходимѣе по мѣрѣ возрастанія числа и разнообразія товаровъ, вступающихъ въ процессъ обмѣна. Одновременно съ появленіемъ задачи являются и средства къ ея разрѣшенію. Торговыя сношенія, побуждающія владѣльцевъ товара вымѣнивать свой собственный товаръ на другіе товары, а слѣдовательно и сравнивать его съ ними, никогда не совершаются безъ того, чтобы различные товары различныхъ владѣльцевъ въ сферѣ ихъ сношеній не вымѣнивались бы на одинъ и тотъ же третій родъ товара, и не сравнивались бы съ нимъ, какъ стоимости. Такой третій товаръ, дѣлаясь эквивалентомъ для различныхъ другихъ товаровъ, пріобрѣтаетъ непосредственно, хотя и въ узкихъ рамкахъ, общую или общественную эквивалентную форму. Эта общая эквивалентная форма является и пропадаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ минутнымъ общественнымъ соприкосновеніемъ, которое вызвало ее къ жизни. Поперемѣнно и на время получаетъ ее тотъ или другой товаръ. Съ усиленіемъ же обмѣна товаровъ она присвоивается исключительно какому нибудь особенному роду товара, или кристаллизуется въ формѣ денегъ. Совершенно зависитъ отъ случая, какой товаръ будетъ въ этой формѣ. Впрочемъ рѣшаютъ это, вообще, два обстоятельства. Денежную форму принимаютъ, или важнѣйшіе предметы ввоза, которые дѣйствительно представляютъ естественныя формы проявленія мѣновой стоимости туземныхъ продуктовъ; или предметы потребленія, составляющіе главный элементъ туземнаго отчуждаемаго имущества, напримѣръ домашній скотъ. Денежная форма является прежде всего у номадовъ, потому что все ихъ имущество состоитъ въ движимой, слѣдовательно въ непосредственно отчуждаемой формѣ, и потому что ихъ образъ жизни постоянно сводитъ ихъ съ другими обществами, а слѣдовательно побуждать къ обмѣну продуктовъ. Первобытнымъ матеріаломъ денегъ бывали часто даже сами люди въ видѣ рабовъ, но никогда не была имъ земля. Подобная идея могла возникнуть только въ развитомъ буржуазномъ обществѣ. Она принадлежитъ послѣдней трети XVII-го столѣтія, а ея выполненіе цѣлымъ народомъ было испробовано впервые столѣтіемъ позже, во время буржуазной революціи во Франціи.

По мѣрѣ того какъ мѣна товаровъ выходитъ за свои узкіе, мѣстные предѣлы, и, слѣдовательно, товарная стоимость расширяется до овеществленія человѣческаго труда вообще, денежная форма переходитъ на товары, годные по своей природѣ для общественной функціи общаго эквивалента,—на благородные металлы.

Что «золото и серебро хотя отъ природы не деньги, но деньги, по своей природѣ, суть золото и серебро» [41]), видно изъ совпаденія ихъ естественныхъ свойствъ съ отправленіями денегъ [42]). Пока мы знаемъ однако только одно отправленіе денегъ— служить формою проявленія товарной стоимости или матеріаломъ, въ которомъ общественно выражаются величины стоимостей товаровъ. Наилучшею формою проявленія стоимости, или овеществленія абстрактнаго и потому равнаго человѣческаго труда, можетъ быть только такое вещество, всѣ образцики котораго обладаютъ одинаковыми качествами. Съ другой стороны, такъ какъ различіе величинъ стоимостей есть чисто количественное, т. е. выражаетъ различныя количества застывшаго рабочаго времени, то денежный товаръ долженъ быть способенъ къ чисто количественнымъ различіямъ,—стало быть, долженъ быть по произволу дѣлимъ и снова составляемъ изъ своихъ частей. Золото же и серебро обладаютъ этими свойствами отъ природы.

Потребительная стоимость денежнаго товара раздвоивается. Рядомъ съ его особенною потребительною стоимостью, какъ товара,—такъ напримѣръ, золото идетъ на пломбированіе пустыхъ зубовъ, на предметы роскоши и т. п.,—онъ получаетъ формальную потребительную стоимость,

---

[41]) Karl Marx l. c. p. 135. «Металлы.... естественныя деньги». (Galiani: «Della Moneta» въ сборникѣ Custodi, Parte Moderna, t. III p. p. 72).

[42]) Подробнѣе объ этомъ см. въ вышеупомянутомъ моемъ сочиненіи, отдѣлъ: «Благородные металлы».

возникающую изъ его специфическихъ общественныхъ отправленій.

Такъ какъ всѣ другіе товары — только различные эквиваленты денегъ, деньги же — ихъ общій эквивалентъ, то они относятся къ деньгамъ, какъ особенные товары къ общему товару [43]).

Мы знаемъ, что въ денежной формѣ только отражается отношеніе всѣхъ другихъ товаровъ, удержанное на одномъ товарѣ. То, что деньги — товаръ [44]), есть, стало быть, открытіе только для того, кто исходитъ изъ ихъ готовой формы, чтобы затѣмъ анализировать ее. Процессъ мѣны не придаетъ товару, превращаемому имъ въ деньги, его стоимости, но — его специфическую форму стоимости. Смѣшиваніе такихъ противоположныхъ опредѣленій повело къ тому, что стоимость золота и серебра стали считать плодомъ воображенія [45]). Такъ какъ деньги для опредѣленныхъ отправленій могутъ быть замѣнены простыми знаками, то явилась новая ошибка, — ихъ стали считать простыми знаками; хотя съ другой стороны здѣсь явилось какъ бы предчувствіе, что денежная форма вещи есть для нея самой нѣчто внѣшее, представляющее лишь форму проявленія скрытыхъ въ ней человѣческихъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ каждый товаръ былъ бы знакомъ, потому что, какъ стоимость, онъ есть только вещественная оболочка потраченнаго на него человѣческаго труда [46]). Но если общественныя формы, принимаемыя вещами, или вещественныя формы, принимаемыя общественными свойствами труда при опредѣленномъ способѣ производства, будемъ считать простыми знаками, то этимъ придадимъ имъ значеніе условныхъ фикцій, санкціонированныхъ такъназываемымъ всеобщимъ соглашеніемъ человѣчества. Это былъ любимый способъ объясненія въ XVIII столѣтіи, имъ думали уничтожить странность и загадочность формъ человѣческихъ отношеній, процессъ возникновенія которыхъ не знали еще тогда какъ распутать; имъ пользовались для утвержденія, что формы эти придуманы человѣкомъ, а не явились случайно.

Уже выше было замѣчено, что эквивалентная форма товара не заключаетъ количественнаго опредѣленія величины ея стоимости. Изъ того, что золото — деньги, и слѣдовательно вымѣнивается непосредственно на всѣ другіе товары, еще невидно, сколько стоятъ напримѣръ 10 фунтовъ золота. Какъ всякій товаръ, золото можетъ выражать величину своей собственной стоимости въ другихъ товарахъ только относительно. Его собственная стоимость опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для его производства, и выражается въ такомъ количествѣ всякаго другого товара въ какомъ скрыто одинаковое количество рабо-

[43]) «Деньги суть общій товаръ» Verri l. c. p. 16).

[44]) «Серебро и золото, которыя мы можемъ назвать общимъ именемъ слитковъ, суть.... товары.... повышающіеся и падающіе въ.... стоимости.... Цѣну слитковъ можно считать высокой тогда, когда меньшій вѣсъ ихъ продается за большее количество продуктовъ мануфактуръ или земли, и проч. («A Discourse of the General Notions of Money, Trade and Exchange, as they stand in relations to each other. By a Merchant. Lond. 1695», p. 7.) «Серебро и золото, въ монетѣ или нѣтъ, хотя и принимаются для измѣренія всѣхъ другихъ вещей, но представляютъ такой же товаръ, какъ вино, масло, табакъ, платье или матеріи» («A Discourse concernig Trade, and that in particular of the East-Indies etc., London 1689», p. 2). «Капиталы и богатства королевства не могутъ быть исключительно въ формѣ денегъ, а золото и серебро не слѣдуетъ исключать изъ числа товаровъ». («The East India Trade a most Profitable Trade. London 1677», p. 4.

[45]) «Золото и серебро имѣютъ стоимость, какъ металлы, прежде чѣмъ они дѣлаются монетами». (Galiani l. c.) Локкъ говоритъ: «Общее соглашеніе людей придало серебру, вслѣдстіе его качествъ, дѣлающихъ его пригоднымъ для денегъ, воображаемую стоимость», Ло, напротивъ того, говоритъ: «Какъ могутъ различные народы давать какому нибудь товару воображаемую стоимость.... или какъ могла бы сохраниться воображаемая стоимость?» Но какъ мало самъ онъ понимаетъ это дѣло, показываетъ слѣдующее: «Серебро вымѣнивалось по потребительной стоимости, которую оно имѣло, слѣдовательно по своей дѣйствительной стоимости; вслѣдствіе своего назначенія какъ денегъ, оно получило прибавочную стоимость (une valeur additionnelle)». (Jean Law: «Considérations sur le numéraire et le commerce», въ изданіи E. Daire, „Economistes Financiers du XVIII siécle p. 470).

[46]) «Деньги — ихъ (товаровъ) знакъ». (V. de Forbonnais: «Elemsnts du Commerce. Nouv. edit. Leyde 1766, t. II, p. 143). «Какъ знакъ, онѣ притягиваются товарами», (l. c. p. 155). «Деньги знакъ какой нибудь вещи и ее представляютъ». (Montesquieu: „Esprit des Lois“. Oeuvres Lond. 1767, t. II, p. 2). «Деньги — не простой знакъ, потому что онѣ сами богатство; онѣ не представляютъ стоимостей, но имъ равны» (Le Trosne 1 c. p. 910). «Если разсматривать понятіе стоимости, то на самую вещь приходится смотрѣть какъ на знакъ, и она имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а какъ то, что она стоитъ». (Hegel l. c. p. 100). Задолго до экономистовъ, юристы пустили въ ходъ представленіе о деньгахъ, какъ простыхъ знакахъ, и о воображаемой только стоимости благородныхъ металловъ; все это въ видѣ сикофантной услуги королевской власти, право которой на подгдѣлку монетъ они защищали въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ на основаніи традиціи Римской Имперіи и понятій о деньгахъ, выраженныхъ въ пандектахъ. «Чтобы никто не могъ и не смѣлъ сомнѣваться», говоритъ ихъ талантливый ученикъ Филиппъ Валуа, въ декретѣ отъ 1346 года, «что только намъ и нашему королевскому величеству принадлежитъ.... денежное ремесло, дѣланіе и всякое распоряженіе, касающееся денегъ, назначеніе имъ такого курса и такой цѣны, какъ намъ заблагоразсудится». Декретированіе денежной стоимости, по римскому праву принадлежало императору. Было положительно запрещено поступать съ деньгами, какъ съ товаромъ. «Деньги же никому не слѣдуетъ покупать, потому что онѣ, какъ находящіяся въ обыденномъ обращеніи, не могутъ быть товаромъ». Удовлетворительное разсужденіе объ этомъ у G. F. Pagnini: «Saggio

чаго времени [47]). Это опредѣленіе относительной величины его стоимости происходитъ на мѣстѣ его производства въ непосредственной мѣновой торговлѣ. Когда золото вступаетъ въ процессъ мѣны въ качествѣ денегъ, его стоимость уже дана. Хотя уже въ послѣднія десятилѣтія XVII столѣтія было доказано, что деньги—товаръ, но это было только еще началомъ анализа. Трудность заключается не въ пониманіи денегъ, какъ товара, но въ пониманіи причинъ, посредствомъ которыхъ товаръ становится деньгами [48])

sopra il gisto pregio delle cose 1751», у Custodi Parte Moderna. t. II. Именно во второй части своего сочиненія Pagnini вступаетъ въ споръ съ господами юристами.

[47]) «Если можно добыть изъ земли въ Перу и доставить въ Лондонъ унцію серебра, въ тоже самое время, въ какое возможно произвести бушель пшеницы, то одно составляетъ естественную цѣну другаго; если же, вслѣдствіе открытія новыхъ и болѣе богатыхъ рудниковъ, можно добыть двѣ унціи серебра съ тѣмъ же трудомъ какъ прежде одну, то пшеница при прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ стоить уже не по 5 шилинговъ за бушель, какъ прежде, а—по 10 шилинговъ». William Petty: «A. Treatise on Taxes and Centributions Lond. 1667», p. 31.

[48]) За поученіемъ господина профессора Рошера, что: «Ложныя опредѣленія денегъ раздѣляются на двѣ группы: такія, которыя считаютъ ихъ больше и такія, которыя считаютъ ихъ меньше товара», слѣдуетъ цѣлый рядъ сочиненій о сущности денегъ, въ которомъ не проглядываетъ ни малѣйшаго пониманія дѣйствительной исторіи теоріи, и затѣмъ слѣдующая мораль: «Впрочемъ нельзя отрицать, что большая часть новѣйшихъ экономистовъ мало обращаетъ вниманія на особенности, отличающія деньги отъ другихъ товаровъ (слѣдовательно, все-таки болѣе или менѣе товара?)... Въ этомъ смыслѣ полумеркантильная реакція Ганиля и др. не совсѣмъ неосновательна». (Wilhelm Roscher: «Die Grundlagen der Nationalöconomie, 3 Aufl,, 1858», p. 7—10). Больше — меньше — недостаточно—въ этомъ смыслѣ—не совсѣмъ! Какія опредѣленія понятій! И подобную эклектическую профессорскую пошлость господинъ Рошеръ скромно называетъ «анатомо-физіологическимъ методомъ» политической экономіи! Одно открытіе все-таки сдѣлано имъ, а именно, что деньги «пріятный товаръ».

Уже въ простѣйшемъ выраженіи мѣновой стоимости мы видѣли, что x товара $A = y$ товара B, вещь, въ которой представлена величина стоимости другой вещи, имѣетъ повидимому, свою эквивалентную форму, независимо отъ этого отношенія, какъ общественно-естественное свойство. Мы прослѣдили развитіе этой ложной видимости до ея закрѣпленія. Закрѣпленіе это завершается, какъ только общая эквивалентная форма сростается съ естественною формою особеннаго рода товара или кристаллизуется въ денежную форму. Кажется, что извѣстный товаръ становится деньгами не потому, что въ немъ выражаютъ свои стоимости другія товары, но, наоборотъ, какъ будто другіе товары потому и выражаютъ въ немъ свои стоимости, что онъ—деньги. Посредствующее движеніе пропадаетъ въ своемъ собственномъ результатѣ и не оставляетъ никакого слѣда. Товары, какъ будто, безъ всякаго собственнаго содѣйствія, получаютъ форму своей стоимости готовою, въ видѣ существующаго рядомъ съ ними товарнаго тѣла. Эти вещи, золото и серебро, такими, какими онѣ непосредственно выходятъ изъ нѣдръ земли, тотчасъ же становятся непосредственнымъ воплощеніемъ всякаго человѣческаго труда. Вотъ причина обаянія денегъ.

Въ томъ строѣ общества, который мы теперь изучаемъ, дѣйствія людей въ общественномъ процессѣ производства чисто атомистическія. Почему и отношенія ихъ одни къ другимъ въ производствѣ принимаютъ вещественный характеръ, помимо ихъ контроля и сознательной индивидуальной дѣятельности. Это видно прежде всего изъ того, что продукты ихъ труда вообще принимаютъ форму товаровъ. Мы уже знаемъ, какимъ образомъ поступательный ходъ развитія общества товаропроизводителей придаетъ какому нибудь одному привиллегированному товару характеръ денегъ, какъ золото и серебро, въ такомъ видѣ, какъ они выходятъ изъ нѣдръ земли, тотчасъ же становятся непосредственнымъ воплощеніемъ человѣческаго труда вообще. Вслѣдствіе этого загадка, которую представляютъ собою деньги, есть только загадка самого товара, но загадка, видимая, бросающаяся въ глаза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Деньги или обращеніе товаровъ.

1) Мѣра стоимостей.

Въ настоящемъ сочиненіи, для упрощенія дѣла, я вездѣ принимаю за денежный товаръ золото.

Первое назначеніе золота заключается въ томъ, чтобы дать всѣмъ товарамъ матеріалъ для выраженія ихъ стоимостей, или представить стоимости ихъ какъ величины одного наименованія, равныя качественно и сравнимыя количественно. Стало быть, оно служитъ общею мѣрою стоимости, и только вслѣдствіе такой своей роли золото, этотъ эквивалентный товаръ по преимуществу, становится деньгами.

Не деньги дѣлаютъ товары соизмѣримыми. Наоборотъ, такъ какъ всѣ товары, какъ стоимости, представляютъ овеществленный человѣческій

трудъ, а потому соизмѣримы сами по себѣ, то всѣ они могутъ измѣрять свою стоимость какимъ-нибудь однимъ опредѣленнымъ товаромъ, превращая такимъ образомъ этотъ послѣдній въ ихъ общую мѣру стоимости или деньги. Деньги же, какъ мѣра стоимостей, есть та форма, которую обязательно должна принять та мѣра стоимости, которая присуща товарамъ—рабочее время [49]).

Выраженіе стоимости товара въ деньгахъ—x товара $A=y$ денежнаго товара, это—его денежная форма или цѣна. Теперь уже достаточно, чтобы какое-нибудь уравненіе, взятое отдѣльно, напримѣръ 1 тонна желѣза=2 унц. золота, выразило стоимость желѣза способомъ, имѣющимъ общественное значеніе. Подобному уравненію уже болѣе не нужно быть звеномъ въ цѣломъ рядѣ уравненій всѣхъ другихъ товаровъ, вслѣдствіе того, что эквивалентный товаръ, золото, уже обладаетъ характеромъ денегъ. Слѣдовательно общая относительная форма стоимости товара вновь пріобрѣла свою первоначальную, простую или единичную относительную форму стоимости. Но расширенное, развитое выраженіе относительной стоимости, или безконечный рядъ относительныхъ выраженій стоимости становится специфическою относительною формою стоимости денежнаго товара. И уже теперь этотъ рядъ получаетъ общественное признаніе въ товарныхъ цѣнахъ. Стоитъ только прочесть показанія прейсъ-куранта въ обратномъ порядкѣ, и величина стоимости товара окажется выраженною во всевозможныхъ товарахъ. Наоборотъ, деньги не имѣютъ цѣны. Для того, чтобы поставить ихъ въ этомъ смыслѣ въ одинаковое положеніе со всѣми другими товарами, намъ пришлось бы сопоставить ихъ съ самими собою, какъ съ ихъ собственнымъ эквивалентомъ.

Цѣна или денежная форма товаровъ, какъ ихъ форма стоимости вообще, отлична отъ ихъ осязательно реальной вещественной формы; она есть стало быть чисто идеальная или мысленная форма. Стоимость желѣза, холста, пшеницы и т. д., существуетъ, хотя невидимо, въ самихъ этихъ предметахъ; она проявляетъ себя своимъ равенствомъ съ золотомъ, соотношеніемъ съ золотомъ, которое, такъ сказать, бродитъ только въ головахъ товаровъ. Поэтому, владѣлецъ товара долженъ, надѣлить эти головы языкомъ, или привѣсить къ нимъ ярлыки, чтобы внѣшній міръ получилъ представленіе объ ихъ цѣнахъ [50]). Такъ какъ товары выражаютъ свою стоимость въ золотѣ только идеально, то они могутъ употреблять для этого также только воображаемое или идеальное золото. Каждый владѣлецъ знаетъ, что онъ еще не обратилъ своего товара въ настоящее золото, если выразилъ его стоимость въ формѣ цѣны или воображаемыхъ денегъ, и что не требуется ни крупинки настоящаго золота, чтобы оцѣнить въ немъ милліоны товарныхъ стоимостей. Слѣдовательно, когда деньги служатъ мѣрою стоимости, то онѣ играютъ роль лишь воображаемыхъ, идеальныхъ денегъ. Это обстоятельство послужило причиною появленія самыхъ нелѣпыхъ теорій [52]). Если деньги въ своей функціи мѣры стоимости и служатъ только идеально, то цѣна всетаки вполнѣ зависитъ отъ реальнаго содержанія въ нихъ денежнаго матеріала. Стоимость, т. е. количество человѣческаго труда, которое содержится, напримѣръ, въ одной тоннѣ желѣза, выразится въ воображаемомъ количествѣ денежнаго товара, содержащаго столько же труда. Слѣдовательно, стоимость тонны желѣза выразится въ совершенно различныхъ цѣнахъ,

---

[49]) Вопросъ, почему деньги не представляютъ непосредственно рабочее время, — такъ чтобы напр., какая-нибудь ассигнація изображала x рабочихъ часовъ,—очень просто вызываетъ другой вопросъ, почему, на основаніи товарнаго производства, продукты труда должны представляться товарами, такъ какъ такое представленіе заключаетъ раздвоеніе его на товаръ и денежный товаръ. Или почему частный трудъ нельзя разсматривать какъ его противоположность — непосредственно общественный трудъ. Поверхностную утопичность «рабочихъ денегъ», при товарномъ производствѣ, я подробнѣе доказалъ въ другомъ мѣстѣ (l. c., p. 61 sqq.). Здѣсь замѣчу только то, что напримѣръ оуэновскія «рабочія деньги», столь же мало «деньги», какъ напр., театральный билетъ. Оуэнъ считаетъ непосредственно общественный трудъ, формой производства, діаметрально противоположною товарному производству. Рабочее свидѣтельство указываетъ только на индивидуальное участіе производителя въ общей работѣ и на его индивидуальное право на потребленіе опредѣленной части общаго продукта. Но Оуэнъ и не думаетъ, съ одной стороны, допускать товарное производство, и тѣмъ не менѣе, съ другой стороны, желать обойти необходимыя условія его посредствомъ денежныхъ фокусовъ.

[50]) Дикіе или полудикіе употребляютъ свой языкъ нѣсколько иначе. Капитанъ Парри сообщаетъ, напр., о жителяхъ западнаго берега Баффинова залива: «Въ этомъ случаѣ (при мѣнѣ продуктовъ).... они лижутъ ее (вещь предложенную имъ) дважды своими языками, послѣ чего повидимому считаютъ сдѣлку заключенную». Точно также и восточные эскимосы при мѣнѣ всегда лижутъ получаемую вещь. Если, такимъ образомъ, на сѣверѣ языкъ служитъ органомъ присвоенія, то неудивительно, что на югѣ брюхо служитъ органомъ накопленной собственности, и богатство человѣка кафровъ оцѣниваются по его пузу. Кафры смышленый народъ, потому что въ то время какъ британскій «Board of Health» въ своемъ отчетѣ за 1864 г. жалуется на недостатокъ у большой части рабочаго класса жирообразовательныхъ веществъ, нѣкій д-ръ Гарвей, который впрочемъ не открылъ кровообращенія, въ томъ же году нажилъ себѣ состояніе посредствомъ рецептовъ, суливших снять съ буржуазіи и аристократіи бремя излишняго жира.

[51]) См. Karl Marx: «Zur Kritik» etc. гл. Theorien von der Maasseinheit des Geldes p. 53 и слѣдующ.

смотря, по тому, что послужитъ мѣрою стоимости: золото, серебро или желѣзо; или эта стоимость представится въ совершенно различныхъ количествахъ этихъ металловъ именно потому, что тоже самое количество труда овеществляется въ совершенно различныхъ количествахъ золота, серебра или желѣза.

Поэтому, если мѣрою стоимости служатъ одновременно два различные товара, напримѣръ золото и серебро, то всѣ товары имѣютъ двоякую цѣну, цѣну въ золотѣ и въ серебрѣ. Такія двойственныя цѣны мирно уживаются рядомъ до тѣхъ поръ, пока отношеніе стоимости золота и серебра не измѣняется, положимъ выражается отношеніемъ 1 : 15. Но каждое измѣненіе этого отношенія нарушаетъ отношеніе между цѣнами товаровъ, выраженными въ золотѣ и цѣнами, выраженными въ серебрѣ, что доказываетъ такимъ образомъ фактически несовмѣстимость двоякой мѣры стоимости съ ея ролью мѣры стоимости [52]).

Товары съ опредѣленными цѣнами, выражаются въ такой формѣ: a товара $A = x$ золота; b товара $B = z$ золота; c товара $C = y$ золота, и т. д., гдѣ a, b, c представляютъ опредѣленныя количества товаровъ A, B, C, а x, y, z—опредѣленныя количества золота. Слѣдовательно стоимости этихъ товаровъ умственно превращаются во столько же различныхъ количествъ золота, такъ что, несмотря на всю пестроту самихъ товаровъ, стоимости ихъ являются количествами одинакого наименованія, количествами золота. Теперь ихъ можно между собою сравнивать и измѣрять, технически возникаетъ необходимость сопоставлять ихъ съ точно опредѣленнымъ количествомъ золота, какъ съ единицею мѣры. Эта единица мѣры, посредствомъ дальнѣйшаго дѣленія на части, становится масштабомъ. Золото, серебро и мѣдь, прежде чѣмъ стать деньгами, уже обладаютъ такими масштабами въ своемъ вѣсѣ какъ металлы, такъ что напримѣръ фунтъ служитъ единицею мѣры, дѣлясь съ одной стороны на унціи и т. д., а съ другой слагаясь въ центнеры и т. д. [53]). Вотъ почему, во всѣхъ случаяхъ металлическаго обращенія, наименованія, даваемыя денежнымъ единицамъ или мѣрамъ цѣнъ, были первоначально заимствованы отъ существовавшихъ уже наименованій мѣръ вѣса.

Золото какъ мѣра стоимости и золото какъ масштабъ цѣнъ выполняетъ двѣ совершенно различныя функціи. Какъ воплощеніе человѣческаго труда, оно является мѣрою стоимости, а какъ точно опредѣленное вѣсовое количество металла, масштабомъ цѣнъ. Деньги служатъ мѣрой стоимости для того, чтобы превратить стоимость разнообразныхъ товаровъ въ цѣны, въ воображаемыя количества золота. Какъ масштабъ цѣнъ, деньги измѣряютъ эти данныя количества золота. Въ мѣрѣ стоимости товары выражаютъ собственную стоимость; масштабъ же цѣнъ измѣряетъ какое нибудь количество золота другимъ коли-

---

[52]) Ко 2-му изд.—«Тамъ, гдѣ одновременно золото и серебро по закону служатъ деньгами, т. е. мѣрою стоимости, постоянно дѣлаются безуспѣшные попытки относиться къ нимъ какъ къ одинаковому веществу. Кто предполагаетъ, что одно и тоже количество рабочаго времени должно неизмѣнно овеществлятъся въ однихъ и тѣхъ же соотношеніяхъ въ золотѣ и серебрѣ, тотъ дѣйствительно предполагаетъ, что золото и серебро представляютъ одно и тоже вещество, и что опредѣленное количество менѣе цѣннаго металла, серебра, образуетъ какую-нибудь неизмѣнную часть опредѣленнаго количества золота. Начиная съ правленія Эдуарда III до временъ Георга II, исторія англійскаго денежнаго дѣла подвергалась непрерывнымъ разстройствамъ, возникавшимъ вслѣдствіе несоотвѣтствія между закономъ установленнымъ отношеніемъ стоимости золота къ серебру и колебаніями ихъ дѣйствительной стоимости. То золото оцѣнивалось слишкомъ высоко, то серебро. Металлъ, цѣнившійся слишкомъ низко, извлекался изъ обращенія, обращался въ слитки и вывозился заграницу. Затѣмъ, отношеніе стоимостей обоихъ металловъ снова измѣнялось законодательствомъ; но новое номинальное отношеніе ихъ стоимостей скоро вновь начинало расходиться, какъ и прежнее, съ дѣйствительнымъ отношеніемъ. Въ наше время даже незначительное и кратковременное пониженіе стоимости золота сравнительно съ серебромъ, возникшее вслѣдствіе запроса на серебро со стороны Индіи и Китая, произвело тоже самое явленіе въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ во Франціи, откуда было вывезено заграницу серебро, и замѣщено въ обращеніи золотомъ. Въ продолженіе 1855, 1856 и 1857 годовъ превышеніе ввоза золота сравнительно съ его вывозомъ во Франціи доходило до 41.580.000 ф. ст., въ то время какъ вывозъ серебра превысилъ его ввозъ на 14.704.000 ф. ст. Дѣйствительно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ оба металла представляютъ законныя мѣры стоимостей, гдѣ стало быть оба должны приниматься въ платежъ, причемъ каждому предоставляется право выбора платежа золотомъ или серебромъ, металлъ стоимость котораго повышается, пріобрѣтаетъ лажъ, и подобно всякому другому товару измѣряетъ свою цѣну въ металлѣ, который оцѣнивается слишкомъ высоко, причемъ только одинъ послѣдній фактически служитъ мѣрою стоимости. Результатъ всего опыта и исторіи по этому вопросу заключается просто въ томъ, что тамъ, гдѣ два товара выполняютъ по закону роль мѣры стоимости, на практикѣ только одинъ изъ нихъ удерживаетъ за собою эту роль». (Karl Marx. Zur Kritik, pp. 52, 53).

[53]) Ко 2-му изд.—Въ Англіи унція золота, какъ денежная единица, подраздѣляется не на соотвѣтственныя равныя доли, это странное обстоятельство объясняется слѣдующимъ образомъ: «первоначально наши деньги были приспособлены къ употребленію только серебра. Поэтому унцію серебра можно было всегда подраздѣлить на опредѣленное число монетъ; но такъ какъ золото было введено лишь впослѣдствіи въ монетное дѣло, приспособленное исключительно къ серебру, то унцію золота нельзя было отчеканивать, подраздѣляя на равное число монетъ» (Maclaren: «History of the currency». London 1858, p. 16).

чествомъ золота, а не стоимость какого нибудь количества золота вѣсомъ другаго. Для масштаба цѣнъ должно быть точно установлено опредѣленное вѣсовое количество золота, взятое за единицу мѣры. При этомъ, какъ и во всѣхъ опредѣленіяхъ мѣръ величинъ одинаковаго наименованія, постоянство единицы измѣренія является обстоятельствомъ безусловно необходимымъ. Слѣдовательно, масштабъ цѣнъ выполняетъ свою функцію тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе измѣнчива такая единица мѣры и ея подраздѣленія. Мѣрою же стоимости, съ другой стороны, золото можетъ служить только какъ продуктъ труда, значитъ какъ стоимость, способная къ измѣненію [54]).

Во-первыхъ, ясно, что измѣненіе стоимости золота никоимъ образомъ не вліяетъ на его отправленіе масштаба цѣнъ. Какъ бы стоимость золота ни измѣнялась, соотношенія между стоимостями различныхъ количествъ остается прежнимъ. Если бы стоимость золота упала на 100%, то 12 унцій золота все же будутъ обладать въ 12 разъ большею стоимостью, чѣмъ одна унція золота; а въ цѣнахъ дѣло идетъ лишь о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ количествъ золота. Но такъ какъ, съ другой стороны, унція золота нисколько не измѣняетъ своего вѣса при пониженіи или повышеніи его стоимости, какъ не измѣняютъ его и части, на которыя оно дѣлится, то золото, какъ установленный масштабъ цѣнъ, одинаково исполняетъ свою службу, какъ бы ни измѣнялась его стоимость.

Измѣненіе стоимости золота не препятствуетъ также его отправленію мѣры стоимости. Такое измѣненіе относится въ одно и тоже время ко всѣмъ товарамъ, слѣдовательно caeteris paribus, всѣ взаимныя отношенія стоимостей остаются при этомъ прежними, хотя и выражаются теперь всѣ въ высшихъ или низшихъ цѣнахъ золотомъ, чѣмъ прежде.

Какъ при оцѣнкѣ стоимости какого нибудь товара въ опредѣленномъ количествѣ потребительной стоимости какого нибудь другаго товара, такъ и при оцѣнкѣ стоимости перваго золотомъ, мы только и предполагаемъ, что въ данное время производство опредѣленнаго количества золота стоитъ даннаго количества труда. Движеніе же цѣнъ товаровъ вообще, подчиняется законамъ простого относительнаго выраженія стоимости, о которыхъ мы уже говорили.

Цѣны на всѣ товары могутъ подняться одновременно при неизмѣняющейся стоимости денегъ только при повышеніи стоимости товаровъ, а при неизмѣняющейся стоимости товаровъ только при пониженіи стоимости денегъ. Наоборотъ, цѣны всѣхъ товаровъ только тогда могутъ понизиться одновременно, при неизмѣнной стоимости денегъ, если стоимость товаровъ понижается; а при постоянной стоимости товаровъ, если стоимость денегъ возрастаетъ. Изъ этого ни коимъ образомъ не слѣдуетъ, что повышающаяся стоимость денегъ обусловливаетъ соотвѣтственное пониженіе цѣнъ товаровъ, а понижающаяся стоимость денегъ соотвѣтственное повышеніе цѣнъ товаровъ. Напримѣръ, товары, со стоимостью повышающеюся равномѣрно и одновременно съ повышеніемъ стоимости денегъ, сохраняютъ тѣ же самыя цѣны. Если же стоимость ихъ повышается медленнѣе или быстрѣе стоимости денегъ, то пониженіе или повышеніе ихъ цѣнъ опредѣлится разницей между измѣненіемъ ихъ стоимости и измѣненіемъ стоимости денегъ и т. д.

Возвратимся теперь, къ разсмотрѣнію формы цѣны.

Мало-по-малу возникаетъ несоотвѣтствіе денежнаго наименованія различныхъ вѣсовыхъ частей благороднаго металла, играющаго роль денегъ, съ дѣйствительнымъ вѣсомъ, который представляли первоначально эти наименованія. Такое несоотвѣтствіе является результатомъ историческихъ причинъ, главныя статьи: 1) Ввозъ иностранныхъ денегъ въ страны менѣе развитыя; какъ напримѣръ въ древнемъ Римѣ серебряныя и золотыя монеты обращались сначала въ видѣ иностранныхъ товаровъ. Такія чужеземныя деньги имѣютъ названія, различныя отъ мѣстныхъ вѣсовыхъ названій. 2) Съ развитіемъ богатства, менѣе благородный металлъ вытѣсняется болѣе благороднымъ изъ функціи мѣры стоимости: мѣдь вытѣсняется серебромъ, серебро золотомъ, хотя такая послѣдовательность и противорѣчитъ всѣмъ поэтическимъ хронологіямъ [55]). Фунтъ, напримѣръ, былъ денежнымъ названіемъ дѣйствительнаго фунта серебра. Когда золото вытѣснило серебро изъ его функціи мѣры стоимости, тоже названіе стало придаваться можетъ быть $^1/_{15}$ часть фунта, смотря по соотношенію стоимостей золота и серебра. Фунтъ какъ названіе денегъ уже пересталъ теперь соотвѣтствовать фунту, какъ обыкновенному вѣсовому названію золота [56]). 3) Вѣками продолжавшаяся поддѣлка денегъ владѣтельными лицами оставила, конечно, отъ прежняго вѣса только названія.

Въ силу такихъ историческихъ причинъ, несоотвѣтствіе денежнаго наименованія и обыкновеннаго вѣсоваго названія металла вошло въ

[54]) Ко 2-му изд.—Англійскіе писатели до невозможности путаютъ представленія о мѣрѣ стоимости (measure of value) и о масштабѣ цѣнъ (standart of value). Вотъ почему функціи эти, и наименованія ихъ, постоянно ими перемѣшиваются.

[55]) Впрочемъ это не имѣетъ всеобщаго историческаго значенія.

[56]) Ко 2-му изданію.—Теперь англійскій фунтъ обозначаетъ менѣе трети своего первоначальнаго вѣса, шотландскій фунтъ до уніи 1701 г.—всего только $^1/_{36}$, французскій ливръ — $^1/_{74}$, испанскій мираведи—менѣе $^1/_{1000}$, а португальскій реи еще меньшую часть.

народный обычай. Такъ какъ, съ одной стороны, денежный масштабъ является чѣмъ-то вполнѣ условнымъ, а съ другой, онъ требуетъ всеобщаго признанія, то въ концѣ концовъ, масштабъ этотъ его былъ установленъ законодателемъ. Верховная власть подраздѣляетъ опредѣленное вѣсовое количество благороднаго металла, напримѣръ унцію золота, на какіе-нибудь доли, и придаетъ имъ произвольныя законныя названія, напримѣръ, фунтъ, франкъ, рубль и пр. Такая часть единицы вѣса, и считающаяся единицею мѣры денегъ, дѣлится далѣе и далѣе на какія-нибудь части, онѣ въ свою очередь получаютъ законныя названія, напримѣръ: шиллингъ, пенни, сантимъ, копѣйка и т. п. [57]). Масштабомъ металлическихъ денегъ по прежнему остаются опредѣленныя количества денегъ. Измѣнилось только подраздѣленіе и названіе.

Слѣдовательно, цѣны, или количества золота, въ которыя идеально превращаются стоимости товаровъ, выражаются теперь въ денежныхъ наименованіяхъ или въ подраздѣленіяхъ золотаго масштаба, установленнаго законодателемъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ равенъ унціи золота, въ Англіи скажутъ, что квартеръ пшеницы равенъ 3 ф. ст. 17 шил. $1^1/_2$ пенс. Стало быть, товары въ своихъ денежныхъ названіяхъ говорятъ, что они стоятъ, а деньги служатъ счетными деньгами всякій разъ, когда требуется установить стоимость какой-нибудь вещи, т. е. установить ее въ ея денежной формѣ [58]).

Названіе какой-нибудь вещи есть нѣчто отличное отъ свойствъ этой вещи. Я еще ничего не знаю о человѣкѣ, если только и знаю, что его зовутъ Яковомъ. Точно также въ названіи денегъ фунтомъ стерл., франкомъ, рублемъ и т. д. не видно никакого слѣда соотношенія стоимости. Недоумѣніе передъ тайнымъ смысломъ этихъ кабалистическихъ знаковъ увеличивается еще и потому, что названія денегъ выражаютъ въ одно и то же время и стоимость товаровъ и нѣкоторую часть вѣса металла, значитъ денежнаго масштаба [59]). Безусловно необходимъ съ другой стороны, чтобы стоимость, въ отличіе отъ самаго пестраго разнообразія предметныхъ формъ товаровъ, приняла такую безсодержательно вещественную, но въ тоже время чисто общественную форму [60]).

Денежное названіе рабочаго времени, овеществленнаго въ товарѣ, есть цѣна. Поэтому выраженіе эквивалентности товара съ суммою денегъ, составляющую его цѣну, есть тавтологія [61]), такъ какъ вообще относительное выраженіе стоимости какого нибудь товара есть всегда выраженіе эквивалентности двухъ товаровъ. Хотя цѣна, какъ показатель величины стоимости товара, и является показателемъ его вымѣниваемости на деньги, но отсюда еще не слѣдуетъ, наоборотъ, что показатель его мѣноваго отношенія къ деньгамъ есть непремѣнно показатель величины его стоимости. Напримѣръ въ 1 квартерѣ пшеницы и въ 2 фунтахъ стерлинговъ (около $^1/_2$ унціи золота) выражается общественно-необходимое рабочее время равной величины. 2 ф. ст. составляютъ денежное выраженіе величины стоимости квартера пшеницы, или ея цѣну. Если-же обстоятельства позволятъ запросить за нее 3 ф. ст. или вынудятъ брать только 1 ф. ст.,

[57]) Ко 2-му изданію. — David Urquhart, въ своихъ «Familiar Words», отмѣчаетъ чудовищность (!) того, что въ настоящее время фунтъ (стерлинговъ), единица англійскаго денежнаго масштаба». Въ такомъ «невѣрномъ наименованіи» вѣса золота онъ, какъ и повсюду, видитъ фальсифицирующую руку цивилизаціи.

[58]) Ко 2-му изд. —«Когда Анахарзиса спросили, къ чему грекамъ нужны деньги, онъ отвѣчалъ: для счета» Athen. Deipn. l. IV, 49 v. 2 изд. Schweighäuser'а, 1802.

[59]) Ко 2-му изд. — «Такъ какъ золото въ видѣ масштаба цѣнъ носитъ одинаковое наименованіе какъ цѣны товаровъ, и такъ какъ кромѣ того онѣ чеканятся въ соотвѣтственныхъ доляхъ единицы мѣры, которую обозначаютъ эти наименованія, такъ что, напримѣръ, и унція золота и тонна желѣза можетъ выражаться въ 3 ф. ст. 17 шил. $10^1/_2$ п., то этимъ выраженіямъ придали названіе цѣны денегъ. Отсюда явилось удивительное представленіе о томъ, что стоимость золота (или серебра) опредѣляется тѣмъ самымъ матеріаломъ, изъ котораго оно состоитъ, не сравнивая его съ остальными товарами, и что въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ товаровъ оно пріобрѣтаетъ отъ государственной власти установленную цѣну. При этомъ выражали невѣрное мнѣніе, что придавать опредѣленному по вѣсу количеству золота счетное наименованіе есть тоже самое, что опредѣлять стоимость этихъ вѣсовыхъ количествъ». (Karl Marx. Zur Kritik etc., p. 52).

[60]) Ср. „Theorien von der Maasseinheit des Geldes» въ "Zur Kritik der Pol. Oekon. etc.». p. 53 sqq. Фантазіи о возвышеніи или пониженіи «цѣны монеты», заключающіяся въ томъ, что законныя денежныя названія для законно-опредѣленныхъ вѣсовыхъ частей золота или серебра, по распоряженію правительства, можно перенести на большія или меньшія вѣсовыя части, сообразно чему, напр., $^1/_4$ унціи золота, вмѣсто того, чтобы чеканить въ 20 шиллинговъ, можно впредь чеканить въ 40, — эти фантазіи, если только онѣ не составляютъ неловкихъ финансовыхъ мѣръ противъ государственныхъ и частныхъ кредиторовъ, а имѣютъ цѣлью экономическое «радикальное лѣченіе», такъ превосходно разобраны Petty, въ его «Quantulumcumque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax 1682», что слѣдовавшіе за нимъ непосредственно Sir Dudley North и John Locke, не говоря уже о позднѣйшихъ писателяхъ, могли только ихъ размазывать. «Если бы богатство народовъ», говоритъ онъ между прочимъ, «могло быть удесятерено манифестомъ, то было бы болѣе чѣмъ странно, что наши правители давно уже не догадались издать такіе манифесты» (l. c. p. 36).

[61]) «Или же, слѣдуетъ признать, что стоимость милліона деньгами, стóитъ болѣе равной стоимости товарами» (Le Trosne l. c. p. 922), т. е. «что стоимость стóитъ больше равной стоимости».

то 1 ф. ст. и 3 ф. ст. будутъ или слишкомъ малымъ, или слишкомъ высокимъ выраженіемъ величины стоимости пшеницы, но тѣмъ не менѣе они составляютъ цѣну ея, во-первыхъ по тому, что они представляютъ форму ея стоимости, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что служатъ показателями ея мѣнового отношенія къ деньгамъ.

При постоянныхъ условіяхъ производства или при прежней производительной силѣ труда, для производства квартера пшеницы надо израсходовать тоже самое количество общественнаго рабочаго времени, какъ и прежде. Обстоятельство это не зависитъ ни отъ воли производителя пшеницы, ни отъ другихъ владѣльцевъ товаровъ. Величина стоимости товара выражаетъ слѣдовательно необходимое, присущее процессу его образованія, отношеніе къ общественному рабочему времени. Съ превращеніемъ величины стоимости въ цѣну, такое необходимое отношеніе является въ видѣ болѣе или менѣе случайнаго мѣнового соотношенія какого нибудь товара къ другому, денежному товару. Но въ этомъ соотношеніи можетъ выражаться какъ величина стоимости товара, такъ и то случайное отношеніе, въ какомъ онъ отчуждается при данныхъ обстоятельствахъ. Въ самой формѣ цѣны уже существуетъ возможность количественнаго несовпаденія цѣны съ величиною стоимости, или отклоненія цѣны отъ величины стоимости. Это вовсе не недостатокъ этой формы, а напротивъ благодаря ему, форма дѣлается вполнѣ соотвѣтственною тому способу производства, въ которомъ правило становится закономъ только вслѣдствіе слѣпой игры неправильностей, которыя, въ среднемъ, взаимно уравновѣшиваются, парализуются и уничтожаются.

Впрочемъ форма цѣны не только допускаетъ возможность количественнаго несовпаденія величины стоимости и цѣны, т. е. величины стоимости и ея денежнаго выраженія, но она можетъ даже скрывать качественное противорѣчіе, такъ что цѣна вообще перестаетъ быть выраженіемъ стоимости, хотя деньги представляютъ только форму стоимости товаровъ. Вещи, сами по себѣ не товары, какъ напримѣръ, совѣсть, честь и пр., могутъ стать продажными и такимъ образомъ посредствомъ своей цѣны пріобрѣтать форму товаровъ. Стало быть вещь можетъ имѣть формально цѣну, не имѣя въ тоже время стоимости. Цѣна при этомъ становится фиктивнымъ выраженіемъ, какъ нѣкоторыя величины въ математикѣ. Съ другой стороны, мнимая форма цѣны иногда скрываетъ дѣйствительныя отношенія стоимости, хотя и косвенныя; какъ напримѣръ цѣна некультивированной земли, безъ стоимости, такъ какъ въ ней не овеществленъ человѣческій трудъ.

Цѣна, подобно относительной формѣ стоимости вообще, выражаетъ стоимость товара, напримѣръ тонны желѣза, такимъ образомъ, что опредѣленное количество эквивалента, напримѣръ унція золота, можетъ непосредственно обмѣниваться на желѣзо. Но это ни въ какомъ случаѣ не подразумѣваетъ обратнаго, т. е., что желѣзо можетъ быть непосредственно обмѣнено на золото. Поэтому, для того чтобы практически осуществить свою мѣновую стоимость, товаръ долженъ отречься отъ своей тѣлесной формы, долженъ преобразиться изъ воображаемаго въ дѣйствительное золото, хотя такое превращеніе для товара можетъ оказаться несравненно труднѣе, чѣмъ для гегелевскаго «понятія» переходъ отъ «необходимости» къ «свободѣ», или для краба разбиваніе его черепка, или для Іеронима отреченіе отъ плоти праотца Адама [62]). Рядомъ съ своею реальною формою, напримѣръ желѣза, товаръ можетъ обладать, въ цѣнѣ, идеальною формою стоимости или воображаемымъ видомъ золота, но онъ не можетъ въ одно и тоже время быть дѣйствительно золотомъ и желѣзомъ. Для сообщенія ему цѣны, достаточно приравнять его къ воображаемому золоту. Для того, чтобы оказать своему владѣльцу услугу общаго эквивалента, товаръ долженъ быть замѣненъ золотомъ. Если-бы напримѣръ владѣлецъ желѣза явился къ владѣльцу какого нибудь товара, предлагаемаго въ обмѣнъ, и сослался-бы на цѣну желѣза, какъ на доказательство того, что это уже деньги, то получилъ-бы такой-же отвѣтъ, какъ тотъ, который святой Петръ далъ на небѣ Данте, сказавшему ему символъ вѣры:

«Assai bene è trascorsa
D'esta moneta già la lega e'l peso,
Ma dimmi se tu l'ai nella tua borsa» *).

Форма цѣны подразумѣваетъ отчуждаемость товара за деньги и необходимость этого отчужденія. Съ другой стороны, золото является идеальной стоимостью только потому, что оно уже находится на рынкѣ въ видѣ товара-денегъ. Поэтому въ идеальной мѣрѣ стоимостей скрывается звонкая монета.

2) Средство обращенія.

а) Превращенія или метаморфозъ товаровъ.

Мы знаемъ уже, что обмѣнъ товаровъ обладаетъ противорѣчивыми и другъ друга исключающими условіями. Распаденіе товаровъ на товаръ и деньги

---

[62]) Если, въ своей юности Іерониму пришлось много страдать отъ своей матеріальной плоти, какъ показываетъ его борьба въ пустынѣ съ прекрасными женскими образами, то въ старости ему приходилось страдать отъ духовной плоти. «Я представляю себя», говоритъ онъ напр., «мысленно предъ лицемъ всемірнаго судіи». «Кто ты?», спрашиваетъ нѣкій голосъ. «Я христіанинъ». «Ты лжешь» — гремитъ всемірный судія — «ты только цицеронецъ!».

*) Хотя вѣсъ и форма этой монеты очень хорошо извѣстны, но скажи мнѣ, находится-ли она у тебя въ кошелькѣ?

не устраняетъ этихъ противорѣчій, но создаетъ modus vivendi, форму, въ которой они могутъ существовать рядомъ. Въ этомъ и состоитъ способъ, при помощи котораго разрѣшаются дѣйствительныя противорѣчія. Напримѣръ такое противорѣчіе: тѣло непрерывно падаетъ на другое и столь же непрерывно удаляется отъ него. Элипсъ есть одна изъ формъ движенія, въ которомъ это противорѣчіе какъ осуществляется, такъ и разрѣшается.

Поскольку мѣновой процессъ товаровъ переноситъ ихъ изъ рукъ, въ которыхъ они не являются потребительными стоимостями, въ руки, въ которыхъ они становятся потребительными стоимостями, онъ есть общественный обмѣнъ веществъ. Продуктъ одного полезнаго вида труда замѣняетъ продуктъ другого. Сдѣлавшись потребительною стоимостью, товаръ изъ области товарнаго обмѣна уже попадаетъ въ область потребленія. Здѣсь насъ интересуетъ только первая сфера. Намъ предстоитъ разсмотрѣть весь процессъ съ его формальной стороны, слѣдовательно только перемѣну формъ или метаморфозъ товаровъ; онъ-то и составляетъ общественный обмѣнъ веществъ.

Эта перемѣна формъ понимается въ общемъ, крайне неудовлетворительно. Независимо отъ неяснаго представленія понятія самой стоимости, причина такого неудовлетворительнаго пониманія заключается въ томъ, что каждая перемѣна формъ товара есть результатъ обмѣна двухъ товаровъ,—обыкновеннаго и денежнаго. Если мы обратимъ вниманіе только на этотъ вещественный моментъ, т. е. на обмѣнъ товаровъ на золото, то упустимъ изъ вида какъ разъ то, что слѣдуетъ видѣть, именно то, что дѣлается съ формою. Мы не замѣчаемъ, что золото, какъ простой товаръ, не есть деньги, и что если другіе товары выражаютъ свою стоимость въ золотѣ, то это золото есть ничто иное какъ денежная форма самихъ этихъ товаровъ.

Въ мѣновой процессъ товары вступаютъ непозолоченные, неподсахаренные, а такими, какими родились на свѣтъ. Этотъ процессъ производитъ раздѣленіе товара на товаръ и деньги, — внѣшнюю противоположность, въ которой товаръ выражаетъ присущую ему противоположность между потребительною и мѣновою стоимостью. При этомъ, какъ потребительныя стоимости, товары противополагаются деньгамъ, какъ мѣновой стоимости. Но въ то же время обѣ стороны противоположенія суть товары, слѣдовательно—единства потребительной стоимости и стоимости. Это единство различій проявляется на двухъ противоположныхъ полюсахъ, и на каждомъ изъ нихъ противоположнымъ способомъ. Находясь на двухъ полюсахъ, товары и деньги по необходимости и противоположны одни другимъ, и находятся одни къ другимъ въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ. Въ одной части уравненія у насъ обыкновенный товаръ, который въ дѣйствительности есть потребительная стоимость, тогда какъ мѣновая его стоимость выражается только идеально въ его цѣнѣ; ею онъ приравнивается къ своей противоположности, золоту, какъ реальному овеществленію стоимости. Въ другой части уравненія выступаетъ золото, въ своей металлической тѣлесности, какъ воплощеніе стоимости, какъ форма всеобщей вымѣниваемости, какъ деньги. Золото, само по себѣ мѣновая стоимость. Что же касается его потребительной стоимости, то она выражается лишь идеально цѣлымъ рядомъ товаровъ, противополагаемыхъ ему какъ относительному выраженію стоимости и играющихъ роль его эквивалентовъ. Такъ какъ, когда товаръ обмѣнивается на золото, то онъ въ то же время мѣняетъ свою потребительную форму на форму стоимости. Когда золото обмѣнивается на товаръ, то вмѣстѣ съ тѣмъ форма его мѣновой стоимости превращается въ форму потребительной стоимости.

Послѣдуемъ за какимъ нибудь владѣльцемъ товаровъ, напримѣръ за нашимъ старымъ знакомымъ ткачемъ холста, на сцену мѣноваго процесса, на товарный рынокъ. Его товаръ, 20 арш. холста, имѣетъ опредѣленную цѣну; она=2 ф.ст. Онъ вымѣниваетъ его на 2 ф. ст., и, какъ человѣкъ стараго закала, вымѣниваетъ снова 2 ф. ст. на семейную библію той же цѣны. Холстъ, составляющій для него только товаръ, выраженіе стоимости, отдается ради золота, т. е. своей формы стоимости, и изъ этой формы обратно отчуждается для другого товара, библіи, которая, однако, какъ потребительная стоимость, переселяется въ жилище ткача и тамъ удовлетворяетъ его духовнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, мѣновой процессъ товара совершается въ двухъ противоположныхъ и другъ друга дополняющихъ метаморфозахъ — въ превращеніи товара въ деньги и въ его обратномъ превращеніи изъ денегъ въ товаръ [63]). Оба момента такого товарнаго метаморфоза являются въ то же время двумя раздѣльными дѣйствіями ткача—продажа, обмѣнъ товара на деньги, покупка — обмѣнъ денегъ на товаръ, и единство обоихъ актовъ: продажа для покупки.

Результатъ торга для ткача холста заключается въ томъ, что онъ получаетъ вмѣсто холста библію, вмѣсто своего первоначальнаго товара, другой товаръ той же стоимости, но иной полезности. Такимъ-же способомъ онъ пріобрѣтаетъ и другія средства для своего существованія и производства. Съ точки зрѣнія ткача весь процессъ, — превращеніе холста въ деньги и денегъ въ товаръ,

---

[63]) 'Εκ δὲ τοῦ... πυρὸς ἀνταμειβεσθαι πάντα, φησίν ὁ'Ηρὰκλειτος, και πῦρ ἀπάντων, ὥπερ χρυσοῦ χρὴματα και χρηὰτων χρυσός". (F. Lassalle: «Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln. Berlin, 1858», т. I, p. 222). Лассаль, въ своей замѣткѣ къ этому мѣсту, ошибочно считаетъ деньги за простые знаки стоимости.

продажа и покупка,—служитъ только для обмѣна продукта его труда на продуктъ чужого труда—для обмѣна продуктовъ.

Процессъ мѣны товара совершается, такимъ образомъ, въ видѣ слѣдующей перемѣны формъ:

Товаръ — Деньги — Товаръ.

Т — Д — Т

По своему вещественному содержанію, движеніе есть Т—Т, обмѣнъ товара на товаръ, обмѣнъ продуктовъ общественнаго труда и его результатомъ оканчивается самый процессъ.

Т—Д. Первый метаморфозъ товара или покупка. Стоимость товара переходитъ изъ тѣла товара въ тѣло золота, и это, какъ замѣтилъ я въ другомъ мѣстѣ, есть salto mortale товара. Если оно не удастся, то разумѣется не товаръ, а владѣлецъ его будетъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Общественное раздѣленіе труда дѣлаетъ работу послѣдняго односторонней, между тѣмъ, потребности его многосторонни. Именно поэтому, его продуктъ представляетъ для него лишь мѣновую стоимость. Но всеобщую эквивалентную форму, имѣющую общественное значеніе, получаетъ продуктъ только въ деньгахъ, а деньги находятся въ чужомъ карманѣ. Чтобы извлечь ихъ оттуда, товаръ долженъ прежде всего быть потребительною стоимостью для владѣльца денегъ, слѣдовательно, потраченная на него работа должна явиться общественно полезной формой или звеномъ общественнаго дѣленія труда. Но раздѣленіе труда есть естественно возникшая организація производства, — нити которой были сплетны, и продолжаютъ сплетаться, за глазами производителей товаровъ. Возможно, что товаръ есть продуктъ новаго рода труда, который намѣревается удовлетворять какой-нибудь вновь явившейся потребности или самъ желаетъ вызвать новую потребность. Можетъ быть еще вчера какое-нибудь занятіе было однимъ изъ многихъ занятій одного и того же производителя товаровъ, а сегодня оно отрывается отъ этого цѣлаго, обособляется, и именно потому, отправляетъ на рынокъ свой частичный продуктъ, уже какъ самостоятельный товаръ. Обстоятельства могутъ помочь или помѣшать такому процессу обособленія. Сегодня продуктъ удовлетворяетъ общественой потребности. Завтра, быть можетъ, онъ вполнѣ или частію вытѣснится другимъ похожимъ продуктомъ. Потребительная стоимость 20 аршинъ холста, принадлежащихъ именно этому ткачу вовсе еще не гарантирована даже въ томъ случаѣ, когда трудъ нашего ткача, принадлежитъ къ числу привиллегированныхъ членовъ общественнаго раздѣленія труда. Если общественная потребность въ холстѣ—и ей есть мѣра, какъ и всякой другой—уже удовлетворена конкурирующими ткачами, то продуктъ нашего пріятеля является излишнимъ, а потому и безполезнымъ. Только даровому коню въ зубы не смотрятъ, а ткачъ явился на рынокъ не для того, чтобы дѣлать подарки. Но допустимъ, что потребительная стоимость продукта ткача признана, и потому, деньги привлекутся товаромъ. Сейчасъ-же является вопросъ, сколько денегъ? Во всякомъ случаѣ отвѣтъ подсказывается уже цѣною товара, показателемъ величины его стоимости. Мы оставляемъ безъ вниманія всякія чисто субъективныя ошибки въ расчетѣ владѣльца товара; эти ошибки тотчасъ исправляются на рынкѣ объективно. Допустимъ, что онъ израсходовалъ на свой продуктъ только такое общественно-необходимое количество рабочаго времени. Цѣна товара есть слѣдовательно только денежное названіе овеществленнаго въ немъ количества общественнаго труда. Теперь вобразимъ, что безъ согласія и незамѣтно для нашего ткача холста устарѣлыя условія производства холста приходятъ въ броженіе. И то, что еще вчера было несомнѣнно общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ для производства одного аршина холста, перестаетъ быть тѣмъ же самымъ сегодня, какъ съ жаромъ доказываетъ ему владѣлецъ денегъ на основаніи цѣнъ, выставленныхъ различными конкурентами нашего пріятеля. Къ несчастію для него, на свѣтѣ существуетъ много ткачей. Наконецъ допустимъ, что каждый кусокъ холста, находящійся на рынкѣ заключаетъ только общественно - необходимое рабочее время. Несмотря на это, вся сумма этихъ кусковъ можетъ содержать излишне потраченное рабочее время. Если брюхо рынка не можетъ поглотить всего количества холста по нормальной цѣнѣ, по 2 ш. за аршинъ, то это доказываетъ, что слишкомъ большая доля всей суммы общественнаго рабочаго времени потрачена на тканье холста. Дѣйствіе будетъ тоже самое, какъ если бы каждый ткачъ употребилъ, на свой индивидуальный продуктъ, рабочаго времени болѣе чѣмъ общественно необходимо. Здѣсь примѣняется пословица: Mitgefangen, mitgehangen*). Весь холостъ на рынкѣ считается только однимъ предметомъ торговли, и каждый кусокъ только частью его. И дѣйствительно, стоимость каждаго отдѣльнаго аршина есть только овеществленіе того же самаго общественно-опредѣленнаго количества однороднаго человѣческаго труда.

Ясно, что товаръ любитъ деньги, но «the course of true love never did run smooth» **). Количественное разчлененіе естественно возникшей общественной огранизаціи производства, представляющей свои membra disjecta въ системѣ раздѣленія труда, столь же самопроизвольно и случайно, какъ и качественное разчлененіе. Поэтому наши владѣльцы товаровъ находятъ, что тоже самое раздѣленіе труда, въ силу котораго они становятся независимыми частными производителями, освобождаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обще-

*) И пойманъ, и повѣшенъ вмѣстѣ.

**) Истинная любовь никогда не бываетъ ровной.

ственный процессъ производства и взаимныя отношенія въ немъ единичныхъ производителей отъ всякой зависимости отъ воли этихъ производителей, и что кажущаяся взаимная независимость отдѣльныхъ производителей другъ отъ друга дополняется системою полной вещественной зависимости.

Раздѣленіе труда превращаетъ продуктъ труда въ товаръ, а чрезъ это дѣлаетъ необходимымъ превращеніе его въ деньги. Въ тоже время, это пресуществленіе вполнѣ случайно. Здѣсь слѣдуетъ однако разсматривать явленіе въ его чистомъ видѣ, и потому допускать, что оно совершается нормально. Если только оно вообще совершается, т. е. если товаръ находитъ себѣ сбытъ, то всегда происходитъ измѣненіе формы, хотя реализованная цѣна можетъ быть ненормальна выше или ниже его стоимости.

Для продавца товаровъ золото замѣщаетъ его товаръ, а для покупателя — товаръ замѣщаетъ его золото. Видимое явленіе заключается въ перемѣнѣ владѣльцевъ или мѣстъ товара и золота, 20 арш. холста и 2 ф. ст. золотомъ, т. е. въ ихъ обмѣнѣ. На что же вымѣнивается товаръ? На его собственную общую форму стоимости. А на что обмѣнивается золото? На особенную форму его потребительной стоимости. Почему золотс противополагается холсту въ видѣ денегъ? Потому что цѣна холста въ 2 ф· ст. или его денежное наименованіе уже противопоставлено золоту какъ деньгамъ. Товаръ сбрасываетъ свою первоначальную товарную форму въ тотъ моментъ, когда его потребительная стоимость дѣйствительно притягиваетъ золото, выраженное лишь предположительно въ его цѣнѣ. Реализація цѣны или идеальной формы стоимости товара есть, стало быть, въ тоже время реализація идеальной потребительной стоимости денегъ; превращеніе товара въ деньги есть въ тоже время превращеніе денегъ въ товаръ. Процессъ одинъ, но двусторонній: съ точки зрѣнія владѣльца товара это продажа, съ точки зрѣнія владѣльца денегъ это — покупка. Или: продажа есть покупка, Т — Д есть въ тоже время Д—Т [64]).

Кромѣ отношенія людей другъ къ другу какъ владѣльцевъ товаровъ, мы не знаемъ до сихъ поръ никакого экономическаго отношенія, въ которомъ бы они присвоивали продуктъ чужого труда отдачей своего собственнаго. Владѣльцу товаровъ можетъ противополагаться другой, какъ владѣлецъ денегъ, только тогда, когда продуктъ его труда имѣетъ денежную форму отъ природы, есть слѣдовательно денежный матеріалъ, золото и пр., или когда его собственный товаръ уже перемѣнилъ свою форму и сбросилъ съ себя свою первоначальную потребительную стоимость. Чтобы играть роль денегъ, золото конечно должно выступить гдѣ нибудь на товарный рынокъ. Этотъ пунктъ находится на мѣстѣ его производства, гдѣ оно, какъ непосредственный продуктъ труда, вымѣнивается на другой продуктъ труда той же стоимости. Но съ этого же момента оно постоянно представляетъ реализованную цѣну товаровъ [65]). Кромѣ обмѣна золота на товаръ въ мѣстѣ его добыванія, оно въ рукахъ каждаго владѣльца товаровъ представляетъ превращенную форму отчужденнаго имъ товара, продуктъ продажи или перваго метаморфоза товара, Т — Д [66]). Золото превратилось въ идеальныя деньги или мѣрило стоимости потому, что всѣ товары стали измѣрять имъ свои стоимости и такимъ образомъ, мысленно, противополагать ему свои натуральныя формы, какъ полезныя вещи, обращая его въ форму своей собственной стоимости. Оно становится реальными деньгами вслѣдствіе всесторонняго отчужденія товаровъ. Это движеніе обращаетъ ихъ всѣхъ въ золото, уже въ невоображаемое только, но въ дѣйствительное. Товаръ уничтожаетъ всѣ слѣды своей натуральной потребительной стоимости и особенной полезной работы, которой онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, для того, чтобы превратится въ однородное общественное овеществленіе объективнаго человѣческаго труда. Поэтому въ деньгахъ невидно, на какой товаръ онѣ обмѣнены; въ своей денежной формѣ каждый товаръ совершенно одинаковъ съ другимъ. Поэтому деньги могутъ быть навозомъ, хотя навозъ не деньги. Положимъ, что двѣ золотыя монеты, данныя намъ ткачемъ взамѣнъ своего товара, составляютъ превращенную форму квартера пшеницы. Продажа холста, Т—Д, есть въ тоже время его покупка, Д — Т. Продажею холста этотъ процессъ начинаетъ движеніе, кончающееся ея (продажи) противоположностью, — покупкою библіи; покупкою холста оканчивается движеніе, начавшееся противоположностью ея (покупки), продажею пшеницы. Т — Д (холстъ—деньги), эта первая фаза Т — Д — Т (холстъ — деньги — библія), есть въ то же время Д — Т (деньги — холстъ),—послѣдняя фаза другаго движенія Т — Д—Т (пшеница— деньги — холстъ). Первая матаморфоза какого нибудь товара, превращеніе его изъ товарной формы въ деньги, есть всегда, въ тоже время, вторая противоположная метаморфоза, другого товара, обратное превращеніе его изъ денежной формы въ товаръ [67]).

---

[64]) «Toute vente est achat» (Dr. Quesnay: «Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans». Physiocrates, ed. Daire, Paris 1846, p. 170), или какъ говоритъ Quesnay въ своихъ «Maximes Générales»: «Vendre est acheter».

[65]) «Цѣна товара можетъ оплачиваться только цѣною другого товара». (Mercier de la Rivière: „L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques". Physiocrates, ed. Daire, II Partie, p. 554).

[66]) «Чтобы имѣть эти деньги, нужно сначала продать» (l. c. p. 543).

[67]) Исключеніе составляетъ, какъ замѣчено раньше, производитель золота или серебра, ко-

Д—Т. Вторая или заключительная метаморфоза товара—покупка. — Такъ какъ деньги изображаютъ превращенную форму всѣхъ другихъ товаровъ, результатъ всеобщей ихъ отчуждаемости, то сами онѣ отчуждаются безъ всякаго ограниченія, безусловно. Онѣ читаютъ всѣ цѣны наоборотъ и такимъ образомъ отражаются въ тѣлахъ всѣхъ товаровъ, какъ на подходящемъ матеріалѣ для своего собственнаго превращенія въ товаръ. Въ тоже время цѣны,—эти любовные взгляды, посылаемые деньгамъ товарами, — показываютъ предѣлы ихъ способности къ превращеніямъ, именно ихъ собственное количество. Такъ какъ товаръ при своемъ превращеніи въ деньги исчезаетъ, то въ нихъ невидно, какъ попали онѣ въ руки владѣльца или чтó превратилось въ нихъ. Non olet, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Если съ одной стороны онѣ представляютъ проданный товаръ, то съ другой—товаръ, подлежащей покупкѣ [69]).

Д—Т, покупка, есть въ то же время продажа, Т—Д; послѣдняя метаморфоза есть слѣдовательно въ то же время первая метаморфоза другого товара. Жизненный путь товара нашего ткача завершается покупкою библіи, въ которую онъ обратно превратилъ 2 ф. ст. Но продавецъ библіи превращаетъ, заплаченные ткачемъ 2 ф. ст., въ водку. Д—Т, заключительная фаза Т—Д—Т (холстъ—деньги—библія), есть въ то же время Т—Д, первая фаза Т—Д—Т (библія—деньги—водка). Такъ какъ производитель товаровъ доставляетъ только односторонній какой-нибудь продуктъ, то продаетъ онъ его часто въ большихъ количествахъ, между тѣмъ какъ его разнообразныя потребности вынуждаютъ постоянно раздроблять реализованную цѣну, или вырученную сумму денегъ, на многочисленныя покупки. Слѣдовательно одна продажа примыкаетъ ко множеству покупокъ различныхъ товаровъ. Такимъ образомъ, заключительная метаморфоза одного товара образуетъ сумму первыхъ метаморфозъ другихъ товаровъ.

Если мы теперь посмотримъ на метаморфозу какого нибудь товара, напримѣръ холста, въ ея цѣломъ, то тотчасъ же замѣтимъ, что она состоитъ изъ двухъ противоположныхъ и дополняющихъ одно другое движеній, Т—Д и Д—Т. Обѣ эти противоположныя метаморфзы совершаются, благодаря двумъ противоположнымъ общественнымъ актамъ владѣльца товаровъ—покупкѣ и продажѣ; оба эти акта съ своей стороны придаютъ характеръ той экономической роли, которую онъ въ нихъ играетъ. Онъ — продавецъ, какъ лицо продающее; онъ — покупатель, какъ лицо покупающее. Но такъ какъ, во время каждаго превращенія товаровъ, существуютъ обѣ формы его, денежная и товарная, одновременно, только на противоположныхъ полюсахъ, то одному и тому же владѣльцу товара, какъ продавцу, противополагается другой покупатель, и какъ покупателю—другой продавецъ. Какъ одинъ и тотъ же товаръ проходитъ послѣдовательно чрезъ два противоположныя превращенія, изъ товара дѣлается деньгами и изъ денегъ товаромъ, такъ и тотъ же самый владѣлецъ товара послѣдовательно становится то продавцемъ то покупателемъ. Слѣдовательно, эти роли продавца и покупателя не постоянны, но ихъ послѣдовательно играютъ разныя лица, участвующія въ обращеніи товаровъ.

Въ своей простѣйшей формѣ, полная метаморфоза товара предполагаетъ четыре противоположности и трехъ дѣйствующихъ лицъ. Сначала товаръ противополагается деньгамъ, какъ формѣ своей стоимости, которая по ту сторону, въ чужомъ карманѣ, обладаетъ вещественною наличною реальносгью. Такимъ образомъ, владѣльцу товара противополагается владѣлецъ денегъ. Когда же товаръ превратится въ деньги, послѣднія превращаются въ его преходящую эквивалентную форму, потребительная стоимость или содержаніе которой существуетъ на сторонѣ товара, въ другихъ товарныхъ тѣлахъ. Конечный пунктъ перваго превращенія товара—деньги—есть въ то же время исходная точка втораго. Также и продавецъ въ первомъ актѣ, является покупателемъ во второмъ, гдѣ противополагается ему третій владѣлецъ товаровъ, какъ продавецъ [70]).

Въ товарномъ метаморфозѣ обѣ противоположныя фазы движенія образуютъ одинъ круговоротъ: товарная форма, отрицаніе товарной формы, возвращеніе къ товарной формѣ. Самъ товаръ при этомъ, конечно, представляется съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: вначалѣ онъ не составляетъ для своего владѣльца потребительной стоимости, а въ концѣ уже составляетъ для него потребительную стоимость; вѣдь и деньги въ первой фазѣ являются въ видѣ твердаго кристалла стоимости, кристалла, въ которомъ сильно стремятся затвердѣть товары, для того, чтобы потомъ раствориться въ простой преходящей эквивалентной формѣ, предназначенной къ замѣщенію потребительною стоимостью.

Двѣ метаморфозы, образующія круговоротъ одного товара, составляютъ, въ то же время, противоположныя частичныя метаморфозы двухъ другихъ товаровъ. Одинъ и тотъ же товаръ (холстъ) открываетъ рядъ своихъ собственныхъ

торый вымѣниваетъ свой продуктъ безъ предварительной продажи его.

[69]) «Если деньги представляютъ въ нашихъ рукахъ вещи, которыя мы можемъ пожелать купить, то они также представляютъ вещи, которыя мы продали за эти деньги». Mercier de la Rivière l. c. p. 586.

[70]) «Il y a donc quatre termes et trois contractants, dont l'un intervient deux fois». (Le Trosne, l. c. p. 908).

метаморфозъ и заканчиваетъ полную метаморфозу другого товара (пшеницы). Во время своего перваго превращенія, продажи, онъ самъ играетъ обѣ эти роли. Но затѣмъ, по превращеніи въ деньги, онъ заканчиваетъ свою первую и окончательную метаморфозу и въ то же время помогаетъ совершенію первой метаморфозы третьяго товара. И вотъ, круговоротъ, образуемый рядомъ метаморфозъ каждаго товара, тѣсно сливается съ круговоротами другихъ товаровъ. Въ своемъ цѣломъ, процессъ является въ видѣ обращенія товаровъ.

Обращеніе товаровъ отличается отъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ не только формально, но и по существу. Бросимъ бѣглый взглядъ на этотъ процессъ. Ткачъ несомнѣнно промѣнялъ холстъ на библію, свой товаръ на чужой. Но это вѣрно только для него. Продавецъ библіи, отдающій предпочтеніе горячительному передъ холоднымъ, и не помышлялъ мѣнять библію на холстъ, точно также какъ ткачъ ничего не знаетъ о томъ, что пшеница была вымѣнена на его холстъ и т. д. Товаръ лица B замѣняетъ товаръ лица A, но A и B не обмѣниваются другъ съ другомъ своими товарами. Въ дѣйствительности можетъ случиться, что A и B покупаютъ другъ у друга поочередно, но такая исключительная сдѣлка вовсе не зависитъ отъ общихъ условій товарнаго обращенія. Съ одной стороны, мы при этомъ видимъ, какъ обмѣнъ товаровъ переходитъ за индивидуальные и мѣстные предѣлы непосредственной мѣны продуктовъ и развиваетъ обращеніе продуктовъ человѣческаго труда; а съ другой стороны,—какимъ образомъ развивается цѣлая сѣть стихійно возникающихъ общественныхъ связей, находящихся совершенно внѣ контроля дѣйствующихъ лицъ. Ткачу удается продать холстъ только потому, что крестьянинъ уже продалъ пшеницу; владѣлецъ библіи можетъ продать ее только потому, что ткачъ продалъ холстъ; кабатчикъ можетъ продать водку лишь потому, что его покупатель уже продалъ источникъ вѣчной жизни и пр.

Поэтому процессъ обращенія не исчерпывается, какъ въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ, съ перемѣною мѣстъ или рукъ, въ которыхъ находятся потребительныя стоимости. Деньги не исчезаютъ потому только, что онѣ въ концѣ концовъ выпадаютъ изъ ряда метаморфозъ одного товара. Онѣ постоянно осѣдаютъ на мѣста обращенія, оставленныя товарами. Напримѣръ, въ полной метаморфозѣ холста: холстъ—деньги—библія, сначала холстъ выходитъ изъ обращенія, деньги вступаютъ на его мѣсто, затѣмъ библія выходитъ изъ обращенія, деньги вступаютъ на ея мѣсто. Замѣна товара товаромъ оставляетъ въ то же время въ третьихъ рукахъ деньги [71]). Обращеніе постоянно высачиваетъ деньги.

Очень нелѣпо положеніе, что обращеніе товаровъ обусловливаетъ непремѣнно равновѣсіе продажъ и покупокъ, потому что каждая продажа обусловливаетъ покупку, и обратно. Если этимъ хотятъ сказать, что число дѣйствительно совершенныхъ продажъ равно числу покупокъ, то это простая тавтологія. Но хотятъ доказать другое, что продавецъ ведетъ на рынокъ своего покупателя. Продажа и покупка составляютъ тождественный актъ, взаимное отношеніе двухъ полярно противоположенныхъ лицъ, — владѣльца товаровъ и владѣльца денегъ. Онѣ составляютъ два полярно противоположные акта какъ дѣйствія того-же лица. Тождество продажи и покупки поэтому подразумѣваетъ, что товаръ сдѣлается безполезнымъ, если, будучи брошенъ въ алхимическую реторту обращенія, онъ не выйдетъ изъ нея въ видѣ денегъ, т. е. если не будетъ проданъ владѣльцемъ товара, и потому не будетъ купленъ владѣльцемъ денегъ. Это тождество показываетъ затѣмъ, что такой актъ, если онъ удался, образуетъ паузу, остановку въ жизни товара, которая можетъ быть болѣе или менѣе продолжительной. Такъ какъ первая метаморфоза товара есть въ тоже время и продажа и покупка, то этотъ частичный актъ есть въ тоже время актъ самостоятельный. У покупателя есть товаръ, у продавца есть деньги, т. е. товаръ, сохраняющій форму, способную къ обращенію, независимо отъ того, когда онъ снова появится на рынкѣ. Никто не можетъ продать безъ того, чтобы не покупалъ кто нибудь другой. Но никто не обязанъ тотчасъ-же покупать только потому, что самъ продалъ. Обращеніе уничтожаетъ препятствія, которыя время, мѣсто и отношенія отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу ставятъ непосредственному обмѣну продуктовъ. Но какимъ-же образомъ? При непосредственномъ обмѣнѣ никто не можетъ отдать своего продукта безъ того, чтобы одновременно кто нибудь другой не отдалъ своего. Эти два акта разъединяетъ обращеніе, уничтожаетъ ихъ непосредственное тождество, вводя въ нихъ противоположность покупки и продажи. По продажѣ своего продукта, я вовсе не обязанъ купить въ томъ-же самомъ мѣстѣ, въ тоже самое время и у того-же самаго лица, которому я продалъ. Покупка есть обязательное дополненіе продажи, это вѣрно; но не менѣе вѣрно и то, что ихъ единство есть единство противоположностей. Утверждать, что эти два независимые и противоположные акта обладаютъ внутреннимъ единствомъ, или по существу составляютъ одинъ актъ, это все все равно, что сказать, что такое внутреннее единство выражается во внѣшнихъ противоположностяхъ. Если время, прошедшее между двумя, другъ друга дополняющими фазами полнаго метаморфоза товара, ста-

---

[71]) Ко 2-му изд.—Это явленіе, не смотря всю очевидность, однако, упускается изъ вида большею частью экономистами, именно вульгарными фритрэдерами.

новится слишкомъ долгимъ, если разъединеніе продажи и покупки становится слишкомъ рѣзкимъ, то внутренняя ихъ связь, ихъ единство, проявляется и даетъ себя знать, производя—кризисъ. Присущая товару противоположность между потребительною и мѣновою стоимостью, противорѣчіе, при которомъ частный трудъ долженъ въ то же время представлять собою непосредственно общественный трудъ, и особенный конкретный трудъ, долженъ въ то же время имѣть значеніе абстрактнаго и общаго труда; противоположность между олицетвореніемъ вещей и превращеніемъ лицъ въ вещи—всѣ эти противоположности и противорѣчія, присущія товарамъ, въ противоположностяхъ фазъ товарнаго метаморфоза развиваютъ свои формы движенія. Эти формы заключаютъ поэтому возможность, но только возможность, кризисовъ. Нуженъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя съ точки зрѣнія простого товарнаго обращенія, пока только нами разсмотрѣннаго, еще вовсе не существуютъ [72]), чтобы эта возможность превратилась въ дѣйствительность.

Являясь посредникомъ при обмѣнѣ товаровъ, деньги пріобрѣтаютъ функцію средства обращенія.

b) Обращеніе денегъ.

Движеніе Т—Д—Т, или полная метаморфоза продукта труда, товара, есть движеніе круговое въ томъ смыслѣ, что извѣстная стоимость начинаетъ движеніе въ видѣ товара, и завершаетъ его также въ видѣ товара. Денежная его форма, напротивъ того, исключаетъ круговое движеніе денегъ. Результатъ его состоитъ въ постоянномъ удаленіи денегъ отъ ихъ первоначальнаго пункта, а не въ возвращеніи къ нему. Пока продавецъ удерживаетъ у себя превращенную форму своего товара, т. е. деньги, до тѣхъ поръ товаръ находится еще въ стадіи перваго метаморфоза, т. е. онъ совершилъ только первую половину своего обращенія. Если же процессъ продажи для покупки совершился вполнѣ, то также и деньги снова исчезли изъ рукъ ихъ первоначальнаго владѣльца. Правда, если ткачъ, послѣ покупки библіи, снова продастъ холстъ, деньги возвращаются въ его руки. Но эти деньги возвращаются не вслѣдствіе процесса обращенія первыхъ 20 аршинъ холста. Наоборотъ, этотъ процессъ и отнялъ деньги изъ рукъ ткача въ руки продавца библіи. Онѣ возвращаются лишь посредствомъ возобновленія или повторенія того же самаго процесса обращенія, но только для новаго товара; и этотъ процессъ заканчивается здѣсь, какъ и тамъ, съ тѣмъ же самымъ результатомъ. Слѣдовательно, форма движенія денегъ, непосредственно сообщенная имъ товарнымъ обращеніемъ, состоитъ въ постоянномъ удаленіи ихъ отъ исходнаго пункта, въ переходѣ ихъ изъ рукъ одного владѣльца товаровъ въ руки другаго. Это и составляетъ обращеніе или оборотъ денегъ (Umlauf, currency, cours de la monnaie).

Обращеніе денегъ показываетъ постоянное, однообразное повтореніе одного и того же процесса. Товаръ всегда находится на сторонѣ продавца, а деньги—всегда на сторонѣ покупателя, какъ покупательное средство. Онѣ служатъ покупательнымъ средствомъ, реализируя цѣну товара. Реализація ея заключается въ томъ, что товаръ переходитъ изъ рукъ продавца въ руки покупателя, между тѣмъ какъ деньги переходятъ изъ рукъ покупателя въ руки продавца, чтобы потомъ повторить тотъ же процессъ съ другимъ товаромъ. Обстоятельство же, что такая односторонняя форма движенія денегъ возникаетъ изъ двусторонней формы движенія товара, замаскировано. Сама природа товарнаго обращенія вызываетъ противоположное представленіе. Первая метаморфоза товара видима не только какъ движеніе денегъ, но также какъ его собственное движеніе; между тѣмъ какъ его вторая метаморфоза видима только какъ движеніе денегъ. Въ первой фазѣ своего обращенія, товаръ мѣняется мѣстомъ съ деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ полезный предметъ, выходитъ изъ обращенія и попадаетъ въ сферу потребленія [73]). На его мѣсто вступаетъ форма его стоимости или деньги. Вторую фазу своего обращенія онъ проходитъ уже не въ естественномъ своемъ видѣ, а въ своей золотой оболочкѣ, въ видѣ денегъ. Непрерывность движенія выпадаетъ слѣдовательно вполнѣ только на долю зо-

---

[72]) Ср. мои замѣчанія о James Mill'ѣ въ «Zur Kritik» etc. p. 74—76. Для метода экономической апологетики здѣсь характерны два пункта. Во-первыхъ, отождествленіе товарнаго обращенія съ непосредственнымъ обмѣномъ продуктовъ, простымъ отвлеченіемъ отъ ихъ различій. Во-вторыхъ, попытка разъяснить противорѣчія капиталистическаго производительнаго процесса посредствомъ замѣны отношеній, дѣятелей этого производства другими, болѣе простыми отношеніями, вытекающими изъ товарнаго обращенія. Но производство и обращеніе товаровъ явленія, присущія самымъ различнымъ способамъ производства, хотя значеніе ихъ при этомъ далеко не одинаково. Поэтому, зная только абстрактныя категоріи товарнаго обращенія, общія этимъ способамъ производства, конечно, ничего еще неизвѣстно о специфическихъ отличіяхъ ихъ, а слѣдовательно нельзя и судить о нихъ. Ни въ одной наукѣ подобныя элементарныя общія мѣста не играютъ такой значительной роли, какъ въ политической экономіи. Такъ J. B. Say зная только, что товаръ—продуктъ, беретъ на себя тѣмъ не менѣе смѣлость разсуждать о кризисахъ.

[73]) Если даже товаръ перепродается нѣсколько разъ, — явленіе пока несуществующее для насъ,—то съ послѣднею окончательною продажею онъ всетаки переходитъ изъ сферы обращенія въ сферу потребленія, для того чтобы стать здѣсь средствомъ существованія или средствомъ производства.

лота, и то самое движенiе, которое для товара представляетъ два процесса противоположнаго характера, съ точки зрѣнiя движенiя денегъ—всегда представляетъ одинъ процессъ, мѣну мѣстами, и притомъ всегда съ другими товарами. Поэтому результатъ обращенiя товаровъ—замѣщенiя одного товара другимъ товаромъ—вѣроятно обусловливается не перемѣной ихъ собственной формы, а функцiей денегъ, какъ средства обращенiя, при помощи которыхъ обращаются товары сами по себѣ неподвижные, переносятся изъ рукъ, гдѣ они не составляютъ потребительныхъ стоимостей, въ тѣ руки, гдѣ они становятся потребительными стоимостями, притомъ всегда въ направленiи противоположномъ направленiю денегъ. Деньги постоянно извлекаютъ товары изъ сферы обращенiя, становясь сами на ихъ мѣсто, и такимъ образомъ постоянно удаляются отъ своего собственнаго начальнаго пункта. И хотя движенiе денегъ и представляетъ только выраженiе товарнаго обращенiя, но намъ кажется, какъ будто само товарное обращенiе является только результатомъ движенiя денегъ [74]).

Но деньги потому только и прiобрѣтаютъ функцiю средства обращенiя, что въ нихъ стоимость товаровъ обладаетъ самостоятельною реальностью, что онѣ представляютъ собою отдѣлившуюся товарную стоимость. Поэтому движенiе ихъ, какъ средства обращенiя, въ дѣйствительности есть только движенiе самихъ товаровъ, на то время, пока они находятся въ другой формѣ. Это довольно ясно отражается на обращенiи денегъ. Такъ, напримѣръ, сначала холстъ превращаетъ свою товарную форму въ денежную форму. Послѣднiй терминъ его первой метаморфозы Т—Д, денежная форма, становится затѣмъ первымъ терминомъ его послѣдней метаморфозы Д—Т, превращенiемъ ея вновь въ полезный предметъ, въ библiю. И каждая изъ этихъ двухъ перемѣнъ формъ совершается посредствомъ обмѣна товара на деньги, посредствомъ ихъ взаимнаго перемѣщенiя. Одна и таже монета въ первомъ актѣ мѣняется мѣстомъ съ холстомъ, во второмъ—съ библiей. Она перемѣщается два раза. При первомъ метаморфозѣ холста она попадаетъ въ карманъ ткача, при второмъ—вновь исчезаетъ изъ его кармана. Слѣдовательно обѣ противоположныя перемѣны формы того же самаго товара отражаются въ двукратномъ перемѣщенiи той же самой монеты въ противоположномъ направленiи.

При одностороннихъ метаморфозахъ товаровъ,—однѣхъ-ли продажахъ, или покупкахъ, все равно,—перемѣщенiе денегъ происходитъ только одинъ разъ. Второе ихъ перемѣщенiе всегда выражаетъ вторую метаморфозу товара,—обратное превращенiе его изъ денегъ въ товаръ. Частое повторенiе перемѣщенiя той же самой монеты опять таки отражаетъ не только рядъ метаморфозъ единичнаго товара, но также рядъ безчисленныхъ метаморфозъ вообще всякихъ товаровъ. Конечно, само собою понятно, что все это примѣнимо только къ разсматриваемой здѣсь формѣ простого обращенiя товаровъ.

При первомъ же шагѣ своемъ въ обращенiи, при первой перемѣнѣ своей формы, всякiй товаръ уже выходитъ изъ обращенiя, тогда какъ новый товаръ постоянно вступаетъ въ него. Между тѣмъ, деньги, какъ средство обращенiя, постоянно находятся въ немъ, постоянно обращаются. Является слѣдовательно вопросъ: сколько денегъ эта сфера постоянно поглощаетъ?

Въ извѣстной странѣ совершается каждый день одновременно, слѣдовательно рядомъ другъ съ другомъ, громадное число одностороннихъ товарныхъ метаморфозъ, или безчисленное множество простыхъ продажъ, съ одной стороны, и простыхъ покупокъ, съ другой. Въ своихъ цѣнахъ товары уже приравнены опредѣленнымъ, но воображаемымъ количествамъ золота. Такъ какъ разсматриваемая здѣсь непосредственная форма обращенiя постоянно противополагаетъ другъ другу товаръ и деньги вещественно, одинъ—на полюсѣ продажи, другiя—на полюсѣ покупки, то количество средствъ обращенiя, необходимое для процесса обращенiя товаровъ, опредѣляется уже суммою цѣнъ товаровъ. Дѣйствительно, деньги только реально представляютъ сумму золота, выраженную въ суммѣ цѣнъ товаровъ лишь идеально. Слѣдовательно равенство обѣихъ суммъ само собою понятно. Мы уже знаемъ, что при постоянныхъ стоимостяхъ товаровъ, ихъ цѣны измѣняются со стоимостью самаго золота (денежнаго матерiала): сравнительно повышаются, когда послѣдняя падаетъ, и падаютъ, когда она повышается. Если сумма цѣнъ товаровъ, такимъ образомъ, повышается или понижается, то количество обращающихся денегъ должно, въ такой же мѣрѣ, повышаться или понижаться. Измѣненiе количества средствъ обращенiя конечно обусловливается при этомъ самими деньгами, но не функцiею ихъ, какъ средства обращенiя, а функцiею ихъ, какъ измѣрителя стоимостей. Вначалѣ цѣна товаровъ измѣняется въ обратномъ отношенiи со стоимостью денегъ, затѣмъ измѣняется количество средствъ обращенiя въ прямомъ отношенiи съ цѣнами. Если бы напримѣръ упала не стоимость золота, а серебро замѣнило бы его, какъ измѣритель стоимостей, или не стоимость серебра повысилась бы, но золото вытѣснило бы его изъ функцiи измѣрителя стоимостей, то произошло бы совершенно тоже самое явленiе. Въ одномъ случаѣ стало бы обращаться больше серебра, чѣмъ прежде золота, въ другомъ—менѣе золота, чѣмъ прежде серебра. Въ обоихъ случаяхъ измѣни-

[74]) «Онѣ (деньги) не имѣютъ другаго движенiя, кромѣ сообщеннаго имъ продуктами». (Le Trosne l. c. p. 885).

лась бы стоимость денежнаго матеріала, т. е. товара, играющаго роль мѣры стоимостей, а потому измѣнилось бы выраженіе стоимостей товаровъ посредствомъ цѣнъ, а слѣдовательно и количество обращающихся денегъ, служащихъ для реализаціи этихъ цѣнъ. Мы видѣли, что сфера обращенія товаровъ имѣетъ дверь, чрезъ которую золото (или серебро, словомъ денежный матеріалъ) входитъ въ нее, какъ товаръ данной стоимости. Эта стоимость принимается въ расчетъ при функціи денегъ какъ мѣры стоимости, слѣдовательно и при опредѣленіи цѣнъ. Пониженіе стоимости самой мѣры стоимости обнаруживается прежде всего въ перемѣнѣ цѣнъ — товаровъ, вымѣниваемыхъ непосредственно на благородные металлы на мѣстѣ ихъ производства. Большая же часть другихъ товаровъ, въ особенности въ менѣе развитомъ буржуазномъ обществѣ, еще долго продолжаетъ оцѣниваться по старой, ставшей уже фиктивною, стоимости измѣрителя стоимостей. Между тѣмъ одинъ товаръ заражаетъ другой самымъ отношеніемъ своей стоимости къ нему; цѣны товаровъ, выраженныя въ золотѣ и серебрѣ, постепенно выравниваются сообразно стоимостямъ послѣднихъ, пока наконецъ всѣ товары не начинаютъ оцѣниваться по новой стоимости денежнаго металла. Такой процессъ выравниванія цѣнъ сопровождается безпрерывнымъ возрастаніемъ количества благородныхъ металловъ, попадающихъ въ сферу обращенія взамѣнъ товаровъ, прямо на нихъ вымѣниваемыхъ. Поэтому, по мѣрѣ того какъ всѣ вообще товары пріобрѣтаютъ настоящія свои цѣны, когда стало быть происходитъ всеобщее повышеніе цѣнъ, и по мѣрѣ того, какъ ихъ стоимости измѣряются сообразно новой, упавшей,—и до извѣстной степени продолжающей падать,—стоимости металла, приростъ его количества, необходимаго для ихъ реализаціи, оказывается уже также находящимся на рынкѣ. Одностороннее наблюденіе фактовъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ новыхъ мѣстонахожденій золота и серебра, повело въ XVII-мъ, и въ особенности въ XVIII-мъ столѣтіи, къ ошибочному выводу, что цѣны товаровъ повысились отъ того, что больше золота и серебра стало функціонировать въ качествѣ средствъ обращенія. При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ считать стоимость золота данною, какъ оно дѣйствительно и бываетъ въ моментъ нашей оцѣнки товара.

При такомъ предположеніи, количество средствъ обращенія, слѣдовательно, опредѣляется суммою цѣнъ товаровъ, подлежащихъ реализаціи. Если цѣну каждаго товара мы тоже будемъ принимать за данную, то ясно, что сумма цѣнъ товаровъ будетъ зависѣть отъ количества обращающихся товаровъ. Не трудно понять, что если 1 квартеръ пшеницы стоитъ 2 ф. ст., то 100 квартеровъ будутъ стоить 200 ф. ст., 200 кв.— 400 ф. ст., и т. д., слѣдовательно, съ увеличеніемъ количества пшеницы будетъ возрастать и количество денегъ, которыя при продажѣ помѣняются съ нею мѣстами.

При данномъ количествѣ товаровъ, то количество обращающихся денегъ измѣняется соотвѣтственно колебаніямъ цѣнъ товаровъ. Оно повышается и падаетъ, потому что сумма цѣнъ товаровъ, отъ измѣненія ихъ цѣнъ, повышается и падаетъ. Для этого вовсе нѣтъ необходимости въ одновременомъ повышеніи или паденіи цѣны всѣхъ товаровъ. Возвышеніе цѣнъ извѣстнаго числа главныхъ товаровъ въ одномъ случаѣ, или паденіе ихъ цѣнъ въ другомъ, достаточно, чтобы повысить или понизить, реализующуюся сумму цѣнъ всѣхъ обращающихся товаровъ, а, слѣдовательно также, чтобы внести болѣе или менѣе денегъ—въ обращеніе. Эти цѣны товаровъ служатъ-ли дѣйствительнымъ отраженіемъ измѣненій стоимостей или только колебаній рыночныхъ цѣнъ, дѣйствіе ихъ на количество средствъ обращенія будетъ одинаково.

Возьмемъ нѣсколько, безъ всякой взаимной связи, одновременныхъ, рядомъ совершающихся продажъ или частичныхъ метаморфозъ, напримѣръ одного квартера пшеницы, 20-ти аршинъ холста, 1-й библіи, 4-хъ галлоновъ водки. Если цѣна каждаго товара=2 ф. ст., а сумма реализующихся цѣнъ составитъ слѣдовательно 8 ф. ст., то въ обращеніе должно войти количество денегъ, равное 8 ф. ст. Если же тѣ-же самые товары есть члены извѣстнаго намъ ряда метаморфозъ: 1 квартеръ пшеницы—2 ф. ст.—20 аршинъ холста—2 ф. ст.—1 библія—2 ф. ст.— 4 галлона водки—2 ф. ст., то тѣ же самые 2 ф. ст. помогаютъ обращенію поочередно разныхъ товаровъ, реализуя поочередно ихъ цѣны, слѣдовательно также сумму въ 8 ф. ст., чтобы окончательно попасть въ руки кабатчика. Эти 2 ф. ст. совершаютъ четыре оборота. Неоднократная перемѣна мѣстъ тѣхъ же самыхъ монетъ представляетъ двойную перемѣну формъ товаровъ, ихъ переходъ чрезъ двѣ противоположныя стадіи обращенія и взаимное сплетеніе метаморфозъ различныхъ товаровъ [74]). Противоположныя и другъ друга дополняющія фазы, чрезъ которыя проходитъ этотъ процессъ, не могутъ совершаться рядомъ въ пространствѣ, но должны слѣдовать другъ за другомъ во времени. Поэтому промежутки времени составляютъ мѣру ихъ продолжительности, или число оборотовъ тѣхъ же самыхъ монетъ въ данное время измѣряетъ быстроту денежнаго обращенія. Если процессъ обращенія нашихъ четырехъ родовъ то-

---

[75]) «Продукты приводятъ ихъ (деньги) въ движеніе и заставляютъ обращаться... Быстрота ихъ движенія (т. е. денегъ) замѣняетъ ихъ количество. Когда въ нихъ есть надобность, то онѣ только переходятъ изъ рукъ въ руки, ни на минуту не останавливаясь» (Le Trosne I. c. р. 915, 916).

вара продолжается, напримѣръ, одинъ день, то въ этомъ случаѣ реализующаяся сумма цѣнъ = 8 ф. ст., число оборотовъ той же монеты въ теченіе дня = 4, а количество обращающихся денегъ будетъ = 2 ф. ст.; или, вообще, для даннаго періода времени процесса обращенія:

$$\frac{\text{Сумма цѣнъ товаровъ}}{\text{Число оборотовъ одноимянной монеты}} = \text{Количеству денегъ, служащихъ средствами обращенія.}$$

Законъ этотъ имѣетъ общее значеніе. Процессъ обращенія въ какой нибудь странѣ, въ данный періодъ времени, хотя, съ одной стороны, и заключаетъ многія разрозненныя, одновременныя и рядомъ другъ съ другомъ совершающіяся продажи (или покупки) или частичныя метаморфозы, въ которыхъ тѣ же самыя монеты мѣняютъ мѣста только по одному разу или совершаютъ только одинъ оборотъ; но, съ другой стороны, онъ представляетъ множество, частью рядомъ совершающихся, частью переплетающихся другъ съ другомъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ рядовъ метаморфозъ, въ которыхъ однѣ и тѣ же монеты дѣлаютъ болѣе или менѣе значительное число оборотовъ. Однако общее число всѣхъ находящихся въ обращеніи денегъ одного наименованія обусловливаетъ среднее число оборотовъ одной монеты или среднюю быстроту денежнаго обращенія. Количество денегъ, которое, напримѣръ, при началѣ дневнаго процесса обращенія, попадаетъ въ него, конечно опредѣляется суммою цѣнъ товаровъ, обращающихся одновременно, рядомъ другъ съ другомъ. Но въ самомъ процессѣ обращенія одна монета отвѣчаетъ, такъ сказать, за другую. Если одна увеличиваетъ быстроту своихъ оборотовъ, то уменьшается быстрота другой, или даже она и совсѣмъ выкидывается изъ сферы обращенія, такъ какъ послѣдняя въ состояніи поглотить только такую массу золота, которая будучи помножена на среднее число своихъ оборотовъ, равна суммѣ реализующихся цѣнъ. Поэтому, если число оборотовъ денегъ увеличивается, то уменьшается количество ихъ, находящееся въ обращеніи. Если же число оборотовъ уменьшается, то количество денегъ возрастаетъ. Такъ какъ количество денегъ, могущихъ обращаться, при извѣстной средней быстротѣ, тоже дано, то стоитъ, напримѣръ, бросить въ обращеніе опредѣленное количество банковыхъ билетовъ одно-фунтоваго достоинства, чтобы изъять изъ него такое же количество совереновъ,—фокусъ, хорошо знакомый всѣмъ банкамъ.

Какъ обращеніе денегъ вообще представляетъ собою только процессъ обращенія товаровъ, такъ и быстрота обращенія денегъ представляетъ быстроту измѣненія ихъ формъ, непрерывный переходъ одного ряда метаморфозъ въ другой, скорость обмѣна веществъ, быстроту исчезновенія товаровъ изъ сферы обращенія, а также быстроту обмѣна ихъ на новые товары. Въ быстротѣ денежныхъ оборотовъ обнаруживается поэтому живое единство противоположныхъ и взаимно другъ друга дополняющихъ фазъ,—превращенія формы потребленія въ форму стоимости и обратнаго превращенія формы стоимости въ форму потребленія, или единство обоихъ процессовъ, продажи и покупки. Наоборотъ, въ замедленіи денежныхъ оборотовъ проявляется раздѣленіе этихъ двухъ процессовъ на отдѣльныя и противоположныя фазы, застой въ перемѣнѣ формъ, а потому и въ обмѣнѣ веществъ. Отчего такой застой происходитъ, конечно нельзя видѣть изъ самого обращенія. Оно указываетъ только на самое явленіе. Люди—замѣчая, какъ, при замедленныхъ денежныхъ оборотахъ, деньги рѣже показываются и исчезаютъ на всѣхъ пунктахъ сферы обращенія,—объясняютъ это явленіе недостаточнымъ количествомъ средствъ обращенія [76]).

Такимъ образомъ, общее количество денегъ,

---

[76]) «Такъ какъ деньги составляютъ.... общую мѣру покупки и продажи, то всякій, продающій что нибудь и не нашедшій покупателя, думаетъ, что по недостатку денегъ въ королевствѣ или странѣ товаръ его нейдетъ съ рукъ; отсюда общая жалоба на недостатокъ денегъ; это большая ошибка.... Чего же нужно тѣмъ, кто кричитъ о недостаткѣ денегъ?.... Фермеръ жалуется.... онъ думаетъ, что если бы въ странѣ было болѣе денегъ, то его товары имѣли бы цѣну.... Поэтому, повидимому, онъ нуждается не въ деньгахъ, а въ цѣнѣ на свой хлѣбъ и скотъ, которые онъ хочетъ продать, но не можетъ.... Почему на его товаръ нѣтъ цѣны?.... 1) Или слишкомъ много хлѣба и скота въ странѣ, такъ что большая часть приходящихъ на рынокъ имѣетъ надобность, подобно ему, продавать, и только немногіе — покупать; или 2) существуетъ недостатокъ въ обычномъ вывозѣ заграницу.... Или 3) потребленіе уменьшается, когда люди, по бѣдности, расходуютъ меньше на свое хозяйство; поэтому ее увеличеніе количества денегъ ускорить сбытъ товаровъ фермера, но устраненіе одной изъ этихъ трехъ причинъ, которыя въ дѣйствительности стѣсняютъ рынокъ.... Одинаково нуждаются въ деньгахъ купцы и лавочники, т. е. имъ недостаетъ сбыта ихъ товаровъ, такъ какъ рынокъ въ застоѣ... Нація процвѣтаетъ больше всего тогда, когда богатства не залеживаются въ однихъ рукахъ.» (Sir Dudley North: «Discourses upon Trade. London 1891,» p. 11—15 passim.). Всѣ фантастическія представленія Herrenschwand'а сводятся къ тому, что противорѣчія, вытекающія изъ природы товаровъ и потому проявляющіяся при ихъ обращеніи, устраняются при помощи увеличенія средствъ обращенія. Впрочемъ, если публика, приписывая застой въ процессахъ производства и обращенія недостатку средствъ обращенія, впадаетъ въ иллюзію,то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что дѣйствительный недостатокъ средствъ обращенія, напримѣръ вслѣдствіе офиціальныхъ распоряженій относительно «regulation of currency» (регулированіе денежнаго обращенія), не въ состояніи въ свою очередь вызвать такого застоя.

дѣйствующихъ въ каждый періодъ времени какъ средство обращенія, опредѣляется, съ одной стороны—суммою цѣнъ всѣхъ обращающихся товаровъ, съ другой—большею или меньшею быстротою, съ которою слѣдуютъ одна за другою противоположныя фазы процесса обращенія, отъ чего зависитъ, какая часть этой суммы цѣнъ можетъ быть реализована тѣми же самыми монетами. Сумма же цѣнъ товаровъ зависитъ какъ отъ количества всѣхъ товаровъ, такъ и отъ цѣны каждаго изъ нихъ. Эти три фактора: колебаніе цѣнъ, количество обращающихся товаровъ и наконецъ быстрота оборотовъ денегъ, измѣняются въ различныхъ направленіяхъ и въ различныхъ отношеніяхъ, а потому реализующаяся сумма цѣнъ, слѣдовательно и количество средствъ обращенія, можетъ подчиняться очень различнымъ сочетаніямъ. Изъ нихъ мы перечислимъ здѣсь только важнѣйшія въ исторіи товарныхъ цѣнъ.

При постоянныхъ цѣнахъ товаровъ количество средствъ обращенія можетъ возрасти или оттого, что количество обращающихся товаровъ возрастаетъ, или быстрота оборотовъ денегъ убываетъ, или по обѣимъ причинамъ. Количество средствъ обращенія, наоборотъ, можетъ убывать или при убывающемъ количествѣ товаровъ, или при возрастающей быстротѣ обращенія.

Количество средствъ обращенія не измѣнится при общемъ возрастаніи товарныхъ цѣнъ, если соотвѣтственно такому возрастанію цѣнъ уменьшается количество обращающихся товаровъ, или если быстрота обращенія денегъ возрастаетъ пропорціонально возрастанію цѣнъ, а количество обращающихся товаровъ остается прежнимъ. Количество средствъ обращенія можетъ уменьшиться, если быстрота обращенія возрастаетъ скорѣе повышенія цѣнъ или количество товаровъ убываетъ.

При общемъ паденіи цѣнъ на товары, количество средствъ обращенія можетъ оставаться прежнимъ, если количество товаровъ возрастаетъ въ прямомъ отношеніи, съ паденіемъ ихъ цѣнъ, или если быстрота обращенія денегъ понижается соразмѣрно уменьшенію цѣнъ. Оно можетъ возрастать, если количество товаровъ возрастаетъ быстрѣе или скорость обращенія убываетъ быстрѣе паденія цѣнъ на товары.

Измѣненія различныхъ факторовъ могутъ взаимно уничтожаться; такъ, что несмотря на ихъ постоянную подвижность, общая реализующая сумма цѣнъ товаровъ остается безъ измѣненія, а слѣдовательно не измѣняется также и количество находящихся въ обращеніи денегъ. Поэтому количество денегъ, обращающихся въ странѣ, въ особенности, если брать болѣе продолжительные періоды времени, показываетъ довольно постоянный средній уровень и,—за исключеніемъ сильныхъ разстройствъ, періодически происходящихъ вслѣдствіе кризисовъ производства и торговли, рѣже вслѣдствіе повышенія или пониженія стоимости самихъ денегъ,—гораздо меньшія отступленія отъ этого средняго уровня, чѣмъ можно было бы, повидимому, ожидать.

Законъ, по которому количество средствъ обращенія опредѣляется суммою цѣнъ обращающихся товаровъ и среднею быстротою денежнаго обращенія [77]), можетъ быть также выраженъ такимъ образомъ, что при данной суммѣ стоимостей товаровъ и при данной средней быстротѣ ихъ метаморфозъ, количество обращающихся денегъ или денежнаго матеріала зависитъ отъ его собственной стоимости. Иллюзія, по которой цѣны товаровъ опредѣляются, наоборотъ, количествомъ средствъ обращенія, а оно въ свою очередь, опредѣляется количествомъ, находящагося въ странѣ, денежнаго матеріала [78]), эта иллю-

[77]) Для веденія торговой націи необходима извѣстная мѣра и количество денегъ, большее или меньшее количество, чѣмъ необходимо, вредитъ торговлѣ. Какъ въ мелочной торговлѣ нужно имѣть извѣстное количество фартинговъ для размѣна серебряной монеты и для расплаты по такимъ счетамъ, гдѣ мельчайшія серебряныя монеты уже недостаточны... Какъ количество фартинговъ, необходимыхъ въ торговлѣ, зависитъ отъ числа лицъ и частаго повторенія ихъ размѣновъ; равно какъ (и даже главнымъ образомъ) и отъ достоинства мельчайшей серебряной монеты; точно также и количество денегъ (золотой и серебряной монеты), необходимыхъ въ нашей торговлѣ, зависитъ отъ частаго повторенія обмѣновъ и величины платежей». (William Petty: „A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667», p. 17). Теорію Юма защищалъ А. Юнгъ противъ J. Steuart и др. въ своемъ сочиненіи «Political Arithmetic. Lond. 1774», гдѣ есть особая глава: «Prices depend on quantity of money» (цѣны зависятъ отъ количества денегъ) p. 112 sqq. Я замѣтилъ въ «Zur Kritik etc.» p. 149: «Вопросъ о количествѣ обращающихся монетъ онъ (А. Смитъ) молча устраняетъ тѣмъ, что разсматриваетъ деньги, совершенно неправильно, какъ простой товаръ». Это вѣрно относительно только тѣхъ мѣстъ, гдѣ А. Смитъ разбираетъ деньги ex officio. Въ другихъ же мѣстахъ, напримѣръ въ критикѣ прежнихъ системъ политической экономіи, онъ говоритъ вполнѣ вѣрно: «количество монетъ въ каждой странѣ регулируется цѣною товаровъ, которые будутъ приводиться ими въ обращеніе... Стоимость товаровъ, ежегодно покупаемыхъ и продаваемыхъ въ какой нибудь странѣ, требуетъ опредѣленнаго количества денегъ для своего обращенія и распредѣленія между настоящими потребителями, и не можетъ дать употребленія бòльшему количеству. Каналъ обращенія никогда не вмѣщаетъ въ себя большей суммы, а привлекаетъ къ себѣ количество, достаточное для наполненія его». (Wealth of Nations, Book IV, ch. I). Точно также ex officio, А. Смитъ начинаетъ свое сочиненіе прославленіемъ раздѣленія труда. Впослѣдствіи-же, въ своей послѣдней книгѣ объ источникахъ государственныхъ доходовъ, онъ повторяетъ соображенія своего учителя, A. Ferguson'а противъ раздѣленія труда.

[78]) «Цѣны вещей конечно возрастутъ у всякой націи, если у народа увеличится количество золота и серебра; а потому, если золото и се-

зія явилась у своихъ первоначальныхъ представителей, вслѣдствіе нелѣпаго предположенія, что товары вступаютъ въ процессъ обращенія безъ цѣны, а деньги безъ стоимости, въ самомъ же процессѣ нѣкоторая часть товарной каши вымѣнивается на нѣкоторую часть горы металловъ [78]).

ребро убываютъ въ націи, то цѣны всѣхъ вещей должны упасть пропорціонально такому уменьшенію». (Jacob Vanderlint: „Money answers all things" Lond. 1734, p. 5). Ближайшее сравненіе между Vanderlint'омъ и «Essays» Юма не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Юмъ зналъ замѣчательное сочиненіе Vanderlint'а и пользовался имъ. Мысль, что количество средствъ обращенія опредѣляетъ цѣны, встрѣчается также у Barbon'а и болѣе раннихъ писателей. «Никакого неудобства», говоритъ Vanderlint, «не можетъ произойти отъ свободной торговли, наоборотъ очень большая выгода; такъ какъ, если количество наличныхъ денегъ у какой нибудь націи вслѣдствіе этого уменьшится, чему запрещенія и пытаются воспрепятствовать, то націи, получающія деньги, безъ сомнѣнія найдутъ что въ ихъ странѣ все дорожаетъ, по мѣрѣ того, какъ количество денегъ у нихъ увеличивается. И... продукты наши мануфактурные, и другіе вещи, вскорѣ получатъ такія низкія цѣны, что торговый балансъ обратится въ нашу пользу, а вслѣдствіе этого деньги вернутся обратно къ намъ» (l. c. p. 44).

[79]) Вполнѣ понятно, что каждый отдѣльный товаръ, посредствомъ своей цѣны, составляетъ элементъ суммы цѣнъ всѣхъ обращающихся товаровъ. Но трудно понять, какимъ образомъ несоизмѣримыя между собою потребительныя стоимости должны вымѣниваться en masse со всѣмъ находящимся въ странѣ количествомъ золота и серебра. Если допустить, что всѣ товары безъ исключенія обратятся въ одинъ единственный товаръ, и каждый отдѣльный товаръ станетъ представлять нѣкоторую часть его, то получится прекрасный образчикъ вычисленія въ такомъ родѣ; весь товаръ $= x$ цент. золота, товаръ $A =$ нѣкоторой части всего товара $=$ такой же доли x центнеровъ золота. Вотъ что буквально находимъ у Монтескьё: «Если сравнить количество золота и серебра, которое только находится на землѣ съ суммою товаровъ, находящихся на ней, то несомнѣнно, что каждый отдѣльный товаръ можно сравнивать съ нѣкоторою частью другаго. Вообразимъ, что существуетъ на свѣтѣ только одинъ товаръ, или что только одинъ товаръ покупается, и что онъ дѣлится какъ деньги: тогда извѣстная часть этого товара будетъ соотвѣтствовать такой же части всего количества денегъ, половина суммы одного—половинѣ суммѣ другого и т. д... Установленіе цѣны вещей всегда существенно зависитъ отъ отношенія между суммою вещей и суммою знаковъ». Montesquieu, l. c. t. III, p. 12, 13). О дальнѣйшемъ развитіи этой теоріи въ лицѣ Рикардо, его ученика Джемса Милля, лорда Overstone'а и др., см. «Zur Kritik u. s. w.», p. 140—146 и p. 150 и слѣд.—Дж. Ст. Милль придерживается, со свойственною ему эклектическою логикою въ одно и тоже время взгляда своего отца, Дм. Милля, и ему противоположнаго. Когда сравниваешь текстъ его компендіума «Princ. of Pol. Econ.» съ предисловіемъ (въ первомъ изданіи), въ которомъ онъ объявляетъ себя современнымъ Адамомъ Смитомъ, то не знаешь, чему болѣе удивляться, наивности-ли автора, или наивности публики, которая повѣрила ему на слово, и купила его за Адама Смита, между тѣмъ какъ Милль относится къ нему, приблизительно, какъ генералъ Уильямсъ Карскій къ герцогу Веллингтону. Оригинальныя изслѣдованія Дж. Ст. Милля въ области политической экономіи, небольшія и не богатыя по содержанію, находятся всѣ на перечетъ въ его небольшомъ сочиненіи, появившемся въ 1844 г.: „Some Unsettled Questions of Political Economy."—Локкъ прямо высказывается за связь между отсутствіемъ стоимости у золота и серебра и опредѣленіемъ ихъ стоимости однимъ количествомъ. «Такъ какъ человѣчество согласилось давать воображаемую стоимость золоту и серебру... то внутренняя стоимость этихъ металловъ есть не что иное, какъ ихъ количество». („Some Considerations" etc., 1691. Works, ed. 1777, vol. II, p. 15).

c) Монета. Денежные знаки.

Монетная форма денегъ возникаетъ изъ функціи ихъ, какъ средства обращенія. Данная вѣсовая часть золота, представленная въ цѣнѣ или денежномъ названіи товара, должна въ обращеніи явиться предъ ними въ видѣ монеты или куска золота опредѣленнаго наименованія. Чеканка монеты, точно также какъ установленіе денежнаго масштаба, есть дѣло государства. Различные національные мундиры, которые носятъ золото и серебро какъ монеты,—снимая ихъ снова на всемірномъ рынкѣ, — указываютъ на раздѣленіе между внутренними или національными сферами товарнаго обращенія и общею сферою всемірнаго рынка.

Золотыя монеты и золотые слитки отличаются только по виду, и золото постоянно можетъ превращаться изъ одной формы въ другую [80]). Но дорога изъ монетнаго двора есть въ тоже время и дорога къ плавильному тиглю. Дѣло въ томъ, что золотыя монеты болѣе или менѣе истираются въ обращеніи. Наименованіе золотыхъ монетъ и ихъ вещество, — номинальное и реальное содер-

[80]) Конечно, такія подробности, какъ напр. монетный доходъ и т. п., лежатъ внѣ предѣловъ нашей цѣли. Но противъ романтическаго сикофанта Adam Müller'а, удивляющагося «великодушной щедрости», съ которою «англійское правительство чеканитъ безвозмездно», приведу слѣдующе мѣсто изъ Sir Dudley North: «Серебро и золото, подобно другимъ товарамъ, имѣютъ свой приливъ и отливъ. По привозѣ ихъ изъ Испаніи... они отправляются въ Тоуэръ и чеканятся. Вскорѣ послѣ того можетъ появиться спросъ на слитки для вывоза. Если ихъ нѣтъ, и всѣ находятся въ чеканкѣ, что тогда дѣлать? Переплавить ихъ снова въ слитки; потери никакой нѣтъ, потому что чеканка ничего не стоитъ владѣльцу. Такимъ образомъ націи наносятъ убытокъ, и заставляютъ ее платить за плетеніе соломы, которая пойдетъ на кормъ осламъ. Если бы купецъ (North самъ былъ однимъ изъ значительныхъ торговцевъ во времена Карла II) платилъ за чеканку, то онъ не посылалъ бы свое серебро въ Тоуэръ безъ нѣкотораго размышленія; и чеканенная монета всегда цѣнилась бы выше нечеканеннаго серебра».(North l. c. p. 18).

жаніе, — начинаютъ свой раздѣлительный процессъ. Одноимянныя золотыя монеты становятся неравными по стоимости, потому что вѣсъ ихъ измѣняется. Какъ средство обращенія, золото перестаетъ совпадать съ золотомъ, какъ измѣрителемъ цѣнъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже не является дѣйствительнымъ эквивалентомъ товаровъ, цѣны которыхъ оно реализуетъ. Исторія монетъ въ средніе вѣка и въ новое время до XVIII-го столѣтія есть не что иное, какъ исторія этой путаницы. Естественное стремленіе процесса обращенія превращать монету въ призракъ того, чѣмъ бы она должна быть, въ знакъ ея вѣсоваго офиціальнаго содержанія металла, признается даже новѣйшими законами, устанавливающими, что извѣстная степень потери вещества дѣлаетъ золотую монету неспособною къ обращенію или демонетизируетъ ее.

Если само денежное обращеніе отдѣляетъ реальное содержаніе монеты отъ номинальнаго, ея металлическую сущность отъ ея функціональной сущности, то оно заключаетъ, въ скрытой формѣ, возможность замѣны металлическихъ денегъ, въ ихъ монетной функціи, марками изъ другаго матеріала или символами. Техническія препятствія чеканки очень незначительныхъ вѣсовыхъ частей золота или серебра, и то обстоятельство, что низшіе по цѣнѣ металлы служили первоначально мѣрою стоимости вмѣсто благородныхъ, серебро вмѣсто золота, мѣдь вмѣсто серебра, и обращались, слѣдовательно, какъ деньги, до того момента, когда болѣе благородный металлъ вытѣснилъ ихъ, — эти два обстоятельства объясняютъ исторически роль серебряныхъ и мѣдныхъ марокъ, какъ суррогатовъ золотыхъ монетъ. Они замѣняютъ золото въ тѣхъ частяхъ товарнаго обращенія, гдѣ монеты обращаются скорѣе всего, а потому и скорѣе всего истираются, т. е. тамъ, гдѣ продажи и покупки безпрерывно возобновляются въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Чтобы воспрепятствовать этимъ спутникамъ золота утвердиться на мѣстѣ его самого, законъ назначаетъ очень небольшія количества, въ которыхъ они должны приниматься при платежахъ вмѣсто золота. Особенныя сферы, въ которыхъ обращаются различные роды монетъ, конечно перекрещиваются одна съ другой. Размѣнная монета является рядомъ съ золотомъ для платежа долей мельчайшихъ золотыхъ монетъ; золото постоянно входитъ въ мелочную торговлю, но, размѣниваясь на мелкую монету, столь же постоянно выбрасывается изъ нея [81]).

Законъ опредѣляетъ произвольно количество металла въ серебряныхъ или мѣдныхъ знакахъ. Въ обращеніи они истираются еще скорѣе, чѣмъ золотыя монеты. Поэтому ихъ монетная функція, фактически, совершенно не зависитъ отъ ихъ вѣса, т. е. отъ какой-нибудь стоимости. Функція золота какъ монеты становится совершенно независимою отъ металлической стоимости этихъ золотыхъ монетъ. Вещи, почти не имѣющія стоимости, бумажные листки, могутъ, слѣдовательно, функціонировать вмѣсто него какъ монеты. Въ металлическихъ денежныхъ знакахъ чисто символическій характеръ до нѣкоторой степени еще скрытъ. Но въ бумажныхъ деньгахъ онъ становится вполнѣ очевиднымъ. Ясно, что ce n'est que le premier pas qui coûte (только первый шагъ труденъ).

Мы говоримъ только о государственныхъ бумажныхъ деньгахъ съ обязательнымъ курсомъ. Онѣ возникаютъ непосредственно изъ металлическаго обращенія. Кредитныя деньги, напротивъ того, предполагаютъ такія обстоятельства, которыя, съ точки зрѣнія простого товарнаго обращенія, намъ пока еще совершенно неизвѣстны. Кстати замѣтимъ однако, что, подобно тому какъ настоящія бумажныя деньги возникаютъ изъ функціи денегъ какъ средствъ обращенія, такъ кредитныя деньги имѣютъ своимъ естественнымъ источникомъ функцію денегъ, какъ платежнаго средства [82]).

---

[81]) «Если серебро никогда не превышаетъ количества, необходимаго для мелкихъ платежей, то его нельзя будетъ собрать въ достаточномъ количествѣ для большихъ платежей.... Платежъ золотомъ при крупныхъ платежахъ необходимо предполагаетъ также платежемъ въ мелочной торговлѣ: тѣ, у кого есть золотыя монеты, платятъ ими при мелкихъ покупкахъ и получаютъ вмѣстѣ съ товаромъ, въ видѣ сдачи, извѣстное количество серебра; такимъ образомъ, излишекъ серебра, который могъ бы стѣснять мелочнаго торговца, уносится и разсѣевается въ общемъ обращеніи. Но когда серебра столько, что малыя покупки могутъ совершаться безъ помощи золота, тогда мелочной торговецъ вынужденъ принимать серебро при мелкихъ покупкахъ; и оно, по необходимости, будетъ скопляться въ его рукахъ». (David Buchanan: «Inquiry into the Taxation and Commercial Policy of Great Britain. Edinburgh, 1844», p. 242, 249).

[82]) Финансовый мандаринъ Wan-mao-in рискнулъ поднести сыну неба проектъ, который имѣлъ тайную цѣль превратить китайскія государственныя ассигнаціи въ размѣниваемые банковые билеты. Въ отчетѣ ассигнаціоннаго комитета, за апрѣль 1854 года, ему порядкомъ намылили голову. Не сказано, — получилъ-ли онъ кромѣ того должное количество бамбуковыхъ палокъ. «Комитетъ», говорится въ заключеніи отчета, «внимательно разсмотрѣлъ его проектъ, и находитъ, что въ немъ для правительства нѣтъ никакой выгоды, а все разсчитано въ пользу купцовъ». („Arbeiten der Kaiserlich-Russischen Gesandtschaft zu Peking über China. Aus dem Russischen von Dr. K. Abel und F. A. Meklenburg. Erster Band. Berlin. 1858", p. 47 sq.). О постоянной потерѣ въ вѣсѣ золотыхъ монетъ, вслѣдствіе ихъ обращенія, одинъ «Governor» англійскаго банка, въ качествѣ свидѣтеля предъ «House of Lords' Committee» (о «Bankacts»), говоритъ слѣдующее: «Каждый годъ новая категорія сувереновъ (но не въ политическомъ смыслѣ; sovereign есть названіе фунта стерлинговъ), становится слишкомъ легковѣсною. Категорія,

Бумажные билеты, съ напечатанными на нихъ денежными названіями, напримѣръ 1 ф. с., 5 ф. с. и пр., выпускаетъ въ процессъ обращенія государство. Они отражаютъ въ своемъ движеніи только законы самого денежнаго обращенія, по скольку они обращаются вмѣсто одноимянныхъ суммъ золотомъ. Только изъ соотношенія, въ какомъ такія бумажныя деньги представляютъ золото, можетъ возникнуть особенный законъ бумажнаго обращенія. А этотъ законъ заключается просто въ томъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ долженъ быть ограниченъ такимъ ихъ количествомъ, въ какомъ дѣйствительно должно обращаться золото (или серебро), которое они символически представляютъ. Поглощаемое сферою обращенія, количество золота хотя и колеблется постоянно выше или ниже извѣстнаго средняго уровня, тѣмъ не менѣе въ каждой странѣ оно никогда не понижается за извѣстный минимумъ, который устанавливается опытомъ. Это минимальное количество постоянно измѣняетъ свои составныя части, т. е. составляется постоянно изъ разныхъ золотыхъ монетъ, но это конечно, нисколько не измѣняетъ его размѣра и постоянства его присутствія въ сферѣ обращенія. Слѣдовательно, оно можетъ быть замѣнено бумажными знаками. Но, если сегодня наполнить всѣ каналы обращенія бумажными деньгами до высшей степени ихъ золото-поглощательной способности, то завтра они могутъ оказаться переполненными, вслѣдствіе колебаній товарнаго обращенія. И тогда всякая мѣра пропадаетъ. Переходя за свою мѣру, т. е. за то количество золотыхъ монетъ одинаковаго наименованія, которое могло бы обращаться, бумажныя деньги, тѣмъ не менѣе, представляютъ собою внутри товарнаго міра—не говоря уже объ опасности всеобщаго упадка ихъ кредита—количество золота, опредѣляемое только внутренними законами этого міра, слѣдовательно, такое количество, которое только и можетъ быть представлено ими. Допустимъ, что количество бумажныхъ билетовъ, вмѣсто 1 унціи золота, будетъ представлять 2 унціи, тогда ихъ денежныя наименованія фактически понизятся въ такомъ родѣ, что если названіе 1 ф. ст. соотвѣтствовало прежде 1/4 унціи, то теперь оно будетъ соотвѣтствовать только 1/8 унціи. Результатъ будетъ тотъ же самый, какъ если бы золото измѣнилось въ своей функціи измѣрителя цѣнъ. И тѣ стоимости, цѣна которыхъ выражалась раньше въ 1 ф. ст., выразятся теперь въ 2 ф. ст.

Бумажныя деньги представляютъ собою знаки золота или денежные знаки. Отношеніе ихъ къ товарнымъ стоимостямъ состоитъ въ томъ, что послѣднія идеально выражаются въ такихъ количествахъ золота, которыя символически представлены бумагою. Бумажныя деньги являются знаками стоимостей лишь на столько, на сколько онѣ представляютъ золото, которое, какъ и всякій другой товаръ, обладаетъ стоимостью [83]).

Золото можетъ быть замѣнено ничего не стоющими знаками самого себя вслѣдствіе того, что функція его, какъ монеты или средства обращенія, изолируется и обособляется. Правда,—отдѣленіе этой функціи не совершается для единичныхъ золотыхъ монетъ, хотя оно и проявляется въ безпрепятственномъ обращеніи истертыхъ золотыхъ монетъ. Куски золота могутъ быть монетами или средствами обращенія только до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно находятся въ обращеніи. Что не можетъ быть примѣнено къ нѣкоторымъ золотымъ монетамъ, — примѣняется къ тому минимальному количеству золота, которое замѣнимо бумажными деньгами. Оно постоянно пребываетъ въ сферѣ обращенія, постоянно функціонируетъ какъ средство обращенія, и потому существуетъ исключительно какъ представитель этой функціи. Слѣдовательно, его движеніе представляетъ постоянные переходы одного въ другой двухъ противоположныхъ процессовъ товарнаго метаморфоза Т—Д—Т, въ которомъ товары противополагаются формѣ своей стоимости съ тѣмъ, чтобы тотчасъ снова исчезнуть. Самостоятельное существованіе мѣновой стоимости товара есть при этомъ только преходящее явленіе, благодаря которому товаръ немедленно снова замѣщается другимъ товаромъ. Почему и достаточно простого символическаго существованія денегъ въ процессѣ, который постоянно передаетъ ихъ изъ однихъ рукъ въ другія. Функціональное ихъ существованіе, такъ сказать, поглощаетъ ихъ матеріальное существованіе; будучи преходящимъ и объективнымъ

которая въ нынѣшнемъ году считается полновѣсною, можетъ столько потерять вслѣдствіе обращенія, что на слѣдующій годъ вѣсы повернутся въ противную сторону». (H. o. Lords, Committee, 1848, n. 429).

[83]) Ко 2 изд. — До чего неясно представленіе даже лучшихъ писателей о сущности денегъ и ихъ различныхъ отправленіяхъ, показываетъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ Фуллартона: «Что касается до нашихъ обмѣновъ внутри страны, то всѣ отправленія денегъ, выполняемыя обыкновенно золотыми и серебряными монетами, могли-бы съ одинаковымъ успѣхомъ выполняться неразмѣнными билетами, не имѣющими иной стоимости, кромѣ той искусственной и условной, которую имъ придаетъ законъ; это фактъ, который по моему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію. Подобная стоимость можетъ пріобрѣсти всѣ преимущества внутренней стоимости и она дастъ возможность избѣгнуть необходимости прибѣгать къ мѣрѣ стоимости, при томъ однако условіи, чтобы выпускъ былъ ограниченъ требуемыми предѣлами» (Fullarton: „Regulation of Currencies», 2-е изд. London, 1845, p. 21). И, такъ какъ денежный товаръ можетъ быть замѣненъ въ обращеніи знаками стоимости, то онъ дѣлается излишнимъ какъ мѣра стоимости и какъ масштабъ цѣнъ!

отраженіемъ товарныхъ цѣнъ, онѣ служатъ только знаками самихъ себя, а потому и могутъ быть замѣнены знаками [84]). Нужно однако только одно: знаки эти должны обладать своимъ собственнымъ объективно-общественнымъ значеніемъ, а бумажные символы получаютъ такое значеніе посредствомъ принудительнаго курса. Это принудительное дѣйствіе со стороны государства имѣетъ силу только въ сферѣ внутренняго обращенія, въ предѣлахъ государства, но также въ этой только сферѣ деньги входятъ вполнѣ въ свою роль средства обращенія или становятся монетами, а потому могутъ получить въ бумажныхъ деньгахъ исключительно функціональный способъ существованія, отдѣленный внѣшнимъ образомъ отъ ихъ металлической сущности.

3) Деньги.

Товаръ, — дѣйствующій какъ измѣритель стоимостей, а потому также, лично или посредствомъ своихъ суррогатовъ, какъ средство обращенія,—есть деньги. Слѣдовательно, золото (или серебро) — деньги. Поэтому въ видѣ денегъ оно функціонируетъ, съ одной стороны, тамъ, гдѣ оно обязано являться въ своей золотой (или серебряной) формѣ, стало быть, какъ денежный товаръ, т. е. не исключительно идеально, какъ въ мѣрѣ стоимости, и гдѣ его нельзя замѣстить представителемъ, какъ въ средствѣ обращенія; съ другой стороны, когда его функція—безразлично, совершается-ли она имъ самимъ, или его суррогатами,—дѣлаетъ его единственною формою стоимости или единственною соотвѣтствующею формою существованія мѣновой стоимости, въ противоположность всѣмъ другимъ товарамъ, которыя являются простыми потребительными стоимостями.

а) Собираніе сокровищъ.

Постоянный круговоротъ двухъ противоположныхъ товарныхъ метаморфозъ, или постоянные переходы отъ продажъ къ покупкамъ, проявляются въ непрерывныхъ оборотахъ денегъ или въ ихъ роли perpetuum mobile обращенія. Онѣ становятся неподвижными, превращаются изъ «meuble» въ «immeuble», какъ говоритъ Boisguillebert, изъ монетъ въ деньги, если только рядъ метаморфозъ прерывается, и слѣдомъ за продажей не совершается покупка.

Въ самомъ началѣ развитія товарнаго обращенія уже является необходимость и страсть удерживать продуктъ первой метаморфозы, превращенной формы товара или его золотую куколку [85]). Въ подобномъ случаѣ продажа товара, совершается не для покупки другого товара, но для замѣны товарной формы — денежною. Изъ простой посредницы при обмѣнѣ, эта перемѣна формы является цѣлью. Измѣненной формѣ товара не даютъ функціонировать въ видѣ абсолютно-отчуждаемой формы ея или въ видѣ лишь преходящей денежной формы. Деньги кристализуются тогда въ сокровища, а собирателями этихъ сокровищъ являются продавцы товаровъ.

Но въ начальныхъ стадіяхъ товарнаго обращенія только избытокъ потребительныхъ стоимостей переходитъ въ деньги, и такимъ образомъ общественными выразителями избытка или богатства сами собой становятся золото и серебро. Подобная наивная форма собиранія сокровищъ увѣковѣчивается у тѣхъ народовъ, гдѣ тѣсно ограниченный кругъ потребностей соотвѣтствуетъ искони принятому способу производства, разсчитанному на собственное потребленіе. Такъ происходитъ напримѣръ, у азіатовъ, и въ особенности у индусовъ. Vanderlint, предполагая, что товарныя цѣны опредѣляются количествомъ находящагося въ странѣ золота и серебра, задаетъ себѣ вопросъ, почему индійскіе товары такъ дешевы? Отвѣтъ: потому, что индусы зарываютъ деньги въ землю. За время съ 1602 — 1734 г., замѣчаетъ онъ, индусы зарыли въ землю 150 милліоновъ ф. ст. серебра, которые первоначально были привезены изъ Америки въ Европу [86]). Съ 1856 по 1866 г., слѣдовательно въ 10 лѣтъ, Англія вывезла въ Индію и Китай (металлъ, отправляемый въ Китай, большею частью тоже уходитъ въ Индію) 120 милліоновъ ф. ст. серебра, полученнаго въ обмѣнъ на австралійское золото.

Если производство товаровъ развито довольно сильно, то каждый производитель вынужденъ обезпечить себѣ nexus rerum, нервъ вещей, «общественный залогъ» [87]). Его потребности непрерывно возобновляются и вынуждаютъ его къ безпрестаннымъ покупкамъ чужихъ товаровъ,

---

[84]) Изъ того, что золото и серебро, въ видѣ монетъ или въ ихъ исключительной функціи средствъ обращенія, являются знаками самихъ себя, Nicholas Barbon выводитъ право фиксa «to raise money», т. е., напримѣръ, количеству серебра, называемому 5 шил., давать большее наименованіе, напримѣръ, 1 ф. стерлинговъ, и такимъ образомъ платить кредиторамъ шиллингами вмѣсто рублей. «Деньги истираются и уменьшаются въ вѣсѣ вслѣдствіе частаго счета ихъ... Въ торговлѣ обращаютъ вниманіе на названіе и курсъ денегъ, а не на количество серебра... Общественная власть дѣлаетъ металлъ деньгами». (N. Barbon, l. c., p. 29, 30, 25).

[85]) «Богатство деньгами есть не что иное, какъ богатство продуктами, превращенными въ деньги» (Mercier de la Rivière, l. c., p. 557). «Стоимость продуктовъ приняла только другую форму» (id. p. 486).

[86]) «'Tis by this practice they keep all their goods aud manufactures at such low rates». (Vanderlint, l. c., p. 95, 96).

[87]) «Деньги, это — залогъ» (John Bellers: «Essays about the Poor, Menufactures, Trade, Plantations, and Immoralitv, Lond. 1699», p. 13).

между тѣмъ какъ производство и продажа его собственныхъ товаровъ требуетъ времени и зависитъ отъ случайностей. Онъ долженъ былъ сперва продать, не покупая, чтобы имѣть возможность покупать, не продавая. Такая операція, если совершается въ широкихъ размѣрахъ, повидимому, противорѣчитъ самой себѣ. Благородные металлы, въ мѣстахъ ихъ добыванія, вымѣниваются однако прямо на другіе товары. Слѣдовательно, тутъ происходитъ продажа (со стороны владѣльца товаровъ), безъ покупки (со стороны владѣльца золота и серебра)[88]). И послѣдующія продажи, не сопровождаемыя покупками, вызываютъ только дальнѣйшее распредѣленіе благородныхъ металловъ между всѣми владѣльцами товаровъ. Такимъ образомъ, на всѣхъ пунктахъ обращенія составляются запасы золота и серебра самыхъ различныхъ размѣровъ. Алчность къ золоту пробуждается съ появленіемъ возможности удерживать товары въ видѣ мѣновыхъ стоимостей или мѣновыя стоимости въ видѣ товаровъ. Могущество денегъ, этой, всегда готовой къ дѣйствію, безусловно общественной формы богатства, возрастаетъ съ расширеніемъ товарнаго обращенія. «Золото—дивная вещь! Кто владѣетъ ею, тотъ властитель всего, чего пожелаетъ».(Колумбъ, въ письмѣ изъ Ямайки, 1503 г.). Такъ какъ на деньгахъ не замѣтно, что превратилось въ нихъ, то товаръ и не товаръ—все обращается въ деньги. Все становится продажнымъ и покупнымъ. Обращеніе является тогда большою общественною ретортою, въ которую все бросается, чтобы превратиться въ денежные кристаллы. Даже реликвіи не могутъ устоять противъ такой алхиміи, не говоря уже о менѣе грубыхъ res sacrosanctae, extra commercium hominum[89]). Какъ въ деньгахъ исчезаютъ всѣ различія товаровъ, такъ и онѣ, съ своей стороны, какъ радикальный уравнитель, уничтожаютъ всѣ различія [90]). Но деньги сами представляютъ товаръ, внѣшній предметъ, каждый можетъ сдѣлаться частнымъ собственникомъ такого товара, и такимъ образомъ общественная сила становится частною силою частнаго лица. Поэтому античное общество указываетъ на деньги какъ на главнаго разрушителя его экономическаго и моральнаго строя [91]). Новое общество, которое уже въ самомъ дѣтствѣ тащитъ Плутона за волосы изъ нѣдръ земли [92]), признаетъ въ золотѣ свой свя-

---

[88]) Покупка, въ своемъ прямомъ значеніи, именно предполагаетъ золото и серебро въ видѣ превращенной формы товаровъ, или въ видѣ продукта продажи.

[89]) Генрихъ III, христіаннѣйшій король Франціи, похищаетъ изъ монастырей и т. п. мощи, чтобы превратить ихъ въ серебро. Извѣстно, какую роль играетъ въ греческой исторіи расхищеніе сокровищъ дельфійскаго храма фокейцами. У древнихъ, боги товаровъ имѣли мѣстопребываніе, какъ извѣстно, въ храмахъ. Они были «священными банками». Финикіяне, народъ торговый par excellence, считали деньги отчужденною формою всѣхъ вещей. Поэтому было вполнѣ естественно, что дѣвы, отдававшіяся иностранцамъ во время празднествъ богини любви, жертвовали ей полученныя ими серебряныя монеты.

[90]) «Gold! yellow, glittering, precious gold!
Thus much of this, will make black white; foul, fair;
Wrong, right; base, noble; old, young; coward, valiant.
...... What this, you gods? Why, this
Will lug your priests and servants from your sides;
Pluck stout men's pillows from belom their heads;
This yellow slave
Will knit and break religions; bless the accurs'd;
Make the hoar leprosy ador'd; place thieves,
And give them title, knee and approbation,
With senators on the bench; this is it,
That makes the wappen'd widow wed again;
. . . . Come damned earth,
Thou common whore of mankind!»
(Shakespeare, Timon of Athens).

Вотъ то, чѣмъ можемъ обращать легко
Мы въ правду ложь, хорошее въ дурное!
Чѣмъ можемъ съ бѣлымъ черное сравнять;
Вотъ сдѣлать чѣмъ мы можемъ храбрымъ труса
И юность влить въ суставы старика!
И для чего, скажите мнѣ, о боги,
Могла бъ служить по виду эта дрянь?
А между тѣмъ жрецовъ почтенныхъ вашихъ
Она заставитъ бросить алтари;
Людей подвигнетъ вырывать подушки
Изъ подъ больныхъ, готовыхъ умереть.
Злой, желтый рабъ! въ сердцахъ убьешь ты вѣру,
Благословишь, что должно проклинать,
Поставишь въ честь отраву злой проказы,
Разбойниковъ посадишь на скамьи
Сенаторовъ—ихъ окружишь почетомъ!
Вдовѣ-старухѣ сыщешь жениха,
Какъ вешній день раздушишь язвы твари,
Чей ядъ бы могъ больницы заразить...
Ступай назадъ! засыпься злое зелье!
Живешь, чтобъ быть всесвѣтной сводней ты!
Ты гибель всѣмъ!—Ступай-же въ грязь, откуда
Ты родилось.—
(Шекспиръ, Тимонъ аѳинскій. Дѣйствіе IV, сц. III.
Переводъ А. Л. Соколовскаго).

[91]) «Ούδὲν γάρ ἀνθρὼποισιν οἷον ἄργυρος
Κακόν νὸμισμα ἔλβαστε τοῦτο καὶ πόλεις
Πόρθεῖ, τόδ ἄνδρας ἐξανίστησιν δόμων.
Τὸδ' ἐκδιδασκει καὶ παραλλάσσει φρένας
Χρηςτας πρὸς αἰσκρὰ ἀνθρώποις ἔχειν,
Καὶ παντὸς ἔργου δυσσέβειαν εἰδέναι».
(Sophocles, Antigone).

Хуже денегъ врядъ-ли
Являлось учрежденье межъ людьми:
Не деньги-ль разоряютъ города
И изгоняютъ изъ домовъ мужей?
Онѣ научатъ смертныхъ измѣнять
И добрый нравъ для низкихъ дѣлъ; онѣ
Людей наставятъ всѣмъ уловкамъ въ жизни
Дадутъ имъ знанье всякаго нечестья.
Переводъ В. И. Водовозова. Ж. М. Народ. Просв. 1856, Т. 91, стр. 291).

[92]) «Ἐλπιζοὺσης της πλεονεξειν ἀνάξειν ἐκ τῶν μυχῶν τῆς γῆς αὐτὸν τον Πλοὺτωνα» (Athen. Deipnos).

той Грааль, блестящее воплощеніе своего собственнаго жизненнаго принципа.

Какъ потребительная стоимость, товаръ удовлетворяетъ какой-нибудь потребности и является особеннымъ элементомъ вещественнаго богатства. Но стоимость товара служитъ мѣрой степени его притягательной силы ко всѣмъ элементамъ вещественнаго богатства, а потому стоимость измѣряетъ и общественное богатство его владѣльца. Для добродушнаго варвара, владѣльца товаровъ, даже для крестьянина въ западной Европѣ, стоимость неотдѣлима отъ формы стоимости, а потому онъ смотритъ на увеличеніе запаса золота и серебра какъ на умноженіе стоимостей. Понятно, стоимость денегъ непостоянна, и зависитъ или отъ измѣненія своей собственной стоимости, или отъ измѣненія стоимости товаровъ. Но это не препятствуетъ тому, чтобы 200 унцій золота, какъ и раньше содержали въ себѣ болѣе стоимости, чѣмъ 100 унцій, 300 болѣе чѣмъ 200 и т. п.; ни тому, чтобы естественная металлическая форма золота оставалась общею эквивалентною формою всѣхъ товаровъ, непосредствено-общественнымъ воплощеніемъ всякаго человѣческаго труда. Стремленіе къ собиранію сокровищъ, по своей природѣ, безгранично. Качественно, или по своей формѣ, деньги неограничены, т. е. онѣ являются общимъ представителемъ вещественнаго богатства, такъ какъ могутъ быть превращены непосредственно во всякій товаръ. Но въ тоже время каждая дѣйствительная сумма денегъ количественно ограничена, а потому представляетъ покупательное средство ограниченнаго дѣйствія. Это противорѣчіе между количественною ограниченностью и качественною неограниченностью денегъ — постоянно побуждаетъ собирателя сокровищъ къ сизифовой работѣ накопленія. Съ нимъ происходитъ тоже самое, что и съ всемірнымъ завоевателемъ, который съ каждою вновь завоеванною страною пріобрѣтаетъ только новую границу.

Чтобы удерживать золото въ видѣ денегъ, слѣдовательно, какъ элементъ накопленія сокровищъ, нужно помѣшать ему обращаться, т. е. переходить изъ покупательнаго средства въ средства потребленія. Поэтому собиратель сокровищъ ради самыхъ сокровищъ жертвуетъ вожделѣніями своей плоти, и строго придерживается евангельскаго воздержанія. Съ другой стороны, деньгами онъ можетъ отнимать у обращенія только то, что дается ему товарами. Чѣмъ болѣе онъ производитъ, тѣмъ болѣе можетъ онъ продавать. Основныя его добродѣтели—трудолюбіе, бережливость и скупость; вся суть его политической экономіи, это—много продавать, мало покупать [93]).

Рядомъ съ непосредственною формою сокровища развивается его эстетическая форма, обладаніе золотыми и серебряными вещами. Она растетъ вмѣстѣ съ богатствомъ буржуазнаго общества. «Soyons riches ou paraissons riches» (Diderot) *). Такъ создается, съ одной стороны, постоянно расширяющійся рынокъ для золота и серебра, независимо отъ ихъ денежныхъ функцій, съ другой стороны, тайный источникъ денегъ, къ которому въ особенности прибѣгаютъ во времена кризисовъ и общественныхъ тревогъ.

Въ экономіи металлическаго обращенія собираніе сокровищъ выполняетъ различныя роли. Одна изъ нихъ вытекаетъ изъ условій обращенія золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Мы видѣли, какъ непрерывно приливаетъ и отливаетъ масса денегъ, благодаря постояннымъ колебаніямъ размѣра и быстроты обращенія товаровъ и ихъ цѣнъ. Слѣдовательно эта масса денегъ должна быть способна къ сокращеніямъ и расширеніямъ. То деньги должны притягиваться, какъ монеты, то монеты должны отталкиваться, какъ деньги. Но количество находящагося въ странѣ золота и серебра должно быть больше того, которое исполняетъ функцію монетъ, а для того, чтобы дѣйствительно обращающееся количество денегъ постоянно соотвѣтствовало степени насыщенія сферы обращенія, это условіе выполняется формою денегъ какъ сокровища. Хранилища сокровищъ служатъ въ тоже время отводными и приводящими каналами обращающихся денегъ, которыя поэтому никогда не могутъ переполнить своего русла обращенія [94]).

---

[93]) «Увеличить насколько возможно число продавцевъ всѣхъ товаровъ, уменьшить насколько возможно число покупателей—вотъ къ чему сводятся всѣ дѣйствія политической экономіи» (Verri, l. c., p. 58).

*) Будемъ богаты или будемъ казаться богатыми.

[94]) «Для производства торговли націи нужна извѣстная сумма звонкой монеты, которая измѣняется, увеличиваясь и уменьшаясь, сообразно обстоятельствамъ... Этотъ приливъ и отливъ денегъ совершается безъ всякой помощи со стороны государственныхъ людей... Печи работаютъ поочередно: когда денегъ мало, чеканятъ слитки; когда слитковъ мало, плавятъ монеты.» (Sir. D. North l. c. p. 22) John Stuart Mill, служившій долгое время въ Остъ-Индской компаніи, подтверждаетъ, что въ Индіи серебряныя украшенія все еще служатъ сокровищами непосредственно. «Серебряныя украшенія выползаютъ на свѣтъ и чеканятся, когда процентъ высокъ, и скрываются, когда онъ падаетъ». (J. St. Mill's Evidence. Reports on Bankacts 1857, n. 2084). На основаніи одного парламентскаго документа 1864 года, касающагося ввоза и вывоза золота и серебра въ Индію въ 1863 году, ввозъ золота и серебра превосходилъ вывозъ на 19.367,764 ф. с. Въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ до 1864 года излишекъ ввоза благородныхъ металловъ надъ вывозомъ составлялъ 109.652,917 ф. с. Въ нынѣшнее столѣтіе было отчеканено въ Индіи гораздо больше 200.000,000 ф. с.

b) Платежное средство или средство расплаты.

До сихъ поръ въ изслѣдованной нами непосредственной формѣ обращенія товаровъ, таже самая величина стоимости имѣлась на лицо постоянно вдвойнѣ, товаръ съ одной стороны, деньги съ другой. Поэтому владѣльцы товаровъ сталкивались другъ съ другомъ какъ представители предметовъ, которые уже и ранѣе были эквивалентными. Но съ развитіемъ товарнаго производства развиваются и отношенія, благодаря которымъ отчужденіе товаровъ совершается не одновременно съ реализаціей ихъ цѣнъ. Здѣсь мы укажемъ только на простѣйшія изъ этихъ отношеній. Для своего производства одинъ товаръ требуетъ бо̀льшаго времени, другой меньшаго. Производство различныхъ товаровъ находится въ зависимости отъ различныхъ временъ года. Одинъ товаръ появляется на рынокъ на мѣстѣ своего производства, другой долженъ проѣхаться на отдаленный рынокъ. Поэтому одинъ владѣлецъ товара можетъ явиться въ качествѣ продавца, раньше чѣмъ другой явится въ качествѣ покупателя. При постоянно повторяющихся сдѣлкахъ между тѣми же самыми лицами, условія продажи товаровъ регулируются условіями ихъ производства. Одинъ владѣлецъ товаровъ продаетъ наличный товаръ, другой же покупаетъ въ качествѣ простого представителя денегъ, или въ качествѣ представителя будущихъ денегъ. Покупатель становится должникомъ, продавецъ—заимодавцемъ. Такъ какъ при этомъ измѣняется метаморфозъ товаровъ или развитіе формы ихъ стоимости, то и золото пріобрѣтаетъ новую функцію,—оно становится платежнымъ средствомъ [95]).

Характеръ должника или заимодавца возникаетъ при этомъ изъ простого обращенія товаровъ. Измѣненіе формы послѣдняго кладетъ и на продавца, и на покупателя это новое клеймо. Стало быть, роли продавца и покупателя—прежде всего роли временныя и исполняемыя поочередно тѣми же лицами. Однако теперь, съ самаго начала, противорѣчіе это кажется менѣе добродушнымъ и болѣе способнымъ къ кристаллизаціи [96]). Но тѣже роли могутъ быть и независимо отъ товарнаго обращенія. Борьба классовъ, напримѣръ въ античномъ мірѣ, происходитъ преимущественно въ формѣ борьбы заимодавца и должника, и въ Римѣ кончается гибелью должника-плебея, который замѣняется рабомъ. Въ средніе вѣка борьба закончилась гибелью феодальныхъ должниковъ, которые вмѣстѣ съ экономическимъ базисомъ лишились своей политической власти. Впрочемъ денежная форма,—а отношенія заимодавца къ должнику облечено въ форму денежныхъ отношеній,—отражаетъ въ обоихъ случаяхъ только антагонизмъ экономическихъ условій существованія, лежащихъ глубже.

Вернемся въ область товарнаго обращенія. На обоихъ полюсахъ процесса продажи уже болѣе не происходитъ одновременнаго появленія эквивалентовъ, товара и денегъ. Послѣднія теперь функціонируютъ, во-первыхъ, какъ мѣра стоимости, въ опредѣленіи цѣны проданнаго товара. Цѣна его, опредѣленная сдѣлкой, измѣряетъ обязательства покупателя, т. е. сумму денегъ, которую онъ должаетъ на опредѣленный срокъ. Во-вторыхъ, онѣ функціонируютъ какъ идеальное покупательное средство. Хотя онѣ существуютъ лишь въ обѣщаніи покупателя уплатить ихъ, но товаръ тѣмъ не менѣе переходитъ въ другія руки. Только по наступленіи даннаго срока деньги дѣйствительно вступаютъ въ обращеніе, т. е. переходятъ изъ рукъ покупателя въ руки продавца. Средство обращенія стало теперь сокровищемъ потому, что процессъ обращенія прервался на первой фазѣ,—потому, что превращенная форма товара — деньги—была изъята изъ обращенія. Деньги вступаютъ въ обращеніе, но именно тогда, когда вышелъ изъ обращенія товаръ. Они уже болѣе не служатъ посредниками при процессѣ. Онѣ заканчиваютъ его самостоятельно, какъ воплощеніе абсолютной мѣновой стоимости или всеобщій товаръ. Продавецъ превращаетъ товаръ въ деньги, чтобы деньгами удовлетворить какую-нибудь потребность; собиратель сокровищъ — чтобы сохранить товаръ въ денежной формѣ; должникъ покупатель—чтобы имѣть возможность заплатить. Если онъ не заплатитъ,—произведутъ принудительную продажу его имущества. Слѣдовательно, форма стоимости товара—деньги являются теперь сами цѣлью продажи, вслѣдствіе общественной необходимости, вызываемой условіемъ самого процесса обращенія.

Покупатель превращаетъ обратно деньги въ товаръ, прежде чѣмъ превратитъ товаръ въ деньги, или совершаетъ вторую метаморфозу товара раньше первой. Товаръ продавца обращается, но цѣну свою реализуетъ только въ законномъ правѣ на полученіе денегъ. Онъ становится потребительной стоимостью прежде чѣмъ превратится въ деньги. Первая метаморфоза закончится только впослѣдствіи [97]).

---

[95]) Лютеръ различаетъ деньги какъ покупательное и какъ платежное средство. «Machest mir einen Zwilling aus dem Schadewacht, das ich hier nicht bezahlen und dort nicht kauffen kann». Martin Luther: «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen. Wittenberg 1540».

[96]) Вотъ что, напримѣръ, читаемъ объ отношеніяхъ заимодавцевъ къ должникамъ между англійскими торговцами въ началѣ XVIII-го столѣтія: «Среди торговцевъ Англіи царствуетъ такой сильный духъ жестокости, какого нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ обществѣ, и ни въ какомъ другомъ государствѣ». («An Essay on Credit and the Bankrupt Act. London. 1707» p. 2).

[97]) Изъ слѣдующаго мѣста, взятаго изъ моего сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1859 г., можно видѣть, почему я въ текстѣ не касаюсь проти-

Въ каждомъ извѣстномъ промежуткѣ времени процесса обращенія, срочныя обязательства представляютъ сумму цѣнъ товаровъ, продажу которыхъ онѣ вызвали. Количество денегъ, необходимое для реализаціи этой суммы цѣнъ, зависитъ прежде всего отъ быстроты обращенія платежнаго средства. Оно обусловливается двумя обстоятельствами: сцѣпленіемъ отношеній заимодавцевъ и должниковъ, — такъ, что A получаетъ деньги отъ своего должника B и платитъ ихъ своему заимодавцу C и т. д., — и продолжительностью различныхъ сроковъ платежей. Эта непрерывная цѣпь платежей, или дополненій первыхъ метаморфозъ, существенно отличается отъ сплетенія метаморфозъ, разсмотрѣнныхъ нами раньше. Въ оборотахъ средствъ обращенія связь между покупателемъ и продавцемъ не просто только выражается. Сама связь возникаетъ лишь въ обращеніи денегъ и вмѣстѣ съ нимъ. Напротивъ того, движеніе платежнаго средства выражаетъ общественную связь, бывшую уже до него.

Замѣна количества монетъ быстротой обращенія ограничивается одновременностью продажныхъ сдѣлокъ. Это обстоятельство въ свою очередь является рычагомъ въ экономіи платежныхъ средствъ. При сосредоточеніи платежей на одномъ и томъ же мѣстѣ, понятно, что возникаютъ соотвѣтственныя учрежденія и способы для ликвидаціи такихъ платежей. Таковы, напримѣръ, virements въ средневѣковомъ Ліонѣ. Требованія A долга у B, B у C, C у A и т. д. должны быть только сопоставлены, чтобы до опредѣленной суммы уничтожиться какъ величины положительныя и отрицательныя. Остается только выплатить остатокъ долга. Чѣмъ большее количество платежей сосредоточивается, тѣмъ, относительно, меньше остатокъ, слѣдовательно и количество обращающихся платежныхъ средствъ, средствъ расплаты.

Какъ средства расплаты функція денегъ заключаетъ въ себѣ непосредственное противорѣчіе. По скольку платежи балансируются, деньги функціонируютъ только идеально, какъ счетныя деньги, какъ мѣра стоимости. По скольку совершаются дѣйствительные платежи, деньги являются не какъ средство обращенія, не какъ преходящая и посредствующая форма мѣнового процесса, но какъ индивидуальное воплощеніе общественнаго труда, самостоятельною формою существованія мѣновой стоимости, — абсолютнымъ товаромъ. Противорѣчіе это обнаруживается въ тотъ моментъ промышленнаго и торговаго кризиса, который называется денежнымъ кризисомъ [98]). Онъ совершается только тамъ, гдѣ вполнѣ развито непрерывное сплетенье платежей и искусственная система расплатъ. При общемъ разстройэтого механизма, — вслѣдствіе чего оно бы ни происходило,—деньги быстро и непосредственно превращаются изъ идеальной лишь формы счетныхъ денегъ въ форму звонкой монеты. Непривилегированные товары замѣнить ихъ уже не могутъ. Потребительная стоимость товара становится ничего не стоющей, и стоимость его пропадаетъ передъ формой его собственной стоимости. И все-таки буржуа, упоенный довольствомъ и поверхностной ученостью, называетъ деньги пустой мечтой: только товаръ деньги. Теперь же всѣ говорятъ: только деньги товаръ! Какъ олень жаждетъ свѣжей воды, такъ душа его жаждетъ денегъ, единственнаго богатства [99]). Во время кризисовъ, контрастъ между товаромъ и формою его стоимости, деньгами, достигаетъ безусловнаго противорѣчія. Поэтому, форма, въ которой деньги проявляются при этомъ, также не имѣетъ значенія. Нужда въ деньгахъ не измѣняется отъ того, надо-ли платить золотомъ, кредитными знаками, или же банковыми билетами [100]).

вopoложной формы: «Въ актѣ Д—Т, деньги наоборотъ могутъ отчуждаться въ видѣ дѣйствительныхъ покупательныхъ средствъ, и этимъ путемъ цѣна товара можетъ быть реализована прежде, чѣмъ будетъ реализована потребительная стоимость денегъ и товаръ дѣйствительно доставленъ. Это постоянно случается, напримѣръ, въ видѣ запродажи, или въ той формѣ, въ какой англійское правительство покупало опіумъ отъ индійскихъ райотовъ... Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ деньги всегда являются покупательными средствами... Конечно и капиталъ ссужается въ видѣ денегъ... Но эта точка зрѣнія выходитъ изъ предѣловъ горизонта простого обращенія». (Zur Kritik etc. pp. 119, 120).

[98]) Денежный кризисъ, какъ онъ опредѣленъ въ текстѣ, т. е. какъ фаза каждаго общаго кризиса, нужно отличать отъ особаго рода кризиса, который также называется денежнымъ кризисомъ, но который можетъ быть совершенно самостоятельнымъ явленіемъ, и воздѣйствовать только на промышленность и торговлю. Это тѣ кризисы, центрами движенія которыхъ бываетъ денежный капиталъ, а слѣдовательно непосредственною сферою которыхъ бываетъ также не посредственная сфера дѣйствій денежнаго капитала—банкъ, биржа, финансы.

[99]) «Внезапный переходъ отъ кредитной системы къ наличнымъ деньгамъ, къ фактической паникѣ присоединяетъ теоретическій ужасъ: сами участники въ процессѣ обращенія содрогаются предъ непроницаемой тайной своихъ собственныхъ отношеній». (Karl Marx l. c. p. 126) «Бѣдные сидятъ безъ работы, такъ какъ у богатыхъ нѣтъ денегъ, чтобы дать имъ занятіе, хотя у нихъ есть таже земля и тѣже руки для производства жизненныхъ средствъ и одежды, какія были и прежде; это-то и есть истинное богатство націи, а не деньги». (John Bellers: «Proposals for raising o Colledge of Industry. London 1696», p. 3).

[100]) Какъ «amis du commerce» пользуются подобными моментами видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая: «Одинъ алчный старикъ банкиръ (изъ Сити), находясь съ своимъ другомъ въ кабинетѣ, поднялъ доску конторки, и съ видимымъ наслажденіемъ показалъ ему большую связку банковыхъ билетовъ, сказавъ, что здѣсь у него на 600,000 ф. ст., и что держитъ онъ

Если мы взглянемъ теперь на общую сумму денегъ, обращающихся въ данный періодъ времени, то увидимъ, что она,—при данной быстротѣ оборотовъ платежныхъ средствъ и средствъ обращенія,—равна суммѣ реализующихся цѣнъ товаровъ, плюсъ сумма срочныхъ платежей, минусъ тѣ платежи, которые другъ съ другомъ балансируются, минусъ, наконецъ, число оборотовъ, въ которыхъ таже самая монета попеременно играетъ роль то средства обращенія, то платежнаго средства. Напримѣръ, крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ за 2 ф. ст., которые служатъ, стало быть, средствомъ обращенія. Съ наступленіемъ срока платежа онъ платитъ за холстъ, доставленный ему ткачемъ. Тѣже самые 2 ф. ст. являются теперь уже платежнымъ средствомъ. Ткачъ покупаетъ на нихъ библію—они снова играютъ роль средства обращенія и т. д. Поэтому—даже при данныхъ цѣнахъ, быстротѣ денежнаго обращенія и степени экономіи при платежахъ,—количество обращающихся денегъ и количество обращающихся товаровъ, въ теченіе опредѣленнаго періода времени, напримѣръ дня, уже не уравновѣшиваются, не покрываютъ другъ друга. Въ обращеніи находятся тѣ деньги, которыя представляютъ товаръ уже давно изъятый изъ обращенія. Обращаются тѣ товары, денежный эквивалентъ которыхъ появится только въ будущемъ. Съ другой стороны, платежныя сдѣлки, заключенныя въ какой нибудь день, и платежи, которые должны быть произведены въ этотъ же день, являются величинами совершенно несоизмѣримыми [101].

Кредитныя деньги возникаютъ непосредственно изъ функціи денегъ, какъ средствъ расплаты; почему долговыя обязательства за проданные товары сами обращаются, перенося на владѣльца право требованія долга. Но, по мѣрѣ расширенія кредита, расширяется и функція денегъ какъ платежныхъ средствъ. Какъ таковыя, онѣ пріобрѣтаютъ собственную форму существованія, въ которой онѣ и завладѣваютъ сферой крупныхъ торговыхъ сдѣлокъ, а золотыя и серебряныя монеты оттѣсняются ими, главнымъ образомъ въ сферу мелкой торговли [102]).

При извѣстной степени развитія и при извѣстныхъ размѣрахъ товарнаго производства, функція денегъ какъ платежнаго средства выходитъ изъ области товарнаго обращенія. Онѣ дѣлаются всеобщимъ товаромъ при всѣхъ сдѣлкахъ [103]). Платежи натурою ренты, налоговъ и т. п. обращаются въ денежные. На сколько сильно это превращеніе зависитъ отъ общихъ условій процесса производства, доказываетъ, напримѣръ, дважды неудавшаяся попытка римскихъ императоровъ

ихъ для того, чтобы поддержать недостатокъ въ деньгахъ, но, что сегодня же, послѣ трехъ часовъ, онъ ихъ выпуститъ въ обращеніе». («The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. London 1864», 81). «The Observer», полуоффиціальный органъ, въ № отъ 24 апрѣля 1864 г. замѣчаетъ: «Распространяются весьма странные слухи о средствахъ, къ какимъ прибѣгаютъ, чтобы произвести недостатокъ въ банковыхъ билетахъ... Какъ ни странно думать, что подобными уловками когда-нибудь воспользуются, но слухи такъ настоятельны, что дѣйствительно заслуживаютъ вниманія».

[101]) «Сумма продажныхъ сдѣлокъ, совершенныхъ въ теченіе даннаго дня, не имѣетъ вліянія на количество денегъ, обращающихся въ этотъ опредѣленный день, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, выражается во множествѣ трассировокъ на сумму денегъ, которая можетъ быть въ обращеніи въ послѣдующіе, болѣе или менѣе отдаленные сроки... Акцептованные векселя или кредиты, открытые сегодня, могутъ не имѣть ровно никакого сходства ни въ количествѣ, ни въ суммѣ, ни въ продолжительности съ векселями, которые будутъ акцептованы завтра, или съ кредитами, которыми воспользуются завтра; даже можетъ случиться, что многіе сегодняшніе векселя и кредиты, совпадутъ со множествомъ обязательствъ, заключенныхъ въ самые разнообразные, совершенно неопредѣленные предшествующіе сроки; сроки векселей 12-ти, 6-ти, 3-хъ, часто даже мѣсячные совпадаютъ и реализуются въ одинъ опредѣленный день...» («The currency Question Reviewed; a letter to the Scotch people By a Banker in England Edinburgh 1845», p. 29 30 passim).

[102]) Примѣромъ того, какую незначительную роль играютъ реальныя деньги собственно въ торговыхъ операціяхъ, можетъ служить слѣдующій балансъ годичнаго денежнаго прихода и расхода одного изъ наиболѣе крупныхъ лондонскихъ торговыхъ домовъ Morrison, Dillon & C°. Оборотъ его, простиравшійся въ 1856 г. до многихъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, сведенъ на одинъ милліонъ.

Приходъ.

	ф. ст.
Срочные векселя банкировъ и купцовъ	533,596
Чеки банкировъ и т. д. оплачиваемые по предъявленіи	357,715
Билеты провинціальныхъ банковъ	9,627
Билеты англійскаго банка	68,554
Золота	28,089
Серебра и мѣди	1,486
Post office orders	933
Всего ф. ст.	1.000,000

Расходъ.

	ф. ст.
Срочные векселя фирмы	302,674
Чеки на лондонскихъ банкировъ	663,672
Билеты англійскаго банка	22,743
Золота	9,427
Серебра и мѣди	1,484
Всего ф. ст.	1.000,000

(«Report from the Select Committee on the Bankacts. July 1858», p. LXXI).

[103]) «Такъ какъ направленіе торговли измѣнилось и товаръ уже не обмѣниваютъ на товаръ, или не предлагаютъ и не берутъ, а продаютъ и платятъ — то всѣ сдѣлки... совершаются теперь по цѣнамъ, выраженнымъ въ деньгахъ». («An Essay upon Public Credit. 3 ed. London. 1710», p. 8).

собирать всѣ подати въ денежной формѣ. Ужасная нищета французскаго сельскаго населенія при Людовикѣ XIV, которую такъ краснорѣчиво описываютъ Boisguillebert, маршалъ Вобанъ и др., была не только слѣдствіемъ высокихъ податей, но также обращенія натуральныхъ повинностей въ денежныя [104]). Если, натуральная форма поземельной ренты, являющаяся въ Азіи вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ элементомъ государственныхъ налоговъ, основывается тамъ на условіяхъ производства, которыя повторяются съ неизмѣнностью естественныхъ условій, то эта форма платежа и поддерживаетъ прежнія формы производства. Въ ней заключается одна изъ тайнъ самосохраненія турецкой имперіи. Если внѣшняя торговля Японіи, приведетъ къ обращенію натуральной ренты въ денежную, тогда — конецъ ея образцовому земледѣлію. Узкія экономическія условія существованія такого земледѣлія рушатся.

Въ каждой странѣ устанавливаются извѣстные общіе сроки платежей. Нѣкоторые изъ этихъ сроковъ основываются—независимо отъ другихъ круговоротовъ воспроизводства—отъ естественныхъ условій производства, сопряженныхъ съ перемѣнами временъ года. Къ этимъ срокамъ подгоняются также платежи, не возникающіе непосредственно изъ товарнаго обращенія, напримѣръ уплата ренты, податей и т. п. Количество денегъ, потребное для этихъ платежей во всей странѣ въ одинъ опредѣленный день года, производитъ періодическія, но совершенно поверхностныя разстройства въ экономіи платежныхъ средствъ [105]). Изъ закона быстроты обращенія платежныхъ средствъ слѣдуетъ, что для всѣхъ періодическихъ платежей, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, необходимое количество платежныхъ средствъ находится въ обратномъ отношеніи къ продолжительности періодовъ платежей [106]).

Развитіе функціи денегъ, какъ платежнаго средства, вынуждаетъ ихъ накопляться къ сроку платежа должныхъ суммъ. Тогда какъ накопленіе сокровищъ, какъ самостоятельная форма обогащенія, исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ прогрессируетъ буржуазное общество, оно наоборотъ возрастаетъ вмѣстѣ съ прогрессомъ въ формѣ запаснаго фонда платежныхъ средствъ.

c) Всемірныя деньги.

Съ уходомъ денегъ изъ внутренней сферы обращенія, онѣ лишаются пріобрѣтенныхъ въ ней мѣстныхъ формъ: мѣры цѣнъ, монеты, размѣнной монеты, знака стоимости,—и опять принимаютъ первоначальную форму слитка благороднаго металла. Стоимость товаровъ во всемірной торговлѣ выражается такимъ образомъ, что получаетъ всеобщее признаніе. Поэтому также здѣсь ихъ самостоятельная форма стоимости противополагается имъ какъ всемірныя деньги. Деньги только на міровомъ рынкѣ впервые функціонируютъ вполнѣ какъ товаръ, естественная форма котораго представляетъ въ тоже время форму осуществленія абстрактнаго человѣческаго труда. Дѣйствительный способъ существованія денегъ въ этой области является соотвѣтственнымъ ихъ идеальному представленію.

Во внутренней сферѣ обращенія, только одинъ товаръ можетъ служить мѣрою стоимости, а слѣдовательно деньгами. Всемірный рынокъ признаетъ двойная мѣры стоимости: золото и серебро [107]).

---

[104]) «Деньги сдѣлались палачами всего». «Деньги объявили войну всему человѣческому роду». Финансовое искусство—это «alambic qui a fait évaporer une quantité effroyable de biens et de denrées pour faire ce fatal précis». (Boisguillebert: «Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs», édit. Daire, Economistes financiers. Paris. 1843», t. I, p. 413, 417, 419).

[105]) «Въ Духовъ день 1824 г.», разсказываетъ г. Craig передъ парламентской слѣдственной коммиссіей 1826 г., «былъ такой громадный запросъ на банковые билеты въ Эдинбургѣ, что къ 11-ти часамъ въ нашихъ кассахъ не осталось ни одного билета. Мы посылали поочередно въ различные банки, чтобы занять, но нигдѣ не могли найти ни одного билета, и многія сдѣлки состоялись только при помощи slibs of paper. Къ 3-мъ-же часамъ пополудни, почти всѣ билеты вернулись опять въ банки, изъ которыхъ ихъ взяли; они только перешли въ другія руки».—«Хотя среднее дѣйствительное обращеніе банковыхъ билетовъ въ Шотландіи не достигаетъ и 3 милл. ф. ст., но въ различные сроки платежей, въ теченіе года, сумма всѣхъ банковыхъ билетовъ доходитъ въ активѣ банкировъ до 7 милл. ф. ст. Въ этомъ случаѣ билеты должны совершить единственную спеціальную функцію, по совершеніи которой они снова притекаютъ въ тѣ-жз банки, откуда были взяты». (John Fullartion: «Regulation of Currencies» 2 ed. London, 1845», p. 36, Note). Для уясненія этого, нужно знать, что въ Шотландіи выдаются не чеки, а билеты на вклады.

[106]) На вопросъ: «если-бы представилась необходимость произвести уплатъ на 40 милліоновъ въ годъ, было-ли бы достаточно тѣхъ-же самыхъ 6 милліоновъ (золота) для такихъ оборотовъ, какіе требуетъ торговля? Petty, со свойственнымъ ему мастерствомъ, отвѣчаетъ: «Я отвѣчаю—да; если издержки будутъ простираться до 40 милл., и если обороты будутъ происходить въ такіе короткіе промежутки времени, какъ напр., недѣля—какъ это происходитъ у бѣдныхъ мастеровъ и работниковъ, которые получаютъ и платятъ каждую субботу, — тогда для этой цѣли будетъ совершенно достаточно 40/52 частей одного милліона; но если эти періоды будутъ трехмѣсячные, согласно тому, какъ у насъ обыкновенно платятъ ренту и собираюъ подати, тогда потребуется 10 милліоновъ. Предположивъ-же, что платежи вообще производятся чрезъ смѣшанные періоды времени (mixed circle), отъ недѣльнаго до 13-недѣльнаго періода, тогда, сложивъ 10 милліоновъ и 40/52, и, раздѣливъ на 2, получимъ около $5^1/_2$, такъ, что если у насъ будетъ $5^1/_2$ милліоновъ, то этого совершенно достаточно». (William Petty: «Political Anatomy of Ireland. 1672, edit. London». 1691, p. 13, 14).

[107]) Поэтому крайне нелѣпо законодательство, обязывающее правительственные банки

Всемірныя деньги представляютъ всеобщее платежное средство, всеобщее покупательное средство и абсолютное общественное воплощеніе богатства вообще (universal wealth). Главнѣйшая ихъ роль заключается въ ихъ функціи, какъ средства расплаты для уравненія международнаго баланса. Отсюда пароль меркантильной системы — торговый балансъ [108]). Золото и серебро, главнымъ образомъ, есть международные покупательные средства тогда, когда обычное равновѣсіе мѣновыхъ отношеній между разными націями внезапно нарушается. Наконецъ, въ золотѣ и серебрѣ воплощается абсолютное общественное богатство, когда дѣло не въ платежѣ и покупкѣ, но въ передачѣ богатсгва изъ одной страны въ другую, и когда эта передача въ формѣ товара совершиться не можетъ, вслѣдствіе-ли условій всемірнаго рынка, или же вслѣдствіе самой цѣли, которая преслѣдуется [109]).

принимать только тѣ благородные металлы, которые ходятъ въ странѣ въ качествѣ денегъ. Всѣ напримѣръ, знаютъ «милыя затрудненія», которыя подобнымъ образомъ были созданы самимъ же англійскимъ банкомъ. О крупныхъ историческихъ эпохахъ относительно измѣненія стоимостей золота и серебра, ср. Karl Marz., l. c., p. 136 sq. — Ко 2 му изданію. — Сэръ Робертъ Пиль, въ своемъ банковомъ актѣ 1844 г., хотѣлъ уничтожить это неудобство тѣмъ, что разрѣшилъ англійскому банку выпускать билеты, гарантированные серебряными слитками, съ тѣмъ однако чтобы запасъ серебра никогда не превышалъ четверти запаса золота. При чемъ стоимость серебра опредѣлялась по ея рыночной цѣнѣ (въ (золотѣ) на лондонскомъ рынкѣ.

Къ 4-му изданію. — [Мы опять находимся въ періодѣ сильнаго относительнаго измѣненія стоимости золота и серебра. Около 25-ти лѣтъ тому назадъ отношеніе стоимости золота и серебра $= 15^1/_2 : 1$, теперь оно около $22 : 1$, и стоимость серебра по отношенію къ золоту все еще продолжаетъ падать. Это есть, главнымъ образомъ, слѣдствіе переворота въ способѣ производства обоихъ металловъ. До сихъ поръ золото добывалось почти исключительно промывкою золотоносныхъ наносныхъ слоевъ, продукта вывѣтриванія золотоносныхъ горныхъ породъ. Въ настоящее время этотъ способъ находятъ недостаточнымъ, и онъ вытѣсняется способомъ разработки золотоносныхъ кварцевыхъ породъ, употреблявшемся прежде только случайно, хотя его хорошо знали еще въ древности (Diodor III, 12—14). Кромѣ того не только открыли недавно чрезвычайно богатыя серебряныя руды на западѣ американскихъ Скалистыхъ горъ, но эти мѣстности, какъ и мексиканскіе серебряные рудники, соединили желѣзными дорогами съ общею сѣтью, что позволило снабжать рудники необходимыми новыми машинами и топливомъ, а слѣдовательно добывать серебро въ большихъ размѣрахъ и съ меньшими издержками. Но существуетъ еще большая разница въ томъ видѣ, въ какомъ оба металла находятся въ рудоносныхъ жилахъ. Золото попадается по большей части въ самородномъ видѣ, но притомъ оно бываетъ вкраплено въ кварцевыя породы въ чрезвычайно малыхъ количествахъ; въ послѣднемъ случаѣ вся рудоносная жила должна быть измельчена, а золото промыто и извлечено ртутью. На 1,000,000 грм. кварца часто приходится не больше 1—3 граммовъ золота, очень рѣдко 30—60 граммовъ. Серебро въ видѣ самородковъ встрѣчается рѣдко, но за то находятъ въ такой рудѣ, которая содержитъ по большей части отъ 40 до 90 процентовъ серебра и изъ которой относительно легко его выдѣлить; или-же оно содержится въ небольшихъ количествахъ въ мѣдныхъ, свинцовыхъ и т. п. рудахъ, обработка которыхъ окупается уже сама по себѣ. Уже изъ этого видно, что трудъ по добыванію золота скорѣе увеличился, тогда какъ по добыванію серебра онъ положительно уменьшился, такъ что пониженіе стоимости серебра совершенно понятно. Если-бы цѣна серебра не поддерживалась и до сихъ поръ искусственно, то пониженіе стоимости выразилось-бы еще въ большомъ паденіи цѣны. Но еще только незначительная часть серебряныхъ сокровищъ Америки стало доступно, такъ что по всѣмъ вѣроятіямъ стоимость серебра еще надолго останется низкою. Къ этому еще присоединилось относительное уменьшеніе потребности въ серебрѣ, которое, для предметовъ потребленія и роскоши, стало замѣняться накладнымъ серебромъ, аллюминіемъ и т. п. Въ виду всего этого можно судить объ утопизмѣ представленій биметаллистовъ, когда они увѣряютъ, что помощью принудительнаго международнаго курса можно привести стоимость серебра къ прежнему его отношенію $1 : 15^1/_2$. Раньше чѣмъ это произойдетъ, возможно, что серебро все болѣе и болѣе будетъ терять на всемірномъ рынкѣ свое денежное значеніе — Фр. Э.] (Въ 1898 г., отношеніе серебра къ золоту стало $= 1 : 36$. *Перев.*).

[108]) Противники меркантильной системы, признающей цѣлью всемірной торговли уплату избытка торговаго баланса золотомъ или серебромъ, сами, съ своей стороны, совершенно не понимаютъ функціи всемірныхъ денегъ. Я подробно разъяснилъ на примѣрѣ Рикардо (l. c. 150 sq.), насколько ошибочное пониманіе закона, опредѣляющаго количество средствъ обращенія, одинаково отражается въ ошибочномъ представленіи о международномъ движеніи благородныхъ металловъ. Его невѣрную теорію что «неблагопріятный торговый балансъ происходитъ всегда только отъ изобилія средствъ обращенія... Вывозъ монеты производится вслѣдствіе ея дешевизны, и есть не слѣдствіе, а причина неблагопріятнаго баланса», можно поэтому найти у Barbon'a: «Торговый балансъ, если таковой имѣется, не есть причина отсылки денегъ за границу: онъ происходитъ отъ разницы стоимости слитковъ въ каждой странѣ». (N. Barbon, l. c., p. 59, 60) Mac Culloch, въ своей «The Literature of Political Economy, a classified catalogue. London, 1845», хвалитъ Barbon'a за то, что тотъ предвосхитилъ это мнѣніе, однако при этомъ довольно умно избѣгаетъ даже упоминать о тѣхъ наивныхъ формахъ, въ которыхъ еще проглядываютъ у Barbon'a нелѣпые предположенія о «currency principle». Недостатокъ критики и даже безчестность этого каталога достигаетъ до своего апогея въ исторіи теоріи денегъ, такъ какъ Макъ Куллохъ тутъ виляетъ хвостомъ какъ сикофантъ Лорда Overston'a (ex-banker-Loyd), котораго онъ называетъ «facile princeps argentariorum».

[109]) Стоимости могутъ потребоваться прямо въ денежной формѣ, напримѣръ, для субсидій, денежныхъ займовъ, для веденія войны или для возобновленія банками платежей звонкой монетой.

Каждая страна должна имѣть запасный фондъ какъ для внутренняго обращенія, такъ и для обращенія на міровомъ рынкѣ. Функціи сокровищъ появляются слѣдовательно, частью изъ функцій денегъ какъ внутренняго средства обращенія и средства расплаты, частью же изъ ихъ функцій какъ всемірныхъ денегъ [110]). Въ послѣднемъ случаѣ нуженъ постоянно дѣйствительный денежный товаръ, золото и серебро in corpore, почему James Steuart выразительно и называетъ золото о серебро въ отличіе отъ ихъ только мѣстныхъ представителей—money of the world.

Теченіе потока золота и серебра двойное. Съ одной стороны онъ течетъ изъ своихъ источниковъ по всему свѣту, гдѣ различныя народныя сферы обращенія завлекаютъ его въ различныхъ размѣрахъ въ свой водоворотъ, чтобы войти во внутренніе каналы обращенія, замѣнить потертыя золотыя и серебряныя монеты, доставить матеріалъ для предметовъ роскоши, и окаменѣть въ видѣ сокровищъ [111]). Это теченіе питается прямымъ обмѣномъ народнаго труда, реализованнаго въ товарѣ, на трудъ народа тѣхъ странъ, гдѣ добывается золото и серебро, реализованный въ благородныхъ металлахъ. Съ другой стороны золото и серебро постоянно движется туда и обратно между различными народными сферами обращенія; движеніе это идетъ слѣдомъ за непрерывными колебаніями вексельнаго курса [112]).

Страны, гдѣ развито буржуазное производство, ограничиваютъ массы сокровищъ, наличныхъ денегъ сосредоточенныхъ въ банковыхъ резервуарахъ, до minimum'а, необходимаго ихъ специфическимъ функціямъ [113]). Значительное переполненіе резервуара сокровищъ, за нѣкоторыми исключеніями, указываетъ или на перерывъ въ плавномъ теченіи метаморфозъ товаровъ или на сравнительный застой въ товарномъ обращеніи [114]).

---

[110]) Ко 2-му изд. — «На мой взглядъ нѣтъ болѣе убѣдительнаго доказательства способности запасныхъ фондовъ, въ странахъ съ металлическимъ обращеніемъ, прекрасно выполнить все необходимое въ международныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, не прибѣгая къ сколько нибудь замѣтной помощи со стороны общаго обращенія, какъ та легкость, съ которою Франція, только что начавшая поправляться отъ потрясенія иностраннаго вторженія, въ продолженіи 27 мѣсяцевъ выплатила принудительную контрибуцію въ 20 милл. фунтовъ, потребованную союзными державами, притомъ значительную часть наличными деньгами, безъ замѣтнаго стѣсненія или разстройства внутренняго денежнаго обращенія, или даже безъ тревожнаго колебанія своихъ курсовъ» (Fullarton, l. c. p. 141).

[111]) «Между націями деньги распредѣляются сообразно потребностямъ въ нихъ... будучи всегда привлекаемы продуктами». (Le Trosne, l. c., p. 916). „Богатые золотомъ и серебромъ рудники даютъ достаточно и того и другаго для пополненія такъ необходимаго баланса каждаго народа». (J. Vanderlint, l. c., p. 40).

[112]) «Обмѣны увеличиваются и уменьшаются каждую недѣлю, и въ извѣстныя времена года бываютъ особенно благопріятны для одной націи, въ другія же времена — для другой». (N. Barbon; l. c., p. 39).

[113]) Эти различныя функціи могутъ прійти въ опасное столкновеніе, если только къ нимъ прибавляется функція размѣннаго фонда для банковыхъ билетовъ.

[114]) „Количество денегъ, превышающее сумму, абсолютно необходимую для внутренней торговли, представляетъ мертвый капиталъ, и не приноситъ никакой пользы странѣ, пока въ ней находится, но выгодно ей, когда вносится въ торговлю или когда ввозится въ страну». (John Bellers, l. c., p. 12). «Что намъ дѣлать, если у насъ слишкомъ много денегъ? Мы можемъ наиболѣе тяжелыя сплавить и обратить въ блюда, золотую и серебряную посуду, или вывозить ихъ какъ товаръ туда, гдѣ какой требуется или желателенъ; или же можемъ отдавать на проценты туда, гдѣ онъ высокъ». (W. Petty: «Quantulumcunque», p. 39). «Деньги — это жиръ политическаго тѣла: если его слишкомъ много, то онъ часто мѣшаетъ его подвижности, если же слишкомъ мало, то дѣлаетъ его больнымъ... Какъ жиръ помогаетъ движенію мускуловъ, питаетъ въ случаѣ недостатка пищи, округляетъ формы и украшаетъ тѣло, такъ и деньги ускоряютъ дѣятельность государства, во время неурожая внутри государства способствуютъ привозу припасовъ извнѣ, округляютъ счеты... украшаютъ цѣлое, хотя — иронически заканчиваетъ онъ, — преимущественно тѣхъ, у кого ихъ много». (W. Petty: «Political Anatomy of Ireland» p. 14).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Превращенiе денегъ въ капиталъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Превращенiе денегъ въ капиталъ.

1) Общая формула капитала.

Исходная точка капитала это — обращенiе товаровъ. Поэтому производство товаровъ, ихъ обращенiе, и то болѣе развитое и сложное обращенiе товаровъ, которое называется торговлею, представляетъ собою тѣ необходимыя предварительныя условiя, безъ которыхъ невозможно и самое появленiе капитала. Созданiе новѣйшей мiровой торговли и мiроваго рынка, — влѣдствiе географическихъ открытiй XVI-го столѣтiя,—есть та эра, отъ которой начинается новая исторiя капитала.

Если мы обратимъ наше вниманiе только на тѣ экономическiя формы, которыя порождаются самымъ процессомъ матерiальнаго содержанiя обращенiя товаровъ, представляющаго обмѣнъ различныхъ между собою потребительныхъ стоимостей, то найдемъ, что послѣднимъ продуктомъ этого процесса являются всегда деньги. И первая форма проявленiя капитала есть этотъ послѣднiй, конечный продуктъ обращенiя товаровъ.

Вездѣ въ исторiи капиталъ выступаетъ впервые противъ поземельной собственности въ формѣ денегъ, какъ денежное богатство, какъ купеческiй капиталъ, или какъ ростовщическiй капиталъ [1]). Впрочемъ, намъ нѣтъ никакой надобности заходить въ глубь исторiи происхожденiя капитала для того, чтобы убѣдиться, что деньги дѣйствительно составляютъ первую форму его проявленiя: эта исторiя и теперь еще ежедневно разыгрывается у насъ предъ глазами. Каждый новый капиталъ выступаетъ впервые на сцену, т, е. на рынокъ, — товарный, рабочiй или денежный, — всегда въ формѣ денегъ, — денегъ, которыя помощью извѣстнаго, опредѣленнаго процесса превращаются потомъ въ капиталъ.

Деньги какъ капиталъ, и деньги какъ деньги, отличаются однѣ отъ другихъ лишь различною формою обращенiя.

Непосредственная форма обращенiя товаровъ выражается такою формулою: Т—Д—Т, т. е. превращенiе товара въ деньги и обратное превращенiе денегъ въ товаръ, продажа для покупки. Но, рядомъ съ этою формою, мы открываемъ другую, специфически отличную отъ нея, а именно Д—Т—Д, т. е. превращенiе денегъ въ товаръ и обратное превращенiе товара въ деньги, покупку для продажи. Описывающiя въ своемъ движенiи эту послѣднюю форму обращенiя деньги, превращаются въ капиталъ, становятся капиталомъ, и даже по назначенiю своему уже—капиталъ.

Разсмотримъ поближе форму обращенiя Д—Т—Д. Подобно простому обращенiю товаровъ, это—процессъ, который проходитъ черезъ двѣ противоположныя фазы, представляя собою единство или неразлучность этихъ двухъ фазъ. Въ теченiе первой фазы, Д—Т, покупки, деньги превращаются въ товаръ. Въ теченiе второй фазы, Т—Д, продажи, товаръ превращается обратно въ деньги. Неразлучность же обѣихъ фазъ, или общее движенiе, представляетъ обмѣнъ денегъ на товаръ и обратный обмѣнъ того же самаго товара на деньги, покупка товара для перепродажи; или,—если мы не обратимъ вниманiя на чисто

---

[1]) Противоположность между безличною властью денегъ и между властью поземельной собственности, основанной на личныхъ рабскихъ и господскихъ отношенiяхъ, ясно выражена въ двухъ французскихъ поговоркахъ: «L'argent n'a pas de maître» (У денегъ нѣтъ хозяина) и «Nulle terre sans seigneur) «Нѣтъ земли безъ господина».

формальное различіе между покупкою и продажею,—покупка товара за деньги для покупки денегъ за товаръ [2]). Но, что касается до результата процесса, то онъ заключается просто въ покупкѣ денегъ на деньги, Д—Д. Если я покупаю за 100 фунтовъ стерлинговъ 2,000 фунтовъ хлопчатой бумаги, и если, вслѣдъ за тѣмъ, продаю снова эти 2,000 ф. хлопчатой бумаги за 110 ф. ст., то, въ окончательномъ результатѣ, я просто вымѣниваю 100 ф. ст. на 110 ф. ст., т. е. деньги на деньги.

Ясно, что процессъ обращенія, изображенный формулой Д—Т—Д, былъ бы совершенно нелѣпъ и безсодержателенъ, если бы имъ не достигалось ничего болѣе, кромѣ обмѣна той же самой денежной стоимости на ту же самую денежную стоимость, т. е., напримѣръ, 100 ф. ст. на 100 ф. ст.—Тогда гораздо проще и безопаснѣе было бы слѣдовать пріемамъ скрягъ и собирателей сокровищъ, которые предпочитаютъ держать свои деньги въ сундукахъ, вмѣсто того, чтобы подвергать ихъ всѣмъ опасностямъ обращенія. Но, продаетъ-ли купецъ свой хлопокъ,—пріобрѣтенный имъ за 100 ф. ст.,—за 110 ф. ст.; или онъ продаетъ его за тѣ же 100 фун. стерл., или же онъ вынужденъ сбыть его даже за 50 ф. ст.,—въ томъ и другомъ случаѣ его деньги совершаютъ при этомъ особенное, оригинальное движеніе, вполнѣ отличное отъ того, которое онѣ описываютъ въ простомъ обращеніи товаровъ, т. е., напримѣръ, въ рукахъ земледѣльца продающаго зерно для того, чтобы на вырученныя такимъ образомъ деньги купить платье. Слѣдовательно, прежде всего мы замѣчаемъ характерное различіе по формѣ между обращеніемъ Д—Т—Д и обращеніемъ Т—Д—Т. Въ тоже время мы немедленно замѣтимъ и различіе по содержанію, скрывающееся за этимъ повидимому только форменнымъ различіемъ.

Разсмотримъ сначала, что общаго существуетъ между этими двумя формами обращенія.

И та и другая форма распадаются на тѣ же самыя двѣ противоположныя фазы: Т—Д, продажу, и Д—Т, покупку. Разсматривая каждую изъ этихъ фазъ отдѣльно, независимо отъ другой сперва въ одной формѣ обращенія, потомъ въ другой, мы не откроемъ въ этихъ случаяхъ ни малѣйшаго различія и въ той и въ другой формѣ обращенія: каждая изъ нихъ остается существенно тою же самою. Участвующіе въ процессѣ вещественные элементы въ обѣихъ формахъ одинаковы: товаръ и деньги. Въ каждомъ отдѣлѣ обѣихъ формъ представляются намъ одни и тѣ же экономическія дѣйствующія лица: покупатель и продавецъ. Въ каждомъ изъ обоихъ процессовъ участвуютъ три контрагента; но притомъ всегда такъ, что только одинъ изъ нихъ является попеременно то какъ продавецъ, то какъ покупатель, тогда какъ изъ двухъ остальныхъ контрагентовъ, одинъ—только продаетъ, а другой—только покупаетъ.

Съ перваго взгляда видно, что различіе обоихъ круговоротовъ Т—Д—Т и Д—Т—Д заключается въ обратной послѣдовательности тѣхъ же самыхъ противоположныхъ фазъ обращенія. Простое обращеніе товаровъ начинается продажею и завершается покупкою; обращеніе же денегъ, какъ капитала, начинается покупкою и оканчивается продажею. Въ первомъ случаѣ исходную и конечную точку всего движенія представляетъ товаръ; во второмъ случаѣ — деньги. Въ первомъ случаѣ деньги являются посредствующимъ звеномъ всего процесса; во второмъ случаѣ, эта роль наоборотъ выпадаетъ на товаръ.

Въ обращеніи по формулѣ Т—Д—Т, деньги превращаются, въ концѣ процесса, въ товаръ, который служитъ потомъ только потребительной стоимостью. Слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ, деньги истрачиваются. Въ обратной формулѣ обращенія, Д—Т—Д, покупатель отдаетъ деньги лишь для того, чтобы снова получить ихъ, какъ продавецъ. Онъ отдаетъ въ обращеніе деньги, при покупкѣ товара, лишь для того, чтобы при продажѣ этого же самаго товара, снова взять ихъ изъ обращенія. Онъ выпускаетъ изъ рукъ деньги съ заднею мыслью—снова овладѣть ими. Слѣдовательно при этомъ деньги только затрачиваются [3]).

Въ формулѣ обращенія Т—Д—Т, одна и та же монета перемѣняетъ свое мѣсто два раза: продавецъ получаетъ ее отъ покупателя и затѣмъ расплачивается ею съ другимъ продавцемъ. Процессъ начавшійся полученіемъ денегъ за товаръ, заканчивается этою отдачею денегъ за товаръ. Напротивъ того, въ формулѣ обращенія Д—Т—Д, мѣняетъ свое мѣсто два раза не одна и та же монета, но одинъ и тотъ же товаръ. Покупатель получаетъ его изъ рукъ продавца и передаетъ его въ руки другаго покупателя. Тогда какъ, въ простомъ обращеніи товаровъ, двукратная перемѣна мѣста одною и тою же монетою обусловливаетъ окончательный переходъ ея изъ однѣхъ рукъ въ другія, здѣсь,—двукратная перемѣна мѣста однимъ и тѣмъ же товаромъ обусловли-

---

[2]) «Посредствомъ денегъ покупаются товары, а посредствомъ товаровъ покупаются деньги». (Mercier de la Rivière: «L'ordre naturel et essentiel des sociétés publiques,» p. 543).

[3]) «Когда какая-нибудь вещь покупается только для того, чтобы быть снова проданной, деньги, израсходованныя на это, можно назвать затраченными деньгами (money advanced); когда же вещь покупается не для продажи, деньги, употребленныя на это, можно назвать истраченными деньгами (money expended)». (James Steuart: Works etc, edited by General Sir James Steuart, his son. Lond., 1801, v. I p. 274).

ваетъ обратное возвращеніе денегъ къ ихъ первоначальному исходному пункту.

Продажа товара дороже, или дешевле того, за что онъ былъ купленъ, вліяетъ лишь на величину возвратившейся суммы, а не на возвращеніе денегъ къ ихъ первоначальному исходному пункту; это возвращеніе происходитъ всякій разъ, когда купленный товаръ снова продается, и такимъ образомъ описывается полный кругъ обращенія, выражаемый формулою Д — Т — Д. Въ этомъ и заключается именно осязательное различіе между обращеніемъ денегъ просто какъ денегъ, и ихъ обращеніемъ какъ капитала.

Конечно, возвращеніе денегъ къ ихъ первоначальному исходному пункту можетъ происходить и при обращеніи по формулѣ Т — Д — Т, но если такое возвращеніе и совершается, то лишь вслѣдствіе возобновленія или повторенія всего процесса, а никакъ не вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія его собственныхъ моментовъ. Если я продаю квартеръ пшеницы за 3 фунта стерлинговъ, и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, — 3 ф. ст. издержаны для меня окончательно. Я не могу съ ними сдѣлать ничего болѣе. Они принадлежатъ теперь торговцу платьемъ. Если я продамъ теперь еще одинъ квартеръ пшеницы, то деньги снова возвратятся ко мнѣ; но не вслѣдствіе продолженія перваго процесса, а лишь вслѣдствіе повторенія его. Деньги опять уходятъ отъ меня, какъ только я довожу второй процессъ до конца, т. е. какъ только я снова покупаю. Слѣдовательно, въ обращеніи по формулѣ Т — Д — Т, израсходованіе денегъ не имѣетъ ничего общаго съ ихъ обратнымъ возвращеніемъ. Напротивъ того, при Д— Т — Д, обратное возвращеніе денегъ обусловлено самымъ способомъ ихъ израсходованія. Если такого возвращенія не происходитъ, то это значитъ, что или операція не удалась, или процессъ прерванъ и еще не доконченъ, такъ какъ ему недостаетъ его второй фазы, — продажи, дополняющей и заканчивающей сдѣланную покупку.

Обращеніе по формулѣ Т — Д — Т исходитъ, на одномъ своемъ крайнемъ пунктѣ, изъ товара, и завершается на другомъ — другимъ товаромъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ выходитъ изъ области обращенія и попадаетъ въ область потребленія. Поэтому потребленіе, удовлетвореніе извѣстныхъ нуждъ, однимъ словомъ потребительная стоимость, является конечною цѣлью подобнаго процесса. Обращеніе же по формулѣ Д—Т—Д, напротивъ того, исходитъ на одномъ крайнемъ пунктѣ изъ денегъ и продолжаетъ двигаться къ тому же пункту, какъ къ своему окончанію. Поэтому здѣсь сама мѣновая стоимость является единственнымъ побудительнымъ мотивомъ и единственною опредѣляющею цѣлью.

Въ простомъ обращеніи товаровъ оба крайніе члена имѣютъ одну и туже экономическую форму оба они — товары; кромѣ того, это товары, тождественные по величинѣ ихъ стоимости. Но, одновременно, это—потребительныя стоимости, качественно различныя между собою, какъ напримѣръ пшеница и платье. Такимъ образомъ здѣсь въ размѣнѣ продуктовъ, въ обмѣнѣ различныхъ веществъ, въ которыхъ можетъ проявляться общественный трудъ, и заключается все содержаніе движенія. Совершенно другое въ обращеніи по формулѣ Д — Т — Д: на первый взглядъ она кажется совершенно лишенною содержанія, вслѣдствіе тождественности ея крайнихъ членовъ, дѣлающихъ изъ нея, повидимому, простую тавтологію. Оба ея крайніе члена изображаютъ одну и туже экономическую форму: оба они суть деньги, такъ какъ деньги представляютъ именно ту видоизмѣненную форму товаровъ, въ которой пропала безъ слѣда свойственная каждому изъ нихъ особенная потребительная стоимость. Вымѣнять 100 фунтовъ стерлинговъ на хлопокъ для того, чтобы немедленно-же опять вымѣнять этотъ хлопокъ на тѣже 100 ф. ст., т. е. вымѣнять, посредствомъ довольно сложнаго процесса, деньги на деньги, тоже самое на тоже самое, представляется намъ операціей столь же безцѣльной, какъ и нелѣпой [4]). Одна сумма денегъ можетъ отличаться отъ другой суммы денегъ, вообще, только своею величиною. Поэтому процессъ Д —

---

[4]) «Никто не мѣняетъ деньги на деньги», восклицаетъ Mercier de le Rivière, обращаясь къ меркантилистамъ (l. c., p. 486). — Въ одномъ сочиненіи, трактующемъ ex professo о «торговлѣ» и о «спекуляціи», читатель найдетъ слѣдующее: «Всякая торговля заключается въ размѣнѣ вещей различнаго рода, и выгода (для купца?) получается именно изъ этого различія. Мѣняя фунтъ хлѣба на фунтъ хлѣба, нельзя получить никакой выгоды... Этимъ торговля и отличается отъ игры, такъ какъ въ послѣдней происходитъ обмѣнъ денегъ на деньги». (Th. Corbet: «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained. Lond., 1841» p. 5). Хотя Corbet и не видитъ, что Д—Т, т. е. обмѣнъ денегъ на деньги представляетъ формулу обращенія, характерную не только для торговаго капитала, но и для всякаго капитала вообще, онъ допускаетъ, однако, что эта формула свойственна вмѣстѣ съ игрою также, по крайней мѣрѣ, одному роду торговли, а именно спекуляціи. Но вотъ является Mac Culloch и находитъ, что покупка для продажи есть спекуляція и такимъ образомъ различіе между спекуляціей и торговлей совершенно уничтожается. «Всякая операція, посредствомъ которой кто нибудь покупаетъ продуктъ для того, чтобы снова продать его, есть, въ сущности, спекуляція». (Mac Culloch: «A Dictionary practical etc. of Commerce. London, 1817», p. 1056). Но еще болѣе наивенъ Pinto, этотъ Пиндаръ амстердамской биржи, пишетъ: «Торговля есть игра (это положеніе онъ позаимствовалъ у Locke); и конечно трудно выиграть, играя съ нищими. Выигрывая постоянно и у всѣхъ, пришлось бы, наконецъ, возвратить добровольно большую часть выигрыша для того, чтобы можно было снова начать игру». (Pinto: «Traité de la Circulation et du Crédit. Amsterdam», 1771. p. 231).

Т — Д обязанъ своимъ содержаніемъ не какому нибудь качественному различію между его конечными членами, — такъ какъ оба эти члена суть деньги, — но только ихъ количественному различію. Въ концѣ концовъ извлекается изъ обращенія болѣе денегъ, чѣмъ сколько было ихъ пущено въ обращеніе при началѣ операціи. Хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., продается, напримѣръ, за 100+10 ф. ст. или за 110 ф. ст. Полная форма для этого процесса должна быть представлена, поэтому, слѣдующимъ образомъ: Д' — Т — Д, гдѣ Д' = Д + △Д, т. е. равна денежной суммѣ, первоначально затраченной, плюсъ приращеніе. Это приращеніе, или излишекъ надъ первоначальною стоимостью, я называю прибавочною стоимостью (Mehrwerth, surplus value). Поэтому въ этомъ обращеніи первоначально затраченная стоимость не только сохраняется, но еще измѣняетъ свою величину, присоединяетъ къ себѣ нѣкоторую прибавочную стоимость, или, что тоже самое, увеличивается въ стоимости. Это-то движеніе и превращаетъ ее въ капиталъ.

Конечно, и въ обращеніи по формулѣ Т—Д—Т, оба крайніе члена: Т, Т, напримѣръ пшеница и платье, могутъ также выражать стоимости, количественно различныя между собою. Помѣщикъ можетъ продать свою пшеницу выше ея настоящей стоимости, или купить платье за цѣну, низшую сравнительно съ его дѣйствительной стоимостью. И наоборотъ, его самого можетъ обмануть купецъ, торгующій платьемъ. Но для самой этой формы обращенія, подобныя различія въ стоимости являются всегда обстоятельствами чисто случайными. Тогда какъ процессъ Д—Т—Д почти совершенно теряетъ содержаніе и смыслъ коль скоро крайніе члены этой формулы представляютъ стоимости, равныя по своей величинѣ,—процессъ Т—Д—Т отнюдь не теряетъ своего смысла и значенія вслѣдствіе того, что крайніе члены формулы, пшеница и платье напримѣръ, эквивалентны между собою. Наоборотъ, ихъ равная стоимость является здѣсь скорѣе необходимымъ условіемъ нормальнаго хода процесса.

Возобновленіе и повтореніе продажи для покупки, какъ и самый этотъ процессъ, имѣютъ своимъ побудительнымъ мотивомъ и своею мѣрою окончательную цѣль, лежащую внѣ предѣловъ этого процесса, и состоящую въ потребленіи, въ удовлетвореніи извѣстныхъ, опредѣленныхъ нуждъ и потребностей. Наоборотъ, при покупкѣ для продажи, начало и конецъ процесса одинъ и тотъ же, т. е. деньги, мѣновая стоимость; и, уже въ силу одного этого, движеніе здѣсь должно быть безконечно. Само собою разумѣется изъ Д образуется здѣсь Д+△Д, изъ 100 фун. ст.—100+10 ф. ст. Если разсматривать дѣло только съ форменной стороны, то 100 ф. ст. есть тоже самое, что и 100 ф. ст., т. е. деньги; но по отношенію къ величинѣ стоимости, конечно, 110 ф. ст. представляютъ точно такую же ограниченную сумму стоимости, какъ и 100 ф. ст. Будь 110 ф. ст. истрачены, какъ деньги, они вышли бы изъ своей роли: они бы перестали быть капиталомъ. Но, вынутые изъ обращенія, они впадаютъ въ летаргическое оцѣпенѣніе, превращаясь въ сокровище или кладъ, и уже не могутъ прирасти болѣе ни на одинъ фартингъ, хотя бы и пролежали до дня страшнаго суда. Если дѣло идетъ только о приращеніи стоимости, то для 110 ф. ст. существуетъ слѣдовательно, такая же потребность увеличить свою стоимость, какъ и для 100 ф. ст.; вѣдь и та и другая суммы представляютъ каждая лишь ограниченное выраженіе мѣновой стоимости, то, вслѣдствіе этого, имѣютъ одно и тоже призваніе—приблизиться, по возможности, къ богатству просто, черезъ увеличеніе своей величины, своего размѣра. На первый взглядъ можетъ показаться, конечно, что первоначально затраченная стоимость 100 ф. ст. отличается отъ прибавочной стоимости въ 10 ф. ст., наросшей въ въ теченіи обращенія: но различіе это немедленно пропадаетъ, такъ какъ, по окончаніи процесса, мы вовсе не получаемъ, съ одной стороны,—первоначальную стоимость въ 100 ф. ст., а съ другой—прибавочную стоимость въ 10 ф. ст.; то, что мы получаемъ въ этомъ случаѣ, представляется намъ какъ одна стоимость въ 110 ф. ст., обладающая точно такой же формой, какъ и первоначальные 100 ф. ст., вполнѣ пригодной, чтобы повторить снова процессъ увеличенія стоимости. Въ началѣ процесса мы имѣли деньги, и въ концѣ процесса мы получимъ опять-таки деньги [5]). Началомъ новаго круговорота служитъ поэтому само окончаніе каждаго единичнаго круговорота, въ которомъ совершается покупка для продажи. Простое обращеніе товаровъ—продажа для покупки—является средствомъ для окончательной цѣли, лежащей внѣ предѣловъ обращенія: присвоеніе потребительныхъ стоимостей, удовлетвореніе потребностей. Наоборотъ, обращеніе денегъ въ видѣ капитала есть цѣль сама по себѣ, потому что увеличеніе стоимости происходитъ въ предѣлахъ такого постоянно возобновляющаго движенія. Слѣдовательно обращенію капитала нѣтъ границъ [6]).

---

[5]) «Капиталъ дѣлится... на первоначальный капиталъ и на прибыль, или приращеніе капитала... хотя на практикѣ эта прибыль немедленно присоединяется снова къ капиталу и пускается вмѣстѣ съ нимъ въ оборотъ». (F. Engels: «Umrisse zu einer Kritik der Nationalöconomie, въ «Deutsch-Französische Jahrbücher, herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx. Paris, 1844», p. 99).

[6]) Своей «экономикѣ» Аристотель противопоставляетъ «хрематистику». Въ изслѣдованіи своемъ онъ исходитъ изъ экономики. Насколько экономика есть лишь промышленное искусство

Капиталистомъ владѣлецъ денегъ становится лишь по стольку, по скольку онъ является живымъ олицетвореніемъ этого процесса, одареннымъ сознаніемъ и волею. Особа его или, вѣрнѣе, карманъ его есть тотъ пунктъ, откуда постоянно исходятъ деньги и куда онѣ постоянно снова возвращаются. Объективное содержаніе этого процесса—возрастаніе стоимости—есть, въ тоже время, субъективная цѣль капиталиста: насколько возрастающее накопленіе богатства является единственнымъ побудительнымъ мотивомъ его операцій,—на столько функціонируетъ онъ какъ капиталистъ, т. е. какъ олицетворенный капиталъ, одаренный сознаніемъ и волею. Слѣдовательно на потребительную стоимость никогда нельзя смотрѣть какъ на непосредственную цѣль капиталиста [7]). Если цѣль также не-стремленіе взять какой-нибудь отдѣльный, единичный выигрышъ, но постоянная, непрерывная погоня за выигрышемъ, за прибылью [8]). Это страстное стремленіе къ обогащенію, эта исключительная погоня за мѣновой стоимостью [9]) одинаково свойственна капиталисту и скрягѣ, собирающимъ сокровища; такъ что можно сказать, что скряга—сумасшедшій капиталистъ, между тѣмъ какъ капиталистъ — разсудительный скряга. Того-же самого, т. е. постояннаго приращенія мѣновой стоимости, къ которому стремится собиратель сокровищъ, стараясь постоянно спасти [10]) свои деньги отъ обращенія, болѣе благоразумный капиталистъ достигаетъ именно тѣмъ, что онъ постоянно пускаетъ ихъ въ обращеніе [10a]).

Независимыя формы—денежныя формы, которыя въ обращеніи принимаютъ стоимости товаровъ,—содѣйствуютъ лишь обмѣну товаровъ и пропадаютъ въ окончательномъ результатѣ движенія. При обращеніи же по формулѣ Д—Т—Д', и товаръ и деньги являются только различными видами существованія самой стоимости: а именно, деньги представляютъ ея общій, а товаръ — ея особенный,—замаскированный, видъ суще-

---

она ограничивается изготовленіемъ предметовъ, необходимыхъ для жизни и полезныхъ для домашняго хозяйства или для государства. «Истинное богатство (ο ἀληθινος πλοῦτος) состоитъ изъ подобныхъ потребительныхъ стоимостей, такъ какъ количество вещей такого рода, достаточное для хорошей жизни, не безгранично. Но существуетъ промышленное искусство другого рода, по преимуществу, и совершенно справедливо называемое хрематистикою, и благодаря которому не оказывается, кажется. никакой границы для богатства и накопленія собственности. Товарная торговля (ἡ καπηλικη означаетъ буквально мелочную торговлю. Аристотель отдаетъ предпочтеніе этому слову потому, что въ такого рода торговлѣ господствуетъ потребительная стоимость), по своей природѣ, не принадлежитъ къ хрематистикѣ, такъ какъ обмѣнъ ограничивается здѣсь лишь тѣмъ, что нужно для нихъ самихъ (т. е. для покупателя и продавца)». Поэтому развиваетъ онъ далѣе, первоначальной формой товарной торговли была мѣновая торговля; но, вмѣстѣ съ ея расширеніемъ, необходимымъ образомъ явились деньги. Съ изобрѣтеніемъ-же денегъ, мѣновая торговля неизбѣжно должна была развиться въ καπηλική, въ товарную торговлю, а эта послѣдняя, въ противность ея собственному первоначальному стремленію, превратилась въ хрематистику, т. е. въ искусство наживать деньги. Хрематистика отличается отъ экономики тѣмъ, что въ ней «само обращеніе дѣлается источникомъ богатства (ποιητική χρημάτων... διὰ χρημάτων διαβολῆς). Повидимому, вся хрематистика вращается вокругъ денегъ, такъ какъ деньги составляютъ и начало и конецъ такого рода обмѣна (τὸ γὰρ νομισμα στοιχειον και περας της αλλαγῆς εστιν). Стало быть, такое богатство, къ которому стремится хрематистика — безгранично. Извѣстно, что каждое искусство, для котораго его предметъ служитъ не просто средствомъ, а конечною цѣлью, безгранично въ своихъ стремленіяхъ, такъ какъ оно стремится все болѣе и болѣе достигнуть этой цѣли; между тѣмъ какъ искусства, для которыхъ предметъ ихъ является лишь средствомъ для достиженія какой нибудь другой цѣли, не безграничны, такъ какъ самая эта цѣль полагаетъ имъ извѣстный предѣлъ. Такъ и хрематистика, она безпредѣльна въ своихъ стремленіяхъ, потому что цѣль ея есть абсолютное обогащеніе. Экономика имѣетъ границы, но не хрематистика... Первая имѣетъ своею цѣлью нѣчто, совершенно отличное отъ денегъ, вторая-же стремится исключительно лишь къ увеличенію денегъ... На практикѣ эти двѣ формы тѣсно переплетаются одна съ другою, и смѣшиваніе ихъ привело многихъ къ ошибочному мнѣнію, будто-бы экономика имѣетъ своею конечною цѣлью сохраненіе и безпредѣльное умноженіе денегъ». (Aristoteles: De Rep. edit, Bekker. lib. I, c. 8 и 9 passim.).

---

[7]) «Разные товары (commodities, здѣсь въ смыслѣ потребительныхъ стоимостей) не — тѣ предметы, которые опредѣляютъ собою дѣятельность торгующаго капиталиста... предметъ, опредѣляющій его дѣятельность, это — деньги». (Chalmers: «On Politic. Econ etc. 2 edin. London. 1832», p. 166).

[8]) «Торговецъ ни во что не считаетъ настоящую прибыль, онъ имѣетъ всегда въ виду прибыль будущую». (A. Genovesi: «Lezioni di Economia civile» (1765). Изданіе итальянскихъ экономистовъ Custodi, Parte Moderna, t. VIII, p. 139).

[9]) «Неудержимая страсть къ прибыли, auri sacra fames, опредѣляетъ постоянно дѣятельность капиталистовъ». (Mac Culloch: «The Principles of Politic. Econ. London 1830». 163). Но, вполнѣ естественно, что подобный взглядъ отнюдь не мѣшаетъ тому же самому Mac Culloch'у и его соратникамъ, въ разныхъ теоретическихъ затрудненіяхъ, какъ напримѣръ при изслѣдованіи перепроизводства, превращать этого же самаго капиталиста въ добраго гражданина, все стремленіе котораго заключается только въ потребительной стоимости, и котораго даже одолѣваетъ чисто волчій аппетитъ къ сапогамъ, шляпамъ, яйцамъ, ситцамъ и другимъ самымъ обыкновеннымъ сортамъ потребительныхъ стоимостей.

[10]) «Σώζειν» есть одно изъ характернѣйшихъ выраженій, которымъ греки обозначали собирателей сокровищъ.

[10a]) «Подобнаго безконечнаго движенія вещи не достигаютъ, двигаясь поступально, они его достигаютъ, двигаясь вращательно». (Galiani).

ствованія [11]). Стоимость переходитъ постоянно изъ одной формы въ другую, никогда не уничтожаясь въ этомъ движеніи, и превращается, такимъ образомъ, въ какого-то автомата, исполняющаго весь этотъ процессъ самостоятельно, въ силу присущаго ему устройства. Въ зависимости отъ того, обращаемъ-ли мы вниманіе на ту или на другую изъ формъ проявленія, въ которыхъ поочередно является въ своемъ движеніи самовозрастающая стоимость, — мы получаемъ различныя опредѣленія капитала: капиталъ есть деньги, капиталъ есть товаръ [12]). Но, на самомъ дѣлѣ, мѣновая стоимость становится при этомъ субъектомъ особаго процесса, въ которомъ она, — благодаря постояннымъ измѣненіямъ въ ея формѣ и поперемѣнному появленію ея то въ формѣ денегъ, то въ формѣ товара, — измѣняетъ свою величину, отдѣляется въ формѣ прибавочной стоимости отъ себя же самой какъ отъ первоначальной стоимости, увеличиваетъ сама свою собственную стоимость. Такъ какъ то движеніе, въ которомъ она присоединяетъ къ себѣ прибавочную стоимость, есть ея собственное движеніе, то и увеличеніе стоимости въ этомъ случаѣ должно назвать самовозрастаніемъ стоимости. Она получила чудесное свойство — прибавлять къ себѣ новую стоимость только потому, что она сама — стоимость: она начинаетъ рождать живыхъ дѣтенышей или, по крайней мѣрѣ, нести золотыя яйца.

Итакъ стоимость, будучи активнымъ факторомъ въ такомъ движеніи, то являясь въ формѣ денегъ, то въ формѣ товаровъ, и несмотря на всѣ эти перемѣны, постоянно сохраняется и увеличивается; стоимость эта, конечно, нуждается прежде всего въ самостоятельной формѣ, при помощи которой всегда можно было бы установить ея тождество съ нею же самою. Такою формою могутъ служить ей только деньги. Поэтому деньги являются исходнымъ и заключительнымъ пунктомъ всякаго процесса увеличенія стоимости. Въ началѣ стоимость равнялась 100 ф. ст., теперь она стала = 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги играютъ при этомъ роль только одной изъ формъ стоимости, такъ какъ стоимость имѣетъ ихъ двѣ и, безъ превращенія въ товарную форму, деньги не сдѣлаются капиталомъ. Стало быть деньги не выступаютъ здѣсь враждебно противъ товара, какъ это мы видѣли въ примѣрѣ скряги, копящаго сокровища. Капиталисту очень хорошо извѣстно, что всѣ товары, — какъ бы ни былъ мерзокъ ихъ наружный видъ, или какъ бы плохо они ни пахли, — деньги, если не по формѣ, то по «духу и истинѣ», что это, такъ сказать, чудесное средство, при помощи котораго изъ одного количества денегъ можно получить большее количество ихъ.

Мѣновая стоимость товаровъ, въ простомъ обращеніи Т—Д—Т, принимаетъ самостоятельную форму, отличную отъ потребительной стоимости товара, денежную форму, только на короткое время; теперь таже мѣновая стоимость, въ обращеніи по формулѣ Д—Т—Д′, или въ обращеніи капитала, является вдругъ передъ нами, какъ нѣчто самостоятельное, одаренное собственнымъ независимымъ движеніемъ, въ которомъ и товаръ и деньги — только простыя формы, которыя она поочередно принимаетъ на себя. Мало того: вмѣсто того, чтобы выражать лишь взаимныя отношенія товаровъ, она вступаетъ теперь, такъ сказать, въ особенное отношеніе къ самой себѣ. Она отличаетъ себя, какъ первоначальную стоимость, отъ самой же себя, какъ прибавочной стоимости, будучи въ сущности тѣмъ же самымъ, потому что только отъ присоединенія прибавочной стоимости въ 10 ф. ст., затраченные 100 ф. ст. дѣлаются капиталомъ, и какъ только они стали имъ, ихъ различіе снова исчезаетъ и они являются однимъ и тѣмъ же, то-есть суммою въ 110 ф. ст.

Слѣдовательно, стоимость становится движущеюся стоимостью (Prozessirender Werth), движущимися деньгами, и, какъ таковая, является капиталомъ. Она выходитъ изъ обращенія, снова возвращается въ него, сохраняется и увеличивается въ немъ, приходитъ обратно въ увеличенномъ видѣ, и затѣмъ снова и снова начинаетъ тоже самое круговращеніе [13]). Д—Д′, деньги, порождающія деньги (money which begets money), таково опредѣленіе капитала, данное устами его первыхъ истолкователей, меркантилистовъ.

Покупка для продажи, или точнѣе, — покупка для продажи съ барышомъ, для продажи по болѣе дорогой цѣнѣ, — Д—Т—Д′ — представляетъ, повидимому, форму, присущую только одному роду капитала — купеческому капиталу. Но и промышленный капиталъ есть также деньги, которыя превращаются сперва въ товары, а потомъ, вслѣдствіе продажи товаровъ, превращаются обратно въ бóльшее количество денегъ. Акты, которые при этомъ совершаются между покупкою и продажею, внѣ сферы обращенія, не измѣняютъ собою ничего въ этой формѣ движенія. Наконецъ, въ капиталѣ дающемъ проценты, формула Д—Т—Д′ является сокращенною, выраженною, такъ сказать, въ лапидарномъ (сжатомъ) стилѣ: здѣсь мы видимъ одинъ только результатъ, безъ связывающаго звена, — Д—Д′, то-есть деньги, которыя

---

[11]) «Не самая вещь составляетъ капиталъ, но стоимость этой вещи». (J. B. Say «Traité de l'Econ. Polit. 3-ème ed. Paris, 1817, t. I, p. 428).

[12]) «Деньги (currency!), затраченныя съ производительною цѣлью, суть капиталъ». (Mac Leod: «The Theory and Practice of Banking, London, 1855», v. I, c. I). «Капиталъ это — сумма потребительныхъ стоимостей (commodities)». (James Mill: «Elements of Polit. Econ., Lond., 1821», p. 74).

[13]) «Капиталъ... постоянная, увеличивающаяся стоимость (Sismondi: «Nouveaux Principes de l'Econ. Polit.», t. I, p. 90).

равны бо̀льшему количеству денегъ, или стоимость, которая больше чѣмъ она сама.

Стало быть, въ дѣйствительности, формула Д—Т—Д'—есть общая формула капитала, какимъ онъ является непосредственно въ сферѣ обращенія.

2) Противорѣчія общей формулы.

Та формула обращенія, въ которой деньги являются капиталомъ, точно также, какъ куколка становится бабочкою, находится въ противорѣчіи со всѣми ранѣе развитыми нами законами относительно природы товара, стоимости, денегъ и даже самаго обращенія. Эта формула отличается отъ простого обращенія товаровъ и заключается въ обратной послѣдовательности тѣхъ же самыхъ двухъ противоположныхъ процессовъ,—продажи и покупки. Почему-же это чисто формальное различіе могло, какъ будто какимъ-то волшебствомъ, измѣнить самый характеръ этихъ процессовъ?

Кромѣ того: эта обратная послѣдовательность существуетъ только для одного изъ трехъ лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ. Какъ капиталистъ, я покупаю товаръ у *A* и снова перепродаю его *B*; а какъ простой владѣлецъ товаровъ, я сперва продалъ бы свой товаръ *B*, и потомъ уже купилъ бы товаръ у *A*. Для лицъ *A* и *B* такого различія не существуетъ. Они являются при этомъ лишь какъ покупщикъ или продавецъ товаровъ. Да и я самъ выступаю каждый разъ по отношенію къ этимъ лицамъ или какъ простой владѣлецъ денегъ, или какъ владѣлецъ товаровъ, или какъ покупщикъ, или какъ продавецъ, и, хотя въ этихъ обоихъ послѣдовательныхъ процессахъ, я всегда являюсь, по отношенію къ одному изъ лицъ, только какъ покупщикъ, а, по отношенію къ другому, только какъ продавецъ; по отношенію къ одному,—только какъ деньги, а по отношенію къ другому,—только какъ товаръ; но ни по отношенію ни къ одному изъ нихъ не являюсь я, какъ капиталъ, какъ капиталистъ, или какъ представитель чего бы то ни было бо̀льшаго, чѣмъ деньги или товаръ, или могущаго имѣть какое-нибудь другое вліяніе, кромѣ того, которое оказывается обыкновенно деньгами или товаромъ. Для меня покупка товара у *A*, и продажа этого товара *B*, являются въ извѣстной послѣдовательности. Но это только для меня существуетъ связь между этими двумя актами. *A* мало дѣла до моей сдѣлки съ *B*, а *B*—до моей сдѣлки съ *A*. И если бы мнѣ даже вздумалось объяснить имъ ту особенную выгоду, которую я извлекаю вслѣдствіе обратной послѣдовательности процессовъ покупки и продажи, они постарались бы доказать мнѣ, что я ошибаюсь относительно самой послѣдовательности процессовъ въ данномъ случаѣ, и что наша сдѣлка, если разсматривать во всемъ ея цѣломъ, вовсе не началась покупкою и не окончилась продажею, какъ я увѣряю, но, совершенно наоборотъ, началась продажей и закончилась покупкою. И дѣйствительно, мой первый актъ, покупка, съ точки зрѣнія *A*, былъ продажею; а мой послѣдній актъ, продажа, въ глазахъ *B*, былъ покупкою. Мало того, *A* и *B* постараются еще объяснить мнѣ, что вся послѣдовательность моихъ актовъ была совершенно излишнею и есть не что иное, какъ фокусъ. *A* будетъ продавать свой товаръ прямо *B*, а *B* будетъ покупать прямо отъ *A*. Съ тѣмъ вмѣстѣ и вся сдѣлка сокращается и сводится къ одному одностороннему акту простаго обращенія товаровъ, къ обыкновенной продажѣ, съ точки зрѣнія *A*, или къ простой покупкѣ, съ точки зрѣнія *B*. Такимъ образомъ, при помощи одной лишь обратной послѣдовательности процессовъ покупки и продажи намъ не удалось выйти изъ сферы простого обращенія товаровъ, и поэтому мы должны разсмотрѣть теперь, допускаетъ-ли вообще эта форма обращенія по своей природѣ—возрастаніе въ величинѣ входящихъ въ нее стоимостей, слѣдовательно образованіе прибавочной стоимости.

Посмотримъ на процессъ обращенія въ той формѣ, когда онъ представляется намъ какъ простой обмѣнъ товаровъ. Это происходитъ всегда въ томъ случаѣ, когда оба владѣльца товаровъ покупаютъ товары другъ у друга и затѣмъ, въ извѣстный день, сводятъ балансъ своимъ обоюднымъ денежнымъ претензіямъ. Ясно, что деньги служатъ здѣсь просто лишь средствомъ счисленія, для выраженія стоимостей товаровъ въ ихъ цѣнахъ, но не являются, по отношенію къ этимъ товарамъ, въ самостоятельной, вещественной формѣ. Не менѣе ясно, что, поскольку дѣло касается потребительной стоимости, оба лица, участвующія въ обмѣнѣ, могутъ при этомъ выиграть. Оба лица отдаютъ товары, которые, какъ потребительная стоимость, безполезны для нихъ, и пріобрѣтаютъ въ обмѣнъ товары, которые имъ нужны для потребленія. Но эта прибыль можетъ быть не единственною пользою, извлекаемою обоими лицами изъ взаимнаго обмѣна, *A*, продающій вино и покупающій рожь, производитъ, можетъ быть, болѣе вина, чѣмъ сколько могъ бы произвести въ то же самое время продавецъ ржи, *B*; — а *B* производитъ, можетъ быть, въ это время, болѣе ржи, чѣмъ сколько могъ бы произвести ея продавецъ вина, *A*. Стало быть, *A* получаетъ за ту же самую мѣновую стоимость болѣе ржи, а *B*—болѣе вина, чѣмъ если бы каждый изъ нихъ, не прибѣгая къ обмѣну, вздумалъ самъ производить и рожь и вино, необходимыя для его потребленія. Слѣдовательно, по отношенію къ потребительной стоимости, можно сказать, что «обмѣнъ есть такая сдѣлка, въ которой обѣ стороны выигрываютъ» [14]). Совсѣмъ не то по

[14]) «Обмѣнъ замѣчательная сдѣлка, въ которой обѣ договаривающіяся стороны выигрываютъ— всегда (!)». (Destutt de Tracy: «Traitè de la Volontè et de ses Effets». Paris, 1826. p. 68).

отношенію къ мѣновой стоимости. «Человѣкъ, у котораго много вина и нѣтъ ни зерна ржи, входитъ въ сдѣлку съ человѣкомъ, у котораго много ржи и совсѣмъ нѣтъ вина; при этомъ нѣкоторое количество ржи, представляющее напримѣръ 50 единицъ стоимости, вымѣнивается на нѣкоторое количество вина, представляющее также 50 единицъ стоимости. Такой обмѣнъ не есть увеличеніе мѣновой стоимости ни для того, ни для другаго, потому что еще до обмѣна каждый изъ нихъ владѣлъ уже стоимостью, совершенно равною той, которую онъ получилъ посредствомъ этой операціи»[15]). Дѣло вовсе не измѣняется, если деньги являются здѣсь посредникомъ между товарами, какъ средство обращенія, и если акты продажи и покупки становятся такимъ образомъ осязательно отдѣльными одинъ отъ другаго[16]). Стоимость товаровъ выражается въ ихъ цѣнахъ, еще до поступленія ихъ въ обращеніе, и представляетъ слѣдовательно условіе, предшествовавшее обращенію, а не результатъ его[17]).

Если мы разсмотримъ дѣло абстрактно, т. е. независимо отъ обстоятельствъ, не вытекающихъ изъ законовъ, свойственныхъ простому обращенію товаровъ, то увидимъ, что, кромѣ замѣны одной потребительной стоимости другою, въ этомъ обращеніи происходитъ только метаморфоза, простое измѣненіе формы товара. Та же самая мѣновая стоимость, т. е. то же самое количество воплощеннаго общественнаго труда, остается, постоянно въ рукахъ того же самаго владѣльца товаровъ, сперва въ видѣ его собственнаго товара, затѣмъ въ видѣ денегъ, въ которыя превращается этотъ товаръ, наконецъ въ видѣ другаго товара, въ который вновь превращаются эти деньги. Такая перемѣна формъ не заключаетъ въ себѣ никакого измѣненія въ величинѣ стоимости. Перемѣна же, которую испытываетъ въ этомъ процессѣ сама мѣновая стоимость товара, заключается лишь въ измѣненіи ея денежной формы. Сперва эта форма существуетъ какъ цѣна предлагаемаго на продажу товара; потомъ она является какъ та самая сумма денегъ, которая уже была выражена въ этой цѣнѣ и, наконецъ, какъ цѣна другаго эквивалентнаго товара. Но отъ подобнаго измѣненія формы, величина стоимости, сама по себѣ, нисколько не измѣнится, какъ не измѣнится при размѣнѣ пятифунтоваго банковаго билета на соверены, полусоверены и шиллинги. Слѣдовательно, насколько обращеніе товаровъ обусловливаетъ лишь перемѣну въ формѣ ихъ мѣновой стоимости, оно обусловливаетъ всегда,— если явленіе происходитъ чисто,—обмѣнъ эквивалентовъ на эквиваленты. Поэтому даже сама легковѣсная политическая экономія, — какъ ни плохо она догадывается о томъ, что такое стоимость,—считаетъ необходимымъ,—каждый разъ, когда она хочетъ разсматривать по своему это явленіе въ чистомъ видѣ, — предположить, что запросъ и предложеніе взаимно покрываютъ другъ друга, т. е. что дѣйствіе ихъ вообще равно нулю. Итакъ, если, по отношенію къ потребительной стоимости, оба лица, вступающія въ обмѣнъ, могутъ выиграть, то они никакъ не могутъ выиграть оба по отношенію къ мѣновой стоимости. Здѣсь скорѣе можно примѣнить правило: «тамъ, гдѣ существуетъ равенство, не можетъ быть никакой выгоды[18]). Хотя товары и могутъ иногда продаваться по цѣнамъ, которыя ниже ихъ истинной стоимости, но такое отступленіе есть нарушеніе закона, которому подчиняется обмѣнъ товаровъ[19]). Въ своемъ чистомъ видѣ, обмѣнъ товаровъ является всегда обмѣномъ эквивалентовъ, и не имѣетъ въ себѣ слѣдовательно никакого средства для обогащенія большимъ количествомъ стоимости[20]).

И каждая попытка — представить обращеніе товаровъ какъ источникъ происхожденія прибавочной стоимости—скрываетъ въ себѣ въ большинствѣ случаевъ какой-нибудь quid pro quo, смѣшиваніе потребительной стоимости съ мѣновою Такъ, напримѣръ, Кондильякъ говоритъ: «Совершенно несправедливо, будто бы при обмѣнѣ товаровъ равныя стоимости обмѣниваются на равныя. Дѣло происходитъ совершенно наоборотъ. Каждая изъ обмѣнивающихъ сторонъ всегда даетъ меньшую стоимость за большую..... Если бы люди дѣйствительно размѣнивались равными стоимостями, то такой обмѣнъ не могъ бы представлять никакой выгоды ни для одной изъ сторонъ. Однако, обѣ стороны выигрываютъ, или, по крайней мѣрѣ, должны были бы выиграть. А почему? Потому что стоимость вещи находится въ зависимости отъ нашихъ

Та же самая книга вышла позднѣе подъ заглавіемъ: «Traité de l'Ec. Pol.».

15) Mercier de la Rivière, l. c., p. 544.

16) «Будетъ-ли представлять деньги одна изъ этихъ двухъ стоимостей, или обѣ онѣ будутъ представлять какіе-нибудь обыкновенные товары, —это все равно: ничего не можетъ быть болѣе безразличнымъ само по себѣ, какъ это обстоятельство». (Mercier de la Rivière, l. c., p. 543).

17) «Цѣна предмета назначается вовсе не договаривающимися сторонами, такъ какъ цѣна эта уже опредѣлена до сдѣлки» (Le Trosne, з. 906).

18) «Dove è egualità, non è lucro» Caliani «Della Moneta» въ Custodi: Parte Moderna, t. IV, p. 244).

19) «Обмѣнъ дѣлается невыгоднымъ для одной изъ сторонъ, если какое нибудь постороннее обстоятельство уменьшаетъ или увеличиваетъ настоящую цѣну; равенство въ этомъ случаѣ оказывается нарушеннымъ; но зло происходитъ отъ этого обстоятельства, а не отъ самаго обмѣна». (Le Trosne, l. c., p. 904).

20) «Обмѣнъ, по существу своему есть договоръ равенства, гдѣ за одну стоимость дается другая, равная ей стоимость. Слѣдовательно, онъ не есть средство разбогатѣть, такъ какъ каждый отдаетъ столько же, сколько получаетъ». (Le Trosne, l. c., p. 904).

потребностей. То, что для одного стоитъ болѣе, для другого стоитъ менѣе, и наоборотъ. Трудно допустить, что мы станемъ продавать вещи, безусловно необходимыя для нашего собственнаго существованія..... Мы продаемъ безполезную для насъ вещь для того, чтобы получить вмѣсто нея вещь, необходимую для насъ; мы стремимся всегда отдать меньшее за большее.... Замѣчая, что каждая изъ двухъ взаимно обмѣнивающихся вещей, по своей стоимости равняется одному и тому же количеству денегъ, весьма естественно было вообразить себѣ, что при обмѣнѣ равныя стоимости обмѣниваются на равныя..... Но тутъ нужно было принять въ расчетъ другое соображеніе: спрашивается, — не обмѣниваемъ-ли мы всегда нашего излишка на нѣчто для насъ необходимое?» [21]). Ясно,что Кондильякъ не только смѣшиваетъ при этомъ потребительную стоимость съ мѣновою, но еще вдобавокъ, на мѣсто общества съ развитымъ обращеніемъ товаровъ, окъ, съ чисто младенческимъ простодушіемъ подставляетъ такое общество, въ которомъ производитель самъ производитъ средства для своего существованія и отдаетъ въ обмѣнъ только излишекъ, т. е. то, что остается у него за удовлетвореніемъ его собственныхъ нуждъ [22]). Тѣмъ не менѣе аргументъ Кондильяка повторяется очень часто современными экономистами, а именно, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы представить развитую формуобращенія товаровъ, называемую торговлею, какъ источникъ происхожденія прибавочной стоимости. Вотъ напримѣръ обращикъ: «Торговля увеличиваетъ стоимость продуктовъ противъ первоначальной, потому что тѣ же самые продукты имѣютъ въ рукахъ потребителя большую стоимость, чѣмъ та, какую они имѣли въ рукахъ производителя; а поэтому торговлю, въ строгомъ смыслѣ слова (strictly), слѣдуетъ разсматривать какъ актъ производства» [23]). Но никто не станетъ платить за товары вдвойнѣ: одинъ разъ за ихъ потребительную, а другой разъ — за ихъ мѣновую стоимость. И если потребительная стоимость товара полезнѣе для покупателя, чѣмъ для продавца, то и его денежная форма полезнѣе для продавца, чѣмъ для покупателя. Въ противномъ случаѣ зачѣмъ онъ сталъ бы продавать? Подражая примѣру Newman'а, мы могли бы съ такимъ же точно основаніемъ сказать, что, говоря строго (strictly), покупатель совершаетъ «актъ производства», когда онъ превращаетъ въ деньги, напримѣръ носки, которыми торгуетъ купецъ.

Обмѣнивайся товары на товары или на деньги, представляющія точно такую же мѣновую стоимость, т. е., обмѣнивайся они между собою какъ эквиваленты, понятно, что въ такомъ случаѣ никто не могъ бы получать изъ обращенія болѣе того, сколько онъ далъ въ обращеніе; и не могло бы образоваться при обращеніи никакой прибавочной стоимости. Въ своей чистой формѣ поцессъ обращенія товаровъ и требуетъ именно обмѣна эквивалентовъ на эквиваленты. Но, въ дѣйствительности вещи не происходятъ такъ чисто, какъ въ теоріи. Поэтому допустимъ существованіе обмѣна стоимостей, неэквивалентныхъ между собою, и посмотримъ къ чему приведетъ насъ изслѣдованіе этого случая.

На товарномъ рынкѣ мы находимъ лишь товары и владѣльцевъ товаровъ: противъ одного владѣльца товаровъ выступаетъ каждый разъ другой владѣлецъ товаровъ и единственная власть и вліяніе, которыя они имѣютъ одинъ надъ другимъ, это власть принадлежащихъ имъ товаровъ. Вещественной причиной обмѣна является вещественное различіе товаровъ, благодаря этой причинѣ, владѣльцы товаровъ становятся взаимно-зависимыми другъ отъ друга; такъ какъ каждый изъ нихъ не держитъ въ своихъ рукахъ предмета своей собственной потребности, но за то имѣетъ въ рукахъ предметъ потребности другаго. Помимо этого вещественнаго различія въ потребительной стоимости, между товарами существуетъ еще только одно различіе, а именно различіе между ихъ натуральною формою и между ихъ превращенною формою, между товаромъ и деньгами. Почему владѣльцы товаровъ отличаются между собою только или какъ продавцы, т. е. держатели товаровъ, или какъ покупатели т. е. держатели денегъ.

Допустимъ теперь, что по какой нибудь необъяснимой привилегіи, продавецъ пріобрѣлъ право продавать товаръ выше его настоящей стоимости, напримѣръ за 110 вмѣстѣ 100, т. е. съ номинальною надбавкою цѣны въ 10%. Слѣдовательно продавецъ кладетъ въ свой кошелекъ прибавочную стоимость въ 10%. Но затѣмъ тотъ же продавецъ становится покупщикомъ. На встрѣчу ему выходитъ теперь какой-нибудь третій владѣлецъ товаровъ и, въ свою очередь, пользуется привилегіей продавать товаръ на 10% выше его

---

[21]) Conpillac: «Le Commerce et le Gouvernement» (1776). «Edit. Daire et Molinari въ Mèlanges d'Economie Politique. Paris, 1847», p. 267).

[22]) Поэтому Le Trosne совершенно вѣрно отвѣчаетъ своему другу Кондильяку: «Въ обществѣ, вполнѣ сформировавшемся, не можетъ быть никакого рода излишка». Въ тоже время онъ поддразниваетъ Кондильяка, замѣчая, что, «если одно изъ лицъ, участвующихъ въ обмѣнѣ, получаетъ во столько же разъ болѣе того, что оно даетъ, во сколько и другое лицо, то каждое изъ двухъ лицъ получаетъ, въ такомъ случаѣ, ровно столько же, какъ и другое».—Такъ какъ Кондильякъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое мѣновая стоимость, поэтому онъ является самымъ подходящимъ авторитетомъ для господина профессора Wilhelm Roscher'a, при его собственныхъ ребяческихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Смотри его «Die Grundlagen der Mationalöconomie. Dritte Auflage, 1858».

[23]) S. P. Newman: Elements of Polit. Econ. Andover and Now-Jork. 1835, p. 85.

истинной стоимости. Итакъ, первый купецъ выигралъ 10% какъ продавецъ, для того только, чтобы потерять тѣже 10% какъ покупатель [24]). Въ общемъ дѣло представляется въ дѣйствительности такимъ образомъ, что всѣ владѣльцы товаровъ продаютъ другъ другу свои товары съ 10% надбавкой противъ ихъ стоимости почему результатъ получается такой же, какъ если бы они продавали свои товары по ихъ истинной стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка на цѣны товаровъ производитъ точно такое же дѣйствіе какъ если бы мы стали выражать стоимости товаровъ, напримѣръ, въ серебрѣ, вмѣсто того, чтобы выражать ихъ въ золотѣ: денежныя выраженія, т. е. цѣны товаровъ, увеличились бы, но отношенія между ихъ стоимостями остались бы безъ перемѣны

Допустимъ теперь, наоборотъ, что покупатель заручился привилегіей покупать товары ниже ихъ настоящей стоимости. Можно даже не напоминать, что покупатель станетъ въ свое время также продавцемъ: онъ былъ уже продавцемъ прежде, чѣмъ сталъ покупателемъ; онъ потерялъ уже 10% какъ продавецъ, прежде, чѣмъ выигралъ 10% какъ покупатель [25]). Слѣдовательно все опять остается по прежнему.

Образованіе прибавочной стоимости, а слѣдовательно и превращеніе денегъ въ капиталъ, нельзя стало быть объяснить ни тѣмъ, что продавцы берутъ за свои товары дороже ихъ настоящей стоимости, ни тѣмъ, что покупатели платятъ за нихъ дешевле этой стоимости [26]).

Мы нисколько не упростимъ нашу задачу, если, для рѣшенія ея, введемъ даже такія отношенія, которыя совершенно чужды дѣлу, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, полковникъ Torrens, который говоритъ: «Дѣйствительный (effective) запросъ заключается въ возможности и склонности (!) потребителей давать за товары,—при помощи непосредственнаго или посредственнаго обмѣна,—извѣстную часть.. капитала, большую той, что стоитъ ихъ производство [27])». Въ сферѣ обращенія, производители и потребители являются въ отношеніи другъ къ другу только какъ продавцы и покупатели. Утвержденіе, что производитель получаетъ прибавочную стоимость вслѣдствіе того, что потребитель платитъ за товары выше ихъ настоящей стоимости, мы только маскируемъ простое положеніе: владѣлецъ товаровъ, какъ продавецъ, имѣетъ привилегію продавать товары дороже того, что они стоятъ. Продавецъ или самъ произвелъ свои товары, или заступаетъ мѣсто ихъ производителей, представляя ихъ собою; но и покупатель, точно также, или самъ произвелъ товары, представляемые его деньгами, или заступаетъ мѣсто производителей этихъ товаровъ. Стало быть, при этомъ производитель выступаетъ противъ производителя. Все ихъ отличіе заключается лишь въ томъ, что одинъ изъ нихъ покупаетъ, а другой продаетъ. Итакъ мы нисколько не приблизились къ рѣшенію вопроса, вслѣдствіе предположенія, что владѣлецъ товаровъ, подъ именемъ производителя, продаетъ товары выше ихъ стоимости, а, подъ именемъ потребителя—платитъ за нихъ дороже того, что они стоятъ [28]).

Послѣдовательные защитники ошибочной иллюзіи, будто-бы прибавочная стоимость является вслѣдствіе номинальной надбавки на цѣны, т. е. вслѣдствіе привилегіи продавца продавать товары дороже ихъ стоимости,—предполагаютъ, поэтому, существованіе особаго класса, который только покупаетъ, но не продаетъ, слѣдовательно только потребляетъ, не производя самъ ничего. Съ точки зрѣнія, до которой мы успѣли достигнуть до сихъ поръ, т. е. съ точки зрѣнія простого обращенія, существованіе подобнаго класса людей—совершенно необъяснимо. Но забѣжимъ нѣсколько впередъ и разсмотримъ этотъ случай. Деньги, на которыя этотъ классъ постоянно покупаетъ, должны также постоянно переходитъ въ его карманъ изъ кармана самихъ владѣльцевъ товаровъ, и притомъ безъ всякаго обмѣна, даромъ, на основаніи силы или права. Но продавать этому классу товары выше ихъ стоимости, значитъ только оттягивать у него хитростью часть денегъ, отданныхъ ему ранѣе даромъ [29]). Такъ напримѣръ, малоазійскіе города платили

---

[24]) Возвышеніемъ номинальной стоимости продукта..... продавцы не могутъ обогатиться..... такъ какъ все то, что они выигрываютъ, какъ продавцы, они опять теряютъ въ качествѣ покупателей». («The Essential Principles of the Wealth of Nation etc. London, 1797». p. 66).

[25]) «Если человѣкъ вынужденъ отдавать за 18 ливровъ такое количество продукта, которое стоитъ 24, то когда онъ употребитъ эти самыя деньги на покупку, ему также дадутъ за 18 ливр. то, за что онъ долженъ былъ бы заплатить 24». (Le Trosne, l. c., p. 897).

[26]) «Ни одинъ продавецъ не можетъ постоянно продавать свои товары выше ихъ стоимости, не рискуя въ тоже время, что ему самому придется платить постоянно дороже за товары другихъ продавцевъ; и, по той же самой причинѣ, никакой покупатель не можетъ постоянно платить за все дешевле, чѣмъ слѣдуетъ, не подвергаясь въ тоже время такому же уменьшенію въ цѣнѣ товаровъ, которые придется ему самому продавать». (Mercier de la Rivière, l. c., p. 555).

[27]) R. Torrens: «An Essay on the Production of Wealth». London. 1821, p. 349.

[28]) «Идея о барышахъ, полученныхъ съ потребителей, есть конечно нелѣпая идея. Кто такіе эти потребители?» (G. Ramsay: «An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836», p. 184).

[29]) «Если купцу тяжело отъ недостатка сбыта, неужели же г. Malthus посовѣтуетъ ему дать денегъ какому нибудь лицу для того, чтобы это лицо на полученныя деньги могло купить у него товаровъ?» спрашиваетъ одинъ раздраженный рикардіанецъ у Мальтуса, который, подобно его ученику, пастору Chalmers, прославляетъ экономическое значеніе класса исключительныхъ

древнему Риму ежегодную денежную дань. На эти деньги Римъ покупалъ у нихъ товары, и платилъ за нихъ дороже ихъ истинной стоимости. Малоазійцы надували римлянъ, оттягивая у своихъ побѣдителей, при помощи торговли, часть той дани, которую сами же имъ платили. Но въ концѣ концовъ, обманутыми оказывались малоазійцы, такъ какъ за ихъ товары платили имъ, во всякомъ случаѣ, ихъ же собственными деньгами. Слѣдовательно, это вовсе не тотъ путь, который можетъ привести къ обогащенію, или къ образованію прибавочной стоимости.

Будемъ же, поэтому, держаться въ границахъ обмѣна товаровъ, гдѣ всѣ продавцы—въ тоже время покупатели, и гдѣ всѣ покупатели—продавцы. Возможно, что наше затрудненіе происходитъ только отъ того, что до сихъ поръ мы разсматривали личности просто какъ олицетворенныя категоріи, и не принимали въ расчетъ различныхъ индивидуальностей, свойственныхъ этимъ личностямъ.

Владѣлецъ товаровъ *A* можетъ быть такъ хитеръ, что постоянно надуваетъ своихъ товарищей *B* и *C*, которые, несмотря на ихъ сильнѣйшее желаніе,—все не могутъ ему отплатить тѣмъ-же. *A* продаетъ *B* вино, стоимостью въ 40 ф. ст., и пріобрѣтаетъ въ обмѣнъ за него рожь, стоимостью въ 50 ф. ст. *A* превратилъ свои 40 ф. ст. въ 50 ф. ст., т. е. меньшее количество денегъ въ большее количество ихъ, т. е. онъ превратилъ свой товаръ въ капиталъ. Но разсмотримъ эту сдѣлку по внимательнѣе. До обмѣна, мы имѣли на 40 ф. ст. вина въ рукахъ *A* и на 50 ф. ст. ржи въ рукахъ *B*, т е. общую стоимость въ 90 ф. ст. Послѣ обмѣна, у насъ осталось опять та-же самая общая стоимость въ 90 ф. ст. Стоимость, находящаяся въ обращеніи, не увеличилась ни однимъ атомомъ; измѣнилось только ея распредѣленіе между *A* и *B*. То, что на одной сторонѣ является увеличеніемъ стоимости, на другой сторонѣ оказывается ея уменьшеніемъ; то, что представляется здѣсь какъ плюсъ, является тамъ какъ минусъ. Результатъ былъ бы тотъ же самый, если бы *A* прямо укралъ 10 ф. ст. у *B*, не прибѣгая къ обмѣну, который здѣсь только прикрываетъ настоящую сущность дѣла. Ясно, что никакія измѣненія въ распредѣленіи суммы находящихся въ обращеніи стоимостей не въ состояніи увеличить этой суммы подобно тому, какъ еврей, продающей фартингъ временъ королевы Анны за гинею, нисколько этимъ не увеличиваетъ количества обращающихся въ странѣ благородныхъ металловъ. Разсматриваемый какъ одно цѣлое, весь классъ капиталистовъ въ какой-нибудь странѣ, не можетъ надуть самъ себя [30]).

Итакъ, какъ ни изворачивайся, какъ ни вертись, въ результатѣ получается одно и то-же: если эквиваленты обмѣниваются на эквиваленты, — не получается никакой прибавочной стоимости; и если обмѣниваются стоимости неэквивалентныя между собою, то опять таки не образуется прибавочной стоимости [31]). Однимъ словомъ, обращеніе или обмѣнъ товаровъ не создаетъ никакой новой стоимости [32]).

Теперь, читатель понимаетъ, почему въ нашемъ анализѣ основной формы капитала, той формы, которою опредѣляется экономическая организація новаго общества, мы не обратили пока никакого вниманія на его популярнѣйшія и такъ сказать допотопныя формы, — торговый капиталъ и ростовщическій капиталъ.

Форма Д — Т — Д′, т. е. покупка съ цѣлью перепродажи по болѣе высокой цѣнѣ, въ настоящемъ торговомъ капиталѣ проявляется всего яснѣе; — все его движеніе происходитъ внутри сферы обращенія. Но такъ какъ, ни превращеніе денегъ въ капиталъ, ни образованіе прибавочной стоимости, нельзя объяснить законами самого обращенія то и самый торговый капиталъ, при обмѣнѣ эквивалентныхъ стоимостей, представляется намъ невозможнымъ [33]), и существованіе его можно объяснить только, допустивъ двойной обманъ и покупающаго и продающаго

покупателей и потребителей. Смотри: «An Induiry into those principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated dy Mr. Malthus etc.». London, 1821. p. 55.

[30]) Destutt de Tracy, — хотя и членъ института, или, можетъ быть, именно потому, что членъ института—придерживался противоположнаго мнѣнія. Капиталисты, занимающіеся индустріею, говоритъ онъ, получаютъ свои барыши изъ того, «что они продаютъ всякую вещь дороже того, что стоило ея производство. Но кому-же они продаютъ свои произведенія? Во-первыхъ другъ другу» (l. c. p. 233).

[31]) «Отъ обмѣна двухъ равныхъ стоимостей одна на другую, масса стоимостей, существующихъ въ обществѣ, не увеличивается и не уменьшается. Обмѣнъ двухъ неравныхъ стоимостей... также не измѣняетъ суммы стоимостей всего общества, хотя онъ и увеличиваетъ состояніе одного на счетъ состоянія другаго». (J. B. Say, l. c. t. I, p. 434, 435). Say, весьма естественно, нисколько не заботится о послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ этого положенія, заимствованнаго имъ буквально у физіократовъ. До чего онъ эксплуатировалъ, ради увеличенія своей собственной «стоимости», сочиненія этихъ писателей, почти совершенно позабытыя въ его время, видно изъ слѣдующаго примѣра: «Знаменитое» положеніе monsieur Sau: «on n'achète des produits qu'avec des produits» (l. c. t. II, p. 438. «Продукты покупаются только на продукты»), въ оригиналѣ физіократовъ изложено слѣдующимъ образомъ: «Les productions ne se paient qu'avec des productions». (Le Trosne, l. c. p. 899).

[32]) «Обмѣнъ не прибавляетъ къ продукту никакой стоимости». (F. Wayland: «The Elements of Polit. Econ. Boston. 1853», p. 168).

[33]) «При господствѣ постоянныхъ эквивалентовъ, торговля была-бы невозможна». (G. Opdyke: «A Treatise on polit. Economy». New-Jork.

производителя товаровъ, втершися между ними паразитомъ-купцомъ. Въ этомъ смыслѣ Франклинъ говоритъ: «Война есть грабежъ вооруженною рукою, торговля есть воровство-мошенничество [34])». Если увеличеніе торговаго капитала отъ обращенія и нельзя объяснять однимъ только обманомъ производителей товаровъ, то, во всякомъ случаѣ, для объясненія этого явленія, нуженъ цѣлый длинный рядъ промежуточныхъ членовъ, пока совершенно неизвѣстныхъ намъ, такъ какъ обращеніе товаровъ и его простые моменты являются единственными предположеніями, которыя имѣются пока въ нашемъ распоряженіи.

Что сказано о торговомъ капиталѣ, то можетъ быть примѣнено еще съ большимъ основаніемъ къ ростовщическому капиталу. Въ торговомъ капиталѣ, оба крайніе члена, т. е. сумма денегъ, отдаваемая въ обращеніе на торговый рынокъ, и та бо́льшая сумма денегъ, вслѣдъ за тѣмъ извлекаемая изъ рыночнаго обращенія, отдѣлены по крайней мѣрѣ одна отъ другой посредствомъ покупки и продажи, посредствомъ движенія обращенія. Наоборотъ, въ ростовщическомъ капиталѣ, формула до того сокращена, что остаюгся только два крайніе члена, безъ всякаго промежуточнаго, посредствующаго члена между ними, Д—Д', т. е. деньги, вымѣнивающіяся прямо на большее количество денегъ, или такая форма, которая противорѣчитъ самой сущности денегъ, а потому не можетъ быть вовсе объяснена съ точки зрѣнія обмѣна товаровъ. Аристотель говоритъ: «хрематистика бываетъ двухъ родовъ: одна принадлежитъ торговлѣ, другая относится къ экономикѣ; послѣдняя всецѣло необходима и похвальна, тогда какъ первая основывается на обращеніи и справедливо осуждается (такъ какъ она основана не на природѣ, а на взаимномъ обманѣ); какъ ростовщичество совершенно справедливо пользуется всеобщею ненавистью, благодаря тому, что сами деньги являются при этомъ источникомъ наживы, и служатъ совсѣмъ не для того, для чего онѣ были изобрѣтены; такъ какъ ихъ придумали для того, чтобы содѣйствовать обмѣну товаровъ; благодаря-же процентамъ, изъ денегъ получается большее количество денегъ. Отсюда же и названіе ихъ (τόκος значитъ процентъ и, въ тоже время—порожденіе); потому что порожденія походятъ на своихъ родителей. Слѣдовательно проценты—это деньги отъ денегъ; и изъ всѣхъ отраслей промышленности, этотъ промыселъ есть самый противный природѣ» [35]).

Далѣе мы увидимъ, что какъ торговый капиталъ, такъ и капиталъ, дающій проценты—производныя формы; мы узнаемъ также, почему эти формы исторически предшествуютъ появленію капитала въ его новой, основной формѣ.

Мы уже показали, что не можетъ появиться изъ обращенія прибавочной стоимости, и что, слѣдовательно, при образованіи ея, происходитъ, внѣ сферы обращенія, нѣчто въ ней невидимое [36]). Но можетъ-ли прибавочная стоимость появиться изъ чего бы то ни было другаго, кромѣ обращенія? Обращеніе является суммой всѣхъ взаимныхъ отношеній владѣльцевъ товаровъ. Внѣ этой сферы, единственныя отношенія, которыя имѣетъ владѣлецъ товаровъ, это отношенія къ его собственному товару. Эти отношенія въ отношеніи стоимости товара, ограничиваются тѣмъ, что товаръ имѣетъ въ себѣ извѣстное количество его собственнаго труда, измѣряемое опредѣленными общественными законами. Это количество труда выражается въ величинѣ стоимости его товара; а такъ какъ величина стоимости представляется въ деньгахъ, то количество труда выражается въ цѣнѣ товара, напримѣръ въ 10 ф. ст. Но трудъ владѣльца товара не выражается въ стоимости товара, плюсъ нѣкоторый излишекъ надъ этой самой стоимостью; онъ не выражается въ цѣнѣ, равной 10, 11 и т. д.,—онъ не выражается въ стоимости, большей, чѣмъ она сама. Владѣлецъ товара можетъ своимъ трудомъ создавать стоимости, но онъ не можетъ создавать самовозрастающихъ стоимостей. Прибавивъ къ существующей уже стоимости новую стоимость прибавленіемъ новаго труда,—что онъ дѣлаетъ, напримѣръ, когда изъ кожи изготовляетъ сапоги,—онъ можетъ возвысить стоимость товара. Тотъ-же самый товаръ имѣетъ теперь большую стоимость, потому что оно содержитъ въ себѣ большее количество труда. Поэтому сапогъ имѣетъ большую стоимость, чѣмъ кожа, хотя стоимость кожи не измѣнилась. Она нисколько не увеличилась и въ то время, пока работался изъ нея сапогъ, первоначальная стоимость кожи не возросла присоединеніемъ какой-либо прибавочной стоимости. Слѣдовательно и внѣ сферы обращенія для производителя товаровъ оказывается невозможнымъ, безъ столкновенія съ другими владѣльцами товаровъ, достигнуть того, чтобы извѣстная стоимость возростала сама въ своей величинѣ, безъ прибавленія съ его стороны новаго труда; т. е. для него является невозможнымъ, при такихъ условіяхъ, превратить свои деньги или товаръ въ капиталъ.

1851, p. 69). «Въ основаніи различія между реальною и мѣновою стоимостью находится тотъ фактъ, что стоимость всякой вещи отлична отъ такъ называемаго эквивалента, предлагаемаго за нее въ торговлѣ, т. е., что этотъ эквивалентъ вовсе не есть эквивалентъ». (F. Engels, l. c. p. 96).

[34]) Benjamin Franklin: Works, vol. II, edit. Sparks in: «Positions to be examined concerning National Wealth».

[35]) Arist. l. c. c. 10.

[36]) «При нормальныхъ условіяхъ рынка, прибыль не происходитъ изъ обмѣна. Если-бы она не существовала до обмѣна, — она не могла-бы получиться и послѣ этой сдѣлки». (Ramsay, l. c. p. 184).

Итакъ капиталъ не можетъ появиться изъ обращенія, и въ тоже время онъ не можетъ не возникнуть изъ обращенія. Онъ долженъ возникать, одновременно, и въ сферѣ обращенія и внѣ этой сферы.

Такимъ образомъ мы получили двоякій результатъ.

Превращеніе денегъ въ капиталъ должно быть объяснено на основаніи законовъ, которымъ подчиняется обмѣнъ товаровъ, такъ—чтобы обмѣнъ эквивалентовъ на эквиваленты составлялъ его исходный пунктъ [37]). Нашъ владѣлецъ денегъ,—изображающій пока какъ-бы гусеницу, которая только впослѣдствіи превратится въ капиталиста,—принужденъ покупать товары по ихъ дѣйствительной стоимости, продавать ихъ также по ихъ дѣйствительной стоимости, и, не смотря на это, въ концѣ процесса, у него должна получиться стоимость, больше той, которую онъ вложилъ въ обращеніе въ началѣ этого процесса. Тѣ метаморфозы, благодаря которымъ онъ превратится изъ гусеницы въ бабочку, т. е. въ капиталиста, должны происходить въ сферѣ обращенія и въ тоже время внѣ этой сферы. Таковы условія задачи. Hic Rhodus, hic salta!

[37]) Благодаря сдѣланнымъ нами выше разъясненіямъ, читатель понимаетъ, что эта фраза означаетъ, въ сущности, только слѣдующее: образованіе капитала должно быть возможно даже тогда, когда цѣна товаровъ равна ихъ стоимости. Образованіе капитала нельзя объяснять отступленіемъ цѣны товара отъ его стоимости. И если-бы цѣны дѣйствительно уклонялись отъ стоимостей, то сначала надо привести цѣны къ стоимостямъ, т. е. устранить это обстоятельство, какъ побочное и случайное, для того, чтобы получить явленіе образованія капитала, на основаніи обмѣна товаровъ, въ его чистомъ видѣ, такъ, чтобы изученіе этого явленія не было затемнено разными посторонними обстоятельствами, чуждыми его собственному движенію. Впрочемъ, извѣстно, что приведеніе такого рода, не есть только простой научный пріемъ. Непрерывныя колебанія рыночныхъ цѣнъ, ихъ повышенія и пониженія, покрываютъ одни другія, взаимно уничтожаются и приводятся сами къ средней цѣнѣ, какъ къ ихъ внутреннему уровню. Эта средняя цѣна служитъ путеводной звѣздой, напримѣръ, купца или промышленника во всякомъ предпріятіи, требующемъ для своего выполненія сколько нибудь значительнаго промежутка времени. Слѣдовательно, онъ знаетъ, что если разсматривать въ цѣломъ значительные промежутки времени, то оказывается, что товары продаются не ниже и не выше ихъ средней цѣны, но именно по этой средней цѣнѣ. Если-бы безпристрастное мышленіе было вообще въ интересахъ капиталиста, ему слѣдовало-бы поставить себѣ задачу происхожденія капитала такъ: какимъ образомъ можетъ образоваться капиталъ въ томъ случаѣ, когда цѣны регулируются среднею цѣною, т. е. въ послѣдней инстанціи, стоимостью товара? Я употребляю выраженіе «въ послѣдней инстанціи», потому что средніе цѣны не совпадаютъ точно съ величинами стоимостей товаровъ, какъ это воображаютъ А. Смитъ, Рикардо и другіе.

3) Покупка и продажа рабочей силы.

Измѣненіе стоимости денегъ, которыя должны превратиться въ капиталъ, не можетъ происходить въ самихъ этихъ деньгахъ, потому что, какъ средство покупки и расплаты, деньги реализуютъ собою лишь цѣну того товара, который покупается на нихъ, за который расплачиваются ими; между тѣмъ какъ постоянно оставаясь въ своей собственной формѣ, онѣ превращаются, какъ-бы въ окаменѣлое изображеніе извѣстной стоимости, опредѣленной и неизмѣнной въ своей величинѣ [38]). Измѣненіе это не можетъ происходить точно также и изъ втораго акта обращенія, т. е. при перепродажѣ товара, такъ какъ этимъ актомъ только превращается товаръ изъ его натуральной формы опять въ денежную форму. Слѣдовательно, измѣненіе должно происходить съ тѣмъ товаромъ, который покупается въ первомъ актѣ Д—Т; однако-же оно должно происходить не съ мѣновою стоимостью его, такъ какъ товары мѣняются въ эквивалентныхъ количествахъ, и за каждый товаръ платится по его стоимости; стало быть, измѣненіе должно происходить лишь изъ его потребительной стоимости, какъ таковой, т. е. изъ потребленія этого товара. Но для того, чтобы была извлечена мѣновая стоимость изъ потребленія какого-нибудь товара, нужно чтобы нашему капиталисту удалось отыскать внутри сферы обращенія, т. е. на рынкѣ, такой товаръ, потребительная стоимость котораго имѣла бы особенное свойство быть источникомъ мѣновой стоимости; такъ чтобы самое потребленіе этого товара было бы воплощеніемъ труда, т. е. созданіемъ новой стоимости. И такой товаръ владѣлецъ денегъ дѣйствительно находитъ на рынкѣ; товаръ этотъ есть способность трудиться или рабочая сила.

Способностью къ труду или рабочею силою мы считаемъ сумму физическихъ и умственныхъ способностей, находящихся въ организмѣ живой человѣческой личности, и которыя она пускаетъ въ ходъ каждый разъ, когда производитъ какую-бы то ни было потребительную стоимость.

Но, чтобы владѣлецъ денегъ могъ найти на рынкѣ рабочую силу какъ товаръ, для этого требуется предварительно существованіе нѣкоторыхъ условій. Самъ по себѣ, обмѣнъ товаровъ не заключаетъ никакихъ другихъ отношеній зависимости, которыя бы не вытекали изъ его собственной природы. Вслѣдствіе этого, рабочая сила можетъ явиться на рынкѣ какъ товаръ лишь потому и лишь настолько, насколько ея собственный владѣлецъ, т. е. лицо, чью рабочую силу она представляетъ, самъ отчуждаетъ или

[38]) «Въ формѣ денегъ... капиталъ не приноситъ никакой прибыли». (Ricardo: «Princ. oj Pol. Econ.» p. 267).

продаетъ ее какъ товаръ. Но, чтобы продавать ее какъ товаръ, владѣльцу ея необходимо имѣть возможность распоряжаться ею, т. е. быть свободнымъ собственникомъ своей собственной рабочей силы, своей собственной личности [39]). Владѣлецъ денегъ и владѣлецъ рабочей силы встрѣчаются на рынкѣ и вступаютъ въ сношеніе одинъ съ другимъ какъ два совершенно равноправные владѣльца товаровъ, все различіе ихъ между собою заключается лишь въ томъ, что одинъ изъ нихъ покупатель, а другой продавецъ—слѣдовательно, какъ личности, юридически равноправныя. Для дальнѣйшаго продолженія этого сношенія необходимо, чтобы собственникъ рабочей силы продавалъ ее только на опредѣленное время, потому что, если бы онъ продалъ всю свою рабочую силу гуртомъ, разъ навсегда, онъ продалъ бы вмѣстѣ съ этимъ самого себя, и превратился бы изъ свободнаго человѣка въ раба, изъ владѣльца товара—въ товаръ. Какъ личность, онъ долженъ постоянно относиться къ своей рабочей силѣ, какъ къ своей собственности, какъ къ принадлежащему ему товару: а относиться къ ней такимъ образомъ онъ можетъ только тогда, когда онъ уступаетъ ее лишь во временное распоряженіе покупателя, когда онъ предоставляетъ покупателю потребленіе ея только на опредѣленный срокъ, и такимъ образомъ, отчуждая ее, въ тоже время не отказывается отъ своихъ правъ собственности на нее [40]).

Второе необходимое условіе для того, чтобы владѣлецъ денегъ могъ найти на рынкѣ рабочую силу какъ товаръ, заключается въ томъ, чтобы владѣлецъ этой силы,—вмѣсто продажи товаровъ, въ которые воплотился его трудъ,—былъ бы вынужденъ продавать какъ товаръ самую свою рабочую силу, заключающуюся только въ его живомъ организмѣ, а не въ какихъ-либо матеріальныхъ предметахъ, въ которыхъ она воплотилась.

Но, чтобы продавать товары, отличные отъ рабочей силы, каждый весьма естественно долженъ имѣть средства производства, то-есть, напримѣръ, сырые матеріалы, рабочіе инструменты, и т. д. Не имѣя кожи, нельзя шить сапоговъ. Каждый долженъ обладать также средствами для поддержанія жизни. Никто не можетъ кормиться продуктами будущаго, или потребительными стоимостями, производство которыхъ еще не окончено; а между тѣмъ какъ, и въ первый день своего появленія на міровую сцену, человѣкъ вынужденъ потреблять ежедневно, и до, и во время производства. Если продукты производятся какъ товары, то они должны быть проданы послѣ того, какъ произведены, и только послѣ продажи они могутъ удовлетворять нужды и потребности производителя. Время, необходимое для ихъ продажи, присоединяется при этомъ ко времени, потребному для ихъ производства.

Итакъ, для превращенія своихъ денегъ въ капиталъ, владѣлецъ денегъ долженъ встрѣтить на товарномъ рынкѣ свободнаго работника, и притомъ свободнаго въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, онъ долженъ имѣть право, какъ свободная личность, распоряжаться своею рабочею силою, какъ своимъ собственнымъ товаромъ; а во-вторыхъ, онъ не долженъ имѣть никакихъ другихъ товаровъ для продажи, то-есть быть свободнымъ отъ всѣхъ вещей, необходимыхъ для воплощенія его труда и чтобы привести въ дѣйствіе его рабочую силу.

Вопросъ о томъ, почему находится такой свободный работникъ въ сферѣ обращенія, владѣльца денегъ нисколько не занимаетъ; онъ смотритъ на рабочій рынокъ просто какъ на особенный отдѣлъ товарнаго рынка. Пока этотъ вопросъ и насъ такъ же мало занимаетъ какъ и его. Мы держимся за этотъ фактъ теоретически точно такъ, какъ капиталистъ держится за него практи-

---

[39]) Въ энциклопедіяхъ о классической древности можно встрѣтить такую безсмыслицу, будто-бы въ античномъ мірѣ капиталъ былъ вполнѣ развитъ; «недоставало только свободнаго работника и кредитнаго устройства». Mommsen, въ своей «Römische Geschichte», впадаетъ въ такую же ошибку по отношенію къ Риму.

[40]) По этому различныя законодательства назначаютъ извѣстный maximum для продолжительности рабочихъ договоровъ. У всѣхъ народовъ, у которыхъ трудъ свободенъ, законы постановляютъ въ этомъ отношеніи извѣстныя условія, соблюденіе которыхъ необходимо при свидѣтельствованіи договора юридическимъ порядкомъ. У нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ у мексиканцевъ, рабство скрывается подъ особенною формою, которую американцы называютъ peonage. До американской гражданской войны пеонство (peonage) существовало также и въ американскихъ территоріяхъ, присоединенныхъ отъ Мексики; по сущности своей, совершенно подобное же явленіе существовало также въ придунайскихъ княжествахъ до переворота, произведеннаго Кузою. Сущность пеонства заключается въ томъ, что за полученныя ссуды, выплачиваемыя трудомъ, и которыя переходятъ съ одного поколѣнія на другое, не только отдѣльный работникъ, но и вся его семья становятся въ дѣйствительности собственностью другихъ лицъ и ихъ семействъ. Хуаресъ уничтожилъ пеонство (peonage). Но императоръ Максимиліанъ снова ввелъ его особымъ декретомъ, который въ Вашингтонской палатѣ представителей вполнѣ вѣрно былъ названъ декретомъ, вводящимъ вторично рабство въ Мексикѣ.—«Я могу отчуждать мои особенныя тѣлесныя и умственныя дарованія и способности къ дѣятельности.... въ пользованіе другого, ограниченное во времени, такъ какъ послѣ этого ограниченія, онѣ сохраняютъ внѣшнее отношеніе къ моему цѣлому и общему (zu meiner Totalität und Allgemeinheit). Отчужденіемъ-же, въ конкретной формѣ труда, всего моего времени и всей моей работы, я сдѣлалъ бы собственностью другого самую его сущность, т. е. мою общую дѣятельность и дѣйствительность (Wirklichkeit), мою личность». (Hegel: «Philosophei des Rechts. Berlin», 1840, p. 104, § 67).

чески. Но одно обстоятельство совершенно ясно для насъ уже и въ настоящую минуту; а именно, что природа не родитъ, съ одной стороны, — владѣльцевъ денегъ и товаровъ, а съ другой, — владѣльцевъ одной только своей собственной рабочей силы. Отношеніе это вовсе не есть отношеніе естественное, вытекающее изъ законовъ природы; оно не есть также отношеніе общественное, свойственное всѣмъ историческимъ періодамъ. Очевидно, что само это отношеніе является результатомъ болѣе ранняго историческаго развитія, работой многихъ экономическихъ переворотовъ, продуктомъ разрушенія цѣлаго ряда болѣе древнихъ формъ общественнаго производства.

Экономическія категоріи, разсмотрѣнныя нами ранѣе, также носятъ на себѣ ясный историческій слѣдъ. Нужны опредѣленныя историческія условія, чтобы продуктъ превратился въ товаръ. Чтобы сдѣлатся товаромъ, продуктъ не долженъ производиться какъ непосредственное средство существованія самого производителя. Если бы мы захотѣли изслѣдовать далѣе, при какихъ условіяхъ, всѣ или, хотя-бы, большая часть продуктовъ, принимаютъ форму товаровъ, то мы узнали бы, что это происходитъ только тогда, когда въ основаніи производства положена совершенно особенная, специфическая форма его, а именно капиталистическая форма производства. Но такое изслѣдованіе было излишне при анализѣ товара. Производство и обращеніе товаровъ могутъ совершаться даже и тогда, когда главная масса продуктовъ предназначается непосредственно для собственнаго употребленія, а не превращается въ товары, и когда, стало быть, мѣновая стоимость овладѣваетъ общественными процессами производства далеко не во всемъ его объемѣ. Существованіе продукта въ формѣ товара предполагаетъ уже на столько развитое раздѣленіе труда внутри общества, что отдѣленіе потребительной стоимости отъ мѣновой, которое начинается впервые въ періодъ непосредственной мѣновой торговли, должно быть въ немъ уже закончено. Но такая ступень развитія есть явленіе, общее многимъ, исторически весьма различнымъ между собою, экономическимъ общественнымъ формаціямъ.

Если бы мы захотѣли разсмотрѣть деньги, то увидѣли бы, что существованіе денегъ возможно только при извѣстной степени развитія обращенія товаровъ. Причемъ, различныя особенныя формы, принимаемыя деньгами, которыя являются, то какъ простой эквивалентъ товаровъ, то какъ средство обращенія, то какъ средство расплаты, то какъ сокровище, то какъ всемірныя деньги, указываютъ, — въ зависимости отъ различнаго объема и относительной важности той или другой функціи, — на очень различныя ступени общественнаго процесса производства. Впрочемъ опытъ показываетъ, что даже при сравнительно слабо-развитомъ обращеніи товаровъ возможно образованіе всѣхъ этихъ формъ. Другое дѣло по отношенію къ капиталу. Развитымъ товарнымъ и денежнымъ обращеніемъ еще не исчерпываются историческія условія, необходимыя для существованія капитала. Капиталъ можетъ появиться только тогда, когда владѣлецъ средствъ, необходимыхъ для производства и для поддержанія жизни находитъ на рынкѣ свободнаго работника, продающаго свою собственную рабочую силу; а одно это историческое условіе охватываетъ всю всемірную исторію. Поэтому уже одно появленіе капитала возвѣщаетъ о возникновеніи новой эпохи въ общественномъ процессѣ производства [41]).

Познакомимся теперь поближе съ этимъ особеннымъ товаромъ, который называютъ рабочею силою. Какъ и всѣ другіе товары, она имѣетъ мѣновую стоимость [42]). Какъ же опредѣляется эта стоимость?

Стоимость рабочей силы, какъ и стоимость всякаго другого товара, опредѣляется количествомъ необходимаго рабочаго времени, требующагося для произведенія, а слѣдовательно и для воспроизведенія этого особеннаго товара. Какъ мѣновая стоимость, рабочая сила сама представляетъ только извѣстное количество заключеннаго въ ней средняго общественнаго труда. Она существуетъ только какъ свойство живой личности. И производство ея невозможно безъ существованія послѣдней. Поэтому, производство рабочей силы состоитъ въ воспроизведеніи и сохраненіи личности. Живая личность, для своего сохраненія, нуждается въ извѣстной суммѣ средствъ существованія. Слѣдовательно, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, есть просто рабочее время, требующееся для производства этихъ средствъ существованія; или стоимость рабочей силы равна стоимости средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія жизни владѣльца этой силы. Рабочая сила осуществляется только своимъ внѣшнимъ обнаруженіемъ, своимъ проявленіемъ въ трудѣ. Но на такое проявленіе, трудъ каждый разъ тратитъ извѣстное количество человѣческихъ мускуловъ, нервовъ, мозга и т. д., которое должно быть снова возстановлено. Такая усиленная трата требуетъ тоже усиленнаго пополненія, то-есть такого же усиленнаго пріема новыхъ

---

[41]) Слѣдовательно капиталистическая эпоха характеризуется тѣмъ, что рабочая сила для самого рабочаго пріобрѣтаетъ форму принадлежащаго ему товара, а его трудъ форму наемнаго труда, и только, съ этой минуты товарная форма дѣлается всеобщею формою продукта труда.

[42]) «Цѣнность или стоимость человѣка, какъ и стоимость другихъ вещей, равна его цѣнѣ, т. е. тому, что даютъ за пользованіе его силой». Th. Hobbes: «Leviathan» въ Works, edit. Molesworth. London. 1839—44. v. III, p. 76.

веществъ [43]). Если владѣлецъ рабочей силы работалъ сегодня, онъ долженъ быть въ состояніи работать и завтра, при тѣхъ же условіяхъ силы и здоровья. Слѣдвоательно, сумма жизненныхъ средствъ, получаемыхъ работникомъ, должна быть достаточна для того, чтобы поддерживать его, какъ работника, въ его нормальномъ жизненномъ состояніи. Сами естественныя потребности, каковы: пища, одежда, отопленіе, жилище и т. д. бываютъ различны, въ зависимости отъ климатическихъ и другихъ естественныхъ особенностей страны. А объемъ такъ называемыхъ необходимыхъ средствъ существованія, служащихъ для удовлетворенія необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей, также какъ и способъ ихъ удовлетворенія, является продуктомъ историческаго развитія и зависитъ поэтому, главнѣйшимъ образомъ, отъ степени культуры страны; но весьма существенное значеніе имѣетъ при этомъ то обстоятельство, подъ вліяніемъ какихъ условій образовывался классъ свободныхъ работниковъ [44]). Такимъ образомъ, въ отличіе отъ другихъ товаровъ, опредѣленіе стоимости рабочей силы заключаетъ въ себѣ историческій и нравственный элементы. Впрочемъ, для данной страны, въ теченіе даннаго періода, всегда существуетъ нѣкоторый опредѣленный среднiй размѣръ необходимыхъ средствъ существованія.

Собственникъ рабочей силы смертенъ. А потому, чтобы появленіе его на рынкѣ было непрерывно, какъ того требуетъ непрерывное превращеніе денегъ въ капиталъ, продавецъ рабочей силы долженъ, такъ сказать, увѣковѣчить себя, «какъ увѣковѣчиваетъ себя всякое живое существо, т. е. посредствомъ размноженія» [45]). Рабочія силы, исчезающія съ рынка, вслѣдствіе изнашиванія и смерти, должны постоянно замѣщаться, по крайней мѣрѣ, такимъ же количествомъ новыхъ рабочихъ силъ. Сумма необходимыхъ средствъ существованія, служащихъ для производства рабочей силы, содержитъ въ себѣ поэтому также средства существованія и для ея замѣстителей, т. е. для дѣтей работниковъ, такъ что эта раса особенныхъ владѣльцевъ товара никогда не исчезаетъ съ товарнаго рынка [46]).

Чтобы измѣнить обыкновенную человѣческую натуру на столько, чтобы она могла достигнуть особенной ловкости и искусства въ извѣстной отрасли труда и стать, такимъ образомъ, развитой, спеціальной рабочей силой, нужно извѣстное образованіе или обученіе, которое тоже стоитъ большей или меньшей суммы товарныхъ эквивалентовъ. Издержки на образованіе рабочей силы бываютъ различны и находятся въ зависимости отъ большой или малой сложности характера этой силы. Слѣдовательно, эти издержки на обученіе, безконечно малыя для обыкновенной рабочей силы, входятъ также въ счетъ товаровъ, необходимыхъ для ея производства.

Стоимость рабочей силы въ сущности есть стоимость извѣстной суммы средствъ существованія, а потому, она измѣняется вмѣстѣ со стоимостью этихъ средствъ, т. е. съ величиною рабочаго времени, необходимаго для ихъ производства.

Одна часть средствъ существованія, какъ напримѣръ пища, топливо и т. д., расходуется ежедневно, а потому должна быть пополняема также ежедневно. Другія жизненныя средства, какъ напримѣръ платье, домашняя утварь и т. д., расходуются въ болѣе продолжительные промежутки времени, а потому должны замѣняться также черезъ болѣе продолжительные сроки. Одни товары должны покупаться ежедневно, другіе еженедѣльно, за третьи приходится платить лишь черезъ каждые три или четыре мѣсяца и т. д. Но, какъ бы ни распредѣлялась сумма этихъ издержекъ въ продолженіе напримѣръ года, она всегда должна покрываться изъ нѣкотораго средняго дохода, получаемаго работникомъ изо дня въ день. Если количество товаровъ, необходимыхъ для производства рабочей силы ежедневно, будетъ $= A$; товаровъ, необходимыхъ еженедѣльно, будетъ $= B$; товаровъ, необходимыхъ только черезъ каждые три мѣсяца, будетъ $= C$ и т. д., то количество товаровъ, приходящееся, среднимъ числомъ, на каждый день было бы $= \frac{356\,A + 52\,B + 4\,C + \text{ и т. д.}}{365}$. Допустимъ, что въ этой массѣ товаровъ, потребныхъ для средняго дня, заключается 6 часовъ общественнаго труда; въ такомъ случаѣ, въ рабочей силѣ воплощается ежедневно половина дня средняго общественнаго труда, т. е. для производства рабочей силы требуется ежедневно половина рабочаго дня. Это количество труда, необходимое ежедневно для ея воспроизводства, представляетъ дневную стоимость рабочей силы, стоимость

---

43) Древнеримскій villicus, стоявшій, въ качествѣ управителя, во главѣ рабовъ, занимавшихся обработкой земли, получалъ «болѣе скудное содержаніе, чѣмъ эти рабы, такъ какъ работа его была легче». (Th. Mommsen. «Röm. Geschichte»: 1856, p. 810).

44) W. Th. Thornton, въ своемъ сочиненіи «Overpopulation and its Remedy». Lond. 1846, приводитъ очень любопытные примѣры въ этомъ отношеніи.

45) Petty.

46) «Естественная цѣна его (труда)... состоитъ въ такомъ количествѣ житейскихъ необходимостей и удобствъ, которое, при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ и при извѣстныхъ привычкахъ обитателей страны, потребно для того, чтобы сохранить жизнь работника и дать ему возможность вскормить семейство, достаточное для того, чтобы число рабочихъ, требующихся рынкомъ, не уменьшалось». R. Torrens: «An Essay on the external Corn Trade. London, 1815», p. 62. Слово «трудъ» употреблено здѣсь неправильно, вмѣсто выраженія «рабочая сила».

одного дня рабочей силы, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если мы допустимъ даже, что половина дня средняго общественнаго труда представляется количествомъ золота, равнымъ 3 шиллингамъ или 1 талеру, то 1 талеръ явится въ такомъ случаѣ цѣною, соотвѣтствующею стоимости одного дня рабочей силы. Если владѣлецъ рабочей силы продаетъ ее ежедневно за одинъ талеръ, въ такомъ случаѣ продажная цѣна рабочей силы равняется ея мѣновой стоимости, и, по нашему предположенію, владѣлецъ денегъ, желающій превратить свои деньги въ капиталъ, платитъ за нее по этой стоимости.

Крайній предѣлъ или минимумъ стоимости рабочей силы образуется стоимостью количества товаровъ, безъ ежедневнаго доставленія которыхъ собственникъ рабочей силы, человѣкъ, не можетъ возобновить своего жизненнаго процесса; т. е. этотъ минимумъ опредѣляется стоимостью физически необходимыхъ средствъ существованія. Если цѣна рабочей силы падаетъ до этого минимума, то она падаетъ ниже ея стоимости, такъ какъ, при такихъ условіяхъ, рабочая сила не можетъ сохраняться и развиваться въ совершенной формѣ. Но мѣновая стоимость товара опредѣляется такимъ количествомъ рабочаго времени, какое потребно для доставленія товара нормальной доброкачественности.

Развѣ самая дешевая сантиментальность найдетъ грубымъ такое опредѣленіе стоимости рабочей силы, вытекающей изъ природы вещей,—и будетъ сѣтовать, вмѣстѣ съ Rossi, въ такихъ выраженіяхъ: «Представлять себѣ способность къ труду (puissance de travail), отдѣльно отъ средствъ къ существованію, необходимыхъ для труда въ продолженіе процесса производства, значитъ представлять себѣ небылицу, вздорное порожденіе собственнаго мозга. Кто говоритъ о трудѣ, о способности къ труду, тотъ говоритъ одновременно и о работникѣ, и о средствахъ существованія для него, о работникѣ и о рабочей платѣ» [47]). Кто говоритъ о способности къ труду, тотъ вовсе не говоритъ въ то же время, какъ слѣдуетъ и о трудѣ, какъ тотъ, кто говоритъ о способности къ пищеваренію, не говоритъ непремѣнно и о пищевареніи. Для послѣдняго процесса, какъ извѣстно, необходимо нѣчто болѣе, чѣмъ хорошій желудокъ. Тотъ, кто говоритъ о способности къ труду, мысленно не отвлекается отъ средствъ, требующихся для поддержанія его существованія. Наоборотъ, въ стоимости рабочей силы выражается стоимость этихъ средствъ. Рабочая сила совершенно безполезна для работника, если она не можетъ быть продана; напротивъ того, то обстоятельство, что сила его потребовала для своего производства извѣстнаго количества средствъ существованія, и постоянно снова и снова требуетъ ихъ для своего воспроизведенія, будетъ въ глазахъ его жестокой естественной необходимостью. Онъ открываетъ въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ Sismondi: что «способность къ труду.... не имѣетъ ровно никакого значенія, если она не будетъ продана» [48]).

Этотъ особенный товаръ, называемый рабочею силою, заключаетъ въ себѣ одно особенное свойство, состоящее въ томъ, что, послѣ совершенія сдѣлки между покупателемъ и продавцомъ, потребительная стоимость этого товара не переходитъ еще въ дѣйствительности въ руки покупателя. Мѣновая стоимость рабочей силы, какъ и стоимость всякаго другого товара, была опредѣлена раньше, еще до поступленія въ обращеніе, была опредѣлена тѣмъ, что на ея производство было истрачено извѣстное количество общественнаго труда; но потребительная стоимость ея состоитъ лишь въ послѣдующемъ проявленіе силы. Слѣдовательно отчужденіе силы и ея дѣйствительное обнаруженіе, т. е. проявленіе какъ потребительной стоимости, по времени, ни совпадаютъ между собою. Но при такомъ товарѣ [49]), гдѣ формальное отчужденіе потребительной стоимости черезъ продажу и ея дѣйствительная передача покупателю, по времени, не совпадаютъ между собою, деньги покупателя дѣйствуютъ главнѣйшимъ образомъ какъ средство расплаты. Во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства, за рабочую силу платятъ только послѣ того, какъ она уже дѣйствовала въ продолженіе срока, условленнаго въ покупномъ договорѣ, т. е. напримѣръ въ концѣ каждой недѣли. Стало быть, повсюду работникъ ссужаетъ капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; онъ дозволяетъ покупателю воспользоваться этой силой еще до уплаты ему ея цѣны; поэтому, повсюду работникъ является кредиторомъ капиталиста. Кредитъ, дѣлаемый работникомъ капиталисту, вовсе не есть пустая фантазія; это подтверждается не только случайными потерями заработаннаго, вслѣдствіе банкротства капиталистовъ [50]), но также цѣлымъ рядомъ явле-

---

[47]) Rossi: «Cours d'Econ. Polit. Bruxelles, 1842», p. 370.

[48]) Sismondi: «Nouv. Princ. etc.», t. I. p. 112.

[49]) «За всякій трудъ платится послѣ того, какъ онъ уже пересталъ дѣйствовать». («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of demand etc.», p. 107). «Начало коммерческаго кредита должно быть отнесено къ тому времени, когда работникъ, эта коренная причина всякаго производства, нашелъ возможность, благодаря своимъ сбереженіямъ, ждать полученія заработка за свой трудъ до конца недѣли, двухъ недѣль, мѣсяца и т. д.». (Ch. Ganilh: «Des Systêmes de l'Econ. Polit.» 2-éme édit. Paris, 1821. t. I, p. 150).

[50]) «Работникъ ссужаетъ свой трудъ»; но, коварно добавляетъ Storch, «онъ не рискуетъ при этомъ ничѣмъ», кромѣ «потери заработка, такъ какъ работникъ не ссужаетъ ничего матеріальнаго». (Storch: «Cours d'Econ. Polit. Petersbourg, 1815, t. II, p. 37).

ній, имѣющихъ болѣе постоянный и болѣе вредный характеръ [51]). Но самая природа обмѣна товаровъ нисколько не измѣняется отъ того, служатъ ли въ данномъ случаѣ деньги средствомъ покупки или только платежнымъ средствомъ. Цѣна рабочей силы опредѣляется договоромъ, хотя реализуется она лишь впослѣдствіи, какъ напримѣръ наемная плата за домъ. Рабочая сила продана, хотя уплачено за нее будетъ только впослѣдствіи. Поэтому, для яснаго пониманія возникающихъ здѣсь отношеній въ ихъ чистомъ видѣ, будетъ полезно, если покамѣсть мы станемъ постоянно предполагать, что собственникъ рабочей силы, при продажѣ ея, каждый разъ получаетъ тотчасъ-же обусловленную договоромъ цѣну.

Теперь мы знаемъ способъ опредѣленія мѣновой стоимости, которую владѣлецъ денегъ платитъ владѣльцу этого особеннаго товара, называемаго рабочею силою. Но та потребительная стоимость, которую владѣлецъ денегъ получаетъ при этомъ обмѣнѣ, проявляется только при дѣйствительномъ ея употребленіи, т. е. въ процессѣ потребленія рабочей силы. Всѣ предметы необходимые для этого процесса, а именно: сырые матеріалы, инструменты и т. д., владѣлецъ денегъ покупаетъ на товарномъ рынкѣ и платитъ за нихъ по ихъ полной стоимости. Процессъ потребленія рабочей силы есть въ то же время процессъ производства товаровъ и прибавочной стоимости. Потребленіе рабочей силы, какъ и потребленіе всякаго другого товара, происходитъ внѣ рынка, т. е. внѣ сферы обращенія. Поэтому и мы покинемъ эту шумную и суетливую сферу, гдѣ все дѣлается открыто и доступно взорамъ всѣхъ и каждаго, и послѣдуемъ за владѣльцемъ денегъ и владѣльцемъ рабочей силы въ скрытое обиталище производства, надъ входомъ котораго мы читаемъ внушительную надпись: «No admittance except on business». (Постороннимъ входъ воспрещается). Въ этомъ жилищѣ мы увидимъ не только какъ капиталъ производитъ, но и какъ самъ капиталъ производится. Здѣсь раскроется, наконецъ, тайна происхожденія прибавочной стоимости.

Сфера обращенія или обмѣна товаровъ, въ предѣлахъ которой совершается продажа и покупка рабочей силы, представляетъ въ дѣйствительности настоящій рай прирожденнаго человѣческаго

---

[51]) Вотъ одинъ примѣръ. Въ Лондонѣ существуетъ два рода булочниковъ: «full priced», продающіе хлѣбъ по его полной стоимости, и «undersellers», продающіе хлѣбъ ниже его стоимости. Послѣдній классъ представляетъ около 3/4 общаго числа булочниковъ (p. XXXII въ «Report» правительственнаго коммиссара H. S. Tremenheere по поводу «grievances complained of by the journeymen bakers etc. London», 1862). Всѣ эти «undersellers», почти безъ исключенія, продаютъ хлѣбъ съ примѣсью квасцовъ, мыла, поташу, извести, дербиширской каменной муки и тому подобныхъ пріятныхъ, питательныхъ и здоровыхъ веществъ. (Смотри цитированную выше голубую книгу, а также отчетъ «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» и Dr. Hassall's: «Adulterations Detected» 2-nd. edit London, 1862). Sir John Gordon заявилъ передъ комитетомъ 1855 года, что благодаря такимъ поддѣлкамъ, бѣднякъ, живущій на два фунта хлѣба въ день, не получаетъ въ настоящее время въ дѣйствительности и четвертой части питательныхъ веществъ, которыя должны содержаться въ двухъ фунтахъ хлѣба, не говоря уже о вредномъ вліяніи такихъ подмѣсей на его здоровье". Изъ отчета Tremenheere видно, что „весьма значительная часть рабочаго класса», хотя отлично знаетъ объ этихъ подмѣсяхъ, тѣмъ не менѣе продолжаетъ покупать квасцы, каменную муку и пр. Въ объясненіе такого страннаго факта, Tremenheere говоритъ, что для нихъ является полной необходимостью «брать отъ ихъ булочника или лавочника такой хлѣбъ, какой ему угодно имъ дать». Такъ какъ они получаютъ свой заработокъ только въ концѣ рабочей недѣли, поэтому «они могутъ платить за хлѣбъ, съѣдаемый за недѣлю ихъ семействомъ, тоже лишь въ концѣ недѣли». Tremenheere прибавляетъ къ этому, на основаніи показаній допрошенныхъ имъ свидѣтелей: «извѣстно, что хлѣбъ съ такими подмѣсями приготовляется нарочно для покупателей этого рода» («It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner»). «Во многихъ англійскихъ (и еще болѣе въ шотландскихъ) земледѣльческихъ округахъ заработокъ работникамъ выплачивается лишь черезъ каждыя двѣ недѣли, а въ нѣкоторыхъ округахъ даже черезъ мѣсяцъ. Такіе длинные сроки уплаты принуждаютъ земледѣльческаго работника покупать всѣ необходимые ему товары въ кредитъ... Онъ принужденъ платить за все дороже, чѣмъ слѣдуетъ и оставаться постоянно какъ-бы связаннымъ съ извѣстной лавочкой, которая высасываетъ изъ него всѣ его средства. Такъ, напримѣръ, въ Horningsham (въ Wilts), гдѣ заработокъ выплачивается помѣсячно, онъ покупаетъ въ своей лавкѣ, за 2 ш. 4 п. той же самой муки, какую онъ во всякомъ другомъ мѣстѣ можетъ купить за 1 ш. 10 п.» («Sixth Report» on «Public Health» by «The Medical Officer of the Privy Council etc. 1864», p. 264) «Black printers въ Paisly и Kilmarnock (западная Шотландія) при помощи стачки добились въ 1853 году пониженія платежнаго срока съ мѣсяца на 14 дней». («Reports of the Inspectors of Factories for 31-st. Oct. 1853», p. 34). Дальнѣйшимъ и существеннымъ развитіемъ кредита, дѣлаемаго работникомъ капиталисту, является пріемъ, употребляемый многими англійскими владѣльцами каменноугольныхъ копей. Заработокъ платится здѣсь только въ концѣ мѣсяца, но, въ промежуточное время, работникъ получаетъ отъ капиталиста ссуды, выдаваемыя обыкновенно въ формѣ товаровъ, за которые онъ долженъ платить выше ихъ рыночной цѣны (Trucksystem). «Хозяева копей обыкновенно расплачиваются съ работниками только разъ въ мѣсяцъ; но, въ концѣ каждой недѣли, они даютъ имъ, обыкновенно въ счетъ заработка небольшую сумму денегъ. Деньги эти выдаются въ лавкѣ (именно въ «tommy shop», или въ мелочной лавочкѣ, принадлежащей самому-же хозяину копи), такъ что эти люди получаютъ деньги въ одномъ углу лавки и отдаютъ ихъ въ другомъ». («Children's Employment Commission, III. Report. Lond., 1864, p. 38 и 192).

права. Здѣсь никто и ничто не имѣетъ власти, кромѣ свободы, равенства, собственности и Бентама, царящихъ въ этой области безраздѣльно. Свобода! потому что и покупатель и продавецъ всякаго товара, напримѣръ рабочей силы, въ своихъ дѣйствіяхъ не связаны ничѣмъ и подчиняются только собственной свободной волѣ. Они договариваются между собою какъ свободныя, юридически равноправныя личности. Договоръ, по которому они заключаютъ между собою свободное соглашеніе, есть только юридическое выраженіе ихъ общей воли. Равенство! потому что они относятся другъ къ другу лишь какъ одинъ владѣлецъ товара къ другому такому же владѣльцу товара, и потому что они мѣняютъ эквиваленты на эквиваленты. Собственность! потому что каждый распоряжается только тѣмъ, что принадлежитъ ему лично. Бентамъ! потому что каждый изъ нихъ заботится лишь о своемъ собственномъ интересѣ. Единственная сила, которая сводитъ ихъ вмѣстѣ и ставитъ ихъ во взаимныя отношенія другъ къ другу, есть сила ихъ собственныхъ интересовъ, сила ихъ отдѣльныхъ выгодъ, сила ихъ частныхъ пользъ. И именно потому-то, что каждый изъ нихъ хлопочетъ только о себѣ самомъ, не заботясь нисколько о другихъ, совершаютъ они всѣ — въ силу нѣкоторой извѣстной гармоніи вещей, или въ силу постояннаго покровительства мудраго провидѣнія, — дѣло ихъ взаимной выгоды, ихъ общей пользы, ихъ общаго интереса.

И вотъ наши dramatis personae оставляютъ эту сферу простого обращенія или обмѣна товаровъ, изъ которой защитники свободной торговли заимствуютъ свои грубыя воззрѣнія, понятія и мѣрки для сужденія объ отношеніяхъ капитала къ наемному труду. Уже съ первыхъ же шаговъ по выходѣ изъ этой сферы, физіономія нашихъ дѣйствующихъ лицъ начинаетъ, повидимому, немного измѣняться. Нашъ прежній владѣлецъ денегъ шествуетъ теперь впереди, уже какъ капиталистъ, а владѣлецъ рабочей силы слѣдуетъ за нимъ, какъ его работникъ. Въ то время, какъ первый идетъ съ многозначительною улыбкой на губахъ, полный энергіи, пылая желаніемъ скорѣе начать дѣло; второй выступаетъ робко, неохотно, какъ человѣкъ, продавшій на рынкѣ свою собственную шкуру и ожидающій, что ее таки порядочно промнутъ прежде, чѣмъ выжмутъ съ лихвой изъ нея то, что заплатили за нее.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Производство абсолютной прибавочной стоимости.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Процессъ труда и процессъ образованія стоимости.

1) Процессъ труда.

Потребленіе рабочей силы, это—сама работа или трудъ. Покупатель рабочей силы потребляетъ ее, заставляя работать ея продавца. Поэтому, послѣдній становится теперь in actu самообнаруживающеюся рабочею силою, работникомъ; тогда какъ до сихъ поръ, онъ былъ работникомъ только in potentia. Для того чтобы выразить свой трудъ въ товарахъ, онъ долженъ прежде всего выразить его въ какихъ-либо потребительныхъ стоимостяхъ, въ какихъ-нибудь вещахъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей и нуждъ какого-бы то ни было рода. Вслѣдствіе этого капиталистъ заставляетъ его работать надъ изготовленіемъ извѣстной потребительной стоимости, извѣстнаго предмета торговли. Производство потребительныхъ стоимостей или имуществъ не измѣняетъ своей общей природы отъ того, что оно совершается для капиталиста, или подъ его надзоромъ. Поэтому процессъ труда нужно разсмотрѣть сперва въ его абстрактныхъ моментахъ, независимо отъ какой бы то ни было опредѣленной общественной формы.

Процессъ труда есть прежде всего процессъ между человѣкомъ и природою; процессъ, въ которомъ человѣкъ, благодаря своей дѣятельности, принимаетъ активное участіе въ обмѣнѣ веществъ, происходящемъ между нимъ и природою, регулируетъ и контролируетъ этотъ обмѣнъ. По отношенію къ различнымъ веществамъ природы, человѣкъ самъ выступаетъ при этомъ какъ сила природы. Онъ приводитъ въ движеніе естественныя силы своего организма, руки, ноги, голову, для того чтобы ассимилировать себѣ вещество природы въ такой формѣ, которая была бы пригодна для его собственной жизни. Но, вслѣдствіе такого движенія, вліяя на находящуюся внѣ его природу, производя въ ней нѣкоторыя измѣненія, онъ въ тоже время измѣняетъ и свою собственную природу. Онъ будитъ спящія въ ней силы, и подчиняетъ ихъ своей собственной власти. Мы не затронемъ здѣсь того первобытнаго состоянія процесса труда, въ которомъ онъ представляетъ еще животнообразныя, инстиктивныя формы. То состояніе общества, когда работникъ выступаетъ на товарномъ рынкѣ какъ продавецъ своей собственной рабочей силы, отстоитъ неизмѣримо далеко отъ того общественнаго состоянія, которое едва замѣтно на заднемъ планѣ исторіи, сквозь непроглядный мракъ первобытныхъ временъ, и когда человѣческій процессъ труда еще не освободился отъ этой инстинктивной формы. Мы предполагаемъ здѣсь процессъ труда въ такой формѣ, въ которой онъ составляетъ исключительную принадлежность человѣка. Паукъ продѣлываетъ операціи, очень сходныя съ операціями ткача; а пчела, способомъ построенія своихъ восковыхъ ячеекъ, можетъ сконфузить архитекторовъ. Но между самымъ плохимъ архитекторомъ и самою искусною пчелою имѣется одно существенное различіе, состоящее въ томъ, что архитекторъ строитъ свою ячейку въ головѣ, прежде, чѣмъ начнетъ лѣпить ее изъ воску. Въ концѣ рабочаго процесса получается результатъ, который, въ началѣ этого процесса, уже существовалъ въ представленіи работника, то-есть въ идеѣ. Человѣкъ не только обусловливаетъ своею дѣятельностью извѣстное измѣненіе формы въ данномъ веществѣ природы, но онъ осуществляетъ въ этомъ веществѣ свою цѣль, которую онъ знаетъ напередъ, которая, съ принудительностью закона, опредѣляетъ способъ его дѣятельности, и которой онъ долженъ непрерывно подчинять свою волю. Это подчиненіе воли вовсе не есть одинъ отдѣльный актъ. Помимо напряженія тѣхъ органовъ, которые работаютъ, необходима еще цѣлесообразная воля, проявляющаяся во

все продолженіе процесса труда въ формѣ вниманія; и такого вниманія требуется тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе трудъ, по своему содержанію и по способамъ своего исполненія, способенъ увлечь работника, чѣмъ менѣе слѣдовательно можетъ работникъ наслаждаться имъ, какъ свободною игрою своихъ собственныхъ умственныхъ и тѣлесныхъ силъ.

Простые моменты, на которые распадается самый процессъ труда, суть: цѣлесообразная дѣятельность или самъ трудъ, предметъ труда и орудія труда.

Земля (въ экономическомъ смыслѣ при этомъ подразумѣвается также и вода), которая первоначально снабжаетъ человѣка продовольствіемъ, готовыми средствами существованія [1]), является, безъ всякой помощи съ его стороны, какъ общій предметъ человѣческаго труда. Всѣ предметы, которые трудъ только отрываетъ отъ ихъ непосредственной связи съ земною корою, могутъ быть названы естественными предметами труда, или предметами труда, данными отъ природы. Къ нимъ можно причислить, напримѣръ, рыбу, извлекаемую изъ ея жизненной стихіи, то-есть изъ воды; дрова, собираемыя въ первобытномъ лѣсу; руду, добываемую изъ горной жилы. Если же, напротивъ того, самъ предметъ труда уже профильтрованъ, такъ сказать, черезъ прежній трудъ,—то мы называемъ его сырымъ матеріаломъ. Такъ, напримѣръ, уже добытая руда, подвергающаяся теперь промывкѣ и дальнѣйшей обработкѣ, есть сырой матеріалъ. Всякій сырой матеріалъ есть предметъ труда, но не всякій предметъ труда есть сырой матеріалъ. Предметъ труда является сырымъ матеріаломъ только тогда, когда онъ получилъ уже нѣкоторое измѣненіе вслѣдствіе предварительнаго приложенія труда.

Орудіе труда есть такая вещь или сумма вещей, которыя работникъ помѣщаетъ между собою и предметомъ труда, и которыми онъ пользуется какъ бы проводниками, переносящими его дѣятельность на предметъ труда. Онъ употребляетъ механическія, физическія и химическія свойства вещей для того, чтобы заставить ихъ дѣйствовать, какъ могучія средства, на другія вещи, сообразно съ его цѣлью [2]). Кромѣ того случая, когда человѣкъ беретъ готовыя средства существованія, напримѣръ плоды, — причемъ органы его собственнаго тѣла служатъ ему единственными орудіями труда, — можно сказать вообще, что тотъ предметъ, который находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ работникомъ (который онъ держитъ, напримѣръ въ рукѣ), есть не предметъ труда, но орудіе труда. Слѣдовательно сами предметы природы являются органами его дѣятельности, органами, которые онъ прибавляетъ къ органамъ своего собственнаго тѣла, и при помощи которыхъ онъ увеличиваетъ свои естественные размѣры. Земля, послужившая для человѣка первоначальною запасною кладовою, является для него также и первоначальнымъ арсеналомъ, откуда онъ беретъ свои орудія труда. Она доставляетъ ему, напримѣръ камень, которымъ онъ кидаетъ въ отдаленные предметы, которымъ онъ третъ, мнетъ, рѣжетъ и пр. Сама земля есть орудіе труда; однако, употребленіе ея какъ орудія труда при земледѣліи, предполагаетъ уже предварительное существованіе цѣлаго ряда другихъ рабочихъ орудій и, сравнительно говоря, довольно высокое развитіе рабочей силы [3]). Вообще, если процессъ труда хотя нѣсколько развитъ, — онъ требуетъ уже улучшенныхъ орудій труда. Въ самыхъ древнихъ пещерахъ, въ которыхъ находятся человѣческія кости, намъ попадаются каменныя орудія и каменное оружіе. На зарѣ человѣческой исторіи, рядомъ съ обработаннымъ камнемъ, костями и деревомъ, главную роль въ суммѣ рабочихъ орудій играютъ прирученныя, воспитанныя въ неволѣ животныя, то-есть такія животныя, которыя сами уже претерпѣли измѣненія вслѣдствіе труда [4]). Хотя въ зачаточномъ состояніи употребленіе и изготовленіе рабочихъ орудій свойственно уже нѣкоторымъ родамъ животныхъ, но, въ своемъ сколько-нибудь значительномъ развитіи, оно специфически характеризуетъ человѣческій процессъ труда; а потому Франклинъ опредѣляетъ человѣка, какъ «a toolmaking animal», т. е. какъ животное, изготовляющее рабочія орудія. Извѣстно, что кости и другіе

[1]) «Природныя (spontaneous) произведенія земли, будучи доставляемы землею только въ небольшомъ количествѣ и совершенно независимо отъ человѣка, напоминаютъ собою небольшую сумму денегъ, которая дается молодому человѣку съ тѣмъ, чтобы поставить его на жизненную дорогу и дать ему возможность начать какое-нибудь промышленное предпріятіе, при помощи котораго онъ долженъ постараться затѣмъ устроить самъ свое собственное счастье». (James Stuart: «Principles of Politic. Econ. Edit. Dublin. 1770», v. I p. 116).

[2]) «Разумъ столь-же хитеръ, какъ и могучъ. Хитрость вообще заключается въ той посредствующей дѣятельности, благодаря которой заставляютъ различные предметы дѣйствовать другъ на друга, сообразно съ природою каждаго изъ нихъ, обработывая другъ друга при помощи подобнаго взаимодѣйствія,— и такимъ образомъ достигаютъ выполненія своей цѣли, не вмѣшиваясь непосредственно въ самый процессъ». (Hegel: «Encyklopädie. Erster Theil: Die Logik. Berlin, 1840», p. 382).

[3]) Ganilh въ своемъ, въ другихъ отношеніяхъ довольно жалкомъ, произведеніи: «Théorie de l'Econ. Polit. Paris, 1815», перечисляетъ, въ противность мнѣнію физіократовъ, цѣлый длинный рядъ процессовъ труда, составляющихъ предварительные процессы, которые были необходимы прежде, чѣмъ могло явиться земледѣліе въ полномъ значеніи этого слова.

[4]) Turgot въ своихъ «Reflexions», цитированныхъ уже нами выше, очень хорошо развиваетъ всю важность прирученныхъ животныхъ при началѣ культуры.

органическіе остатки, находимые въ земной корѣ, имѣютъ очень важное значеніе для изученія организаціи отжившихъ породъ животныхъ; точно также и остатки стародавнихъ орудій труда имѣютъ не меньшую важность для сужденія о прошедшихъ экономическихъ общественныхъ формаціяхъ. Экономическія эпохи отличаются одна отъ другой не тѣмъ, что дѣлалось въ теченіи этихъ эпохъ, но тѣмъ, какимъ образомъ это дѣлалось, при помощи какихъ орудій труда достигалась въ разное время та или другая цѣль[5]). Орудія труда являются не только масштабомъ развитія человѣческой рабочей силы, но также и указателемъ общественныхъ отношеній, подъ властью которыхъ выполняется трудъ. Между самыми орудіями труда, наибольшее значеніе для характеристики общественныхъ эпохъ производства представляютъ механическія орудія труда, которыя, разсматриваемыя въ цѣломъ, можно назвать скелетомъ и мускульною системою производства; въ этомъ смыслѣ они имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ тѣ орудія труда, которыя служатъ лишь пріемниками и хранилищами для предметовъ труда, и которыя, взятыя въ цѣломъ, можно назвать сосудистою системою производства, какъ напримѣръ трубы, бочки, корзины, горшки и пр. И только въ химической фабрикаціи они начинаютъ играть болѣе значительную роль.

Въ болѣе широкомъ смыслѣ, процессъ труда включаетъ въ число своихъ орудій не только тѣ вещи, — посредствомъ которыхъ трудъ дѣйствуетъ на свой предметъ, и которыя, поэтому, тѣмъ или другимъ образомъ, являются проводниками человѣческой дѣятельности, — но также и всѣ матеріальныя условія, необходимыя вообще для того, чтобы весь процессъ могъ совершаться правильно. Эти условія не входятъ непосредственно въ процессъ труда; но, безъ существованія ихъ, процессъ труда или не можетъ совершаться совсѣмъ, или будетъ происходить только несовершеннымъ образомъ. Общимъ орудіемъ труда такого рода является опять-таки сама земля, такъ какъ она доставляетъ работнику locus standi, (мѣсто на которомъ онъ стоитъ), а его процессу — мѣсто для дѣйствія (field of employement). Орудія труда подобнаго рода, получившія уже предварительную обработку посредствомъ труда — суть: рабочія строенія, каналы, дороги и пр.

Слѣдовательно процессъ труда есть такой процессъ, при помощи котораго дѣятельность человѣка, посредствомъ рабочихъ орудій, производитъ въ предметѣ труда заранѣе предположенное измѣненіе. Этотъ процессъ прекращается съ полученіемъ продукта. Продуктъ его есть потребительная стоимость, т. е. вещество природы, ассимилированное, приспособленное къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, посредствомъ извѣстнаго измѣненія въ его формѣ. Вслѣдствіе этого процесса, трудъ соединяется съ своимъ предметомъ: трудъ воплощается въ предметѣ, а предметъ обработывается. То, что со стороны работника проявлялось въ формѣ безпокойства, хлопотъ, является теперь, со стороны продукта, какъ покоящееся свойство, и представляется въ формѣ бытія. Работникъ прялъ, а полученный продуктъ есть пряжа.

Въ своемъ цѣломъ, весь процессъ, — съ точки зрѣнія его результата, т. е. продукта, — какъ и орудіе труда, представляются оба средствами производства [6]), а самый трудъ производительнымъ трудомъ [7]).

Между тѣмъ какъ извѣстная потребительная стоимость является изъ процесса труда, какъ его продуктъ, другія потребительныя стоимости, представляющія сами продукты прежнихъ процессовъ труда, входятъ въ этотъ процессъ какъ средства производства. Таже самая потребительная стоимость, которая является сама продуктомъ одного процесса труда, является, въ тоже время, средствомъ производства для другого процесса труда. Поэтому продукты — не только результаты, но въ тоже время и условія процесса труда.

Кромѣ той промышленности, которую мы можемъ назвать добывающею, экстрактивною, и которая находитъ свой предметъ труда готовымъ въ самой природѣ, какъ напримѣръ горное дѣло, охота, рыбная ловля, и пр. — земледѣліе лишь настолько, насколько оно въ началѣ ограничивается вспашкой еще дѣвственной почвы, всѣ остальныя отрасли промышленности имѣютъ дѣло съ сырымъ матеріаломъ, т. е. съ такимъ предметомъ труда, уже такъ сказать профильтрованнымъ сквозь трудъ, являющійся продуктомъ болѣе ранняго процесса труда. Таковы напримѣръ въ земледѣліи сѣмена. Животныя и расте-

---

[5]) Среди всѣхъ товаровъ, товары, идущіе собственно на удовлетвореніе роскоши, представляютъ наименьшее значеніе для техническаго сравненія различныхъ эпохъ производства.— Какъ ни мало писанная исторія до сихъ поръ обращаетъ вниманія на развитіе вещественнаго производства, которое составляетъ основу всей общественной жизни, тѣмъ не менѣе, доисторическое время подраздѣляется не по такъ называемому историческому наблюденію, а по естественно научнымъ пріемамъ изслѣдованія; именно его подраздѣляютъ по тому матеріалу, изъ котораго были сдѣланы орудія труда и оружіе, на каменный, бронзовый и желѣзный вѣка.

[6]) Съ перваго взгляда кажется немного парадоксальнымъ называть, напримѣръ, еще не пойманную рыбу средствомъ производства по отношенію къ рыбной ловлѣ. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не открыто искусство ловить рыбу въ тѣхъ водахъ, гдѣ ея не водится.

[7]) Такое опредѣленіе производительнаго труда, полученное нами съ точки зрѣнія простого процесса труда, оказывается совершенно недостаточнымъ для капиталистическаго процесса производства.

нія, которыя обыкновенно разсматриваются какъ естественныя произведенія природы, не только являются продуктами труда, можетъ быть, предыдущаго года; но, въ своихъ современныхъ формахъ, они представляютъ собою продукты измѣненія, непрерывно происходившаго изъ поколѣнія въ поколѣніе подъ надзоромъ человѣка и при помощи его труда. Что-же касается собственно до орудій труда, то на большей части этихъ орудій, даже при самомъ поверхностномъ, бѣгломъ взглядѣ видны слѣды предыдущаго труда.

Сырой матеріалъ можетъ или составлять главную сущность продукта, или входить въ его образованіе только какъ вспомогательное вещество. Вспомогательное вещество или потребляется орудіями труда,—какъ напримѣръ уголь—паровою машиною, масло—колесомъ, сѣно—упряжною лошадью; — или прибавляется къ сырому матеріалу, чтобы произвести въ немъ извѣстное вещественное измѣненіе, — какъ напримѣръ хлоръ—къ небѣленному полотну, уголь—къ желѣзу, краска—къ шерсти;—или-же оно содѣйствуетъ самому выполненію труда, какъ напримѣръ вещества, идущія на освѣщеніе и отопленіе рабочаго помѣщенія. Въ настоящей химической фабрикаціи различіе между основнымъ и вспомогательнымъ веществомъ совершенно исчезаетъ, такъ какъ ни одинъ изъ употребленныхъ сырыхъ матеріаловъ не является здѣсь снова какъ сущность продукта [8]).

Но всякая вещь обладаетъ многими свойствами, а слѣдовательно способна къ различнымъ полезнымъ примѣненіямъ, поэтому одинъ и тотъ же продуктъ можетъ служить сырымъ матеріаломъ для многихъ очень различныхъ процессовъ труда. Такъ напримѣръ зерновой хлѣбъ служитъ сырымъ матеріаломъ для мельника, для производителя крахмала, для винокуреннаго заводчика, для скотовода и т. д. Въ видѣ сѣмянъ, оно является сырымъ матеріаломъ для своего собственнаго производства. Точно также уголь получается изъ копей, какъ продуктъ совершающагося въ нихъ производства, и входитъ въ тѣже самыя копи уже какъ средство производства.

Одинъ и тотъ-же продуктъ можетъ служить въ одномъ и томъ-же процессѣ труда и какъ орудіе труда, и какъ сырой матеріалъ. Это происходитъ, напримѣръ, при откармливаніи скота, гдѣ скотъ, т. е. подвергающійся обработкѣ сырой матеріалъ, служитъ въ тоже время средствомъ для приготовленія навоза.

Данный продуктъ можетъ существовать въ формѣ вполнѣ пригодной для непосредственнаго потребленія, и одновременно можетъ послужить сырымъ матеріаломъ для другого продукта, какъ напримѣръ виноградные гроздья служатъ сырымъ матеріаломъ для приготовленія вина. Если же процессъ труда выпускаетъ свой продуктъ въ такой формѣ, въ которой онъ можетъ быть употребленъ только какъ сырой матеріалъ для послѣдующаго процесса труда, то въ такомъ состояніи сырой матеріалъ называется полуобработаннымъ, какъ напримѣръ: хлопчатая бумага, нитки, пряжа и т. д. Первоначальный сырой матеріалъ, хотя и самъ представляющій продуктъ, долженъ пройти при этомъ черезъ цѣлый рядъ различныхъ процессовъ труда, въ теченіе которыхъ, онъ, въ своей постоянно измѣняющейся наружной формѣ, дѣйствуетъ снова и снова какъ сырой матеріалъ, до самаго конечнаго процесса труда, въ которомъ онъ, наконецъ, является какъ готовое средство существованія, или какъ готовое орудіе труда.

Итакъ мы видимъ, что потребительная стоимость является то какъ сырой матеріалъ, то какъ орудіе труда, то какъ продуктъ, смотря по тому, какое опредѣленное отправленіе исполняетъ она въ процессѣ труда, какое мѣсто занимаетъ она въ этомъ процессѣ: съ перемѣною этого мѣста измѣняются и ея характеръ.

Вступающіе въ новый процессъ труда, какъ средства производства, продукты теряютъ отъ этого свой характеръ продуктовъ, они функціонируютъ только какъ матеріальные факторы живого труда. Прядильщикъ относится къ веретену только какъ къ орудію, которымъ онъ прядетъ; а къ льну—только какъ къ предмету, который онъ прядетъ. Само собою разумѣется, нельзя прясть, не имѣя ни веретена, ни матеріала для пряденія; поэтому, при началѣ дѣйствительнаго процесса пряденія предполагается существованіе этихъ продуктовъ. Но, для самого этого процесса, то обстоятельство, что и ленъ и веретено — продукты предварительнаго труда—не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; все равно, какъ въ дѣйствительномъ процессѣ питанія не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, что хлѣбъ — продуктъ предварительнаго труда хлѣбопашца, мельника, булочника и т. д. Напротивъ, какъ только средства производства, въ какомъ-нибудь процессѣ труда, постоянно даютъ чувствовать свой характеръ, какъ продуктовъ предыдущаго труда, это указываетъ всегда на какой-нибудь недостатокъ въ нихъ. Ножъ, который не рѣжетъ, пряжа, которая постоянно рвется и т. д., напоминаютъ очень живо о ножевщикѣ A, или о прядильщикѣ B. Въ хорошемъ продуктѣ исчезаетъ самая мысль о предыдущемъ трудѣ, посредствомъ котораго ему приданы качества, сдѣлавшія его пригоднымъ для извѣстнаго употребленія.

Каждая машина, негодная для какой-нибудь работы,—безполезна; кромѣ того, она подвергается непрерывно разрушительному вліянію естественнаго обмѣна веществъ: желѣзо ржавѣетъ, дерево гніетъ. Пряжа, которая не превращается ни въ

---

[8]) Storch отличаетъ настоящій сырой матеріалъ, называемый имъ «talierè», отъ вспомогательныхъ веществъ, называемыхъ имъ «matériaux». Cherbulie zназываетъ вспомогательныя вещества: «matières instrumentales».

ткань, ни въ вязаныя издѣлія,—есть просто испорченная хлопчатая бумага. Живой трудъ долженъ охватить эти вещи, воскресить ихъ изъ мертвыхъ, и превратить ихъ изъ потенціальныхъ потребительныхъ стоимостей въ дѣйствительныя и дѣйствующія потребительныя стоимости. Пламя труда лижетъ ихъ со всѣхъ сторонъ своимъ огненнымъ языкомъ, трудъ превращаетъ ихъ въ свое собственное тѣло и постоянно заставляетъ ихъ выполнять функціи, соотвѣтствующія ихъ назначенію и скрытой въ нихъ идеѣ; хотя они и пожираются трудомъ въ этомъ процессѣ, но пожираются цѣлесообразно, какъ элементы образованія новыхъ потребительныхъ стоимостей, новыхъ продуктовъ, которые могутъ войти въ видѣ средствъ существованія въ личное потребленіе или, въ видѣ средствъ производства, въ какой-нибудь новый процессъ труда.

Если готовые продукты, съ одной стороны являются не только результатомъ, но также и необходимыми условіями существованія процесса труда, то, съ другой стороны, ихъ поступленіе въ процессъ труда, т. е. ихъ соприкосновеніе съ живымъ трудомъ, есть единственное средство для того, чтобы они сохранили свой характеръ потребительныхъ стоимостей, чтобы ими можно было пользоваться.

Въ процессѣ труда, вещественные элементы его,—его предметъ и его орудія,—истрачиваются какъ потребительныя стоимости: трудъ поглощаетъ ихъ; стало быть процессъ труда есть процессъ потребленія. Это производительное потребленіе отличается отъ личнаго потребленія тѣмъ, что послѣднее расходуетъ продукты какъ средства, необходимыя для поддержанія существованія живой личности, а первое потребляетъ продукты какъ средства, необходимыя для поддержанія существованія труда, или рабочей силы, проявляющей себя во внѣшней дѣятельности. Поэтому продуктъ личнаго потребленія есть самъ потребитель, между тѣмъ какъ разультатъ производительнаго потребленія есть продуктъ, отличный отъ потребителя.

Такъ какъ и предметъ и орудія труда сами суть уже продукты, т. е. результаты предыдущаго процесса труда, поэтому въ процессѣ труда продукты потребляются для созданія продуктовъ же, или являются средствами производства продуктовъ. Но такъ какъ процессъ труда происходитъ первоначально между человѣкомъ и землею, явившейся и существующей безъ всякой помощи съ его стороны, поэтому въ немъ постоянно находятся еще такія средства производства, которыя встрѣчаются въ готовомъ видѣ въ природѣ, а не есть соединенія вещества природы съ человѣческимъ трудомъ.

Процессъ труда,—такъ, какъ онъ изображенъ нами выше въ его простыхъ и абстрактныхъ моментахъ,—есть цѣлесообразная дѣятельность для произведенія потребительныхъ стоимостей, присвоеніе и измѣненіе природныхъ предметовъ сообразно человѣческимъ потребностямъ и нуждамъ, общее условіе обмѣна веществъ между человѣкомъ и природою, вѣчное условіе человѣческаго существованія, данное природой, независимое отъ какой бы то ни было формы общественной жизни, а потому одинаково присущее всѣмъ ея общественнымъ формамъ. Поэтому намъ не было нужды разсматривать работника по отношенію къ другимъ работникамъ: для нашей цѣли было достаточно разсмотрѣть, съ одной стороны—человѣка и его трудъ, а съ другой—природу и ея вещества. Какъ по вкусу хлѣба, нельзя узнать, кто воздѣлывалъ рожь, также мало послѣдній процессъ говоритъ о томъ при какихъ условіяхъ происходила работа: подъ жестокимъ-ли бичемъ надзирателя за рабами, или подъ заботливымъ глазомъ капиталиста; исполнялъ-ли ее какой-нибудь Цинцинатъ, обрабатывающій свою пару jugera, или дикарь, убивающій камнемъ дикое животное [9]).

Но вернемся къ нашему капиталисту in spe. Мы покинули его тотчасъ послѣ того, какъ онъ пріобрѣлъ на товарномъ рынкѣ всѣ факторы, необходимые для процесса труда: вещественные факторы, въ формѣ средствъ производства, и субъективный факторъ, въ формѣ рабочей силы. Проницательнымъ взоромъ знатока онъ выбралъ опредѣленный родъ средствъ производства и рабочей силы, наиболѣе соотвѣтствующій тому роду труда, для котораго они предназначаются, т. е. смотря напримѣръ по тому, имѣется-ли въ виду шить сапоги, или прясть пряжу, и т. д. Итакъ, нашъ капиталистъ занятъ теперь тѣмъ, чтобы использовать купленный имъ товаръ, — рабочую силу; т. е. заставить представителя этой силы, работника, посредствомъ его труда, потребить запасенныя средства производства. Само собою понятно, что общая природа процесса труда не измѣняется вслѣдствіе того, что работникъ исполняетъ его для капиталиста, а не для себя самого. Также и извѣстный способъ изготовленія напримѣръ сапоговъ, или пряжи, не можетъ тотчасъ же какъ-нибудь измѣниться отъ вмѣшательства капиталиста. Капиталистъ долженъ взять въ началѣ такую рабочую силу, какая находится на рынкѣ, и слѣдовательно, также и такой трудъ, какой выработался въ теченіи того

---

[9]) Изъ этого, въ высшей степени логическаго основанія, полковникъ Torrens дѣлаетъ выводъ, что камень дикаря—начало капитала. «Въ первомъ камнѣ, который кидаетъ дикарь въ преслѣдуемое имъ животное, въ первой палкѣ, которою онъ протягиваетъ къ себѣ вѣтку съ плодами, до которой онъ не можетъ достать рукою, мы видимъ присвоеніе предмета съ цѣлью добыть другой предметъ, и открываемъ, такимъ образомъ происхожденіе капитала». (R. Torrens: «An Essay on the Production of Wealth» etc. p. 79).—Этой первой палкой (stock), надо полагать, объясняется также, почему по англійски слово stock есть синонимъ капитала.

періода, когда еще не было никакихъ капиталистовъ. Перемѣна въ самомъ способѣ производства, вслѣдствіе подчиненія труда капиталу, можетъ произойти только позднѣе, а потому и разсмотрѣніе этого обстоятельства мы пока отложемъ въ сторону.

Процессъ труда, какъ процессъ потребленія рабочей силы капиталистомъ, представляетъ только двѣ особенности.

Работникъ трудится подъ надзоромъ капиталиста, которому принадлежитъ его трудъ. Капиталистъ слѣдитъ, чтобы работа исполнялась хорошо, и чтобы средства производства употреблялись цѣлесообразно, т. е., чтобы ни крошки сырого матеріала не растрачивалось даромъ и чтобы съ орудіями труда обращались бережно, т. е. чтобы эти орудія приходили въ негодность лишь настолько, насколько это рѣшительно неизбѣжно при употребленіи ихъ въ работѣ.

Другая особенность процесса труда, это то, что продуктъ—собственность капиталиста, а не непосредственнаго производителя его, т. е. работника. Капиталистъ уплачиваетъ напримѣръ дневную стоимость рабочей силы; вслѣдъ за тѣмъ ему принадлежитъ потребленіе этой силы въ теченіе дня, какъ ему принадлежало бы потребленіе всякаго другого товара, пріобрѣтеннаго на подобныхъ условіяхъ, напримѣръ лошади, нанятой на день. Покупателю товара принадлежитъ пользованіе этимъ товаромъ, и владѣлецъ рабочей силы, отчуждая свой трудъ, отчуждаетъ въ дѣйствительности только проданную имъ потребительную стоимость. Съ того момента, когда онъ переступаетъ порогъ мастерской, принадлежащей капиталисту, потребительная стоимость его рабочей силы, а слѣдовательно и ея потребленія, т. е. трудъ, принадлежитъ капиталисту. Послѣ покупки рабочей силы, капиталистъ примѣшиваетъ принадлежащій ему теперь трудъ, какъ живую закваску, къ мертвымъ составнымъ элементамъ продукта, также составляющимъ его собственность. Съ его точки зрѣнія, процессъ труда есть лишь потребленіе купленнаго имъ товара, рабочей силы, которая можетъ быть потреблена однако только по присоединеніи имъ къ ней еще средствъ производства. Процессъ труда есть процессъ между вещами, купленными капиталистомъ, между вещами, составляющими его собственность. Поэтому продуктъ этого процесса принадлежитъ ему совершенно; также, какъ принадлежитъ ему продуктъ процесса броженія, происходящаго въ его винномъ погребѣ [10]).

2) Производство прибавочной стоимости.

Продуктъ—являющійся собственностью капиталиста—представляетъ всегда какую-нибудь потребительную стоимость: пряжу, сапоги и пр. Хотя, напримѣръ, сапоги и составляютъ нѣкоторымъ образомъ основаніе общественнаго прогресса, и хотя нашъ капиталистъ завзятый прогрессистъ, тѣмъ не менѣе онъ производитъ сапоги вовсе не ради ихъ самихъ. Потребительная стоимость вообще вовсе не есть такая вещь, «qu'on aime pour elle même» *), при производствѣ товаровъ. Потребительныя стоимости производятся вообще при этомъ лишь потому, и лишь настолько, насколько онѣ представляютъ собою матеріальный субстратъ мѣновой стоимости, на сколько онѣ служатъ представителями этой стоимости. Нашъ капиталистъ заботится о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, онъ хочетъ произвести потребительную стоимость, представляющую стоимость мѣновую; т. е. онъ желаетъ произвести предметъ, годный для продажи,—товаръ. А вовторыхъ, онъ желаетъ произвести такой товаръ, стоимость котораго было бы выше суммы стоимостей, необходимыхъ для производства товаровъ, т. е. средствъ производства и рабочей силы,—за которыя онъ, на товарномъ рынкѣ, заплатилъ впередъ свои кровныя денежки. Онъ желаетъ произвести не только потребительную стоимость, но—товаръ; не только потребительную стоимость, но и стоимость мѣновую; не только стоимость, но также прибавочную стоимость.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мы говоримъ здѣсь о производствѣ товаровъ, то очевидно, что до сихъ поръ, мы разсматривали лишь одну сторону процесса. Если самъ товаръ представляетъ совокупность (Einheit) потребительной и мѣновой стоимости, то и процессъ производства товаровъ долженъ представлять совокупность процесса труда и процесса созиданія стоимости.

Итакъ, разсмотримъ же теперь процессъ

---

[10]) «Продукты присвояются прежде, чѣмъ они превращаются въ капиталъ, и такое превращеніе не измѣняетъ этого присвоенія». Cherbuliez: «Riche ou Pauvre, édit. Paris. 1841, p. 53, 54). «Пролетарій, продающій свой трудъ за извѣстное количество продовольственныхъ средствъ, отказывается сполна отъ всякаго участія въ продуктѣ. Способъ завладѣнія продуктомъ остается прежнимъ; вышеупомянутый договоръ не измѣняетъ его ни малѣйшимъ образомъ. Продуктъ составляетъ собственность исключительно капиталиста, который далъ сырой матеріалъ и продовольствіе. Это—строгій выводъ изъ закона завладѣнія, основнымъ принципомъ котораго, совершенно наоборотъ, было исключительное право собственности всякаго работника на его продуктъ». (l. c., p. 58). James Mill: Elements of Pol. Econ. etc., p. 75: «Когда работникъ трудится за рабочую плату, капиталистъ бываетъ собственникомъ не только капитала (читай: средствъ производства), но также и труда (of labour also). Если мы (какъ это дѣлается обыкновенно), въ понятіе капитала включимъ и ту часть его, которая выплачивается работникамъ въ видѣ рабочей платы, тогда станетъ нелѣпостью говорить о трудѣ отдѣльно отъ капитала. Слово капиталъ, въ этомъ смыслѣ, содержитъ въ себѣ и то и другое, т. е. и капиталъ и трудъ».

*) Которую любятъ ради ея самой.

производства, не только какъ процессъ труда, но также какъ процессъ созиданія стоимости.

Мы знаемъ, что стоимость каждаго товара опредѣляется количествомъ труда, овеществленнаго въ его потребительной стоимости, т. е. количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени, необходимаго для его производства. Тоже самое примѣнимо и къ продукту, который полученъ нашимъ капиталистомъ, какъ результатъ процесса труда. Слѣдовательно прежде всего нужно вычислить количество труда, воплощеннаго въ этомъ продуктѣ.

Пусть это будетъ, напримѣръ, пряжа.

Для изготовленія пряжи нуженъ прежде всего ея сырой матеріалъ, напримѣръ 10 фунтовъ хлопчатой бумаги. Что касается стоимости хлопчатой бумаги, то намъ нѣтъ надобности пускаться въ изслѣдованіе объ этомъ, такъ какъ капиталистъ купилъ ее на рынкѣ по ея стоимости, т. е. напримѣръ за 10 шиллинговъ. Трудъ, необходимый для производства хлопчатой бумаги, уже представленъ въ ея цѣнѣ, какъ средній общественный трудъ. Допустимъ далѣе, что потраченная при обработкѣ хлопчатой бумаги часть вещества веретена,—которое изображаетъ у насъ собою и всѣ другія употребляющіяся при этомъ орудія труда,—представляетъ стоимость въ 2 ш. Если количество золота, равное 12 ш., представляетъ продуктъ 24 рабочихъ часовъ или двухъ рабочихъ дней, то отсюда выходитъ, что въ пряжѣ содержатся два рабочихъ дня.

Насъ не должно сбивать съ толку то обстоятельство, что хлопчатая бумага измѣнила свою форму, а потребленное вещество веретена совершенно исчезло. На основаніи общаго закона стоимости, 10 фунтовъ пряжи, напримѣръ, эквивалентны 10 ф. хлопка и 1/4 веретена, какъ скоро стоимость 40 ф. пряжи = стоимости 40 ф. хлопка + стоимость однаго цѣлаго веретена, т. е. какъ скоро, для произведенія обѣихъ частей этого уравненія, требуется одно и тоже рабочее время. Въ этомъ случаѣ, одно и тоже рабочее время является одинъ разъ въ потребительной стоимости пряжи, а другой разъ — въ потребительныхъ стоимостяхъ хлопка и веретена. Для мѣновой стоимости слѣдовательно все равно, — проявляется-ли она въ пряжѣ, въ веретенѣ, или въ хлопчатой бумагѣ. То обстоятельство, что веретено и хлопокъ, вмѣсто того, чтобы спокойно лежать рядомъ другъ съ другомъ, въ теченіе процесса пряденья входятъ въ соединеніе другъ съ другомъ, которое измѣняетъ ихъ форму и превращаетъ ихъ въ пряжу, имѣетъ для мѣновой стоимости также мало значенія, какъ если бы они были прямо замѣнены простымъ обмѣномъ эквивалентнаго количества пряжи.

Необходимое для производства хлопка рабочее время, есть часть рабочаго времени, необходимаго для производства пряжи, для которой хлопокъ является сырымъ матеріаломъ, а потому рабочее время, потребное для производства хлопка должно содержаться въ пряжѣ. Тоже самое относится и къ рабочему времени, необходимому для производства веретена, безъ изнашиванія или потребленія котораго хлопокъ не можетъ быть превращенъ въ пряжу, или спряденъ [11]).

И такъ, какъ только дѣло идетъ только о стоимости пряжи, т. е. о количествѣ рабочаго времени, потребнаго для ея производства, мы можемъ разсматривать различные, особенные процессы труда, отдѣльные другъ отъ друга по времени и пространству,—исполненіе которыхъ необходимо для того, чтобы произвести хлопокъ, для того, чтобы произвести потребленную часть веретена, и, наконецъ, для того, чтобы изъ хлопка и веретена выработат пряжу, — просто какъ различныя послѣдовательныя фазы одного и того же процесса труда. Весь, заключенный въ пряжѣ трудъ есть прошедшій трудъ. Конечно, рабочее время, потребовавшееся для производства составныхъ элементовъ пряжи, было израсходовано ранѣе, а потому стоитъ въ давнопрошедшемъ времени, въ plusquamperfectum; между тѣмъ какъ рабочее время, истраченное непосредственно на заключительный процессъ, т. е. на пряденье, находится ближе къ настоящему времени, а потому должно быть поставлено въ perfectum; но обстоятельство это не представляетъ рѣшительно никакого значенія. Если для постройки дома нужно извѣстное количество труда, напримѣръ 30 рабочихъ дней, то общее количество рабочаго времени, воплощеннаго въ домѣ, нисколько не измѣняется отъ того, что 30-й рабочій день вошелъ въ производство 29-ю днями позже, чѣмъ первый рабочій день. Такимъ образомъ, рабочее время, содержащееся въ сыромъ матеріалѣ и въ орудіяхъ труда, можно разсматривать совершенно такимъ же образомъ, какъ будто бы оно было издержано въ теченіе процесса пряденья, но только въ болѣе ранній его періодъ, чѣмъ то количество труда, которое употреблено напослѣдокъ, въ формѣ пряденья.

Выраженныя въ цѣнѣ 12 ш. стоимости средствъ производства, хлопка и веретена, представляютъ, слѣдовательно, составныя части стоимости пряжи или стоимости продукта.

Но при этомъ необходимо выполненіе двухъ условій. Во-первыхъ, хлопокъ и веретено дѣйствительно должны пойти на производство какой-либо потребительной стоимости. Въ нашемъ случаѣ, изъ нихъ должна быть сдѣлана пряжа. Для мѣновой стоимости положительно все равно, въ какой потребительной стоимости она будетъ

---

[11]) «Не только тотъ трудъ, который прилагается непосредственно къ матеріалу, вліяетъ на его послѣдующую стоимость какъ товара, но также и тотъ трудъ, который заключается въ орудіяхъ, инструментахъ и зданіяхъ, которые тѣмъ или другимъ способомъ помогаютъ этому труду». Ricardo, l. c., p. 16.

заключаться, но она непремѣнно должна заключаться въ какой нибудь потребительной стоимости. Во-вторыхъ, предполагается, что на производство тратится лишь столько рабочаго времени, сколько необходимо на это при данныхъ общественныхъ условіяхъ производства. Слѣдовательно, если для того, чтобы выпрясть 1 ф. пряжи, было бы нужно 1 ф. хлопчатой бумаги, то только 1 ф. хлопчатой бумаги, — а не больше, — долженъ быть израсходованъ на изготовленіе 1 ф. пряжи. Точно то же слѣдуетъ сказать и о веретенѣ. Если бы капиталисту пришла, напримѣръ фантазія употреблять золотыя веретена вмѣсто желѣзныхъ, то, при опредѣленіи стоимости пряжи, было бы принято въ расчетъ общественно-необходимое рабочее время, т. е. то количество рабочаго времени, которое необходимо для производства желѣзныхъ веретенъ.

Мы теперь знаемъ ту часть стоимости, которую средства производства — т. е. хлопокъ и веретено—занимаютъ въ стоимости пряжи. Эта часть равна 12 шиллингамъ, или матеріальному воплощенію двухъ рабочихъ дней. Слѣдовательно, дѣло пойдетъ теперь о той части стоимости, которую прибавляетъ къ хлопку трудъ самого прядильщика.

Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть этотъ трудъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ во время процесса труда. Тогда дѣло шло лишь объ извѣстной, цѣлесообразной дѣятельности, о превращеніи хлопка въ пряжу. Чѣмъ цѣлесообразнѣе былъ трудъ,—тѣмъ лучше была пряжа, если одинаковы были остальныя условія. Трудъ прядильщика отличался специфически отъ всѣхъ другихъ родовъ производительнаго труда, и это различіе проявлялось субъективно и объективно и въ особенной цѣли прядильщика, и въ его особенныхъ пріемахъ, и въ особенной природѣ его средствъ производства, и въ особенной потребительной стоимости его продукта. Хлопокъ и веретено являются жизненными средствами для того рода труда, которымъ занимается прядильщикъ; но посредствомъ ихъ нельзя изготовлять, напримѣръ, нарѣзныхъ пушекъ. Напротивъ того,—поскольку трудъ прядильщика есть лишь трудъ, создающій стоимость, т. е. источникъ мѣновой стоимости, онъ равно ничѣмъ не отличается отъ труда сверлильщика пушечныхъ жерлъ, или, что здѣсь для насъ гораздо ближе,—отъ тѣхъ родовъ труда, которые воплощены въ средствахъ производства пряжи, т. е. отъ труда хлопковода, или отъ труда изготовленія веретенъ. И только вслѣдствіе именно этого тождества, хлопководство, выдѣлка веретенъ и пряденіе могутъ представлять только количественно различныя части одной и той же стоимости,—стоимости пряжи. Мы уже не говоримъ болѣе о качествѣ, т. е. объ особенныхъ свойствахъ и содержаніи труда, но только лишь о его количествѣ. Дѣло заключается просто въ счетѣ этого количества. Мы допускаемъ пока, что трудъ прядильщика есть простой трудъ, общественно-средній трудъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что нисколько не измѣнилось бы дѣло, если бы мы приняли противоположное положеніе.

Во время процесса труда, работа постоянно подвергается превращенію: изъ формы движенія она дѣлается предметомъ безъ движенія; изъ труда рабочаго она становится изготовленною вещью. Въ концѣ одного часа пряденія, это дѣйствіе представляется въ извѣстномъ количествѣ пряжи; слѣдовательно опредѣленное количество труда, одинъ рабочій часъ, воплощается въ сработанной хлопчатой бумагѣ. Мы говоримъ просто рабочій часъ, такъ какъ трудъ пряденія играетъ при этомъ роль лишь постольку, поскольку онъ есть трата рабочей силы, а не потому, что онъ есть извѣстный, специфическій трудъ, именно пряденіе.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень важную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, чтобы въ продолженіе работы, т. е. во все время превращенія хлопка въ пряжу, тратилось лишь общественно-необходимое рабочее время. Если при нормальныхъ условіяхъ, т. е. при среднихъ общественныхъ условіяхъ производства, a фунтовъ хлопка, въ теченіе одного рабочаго часа, могутъ быть превращены въ b фунтовъ пряжи, въ такомъ случаѣ, считается за двѣнадцатичасовой рабочій день только такой рабочій день, въ теченіе котораго $12 \times a$ фунтовъ хлопка превращаются въ $12 \times b$ фунтовъ пряжи. Такъ какъ только общественно-необходимое рабочее время считается за время, создающее стоимость.

Съ точки зрѣнія процесса труда собственно, и сырой матеріалъ и продуктъ являются при этомъ совершенно въ другомъ свѣтѣ. Сырой матеріалъ играетъ при этомъ роль только губки, всасывающей въ себя извѣстное количество труда. Благодаря этому всасыванію, онъ превращается въ дѣйствительности въ пряжу, такъ какъ присоединенный къ нему трудъ былъ трудъ пряденія. Но продуктъ, т. е. пряжа, является теперь лишь мѣркой труда, поглощеннаго хлопчатою бумагою. Если въ теченіе часа можетъ быть выпрядено $1^2/_3$ фунта хлопка, который превращается при этомъ въ $1^2/_3$ ф. пряжи, въ такомъ случаѣ, 10 ф. пряжи представляютъ 6 всосанныхъ ими рабочихъ часовъ. Такимъ образомъ опредѣленныя количества продукта, величина которыхъ можетъ быть установлена только на основаніи опыта, представляютъ теперь собою не что иное, какъ опредѣленныя количества труда, опредѣленную массу застывшаго въ нихъ рабочаго времени. Они являются только матеріальнымъ воплощеніемъ одного часа, двухъ часовъ, одного дня общественнаго труда.

То обстоятельство, что трудъ есть именно

трудъ пряденья, что матеріалъ его есть хлопокъ, а продуктъ—пряжа, не имѣетъ при этомъ рѣшительно никакого значенія, какъ и то, что предметъ труда самъ есть уже продуктъ, а слѣдовательно сырой матеріалъ. Если бы работникъ, вмѣсто прядильни, работалъ бы въ каменноугольной копи, то предметъ труда, уголь, былъ бы въ этомъ случаѣ не сырой матеріалъ, но естественное произведеніе, находящееся въ природѣ совершенно готовымъ. Но, несмотря на это, опредѣленное количество добытаго изъ копи угля, напримѣръ центнеръ, представляло бы опредѣленное количество всосаннаго имъ труда.

При продажѣ рабочей силы было предположено, что дневная стоимость ея = 3 шилл., и что въ этихъ 3 шилл. воплощено 6 рабочихъ часовъ; слѣдовательно, это количество труда необходимо для того, чтобы произвести среднюю сумму ежедневныхъ средствъ существованія, требующихся для работника. Допустимъ, что нашъ прядильщикъ въ теченіе часа превращаетъ $1^2/_3$ фунта хлопка въ $1^2/_3$ ф. пряжи [12]), слѣдовательно въ 6 часовъ, — онъ превратитъ 10 ф. хлопка въ 10 ф. пряжи. Такимъ образомъ, въ теченіе процесса пряденья, хлопокъ всасываетъ въ себя 6 рабочихъ часовъ. Тоже самое количество рабочаго времнни выражается въ количествѣ золота, равномъ 3 ш. Слѣдовательно, къ хлопчатой бумагѣ, вслѣдствіе самого пряденья, присоединилась стоимость въ 3 шилл.

Посмотримъ теперь на общую стоимость продукта, выражающагося въ 10 ф. пряжи. Въ нихъ воплощено $2^1/_2$ рабочихъ дня: 2 дня содержалось въ хлопкѣ и веретенѣ, а $^1/_2$ дня труда всосано въ теченіе процесса пряденья. Тоже самое количество рабочаго времени представляется въ количествѣ золота, равномъ 15 ш. Итакъ цѣна, соотвѣтствующая 10 ф. пряжи, равна 15 шилл.; а цѣна одного фунта пряжи будетъ равна 1 шилл. 6 пенсамъ *).

Нашъ капиталистъ останавливается въ изумленіи. Стоимость продукта равняется стоимости затраченнаго капитала. Затраченная стоимость не увеличилась, не произвела на свѣтѣ никакой прибавочной стоимости, и деньги слѣдовательно не превратились въ капиталъ. Цѣна 10 фунтовъ пряжи равна 15 шилл., и 15 шилл. было истрачено на товарномъ рынкѣ на составные элементы продукта, или, что одно и тоже, на факторы процесса труда: 10 шилл. на хлопчатую бумагу, 2 шилл. на потребленную часть веретена, и 3 шилл. на рабочую силу. Увеличившаяся стоимость пряжи по сравненію съ хлопкомъ не помогаетъ здѣсь ничѣмъ, такъ какъ стоимость ея является лишь суммой стоимостей, которыя до того распредѣлены были между хлопкомъ, веретеномъ и рабочею силою; а изъ такого простого сложенія уже существующихъ стоимостей никогда не можетъ появиться прибавочной стоимости [13]). Всѣ эти стоимости сосредоточились теперь въ одной вещи; но онѣ были уже разъ сосредоточены въ суммѣ 15 шилл., прежде чѣмъ эта сумма раздробилась вслѣдствіе трехъ покупокъ трехъ разныхъ товаровъ.

Самъ по себѣ результатъ этотъ не представляетъ ничего страннаго. Стоимость фунта пряжи равна 1 шилл. 6 пенсамъ, а за 10 фунтовъ нашему капиталисту слѣдовало бы заплатить на товарномъ рынкѣ—15 шилл. Но покупаетъ-ли онъ для себя домъ готовымъ на рынкѣ, или этотъ домъ строится для него нарочно, по его заказу, ни одна изъ этихъ операцій, сама по себѣ, не увеличиваетъ количества денегъ, истрачиваемыхъ на пріобрѣтеніе дома.

Капиталистъ, который понимаетъ кое-что въ вульгарной политической экономіи, скажетъ, можетъ быть, что онъ затратилъ свои деньги съ намѣреніемъ сдѣлать изъ нихъ большее количество денегъ. Но и дорога въ адъ вымощена тоже хорошими намѣреніями, и онъ могъ бы точно также возымѣть намѣреніе дѣлать деньги, не производя ничего [14]). Тогда онъ начинаетъ угрожать. Нѣтъ! его уже больше не поймаютъ на эту удочку! Впередъ онъ будетъ покупать товары на рынкѣ уже готовыми, вмѣсто того чтобы производить ихъ самому. Но, если всѣ его братья капиталисты будутъ поступать точно также, какимъ образомъ найдетъ онъ на рынкѣ нужный ему товаръ? А ѣсть свои деньги онъ не можетъ. Онъ начинаетъ разсуждать, и пускается въ разныя метафизическія и теологическія тонкости. Люди должны были бы оцѣнить его воздержаніе. Онъ

---

[12]) Всѣ принятыя здѣсь числа—совершенно произвольны.

*) 1 фунтъ стерлинговъ равенъ 20 шиллингамъ; 1 шиллингъ — 12 пенсамъ; 1 пенни — 4 фэртингамъ.

[13]) Ученіе физіократовъ о непроизводительности всякаго труда, кромѣ земледѣльческаго, построено на этомъ основномъ положеніи и положеніе это является вполнѣ неопровержимымъ для экономистовъ по ремеслу. „Этотъ способъ— влагать въ одну вещь стоимость многихъ другихъ (напримѣръ, — въ полотно — потребленіе ткача), накладывать, такъ сказать, послойно многія стоимости на одну стоимость, заставляетъ эту послѣднюю возрастать въ объемѣ, соотвѣтственно такимъ прибавленіямъ.... Терминъ сложеніе (addition) прекрасно рисуетъ тотъ способъ, посредствомъ котораго получается цѣна ремесленныхъ произведеній; цѣна эта есть не что иное, какъ сумма многихъ стоимостей, потребленныхъ и сложенныхъ вмѣстѣ; но складывать вовсе не значитъ умножать". (Mercier de la Rivière l. c. p. 599).

[14]) Такъ, напримѣръ, въ 1844—47 годахъ онъ вынулъ часть своего капитала изъ производительной промышленности, для того, чтобы спекулировать посредствомъ этого капитала на акціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Точно также, во время американской гражданской войны, онъ закрылъ фабрику и вытолкалъ своихъ рабочихъ на улицу, для того, чтобы играть на ливерпульской хлопчато-бумажной биржѣ.

могъ промотать свои 15 шилл. А онъ потребилъ ихъ производительно и сдѣлалъ изъ нихъ пряжу. Но за это онъ вознагражденъ тѣмъ, что, вмѣсто угрызеній совѣсти, онъ имѣетъ пряжу. Онъ не долженъ ни подъ какимъ видомъ возвращаться къ роли скрягъ, копящихъ сокровища: эти скряги уже показали намъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ аскетическая жизнь. Кромѣ того, гдѣ нѣтъ ничего, тамъ и самъ король теряетъ свое право. Какова бы ни была заслуга его воздержанія, онъ не въ силахъ открыть источника, откуда онъ могъ бы потребовать за нее прибавочную плату; такъ какъ стоимость продукта, какъ результатъ извѣстнаго процесса, равна суммѣ стоимостей товаровъ, употребленныхъ на этотъ процессъ. Итакъ, пусть онъ успокоится на томъ, что добродѣтель сама служитъ для себя наградою. Но, онъ становится все неотвязчивѣе и назойливѣе. Пряжа ему безполезна: онъ произвелъ ее для продажи. Ну, пусть онъ и продаетъ ее, или, что еще проще, пусть онъ производитъ на будущее время только вещи, необходимыя для его собственнаго потребленія, рецептъ, который ему давно уже прописанъ его домашнимъ врачемъ, Макъ-Кэллохомъ, какъ цѣлебное средство противъ эпидеміи перепроизводства. Тутъ онъ вдругъ начинаетъ артачиться. Что же сталъ бы дѣлать въ такомъ случаѣ работникъ? Какъ-же это сталъ бы онъ производить товары, посредствомъ однихъ лишь органовъ своего собственнаго тѣла? Развѣ ему не пришлось бы ограничиться въ этомъ случаѣ однѣми только мечтами о трудѣ? Развѣ онъ могъ бы, при такихъ условіяхъ, создать что-нибудь, кромѣ воздушныхъ образомъ труда, лишенныхъ всякаго реальнаго содержанія? Не далъ-ли онъ ему вещество, при помощи котораго, и въ которомъ одномъ только онъ можетъ воплотить свой трудъ? И такъ какъ бо̀льшая часть общества состоитъ изъ подобныхъ голяковъ, то не оказалъ-ли онъ обществу громадной услуги, при помощи принадлежащихъ ему средствъ производства, при помощи своей хлопчатой бумаги и своихъ веретенъ; не оказалъ-ли онъ такой же услуги и самому работнику, котораго онъ, кромѣ того, снабдилъ средствами существованія? Развѣ онъ обязанъ оказывать свои услуги даромъ? — Но, развѣ работникъ не отплатилъ ему тоже услугой, превративъ его хлопокъ и веретено въ пряжу? Кромѣ того, дѣло идетъ здѣсь вовсе не объ услугахъ [15]). Услуга есть только полезное дѣйствіе какой-нибудь потребительной стоимости, будетъ-ли эта потребительная стоимость—трудъ, или—товаръ [16]). Здѣсь же дѣло идетъ о мѣновой стоимости. Онъ уплатилъ работнику стоимость въ 3 шилл. Работникъ отдалъ ему точный эквивалентъ, прибавивъ къ его хлопчатой бумагѣ новую стоимость въ 3 шилл., т. е. онъ возвратилъ ему стоимость за стоимость. Нашъ другъ, такой надменный, такъ сильно кичащійся своимъ капиталомъ, вдругъ принимаетъ скромную, непритязательную позу своего собственнаго работника. Развѣ онъ самъ не трудился? Развѣ онъ не несъ труда по наблюденію и главному надзору за прядильщикомъ? Развѣ этотъ трудъ его не составляетъ также извѣстной стоимости? Его фабричный надзиратель и главный управляющій пожимаютъ при этомъ плечами. Между тѣмъ, онъ, съ ясною улыбкою, успѣлъ уже снова принять свое прежнее выраженіе. Онъ просто вышучивалъ насъ въ продолженіе всей этой іереміады. Онъ не безпокоился обо всемъ этомъ ни на грошъ. Всѣ подобныя глупыя отговорки и пустыя увертки онъ предоставляетъ профессорамъ политической экономіи, получающимъ собственно за это особое жалованье. Самъ онъ человѣкъ практическій, и если онъ не всегда обдумываетъ то, что говоритъ внѣ сферы своихъ занятій, то напротивъ, онъ отлично знаетъ, что ему нужно дѣлать въ предѣлахъ этой сферы.

Посмотримъ на дѣло поближе. Стоимость дневной рабочей силы равнялась 3 шилл.; такъ какъ въ самой рабочей силѣ воплощена половина рабочаго дня, а средства существованія, необходимыя ежедневно для производства рабочей силы стоятъ половину рабочаго дня. Но прошедшій трудъ, заключающійся въ рабочей силѣ, и тотъ живой трудъ, который она можетъ развить сама, ежедневныя издержки на ея поддержаніе и ежедневная трата ея—двѣ совершенно различныя величины. Первая представляетъ ея мѣновую стоимость; вторая составляетъ ея потребительную стоимость. Хотя, для поддержанія жизни работника въ теченіе 24 часовъ, необходима только половина рабочаго дня, но об-

[15]) „Хвастайся достаткомъ, наряжайся и украшайся... Но тотъ, кто беретъ лучшее или большее (того, что онъ далъ), это—ростовщикъ: это значитъ оказывать своему ближнему не услугу, но вредъ; все равно, какъ это бываетъ при воровствѣ или грабежѣ. Не все то, что люди называютъ услугою и благодѣяніемъ, есть на самомъ дѣлѣ услуга и благодѣяніе ближнему. И прелюбодѣй и прелюбодѣйца оказываютъ, напримѣръ, одинъ другому большую услугу и благодѣяніе. Рейтаръ (наемный кавалерійскій солдатъ) оказываетъ большую рейтарскую услугу разбойнику-поджигателю, помогая ему грабить на дорогахъ, нападать на имѣнія и людей. Паписты оказываютъ нашимъ большую услугу тѣмъ, что топятъ, сжигаютъ и умерщвляютъ не всѣхъ безъ исключенія, но оставляютъ кое-кого въ живыхъ, для того, чтобы потомъ травить ихъ, охотиться за ними какъ за звѣрями, и отбирать у нихъ то, что они имѣютъ. Самъ чортъ оказываетъ своимъ слугамъ большую, неизмѣримую услугу.... Скажу въ заключеніе: міръ полонъ большихъ, превосходныхъ, ежедневныхъ услугъ и благодѣяній“. (Martin Luther: „An die Pfarherrn, wider den Wucher zu predigen etc. Wittenberg, 1548).

[16]) Въ моемъ сочиненіи: „Zur Kritik der Polit. Oecon“ я замѣчаю по этому поводу: „Понятно, какую „услугу“ должна оказывать категорія „услуги“ (service) нѣкоторымъ экономистамъ, вродѣ напримѣръ J. B. Say, F. Bastiat и т. п.“.

стоятельство это нисколько не мѣшаетъ ему работать цѣлый день. Стоимость рабочей силы и увеличеніе этой стоимости за время процесса труда представляютъ слѣдовательно двѣ различныя величины. Это то различіе въ стоимости и имѣлъ въ виду капиталистъ, когда покупалъ рабочую силу. Ея полезное свойство — производить сапоги или пряжу—было лишь conditio sine qua, такъ какъ трудъ, для того чтобы создать стоимость, долженъ быть истраченъ въ полезной формѣ. Но то, что рѣшило дѣло, то, что подтолкнуло капиталиста на покупку рабочей силы,—это особенная, специфическая потребительная стоимость этого товара, заключающаяся въ томъ, что товаръ этотъ есть источникъ мѣновой стоимости, и притомъ большей стоимости чѣмъ та, которую онъ представляетъ самъ. Этой то специфической услуги и ожидаетъ отъ работника капиталистъ. И онъ поступаетъ при этомъ вполнѣ согласно съ вѣчными законами обмѣна товаровъ. Дѣйствительно, продавецъ рабочей силы, какъ и продавецъ всякаго другого товара, реализуетъ ея мѣновую стоимость и отдаетъ ея потребительную стоимость. Онъ не можетъ получить одной, не отдавъ другой. Потребительная стоимость рабочей силы, т. е. самъ трудъ, такъ же мало принадлежитъ ея продавцу, какъ, напримѣръ, потребительная стоимость проданнаго масла—торговцу масломъ. Владѣлецъ денегъ заплатилъ дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежитъ потребленіе ея въ продолженіе дня, т. е. трудъ цѣлаго дня. Правда, ежедневное поддержаніе рабочей силы стоитъ только половину рабочаго дня, тогда какъ сила эта можетъ дѣйствовать, т. е. производить работу въ теченіе цѣлаго дня; правда, стоимость, создаваемая потребленіемъ рабочей силы въ теченіе дня, представляетъ поэтому вдвое большую стоимость, чѣмъ дневная стоимость самой рабочей силы; но обстоятельства эти есть только особенное счастье капиталиста и не представляютъ ровно никакой несправедливости по отношенію къ продавцу.

Нашъ капиталистъ заранѣе предвидѣлъ это обстоятельство; и потому работникъ, при входѣ въ мастерскую, находитъ необходимыя средства производства въ такомъ количествѣ, какое потребно не для шестичасовой, а для двѣнадцатичасовой работы. Если 10 ф. хлопка поглощали 6 часовъ труда, превращаясь при этомъ въ 10 ф. пряжи, то 20 фун. хлопка поглотятъ 12 часовъ труда и превратятся въ 20 ф. пряжи. Разсмотримъ же продуктъ удлиненнаго процесса труда. Въ 20 ф. пряжи воплощается теперь 5 рабочихъ дней: 4 дня заключалось въ потребленномъ хлопкѣ и веретенѣ, и 1 день всосанъ хлопкомъ въ продолженіе пряденья. Но 5 рабочихъ дней, выраженные въ золотѣ, равняются 30 шилл., т. е. 1 ф. стерл. 10 шилл. Слѣдовательно, эта сумма представляетъ цѣну 20 ф. пряжи. Фунтъ пряжи стоитъ по прежнему — 1 шилл. 6 пенс. Но сумма стоимостей, затраченныхъ на процессъ, составляла 27 шилл.; стоимость же пряжи составляетъ 30 шилл., стало быть стоимость продукта превышаетъ на $^1/_9$ стоимость, затраченную на его производство. И такъ, 27 шилл. превратились въ 30 шилл.; они присоединили къ себѣ прибавочную стоимость 3 шилл. Наконецъ фокусъ удался: деньги превратились въ капиталъ.

Всѣ условія задачи выполнены и законы обращенія товаровъ не нарушены ни малѣйшимъ образомъ. Эквивалентъ былъ обмѣненъ на эквивалентъ. За всѣ купленные товары: хлопокъ, веретено и рабочую силу, капиталистъ, какъ покупатель, заплатилъ по ихъ настоящей стоимости. Послѣ этого онъ дѣлалъ съ ними то, что дѣлаетъ и каждый другой покупатель товаровъ: онъ потреблялъ ихъ потребительную стоимость. Процессъ потребленія рабочей силы, который является одновременно процессомъ производства товара, далъ ему продуктъ, состоящій изъ 20 ф. пряжи—стоимостью въ 30 шилл. Капиталистъ, раньше покупавшій товары, теперь возвращается на рынокъ и продаетъ свой товаръ. Онъ продаетъ пряжу по 1 шилл. 6 пенс. за фунтъ, т. е. не выше и не ниже ея настоящей стоимости ни на одинъ грошъ. И однако онъ извлекаетъ изъ обращенія 3-мя шилл. болѣе того, сколько онъ внесъ въ обращеніе. Весь ходъ дѣла, все это превращеніе его денегъ въ капиталъ, совершается въ одно и тоже время и въ сферѣ обращенія, и внѣ этой сферы. Превращеніе это происходитъ при помощи обращенія, такъ какъ оно обусловливается продажею рабочей силы на товарномъ рынкѣ. И въ тоже время оно совершается внѣ обращенія, такъ какъ обращеніе только подготовляетъ процессъ увеличенія стоимости, который дѣйствительно совершается только въ сферѣ производства. И такъ: «tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles» *).

Превращая свои деньги въ товары, которые должны явиться составными веществами новаго продукта, или факторами процесса труда, вливая въ ихъ мертвое вещество живую рабочую силу, капиталистъ превращаетъ стоимость, т. е. прошедшій, овеществленный, мертвый трудъ, въ капиталъ, въ самоувеличивающуюся стоимость, въ одушевленное чудовище, которое начинаетъ плодиться и множиться, какъ будто бы подъ вліяніемъ одушевляющей его любовной страсти **).

Если мы сравнимъ теперь процессъ образованія стоимости съ процессомъ возрастанія стоимости, то замѣтимъ, что процессъ возрастанія

*) «Все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ».

**) Als hätt' es Lieb'im Leibe. Марксъ приводитъ здѣсь изъ Фауста припѣвъ извѣстной пѣсенки. (См. Фаустъ, сцена въ погребкѣ).

стоимости есть не что иное, какъ процессъ образованія стоимости, только продолженный за извѣстный предѣлъ. Если этотъ процессъ продолжается лишь до того предѣла, гдѣ стоимость, уплаченная капиталомъ за рабочую силу, оказывается возмѣщенною новымъ эквивалентомъ, то онъ становится простымъ процессомъ образованія стоимости. Если же процессъ образованія стоимости продолжается за этотъ предѣлъ, то онъ уже представляетъ процессъ возрастанія стоимости.

Если мы потомъ сравнимъ процессъ образованія стоимости съ процессомъ труда, то увидимъ, что послѣдній процессъ заключается въ полезномъ трудѣ, создающемъ потребительныя стоимости. Мы при этомъ смотримъ на трудъ, какъ на процессъ, создающій опредѣленную вещь; мы разсматриваемъ его только съ качественной стороны по его цѣли и содержанію. Въ процессѣ же возрастанія стоимости, тотъ же самый процессъ труда представляется исключительно съ своей количественной стороны. При этомъ дѣло идетъ лишь о времени, которое трудъ употребляетъ на свои операціи, или о продолжительности періода, въ теченіе котораго издерживается рабочая сила. Самые товары, входящіе въ процессъ труда, уже не разсматриваются при этомъ какъ функціонально-опредѣленные вещественные факторы цѣлесообразно дѣйствующей рабочей силы. Они просто принимаются за опредѣленныя количества воплощеннаго труда. Какъ тотъ трудъ, что содержится въ средствахъ производства, такъ и тотъ, что прибавляется потребленіемъ рабочей силы, принимается при этомъ въ расчетъ просто по количеству представляемыхъ имъ единицъ времени;—онъ составляетъ столько то часовъ, дней и т. д.

Но рабочее время, истраченное на производство потребительной стоимости, принимается въ расчетъ лишь постольку, поскольку оно представляетъ общественно-необходимое рабочее время. Послѣдствія этого различны. Рабочая сила должна дѣйствовать при нормальныхъ условіяхъ. Если, напримѣръ, прядильная машина является въ данное время орудіемъ труда, по преимуществу употребляемымъ для пряденья, то нельзя давать въ руки работнику простую прялку. Вмѣсто хлопчатой бумаги нормальной доброты, онъ не долженъ получать какую-нибудь дрянь, которая рвется каждую минуту. Въ обоихъ случаяхъ, онъ употребилъ бы на производство фунта пряжи болѣе общественно-необходимаго времени, а это излишняя трата времени не служитъ ни къ образованію стоимости, ни денегъ. Но нормальный характеръ вещественныхъ факторовъ труда зависитъ не отъ работника, а отъ капиталиста. Дальнѣйшее условіе, вытекающее изъ того же правила, есть нормальный характеръ самой рабочей силы. Она должна обладать, въ той области, въ которой употребляется, извѣстной степенью искусства, ловкости и быстроты соотвѣтствующей среднему уровню этихъ качествъ въ данномъ обществѣ, въ данное время. Да нашъ капиталистъ и купилъ на рынкѣ рабочую силу нормальной доброкачественности. Эта сила должна быть проявляема при обыкновенномъ среднемъ напряженіи, съ обычною для извѣстнаго общества степенью интенсивности. Капиталистъ слѣдитъ за этимъ такъ же внимательно, какъ и за тѣмъ, чтобы ни одна минута не пропадала даромъ, безъ труда. Онъ купилъ рабочую силу на извѣстный срокъ, и онъ крѣпко держится за то, что считаетъ собственностью. Онъ не хочетъ быть обокраденнымъ. Наконецъ,— и на этотъ случай нашъ капиталистъ имѣетъ свой собственный code pénal (уголовный кодексъ)—никакая часть сырого матеріала или рабочихъ орудій не должна подвергаться потребленію, не сотвѣтствующему ея назначенію; такъ какъ всякая безцѣльная трата сырого матеріала или рабочихъ орудій является излишне издержаннымъ количествомъ воплощеннаго труда, труда, который не принимается въ счетъ и не принимаетъ участія въ образованіи стоимости продукта [17]).

---

[17]) Это одно изъ обстоятельствъ, благодаря которому, производство, основанное на рабствѣ, является болѣе дорогимъ для предпринимателя. Работникъ отличается здѣсь, по очень мѣткому выраженію древнихъ, лишь какъ instrumentum vocale (орудіе, способное выражать свои чувства словами), отъ животнаго, какъ instrumentum semivocale (орудіе, способное выражать свое внутреннее состояніе лишь очень несовершенно), и отъ неодушевленныхъ орудій труда, какъ instrument mutum (нѣмое орудіе). Но за то онъ самъ старается дать почувствовать и животнымъ и орудіямъ труда, что онъ — человѣкъ, а не есть существо. имъ подобное. Обращаясь съ ними дурно и истребляя ихъ con amore, онъ какъ бы подтверждаетъ этимъ свое отличіе отъ нихъ, и доставляетъ, такимъ образомъ, нѣкоторое удовлетвореніе чувству собственнаго достоинства. Поэтому, при такомъ способѣ производства становится вродѣ настоящаго экономическаго принципа употребленіе самыхъ грубыхъ, самыхъ неуклюжихъ орудій труда; такъ какъ подобныя орудія, въ силу этой самой неуклюжести, труднѣе подвергаются порчѣ и разрушенію. И, до начала американской гражданской войны, въ рабовладѣльческихъ штатахъ, около Мексиканскаго залива, можно было встрѣтить плуги старокитайской конструкціи, которые только взрывали землю, какъ взрываетъ ее свинья или кротъ, но не дѣлали борозды и не переворачивали пласта. См. J. C. Cairns: «The Slave Power. London, 1862», p. 46 sq. — Olmsted въ своемъ сочиненіи: «Sea Board Slave States» разсказываетъ слѣдующее: «Мнѣ показывали здѣсь такія орудія, которыя ни одинъ изъ насъ, находящійся въ здравомъ умѣ, не рискнулъ бы дать работнику, которому онъ платитъ жалованье, и котораго эти орудія сильно затруднили-бы; громадная тяжесть и неуклюжесть этихъ орудій должны, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ, на десять процентовъ увеличивать количество труда, сравнительно съ тѣмъ, которое требуется при

Мы видимъ, что различіе, замѣченное нами еще ранѣе при анализѣ товара, между трудомъ, по скольку онъ творитъ потребительную стоимость, и тѣмъ же самымъ трудомъ, по скольку онъ творитъ стоимость мѣновую, является теперь какъ различіе между разными сторонами процесса производства.

Какъ совокупность процесса труда и процесса созданія стоимости, процессъ производства является процессомъ производства товаровъ; какъ совокупность процесса труда и процесса возрастанія стоимости, онъ является капиталистическимъ процессомъ производства, капиталистической формой производства товаровъ.

Выше уже было замѣчено, что для процесса возрастанія стоимости, рѣшительно безразлично, будетъ-ли трудъ, присвоенный капиталистомъ, представлять простой, средній общественный трудъ, или же это будетъ комплицированный, болѣе сложный трудъ, трудъ съ болѣе высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ. Трудъ, являющійся въ отношеніи средняго общественнаго труда, какъ трудъ болѣе сложный, трудъ болѣе высокой доброты, — есть не что иное, какъ проявленіе рабочей силы, которая требовала большихъ расходовъ на воспитаніе и обученіе, производство которой стоитъ большаго количества рабочаго времени, а поэтому она имѣетъ и болѣе высокую мѣновую стоимость, чѣмъ простая рабочая сила. Но если стоимость этой силы и выше, то она и проявляется въ трудѣ также болѣе высокаго качества, и воплощается поэтому, въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, въ стоимостяхъ, представляющихъ сравнительно большую величину. Но каково бы ни было различіе по искусству между работою прядильщика и работою ювелира, во всякомъ случаѣ та часть труда, посредствомъ которой работникъ-ювелиръ возвращаетъ только стоимость своей собственной рабочей силы, по качеству не отличается нисколько отъ той прибавочной части труда, посредствомъ которой онъ создаетъ прибавочную стоимость. Въ обоихъ случаяхъ прибавочная стоимость получается просто лишь вслѣдствіе количественнаго избытка труда, вслѣдствіе большей продолжительности той же самой работы, въ одномъ случаѣ — производства пряжи, въ другомъ — производства ювелирныхъ издѣлій [18]).

постоянно употребляемыхъ у насъ орудіяхъ. И я убѣжденъ, что при томъ небрежномъ и неловкомъ обращеніи, которымъ обыкновенно отличаются рабы, болѣе легкихъ или менѣе неуклюжихъ орудій имъ нельзя дать иначе, какъ въ ущербъ разумной экономіи; я увѣренъ, что тѣ орудія, которыя мы всегда даемъ нашимъ работникамъ и находимъ это выгоднымъ, не выдержали бы и одного дня на хлѣбныхъ поляхъ Виргиніи, хотя почва этихъ полей легче нашей, и на поляхъ Виргиніи попадается менѣе камней, чѣмъ у насъ. Точно также, когда я спросилъ, почему вообще на всѣхъ фермахъ, вмѣсто лошадей, употребляютъ муловъ, первая причина, которую привели мнѣ, и конечно самая основательная, была въ томъ, что лошади не выносятъ того обращенія, которому они постоянно подвергаются со стороны негровъ: лошади очень скоро надрываются или калѣчатся отъ такого обращенія; тогда какъ мулы переносятъ и немилосердные побои, и голодъ въ теченіе дня, а иной разъ и двухъ, безъ существеннаго поврежденія организма: они также не простужаются и не заболѣваютъ отъ небрежнаго ухода и отъ чрезмѣрнаго труда. Впрочемъ, мнѣ не нужно ходить дальше окошка той комнаты, въ которой я пишу, для того, чтобы видѣть почти каждую минуту, подобное обращеніе съ рабочимъ скотомъ, за которое почти каждый сѣверный фермеръ тотчасъ разсчиталъ бы и прогналъ погонщика».

[18]) Разница между трудомъ простымъ и трудомъ болѣе высокаго качества, между «unskilled» и «skilled labour», основывается отчасти на простомъ заблужденіи, или, по крайней мѣрѣ, на такихъ признакахъ, которые уже давно перестали служить дѣйствительной, реальной разницей, а продолжаютъ существовать только вслѣдствіе договоровъ, основанныхъ на одной лишь рутинѣ; частью же разница эта основана на болѣе безпомощномъ положеніи извѣстныхъ слоевъ рабочаго класса, которое не дозволяетъ имъ, какъ нѣкоторымъ другимъ, добиться, при помощи угрозъ, какого-нибудь повышенія стоимости ихъ рабочей силы. Разныя случайныя обстоятельства также играютъ здѣсь роль до такой степени значительную, что оба эти рода труда мѣняются иной разъ мѣстами. Такъ напримѣръ тамъ, гдѣ физическія силы рабочаго класса ослаблены и относительно истощены,— какъ это замѣчается во всѣхъ странахъ съ сильно развитымъ капиталистическимъ производствомъ—грубый трудъ, требующій значительной мускульной силы, начинаетъ подниматься въ цѣнѣ по сравненію съ гораздо болѣе искуснымъ трудомъ, который падаетъ до стоимости простого труда; такъ напримѣръ въ Англіи, трудъ bricklayer'а (каменщика) занимаетъ гораздо болѣе высокую ступень, чѣмъ трудъ ткача камчатныхъ полотенъ. Или трудъ fustian cutter (работникъ, разрѣзывающій извѣстнымъ образомъ бумазею) фигурируетъ какъ «простой» трудъ, хотя онъ требуетъ сильнаго тѣлеснаго напряженія и, кромѣ того, очень нездоровъ. Впрочемъ не надо воображать, будто бы такъ называемый «skilled labour» (трудъ высокаго качества) играетъ количественно значительную роль въ національномъ трудѣ. Laing, занимавшій недавно мѣсто канцлера казначейства въ Остъ-Индіи, вычислилъ, что въ Англіи (и Уэльсѣ) существованіе 11 милліоновъ основано на простомъ трудѣ. Если изъ 18 милліоновъ,—составлявшихъ, когда вышло въ свѣтъ это сочиненіе, общее число населенія Англіи, — мы вычтемъ 1 милліонъ аристократовъ и полтора милліона нищихъ, бродягъ, преступниковъ, проститутокъ и т. д., то для средняго класса, со включеніемъ сюда мелкихъ rentiers, чиновниковъ, писателей, художниковъ, школьныхъ учителей и т. д., останется всего $4^2/_3$ милліона. Да и то, чтобы получить эти $4^2/_3$ милліона, онъ причисляетъ къ трудящейся части средняго класса, кромѣ банкировъ и т. д., всѣхъ «фабричныхъ работниковъ», получающихъ лучшую плату, чѣмъ

Но въ каждомъ процессѣ образованія стоимости трудъ высшаго качества всегда долженъ быть приведенъ къ среднему общественному труду, напримѣръ: одинъ день труда высшаго качества къ x днямъ простого труда[19]). Принимая постоянно, что употребляемый капиталистомъ работникъ выполняетъ простой, средній общественный трудъ, мы только избавляемъ себя отъ излишнихъ расчетовъ и упрощаемъ анализъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Постоянный капиталъ и перемѣнный капиталъ.

Въ образованіи стоимости продукта различные факторы процесса труда принимаютъ различную степень участія.

Съ одной стороны работникъ прибавляетъ къ предмету труда новую мѣновую стоимость, вслѣдствіе прибавленія извѣстнаго количества труда, каковы бы ни были опредѣленное содержаніе, цѣль и техническій характеръ его труда. Съ другой стороны, стоимости потребленныхъ средствъ производства входятъ у насъ снова, какъ составныя части, въ стоимость продукта; такъ напримѣръ, мы открываемъ стоимости хлопка и веретена въ стоимости пряжи. Слѣдовательно, стоимость средствъ производства сохраняется перенесеніемъ ея на продуктъ. Это перенесеніе совершается въ продолженіе превращенія средствъ производства въ продуктъ, т. е. въ теченіе процесса труда. Оно происходитъ при посредствѣ труда. Но какимъ образомъ?

Работникъ не работаетъ вдвойнѣ въ одно и тоже время; одинъ разъ, чтобы прибавить къ хлопку посредствомъ своего труда новую стоимость, и другой разъ, чтобы беречь старую стоимость, или, что тоже самое, чтобы перенести стоимость хлопка, который онъ обрабатываетъ, и стоимость веретена, которымъ онъ работаетъ, на продуктъ, т. е. на пряжу. Но онъ сохраняетъ прежнюю стоимость простымъ прибавленіемъ новой стоимости. Но такъ какъ прибавленіе новой стоимости къ предмету труда и сохраненіе прежнихъ стоимостей въ продуктѣ суть два совершенно различные результата, достигаемые работникомъ въ одно и тоже время, хотя онъ работаетъ въ одно и тоже время не вдвойнѣ, а лишь одинъ разъ,—то ясно, что этотъ двойной результатъ можетъ быть объясненъ лишь двойственностью самого его труда: трудъ долженъ, одновременно, въ силу одного своего свойства, создавать стоимость, и въ силу другого своего свойства—сберегать или переносить стоимость.

Какимъ образомъ работникъ прибавляетъ рабочее время, а слѣдовательно стоимость? Всегда не иначе какъ въ формѣ своего особеннаго производительнаго способа труда. Прядильщикъ прибавляетъ рабочее время только тогда, когда онъ прядетъ, ткачъ—когда онъ ткетъ, кузнецъ—когда онъ куетъ. Но вслѣдствіе той цѣлесообразной формы, въ которой они прибавляютъ вообще трудъ, а слѣдовательно и новую стоимость; вслѣдствіе пряденья, тканья, кованья,—средства производства: хлопокъ и веретено, пряжа и ткацкій станокъ, желѣзо и наковальня, являются элементами образованія продукта, новой потребительной стоимости[20]). Прежняя форма ихъ потребительной стоимости пропадаетъ, но лишь для того, чтобы появиться въ новой формѣ потребительной стоимости. Но, при разсмотрѣніи процесса образованія стоимости, мы видѣли, что на сколько потребительная стоимость истрачивается цѣлесообразно на производство новой потребительной стоимости, на столько рабочее время, нужное для воспроизведенія израсходованной потребительной стоимости, образуетъ часть рабочаго времени, необходимаго на произведеніе новой потребительной стоимости, слѣдовательно представляетъ рабочее время, которое переносится съ потребленныхъ средствъ производства на новый продуктъ. И такъ работникъ сохраняетъ стоимости потребленныхъ средствъ производства или переноситъ ихъ на продуктъ, какъ составныя части его стоимости,—не вслѣдствіе прибавленія имъ труда вообще, но вслѣдствіе особеннаго полезнаго характера работы, вслѣдствіе специфически производительной формы этого добавочнаго труда. Являясь въ

другіе! Даже и bricklayers оказываются въ числѣ представителей «комплицированнаго труда». И лишь за вычетомъ всего этого остаются у него сказанные 11 милліоновъ. (S. Laing: «National distress» etc. London, 1844). «Обширный классъ, не могущій предложить за пищу только одинъ простой трудъ, составляетъ главную массу народа». (James Mill въ статьѣ «Colony». Supplement to the Encyclop. Brit. 1831).

[19]) «Тамъ, гдѣ трудъ служитъ единственнымъ мѣриломъ стоимости, обязательно предполагается постоянно трудъ одного извѣстнаго качества... отношеніе къ нему другихъ родовъ труда, опредѣлить не трудно». (Outlines of Polit. Economy». London. 1832, p. 22, 23).

[20]) «Трудъ создаетъ новое твореніе взамѣнъ творенія исчезнувшаго». (An Essay on the Polit Econ. of Nations. London, 1821 ,p. 13)

формѣ такой цѣлесообразной, производительной дѣятельности: пряденья, тканья, кованья, — трудъ, однимъ своимъ соприкосновенiемъ, воскресаетъ средства производства изъ мертвыхъ, вливаетъ въ нихъ душу, превращая ихъ въ факторы процесса труда, и соединяется съ ними въ продукты.

Не будь специфическiй производительный трудъ работника пряденьемъ,—онъ не превратилъ бы хлопка въ пряжу, и слѣдовательно не перенесъ бы также на пряжу стоимостей хлопка и веретена. Напротивъ того, если тотъ же самый работникъ перемѣнитъ ремесло и сдѣлается столяромъ, то онъ будетъ продолжать по прежнему прибавлять въ теченiе рабочаго дня къ своему матерiалу новую стоимость. Стало быть онъ прибавляетъ ее не потому, что его трудъ есть именно работа прядильщика или столяра, а потому, что его трудъ является абстрактнымъ общественнымъ трудомъ вообще; онъ прибавляетъ извѣстную величину стоимости не вслѣдствiе того, что его трудъ представляетъ извѣстное полезное содержанiе, но вслѣдствiе того, что онъ продолжается извѣстное время. Итакъ въ силу своего абстрактнаго общаго свойства, т. е. какъ израсходованiе человѣческой рабочей силы,— трудъ прядильщика прибавляетъ къ стоимостямъ хлопка и веретена новую стоимость; а въ силу своего конкретнаго особеннаго полезнаго свойства какъ процессъ пряденья,—онъ переноситъ стоимость этихъ средствъ производства на продуктъ и сохраняетъ такимъ образомъ эту стоимость въ продуктѣ. Отсюда двойственность результата труда въ одинъ и тотъ-же промежутокъ времени.

Благодаря чисто количественному прибавленiю труда—прибавляется новая стоимость; а вслѣдствiе качества прибавленнаго труда—сохраняются въ продуктѣ прежнiя стоимости средствъ производства. Это двойственное дѣйствiе того же самаго труда, вслѣдствiе двойственности его характера, можетъ быть показано осязательнѣйшимъ образомъ на нѣкоторыхъ явленiяхъ.

Предположимъ, что, благодаря какому-нибудь изобрѣтенiю, прядильщикъ въ состоянiи теперь спрясть въ теченiе 6 часовъ столько хлопчатой бумаги, сколько онъ могъ спрясть раньше только въ теченiе 36 часовъ. Какъ цѣлесообразно-полезная, производительная дѣятельность, трудъ его увеличилъ свою силу въ шестеро. Продуктъ его труда является теперь величиной въ шестеро больше прежней, 36 ф. пряжи вмѣсто прежнихъ 6-ти. Но 36 ф. хлопка всасываютъ теперь лишь столько рабочаго времени, сколько прежде всасывали 6 ф. Къ каждому фунту прибавляется теперь, сравнительно съ прежнимъ способомъ, только шестая часть новаго труда, а слѣдовательно только шестая часть прежней стоимости. Но въ продуктѣ, т. е. въ 36 ф. пряжи, содержится теперь въ шестеро большая стоимость хлопчатой бумаги. Въ теченiе 6 часовъ пряденья сохранится и перенесется на продуктъ въ шесть разъ большая стоимость сырого матерiала; тогда какъ новая стоимость, прибавленная къ тому же самому сырому матерiалу, будетъ въ шесть разъ менѣе. Это показываетъ, что то свойство, въ силу котораго трудъ въ теченiе того же самаго недѣлимаго процесса сохраняетъ стоимость, существенно отлично отъ того свойства, въ силу котораго онъ создаетъ стоимость. Чѣмъ болѣе необходимаго рабочаго времени расходуется на тоже самое количество хлопка въ теченiе процесса пряденья, тѣмъ болѣе новой стоимости прибавляется къ хлопку, а чѣмъ болѣе фунтовъ хлопка можетъ быть спрядено въ тоже самое количество рабочаго времени, тѣмъ больше прежней стоимости сохраняется въ продуктѣ.

Наоборотъ, предположимъ, что производительность труда пряденья не измѣняется, что прядильщикъ расходуетъ теперь столько же времени на превращенiе фунта хлопка въ пряжу, сколько онъ расходовалъ его и раньше. А мѣновая стоимость самого хлопка пусть измѣняется, т. е. пусть онъ повышается или понижается въ цѣнѣ въ шестеро. И въ томъ и въ другомъ случаѣ прядильщикъ продолжаетъ прибавлять къ тому же самому количеству хлопка тоже самое рабочее время, а слѣдовательно ту-же самую стоимость; въ обоихъ случаяхъ производитъ онъ, въ одно и тоже время, одно и тоже количество пряжи. Но между тѣмъ стоимость, которую онъ переноситъ съ хлопка на пряжу, т. е. на продуктъ, въ одномъ случаѣ въ шесть разъ больше, въ другомъ случаѣ въ шесть разъ меньше прежней. Тоже самое будетъ, если вздорожаютъ или подешевѣютъ орудiя труда, продолжая въ тоже время оказывать процессу труда ту же самую услугу, что и раньше.

Если техническiя условiя процесса пряденья остаются безъ измѣненiя, и если, въ тоже время, стоимость средствъ его производства, остается безъ всякаго измѣненiя, то прядильщикъ продолжаетъ расходовать по прежнему, въ то же самое количество времени, то же самое количество сырого матерiала и орудiй, представляющихъ ту же самую стоимость. Въ такомъ случаѣ стоимость, сохраняемая имъ въ продуктѣ, будетъ въ прямомъ отношенiи къ новой стоимости, прибавляемой имъ посредствомъ своего труда. За двѣ недѣли, прибавляетъ онъ вдвое болѣе труда, а слѣдовательно вдвое болѣе стоимости, чѣмъ за одну недѣлю; но, въ тоже время, онъ расходуетъ вдвое большее количество матерiала, вдвое большей стоимости, причемъ изнашивается вдвое большее количество вещества машины, также на вдвое большую стоимость; слѣдовательно, онъ сохраняетъ въ продуктѣ двухъ недѣль вдвое болѣе стоимости, чѣмъ въ продуктѣ одной недѣли. При данныхъ постоянныхъ условiяхъ производства работникъ сберегаетъ тѣмъ большую стоимость, чѣмъ болѣе стоимости онъ прибавляетъ; но онъ

сохраняетъ большую стоимость не потому, что онъ прибавляетъ большую стоимость, а потому что онъ прибавляетъ ее при постоянныхъ условіяхъ, независимыхъ отъ его собственнаго труда.

Но если не въ абсолютномъ, то въ относительномъ смыслѣ можно сказать, что работникъ сохраняетъ всегда прежнія стоимости въ той же самой пропорціи, въ какой онъ прибавлялъ новую стоимость. Поднимается-ли цѣна хлопка съ 1 шилл. до 2 шилл., или опустится до 6 пенс., во всякомъ случаѣ работникъ сохранитъ въ продуктѣ одного часа лишь половину той стоимости хлопка,—какимъ бы тамъ измѣненіямъ не подвергалась эта стоимость, — которую онъ сохранитъ въ продуктѣ двухъ часовъ. Далѣе, съ измѣненіемъ производительности его собственнаго труда, т. е. съ повышеніемъ или пониженіемъ ея, онъ будетъ расходовать въ теченіе напримѣръ одного рабочаго часа болѣе или менѣе хлопка, и соотвѣтственно съ этимъ будетъ сохранять въ продуктѣ одного часа большее или меньшее количество стоимости хлопка; но все-таки въ два рабочихъ часа онъ сохранитъ всегда въ два раза болѣе стоимости, чѣмъ въ одинъ рабочій часъ.

Стоимость, — если не обращать вниманія на ея лишь символическое представленіе въ знакахъ стоимости, — можетъ существовать только въ какой-нибудь потребительной стоимости, въ какой-нибудь вещи. (Даже самъ человѣкъ, разсматриваемый просто лишь какъ представитель рабочей силы, есть естественное произведеніе природы, вещь, хотя живая, самосознающая вещь; а самъ трудъ есть вещественное проявленіе этой силы). Поэтому если пропадаетъ потребительная стоимость, то пропадаетъ и стоимость мѣновая. Средства производства, теряя свою потребительную стоимость, не теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ своей мѣновой стоимости; такъ какъ, въ дѣйствительности, они утрачиваютъ вслѣдствіе процесса труда, первоначальную форму своей потребительной стоимости только для того, чтобы получить въ продуктѣ форму новой потребительной стоимости. Но, для мѣновой стоимости важно только существовать непремѣнно въ какой-нибудь потребительной стоимости, и для нея совершенно безразлично то обстоятельство, въ какой именно — какъ это показываетъ метаморфоза товаровъ. Отсюда выходитъ, что, въ процессѣ труда, стоимость переходитъ со средствъ производства на продуктъ лишь настолько, насколько средства производства вмѣстѣ съ ихъ самостоятельною потребительною стоимостью, теряютъ также и ихъ мѣновую стоимость. Они отдаютъ продукту лишь ту стоимость, которую сами теряютъ какъ средства производства. Но съ этой точки зрѣнія, различные предметные факторы процесса труда представляютъ и весьма различныя отношенія.

Уголь, которымъ топятъ машину, пропадаетъ безслѣдно; точно также и сало, которымъ смазывается ось и втулка колеса и т. д. Краски и другія вспомогательныя вещества исчезаютъ, но проявляются въ свойствахъ продукта. Сырой матеріалъ является существенной составной частью продукта, но измѣняетъ свою форму. Итакъ, и сырой матеріалъ, и вспомогательныя вещества, теряютъ ту самостоятельную форму, въ которой они вступили въ процессъ труда какъ потребительныя стоимости. Совершенно бываетъ иначе съ настоящими рабочими орудіями. Всякій инструментъ, всякая машина, всякое фабричное зданіе, всякій сосудъ и т. д., служатъ въ процессѣ труда только до тѣхъ поръ, пока они сохраняютъ свою первоначальную форму, пока они могутъ служить завтра въ процессѣ труда въ той же самой формѣ, въ какой они служили въ немъ еще вчера. По отношенію къ продукту они сохраняютъ свою самостоятельную форму не только во время своей жизни, т. е. во время самаго процесса труда, но даже и по смерти. Безжизненные трупы машинъ, инструментовъ, рабочихъ зданій и т. д продолжаютъ свое существованіе самостоятельно и отдѣльно отъ тѣхъ продуктовъ, производству которыхъ они служили. Если мы разсмотримъ теперь весь періодъ, въ теченіе котораго служитъ подобное орудіе труда, начиная съ перваго дня его поступленія въ мастерскую, и кончая тѣмъ днемъ, когда его забрасываютъ въ сарай, вмѣстѣ со всякимъ старымъ хламомъ,— то увидимъ, что, за весь этотъ періодъ, его потребительная стоимость была сполна потреблена трудомъ, а потому мѣновая стоимость его сполна перешла на продуктъ. Если прядильная машина просуществовала напримѣръ 10 лѣтъ, то, за время такого же десятилѣтняго процесса труда, общая стоимость ея перешла на десятилѣтній продуктъ. Жизненный періодъ рабочаго орудія охватываетъ такимъ образомъ большее или меньшее количество процессовъ труда, повторяющихся съ его помощью. Съ рабочимъ орудіемъ повторяется тоже самое, что и съ человѣкомъ. Жизнь каждаго человѣка убавляется ежедневно на 24 часа. Но, взглянувъ на человѣка, невозможно сказать точно, сколько дней, изъ всей суммы дней его жизни, уже убыло. Однако это не мѣшаетъ обществамъ страхованія жизни выводить изъ средней продолжительности человѣческой жизни, очень вѣрныя, и, что еще важнѣе — очень прибыльные выводы. Тоже самое относится и къ орудіямъ труда. Изъ опыта знаютъ, сколько времени, среднимъ числомъ, можетъ служить данное рабочее орудіе, напримѣръ машина извѣстнаго рода. Положимъ, что потребительная стоимость ея продолжатъ дѣйствовать въ процессѣ труда лишь въ теченіе 6 дней. Очевидно, что, въ теченіе каждаго рабочаго дня, она теряетъ среднимъ числомъ $^1/_6$ своей потребительной стоимости и отдаетъ этому ежедневному продукту $^1/_6$ своей мѣновой стоимости. Точно такимъ же образомъ вычисляется потребленіе и

всякаго другаго рабочаго орудія; опредѣляется напримѣръ ежедневная трата его потребительной стоимости, откуда вычисляется соотвѣтствующее количество мѣновой стоимости, ежедневно переходящей съ него на продуктъ.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно вполнѣ, что средство производства не можетъ придать продукту большей стоимости чѣмъ та, которую оно само потеряло въ теченіе процесса труда вслѣдствіе уничтоженія его собственной потребительной стоимости. Если бы оно не обладало никакой мѣновою стоимостью, которую оно могло бы терять, т. е. если бы не являлось само продуктомъ человѣческаго труда, то оно не могло бы придать никакой мѣновой стоимостью и продукту. Въ этомъ случаѣ оно участвовало въ образованіи потребительной стоимости продукта, не участвуя нисколько въ образованіи его мѣновой стоимости. Поэтому мы дѣйствительно встрѣчаемъ такое явленіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ средства производства являются естественными произведеніями природы, которыя находятся въ природѣ готовыми, и не требуютъ для своего произведенія труда человѣка; таковы напримѣръ земля, вѣтеръ, вода, желѣзо въ горной жилѣ, дерево въ первобытномъ лѣсу и т. д.

При этомъ мы встрѣчаемъ еще другое интересное явленіе. Предположимъ, что мы имѣемъ машину, стоимостью напримѣръ въ 1,000 ф. стерл., и которая приходитъ въ негодность въ теченіе 1,000 дней. Въ подобномъ случаѣ, $^{1}/_{1000}$ стоимости машины ежедневно переходитъ съ нея на продуктъ; но сама машина продолжаетъ постоянно дѣйствовать въ процессѣ труда цѣликомъ, т. е. всею суммою своихъ частей, хотя и съ уменьшающеюся жизненною энергіею. И такъ изъ этого мы видимъ, что одинъ изъ факторовъ процесса труда — средства производства — входитъ въ процессъ труда цѣликомъ, между тѣмъ какъ въ процессъ образованія стоимости онъ входитъ по частямъ. Различіе между процессомъ труда и процессомъ образованія стоимости отражается здѣсь на вещественныхъ факторахъ; одно и то же средство производства, и въ одномъ и томъ же процессѣ производства, какъ элементъ процесса труда,—входитъ цѣликомъ, а какъ элементъ образованія стоимости—оно входитъ лишь по частямъ [21]).

Но дѣло можетъ происходить и наоборотъ: средство производства войдетъ въ процессъ образованія стоимости цѣликомъ, между тѣмъ какъ въ процессъ труда оно войдетъ только по частямъ. Предположимъ, что при обработкѣ хлопчатой бумаги, изъ каждыхъ 115 ф., пропадаетъ ежедневно 15 ф., которые представляютъ не пряжу, а никуда негодные отрепки, отбросъ, или devil's dust (чертова пыль), какъ называютъ его англійскіе рабочіе. Если эта потеря въ 15% есть явленіе нормальное, если она является неизбѣжнымъ условіемъ при обыкновенномъ, господствующемъ въ данномъ обществѣ способѣ обработки хлопка, то стоимость этихъ 15 ф., изъ которыхъ въ пряжѣ нѣтъ ни одного волокна, входитъ все-таки въ стоимость пряжи, какъ входитъ въ нее стоимость тѣхъ 100 ф., которые составляютъ вещество пряжи. Потребительная стоимость 15 ф. хлопка должна превратиться въ отбросъ, чтобы произвести 100 ф. пряжи. Потеря этого хлопка является слѣдовательно условіемъ производства пряжи, и именно поэтому онъ переноситъ на пряжу свою мѣновую стоимость. Тоже самое относится ко всѣмъ экскрементамъ или отбросамъ процесса труда, если только эти экскременты не служатъ опять новыми средствами производства и не являются слѣдовательно новыми самостоятельными потребительными стоимостями. Такъ напримѣръ на большихъ манчестерскихъ машино-строительныхъ заводахъ можно видѣть цѣлыя горы желѣзнаго сора, отбрасываемаго циклопическими машинами въ видѣ стружекъ; вечеромъ всѣ эти стружки на громадныхъ повозкахъ отвозятся съ заводовъ на желѣзно-литейный заводъ для того, чтобы на другой день снова вернуться на фабрику въ видѣ массивнаго желѣза.

21) Всякаго рода трудъ по поправкѣ и починкѣ рабочихъ орудій, машинъ, зданій и т. д. совершенно сюда не относится. Машина, находящаяся въ исправленіи, дѣйствуетъ не какъ орудіе труда, а какъ матеріалъ. Работа производится въ этомъ случаѣ не при помощи ея, а надъ нею же самою, чтобы исправить ея потребительную стоимость. Подобныя работы по исправленію, для нашей цѣли, надо представлять всегда включенными въ тотъ трудъ, необходимый для производства орудій труда. Здѣсь мы говоримъ о такомъ изнашиваніи, которое не можетъ вылѣчить никакой докторъ, и которое постепенно ведетъ смерть; о «томъ родѣ изнашиванія, которое не можетъ быть исправляемо отъ времени до времени, и которое доводитъ, напримѣръ, ножъ до такого состоянія, что, по выраженію ножевщика, онъ не стоитъ болѣе новаго черенка». Здѣсь мы показали, что всякая машина входитъ въ каждый отдѣльный процессъ труда цѣликомъ; тогда какъ въ происходящій одновременно процессъ образованія стоимости, она входитъ лишь по частямъ. А потому читатель можетъ судить о смѣшеніи понятій, господствующихъ въ слѣдующемъ разсужденіи: „Ricardo говоритъ, что напримѣръ въ стоимости пары чулокъ находится часть труда инженера, построившаго чулочную машину. Но вся сумма труда (the total labour), произведшая каждую пару чулокъ, содержитъ въ себѣ весь трудъ (the whole labour) инженера, а не одну только часть его; потому что одна машина производитъ много паръ, но ни одна изъ нихъ не могла бы быть сработана безъ участія каждой изъ частей машины".(Observations on certain verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to Value, and to demand and supply". London, 1821, p. 54). Авторъ этого сочиненія, необыкновенно самонадѣянный „wiseacre" (мнимый мудрецъ) во всей этой путаницѣ

На новую форму потребительной стоимости, представляемую продуктомъ, средства производства переносятъ только такую мѣновую стоимость, какую они сами теряютъ, при процессѣ труда, въ формѣ ихъ прежней потребительной стоимости. Но максимумъ потери въ стоимости, которую они могутъ понести въ процессѣ труда, очевидно ограниченъ величиною ихъ первоначальной стоимости, съ которою они вступили въ этотъ процессъ, т. е. количествомъ времени, которое было употреблено для ихъ собственнаго производства. Поэтому средства производства никогда не могутъ прибавить къ продукту большей стоимости, чѣмъ та, которою они обладаютъ независимо отъ процесса труда, въ которомъ они служатъ. Если какой-нибудь сырой матеріалъ или машина, или какое-нибудь другое средство производства стòитъ 150 ф. стерл., — скажемъ 500 рабочихъ дней, то, — какъ бы ни былъ полезенъ этотъ матеріалъ, машина или средство производства,— онъ никогда не можетъ прибавить болѣе 150 ф. стерл. къ общему продукту, для образованія котораго служитъ. Стоимость каждаго изъ нихъ опредѣляется не тѣмъ процессомъ труда, въ который онъ входитъ какъ средство производства, но тѣмъ процессомъ, изъ котораго онъ выходитъ, какъ продуктъ. Въ процессѣ труда онъ служитъ только какъ потребительная стоимость, какъ вещь, имѣющая полезныя свойства, и потому онъ не можетъ отдавать продукту никакой мѣновой стоимости, если не обладалъ ею до своего вступленія въ процессъ труда [22].

Пока производительный трудъ превращаетъ средства производства въ элементы образованія новаго продукта, ихъ мѣновая стоимость совершаетъ процессъ, очень похожій на переселеніе душъ: она переходитъ изъ потребленнаго тѣла въ ново-созданное тѣло. Но это переселеніе душъ происходитъ, такъ сказать, за глазами дѣйствительнаго труда. Работникъ не можетъ прибавлять новаго труда, а слѣдовательно не можетъ производить новой стоимости, не сохраняя въ тоже время прежнихъ стоимостей; такъ какъ онъ всегда долженъ прибавлять трудъ въ опредѣленной, полезной формѣ; а онъ не можетъ прибавлять труда въ полезной формѣ, не пользуясь какимъ-нибудь продуктомъ какъ средствомъ производства новаго продукта, и не перенося такимъ образомъ ихъ стоимостей на этотъ новый продуктъ. И такъ дѣйствующая рабочая сила или живой трудъ обладаетъ свойствомъ сохранять стоимость въ то время, какъ онъ прибавляетъ стоимость; это свойство есть естественное свойство труда, даръ природы; работнику оно не стоитъ ничего, но капиталисту оно приноситъ очень много, такъ какъ отъ него зависитъ сохраненіе имѣющейся капитальной стоимости [23]). До тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ хорошо, капиталистъ обыкновенно бываетъ настолько занятъ заботами о своемъ обогащеніи, что не замѣчаетъ выгоды, доставляемой ему трудомъ даромъ; но насильственные перерывы въ процессѣ труда, или такъ называемые кризисы, вынуждаютъ его замѣ-

---

мыслей, а потому во всей своей полемикѣ правъ только въ одномъ отношеніи, а именно въ томъ, что ни Рикардо и никакой другой экономистъ, ни до, ни послѣ него строго не различали обѣихъ сторонъ труда, а потому и еще менѣе могли заниматься анализомъ различнаго вліянія этихъ сторонъ на образованіе стоимости.

[22]) Поэтому читатель безъ труда пойметъ всю нелѣпость такого писателя какъ J. B. Say, который выводитъ прибавочную стоимость (процентъ, прибыль, ренту) изъ «services productives» (производительныхъ услугъ), оказываемыхъ процессу труда средствами производства: землею, инструментами, кожею и т. д., вслѣдствіе свойственныхъ имъ потребительныхъ стоимостей. Господинъ Wilhelm Roscher, который съ трудомъ упускаетъ случай прославить всякую нелѣпицу, если только она служитъ на защиту капитала, восклицаетъ по этому поводу: «Совершенно справедливо замѣчаетъ J. B. Say, Traité t. I. ch. 4: «Стоимость, получающаяся за вычетомъ всѣхъ издержекъ, вслѣдствіе работы маслобойни, представляетъ собою нѣчто новое, существенно отличное отъ того труда, посредствомъ котораго была сдѣлана сама маслобойня», (l. c., p. 82. Note). Совершенно справедливо! Приготовляемое маслобойнею «масло»—нѣчто весьма различное отъ «труда», котораго стòитъ постройка маслобойни. И такъ подъ «стоимостью» Roscher признаетъ такую вещь какъ «масло» только по тому что «масло» имѣетъ стоимость, — но такъ какъ «въ природѣ» имѣется горное масло, хотя сравнительно говоря, «не очень много», то, на этомъ основаніи, Roscher дѣлаетъ другое замѣчаніе: «Она (природа!) почти никогда не производитъ мѣновыхъ стоимостей». У природы Roscher'а происходитъ съ мѣновою стоимостью тоже самое, что произошло у глупой дѣвки съ ея ребенкомъ, который былъ вѣдь «совсѣмъ маленькій». Тотъ же самый «ученый» (savant sérieux) замѣчаетъ еще по вышеприведенному случаю: «Школа Ricardo старается подвести капиталъ подъ понятіе труда, разсматривая его, какъ «сбереженный трудъ». Это очень неискусная (!) выдумка; такъ какъ (!) по истинѣ (!) владѣльцемъ (!) капитала сдѣлано все-таки (!) болѣе (!), чѣмъ простое (!?) производство (??) и (??) сбереженіе его (кого?): именно (?!?) воздержаніе отъ собственнаго наслажденія, за что онъ, напримѣръ (!!!) требуетъ процентовъ». (l. c.). Какъ «искусна» эта «анатомико физіологическая метода» изслѣдованія политико-экономическихъ вопросовъ, которая выводитъ «стоимость» изъ простого «требованія».

[23]) «Изъ всѣхъ орудій, употребляемыхъ фермеромъ въ его промыслѣ, трудъ человѣка... есть то орудіе, на которое онъ долженъ надѣяться всего болѣе относительно возвращенія затраченнаго имъ капитала (re-payment of his capital). Остальные два, — состоящія изъ рабочаго скота и... повозокъ, плуговъ, заступовъ и т. д. безъ опредѣленнаго количества перваго, ровно ничего не значатъ». (Edmund Burke: «Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Right Hon. W. Pitt in the Month of November 1795, edit. London, 1800», p. 10).

тить это очень чувствительнымъ для него образомъ [24]).

Процессу труда вообще приходится имѣть дѣло только съ потребительною стоимостью средствъ производства, потребленіе которой трудомъ производитъ продуктъ. Мѣновая стоимость средствъ производства въ дѣйствительности не потребляется [25]), а потому не можетъ быть и воспроизводима. Она просто сохраняется въ продуктѣ, и то не потому, чтобы во время процесса труда надъ нею самою производились какія бы то ни было операціи, а только потому, что потребительная стоимость, въ которой она первоначально находится, хотя и исчезаетъ, но исчезаетъ лишь въ другой потребительной стоимости. Поэтому мѣновая стоимость средствъ производства, строго говоря, не воспроизводится, а только снова проявляется въ стоимости продукта. Воспроизводится только новая потребительная стоимость, въ которой снова проявляется прежняя мѣновая стоимость [26]).

Но совсѣмъ не то замѣчается по отношенію къ субъективному фактору процесса труда, по отношенію къ дѣйствующей въ этомъ процессѣ рабочей силѣ. Такъ какъ рабочій, вслѣдствіе цѣлесообразной формы своего труда, переноситъ стоимость средствъ производства на продуктъ, сохраняя ее такимъ образомъ въ продуктѣ, тѣмъ только, что работаетъ, онъ каждый моментъ создаетъ одновременно добавочную стоимость, новую стоимость. Предположимъ, что процессъ производства прекращается въ тотъ моментъ, когда работникъ произвелъ эквивалентъ стоимости своей собственной рабочей силы, т. е. когда онъ, вслѣдствіе напримѣръ шестичасового труда, добавилъ новую стоимость въ 3 шиллинга. Эта стоимость является излишкомъ стоимости продукта надъ тою частью его стоимости, которая обязана своимъ происхожденіемъ стоимости средствъ производства. Она представляетъ собою единственную оригинальную стоимость, возникающую въ теченіе этого процесса, единственную часть стоимости продукта, созданную посредствомъ самого процесса. Конечно, она только пополняетъ собою деньги, затраченныя капиталистомъ при покупкѣ рабочей силы и израсходованныя самимъ работникомъ на покупку средствъ существованія. По отношенію къ издержаннымъ 3 шилл. новая стоимость въ 3 шилл. является только воспроизведенной стоимостью. Но въ данномъ случаѣ стоимость дѣйствительно воспроизводится, а не является только кажущимся воспроизведеніемъ, какимъ является стоимость средствъ производства. При этомъ возмѣщеніе одной стоимости другою производится созданіемъ новой стоимости.

Но мы уже знаемъ, что процессъ труда продолжается далѣе того предѣла, когда работникъ воспроизвелъ и прибавилъ къ предмету труда простой эквивалентъ стоимости своей рабочей силы. Вмѣсто 6 часовъ, которыхъ было бы до-

---

[24]) Одинъ фабрикантъ, владѣлецъ прядильни, на которой работало 800 человѣкъ и потреблялось еженедѣльно, среднимъ числомъ, до 150 тюковъ остъ-индской, или около 130 тюковъ американской хлопчатой бумаги, жалуется въ газетѣ Times, отъ 26 ноября 1862 г. на ежегодные убытки, которые ему приходится нести изъ за временныхъ пріостановокъ работъ на фабрикѣ. Онъ вычисляетъ ихъ въ 6,000 ф. стерл. Между этими убытками есть много такихъ, которые не касаются насъ въ настоящую минуту, напримѣръ, поземельная рента, налоги, страховыя издержки, плата работникамъ, состоящимъ на годовомъ жалованіи: управляющему, бухгалтеру, инженеру и т. п. Но затѣмъ онъ показываетъ: угля на 150 ф. стер., чтобы отъ времени до времени протапливать фабрику, и чтобы изрѣдка пускать въ ходъ паровую машину; сверхъ того плата работникамъ, чтобы поддерживать ее въ такихъ случаяхъ въ ходу. Наконецъ, 1,200 ф. стерл. на ухудшеніе машинъ такъ какъ «погода и естественные разрушительные дѣятели не пріостанавливаютъ своихъ вліяній только потому, что паровая машина перестала работать». При этомъ онъ добавляетъ, что оцѣниваетъ послѣдній убытокъ въ такую незначительную сумму какъ 1,200 ф. стерл., только потому, что его машины и безъ того уже сильно подержаны и находятся въ плохомъ состояніи.

[25]) «Производительное потребленіе: когда потребленіе товара (commodity) представляетъ часть процесса производства... Въ такихъ случаяхъ потребленіе не касается мѣновой стоимости (value) товаровъ». (S. P. Newman, l. c., p. 296).

[26]) Въ одномъ сѣверо-американскомъ руководствѣ, выдержавшемъ, можетъ быть до 20 изданій, читатель находитъ слѣдующее: «Въ какой формѣ снова является капиталъ, это рѣшительно все равно». Послѣ многословнаго перечисленія всевозможныхъ составныхъ частей производства, стоимость которыхъ снова появляется въ стоимости продукта, авторъ добавляетъ въ заключеніе: «Различные роды пищи, одежды и жилища, необходимые для существованія и комфорта человѣка, также претерпѣваютъ измѣненія. Отъ времени до времени они потребляются, и ихъ стоимость (value) снова появляется въ новой тѣлесной и умственной силѣ, доставляющей новый капиталъ, который снова можетъ быть употебленъ на дѣло производства». (F. Weyland: l. c., p. 31, 32). Не говоря уже о другихъ диковинкахъ, мы скажемъ только, что не цѣна, напримѣръ хлѣба, снова появляется въ новообразованной силѣ, а тѣ составныя части его, которыя способны превращаться въ кровь. Наоборотъ, въ стоимости силы проявляются снова не сами жизненныя средства, а ихъ стоимость. Тѣже самыя жизненныя средства, хотя бы они стоили только половину ихъ настоящей цѣны, производятъ тоже самое количество мускуловъ, костей и т. д., короче сказать — ту же самую силу; но они не производятъ силы той же самой стоимости. Это смѣшиваніе «стоимости» и «силы», и замѣна ихъ одна другою, и вообще вся эта фарисейская неопредѣленность скрываетъ попытку, впрочемъ совершенно тщетную, вывести прибавочную стоимость изъ простого возвращенія затраченныхъ стоимостей.

статочно для этого, процессъ тянется напримѣръ 12 часовъ. Слѣдовательно проявленіе рабочей силы, или трудъ, не только воспроизводитъ собственную стоимость, но производитъ еще нѣкоторый излишекъ стоимости. Эта прибавочная стоимость составляетъ излишекъ стоимости продукта надъ стоимостью элементовъ, израсходованныхъ для образованія продукта, т. е. средствъ производства и рабочей силы.

Показавъ такимъ образомъ различныя роли, которыя различные факторы процесса труда играютъ въ ооразованіи стоимости продукта, мы показали этимъ самымъ дѣйствіе различныхъ составныхъ частей капитала въ процессѣ его собственнаго возрастанія. Избытокъ общей стоимости продукта надъ суммою стоимостей его составныхъ элементовъ, есть избытокъ увеличившагося капитала надъ первоначально затраченной капитальною стоимостью. Средства производства съ одной стороны, и рабочая сила — съ другой, являются только различными формами существованія, которыя принимаетъ первоначальная стоимость капитала, когда онъ изъ денежной формы превращается въ фактора процесса труда.

И такъ та часть капитала, которая превращается въ средства производства, т. е. въ сырой матеріалъ, въ вспомогательныя вещества и въ орудія труда, не измѣняетъ величины своей стоимости въ процессѣ производства. Поэтому я называю ее постоянною частью капитала, или короче постояннымъ капиталомъ.

Наоборотъ, та часть капитала, которая превращена въ рабочую силу, измѣняетъ свою стоимость въ процессѣ производства. Она воспроизводитъ кромѣ собственнаго эквивалента еще нѣкоторый излишекъ, или прибавочную стоимость, которая сама можетъ измѣняться, т. е. быть большею или меньшею. Эта часть капитала непрерывно превращается изъ постоянной величины въ перемѣнную; а потому я называю ее перемѣнною частью капитала, или короче перемѣннымъ капиталомъ. Тѣже самыя составныя части капитала, которыя, съ точки зрѣнія процесса труда, различаются между собою, какъ объективный и субъективный факторы, какъ средства производства и рабочая сила, съ точки зрѣнія процесса возрастанія стоимости, различаются одна отъ другой, какъ постоянный и перемѣнный капиталъ.

Понятіе постояннаго капитала отнюдь не исключаетъ возможности измѣненія стоимости его составныхъ частей. Предположимъ, что фунтъ хлопка стоющій сегодня 6 пенс., завтра, вслѣдствіе неурожая хлопчатника, подымается въ цѣнѣ до 1 шилл. Прежняя хлопчатая бумага, которая продолжаетъ обработываться на фабрикѣ, была куплена по 6 пенс. за фунтъ, но теперь она прибавляетъ къ продукту стоимость въ 1 шилл. Даже тотъ хлопокъ, который уже находится въ пряжѣ и быть можетъ уже обращается на рынкѣ въ видѣ пряжи, точно также прибавляетъ къ продукту стоимость вдвое большую своей первоначальной стоимости. Не трудно видѣть однако, что подобныя измѣненія стоимости не зависятъ отъ возрастанія стоимости хлопка вслѣдствіе самого процесса пряденья. Если-бы прежняя хлопчатая бумага еще совершенно не входила въ процессъ труда, ее можно было бы перепродать теперь за 1 шилл. вмѣсто 6 пенс. за фунтъ. Мало того: чѣмъ менѣе она подвергалась переработкѣ, тѣмъ вѣрнѣе такой результатъ. Поэтому спекуляція признаетъ даже однимъ изъ своихъ законовъ,—въ случаѣ подобныхъ рѣзкихъ измѣненій въ цѣнѣ,—спекулировать на сыромъ матеріалѣ въ его наименѣе обработанномъ видѣ, слѣдовательно скорѣе на пряжѣ, чѣмъ на тканяхъ, и еще скорѣе на самомъ хлопкѣ, чѣмъ на пряжѣ. Измѣненіе въ стоимости происходитъ при этомъ въ томъ процессѣ, который производитъ хлопокъ, а не въ томъ процессѣ, гдѣ онъ функціонируетъ какъ средство производства, а потому какъ постоянный капиталъ. Хотя стоимость товара опредѣляется количествомъ содержащагося въ немъ труда, но это количество само опредѣляется общественными условіями. Если общественное рабочее время, необходимое для его производства, измѣнилось,—если напримѣръ, вслѣдствіе плохого урожая, тоже самое количество хлопка представляетъ большее количество труда, чѣмъ при хорошемъ урожаѣ, — то это отражается на прежнемъ товарѣ, который всегда разсматривается какъ одинъ изъ экземпляровъ въ своемъ родѣ [27]), стоимость котораго измѣряется постоянно общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, т. е. рабочимъ временемъ, необходимымъ при общественныхъ условіяхъ настоящаго времени.

Не одна только стоимость сырого матеріала, можетъ подвергаться подобнымъ измѣненіямъ, но также и стоимость орудій труда, служащихъ уже въ процессѣ производства, напримѣръ машинъ и т. д., а слѣдовательно и та часть стоимости, которую они передаютъ продукту. Такъ напримѣръ, если, вслѣдствіе какого нибудь новаго изобрѣтенія, извѣстная машина воспроизводится съ меньшею тратою труда, чѣмъ прежде, то всѣ старыя машины того же рода падаютъ болѣе или менѣе въ цѣнѣ, а потому и переносятъ теперь на продуктъ меньшую стоимость, чѣмъ прежде. Но и здѣсь измѣненіе стоимости появляется точно также за предѣлами того процесса производства, въ которомъ машина функціонируетъ какъ средство производства. Въ этомъ процессѣ, она никогда не отдаетъ стоимости, которая была бы больше той, какою она обладаетъ независимо отъ этого процесса.

---

[27]) «Всѣ продукты одного и того же рода составляютъ, собственно говоря, одну массу, стоимость которой опредѣляется вообще, и безъ всякаго отношенія къ частнымъ обстоятельствамъ». (Le Trosne: l. c., p. 893).

Слѣдовательно измѣненіе въ стоимости средствъ производства не измѣняетъ характера ихъ, какъ постояннаго капитала, хотя бы это измѣненіе и совершилось уже послѣ вступленія ихъ въ процессъ, вслѣдствіе вздорожанія или удешевленія на рынкѣ продуктовъ этого рода; точно также и измѣненіе въ соотношеніи между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ нисколько не касается функцій этихъ двухъ родовъ капитала. Техническія условія процесса труда могутъ измѣняться и тамъ, напримѣръ, гдѣ ранѣе 10 работниковъ, съ помощью 10 инструментовъ незначительной стоимости, обрабатывали сравнительно ничтожное количество сырого матеріала, въ настоящее время 1 работникъ, посредствомъ дорогой машины, обрабатываетъ во сто разъ большее количество сырого матеріала. Въ этомъ случаѣ, постоянный капиталъ,—т. е. стоимость употребленныхъ въ дѣло средствъ производства, — возросъ бы очень значительно; между тѣмъ, какъ перемѣнная часть капитала, затраченная на рабочую силу, упала бы по сравненію съ прежнимъ временемъ. Но эта перемѣна измѣняетъ лишь отношеніе по величинѣ между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ, т. е. то отношеніе, въ которомъ весь капиталъ распадается на постоянныя и перемѣнныя составныя части; а самое различіе между постоянною и перемѣнною частью капитала остается безъ измѣненія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Норма прибавочной стоимости.

1) Степень эксплуатаціи труда.

Прибавочная стоимость, произведенная въ процессѣ производства первоначально затраченнымъ на него капиталомъ K, или возрастаніе затраченной стоимости капитала K, является прежде всего, какъ излишекъ стоимости продукта надъ суммою стоимостей элементовъ его производства.

Капиталъ K распадается на двѣ части: на нѣкоторую денежную сумму c, расходуемую на средства производства, и на другую денежную сумму v, расходуемую на рабочую силу; c представляетъ часть стоимости, превращенную въ постоянный капиталъ, а v — часть стоимости, превращенную въ капиталъ перемѣнный. Слѣдовательно, первоначально: $K=c+v$, напримѣръ затраченный капиталъ въ 500 ф. стерл. $= \overbrace{410}^{v}$ ф. стерл. $+\overbrace{90}^{v}$ ф. стерл. Въ концѣ процесса является продуктъ, стоимость котораго $=c+v+m$, гдѣ m есть прибавочная стоимость, т. е. напримѣръ: $\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. $+\overbrace{90}^{v}$ ф. стерл. $+\overbrace{90}^{m}$ ф. стерл. Первоначальный капиталъ K превращается въ K', т. е. изъ 500 ф. стерл. въ 590 ф. стерл. Разница между ними $=m$, т. е. равна прибавочной стоимости въ 90 ф. стерл. Такъ какъ стоимость элементовъ производства равна стоимости затраченнаго капитала, поэтому положеніе, утверждающее, что излишекъ стоимости продукта, надъ стоимостью элементовъ его производства, равняется увеличенію затраченнаго капитала или произведенной прибавочной стоимости, — представляетъ въ сущности простую тавтологію.

Но эта тавтологія требуетъ все таки нѣсколько болѣе внимательнаго разсмотрѣнія. Стоимость элементовъ производства, сравниваемая со стоимостью продукта, есть стоимость элементовъ производства, потребленныхъ при образованіи этого продукта. Но мы уже знаемъ, что часть употребленнаго въ дѣло постояннаго капитала, состоящая изъ рабочихъ орудій, передаетъ свою стоимость продукту только по частямъ, тогда какъ остающаяся за тѣмъ стоимость продолжаетъ существовать въ свой прежней формѣ. Такъ какъ эта остающаяся часть не имѣетъ никакого значенія въ процессѣ возрастанія стоимости, то въ нашихъ вычисленіяхъ мы отбрасываемъ ее вовсе. Введеніе ея въ вычисленіи ни малѣйшимъ образомъ не измѣнило бы результата, но только усложнило бы расчетъ. Допустимъ, что $c=$ 410 ф. стерл. состоитъ изъ сырого матеріала на 312 ф. стерл., вспомогательнаго матеріала на 44 ф. стерл. и изъ потребленнаго вещества машинъ на 54 ф. стерл., и допустимъ, что стоимость дѣйствительно употреблявшихся въ дѣлѣ машинъ равна 1,054 ф. стерл. Изъ этой послѣдней суммы только 54 ф. стерл. составляютъ дѣйствительную потерю машины, а потому, отдаются ею продукту, и слѣдовательно должны считаться стоимостью, истраченною на производство стоимости продукта. Если-бы мы захотѣли считать также и 1,000 ф. стерл., продолжающіе существовать по прежнему въ формѣ паровой машины и т. д., то мы должны были бы присчитать ихъ къ обѣимъ сторонамъ, т. е. къ затраченной стоимости и къ стоимости

полученнаго продукта [28]); такимъ образомъ мы получили бы: съ одной стороны—1,500 ф. стерл., а съ другой — 1,590 ф. стерл. Разница между ними, или прибавочная стоимость, равнялась бы по прежнему 90 ф. стерл. Поэтому, подъ постояннымъ капиталомъ, затраченнымъ на производство стоимости, мы будемъ подразумѣвать всегда, — кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ противоположное пониманіе очевидно уже изъ самаго хода изложенія,—только стоимость тѣхъ средствъ производства, которыя дѣйствительно потребляются въ процессѣ производства

Послѣ такой оговорки, вернемся снова къ формулѣ $K = c + v$, которая превращается въ $K' = c + v + m$, а потому превращаетъ K въ K'. Мы уже знаемъ, что стоимость постояннаго капитала лишь снова проявляется въ продуктѣ. Стало быть, стоимость, созданная вновь въ теченіи процесса, или произведенная стоимость, отлична отъ сохраненной въ этомъ процессѣ стоимости продукта, а потому она равна, не $\overbrace{c+v+m}$, или не $\overbrace{410 \text{ ф. с.}}^{c} + \overbrace{90 \text{ ф. с}}^{v} + \overbrace{90 \text{ ф.}}^{m}$ стерл., какъ это представляется съ перваго взгляда, но $\overbrace{v+m}$, или $\overbrace{90 \text{ ф. с.}}^{v} + \overbrace{90 \text{ ф. с.}}^{m}$, т. е. она равна не 590 ф. стерл. но 180 ф. стерл. Если бы постоянный капиталъ равнялся 0, иначе говоря: если бы существовала такая отрасль промышленности, въ которой капиталистъ могъ бы обойтись безъ средствъ производства, добытыхъ предварительнымъ трудомъ, т. е. безъ сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, безъ рабочихъ орудій, а употреблялъ бы только вещества, находящіяся въ природѣ готовыми, и рабочую силу, въ такомъ случаѣ, не было бы никакой постоянной части стоимости, которая переносилась бы на продуктъ. Этотъ элементъ стоимости продукта, равный въ нашемъ примѣрѣ 410 ф. стерл., исчезъ бы совершенно; но произведенная стоимость въ 180 ф. стерл., заключающая въ себѣ 90 ф. стерл. прибавочной стоимости, осталась бы точно также велика, какъ если бы c представлялъ чрезвычайно большую сумму стоимости. Мы имѣли бы въ этомъ случаѣ: $K = \overbrace{0 + v} = v$, и K', т. е. возросшій въ своей стоимости капиталъ $= v + m$; $K' - K$, какъ и прежде, равнялся бы m. Но, если бы, наоборотъ, $m = 0$, другими словами: если бы рабочая сила, стоимость которой затрачена въ формѣ перемѣннаго капитала, произвела только свой собственный эквивалентъ, то $K = c + v$ и K' (стоимость продукта) $= \overbrace{c + v} + 0$; а потому $K = K'$, т. е. затраченный капиталъ не возросъ бы въ своей стоимости.

Но мы уже знаемъ, что прибавочная стоимость есть простое послѣдствіе измѣненія въ стоимости, происходящаго съ v, т. е. съ тою частью капитала, которая превращена въ рабочую силу, и что слѣдовательно: $v + m = v + \Delta v$ (v плюсъ приращеніе v). Но дѣйствительное измѣненіе стоимости и то отношеніе, въ которомъ совершается это измѣненіе, очень затемняются тѣмъ, что, отъ возрастанія перемѣнной части капитала, возрастаетъ также и весь затраченный капиталъ. Онъ равнялся 500 ф. стерл.; въ концѣ же процесса, онъ становится $=$ 590 ф. Слѣдовательно, для анализа процесса въ его чистомъ видѣ, надо совсѣмъ отбросить ту часть стоимости продукта, въ которой только снова появляется стоимость, существовавшая уже и прежде въ формѣ постояннаго капитала, т. е. приравнять постоянный капиталъ нулю, предположить что $c = 0$, примѣнивъ такимъ образомъ тотъ математическій законъ, который имѣетъ силу въ дѣйствіяхъ надъ перемѣнными и постоянными величинами, когда постоянныя величины связаны съ перемѣнными только посредствомъ сложенія или вычитанія [29]).

Другое затрудненіе возникаетъ изъ первоначальной формы перемѣннаго капитала. Такъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ, $K' = 410$ ф. стерл. (постоянный капиталъ) $+$ 90 ф. стерл. (перемѣнный капиталъ) $+$ 90 ф. стерл. (прибавочная стоимость) Но 90 ф. стерл. представляютъ здѣсь данную величину, слѣдовательно величину постоянную; а потому кажется очень нелѣпымъ обращаться съ этою суммою, какъ $\overbrace{\quad}^{v}$ съ величиною перемѣнною. Но 90 ф. стерл., или 90 ф. перемѣннаго капитала представляютъ при этомъ на самомъ дѣлѣ только символъ того процесса, который совершаетъ эта стоимость. Часть капитала, затраченная при покупкѣ рабочей силы, есть опредѣленное количество воплощеннаго труда, слѣдовательно постоянная величина стоимости, все равно какъ и стоимость купленной рабочей силы. Но въ самомъ процессѣ производства, на мѣсто затраченныхъ 90 ф. стерл. появляется дѣйствующая рабочая сила, на мѣсто мертваго труда — трудъ живой,

---

[28]) „Если мы принимаемъ въ расчетъ стоимость основного капитала, расходующагося въ теченіе производства только по частямъ, то остающуюся въ концѣ года стоимость такого капитала, намъ слѣдуетъ считать какъ часть годовой выручки“. (Malthus: Princ. of Pol. Econ. 2-nd. ed. London, 1836“, p. 269).

[29]) „Постоянныя величины, связанныя съ перемѣнными посредствомъ дѣйствій сложенія или вычитанія, пропадаютъ въ процессѣ дифференцированія“. (I. Hind: „Differential calculus Camdridge, 1831“, p. 126). Дѣйствительно, постоянная величина не представляетъ никакого измѣненія въ своей величинѣ. Отсюда законъ дифференціальнаго счисленія: дифференціалъ постоянной величины$=$0.

на мѣсто неподвижной величины — величина движущаяся, на мѣсто постоянной величины—величина перемѣнная. Въ результатѣ процесса получается воспроизведеніе v плюсъ приращеніе v. Съ точки зрѣнія капиталистическаго производства весь ходъ дѣла представляется въ видѣ самостоятельнаго движенія первоначальной постоянной стоимости, превращенной въ рабочую силу. И самый процессъ и его результатъ представляются происходящими изъ этой стоимости. Поэтому если такое выраженіе какъ «перемѣнный капиталъ» вь 90 ф. стерл., или «самовозрастающая стоимость», и кажется намъ противорѣчащимъ самому себѣ, то оно выражаетъ только противорѣчіе, свойственное капиталистическому производству.

На первый взглядъ, приравниваніе капитала нулю можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Но подобное приравниваніе дѣлается нами въ обыденной жизни очень часто. Такъ напримѣръ, если кто нибудь захочетъ вычислить барыши, получаемые Англіею отъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, то онъ прежде всего вычтетъ цѣну, уплаченную за хлопчатую бумагу Соединеннымъ Штатамъ, Индіи, Египту и т. д., т. е. приравняетъ нулю ту часть стоимости продукта, въ которой лишь снова появилась уже существовавшая прежде капитальная стоимость.

Съ экономической точки зрѣнія, конечно, имѣетъ очень важное значеніе не только отношеніе прибавочной стоимости къ той части капитала, изъ которой она возникаетъ непосредственно, представляя собою измѣненіе стоимости этой части, но также и отношеніе ея ко всей суммѣ затраченнаго капитала. Поэтому въ третьей книгѣ мы разсмотримъ это отношеніе довольно подробно. Чтобы одна часть капитала имѣла возможность возрости въ своей стоимости посредствомъ превращенія въ рабочую силу, для этого другая часть капитала должна быть превращена въ средства производства. Чтобы перемѣнный капиталъ могъ выполнять свою функцію, для этого долженъ быть затраченъ нѣкоторый постоянный капиталъ въ извѣстномъ соотношеніи, сообразно опредѣленному техническому характеру процесса труда. Хотя во всякомъ химическомъ процессѣ употребляются реторты и другіе сосуды, однако обстоятельство это нисколько не мѣшаетъ при анализѣ веществъ умалчивать о ретортахъ и т. п. Пока созданіе стоимости и измѣненія стоимости рассматриваются сами по себѣ, т. е. въ ихъ чистомъ видѣ, до тѣхъ поръ средства производства, эти матеріальныя формы постояннаго капитала доставляютъ только то вещество, въ которое можетъ воплотиться живая сила, творящая стоимость. Поэтому природа этого вещества на играетъ здѣсь никакой роли: будетъ-ли это хлопчатая бумага, или желѣзо,—все равно. Точно также не имѣетъ здѣсь никакого значенія и стоимость этого вещества. Важно только одно, чтобы количество этого вещества было достаточно для того, чтобы всосать въ себя то количество труда, которое должно быть потрачено во время процесса производства. Какъ скоро имѣется такое количество вещества, стоимость его можетъ возрастать или убывать; оно можетъ даже совсѣмъ не имѣть никакой стоимости, какъ земля или море; все это нисколько не можетъ повліять на процессъ созданія или измѣненія стоимости [30]).

Итакъ прежде всего приравняемъ постоянную часть капитала—нулю. Вслѣдствіе этого затраченный капиталъ съ $c+v$ сведется на v; а стоимость продукта $\widehat{c+v+m}$ сведется на созданную стоимость $\widehat{v+m}$. Допустимъ, что произведенная стоимость$=180$ ф. стерл., т. е., что эта сумма представляетъ весь трудъ, израсходованный во все продолженіе процесса производства; если мы вычтемъ теперь изъ нея стоимость перемѣннаго капитала$=90$ ф. стерл., то получимъ прибавочную стоимостъ$=90$ ф. ст. Сумма 90 ф. ст.$=m$ выражаетъ здѣсь абсолютную величину созданной прибавочной стоимости. Относительная же величина ея, т. е. то отношеніе, въ которомъ возросла стоимость перемѣннаго капитала, опредѣляется очевидно отношеніемъ прибавочной стоимости къ перемѣнному капиталу, или оно выражается формулою: $\frac{m}{v}$. Слѣдовательно въ вышеприведенномъ примѣрѣ оно будетъ выражаться такъ: $\frac{90}{90}=100\%$. Это относительное возрастаніе стоимости перемѣннаго капитала, или эту относительную величину прибавочной стоимости, я называю нормою прибавочной стоимости (Rate des Mehrwerths [31]).

Мы уже знаемъ, что работникъ, въ теченіе извѣстной части рабочаго времени производитъ только стоимость своей собственной рабочей силы, т. е. стоимость средствъ, необходимыхъ для поддержанія его существованія. Такъ какъ онъ производитъ въ состояніи общества, основанномъ на раздѣленіи труда, то онъ не производитъ средствъ своего существованія непосредственно, но производитъ ихъ въ формѣ извѣстнаго товара,

---

30) Къ 2-му изд.—Само собою разумѣется, что надо сказать вмѣстѣ съ Лукреціемъ, что „nil posse creari de nihilo". Изъ ничего, ничего и не будетъ. „Созданіе стоимости" это—превращеніе рабочей силы въ трудъ. Съ своей стороны рабочая сила есть энергія, переданная человѣческому организму питательными веществами.

31) Выраженіе это употреблено здѣсь точно въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ англичане употребляютъ выраженіе: „rate of profit" (норма прибыли), „rate of interest" (норма процентовъ) и т. д. Въ третьей книгѣ читатель увидитъ, что норма прибыли понимается очень легко, какъ скоро хорошо усвоены законы прибавочной стоимости. Поступая же наоборотъ, т. е. отправляясь отъ нормы прибыли къ прибавочной стоимости, невозможно понять ni l'un ni l'autre (Ни того, ни другого).

напримѣръ пряжи; онъ производитъ стоимость, равную стоимости средствъ его существованія или той суммѣ денегъ, которую онъ долженъ израсходовать на покупку этихъ средствъ. Та часть его рабочаго дня, которую онъ тратитъ на это, можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ стоимости среднихъ ежедневныхъ средствъ его существованія, слѣдовательно въ зависимости отъ количества рабочаго времени, необходимаго ежедневно, среднимъ числомъ, на ихъ производство. Если величина стоимости этихъ ежедневныхъ средствъ существованія представляетъ напримѣръ 6 воплощенныхъ рабочихъ часовъ, то работникъ для произведенія ихъ долженъ работать ежедневно, среднимъ числомъ, 6 часовъ. Если бы онъ работалъ не на капиталиста, а на себя, самостоятельно, то, при равенствѣ остальныхъ условій, ему бы по прежнему пришлось работать среднимъ числомъ точно такую же часть дня, для того чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и добыть такимъ образомъ средства, необходимыя для его собственнаго существованія или воспроизведенія. Но, какъ мы видѣли, въ теченіе той части рабочаго дня, когда работникъ производитъ дневную стоимость своей рабочей силы, напримѣръ 3 шилл., онъ производитъ только эквивалентъ той стоимости, которая уже была затрачена за эту силу капиталистомъ [32]); а слѣдовательно онъ только возмѣщаетъ вновь созданной имъ стоимостью, стоимость перемѣннаго капитала, затраченную ранѣе. Ту часть рабочаго дня, въ теченіе которой происходитъ такое воспроизведеніе, я называю необходимымъ рабочимъ временемъ; а трудъ, истраченный въ теченіе этого времени, необходимымъ трудомъ [33]). Это количество рабочаго времени и труда является одинаково необходимымъ какъ для работника, такъ какъ оно совершенно независимо отъ общественной формы его труда, такъ и для всего міра капиталистовъ, существованіе котораго основано на постоянномъ существованіи работника.

Процессъ труда во второй періодъ, простирающійся за предѣлы необходимаго труда, хотя и стоитъ работнику труда, т. е. траты его рабочей силы, но не создаетъ для него никакой стоимости. Онъ создаетъ прибавочную стоимость, которая уже издали улыбается и манитъ капиталиста всѣми прелестями «созданія изъ ничего». Эту часть рабочаго дня я называю прибавочнымъ рабочимъ временемъ; а трудъ, потраченный въ теченіе этого времени—прибавочнымъ трудомъ. Насколько важно было намъ для пониманія стоимости вообще разсматривать ее просто какъ застывшее (Gerinnung) рабочее время, или воплощенный трудъ,—настолько же важно для пониманія прибавочной стоимости разсматривать ее просто какъ застывшій прибавочный трудъ, или воплощенный прибавочный трудъ. Разница между экономическими общественными формами,—напримѣръ различіе между обществомъ, основаннымъ на рабствѣ и обществомъ, основаннымъ на наемномъ трудѣ, — заключается лишь въ способѣ, которымъ этотъ прибавочный трудъ получается изъ непосредственнаго производителя, т. е. изъ работника [34]).

Такъ какъ стоимость перемѣннаго капитала = стоимости купленной на него рабочей силы; такъ какъ въ этой стоимости рабочей силы опредѣляется величина необходимой части рабочаго дня; и такъ какъ прибавочная стоимость съ своей стороны, опредѣляется величиною избытка части рабочаго дня; то отсюда слѣдуетъ, что прибавочная стоимость относится къ перемѣнному капиталу такъ, какъ прибавочный трудъ относится къ труду необходимому, или что норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочному труду}}{\text{необходимый трудъ}}$.
Обѣ пропорціи выражаютъ одно и тоже отношеніе въ разной формѣ: одинъ разъ — въ формѣ воплощеннаго труда, другой разъ въ формѣ живого труда.

Поэтому норма прибавочной стоимости служитъ точнымъ выраженіемъ степени эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ или работника капиталистомъ [35]).

[32]) Авторъ употребляетъ здѣсь общепринятый экономическій языкъ. Читатель припомнитъ, что на стр. 153 было доказано, что въ дѣйствительности не капиталистъ ссужаетъ рабочаго, а рабочій капиталиста.—Фр. Э.

[33]) До сихъ поръ мы пользовались выраженіемъ: «необходимое рабочее время» — для обозначенія количества рабочаго времени, требующагося вообще, при данныхъ общественныхъ условіяхъ, для производства какого-нибудь товара. Съ этихъ поръ мы будемъ употреблять его также и для обозначенія рабочаго времени, необходимаго для производства извѣстнаго специфическаго товара, называемаго рабочею силою. Употребленіе однихъ и тѣхъ же termini technici въ различномъ смыслѣ, конечно представляетъ всегда нѣкоторое неудобство; но подобнаго употребленія нельзя избѣжать вполнѣ ни въ одной наукѣ. Сравните, напримѣръ, между собою высшія и низшія части математики.

[34]) Господинъ Wilhelm Thucydides Roscher, съ чисто Gottsched'овской геніальностью, открываетъ, что если въ настоящее время образованіе прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта, и связанное съ этимъ накопленіе богатства, обязаны «бережливости» капиталиста, который «требуетъ за это напримѣръ процентовъ», напротивъ того, „на низшихъ ступеняхъ культуры, болѣе слабые были принуждаемы къ сбереженію болѣе сильными» (l. c. p. 78). Къ сбереженію труда? или несуществовавшихъ излишнихъ продуктовъ? Рядомъ съ настоящимъ невѣжествомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь апологистическій страхъ передъ добросовѣстнымъ анализомъ стоимости и прибавочной стоимости, и передъ возможностью получить выводъ, который можетъ придтись не совсѣмъ по вкусу тѣмъ, передъ властью которыхъ Рошеръ и ему подобные склоняются.

[35]) Читателю слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что норма прибавочной стоимости и общая

Въ нашемъ примѣрѣ стоимость продукта была $=\underbrace{410}_{c}$ ф. с. $+\underbrace{90}_{v}$ ф. стерл. $+\underbrace{90}_{m}$ ф. стерл., а затраченный капиталъ $=500$ ф. стерл. Такъ какъ прибавочная стоимость равняется здѣсь 90, а затраченный капиталъ 500, то на основаніи общепринятыхъ въ такихъ случаяхъ правилъ расчисленія, можно было бы вывести, что норма прибавочной стоимости (которую всегда смѣшиваютъ съ нормою прибыли) равна при этомъ 18%, т. е. является такой относительно небольшой величиной,—что эта незначительность ея могла бы растрогать господина Carey и другихъ гармонистовъ. Но на самомъ дѣлѣ норма прибавочной стоимости равно не $\frac{m}{K}$ или не $\frac{m}{c+v}$, но $=\frac{m}{v}$; слѣдовательно не $=\frac{90}{500}$, но $\frac{90}{90}=100\%$, т. е. болѣе чѣмъ въ пять разъ больше кажущейся степени эксплуатаціи. Хотя въ данномъ случаѣ намъ неизвѣстна ни абсолютная величина рабочаго дня, ни величина періода процесса труда (продолжается-ли онъ день, недѣлю, и т. д.), ни число рабочихъ, приводящихъ единовременно въ движеніе перемѣнный капиталъ въ 90 фунт. стерлинг., однако норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ благодаря тому, что она можетъ превратиться въ формулу: $\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}$, показываетъ намъ, со всею желательной точностью, взаимное отношеніе между двумя составными частями рабочаго дня. Отношеніе это равняется 100%. Стало быть работникъ одну половину дня работаетъ на себя, а другую половину на капиталиста.

Слѣдовательно способъ вычисленія нормы прибавочной стоимости сводится, короче говоря къ слѣдующему: мы беремъ всю стоимость продукта и приравниваемъ только вновь проявляющуюся въ ней стоимость постояннаго капитала—нулю. Остающаяся затѣмъ сумма стоимости представляетъ единственную созданную стоимость, стоимость дѣйствительно произведенную въ процессѣ производства товара. Если прибавочная стоимость извѣстна, то мы вычитаемъ ее изъ этой вновь созданной стоимости, для того, чтобы найти величину перемѣннаго капитала. Если же наоборотъ мы знаемъ перемѣнный капиталъ, то отыскиваемъ точно такимъ же образомъ прибавочную стоимость. Когда же оба они будутъ извѣстны, то намъ останется только произвести заключительный процессъ, т. е. вычислить отношеніе прибавочной стоимости къ перемѣнному капиталу, $\frac{m}{v}$.

Не смотря на всю простоту этого пріема, намъ кажется не лишнимъ освоить читателя, при помощи нѣсколькихъ примѣровъ, съ непривычнымъ для него способомъ воззрѣнія, положеннымъ въ его основу.

Для примѣра возьмемъ сначала бумагопрядильную фабрику съ 10,000 веретенъ, которая изготовляетъ изъ американскаго хлопка пряжу № 32, производя на каждое веретено еженедѣльно по фунту пряжи. Отбросъ $= 6\%$. Слѣдовательно еженедѣльно 10,600 ф. хлопка перерабатывается въ 10,000 ф. пряжи, при 600 ф. отброса. Въ апрѣлѣ 1871 года этотъ хлопокъ стоилъ $7\frac{3}{4}$ пенс. за ф., стало быть 10,600 ф. въ круглыхъ цифрахъ стоили 342 ф. стерл.—10,000 веретенъ, со включеніемъ подготовительныхъ механизмовъ и паровой машины, стоили 1 ф. стерл. за веретено, стало быть 10,000 ф. ст. Изнашиваніе ихъ достигало до $10\% =$ 10,000 ф. стерл. или еженедѣльно 20 ф. стерл. Наемная плата за фабричное помѣщеніе 300 ф. стерл. или 6 ф. стерл. въ недѣлю. Уголь (4 ф. въ часъ на одну лошадиную силу, на 100 лошадиныхъ индикаторскихъ силъ, и 60 часовъ въ недѣлю со включеніемъ отопленія зданія) 11 тоннъ въ недѣлю, по 8 шилл. 6 пенс. за тонну, стоилъ въ круглыхъ числахъ $4\frac{1}{2}$ ф. въ недѣлю; газъ 1 ф. стерл. въ недѣлю, смазочное масло—$4\frac{1}{2}$ ф. стерл., значитъ всѣхъ вспомогательныхъ матеріаловъ въ недѣлю шло на 10 ф. стерл. Стало быть на постоянную часть стоимости выходило въ недѣлю 378 ф. стерл. На рабочую плату въ недѣлю тратилось 52 ф. стерл. Цѣна пряжи была $12\frac{1}{4}$ пенс. за фунтъ или 10,000 ф. стоили 510 ф. стерл. Прибавочная стоимость слѣдовательно составляла $510-430=$ 80 ф. стерл. Стоимость постоянной части капитала, 378 ф. стерл., мы приравниваемъ нулю, такъ какъ она не имѣетъ значенія при созиданіи недѣльной стоимости. Остается стоимость вновь созданная въ теченіе недѣли въ $132 = \underbrace{52}_{v}+\underbrace{80}_{m}$ ф. стерл. Слѣдовательно прибавочной стоимости $= {}^{80}/_{52} = 153\frac{11}{13}\%$. При десяти

сумма прибавочной стоимости – большая разница. Положимъ, въ одномъ случаѣ, необходимый трудъ $=3$ часамъ; прибавочный трудъ пусть будетъ также $=3$ часамъ, а въ другомъ случаѣ необходимый трудъ $=6$ часамъ, прибавочный трудъ также $=6$ часамъ. Ясно, что норма прибавочной стоимости, т. е. степень эксплуатаціи работника, будетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинакова (т. е. $=100\%$); но положеніе работника, физическое и нравственное, т. е. общая сумма его тягостей въ этихъ двухъ случаяхъ—весьма различна (именно въ одномъ случаѣ вдвое больше чѣмъ въ другомъ). И такъ хотя норма прибавочной стоимости является точнымъ выраженіемъ степени эксплуатаціи рабочей силы, но ею не выражается абсолютная величина такой эксплуатаціи.

часовомъ среднемъ рабочемъ днѣ получается: необходимаго труда $3^{31}/_{33}$ часа и прибавочнаго труда $6^{2}/_{33}$ часовъ [36]).

Jacob приводитъ слѣдующій расчетъ, сдѣланный для 1815 года, когда квартеръ пшеницы стоилъ 80 шилл., а средній урожай былъ по 22 бушеля съ акра, такъ что 1 акръ приносилъ 11 ф. стерл.

Стоимость, произведенная на каждомъ акрѣ:

	Ф. с.	ш.
Сѣмена (пшеница)	1	9
Удобреніе	2	10
Рабочая плата	3	10
Десятина, подати и налоги	1	1
Рента	1	8
Прибыль арендатора и проценты	1	2
Итого	11	—

Предполагая какъ всегда, что цѣна продукта = его стоимости, мы видимъ, что прибавочная стоимость распредѣлена здѣсь по различнымъ рубрикамъ, подъ названіями: прибыли, проценты, десятины и т. д. Рубрики эти не имѣютъ для насъ никакого значенія, а потому мы складываемъ цыфры ихъ вмѣстѣ и получаемъ одну прибавочную стоимость въ 3 ф. стерл. 11 шилл.;— 3 ф. стерл. 19 шилл., израсходованные на сѣмена и удобреніе, мы приравниваемъ нулю, какъ постоянную часть капитала. Затѣмъ въ остаткѣ у насъ получается затраченный перемѣнный капиталъ въ 3 ф. стерл. 10 шилл., на мѣсто котораго производится эквивалентъ въ 3 ф. с. 10 ш. + 3 ф. с. 11 ш. Слѣдовательно при этомъ $\frac{m}{v} = \frac{3\text{ ф. с. }11\text{ ш.}}{3\text{ ф. с. }10\text{ ш.}}$, т. е. болѣе чѣмъ 100%. — Работникъ употребляетъ здѣсь болѣе половины рабочаго дня на производство прибавочной стоимости, которую разныя лица дѣлятъ между собою подъ различными предлогами [37]).

2) Представленіе составныхъ частей стоимости продукта въ соотвѣтственныхъ частяхъ самого продукта.

Вернемся опять къ тому примѣру, который намъ показалъ какъ дѣлается капиталистомъ изъ денегъ капиталъ. Необходимый трудъ его прядильщика доходилъ до 6 часовъ, прибавочный трудъ также до 6 часовъ, поэтому степень эксплуатаціи рабочей силы = 100%.

Продуктомъ двѣнадцати-часового рабочаго дня является 20 ф. пряжи, стоимостью въ 30 шилл. Не менѣе $^{8}/_{10}$ стоимости этой пряжи (24 шилл.) образовались вслѣдствіе проявленія въ ней вновь стоимости потребленныхъ средствъ производства (20 ф. хлопка на 20 шилл., веретенъ и т. п. на 4 шилл.), или состоятъ изъ постояннаго капитала. Остальныя $^{2}/_{10}$ составляютъ новую стоимость въ 6 шилл., возникшую въ продолженіе процесса пряденія, изъ которой половина возмѣщаетъ стоимость рабочей силы, затраченной въ продолженіе дня или возмѣщаетъ перемѣнный капиталъ въ 3 шилл., а другая половина представляетъ прибавочную стоимость въ 3 шилл. Слѣдовательно вся стоимость состоитъ изъ слѣдующихъ слагаемыхъ:

$$\text{Стоимость пряжи въ 30 шилл.} = \overbrace{24\text{ ш.}}^{c} + \overbrace{3\text{ ш.}}^{v} + \overbrace{3\text{ ш.}}^{m}$$

Такъ какъ вся эта стоимость заключается въ 20 ф. пряжи, то изъ этого выходитъ, что различныя слагаемыя этой стоимости могутъ быть выражены въ соотвѣтственныхъ частяхъ продукта.

Если стоимость въ 30 шилл. заключается въ 20 ф. пряжи, то $^{8}/_{10}$ этой стоимости, или постоянная часть ея въ 24 шилл. будетъ содержаться въ $^{8}/_{10}$ частяхъ продукта или въ 16 ф. пряжи, изъ которыхъ $13^{1}/_{2}$ ф. есть стоимость сырого матеріала, выпряденнаго хлопка на 20 шилл., а $2^{2}/_{3}$ ф. стоимость потребленныхъ вспомогательныхъ матеріаловъ, рабочихъ орудій, веретенъ и пр. на 4 шилл.

Слѣдовательно, $13^{1}/_{3}$ ф. пряжи представляютъ собою весь хлопокъ, изъ котораго получено 20 ф. пряжи, сырой матеріалъ всего продукта, но ничего болѣе. Правда, въ нихъ по вѣсу заключается не болѣе $13^{1}/_{3}$ ф. хлопка, стоимостью въ $13^{1}/_{3}$ шилл., но прибавочная ихъ стоимость въ $6^{2}/_{3}$ шилл. составляетъ эквивалентъ хлопка, истраченнаго на пряденіе остальныхъ $6^{2}/_{3}$ ф. пряжи. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, какъ будто послѣдніе $6^{2}/_{3}$ ф. пряжи вовсе не содержатъ хлопка, а всѣ 20 ф. хлопка попали въ $13^{1}/_{3}$ ф. пряжи. Но за то эти послѣдніе $13^{1}/_{3}$ ф. не заключаютъ ни атома стоимости вспомогательныхъ матеріаловъ, ни изношенной части рабочихъ орудій, ни новой стоимости, созданной въ процессѣ пряденія.

Точно такъ же $2^{2}/_{8}$ ф. пряжи, въ которыхъ воплощенъ остальной постоянный капиталъ (=4 шилл.), не представляютъ собою ничего, кромѣ стоимости вспомогательныхъ матеріаловъ и орудій труда, истраченныхъ при производствѣ 20 ф. пряжи.

[36]) Ко 2-му изданію. — Въ примѣрѣ, приведенномъ въ первомъ изданіи и относящемся къ бумагопрядильной фабрикѣ за 1860 г., вкралась фактическая ошибка. Данныя, приведенныя въ текстѣ вполнѣ точны, они сообщены мнѣ однимъ манчестерскимъ фабрикантомъ. — Но нужно замѣтить, что въ Англіи прежнія лошадиныя силы вычислялись по дѣйствительной силѣ, показываемой индикаторомъ.

[37]) Приведенныя нами расчисленія играютъ роль только иллюстрацій къ предыдущему изложенію. Мы, напримѣръ, постоянно предполагаемъ, что цѣны = стоимостямъ. Но въ третьей книгѣ читатель увидитъ, что это приравниваніе не совершается такъ просто даже и для среднихъ цѣнъ.

Стало быть мы приходимъ къ такому результату: хотя $^{8}/_{10}$ продукта, или 16 ф. пряжи по своему характеру являются предметомъ потребленія, пряжей, точно такимъ же продуктомъ работы прядильщика какъ и остальная часть его продукта, тѣмъ не менѣе, съ этой точки зрѣнія, эта часть продукта не заключаетъ въ себѣ и не поглотила ни капли труда, потраченнаго въ продолженіе процесса пряденія. Это все равно какъ если бы хлопокъ самъ превратился въ пряжу безъ всякаго пряденія, какъ если бы видъ, который онъ принялъ на себя, былъ бы чистѣйшей иллюзіей. Дѣйствительно, если капиталистъ продастъ ихъ за 24 шилл. и купитъ на эти деньги опять свои средства производства, то будетъ очевиднымъ, что 16 ф. пряжи суть только замаскированный хлопокъ, веретена, уголь и пр.

Остальные $^{2}/_{10}$ продукта или 4 ф. пряжи не заключаютъ въ себѣ напротивъ того ничего кромѣ новой стоимости въ 6 шилл., возникшей въ продолженіе 12-ти-часоваго процесса пряденія. Что же касается стоимости сырого матеріала и орудій труда, перенесенной на нихъ, то вся она была, такъ сказать, изъ нихъ высосана, чтобы воплотиться въ первые выпряденные 16 ф. пряжи. Весь трудъ пряденія, воплощенный въ 20 ф. пряжи сосредоточился на $^{2}/_{10}$ продукта. Это все равно, какъ если-бы прядильщикъ выпрялъ 4 ф. пряжи изъ воздуха, или если бы онъ выпрялъ ихъ при помощи хлопка и веретена произведенныхъ природой безъ содѣйствія человѣческаго труда, и потому не прибавляющихъ стоимости къ продукту.

Изъ 4 ф. пряжи, въ которыхъ заключается вся вновь созданная стоимость въ продолженіе процесса пряденія, половина представляетъ только возмѣщеніе стоимости израсходованной рабочей силы, стало быть перемѣннаго капитала въ 3 шилл., а остальные 2 ф. только прибавочную стоимость.

Такъ какъ 12 рабочихъ часовъ прядильщика овеществляются въ 6 шилл., то въ стоимости пряжи въ 30 шилл. овеществлено 60 рабочихъ часовъ. И это количество рабочаго времени воплощено въ 20 ф. пряжи, изъ которыхъ $^{8}/_{10}$ или 16 ф. представляютъ овеществленіе 48 часовъ труда, израсходованнаго до начала процесса пряденія на средства производства; а въ остальныхъ $^{2}/_{10}$ или въ 4 ф. овеществлено 12 часовъ труда, израсходованнаго въ продолженіе самого процесса пряденія.

Мы уже видѣли, что стоимость пряжи равна суммѣ стоимости вновь созданной при ея производствѣ, плюсъ та стоимость, которая уже заключалась до начала пряденія въ средствахъ производства. Теперь стало видно, какимъ образомъ различныя составныя части стоимости продукта, части, функціонально отличающіяся одна отъ другой, могутъ быть представлены въ соотвѣтственныхъ частяхъ самого продукта.

Такое распаденіе продукта, являющагося результатомъ процесса производства, на извѣстное количество продукта, представляющее только трудъ, заключающійся въ средствахъ производства, или въ постоянной части капитала, далѣе на другое количество продукта, представляющее только необходимый трудъ, прибавляемый въ теченіе процесса производства или перемѣнную часть капитала, и наконецъ послѣднее количество продукта, представляющее только прибавочный трудъ, прибавляемый въ теченіе того же самаго процесса или прибавочную стоимость—распаденіе это не только очень просто, но также и очень важно, какъ мы увидимъ это изъ его позднѣйшаго приложенія ко многимъ запутаннымъ и пока еще неразрѣшеннымъ задачамъ.

Нами только что былъ разсмотрѣнъ весь продуктъ, какъ готовый результатъ двѣнадцатичасоваго рабочаго дня. Но мы въ состояніи также прослѣдить его въ процессѣ его возникновенія, что не помѣшаетъ намъ постоянно представлять части еще не совсѣмъ готовыя, какъ функціонально различныя части готоваго или всего продукта.

Въ продолженіе 12 часовъ прядильщикъ выдѣлываетъ 20 ф. пряжи, значитъ въ 1 часъ—$1^{2}/_{3}$ ф., а въ 8 часовъ—$13^{1}/_{3}$ ф., то-есть часть продукта, равную всей стоимости хлопка, переработаннаго въ теченіе цѣлаго рабочаго дня. Точно такъ-же часть продукта слѣдующаго 1 часа и 36 минутъ $= 2^{2}/_{3}$ ф. пряжи, т. е. представляетъ стоимость рабочихъ орудій, потребленныхъ въ продолженіе 12 рабочихъ часовъ; въ теченіе слѣдующаго 1 часа и 12 минутъ прядильщикъ производитъ 2 фунта пряжи $=$ 3 шилл., т. е. стоимость продукта, равную всей стоимости, создаваемой имъ въ продолженіе 6 часовъ необходимаго труда; наконецъ въ послѣдніе $^{6}/_{5}$ часа онъ производитъ также 2 ф. пряжи, стоимость которыхъ равна прибавочной стоимости, создаваемой имъ посредствомъ его прибавочнаго труда, равняющагося половинѣ рабочаго дня. Подобный способъ расчисленія постоянно употребляютъ англійскіе фабриканты для обыденнаго пользованія; они говорятъ напримѣръ, что въ первые 8 часовъ, или въ теченіе первыхъ $^{2}/_{3}$ рабочаго дня, они отрабатываютъ свою хлопчатую бумагу и т. д. Не трудно видѣть, что формула сама по себѣ совершенно вѣрна и является только простымъ переводомъ первой формулы съ пространства, гдѣ части продукта лежатъ готовыми другъ возлѣ друга, на время, гдѣ онѣ слѣдуютъ одна за другою. Но формула эта тѣмъ не менѣе можетъ сопровождаться очень варварскими представленіями; а именно въ такихъ головахъ, которыя приктически сильно заинтересованы въ процессѣ возрастанія стоимости, и которымъ въ то же время прямо выгодно понимать этотъ процессъ теоретически самымъ неправильнымъ образомъ. Такъ, напри-

мѣръ, можно вообразить себѣ, что нашъ прядильщикъ въ первые 8 часовъ своего рабочаго дня производитъ или возмѣщаетъ стоимости хлопка; въ слѣдующій 1 часъ 36 минутъ—стоимость потребленныхъ орудій труда; въ слѣдующій 1 часъ 12 минутъ—стоимость рабочей платы и только знаменитый «послѣдній часъ» удѣляетъ онъ фабриканту, т. е. на производство прибавочной стоимости. При подобномъ взглядѣ на предметъ, оказывается, что нашъ прядильщикъ совершаетъ двойное чудо: во-первыхъ, ему удается производить хлопокъ, веретена, паровую машину, уголь, масло и т. д., въ то же самое мгновеніе, какъ онъ прядетъ съ ихъ же помощью; а во-вторыхъ, изъ одного рабочаго дня извѣстной степени интенсивности онъ ухитряется сдѣлать пять такихъ же дней. Въ нашемъ случаѣ именно производство сырого матеріала и орудій труда требуетъ $^{24}/_{6}$=4-хъ двѣнадцатичасовыхъ рабочихъ дней, а превращеніе ихъ въ пряжу требуетъ еще одного двѣнадцатичасового рабочаго дня. Что хищничество вѣритъ въ такое чудо, и что ему никогда не стоитъ большого труда пріискать ученыхъ сикофантовъ, которые силились-бы подтвердить его, — показываетъ слѣдующій примѣръ, ставшій исторически знаменитымъ.

3) «Послѣдній часъ» Сеньора.

Въ одно прекрасное утро 1836 года, Nassau W. Senior, знаменитый своими свѣдѣніями въ политической экономіи и своимъ «прекраснымъ слогомъ», былъ приглашенъ изъ Оксфорда въ Манчестеръ для того, чтобы вмѣсто обученія юношества политической экономіи въ Оксфордѣ, самому поучиться этой премудрости въ Манчестерѣ. Фабриканты избрали его своимъ наемнымъ бойцомъ противъ недавно изданнаго Factory Act'а и противъ «десятичасовой» агитаціи, которая шла еще дальше новаго закона. Съ обычнымъ имъ практическимъ смысломъ они рѣшили, что господинъ профессоръ «wanted a good deal of finishing» *). Поэтому они выписали его въ Манчестеръ. Прочитанная ему манчестерскими фабрикантами лекція была господиномъ профессоромъ съ своей стороны украшена цвѣтами своего собственнаго краснорѣчія въ выпущенномъ имъ памфлетѣ: «Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture». London. 1837 **). Въ этомъ памфлетѣ можно прочесть между прочимъ такія поучительныя вещи:

«При господствѣ настоящаго закона ни одна фабрика, употребляющая лицъ моложе 18 лѣтъ, не можетъ работать болѣе $11^1/_2$ часовъ въ день; а именно болѣе 12 часовъ въ продолженіе первыхъ 5 дней недѣли, и болѣе 9 часовъ въ субботу. Между тѣмъ слѣдующій анализъ (!) показываетъ, что въ такой фабрикѣ вся чистая прибыль зависитъ отъ послѣдняго часа. Фабрикантъ затрачиваетъ 100,000 ф. стерл.: 80,000 ф. на фабричныя зданія и машины, 20,000—на сырой матеріалъ и на рабочую плату. При капиталѣ обращающемся одинъ разъ въ теченіе года, и при валовой прибыли въ 15%, годовой оборотъ фабрики долженъ выражаться въ массѣ товаровъ на сумму 115,000 ф. стерл. Каждый изъ 23 рабочихъ получасовъ производитъ ежедневно $^5/_{115}$ или $^1/_{23}$ изъ этихъ 115,000 ф. стерл. Изъ $^{23}/_{23}$ рабочихъ часовъ, производящихъ въ сложности всю сумму 115,000 ф. стерл. (constituting the whole 115,000 Pd. St.), $^{20}/_{23}$,— т. е. 100,000 изъ 115,000 — возмѣщаютъ только капиталъ; $^1/_{23}$ или 55,000 ф. ст. изъ 115,000 ф. ст., которые составляютъ сумму, пополняющую утрату въ стоимости машинъ и зданій, которыя были въ употребленіи во время работы. И только остающіяся за тѣмъ $^2/_{23}$, т. е. оба послѣдніе получаса каждаго дня производятъ чистую прибыль въ 10%. Слѣдовательно, если бы, при тѣхъ же самыхъ цѣнахъ на товары, фабрика имѣла право работать ежедневно 13 часовъ вмѣсто $11^1/_2$, то, прибавивъ около 2,600 ф. стерл. къ оборотному капиталу, она могла-бы увеличить свою чистую прибыль болѣе чѣмъ вдвое. Съ другой стороны, если бы рабочій день былъ сокращенъ только на 1 часъ, то вся чистая прибыль совершенно бы исчезла; а если бы онъ былъ сокращенъ на $1^1/_2$ часа, то исчезла бы и валовая прибыль [38]).

*) Что г-ну профессору недоставало надлежащей законченности или отдѣлки.

**) Письма о фабричномъ законѣ и о вліяніи его на хлопчато-бумажную промышленность.

[38]) Senior, l. c., p. 12, 13. Мы не будемъ здѣсь разсматривать курьезы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ нашей цѣли; какъ напримѣръ увѣреніе автора будто-бы вознагражденіе за потерю въ стоимости машинъ и т. д., слѣдовательно вознагражденіе за одну изъ составныхъ частей капитала—причисляется фабрикантами въ какой бы то ни было прибыли: къ брутто или нетто, къ валовой или чистой,—все равно. Мы не касаемся также вѣрности или лживости числовыхъ данныхъ. Что данныя эти стоятъ не болѣе, чѣмъ такъ называемый „анализъ", это доказалъ Leonhard Horner въ своемъ „A Letter to Mr. Senior etc. London, 1837". — Leonhard Horner одинъ изъ „Factory Inquiry Commissioners" 1833 года и фабричный инспекторъ до 1859 года, или правильнѣе — фабричный цензоръ, оказалъ безсмертныя услуги англійскому рабочему классу. Въ теченіе всей своей жизни онъ велъ неутомимую войну не только съ обозленными фабрикантами, но и съ министрами, для которыхъ было несравненно важнѣе считать „голоса" хозяевъ фабрикъ въ Нижней Палатѣ, чѣмъ рабочіе часы „рукъ" занятыхъ на ихъ фабрикахъ.

Прибавленіе автора къ 38-й выноскѣ.—Совершенно независимо отъ содержанія, самое изложеніе Senior'а сбивчиво. Вотъ что онъ хочетъ

И это-то господинъ профессоръ называетъ «анализомъ!» Если онъ дѣйствительно повѣрилъ жалобамъ фабрикантовъ на то, будто бы ихъ рабочіе расходуютъ лучшее время дня на производство, т. е. на воспроизведеніе или возмѣщеніе стоимости фабричныхъ зданій, машинъ, хлопка, угля и т. д., въ такомъ случаѣ, всякій анализъ былъ совершенно излишнимъ. Ему слѣдовало просто отвѣчать имъ: Милостивые Государи! если вы заставите своихъ работниковъ работать по 10 часовъ въ день, вмѣсто $11\,^1/_2$ часовъ, какъ теперь, то, при прочихъ прежнихъ условіяхъ, ежедневное потребленіе хлопка, машинъ и т. д. уменьшится на $1\,^1/_2$ часа; такимъ образомъ вы столько же выиграете, сколько потеряете. Ваши рабочіе будутъ впредь употреблять $1^1/_2$ часами менѣе на воспроизводство или возмѣщеніе стоимостей затраченнаго капитала.—Если же онъ не вѣрилъ имъ на слово, и, какъ настоящій знатокъ дѣла, считалъ нужнымъ произвести научный анализъ, то, въ такомъ вопросѣ, который весь вертится исключительно вокругъ отношенія чистой прибыли къ величинѣ рабочаго дня, ему слѣдовало бы раньше всего покорнѣйше попросить господъ фабрикантовъ не сваливать въ одну пеструю кучу машины и фабричныя зданія, сырой матеріалъ и трудъ; но потрудиться отдѣлить постоянный капиталъ, заключающійся въ фабричныхъ зданіяхъ, машинахъ, сыромъ матеріалѣ и т. д. — въ одну сторону; а перемѣнный капиталъ, затраченный въ формѣ рабочей платы,— въ другую. Если бы тогда оказалось, напримѣръ, что, по исчисленію фабрикантовъ, работникъ, въ теченіе $^2/_2$ рабочихъ часовъ, или одного часа, воспроизводитъ или возмѣщаетъ рабочую плату, то нашему аналитику слѣдовало бы затѣмъ сказать имъ слѣдующее.

По вашимъ словамъ работникъ производитъ въ предпослѣдній часъ свою рабочую плату, а въ послѣдній часъ вашу прибавочную стоимость или чистую прибыль. Такъ какъ въ разные промежутки времени онъ производитъ разныя стоимости, то продуктъ предпослѣдняго часа долженъ представлять точно такую же стоимость, какъ и продуктъ послѣдняго часа. Кромѣ того онъ производитъ стоимость лишь постольку, поскольку онъ тратитъ трудъ; а количество его труда измѣряется его рабочимъ временемъ, которое, по вашимъ словамъ, составляетъ $11^1/_2$ часовъ въ день. Одну часть этихъ $11^1/_2$ часовъ онъ тратитъ на производство или на возмѣщеніе своей рабочей платы; а другую—на производство вашей чистой прибыли. Вотъ и все, что онъ дѣлаетъ въ продолженіе рабочаго дня, ничего другого онъ не дѣлаетъ. Но такъ какъ, по вашему объясненію, получаемая имъ плата и доставляемая имъ прибавочная стоимость представляютъ стоимости равныя между собою, то очевидно, что онъ производитъ свою рабочую плату въ $5^3/_4$ часовъ, а вашу чистую прибыль— въ другіе $5^3/_4$ часовъ. Далѣе; такъ какъ стоимость пряжи, произведенная двухчасовымъ трудомъ, равна суммѣ стоимостей его рабочей платы плюсъ ваша чистая прибыль, то эта стоимость пряжи должна измѣряться $11^1/_2$ часами труда: продуктъ предпослѣдняго часа—$5^3/_4$ рабочими часами, и продуктъ послѣдняго часа — точно также $5^3/_4$ часами. Мы подходимъ теперь къ самому щекотливому пункту; слѣдовательно, — вниманіе! Предпослѣдній рабочій часъ есть обыкновенный рабочій часъ, точно такой же какъ и первый. Ni plus, ni moins. Поэтому, какимъ же образомъ можетъ прядильщикъ, въ одинъ рабочій часъ, произвести, въ формѣ пряжи, стоимость, представляющую $5^3/_4$ рабочихъ часовъ? На самомъ дѣлѣ онъ вовсе и не совершаетъ такого чуда. Та потребительная стоимость, которую онъ производитъ въ теченіе одного рабочаго часа, представляетъ просто извѣстное количество пряжи. Стоимость же (мѣновая) этой пряжи измѣряется $5^3/_4$ рабочими часами, изъ которыхъ $4^3/_4$ часа заключались уже въ хлопкѣ, машинахъ, и др. средствахъ производства, потребляемыхъ въ теченіе часа, и явились здѣсь такимъ образомъ безъ содѣйствія работника, а $^4/_4$, или одинъ часъ, прибавленъ имъ самимъ. Стало быть, такъ какъ его рабочая плата производится въ $5^3/_4$ часовъ, а пряжа, являющаяся продуктомъ одного часа пряденія, содержитъ въ себѣ также $5^3/_4$ часовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго или волшебнаго въ томъ, что стоимость, произведенная его $5^3/_4$ часами пряденія, равна стоимости вновь произведенной въ продолженіе одного часа пряденія. Но вы окончательно заблуждаетесь, если воображаете, что онъ теряетъ хотя одно мгновеніе

сказать. Фабрикантъ даетъ ежедневно занятіе рабочимъ на $11^1/_2$ или $^{23}/_2$ часовъ. Какъ каждый рабочій день, такъ и рабочій годъ состоитъ изъ $^{23}/_2$ часовъ (именно изъ $^{23}/_2$ рабочихъ часовъ, помноженныхъ на число рабочихъ дней цѣлаго года). Предположивъ это, $^{23}/_2$ рабочихъ часовъ производятъ валовой продуктъ въ 115,000 ф. стерл.; $^1/_2$ рабочаго часа производитъ $^1/_{23} \times$ 115,000 ф. стерл., $^{23}/_2$ рабочихъ часовъ производятъ $^{23}/_{23} \times 115{,}000$ ф. стерл. $=$ 115,000 ф. стерл., $^{20}/_2$ рабочихъ часовъ производятъ $^{20}/_{23} \times 115{,}000$ ф. стерл. $=$ 100,000 ф. стерл., слѣдовательно, они только возмѣщаютъ вложенный капиталъ въ 100,000 ф. ст. Остальные $^3/_2$ рабочихъ часовъ производятъ $^3/_{23} \times 115{,}000$ ф. стерл. $=$ 15,000 ф. стерл., т. е. валовую прибыль. Изъ этихъ $^3/_2$ рабочихъ часовъ, $^1/_2$ рабочаго часа производитъ: $^1/_{23} \times 115{,}000$ ф. стерл. $=$ 5,000 ф. стерл., т. е. производитъ только вознагражденіе за утрату въ стоимости фабрикъ и машинъ. Послѣдніе $^2/_2$ рабочаго часа, т. е. послѣдній рабочій часъ производитъ $^2/_{23}$ продукта; слѣдовательно $^2/_{23} \times 115{,}000$ ф. стерл. $=$ 10,000 ф. стер., т. е. производитъ чистую прибыль. Въ текстѣ же Senior говоритъ: «остальные $^2/_{23}$, т. е. оба остальные получаса каждаго дня производятъ чистую прибыль въ 10%». Такимъ образомъ, въ текстѣ, $^2/_{23}$ продукта онъ превращаетъ въ части самаго рабочаго дня.

своего рабочаго дня на воспроизведеніе или на «возмѣщеніе стоимости хлопка, машинъ и т. д.». Ужъ потому только одному, что трудъ его превращаетъ хлопокъ и веретено въ пряжу, потому только одному, что онъ прядетъ, стоимость хлопка и веретенъ сама собой переходитъ на пряжу. Это происходитъ только благодаря качеству его труда, а не количеству его. Конечно, въ теченіе часа, онъ перенесетъ на пряжу большее количество стоимости хлопка и т. д., чѣмъ въ теченіи $^1/_2$ часа; но только потому, что въ часъ онъ выпрядетъ болѣе хлопка, чѣмъ въ $^1/_2$ часа. Вы понимаете, слѣдовательно, что ваше выраженіе, будто бы работникъ производитъ въ предпослѣдній часъ стоимость своей рабочей платы, а въ послѣдній — чистую прибыль, — означаетъ только то, что въ пряжѣ, являющейся продуктомъ двухъ часовъ его рабочаго дня, — будутъ-ли это первые или послѣдніе часы — все равно, — воплощено $11^1/_2$ рабочихъ часовъ, т. е. ровно столько часовъ, сколько содержится во всемъ его рабочемъ днѣ. А выраженіе, что въ теченіи первыхъ $5^3/_4$ часа онъ производитъ свою рабочую плату, а въ теченіе послѣднихъ $5^3/_4$ часа — вашу чистую прибыль, означаютъ только одно, что за первые $5^3/_4$ часа вы платите, а за послѣдніе $5^3/_4$ часа вы не платите ничего. Я говорю о платѣ за трудъ, вмѣсто того чтобы говорить о платѣ за рабочую силу, только для того, чтобы выражаться понятнымъ для васъ языкомъ. Теперь, Милостивые Государи, посмотрите на отношеніе того рабочаго времени, за которое вы платите, къ тому рабочему времени, за которое вы неплатите, и вы увидите, что оно представляетъ отношеніе половины дня къ половинѣ дня; слѣдовательно равняется 100%; безполезно, кажется, прибавлять, что такой процентъ очень и очень недуренъ. — Нѣтъ также никакого сомнѣнія, что если-бы вы могли заставить ваши «руки» работать по 13 часовъ въ день вмѣсто $11^1/_2$, и превратить излишніе $1^1/_2$ часа исключительно въ прибавочный трудъ (что было бы совершенно въ вашемъ духѣ), то послѣдніе $5^3/_4$ часа возросли бы до $7^1/_4$ часовъ, а потому и прибавочная стоимость поднялась бы съ 100% на $126\ ^2/_{23}$%. Но я долженъ сказать вамъ, что вы просто сумасшедшіе сангвиники, если воображаете, что отъ прибавленія $1^1/_2$ рабочихъ часовъ, норма прибавочной стоимости возрастетъ со 100% на 200%, или даже болѣе чѣмъ на 200%, т. е. «болѣе чѣмъ удвоится», какъ говоритъ Senior. Съ другой стороны (ахъ, человѣческое сердце — такая удивительная вещь; особенно, когда человѣкъ носитъ свое сердце въ кошелькѣ!) — вы смотрите черезчуръ пессимистически, если боитесь, что съ сокращеніемъ рабочаго дня съ $11\ ^1/_2$ на $10\ ^1/_2$ часовъ вся ваша чистая прибыль улетучится. Совсѣмъ нѣтъ! Предполагая, что всѣ остальныя условія останутся безъ измѣненія, все дѣло при этомъ ограничится только тѣмъ, что прибавочный трудъ уменьшится съ $5^3/_4$ на $4^3/_4$ часа, причемъ у васъ все-таки останется еще очень порядочная норма прибавочной стоимости, а именно $82^{14}/_{23}$%. Но вашъ роковой «послѣдній часъ», о которомъ вы наговорили болѣе вздору, чѣмъ милленаріи о страшномъ судѣ и о погибели міра, — этотъ «послѣдній часъ» просто «all bosh!» (чистый вздоръ). Ваша потеря не лишитъ ни васъ вашей «чистой прибыли», ни эксплуатируемыхъ вами дѣтей обоего пола — ихъ «душевной чистоты»[39]). Когда же дѣй-

[39]) Если Senior доказалъ, что чистая прибыль фабрикантовъ, существованіе англійской хлопчато-бумажной промышленности и размѣры англійскаго мірового рынка зависятъ отъ «послѣдняго рабочаго часа», то докторъ Andrew Ure въ свою очередь доказалъ, что если фабричныя дѣти и лица моложе 18 лѣтъ, вмѣсто того, чтобы работать полные 12 часовъ въ теплой и чистой нравственной атмосферѣ фабрики, выталкиваются «однимъ часомъ» ранѣе въ холодный, непривѣтливый и распущенный внѣшній міръ, то праздность и порокъ лишитъ ихъ всякой надежды на спасеніе ихъ душъ. Начиная съ 1848 года, фабричные инспекторы въ своихъ полугодовыхъ «Reports» никогда не устаютъ поддразнивать фабрикантовъ ихъ «послѣднимъ», ихъ «роковымъ часомъ». Такъ напримѣръ Howell, въ своемъ фабричномъ отчетѣ отъ 31 мая 1855, говоритъ: «Если бы слѣдующее остроумное расчисленіе (онъ цитируетъ Senior'а) было вѣрно, то изъ него пришлось бы заключить, что начиная съ 1850 года всѣ хлопчато-бумажныя фабрики Соединеннаго Королевства работали себѣ въ убытокъ». («Reports of the Insp. of Fact. for the half year ending 30-th April 1855», p. 19, 20). Въ 1848 году, когда десятичасовой билль обсуждался въ парламентѣ, фабриканты заставили нѣкоторыхъ работниковъ, работавшихъ въ сельскихъ льно-прядильняхъ, разбросанныхъ въ графствахъ Dorset и Somerset, подать петицію противъ этого билля, въ которой, между прочимъ, говорится: «Мы, податели этой петиціи, родители дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, думаемъ, что лишній праздный часъ не можетъ имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ деморализаціи нашихъ дѣтей, такъ какъ праздность есть начало всякаго порока». Фабричный отчетъ отъ 31 октября 1848 г. замѣчаетъ по этому поводу: «Атмосфера льнопрядиленъ, въ которыхъ работаютъ дѣти этихъ добродѣтельныхъ и нѣжныхъ родителей, до такой степени наполнена пылью и волокнами сырого матеріала, что даже десятиминутное пребываніе въ ней чрезвычайно непріятно, и сопровождается постоянно самыми мучительными ощущеніями, такъ какъ глаза, уши, ноздри и ротъ тотчасъ же наполняются цѣлыми облаками льняной пыли, отъ которой нѣтъ никакого спасенія. Самый трудъ, благодаря лихорадочной быстротѣ машинъ, требуетъ постоянной траты движенія и искусства, подъ непрерывнымъ контролемъ неослабной внимательности; а потому всякому должно показаться нѣсколько жестокимъ, въ устахъ родителей, выраженіе «лѣность», примѣненное къ ихъ собственнымъ дѣтямъ, которыя, кромѣ времени, употребляемаго на ѣду, проводятъ цѣлыхъ десять часовъ за такимъ занятіемъ и въ такой атмосферѣ... Эти дѣти работаютъ долѣе,

ствительно пробьетъ вашъ «послѣдній часокъ», вспомните объ оксфордскомъ профессорѣ. А пока, до свиданія въ лучшемъ мірѣ, гдѣ я постараюсь насладиться долѣе вашимъ пріятнымъ и почетнымъ для меня знакомствомъ. Addio...[40]) «последній часъ», открытый Sanior'омъ въ 1836 году, послужилъ сигналомъ, который играли впослѣдствіи и другіе экономисты; такъ 15 апрѣля 1848, въ «London Economist», его сыгралъ снова James Wilson, одинъ изъ главныхъ мандариновъ политической экономіи, въ своей полемикѣ противъ десятичасоваго билля.

4) Прибавочный продуктъ.

Часть продукта ($^1/_{10}$ часть пряжи въ 20 ф., или 2 ф. пряжи въ примѣрѣ § 2-го), въ которой выражается прибавочная стоимость, мы называемъ прибавочнымъ продуктомъ (surplus produce, produit net). Какъ норма прибавочной стоимости опредѣляется не отношеніемъ ея ко всей суммѣ капитала, но только къ перемѣнной его части, такъ и величина прибавочнаго продукта опредѣляется не отношеніемъ ея ко всему остальному продукту, но только къ той его части, въ которой выражается необходимый трудъ. Такъ какъ производство прибавочной стоимости является конечной цѣлью капиталистическаго производства, то очевидно, что величіе человѣка или націи измѣряется не абсолютнымъ количествомъ произведенныхъ продуктовъ, а относительными размѣрами прибавочнаго продукта [41]).

чѣмъ земледѣльческіе работники сосѣднихъ деревень... Подобныя безжалостныя обвиненія въ «праздности и порокѣ» слѣдуетъ заклеймить какъ чистѣйшее cant (ханжество) и бестыднѣйшее лицемѣріе.... Та часть публики, которая около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ пришла въ негодованіе отъ той самонадѣянной смѣлости, съ какою многіе проповѣдывали публично и совершенно серьезно, опираясь на санкцію высокихъ авторитетовъ, будто бы вся «чистая прибыль» фабрикантовъ получается изъ «послѣдняго часа» труда, и будто бы съ сокращеніемъ рабочаго дня на одинъ часъ, вся чистая прибыль должна исчезнуть; эта часть публики, говоримъ мы, врядъ ли повѣритъ своимъ глазамъ, когда увидитъ, что оригинальное открытіе особенныхъ достоинствъ послѣдняго часа, съ тѣхъ поръ значительно усовершенствовано и охватываетъ теперь собою не только вопросъ о «прибыли», но также и вопросъ о «нравственности»; такъ что, если бы продолжительность дѣтскаго труда была уменьшена до 10 часовъ, то при этомъ погибла бы не только чистая прибыль фабрикантовъ, но также и нравственность самихъ дѣтей, такъ какъ и та и другая зависятъ отъ этого послѣдняго, этого „рокового часа“ («Reports of Insp. of Fact. for 31-st. Oct. 1848», p. 101). Тотъ же самый фабричный отчетъ даетъ намъ образчики «нравственности» и «добродѣтелей» этихъ господъ фабрикантовъ, перечисляя всѣ происки, обманы, хитрости, приманки, угрозы, поддѣлки и т. д., которые были употреблены ими, чтобы заставить нѣсколькихъ, совершенно беззащитныхъ работниковъ, подписывать подобныя петиціи, для того, чтобы потомъ навязать ихъ парламенту, какъ петиціи цѣлой отрасли промышленности цѣлыхъ графствъ. Въ высшей степени характерно для современнаго состоянія такъ называемой политико-экономической «науки» то обстоятельство, что ни самъ Senior, который, къ чести своей, выступилъ впослѣдствіи энергически въ защиту законодательнаго вмѣшательства въ дѣла фабрикъ, ни его первоначальные и послѣдующіе противники, не сумѣли разобрать въ чемъ состояла ошибка «оригинальнаго открытія». Они аппелировали къ фактамъ и къ наблюденіямъ, почерпнутымъ изъ опыта. Но «why and wherefore» (почему и отчего) для нихъ оставалось тайною.

[40]) Манчестерская поѣздка, однако, принесла господину профессору нѣкоторую пользу. Въ «Letters on the Factory Act», вся чистая прибыль: «барышъ» и «проценты» и даже «something more» (еще кое-что) происходитъ изъ одного неоплаченнаго рабочаго часа работника! Между тѣмъ какъ еще за годъ передъ этимъ въ «Outlines of Political Economy», сочиненныхъ имъ на общую пользу оксфордскихъ студентовъ и образованныхъ филистеровъ, возражая противъ Ricardo, выводившаго опредѣленіе стоимости изъ количества истраченнаго рабочаго времени, онъ «открылъ», что «барышъ» является изъ труда капиталиста, а проценты, благодаря его аскетическимъ наклонностямъ и его «abstinence» (воздержаніе). Самая уловка была стара, но слово «abstinence» ново. Г. Roscher совершенно вѣрно онѣмечилъ его въ словѣ «Enthaltung». Но разные Wirth'ы, Schulze и другіе соотечественники его, менѣе посвященные въ таинства латинскаго языка, перевели этотъ терминъ словомъ «Entsagung» (самоотреченіе), и этимъ придали ему нѣсколько монашескій оттѣнокъ.

[41]) «Для человѣка, имѣющаго капиталъ въ 20,000 ф. ст., который даетъ ему 2,000 ф. стерл. годовой прибыли, рѣшительно все равно, занимаетъ-ли его капиталъ 100 или 1,000 работниковъ; продаются-ли произведенные товары за 10,000 или за 20,000 ф. стерл., если только получаемая имъ прибыль ни въ какомъ случаѣ не падаетъ ниже 2,000 ф. стерл. Не таковъ-ли точно реальный интересъ всякой націи? Коль скоро чистые реальные доходы націи, ея рента и прибыли остаются тѣ же самые, то для нея рѣшительно все равно, состоитъ-ли ея населеніе изъ 10 или 12 милліоновъ человѣкъ». (Ricardo, l. c., p. 416). Еще задолго до Ricardo, Arthur Young, фанатикъ прибавочной стоимости, но пустой, многорѣчивый писатель, лишенный всякой критики,—слава котораго обратно пропорціональна его заслугамъ, — говоритъ между прочимъ, слѣдующее: «Какую пользу можетъ извлечь современное государство изъ цѣлой провинціи, если почва этой провинціи обработывается по древнеримскому способу, мелкими, независимыми земледѣльцами, хотя бы эти землѣдѣльцы и обработывали ее наилучшимъ образомъ? Для какой цѣли можетъ служить такая провинція, кромѣ разведенія людей? («the mere purprose of breeding men»). Но такая цѣль, сама по себѣ, представляетъ самую безполезную цѣль въ мірѣ» («is a most useless purpose»). Arthur Young: «Political Arithmetic etc. London, 1774», p. 47. Hopkins дѣлаетъ слѣдующее совершенно справедливое замѣчаніе: «Странно, что обыкновенно имѣютъ сильную склонность... представлять чистый продуктъ какъ такой, который очень выгоденъ для рабочихъ классовъ... такъ какъ онъ даетъ ему воз-

Абсолютная величина рабочаго времени работника, или—рабочій день (working day) опредѣляется суммой необходимаго труда и прибавочнаго труда,—того времени, въ продолженіе котораго работникъ воспроизводитъ только стоимость своей собственной рабочей силы, и того времени, въ теченіе котораго онъ производитъ прибавочную стоимость.

можность работать. Однако очевидно, что если онъ и можетъ это сдѣлать, то уже ни въ какомъ случаѣ не потому, что онъ чистый» (Th. Hopkins. On Rent of Land, London, 1823, p. 126).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Рабочій день.

1) Предѣлы рабочаго дня.

Исходною точкою нашего изслѣдованія служитъ предположеніе, что рабочая сила покупается и продается по ея стоимости. Стоимость ея, какъ стоимость всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для ея производства. Стало быть, если средняя сумма средствъ существованія, необходимыхъ ежедневно для поддержанія жизни работника, требуетъ для своего производства ежедневно 6 часовъ, то работнитъ обязанъ работать, среднимъ числомъ, по 6 часовъ въ день, для того чтобы воспроизвести ежедневно свою рабочую силу, или воспроизвести ту стоимость, которую она представляетъ при ея продажѣ. Необходимая часть его рабочаго дня содержитъ въ этомъ случаѣ 6 часовъ, и представляетъ, слѣдовательно, при остальныхъ прежнихъ условіяхъ, величину опредѣленную. Но величина самого рабочаго дня этимъ вовсе еще не опредѣляется.

Предположимъ, что линія *a*————*b* представляетъ продолжительность или длину необходимаго рабочаго времени, напримѣръ 6 часовъ. Коль скоро трудъ продолжается за предѣлы *ab* на 1, 3 или 6 часовъ и т. д., мы получаемъ три различныя линіи:

Рабочій день I. *a*————*b*——*c*,

Рабочій день II. *a*————*b*————*c*,

Рабочій день III. *a*————*b*——————*c*,

представляющія три различные рабочіе дня: въ 7, 9 и 12 часовъ. Линія удлиненія *bc* представляетъ длину прибавочнаго рабочаго времени. Такъ какъ рабочій день $= ab + bc$, или *ac*, то онъ измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіями перемѣнной величины *bc*. Такъ какъ *ab* представляетъ у насъ величину данную, то опредѣленіе отношенія *bc* къ *ab*, во всѣхъ случаяхъ не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Отношеніе это, въ рабочемъ днѣ I, представляетъ $^1/_6$ *ab*; въ рабочемъ днѣ II — $^3/_6$ *ab*, а въ рабочемъ днѣ III—$^6/_6$ *ab*. Такъ какъ отношеніе:

$$\frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}}$$

представляетъ норму прибавочнай стоимости, то очевидно, что эта норма опредѣляется вышеприведеннымъ отношеніемъ. Въ разсматриваемыхъ нами трехъ рабочихъ дняхъ, эта норма составляетъ $16^2/_3\%$, 50% и 100%. Напротивъ того: одна норма прибавочной стоимости не можетъ служить для опредѣленія величины рабочаго дня. Будь эта норма, напримѣръ, 100%, рабочій день могъ бы заключать 8, 10, 12 часовъ и т. д. Такая норма показывала бы, что обѣ составныя части рабочаго дня,—необходимый трудъ и прибавочный трудъ,—равны между собою, но она не показывала бы величины каждой изъ этихъ частей.

Слѣдовательно рабочій день не есть постоянная величина, но величина перемѣнная. Хотя одну изъ его частей можно опредѣлить количествомъ рабочаго времени, необходимымъ для воспроизведенія самого работника, но общая величина его измѣняется съ длиною или продолжительностью прибавочнаго труда. Поэтому, хотя рабочій день и можно опредѣлить, т. е. измѣрить, но, самъ по себѣ, онъ является величиной неопредѣленной [42]).

Хотя рабочій день есть величина, величина перемѣнная, тѣмъ не менѣе онъ можетъ измѣняться только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Наименьшій предѣлъ его величины нѣтъ возможности опредѣлить. Хотя, если мы предположимъ, что линія удлиненія *bc*, или прибавочный трудъ=0, то получимъ наименьшій предѣлъ, т. е. ту часть рабочаго дня, которую работникъ обязанъ непремѣнно проработать для поддержанія своего собственнаго существованія. Но при капиталистическомъ способѣ производства необходимый трудъ можетъ составлять всегда только нѣкоторую часть его рабочаго дня; стало быть рабочій день никогда не можетъ быть сокращенъ до этого минимума. Но, если нельзя опредѣлить предѣлъ наименьшей вели-

42) «Рабочій день не опредѣленъ: онъ можетъ быть продолжителенъ или коротокъ». „An Essay on Trade and Commerce, containing Observations on Taxation etc. London. 1770“. p. 73.

чины рабочаго дня, то, напротивъ того, для рабочаго дня существуетъ всегда извѣстный предѣлъ наибольшей величины; далѣе этого предѣла рабочій день не можетъ быть продолженъ. Этотъ наибольшій предѣлъ опредѣляется двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, физическими предѣлами рабочей силы. Въ продолженіе естественнаго дня, состоящаго изъ 24 часовъ, человѣкъ можетъ истратить только извѣстное количество жизненной силы; мѣра этой траты силы является мѣрой физически возможнаго рабочаго времени. Такъ напримѣръ, лошадь можетъ работать изо дня въ день лишь по 8 часовъ въ сутки. Въ продолженіе опредѣленной части дня рабочая сила нуждается въ покоѣ снѣ; въ продолженіе другой части дня человѣкъ долженъ удовлетворять другимъ своимъ потребностямъ; онъ долженъ питаться, мыться, одѣваться и т. д. Помимо чисто физическаго предѣла, удлиненіе рабочаго дня имѣетъ еще и нравственный предѣлъ. Работникъ нуждается во времени для удовлетворенія своихъ умственныхъ и соціальныхъ потребностей, число и размѣръ которыхъ зависитъ отъ общаго состоянія культуры. Итакъ измѣненія величины рабочаго дня колеблятся въ предѣлахъ абсолютныхъ физическихъ границъ и, болѣе или менѣе относительныхъ, соціальныхъ границъ. Но какъ тѣ, такъ и другіе предѣлы являются довольно растяжимыми, а потому и колебанія могутъ быть самыми разнообразными. Такимъ образомъ мы находимъ рабочіе дни въ 8, 10, 12, 14, 16, 18 и болѣе часовъ; слѣдовательно рабочіе дни самой различной величины.

Рабочую силу капиталистъ купилъ за ея дневную стоимость. Ему принадлежитъ потребительная стоимость этой силы въ теченіе одного рабочаго дня. Слѣдовательно онъ получилъ право требовать, чтобы работникъ въ теченіе дня работалъ на него. Но что такое рабочій день [43])? Очевидно день этотъ долженъ быть менѣе обыкновеннаго натуральнаго дня. Но насколько менѣе? Капиталистъ имѣетъ свой собственный взглядъ на этотъ ultima Thule, на этотъ крайній, или необходимый предѣлъ рабочаго дня. Капиталистъ, какъ капиталистъ, представляетъ собою только олицетворенный капиталъ: его душа—капитальная душа. Но единственное жизненное стремленіе капитала заключается только въ томъ, чтобы постоянно увеличивать свою стоимость, создавать прибавочную стоимость, поглощать въ себя посредствомъ своей постоянной части или средствъ производства возможно большее количество прибавочнаго труда [44]). Капиталъ, это—мертвый трудъ, который, какъ вампиръ оживаетъ отъ всасыванія въ себя живого труда и пріобрѣтаетъ при этомъ тѣмъ болѣе жизненной силы, чѣмъ болѣе всосано имъ этого труда. Время, въ продолженіе котораго работникъ трудится, есть то время, въ теченіе котораго капиталистъ потребляетъ купленную имъ рабочую силу [45]). Работникъ обкрадываетъ капиталиста, если расходуетъ на себя хотя малѣйшую часть находящагося въ его распоряженіи времени [46]).

Въ этомъ случаѣ капиталистъ всегда ссылается на законъ обмѣна товаровъ. Какъ и всякій другой покупатель, онъ старается извлечь возможно большую пользу изъ потребительной стоимости купленнаго имъ товара. Но вдругъ возвышается голосъ работника, голосъ, который былъ до сихъ поръ неслышенъ за шумомъ и гамомъ процесса производства.

Этотъ голосъ, говоритъ капиталисту товаръ, который я продалъ тебѣ, отличается отъ сброда всякихъ другихъ товаровъ тѣмъ, что потребленіе его создаетъ стоимость, и притомъ стоимость большую его собственной стоимости. Это и было причиною, почему ты его купилъ. То, что для тебя является какъ увеличеніе стоимости твоего капитала, для меня—есть лишняя трата моей рабочей силы. Конечно, и ты и я подчиняемся на рынкѣ только одному закону,—закону обмѣна товаровъ. Правда, потребленіе товара принадлежитъ не продавцу, который его отчуждаетъ, а покупателю, который его пріобрѣтаетъ. Поэтому ты имѣешь право пользоваться моею рабочею силою въ теченіе дня. Но, благодаря поденной продажной цѣнѣ на мою рабочую силу, я долженъ имѣть возможность ежедневно воспроизводить ее, чтобы снова продать. Помимо естественнаго изнашиванія ея вмѣстѣ съ годами и т. п., я долженъ быть въ состояніи работать завтра съ тѣмъ же нормальнымъ количествомъ силы, здо-

[43]) Вопросъ этотъ несравненно важнѣе знаменитаго вопроса, заданнаго сэромъ Робертомъ Пилемъ бирмингамской торговой палатѣ: «Что такое фунтъ стерлинговъ?» Такой вопросъ, могъ быть предложенъ только потому, что Пиль имѣлъ одинаковое смутное понятіе о природѣ денегъ, какъ и бирмингамскіе «little shilling men».

[44]) «Задача капиталиста состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ затраченнаго капитала получить возможно большую сумму труда». («D'obtenir du capital dépensé la plus forte somme de travail possible»). J. G. Courcelle-Seneuil: «Traité théorique et pratique des entreprises industrielles. 2-ème édit. Paris, 1857», p. 63.

[45]) «Потеря одного часа труда въ теченіе дня составляетъ для торговой страны значительный ущербъ... Между трудящимися бѣдняками этого королевства, а въ особенности между фабричною чернью, очень развито потребленіе предметовъ роскоши, а потребляя ихъ, они тратятъ свое время, эта трата конечно является одной изъ самыхъ гибельныхъ тратъ». «An Essay on Trade and Commerce etc.», p. 47 и 153.

[46]) «Если работникъ захочетъ отдохнуть хотя на одно мгновеніе, алчная экономія, слѣдящая безпокойнымъ взоромъ за каждымъ его движеніемъ, немедленно поднимаетъ вой, что онъ ее обкрадываетъ». N. Linguet: «Théorie des Lois Civiles etc. London 1767», t. II p. 466).

ровья и свѣжести, какъ и сегодня. Ты проповѣдуешь мнѣ постоянно по евангелію «бережливость» и «воздержаніе». Хорошо-же! Какъ разумный, бережливый хозяинъ, я буду теперь беречь мое единственное достояніе, рабочую силу, и воздержусь отъ всякой неразумной растраты ея. Я буду приводить ежедневно въ движеніе или превращать въ трудъ только такое количество этой силы, которое соотвѣтствуетъ ея нормальной дѣятельности и здоровому развитію. Чрезмѣрнымъ удлиненіемъ рабочаго дня, ты можешь въ одинъ день выжать изъ меня болѣе рабочей силы, чѣмъ сколько я въ состояніи пополнить въ три дня. То, что ты выигрываешь въ этомъ случаѣ на трудѣ, я теряю на самой сущности моего труда, на моей рабочей силѣ. Двѣ совершенно различныя вещи, — пользоваться моею рабочею силою и грабить ее у меня. Если средній періодъ жизни средняго работника, при разумномъ употребленіи силы, достигаетъ 30 лѣтъ, то стоимость моей рабочей силы, уплачиваемая мнѣ тобою поденно, равна $\frac{1}{365 \times 30}$ или $^{1}/_{10950}$ ея общей стоимости. Но если ты потребляешь ее въ 10 лѣтъ, то ты платишь мнѣ ежедневно только $^{1}/_{10950}$, вмѣсто $^{1}/_{3650}$ общей стоимости, слѣдовательно только $^{1}/_{3}$ ея настоящей стоимости, и поэтому обсчитываешъ меня ежедневно на $^{2}/_{3}$ стоимости моего товара. Ты платишь мнѣ за потребленіе моей рабочей силы въ теченіе одного дня, между тѣмъ какъ расходуешь ее столько, сколько слѣдовало бы израсходовать только въ три дня. Это совершенно несогласно съ нашимъ договоромъ и закономъ обмѣна товаровъ. Вотъ почему я требую рабочаго дня нормальной продолжительности, и обращаюсь съ этимъ требованіемъ не къ сердцу твоему; такъ какъ я знаю, что въ денежныхъ дѣлахъ нѣтъ мѣста добросердечію. Возможно, что ты примѣрный гражданинъ, пожалуй даже членъ общества покровительства животныхъ, и притомъ человѣкъ религіозный, окруженный благоуханіемъ святости; но та вещь, которую ты представляешь по отношенію ко мнѣ, не носитъ въ своей груди сердца. И если ты слышишь, что въ ней что-то бьется, то это лишь біеніе моего собственнаго сердца. Требуя нормальнаго рабочаго дня, я требую только стоимости моего товара, подобно каждому другому продавцу [47]).

Итакъ мы видимъ, что природа обмѣна товаровъ не ставитъ никакихъ предѣловъ рабочему дню, кромѣ самыхъ растяжимыхъ, а потому также не существуетъ какихъ либо предѣловъ и для прибавочнаго труда. Поэтому, когда капиталистъ старается удлинить рабочій день, насколько это возможно, и даже если можно сдѣлать изъ одного рабочаго дня два дня, онъ только пользуется тѣмъ правомъ, которое принадлежитъ ему какъ покупателю. Съ другой стороны, работникъ стараясь постоянно свести рабочій день на извѣстную нормальную величину, защищаетъ только то право, которое принадлежитъ ему какъ продавцу, такъ какъ особенная природа проданнаго товара предполагаетъ извѣстный предѣлъ для потребленія этого товара покупателемъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ противорѣчіемъ, съ правомъ противъ права; причемъ и то и другое право одинаково освящены закономъ обмѣна товаровъ. Но въ борьбѣ двухъ одинаковыхъ правъ побѣду рѣшаетъ сила. Поэтому въ исторіи капиталистическаго производства видно, что установленіе нормальнаго рабочаго дня является послѣ борьбы за предѣлы рабочаго дня между классомъ капиталистовъ и рабочимъ классомъ.

2) Жадная погоня за прибавочнымъ трудомъ.

Прибавочный трудъ, какъ уже было замѣчено выше, не есть изобрѣтеніе капитала. Вездѣ гдѣ средствами производства монопольно владѣетъ одна часть общества, работникъ,—свободный или несвободный—вынужденъ прибавлять добавочное рабочее время къ тому рабочему времени, которое необходимо для поддержанія его собственной жизни, чтобы произвести средства существованія для владѣльца средствъ производства [48]), будетъ-ли этотъ владѣлецъ афинскій καλὸς κἀγαθὸς, этрусскій теократъ, civis romanus, норманскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ, валахскій бояринъ, новѣйшій landlord или капиталистъ [49]) Однако не трудно понять, что въ такой экономической общественной формаціи, гдѣ главную роль играетъ потребительная а не мѣновая стоимость продукта, прибавочный трудъ ограничивается нѣкоторымъ болѣе узкимъ или болѣе широкимъ кругомъ потребностей, и что при этомъ безграничная потребность въ прибавочномъ трудѣ вовсе не

[47]) Во время большой стачки лондонскихъ builders (строителей) въ 1860—61 гг. съ цѣлью добиться сокращенія рабочаго дня до 9 часовъ, ихъ комитетъ напечаталъ заявленіе, почти тождественное съ жалобою нѣмецкаго работника. Въ этомъ заявленіи не безъ ироніи намекается на то обстоятельство, что самый жадный изъ «buildingsmasters», — нѣкто Sir M. Peto, окруженъ «благоуханіемъ святости».

[48]) «Трудящіеся классы... въ сущности кормятъ не только самихъ себя, но и тѣхъ пенсіонеровъ, которые называются богатыми». (Edmund Burke l. c. p. 2).

[49]) Niebuhr въ своей «Römische Geschichte» дѣлаетъ очень наивное замѣчаніе «Нельзя не сознаться, что памятники зодчества, подобные этрусскимъ, поражающіе насъ даже въ самыхъ развалинахъ своихъ, въ маленькихъ (!) государствахъ, предполагаютъ существованіе феодальныхъ господъ и крѣпостныхъ рабовъ». Гораздо глубже замѣтилъ Sismondi, что «брюссельскія кружева» предполагаютъ существованіе господъ-нанимателей и наемныхъ слугъ.

возникаетъ изъ характера самого производства. Если въ древней исторіи мы и встрѣчаемъ иной разъ кажущіяся отступленія отъ этого положенія, то отступленія эти служатъ на самомъ дѣлѣ прямымъ доказательствомъ его справедливости. Такъ напримѣръ чрезмѣрный трудъ въ своихъ наиболѣе тяжелыхъ формахъ встрѣчается именно тамъ, гдѣ мѣновая стоимость производится въ своей самостоятельной формѣ, въ формѣ денегъ, именно при добываніи золота и серебра. Принудительный трудъ, замучивающій работника до смерти, является при этомъ неоспоримой формой чрезмѣрнаго труда. Стоитъ прочесть только сочиненія Діодора Сицилійскаго [50]). Во всякомъ случаѣ въ древности это было исключеніемъ. Однако когда народы,—у которыхъ производство находится еще въ сравнительно болѣе низкихъ формахъ рабскаго труда, крѣпостного труда, и т. д.,—являются на всемірный рынокъ, который руководствуется законами капиталистическаго производства и когда продажа ихъ продуктовъ за границу развивается до такой степени, что дѣлается ихъ главнѣйшимъ интересомъ,—то къ варварскимъ ужасамъ рабства, крѣпостничества, и т. п., прибавляются цивилизованные ужасы, порождаемые чрезмѣрнымъ трудомъ. Поэтому работа негровъ въ южныхъ штатахъ американскаго союза имѣла довольно патріархальный характеръ до тѣхъ поръ, пока была направлена главнѣйшимъ образомъ на удовлетвореніе непосредственныхъ нуждъ самихъ рабовладѣльцевъ. Но по мѣрѣ того, какъ вывозъ хлопка становился настоящимъ жизненнымъ интересомъ этихъ штатовъ, замучиваніе негровъ на смерть чрезмѣрнымъ трудомъ, иногда даже потребленіе жизни негра въ теченіе семи рабочихъ лѣтъ, дѣлалось факторомъ цѣлой системы, основанной на строгомъ и точномъ коммерческомъ расчетѣ. Теперь уже хлопотали не о томъ, чтобы добыть изъ негра извѣстную массу полезныхъ продуктовъ, а главное—о производствѣ прибавочной стоимости. Тоже самое относится и къ барщинному труду (Frohnarbeit), напримѣръ въ Дунайскихъ княжествахъ.

Сравненіе жадной погони за прибавочнымъ трудомъ въ Дунайскихъ княжествахъ съ не менѣе жадною погонею за нимъ на англійскихъ фабрикахъ, является особенно интереснымъ, такъ какъ, при барщинномъ трудѣ, прибавочный трудъ представляется въ самостоятельной, чувственно-осязательной формѣ.

Положимъ, что рабочій день содержитъ въ себѣ 6 часовъ необходимаго труда и 6 часовъ прибавочнаго труда. Въ такомъ случаѣ свободный работникъ доставляетъ еженедѣльно капиталисту 6×6, или 36 часовъ прибавочнаго труда. Это совершенно одно и тоже, если-бы онъ работалъ 3 дня въ недѣлю на себя, а 3 дня въ недѣлю—даромъ на капиталиста. Но здѣсь такое отношеніе не бросается въ глаза съ перваго взгляда, такъ какъ необходимый трудъ и прибавочный трудъ при этомъ какъ бы сливаются другъ съ другомъ. Поэтому я могу напримѣръ тоже самое отношеніе выразить еще такимъ образомъ, что въ теченіе каждой минуты работникъ работаетъ 30 секундъ на себя, а 30 секундъ на капиталиста и т. п. Но это не примѣнимо по отношенію къ барщинному труду. Тотъ необходимый трудъ, который исполняетъ напримѣръ валахскій крестьянинъ для поддержанія своего собственнаго существованія, отличается пространственно отъ того прибавочнаго труда, который онъ исполняетъ для боярина. Одинъ родъ труда исполняетъ онъ на своемъ собственномъ полѣ, другой—въ барскомъ помѣстьѣ. Поэтому обѣ части рабочаго времени существуютъ здѣсь раздѣльно и самостоятельно одна подлѣ другой. Прибавочный трудъ, являющійся здѣсь въ формѣ барщиннаго труда, рѣзко отличается отъ необходимаго труда. Очевидно, что эти различныя формы проявленія не имѣютъ никакого вліянія на количественное отношеніе прибавочнаго труда къ необходимому труду. Три дня прибавочнаго труда въ недѣлю всегда останутся тремя днями труда, не доставляющаго никакого эквивалентнаго вознагражденія для самого работника,—будетъ-ли этотъ трудъ называться барщиннымъ трудомъ или наемнымъ трудомъ. Но у капиталиста жадное стремленіе къ прибавочному труду проявляется въ принудительномъ и чрезмѣрномъ удлиненіи рабочаго дня, тогда какъ у валахскаго боярина это стремленіе проявляется проще, въ непосредственной погонѣ за барщиннымъ днемъ [51]).

Въ придунайскихъ княжествахъ барщинный трудъ былъ связанъ съ натуральными рентами и другими принадлежностями крѣпостничества, но составлялъ настоящую дань господствующему классу. Повсюду, гдѣ встрѣчается подобное явленіе, барщинный трудъ очень рѣдко оказывается возникшимъ изъ крѣпостничества, напротивъ того, по большей части крѣпостничество оказывается при этомъ развившимся изъ барщиннаго

[50]) «Нельзя глядѣть на этихъ несчастныхъ (работниковъ въ золотыхъ рудникахъ, лежащихъ между Египтомъ, Ееіопіей и Аравіей), не имѣющихъ возможности ни держать въ чистотѣ своего тѣла, ни прикрыть своей наготы,—безъ того, чтобы не испытать чувства состраданія къ ихъ горестной участи. Здѣсь вы не встрѣтите ни малѣйшей пощады ни къ болѣзни, ни къ увѣчью, ни къ старости, ни къ женской слабости. Побуждаемые побоями, они обязаны работать пока смерть не положитъ конецъ ихъ бѣдствіямъ и страданіямъ». Diodorus Siculus. Historische Bibliothek. Buch. 3, c. 13.

[51]) Весь послѣдующій очеркъ относится къ тому состоянію Румынскихъ княжествъ, въ которомъ они находились до переворота, совершившагося въ нихъ послѣ Крымской войны.

труда [52]). Такъ было и въ Румынскихъ княжествахъ. Первоначальный способъ производства въ этихъ княжествахъ основывался на общинной собственности, хотя общинная собственность существовала здѣсь не въ той формѣ, которую мы встрѣчаемъ у славянъ или у индійцевъ. Часть земель самостоятельно обработывалась членами земледѣльческихъ общинъ, какъ свободная, частная собственность; между тѣмъ, какъ другая часть земель — ager publicus — обработывалась ими сообща. Продуктъ этого общаго труда служилъ частью въ видѣ запаса на случай неурожаевъ и другихъ несчастныхъ случайностей; частью какъ государственная казна, изъ которой покрывались военныя, религіозныя и другія расходы общины. Съ теченіемъ времени представители военной силы и церкви захватили общинныя земли, а вмѣстѣ съ ними и повинности, которыя отбывали жители на этихъ земляхъ. Такимъ образомъ трудъ свободныхъ землевладѣльцевъ на ихъ собственной землѣ, находившейся у нихъ въ общинномъ владѣніи, превратился въ барщинный трудъ на людей, отнявшихъ ихъ общую собственность. Одновременно же немедленно возникли и крѣпостныя отношенія, существовавшія однако лишь фактически, а не на основаніи закона, до тѣхъ поръ, пока Россія, подъ предлогомъ уничтоженія крѣпостнаго права, не возвела ихъ въ положительный законъ. Кодексъ барщинныхъ повинностей, обнародованный въ 1831 году русскимъ генераломъ Киселевымъ былъ весьма естественно продиктованъ самими боярами. Этимъ кодексомъ Россія добилась однимъ ударомъ и расположенія магнатовъ Дунайскихъ княжествъ и одобрительныхъ рукоплесканій либеральныхъ кретиновъ всей Европы.

На основаніи Règlement organique»,—такъ называется этотъ кодексъ барщинныхъ повинностей,—каждый валахскій земледѣлецъ, кромѣ цѣлой массы мелкихъ натуральныхъ повинностей, — обязанъ доставить такъ называемому собственнику земли: 1) 12 рабочихъ дней вообще; 2) одинъ день полевой работы и 3) одинъ день возки дровъ, всего 14 рабочихъ дней въ годъ. Но, на основаніи глубокихъ политико-экономическихъ соображеній въ кодексѣ принимается вовсе не обыкновенный рабочій день, а такой, который необходимъ для производства средняго дневного продукта; а этотъ средній дневной продуктъ опредѣленъ такъ остроумно, что ни одинъ циклопъ не сработаетъ его и въ 24 часа. Самъ «Règlement», съ чисто русскою ироніею, объявляетъ безъ всякихъ обиняковъ, что подъ 12 рабочими днями слѣдуетъ понимать продуктъ 36 дневнаго ручного труда; подъ однимъ днемъ полевой работы—три дня, и подъ однимъ днемъ возки лѣсу—также три дня. Итого: 42 барщинныхъ дня. Но къ этому прибавляется еще такъ называемое Jobagie, т. е. услуги, которыя земледѣльцы обязаны оказывать землевладѣльцу въ разныхъ экстренныхъ нуждахъ, встрѣчающихся въ хозяйствѣ. Извѣстная часть мужского населенія, смотря по числу жителей деревни, осуждена ежегодно на эту «Jobagie». Въ теченіе года приходится на каждаго валахскаго земледѣльца по 14 дней этого прибавочнаго барщиннаго труда. Такимъ образомъ установленный закономъ барщинный трудъ составляетъ 56 рабочихъ дней въ годъ. Но благодаря дурному климату земледѣльческій годъ Валахіи можно считать только въ 210 дней, изъ которыхъ 40 дней приходятся на воскресенья и праздники, а 30 дней приходится среднимъ числомъ на дурную погоду; такимъ образомъ рабочій годъ уменьшается въ сложности на 70 дней. Остается 140 рабочихъ дней. Отношеніе барщиннаго труда къ необходимому труду $^{56}/_{84}$, или $66^2/_3\%$, выражаетъ гораздо меньшую норму прибавочной стоимости чѣмъ та, которой подчиняется трудъ англійскаго земледѣльческаго и фабричнаго рабочаго. Однако приведенное нами количество барщиннаго труда представляетъ лишь то количество, которое установлено закономъ. Но «Règlement organique», облегчаетъ для помѣщиковъ возможность дѣлать обходы его собственнаго положенія съ еще большимъ «либерализмомъ», чѣмъ англійское фабричное законодательство. Послѣ того какъ изъ 14 дней имъ было сдѣлано 56 дней, номинальный дневной трудъ каждаго изъ этихъ 56 барщинныхъ дней былъ опредѣленъ такимъ образомъ, что въ концѣ всякаго дня долженъ былъ оставаться неоконченный излишекъ, падающій на слѣдующій день. Напримѣръ, въ теченіе одного дня слѣдовало выполоть такое пространство земли, которое требуетъ для этой цѣли, особенно на кукурузныхъ поляхъ—вдвое больше времени. Законныя дневныя занятія въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ работахъ, могли быть расположены такимъ образомъ, что день начинался въ Маѣ, а оканчивался только въ Октябрѣ. Для Молдавіи постановленіе закона на этотъ счетъ было еще суровѣе. «Двѣнадцать барщин-

[52]) [Къ 3-му изд.—Это относится одинаково и къ Германіи, въ особенности же къ части Пруссіи, лежащей къ востоку отъ Эльбы. Въ XV-мъ столѣтіи нѣмецкій крестьянинъ былъ почти повсюду обязанъ нести повинности частью натурою, въ продуктахъ, частью работою; но, по крайней мѣрѣ фактически, онъ все же оставался человѣкомъ свободнымъ. Нѣмецкіе поселенцы въ Бранденбургѣ, Поммераніи, Силезіи и въ восточной Пруссіи признавались даже юридически свободными. Побѣда дворянства въ крестьянской войнѣ положила этому конецъ. Не только побѣжденные южно-нѣмецкіе крестьяне были снова прикрѣплены, но уже съ половины XVI-го столѣтія, свободные крестьяне восточной Пруссіи, Бранденбурга, Силезіи, Поммераніи и вскорѣ затѣмъ также Шлезвигъ-Гольштейна были низведены въ крѣпостные» (Maurer, «Frohnhöfe», IV Band.— Meizen, «Der Boden des preuss. Staats».— Hansen, «Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein»)— Фр. Э.].

ныхъ дней, установленные въ «Réglement organique», восклицаетъ одинъ упоенный побѣдою бояринъ,—составляютъ 365 дней въ году!» [53]).

Если «Réglement organique» Дунайскихъ княжествъ является положительнымъ выраженіемъ алчнаго стремленія къ прибавочному труду, узаконеннаго въ каждомъ параграфѣ этого кодекса, то англійскіе Faktory Acts представляютъ отрицательное выраженіе того же самаго алчнаго стремленія. Эти законы сдерживаютъ стремленіе капиталиста къ непомѣрному высасыванію рабочей силы принудительнымъ ограниченіемъ рабочаго дня со стороны государства, хотя со стороны такого государства, которое управляется капиталистомъ и landlord'омъ. Не говоря уже о рабочемъ движеніи, которое становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грознымъ, ограниченіе фабричнаго труда являлось точно такою же необходимостью, какъ удобреніе гуано англійскихъ полей. Таже самая алчность, которая, въ одномъ случаѣ, истощила землю, въ другомъ случаѣ подрывала въ самомъ корнѣ жизненную силу націи. Періодическія эпидеміи подтверждали это съ такою же ясностью, какъ уменьшающійся ростъ солдатъ въ Германіи и во Франціи. [54])

Factory Act 1850 г., которымъ регулируется въ настоящее время (1867 г.) фабричный трудъ, опредѣляетъ средній недѣльный день въ 10 часовъ; а именно, въ теченіе первыхъ 5 дней недѣли — въ 12 часовъ: отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера: причемъ $^1/_2$ часа полагается по закону на завтракъ и часъ на обѣдъ,—остается слѣдовательно $10^1/_2$ часовъ; и 8 часовъ въ субботу: съ 6 часовъ утра до 2 часовъ пополудни, откуда $^1/_2$ часа полагается на завтракъ. Въ итогѣ выходитъ 60 часовъ въ недѣлю: по $10^1/_2$ часовъ въ первые 5 дней недѣли и $7^1/_2$ часовъ въ послѣдній день [55]). За исполненіемъ этого закона, наблюдаютъ особые блюстители, такъ называемые фабричные инспектора, подчиненные непосредственно министерству внутреннихъ дѣлъ, полугодовые отчеты инспекторовъ публикуются постоянно парламентомъ во всеобщее свѣдѣніе. Эти-то отчеты и доставляютъ непрерывныя и оффиціальныя статистическія доказательства жаднаго стремленія капиталиста къ прибавочному труду.

Послушаемъ на минуту фабричныхъ инспекторовъ [56]).

«Плутоватый фабрикантъ начинаетъ работы за четверть часа (иногда немного ранѣе, иногда немного позднѣе) до 6 часовъ утра, и оканчиваетъ ихъ на четверть часа (иногда немного ранѣе, иногда немного позднѣе) послѣ 6 часовъ вечера. Онъ оттягиваетъ 5 минутъ отъ начала

[53]) Дальнѣйшія подробности можно видѣть въ «E. Regnault: Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes. Paris 1855».

[54]) «Говоря вообще если размѣръ органическихъ существъ извѣстнаго вида превышаетъ средній его размѣръ, то это говоритъ въ извѣстныхъ предѣлахъ о процвѣтаніи этого вида. Что касается людей, то размѣръ ихъ тѣла также уменьшается, если какія-нибудь причины мѣшаютъ ихъ благосостоянію, будутъ-ли эти причины обусловливаться отношеніями физическими или соціальными, все равно. Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ конскрипція, со времени введенія ея, средній ростъ взрослаго мужского населенія и вообще годность его для военной службы уменьшилась весьма замѣтнымъ образомъ. Передъ революціею (1789) minimum для пѣхотинца представлялъ ве Франціи 165 сантиметровъ; въ 1818 году (по закону 10 Марта)—157; а по закону 21 Марта 1832, — 156 сантиметровъ; во Франціи среднимъ числомъ около половины рекрутовъ бракуется за малорослостью и тѣлесными недостатками. Саксонская военная мѣра въ 1780 году равнялась 178 сантиметрамъ теперь она равна 155. Въ Пруссіи она равняется 157. На основаніи данныхъ, публикованныхъ докторомъ Meyer'омъ въ Bayrische Zeitung отъ 9 мая 1862 г. и представляющихъ средній выводъ изъ девятилѣтнихъ наблюденій, въ Пруссіи изъ каждыхъ 1,000 рекрутъ, 716 оказываются негодными для военной службы: 317 по малорослости и 399 вслѣдствіе тѣлесныхъ недостатковъ... Въ 1858 г. Берлинъ не могъ выставить слѣдовавшаго съ него контингента новобранцевъ: недоставало 156 человѣкъ». (J. v. Liebig: «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie. 1862. 7-te Auflage» Band l, p. 117, 118).

[55]) Исторія фабричнаго акта 1850 года будетъ изложена въ настоящей главѣ.

[56]) Въ моей книгѣ я только изрѣдка касаюсь того времени, которое простирается отъ начала крупной промышленности въ Англіи до 1845 года; по отношенію къ этому времени я отсылаю читателя къ сочиненію Friedrich Engels'a: Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig. 1845». Какъ глубоко понялъ Энгельсъ духъ капиталистическаго производства показываютъ Factory Reports, Reports on mines, и т. д. вышедшіе послѣ 1845 года; а какъ поразительно вѣрно нарисованы имъ различныя подробности положенія англійскаго рабочаго класса видно изъ самаго поверхностнаго сравненія его сочиненія съ оффиціальными отчетами «Children's Employement Commission», опубликованными 18 и 20-ю годами позднѣе его книги (1863—67). Эти отчеты касаются именно тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ фабричное законодательство не было еще введено до 1862 года, и въ которыхъ оно частью не введено и до сихъ поръ; а потому положеніе дѣлъ, нарисованное Энгельсомъ, не потерпѣло въ нихъ вслѣдствіе вмѣшательства извнѣ, болѣе или менѣе значительныхъ измѣненій. Мои же примѣры взяты главнѣйшимъ образомъ изъ періода свободной торговли, начинающейся послѣ 1848 г., т. е. изъ того блаженнаго времени, о которомъ такъ много наговорили нѣмцамъ столько же крикливые, сколько невѣжественные въ научномъ отношеніи разносчики хвалебныхъ гимновъ свободной торговли.—Впрочемъ, Англія фигурируетъ здѣсь на планѣ только потому, что она является классическою страною капиталистическаго производства, и кромѣ того одна въ цѣломъ мірѣ обладаетъ непрерывною оффиціальною статистикою по занимающему насъ предмету.

и 5 минутъ отъ конца получаса, назначеннаго по закону на завтракъ, цѣлыхъ 10 минутъ отъ начала, и 10 минутъ отъ конца часа, опредѣленнаго по закону на обѣдъ. Въ субботу у него работаютъ на четверть часа долѣе, (иногда болѣе, иногда менѣе) послѣ 2-хъ часовъ пополудни. Такимъ образомъ у него получается слѣдующая выгода:

До 6 часовъ утра	15 мин.	Всего за 5 дней: 300 минутъ.
Послѣ 6 часовъ вечера	15 —	
Отъ времени завтрака	10 —	
Отъ обѣденнаго времени	20 —	
	60 мин.	
Въ субботу.		
До 6 часовъ утра	15 мин.	Вся выгода за недѣлю: 340 м.
Отъ завтрака	10 —	
Послѣ 2 час. пополудни	15 —	

или 5 часовъ 40 минутъ въ недѣлю. Если помножить теперь это число на 50 рабочихъ недѣль,—за вычетомъ двухъ недѣль на праздники и случайные перерывы работъ, — то получится 27 рабочихъ дней» [57]).

«Если рабочій день будетъ продленъ ежедневно на 5 минутъ сверхъ нормальнаго предѣла, то, въ теченіе года, набѣжитъ въ пользу фабриканта $2^1/_2$ лишнихъ дня производства» [58]). «Одинъ лишній часъ каждый день, составленный изъ кусочковъ времени, оттянутыхъ то тамъ, то сямъ, дѣлаетъ изъ 12 годовыхъ мѣсяцевъ—13» [59]).

Кризисы, во время которыхъ производство прерывается, и фабрики работаютъ только «короткое время», т. е. лишь въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ недѣлю,—кризисы эти, весьма естественно, не умѣряютъ нисколько стремленія фабрикантовъ къ удлиненію рабочаго дня. Чѣмъ менѣе бываетъ дѣлъ, тѣмъ болѣе должна быть прибыль со сдѣланнаго. Чѣмъ менѣе времени работаетъ фабрика, тѣмъ болѣе прибавочнаго времени должно быть отработано. Такъ фабричные инспекторы о періодѣ кризиса 1857—1858 гг. доносятъ слѣдующее:

«Человѣку, незнакомому съ дѣломъ, можетъ показаться непослѣдовательнымъ и нелѣпымъ, будто бы въ то время, когда торговля идетъ такъ плохо, могутъ происходить какія-нибудь нарушенія законныхъ предѣловъ для рабочаго времени; но именно это плохое состояніе промышленности побуждаетъ людей, не уважающихъ закона, къ его постояннымъ нарушеніямъ; они обезпечиваютъ себѣ такимъ образомъ лишнюю прибыль (extraprofit)...» «Въ то самое время», говоритъ Leonhard Horner, «какъ 122 фабрики въ моемъ округѣ совсѣмъ закрылись, 143 остановили работы, а всѣ остальныя работаютъ лишь короткое время, принужденіе рабочихъ работать долѣе положеннаго по закону времени продолжается попрежнему» [60]). «Хотя», говоритъ Howell, «большая часть фабрикъ, вслѣдствіе плохого состоянія промышленности, работаютъ только половинное время, и, не смотря на это, теперь какъ и прежде, я продолжаю получать одинаковое количество жалобъ, на ежедневное оттягиваніе у работниковъ то получаса, то $^3/_4$ часа, вслѣдствіе урѣзываній отъ времени, назначеннаго закономъ на ѣду и отдыхъ» [61]).

То же самое явленіе, только въ меньшихъ размѣрахъ, повторяется въ теченіе ужаснаго хлопчатобумажнаго кризиса съ 1861 по 1865 гг. [62]).

«Если мы застанемъ рабочихъ за работой въ часы, назначенные для ѣды или въ другое незаконное время, хозяева почти всегда приводятъ въ свое оправданіе, что рабочіе сами не хотятъ уходить съ фабрики, и что имъ приходится иногда прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, чтобы заставить рабочихъ прекратить работу (чистку машинъ и т. п.), именно въ субботу послѣ обѣда. Но если «руки» остаются на фабрикѣ послѣ остановки машинъ, то это происходитъ только потому, что между 6 часами утра и 6 часами вечера, въ теченіе опредѣленныхъ по закону рабочихъ часовъ, имъ не дается ни малѣйшаго времени для исполненія подобныхъ дѣлъ» [63]).

---

[57]) «Suggestions etc. by M-r L. Horner. Inspector of Factories», въ «Factory Regulation's Act. Ordered by the House of Commons to be printed 9 Aug. 1859». p. 4, 5.

[58]) «Reports of the Insp. of Fact. for the half year ended 1856», p. 34

[59]) «Reports etc. 30-th. April 1858», p. 9.

[60]) «Reports etc.» l. c. p. 43.

[61]) «Reports etc» l. c. p. 25.

[62]) «Reports etc. for half year ending 30-th April 1861». См. Appendix № 2 „Reports etc. 31-st Octob. 1862“, 7, 52, 53. Противозаконныя удлиненія рабочаго дня снова становятся многочисленнѣе въ послѣднее полугодіе 1863 года. Сравн. „Reports etc. ending 31-st Octob. 1863“, p. 7.

[63]) „Reports etc. 31-st Octob. 1860“, p. 23. Слѣдующій курьезъ лучше всего рисуетъ, съ какимъ фанатизмомъ,—судя по показаніямъ фабрикантовъ, даннымъ въ судѣ,—ихъ фабричныя «руки» противятся всякому перерыву фабричныхъ работъ: въ началѣ іюня 1836 г., къ судьѣ въ Dewsbury (Yorkshire) поступили жалобы на нарушенія фабричнаго акта хозяевами 8 большихъ фабрикъ, находящихся по сосѣдству съ Batley. Нѣкоторые изъ этихъ господъ обвинялись въ томъ, что они заставляли 5 мальчиковъ отъ 12 до 15 лѣтъ, работать съ 6 часовъ утра пятницы до 4 часовъ пополудни слѣдующей субботы, не давая имъ никакого отдыха, кромѣ времени для ѣды и одного часа сна около полуночи. И эти дѣти должны были исполнять свою неустанную, тридцатичасовую работу въ «shoddy-hole», такъ называется тотъ адъ, въ которомъ раздергиваются шерстяныя лохмотья, и воздухъ котораго, представляющій цѣлое море пыли, отброса и т. п., принуждаетъ даже взрослыхъ работниковъ завязывать постоянно ротъ носовымъ платкомъ, для того чтобы защитить легкія! Хозяева, на которыхъ поступали жалобы, увѣряли, — какъ квакеры, они были люди слишкомъ щекотливые въ религіозномъ отноше-

«Лишняя прибыль, которую можно получить отъ продолженія работъ сверхъ назначеннаго закономъ времени, для многихъ фабрикантовъ является искушеніемъ на столько сильнымъ, что они не могутъ его побороть. Они надѣются, что не будутъ уличены, даже въ случаѣ открытія и уличенія, при ничтожности денежнаго штрафа и судебныхъ издержекъ, по сведеніи баланса, они видятъ себя все-таки въ барышѣ» [64]). «Тамъ, гдѣ прибавочное время добывается посредствомъ соединенія маленькихъ покражъ («a multiplication of small thefts»), совершаемыхъ въ теченіе дня, фабричные инспекторы встрѣчаютъ часто непреодолимыя затрудненія для того, чтобы добыть юридическія доказательства» [65]). Эти «маленькія покражи» капитала на счетъ времени, назначеннаго для ѣды и отдыха работниковъ, фабричные инспекторы называютъ «petty pilferings of minutes», мелкое воровство минутъ [66]), «snatching a few minutes», отхватываніе минутъ [67]), или, какъ выражаются рабочіе на своемъ техническомъ языкѣ,— «nibbling and cribbling at meal times», т. е. обгрызаніе и обгладываніе времени, назначеннаго для ѣды [68]).

Итакъ въ этой атмосферѣ происхожденіе прибавочной стоимости изъ прибавочнаго труда вовсе не составляетъ тайны: «если вы мнѣ позволите», сказалъ мнѣ очень почтенный фабрикантъ, «заставлять моихъ работниковъ работать ежедневно только 10 лишнихъ минутъ,—въ теченіе года вы положите мнѣ въ карманъ 1,000 ф. стерл.» [69]). «Мгновенія, это — составные элементы прибыли» [70]).

Особенно характеристично въ этомъ отношеніи самое обозначеніе рабочихъ, работающихъ полное время, названіемъ «full times» (полное время), а дѣтей, моложе 13 лѣтъ, не имѣющихъ права работать болѣе 6 часовъ, — названіемъ «half times» (половинное время) [71]). Работникъ не представляетъ здѣсь ничего болѣе, какъ только олицетворенное рабочее время. Всѣ индивидуальныя различія исчезаютъ въ различіи между «full times» и «half times».

3) Англійскія отрасли промышленности, эксплуатація въ которыхъ не ограничена закономъ.

До сихъ поръ мы разсматривали стремленіе къ удлиненію рабочаго дня и волчью жадность по отношенію къ прибавочному труду въ той области, гдѣ чрезмѣрныя злоупотребленія хозяевъ, не имѣющія ничего себѣ равнаго, по увѣренію одного изъ буржуазныхъ англійскихъ экономистовъ, даже въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя совершались испанцами надъ американскими краснокожими [72]), давно уже вынудили общество посадить капиталъ на цѣпь законодательнаго регулированія рабочаго времени. Бросимъ же теперь бѣглый взглядъ на тѣ отрасли производства, въ которыхъ высасываніе рабочей силы, или и до сихъ поръ еще свободно отъ всякихъ оковъ, или по крайней мѣрѣ было свободно отъ нихъ еще вчера.

Broughton Charlton, судья графства, будучи президентомъ митинга, происходившаго въ Ноттингэмской городской залѣ 14 января 1860 г., заявилъ, что «среди того городскаго населенія, которое занимается выдѣлкою кружевъ, лишенія и страданія доходятъ до такой ужасной степени, какая неизвѣстна остальному цивилизованному міру... Дѣтей 9 и 10-ти лѣтняго возраста стаскиваютъ съ ихъ грязныхъ постелей въ 2, 3, 4 часа утра, и заставляютъ работать за самыя жалкія средства къ существованію, до 10, 11 и 12 часовъ ночи; въ продолженіе такого труда, члены ихъ мало по малу теряютъ свой естественный объемъ, все тѣло какъ будто съеживается, черты лица получаютъ тупое выраженіе, и все ихъ человѣческое существо цѣпенѣетъ и переходитъ въ такое безжизненное, окаменѣлое состояніе, одинъ видъ котораго наводитъ ужасъ. Мы нисколько не удивляемся, что г. Mallet и другіе фабриканты выступили съ протестомъ противъ преній и разсужденій о такихъ предметахъ... Система, господ

ніи, для того чтобы принести клятву,—что, въ своемъ великомъ милосердіи, они дозволяли этимъ несчастнымъ дѣтямъ спать 4 часа, но упрямые мальчики положительно не хотѣли итти въ постель! Господа квакеры были приговорены къ штрафу въ 20 ф. стерл. Dryden какъ будто имѣлъ въ виду этихъ самыхъ квакеровъ, говоря въ своемъ стихотвореніи:

„Fox full fraught in seeming sanctity,
That feared an oath, but like the devil would lie,
That look'd like Lent, and had the holy leer,
And durst not sin! befor he said his prayer!»

[64]) «Reports etc. 31 Oct. 1856», p. 34.

[65]) L. c., p. 37.

[66]) L. c., p. 48.

[67]) L. c.

[68]) L. c.

[69]) L. c., p. 48.

[70]) „Moments are the elements of profit". «Report of the Insp. etc. 30 th. April 1868», p. 56.

[71]) Это выраженіе имѣетъ оффиціальныя права гражданства, какъ на фабрикахъ, такъ и въ фабричныхъ отчетахъ.

[72]) «Алчность владѣльцевъ заводовъ и жестокости, совершаемыя ими ради пріобрѣтенія прибыли, едва-ли были превзойдены даже тѣми жестокостями, которыя совершались испанцами послѣ покоренія Америки, ради пріобрѣтенія золота». John Wade: „History of the Middle and Working Classes. 3-d ed. London, 1835», p. 114. Въ теоретической части этой книги, — нѣчто вродѣ очерка политической экономіи,—находятся для своего времени кое-какія оригинальныя мысли, напримѣръ, о промышленныхъ кризисахъ. Но историческая часть является образцомъ безсовѣстнаго литературнаго воровства, и именно изъ Sir E. Eden: «History of the Poor. London, 1799».

ствующая здѣсь, по описанію Rev. Mr. Montagu Valpy, есть система безграничнаго рабства, рабства въ соціальномъ, физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ .. Что должно думать о городѣ, который созываетъ публичный митингъ, чтобы ходатайствовать объ ограниченіи рабочаго времени для мужчинъ 18 часами въ день!.. Мы кричимъ противъ виргинскихъ и каролинскихъ плантаторовъ. Но невольничій рынокъ, со всѣми ужасами кнута и торговли человѣческимъ тѣломъ, едва-ли отвратительнѣе этого медленнаго человѣкоубійства, которое совершается ради изготовленія вуалей и воротничковъ на пользу капиталиста!..» [73])

Гончарное производство (pottery) Стаффордшира, въ теченіе послѣднихъ 22 лѣтъ было предметомъ трехъ изслѣдованій, предпринятыхъ по распоряженію парламента. Результаты этихъ изслѣдованій изложены въ отчетѣ, представленномъ въ 1841 Scriven'омъ, членамъ «Children's Employement Commission», въ отчетѣ доктора Greenhow, напечатанномъ въ 1860 г., по распоряженію медицинскихъ членовъ Privy Council (Public Health, 3-d Report, I, 102 — 113), и наконецъ въ отчетѣ Longe (1863), въ «First Report of the Children's Employement Commission» отъ 13 іюня 1863 г. Для моей цѣли совершенно достаточно краткаго извлеченія изъ свидѣтельскихъ показаній, содержащихся въ отчетахъ 1860 и 1863 годовъ, и данныхъ дѣтьми, работавшими въ гончарняхъ. Судя потому, что приходится выносить здѣсь дѣтямъ, не трудно заключить и о томъ, что выпадаетъ на долю взрослыхъ, въ особенности же дѣвушекъ и женщинъ; хотя эта отрасль промышленности, по сравненію напримѣръ съ бумагопрядильнями и т. п., представляетъ еще очень пріятное и очень здоровое занятіе [74]).

William Wood, мальчикъ 9 лѣтъ: «началъ работать, когда ему было 7 лѣтъ 10 мѣсяцевъ». Сначала онъ «ran moulds», т. е. относилъ въ сушильню только что вылѣпленную посуду и затѣмъ приносилъ назадъ пустую форму. Онъ приходитъ ежедневно на фабрику въ 6 часовъ утра, а кончаетъ работу приблизительно около 9 часовъ вечера. «Работаю я ежедневно до 9 часовъ вечера; такъ было напримѣръ за послѣдніе 7 — 8 недѣль». Итакъ: пятнадцатичасовой трудъ для семилѣтняго ребенка! J. Murray, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, показалъ: «I run moulds and turn jigger» (и верчу колесо). Прихожу въ 6 часовъ, а иногда въ 4 часа утра. Я работалъ въ продолженіе всей прошлой ночи, вплоть до 8 часовъ сегодняшняго утра. Я не ложился въ постель съ предпослѣдней ночи. Кромѣ меня работало всю прошлую ночь еще 8 или 9 мальчиковъ. За исключеніемъ одного, всѣ они опять пришли на работу сегодня утромъ. Я зарабатываю въ недѣлю 3 шилл. 6 пенс. Я не получаю ни гроша болѣе за то, что мнѣ приходится работать иногда всю ночь. Въ послѣднюю недѣлю, я работалъ двѣ ночи». Fernyhough, мальчикъ десяти лѣтъ: «Мнѣ не всегда дается на обѣдъ цѣлый часъ; по четвергамъ, пятницамъ и субботамъ дается только полчаса» [75]).

Докторъ Greenhow говоритъ, что продолжительность жизни въ гончарныхъ округахъ Stoke-on-Trent и Wolstanton очень коротка. Хотя въ округѣ Stoke только 30,6% мужскаго населенія свыше 20 лѣтъ занято на гончарныхъ заводахъ, а въ округѣ Wolstanton — только 30,4%, не смотря на это, въ первомъ округѣ, болѣе половины смертныхъ случаевъ отъ грудныхъ болѣзней, между мужскимъ населеніемъ свыше 20 лѣтъ, падаетъ на гончаровъ; а во второмъ округѣ, на гончаровъ приходится $^2/_5$ всѣхъ смертныхъ случаевъ. Докторъ Boothroyd, врачъ занимавшійся практикой въ Hanley, говоритъ: «каждое послѣдующее поколѣніе гончаровъ малорослѣе и слабѣе предыдущаго». Точно также другой врачъ, Mac-Bean, говоритъ: «Я началъ свою практику между гончарами 25 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ постоянно замѣчаю поразительное и непрерывное вырожденіе этого класса, проявляющееся, между прочимъ, въ уменьшеніи роста и вѣса». Эти показанія взяты мною изъ отчета доктора Greenhow за 1860 г. [76]).

Въ отчетѣ коммисаровъ 1863 года говорится слѣдующее. Докторъ J. T. Arledge, главный врачъ одного изъ госпиталей въ сѣверномъ Стаффордширѣ, говоритъ: «Разсматриваемые какъ классъ, гончары, — мужчины и женщины, — представляютъ населеніе, выродившееся и физически и нравственно. Они обыкновенно малорослы, плохо сложены и очень часто представляютъ уродливое образованіе грудной клѣтки. Они недолговѣчны и старѣютъ преждевременно; флегматичные и малокровные они обнаруживаютъ слабость своего тѣлосложенія упорными припадками диспепсіи и ревматизма, страданіями печени и почекъ. Больше же всего они подвержены груднымъ болѣзнямъ: воспаленію легкихъ, чахоткѣ, бронхиту и одышкѣ. Одна изъ формъ этой послѣдней болѣзни свойственна даже спеціально гончарамъ и называется гончарнымъ удушьемъ или гончарной чахоткой. Золотуха, железъ, костей и другихъ частей тѣла, представляетъ болѣзнь, которой поражено болѣе двухъ третей всѣхъ гончаровъ... Если вырожденіе населенія этихъ округовъ не достигло еще болѣе значительныхъ размѣровъ, то этимъ обя-

---

73) London Daily Telegraph отъ 14 января 1860.

74) Сравни Enhels «Lage etc.», p. 249, 251.

75) «Children's Emloyment Commission, First Report etc. 1863». Appendix, p. 16, 18, 19.

76) Public Health. 3—d Report etc., p. 102, 104, 105.

заны они исключительно приливу рабочихъ изъ окрестныхъ округовъ и смѣшанымъ бракамъ съ болѣе здоровыми расами». Charles Pearson, бывшій «house surgeon» въ томъ же самомъ госпиталѣ, въ письмѣ своемъ къ коммисару Longe, говоритъ между прочимъ «Я могу говорить только на основаніи личныхъ наблюденій вообще, не приводя статистическихъ данныхъ; но смѣю васъ увѣрить, что я возмущался каждый разъ при видѣ этихъ несчастныхъ дѣтей, здоровье которыхъ приносится въ жертву корыстолюбію родителей и работодателей». Онъ перечисляетъ причины болѣзней гончаровъ, и въ концѣ прибавляетъ, что главнѣйшею причиною, онъ считаетъ «long hours» («слишкомъ длинные рабочіе часы»). Отчетъ коммисаровъ выражаетъ надежду, что «мануфактура, занимающая такое видное положеніе въ глазахъ всего свѣта, не пожелаетъ болѣе носить на себѣ такого пятна, и смоетъ съ себя обвиненіе, — будто бы результатомъ ея наибольшаго процвѣтанія является физическое вырожденіе, многочисленныя тѣлесныя страданія и преждевременная смерть рабочаго населенія, трудамъ и искусству котораго эта мануфактура обязана такими значительными успѣхами» [77]. То, что мы сказали здѣсь о гончарномъ производствѣ въ Англіи, вполнѣ примѣняется также къ гончарному производству въ Шотландіи [78].

Выдѣлка зажигательныхъ спичекъ ведетъ свое начало съ 1833 г., со времени открытія искусства наводить фосфоръ на кончики спичекъ. Съ 1845 г., промышленность эта развилась въ Англіи чрезвычайно быстро, и изъ наиболѣе густонаселенныхъ частей Лондона перешла постепенно въ Манчестеръ, Бирмингамъ, Ливерпуль, Бристоль, Норвичъ, Ньюкэстль, Глазго и т. д.; а вмѣстѣ съ нею распространилось и судорожное сжатіе челюстей, болѣзнь, которую уже въ 1845 г. одинъ вѣнскій врачъ призналъ за спеціальную болѣзнь рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ. Половина рабочихъ на этихъ фабрикахъ — дѣти моложе 13 лѣтъ, и подростки, не достигшіе 18 лѣтняго возраста. Фабрикація спичекъ до такой степени прославилась своимъ вреднымъ дѣйствіемъ на рабочихъ и своею отвратительною обстановкой, что только самая жалкая часть рабочаго класса, какія-нибудь полумертвыя отъ голода вдовы и т. п., рѣшаются отдавать туда своихъ «оборванныхъ, полуголодныхъ, совершенно невоспитанныхъ и окончательно испорченныхъ дѣтей» [79]. Изъ числа рабочихъ, допрошенныхъ коммиссаромъ White'омъ (1863), 270 оказались моложе 18 лѣтъ, 40 — моложе 10, 10 имѣли только 8 лѣтъ, а 5 были только 6-ти лѣтъ. Онъ нашелъ на этихъ фабрикахъ рабочій день, измѣняющійся отъ 12 до 14 и до 15 часовъ, ночной трудъ, неправильное распредѣленіе времени, даваемаго на ѣду, причемъ пища съѣдалась по большей части на мѣстѣ, въ рабочихъ зданіяхъ, въ атмосферѣ, отравленной фосфоромъ. Данте нашелъ бы въ этихъ мануфактурахъ дѣйствительность, превосходящую фантастическіе ужасы его ада.

На фабрикахъ обоевъ грубые сорта печатаются машиною, а болѣе высокіе — на ручномъ станкѣ (block-printing). На этихъ фабрикахъ самая усиленная дѣятельность приходится между началомъ Октября и концемъ Апрѣля. Въ теченіе этого періода, работа происходитъ часто, — и притомъ почти безъ всякаго перерыва, — съ 6 часовъ утра до 10 вечера, а иногда она кончается гораздо позже.

J. Leach показываетъ: «Въ прошлую зиму (1862), изъ 19 дѣвушекъ, 6 должны были оставить фабрику, вслѣдствіе болѣзней, происшедшихъ отъ переутомленія. Чтобы не дать имъ заснуть, я долженъ кричать на нихъ» W. Duffey: «Дѣти, отъ усталости, не могли иной разъ открыть глазъ; и дѣйствительно, даже мы сами иной разъ почти не въ силахъ держать открытыми отяжелѣвшія вѣки». J. Lightbourne: «Мнѣ 13 лѣтъ... Мы работали прошлую зиму ежедневно до 9 часовъ вечера, а позапрошлую зиму до 10 часовъ. Въ прошлую зиму почти каждый вечеръ, я кричалъ отъ невыносимой боли въ язвахъ на ногахъ». G. Apsden: «Когда этому мальчику, сыну моему, было еще только 7 лѣтъ, я таскалъ его на фабрику, по снѣгу, на спинѣ, и онъ работалъ въ это время по 16 часовъ!... Я часто долженъ былъ становиться на колѣни, чтобы накормить его, между тѣмъ какъ онъ во все это время продолжалъ стоять у машины, которой онъ не смѣлъ ни оставить, ни остановить». Smith, компаньонъ, завѣдующій дѣлами одной изъ манчестерскихъ фабрикъ: «Мы (онъ желаетъ сказать конечно «руки», работающія на «насъ») работаемъ безъ всякаго перерыва для ѣды; такъ что 10 $1/_2$ часовая дневная работа оканчивается въ $4^1/_2$ часа пополудни; вся работа послѣ этого срока считается за добавочный трудъ [80]. (Любо-

[77]) «Children's Employement Commission, 1863, p. 24, 22 и XI.

[78]) L. c., p. XLVII.

[79]) L. c., p. LIV.

[80]) Не слѣдуетъ принимать это выраженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ слово прибавочный трудъ. Эти господа смотрятъ на $10^1/_2$ часовой трудъ, какъ на нормальный рабочій день, заключающій въ себѣ слѣдовательно также и нормальный прибавочный трудъ. Послѣ $10^1/_2$ часовъ труда начинается «добавочное время», за которое платится нѣсколько лучше. Впослѣдствіи мы еще увидимъ, что за пользованіе рабочей силой въ продолженіе такъ называемаго нормальнаго рабочаго дня платится цѣна ниже ея стоимости; такъ что «добавочное время» есть не что иное, какъ хитрая уловка со стороны капиталиста, для того чтобы выжать побольше прибавочнаго труда; впрочемъ, дѣло нисколько бы не измѣнилось даже и въ томъ случаѣ, если бы рабочая сила, потребленная въ тече-

пытно знать, дѣйствительно ли этотъ г. Smith, въ теченіе $10^1/_2$ часовъ, не даетъ себѣ ни малѣйшаго времени, чтобы поѣсть?) Мы (тотъ-же самый Smith) рѣдко бросаемъ работу (онъ хочетъ сказать: потребленіе «нашихъ» живыхъ машинъ, т. е. рабочихъ силъ) ранѣе 6 часовъ вечера; такъ что въ дѣйствительности мы (iterum crispinus) работаемъ сверхъ урочнаго времени въ теченіе круглаго года. . . Дѣти и взрослые (152 человѣка дѣтей и подростковъ, не достигшихъ 18 лѣтняго возраста, и 140 взрослыхъ) въ продолженіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ работали одинаково, среднимъ числомъ, по меньшей мѣрѣ 7 дней и 5 часовъ въ недѣлю, или по $78^1/_2$ часовъ еженедѣльно. Въ теченіе 6 недѣль, кончающихся 2 мая нынѣшняго (1863) года, средняя продолжительность рабочаго времени была нѣсколько выше, а именно—8 дней или 84 часа въ недѣлю!» Впрочемъ тотъ-же самый Smith, который такъ любитъ pluralis majestalis, прибавляетъ: «машинный трудъ легокъ». Фабриканты, употребляющіе ручное печатаніе (block printing), говорятъ въ свою очередь не менѣе положительно: «ручной трудъ здоровѣе, чѣмъ машинный трудъ». Господа фабриканты, въ цѣломъ своемъ составѣ, высказались съ глубокимъ негодованіемъ противъ предположенія останавливать машины по крайней мѣрѣ на то время, когда работники ѣдятъ. Otley, управляющій одной изъ обойныхъ фабрикъ въ Borough говоритъ: «законъ, разрѣшающій работать съ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера былъ бы для насъ (!) очень удобенъ; но Factory Act, ограничивающій рабочій день временемъ отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, — законъ совершенно для насъ не подходящій... Мы останавливаемъ наши машины на время обѣда (какое великодушіе!). Такая остановка не причиняетъ существенной потери на бумагѣ и краскѣ; но все-таки», мило прибавляетъ онъ, «я вполнѣ понимаю, что связанная съ этимъ потеря, не можетъ быть особенно пріятной». Отчетъ коммиссіи довольно наивно замѣчаетъ по этому поводу, что страхъ, высказанный нѣкоторыми изъ «главнѣйшихъ фирмъ» относительно «потери» времени (т. е. времени присвоенія чужого рабочаго времени и связанной съ нимъ «прибыли»), едва-ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы принуждать дѣтей и лицъ моложе 18 лѣтъ «терять» ихъ обѣдъ; или давать имъ его въ пищу такъ, какъ уголь и вода доставляются паровой машинѣ, мыло — шерсти, масло — колесу и т. д., т. е. во время самого процесса производства, просто какъ вспомогательный матеріалъ необходимый для даннаго рабочаго орудія [81].

ніе «нормальнаго рабочаго дня», дѣйствительно оплачивалась по ея полной стоимости.

[81]) l. c. Appendix, p. 123, 124, 125, 140 и LIV.

Если не обращать вниманія на малочисленныя попытки, сдѣланныя только въ послѣднее время, приготовлять хлѣбъ машиннымъ способомъ, то можно сказать положительно, что нѣтъ ни одной отрасли промышленности въ Англіи, которая удержала бы до сихъ поръ такой допотопный способъ производства, какъ хлѣбопекарная промышленность; она и до настоящаго времени употребляетъ тѣже самые пріемы, какіе существовали еще до Рождества Христова, какъ это видно изъ сочиненій римскихъ поэтовъ. Но, какъ уже было замѣчено выше, капиталъ, при началѣ своего вторженія въ новую область труда, относится довольно безразлично къ техническому характеру того процесса, который онъ захватываетъ. Въ началѣ онъ беретъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ его находитъ.

Невѣроятная поддѣлка хлѣба, производящаяся въ Англіи, въ особенности же въ Лондонѣ была разоблачена впервые коммиссіею, наряженною для этой цѣли Нижнею Палатою, подъ названіемъ: «Комитета по изслѣдованію поддѣлки веществъ, входящихъ въ пищу» (1855—56), и сочиненіемъ доктора Hassall'я: «Adulterations detected» [82]). Послѣдствіемъ такого разоблаченія явился законъ 6 августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» (для воспрепятствованія поддѣлки предметовъ пищи и питья), законъ, оставшійся безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ въ немъ весьма естественно постарались соблюсти величайшую деликатность по отношенію ко всякому free trader (свободному торговцу), старающемуся посредствомъ покупки и перепродажи поддѣланныхъ товаровъ, «to turn an honest penny» («добыть честную трудовую копѣйку») [83]). Далѣе самъ комитетъ высказалъ болѣе или менѣе наивно свое убѣжденіе, что свободная торговля предполагаетъ въ сущности торговлю поддѣланными веществами, или какъ англичане остроумно называютъ ихъ: «софистицированными» веществами. Да оно и вѣрно этотъ родъ «софистики

[82]) Мелко смолотые квасцы или тѣ же квасцы, смѣшанные съ солью, составляютъ особенный нормальный предметъ торговли, носящій многознаменательное названіе «baker's stuff» (порошка булочниковъ).

[83]) Сажа, какъ извѣстно, есть одна изъ очень сильныхъ формъ углерода и составляетъ удобреніе, продаваемое фермерамъ капиталистами, занимающимися чисткою дымовыхъ трубъ. Въ 1862 году былъ возбужденъ процессъ, въ которомъ британскій «juryman» (присяжный) долженъ былъ рѣшить, представляетъ-ли сажа, въ которой безъ вѣдома покупателя подмѣшано 90% песку и пыли,— «дѣйствительную» сажу, въ «коммерческомъ» смыслѣ этого слова; или же ее должно разсматривать съ юридической точки зрѣнія, какъ «поддѣланную» сажу. «Amis du commerce» рѣшили, что ее слѣдуетъ разсматривать какъ «настоящую» коммерческую сажу, и отказали фермеру въ его жалобѣ; сверхъ того, фермеръ долженъ былъ заплатить еще и судебныя издержки.

умѣетъ лучше чѣмъ Протагоръ превращать черное въ бѣлое, а бѣлое въ черное, и доказывать нагляднѣе чѣмъ Элеаты призрачность всего реальнаго [84]).

Но все-таки, комитетъ обратилъ вниманіе публики на ея «хлѣбъ насущный», а вмѣстѣ съ тѣмъ и на хлѣбопекарни. Въ тоже самое время поднялись со всѣхъ сторонъ, и на публичныхъ митингахъ и въ петиціяхъ, представленныхъ парламенту, крики рабочихъ въ лондонскихъ булочныхъ, на изнуреніе ихъ чрезмѣрнымъ трудомъ и т. д. Крики эти были такъ громки, что правительство было вынуждено назначить особаго королевскаго коммиссара для изслѣдованіи этого вопроса; порученіе это было возложено на H. S. Tremenheere, бывшаго члена упомянутой выше коммиссіи 1863 года. Его отчетъ [85]), вмѣстѣ со свидѣтельскими показаніями, расшевелилъ если не сердце, то желудокъ публики. Хотя твердый въ библіи англичанинъ зналъ и раньше, что каждый человѣкъ, не родившійся Божіею милостью ни лэндлордомъ, ни капиталистомъ, ни владѣльцемъ синекуры, обязанъ въ потѣ лица зарабатывать свой хлѣбъ, тѣмъ не менѣе онъ никакъ не думалъ, что, въ своемъ хлѣбѣ, онъ долженъ съѣдать ежедневно нѣкоторое количество человѣческаго пота, смѣшаннаго съ гноемъ изъ вередовъ, съ паутиною, мертвыми тараканами и испорченными нѣмецкими дрожжами, не говоря уже о квасцахъ, песчаникѣ и другихъ столько же пріятныхъ минеральныхъ примѣсяхъ. Вслѣдствіе этого, до тѣхъ поръ «свободное» булочное производство было подчинено надзору государственныхъ инспекторовъ (конецъ парламентской сессіи 1863) безъ всякихъ соображеній о томъ оскорбленіи, которое наносилось такимъ образомъ Его Святѣйшеству «Free-trade» (свободной торговлѣ). Тотъ же самый актъ парламента запретилъ ночной трудъ, отъ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра, работникамъ-булочникамъ, недостигшимъ 18-тилѣтняго возраста. Этотъ послѣдній параграфъ закона положилъ извѣстныя границы обремененію работника чрезмѣрнымъ трудомъ въ этой отрасли промышленности, завѣщанной намъ нашими отцами во всей неприкосновенности ея допотопной формы.

«Работа лондонскаго работника-булочника начинается обыкновенно около 11 часовъ ночи. Около этого времени онъ приготовляетъ тѣсто, очень тяжелый трудъ, занимающій отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ часа, смотря по величинѣ печенья и по его болѣе или менѣе высокому качеству. Затѣмъ онъ ложится на доску, служащую въ то же время крышкою для корыта, въ которомъ замѣшано тѣсто, и спитъ около двухъ часовъ, съ мучнымъ мѣшкомъ подъ головою и прикрытый другимъ мучнымъ мѣшкомъ. Послѣ того начинается быстрая и непрерывная работа, продолжающаяся часа четыре: раскатываніе и развѣшиваніе тѣста, выдѣлка печеній разныхъ формъ, сажаніе ихъ въ печь, выниманіе изъ печи и т. д. Жара въ пекарнѣ бываетъ отъ 75 до 90 градусовъ (Фаренгейта); въ маленькихъ пекарняхъ она скорѣе выше, чѣмъ ниже. Когда приготовленіе хлѣба, печеній и т. п. окончено, начинается распредѣленіе товара; большая часть поденщиковъ, по выполненіи вышеописанной тяжелой ночной работы, разноситъ въ теченіе дня хлѣбъ изъ дому въ домъ въ корзинахъ, или развозитъ его въ телѣжкахъ, или справляетъ какую-нибудь другую работу въ пекарнѣ. Въ зависимости отъ времени года и размѣра торговли, работа кончается между 1 и 6 часами пополудни; въ это время другая часть работниковъ занята въ пекарнѣ вплоть до полуночи» [86]). «Въ теченіе всего лондонскаго сезона, работники вестэндскихъ булочниковъ, продающихъ хлѣбъ по «полной» цѣнѣ, начинаютъ постоянно свою работу около 11 часовъ ночи, и продолжаютъ ее, съ однимъ или двумя, часто чрезвычайно короткими, перерывами, до 8 часовъ слѣдующаго утра. Послѣ того ихъ занимаютъ до 4, 5, 6, даже 7 часовъ, развозкою хлѣба, или иногда печеніемъ бисквитовъ. По окончаніи дѣла они наслаждаются сномъ, продолжающимся около 6 часовъ, часто же только 5, или даже 4 часа. Въ пятницу рабочій начинаетъ свой трудъ ранѣе, именно около 10 часовъ вечера, и продолжаетъ его безъ перерыва, попеременно то приготовляя хлѣбъ, то развозя его, до 8 часовъ вечера слѣдующей субботы, а иногда до 4 и до 5 часовъ ночи подъ воскресенье. Даже въ самыхъ знаменитыхъ булочныхъ, продающихъ хлѣбъ по «полнымъ» цѣнамъ, работникъ долженъ посвятить, въ продолженіе воскресенья, 4 — 5 часовъ на подготовительную работу для слѣдующаго дня. Работники, находящіеся у «underselling masters», — (продающихъ хлѣбъ ниже его полной цѣны и составляющихъ, какъ уже замѣчено выше, около $^3/_4$ всѣхъ булочниковъ Лондона),—обязаны работать еще гораздо болѣе, но ихъ трудъ ограничивается почти исключительно пекарнею, такъ какъ ихъ хозяева, — исключая поставокъ на

[84]) Французскій химикъ Chevalier, въ сочиненіи своемъ о «софистикаціи» товаровъ, приводитъ болѣе 600 различныхъ предметовъ торговли, подвергающихся поддѣлкѣ; для многихъ изъ нихъ существуетъ 10, 20, 30 различныхъ способовъ поддѣлки. Chevalier прибавляетъ къ этому, что ему извѣстны далеко не всѣ способы поддѣлокъ, и притомъ онъ не описываетъ всѣхъ, которые ему извѣстны. Для сахара онъ приводитъ 6 способовъ поддѣлки, 9 для оливковаго масла, 10 для коровьяго масла, 12 для соли, 19 для молока, 20 для хлѣба, 23 для водки, 24 для муки, 28 для шоколада, 30 для вина, 32 для кофе и т. д.

[85]) «Report etc. relating to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc. London, 1862» и «Second Report etc. London. 1863».

[86]) l. c. First Report etc., p. VI.

ближайшія мелочныя лавки, — продаютъ хлѣбъ только въ собственной булочной, а не разсылаютъ его по домамъ. Къ концу недѣли, т. е. въ четвергъ, работа начинается здѣсь въ 10 часовъ вечера и продолжается глубоко за полночь подъ воскресенье [87])».

Относительно «underselling masters» даже люди, смотрящіе па вещи съ буржуазной точки зрѣнія, соглашаются, что «неоплаченный трудъ работниковъ (the unpaid labour of the men) составляетъ основаніе ихъ конкурренціи [88])». И «full priced baker» указываетъ слѣдственной коммисіи на своихъ «underselling» конкуррентовъ, какъ на воровъ чужого труда и поддѣлывателей товара. «Они существуютъ лишь вслѣдствіе того, что обманываютъ публику, а также вслѣдствіе того, что за 12 часовую плату выжимаютъ изъ своихъ работниковъ 18 часовъ труда [89])».

Поддѣлка хлѣба и появленіе цѣлаго класса булочниковъ, продающихъ хлѣбъ ниже его полной цѣны, развились въ Англіи съ начала XVIII-го столѣтія, т. е. со времени уничтоженія цеховаго устройства этого промысла, — съ того времени, когда капиталистъ въ формѣ мельника или мучного торговца, занялъ мѣсто за спиною номинальнаго хозяина хлѣбопекарни [90]). Одновременно было положено основаніе капиталистическому производству, безмѣрному удлиненію рабочаго дня и ночному труду, хотя послѣдній даже и въ Лондонѣ сталъ прочно на ноги только въ 1824 году [91]).

Судя по тому, что приведено выше, читатель не будетъ удивленъ, что отчетъ коммисіи причисляетъ хлѣбопековъ къ числу работниковъ, отличающихся наименьшею продолжительностью жизни; благополучно ускользнувъ отъ той страшной смертности, которая разрѣжаетъ ряды дѣтей во всѣхъ группахъ рабочаго класса, и представляетъ здѣсь явленіе какъ будто нормальное, — они рѣдко достигаютъ 42-хъ-лѣтняго возраста. Эти «рабочія силы» доставляются Лондону — Шотландіей, западными земледѣльческими округами Англіи и Германіей.

Въ 1858—1860 годахъ, ирландскими работниками-хлѣбопеками были организованы на свой счетъ огромные митинги, съ цѣлью агитировать противъ ночного труда и работы по воскресеньямъ. Съ пылкостью, свойственною ирландцамъ, публика приняла повсюду живое участіе въ ихъ дѣлѣ, какъ это можно было видѣть напримѣръ на дублинскомъ митингѣ въ маѣ 1860 года. Вслѣдствіе этого, движеніе имѣло успѣхъ и исключительно дневной трудъ дѣйствительно былъ введенъ въ Wexford, Kilkenny, Clonmel, Waterford и т. д. «Въ Лимерикѣ, гдѣ страданія наемныхъ работниковъ, положительно, переполнили всякую мѣру, движеніе разбилось о сопротивленіе хозяевъ-хлѣбопековъ, въ особенности же хлѣбопековъ-мельниковъ. Примѣръ же Лимерика повлекъ за собой возвращеніе къ старымъ порядкамъ въ Ennis и Tipperary. Въ Коркѣ, гдѣ общественное негодованіе проявилось въ самыхъ рѣзкихъ формахъ, хозяева для ослабленія движенія прибѣгли къ своему спасительному средству — выталкиванію работниковъ на улицу. Въ Дублинѣ хозяева оказали движенію самое рѣшительное сопротивленіе и посредствомъ ожесточеннаго преслѣдованія работниковъ, стоявшихъ во главѣ агитаціи, добились, что остальные пошли на уступки и согласились на ночной и воскресный трудъ» [92]). Коммиссія англійскаго правительства, вооруженнаго въ Ирландіи съ ногъ до головы, горько упрекаетъ неумолимыхъ хозяевъ-хлѣбопековъ Дублина, Лимерика, Корка и т. д. «Комитетъ полагаетъ, что продолжительность рабочаго времени (рабочіе часы) ограничена законами самой природы, которые не могутъ быть нарушаемы безнаказанно. Угрожая своимъ работникамъ выгнать ихъ на улицу, и вынуждая ихъ съ помощью такихъ угрозъ къ нарушенію ихъ религіозныхъ убѣжденій, къ неповиновенію законамъ страны и къ оскорбленію общественнаго мнѣнія» (все это относится къ воскресному труду), «хозяева сѣютъ сѣмена будущихъ раздоровъ между трудомъ и капиталомъ и подаютъ примѣръ, опасный для религіи, нравственности и общественнаго порядка.... Комитетъ думаетъ, что удлиненіе рабочаго дня долѣе 12 часовъ, есть самовольное вторженіе въ домашнюю и частную жизнь работника, ведущее къ чрезвычайно вреднымъ нравственнымъ послѣдствіямъ, вслѣдствіе вмѣшательства въ домашнее хозяйство человѣка и въ исполненіе имъ его семейныхъ обязанностей, какъ сына, брата, супруга и отца.

---

87) l. c., p. LXXI.

88) George Read: «The History of Baking. London, 1848», p. 16.

89) Report (First) etc. Evidence. Показаніе «full priced baker» мистера Cheeseman, p. 108. «Full priced» Mr. Cheeseman врядъ-ли подозрѣваетъ, что 12 часовая плата составляетъ, можетъ быть, только 6 часовую стоимость рабочей силы, и что поэтому, изъ 12 часовъ, 6 часовъ остаются «неоплаченными».

90) George Read, l. c. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія многочисленные агенты, втиравшіеся во всевозможныя ремесла, еще оффиціально признавались за «Public Nuisances». Такъ напримѣръ во время трехмѣсячнаго засѣданія мирового съѣзда графства Сомерсетъ, «Grand Jury» подало «presentment» (представленіе) въ Нижнюю Палату, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «that these factors of Blackwell Hall are a Publick Nuisance and Prejudice to the Clothing Trade and ought to be put down as a Nuisance» («что эти агенты являются общественной язвой и позоромъ для торговли платьемъ, а потому ихъ слѣдуетъ изгнать, какъ вредныхъ членовъ»). «The Case of our English Wool etc. London, 1685», p. 6, 7.

91) First Report etc. p. VIII.

92) «Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861».

Работа свыше 12 часовъ стремится подорвать здоровье работника, ведетъ къ преждевременной старости и къ ранней смерти, а слѣдовательно къ несчастію рабочихъ семействъ, которыя лишаются кормильца какъ разъ въ то время, когда они всего болѣе нуждаются въ его заботахъ и поддержкѣ» [93]).

Мы только что побывали въ Ирландіи. На противуположной сторонѣ канала, въ Шотландіи, земледѣльческій работникъ, человѣкъ плуга, жалуется на свой 13—14 часовой трудъ, въ суровѣйшемъ климатѣ, съ прибавочкою четырехчасоваго труда по воскресеньямъ (въ этой странѣ святителей субботы!) [94]); между тѣмъ какъ, въ тоже самое время, передъ лондонскимъ Grand Jury стоятъ трое служащихъ на желѣзной дорогѣ: кондукторъ, машинистъ и сигналистъ, обвиняемые въ причиненіи страшнаго желѣзно-дорожнаго несчастія, благодаря которому сотни пассажировъ отправились на тотъ свѣтъ. Обвинительная власть утверждала, что причиною несчастья была небрежность со стороны желѣзнодорожныхъ работниковъ. Подсудимые показали единогласно: 10, 12 лѣтъ тому назадъ мы работали только по 8 часовъ въ день; въ послѣдніе же 5, 6 лѣтъ насъ заставили постепенно работать по 14, 18 и 20 часовъ въ сутки; а при особенно сильномъ наплывѣ пассажировъ, во время лѣтнихъ увеселительныхъ поѣздовъ (excursion-trains), приходится часто работать по 40—50 часовъ непрерывно. Мы—обыкновенные люди, а не циклопы. Послѣ извѣстнаго числа часовъ труда, силы наши отказываются намъ повиноваться; мы впадаемъ въ какое-то оцѣпененіе; мозгъ перестаетъ думать, глаза ничего не видятъ. — Вполнѣ «respectable British Juryman» отвѣчалъ приговоромъ, въ силу котораго обвиняемые должны были судиться ближайшими ассизами по обвиненію въ «manslaughter» (человѣкоубійствѣ); впрочемъ, въ мягкомъ прибавленіи къ приговору, было высказано благочестивое пожеланіе, чтобы господа капиталисты — владѣльцы желѣзныхъ дорогъ, были на будущее время немного по щедрѣе на покупку необходимаго числа «рабочихъ силъ», и наоборотъ съ большимъ «воздержаніемъ», «самоотреченіемъ» или «бережливостью» пользовались купленной рабочей силою [95])!

Изъ разношерстной толпы работниковъ всевозможныхъ профессій, половъ и возрастовъ, которые окружили насъ съ бо́льшей назойливостью, чѣмъ души убитыхъ тѣснились къ Одиссею, и изнуренныя лица которыхъ, при первомъ же взглядѣ на нихъ, носятъ неопровержимые слѣды чрезмѣрнаго труда съ такою ясностью, что намъ нѣтъ даже надобности заглядывать въ оффиціальные статистическіе отчеты, которые они суютъ намъ со всѣхъ сторонъ,—мы выберемъ еще только двѣ фигуры,—модистку и кузнеца, поразительный контрастъ между которыми показываетъ намъ самымъ осязательнымъ образомъ, что передъ капиталомъ всѣ люди равны.

Въ концѣ іюня 1863 года, во всѣхъ лондонскихъ ежедневныхъ газетахъ можно было встрѣтить, подъ «сенсаціоннымъ» заглавіемъ: «Death from simple overwork» (смерть отъ переутомленія), описаніе очень поучительнаго несчастнаго слу-

---

93) l. c.

94) Публичный митингъ земледѣльческихъ работниковъ въ Lasswade близъ Глазго, 5 января 1866 г. (См. «Workman's Advocate» отъ 13 января 1866). Образованіе перваго Trade's Union между земледѣльческими работниками въ Шотландіи въ концѣ 1865 г. представляетъ историческое событіе. — Въ одномъ изъ самыхъ угнетенныхъ англійскихъ земледѣльческихъ округовъ въ Букингэмширѣ, въ мартѣ 1867 г., произошла громадная стачка наемныхъ рабочихъ, требовавшихъ повышенія недѣльной заработной платы съ 9—10 шил. на 12.

[Изъ этого видно, что движеніе англійскаго рабочаго пролетаріата, со времени подавленія его насильственныхъ демонстрацій послѣ 1830 года, въ особенности же со времени введенія новаго закона о бѣдныхъ, въ 60-хъ годахъ возникло снова и разрослось наконецъ до громаднаго движенія 1872 года. Къ этому вопросу я еще вернусь во II книгѣ, а также къ Синимъ книгамъ о положеніи англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, которыя вышли послѣ 1867 г.—].

95) «Reynold's Paper» отъ 20 января 1866 г. Недѣля за недѣлею, тотъ же самый недѣльный листокъ печаталъ описанія цѣлаго ряда новыхъ желѣзно-дорожныхъ крушеній, подъ «sensationall headings» (подъ сенсаціонными заглавіями): «Fearful and fatal accidents», «Appaling tragedies» и т. д. Эти статьи вызвали слѣдующія замѣчанія со стороны одного изъ рабочихъ на сѣверной стаффордширской желѣзной дорогѣ: «Каждому извѣстны тѣ ужасныя послѣдствія, которыя могутъ произойти, если вниманіе машиниста или кочегара парализуется хотя на одно мгновеніе. Но возможно-ли ожидать чего-нибудь другого при безмѣрномъ продолженіи труда въ самую суровую погоду, безъ всякаго перерыва или отдыха! Возьмемъ для примѣра слѣдующій случай, такъ какъ такіе случаи происходятъ ежедневно. Въ понедѣльникъ кочегаръ началъ свою дневную работу съ ранняго утра и окончилъ ее черезъ 14 часовъ 50 минутъ; не успѣлъ онъ даже напиться чаю, какъ снова былъ позванъ на работу, и проработалъ опять 14 часовъ 35 минутъ. Всего слѣдовательно онъ проработалъ непрерывно 29 часовъ 25 минутъ. Остальной недѣльный трудъ его былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: среда—15 часовъ; четвергъ — 15 часовъ 35 минутъ; пятница—$14^1/_2$ часовъ; суббота—14 часовъ 10 минутъ; всего слѣдовательно въ недѣлю 88 часовъ 40 минутъ. Вообразите же себѣ его удивленіе, когда, при расплатѣ, онъ получилъ расчетъ только за шесть дней. Работникъ былъ новичекъ, и поинтересовался узнать,—что разумѣетъ контора подъ дневнымъ трудомъ? Отвѣтъ: 13 часовъ въ сутки; стало быть, 78 часовъ въ недѣлю. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ плата за лишніе 10 часовъ 40 минутъ? Послѣ длинной перебранки ему удалось получить въ видѣ вознагражденія за излишнее рабочее время, 10 пенсовъ (менѣе 30 копѣекъ)!» l. c. № отъ 4 февраля 1866 г.

чая. Дѣло шло о смерти Mary Anne Walkley, двадцатилѣтней дѣвушки-модистки, работавшей въ одномъ изъ очень извѣстныхъ модныхъ магазиновъ, содержимомъ одною дамою съ поэтическимъ именемъ Elise. При этомъ была сызнова открыта старая, давно уже разсказанная исторія [96]) о томъ, какъ эти дѣвушки работаютъ по $16^1/_2$ часовъ въ сутки, а во время сезона имъ приходится работать очень часто по 30 часовъ сряду, подкрѣпляя отъ времени до времени свою «рабочую силу», отказывающую имъ въ повиновеніи, пріемами хереса, портвейна или кофе. Былъ самый разгаръ сезона. Дѣло шло о спѣшномъ приготовленіи великолѣпныхъ платьевъ для благородныхъ лэди, приглашенныхъ на балъ, дававшійся ради изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ къ только что прибывшей изъ за моря принцессѣ Уэльской. Мэри Анна работала $26^1/_2$ часовъ подрядъ, вмѣстѣ съ другими 60 дѣвушками, размѣщенными въ двухъ комнатахъ по 30 въ каждой, едва-ли вмѣщавшей въ себѣ и $^1/_3$ того количества воздуха, которое необходимо для здоровья. Спали онѣ по двѣ на одной постели, помѣщенной въ какой то вонючей конурѣ, устроенной посредствомъ раздѣленія одной спальни помощью досчатыхъ перегородокъ на нѣсколько мелкихъ каморокъ [97]). И это еще былъ одинъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ Лондона. Мэри Анна заболѣла въ пятницу и умерла въ субботу, не докончивъ къ удивленію Madame Elise порученнаго ей бальнаго костюма. Докторъ Keys, слишкомъ поздно позванный къ ея смертному одру, показалъ передъ Coroner's Jury безъ всякихъ обиняковъ: «Mary Anne Walkley умерла отъ слишкомъ продолжительной ежедневной работы, выполнявшейся въ рабочей комнатѣ переполненной людьми, и въ слишкомъ тѣсной и дурно провѣтриваемой спальнѣ». Но чтобы дать врачу урокъ хорошаго свѣтскаго обращенія, «Coroner's Jury» постановилъ напротивъ того: «Усопшая умерла отъ апоплексіи; но есть основанія опасаться, что смерть ея была ускорена чрезмѣрнымъ трудомъ въ переполненной людьми комнатѣ, и т. д.» Наши «бѣлые рабы», восклицаетъ по этому поводу «Morning Star», органъ Кобдена и Брайта, приверженцевъ свободной торговли, «наши бѣлые рабы также вслѣдствіе чрезмѣрной работы вгоняются въ гробъ: только все это дѣлается втихомолку, безъ шума» [98]).

Переутомленіе на смерть есть явленіе повседневное, происходящее не въ однихъ только модныхъ магазинахъ, гдѣ работаютъ модистки, но и въ тысячѣ другихъ мѣстъ, или лучше сказать по-

---

[96]) Сравни F. Engels, l. c., p. 253, 254.

[97]) Докторъ Letheby, врачъ находящійся на службѣ при Board of Health, писалъ по этому поводу: «Minimum воздуха, необходимаго для взрослаго человѣка въ спальнѣ, долженъ составлять 300 куб. фут., а въ жилой комнатѣ 500 к. ф.». Dr. Richardson, главный врачъ одного изъ лондонскихъ госпиталей, говоритъ: «Швеи всякаго рода, модистки, бѣлошвейки и портнихи, подвергаются бѣдствіямъ трояката рода: чрезмѣрному труду, недостатку чистаго воздуха и недостатку питанія или плохому пищеваренію. Разсматриваемый въ цѣломъ, трудъ этого рода, при всѣхъ обстоятельствахъ, оказывается болѣе подходящимъ для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ. Но истинное несчастіе этого ремесла состоитъ въ томъ, что оно, особенно въ столицѣ, монополизировано въ рукахъ какихъ-нибудь 26 капиталистовъ, которые въ силу могущества, происходящаго изъ капитала (that spring from capital), выжимаютъ изъ труда экономію, служащую къ ихъ обогащенію (force economy out of labour; онъ хочетъ сказать: экономизируютъ издержки расточеніемъ рабочей силы). Эта сила капитала чувствуется во всѣхъ закоулкахъ обширнаго класса работницъ. Если какой-нибудь модисткѣ удастся пріобрѣсти маленькій кружокъ закащиковъ, то ради конкурренціи, для сохраненія этого кружка, она вынуждена морить себя работою на смерть, несмотря на то, что она работаетъ у себя дома и до извѣстной степени самостоятельно распоряжается своимъ временемъ; понятно, что ея помощницы неизбѣжно подвергаются такому же точно чрезмѣрному труду. Если дѣла ея идутъ плохо, или, если она не въ состояніи вести дѣло самостоятельно, то поступаетъ въ большое учрежденіе, гдѣ работы не меньше, но за то плата вѣрнѣе. Такимъ образомъ, она превращается въ настоящую рабу, бросаемую туда и сюда каждою общественною волною: то она умираетъ съ голода или почти умираетъ съ голода дома, въ маленькой комнаткѣ, то снова работаетъ по 15, 16, даже 18 часовъ въ сутки, въ невыносимомъ воздухѣ, при недостаточномъ питаніи; но, даже въ томъ случаѣ, если пища хороша и достаточна, она не можетъ переварить ее, вслѣдствіе недостатка въ чистомъ воздухѣ. Этими жертвами питается чахотка, которая происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ дурного воздуха». (Dr. Richardson: «Work and Overwork» in «Social Science Review», іюльская тетрадь, 1863).

[98]) Morning Star, 23 іюля 1863. Times воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для защиты американскихъ рабовладѣльцевъ противъ Брайта и др. «Многіе изъ насъ думаютъ», говоритъ эта газета, «что до тѣхъ поръ, пока мы переутомляемъ на смерть нашихъ собственныхъ молодыхъ женщинъ, идущихъ на непосильный трудъ подъ беззвучными ударами бича-голода, вмѣсто трескучей плети плантатора, мы едва-ли имѣемъ право нападать съ огнемъ и мечемъ на тѣ семейства, которыя родились рабовладѣльцами и имѣютъ передъ нами хотя то преимущество, что хорошо кормятъ своихъ рабовъ и заставляютъ ихъ только умѣренно работать». (Times, 2 іюля 1863). Торійская газета Standart издѣвается подобнымъ же образомъ надъ Rev. Newman Hall: «онъ готовъ отлучить отъ церкви рабовладѣльцевъ и, въ тоже время, молится за тѣхъ добрыхъ людей, которые заставляютъ кучеровъ и кондукторовъ лондонскихъ омнибусовъ работать только по 16 часовъ въ сутки за чисто собачью плату». Наконецъ изрекъ также свое слово и англійскій оракулъ Thomas Carlyle, о которомъ я сказалъ еще въ 1850 году. «Къ чорту — геній, когда остался культъ». Въ коротенькой притчѣ, онъ сводитъ единственное великое событіе нашего времени, американскую

всюду, гдѣ исполняется какой нибудь промышленный трудъ . . . Возьмемъ для примѣра кузнеца. Если вѣрить поэтамъ, то нѣтъ на землѣ другого человѣка такъ полнаго жизни, такого веселаго, какъ кузнецъ. Онъ встаетъ на зарѣ, и еще до восхода солнца разсыпаетъ кругомъ себя искры; онъ ѣстъ, пьетъ и спитъ какъ никто въ мірѣ. Если смотрѣть на дѣло съ чисто физической стороны, то кузнецъ при умѣренномъ трудѣ, дѣйствительно находится въ одномъ изъ лучшихъ положеній для человѣка. Но послѣдуемъ за нимъ въ городъ, и посмотримъ на тотъ трудъ, который взваливается на этого сильнаго человѣка, а также на то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ отчетахъ о смертности въ нашей странѣ. Въ Marylebone (одномъ изъ большихъ кварталовъ Лондона) кузнецы умираютъ ежегодно въ пропорціи 31 на 1,000, т. е. смертность между кузнецами выше средней смертности между взрослымъ мужскимъ населеніемъ Англіи въ пропорціи 11 на 1,000. Это занятіе, представляющее почти инстинктивное искусство человѣчества и само по себѣ безвредное, является благодаря одному только форсированію, причиной гибели человѣка. Человѣкъ можетъ сдѣлать ежедневно столько-то ударовъ молоткомъ, пройти столько-то шаговъ, сдѣлать столько-то вдыханій, исполнить столько-то извѣстнаго труда и прожить при этомъ среднимъ числомъ положимъ 50 лѣтъ. Его заставляютъ дѣлать ежедневно на столько-то большее число ударовъ молоткомъ, дѣлать на столько-то большее число вдыханій, или въ общемъ, увеличить свою ежедневную жизненную трату, напримѣръ на одну четверть. Онъ пробуетъ это исполнить, и въ результатѣ получается то, что въ сравнительно короткій промежутокъ времени онъ дѣйствительно исполняетъ на одну четверть болѣе всякаго труда, но зато вмѣсто 50 лѣтъ умираетъ на 35-мъ году» [99]).

4) Дневной и ночной трудъ.—Система смѣнъ

Съ точки зрѣнія процесса возрастанія стоимости, постоянный капиталъ или средства производства существуютъ только для того, чтобы высасывать трудъ, и съ каждою каплею труда соотвѣтственное количество прибавочнаго труда. Какъ скоро они не дѣлаютъ этого, ихъ простое существованіе представляетъ для капиталиста относительную потерю; такъ какъ за то время, когда они находятся безъ употребленія, они представляютъ безполезно затраченный капиталъ; но если еще при этомъ въ теченіе временныхъ пріостановокъ работъ, они требуютъ еще какихъ-либо прибавочныхъ издержекъ для поддержанія ихъ въ состояніи годномъ для возобновленія процесса производства, то существованіе ихъ является тогда даже положительною потерею для капиталиста. Продленіе рабочаго дня за предѣлы естественнаго дня до поздней ночи, является только паліативнымъ средствомъ и утоляетъ лишь отчасти жажду вампира къ живой крови труда. Стремленіе къ присвоенію труда въ теченіе всѣхъ 24-хъ часовъ дня составляетъ поэтому цѣль всякаго капиталистическаго производства. Но такъ какъ постоянное поглощеніе однѣхъ и тѣхъ же рабочихъ силъ днемъ и ночью оказывается физически невозможнымъ, то для преодолѣнія этого физическаго препятствія капиталистъ придумалъ смѣнять однѣ рабочія силы, потребляемыя днемъ, другими рабочими силами, потребляемыми ночью. Существуетъ много различныхъ пріемовъ такой смѣны; такъ напримѣръ, ее можно устроить такъ, что одна часть рабочаго персонала въ теченіе одной недѣли работаетъ днемъ, въ теченіе же другой недѣли—ночью и т. Извѣстно, что подобная система смѣнъ была сильно распространена въ юношескій періодъ англійской хлопчато-бумажной промышленности, и между прочимъ существуетъ еще до сихъ подъ на московскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ. Какъ система. 24-хъ часовой процессъ производства процвѣтаетъ еще и въ настоящее время во многихъ отрасляхъ великобританской промышленности, оставшихся еще до сихъ поръ «свободными» отъ государственнаго надзора; такъ при выплавкѣ чугуна въ доменныхъ печахъ, на желѣзопрокатныхъ заводахъ и на другихъ металлическихъ мануфактурахъ Англіи, Уэльса и Шотландіи. Работы производятся здѣсь не только 24 часа въ теченіе 6-ти будничныхъ дней, но по большей части также 24 часа и въ воскресенье. Рабочій персоналъ состоитъ здѣсь изъ мужчинъ и женщинъ, изъ взрослыхъ и дѣтей обоего пола. Возрастъ дѣтей и подростковъ представляетъ все переходныя ступени, отъ 8 лѣтъ (иногда отъ 6-ти) и до 18-ти [100]). Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, вмѣстѣ съ мужскимъ персоналомъ работаютъ ночью также дѣвушки и женщины [101]).

гражданскую войну, на то, что Петръ съ сѣвера горитъ страстнымъ желаніемъ раскроить черепъ Павлу съ юга, вслѣдствіе того, что Петръ нанимаетъ своихъ рабочихъ «поденно», между тѣмъ какъ Петръ нанимаетъ своихъ рабочихъ «пожизненно». (Macmillan's Magazine. Ilias Americana in nuce. Августовская тетрадь 1863 г.). Впрочемъ, мыльные пузыри торійской симпатіи лопаются только въ честь городскаго, но отнюдь не сельскаго, не земледѣльческаго наемнаго работника. Въ корнѣ, въ зародышѣ всѣхъ этихъ симпатій лежитъ—рабство!

[99]) Dr. Richardson. l. c.

[100]) «Children's Employm ent Commission». Third Report, London. 1864, p. IV, V, VI.

[101]) «Какъ въ Стаффордширскихъ, такъ и въ южно-Уэльскихъ каменноугольныхъ копяхъ молодыя дѣвушки и женщины употребляются на работы не только днемъ, но и ночью. Въ

Помимо вредныхъ послѣдствій ночного труда вообще [102]), непрерывное продолженіе производства въ теченіе 24 часовъ представляетъ условіе въ высшей степени благопріятное для того, чтобы переходить границы номинальнаго рабочаго дня. Такъ напримѣръ въ вышеупомянутыхъ отрасляхъ промышленности, ведущихъ производство съ такимъ лихорадочнымъ напряженіемъ, оффиціальный рабочій день для каждаго работника равняется по большей части 12 часамъ дневнымъ или ночнымъ. Но сверхъ-того трудъ переходитъ обыкновенно за эти границы, и такія уклоненія отъ нормы во многихъ случаяхъ, выражаясь словами англійскаго правительственнаго отчета, «поистинѣ ужасны» («truly fearful») [103]). «Самый снисходительный человѣкъ», говоритъ отчетъ, «размысливъ о массѣ труда, исполняемой, по показаніямъ свидѣтелей, дѣтьми отъ 9 до 12 лѣтъ, не можетъ не притти къ твердому убѣжденію, что такое злоупотребленіе властью со стороны родителей и работодателей не можетъ быть долѣе терпимо» [104]).

«Обычай, заставлять мальчиковъ работать посмѣнно день и ночь, ведетъ, какъ во время особеннаго оживленія промышленности, такъ и во время обыкновеннаго хода производства, къ позорному мошенническому удлиненію рабочаго дня. Это удлиненіе въ большинствѣ случаевъ не только ужасно, но даже просто невѣроятно. Когда новая смѣна дѣтей собирается смѣнять тѣхъ, которыя уже отработали свои часы, то постоянно происходитъ, что во вновь пришедшей смѣнѣ по какой нибудь причинѣ недостаетъ одного или нѣсколькихъ мальчиковъ. (Очевидно, что избѣжать подобныхъ случаевъ положительно невозможно). Въ подобномъ случаѣ нѣкоторые изъ мальчиковъ, уже окончившихъ свой рабочій день, бываютъ вынуждены замѣнить своихъ неявившихся товарищей. Этотъ обычай настолько общеизвѣстенъ и распространенъ повсюду, что управляющій одного прокатнаго завода, на мой вопросъ, кто замѣняетъ мѣста тѣхъ мальчиковъ, которые не явились съ вновь пришедшею смѣной, отвѣчалъ мнѣ: «я увѣренъ, что вы знаете это лучше меня»; и послѣ того, онъ безъ малѣйшаго колебанія подтвердилъ справедливость разсказанныхъ выше фактовъ» [105]).

«На одномъ прокатномъ заводѣ, гдѣ номинальный рабочій день для отдѣльныхъ работниковъ полагался въ $11^1/_2$ часовъ, одинъ мальчикъ работалъ 4 ночи въ недѣлю, по крайней мѣрѣ до $8^1/_2$ час. вечера слѣдующаго дня, и такимъ образомъ работалъ онъ въ теченіе всѣхъ 6 мѣсяцевъ, на которые былъ нанятъ». «Другой мальчикъ, 9 лѣтъ, работалъ иной разъ три двѣнадцатичасовыхъ рабочихъ смѣны подрядъ; а когда ему исполнилось 10 лѣтъ, то ему приходилось иногда работать два дня и двѣ ночи сряду». «Третій мальчикъ, которому теперь 10 лѣтъ, работалъ трое сутокъ съ 6 часовъ утра до 12 часовъ ночи, а въ остальные дни недѣли — до 9 часовъ вечера». «Четвертый мальчикъ, 13 лѣтъ, работалъ всю недѣлю съ 6 часовъ вечера до 12 часовъ слѣдующаго дня; не разъ приходилось ему работать три рабочихъ смѣны подрядъ, т. е. напримѣръ съ 6 часовъ утра въ понедѣльникъ до 12 часовъ ночи во вторникъ». «Пятый

отчетахъ представлявшихся парламенту нерѣдко указывалось на этотъ обычай, какъ на причину общеизвѣстнаго и весьма распространеннаго зла. Эти женщины, работающія вмѣстѣ съ мущинами, отъ которыхъ онѣ съ трудомъ отличаются по одеждѣ, выпачканныя грязью и углемъ, находятся въ постоянной опасности утратить свой нравственный характеръ, вслѣдствіе потери самоуваженія, что является необходимымъ послѣдствіемъ ихъ вовсе не женскихъ занятій». l. с. 194, р. XXVI. Сравн. Fourth Report (1865), 61, p. XIII, тоже самое и на стекольныхъ заводахъ.

[102]) Одинъ собственникъ стальной фабрики, употреблявшій дѣтей на ночныя работы, замѣчаетъ: «весьма естественно, что дѣти, работающія по ночамъ, днемъ не могутъ ни спать, ни дѣйствительно отдохнуть, а слоняются безъ толку съ мѣста на мѣсто. l. с. Fourth Report 63 р. XIII. — Относительно важности солнечнаго свѣта для сохраненія и развитія тѣла, одинъ врачъ замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Свѣтъ дѣйствуетъ также непосредственно на ткани тѣла, придавая имъ надлежащую крѣпость и эластичность. Мускулы животныхъ, лишенныхъ нормальнаго количества свѣта, дѣлаются губчатыми и утрачиваютъ въ сильной степени свою эластичность; нервная сила теряетъ свой тонъ, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ возбудительныхъ стимуловъ; и выработка всего того, что находится въ состояніи роста, пріостанавливается или замедляется... Дѣтямъ-же постоянный притокъ полнаго дневного свѣта и непосредственныхъ солнечныхъ лучей въ продолженіе извѣстной части дня существенно необходимъ для ихъ здоровья. Свѣтъ содѣйствуетъ переработкѣ пищи въ хорошую пластическую кровь и придаетъ вновь образованнымъ фибрамъ необходимую степень крѣпости и упругости. Онъ служитъ также возбудительнымъ стимуломъ органу зрѣнія и вызываетъ вслѣдствіе этого болѣе энергическую дѣятельность различныхъ мозговыхъ отправленій. «W. Strange, главный врачъ Уорчестерскаго «General Hospital», изъ сочиненія котораго о «здоровьѣ» (1864) мы взяли вышеприведенныя строки, въ письмѣ своемъ къ одному изъ слѣдственныхъ коммиссаровъ, White'у, говоритъ: «Еще ранѣе, въ бытность мою въ Ланкаширѣ, мнѣ пришлось наблюдать вредныя послѣдствія ночного труда на фабричныхъ дѣтей; вслѣдствіе чего, въ противность произвольнымъ и совершенно ни на чемъ не основаннымъ увѣреніямъ нѣкоторыхъ работодателей, я заявляю здѣсь самымъ рѣшительнымъ образомъ, что здоровье дѣтей ужасно страдаетъ отъ ночного труда» (l. с., 284, р. 55). Уже одно то, что изъ столь ясной вещи сдѣлали предметъ серьезныхъ споровъ, какъ нельзя лучше показываетъ, какимъ образомъ капиталистическое производство дѣйствуетъ на «мозговыя функціи» капиталистовъ и ихъ поклонниковъ.

[103]) l. с. 57, р. XII.

[104]) l. с. (4-th Rep. 1865), 58, р. XII.

[105]) l. с.

мальчикъ, 12 лѣтъ, работалъ на литейномъ заводѣ въ Stavely съ 6 часовъ утра до 12 ночи въ теченіе 14 дней сряду; въ настоящее время онъ уже неспособенъ столько времени работать. George Allinsworth, девяти лѣтъ: «Я поступилъ сюда въ прошлую пятницу. На слѣдующій день мы должны были начать работу въ 3 часа утра, а потому я остался здѣсь на всю ночь. Живу въ 5 миляхъ отсюда (около 8 верстъ). Сплю на полу, на моемъ кожаномъ передникѣ, ночью покрываюсь своей курткой. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней, я приходилъ сюда къ 6 часамъ утра. Да! это довольно таки трудное мѣсто. До поступленія сюда, я работалъ цѣлый годъ тоже на чугунно-плавильномъ заводѣ. Это было очень большое заведеніе, находившееся далеко отъ города. Работа тамъ также начиналась по субботамъ съ трехъ часовъ утра; но тамъ по крайней мѣрѣ я могъ ходить ночевать домой, такъ какъ я жилъ не особенно далеко отъ завода. Въ другіе дни я начиналъ работать въ 6 часовъ утра, а кончалъ въ 6 или 7 часовъ вечера и т. д.» [106]).

Теперь послушаемъ, какъ самъ капиталъ понимаетъ эту двадцатичетырехчасовую систему. Крайности этой системы и злоупотребленія ею, ведущія къ «ужасному и невѣроятному» удлиненію рабочаго дня, онъ весьма естественно обходитъ молчаніемъ. Онъ говоритъ лишь о системѣ въ ея «нормальномъ видѣ».

«Господа Naylor и Vickers, фабриканты стали, у которыхъ отъ 600 до 700 рабочихъ (въ числѣ ихъ находится только 10% лицъ моложе 18 лѣтъ, и изъ числа этихъ послѣднихъ опять-таки только 20 мальчиковъ употребляются на ночныя работы), говорятъ слудующее: «Мальчики нисколько не терпятъ отъ жара. Температура бываетъ вѣроятно отъ 86° до 90° (Фар.) . . . Въ мастерскихъ для проковки и прокатки металла руки работаютъ посмѣнно день и ночь, но въ другихъ мастерскихъ напротивъ того существуетъ только дневной трудъ съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Въ кузницахъ работаютъ отъ 12 часовъ до 12 часовъ.

---

[106]) l. c., p. XIII. Весьма естественно, что степень развитія этихъ «рабочихъ силъ» должна быть именно такова, какою она представляется въ слѣдующихъ разговорахъ ихъ съ однимъ изъ слѣдственныхъ коммиссаровъ: «Jeremias Haynes, 12 лѣтъ... Четырежды-четыре—восемь, но четыре четверки (4 fours)—16. Король—это тотъ, кому принадлежатъ всѣ деньги и все золото. (A king is him that has all the money and gold). Говорятъ, что у насъ есть король, и что этотъ король—королева, и что его называютъ принцесса Александра. Говорятъ, что она вступила въ бракъ съ королевскимъ сыномъ. Принцесса—это мужчина». Wm. Turner, 12 лѣтъ: «Я живу не въ Англіи. Думаю, что есть такая земля, но я ничего не слыхалъ о ней ранѣе». John Morris, 14 лѣтъ: «Слышалъ я какъ нѣкоторые говорили, будто бы Богъ создалъ міръ и потомъ утопилъ весь народъ, кромѣ одного человѣка; слышалъ я, что этотъ одинъ человѣкъ былъ маленькая птичка». William Smith, 15 лѣтъ: «Богъ сдѣлалъ мужчину, а мужчина сдѣлалъ женщину». Edward Taylor, 15 лѣтъ: «Я ничего не знаю о Лондонѣ». Henry Matthewman, 17 лѣтъ: «Хожу иной разъ въ церковь... Тотъ человѣкъ, о которомъ они проповѣдуютъ, былъ какой-то Іисусъ Христосъ; никакихъ другихъ именъ я назвать не могу; да и о немъ ничего сказать не могу. Онъ не былъ убитъ, а умеръ какъ и всѣ прочіе люди. Онъ не былъ нѣкоторымъ образомъ таковъ, какъ другіе люди, потому что онъ былъ нѣкоторымъ образомъ религіозенъ, а другіе не религіозны». (He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways and others is n't) (l. c., 74, p. XV). «Чортъ—добрый человѣкъ. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Христосъ былъ человѣкъ нечестивый». («The devil is agood person. I don't know where he lives.» «Christ was a wicked man»). «Эта дѣвочка (10 лѣтъ), вмѣсто слова God, складываетъ Dog, и не знаетъ какъ зовутъ королеву». («Ch. Empf. Comm.» V Rep. 1866, p. 55 n. 278).— Одинаковая система, которая господствуетъ на металлическихъ мануфактурахъ, сильно распространена также на стекольныхъ и писче-бумажныхъ фабрикахъ. На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ бумага выдѣлывается съ помощью машинъ, ночной трудъ составляетъ общее правило для всѣхъ процессовъ, кромѣ сортировки тряпья. Часто, посредствомъ системы смѣнъ, ночной трудъ продолжается безъ перерыва въ теченіе всей недѣли; обыкновенно съ ночи воскресенья до 12 часовъ ночи слѣдующей субботы. Дневная смѣна мужского рабочаго персонала работаетъ еженедѣльно 5 дней по 12 часовъ, и одинъ день—18 часовъ; а ночная смѣна работаетъ каждую недѣлю 5 ночей по 12 часовъ, а одну ночь 6 часовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, каждая смѣна работаетъ по 24 часа сряду, перемѣняясь черезъ сутки. При этомъ одна смѣна работаетъ 6 часовъ въ понедѣльникъ и 18 часовъ въ субботу, чтобы выполнить урочные 24 часа. Въ другихъ же случаяхъ принята промежуточная система, благодаря которой всѣ работники, состоящіе при машинахъ, работаютъ по 15—16 часовъ въ сутки, въ теченіе всей недѣли. Эта система, говоритъ слѣдственный коммиссаръ Lord, соединяетъ повидимому всѣ бѣдствія двѣнадцати-часовой системы со всѣми бѣдствіями двадцатичетырехъ-часовой двусмѣнной системы. Дѣти моложе 13 лѣтъ, лица моложе 18 лѣтъ и женщины работаютъ по ночамъ одинаково съ мужчинами. При двѣнадцати-часовой системѣ, имъ приходится иногда, по случаю неявки товарищей на смѣну, работать сряду двѣ смѣны, т. е. 24 часа. Свидѣтельскими показаніями установлено, что мальчики и дѣвочки работаютъ очень часто сверхурочное время, представляющее нерѣдко 24 и даже 36 часовъ непрерывнаго труда. Въ «непрерывномъ и неизмѣнномъ процессѣ», происходящемъ въ глазировальномъ отдѣленіи, мы можемъ встрѣтить дѣвочекъ 12 лѣтъ, работающихъ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ по 14 часовъ ежедневно «безъ всякихъ правильныхъ отдыховъ или перерывовъ работы, кромѣ двухъ или много что трехъ получасовъ, даваемыхъ на ѣду». На многихъ фабрикахъ, гдѣ правильнаго ночного труда вовсе не существуетъ, работники вынуждены работать ужасное количество сверхурочнаго времени, и притомъ «часто въ самыхъ грязныхъ, въ самыхъ монотонныхъ процессахъ, производящихся въ раскаленной атмосферѣ». (Children's Employement Commission. Report IV, 1865», p. XXXVIII и XXXIX).

Нѣкоторыя руки работаютъ постоянно по ночамъ, не перемѣняя ночного труда на дневной и обратно... Мы не считаемъ, чтобы ночная и дневная работа представляла какую нибудь разницу по отношенію къ здоровью (къ здоровью господъ Naylor и Vickers?) и вѣроятно люди спятъ лучше, если періодъ покоя приходится постоянно въ одно и тоже время, чѣмъ когда онъ постоянно измѣняется... Около 20 мальчиковъ моложе 10 лѣтъ работаютъ въ ночной смѣнѣ... Намъ нельзя вести успѣшно дѣла (not well do) безъ ночного труда мальчиковъ моложе 18 лѣтъ. Главное возраженіе заключается въ томъ, что увеличатся издержки производства съ уничтоженіемъ ночной работы дѣтей... Набрать искусныхъ рабочихъ рукъ и мастеровъ не легко, тогда какъ дѣтей можно найти всегда сколько угодно... Конечно, принимая въ расчетъ относительно незначительное число работающихъ у насъ дѣтей, ограниченіе ихъ ночного труда не могло бы представлять для насъ большой важности или интереса» [107]).

Фирма John Brown and C⁰ имѣетъ стале- и желѣзо-дѣлательные заводы, на которыхъ работаетъ до 3,000 мужчинъ и молодыхъ людей; нѣкоторыя тяжелыя работы по выдѣлкѣ стали и желѣза исполняются посредствомъ «ночного» труда и чередующихся рабочихъ смѣнъ; въ стальныхъ мастерскихъ, исполняющихъ болѣе трудныя работы, на каждыхъ двухъ взрослыхъ рабочихъ приходится иногда одинъ, иногда два малолѣтнихъ работника. На всемъ заводѣ считается 500 рабочихъ моложе 18 лѣтъ, и изъ нихъ около $^1/_3$, т. е. около 170 моложе 13 лѣтъ. По отношенію къ предположенному измѣненію закона, господинъ J. Ellis, представитель фирмы, выражаетъ слѣдующее мнѣніе: «я не думаю, чтобы можно было сказать что-либо противъ закона, который-бы запрещалъ употребленіе въ работу лицъ моложе 18 лѣтъ свыше 12 часовъ въ сутки. Но, по моему, врядъ-ли возможно, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, освободить молодыхъ людей свыше 12 лѣтъ отъ ночной работы. Мы даже скорѣе примемъ законъ, запрещающій вообще употребленіе въ работы лицъ моложе 13 лѣтъ, или даже молодыхъ людей, не достигшихъ полныхъ 14 лѣтъ, чѣмъ законъ, запрещающій употребленіе на ночныя работы тѣхъ подростковъ, которые уже работаютъ у насъ. Мальчики, участвующіе въ дневной смѣнѣ, должны, когда придетъ ея очередь, участвовать вмѣстѣ съ нею и въ ночныхъ работахъ; потому что взрослые работники не могутъ исполнять ночныя работы совсѣмъ безъ передышки: это разрушило-бы ихъ здоровье. Притомъ же мы полагаемъ, что ночная работа нисколько не вредитъ здоровью, если она понедѣльно чередуется съ дневною работой. (Господа Naylor и Vickers утверждали, напротивъ того, единогласно съ важнѣйшими представителями ихъ промысла, что непрерывный ночной трудъ не вреденъ; если же ночной трудъ и можетъ быть вреденъ, то только тогда, когда онъ чередуется періодически съ дневнымъ трудомъ). Мы находимъ, что здоровье людей, работающихъ поочередно то днемъ, то ночью, ничѣмъ не отличается отъ здоровья тѣхъ, которые работаютъ только днемъ... Наши возраженія противъ освобожденія лицъ моложе 18 лѣтъ отъ ночного труда основаны на увеличеніи издержекъ производства, связанномъ съ такимъ освобожденіемъ: но за то это единственное возраженіе наше противъ такого закона. (Какъ цинически наивно!) Мы думаемъ, что такое увеличеніе издержекъ производства было бы настолько значительно, что врядъ-ли его могло бы вынести безъ ущерба наше дѣло (the trade), при обращеніи должнаго вниманія на его успѣшное веденіе (as the trade with due regard to etc. could fairly bear! Что за фразеологія: настоящая размазня!) Трудъ здѣсь рѣдокъ и при подобномъ регулированіи онъ могъ бы оказаться недостаточнымъ» (т. е. Ellis, Brown and C⁰. могли бы очутиться въ роковой необходимости, платить за рабочую силу по ея полной стоимости) [108]).

Въ циклопическихъ стальныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ мастерскихъ господъ Cammell and C⁰. производство поставлено на такую же широкую ногу, какъ и въ упомянутыхъ выше мастерскихъ, принадлежащихъ John Brown and C⁰. Директоръ, завѣдывающій дѣлами фирмы Cammell and C⁰., далъ свои показанія правительственному коммисару White'у письменно; но впослѣдствіи счелъ нужнымъ подмѣнить свою рукопись, взятую имъ назадъ, будто бы для просмотра и исправленія, другою, въ которой дѣло представлено нѣсколько иначе, чѣмъ въ первой Но у коммисара White'а хорошая память. Онъ помнитъ совершенно ясно, что по прежнимъ увѣреніямъ директора, освобожденіе дѣтей и подростковъ отъ ночныхъ работъ, являлось для этихъ господъ циклоповъ «вещью совершенно невозможною; ввести подобный законъ значило бы, просто на просто, остановить ихъ мастерскія»; хотя у нихъ работаетъ немного болѣе 6% лицъ моложе 18 лѣтъ, и всего 1% моложе 13 лѣтъ! [109]).

E. F. Sanderson, представитель фирмы Sanderson, Bros. and C⁰, владѣлецъ мастерскихъ для выдѣлки стали и для проковки и прокатки желѣза, выражается относительно того же самого предмета слѣдующимъ образомъ: «Запрещеніе употреблять на ночныя работы лицъ моложе 18 лѣтъ причинило бы большія затрудненія, изъ которыхъ самое главное состояло бы въ увеличеніи издержекъ, вслѣдствіе замѣны дѣтскаго

[107]) Furth Roeport etc. 1865, 79, p. XVI.

[108]) l. c. 80, p. XVI.

[109]) l. c. 82, p. XVII.

труда трудомъ взрослыхъ мужчинъ. Я не могу сказать, насколько возросли бы издержки производства; во всякомъ случаѣ онѣ увеличились бы, вѣроятно, не на настолько, чтобы фабриканту пришлось возвысить цѣну на сталь, вслѣдствіе чего потеря пала бы на него, такъ какъ рабочіе (что за упрямый народъ!), весьма естественно, не согласятся, чтобы эта потеря была разложена на нихъ». Господину Sanderson неизвѣстно, сколько у него платятъ дѣтямъ, но «по всей вѣроятности, плата дѣтямъ составляетъ отъ 4 до 5 шиллинговъ на каждаго въ недѣлю... Выполняемая дѣтьми работа такого рода, что для нея оказывается вообще («generally», конечно не всегда, а въ «отдѣльныхъ случаяхъ») вполнѣ достаточнымъ одной дѣтской силы; а потому мы не могли бы извлечь никакой выгоды изъ бóльшей силы мужчинъ, для пополненія нашей потери, кромѣ только тѣхъ немногихъ случаевъ, когда металлъ очень тяжелъ. Рабочіе будутъ также очень недовольны не имѣть подлѣ себя мальчиковъ, такъ какъ взрослые помощники менѣе послушны. Кромѣ того, молодымъ людямъ слѣдуетъ начинать работать съ раннихъ лѣтъ для того, чтобы обучиться своему дѣлу какъ слѣдуетъ. Ограниченіе дѣтскаго труда однимъ дневнымъ не разрѣшило-бы этой задачи». Почему же нѣтъ? Почему же дѣти не могутъ учиться ремеслу днемъ? Ваши основанія? «Потому что, вслѣдствіе уничтоженія ночной работы дѣтей, мужчины, работающіе понедѣльно, то днемъ, то ночью, будутъ разлучены въ теченіе недѣли ночной работы съ дѣтьми своей смѣны, а слѣдовательно потеряютъ половину той выгоды, которую они извлекаютъ изъ этихъ дѣтей. Обученіе, получаемое дѣтьми подъ ихъ руководствомъ, считается какъ-бы за часть рабочей платы этихъ дѣтей, а потому позволяетъ взрослымъ рабочимъ пользоваться дѣтскимъ трудомъ за болѣе дешевую цѣну. Каждый взрослый рабочій потерялъ бы въ этомъ случаѣ половину своей прибыли. (Иначе говоря, господа Sanderson вынуждены были бы платить теперь изъ собственнаго кармана ту часть рабочей платы взрослаго работника, которую они уплачивали ему до сихъ поръ ночною работою дѣтей. Барыши господъ Sanderson, въ этомъ случаѣ, должны были бы нѣсколько поубавиться, это то и есть сандерсоновское достаточное основаніе, почему дѣти не могутъ обучаться ремеслу днемъ [110]). Кромѣ того, съ освобожденіемъ дѣтей отъ ночныхъ работъ, регулярный и ночной трудъ выпалъ бы на долю однихъ взрослыхъ работниковъ, которые до сихъ поръ смѣнялись дѣтьми, а они не выдержали бы этого. Говоря короче, затрудненія были бы такъ велики, что благодаря имъ, вѣроятно пришлось бы совершенно прекратить работы по ночамъ». «Что касается до производства собственно стали», говоритъ E. F. Sanderson, «то, конечно, это обстоятельство не произвело бы въ немъ ни малѣйшаго различія; но!» Но господа Сандерсонъ интересуются еще кое чѣмъ поважнѣе, чѣмъ простая выдѣлка стали. Производство стали является только предлогомъ для производства прибыли. Плавильныя печи, прокатныя мастерскія и т. д., строенія, машины, желѣзо, уголь и т. д. обязаны совершать нѣчто бóльшее, а не только превращаться въ сталь. Они находятся здѣсь только для всасыванія прибавочнаго труда; но, вполнѣ естественно, что въ 24 часа, они всосутъ его болѣе, чѣмъ въ 12 часовъ. И дѣйствительно, на основаніи всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, въ нихъ заключается право для господъ Sanderson на рабочее время извѣстнаго числа рукъ въ теченіе полныхъ 24 часовъ въ сутки; и коль скоро ихъ функція, состоящая во всасываніи труда, прерывается вслѣдствіе чего бы то ни было, — они теряютъ присущій имъ характеръ капитала и составляютъ чистую потерю для господъ Sanderson. «Но въ этомъ случаѣ особенно была бы чувствительна потеря на дорогихъ машинахъ, которыя половину времени стояли бы даромъ; для того, чтобы произвести ту массу продуктовъ, которую мы въ состояніи изготовлять при настоящей системѣ, пришлось бы удвоить количество зданій и машинъ, что конечно, удвоило бы издержки производства». Но ради чего же именно господа Sanderson должны пользоваться привилегіей эксплуатаціи труда по ночамъ, тогда какъ другіе капиталисты не имѣютъ права вести производства ночью, и ихъ сырой матеріалъ, зданія, машины, и т. п. должны стоять ночью «даромъ»? «Это правда», отвѣчаетъ Е. Ф. Сандерсонъ отъ лица всѣхъ Сандерсоновъ, «это правда, что такой убытокъ, вслѣдствіе праздно стоящихъ машинъ, ляжетъ на всѣ мануфактуры, въ которыхъ работы производятся только въ продолженіе дня. Но, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ, связаннымъ съ употребленіемъ плавильныхъ печей, намъ именно придется понести нѣкоторый излишній убытокъ. Если мы будемъ поддерживать ихъ въ ходу въ теченіе ночи, то это поведетъ къ напрасной тратѣ топлива (тогда какъ теперь растрачивается только жизненное существо работниковъ); если же мы остановимъ ихъ на ночь, то это поведетъ къ потерѣ времени на новое разведеніе огня и на достиженіе необходимой степени жара (тогда какъ потеря времени, необходимаго для сна, которую теперь несутъ даже восьмилѣтнія дѣти, является выигрышемъ рабочаго времени для

[110]) «Въ наше время, столь склонное къ размышленію и резонированію, никто не можетъ надѣятся на какой нибудь успѣхъ, если не умѣетъ привести достаточнаго основанія всему на свѣтѣ, даже самому дурному, самому ложному. Все, что есть на свѣтѣ дурного и испорченнаго, дурно и испорчено на достаточномъ основаніи». (Hegel l. c. p. 249).

всего сандерсоновскаго отродья); притомъ-же самыя печи страдаютъ отъ измѣненій въ температурѣ»; (между тѣмъ какъ тѣже самыя печи нисколько не страдаютъ вслѣдствіе смѣны дневного труда ночнымъ, и обратно)[111]).

[111]) l. c. p. 85. Господа стекольные фабриканты утверждали то же самое, что для нихъ положительно «невозможно» назначить дѣтямъ «опредѣленное время для ѣды», такъ какъ вслѣдствіе этого, печи теряютъ вслѣдствіе лучеиспусканія извѣстное «количество жара», представляющее для нихъ «чистую потерю» и «растрачивающееся» совершенно даромъ. Тѣ-же іереміады повторяли за ними экономисты, вродѣ Ure, Senior'а и т. п. и ихъ жалкіе нѣмецкіе послѣдователи, какъ Roscher, тронутые соображеніемъ о «воздержаніи», «самоотреченіи» и «бережливости» капиталистовъ относительно траты ихъ денегъ, и ихъ тамерлановской «расточительности» относительно жизни другихъ людей; но они не растрогали слѣдственнаго коммиссара White'а, который отвѣчаетъ на нихъ такъ: «Быть можетъ, вслѣдствіе установленія опредѣленнаго времени для ѣды и будетъ растрачено извѣстное количество жара, больше того, которое теряется теперь; но такая потеря, даже по своей денежной стоимости, совершенно ничтожна въ сравненіи съ растратой жизненной силы («the waste of animal power»), которой подвергается въ настоящее время королевство отъ того, что дѣти, работающія на стекольныхъ заводахъ, находясь въ періодѣ роста и развитія, не имѣютъ ни минуты отдыха, чтобы спокойно съѣсть и переварить свою пищу» (l. c. p. LXV). И все это въ «годъ прогресса» — 1865-й! На заводахъ, выдѣлывающихъ бутылки и хрустальную посуду, каждый ребенокъ, во время непрерывнаго продолженія своего труда, дѣлаетъ отъ 15 до 20 англійскихъ миль въ теченіе 6 часовъ, не говоря уже о тратѣ силы, требущейся, для того чтобы поднять и нести порученную ему ношу! И работа продолжается часто 14 — 15 часовъ! На многихъ изъ этихъ стекольныхъ заводахъ практикуется, какъ на московскихъ бумагопрядильняхъ, система шестичасовыхъ смѣнъ. «Во время всей рабочей недѣли, шесть часовъ есть самый длинный періодъ покоя; но изъ этихъ шести часовъ надо еще вычесть время на то, чтобы дойти до фабрики и вернуться съ фабрики домой; а также на умыванье, одѣванье, ѣду и пр., на все это тоже нужно время. Такъ что, въ сущности, для отдыха остается самое короткое время. Дѣтямъ нѣтъ вовсе времени для того, чтобы поиграть и подышать свѣжимъ воздухомъ; они должны урывать для этого время у сна, и безъ того необходимаго для дѣтей, исполняющихъ, въ такой жаркой атмосферѣ, такую напряженную работу... Даже и этотъ короткій сонъ нарушается днемъ — внѣшнимъ шумомъ, а ночью — мыслью о томъ, чтобы не проспать урочное время, такъ какъ ребенокъ обязанъ самъ просыпаться къ извѣстному часу». White указываетъ на случаи, гдѣ мальчикъ работалъ 36 часовъ подрядъ; и другіе случаи, гдѣ дѣти 12-ти лѣтъ, промучившись до двухъ часовъ ночи, должны были спать на заводѣ до 5 часовъ утра (3 часа!) для того, чтобы въ 5 часовъ начать снова свою денную работу! Tremenheere и Tufnell, редакторы общаго отчета, говорятъ: «Масса труда, исполняемаго мальчиками, дѣвушками и женщинами, въ продолженіе ихъ дневной и ночной каторжной работы («spell of labour») положительно баснословна».

5) Борьба за нормальный рабочій день. Принудительные законы, требующіе удлиненія рабочаго дня, начиная съ половины XIV-го и до конца XVII-го столѣтія.

«Что такое рабочій день?» Какъ велико то время, въ теченіе котораго капиталъ имѣетъ право пользоваться рабочей силою, дневная стоимость которой уплачена имъ при ея покупкѣ? Насколько можетъ быть удлиненъ рабочій день за предѣлы того рабочаго времени, которое необходимо для воспроизведенія самой рабочей силы? Мы уже видѣли, что капиталъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ; рабочій день состоитъ изъ полныхъ 24 часовъ въ сутки, исключая тѣ немногіе часы отдыха, безъ которыхъ рабочая сила абсолютно не можетъ начать снова свою службу. При этомъ само собою понятно, что работникъ, въ теченіе всей своей жизни есть ни что иное, какъ только рабочая сила; а потому все время, которымъ онъ только можетъ располагать, и по закону и по существу, есть рабочее время, а слѣдовательно должно быть безраздѣльно употреблено на самовозрастаніе капитала. Требовать для него времени на образованіе, на умственное развитіе, на исполненіе общественныхъ обязанностей, на сношенія съ друзьями и вообще себѣ подобными, на свободную игру физическихъ и умственныхъ жизненныхъ силъ, даже на празднованіе воскресенья, хотя бы это было въ странѣ святителей субботы[112]), значитъ требо-

(l. c. XLIII и XLIV.) А въ тоже самое время, «преисполненный самоотреченія» капиталъ, возвращается, можетъ быть, поздно вечеромъ, изъ клуба къ себѣ домой, съ тяжелой головой отъ портвейна, пошатываясь изъ стороны въ сторону, и идіотически бормоча себѣ подъ носъ: «Britons never, never shall be slaves!» (Никогда, никогда, британцы не будутъ рабами!)

[112]) Въ Англіи напримѣръ и до сихъ поръ бываетъ, что гдѣ-нибудь въ провинціи работникъ приговаривается къ тюремному заключенію за оскорбленіе святости воскреснаго дня работою въ садикѣ, находящемся передъ его домомъ. Но того же самаго работника накажутъ за нарушеніе контракта, если онъ, вслѣдствіе своей набожности, посмѣетъ не явиться въ воскресенье на металлическую, писчебумажную, или стекольную фабрику. Правовѣрный парламентъ страдаетъ глухотою, если оскверненіе святости воскреснаго дня происходитъ въ «процессѣ возрастанія стоимости» капитала. Въ августѣ 1862 года лондонскіе поденщики, работающіе у торговцевъ рыбою и птицею, подали памятную записку, въ которой они требовали запрещенія работъ по воскресеньямъ, и въ которой говорилось, что въ будни они работаютъ, среднимъ числомъ, по 15 часовъ ежедневно; а по воскресеньямъ работа продолжается 8—10 часовъ. Въ той же памятной запискѣ говорится, что этотъ «воскресный трудъ» поощряется и поддерживается утонченнымъ обжорствомъ, именно аристократическихъ ханжей Exeter Hall'а. Эти «святоши», столь ревностные «in cute curanda» (въ заботѣ о своей шкурѣ) доказываютъ свои христіанскія чувства тою покорностью, съ которою они переносятъ чрезмѣр-

вать чистой нелѣпости! Но въ своей безмѣрной, слѣпой погонѣ за прибылью, въ своей бѣшеной, волчьей жадности къ прибавочному труду, капиталистъ переходитъ не только нравственные, но и чисто физическіе наивысшіе предѣлы рабочаго дня. Онъ отнимаетъ время, необходимое для роста, развитія и здороваго сохраненія тѣла. Онъ отнимаетъ у ребенка время, необходимое для того, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и попользоваться солнечнымъ свѣтомъ. Онъ оттягиваетъ минуты отъ времени, назначеннаго для ѣды, и старается, если это оказывается возможнымъ, чтобы ѣда происходила во время самого процесса производства; такъ что пища доставляется въ этомъ случаѣ работнику, какъ простому орудію производства, какъ уголь доставляется паровому котлу, или масло и сало колесамъ машины. Здоровый сонъ, возстановляющій, возобновляющій и освѣжающій жизненную силу, онъ замѣняетъ столькими часами тупого оцѣпененія, сколько рѣшительно необходимо для новаго оживленія совсѣмъ истощеннаго организма. Предѣлы рабочаго дня зависятъ не отъ сохраненія рабочей силы въ нормальномъ состояніи, а напротивъ того, самая большая трата рабочей силы, какая только возможна въ продолженіе дня, какъ бы вредна и болѣзненна работа ни была, опредѣляетъ предѣлы времени, даваемаго работнику на отдыхъ. Капиталъ не интересуется продолжительностью жизни рабочей силы. Единственная вещь, интересующая его, есть максимумъ рабочей силы, который можетъ быть выжатъ изъ работника въ продолженіе рабочаго дня. Этой цѣли онъ достигаетъ цѣною сокращенія продолжительности жизни рабочей силы, подобно тому, какъ алчный землевладѣлецъ добивается усиленнаго дохода съ помѣстья посредствомъ истощенія производительной силы почвы.

И такъ капиталистическое производство, состоящее главнымъ образомъ въ производствѣ прибавочной стоимости, въ высасываніи прибавочнаго труда, производитъ, съ удлиненіемъ рабочаго дня, не одно только ослабленіе рабочей силы, которую оно лишаетъ нормальныхъ условій, необходимыхъ для ея физическаго и нравственнаго развитія и проявленія. Оно сверхъ того преждевременно истощаетъ и убиваетъ самую рабочую силу [113]). Оно удлиняетъ время производства работника, въ теченіе извѣстнаго срока, при помощи сокращенія времени его жизни.

Но въ стоимости рабочей силы заключается стоимость товаровъ, необходимыхъ для воспроизведенія работника, или для поддержанія существованія рабочаго класса. Слѣдовательно, если противоестественное удлиненіе рабочаго дня, котораго необходимымъ образомъ старается достигнуть капиталъ въ своемъ безмѣрномъ стремленіи къ самовозрастанію, сокращаетъ періодъ жизни отдѣльныхъ работниковъ, а одновременно и продолжительность проявленія ихъ рабочей силы, то является необходимость въ болѣе быстрой замѣнѣ изношенныхъ живыхъ машинъ, а слѣдовательно и въ болѣе значительныхъ издержкахъ на воспроизведеніе рабочей силы; подобно тому какъ та часть стоимости машины, которая должна быть воспроизведена ежедневно, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ скорѣе вся машина приходитъ въ негодность. Поэтому даже въ собственныхъ интересахъ капитала, кажется, установить нормальный рабочій день.

Рабовладѣлецъ покупаетъ себѣ работника такъ, какъ онъ покупаетъ себѣ лошадь. Лишаясь раба, онъ лишается капитала, который можетъ быть замѣненъ только съ помощью новой затраты на невольничьемъ рынкѣ. Но «рисовыя поля Георгіи и болота Миссисипи могутъ спокойно убивать человѣческій организмъ со всею ихъ роковой силою: эта расточительность человѣческой жизни никогда не будетъ такъ велика, чтобы ее нельзя было покрыть изъ богатыхъ разсадниковъ негровъ, находящихся въ обѣихъ Виргиніяхъ и Кентуки. Тѣже самыя экономическія соображенія, которыя являются до извѣстной степени гарантіей за человѣчное обращеніе съ рабами, по скольку въ интересахъ барина сберечь раба, превращаются наоборотъ, съ возникновеніемъ торговли рабами, въ поводъ для самого крайняго угнетенія рабовъ; потому что, разъ мѣсто умершаго раба можетъ быть тотчасъ-же замѣщено, благодаря постоянному подвозу негровъ изъ иноземныхъ разсадниковъ, продолжительность жизни невольника дѣлается менѣе важною, чѣмъ его производительность въ теченіе періода, пока тянется его жизнь. Поэтому въ странахъ съ постояннымъ ввозомъ невольниковъ, признается неопровержимымъ правиломъ невольничьяго хозяйства, что дѣйствительнѣйшая экономія состоитъ въ томъ, чтобы выжать изъ человѣкообразнаго скота (human cattle) возможно большее количество труда въ возможно короткое время. Поэтому именно въ тропическихъ странахъ, гдѣ годовой доходъ равняется часто всей стоимости плантаціи, жизнь негра приносится въ жертву самымъ безпощаднымъ, самымъ равнодушнымъ образомъ. И вест-индское земледѣліе, которое является уже нѣсколько столѣтій колыбелью баснословныхъ богатствъ, поглотило милліоны людей африканской расы. Поэтому и теперь мы видимъ именно на Кубѣ, доходы которой считаются милліонами, и гдѣ землевладѣльцы представ-

ный трудъ, лишенія и голодъ другихъ лицъ. «Obsequium ventris istis (т. е. работниковъ) perniciosus est (Чревоугодіе ихъ вредно).

[113]) «Въ нашихъ предыдущихъ отчетахъ мы уже имѣли случай приводить мнѣнія многихъ опытныхъ фабрикантовъ на счетъ того, что сверхурочная работа... конечно ведетъ къ преждевременному истощенію рабочей силы людей» l. c. 64, p. XIII.

ляютъ настоящихъ владѣтельныхъ князей, классъ рабовъ, вынужденный не только питаться самою грубою пищею и исполнять самый утомительный и безустанный трудъ, но часть котораго ежегодно прямо гибнетъ подъ медленною пыткою чрезмѣрнаго труда и недостатка въ снѣ и отдыхѣ» [114]).

Mutato nomine de te fabula narratur! *). Поставьте только вмѣсто невольничьяго рынка — рабочій рынокъ, вмѣсто Кентуки и Виргиніи — Ирландію и земледѣльческіе округа Англіи, Шотландіи и Уэлса, а вмѣсто Африки — Германію. Мы видѣли какъ отъ чрезмѣрнаго труда рѣдѣютъ ряды лондонскихъ булочниковъ, и однако же хозяева хлѣбопекарень всегда находятъ лондонскій рабочій рынокъ переполненнымъ нѣмецкими и другими кандидатами на ту же самую смерть. Гончарное производство, какъ мы видѣли, принадлежитъ къ числу тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ жизнь роботника представляетъ наименьшую продолжительность. И что же: испытывается-ли отъ этого когда нибудь недостатокъ въ горшечникахъ? Josiah Wedgwood, изобрѣтатель новѣйшаго гончарнаго искусства, вышедшій самъ изъ рабочихъ, заявлялъ въ 1785 году, передъ палатою общинъ, что вся эта промышленность занимала отъ 15 до 20,000 лицъ [115]). Въ 1861 году, населеніе однихъ только городскихъ гончарныхъ заведеній Великобританіи составляло 101,302 ч. «Хлопчатобумажная промышленность считаетъ себѣ 90 лѣтъ... Въ продолженіе трехъ поколѣній англійской расы она поглотила девять поколѣній хлопчатобумажныхъ работниковъ [116])». Правда, бываютъ времена лихорадочнаго расширенія промышленности, когда на рабочемъ рынкѣ чувствуется сильный недостатокъ въ рабочихъ. Такъ было напримѣръ въ 1834 г. Но господа фабриканты тотчасъ-же обратились къ Poor Law Commissioners съ требованіемъ, переслать на сѣверъ «избытокъ населенія» земледѣльческихъ округовъ, объяснивъ при этомъ, что фабриканты обязуются поглотить и потребить это «перенаселеніе» [117]). Таковы были буквально ихъ собственныя слова. «Съ согласія попечителей о бѣдныхъ» (Poor Law Commissioners), въ Манчестерѣ были учреждены особые агенты. Составлены были списки земледѣльческихъ рабочихъ и переданы этимъ агентамъ. Затѣмъ фабриканты устремились въ различныя бюро и, послѣ того, какъ они выбрали то, что имъ казалось пригоднымъ, цѣлыя массы семействъ были отправлены съ юга Англіи на сѣверъ. Эти транспорты, подобно товарнымъ тюкамъ, были доставляемы по каналамъ и на товарныхъ подводахъ; нѣкоторые же должны были тащиться пѣшкомъ, и многихъ изъ нихъ находили на дорогахъ заблудившихся и полумертвыхъ отъ голода. Подобная доставка рабочихъ превратилась въ настоящую отрасль торговли. Палата Общинъ едва-ли повѣритъ этому. Эта организованная торговля, это барышничество человѣческимъ тѣломъ, продолжалось непрерывно, и этихъ людей манчестерскіе агенты покупали и продавали манчестерскимъ фабрикантамъ также правильно, какъ негры покупаются и продаются владѣльцами хлопчатобумажныхъ плантацій въ южныхъ штатахъ... Въ 1860 году развитіе хлопчатобумажной промышленности достигло своего зенита... Въ этомъ году, снова явился недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Фабриканты опять обратились къ агентамъ, занимающимся торговлей человѣческимъ тѣломъ. Эти агенты перешарили песчаныя дюны Дорсета, холмы Девона, равнины Wilst'a; но избытокъ населенія былъ уже поглощенъ. «Bury Guardian» жаловался, что около 10,000 добавочныхъ лишнихъ рукъ могли бы быть поглощены фабриками немедленно по заключеніи англо-французскаго торговаго договора; а вскорѣ ихъ понадобится еше отъ 30 до 40,000. Послѣ того какъ агенты по торговлѣ человѣческимъ тѣломъ и ихъ помощники обыскали, въ 1860 году, земледѣльческіе округи почти безъ всякихъ сколько-нибудь сносныхъ результатовъ, фабриканты послали депутацію къ Villiers, президенту Poor Law Board (совѣта попечительства о бѣдныхъ), чтобы просить его разрѣшить снова, какъ раньше, доставку на фабрики изъ рабочихъ домовъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ» [118]).

---

114) Cairns l. c. p. 110, 111.

*) Эта басня разсказывается о тебѣ; но замѣнено только имя!

115) John Ward: «History of the Borough of Stoke-upon-Trent». London. 1843, p. 42.

116) Рѣчь «Ferrand'a въ Палатѣ Общинъ, 27 апрѣля 1863.

117) «That the manufacturers would absorb it and use it up: Those were the very words used by the cotton manufacterers», l. c.

118) l. c. Villiers, при всемъ своемъ желаніи сдѣлать угодное господамъ фабрикантамъ, былъ поставленъ «закономъ» въ такое положеніе, что вынужденъ былъ отказать имъ въ просьбѣ. Но господа фабриканты добились однако своей цѣли, благодаря угодливости со стороны мѣстныхъ попечительствъ о бѣдныхъ. Они опять набрали себѣ изъ рабочихъ домовъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ, которыя «передъ лицомъ закона» считаются учениками (apprentices); но фабричный инспекторъ A. Redgrave увѣряетъ, что на этотъ разъ система не сопровождалась прежними недостатками, — (объ этихъ «недостаткахъ» читай у Engels'a l. c.), хотя, впрочемъ, въ одномъ случаѣ «эта система была употреблена во зло по отношенію къ нѣсколькимъ дѣвушкамъ и молодымъ женщинамъ, которыя изъ земледѣльческихъ округовъ Шотландіи были отправлены въ Ланкаширъ и Чеширъ». При этой «системѣ», фабрикантъ заключаетъ съ начальствомъ дома призрѣнія бѣдныхъ контрактъ на извѣстный періодъ времени. Онъ обязуется кормить, одѣвать, давать помѣщеніе и небольшое жалованье дѣтямъ. Если

Капиталистъ знаетъ изъ опыта, что каждый разъ, когда капиталу, вслѣдствіе стеченія какихъ нибудь благопріятныхъ обстоятельствъ, является возможность увеличить свою стоимость, онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что всегда найдетъ столь выгодный для него въ этомъ случаѣ избытокъ населенія, но только для удовлетворенія потребности капитала къ самовозрастанію въ данную минуту, такъ какъ весь этотъ избытокъ населенія состоитъ изъ недоразвитыхъ, изуродованныхъ, быстро отживающихъ и смѣняющихъ одно другимъ человѣческихъ поколѣній, поколѣній, сорваныхъ, такъ сказать, ранѣе достиженія ими полной зрѣлости [119]). Впрочемъ, съ другой стороны, изъ того же опыта толковый наблюдатель не можетъ не увидать, что капиталистическое производство, ведущее свое происхожденіе, въ историческомъ смыслѣ, чуть-ли не со вчерашняго дня, успѣло уже съ страшною быстротою глубоко подкопаться подъ народную силу и схватить ее за самый ея жизненный корень; тотъ же опытъ показываетъ ему, что вырожденіе промышленнаго населенія задерживается только постояннымъ приливомъ въ его среду и непрерывнымъ поглощеніемъ, такъ сказать, дико-растущихъ жизненныхъ элементовъ селъ и деревень; и что даже сельскіе рабочіе, несмотря на свѣжій воздухъ и на такъ могущественно дѣйствующій между ними principle of natural selection *), способствующій выживанію только сильнѣйшихъ личностей, начинаютъ уже вымирать [120]). Капиталъ имѣетъ вполнѣ «достаточныя основанія», чтобы отрицать страданія окружающихъ его рабочихъ поколѣній, и на практикѣ его такъ же мало интере-

---

мы вспомнимъ теперь, что даже среди самыхъ благопріятныхъ годовъ для англійской хлопчатобумажной промышленности, 1860 годъ по своей успѣшности стоитъ совершенно особнякомъ; если мы припомнимъ также, что въ этомъ году стояли очень высокія рабочія платы, не только вслѣдствіе успѣшнаго хода хлопчатобумажной промышленности, но также отъ того, что чрезвычайно большой запросъ на трудъ совпалъ въ этомъ году, съ одной стороны — съ уменьшеніемъ населенія Ирландіи а съ другой съ безпримѣрнымъ выселеніемъ изъ англійскихъ и шотландскихъ земледѣльческихъ округовъ въ Австралію и Америку; и, кромѣ того съ положительнымъ уменьшеніемъ пародонаселенія въ нѣкоторыхъ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, частью благодаря успѣшно достигнутому подрыву жизненной силы населенія, частью благодаря тому, что все свободное населеніе было уже ранѣе использовано торговцами человѣческимъ тѣломъ; если мы припомнимъ все это, говорю я, то для насъ будетъ звучать нѣсколько странно слѣдующее увѣреніе A. Redgrave'а: «Впрочемъ, этотъ родъ труда (трудъ дѣтей, взятыхъ изъ рабочаго дома) требуется лишь въ такомъ случаѣ, когда невозможно найти никакого другого; такъ какъ этотъ родъ труда — очень дорогой трудъ (high-priced labour). Обыкновенная заработная плата, получаемая мальчикомъ 13 лѣтъ, составляетъ около 4 шиллинговъ въ недѣлю. Но для того, чтобы помѣстить, одѣть и накормить 50 или 100 такихъ мальчиковъ, доставить имъ медицинскую помощь и приличный надзоръ, да еще дать имъ сверхъ того маленькую приплату деньгами, — 4-хъ шиллинговъ на каждаго въ недѣлю оказывается недостаточнымъ». («Rep. of the Insp. of Factories for 30-th April 1860», p. 27). Господинъ Redgrave забываетъ объяснить, какимъ образомъ самъ рабочій можетъ доставить все это своему мальчику, на его рабочую плату, на получаемыя имъ 4 шиллинга, если фабрикантъ не въ состояніи сдѣлать этого для 50 или 100 мальчиковъ, издержки на надзоръ и содержаніе которыхъ значительно сокращаются тѣмъ, что они помѣщаются вмѣстѣ. — Чтобы избѣжать ложныхъ выводовъ, которые могли бы быть сдѣланы изъ текста, я долженъ замѣтить здѣсь еще, что англійская хлопчатобумажная промышленность со дня подчиненія ея Factory Act'у 1850 года, которымъ регулируется рабочее время и т. д., должна разсматриваться какъ образцовая промышленность Англіи. Англійскій хлопчатобумажный рабочій стоитъ, во всѣхъ отношеніяхъ, выше своего континентальнаго товарища по жребію. «Прусскій рабочій на фабрикѣ работаетъ по крайней мѣрѣ на 10 часовъ въ недѣлю болѣе, чѣмъ его англійскій соперникъ; а если онъ работаетъ дома, на своемъ собственномъ станкѣ, то не существуетъ даже и этихъ границъ для непомѣрнаго удлиненія его рабочаго дня». (Rep. of Insp. of Fact. 31 st. Oct. 1855», p. 103). Тотъ же фабричный инспекторъ Redgrave, послѣ промышленной выставки 1851 года, нарочно ѣздилъ на континентъ, спеціально же во Францію и Пруссію, для изслѣдованія тамошняго положенія фабричнаго дѣла. Онъ говоритъ о прусскомъ фабричномъ рабочемъ: «онъ получаетъ плату, достаточную для покупки самой простой пищи и чтобы имѣть тотъ небольшой комфортъ, къ которому онъ привыкъ и которымъ онъ довольствуется... Онъ живетъ хуже и работа его тяжелѣе, чѣмъ работа его англійскаго соперника». («Rep. of Insp. of Fact. 31-st Oct. 1853», p. 85).

[119]) «Истощенные непосильнымъ трудомъ люди умираютъ съ поразительной быстротою; но мѣста исчезнувшихъ актеровъ немедленно замѣщаются новыми, и общій характеръ сцены нисколько не измѣняются отъ этой частой перемѣны лицъ». «England and America. London 1833», t. I, 55. (Авторъ: E. G. Wakefield).

*) Начало естественнаго подбора.

[120]) Смотри: «Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council. 1863». Публикованъ въ London'ѣ 1864. Въ этомъ отчетѣ говорится именно о земледѣльческихъ работникахъ. «Графство Sutherland представлялось до сихъ поръ, какъ одно изъ преуспѣвающихъ графствъ; но новѣйшія изслѣдованія показали, что здѣсь, даже въ тѣхъ округахъ, которые когда-то славились красивыми мужчинами и мужественными солдатами — населеніе выродилось въ худощавое недоразвитое поколѣніе. Въ самыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ, на склонахъ холмовъ обращенныхъ къ морю, лица ихъ дѣтей такъ худы и блѣдны, какъ они бываютъ только въ затхлой атмосферѣ какого-нибудь глухаго лондонскаго закоулка». (Thornton, l. c., p. 74, 75). Въ дѣйствительности они похожи на тѣхъ 30,000 «gallant Highlanders», «бравыхъ шотландцевъ», которыхъ Глазго помѣщаетъ въ своихъ wynds и closes вмѣстѣ съ проститутками и ворами.

суетъ наступающее вырожденіе человѣчества и неизбѣжно вытекающее изъ него, въ концѣ концовъ, истребленіе населенія, какъ напримѣръ соображенія о возможности паденія земли на солнце. При всякой акціонерной горячкѣ, каждый знаетъ, что гроза должна же рано или поздно разразиться, если не сегодня, такъ завтра; но каждый надѣется, что она обрушится на голову его ближняго, и притомъ лишь послѣ того, какъ онъ самъ успѣетъ собрать золотой дождь и припрятать его въ вѣрное мѣсто. Après moi le déluge! вотъ девизъ всякаго капиталиста и всякой капиталистической націи. Поэтому капиталу нѣтъ ровно никакого дѣла до здоровья и продолжительности жизни рабочаго повсюду, гдѣ общество не заставляетъ его силою принимать въ соображеніе эти обстоятельства [121]). На всѣ жалобы по поводу физическаго и умственнаго вырожденія, преждевременной смерти, мученій отъ чрезмѣрнаго труда, онъ отвѣчаетъ: можетъ-ли все это трогать насъ, когда оно только увеличиваетъ мѣру нашего наслажденія (прибыли)? Впрочемъ, при взглядѣ на вещи въ ихъ цѣломъ, дѣло не зависитъ отъ желанія или нежеланія отдѣльнаго капиталиста. Свободная конкурренція придаетъ законамъ, управляющимъ капиталистическимъ производствомъ, значеніе внѣшняго, принудительнаго закона по отношенію къ каждому капиталисту въ отдѣльности [122]).

Установленіе нормальнаго рабочаго дня есть результатъ многовѣковой борьбы между капиталистомъ и рабочимъ. Но исторія этой борьбы представляетъ намъ два противоположныхъ направленія. Стоитъ сравнить напримѣръ англійское фабричное законодательство настоящаго времени съ англійскими рабочими статутами, начиная съ XIV-го столѣтія, вплоть до половины XVIII-го [123]). Въ то время какъ новѣйшее фабричное законодательство стремится къ принудительному сокращенію рабочаго дня, вышеупомянутые рабочіе статуты стремятся къ принудительному удлиненію его. Конечно, притязанія капитала въ его зачаточномъ состояніи, въ тотъ періодъ, когда онъ еще только развивается, а потому еще не въ силахъ обезпечить за собою права на поглощеніе достаточнаго количества прибавочнаго труда силою однихъ только экономическихъ отношеній, и прибѣгаетъ за этимъ къ помощи государства, эти притязанія, говоримъ мы, оказываются чрезвычайно скромными въ сравненіи съ тѣми уступками, которыя капиталъ, ворча и сопротивляясь, вынужденъ дѣлать въ періодъ своей полной зрѣлости. Столѣтія должны были пройти прежде чѣмъ «свободный» работникъ, вслѣдствіе развитаго капиталистическаго способа производства, согласился добровольно, т. е. былъ вынужденъ общественными условіями, продать все активное время своей жизни, даже самую способность свою къ труду, за цѣну жизненныхъ средствъ, соотвѣтствующихъ его обычному образу жизни, прежде чѣмъ онъ согласился продать свое право первородства за блюдо чечевичной похлебки. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что удлиненіе рабочаго дня, которое съ половины XIV-го и до конца XVII-го столѣтія капиталъ старается навязать взрослымъ работникамъ посредствомъ государственнаго принужденія, совпадаетъ приблизительно съ тѣми предѣлами рабочаго времени, которые были во второй половинѣ XIX-го столѣтія установлены государствомъ въ нѣкото-

[121]) «Хотя здоровье народонаселенія и является такимъ важнымъ элементомъ національнаго капитала, мы боимся, что придется сознаться, что капиталисты не находятъ для себя выгоднымъ сохранять это сокровище и цѣнить по его настоящему достоинству. Заботы о здоровьѣ работниковъ были навязаны фабрикантамъ посредствомъ принужденія». («Times», October, 1861). «Здоровье рабочаго населенія было принесено въ жертву, и раса выродилась бы въ два поколѣнія; но наступила реакція, часы дѣтскаго труда были ограничены и т. д.» („Report of the Registrar General for October, 1861»).

[122]) Поэтому мы видимъ, напримѣръ, въ началѣ 1863 года, 26 фирмъ, владѣющихъ обширными гончарными заводами въ графствѣ Staffordshire, — между прочими, также и фирма J. Wedgwood and Sons, ходатайствующихъ въ поданной ими памятной запискѣ, о принудительномъ вмѣшательствѣ государства. «Конкуренція съ другими капиталистами» дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ всякое «добровольное» ограниченіе рабочаго времени дѣтей и т. д.... «Поэтому, какъ ни сильно жалѣемъ мы о вышеупомянутомъ злѣ, мы не видимъ никакой возможности прекратить его посредствомъ какого-бы то ни было рода соглашенія между самими фабрикантами... На основаніи всѣхъ изложенныхъ нами выше соображеній, мы пришли къ убѣжденію въ необходимости принудительнаго закона». Children's Empl. Commission Rep. I. 1864, p. 322. Въ самое послѣднее время мы находимъ примѣръ еще болѣе поразительный. Повышеніе цѣнъ хлопка въ періодъ лихорадочной дѣятельности, побудило бумаготкацкихъ фабрикантовъ Блэкбурна, по ихъ взаимному соглашенію, въ продолженіе опредѣленнаго срока сократить рабочее время на ихъ фабрикахъ. Срокъ этотъ кончился въ исходѣ ноября (1871). Между тѣмъ наиболѣе богатые фабриканты, у которыхъ бумагопрядильное и бумаготкацкое производства составляло одно цѣлое, воспользовались уменьшеніемъ производства, бывшаго слѣдствіемъ такого соглашенія, для того чтобы расширить свои собственныя предпріятія и получить огромные барыши на счетъ менѣе состоятельныхъ фабрикантовъ. Послѣдніе при такихъ крайнихъ обстоятельствахъ обратились къ своимъ рабочимъ, побуждая ихъ серьезно приняться за агитацію въ пользу 9-ти часового рабочаго дня, обѣщая для этой цѣли денежную помощь.

[123]) Эти рабочіе статуты, которые мы встрѣчаемъ одновременно также во Франціи, Нидерландахъ и т. д., были формально отмѣнены въ Англіи только въ 1813 году, послѣ того какъ они давно уже были замѣнены на практикѣ новыми условіями производства.

рыхъ отрасляхъ промышленности для ограниченія обращенія въ капиталъ крови дѣтей. То, что провозглашено напримѣръ въ штатѣ Массачусетсъ, до сихъ поръ самомъ свободномъ штатѣ во всей сѣверо-американской республикѣ, какъ законный предѣлъ для труда дѣтей моложе 12 лѣтъ, еще въ половинѣ XVII-го столѣтія считалось въ Англіи за нормальный рабочій день для здоровыхъ, сильныхъ ремесленниковъ, дюжихъ землепашцевъ и великановъ кузнецовъ[124].

Непосредственнымъ предлогомъ для изданія перваго «Statute of Labourers» (23 Eduard III. 1349), (мы не говоримъ—причиною, потому что законодательства подобнаго рода продолжаются въ теченіе столѣтій послѣ изчезновенія ихъ предлога), послужила великая моровая язва, сильно разрѣдившая населеніе; такъ что, по словамъ одного торійскаго писателя, «затрудненіе отыскать работниковъ, которые согласились бы работать за разумную плату (reasonable price, т. е. за такую плату, которая обезпечивала бы ихъ нанимателямъ разумное количество прибавочнаго труда) сдѣлалось поистинѣ невыносимо» [125]). Поэтому разумныя рабочія платы были назначены принудительнымъ закономъ, которымъ были опредѣлены также и границы рабочаго дня. Послѣдній пунктъ, который одинъ только занимаетъ насъ здѣсь, былъ повторенъ снова въ статутѣ 1496 года (въ царствованіе Генриха VII). На основаніи этого закона, который однако никогда не выполнялся на практикѣ съ надлежащею строгостью, рабочій день, для всѣхъ ремесленниковъ (artificers) и земледѣльческихъ рабочихъ, долженъ былъ начинаться тогда въ 5 часовъ утра и оканчиваться между 7 и 8 часами вечера; но время назначенное для ѣды состояло изъ 1 часа для завтрака, $1^1/_2$ часовъ для обѣда и $^1/_2$ часа для ужина, происходившаго около 4 часовъ пополудни; слѣдовательно время на ѣду было ровно вдвое больше того, какое назначается для той же цѣли фабричнымъ актомъ, дѣйствующимъ въ настоящее время [126]). Зимою работа должна была начинаться въ 5 часовъ утра и продолжаться съ тѣми же самыми перерывами до сумерокъ. Статутъ Елизаветы, 1562 года, распространяющійся на всѣхъ работниковъ «нанимающихся за поденную или недѣльную плату», оставляетъ длину рабочаго дня безъ измѣненія, но старается сократить промежутки времени, отведенные для ѣды, на $2^1/_2$ часа лѣтомъ и на 2 часа зимою. Обѣдъ долженъ продолжаться только 1 часъ; а «получасовой послѣобѣденный сонъ» дается только съ половины мая до половины августа. За каждый часъ отсутствія, хозяинъ имѣетъ право вычесть изъ рабочей платы 1 пенни (около 3 копѣекъ). Но на практикѣ положеніе работниковъ было значительно лучше, чѣмъ оно представляется по статуту. Отецъ политической экономіи и, до нѣкоторой степени, изобрѣтатель статистики, William Petty, въ своемъ сочиненіи, напечатанномъ имъ въ послѣдней трети XVII-го столѣтія, говоритъ: «Рабочіе (labouring men, — въ то время такъ называли собственно земледѣльческихъ рабочихъ), работаютъ 10 часовъ въ сутки и ѣдятъ въ теченіе недѣли 20 разъ; а именно, въ будни по 3 раза въ сутки и 2 раза по воскресеньямъ; изъ этого можно ясно видѣть, что если бы они согласились отказаться отъ ѣды въ пятницу вечеромъ, и одновременно стали бы тратить на свой обѣдъ только полтора часа, тогда какъ теперь они употребляютъ на это два часа, отъ 11 ча-

[124]) „Ни одно мануфактурное заведеніе не имѣетъ права принуждать какого бы то ни было ребенка, моложе 12 лѣтъ, работать болѣе 10 часовъ въ сутки". „General Statutes of Massachussete 63 ch. 12 (Распоряженія эти были изданы въ промежутокъ времени отъ 1836 до 1358 г.) „10 часовъ труда въ сутки будутъ считаться какъ законный дневной трудъ для всѣхъ хлопчатобумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ шелковыхъ, писчебумажныхъ и стекольныхъ фабрикъ, также какъ и для фабрикъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій. Вмѣстѣ съ симъ предписывается,—чтобы впредь ни одинъ малолѣтній, работающій на фабрикѣ, не удерживался бы и не принуждался къ работѣ долѣе 10 часовъ въ сутки, или 60 часовъ въ недѣлю; а также, чтобы впредь ни одинъ малолѣтній не принимался ни на одну фабрику въ предѣлахъ этого штата, какъ работникъ, если ему неисполнилось еще 10-ти лѣтъ. „State of New Jersey An Act to limit the hours of labou etc. 61 и 2 (Законъ 11 марта 1855)". „Ни одного малолѣтняго, достигшаго 12-ти лѣтняго возраста, но не имѣющаго еще 15 лѣтъ нельзя принуждать работать на какой бы то ни было фабрикѣ болѣе 11 часовъ въ сутки, его запрещено также принуждать работать ранѣе 5-ти часовъ утра и позже $7^1/_2$ часовъ вечера". „Revised Statutes of the State of Rhode Island etc. ch. 39, § 23, 1 st July 1857".

[125]) Sophisms of free Trade" 7 th. Edit. Lond. 1850 p. 205: Тотъ же самый тори прибавляетъ къ этому. „Парламентскіе акты, регулировавшіе рабочую плату противъ работника, къ выгодѣ работодателя, длились въ теченіе долгаго періода 464 лѣтъ. Но съ тѣхъ поръ населеніе возрасло, и эти законы стали теперь излишними и даже обременительными". (1 с. р. 206).

[126]) J. Wade совершенно вѣрно замѣчаетъ по отношенію къ этому статуту: „Изъ статута 1496 года видно, что пища составляла тогда эквивалентъ $^1/_3$ всего дохода ремесленника, эквивалентъ $^2/_3$ всего дохода земледѣльческаго работника; такое отношеніе указываетъ на существованіе въ то время бóльшой степени независимости между рабочими, чѣмъ теперь когда пища рабочаго, какъ земледѣльческаго, такъ и фабричнаго, представляетъ гораздо болѣе высокое отношеніе къ получаемой имъ рабочей платѣ". (J. Wade. l. c. p. 24, 25 и 577). Нѣкоторые пробовали утверждать, будто-бы различіе это объясняется измѣненіемъ отношенія между цѣнами на пищу и цѣнами на одежду; но такое мнѣніе опровергается при самомъ бѣгломъ взглядѣ на „Chronicon Pretiosum, etc." By Bishop Fletwood. 1-st. edit. London 1707. 2-nd edit London 1745.

совъ утра до 1 часу пополудни, т. е. если бы они согласились работать на 1/20 болѣе, а тратить за ѣдою на 1/20 менѣе, то отъ этого получилось бы сбереженіе, вполнѣ достаточное для покрытія 1/10 вышеупомянутаго налога» [127]). Слѣдовательно, Dr. Andrew Ure имѣлъ полное право громко кричать противъ двѣнадцатичасового билля 1833 года, какъ противъ шага назадъ ко временамъ мрака? Ясно, что всѣ тѣ постановленія относительно длины рабочаго времени, которыя мы встрѣчаемъ въ статутахъ и о которыхъ говоритъ Petty, имѣли силу также и для «apprentices» (учениковъ.) Въ какомъ положеніи находился дѣтскій трудъ еще въ концѣ XVII-го столѣтія можно составить понятіе по слѣдующей жалобѣ: «Наша англійская молодежь ровно ничего не дѣлаетъ до самаго того времени, какъ становится учениками и тогда, весьма естественно, требуется долгое время, семь лѣтъ, чтобы сдѣлать изъ нея настоящихъ, вполнѣ знающихъ свое дѣло, ремесленниковъ». Авторъ превозноситъ Германію за то, что тамъ дѣти, чуть-ли не съ колыбели, уже пріучаются къ кое-какому, хотя бы и маленькому труду» [128]).

Даже въ продолженіе большой части XVIII-го столѣтія, вплоть до самой эпохи крупной промышленности, капиталу въ Англіи не удавалась еще, при помощи уплаты недѣльной стоимости рабочей силы, присвоить себѣ, весь недѣльный трудъ работника (за исключеніемъ одного земледѣльческаго работника). Въ то время рабочій могъ прожить цѣлую недѣлю на плату, полученную имъ за четыре дня работы; но это обстоятельство рабочіе не считали достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы работать на капиталиста также и остальные два дня въ недѣлю. Одна часть англійскихъ капиталистовъ нападала, въ интересахъ капитала, самымъ ожесточеннымъ, самымъ бѣшенымъ образомъ не такой эгоизмъ работника; другая часть, напротивъ того, защищала его. Послушаемъ, напримѣръ, полемику между Postlethwayt, торговый словарь котораго пользовался въ то время такою же славою, какою пользуются въ настоящее время подобныя же сочиненія Mac Culloch'а и Mac Gregor'а и между авторомъ «Essay on Trade and Commerce», столько разъ уже цитированнымъ нами ранѣе [129]).

Postlethwayt говоритъ между прочимъ: «Я не считаю возможнымъ закончить этихъ краткихъ замѣтокъ, не сдѣлавъ замѣчанія на счетъ пошлыхъ выходокъ, которыя мы слышимъ изъ устъ слишкомъ многихъ, по поводу того обстоятельства, что если рабочій (industrious poor) можетъ въ

[127]) William Petty: «Political Anatomy of Ireland. 1672 edit. 1691», p. 10.

[128]) «A Discourse on the Necessity of Encouraging Mechanick Industry. London», 1689 p. 13.— Macaulay, поддѣловавшій англійскую исторію въ интересахъ виговъ и буржуазіи, декламируетъ слѣдующимъ образомъ: «Обычай преждевременнаго употребленія дѣтей на работы господствовалъ въ 17-мъ столѣтіи въ размѣрахъ почти невѣроятныхъ, если принять въ соображеніе тогдашнее состояніе промышленности. Въ Норвичѣ, главномъ центрѣ шерстяной промышленности, на ребенка 6 лѣтъ, смотрѣли какъ на вполнѣ способнаго къ промышленному труду. Различные писатели того времени — и между ними многіе, которыхъ считали всегда за людей очень благодушныхъ — съ восторгомъ («exultation») приводятъ тотъ фактъ, что въ этомъ городѣ одни только мальчики и дѣвочки создаютъ такое богатство, которое превышаетъ ежегодно на цѣлыхъ 12,000 ф. стерл., издержки, требующіяся на ихъ собственное головое содержаніе. Чѣмъ тщательнѣе изучаемъ мы исторію прошедшаго, тѣмъ болѣе находимъ мы основаній отрицать мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ наше время плодовитымъ на новыя соціальныя бѣдствія. Нова только одна интеллигенція, открывающая эти бѣдствія, да гуманность, стремящаяся исцѣлить ихъ». («History of England», v. I, p. 419). Macaulay могъ бы прибавить къ этому, что тѣ же самые, «необыкновенно благодушные» amis du commerce, въ XVII столѣтіи, разсказываютъ, съ неменьшимъ «exultation», какъ въ одномъ голландскомъ рабочемъ домѣ можно было видѣть ребенка 4-хъ лѣтъ, исполнявшаго заданную ему работу, и что этотъ примѣръ «vertu mise in pratique» приводится какъ образецъ во всѣхъ сочиненіяхъ гуманистовъ à la Macaulay до самаго времени А. Смита. Совершенно вѣрно, что съ возникновеніемъ мануфактуры, въ отличіе отъ ремесла, появляются также и слѣды эксплоатаціи дѣтей. Въ тенденціи капитала нельзя ошибаться; но самые факты такой эксплоатаціи стоятъ еще совершенно уединенно, подобно, напримѣръ, рожденію двухголовыхъ дѣтей. Поэтому то различные «amis du commerce», исполненные смутнаго предчувствія относительно будущаго значенія такихъ фактовъ и разсказываютъ ихъ съ «exultation», какъ особенно замѣчательные и достойные удивленія, старательно подмѣчаютъ ихъ и рекомендуютъ для подражанія своимъ современникамъ и потомкамъ. Тотъ же самый шотландскій сикофантъ и краснобай, Маколей, говоритъ: «Мы только и слышимъ, въ настоящее время, что о регрессѣ, объ отступленіи назадъ; на дѣлѣ же мы видимъ только прогрессъ». Что за глаза, а главное, что за уши!

[129]) Изъ всѣхъ обвинителей рабочихъ, самымъ злымъ, самымъ бѣшенымъ является упомянутый въ текстѣ анонимный авторъ: «An Essay on Trade and Commerce containing Observations on Taxation etc. London, 1770»; еще ранѣе, онъ высказалъ тѣ же самыя черты въ своемъ сочиненіи: «Considerations on Taxes, London. 1765».Polonius Arthur Goung, невыразимый статистическій болтунъ, также долженъ быть причисленъ къ этой категоріи. Между защитниками работниковъ наиболѣе выдаются Jacob Vanderlint, въ своемъ «Money answers all things. London, 1734»; Rev. Nathaniel Forster D. D., въ «An Enquiry into causes of Present Price of Provisions. London, 1766», Dr. Price, и въ особенности названный уже выше Postlethwayt, какъ въ прибавленіи къ своему «Universal Dictionary of Trade and Commerce», такъ и въ «Great Britain's Commercial Interest explained and improved. 2-nd edit. London 1755». Но самые факты констатированы также въ сочиненіяхъ многихъ другихъ писателей того времени, между прочимъ, напримѣръ, Josiah Tucker.

продолженіе 5 дней заработать довольно для того, чтобы прожить недѣлю, то онъ не желаетъ работать всѣ 6 дней. На этомъ основаніи многіе находятъ нужнымъ, посредствомъ налоговъ, или какихъ-нибудь другихъ способовъ, поднять цѣну даже самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, для того, чтобы принудить ремесленника и мануфактурнаго рабочаго къ непрерывному шестидневному труду въ продолженіе всей недѣли. Да будетъ мнѣ позволено не раздѣлять мнѣнія этихъ великихъ политиковъ, которые ломаютъ свои копья въ честь вѣчнаго порабощенія рабочаго населенія этого королевства («the perpetual slavery of the working people»). Они забываютъ поговорку: «All work and no play» (постоянный трудъ и полное отсутствіе развлеченій дѣлаютъ человѣка глупцомъ). Не хвалимся-ли мы умомъ и искусствомъ нашихъ ремесленниковъ и рабочихъ на мануфактурахъ, которые доставляли до сихъ поръ британскимъ товарамъ всеобщее уваженіе и славу? Но чему слѣдуетъ приписать наше главенство въ этомъ отношеніи? Ясно, что ничему другому какъ тому, что нашъ рабочій народъ всегда умѣлъ развлекаться, сообразно съ своими вкусами и настроеніемъ духа. Если бы наши рабочіе были вынуждены работать круглый годъ напролетъ, всѣ шесть дней въ недѣлю повторять одно и тоже, развѣ это не подѣйствовало бы притупляющимъ образомъ на ихъ умъ, развѣ они не сдѣлались бы придурковатыми, тупыми и апатичными, вмѣсто того, чтобы быть сообразительными и искусными; и развѣ наши работники, вслѣдствіе такого вѣчнаго рабства, не потеряли бы своей славы, вмѣсто того, чтобы постоянно поддерживать ее къ чести Англіи? Какого рода проявленій искусства могли бы мы ожидать отъ подобныхъ измученныхъ животныхъ (hard driven animals).... Многіе изъ нихъ наработаютъ въ теченіе 4 дней столько, сколько французы наработаютъ въ 5 или 6 дней. Но если англичане обратятся въ какихъ то вѣчно-каторжныхъ, то можно опасаться, что они выродятся (degenerate) настолько, что будутъ стоять даже ниже французовъ. Нашъ народъ славится своей храбростью на войнѣ; и не говоримъ-ли мы, что эту храбрость слѣдуетъ приписать съ одной стороны тому, что, въ его желудкѣ хорошій англійскій ростбифъ и пудингъ, а съ другой стороны нашей врожденной любви къ свободѣ? Почему же большій умъ, энергія и искусство нашего ремесленника и мануфактурнаго рабочаго не могутъ быть также объяснены той свободой, съ какою онъ развлекается, сообразно съ своими вкусами и наклонностями? Я твердо надѣюсь, что они никогда не потеряютъ ни этихъ привилегій, ни своей хорошей жизни, откуда проистекаютъ какъ ихъ особенная пригодность къ труду, такъ и ихъ храбрость [130])».

[130]) Postlethwayt l. c. «First Preliminary Discourse», p. 14.

Авторъ «Essay on Trade and Commerce» отвѣчаетъ на это:

«Если мы признаемъ силу божественнаго установленія, повелѣвающаго отдыхать седьмой день недѣли, то этимъ самымъ мы признаемъ, что всѣ остальные дни недѣли должны принадлежать труду (онъ хочетъ сказать—капиталу, какъ мы это увидимъ ниже), а потому всяческія старанія заставить силою исполнять эту божественную заповѣдь, вовсе не заслуживаютъ тѣхъ жестокихъ порицаній, которыя сыпятся иногда на нихъ.... Что человѣчество склонно вообще къ покою и лѣни, въ этомъ убѣждаетъ насъ роковымъ образомъ наблюденіе надъ поведеніемъ нашей фабричной черни, которая работаетъ среднимъ числомъ не болѣе 4 дней въ недѣлю, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда жизненные припасы поднимаются въ цѣнѣ.... Предположимъ, что бушель пшеницы, стоющій 5 шилл., составляетъ всѣ жизненные припасы, потребляемые рабочимъ въ теченіе недѣли, и допустимъ, что работникъ получаетъ ежедневно за свой трудъ 1 шилл., очевидно, что въ этомъ случаѣ ему необходимо работать только 5 дней въ недѣлю, или даже 4 дня, если бушель стоитъ 4 шилл.... Но такъ какъ рабочая плата въ этомъ королевствѣ стоитъ гораздо выше по сравненію съ цѣною средствъ существованія, то мануфактурный работникъ, работающій только 4 дня въ недѣлю, обладаетъ постоянно нѣкоторымъ излишкомъ денегъ, позволяющимъ ему жить праздно остальные дни недѣли.... Надѣюсь, что я сказалъ достаточно, чтобы каждому было вполнѣ ясно, что умѣренный трудъ въ продолженіе 6 дней въ недѣлю вовсе не есть рабство. Наши земледѣльческіе рабочіе работаютъ 6 дней въ недѣлю и по всей вѣроятности, представляютъ самый счастливый классъ среди всѣхъ нашихъ рабочихъ (labouring poor) [131]); въ Голландіи мы видимъ тоже самое и на мануфактурахъ, а между тѣмъ голландцы представляютъ, повидимому, очень счастливый народъ. Французы также работаютъ 6 дней въ недѣлю, хотя у нихъ мѣшаютъ этому до извѣстной степени многочисленные праздники.... [132]). Но наша мануфактурная чернь вбила себѣ въ голову мысль, что, какъ англичане, они имѣютъ природное право на обладаніе особенной привилегіей быть свободнѣе и независимѣе рабочихъ какой-бы то ни было другой

[131]) «An Essay etc.». Онъ самъ говоритъ, на стр. 96, въ чемъ состояло, уже въ 1770 году, «счастье» англійскаго земледѣльческаго рабочаго. «Ихъ рабочія силы («their working powers») всегда напряжены до послѣдней степени («on the stretch»); они не могли бы ни жить хуже, чѣмъ они живутъ теперь («they cannot live cheaper than they do»), ни работать больше» («nor work harder»).

[132]) Протестантизмъ играетъ важную роль въ зачатіи капитала, уже хотя бы вслѣдствіе превращенія почти всѣхъ праздниковъ по обычаю въ рабочіе дни.

страны Европы. Быть можетъ, подобная идея и представляетъ нѣкоторую пользу, насколько она способствуетъ поднятію духа и развитію храбрости въ нашихъ солдатахъ; но можно сказать положительно, что чѣмъ меньше будетъ такихъ идей въ головахъ нашихъ мануфактурныхъ рабочихъ, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ самихъ, и для государства. Работники не должны никогда считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ («independent of their superiors»).... Въ высшей степени опасно распускать чернь въ такомъ торговомъ государствѣ какъ наше, гдѣ можетъ быть 7/8 всего народонаселенія состоитъ изъ людей, не имѣющихъ вовсе никакой собственности, или имѣющихъ ея очень мало.... [133]). Лѣченіе не будетъ вполнѣ успѣшно до тѣхъ поръ, пока наши промышленные бѣдняки (industrious poor) не согласятся работать 6 дней въ недѣлю за туже самую плату, какую они получаютъ теперь за 4 дня» [134]). Для этой цѣли, т. е. для «искорененія лѣности, распутства и романтическихъ бредней о свободѣ»; а также для «уменьшенія налога въ пользу бѣдныхъ, для развитія духа промышленности и для уменьшенія цѣны труда на мануфактурахъ», нашъ «вѣрный Eckart» капитала предлагаетъ испытанное средство, состоящее въ томъ, чтобы всѣ работники, подпадающіе вѣдѣнію общественной благотворительности, однимъ словомъ,—всѣ бѣдняки (paupers), запирались бы въ «идеальный рабочій домъ» (an ideal workhouse). «Подобный домъ долженъ являться для нихъ домомъ ужаса» (House of Terror) [135]). Жители этого «дома ужаса», этого «идеала рабочаго дома», обязаны работать по 14 часовъ въ сутки, считая въ томъ числѣ, впрочемъ, надлежащіе отдыхи для ѣды; такъ чтобы оставались «полные 12 часовъ труда» [136]).

Двѣнадцать рабочихъ часовъ въ сутки въ «рабочемъ домѣ идеалѣ», въ домѣ ужаса 1770 года! Когда черезъ шестьдесятъ три года послѣ этого, въ 1833 г. англійскій парламентъ сократилъ въ четырехъ отрасляхъ фабричнаго дѣла рабочій день для дѣтей отъ 13 до 18 лѣтъ на двѣнадцать полныхъ рабочихъ часовъ, англійская промышленность подняла такой вопль, какъ будто для нея насталъ день страшнаго суда! Когда, въ 1852 году, Л. Бонапартъ, желая задобрить буржуазію, попробовалъ затронуть установленный закономъ рабочій день, весь французскій рабочій людъ возопилъ въ одинъ голосъ: «Законъ, сокращающій рабочій день на 12 часовъ, есть единственное благо, оставшееся намъ отъ законодательства республики!» [137]). Въ Цюрихѣ трудъ дѣтей свыше 10 лѣтъ ограниченъ 12 часами въ сутки; въ Ааргау въ 1862 г. трудъ дѣтей отъ 13 до 16 лѣтняго возраста сокращенъ съ $12^1/_2$ на 12 часовъ; въ Австріи, въ 1860 г., для дѣтей отъ 14 до 16 лѣтъ, рабочій день сокращенъ также до 12 часовъ [138]). Вотъ тотъ «прогрессъ со времени 1770 г.», который Маколей привѣтствуетъ съ такимъ «exultation!»

Тотъ «домъ ужаса», предназначенный для нищихъ и для бѣдняковъ не имѣющихъ работы, о которомъ только лишь мечтала душа капиталиста 1770 г., осуществился нѣсколькими годами позже, въ видѣ исполинскаго «рабочаго дома», предназначеннаго на этотъ разъ уже не для нищихъ, а для самихъ мануфактурныхъ рабочихъ. Этотъ рабочій домъ называется фабрикою. И въ данномъ случаѣ идеалъ поблѣднѣлъ передъ дѣйствительностью.

---

[133]) «An Essay etc.» p. 15, 41, 96, 97, 55, 57.

[134]) l. c. p. 69. Jacob Vanderlint объяснилъ уже въ 1734 году, что тайна всѣхъ жалобъ капиталистовъ на лѣность рабочаго народа, заключается просто въ томъ, что имъ хотѣлось бы получить, за ту же самую плату, вмѣсто 4-хъ, 6 рабочихъ дней.

[135]) l. c. p. 242. «Такой идеальный рабочій домъ долженъ быть сдѣланъ домомъ ужаса, а не убѣжищемъ для бѣдныхъ, гдѣ ихъ кормятъ досыта, держутъ въ теплѣ, одѣваютъ прилично, и принуждаютъ работать очень умѣренно».

[136]) «In this ideal workhouse the poor shall work 14 hours in a day, allowing proper times for meals, in such manner that there shall remain 12 hours of neat labour» (l. c.). «Французы», говоритъ онъ, «смѣются надъ нашими энтузіастическими идеями о свободѣ» (l. c. p. 78.).

[137]) «Они въ особенности возражали противъ работы свыше 12 часовъ въ сутки; потому что законъ, установившій этотъ размѣръ рабочаго дня, есть единственная хорошая вещь, остающаяся у нихъ отъ законодательства республики». (Rep. of Insp. of Fact. 31 Octob. 1856, p. 80). Французскій двѣнадцати-часовой законъ 5 сентября 1850 года, буржуазное изданіе декрета временнаго правительства 2 марта 1848 года, распространяется на всѣ мастерскія, безъ всякаго различія. До изданія этого закона рабочій день во Франціи былъ неограниченъ. На фабрикахъ онъ продолжался 14, 15 и болѣе часовъ. Смотри: «Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Par M. Blanqui». Бланки, экономисту, а не революціонеру, было поручено правительствомъ произвести изслѣдованіе относительно положенія рабочаго класса.

[138]) Бельгія и по отношенію къ регулированію рабочаго дня, оказывается образцовымъ буржуазнымъ государствомъ. Лордъ Howard de Welden, англійскій уполномоченный въ Брюсселѣ, пишетъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, отъ 12 мая 1862 г., слѣдующее: «Министръ Rogier сказалъ мнѣ, что ни общіе законы страны, ни мѣстныя правила не ограничиваютъ дѣтскаго труда ни въ какомъ отношеніи; что, въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, рѣшительно каждую сессію, правительство намѣревалось представить палатамъ законопроектъ по этому предмету, но постоянно наталкивалось на непреодолимое препятствіе своимъ намѣреніямъ въ томъ ревнивомъ страхѣ, съ которымъ относятся палаты ко всякому законодательству, идущему въ разрѣзъ съ принципомъ полной свободы труда!»

6. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительное ограниченіе закономъ рабочаго времени. Англійское фабричное законодательство 1833—1864 гг.

Итакъ капиталъ вынужденъ былъ употребить цѣлыя столѣтія, чтобы довести рабочій день до его нормальныхъ наивысшихъ предѣловъ, и потомъ продолжить его за эти предѣлы вплоть до самыхъ границъ естественнаго дня въ 12 часовъ [139]), но при возникновеніи въ послѣдней трети XVIII-го столѣтія машиннаго производства и крупной промышленности немедленно послѣдовало чрезмѣрное, насильственное, лавинообразное стремленіе уничтожить всякія границы рабочаго дня. Всѣ предѣлы, установленные нравственностью и природою, поломъ и возрастомъ, днемъ и ночью, были своевременно перейдены. Даже самыя понятія о днѣ и ночи, представляющіяся столь мужицки простыми въ старинныхъ статутахъ, потеряли до такой степени всякую опредѣленность, что уже въ 1860 году одинъ англійскій судья долженъ былъ высказать поистинѣ талмудистическую мудрость, чтобы выяснить «юридически», что такое день и что такое ночь [140]). Капиталъ торжественно справлялъ свои оргіи безъ всякихъ помѣхъ.

Какъ только рабочій классъ, оглушенный и одураченный шумомъ и гамомъ производства, нѣсколько пришелъ снова въ себя, возвратился снова къ сознанію того, что совершилось кругомъ него, немедленно началось его сопротивленіе; и прежде всего на родинѣ крупной промышленности, т. е. въ Англіи. Однако, въ продолженіе трехъ десятилѣтій, всѣ уступки, которыхъ ему удалось добиться при помощи безпрерывной борьбы и угрозъ, оставались чисто номинальными. Отъ 1802 до 1833 г. парламентъ, издавъ 5 рабочихъ актовъ, позаботился о томъ, чтобы не приводить ихъ въ исполненіе, не вотировавъ ни одного гроша, на наемъ необходимаго персонала надзирателей и т. д. [141]). Такимъ образомъ законы эти оставались лишь мертвою буквою. «Факты доказываютъ, что до изданія акта 1833 г., дѣтей и подростковъ заставляли работать («were worked») цѣлую ночь, цѣлый день, или и ночь и день, ad libitum» [142]).

Днемъ рожденія нормальнаго рабочаго дня новѣйшей промышленности долженъ считаться фабричный законъ 1833 г., распространяющійся на хлопчато-бумажныя, шерстяныя, льняныя и шелковыя фабрики. Ничто такъ хорошо не характеризуетъ духъ капитала, какъ исторія англійскаго фабричнаго законодательства съ 1833 до 1864 г.

Въ законѣ 1833 года сказано: «обыкновенный фабричный рабочій день долженъ начинаться утромъ, въ половинѣ шестого, и кончаться вечеромъ, въ половинѣ девятаго; между этими предѣлами, заключающими 15 часовой періодъ времени, несовершеннолѣтніе (т. е. лица отъ 13 до 18 лѣтъ) могутъ быть законно употребляемы на работу въ какое угодно время дня, наблюдая лишь постоянно, чтобы ни одинъ подростокъ не работалъ болѣе 12 часовъ въ сутки, за исключеніемъ извѣстныхъ спеціальныхъ, заранѣе предусмотрѣнныхъ и оговоренныхъ случаевъ». 6-й отдѣлъ акта говоритъ, «что въ продолженіе

139) «Поистинѣ достойно всякаго сожалѣнія, что какой бы то ни былъ классъ лицъ вынужденъ ежедневно корпѣть надъ работою, продолжающеюся по 12 часовъ въ сутки. Если прибавить еще къ этому время, уходящее на ѣду, и время, необходимое на то, чтобы дойти до фабрики и вернуться съ фабрики домой, то окажется, что изъ 24 часовъ, составляющихъ сутки, работникъ отдаетъ 14 часовъ... Я надѣюсь, что всякій согласится со мной, безъ малѣйшаго колебанія, что, не говоря уже о здоровьѣ, и разсматривая дѣло съ одной только нравственной точки зрѣнія, такое полное поглощеніе всего времени рабочихъ классовъ, безъ всякаго перерыва, начиная съ самого нѣжнаго возраста, т. е. съ 13 лѣтъ, а въ «свободныхъ» отрасляхъ промышленности даже еще съ болѣе ранняго возраста, чрезвычайно вредно, и представляетъ зло, чреватое множествомъ дурныхъ послѣдствій. Поэтому въ интересахъ нравственности, въ видахъ воспитанія сильнаго и способнаго населенія, въ видахъ созданія для громадной массы народа разумнаго наслажденія жизнью, слѣдуетъ настаивать на томъ, чтобы во всѣхъ вѣтвяхъ производства, нѣкоторая часть каждаго рабочаго дня была бы отдѣлена для отдыха и досуга» (Leonhard Horner въ «Insp. of Fact. Reports. 31-st Dec. 1841»).

140) Смотри «Judgment of Mr. J. H. Otwey, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim. 1860».

141) Довольно характеристично для режима Луи Филиппа, этого короля-буржуа, то обстоятельство, что единственный фабричный законъ (22 марта 1841 г.), изданный въ его царствованіе, никогда не приводился въ исполненіе на практикѣ. И этотъ законъ касался только труда дѣтей. Онъ опредѣляетъ 8 часовъ труда для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, 12 часовъ для дѣтей отъ 12 до 16 лѣтъ и т. д. При этомъ законъ содержитъ множество исключеній, на основаніи которыхъ ночной трудъ разрѣшается даже для восьмилѣтнихъ. Наблюденіе за примѣненіемъ этого закона и понужденіе къ его исполненію были предоставлены въ этой странѣ, гдѣ всякая мысль находится подъ полицейскимъ и административнымъ надзоромъ, на добрую волю разныхъ «amis du commerce». Только съ 1853 года, и то въ одномъ только департаментѣ, département du Nord, законъ дѣйствительно былъ приведенъ въ дѣйствіе, вслѣдствіе назначенія правительственныхъ инспекторовъ, состоящихъ на казенномъ жалованьи. Не менѣе характеристично для развитія французскаго общества вообще то обстоятельство, что законъ Луи Филиппа, до самой революціи 1848 года, былъ единственнымъ закономъ по этому предмету во всемъ французскомъ фабричномъ законодательствѣ, опутывающемъ своею сѣтью всѣ промышленныя отношенія.

142) «Rep. of Insp. of Fact. 30-th April 1860», p. 51.

каждаго дня, для каждаго лица, работающаго ограниченное время, должно быть дано по крайней мѣрѣ $1^1/_2$ часа на ѣду. Заставлять работать дѣтей моложе 9 лѣтъ, за нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ мы скажемъ позднѣе, было запрещено; рабочій день дѣтей отъ 9 до 13 лѣтъ былъ опредѣленъ въ 8 часовъ. Ночная работа, т. е., по этому закону, работа между половиною девятаго вечера и половиною шестого утра, была запрещена для всѣхъ лицъ отъ 9 до 18 лѣтняго возраста.

Законодатели были такъ далеки отъ желанія затронуть какимъ бы то ни было образомъ свободу капитала по отношенію къ высасыванію имъ взрослой рабочей силы, или какъ они выражались «свободу труда», что они даже создали особую систему для того, чтобы заранѣе предотвратить всякую возможность вывода изъ фабричнаго акта такихъ ужасныхъ послѣдствій.

«Великое зло фабричной системы въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь», говорится въ первомъ отчетѣ центральнаго совѣта коммисіи 1833 года, «состоитъ въ томъ, что она вызываетъ необходимость удлинять рабочіе часы дѣтей соотвѣтственно чрезвычайной длинѣ рабочаго дня взрослыхъ. Единственнымъ средствомъ къ исцѣленію этого зла, безв ограниченія труда взрослыхъ, которое породило бы еще бóльшее зло, чѣмъ то, которое требуется уничтожить, является планъ, по которому предлагается употреблять двойныя смѣны дѣтей». Этотъ планъ, подъ названіемъ системы смѣнъ («System of relays»; relay какъ по французски, такъ и по англійски, обозначаетъ перепряжку лошадей на почтовыхъ станціяхъ), былъ дѣйствительно приведенъ въ исполненіе, такъ что напримѣръ отъ половины шестого утра до половины второго пополудни работала одна смѣна дѣтей отъ 9 до 13 лѣтъ, а отъ половины второго пополудни до половины десятаго вечера запрягалась другая и т. д.

Чтобы вознаградить господъ фабрикантовъ за то, что они самымъ наглымъ образомъ не признавали ни одного закона о дѣтскомъ трудѣ, изданнаго въ послѣдніе 22 года, законодательство сочло нужнымъ позолотить предложенную имъ теперь пилюлю. Парламентъ постановилъ, чтобы послѣ 1 марта 1834, ни одинъ ребенокъ моложе 11 лѣтъ, послѣ 1 марта 1835 г. ни одинъ ребенокъ моложе 12 лѣтъ, и наконецъ послѣ 1 марта 1836 г., ни одинъ ребенокъ моложе 13 лѣтъ не допускался къ работамъ на фабрикѣ болѣе 8 часовъ въ сутки! Этотъ «либерализмъ», выказавшій столько нѣжной заботливости къ «капиталу», былъ тѣмъ болѣе достоинъ признательности съ его стороны, что въ тоже время докторъ Farre, сэръ A. Carlisle, сэръ B. Brodie, сэръ C. Bell, мистеръ Guthrie и др., короче сказать, самые извѣстные лондонскіе доктора и хирурги, въ данныхъ ими показаніяхъ, объявили передъ Нижнею Палатою periculum in mora! *) Dr. Farre выразился даже еще нѣсколько грубѣе: «Законодательное вмѣшательство одинаково необходимо во всѣхъ случаяхъ, гдѣ должно предупрецить причиненіе преждевременной смерти, въ какой бы формѣ ни причинялась эта смерть; и конечно, на этотъ способъ (фабричный способъ) слѣдуетъ смотрѣть какъ на одинъ изъ самыхъ ужасныхъ способовъ причиненія преждевременной смерти» [143]). Тотъ же самый «реформированный» парламентъ, который изъ нѣжнаго состраданія къ господамъ фабрикантамъ, удержалъ на цѣлые годы дѣтей моложе 13 лѣтъ въ аду 72 часовой работы въ недѣлю, издалъ въ тоже время актъ объ эмансипаціи (также вливавшій свободу только по каплямъ), которымъ онъ запретилъ англійскимъ плантаторамъ употреблять на будущее время въ работу какого бы то ни было негра невольника болѣе 45 часовъ въ недѣлю!

Но такія уступки нисколько не заставили капиталъ смягчиться и онъ возбудилъ теперь многолѣтнюю и шумную агитацію. Агитація эта вращалась главнѣйшимъ образомъ вокругъ возраста тѣхъ группъ лицъ, которыя подъ именемъ дѣтей не должны были работать болѣе 8 часовъ, и кромѣ того были обязаны посѣщать школы. По капиталистической антропологіи, дѣтскій возрастъ не долженъ былъ превосходить 10 лѣтъ, или въ самомъ крайнемъ случаѣ 11-ти. Чѣмъ болѣе приближался срокъ приведенія въ дѣйствіе фабричнаго акта въ полномъ объемѣ, чѣмъ ближе подходилъ роковой 1836 годъ: тѣмъ неистовѣе бѣсновалась толпа фабрикантовъ. Имъ удалось дѣйствительно запугать правительство на столько, что оно внесло въ парламентъ предложеніе понизить предѣльный дѣтскій возрастъ съ 13 на 12 лѣтъ. Но одновременно давленіе извнѣ возрастало съ грозною силою, и у Нижней Палаты не хватило смѣлости на подобный шагъ. Она отказалась отдать тринадцатилѣтнихъ дѣтей подъ ярмо капитала болѣе чѣмъ на 8 часовъ въ сутки, и такимъ образомъ актъ 1833 года вступилъ въ полную силу, и продолжалъ дѣйствовать безъ измѣненій до самаго іюня 1844 г.

Въ теченіе цѣлаго десятилѣтія этотъ актъ, сначала частію, а потомъ вполнѣ, регулировалъ трудъ на англійскихъ фабрикахъ; и за всѣ эти 10 лѣтъ оффиціальные отчеты фабричныхъ инспекторовъ были переполнены жалобами на невозможность проведенія закона на практикѣ. Такъ какъ законъ 1833 года предоставилъ владѣльцамъ капитала полную свободу заставлять каждаго «подростка», или каждое «дитя», начи-

---

*) Добрые нравы страны находятся въ опасности.

143) «Legislation is equallly necessary for the prevention of death, in any form in which it can be prematurely inflicted, and certainly this must be viewed as a most cruel mode of inflicting it».

нать, прерывать или оканчивать его 12 или 8 часовую работу въ любое время дня, въ теченіе опредѣленнаго по закону 15 часоваго періода, т. е. въ промежуткахъ между половиною шестого утра и половиною девятаго вечера, а также назначать для разныхъ лицъ разные часы для ѣды; то господа капиталисты выдумали очень скоро новую «relay-system», по которой рабочихъ лошадей стали перемѣнять не на извѣстныхъ станціяхъ, но ихъ продолжали впрягать вновь на разныхъ станціяхъ. Мы не будемъ останавливаться долѣе на созерцаніи красотъ этой системы, такъ какъ впослѣдствіи намъ еще придется возвратиться къ ней. Впрочемъ читатель видитъ съ перваго же взгляда, что такая система уничтожила не только духъ, но и самую букву фабричнаго закона. При такомъ сложномъ веденіи отчетности о каждомъ отдѣльномъ ребенкѣ, о каждомъ отдѣльномъ подросткѣ, какимъ образомъ могли фабричные инспектора заставить исполнять требованія закона касательно ограниченія рабочаго времени и соблюденія остановокъ работъ для принятія пищи? Поэтому, вскорѣ на большей части фабрикъ, стало процвѣтать снова, совершенно безнаказанно, прежнее звѣрское безчинство. Фабричные инспектора, въ собраніи у министра внутреннихъ дѣлъ (1844), доказали совершенную невозможность какого бы то ни было контроля при существованіи новоизобрѣтенной системы смѣнъ [144]). Между тѣмъ обстоятельства сильно перемѣнились. Съ 1838 года фабричные рабочіе поставили десятичасовой билль въ основаніе своихъ экономическихъ избирательныхъ требованій подобно тому какъ чартисты сдѣлали его политической цѣлью. Даже нѣкоторые изъ фабрикантовъ, которые ввели у себя фабричные порядки, согласно закона 1833 года, завалили парламентъ докладными записками, въ которыхъ они жаловались на безнравственную «конкурренцію» «ложныхъ братьевъ», которымъ ихъ бо́льшая наглость, ихъ болѣе счастливыя мѣстныя условія дозволяли безнаказанное нарушеніе закона. Къ тому же, какъ бы страстно ни желалъ отдѣльный фабрикантъ дать самую разнузданную свободу своему старому стремленію къ прибыли, политическіе вожди и выразители идей и интересовъ класса фабрикантовъ относились въ это время къ работникамъ совершенно иначе, и обращались къ нимъ на совершенно другомъ языкѣ, чѣмъ прежде. Они открыли кампанію для отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и для достиженія побѣды нуждались въ помощи работниковъ. Поэтому они обѣщали рабочимъ, что они получатъ не только караваи хлѣба двойного вѣса, но также и согласіе фабрикантовъ на десятичасовой билль [145]).

[144]) «Rep. of Insp. of Fact. 31-st Oct. 1849», p. 6.

[145]) «Rep. of Insp. of Fact. 31-st Oct. 1848», p. 98.

Тѣмъ болѣе они не могли рѣшиться нападать на такую мѣру, которая клонилась только къ тому, чтобы дать дѣйствительную силу акту 1833 года. Наконецъ раздраженные тори, угрожаемые въ ихъ священнѣйшемъ интересѣ, въ поземельной рентѣ, гремѣли филантропическими рѣчами противъ «безсовѣстнаго образа дѣйствій» [146]) своихъ враговъ.

И вотъ состоялся добавочный фабричный актъ 7 іюня 1844 года, вошедшій въ силу 10 сентября того же года. Онъ создаетъ новую группу работниковъ, состоящихъ подъ защитою закона, а именно женщинъ старше 18 лѣтняго возраста. Онѣ во всѣхъ отношеніяхъ были приравнены къ несовершеннолѣтнимъ: ихъ рабочее время было ограничено 12 часами въ сутки; работа по ночамъ была запрещена, и т. д. Въ первый разъ законодательство увидѣло себя вынужденнымъ регулировать прямо и оффиціально также трудъ взрослыхъ. Фабричный отчетъ за 1844—45 г. замѣчаетъ иронически: «Мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ бы взрослыя женщины жаловались на такое вторженіе въ ихъ права» [147]). Трудъ дѣтей моложе 13 лѣтъ былъ сокращенъ на $6^1/_2$ и, при извѣстныхъ условіяхъ, на 7 часовъ въ сутки [148]).

Для устраненія злоупотребленія «фальшивой системы смѣнъ» законъ установилъ слѣдующія важныя подробныя правила: «Рабочій день для дѣтей и несовершеннолѣтнихъ долженъ считаться съ того момента, когда какой бы то ни было мало или несовершеннолѣтній начинаетъ утромъ работать на фабрикѣ». Такъ что, если A напримѣръ начинаетъ работу въ 8 часовъ утра, а B въ 10 часовъ, то рабочій день для B долженъ оканчиваться все-таки въ тотъ же самый часъ какъ и для A. «Начало рабочаго дня должно указываться какими нибудь общественными часами, напримѣръ часами ближайшей желѣзнодорожной станціи, съ которыми слѣдуетъ согласовать фабричный колоколъ. Фабрикантъ долженъ вывѣсить на фабрикѣ, для всеобщаго свѣдѣнія, особую таблицу, на которой было бы отпечатано крупными буквами время начала и конца работъ, а также время назначенное для ѣды. Дѣти, вступившіе на работы утромъ до 12 часовъ, не могутъ быть взяты снова на работу послѣ 1 часу пополудни. Послѣобѣденная смѣна должна, слѣдовательно, состоять изъ другого персонала дѣтей, чѣмъ передобѣденная смѣна;

[146]) Leonhard Horner употребляетъ къ тому же выраженіе «nefarious practices» даже оффиціально. („Reports of Insp. of Fact. 31-st October 1859", p. 7).

[147]) «Rep. etc. for 30-th September 1844». p. 15.

[148]) Актъ разрѣшаетъ употреблять дѣтей на работу по 10 часовъ въ сутки, если они работаютъ не ежедневно, а черезъ день. Впрочемъ, этотъ параграфъ закона остался безъ всякаго примѣненія на практикѣ.

$1^1/_2$ часа, назначенные на ѣду, должны приходиться для всѣхъ работниковъ, находящихся подъ защитою закона, обязательно въ одно и тоже время дня, и притомъ, по крайней мѣрѣ одинъ часъ долженъ непремѣнно приходиться до 3 часовъ пополудни. Ни одинъ ребенокъ или несовершеннолѣтній не можетъ работать болѣе 5 часовъ до 1 часа пополудни, если ему не будетъ данъ по крайней мѣрѣ получасовой отдыхъ на ѣду. Ни одинъ ребенокъ, несовершеннолѣтній или женщина не должны оставаться въ продолженіе времени, назначеннаго на ѣду, въ такомъ фабричномъ помѣщеніи, гдѣ бываютъ въ это время какія бы то ни было работы; и т. д.

И такъ читатель видитъ, что всѣ эти мелочныя опредѣленія, регулирующія время работъ, его предѣлы и пріостановки съ такимъ военнымъ единообразіемъ по удару фабричнаго колокола, вовсе не были искусственнымъ произведеніемъ парламентскаго хитроумія. Они выработались постепенно изъ самихъ условій новѣйшаго способа производства, какъ его естественные законы. Ихъ формулированіе, оффиціальное признаніе и государственное провозглашеніе явилось результатомъ продолжительной борьбы между общественными классами. Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій ихъ было то, что рабочій день взрослыхъ фабричныхъ работниковъ подвергся на практикѣ тѣмъ же самымъ ограниченіямъ какъ и рабочій день малолѣтнихъ и женщинъ, такъ какъ въ большей части процессовъ производства помощь дѣтей, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ необходима во все продолженіе работъ. Поэтому, говоря вообще, въ теченіе періода отъ 1844 до 1847 г., двѣнадцатичасовой рабочій день вошелъ во всеобщее и единообразное употребленіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности, подчиненныхъ фабричному законодательству.

Однако фабриканты разрѣшили такой «прогрессъ» не безъ того, чтобы не вознаградить себя уравновѣшивающимъ его до нѣкоторой степени «шагомъ назадъ». По ихъ настояніямъ Нижняя Палата сократила наименьшій возрастъ дѣтей, требующійся для поступленія на фабрику съ 9 лѣтъ на 8, для того чтобы обезпечить капиталу «прибавочный подвозъ фабричныхъ дѣтей» [149]), полагающійся ему по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ.

Въ экономической исторіи Англіи годы 1846 и 1847 составляютъ эпоху. Отмѣнены хлѣбные законы, уничтожены ввозныя пошлины на хлопчатую бумагу и другіе сырые матеріалы, провозглашеніе свободы торговли путеводною звѣздою законодательства! Въ эти же самые годы чартистское движеніе и десятичасовая агитація достигли своего наивысшаго предѣла. Они нашли себѣ союзниковъ въ тори, дышавшихъ местью противъ буржуазіи. Несмотря на фанатическое сопротивленіе нарушившихъ свои обѣщанія приверженцевъ свободной торговли съ Брайтомъ и Кобденомъ во главѣ, десятичасовой билль, предметъ такихъ продолжительныхъ стремленій, былъ принятъ парламентомъ.

По новому фабричному закону отъ 8 іюня 1847 года, съ перваго іюля 1847 года сперва долженъ быть уменьшенъ рабочій день «подростковъ» (отъ 13 до 18 лѣтъ) и всѣхъ работницъ до 11 часовъ въ сутки, а съ 1 мая 1848 года должно послѣдовать окончательное ограниченіе ихъ рабочаго дня 10 часами въ сутки. Въ остальномъ этотъ актъ представлялъ лишь исправленное дополненіе къ законамъ 1833 и 1844 гг.

По опубликованіи этого закона, прежде чѣмъ начать борьбу противъ его содержанія, капиталъ тотчасъ-же выступилъ въ походъ, цѣлью котораго было помѣшать приведенію въ дѣйствіе этого закона въ полномъ объемѣ съ 1 мая 1848 года. При этомъ по расчету капитала сами же работники, не проученные предыдущими опытами, должны были помочь ему снова разрушить ихъ же собственное дѣло. Моментъ для этого былъ выбранъ самый удачный. «Нужно припомнить, что вслѣдствіе ужаснаго кризиса 1846—1847 гг. между фабричными рабочими господствовала страшная нужда, такъ какъ многія фабрики работали только неполное время, а другія совершенно остановили работы. Такимъ образомъ значительная часть рабочихъ очутилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи; многіе запутались въ долгахъ. Поэтому съ полной увѣренностью можно было предположить, что они предпочли бы теперь болѣе длинный рабочій день, для того чтобы вознаградить понесенныя потери, расплатиться съ долгами, выкупить у ростовщиковъ свою мебель, замѣнить распроданный домашній скарбъ и завести кое какую новую одежду для себя и для своихъ семействъ» [150]). Съ своей стороны господа фабриканты постарались увеличить естественное вліяніе этихъ обстоятельствъ всеобщимъ пониженіемъ рабочей платы на 10%. Все это произошло какъ будто бы для того, чтобы отпраздновать торжественное освященіе новой эры свободной торговли. Затѣмъ послѣдовало новое пониженіе рабочей платы на $8^1/_3$%, какъ только рабочій день былъ сокращенъ на 11 часовъ; и наконецъ вдвое большее пониженіе ея, когда рабочій день окончательно сократился до 10 часовъ. Поэтому

---

[149]) «Такъ какъ сокращеніе рабочаго времени дѣтей вызываетъ употребленія ихъ въ большемъ противъ прежняго числѣ, то правительство предполагало, что прибавочное снабженіе дѣтьми отъ 8 до 9-лѣтняго возраста (the additional supply of children from 8 to 9-years of age) можетъ уравновѣсить возросшій запросъ на нихъ». (l. c., p. 13).

[150]) «Rep. of Insp. of Fact. 31-st. Octob. 1848, p. 16.

повсюду, гдѣ какимъ бы то ни было образомъ обстоятельства позволяли, рабочая плата была понижена по крайней мѣрѣ на 25% [151]). При такихъ то благопріятно подготовленныхъ условіяхъ была поднята между рабочими агитація въ пользу отмѣны закона 1847 года. Всѣ средства были пущены въ ходъ; вожди агитаціи не пренебрегли никакими обманами, никакими обольщеніями, никакими угрозами; но все было напрасно. Имъ удалось добыть всего какую нибудь полудюжину петицій, въ которой работники жаловались на «притѣсненіе ихъ со стороны новаго закона»; но и то сами же податели этихъ петицій на словесномъ допросѣ показали, что они подписали эти петиціи по принужденію. «Они дѣйствительно угнетены, но только не фабричнымъ закономъ» [152]). Но если фабрикантамъ не удалось заставить работниковъ говорить такъ, какъ бы имъ хотѣлось, за то тѣмъ громче кричали они сами во имя работниковъ и въ журнальной прессѣ, и въ парламентѣ. Они описывали фабричныхъ инспекторовъ какъ какихъ то коммиссаровъ Конвента, которые безъ всякаго милосердія приносили несчастнаго рабочаго въ жертву своимъ химерическимъ мечтамъ объ улучшеніи міра. Но и этотъ маневръ потерпѣлъ неудачу. Фабричный инспекторъ Leonhard Horner собралъ лично и черезъ своихъ помощниковъ многочисленныя свидѣтельскія показанія, данныя фабричными рабочими Ланкашира. Около 70% спрошенныхъ работниковъ заявили себя на сторонѣ 10 часового труда; гораздо болѣе малочисленный процентъ высказался за 11 часовъ, и наконецъ лишь совершенно незначительное меньшинство высказалось за прежніе 12 часовъ [153]).

Другой «полюбовный» маневръ состоялъ въ томъ, чтобы принуждать взрослыхъ мущинъ работниковъ работать отъ 12 до 15 часовъ въ сутки, и вслѣдъ за тѣмъ ссылаться на эти факты какъ на самое лучшее выраженіе истинныхъ, сердечныхъ стремленій пролетаріевъ. Но «немилосердый» фабричный инспекторъ Leonhard Horner опять уже былъ на своемъ мѣстѣ. Большая часть допрошенныхъ имъ рабочихъ, работавшихъ «длинные часы», заявили, что «они предпочли бы гораздо охотнѣе работать только 10 часовъ, хотя бы и за уменьшенную плату, но что имъ не дается никакого выбора; такъ какъ многіе изъ нихъ совсѣмъ не имѣютъ работы, а многіе ткачи принуждены работать, какъ простые «piecers» («штучники»), то, если бы они не согласились на длинное рабочее время, ихъ мѣста немедленно были бы замѣщены другими рабочими; такъ что вопросъ поставленъ для нихъ такимъ образомъ: или работать длинное время или быть выгнанными на улицу» [154]).

Предварительный походъ такимъ образомъ капитала не удался, и 1-го Мая 1848 года десятичасовой законъ вошелъ въ силу въ полномъ объемѣ. Между тѣмъ фіаско партіи чартистовъ, вожди которой были засажены въ тюрьмы и организація разрушена, поколебало вѣру англійскаго рабочаго въ его собственную силу. Вскорѣ послѣ того іюньское возстаніе и его кровавое подавленіе соединило между собою, какъ на континентѣ Европы, такъ и въ Англіи, всѣ фракціи господствующихъ классовъ: землевладѣльцы и капиталисты, биржевые волки и мелкіе лавочники, протекціонисты и приверженцы свободной торговли, правительство и оппозиція, попы и свободные мыслители, молодыя потаскушки и старыя монахини сбѣжались подъ одно общее знамя, на защиту собственности, религіи, семейства и общества! Вездѣ рабочій классъ подвергся судебнымъ преслѣдованіямъ, изгнанію, ссылкѣ и былъ поставленъ подъ «loi des suspects». Такимъ образомъ, господамъ фабрикантамъ уже не было болѣе надобности стѣсняться и скрывать свои настоящія стремленія. Они возстали открыто не только противъ десятичасового закона, но и противъ всего законодательства, которое съ 1833 года старалось до нѣкоторой степени обуздать «свободное» высасываніе рабочей силы. Это было настоящее proslavery Rebellion, т. е. возстаніе на защиту рабства въ миніатюрѣ; болѣе двухъ лѣтъ оно велось съ самою цинической безпощадностью, съ самою свирѣпой энергіей, это было тѣмъ легче для бунтовавшаго капиталиста, что онъ рисковалъ только шкурой своего рабочаго.

151) «Я нашелъ, что у работниковъ, получавшихъ прежде 10 шилл. въ недѣлю, былъ отнятъ 1 шилл., благодаря всеобщему пониженію рабочей платы на 10%; затѣмъ изъ остальныхъ 9 шилл., былъ сдѣланъ дальнѣйшій вычетъ 1 шилл. 6 пенс. за сокращеніе рабочаго времени (вслѣдствіе новаго фабричнаго закона); всего, слѣдовательно, они потеряли 2 шилл. 6 пенсовъ, и, несмотря на все это, большинство изъ нихъ продолжало твердо стоять за десятичасовой билль». (l. c.).

152) «Когда я подписывалъ эту петицію, я тогда-же сказалъ, что поступаю дурно. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же вы подписывали ее? Потому что въ случаѣ отказа, меня вытолкали бы на улицу». Податель петиціи, правда, чувствовалъ себя «притѣсненнымъ», но только не фабричнымъ закономъ». (l. c. p. 102).

153) l. c., p. 17. Въ округѣ Horner'а было выслушано 10,270 взрослыхъ работниковъ-мужчинъ, на 181 фабрикѣ. Ихъ показанія можно видѣть въ Appendix, приложенномъ къ фабричному отчету за полугодіе, оканчивавшееся въ октябрѣ 1848 г. Эти показанія представляютъ драгоцѣнный матеріалъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

154) l. c. Смотри въ „Appendix'ѣ" показанія, собранныя самимъ Leonhard Horner'омъ, № 69, 70, 71, 72, 92, 93; а также показанія, собранныя субинспекторомъ А., № 51, 52, 58, 59, 62 и 70. Одинъ фабрикантъ даже самъ откровенно высказалъ въ чемъ дѣло. Смотри № 14 послѣ № 265. l. c.

Необходимо припомнить, для яснаго пониманія послѣдующаго, что фабричные акты 1833, 1844 и 1847 гг., продолжали имѣть законную силу всѣ три, исключая тѣ параграфы предыдущихъ актовъ, которые были исправлены или измѣнены послѣдующими законами; далѣе надо помнить, что ни одинъ изъ этихъ актовъ не ограничивалъ рабочаго дня работника старше 18 лѣтъ, и что съ 1833 года пятнадцатичасовой періодъ, съ половины шестого утра до половины девятаго вечера, продолжалъ представлять законный «день», въ предѣлахъ котораго должна была выполняться, съ соблюденіемъ предписанныхъ условій, сперва 12 часовая, а потомъ 10 часовая работа подростковъ и женщинъ.

Фабриканты начали съ того, что стали отпускать то здѣсь, то тамъ значительную часть, иногда напримѣръ половину подростковъ и женщинъ, работавшихъ въ принадлежащихъ имъ заведеніяхъ, и снова возстановили почти совершенно позабытую ночную работу взрослыхъ работниковъ. Десятичасовой законъ, кричали они, не оставляетъ намъ никакого другого исхода![155]).

Второй шагъ былъ сдѣланъ по направленію къ тѣмъ перерывамъ, которые были установлены закономъ для принятія пищи. Послушаемъ объ этомъ фабричныхъ инспекторовъ. «Со времени ограниченія фабричнаго труда 10 часами въ сутки, фабриканты утверждаютъ, хотя на практикѣ они еще не проводятъ своего взгляда до его крайнихъ послѣдствій, что какъ скоро они употребляютъ рабочаго, напримѣръ съ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера, то этимъ самымъ всѣ предписанія закона ими уже исполнены; такъ какъ они даютъ ему для ѣды одинъ часъ до 9 часовъ утра и полчаса послѣ 7 часовъ вечера; слѣдовательно всѣ $1^1/_2$ часа, назначенные закономъ на принятіе пищи. Иногда они даютъ теперь полчаса на обѣдъ, но въ тоже время, постоянно настаиваютъ на томъ, что они вовсе не должны дѣлать этого и вообще, нисколько не обязаны включать въ десятичасовой рабочій день какую бы то ни было часть $1^1/_2$ часовъ, назначенныхъ на ѣду» [156]). Господа фабриканты утверждали, слѣдовательно, что подробныя до мелочности постановленія акта 1844 года касательно перерывовъ, назначенныхъ для принятія пищи, давали рабочимъ лишь позволеніе пить и ѣсть передъ приходомъ ихъ на фабрику и послѣ возвращенія съ фабрики, т. е. у себя дома! И въ самомъ дѣлѣ, почему бы работникамъ не обѣдать до 9 часовъ утра? Однако коронные юристы рѣшили, что назначенное по закону время для принятія пищи должно представлять «перерывы, приходящіеся въ продолженіе дѣйствительнаго рабочаго дня», и что совершенно незаконно людей, стоящихъ подъ защитою фабричныхъ актовъ, заставлять работать 10 часовъ сряду, съ 9 часовъ утра до 7 вечера, безъ всякаго перерыва» [157]).

Капиталъ, послѣ этихъ добродушныхъ демонстрацій, чтобы обезпечить успѣхъ своего возстанія, прибѣгнулъ къ такому пріему, который не противорѣчилъ буквѣ закона 1844 года, а слѣдовательно былъ вполнѣ законенъ.

Очевидно, по закону 1844 года, дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ, уже работавшихъ утромъ до 12 часовъ, запрещено было снова брать на работу послѣ 1 часу пополудни. Но въ законѣ не было установлено никакихъ правилъ относительно $6^1/_2$ часоваго труда дѣтей, если ихъ рабочее время начиналось около полудни или позже! Поэтому восьмилѣтнія дѣти, начавшія работу около 12 часовъ дня, могли работать съ 12 до 1 часу, т. е. 1 часъ; затѣмъ, съ 2 до 4 часовъ пополудни, т. е. 2 часа и, наконецъ съ 5 часовъ до половины девятаго вечера, т. е. $3^1/_2$ часа; стало быть, всего на всего законные $6^1/_2$ часовъ! Или еще лучше. Для того, чтобы подогнать трудъ дѣтей къ труду взрослыхъ рабочихъ, продолжающемуся до половины девятаго вечера, фабрикантамъ нужно было только не давать дѣтямъ никакой работы до 2 часовъ пополудни, а съ этого часа они могли держать ихъ на фабрикѣ, за непрерывной работой, вплоть до половины девятаго вечера! «Вслѣдствіе желанія фабрикантовъ поддерживать въ ходу свои машины долѣе 10 часовъ въ сутки, въ послѣднее время, на англійскихъ фабрикахъ вошло въ обычай, послѣ ухода съ фабрики несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, оставлять дѣтей отъ 8 до 13-лѣтняго возраста однихъ со взрослыми мужчинами, съ которыми они обязаны работать до половины девятаго вечера» [158]). Рабочіе и фабричные инспектора протестовали противъ такого обычая ради причинъ гигіеническихъ и нравственныхъ. Но капиталъ отвѣчалъ имъ:

«My deeds upon my head. I crave the law.
The penalty and forfeit of my bond», *)

И дѣйствительно, судя по статистической запискѣ, поданной въ Нижнюю Палату 26-го іюня 1850 года—15-го іюля 1850 г., несмотря на всѣ протесты, 3,742 ребенка на 275 фабрикахъ, были подчинены этому обычаю [159]). Но и этого еще было мало! Рысій глазъ капиталиста открылъ, что фабричный актъ 1844 года хотя

---

[155]) «Reports etc. for 31-st October 1848», p. 133, 134.

[156]) «Reports etc. for 30-th April 1848» p. 47.

[157]) «Reports etc. for 31-st October. 1848» p. 130.

[158]) «Reports etc.» l. c. p. 42.

*) «На голову мою
Пускай падутъ дѣла мои!—Я правъ
Въ томъ, что хочу и требую уплаты,
Какъ сказано.
(Шекспиръ. «Шейлокъ», Перев. А. Л. Соколовскаго).

[159]) «Reports etc. for 31-st October 1850» p. 5, 6.

и требуетъ, чтобы пятичасовой трудъ былъ прерванъ въ продолженіе утра роздыхомъ, который предназначается для освѣженія и завтрака, и долженъ продолжаться по крайней мѣрѣ 30 минутъ; но онъ не требуетъ ничего подобнаго для послѣобѣденной работы. Поэтому капиталистъ потребовалъ и при помощи угрозъ успѣлъ добиться права наслаждаться, принуждая восьмилѣтнихъ рабочихъ дѣтей не только надсаживаться надъ непрерывною работаю съ 2 часовъ пополудни до половины девятаго вечера, но при этомъ еще голодать!

«Ay, his breast; [160])
So says the bond!». *).

Но подобная шейлоковская приверженность къ буквѣ закона 1844 года, поскольку онъ регулируетъ трудъ дѣтей, дложна была послужить только переходомъ къ открытому возстанію противъ того же самого закона, поскольку онъ регулируетъ трудъ «подростковъ и женщинъ». Читатель помнитъ, что уничтоженіе «фальшивой ситемы смѣнъ» составляетъ главнѣйшую цѣль и главнѣйшее содержаніе этого закона. Фабриканты начали свое возмущеніе тѣмъ, что заявили откровенно, что тѣ параграфы закона, которые запрещаютъ произвольную эксплуатацію подростковъ и женщинъ, въ произвольные короткіе промежутки пятнадцатичасового фабричнаго дня, были «сравнительно безвредны» (comparatively harmless) до тѣхъ поръ, пока рабочее время было ограничено 12 часами въ сутки, но при десятичасовомъ законѣ они составляютъ невыносимую «тягость» (hardship) [161]). Поэтому они самымъ хладнокровнѣйшимъ образомъ дали понять инспекторамъ, что не намѣрены обращать вниманія на букву закона, и что они снова введутъ старую систему своею собственною властью [162]). Они сдѣлаютъ это въ интересѣ самихъ же работниковъ, обманутыхъ лживыми внушеніями, «чтобы имѣть возможность давать имъ болѣе высокую рабочую плату». «Это единственное возможное средство, чтобы удержать за Великобританіей ея промышленное превосходство, при господствѣ десятичасоваго закона» [163]). Конечно, при существованіи системы смѣнъ, открытіе неправильностей и злоупотребленій нѣсколько затруднится; но что же изъ этого? (what of that?) Неужели же на громадные фабричные интересы этой страны надо смотрѣть какъ на вещь второстепенную только для того, чтобы избавить гг. фабричныхъ инспекторовъ и субъ-инспекторовъ отъ нѣкотораго увеличенія ихъ хлопотъ (some little trouble?)» [164]).

Понятно, что всѣ эти увертки не послужили ни къ чему и фабричные инспектора возбудили противъ фабрикантовъ судебныя преслѣдованія. Но вслѣдъ за тѣмъ на министра внутреннихъ дѣлъ сэра George Grey обрушилась такая туча петицій отъ господъ фабрикантовъ, что онъ въ своемъ циркулярѣ, отъ 5 августа 1848 года былъ вынужденъ предписать фабричнымъ инспекторамъ «не вступаться вообще за буквы акта, если нельзя доказать, что система смѣнъ была употреблена во зло съ тѣмъ, чтобы принудить подростковъ и женщинъ работать болѣе 10 часовъ въ сутки». Поэтому, фабричный инспекторъ L. Stuart разрѣшилъ такъ называемую систему смѣнъ, въ теченіе пятнадцатичасового періода фабричнаго дня, во всей Шотландіи, гдѣ она вскорѣ снова процвѣла совершенно по прежнему. Напротивъ того англійскіе инспектора объявили, что министръ не обладаетъ диктаторской властью, которая уполномочивала бы его пріостанавливать дѣйствіе законовъ, а потому продолжали судебныя преслѣдованія этихъ proslavery rebels.

Но всѣ судебныя преслѣдованія ни къ чему не могли послужить, такъ какъ судьи, такъ называемые county magistrates [165]), постоянно оправдывали обвиняемыхъ. Въ этихъ судахъ засѣдали сами же господа фабриканты съ тѣмъ, чтобы судить самихъ же себя. Вотъ примѣръ. Нѣкто Eskrigge, компаніонъ и завѣдующій дѣлами фирмы Kershaw, Leese and Co, представилъ

[160]) Природа капитала остается тою же самою, какъ въ его развитыхъ, такъ и въ неразвитыхъ формахъ. Въ сводѣ законовъ, навязанномъ, вслѣдствіе вліянія рабовладѣльцевъ, территоріи New-Maxico, незадолго до начала американской гражданской войны, значится, что такъ какъ капиталистъ купилъ рабочую силу работника, то «работникъ есть его (капиталиста) деньги». («The labourer is his (the capitalist's) money»). Тоже самое воззрѣніе господствовало между римскими патриціями. Деньги, данныя ими взаймы ихъ должникамъ-плебеямъ, при посредствѣ продовольственныхъ средствъ, превратились въ плоть и кровь этихъ должниковъ. Поэтому эта «плоть и кровь» представляла «ихъ деньги». Отсюда поистинѣ шейлоковскіе законы 10 таблицъ! Но что касается до гипотезы Linguet, будто бы патриціи-кредиторы, отъ времени до времени, устраивали на той сторонѣ Тибра праздничныя пиршества изъ вареного и жаренаго мяса своихъ должниковъ плебеевъ, то эта гипотеза остается столь-же не рѣшенной какъ и гипотеза Daumer'а относительно христіанской тайной вечери.

*) «Грудь, грудь стоитъ такъ точно
Въ условіи.... не правда-ль? возлѣ сердца?
Буквально такъ написано...» (Шейлокъ).

[161]) «Reports etc. for 31-st October 1848», p. 133.

[162]) Такъ говоритъ, между прочимъ, филантропъ Ashworth, въ своемъ противномъ квакерскомъ письмѣ къ Leonhard Horner'у.

[163]) l. c., p. 134.

[164]) l. c., p. 140.

[165]) Эти «county magistrates», эти «great unpaid», какъ ихъ называетъ W. Cobbett, нѣчто вродѣ мировыхъ судей, не получающихъ жалованья, и назначаемыхъ изъ почетныхъ лицъ графства. Это учрежденіе является настоящимъ патримоніальнымъ судомъ, находящимся въ распоряженіи господствующихъ классовъ.

фабричному инспектору своего округа проектъ системы смѣнъ, придуманной имъ для его бумагопрядильни. Получивъ самый рѣшительный отказъ, онъ на первое время какъ будто помирился съ нимъ. Но вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, нѣкто, по имени Робинсонъ, также владѣлецъ бумагопрядильни, приходившейся если не Пятницею, то по крайней мѣрѣ родственникомъ Эскриджу, предсталъ передъ стокпортскимъ судомъ (Borough Justices of Stockport) за введеніе на своей фабрикѣ системы смѣнъ, совершенно одинаковой съ тою, которая была изобрѣтена Эскриджемъ. Въ составъ суда входили 4 судьи, изъ числа которыхъ трое были владѣльцами бумагопрядиленъ, и во главѣ ихъ опять-таки тотъ же неизбѣжный Эскриджъ. Эскриджъ оправдалъ Робинсона, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсудилъ, что то, что законно для Робинсона точно также же справедливо и для него Эскриджа. Опираясь на свое же собственное судебное рѣшеніе, онъ немедленно ввелъ на своей фабрикѣ ту систему, на что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не соглашался фабричный инспекторъ [166]). Но, уже самый составъ этого суда былъ явнымъ нарушеніемъ закона [167]). «Подобные судебные фарсы», восклицаетъ инспекторъ Howell, «громко вопіютъ о средствахъ къ исцѣленію отъ нихъ... Или слѣдуетъ измѣнить законы такъ, чтобы они были принаровлены къ подобнымъ судебнымъ рѣшеніямъ; или же надо ввѣрить примѣненіе законовъ такимъ трибуналамъ, рѣшенія которыхъ отвѣчало бы законамъ... При всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ насъ невольно является каждый разъ сильнѣйшее желаніе, чтобы были учреждены судьи, получающіе жалованье» [168]).

Коронные юристы нашли, что тѣ толкованія акта 1844 года, которыя были сочинены фабрикантами — нелѣпы; но спасители общества не позволяли сбить себя съ толку такими заявленіями. «Послѣ того какъ я попробовалъ», говоритъ Leonhard Horner, «вынудить исполненіе закона посредствомъ 10 судебныхъ преслѣдованій, возбужденныхъ мною въ 7 судебныхъ округахъ, и послѣ того, какъ судьи согласились со мною только въ одномъ случаѣ, я считаю новыя судебныя преслѣдованія нарушеній закона положительно безполезными. Та часть акта, которая была придумана именно для того, чтобы ввести единообразіе въ распредѣленіе рабочихъ часовъ, не существуетъ болѣе въ Ланкаширѣ. Кромѣ того, ни я, ни подчиненные мнѣ агенты не имѣютъ ровно никакихъ средствъ, чтобы убѣдится, что на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ господствуетъ система смѣнъ, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ не заставляютъ работать болѣе 10 часовъ въ сутки. Въ концѣ апрѣля 1849 года уже 118 фабрикъ моего округа работало по этой системѣ, и число такихъ фабрикъ возрастаетъ въ послѣднее время съ чрезвычайною быстротою. Обыкновенно онѣ работаютъ въ настоящее время по $13^1/_2$ часовъ, съ 6 часовъ утра до половины 8 вечера, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ по 15 часовъ, съ половины 6 утра до половины 9 вечера» [169]). Уже въ декабрѣ 1848 года въ рукахъ Leonhard Horner'а былъ списокъ 65 фабрикантовъ и 29 фабричныхъ надсмотрщиковъ и управляющихъ, объяснившихъ единогласно, что никакая система надзора не можетъ помѣшать при господства, системы смѣнъ, существованію чрезмѣрнаго труда въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ [170]). Однихъ и тѣхъ же дѣтей и несовершеннолѣтнихъ то переводили изъ прядильной мастерской въ ткацкую, то ихъ отправляли изъ одной фабрики на другую [171]). Развѣ можно контролировать такую систему, «которая злоупотребляетъ словомъ «смѣна» для того, чтобы имѣть возможность мѣшать и тасовать «рабочія руки» съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ, какъ игральныя карты, и назначать ежедневно для разныхъ лицъ рабочіе часы и время отдыха такимъ образомъ, что никогда одинъ и тотъ же полный подборъ «рукъ» не работаетъ въ то же время, въ томъ же самомъ мѣстѣ!» [172]).

Но не говоря уже о дѣйствительно чрезмѣрномъ трудѣ, эта такъ называемая relay-system является такимъ замѣчательнымъ произведеніемъ фантазіи капитала, которое никогда не было превзойдено даже Фурье въ его геніальнѣйшихъ очеркахъ «courtes séances»; только «attraction du travail» превратилась здѣсь въ «attraction du capital». Посмотримъ же поближе не этотъ планъ фабрикантовъ, который солидная пресса расхваливала какъ образецъ того, «что можетъ быть достигнуто при разумной степени заботливости и методичности («what a reasonable degree of care and method can accomplish»). Рабочій персоналъ раздѣлялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 12 и даже на 14 группъ, и самый составъ этихъ группъ опять-таки постоянно мѣнялся. Въ теченіе пятнадцатичасового фабричнаго дня, капиталъ то призывалъ работника,—иногда на полчаса, иногда на часъ,—то опять выгонялъ его, съ тѣмъ чтобы снова позвать его на фабрику и снова вы-

166) «Reports etc. for 30-th April 1849», p. 21, 22. Еще такіе же примѣры, ibid. p. 4, 5.

167) На основаніи 1 и 2 Wm. IV. c. 24, s. 10, извѣстнаго подъ именемъ фабричнаго акта сэра John Hobhouse'а, постановляется, что ни одинъ владѣлецъ бумагопридильни или фабрики бумажныхъ матерій, а также отецъ, сынъ или братъ такого владѣльца не могутъ исправлять обязанностей мирового судьи по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые касаются нарушеній фабричнаго акта.

168) l. c.

169) «Reports etc. for 30-th April 1849». p. 5.

170) «Reports etc. for 31-th October 1849», p. 6.

171) «Reports. etc. for 30-th April 1849», p. 21.

172) «Reports etc. 1 December 1848» p. 95.

гнать изъ нея; такъ онъ гонялъ его туда и сюда, вытягивая изъ него разрозненные клочки рабочаго времени, и ни на минуту не выпуская его совершенно изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока не была выполнена сполна десятичасовая работа. Дѣло происходило здѣсь точь въ точь какъ на театральной сценѣ, гдѣ тѣ-же самыя лица должны появляться въ различныхъ сценахъ различныхъ актовъ; но какъ актеръ принадлежитъ сценѣ во все продолженіе драмы, такъ и рабочій принадлежалъ здѣсь фабрикѣ во все продолженіе 15 часового фабричнаго дня, не считая еще того времени, которое необходимо на то, чтобы притти на фабрику и вернуться съ фабрики домой. Такимъ образомъ, часы отдыха превращались въ часы вынужденной праздности, которые гнали молодыхъ работниковъ въ кабакъ, а молодыхъ работницъ въ публичный домъ. Почти ежедневно капиталистъ придумывалъ что нибудь новое съ цѣлью поддерживать свои машины въ ходу въ теченіи 12 или 15 часовъ, не увеличивая рабочаго персонала; и при каждой такой новой выдумкѣ капиталиста, работникъ долженъ былъ проглатывать свою пищу то въ тотъ, то въ другой промежутокъ времени. Во время десятичасовой агитаціи фабриканты кричали, что рабочій сбродъ поднялъ всю эту кутерьму въ надеждѣ, что будетъ получать свою нынѣшнюю двѣнадцатичасовую рабочую плату за десятичасовой трудъ. А фабриканты перевернули медаль на обратную сторону: они отсчитывали десятичасовую рабочую плату за двѣнадцати и пятнадцати часовое пользованіе рабочею силою! [173]) «Dies war des Pudels Kern», это было капиталистическое изданіе десятичасоваго закона! Эти были тѣже самые сладкорѣчивые, горящіе любовью къ человѣчеству приверженцы свободной торговли, которые въ теченіе агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, въ продолженіи битыхъ 10 лѣтъ, высчитывали рабочимъ по пальцамъ, копѣйка въ копѣйку, что при свободномъ ввозѣ хлѣба, при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ англійская промышленность, десятичасового труда будетъ вполнѣ достаточно для обогащенія капиталистовъ [174]).

Двухлѣтній бунтъ капитала наконецъ закончился приговоромъ одного изъ четырехъ верховныхъ судилищъ Англіи, Court of Exchequer. 8 февраля 1850 г., по поводу одного дошедшаго до его разбирательства случая, судъ этотъ рѣшилъ, что хотя фабриканты и поступали не согласно съ духомъ акта 1844 г., но самый этотъ актъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя слова, которыя дѣлаютъ его не имѣющимъ смысла. «Это рѣшеніе уничтожало десятичасовой законъ» [175]). «Цѣлая масса фабрикантовъ, боявшаяся до этой минуты примѣнить «relay-system» къ несовершеннолѣтнимъ и женщинамъ, ухватилась теперь за нее обѣими руками [176]).

Но вслѣдъ за этою, повидимому полною, побѣдою капитала, произошла немедленно перемѣна въ положеніи дѣлъ. Хотя работники и проявляли постоянно непреклонное неутомимое сопротивленіе, но сопротивленіе это было до сихъ поръ чисто-пассивное. Послѣ же приговора протесты рабочихъ на митингахъ, происходившихъ въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ, начали раздаваться громче и приняли угрожающій характеръ. И такъ мнимый десятичасовой законъ есть только «humbug», простое парламентское плутовство! И такъ въ дѣйствительности законъ этотъ никогда не существовалъ! Фабричные инспектора съ своей стороны, предостерегали правительство самымъ настойчивымъ образомъ относительно опасности вражды между общественными классами, которая, по ихъ донесеніямъ, возросла въ это время до небывалыхъ размѣровъ. Даже часть самихъ же фабрикантовъ ворчала на то, что своими взаимно противорѣчащими рѣшеніями суды распространяютъ повсюду совершенно ненормальное анархическое состояніе. Одинъ законъ господствуетъ въ Йоркширѣ, другой—въ Ланкаширѣ; одинъ законъ господствуетъ въ одномъ приходѣ Ланкашира, другой законъ—въ сосѣднемъ приходѣ. Въ большихъ городахъ, фабриканту весьма легко обходить законъ, между тѣмъ какъ въ сельскихъ округахъ, онъ не находитъ обширнаго персонала, необходимаго для устройства «relay-system»; еще менѣе возможно здѣсь передвиженіе работниковъ съ одной фабрики на другую и т. д.». Тогда какъ одинаковая для всѣхъ эксплуатація рабочей силы представляетъ для капитала первое изъ правъ человѣка.

Эти обстоятельства повліяли на фабрикантовъ и рабочихъ и они рѣшились пойти на компромиссъ, который былъ санкціонированъ парламентомъ въ добавочномъ фабричномъ актѣ отъ 5 августа 1850 года. Длина рабочаго дня, для «несовершеннолѣтнихъ и женщинъ» въ теченіе 5 первыхъ дней недѣли, была увеличена съ 10 на $10^1/_2$ часовъ; но за то въ субботу ихъ рабочій день былъ сокращенъ до $7^1/_2$ часовъ. Работа

---

[173]) «Смотри «Reports etc. for 30-th April 1849», p. 6 и подробное объясненіе этой «Shifting system» у фабричныхъ инспекторовъ Howell и Saunders, въ «Reports etc. for 31-st October 1848». Смотри также петицію противъ «shift system», поданную на имя королевы духовенствомъ Аштона и сосѣднихъ приходовъ весною 1849 года.

[174]) Сравни напр.: «The Factory Question and the ten Hours Bill». By R. H. Greg. 1837.

[175]) F. Engels: «Die englische Zehnstundenbill». (въ издававшейся мною: «Neue Rh. Zeitung, Politisch-öconomische Revue. Aprilheft 1850», p. 13). Тотъ же самый «высокій» судъ, во время американской войны, ухитрился точно также отыскать въ законѣ, запрещавшемъ вооруженіе пиратскихъ кораблей, такую закорючку, благодаря которой тотъ законъ получалъ совершенно противоположный смыслъ.

[176]) «Reports etc. for 30-th April 1850».

должна была производиться въ періодъ времени, заключающійся между 6 часами утра и 6 вечера[177]); работа должна была прерываться для принятія пищи; перерывы эти должны были составлять въ сложности полтора часа и происходить для всѣхъ работниковъ единовременно и согласно съ правилами 1844 года и т. д. Этимъ актомъ былъ разъ на всегда положенъ конецъ системѣ смѣнъ [178]). Что же касается до труда дѣтей, то для него былъ оставленъ въ полной силѣ законъ 1844 года.

Но одна категорія фабрикантовъ сохранила за собою и на этотъ разъ, какъ и прежде, особыя синьоріальныя права на дѣтей пролетаріевъ. Это были именно фабриканты шелковыхъ издѣлій. Въ 1833 году они грозно заявили, что «если у нихъ отнимутъ свободу брать на работы дѣтей всякаго возраста по 10 часовъ въ сутки, то они будутъ принуждены прекратить работы на своихъ фабрикахъ» (if the licerty of working children of any age for 10 hours a day was taken away, it would stop their works); такъ какъ для нихъ совершенно невозможно найти въ продажѣ нужное число дѣтей старше 13 лѣтъ. Такимъ маневромъ имъ удалось вынудить желаемую привилегію. Но впослѣдствіи болѣе внимательное изслѣдованіе дѣла показало, что указанный ими предлогъ былъ чистѣйшею ложью [179]), но это нисколько не помѣшало имъ въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ выпрядать ежедневно по десяти часовъ шелкъ изъ крови маленькихъ дѣтей, которыхъ для исполненія задаваемой имъ работы нужно было ставить на высокіе стулья [180]). Хотя актъ 1844 года и «похитилъ» у нихъ «свободу» эксплуатировать дѣтей моложе 11 лѣтъ долѣе $6^1/_2$ часовъ въ сутки, но онъ далъ имъ привилегію употреблять на работы дѣтей отъ 11 до 13-лѣтняго возраста по 10 часовъ въ сутки, и уничтожилъ для этой отрасли промышленности принудительное посѣщеніе школы, обязательное по закону для всѣхъ остальныхъ фабричныхъ дѣтей. На этотъ разъ предлогомъ для подобной привилегіи было выставлено то обстоятельство, «что особенная деликатность тканей требуетъ такой нѣжности пальцевъ, которой возможно достигнуть только при раннемъ поступленіи на фабрику» [181]). Такимъ образомъ изъ за нѣжности дѣтскихъ пальцевъ жертвовали массами самихъ дѣтей, какъ въ южной Америкѣ бьютъ рогатый скотъ изъ за кожъ и сала. Наконецъ въ 1850 году привилегія 1844 года была ограничена одними мастерскими для размотки и сученія шелка; но чтобы вознаградить капиталъ за потерю, понесенную имъ отъ лишенія его «свободы», рабочій день для дѣтей отъ 10 до 13-лѣтяго возраста былъ при этомъ удлиненъ съ 10 на $10^1/_2$ часовъ. Причина: «Работа на шелковыхъ фабрикахъ легче, чѣмъ работа на другихъ фабрикахъ и далеко не такъ вредна для здоровья [182]). Оффиціальное медицинское изслѣдованіе показало послѣ того нѣчто совершенно противоположное; а именно, что «средняя смертность въ округахъ, занимающихся выдѣлкою шелка, даетъ исключительно высокій процентъ; а между женщинами смертность даже значительнѣе, чѣмъ въ хлопчато-бумажныхъ округахъ Ланкашира [183]). Не смотря на протесты фабрич-

[177]) Зимою работа могла производиться отъ 7 часовъ утра до 7 вечера.

[178]) «Настоящій законъ (1850) представляетъ собою компромиссъ: работники отказались отъ выгодъ десятичасового билля, изъ-за выгоды одного единообразнаго періода для начатія и окончанія труда тѣхъ лицъ, рабочее время которыхъ ограничено закономъ». («Reports etc. for 30-th April 1852, p. 14»).

[179]) «Reports etc. for 30-th September 1844», p. 13.

[180]) l. c.

[181]) «The delicate texture of the fabric in which they were employed, requiring a lightness of touch, only to de acquired by their early introduction to these factories» (l. c., p. 20).

[182]) «Reports etc. for 31-st Octocer 1861», p. 26.

[183]) l. c., p. 27. Вообще рабочее населеніе подчиненное фабричному акту, значительно улучшилось въ физическомъ отношеніи. Всѣ медицинскія изслѣдованія единогласно говорятъ объ этомъ, также какъ и мои собственныя личныя наблюденія, произведенныя въ разное время. Однако—даже помимо чудовищной смертности между дѣтьми въ первые годы ихъ жизни—официальные отчеты доктора Greenhow показываютъ неблагопріятное состояніе здоровья въ фабричныхъ округахъ, по сравненію съ земледѣльческими округами, представляющими нормальное состояніе здоровья. Въ доказательство привожу изъ его отчета за 1861 годъ слѣдующую таблицу:

Процентное число взрослыхъ мущинъ, занятыхъ на мануфактурахъ.	Число смертныхъ случаевъ отъ грудныхъ болѣзней на 100.000 мущинъ.	Названіе округовъ.	Число смертныхъ случаевъ отъ грудныхъ болѣзней на 100.000 женщинъ.	Процентное число взрослыхъ женщинъ, занятыхъ на мануфактурахъ.	Какимъ родомъ труда заняты женщины.
14,9	598	Wigan	644	18,0	Хлопчатая бумага
42,6	708	Blackburn	734	34,9	ditto
37,3	547	Halifax	564	20,4	Шерсть
41,9	611	Bradford	603	30,0	ditto
31,0	691	Macclesfield	804	26,0	Шелкъ
14,9	588	Leek	705	17,9	ditto
36,6	721	Stoke-upon-Trent	665	19,3	Глиняная посуда
30,4	726	Woolstanton	727	13,9	ditto
	305	Восемь здоровыхъ земледѣльческихъ округовъ.	340		

нихъ инспекторовъ, повторявшіеся каждые полгода, безобразіе это продолжаетъ существовать и до настоящаго часа [184]).

По закону 1850 года пятнадцатичасовой періодъ, съ половины 6 утра и до половины девятаго вечера, былъ сокращенъ въ двѣнадцатичасовой періодъ съ 6 часовъ утра до 6 вечера, только для «несовершеннолѣтнихъ и женщинъ». Слѣдовательно онъ не примѣнялся къ дѣтямъ, которыхъ можно было постоянно принуждать работать цѣлые полчаса до начала и $2^1/_2$ часа послѣ окончанія этого періода, хотя общая продолжительность ихъ рабочаго дня не должна была превосходитъ $6^1/_2$ часовъ. При обсужденіи закона, фабричные инспектора подсунули Парламенту статистическія данныя относительно безсовѣстныхъ злоупотребленій этой странной аномаліей. Однако ихъ попытка осталась безъ всякаго результата. Господа капиталисты питали тайную надежду, что въ болѣе благопріятные годы при помощи дѣтей имъ удастся опять удлинить рабочій день взрослаго работника до 15 часовъ. Но опытъ слѣдующихъ трехъ лѣтъ показалъ, что каждая подобная попытка должна разбиться о сопротивленіе взрослыхъ рабочихъ [185]). Поэтому въ 1853 году, актъ 1850 года былъ наконецъ законченъ «воспрещеніемъ употреблять на работы дѣтей утромъ до прихода и вечеромъ послѣ ухода съ фабрики несовершеннолѣтнихъ и женщинъ». Съ этого времени во всѣхъ отрасляхъ промышленности, подчиненныхъ государственному надзору, фабричный актъ, 1850 года регулировалъ, за немногими исключеніями, рабочій день всѣхъ рабочихъ [186]). Со времени изданія перваго фабричнаго акта, до окончательнаго и полнаго приведенія въ дѣйствіе акта 1850 года, прошла, стало быть, цѣлая половина столѣтія [187]).

Впервые фабричное законодательство выступило за предѣлы своей первоначальной сферы закономъ 1845 года, извѣстнымъ подъ названіемъ «Printwork's act». (Законъ о ситцепечатняхъ и т. д.). Чувство неохоты и досады, съ которымъ капиталистъ позволилъ это новое «самасбродство», проглядываетъ въ каждой строчкѣ этого акта. Онъ ограничиваетъ рабочій день для дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ и для женщинъ 16 часами въ сутки, продолжающимися отъ 6 часовъ утра до 10 вечера; и при этомъ не устанавливаетъ никакихъ перерывовъ работъ для ѣды. Онъ разрѣшаетъ хозяевамъ принуждать рабочихъ мужчинъ старше 13-лѣтняго возраста работать день и ночь [188]). Законъ этотъ является настоящимъ парламентскимъ выкидышемъ [189]).

Несмотря на это, побѣдой въ главныхъ отрасляхъ промышленности, представляющихъ наиболѣе характерное порожденіе новаго способа производства, принципъ законодательнаго вмѣшательства въ дѣла промышленности одержалъ рѣшительную побѣду. Необычайное развитіе этихъ отраслей промышленности съ 1853 по 1860 годъ, шедшее рука объ руку съ физическимъ и нравственнымъ вырожденіемъ фабричнаго работника, не могло не поразить даже самого близорукаго наблюдателя. Сами же фабриканты, у которыхъ законодательное ограниченіе и регулированіе рабочаго дня было отвоевано постепенно, шагъ за шагомъ, въ теченіи полувѣковой междуусобной войны, теперь хвастливо указывали на цвѣтущее состояніе ихъ фабрикъ, по сравненію съ положеніемъ тѣхъ отраслей эксплуатаціи, которыя продолжали еще оставать-

---

184) Извѣстно, какъ рѣшительно англійскіе «Freetraders» отказали фабрикантамъ шелковыхъ издѣлій въ покровительственной пошлинѣ. За этотъ недостатокъ защиты по отношенію къ французскому ввозу, ихъ вознаградили беззащитностью англійскихъ фабричныхъ дѣтей.

185) «Reports etc. for 30-th September 1844», p. 13.

186) Въ 1859 и 1860 гг., въ продолженіе которыхъ процвѣтаніе англійской хлопчатобумажной промышленности достигло своего зенита, нѣкоторые фабриканты попробовали заставить взрослыхъ рабочихъ мужчинъ къ удлиненію рабочаго дня, при помощи болѣе высокой рабочей платы, назначенной ими за сверхурочное время. Но прядильщики, работающіе на ручныхъ станкахъ (handmule), и несовершеннолѣтніе, работающіе на самодѣйствующихъ станкахъ (selfactor), положили конецъ этой попыткѣ запискою поданной ими своимъ хозяевамъ, въ которой они между прочимъ говорили. «....Однимъ словомъ жизнь наша намъ въ тягость; и до тѣхъ поръ, пока остаемся мы прикованными къ фабрикѣ почти 2 днями въ недѣлю (20 часовъ) долѣе, чѣмъ остальные работники, мы чувствуемъ себя въ своей родной странѣ настоящими илотами и горько упрекаемъ самихъ себя за то, что мы помогаемъ укрѣпиться такой системѣ, которая губительна и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для нашего потомства... Поэтому вмѣстѣ съ симъ мы почтительнѣйше увѣдомляемъ васъ, что съ новаго года мы рѣшили не работать ни одной минуты долѣе 60 часовъ въ недѣлю, въ промежутокъ времени отъ 6 часовъ утра до 6 вечера, за вычетомъ законныхъ $1^1/_2$ часовъ для ѣды и отдыха». («Reports etc. for 30-th April 1860», p. 30).

187) Относительно средствъ, которыя даются текстомъ закона для его же собственнаго обхода, смотри донесеніе парламенту по поводу «Factory Regulations Acts» (6 августа 1859 г.), и въ нихъ предложеніе Leonhard Horner'a: «Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent illegal working now become very prevalent».

188) «Въ моемъ округѣ, въ теченіе послѣдняго полугодія (1857), дѣти 8 лѣтъ и старше, работали съ 6 часовъ утра до 9 вечера» («Reports etc. for 31 Octob. 1857», p 39).

189) «Printwork's act» представляетъ вполнѣ неудавшійся законъ, какъ по отношенію къ тѣмъ его постановленіямъ, цѣлью которыхъ было охраненіе труда женщинъ и малолѣтнихъ, такъ и по отношенію къ тѣмъ параграфамъ, которые касались обученія фабричныхъ дѣтей. («Reports etc. for 30-st October 1862», p. 52).

ся «свободными» [190]). Фарисеи «политической экономіи» провозглашали теперь ученіе о необходимости законодательнаго регулированья рабочаго дня, какъ характерное нововведеніе, которое выработала «ихъ наука» [191]). Ясно, что послѣ того какъ фабричные магнаты приспособились къ тому, чего они не могли ни избѣжать, ни измѣнить, и даже до нѣкоторой степени примирились съ этою необходимостью, сила сопротивленія капитала мало по малу ослабѣла, тогда какъ одновременно наступательная сила рабочаго класса возрасла вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа его союзниковъ въ тѣхъ слояхъ общества, которые не заинтересованы непосредственно въ томъ или другомъ разрѣшеніи рабочаго вопроса. Этимъ объясняется сравнительно быстрый прогрессъ, послѣдовавшій съ 1860 года.

Красильни и заведенія для бѣленія матерій [192]) были подчинены фабричному акту 1850 года въ 1860 году, а въ 1861 году этотъ актъ былъ распространенъ также на кружевныя и чулочныя фабрики. Изъ перваго отчета «Children's Employement Commission» (1863) видно, что той-же самой участи подверглись мануфактуры, занимавшіяся выдѣлкою всевозможныхъ глиняныхъ товаровъ (а не одни только заводы, гдѣ изготовлялась простая глиняная посуда), зажигательныхъ спичекъ, ружейныхъ пистоновъ, патроновъ, фабрики ковровыхъ издѣлій, и наконецъ всевозможные процессы, извѣстные подъ названіемъ «finishing» (окончательная отдѣлка). Въ 1863 г. «бѣлильни на открытомъ воздухѣ» [193]) и хлѣбо-

---

[190]) Такъ напримѣръ В. Е. Potter въ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ Times отъ 24 марта 1863 г. Times напомнилъ ему при этомъ о возмущеніи фабрикантовъ противъ 10 часового закона.

[191]) Между прочими W. Newmarch, сотрудникъ и издатель Tooke's: History of Prices». Неужели же робкія уступки общественному мнѣнію могутъ быть названы научнымъ прогрессомъ?

[192]) Актъ, изданный въ 1860 году, въ видахъ ограниченія рабочаго дня въ бѣлильняхъ и красильняхъ, опредѣляетъ, что съ 1 августа 1861 года рабочій день долженъ быть ограниченъ временно 12-ю часами; а съ 1-го августа 1862 г. онъ долженъ быть ограниченъ окончательно 10-ю часами въ сутки, т. е. $10^1/_2$ часами по буднямъ и $7^1/_2$ часами по субботамъ. Но когда наступилъ неблагопріятный для промышленности 1862 годъ, господа фабриканты разыграли старый фарсъ. Они обратились въ парламентъ съ петиціями, въ которыхъ просили правительство допустить еще хотя одинъ только годъ двѣнадцати часовой трудъ несовершеннолѣтнихъ и женщинъ.... «При настоящемъ состояніи промышленности (во время хлопчато-бумажнаго кризиса), рабочіе получили бы значительную выгоду, если бы имъ было разрѣшено работать по 12 часовъ въ сутки и добывать, такимъ образомъ, возможно большую рабочую плату.... Они успѣли уже внести билль въ этомъ смыслѣ въ палату депутатовъ; но онъ не прошелъ вслѣдствіе агитаціи поднятой рабочими на шотландскихъ бѣлильняхъ». (Reports etc. for 31 Oct. 1862, р. 14, 15). Такимъ образомъ, побитый самими же рабочими въ своей попыткѣ говорить отъ ихъ имени, капиталъ немедленно открылъ при помощи юридическихъ очковъ, что актъ 1860 г., который, подобно всѣмъ парламентскимъ актамъ, изданнымъ «въ защиту труда», былъ написанъ въ чрезвычайно неясныхъ выраженіяхъ, давалъ предлогъ исключить изъ числа лицъ, находящихся подъ его охраною, всѣхъ рабочихъ, извѣстныхъ подъ названіями «calenderers и finishers». Англійская судебная власть, постоянно вѣрный слуга капитала, посредствомъ рѣшенія учрежденія, извѣстнаго подъ названіемъ «Common Pleas», санкціонировала это крючкотворство. «Это вызвало большое неудовольствіе среди рабочихъ; и нельзя не пожалѣть, что ясное намѣреніе законодательства совершенно уничтожается приговоромъ суда, подъ предлогомъ недостаточной точности въ опредѣленіи словъ». (l. c. p. 18).

[193]) Собственники заведеній, бѣлящихъ матеріи «на открытомъ воздухѣ», избѣжали распространенія на нихъ закона 1860 г. о «бѣлильняхъ», при помощи обмана, увѣривъ правительство, что въ ихъ заведеніяхъ не существуетъ ночного труда для женщинъ. Обманъ былъ открытъ фабричными инспекторами; въ тоже время петиціи со стороны рабочихъ лишили парламентъ пріятнаго убѣжденія, будто бы работа въ «бѣлильняхъ на открытомъ воздухѣ» производится въ свѣжей, прохладной атмосферѣ луга, пропитанной душистымъ запахомъ сѣна. Оказалось, что по этому способу бѣленье исполняется въ сушильняхъ, температура которыхъ доходитъ отъ 90 до 100 градусовъ по Фаренгейту, и въ которыхъ работаютъ по преимуществу дѣвушки. Эти дѣвушки отъ времени до времени выбѣгаютъ изъ сушильни, чтобы подышать нѣсколько свѣжимъ воздухомъ; такое выбѣганіе носитъ техническое названіе—«cooling» (прохлажденіе). «Въ сушильнѣ находится 15 дѣвушекъ. Жара достигаетъ отъ 80° до 90° для полотенъ; для кембрика она доходитъ до 100° и болѣе. Двѣнадцать дѣвушекъ утюжатъ и раскладываютъ батисты, полотна и т. д. въ маленькой комнатѣ, величиною около 10 квадратныхъ футовъ; посреди этой комнаты помѣщается печь; дѣвушки стоятъ вокругъ этой печи, которая распространяетъ нестерпимый, ужасающій жаръ и быстро сушитъ батисты для гладильщицъ. Число рабочихъ часовъ требующихся отъ этихъ «рукъ», неограничено. Если дѣла идутъ хорошо, онѣ вынуждены работать до 9 и до 12 часовъ ночи по нѣскольку дней сряду». («Reports etc. for 31 st, Oct, 1862», p. 56). Одинъ врачъ говоритъ: «Для «cooling» не назначено никакого опредѣленнаго времени; но когда температура становится слишкомъ невыносима, или когда руки работницъ становятся грязны отъ пота, имъ дозволяется выбѣжать минуты на двѣ.... Опытъ, который я вынесъ изъ лѣченія болѣзней этихъ работницъ, заставляетъ меня утверждать, что состояніе ихъ здоровья значительно ниже состоянія здоровья работницъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ (а капиталъ въ своихъ петиціяхъ парламенту рисовалъ ихъ настоящими рубенсовскими женщинами, дышащими избыткомъ здоровья!). Наиболѣе распространенныя между ними болѣзни — чахотка, бронхитъ, маточныя болѣзни, истерическіе припадки въ самой тяжелой формѣ и ревматизмъ. Всѣ эти болѣзни происходятъ по моему мнѣнію, прямо или косвенно, отъ слишкомъ высокой температуры въ ихъ мастерскихъ и отъ недостатка хорошей

пекарни были подчинены особо изданным для нихъ актамъ. Первый изъ этихъ актовъ запрещалъ ночныя работы (съ 8 часовъ вечера до 6 утра) для дѣтей несовершеннолѣтнихъ и женщинъ; а второй запрещалъ употребленіе въ работу хлѣбопековъ, недостигшихъ 18-ти-лѣтняго возраста, между 9 часами вечера и 6 часами утра. Что касается до позднѣйшихъ предположеній вышеупомянутой коммиссіи, которыя грозили похитить «свободу» у всѣхъ важнѣйшихъ отраслей англійской промышленности, за исключеніемъ земледѣлія, рудниковъ и транспортировки, то мы вернемся къ нимъ впослѣдствіи [193a]).

7) Борьба за нормальный рабочій день. Воздѣйствіе англійскаго фабричнаго законодательства на другія страны.

Читатель помнитъ, что производство прибавочной стоимости или извлеченіе прибавочного труда составляетъ специфическое содержаніе и цѣль капиталистическаго способа производства, независимо отъ какого бы то ни было преобразованія самого способа производства, происходящаго, изъ подчиненія труда капиталу. Читатель помнитъ также, что съ точки зрѣнія, которую мы развивали до сихъ поръ, только самостоятельный рабочій, рабочій обладающій законнымъ правомъ располагать собою, уговаривается съ капиталистомъ какъ свободный продавецъ товара. Поэтому, если въ нашемъ историческомъ очеркѣ главную роль играютъ съ одной стороны новѣйшая промышленность, а съ другой трудъ физически и нравственно несовершеннолѣтняго работника, то не трудно видѣть, что современная промышленность имѣла при этомъ для насъ значеніе только какъ особенная сфера, въ которой происходитъ эксплуатаціи труда, а трудъ несовершеннолѣтнихъ только какъ особенно выдающійся образчикъ такой эксплуатаціи. Не забѣгая впрочемъ впередъ и не касаясь положеній, которыя будутъ развиты впослѣдствіи, изъ одного простого сопоставленія историческихъ фактовъ, мы можемъ уже видѣть, что:

Во первыхъ. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя раньше всѣхъ сдѣлались жертвами переворота, произведеннаго введеніемъ новыхъ двигателей: воды, пара и машинъ, въ этихъ первыхъ созданіяхъ новаго способа производства въ хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ, шелковыхъ прядильняхъ и ткацкихъ, стремленіе капитала къ безмѣрному и безцеремонному удлиненію рабочаго дня впервые находитъ себѣ удовлетвореніе. Измѣнившіяся матеріальныя условія производства, и измѣнившіяся сообразно съ ними соціальныя отношенія производителей [194]), создаютъ впервые безмѣрное нарушеніе всякихъ границъ рабочаго дня, какъ физическихъ такъ и нравственныхъ, и вызываютъ какъ реакцію общественный надзоръ, который устанавливаетъ точно рабочій день со всѣми его перерывами, регулируетъ и приводитъ его повсюду къ извѣстной единообразной формѣ. Поэтому такой надзоръ является сначала, т. е. въ первой половинѣ XIX столѣтія, какъ законодательство, созданное только для нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ [195]). Но какъ только это законодательство успѣло завоевать первоначальную область новаго способа производства, то оказалось, что въ теченіе этого времени, не только многія другія отрасли производства вступили въ область настоящаго фабричнаго производства, но что даже мануфактуры съ более или менѣе устарѣвшимъ способомъ производства, какъ напримѣръ гончарные и стекольные заводы и т. д., а также старинныя ремесла, какъ напримѣръ хлѣбопекарное, и наконецъ даже разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ страны такъ называемыя кустарные промыслы, какъ напримѣръ выдѣлка

одежды, которая могла бы защитить ихъ, въ особенности зимой, отъ холоднаго сырого ночного воздуха, когда онѣ возвращаются съ фабрики домой», l. c., p. 56, 57.) Фабричные инспектора замѣчаютъ по поводу дополнительнаго закона 1863 г., навязаннаго силою владѣльцамъ «бѣлиленъ на открытомъ воздухѣ»: «Этотъ актъ не въ состояніи дать работникамъ той защиты, которую онъ, повидимому, стремится имъ доставить.... Онъ составленъ такимъ образомъ, что эта защита является только тогда, когда инспекторъ захватываетъ дѣтей и женщинъ на работѣ послѣ 8 часовъ вечера; и даже въ этомъ случаѣ установленный закономъ способъ собиранія доказательствъ обставленъ такими крючками, что виновный почти всегда имѣетъ возможность избѣжать наказанія». (l. c. p. 52). Законъ этотъ какъ актъ, преслѣдующій нѣкоторыя гуманныя цѣли, а также воспитаніе фабричной молодежи, рѣшительно не удовлетворяетъ своему назначенію. Врядъ-ли можно назвать гуманнымъ — разрѣшеніе дѣтямъ и женщинамъ или, что одно и тоже, принужденіе ихъ работать по 14 часовъ въ сутки, то съ перерывами для ѣды, то и безъ всякихъ перерывовъ, смотря потому какъ придется, а иногда и бóльшее число часовъ, совершенно не сообразуясь при этомъ ни съ возрастомъ, ни съ поломъ, и не обращая вниманія ни на общественные, ни на семейные обычаи и привычки, господствующіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ расположены бѣлильныя мануфактуры». («Reports etc. 30 April 1863», p. 40).

[193a]) Ко 2-му изд.—Съ 1866 года, когда я это писалъ, наступила новая реакція.

[194]) «Поведеніе каждаго изъ этихъ классовъ (капиталистовъ и работниковъ) являлось результатомъ того относительнаго положенія, въ которое они были поставлены». (Reports etc. for 31-st Octob. 1848». p. 113).

[195]) «Производства, поставленныя подъ ограниченія закона, представляли разные роды фабрикаціи тканей, при помощи паровой или водяной силы. Для того, чтобы какое-нибудь производство подошло подъ фабричное законодательство нужны были два условія, а именно: употребленіе паровой или водяной силы и обработка какого-либо рода волокнистыхъ веществъ». («Reports etc. for 31 Octob. 1864», p. 8).

гвоздей и т. д. [196]), давнымъ давно уже стали жертвами эксплуатаціи капитала въ такой же степени какъ и фабрики. Поэтому законодательству пришлось устранить мало-по-малу свой исключительный характеръ, или же, слѣдуя тому римскоказуистическому пути, котораго оно придерживается въ Англіи, ему пришлось объявить фабрикою (factory) всякій домъ, въ которомъ производится какая-нибудь работа [197]).

Во вторыхъ. Исторія введенія регулированія рабочаго дня въ нѣкоторыя отрасли производства, и та борьба, которая въ другихъ отрасляхъ производства ведется изъ-за того же регулированія постоянно даже до сегодняшняго дня, показываютъ намъ самымъ осязательнымъ образомъ, что на извѣстной ступени развитія капиталистическаго производства отдѣльный рабочій, рабочій какъ «свободный» продавецъ своей рабочей силы, лишенъ всякихъ средствъ борьбы и безпомощно подпадаетъ подъ иго капитала. Поэтому созданіе нормальнаго рабочаго дня является продуктомъ долговременной болѣе или менѣе замаскированной междоусобной войны между рабочимъ классомъ и классомъ капиталистовъ. Такъ какъ такая борьба начинается въ области новѣйшей промышленности, то она впервые разыгрывается на родинѣ этой промышленности, въ Англіи [198]). Англійскіе фабричные рабочіе были передовыми бойцами не только за англійскій рабочій классъ, но и за весь современный рабочій классъ вообще; также какъ ихъ теоретики первые бросили вызовъ теоретикамъ капитала [199]). Поэтому-то фабричный философъ Ure увѣряетъ, что англійскій рабочій классъ покрылъ себя неизгладимымъ позоромъ, написавъ на томъ знамени, съ которымъ онъ выступилъ противъ капитала: «рабство фабричныхъ актовъ»; тогда какъ капиталъ мужественно боролся противъ него за «полную свободу труда» [200]).

Франція медленно плетется по слѣдамъ Англіи. Для того, чтобы породить двѣнадцатичасовой законъ [201]), ей потребовалась февральская революція; да еще при этомъ ея двѣнадцатичасовой законъ гораздо неудовлетворительнѣе своего англійскаго оригинала. Но и французскій революціонный методъ имѣетъ также свои особенныя преимущества. Однимъ ударомъ онъ устанавли-

[196]) Относительно состоянія этой, такъ называемой, домашней, кустарной промышленности, чрезвычайно богатый матеріалъ находится въ послѣднихъ отчетахъ; «Children's Employement Commission».

[197]) «Акты послѣдней сессіи (1864)... охватываютъ собою множество разнообразнѣйшихъ производствъ, очень значительно различающихся между собою по своимъ пріемамъ; и употребленіе механической силы для приведенія въ дѣйствіе машинъ не составляетъ болѣе, какъ это было раньше, обстоятельства, необходимаго для того, чтобы извѣстное промышленное учрежденіе могло считаться фабрикою, въ законномъ смыслѣ этого слова». («Reports etc. for 31 Oct. 1864», р. 8).

[198]) Бельгія, этотъ рай континентальнаго либерализма, не показываетъ слѣдовъ такого движенія. Даже въ каменноугольныхъ копяхъ и металлическихъ рудникахъ рабочіе обоего пола и всѣхъ возрастовъ потребляются съ полнѣйшею «свободою» въ какое угодно время дня или ночи, и въ продолженіе какого угодно количества времени подрядъ. На каждую 1000 лицъ, занятыхъ этимъ трудомъ, приходится, 733 взрослыхъ мужчинъ, 88 женщинъ, 135 мальчиковъ и 44 дѣвочки моложе 16 лѣтъ; при доменныхъ печахъ и другихъ заводахъ для проплавки металловъ, на каждую 1,000 работниковъ приходилось: 668 мужчинъ, 149 женщинъ, 98 мальчиковъ и 85 дѣвочекъ моложе 16 лѣтъ. Къ страшной эксплуатаціи, какъ взрослыхъ, такъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ силъ, здѣсь присоединяется еще низкая рабочая плата, которая равна, среднимъ числомъ, 2 шилл. 8 пенс. въ день для мужчинъ, 1 шилл. 8 пенс. для женщинъ и 1 шилл. $2^1/_2$ пенс. для несовершеннолѣтнихъ работниковъ. Но за то, въ 1863 году, вывозъ изъ Бельгіи угля, желѣза и т. д., какъ по количеству, такъ и по стоимости, предъявлялъ величину почти вдвое большую, чѣмъ вывозъ 1850 года.

[199]) Когда въ началѣ второго десятилѣтія нынѣшняго столѣтія, Robert Owen не только защищалъ теоретически необходимость ограниченія рабочаго дня, но и дѣйствительно ввелъ десятичасовой день на своей фабрикѣ въ New-Lanark'ѣ, его попытку осмѣивали, какъ коммунистическую утопію; точно также, какъ его «соединеніе производительнаго труда съ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей»; точно также, какъ и созданныя имъ производительныя и потребительныя товарищества рабочихъ. Первая утопія теперь превратилась въ фабричный законъ; вторая—фигурируетъ, какъ оффиціальная фраза во всѣхъ «Factory Acts»; а третья—является даже маскою, которою прикрываются теперь всевозможныя реакціонныя затѣи.

[200]) Ure франц. перев. «Philosophie des Manufactures, Paris, 1836», t. II, p. 39, 40, 67, 77 etc.

[201]) Въ Compte Rendu „Парижскаго Международнаго Статистическаго Конгресса", 1855 г., говорится, между прочимъ: «Французскій законъ, ограничивающій дневной трудъ на фабрикахъ и заводахъ 12 часами въ сутки, не заключаетъ этотъ трудъ въ извѣстные, точно опредѣленные часы (т. е. въ предѣлы точно опредѣленнаго времени дня); только относительно однихъ дѣтей сказано, что трудъ ихъ долженъ исполняться въ промежутокъ времени между 5 часами утра и 9 вечера. Поэтому, большинство фабрикантовъ пользуются этимъ печальнымъ молчаніемъ закона, для того чтобы производить работы на фабрикѣ, безъ всякаго перерыва, изо дня въ день, за исключеніемъ, можетъ быть, воскресенья. Они употребляютъ для этой цѣли двѣ различныя рабочія смѣны, изъ которыхъ каждая остается на фабрикѣ не болѣе 12 часовъ въ сутки, но работы въ заведеніи продолжаются непрерывно день и ночь. Такимъ образомъ, законъ оказывается выполненнымъ; но выполнены-ли въ тоже время требованія гуманности?» Не говоря уже о «разрушающемъ вліяніи ночной работы на человѣческій организмъ», нельзя оставить также безъ вниманія «опасное вліяніе близости ночью обоихъ половъ въ однѣхъ и тѣхъ же слабо освѣщенныхъ мастерскихъ».

ваетъ однѣ и тѣ же границы рабочаго дня для всѣхъ мастерскихъ и фабрикъ, тогда какъ англійское законодательство неохотно уступаетъ давленію обстоятельствъ, то на томъ, то на другомъ пунктѣ, и ему постоянно угрожаетъ опасность разрѣшиться отъ бремени какимъ-нибудь новымъ юридическимъ недоноскомъ [202]). Кромѣ того, французскій законъ провозглашаетъ въ принципѣ то, что въ Англіи отвоевывалось во имя дѣтей, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, и что только недавно начинаетъ требоваться какъ общее право [203]).

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки всякое самостоятельное рабочее движеніе было безсильно до тѣхъ поръ, пока рабство продолжало обезображивать одну часть республики. Трудъ въ бѣлой кожѣ не можетъ быть свободнымъ тамъ, гдѣ трудъ въ черной кожѣ носитъ на себѣ клеймо рабства. Но изъ трупа рабства выросла немедленно новая, молодая жизнь. Первымъ плодомъ междоусобной войны явилась восьмичасовая агитація, которая, обутая въ семимильные сапоги локомотива, перешагнула съ береговъ Атлантическаго океана на берега Тихаго океана, изъ Новой Англіи въ Калифорнію. На всеобщемъ рабочемъ конгрессѣ въ Балтиморѣ (16 августа 1866 г.) было заявлено, что «первая и величайшая потребность настоящаго времени, для освобожденія труда въ этой странѣ отъ порабощенія его капиталомъ, заключается въ изданіи закона, по которому нормальный рабочій день во всѣхъ штатахъ американскаго союза долженъ состоять изъ 8 часовъ. Мы рѣшились напрячь всѣ наши силы, пока не достигнемъ этого славнаго результата» [204]). Одновременно (въ началѣ сентября 1866 г.) «Международный рабочій конгрессъ» въ Женевѣ, по предложенію лондонскаго центральнаго комитета, постановилъ: «мы объявляемъ ограниченіе рабочаго дня необходимымъ предварительнымъ условіемъ, безъ котораго всѣ другія стремленія къ свободѣ должны потерпѣть неудачу... Мы предлагаемъ считать 8 рабочихъ часовъ въ сутки законнымъ предѣломъ рабочаго дня».

Такимъ образомъ рабочее движеніе, возникшее на обѣихъ сторонахъ Атлантическаго океана инстинктивно, само собою, изъ современныхъ условій производства, подтвердило выраженіе англійскаго фабричнаго инспектора R. J. Saunders'а, который говоритъ: «Никакой дальнѣйшій шагъ къ достиженію общественной реформы не можетъ быть сдѣланъ съ какою бы то ни было надеждою на успѣхъ, если ему не будетъ предшествовать сначала законодательное ограниченіе рабочаго дня и рядъ постановленій, обезпечивающихъ строгое соблюденіе на практикѣ установленныхъ закономъ границъ» [205]).

Мы должны сознаться, что нашъ работникъ выходитъ изъ процесса производства нѣсколько другимъ, чѣмъ онъ вступилъ въ него. На рынкѣ онъ представлялъ изъ себя владѣльца товара, называемаго «рабочею силою», вступающаго въ сдѣлку съ другимъ владѣльцемъ товара; т. е. одинъ товаровладѣлецъ стоялъ тамъ лицомъ къ лицу съ другимъ товаровладѣльцемъ. Договоръ, по которому онъ продавалъ капиталисту свою рабочую силу, казалось являлся продуктомъ согласной свободной волей покупателя и продавца. Однако, когда торгъ былъ уже совершенъ, то оказалось, что работникъ «вовсе не есть какой-то свободный дѣятель», что то время, на которое онъ можетъ свободно продать свою рабочую силу, есть именно такое время, на которое онъ вынужденъ продать ее [206]); что въ дѣйстви-

[202]) «Такъ напримѣръ, въ моемъ округѣ, на одной и той же фабрикѣ, одинъ и тотъ же фабрикантъ, какъ бѣлильщикъ и красильщикъ, находится подъ дѣйствіемъ «акта о бѣлильняхъ и красильняхъ»; какъ ситцепечатникъ, онъ подчиненъ «Print Works Act'у»; а какъ «finisher», онъ подчиняется фабричному акту»... (Report of Mr. Baker въ «Reports etc. for 31-st Oct. 1861», p. 20). Послѣ перечисленія различныхъ постановленій этихъ актовъ и происходящихъ отсюда усложненій, Baker говоритъ: «Читатель видитъ, какъ трудно потребовать выполненія этихъ 3 парламентскихъ актовъ, если только владѣлецъ фабрики пожелаетъ обойти законъ». Но за то, благодаря этому, обезпечивается для господъ юристовъ постоянное существованіе процессовъ.

[203]) Такъ фабричные инспектора рискуютъ, наконецъ, сказать: «Эти возраженія (возраженія капитала противъ законнаго ограниченія рабочаго времени) должны пасть передъ широкимъ принципомъ правъ труда... есть время, когда права хозяина на трудъ его рабочаго прекращаются, и время рабочаго становится его собственнымъ временемъ, хотя бы силы его и не были еще истощены дневнымъ трудомъ». («Reports etc. for 31 Oct. 1862», p. 54).

[204]) «Мы, рабочіе Дёнкирка, заявляемъ, что продолжительность рабочаго времени, требующаяся при теперешней системѣ, слишкомъ велика, и что работнику не остается, такимъ образомъ, нисколько времени для отдыха и развитія; и онъ низводится до такого состоянія порабощенія, которое развѣ немногимъ лучше настоящаго рабства («a condition of servitude but little better than slavery»). Поэтому мы рѣшили, что 8 часовъ вполнѣ достаточно для рабочаго дня, и что законъ также долженъ признать это количество времени вполнѣ достаточнымъ; что мы призываемъ себѣ на помощь прессу, этотъ могущественный рычагъ... и что на всѣхъ тѣхъ, которые откажутъ намъ въ этомъ содѣйствіи, мы должны смотрѣть какъ на враговъ реформы труда и правъ рабочихъ». (Постановленіе работниковъ въ Дёнкиркѣ, штатѣ Нью-Іоркъ, 1866 г.).

[205]) Reports etc. for 31 Oct. 1848, p. 112).

[206]) «Такіе поступки (уловка капитала, напримѣръ въ 1848—50 годахъ) доставили, сверхъ того, неопровержимое доказательство лживости такъ часто повторяемыхъ увѣреній, будто бы рабочіе не нуждаются ни въ какомъ покровительствѣ; и что ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ свободныхъ дѣятелей, свободно располагающихъ единственною собственностью, которою они владѣютъ, т. е. трудомъ ихъ рукъ и

тельности, вампиръ, сосущій его, не выпускаетъ его изъ своей власти «до тѣхъ поръ, пока въ немъ остается хотя одинъ мускулъ, хотя одна жила, хотя одна капля крови, которую можно еще эксплуатировать въ пользу капиталиста»[207]. Для того, чтобы найти «защиту» отъ испытываемыхъ мученій, рабочіе должны сложить свои головы вмѣстѣ и, дѣйствуя какъ классъ, вынудить изданіе государственнаго закона, могучаго общественнаго препятствія, которое было бы сильнѣе воли отдѣльныхъ лицъ и которое помѣшало бы имъ самимъ продавать, при посредствѣ добровольнаго договора съ капиталомъ, на смерть и рабство себя самихъ и своихъ потомковъ[208]. На мѣсто пышнаго каталога «неотчуждаемыхъ правъ человѣка» при этомъ выступаетъ скромная Magna charta ограниченнаго закономъ рабочаго дня, которая «объясняетъ наконецъ, когда оканчивается время, проданное работникомъ, и когда начинается время, принадлежащее ему самому»[209] Quantum mutatus ab illo! *).

———

потомъ ихъ чела». («Reports etc: for 30 April 1850»). «Свободный трудъ, если его только можно назвать такимъ образомъ, даже и въ свободной странѣ требуетъ сильной руки закона, которая защитила бы его". («Reports etc. for Oct. 1864», p. 34). «Разрѣшить или, что все равно, заставить работника.... трудиться по 14 часовъ въ день, съ пріостановками для ѣды, или безъ такихъ пріостановокъ, etc. («Reports etc. for 30 April 1863», p. 40).

[207]) Friedrich Engels «Lage etc» p. 5.

[208]) Десятичасовой билль, въ подчиненныхъ ему отрасляхъ промышленности, «спасъ работниковъ отъ полнаго вырожденія и взялъ подъ свою защиту ихъ физическое благосостояніе». (Reports etc. for 31 Oct. 1859, p. 47. «Капиталъ (на фабрикахъ) никогда не можетъ поддерживать машины въ ходу долѣе извѣстнаго, ограниченнаго періода времени безъ того, чтобы не причинить вреда здоровью и нравственности занятыхъ на фабрикѣ рабочихъ; а они находятся въ такомъ положеніи, что не въ состояніи защитить себя сами». l. c., p. 8.

[209]) «Но еще бо́льшая выгода заключается въ томъ раздѣленіи, которое проведено, наконецъ, между временемъ, принадлежащимъ самому работнику и принадлежащимъ его хозяину. Рабочій знаетъ теперь, когда оканчивается то время, которое онъ продаетъ, и когда начинается его собственное время, и, вслѣдствіе такихъ предварительныхъ вѣрныхъ свѣдѣній о границахъ рабочаго времени, онъ можеетъ заранѣе расположить принадлежащія ему минуты такъ, какъ это всего выгоднѣе для его цѣлей». (l. c. p. 52). «Сдѣлавъ ихъ господами ихъ собственнаго времени, они (фабричные законы) дали имъ нравственную энергію, которая побуждаетъ ихъ стремиться къ полученію политической власти». (l. c. p. 47). Со сдержаной ироніей и въ очень осторожныхъ выраженіяхъ, фабричные инспектора дѣлаютъ намеки въ своихъ отчетахъ на то, что десятичасовой законъ «освободилъ нѣкоторымъ образомъ и самого капиталиста отъ его природной грубости, отъ необходимости служить только простымъ воплощеніемъ капитала, и далъ ему время для нѣкотораго «образованія». Прежде «хозяинъ не имѣлъ времени ни для чего, кромѣ денегъ; а рабочій не имѣлъ времени ни для чего, кромѣ работы». (l. c. p. 48).

*) Сколько имъ измѣнилось бы! (Стихъ Виргилія).

———

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Норма и количество прибавочной стоимости.

Какъ во всемъ предыдущемъ нашемъ изложеніи, такъ и въ настоящей главѣ мы всегда предполагаемъ, что стоимость рабочей силы, т. е. часть рабочаго дня, которая потребна для воспроизведенія и сохраненія этой силы, представляетъ всегда нѣкоторую данную, постоянную величину.

Зная норму прибавочной стоимости, при такомъ предположеніи, мы въ тоже время знаемъ и количество прибавочной стоимости, доставляемое капиталисту отдѣльнымъ работникомъ въ теченіе опредѣленнаго періода времени. Если, напримѣръ, необходимый трудъ составляетъ ежедневно 6 часовъ, выражающихся въ количествѣ золота, равномъ 3 шилл. = 1 талеру, то 1 талеръ представляетъ дневную стоимость одной рабочей силы, или стоимость капитала, затраченнаго на покупку одной рабочей силы. Если, затѣмъ, норма прибавочной стоимости равна 100%, то этотъ перемѣнный капиталъ, равный 1 талеру, доставляетъ ежедневно количество прибавочной стоимости, равное также 1 талеру, или работникъ производитъ ежедневно количество прибавочнаго труда, равное 6 часамъ.

Но перемѣнный капиталъ есть ни что иное, какъ денежное выраженіе общей стоимости всѣхъ рабочихъ силъ, расходуемыхъ одновременно капиталистомъ въ извѣстномъ процессѣ производства. Стало быть, стоимость затраченнаго перемѣннаго капитала равняется средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на количество рабочихъ силъ употребленныхъ въ дѣло. Слѣдовательно, при данной стоимости рабочей силы, общая стоимость или величина перемѣннаго капитала измѣняется съ количествомъ присвоенныхъ рабочихъ силъ, или съ числомъ одновре-

менно употребляемыхъ работниковъ. Если дневная стоимость одной рабочей силы равна 1 талеру, то для эксплуатированія 100 рабочихъ силъ въ теченіе дня нуженъ, очевидно, капиталъ въ 100 талеровъ, а для эксплуатированія n рабочихъ силъ, капиталъ въ n талеровъ.

Если точно также перемѣнный капиталъ въ 1 талеръ, представляющій дневную стоимость одной рабочей силы, создаетъ ежедневно прибавочную стоимость, равную 1 талеру, то перемѣнный капиталъ въ 100 талеровъ произведетъ ежедневно прибавочную стоимость въ 100 талеровъ; а капиталъ въ n талеровъ прибавочную стоимость въ 1 тал. $\times n$. Стало быть, количество созданной прибавочной стоимости равняется прибавочной стоимости, доставляемой рабочимъ днемъ отдѣльнаго работника, умноженной на число употребленныхъ въ дѣло работниковъ. Но такъ какъ, далѣе, количество прибавочной стоимости, производимое отдѣльнымъ работникомъ, опредѣляется при данной стоимости рабочей силы, нормою прибавочной стоимости, то отсюда является слѣдующій первый законъ: количество прибавочной стоимости, производимой даннымъ перемѣннымъ капиталомъ, равняется величинѣ затраченнаго перемѣннаго капитала, умноженной на норму прибавочной стоимости, т. е. опредѣляется сложнымъ отношеніемъ между числомъ одновременно эксплуатируемыхъ рабочихъ силъ и степенью эксплуатаціи отдѣльной рабочей силы.

Слѣдовательно, если мы обозначимъ количество прибавочной стоимости черезъ M; среднюю прибавочную стоимость, произведенную въ продолженіе рабочаго дня отдѣльнымъ рабочимъ, черезъ m; перемѣнный капиталъ, затрачиваемый ежедневно на покупку рабочей силы, черезъ v; всю сумму затрачиваемаго перемѣннаго капитала черезъ V; стоимость средней рабочей силы черезъ k; степень ея эксплуатаціи черезъ $\frac{a'}{a}\left(\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}\right)$, а число занятыхъ рабочихъ черезъ n, то у насъ будетъ:

$$M = \begin{cases} \frac{m}{v} \times V \\ \\ k \times \frac{a'}{a} \times n. \end{cases}$$

Причемъ постоянно преполагается, что не только стоимость средней рабочей силы не измѣняется, но что каждый рабочій, работающій на капиталиста, представляетъ средняго рабочаго. Бываютъ исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость возрастаетъ не соразмѣрно съ числомъ занятыхъ рабочихъ, но въ такомъ случаѣ и стоимость рабочей силы не остается безъ измѣненія.

Поэтому, при производствѣ опредѣленнаго количества прибавочной стоимости, уменьшеніе размѣра одного фактора можетъ быть возмѣщена увеличеніемъ размѣра другого. Если величина перемѣннаго капитала уменьшается, но если одновременно съ такимъ уменьшеніемъ, и въ такой же пропорціи, возрастаетъ норма прибавочной стоимости, то количество созданной прибавочной стоимости остается безъ измѣненія. Если, на основаніи предыдущихъ предположеній, для эксплуатированія 100 работниковъ въ теченіе дня, капиталистъ долженъ затратить 100 тал., и если норма прибавочной стоимости составляетъ 50%, то этотъ перемѣнный капиталъ въ 100 тал. даетъ прибавочную стоимость въ 50 тал., или 100×3 рабочихъ часовъ. Если теперь норма прибавочной стоимости увеличится вдвое, т. е. если рабочій день, вмѣсто того чтобы увеличиться съ 6 на 9, увеличится съ 6 на 12 часовъ, то перемѣнный капиталъ въ 50 тал., представляющій лишь половину предыдущаго перемѣннаго капитала въ 100 тал., доставитъ ту же прибавочную стоимость въ 50 тал., или 50×6 рабочихъ часовъ. Стало быть, уменьшеніе перемѣннаго капитала можетъ быть возмѣщено пропорціональнымъ увеличеніемъ степени эксплуатаціи рабочей силы; или уменьшеніе числа занятыхъ работниковъ можетъ быть возмѣщено пропорціональнымъ удлиненіемъ рабочаго дня. Слѣдовательно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, предложеніе труда, который можетъ быть эксплуатированъ капиталомъ, независимо отъ предложенія рабочихъ рукъ [210]). И наоборотъ: съ уменьшеніемъ нормы прибавочной стоимости не измѣняется количество произведенной прибавочной стоимости, если пропорціонально такому уменьшенію возрастаетъ величина перемѣннаго капитала или число занятыхъ въ дѣлѣ работниковъ.

Замѣна величины перемѣннаго капитала или числа рабочихъ увеличенной нормою прибавочной стоимости или удлинненіемъ рабочаго дня имѣетъ, однако, свой абсолютный предѣлъ, за который она не можетъ переступить ни въ какомъ случаѣ. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, и каковъ бы ни былъ поэтому размѣръ рабочаго времени, необходимаго для сохраненія самого рабочаго, 2 или 10 часовъ въ сутки, безразлично, во всякомъ случаѣ та общая стоимость, которую можетъ создавать работникъ изо дня въ день, всегда будетъ менѣе, чѣмъ та стоимость, въ которой воплощаются 24 рабочихъ часа, менѣе, чѣмъ 12 шилл. или 4 тал., если

---

[210]) Этотъ элементарный законъ не извѣстенъ, повидимому, господамъ представителямъ поверхностной экономіи, которые воображаютъ, что въ опредѣленіи рыночной цѣны труда отношеніемъ между запросомъ и предложеніемъ они нашли необходимую имъ точку опоры, не для того, чтобы перевернуть міръ, какъ этого желалъ Архимедъ, но для того, чтобы остановить его движеніе.

эта сумма представляетъ денежное выраженіе 24 воплощенныхъ рабочихъ часовъ. При нашемъ прежнемъ предположеніи, по которому для воспроизведенія рабочей силы или капитала, затраченнаго на ея покупку, необходимо ежедневно 6 рабочихъ часовъ, перемѣнный капиталъ въ 500 т. ежедневно употребляющій 500 рабочихъ, при нормѣ прибавочной стоимости въ 100% или при 12 часовомъ рабочемъ днѣ, произведетъ ежедневно прибавочную стоимость въ 500 тал. или 6×500 рабочихъ часовъ. Капиталъ въ 100 т. употребляющій ежедневно 100 работниковъ, при нормѣ прибавочной стоимости въ 200% или при 18 часовомъ рабочемъ днѣ, произведетъ ежедневно количество прибавочной стоимости только въ 200 тал. или 12×100 рабочихъ часовъ. Но вся вновь произведенная стоимость, т. е. эквивалентъ затраченнаго капитала плюсъ прибавочная стоимость, никогда не можетъ достигнуть при этомъ 400 тал. въ сутки, или 24×100 рабочихъ часовъ. Абсолютный предѣлъ средняго рабочаго дня, заключающаго въ себѣ всегда, по законамъ природы, менѣе 24 часовъ, представляетъ поэтому абсолютный предѣлъ для возмѣщенія перемѣннаго капитала увеличеніемъ нормы прибавочной стоимости, или для возмѣщенія числа эксплуатируемыхъ работниковъ увеличеніемъ степени эксплуатаціи отдѣльной рабочей силы. Этотъ очевидный до осязательности второй законъ весьма важенъ для разъясненія многихъ явленій, возникающихъ изъ стремленія капитала, — которое будетъ изслѣдовано нами впослѣдствіи, — сокращать до наименьшихъ предѣловъ число занятыхъ имъ работниковъ, или величину его перемѣнной составной части, превращенной въ рабочую силу, въ противоположность съ другимъ его стремленіемъ, производить постоянно возможно бо̀льшее количество прибавочной стоимости. Наоборотъ, если количество занятыхъ рабочихъ силъ, или величина перемѣннаго капитала, хотя и увеличивается, но увеличивается медленнѣе, чѣмъ уменьшается норма прибавочной стоимости, то количество произведенной прибавочной стоимости уменьшается.

Изъ опредѣленія количества вновь произведенной прибавочной стоимости посредствомъ двухъ факторовъ: нормы прибавочной стоимости и величины затраченнаго перемѣннаго капитала, можно еще вывести третій законъ. При данной нормѣ прибавочной стоимости или степени эксплуатаціи рабочей силы, и при данной стоимости рабочей силы, или величинѣ необходимаго рабочаго времени, очевидно, что количество произведенной стоимости и прибавочной стоимости будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше перемѣнный капиталъ. При данныхъ предѣлахъ рабочаго дня, а также при данныхъ предѣлахъ его необходимой составной части, количество стоимости и прибавочной стоимости, производимое отдѣльнымъ капиталистомъ зависитъ конечно исключительно отъ приводимаго имъ въ движеніе количества труда. Но приводимое имъ въ движеніе количество труда опредѣляется опять-таки при данныхъ условіяхъ, количествомъ эксплуатируемой имъ рабочей силы или числомъ эксплуатируемыхъ имъ рабочихъ; а это число въ свою очередь зависитъ отъ величины затраченнаго имъ перемѣннаго капитала. Слѣдовательно, при данной нормѣ прибавочной стоимости и при данной стоимости рабочей силы, количества произведенной прибавочной стоимости относятся между собою прямо пропорціонально величинамъ затраченныхъ перемѣнныхъ капиталовъ. Но мы уже знаемъ, что капиталистъ дѣлитъ свой капиталъ на двѣ части. Одну часть онъ затрачиваетъ на средства производства. Это постоянная часть его капитала. Другую часть онъ затрачиваетъ на живую рабочую силу. Это перемѣнная часть его капитала. Но при томъ же самомъ способѣ производства, въ различныхъ отросляхъ производства существуетъ различное раздѣленіе капитала на постоянную и на перемѣнную составныя части. Даже въ той же самой сферѣ производства это отношеніе измѣняется съ измѣненіемъ техническихъ и общественныхъ условій процесса производства. Но какъ бы ни дѣлился капиталъ на постоянную и перемѣнную составныя части, т. е. какимъ бы образомъ ни относились эти части одна къ другой, какъ $1:2$, $1:10$ или $1:x$, обстоятельство это не имѣетъ никакого вліянія на только что установленный нами законъ; такъ какъ на основаніи прежняго анализа мы знаемъ, что стоимость постояннаго капитала, хотя и проявляется вновь въ стоимости продукта, но не входитъ во вновь созданную стоимость. Чтобы дать занятіе 1,000 прядильщикамъ, для этого нужно весьма естественно, болѣе сырого матеріала, веретенъ и т. д., чѣмъ для того, чтобы дать занятіе только 100 прядильщикамъ. Но стоимость этихъ добавочныхъ средствъ производства можетъ подыматься, падать или оставаться безъ измѣненія, она можетъ быть высока или низка; все это нисколько не вліяетъ на процессъ возрастанія стоимости, производимой рабочими силами, которыя приводятъ въ движеніе эти добавочныя средства производства. Поэтому установленный нами выше законъ, можно выразить въ такой общей формѣ: количества стоимости и прибавочной стоимости, производимыя различными капиталами—при одинаковой стоимости и одинаковой степени эксплуатаціи рабочей силы—прямо пропорціональны величинамъ перемѣнныхъ составныхъ частей этихъ капиталовъ, т. е. тѣхъ ихъ составныхъ частей, которыя превращены въ живую рабочую силу.

Законъ этотъ явно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ изъ непосредственнаго наблюденія экономическихъ явленій. Каждому извѣстно, что владѣлецъ бумагопрядильни, употребляющій, от-

носительно говоря, значительный постоянный капиталъ и незначительный перемѣнный капиталъ, получаетъ прибыль или прибавочную стоимость нисколько не меньшую той, которую получаетъ хлѣбопекъ, употребляющій сравнительно значительный перемѣнный капиталъ и незначительный постоянный капиталъ. Чтобы разрѣшить это кажущееся противорѣчіе, требуется еще много промежуточныхъ членовъ, все равно какъ въ элементарной алгебрѣ требуется много промежуточныхъ членовъ, для того чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ можетъ представлять какую нибудь дѣйствительную величину. Хотя классическая политическая экономія никогда не формулировала этого закона, тѣмъ, не менѣе она инстинктивно держится твердо за него; такъ какъ законъ этотъ является необходимымъ слѣдствіемъ закона стоимости вообще. Посредствомъ насильственной абстракціи, она силится спасти его отъ противорѣчій, которыми сопровождается его проявленіе на практикѣ. Впослѣдствіи [211]) мы увидимъ какъ школа Рикардо споткнулась объ этотъ камень преткновенія. Поверхностная экономія, которая «въ дѣйствительности не научилась ничему», придерживается здѣсь какъ и повсюду видимой внѣшности, и отрицаетъ самый законъ, объясняющій явленія и управляющій ими. Въ противность Спинозѣ, она пологаетъ что «невѣжество есть достаточное основаніе».

Приводимый въ движеніе изо дня въ день всѣмъ капиталомъ даннаго общества, трудъ можно разсматривать какъ одинъ рабочій день этого общества. Если, напримѣръ, число рабочихъ въ данномъ обществѣ составляетъ 1 милліонъ, а средній рабочій день работника содержитъ въ себѣ 10 часовъ, то общественный рабочій день состоитъ изъ 10 милліоновъ часовъ. При извѣстной продолжительности такого дня, — будутъ-ли опредѣлены его границы физическими или соціальными условіями, все равно,—количество прибавочной стоимости можетъ возрасти только съ увеличеніемъ числа рабочихъ, т. е. рабочаго населенія. Приростъ населенія будетъ при этомъ математическимъ предѣломъ для производства прибавочной стоимости при помощи всего капитала даннаго общества. И наоборотъ: при данной величинѣ народонаселенія этотъ предѣлъ опредѣляется возможнымъ удлиненіемъ рабочаго дня [212]). Въ слѣдующей главѣ читатель увидитъ, что законъ этотъ имѣетъ значеніе только для той формы прибавочной стоимости, которую мы разсматривали до сихъ поръ.

Разсмотрѣніе предыдущихъ условій производства прибавочной стоимости намъ показала, что не всякая произвольная сумма денегъ или какихъ бы то ни было стоимостей можетъ быть превращена въ капиталъ; но что для такого превращенія отдѣльный владѣлецъ денегъ или товаровъ долженъ имѣть въ своихъ рукахъ извѣстный минимумъ денегъ или какихъ-нибудь мѣновыхъ стоимостей. Минимумъ перемѣннаго капитала есть издержки производства одной рабочей силы, которая употребляется изо дня въ день, въ продолженіе круглаго года, на добываніе прибавочной стоимости. Если бы этотъ рабочій владѣлъ нужными для него средствами производства, и довольствовался бы постоянно жизнью простого работника, то съ него было бы достаточно того рабочаго времени, которое необходимо для воспроизведенія средствъ его существованія, т. е. напримѣръ 8-ми часовъ въ сутки. Слѣдовательно ему нужно было бы лишь такое количество средствъ производства, которое требуется для 8 рабочихъ часовъ. Наоборотъ, капиталистъ, заставляющій его выполнять, кромѣ этихъ 8 часовъ, еще напримѣръ 4 часа прибавочнаго труда, нуждается въ нѣкоторой добавочной суммѣ денегъ для пріобрѣтенія добавочныхъ средствъ производства. Однако, при сдѣланномъ нами предположеніи, ему придется употреблять уже двухъ рабочихъ, для того чтобы при помощи присвояемой имъ прибавочной стоимости жить какъ простой рабочій, т. е. имѣть возможность удовлетворять самыя насущныя потребности. Въ этомъ случаѣ, цѣлью производства было бы для него лишь простое поддержаніе жизни, а не созиданіе и увеличеніе богатства; тогда какъ капиталистическое производство имѣетъ въ виду именно эту послѣднюю цѣль. Для того, чтобы жить только вдвое лучше обыкновеннаго рабочаго и чтобы имѣть возможность снова превращать въ капиталъ половину производимой прибавочной стоимости онъ долженъ увеличить въ 8 разъ какъ число рабочихъ, такъ и минимумъ затраченнаго капитала. Безъ сомнѣнія, онъ можетъ самъ, подобно своему работнику, участвовать непосредственно въ процессѣ производства, но въ такомъ случаѣ онъ не будетъ настоящимъ капиталистомъ, а будетъ представлять нѣчто среднее между капиталистомъ и рабочимъ, — «хозяйчика». Извѣстная степень развитія капиталистическаго производства требуетъ, чтобы капиталистъ могъ употреблять все то время, въ теченіе кото-

[211]) Подробнѣе объ этомъ въ четвертой книгѣ.

[212]) «Трудъ, т. е. время, расходуемое обществомъ съ производительной цѣлью (that is the economic time of society), представляетъ извѣстную, опредѣленную величину, напримѣръ десять часовъ въ сутки для каждаго изъ милліона трудящихся, или всего десять милліоновъ часовъ въ сутки... Капиталъ имѣетъ свой предѣлъ возрастанія. Предѣлъ этотъ можетъ быть достигнутъ во всякій данный періодъ эксплуатированіемъ времени, которое имѣется въ распоряженіи общества и можетъ быть употреблено съ производительною цѣлью» («in the actual extent of economic time employed»). «An Essay on the Political Economy of Nations. London. 1821», p. 47, 49).

раго онъ дѣйствуетъ какъ капиталистъ, т. е. какъ олицетворенный капиталъ, на присвоеніе чужого труда, на надзоръ за нимъ и на продажу продуктовъ этого труда [213]). Цеховая промышленность среднихъ вѣковъ пыталась насильственными мѣрами помѣшать превращенію ремесленника-хозяина въ капиталиста; такъ она устанавливала очень незначительный максимумъ числа рабочихъ, которое имѣлъ право держать каждый отдѣльный мастеръ. Владѣлецъ денегъ или товаровъ превращается въ настоящаго капиталиста только тогда, когда минимумъ стоимостей, затраченныхъ на производство, значительно превышаетъ средневѣковой максимумъ. Какъ и въ естественныхъ наукахъ, здѣсь подтверждается справедливость закона, открытаго Гегелемъ въ его логикѣ, что простыя количественныя измѣненія, дойдя до извѣстнаго пункта, превращаются въ качественныя различія [214]).

Владѣлецъ денегъ или товаровъ, для того чтобы превратиться въ капиталиста, долженъ обладать минимумомъ стоимости, который измѣняется на различныхъ ступеняхъ развитія капиталистическаго производства, да и на данной ступени развитія онъ бываетъ не одинаковъ въ различныхъ отрасляхъ производства, смотря по особенностямъ ихъ техническихъ условій. Нѣкоторыя отрасли производства уже при самомъ началѣ капиталистическаго производства требуютъ такого минимума капитала, какого не можетъ еще находиться въ то же время въ рукахъ отдѣльнаго лица. Это обстоятельство вызываетъ или пособія со стороны государства такимъ частнымъ лицамъ, какъ это бывало во Франціи во времена Кольбера, и какъ это случается и въ наше время во многихъ нѣмецкихъ государствахъ; или же — образованіе обществъ, владѣющихъ на законномъ основаніи монополіей для занятія извѣстною отраслью промышленности и торговли [215]), — обществъ, бывшихъ предтечами современныхъ акціонерныхъ компаній.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться долѣе на подробностяхъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ положеніи капиталиста и наемнаго рабочаго въ теченіе процесса производства, а слѣдовательно также на дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ самого капитала. Въ нѣсколькихъ словахъ мы только укажемъ на немногіе главнѣйшіе пункты.

Въ области процесса производства капиталъ развивается постепенно до того, что становится властелиномъ труда, т. е. живой рабочей силы, или самихъ рабочихъ. Олицетворенный капиталъ, капиталистъ усердно наблюдаетъ, чтобы рабочій исполнялъ свое дѣло добросовѣстно и съ должною степенью интенсивности.

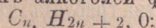
Далѣе капиталъ развивается въ принудительное отношеніе заставляющее рабочій классъ исполнять болѣе труда, чѣмъ сколько нужно ему для удовлетворенія незначительныхъ собственныхъ потребностей существованія. И, какъ производитель чужого трудолюбія, какъ высасыватель прибавочнаго труда и какъ эксплуататоръ рабочей силы, капиталъ, по своей энергіи, способности достиженія намѣченной цѣли и презрѣнію ко всякой мѣрѣ, превосходитъ всѣ прежніе способы производства, основанные на прямомъ принудительномъ трудѣ.

Сначала капиталъ подчиняетъ себѣ трудъ при тѣхъ техническихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ завѣщанъ ему исторіей. Поэтому въ началѣ онъ не измѣняетъ непосредственно способа производ-

---

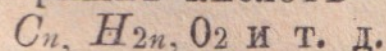
213) «Фермеръ не можетъ разсчитывать на свой собственный трудъ; и если онъ разсчитываетъ, я берусь доказать, что онъ будетъ отъ этого въ проигрышѣ. Его занятіе должно состоять въ общемъ наблюденіи за всѣми работами: онъ долженъ наблюдать за своимъ молотильщикомъ, иначе жалованье ему будетъ пропадать даромъ за то время, когда тотъ не будетъ молотить; онъ долженъ смотрѣть за своими косцами, жнецами и т. д.; онъ долженъ постоянно обходить свои загороди; онъ долженъ глядѣть, чтобы нигдѣ не было никакихъ упущеній; между тѣмъ какъ такія упущенія явятся непремѣнно, если онъ будетъ постоянно прикованъ своей работой къ одному какому-нибудь мѣсту». «An Inquiry into the connection between the Price of Provisions and the Size of Farms etc. By a Farmer. London. 1773», p. 12. Это сочиненіе очень интересно. По немъ можно изучать генезисъ «фермера капиталиста» или «фермера купца», по очень мѣткому народному названію, и послушать его возвеличеніе на счетъ «мелкаго фермера» («small farmer»), который въ сущности хлопочетъ только о поддержаніи собственнаго существованія. «Классъ капиталистовъ, сперва только отчасти, а, въ концѣ концовъ, совершенно освобождается отъ необходимости ручного труда». («Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations. By the Rev. Richard Jones. Hertford 1852». Lecture III, p. 39).

214) Молекулярная теорія современной химіи впервые научно обработанная Лораномъ и Жераромъ, основывается на этомъ именно законѣ. — [Для поясненія этой замѣтки, довольно неясной къ 3-му изд. для лицъ, незнакомыхъ съ химіей, скажемъ, что авторъ имѣетъ здѣсь въ виду «гомологическіе ряды» углеродистоводородныхъ соединеній, впервые названные такъ Ш. Жераромъ въ 1843 году, изъ которыхъ каждому присуща своя собственная алгебраическая формула. Такъ парафиновый рядъ выражается формулой $C_n H_{2n+2}$ рядъ нормальныхъ алкоголей формулой

C_n, H_{2n+2}, O;

нормальныхъ жирныхъ кислотъ —

C_n, H_{2n}, O_2 и т. д.

Въ этихъ примѣрахъ, вслѣдствіе количественнаго прибавленія CH_2 къ молекулярной формулѣ, каждый разъ получается качественно различное тѣло. Относительно нѣсколько преувеличеннаго значенія, которое придаетъ Марксъ Лорану и Жерару при установленіи этого важнаго факта, сравн. Копп: «Entwicklung der Chemie» München, 1873, стр. 709 и 716, а также Schorlemmer: «Rise and Progress of Organic Chemistry» London, 1879, стр. 54.—Фр. Э.].

215) Мартинъ Лютеръ называетъ учрежденія такого рода: «Die Gesellschaft Monopolia».

ства. Производство прибавочной стоимости въ той формѣ, которую мы разсматривали до сихъ поръ, т. е. при помощи простого удлиненія рабочаго дня, является поэтому совершенно независимымъ отъ какого бы то ни было измѣненія въ самомъ способѣ производства. Такой способъ добыванія прибавочной стоимости, какъ мы уже видѣли, оказывался такъ же дѣйствителенъ въ старомодныхъ хлѣбопекарняхъ, какъ и въ современныхъ бумагопрядильняхъ.

Поэтому, пока мы разсматривали процессъ производства просто какъ процессъ труда, рабочій относился къ средствамъ производства не какъ къ капиталу, но просто какъ къ орудіямъ и къ матеріалу для своей цѣлесообразной производительной дѣятельности. Такъ напримѣръ, при дубленіи кожъ онъ смотритъ на шкуру просто какъ на предметъ своего труда. Онъ дубитъ кожу, а не капиталъ, причемъ дубитъ не для капиталиста. Дѣло явилось совсѣмъ въ другомъ видѣ, какъ только мы начали разсматривать процессъ производства съ точки зрѣнія процесса возрастанія затраченной стоимости. Средства производства превратились немедленно въ средства для всасыванія чужого труда. Здѣсь уже не работникъ употребляетъ средства производства, но, наоборотъ, средства производства употребляютъ работника. Вмѣсто того, чтобы онъ потреблялъ ихъ какъ матеріальные элементы его производительной дѣятельности, они сами потребляютъ его какъ ферментъ ихъ собственнаго жизненнаго процесса; а жизненный процессъ капитала заключается только въ его движеніи, какъ самовозрастающей стоимости. Плавильныя печи и другія мастерскія, которыя въ теченіе ночи стоятъ въ покоѣ и не всасываютъ ни капли живого труда, составляютъ въ это время «чистую потерю» («a mere loss») для капиталистовъ. Поэтому плавильныя печи и мастерскія имѣютъ законный предлогъ для «требованій работъ по ночамъ». Простое превращеніе денегъ въ вещественные факторы процесса производства, т. е. въ средства производства, превращаетъ эти послѣднія въ законное право на чужой трудъ и на прибавочный трудъ.—Въ заключеніе приведемъ еще одинъ примѣръ, показывающій какимъ образомъ въ головѣ капиталиста отражается это извращенное отношеніе между мертвымъ и живымъ трудомъ, между стоимостью и силою, созидающей стоимость, извращеніе столь характерное для капиталистическаго производства. Во время возмущенія англійскихъ фабрикантовъ въ 1848—50 гг., «главный распорядитель льняными и хлопчатобумажными прядильнями въ Paisley, глава одной изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ фирмъ въ западной Шотландіи, Carlile, Sons and Co, существующей съ 1752 г. и управляемой изъ поколѣнія въ поколѣніе членами одного и того же семейства», напечаталъ въ «Glasgow Daily Mail» отъ 25 апрѣля 1849 года письмо [216]), подъ заглавіемъ «The Relaysystem въ которомъ этотъ «въ высшей степени интеллигентный джентельменъ» высказываемъ между прочимъ слѣдующія соображенія, наивныя до смѣшного: «И такъ посмотримъ же теперь на тѣ бѣдствія, которыя должны возникнуть отъ сокращенія рабочаго времени съ 12 часовъ на 10... Такое сокращеніе должно нанести самый серьезный ущербъ всѣмъ расчетамъ и даже собственности фабриканта. Если онъ (т. е. его «руки») работалъ прежде 12 часовъ, а теперь вынужденъ работать только 10, то каждая изъ 12 машинъ или каждое изъ 12 веретенъ принадлежащей ему фабрики сокращается и превращается въ 10 машинъ («then every 12 machines or spindles, in his establishment, shrink to 10») и если бы онъ захотѣлъ теперь продать свою фабрику, то эти 12 машинъ были бы оцѣнены только какъ 10, такъ что каждая фабрика въ нашей странѣ потеряла бы шестую часть своей стоимости» [217]).

Для этого западнаго шотландца, «унаслѣдовавшаго отъ своихъ предковъ капиталистическое устройство мозга, стоимость средствъ производства: машинъ, веретенъ и т. д., такъ сливается съ ихъ капиталистическимъ свойствомъ (съ свойствомъ, принадлежащимъ имъ какъ капиталу) увеличивать свою стоимость, т. е. всасывать ежедневно опредѣленное количество чужого дарового труда, что глава дома Carlile Sons and Co. серьезно воображаетъ, будто бы при продажѣ его фабрики ему заплатятъ не только стоимость его веретенъ, но сверхъ того еще и возрастаніе этой стоимости во время процесса производства; не только трудъ, заключенный въ веретенахъ и необходимый для производства другихъ того же рода веретенъ, но еще и прибавочный трудъ, который они добываютъ ежедневно изъ бравыхъ западныхъ шотландцевъ мѣстечка Paisley: а потому онъ и думаетъ, что сокращеніе рабочаго дня на два часа, понизитъ продажную цѣну 12-ти прядильныхъ машинъ до цѣны 10 машинъ!

---

[216]) «Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1849», p. 59.

[217]) l. c., p. 60. Фабричный инспекторъ Stuart, самъ шотландецъ и притомъ, въ противоположность англійскимъ инспекторамъ, раздѣляющій совершенно образъ мыслей капиталистовъ, замѣчаетъ съ особенною силою, что это письмо, которое онъ включилъ въ свой отчетъ, «представляетъ самое полезное сообщеніе изъ всѣхъ, которыя были сдѣланы кѣмъ бы то ни было изъ фабрикантовъ, употребляющихъ «Relaysystem», систему смѣнъ, для прочихъ фабрикантовъ той же самой отрасли промышленности; оно въ особенности расчитано на то, чтобы устранить предразсудки и сомнѣнія тѣхъ изъ нихъ, которыхъ брало раздумье касательно какихъ бы то ни было измѣненій въ порядкѣ рабочихъ часовъ».

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Производство относительной прибавочной стоимости.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Относительная прибавочная стоимость.

Ту часть рабочаго дня, въ теченіи которой производится только эквивалентъ за уплаченную капиталомъ стоимость рабочей силы, мы разсматривали до сихъ поръ какъ величину постоянную, какова она и есть въ дѣйствительности при данныхъ условіяхъ производства, на данной ступени экономическаго развитія общества. Но работникъ могъ работать 2-мя, 3, 4, 6-ю и т. д. часами долѣе этого необходимаго рабочаго времени. Норма прибавочной стоимости и величина рабочаго дня зависѣла отъ величины такого удлиненія рабочаго времени. Если необходимое рабочее время являлось величиной постоянной, то длина всего рабочаго дня являлась напротивъ того величиной перемѣнной. Предположимъ теперь такой рабочій день, величина котораго, а также и раздѣленіе на необходимый трудъ и прибавочный трудъ, даны. Положимъ напримѣръ линіи *ас* *а*————*b*——*с* изображаетъ двѣнадцатичасовой рабочій день, при чемъ часть *аb* изображаетъ 10 часовъ необходимаго труда, а часть *bс*— 2 часа прибавочнаго труда. Спрашивается, какимъ образомъ можетъ при этомъ увеличиться производство прибавочной стоимости, т. е. какимъ образомъ можетъ увеличиться количество прибавочнаго труда, безъ дальнѣйшаго увеличенія продолжительности рабочаго дня, т. е. помимо дальнѣйшаго удлиненія линіи *ас*?

Часть *bс* несмотря на данные предѣлы рабочаго дня *ас*, очевидно, можетъ быть удлинена, если не посредствомъ распространенія за ея конечный пунктъ *с*, составляющій въ тоже время конечный пунктъ рабочаго дня *ас*, то посредствомъ отодвиганія ея начальнаго пункта *b* въ противоположномъ направленіи, т. е. по направленію къ *а*. Предположимъ, что *b'*——*b*, линіи *а*————*b'*——*b*——*с* равна половинѣ *b с* или равна одному рабочему часу. Если теперь въ двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ *а с* пунктъ *b* будетъ отодвинутъ къ *b'*, то линія *b с* удлинится въ линію *b'с* и прибавочный трудъ возрастетъ на половину, т. е. съ 2 часовъ до 3 часовъ, хотя рабочій день будетъ по прежнему заключать въ себѣ тѣже 12 часовъ. Такое удлиненіе прибавочнаго труда съ *b с* на *b' с*, съ двухъ на три часа, очевидно невозможно безъ одновременнаго сокращенія необходимаго труда съ *а b* на *аb'* съ 10 на 9 часовъ. Удлиненію прибавочнаго труда соотвѣтствовало бы сокращеніе необходимаго труда, или часть рабочаго времени, употреблявшаяся до сихъ поръ рабочимъ на самого себя, превратилась бы въ рабочее время на капиталиста. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ произошло бы измѣненіе не длины рабочаго дня, но раздѣленіе его на необходимое рабочее время и на прибавочное рабочее время.

Очевидно, также, что, при данной величинѣ рабочаго дня и при данной стоимости рабочей силы, величина прибавочнаго труда опредѣляется сама собою. Стоимость рабочей силы, т. е. рабочее время, необходимое для ея производства, опредѣляетъ рабочее время, потребное для воспроизведенія этой стоимости. Если одинъ рабочій часъ представляется въ количествѣ золота, равномъ половинѣ шиллинга или 6 пенс., и если дневная стоимость рабочей силы равна 5 шилл., то работникъ обязанъ работать ежедневно 10 часовъ для того, чтобы возмѣстить уплаченную ему капиталомъ дневную стоимость его рабочей силы, или для того, чтобы произвесть эквивалентъ стоимости средствъ существованія, необходимыхъ для его ежедневнаго потребленія.

Коль скоро извѣстна стоимость этихъ средствъ существованія, извѣстна одновременно и стоимость его рабочей силы [1]); а со стоимостью рабочей силы извѣстна величина его необходимаго рабочаго времени. Вычитая необходимое рабочее время изъ цѣлаго рабочаго дня, мы узнаемъ величину прибавочнаго труда. Вычтя 10 часовъ изъ 12, мы получаемъ 2 часа; и не трудно увидѣть какимъ образомъ при данныхъ условіяхъ прибавочный трудъ можетъ быть продолженъ болѣе двухъ часовъ. Конечно, капиталистъ можетъ заплатить работнику, вмѣсто 5 шилл., только 4 шилл. 6 пенс. или еще менѣе. Въ такомъ случаѣ, для воспроизведенія стоимости въ 4 шилл. 6 пенс. будетъ достаточно всего 9 часовъ труда, и поэтому, изъ двѣнадцатичасового рабочаго дня, отойдетъ теперь на прибавочный трудъ 3 часа, вмѣсто прежнихъ двухъ, а самая прибавочная стоимость возрастетъ съ 1 шилл. на 1 шилл. 6 пенс. Но такого результата возможно достигнутъ только пониженіемъ платы работнику ниже стоимости его рабочей силы. Количество средствъ существованія, которое онъ можетъ пріобрѣсти на 4 шилл. 6 пенс., производимые имъ въ 9 часовъ, будетъ меньше противъ прежняго на $1/_{10}$, а потому его рабочая сила можетъ быть воспроизведена посредствомъ ихъ только несовершеннымъ образомъ. Прибавочный трудъ удлиняется при этомъ лишь вслѣдствіе перехода имъ его нормальныхъ границъ; только узурпаторское вторженіе въ область необходимаго труда, расширяетъ здѣсь область прибавочнаго труда. Несмотря на важную роль, которую играетъ такой пріемъ въ дѣйствительномъ движеніи рабочей платы, мы здѣсь вовсе его не касаемся, такъ какъ предполагаемъ, что всѣ товары, а слѣдовательно и рабочая сила, покупаются и продаются по ихъ полной стоимости. При подобномъ предположеніи, необходимое рабочее время, т. е. рабочее время, требующееся для произведенія рабочей силы, или для воспроизведенія ея стоимости, можетъ понижаться никакъ не отъ пониженія платы работнику ниже стоимости его рабочей силы, но только отъ пониженія самой стоимости рабочей силы. При данной длинѣ рабочаго дня, удлиненіе прибавочнаго труда должно происходить вслѣдствіе сокращенія необходимаго труда, а не наоборотъ, т. е. не сокращеніе необходимаго труда вслѣдствіе удлиненія прибавочнаго труда. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, стоимость рабочей силы должна дѣйствительно понизиться на $1/_{10}$ для того, чтобы необходимое рабочее время могло сократиться также на $1/_{10}$, т. е. съ 10 часовъ на 9, а вслѣдствіе этого, прибавочный трудъ могъ бы увеличиться съ 2 часовъ на 3 часа.

Но подобное пониженіе стоимости рабочей силы на $1/_{10}$ требуетъ, съ своей стороны, чтобы тоже самое количество средствъ существованія, которое производилось прежде въ 10 часовъ, производилось бы теперь въ 9 часовъ. А этого не возможно достигнуть безъ увеличенія производительной силы труда. Сапожникъ, напримѣръ при данныхъ средствахъ производства, можетъ сшить одну пару сапоговъ въ теченіе двѣнадцатичасового рабочаго дня. Чтобы онъ могъ сшить въ продолженіе того же самого времени, двѣ пары сапоговъ, для этого производительная сила его труда должна удвоиться; а она не можетъ удвоиться безъ предварительнаго измѣненія или въ его рабочихъ орудіяхъ, или въ его пріемахъ, или и въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ. Иначе говоря, такое увеличеніе производительности его труда обусловливается настоящей революціей въ условіяхъ производства его труда, т. е. въ способѣ производства, слѣдовательно въ самомъ процессѣ труда. Подъ увеличеніемъ производительной силы труда мы имѣемъ въ виду вообще такое измѣненіе въ процессѣ труда, благодаря которому сокращается рабочее время общественно-необходимое для производства извѣстнаго товара; а слѣдовательно, меньшее количество труда получаетъ возможность производить бо́льшее количество потребительной стоимости [2]). И такъ, если при производствѣ прибавочной стоимости въ той формѣ, въ какой мы разсматривали его до сихъ поръ, способъ производства предполагался постоянно какъ нѣчто данное и неизмѣнное,

[1]) Стоимость средней дневной рабочей платы опредѣляется тѣмъ, что нужно работнику «so as to live, labour and generate» (для того, чтобы жить, работать и размножаться. William Petty: «Political Anatomy of Ireland» 1672, p. 64) «Цѣна труда состоитъ постоянно изъ цѣны предметовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни». Работникъ не получаетъ необходимаго, «если рабочая плата не даетъ ему возможности поддерживать, соотвѣтственно съ его низкимъ званіемъ и положеніемъ въ обществѣ, какъ простого работника, такое семейство, какое часто выпадаетъ на долю многихъ изъ нихъ». (J. Vanderlint l. c. p. 15). «Простой работникъ, не обладающій ничѣмъ, кромѣ своихъ рукъ и искусства, лишенъ ровно всего, если ему не удастся продать другимъ свой трудъ... Поэтому, во всѣхъ родахъ труда, предѣломъ платы работнику будетъ всегда то, что ему необходимо для поддержанія существованія; такъ оно и бываетъ въ дѣйствительности». (Turgot: «Réflexions etc. Oeuvres ed. Daire» t. 1. p. 10). Цѣна предметовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, представляетъ въ дѣйствительности стоимость производительнаго труда». (Malthus: «Inquiry into... etc. Rent». London 1815, p. 48, Note).

[2]) «Усовершенствованіе въ промышленности естъ ни что иное, какъ открытіе новыхъ средствъ, посредствомъ которыхъ можно сдѣлать какой нибудь предметъ при меньшемъ числѣ лицъ или (что тоже самое) въ меньшее время, чѣмъ прежде». (Galiani. l. c. p. 159). «Сокращеніе издержекъ производства есть ни что иное, какъ экономія въ трудѣ, расходуемомъ на производство». (Sismondi: Etudes etc. t. I, 22).

то, напротивъ того, для производства прибавочной стоимости, превращеніемъ необходимаго труда въ прибавочный, вовсе недостаточно, чтобы капиталъ овладѣлъ процессомъ труда въ томъ видѣ, въ какомъ онъ завѣщанъ ему исторіей, т. е. въ его существующей формѣ, и только удлинилъ бы его продолжительность. Капиталъ вынужденъ измѣнить техническія и общественныя условія процесса труда, а слѣдовательно и самый способъ производства для того, чтобы увеличить производительную силу труда, а посредствомъ возвышенія производительной силы труда понизить стоимость рабочей силы и, такимъ образомъ, уменьшить часть рабочаго дня, потребную для воспроизведенія этой стоимости.

Прибавочную стоимость, производимую удлиненіемъ рабочаго дня, я называю абсолютною прибавочной стоимостью. Напротивъ того, ту прибавочную стоимость, которая получается изъ сокращенія необходимаго рабочаго времени, и изъ соотвѣтственнаго измѣненія во взаимномъ отношеніи обѣихъ составныхъ частей рабочагодня, я называю относительной прибавочной стоимостью.

Для пониженія стоимости рабочей силы, увеличеніе производительной силы труда должно захватить такія отрасли промышленности, продукты которыхъ опредѣляютъ собою стоимость рабочей силы, т. е. или прямо входятъ въ число тѣхъ средствъ существованія, которыя необходимы работнику, при существующихъ въ данное время въ рабочемъ классѣ обычаяхъ и привычкахъ, или же могутъ замѣнить собою эти средства. Но стоимость извѣстнаго товара зависитъ не только отъ того количества труда, которое придаетъ ему его законченную форму, но также и отъ того количества труда, которое заключается въ средствахъ производства этого товара. Такъ напримѣръ, стоимость сапога опредѣляется не только трудомъ сапожника, но также и стоимостью кожи, дратвы и т. д. Поэтому возрастаніе производительной силы труда и соотвѣтственное пониженіе стоимости товаровъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя доставляютъ матеріальные элементы постояннаго капитала для производства необходимыхъ средствъ существованія, также служитъ къ удешевленію рабочей силы. Наоборотъ, въ такихъ отрасляхъ производства, которыя не доставляютъ ни необходимыхъ средствъ существованія, ни средствъ производства для ихъ изготовленія, увеличеніе производительной силы труда нисколько не вліяетъ на стоимость рабочей силы.

Очевидно, что подешевѣвшій товаръ понижаетъ стоимость рабочей силы лишь pro tanto, т. е. постольку, поскольку онъ входитъ въ воспроизведеніе рабочей силы. Рубашки напримѣръ, являются необходимымъ предметомъ въ жизни, но онѣ— только одинъ изъ многихъ необходимыхъ предметовъ, и ихъ удешевленіе можетъ уменьшить лишь тѣ расходы рабочаго, которые дѣлаются имъ именно на рубашки. Хотя общая сумма необходимыхъ для работника средствъ существованія и состоитъ изъ отдѣльныхъ товаровъ, представляющихъ продукты особенныхъ отраслей промышленности, и стоимость каждаго отдѣльнаго товара представляетъ всегда лишь нѣкоторую составную часть стоимости рабочей силы, но общее пониженіе стоимости рабочей силы, — а слѣдовательно и рабочаго времени, потребнаго для ея воспроизведенія,—равно суммѣ сокращеній рабочаго времени, необходимаго во всѣхъ этихъ особенныхъ отрасляхъ производства. Мы разсматриваемъ этотъ общій результатъ притомъ такъ, какъ будто бы достиженіе его имѣлось въ виду непосредственно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Когда отдѣльный капиталистъ, благодаря увеличенію производительной силы труда, понижаетъ цѣну напримѣръ на рубашки, онъ вовсе не стремится при этомъ непремѣнно къ пониженію стоимости рабочей силы, а слѣдовательно къ соотвѣтственному пониженію необходимаго рабочаго времени; но все-таки, онъ можетъ содѣйствовать возвышенію общей нормы прибавочной стоимости лишь постольку, поскольку онъ содѣйствуетъ въ концѣ концовъ достиженію этого результата, т. е. уменьшенію необходимаго рабочаго времени [3]). Надо умѣть отличать общія и необходимыя тенденціи капитала отъ формъ ихъ проявленія въ дѣйствительной жизни.

Объясненіе того, какимъ образомъ законы, присущіе капиталистическому производству, проявляются во внѣшнемъ движеніи капиталовъ, превращаются въ принудительные законы конкурренціи и представляются поэтому сознанію отдѣльнаго индивидуальнаго капиталиста какъ побудительные мотивы,—объясненіе всего этого выходитъ изъ рамокъ настоящаго сочиненія. Но уже a priori ясно, что научный анализъ конкурренціи возможенъ вообще только тогда, когда уяснена какъ слѣдуетъ внутренняя природа капитала; подобно тому, какъ видимое движеніе небесныхъ тѣлъ понятно только тому, кто знаетъ ихъ дѣйствительное чувственно-незамѣтное движеніе. Однако, на основаніи уже полученныхъ нами результатовъ, мы можемъ замѣтить слѣдующее касательно пониманія относительной прибавочной стоимости.

Если одинъ рабочій часъ представляется въ количествѣ золота, равномъ 6 пенс. или 1/2 шилл., то двѣнадцатичасовой рабочій день производитъ

---

[3]) «Если фабрикантъ, посредствомъ улучшенія машинъ, удвоитъ количество своего продукта... это дастъ возможность его рабочимъ одѣваться дешевле всего дохода... и такимъ образомъ меньшая часть валового дохода падаетъ на рабочаго». (Ramsay, 1. с. р. 168.

стоимость въ 6 шилл. Предположимъ, что при данной производительной силѣ труда изготовляется въ эти 12 рабочихъ часовъ 12 штукъ какого нибудь товара. И пусть стоимость средствъ производства, сырого матеріала и т. д., расходуемыхъ на каждую штуку товара, будетъ 6 пенс. При такихъ условіяхъ каждая штука товара будетъ стоить 1 шилл., а именно: 6 пенс. за стоимость средствъ производства, и 6 пенс. за стоимость, прибавленную вновь въ продолженіе переработки послѣднихъ. Предположимъ теперь, что какой нибудь капиталистъ съумѣлъ удвоить производительную силу труда, такъ что онъ производитъ теперь въ продолженіе двѣнадцатичасового рабочаго дня 24 штуки того же самого товара, вмѣсто прежнихъ 12. Если стоимость средствъ производства останется безъ измѣненія, то стоимость каждой отдѣльной штуки товара понизится теперь до 9 пенс., а именно: 6 п. за стоимость средствъ производства и 3 пенс. за стоимость, прибавленную вновь при послѣдней переработкѣ. Не смотря на удвоенную производительную силу труда, рабочій день создаетъ теперь, какъ и прежде, новую стоимость лишь въ 6 шилл. Но эта стоимость распредѣляется теперь на вдвое большее количество продукта. Поэтому на каждую отдѣльную штуку товара падаетъ теперь только $^1/_{24}$ этой общей стоимости, вмѣсто прежней $^1/_{12}$, т. е. 3 пенни вмѣсто 6 пенс.; или, что тоже самое, при превращеніи средствъ производства въ продуктъ, къ тому количеству ихъ, которое идетъ на отдѣльную штуку товара, прибавляется теперь только половина рабочаго часа, вмѣсто цѣлаго рабочаго часа, какъ это было прежде. Отъ этого индивидуальная стоимость этого товара стоитъ ниже его общественной стоимости, т. е. товаръ этотъ стóитъ меньше рабочаго времени, чѣмъ громадныя массы того же самаго товара, произведенныя при среднихъ общественныхъ условіяхъ. При среднихъ общественныхъ условіяхъ производства, одна штука товара стоитъ 1 шилл., или содержитъ два часа общественнаго труда; при измѣненномъ способѣ производства она стоитъ только 9 пенс., т. е. представляетъ только $1^1/_2$ рабочихъ часа. Но дѣйствительная стоимость товара опредѣляется не индивидуальною, а общественною стоимостью его, т. е. не тѣмъ рабочимъ временемъ, котораго онъ дѣйствительно стóитъ производителю въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ, но рабочимъ временемъ общественно-необходимымъ для его производства. Слѣдовательно, если капиталистъ, употребляющій новый способъ производства, продаетъ свой товаръ по его общественной стоимости, т. е. по 1 шилл. за штуку, то онъ продаетъ его тремя пенсами выше его индивидуальной стоимости и получаетъ такимъ образомъ на каждой штукѣ по 3 пенса излишка прибавочной стоимости. Но съ другой стороны двѣнадцатичасовой рабочій день представляется теперь для него въ 24 штукахъ товара, вмѣсто прежнихъ 12. Слѣдовательно, для того чтобы продать продуктъ одного рабочаго дня, ему нуженъ теперь вдвое большій сбытъ, вдвое большій рынокъ. При остальныхъ неизмѣняющихся условіяхъ, его товаръ можетъ завоевывать большій рынокъ только пониженіемъ его цѣны. Поэтому онъ станетъ продавать свой товаръ выше его индивидуальной стоимости, но ниже его общественной стоимости, напримѣръ по 10 пенс. за штуку. Такимъ образомъ онъ все-таки будетъ класть себѣ въ карманъ на каждой штукѣ товара 1 пенни сверхъ обычной прибавочной стоимости. Такое повышеніе прибавочной стоимости получится для него во всякомъ случаѣ: принадлежитъ-ли или не принадлежитъ его товаръ къ области необходимыхъ средствъ существованія и входитъ-ли поэтому въ опредѣленіе общей стоимости рабочей силы, или нѣтъ. Поэтому, независимо даже отъ этого послѣдняго соображенія, для каждаго капиталиста существуетъ всегда достаточный побудительный мотивъ для удешевленія товаровъ посредствомъ увеличенія производительной силы труда.

Впрочемъ, даже и въ этомъ случаѣ увеличенное производство прибавочной стоимости достигается сокращеніемъ необходимаго рабочаго времени и соотвѣтственнымъ удлиненіемъ прибавочнаго труда [3а]). Мы предположили, что необходимое рабочее время составляло 10 часовъ, или дневная стоимость рабочей силы равнялась 5 шилл.: прибавочный трудъ составлялъ 2 часа, или ежедневно производимая прибавочная стоимость равнялась 1 шилл. Но нашъ капиталистъ производитъ теперь 24 штуки товара, который онъ продаетъ по 10 пенс. за штуку, или всѣ вмѣстѣ за 20 шилл. Такъ какъ стоимость средствъ производства составляетъ 12 шилл., то $14^2/_5$ штукъ товара возмѣщаютъ только затраченный на производство постоянный капиталъ. Двѣнадцатичасовой рабочій день представляется въ остальныхъ $9^3/_5$ штукахъ. Такъ какъ цѣна рабочей силы=5 шилл., то необходимое рабочее время представляется 6 штуками товара, а остающіяся $3^3/_5$ штуки представляютъ прибавочный трудъ. Отношеніе необходимаго труда къ прибавочному труду, при среднихъ общественныхъ условіяхъ производства доходившее до 5 : 1,

3а) «Прибыль, получаемая человѣкомъ, зависитъ не отъ того, что онъ можетъ распоряжаться продуктомъ труда другого человѣка, но отъ того, что онъ можетъ распоряжаться самимъ этимъ трудомъ. Если онъ въ состояніи продавать свои товары по болѣе высокой цѣнѣ, между тѣмъ какъ плата, получаемая его рабочими, остается прежнею, онъ очевидно выигрываетъ... Меньшее количество того, что онъ производитъ, оказывается теперь достаточнымъ для поддержанія производства въ ходу; а слѣдовательно, большее количество остается для него самого». («Outlines of Polit. Econ». Lond. 1832. p. 49, 50).

стало теперь всего только = 5 : 3. Тотъ же самый результатъ можно получить еще слѣдующимъ образомъ: стоимость продукта двѣнадцатичасового рабочаго дня равняется 20 шилл. Изъ нихъ 12 шилл. идутъ на средства производства, лишь снова проявляющіяся въ стоимости продукта. Слѣдовательно для денежнаго выраженія стоимости, въ которой представляется рабочій день, остается 8 шилл. Это денежное выраженіе болѣе денежнаго выраженія средняго общественнаго труда того же самого рода, гдѣ 12 часовъ выражаются только въ 6 шилл. Трудъ, обладающій исключительною производительною силою, дѣйствуетъ какъ трудъ болѣе интенсивный, болѣе напряженный, и создаетъ въ равные періоды времени большія стоимости, чѣмъ средній общественный трудъ того же самого рода. Но нашъ капиталистъ платитъ попрежнему только 5 шилл. за дневную стоимость рабочей силы. Поэтому, вмѣсто 10 часовъ, работнику нужно теперь только $7^1/_5$ часовъ для воспроизведенія стоимости своей рабочей силы. А потому его прибавочный трудъ съ 2 часовъ возрастаетъ болѣе чѣмъ на 4 часа, и производимая имъ прибавочная стоимость—съ 1 шилл. на 3 шилл. 6 пенс. Такимъ образомъ, капиталистъ, употребляющій усовершенствованный способъ производства, присвоиваетъ въ видѣ прибавочнаго труда, болѣе значительную часть рабочаго дня сравнительно съ другими капиталистами той же отрасли промышленности. Онъ поступаетъ въ этомъ отдѣльномъ случаѣ точно такъ же какъ въ большихъ размѣрахъ поступаетъ весь капиталъ при производствѣ относительной прибавочной стоимости. Но, съ другой стороны, этотъ излишекъ прибавочной стоимости немедленно исчезаетъ, какъ только новый способъ производства дѣлается общераспространеннымъ, вслѣдствіе чего исчезаетъ разница между индивидуальною стоимостью товаровъ, производимыхъ по новому дешевому способу, и ихъ общественною стоимостью. Тотъ же самый законъ—опредѣленія стоимости товара рабочимъ временемъ, — который даетъ себя чувствовать капиталисту, употребляющему новый способъ производства тѣмъ, что вынуждаетъ его продавать свой товаръ дешевле его общественной стоимости, этотъ же самый законъ, дѣйствующій какъ принудительный законъ конкурренціи, заставляетъ и его соперниковъ вводить у себя этотъ новый способъ производства [4]). Слѣдовательно весь этотъ процессъ вліяетъ въ концѣ концовъ на норму прибавочной стоимости лишь постольку, поскольку увеличеніе производительной силы труда захватываетъ такія области производства и удешевляетъ такіе товары, которые входятъ въ кругъ необходимыхъ средствъ существованія и потому образуютъ элементы стоимости рабочей силы.

Стоимость товаровъ находится въ обратномъ отношеніи къ производительной силѣ труда. Тоже самое нужно сказать и о стоимости рабочей силы, такъ какъ эта стоимость опредѣляется стоимостью товаровъ. Напротивъ того: относительная прибавочная стоимость прямо пропорціональна производительной силѣ труда. Она возрастаетъ съ возрастаніемъ этой силы и понижается съ ея пониженіемъ. Средній общественный рабочій день въ 12 часовъ производитъ постоянно все ту же самую новую стоимость въ 6 шилл., какъ бы она ни распредѣлялась между заработной платой и прибавочною стоимостью. Но если, благодаря возросшей производительной силѣ труда, стоимость средствъ существованія, необходимыхъ для содержанія работника въ теченіе дня, а слѣдовательно и дневная стоимость рабочей силы, падаетъ съ 5 шилл. на 3 шилл., то прибавочная стоимость возрастаетъ съ 1 шилл. на 3 шилл. Вмѣсто 10 рабочихъ часовъ, требовавшихся раньше для воспроизведенія стоимости рабочей силы, теперь нужно только 6 часовъ. Четыре рабочихъ часа становятся свободными и могутъ быть присоединены къ части прибавочнаго труда. Поэтому возвышеніе производительной силы труда составляетъ побудительную причину, присущую капиталу, и постоянное стремленіе его; такъ какъ при помощи такого возвышенія производительной силы труда, капиталъ достигаетъ удешевленія товаровъ, а посредствомъ удешевленія товаровъ — удешевленія и самого работника [5]).

---

[4]) «Если мой сосѣдъ, посредствомъ незначительнаго труда, выдѣлываетъ значительное количество товара, и получаетъ, благодаря этому, возможность продавать свой товаръ по дешевой цѣнѣ, то я долженъ выдумать какое-нибудь средство, чтобы продавать также дешево, какъ и онъ. Такимъ образомъ всякій новый пріемъ, орудіе или машина, исполняющіе извѣстное дѣло при пособіи меньшаго числа рукъ, а слѣдовательно дешевле, порождаютъ въ другихъ соревнованіе и вынуждаютъ или употреблять тотъ-же самый пріемъ, орудіе или машину, или изобрѣсти что-нибудь равносильное имъ, — такъ, чтобы всѣ производители находились въ одинаково благопріятныхъ условіяхъ и чтобы никто не имѣлъ возможности подорвать своего сосѣда посредствомъ продажи по болѣе дешевой цѣнѣ». («The Advantages of the East-India Trade to England. London 1720». p. 67).

[5]) «На сколько уменьшаются издержки работника, на столько же будетъ уменьшена и получаемая имъ рабочая плата, если только промышленность будетъ въ это время избавлена отъ всякихъ искусственныхъ стѣсненій и ограниченій». («Considerations concerning taking off the Bounty on Corn exported etc. London 1752», p. 7). «Интересы промышленности требуютъ, чтобы хлѣбъ, а равно и другія продовольственныя средства были, на сколько возможно, болѣе дешевы, потому что все, что ведетъ къ ихъ дороговизнѣ, должно вести также къ удорожанію труда... Во всѣхъ странахъ, гдѣ промышленность избавлена отъ законодательныхъ стѣсненій, цѣны жизненныхъ припасовъ должны вліять на цѣну труда.

Абсолютная стоимость товара, производимаго капиталистомъ, сама по себѣ совершенно безразлична для него. Его интересуетъ только скрывающаяся въ ней и реализующаяся при продажѣ прибавочная стоимость. Вмѣстѣ съ реализацiей прибавочной стоимости неизбѣжно происходитъ и возмѣщенiе затраченной стоимости. Но такъ какъ относительная прибавочная стоимость возрастаетъ въ прямомъ отношенiи къ развитiю производительной силы труда, между тѣмъ какъ стоимость товаровъ понижается въ обратномъ отношенiи къ тому же самому развитiю; и такъ какъ вслѣдствiе этого одинъ и тотъ же совершенно тождественный процессъ удешевляетъ товары и увеличиваетъ содержащуюся въ нихъ прибавочную стоимость, то обстоятельство это объясняетъ намъ, наконецъ, непонятную загадку, почему капиталистъ, заботящiйся при производствѣ лишь о мѣновой стоимости, постоянно стремится въ тоже время къ пониженiю мѣновой стоимости товаровъ; противорѣчiе, которымъ Quesney, одинъ изъ основателей политической экономiи, терзалъ своихъ противниковъ и на которое ему такъ и не удалось получить отъ нихъ никакого отвѣта. «Они допускаютъ» говоритъ Quesney, «что чѣмъ болѣе издержекъ и дорогихъ работъ можетъ быть сбережено при фабрикацiи какого-нибудь товара, безъ ущерба для самого производства, тѣмъ выгоднѣе такое сбереженiе, такъ какъ оно удешевляетъ этотъ товаръ. И въ тоже время они думаютъ, что производство богатства, возникающее изъ труда рабочихъ, заключается въ увеличенiи мѣновой стоимости изготовляемыхъ ими товаровъ» [6]).

Но хотя капиталистическое производство и стремится къ сбереженiю труда увеличенiемъ его производительной силы [7]), оно стремится къ этому вовсе не ради сокращенiя рабочаго дня. Цѣлью его—лишь сокращенiе рабочаго времени, необходимаго для производства извѣстнаго опредѣленнаго количества товара. То обстоятельство, что работникъ, при увеличившейся производительности своего труда изготовляетъ, въ часъ напримѣръ, въ 10 разъ болѣе товара, чѣмъ изготовлялъ раньше, а слѣдовательно расходуетъ на каждую штуку товара въ 10 разъ меньшее количество рабочаго времени, чѣмъ прежде,—обстоятельство это, говоримъ мы, нисколько не препятствуетъ хозяину принуждать работника работать и теперь попрежнему 12 часовъ въ сутки, производя, въ продолженiе этихъ 12 часовъ, 1,200 штукъ товара, вмѣсто прежнихъ 120. Мало того, его рабочiй день можетъ быть даже удлиненъ вмѣстѣ съ увеличенiемъ производительности труда; такъ что онъ будетъ изготовлять теперь напримѣръ въ 14 часовъ 1,400 штукъ и т. д. Поэтому у экономистовъ, вродѣ Макъ-Кэллоха, Ure, Senior и tutti quanti, мы можемъ прочесть на одной страницѣ, что работникъ обязанъ капиталисту благодарностью за развитiе производительной силы труда, такъ какъ отъ этого сокращается необходимое рабочее время, а на слѣдующей страницѣ, что онъ долженъ доказать эту благодарность, согласившись впредь работать по 15 часовъ въ сутки, вмѣсто прежнихъ 10. Въ сферѣ капиталистическаго производства, развитiе производительной силы труда стремится сократить ту часть рабочаго дня, которую работникъ долженъ работать на себя самого, и именно вслѣдствiе этого удлинить другую часть рабочаго дня, въ теченiе которой онъ могъ бы работать даромъ на капиталиста. Но нельзя-ли достигнуть этого результата и безъ удешевленiя товаровъ? Читатель увидитъ это изъ разсмотрѣнiя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ способовъ производства относительной прибавочной стоимости, къ изученiю которыхъ мы и перейдемъ въ настоящую минуту.

Цѣна на трудъ всегда будетъ уменьшаться вмѣстѣ съ паденiемъ цѣнъ на необходимые жизненные продукты». (l. c. p. 3). «Рабочая плата понижается пропорцiонально возрастанiю производительной силы. Правда, что машины удешевляютъ необходимыя жизненныя средства, но онѣ понижаютъ также цѣну и на работника». («A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation. London 1834», p. 27).

[6]) «Ils conviennent que plus on peut, sans préjudice, épargner de frais ou de travaux dispendieux dans la fabrication des ouvrages des artisans, plus cette épargne est profitable par la diminution des prix des ouvrages. Cependant, ils croient que la production de richesse qui résulte des travaux des artisans consiste dans l'augmentation de la valeur vénale de leurs ouvrages». (Dr. Quesney: «Dialogues sur le Commerce et sur les travaux des artisans», p. 188, 189).

[7]) «Эти спекулянты, такiе экономные на трудъ, за который имъ приходится платить». (J. N. Bidaut: «Du Monopole qui s'établit dans les arts industrielles et le commerce. Paris. 1828», p. 13). «Предприниматель будетъ напрягать всегда всѣ усилiя для того, чтобы сберегать время и трудъ». («Dugald Stewart: Works ed. by Sir W. Hamilton. Edinburgh, v. III, 1855 «Lectures on Polit. Econ», p. 318). «Ихъ (капиталистовъ) интересъ заключается въ томъ, чтобы производительныя силы употребляемыхъ ими работниковъ были такъ велики, какъ только возможно. Поэтому, ихъ вниманiе направлено постоянно и почти исключительно на возростанiе производительной силы труда». (R. Jones, l. c. Lecture III).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Сотрудничество или кооперація.

Капиталистическое производство какъ мы уже видѣли въ дѣйствительности начинается впервые только тамъ, гдѣ одинъ и тотъ же отдѣльный капиталъ даетъ одновременно занятіе большому числу рабочихъ; гдѣ слѣдовательно процессъ труда расширяетъ сферу своего дѣйствія и доставляетъ продуктъ въ значительныхъ по количеству размѣрахъ. Поэтому, исходнымъ пунктомъ капиталистическаго производства является и теоретически, и исторически одновременный трудъ значительнаго числа работниковъ въ томъ же самомъ мѣстѣ (или если угодно, на томъ же самомъ полѣ труда), для производства того же самого товара, подъ распоряженіемъ того же самого капиталиста. По отношенію къ самому способу производства, разныя историческія формы производства отличаются, при своемъ появленіи, другъ отъ друга почти только одними своими размѣрами, т. е. числомъ одновременно занятыхъ ими рабочихъ; такъ напримѣръ мануфактура въ началѣ только тѣмъ отличается отъ цеховаго ремесленнаго производства, что тотъ же самый единичный капиталъ употребляетъ большее число рабочихъ. Это просто расширенная мастерская прежняго цехового мастера. Слѣдовательно въ началѣ существуетъ только количественное различіе.

Мы уже видѣли, что количество прибавочной стоимости, производимое даннымъ капиталомъ, равняется прибавочной стоимости, доставляемой отдѣльнымъ работникомъ, умноженной на число одновременно употребляемыхъ работниковъ. Это число само по себѣ не измѣняетъ ровно ничего въ нормѣ прибавочной стоимости или въ степени эксплуатаціи рабочей силы. Что же касается производства товарной стоимости вообще, то для него самого совершенно безразличны всякія качественныя измѣненія въ процессѣ труда. Этотъ выводъ получается изъ самой природы мѣновой стоимости, которая есть ни что иное, какъ опредѣленное количество воплощеннаго труда. Если двѣнадцатичасовой рабочій день заключается въ 6 шилл., то 1,200 такихъ рабочихъ дней воплотятся въ 6 шилл.+1,200. Въ этомъ случаѣ въ продуктѣ будетъ воплощено 12+1,200 рабочихъ часовъ; въ другомъ случаѣ только 12. При производствѣ стоимости число рабочихъ считается всегда лишь на столько-то отдѣльныхъ рабочихъ. Поэтому, работаютъ-ли 1,200 работниковъ отдѣльно, или они работаютъ вмѣстѣ подъ надзоромъ того же самаго капиталиста, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они произведутъ одинаковую стоимость.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ, впрочемъ, измѣненіе числа одновременно занятыхъ работниковъ не остается безъ вліянія даже и на производство стоимости. Трудъ, воплощенный въ стоимости, есть трудъ средняго общественнаго качества; это есть слѣдовательно расходованіе средней рабочей силы. Но средняя величина есть всегда только средній выводъ изъ многихъ различныхъ индивидуальныхъ величинъ того же самаго рода. Въ каждой отрасли промышленности, отдѣльный работникъ, Петръ и Павелъ, уклоняется, болѣе или менѣе отъ средняго работника. Эти индивидуальныя уклоненія, — или какъ ихъ называютъ въ математикѣ «погрѣшности», — взаимно уничтожаютъ и исчезаютъ, какъ только мы возьмемъ значительное число работниковъ. Извѣстный софистъ и сикофантъ, Edmund Burke, увѣряетъ даже, что изъ наблюденій на практикѣ, сдѣланныхъ имъ, какъ фермеромъ, слѣдуетъ, будто бы уже «въ такой незначительной группѣ», какъ 5 земледѣльческихъ работниковъ, исчезаютъ всѣ индивидуальныя различія въ работѣ; такъ что пятеро любыхъ взрослыхъ англійскихъ земледѣльческихъ работниковъ, работая вмѣстѣ, въ одно и тоже время, наработаютъ ровно столько же, сколько пять всякихъ другихъ, взятыхъ на удачу англійскихъ рабочихъ [8]. Во всякомъ случаѣ, ясно только то, что общій рабочій день значительнаго числа одновременно занятыхъ рабочихъ представляетъ день средняго общественнаго труда. Предположимъ, напримѣръ, что рабочій день отдѣльнаго работника содержитъ 12 часовъ. Въ

[8]) «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что стоимость труда одного человѣка значительно разнится отъ стоимости труда другого человѣка, вслѣдствіе того, что люди обладаютъ не одинаковою силою, снаровкою и честностью по отношенію къ приложенію своихъ силъ. Но на основаніи моихъ тщательнѣйшихъ наблюденій, я совершенно увѣренъ въ томъ, что любые пять работниковъ (any given five men), взятые вмѣстѣ (in their total), исполнятъ количество труда, совершенно одинаковое съ тѣмъ количествомъ, которое будетъ исполнено всякими другими пятью работниками, взятыми въ тѣхъ предѣлахъ возраста, о которыхъ я сказалъ выше, т. е., что между всякими такими пятью работниками найдется одинъ, обладающій всѣми качествами хорошаго работника, одинъ дурной работникъ, и три среднихъ работника, представляющихъ по своимъ качествамъ переходъ отъ перваго къ послѣднему. Слѣдовательно даже такая маленькая группа, какъ пять человѣкъ, сработаетъ всегда вполнѣ все то, что вообще можетъ быть сдѣлано пятью работниками» (E. Burke, l. c. p. 16). Сравни также Quetelet о среднемъ индивидуумѣ.

такомъ случаѣ рабочій день 12-ти одновременно занятыхъ работниковъ будетъ представлять общій рабочій день въ 144 часа, и хотя трудъ каждаго изъ этой дюжины работниковъ будетъ отступать болѣе или менѣе отъ средняго общественнаго труда, причемъ каждый отдѣльный работникъ будетъ расходовать большее или меньшее количество времени для исполненія того же самаго дѣла, несмотря на это, рабочій день каждаго отдѣльнаго работника, разсматриваемый какъ двѣнадцатая часть общаго рабочаго дня въ 144 часа, будетъ обладать средними общественными качествами. Но для капиталиста, у котораго занято 12-ть рабочихъ, рабочій день существуетъ лишь какъ общій рабочій день всей этой дюжины. Рабочій день каждаго отдѣльнаго работника существуетъ для него только какъ составная часть общаго рабочаго дня, совершенно независимо отъ того, работаютъ-ли эти 12 рабочихъ рядомъ другъ съ другомъ, оказывая одинъ другому взаимную помощь, или же вся связь между ихъ трудомъ заключается только въ томъ, что всѣ они работаютъ на одного и того же капиталиста. Если же, напротивъ того, эти 12 рабочихъ будутъ работать по-двое у шести мелкихъ мастеровъ, то становится въ высшей степени сомнительно, чтобы каждый изъ этихъ рабочихъ произвелъ тоже самое количество стоимости и реализовалъ бы, такимъ образомъ, одинаковую общую норму прибавочной стоимости. Такое обстоятельство могло бы произойти только случайно, такъ какъ, при подобныхъ условіяхъ явятся индивидуальныя отступленія отъ средней нормы. Если одинъ изъ этихъ работниковъ употребляетъ на производство какого-нибудь товара значительно большее количество времени, чѣмъ это необходимо при данныхъ общественныхъ условіяхъ, то его индивидуальное необходимое рабочее время значительно отступаетъ отъ общественнаго необходимаго рабочаго времени или отъ средняго рабочаго времени; а слѣдовательно, его трудъ нельзя разсматривать какъ средній трудъ, и его рабочую силу, нельзя разсматривать какъ среднюю рабочую силу. Поэтому его рабочую силу или вовсе нельзя продать, или можно продать только ниже средней стоимости рабочей силы. Вслѣдствіе этого, при всякомъ производствѣ, всегда предполагается со стороны работника извѣстный минимумъ силъ и способностей къ труду, и впослѣдствіи мы увидимъ, что капиталистическое производство находитъ способъ измѣрять этотъ минимумъ. Но все-таки всякій минимумъ отступаетъ отъ средней нормы, между тѣмъ какъ предприниматель долженъ выплатить среднюю стоимость рабочей силы. Поэтому между шестью мелкими мастерами, одинъ получитъ больше, другой меньше средней общей нормы прибавочной стоимости. Для всего общества такія неравенства взаимно уничтожаются; но для отдѣльныхъ мелкихъ мастеровъ они сохраняютъ всю свою силу. И такъ, законъ возрастанія стоимости осуществляется вполнѣ для отдѣльнаго производителя только тогда, когда онъ начинаетъ производить какъ капиталистъ, употребляя одновременно значительное число рабочихъ, трудъ которыхъ уже получилъ значеніе средняго общественнаго труда [9]).

Но даже и въ томъ случаѣ, когда пріемы работъ не измѣняются, одновременное употребленіе значительнаго числа рабочихъ производитъ цѣлую революцію въ матеріальныхъ условіяхъ процесса труда. Строенія, гдѣ работаютъ многіе заразъ, кладовыя для сырыхъ матеріаловъ, для полуобработанныхъ товаровъ и т. д., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., которыми могутъ пользоваться многіе одновременно или поочередно, короче говоря, нѣкоторая часть средствъ производства потребляется теперь въ процессѣ труда сообща. Съ одной стороны мѣновая стоимость товаровъ, а слѣдовательно и средствъ производства, вовсе не возрастаетъ вслѣдствіе какого бы то ни было увеличенія пользованія ихъ потребительной стоимостью. Съ другой стороны, они потребляются сообща, слѣдовательно въ большихъ размѣрахъ чѣмъ прежде. Помѣщеніе, гдѣ работаютъ 20 ткачей на 20 станкахъ, должно быть просторнѣе, чѣмъ то, въ которомъ работаетъ одинъ ткачъ съ двумя своими учениками. Но постройка мастерской для 20 человѣкъ стоитъ меньшаго труда, чѣмъ постройка 10 мастерскихъ, каждая для двухъ человѣкъ; и вообще стоимость средствъ производства, сосредоточенныхъ въ одномъ мѣстѣ, въ одно цѣлое, и употребляемыхъ сообща, возрастаетъ далеко не пропорціонально ихъ размѣрамъ и ихъ полезному дѣйствію. Средства производства, расходуемыя сообща, переносятъ на каждую единицу продукта менѣе значительную стоимость; отчасти потому, что общая стоимость, отдаваемая ими продукту распредѣляется одновременно на большее количество продуктовъ; отчасти же потому, что они, сравнительно съ разъединенными средствами производства, хотя и входятъ въ процессъ производства съ абсолютно большею стоимостью, но соразмѣрно со сферою ихъ дѣйствія, стоимость ихъ ниже. Одновременно съ этимъ понижается та часть стоимости продукта, которая возмѣщаетъ постоянный капиталъ, а слѣдовательно, пропорціонально съ величиною этой части, уменьшается и общая стоимость товара. Вліяніе пользованія сообща

[9]) По словамъ господина профессора Рошера, онъ сдѣлалъ слѣдующее важное открытіе: одна швея, работающая у госпожи профессорши въ теченіе двухъ дней, исполняетъ большее количество работы, чѣмъ двѣ швеи въ теченіе одного дня. Мы можемъ только рекомендовать ученому профессору производить свои наблюденія надъ капиталистическимъ производствомъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не у себя въ домѣ и, притомъ, не при такихъ условіяхъ, гдѣ отсутствуетъ самое главное лицо—капиталистъ.

средствами производства совершенно таково, какъ если бы возрасла производительная сила труда въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя доставляютъ средства производства. Это сбереженіе въ употребленіи средствъ производства происходитъ единственно вслѣдствіе пользованія ими сообща въ процессѣ труда многими рабочими. Этотъ характеръ условій общественнаго труда или общественныхъ условій труда — по отличію отъ разъединенныхъ и, относительно. болѣе дорогихъ условій производства отдѣльныхъ самостоятельныхъ рабочихъ или мелкихъ мастеровъ, — они сохраняютъ даже и въ томъ случаѣ, когда многіе рабочіе работаютъ только въ одномъ помѣщеніи, т. е. соединены только пространственно, а еще не работаютъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, нѣкоторая часть орудій труда пріобрѣтаетъ этотъ общественный характеръ, прежде чѣмъ его пріобрѣтаетъ самый процессъ труда.

Экономію по отношенію къ средствамъ производства можно разсматривать вообще съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, поскольку она содѣйствуетъ удешевленію товаровъ, а вслѣдствіе этого и пониженію стоимости рабочей силы; во-вторыхъ, поскольку она измѣняетъ отношеніе прибавочной стоимости ко всему затраченному капиталу, т. е. къ суммѣ стоимостей его постоянной и перемѣнной составныхъ частей. Послѣдній пунктъ будетъ разсмотрѣнъ нами только въ первомъ отдѣлѣ третьей книги этого сочиненія, куда, ради связи, мы относимъ также и изложеніе многихъ другихъ сродныхъ вещей, которыя бы можно было разсмотрѣть уже и теперь. Съ одной стороны, самый ходъ анализа принуждаетъ насъ къ такому расчлененію предмета. Съ другой стороны, это расчлененіе вполнѣ отвѣчаетъ духу капиталистическаго производства. А именно: такъ какъ условія труда выходятъ здѣсь совершенно независимо и самостоятельно по отношенію къ работнику, то и экономія въ средствахъ производства является здѣсь какъ особенная операція, нисколько не касающаяся работника, а потому совершенно отдѣльная отъ тѣхъ способовъ, которые увеличиваютъ его личную производительность.

Та форма труда, при которой многіе рабочіе работаютъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же процессѣ производства, или въ разныхъ, но между собою связанныхъ процессахъ производства, называется сотрудничествомъ или коопераціей [10]).

Извѣстно, что сила аттаки кавалерійскаго эскадрона или сила сопротивленія батальона пѣхоты существенно отлична отъ суммы индивидуальныхъ силъ аттаки и сопротивленія, которыя могли бы проявить отдѣльно взятые кавалеристы или пѣхотинцы. Точно также сумма механическихъ силъ отдѣльныхъ рабочихъ отлична отъ механической силы, развивающейся въ то время, когда множество рукъ работаютъ сообща и одновременно въ одной и той же нераздѣльной операціи, такъ напримѣръ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы поднять какой нибудь грузъ, вертѣть тяжелый воротъ, или устранить какое нибудь препятствіе [11]). То дѣйствіе, которое исполняетъ при этомъ комбинированный трудъ, либо вовсе бы не могло быть достигнуто одиночными усиліями отдѣльныхъ работниковъ, либо могло бы быть исполнено ими только въ гораздо болѣе продолжительный промежутокъ времени или только въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. Мы говоримъ не только объ увеличеніи, посредствомъ сотрудничества, индивидуальной производительной силы, но о созданіи особенной производительной силы,— силы массъ [11a]).

Но даже помимо новой механической потенціальной силы, возникающей изъ сліянія многихъ силъ въ одну общую силу, уже простое общественное соприкосновеніе вызываетъ между рабочими въ большей части производительныхъ работъ особенное соревнованіе, особенное возбужденіе духа (animal spirits), которое усиливаетъ индивидуальную способность къ труду каждаго отдѣльнаго работника; такъ что дюжина рабочихъ, работающихъ вмѣстѣ, произведетъ въ теченіе ихъ общаго 144 часоваго дня болѣе чѣмъ двѣнадцать рабочихъ, работающихъ отдѣльно въ теченіе тѣхъ же самыхъ 12 часовъ, или болѣе одного рабочаго, работающаго 12 дней сряду [12]). Это

---

[10]) «Concours de forces» (Взаимное содѣйствіе силъ). Destutt de Tracy l. c. p. 78.

[11]) «Существуетъ множество операцій такихъ простыхъ, что ихъ нельзя раздѣлить на части, и въ то же время, по своимъ размѣрамъ, операціи эти не могутъ быть выполнены безъ одновременной помощи множества рукъ. Таково, напримѣръ, поднятіе тяжелаго бревна, чтобы положить его на повозку... короче сказать всякое дѣло, которое нельзя выполнить безъ одновременнаго участія множества рукъ въ одномъ и томъ же недѣлимомъ занятіи». («E. G. Wakefield: «A View of the Art of Colonization. London. 1849», p. 168).

[11a]) «Въ то время, какъ одинъ человѣкъ не въ силахъ поднять тяжести, вѣсомъ въ цѣлую тонну, въ то время, какъ 10 человѣкъ должны употребить для этого значительное усиліе,— сто человѣкъ могутъ достигнуть той же самой цѣли, работая каждый только однимъ пальцемъ». (John Bellers: «Proposals for raising a Colledge of Industry. Lond. 1696», p. 21).

[12]) «При этомъ (т. е. когда то же самое число рабочихъ употребляется однимъ фермеромъ для обработки 300 акровъ, вмѣсто того, чтобы распредѣлиться между 10 фермерами, владѣющими каждый только 30 акрами), такое соотношеніе рабочихъ приноситъ еще одну особенную выгоду, которую въ состояніи легко уяснить только люди практическіе. На основаніи вполнѣ естественныхъ соображеній, всякій считаетъ, будто бы 3 должно всегда относиться къ 12 такъ же, какъ 1 : 4; но на практикѣ дѣло выходитъ не совсѣмъ такъ. Во время жатвы и при многихъ другихъ работахъ, требующихъ такой же спѣш-

происходитъ отъ того что, человѣкъ по природѣ своей, если и не политическое животное, какъ говоритъ Аристотель [13]), то во всякомъ случаѣ животное табунное.

Хотя бы многіе рабочіе исполняли одновременно одну и ту же работу, или работы совершенно сходнаго рода, однако же трудъ каждаго отдѣльнаго работника, какъ часть общей работы, можетъ представлять собою различныя фазы самого процесса труда, при чемъ предметъ труда, вслѣдствіе сотрудничества, проходитъ всѣ эти фазы гораздо быстрѣе, чѣмъ если бы та же самая работа исполнялась каждымъ рабочимъ отдѣльно. Такъ напримѣръ, какъ каменьщики, чтобы перенесть кирпичи отъ подошвы зданія на вершину строющейся стѣны, становятся въ рядъ и передаютъ эти кирпичи одинъ другому изъ рукъ въ руки, — каждый изъ нихъ дѣлаетъ одно и тоже; но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти отдѣльныя операціи образуютъ непрерывныя части одной общей операціи и представляютъ собою особенныя фазы, которыя каждый кирпичъ долженъ пройти въ теченіе процесса труда, и которыя онъ проходитъ гораздо быстрѣе при помощи 24 рукъ одного коллективнаго работника, чѣмъ при помощи 2 рукъ каждаго отдѣльнаго работника, принужденнаго то взбираться на подмостки съ грузомъ кирпичей, то снова спускаться внизъ за новой ношей [14]). При сотрудничествѣ, предметъ труда проходитъ то же самое пространство въ болѣе короткое время. Другой способъ примѣненія комбинированнаго труда мы встрѣчаемъ въ томъ случаѣ, когда напримѣръ зданіе строится одновременно съ различныхъ сторонъ, хотя рабочіе, работающіе сообща, опять-таки выполняютъ при этомъ или одну и ту же работу, или совершенно сходныя работы. Коллективный рабочій день въ 144 часа, охватывающій предметъ труда со всѣхъ сторонъ,—такъ какъ коллективный работникъ имѣетъ глаза и руки и спереди и сзади, и обладаетъ до нѣкоторой степени вездѣсущіемъ, — подвигаетъ впередъ окончаніе всего продукта гораздо быстрѣе, чѣмъ 12 двѣнадцатичасовыхъ рабочихъ дней болѣе или менѣе разъединенныхъ работниковъ, могущихъ двигать дѣло впередъ въ каждый данный моментъ только съ одной какой-нибудь стороны. При сотрудничествѣ различныя пространственныя части продукта поспѣваютъ въ одно и тоже время.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, мы постоянно предполагали, что многіе рабочіе, дополняющіе одинъ другого, исполняютъ одну и ту же работу или работы сходнаго рода; мы настаивали на этомъ обстоятельствѣ съ особенною силою потому, что какъ увидимъ далѣе, эта простѣйшая форма сотрудничества имѣетъ большое значеніе даже и въ самой выработанной, самой совершенной ея формѣ. Но если работа усложняется, то самая многочисленность вмѣстѣ занятыхъ работниковъ даетъ возможность распредѣлять различныя операціи между различными лицами, а потому исполнять ихъ одновременно и сберегать такимъ образомъ рабочее время, необходимое для совершенія всей работы [15]).

Во многихъ отрасляхъ производства бываютъ такъ называемые критическіе моменты, т. е. извѣстные періоды времени, опредѣленные самою природою даннаго процесса труда, въ продолженіе которыхъ долженъ быть непремѣнно достигнутъ извѣстный опредѣленный результатъ. Такъ напримѣръ, если нужно остричь стадо овецъ, или сжать и убрать пашню, то не только количество, но и качество продукта зависитъ при этомъ отъ того, будетъ-ли каждая изъ этихъ работъ начата и окончена своевременно. Тотъ періодъ времени, въ продолженіе котораго должна быть совершена работа, при этомъ заранѣе опредѣленъ самыми свойствами этихъ работъ, вродѣ того какъ опредѣлено время для ловли сельдей. Отдѣльный рабочій можетъ выкроить изъ одного дня только

ности, дѣло исполняется гораздо лучше и быстрѣе посредствомъ совмѣстной работы многихъ рукъ. Такъ, напримѣръ, при жатвѣ, двое погоньщиковъ, двое нагрузчиковъ, двое рабочихъ, связывающихъ снопы, двое сгребающихъ сжатый хлѣбъ, а остальные, работающіе у скирдъ или на гумнѣ, работая вмѣстѣ, справятъ вдвое большее количество работы, чѣмъ то же самое число рукъ, разбитое на меньшія группы или распредѣленное по разнымъ фермамъ». («An Enquiry into the Connection between the present price of provisions and the size of farms. By a Farmer. London. 1773», p. 7, 8).

[13]) Опредѣленіе Аристотеля, собственно говоря таково, что человѣкъ, по самой природѣ своей,—гражданинъ. Это опредѣленіе также характерно для классической древности, какъ характерно для міра американскихъ янки опредѣленіе Франклина, который говоритъ, что человѣкъ, по природѣ своей, изготовитель различныхъ орудій.

[14]) «On doit encore remarquer que cette division partielle du travail peut se faire quand même les ouvriers sont occupés d'une même besogne. Des maçons par exemple, occupés à faire passer de mains en mains des briques à un échafaudage supérieur, font tous la même besogne, et pourtant il existe parmi eux une espèce de division de travail, qui consiste en ce que chacun d'eux fait passer la brique par un espace donné, et que tous ensemble la font parvenir beaucoup plus promptement à l'endroit marqué qu'ils ne feraient si chacun d'eux portait sa brique séparément jusqu'à l'échafaudag supérieur». (F. Skarbek: «Théorie des richesses sociales. 2-ème l'édit. Paris. 1840», t. I, p. 97, 98).

[15]) «При выполненіи сложной работы, очень часто необходимо, чтобы многія вещи исполнялись непремѣнно одновременно. Одинъ дѣлаетъ одну вещь, въ то время какъ другой дѣлаетъ другую, и всѣ помогаютъ достиженію результата, который никогда не былъ бы достигнутъ усиліями одного человѣка. Одинъ гребетъ, между тѣмъ какъ другой правитъ рулемъ, а третій выбрасываетъ сѣть или бросаетъ въ рыбу острогою и ловля идетъ успѣшно, что было бы невозможно безъ такой взаимной помощи». (Destutt de Tracy, l. c.).

одинъ рабочій день, напримѣръ въ 12 часовъ, но кооперація, состоящая положимъ изъ 100 рабочихъ расширяетъ одинъ двѣнадцатичасовой день въ рабочій день, состоящій изъ 1,200 часовъ. Краткость времени назначеннаго для работъ вознаграждается при этомъ значительностью самого количества труда, направляемаго въ рѣшительный моментъ на поле производства. Своевременность исполненія зависитъ при этомъ отъ одновременнаго употребленія многихъ комбинированныхъ рабочихъ дней; а размѣры полезнаго дѣйствія — отъ числа рабочихъ, которое притомъ бываетъ всегда менѣе чѣмъ число рабочихъ, необходимыхъ для выполненія того-же самаго дѣла, въ тоже самое время, но при работѣ каждаго отдѣльно [16]). Вслѣдствіе недостатка именно такой коопераціи, на западѣ Соединенныхъ Штатовъ ежегодно пропадаетъ масса зерноваго хлѣба, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Остъ-Индіи, гдѣ англійское владычество разрушило старинное общинное землевладѣніе и общинное производство, пропадаютъ ежегодно совершенно даромъ цѣлыя массы хлопчатой бумаги [17]).

Съ одной стороны кооперація дозволяетъ расширеніе пространственной сферы труда; а потому, при нѣкоторыхъ работахъ, она становится необходимою уже вслѣдствіе пространственнаго протяженія предмета труда; сюда нужно отнести напримѣръ осушеніе болотистыхъ земель, сооруженіе плотинъ, орошеніе полей, устройство каналовъ, проложеніе обыкновенныхъ дорогъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Съ другой стороны кооперація допускаетъ пространственное сокращеніе области производства, соразмѣрно съ даннымъ размѣромъ производства. Это ограниченіе пространственной сферы труда, при одновременномъ расширеніи сферы его дѣйствія, обусловливающее сбереженіе цѣлой массы безполезныхъ издержекъ (faux frais), происходитъ вслѣдствіе сосредоточенія рабочихъ, сліянія различныхъ процессовъ труда и концентраціи производства [18]).

Сравнительно съ суммою разъединенныхъ индивидуальныхъ рабочихъ дней, представляющей ту же самую величину, коллективный рабочій день производитъ большую массу потребительной стоимости и уменьшаетъ поэтому количество рабочаго времени, необходимаго для произведенія извѣстнаго полезнаго дѣйствія. Происходитъ-ли въ данномъ случаѣ это возрастаніе производительной силы коллективнаго рабочаго дня вслѣдствіе того, что онъ увеличиваетъ механическую силу труда; или отъ того, что расширяетъ пространственную сферу дѣйствія труда; или отъ того-что сокращаетъ пространственное поле производства, сравнительно съ размѣрами этого производства; или отъ того, что въ критическій моментъ приводитъ въ движеніе на короткое время значительное количество труда; или отъ того, что возбуждаетъ соревнованіе и напрягаетъ душевную энергію отдѣльныхъ работниковъ; или отъ того, что придаетъ одинаковымъ операціямъ многихъ работниковъ характеръ непрерывности и многосторонности; или отъ того, что исполняетъ одновременно различныя операціи; или отъ того, что сберегаетъ средства производства посредствомъ ихъ совмѣстнаго употребленія; или наконецъ, вслѣдствіе того, что придаетъ индивидуальному труду характеръ средняго общественнаго труда,—во всѣхъ этихъ случаяхъ такая особенная производительная сила коллективнаго рабочаго дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественнаго труда. Она возникаетъ изъ самой коопераціи. Работая сообща съ другими, по общему, заранѣе обдуманному плану, рабочій выступаетъ изъ границъ своей индивидуальности и развиваетъ свои родовыя качества и способности [19]).

Если рабочіе вообще не могутъ работать сообща, безъ того, чтобы не быть вмѣстѣ, и если

---

[16]) «Выполненіе ихъ (земледѣльческихъ работъ) въ критическій моментъ представляетъ громадную важность». (An Inquiry into the Connection between the present price etc., p. 9). «Нѣтъ ни одного фактора, который былъ бы болѣе важенъ для земледѣлія, чѣмъ время». (Liebig: «Ueber Theorie und Praxis in der Landwirthschaft. 1856», p. 23).

[17]) «Слѣдующее затѣмъ бѣдствіе таково, что едва-ли кто нибудь могъ ожидать его въ такой странѣ, которая вывозитъ болѣе труда, чѣмъ какая бы то ни было другая страна въ свѣтѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, Китая и Англіи;— бѣдствіе это состоитъ въ невозможности достать необходимое число рукъ для очистки хлопка. Отъ этого значительная часть жатвы остается вовсе не собранною; между тѣмъ какъ другая часть ея подбирается съ земли, послѣ того, какъ она уже вывалилась, и, отъ лежанія на землѣ, потеряла свой цвѣтъ и отчасти стала уже гнить. Такимъ образомъ, недостатокъ труда въ нужное время, заставляетъ хлопковода потерять значительную часть той жатвы, которой Англія ждетъ съ такимъ безпокойствомъ». (Bengal Hurcaru. Bi-Monthly Overland Summary of News. 22-nd July 1861).

[18]) Съ развитіемъ земледѣльческой культуры весь капиталъ и трудъ, образовавшіе когда-то довольно небрежно 500 акровъ земли, а можетъ быть даже и большее количество капитала и труда, сконцентрировались теперь для болѣе тщательной обработки какихъ нибудь 100 акровъ». Хотя, «по отношенію къ суммѣ употребленнаго капитала и труда, пространство и уменьшилось, но за то увеличилась сфера производства, сравнительно со сферою производства, которую занималъ и обработывалъ прежде одинъ одиночный и независимый производитель». (R Jones: «An Essay on Distribution of Wealth. On Rent. London, 1831», p. 191.).

[19]) «Сила единичнаго человѣка ничтожна, но соединеніе многихъ незначительныхъ силъ образуетъ одну значительную; соединенныя же силы могутъ уменьшить время и увеличить размѣръ своей дѣятельности». (G. R. Carli. Note къ p. Verri. l. c. t. XV, p. 196.).

собраніе ихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ является поэтому необходимымъ условіемъ для ихъ коопераціи, то наемные рабочіе не могутъ кооперировать иначе, какъ только тогда, когда они употребляются на работы одновременно однимъ и тѣмъ же капиталомъ, т. е. когда ихъ рабочія силы куплены одновременно тѣмъ же самымъ капиталистомъ. Поэтому, прежде чѣмъ капиталистъ начнетъ дѣло, ему необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи сумму, равную всей стоимости этихъ рабочихъ силъ: рабочія платы, которыя ему придется выдать рабочимъ за день, недѣлю и т. д., должны находиться готовыми въ его карманѣ прежде, чѣмъ самыя рабочія силы соединятся въ общемъ процессѣ труда. Выдача заработка 300-мъ работникамъ вдругъ, хотя бы за одинъ день, требуетъ болѣе значительной затраты капитала, чѣмъ выдача заработка немногимъ рабочимъ, недѣля за недѣлю, въ теченіе цѣлаго года. Число кооперующихъ работниковъ или размѣръ коопераціи зависитъ, стало быть, прежде всего отъ величины капитала, который отдѣльный капиталистъ можетъ затратить на покупку рабочей силы; или иначе говоря, отъ того, въ какомъ размѣрѣ отдѣльный капиталистъ можетъ располагать средствами существованія многихъ работниковъ.

Все что говорится о перемѣнномъ капиталѣ, можетъ быть сказано и о постоянномъ капиталѣ. Капиталистъ, у котораго занято 300 работниковъ, долженъ затрачивать напримѣръ на сырой матеріалъ въ 30 разъ болѣе, чѣмъ каждый изъ 30 капиталистовъ, у которыхъ занято по 10 работниковъ. Хотя количество орудій труда употребляемыхъ сообща, а также и сумма ихъ стоимости, возрастаетъ и не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ возрастаетъ число занятыхъ рабочихъ, но тѣмъ не менѣе и то и другое возрастаетъ очень значительно. Поэтому, сосредоточеніе значительныхъ массъ средствъ производства въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста является необходимымъ матеріальнымъ условіемъ для коопераціи наемныхъ рабочихъ, и размѣръ такой коопераціи или размѣръ производства зависитъ отъ размѣра такого сосредоточенія.

Первоначально мы нашли, что существованіе опредѣленнаго минимума капитала въ рукахъ отдѣльнаго предпринимателя необходимо для того, чтобы онъ могъ эксплуатировать такое число работниковъ и производить такое количество прибавочной стоимости, которое было бы достаточно, чтобы избавить его самого отъ необходимости ручного труда, превратить его изъ мелкаго ремесленника въ капиталиста, и установить такимъ образомъ формально капиталистическое производство. Теперь мы находимъ, что опредѣленный минимумъ капитала въ рукахъ отдѣльнаго предпринимателя составляетъ необходимое матеріальное условіе для превращенія многихъ разъединенныхъ и независимыхъ другъ отъ друга индивидуальныхъ процессовъ труда въ одинъ коллективный общественный процессъ труда.

Точно также и власть капитала надъ трудомъ представлялась намъ первоначально только какъ формальное послѣдствіе того обстоятельства, что рабочій вмѣсто того, чтобы работать для себя, работаетъ для капиталиста, а слѣдовательно и подъ его надзоромъ. Теперь мы видимъ, что при коопераціи многихъ наемныхъ рабочихъ, эта власть капитала надъ трудомъ развивается въ явленіе, необходимое для исполненія самихъ работъ, т. е. превращается въ условіе, присущее самому такому производству. Распоряженія капиталиста на полѣ производства становятся теперь также необходимы и неизбѣжны, какъ распоряженія генерала на полѣ сраженія.

Каждый непосредственно-общественный или совмѣстный трудъ, который выполняется въ широкихъ размѣрахъ, нуждается болѣе или менѣе въ управленіи, которое соединяетъ различныя индивидуальныя дѣятельности въ одно гармоническое цѣлое и выполняютъ тѣ общія функціи, возникающія изъ одновременной дѣятельности всего производительнаго тѣла, въ отличіе отъ движенія его самостоятельныхъ органовъ. Отдѣльный скрипачъ дирижируетъ собою самъ, но оркестръ нуждается въ капельмейстерѣ. Эта функція управленія, надзора и согласованія дѣлается функціей капитала, какъ только подчиненный ему трудъ принимаетъ кооперативную форму, а какъ функція капиталистическая, она пріобрѣтаетъ особенныя свойства.

Прежде всего мы уже знаемъ, что истинный побудительный мотивъ и опредѣляющая цѣль капиталистическаго процесса производства заключается въ возможно большемъ самовозрастаніи стоимости капитала [20]), т. е. въ возможно большемъ производствѣ прибавочной стоимости, слѣдовательно въ возможно большей эксплуатаціи капиталистомъ рабочей силы. Вмѣстѣ съ числомъ одновременно занятыхъ работниковъ возрастаетъ и ихъ сопротивленіе; а вмѣстѣ съ возрастаніемъ ихъ сопротивленія, неизбѣжно возрастаетъ и давленіе капитала для преодолѣнія этого сопротивленія. Управленіе дѣлами или главенство капиталиста представляетъ собою не только особую функцію, принадлежащую общественному процессу труда и происходящую изъ самой природы этого процесса; но оно представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ функцію эксплуатаціи общественнаго процесса труда, и заключается, слѣдовательно въ неизбѣжномъ антагонизмѣ между эксплуататоромъ и живымъ предметомъ его эксплуатаціи. Точно также съ возрастаніемъ

[20]) «Прибыль.... есть единственная цѣль промышленности». (J. Vanderlint. 1 c. p. 11).

размѣровъ средствъ производства, уже переставшихъ быть собственностью рабочаго, возрастаетъ и необходимость надзэра надъ цѣлесообразнымъ ихъ употребленіемъ [21]). Наконецъ, кооперація наемныхъ рабочихъ есть просто дѣйствіе того капитала, который употребляетъ ихъ одновременно для своихъ цѣлей. Взаимная связь ихъ функцій и ихъ единство, какъ одного обширнаго производительнаго тѣла, лежитъ внѣ ихъ, а именно въ томъ капиталѣ, который свелъ ихъ и держитъ ихъ вмѣстѣ. Поэтому взаимная связь, существующая между различными ихъ работами, представляется имъ какъ заранѣе обдуманный планъ капиталиста, а на практикѣ, какъ чужая могущественная воля, подчиняющая ихъ дѣятельность для достиженія своей собственной цѣли.

Если власть капитала по своему содержанію представляется намъ, поэтому, двойственною, сообразно двойственному характеру самого процесса производства, подлежащаго его управленію,—представляющаго съ одной стороны, общественный процессъ труда съ цѣлью произведенія нѣкотораго продукта, а съ другой стороны, процессъ возрастанія стоимости капитала,—то по формѣ своей она всегда деспотична. Этотъ деспотизмъ, съ развитіемъ коопераціи до значительныхъ размѣровъ, также развиваетъ постепенно особенныя, свойственныя ему формы. Мы уже видѣли, что какъ только капиталъ, находившійся во владѣніи предпринимателя, достигъ того минимума, при которомъ только и начинается настоящее капиталистическое производство, владѣлецъ его первымъ дѣломъ освободилъ себя отъ ручного труда; такъ и теперь, капиталистъ снова освобождаетъ себя самого отъ функціи непосредственнаго и постояннаго надзора за отдѣльными рабочими и рабочими группами, и передаетъ эту функцію особому роду наемныхъ рабочихъ. Подобно тому, какъ армія нуждается въ военныхъ офицерахъ разныхъ наименованій, такъ точно и масса рабочихъ работающихъ вмѣстѣ, подъ властью одного и того же капитала, нуждается въ своихъ промышленныхъ оберъ-офицерахъ (управляющіе, managers) и унтеръ-офицерахъ (надзиратели, Arbeitsaufseher, foremen, overlookers, contre-maîtres), которые, въ продолженіе процесса труда, распоряжаются и отдаютъ приказанія отъ имени капитала. Трудъ надзора превращается въ ихъ исключительную функцію. Если экономистъ сравниваетъ способъ производства независимыхъ земледѣльцевъ или самостоятельныхъ ремесленниковъ съ плантаторскимъ хозяйствомъ, основанныхъ на рабствѣ то придетъ къ заключенію, что этотъ трудъ главнаго надзора слѣдуетъ причислить къ безполезнымъ издержкамъ призводства (faux frais de production) [21a]). Напротивъ того, при разсмотрѣніи капиталистическаго способа производства онъ отождествляетъ функцію управленія, поскольку она вытекаетъ изъ самой природы общественнаго процесса труда, съ тою же самою функціей, поскольку она обусловливается капиталистическимъ, а слѣдовательно антагонистическимъ характеромъ самаго процесса [22]). Капиталистъ не потому капиталистъ, что въ промышлености онъ всегда играетъ роль распорядителя, но онъ играетъ роль распорядителя въ промышленности именно потому, что онъ капиталистъ. Главенство въ сферѣ промышленности становится атрибутомъ капитала, все равно какъ въ феодальную эпоху начальство на войнѣ и предсѣдательство въ судѣ было атрибутомъ поземельной собственности [22a]).

Собственникомъ своей рабочей силы работникъ остается только до тѣхъ поръ, пока онъ находится на рынкѣ какъ продавецъ и торгуется объ

[21]) Англійская филистерская газета «Spectator» (3 іюня 1866 г.) сообщаетъ слѣдующее о возникновеніи нѣкотораго рода товарищества между капиталистомъ и рабочими въ одной «Wirework Company of Manchester». «Первымъ результатомъ такой системы оказалось внезапное уменьшеніе безполезныхъ растратъ сырого матеріала и т. д., такъ какъ рабочіе скоро увидѣли, что имъ, какъ и всякому другому хозяину, невыгодно тратить даромъ свою же собственность, а извѣстно, что безполезныя растраты, послѣ большихъ долговъ, составляютъ главную причину мануфактурныхъ петель». То же самая газета открываетъ слѣдующій основной недостатокъ въ рочдельскихъ кооперативныхъ опытахъ: «They showed that associations of workmen could man ge shops, mills, and almost all forms of industry with success, and they immensely improved the condition of the men; but then they did not leave a clear place for masters». («Они доказали, что ассоціаціи работниковъ могутъ вести съ успѣхомъ лавки, фабрики и почти всякаго рода промышленныя предпріятія; они чрезвычайно улучшили положеніе работниковъ; но они не оставили никакого замѣтнаго мѣста для капиталистовъ». Quelle horreur!).

[21a]) Профессоръ Cairnes, объяснивъ, въ чемъ въ «superinte dence of labour» состоитъ главная характерная черта рабовладѣльческаго хозяйства въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, продолжаетъ: «Земледѣлецъ-собственникъ (сѣверныхъ штатовъ), берущій въ свою пользу весь продуктъ своего поля, не имѣетъ надобности ни въ какомъ другомъ побужденіи къ труду. Такимъ образомъ здѣсь вполнѣ сберегаются всякія расходы по надзору за трудомъ». (Cairnes l. c. p. 48, 49).

[22]) Sir James Steuart, вообще очень ясно понимающій характеръ общественныхъ отличій между различными способами производства, замѣчаетъ: предпріятія частныхъ лицъ потому подрываются крупными мануфактурными предпріятіями, что эти послѣднія гораздо болѣе приближаются къ простотѣ хозяйства, основаннаго на рабствѣ?» («Princ. of Pol. Econ.» London 1767. V. 1, p. 167, 168.

[22a]) Поэтому О. Контъ и его школа могли бы доказывать вѣчную необходимость существованія феодальныхъ бароновъ тѣми же доводами, какими они доказывали это по отношенію къ капиталистамъ.

ней съ капиталистомъ; а онъ можетъ продавать только то, чѣмъ онъ дѣйствительно обладаетъ, т. е. только свою индивидуальную, отдѣльную рабочую силу. Отношеніе это нисколько не измѣняется отъ того, что капиталистъ, вмѣсто одной, покупаетъ 100 рабочихъ силъ, и, вмѣсто договора съ однимъ отдѣльнымъ рабочимъ заключаетъ договоры съ сотнею совершенно независимыхъ другъ отъ друга рабочихъ. Онъ можетъ дать работу 100 нанятымъ имъ рабочимъ и не заставляя ихъ обязательно кооперировать другъ съ другомъ. Поэтому капиталистъ уплачиваетъ стоимость ста самостоятельныхъ рабочихъ силъ; но онъ не платитъ ничего за коллективную рабочую силу сотни. Рабочіе, какъ независимыя личности, представляютъ собою отдѣльныя единицы, которыя вступаютъ въ нѣкоторое отношеніе къ одному и тому же капиталу, но не одна къ другой. Въ процессѣ труда начинается только впервые ихъ кооперація; но въ процессѣ труда они перестали уже принадлежать самимъ себѣ. Вступивъ въ этотъ процессъ они вошли въ составъ капитала. Какъ кооперующіе между собою работники, какъ члены одного работающаго организма, они представляютъ собою только особенную форму существованія капитала. Поэтому, та производительная сила, которую работникъ развиваетъ какъ общественный работникъ, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается даромъ, какъ бы сама собою, каждый разъ, какъ только работникъ будетъ поставленъ въ извѣстныя опредѣленныя условія; а капиталъ ставитъ его именно въ такія условія. Такъ какъ, съ одной стороны, общественная производительная сила труда не стоитъ капиталу ничего, а съ другой стороны, она не можетъ быть проявлена рабочимъ до того момента, когда самый трудъ его уже станетъ принадлежать капиталисту, то она представляется производительной силой, дарованной капиталу отъ природы, производительной силой, присущей капиталу.

Образчики колоссальнаго дѣйствія простой кооперации мы имѣемъ въ исполинскихъ сооруженіяхъ древне-азіатцевъ, египтянъ, этрусковъ и т. д. «Встарину нерѣдко случалось, что за покрытіемъ военныхъ и гражданскихъ расходовъ, у этихъ азіатскихъ государствъ получался въ остаткѣ значительный избытокъ средствъ, который они могли истратить на дѣла роскоши и общеполезныя. Такъ какъ почти все earth-земледѣльческое населеніе состояло въ распоряженіи государства, и такъ какъ подобные остатки также состояли въ исключительномъ распоряженіи монарховъ и духовенства, то это давало имъ средство для созиданія тѣхъ величественныхъ памятниковъ, которыми они наполняли страну... При постановкѣ колоссальныхъ статуй и при перемѣщеніи чудовищныхъ массъ, передвиженіе которыхъ возбуждаетъ изумленіе, употреблялся самымъ расточительнымъ образомъ почти одинъ только человѣческій трудъ. Для достиженія всѣхъ подобныхъ цѣлей оказывалось совершенно достаточнымъ одного только числа рабочихъ и сосредоточенія ихъ усилій. Такъ мы видимъ могущественные коралловые рифы, поднимающіеся изъ глубины океана, разрастающіеся въ острова или превращающіеся въ материкъ, между тѣмъ какъ каждый отдѣльный строитель (depositary) представляетъ крошечное, слабое, ничтожное существо. Неземледѣльческіе рабочіе какой-нибудь азіатской монархіи мало что могли принести дѣлу, кромѣ своихъ индивидуальныхъ тѣлесныхъ усилій; но въ ихъ числѣ заключалась — ихъ сила; а безконтрольное, безгласное подчиненіе этихъ массъ произволу одного лица давало ему возможность направлять эту силу по своему усмотрѣнію, и было причиною этихъ исполинскихъ сооруженій. Сосредоточеніе средствъ, на которыя существовали рабочіе, въ рукахъ одного или немногихъ лицъ, только одно и было въ состояніи сдѣлать возможными такія предпріятія» [23]). Это могущество азіатскихъ и египетскихъ государей или этрускихъ теократовъ перешло въ современномъ обществѣ на капиталиста, будь это отдѣльный капиталистъ, или же, какъ въ акціонерныхъ компаніяхъ, капиталистъ коллективный.

Кооперацію въ процессѣ труда можно наблюдать уже при самомъ возникновеніи человѣческой культуры. Такъ мы находимъ ее и у охотничьихъ народовъ [23a]), и въ индійскихъ земледѣльческихъ общинахъ; но во всѣхъ этихъ случаяхъ она основывается, съ одной стороны, на общинномъ владѣніи средствами производства; а съ другой стороны на томъ, что отдѣльная личность также мало успѣла оторваться отъ пуповины, связывающей ее съ ея родомъ или общиною, какъ отдѣльная пчела отъ своего улья. Оба эти обстоятельства отличаютъ такую форму кооперации отъ капиталистической коопераціи. Примѣненіе коопераціи въ обширныхъ размѣрахъ въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ современныхъ колоніяхъ, имѣетъ основаніемъ непосредственныя господскія и крѣпостныя отношенія, по преимуществу же чистое рабство. Наоборотъ, капиталистическая форма коопераціи уже заранѣе предполагаетъ свободнаго наемнаго работника, продающаго капиталу свою рабочую силу. Но исто-

23) R. Jones: «Textbook of Lectures» etc., p. 77, 78. Въ древнеассирійскихъ, египетскихъ и т. п. собраніяхъ Лондона, и другихъ главныхъ европейскихъ городовъ, мы являемся какъ бы очевидцами этихъ кооперативныхъ процессовъ труда.

23a) Linguet можетъ быть и несовсѣмъ неправъ, утверждая въ своей «Théorie des Lois civiles», что охота является первой формой коопераціи, а охота за человѣкомъ (война) представляетъ первую форму охоты.

рически, эта форма развивается въ противоположность крестьянскому хозяйству и независимой ремесленной промышленности, будетъ-ли эта послѣдняя въ цеховой формѣ или нѣтъ — безразлично[24]). По сравненію съ послѣдними, капиталистическая кооперація является не какъ особенная историческая форма коопераціи, но сама кооперація представляется лишь особой исторической формой, свойственной капиталистическому процессу производства, и специфически дѣлающая его непохожимъ на всѣ другіе способы производства.

Все равно, какъ общественная производительная сила труда, развивающаяся вслѣдствіе коопераціи, является какъ производительная сила капитала, такъ точно и сама кооперація является какъ специфическая форма капиталистическаго процесса производства, въ отличіе отъ процесса производства отдѣльныхъ независимыхъ рабочихъ или даже мелкихъ мастеровъ. Въ этомъ состоитъ первое измѣненіе, которое претерпѣваетъ дѣйствительный процессъ труда вслѣдствіе его подчиненія капиталу. Это измѣненіе происходитъ само собою. Основа его, — одновременное участіе значительнаго числа наемныхъ рабочихъ въ одномъ и томъ же процессѣ труда, — представляетъ въ тоже время исходный пунктъ капиталистическаго производства. Обстоятельство это совпадаетъ съ возникновеніемъ самого капитала. Поэтому, если съ одной стороны, капиталистическій способъ производства представляется исторически, какъ необходимое условіе превращенія процесса труда въ форму общественнаго процесса; то съ другой стороны, эта общественная форма процесса труда представляется способомъ, который употребляетъ капиталъ для болѣе прибыльной эксплуатаціи труда, увеличеніемъ его производительной силы.

Кооперація, въ той простой формѣ, которую мы разсматривали до сихъ поръ, неизбѣжно слѣдуетъ за производствомъ въ широкихъ размѣрахъ; но она не представляетъ въ этомъ видѣ никакой твердо установившейся формы, которая характеризовала бы особенную эпоху развитія капиталистическаго способа производства. Она является развѣ только приблизительно въ такой формѣ въ нѣкоторыхъ зачаткахъ мануфактуры[25]), не ушедшихъ еще далеко отъ простого ремесла, да еще въ той формѣ крупнаго земледѣлія, которая соотвѣтствуетъ мануфактурному періоду, и которая отличается въ сущности отъ мелкаго крестьянскаго земледѣлія только числомъ одновременно занятыхъ рабочихъ, да размѣромъ сосредоточенныхъ при этомъ средствъ производства. Простая кооперація все еще является преобладающей формой въ такихъ отрасляхъ производства, въ которыхъ капиталъ дѣйствуетъ въ большихъ размѣрахъ, но гдѣ ни раздѣленіе труда, ни машины не играютъ значительной роли.

Кооперація всегда остается основною формою капиталистическаго способа производства; тѣмъ не менѣе, въ своемъ простѣйшемъ видѣ, она все еще продолжаетъ существовать, какъ отдѣльная форма капиталистическаго производства, рядомъ съ его болѣе развитыми формами.

[24]) Мелкое хозяйство свободныхъ земледѣльцевъ и независимая ремесленная промышленность, частью лежащія въ основаніи феодальнаго способа производства, частью же появляющіяся послѣ его распаденія рядомъ съ капиталистическимъ производствомъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ экономическое основаніе классической общины въ ея лучшее время, т. е. послѣ распаденія первоначальнаго общиннаго владѣнія, но еще до того, какъ рабство серьезно овладѣло производствомъ.

[25]) «Развѣ соединенное искусство, трудолюбіе и соревнованіе многихъ рабочихъ, занимающихся вмѣстѣ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, не есть настоящій способъ содѣйствовать успѣшности этого дѣла? И развѣ Англія могла бы какимъ-нибудь другимъ образомъ довести свои шерстяныя мануфактуры до такой высокой степени совершенства?» (Berkeley: «The Querist.» London, 1750, p. 56, § 521).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Раздѣленіе труда и мануфактура.

1) Двойственное происхожденіе мануфактуры.

Кооперація, основывающаяся на раздѣленіи труда, пріобрѣтаетъ свою типическую форму въ мануфактурѣ, и является преобладающей характерной формой капиталистическаго процесса производства въ теченіе собственно мануфактурнаго періода. Періодъ этотъ тянется приблизительно съ половины XVI-го столѣтія вплоть до послѣдней трети восемнадцатаго вѣка.

Мануфактура возникаетъ двоякимъ образомъ.

Или рабочіе различныхъ независимыхъ ремеслъ, чрезъ которыя проходитъ продуктъ, прежде чѣмъ будетъ готовъ окончательно, соединяются въ одной и той же мастерской, подъ управленіемъ одного и того же капиталиста. Такъ напримѣръ, карета была прежде общимъ продуктомъ работъ значительнаго числа самостоятельныхъ ремесленниковъ: каретника, сѣдельщика, портного, слесаря, мѣдника, токаря, позументщика, стекольщика, красильщика, лакировщика, золотильщика и т. д. Всѣ эти различные реме-

сленники были соединены на каретной мануфактурѣ въ одномъ и томъ же рабочемъ зданіи для того, чтобы работая одновременно и передавая свою работу изъ рукъ въ руки для дальнѣйшей обработки, они могли взаимно помогать другъ другу. Конечно невозможно золотить кареты, прежде чѣмъ она сдѣлана; но если много каретъ изготовляется одновременно, то всегда можно устроить дѣло такимъ образомъ, что одна часть будетъ постоянно золотиться, между тѣмъ какъ другая будетъ проходить въ это время болѣе раннюю фазу процесса производства. Пока мы все еще находимся на почвѣ простой кооперации, находящей свой матеріалъ въ видѣ людей и вещей. Но вскорѣ наступаетъ очень существенная перемѣна. Портной, слесарь, мѣдникъ и пр., изготовляющіе теперь только различныя части кареты, мало-помалу теряютъ привычку и способность выполнять свое прежнее ремесло въ цѣломъ его объемѣ. Кромѣ того, ихъ односторонняя дѣятельность принимаетъ теперь форму наиболѣе цѣлесообразную для болѣе узкой сферы ихъ занятій. Вначалѣ каретная мануфактура явилась какъ соединеніе самостоятельныхъ ремеслъ. Но понемногу она становится раздѣленіемъ каретнаго производства на его различныя особенныя операціи, изъ которыхъ каждая отдѣльная операція кристаллизуется въ исключительную функцію особаго рабочаго; а въ цѣломъ это производство выполняется совокупностью такихъ спеціализированныхъ работниковъ. Точно такимъ же образомъ, т. е. посредствомъ сочетанія различныхъ ремеслъ подъ управленіемъ одного капитала [26]), возникли суконная мануфактура и цѣлый рядъ другихъ мануфактуръ.

Но мануфактура можетъ возникнуть также совсѣмъ противоположнымъ путемъ. Множество ремесленниковъ, выполняющихъ одну и ту же операцію, или операціи сходнаго рода, напримѣръ ремесленники, приготовляющіе бумагу или типографскіе шрифты или иголки, соединяются одновременно въ одной и той же мастерской подъ управленіемъ одного и того же капитала. Это— кооперація въ самой простѣйшей формѣ. Каждый изъ этихъ ремесленниковъ (можетъ быть съ однимъ или съ двумя учениками) выдѣлываетъ законченный предметъ и исполняетъ слѣдовательно по порядку всѣ различныя операціи, необходимыя для изготовленія предмета. Онъ продолжаетъ работать по своему старому ремесленному способу. Между тѣмъ различныя внѣшнія обстоятельства заставляютъ вскорѣ хозяина воспользоваться и иначе сосредоточеніемъ рабочихъ въ одномъ томъ же мѣстѣ и одновременностью ихъ работъ. Предположимъ, напримѣръ, что требуется поставить, въ опредѣленный промежутокъ времени, количество товаровъ болѣе значительное противъ обыкновеннаго. Для этого трудъ подвергается раздѣленію. Вмѣсто того чтобы, какъ прежде, отдавать выполнять различныя работы послѣдовательно тѣмъ же самымъ работникамъ, теперь эти работы отдѣляются одна отъ другой, изолируются и выполняются рядомъ другъ съ другомъ; при этомъ каждая изъ нихъ поручается отдѣльному работнику, и всѣ онѣ исполняются одновременно всѣми кооперирующими рабочими. Такое случайное раздѣленіе впослѣдствіи повторяется снова, проявляетъ присущія ему преимущества, мало-по-малу укрѣпляется и переходитъ въ систематическое раздѣленіе труда. Изъ индивидуальнаго продукта независимаго ремесленника, исполняющаго множество различныхъ операцій, товаръ превращается въ общественный продуктъ соединенія ремесленниковъ, изъ которыхъ каждый выполняетъ постоянно лишь одну какую-нибудь часть всей работы. Тѣже самыя операціи, которыя чередуются одна за другою, какъ послѣдовательныя занятія одного нѣмецкаго цеховаго бумажныхъ дѣлъ мастера, на голландской бумажной мануфактурѣ принимаютъ самостоятельную форму, превращаются въ отдѣльныя операціи выполняющіяся рядомъ другъ съ другомъ многими кооперирующими рабочими. Нюренбергскій цеховой, занимающійся выдѣлкой иголокъ представляетъ основной элементъ англійской игольной мануфактуры. Но между тѣмъ какъ каждый самостоятельный нюренбергскій мастеръ выполняетъ послѣдовательно цѣлый рядъ работъ, можетъ быть 20 различныхъ операцій, на англійской мануфактурѣ работаютъ рядомъ другъ съ другомъ можетъ быть 20 отдѣльныхъ рабочихъ, выполняя каждый лишь одну изъ этихъ 20 операцій; при этомъ, благодаря дальнѣйшему опыту, операціи эти снова

---

[26]) Для того, чтобы дать болѣе свѣжій примѣръ такого способа происхожденія мануфактуры, дѣлаемъ слѣдующую выписку. Пряденіе и тканье шелку въ Ліонѣ и Нимѣ ведется «по совершенно патріархальному способу; промышленность этого рода пользуется множествомъ женщинъ и дѣтей; но она не истощаетъ ихъ силъ и не губитъ ихъ нравственности; она оставляетъ ихъ въ ихъ цвѣтущихъ долинахъ Дромы, Вара, Изеры и Воклюзы, для того чтобы выводить тамъ шелковичныхъ червей, сортировать и разматывать коконы; никогда она не представляетъ настоящей фабрики. Чтобы быть такъ хорошо соблюденнымъ... принципъ раздѣленія труда принимаетъ здѣсь особенный характеръ. Между рабочими и работницами находятся и сортировщицы, и шелкомотальщицы, и сучильщики, и красильщики, и ткачи; но они не соединены въ одномъ и томъ же заведеніи, и не находятся въ зависимости отъ одного и того же хозяина; всѣ они независимы.» (A. Blanqui: «Cours d'Économie Industrielle. Recueilli par A. Blaise. Paris, 1838—39», p. 79). Съ тѣхъ поръ, какъ Бланки написалъ эти строки, многіе независимые работники были соединены въ устроившіяся мало-по-малу фабрики. — [къ 4 изд. — А съ тѣхъ поръ, какъ все это написано Марксомъ, механическій ткацкій станокъ пріобрѣлъ право гражданства на этихъ фабрикахъ и быстро вытѣснилъ ручной станокъ. Крефельдская шелковая промышленность точно также можетъ кое-что сообщить по этому поводу. —Фр. Э.]

раздѣляются на другія, болѣе простыя, изъ которыхъ каждая опять изолируется и обособляется въ исключительную функцію особаго рабочаго.

Способъ происхожденія мануфактуры, ея развитіе изъ ремесла, можетъ, слѣдовательно, совершаться двумя путями. Съ одной стороны, мануфактура возникаетъ изъ комбинаціи разнородныхъ, самостоятельныхъ ремеслъ, которыя теряютъ свою самостоятельность и дѣлаются односторонними до того, что превращаются въ дополняющія одна другую частичныя операціи процесса производства того же самого товара. Съ другой стороны, она возникаетъ изъ кооперація однородныхъ ремесленниковъ, расчленяетъ данное индивидуальное ремесло на его различныя особенныя операціи, изолируетъ эти операціи одну отъ другой, обособляя ихъ на столько, что каждая изъ нихъ становится исключительной функціей особаго рабочаго. Поэтому, мануфактура съ одной стороны вводитъ въ процессъ производства раздѣленіе труда, или развиваетъ это раздѣленіе далѣе того, какъ существовало до ея появленія; съ другой же стороны она комбинируетъ такія ремесла, которыя до того были совершенно раздѣльны одно отъ другаго. Но какова бы ни была особенная точка отправленія мануфактуры, ея окончательная форма бываетъ всегда одна и та же, а именно производительный механизмъ, органы котораго — люди.

Очень важно, для правильнаго пониманія роли раздѣленія труда въ мануфактурномъ производствѣ, постоянно имѣть въ виду слѣдующіе пункты. Прежде всего нужно замѣтить, что аналитическое раздѣленіе процесса производства на его особенныя фазы совершенно совпадаетъ при этомъ съ расчлененіемъ извѣстной ремесленной дѣятельности на ея различныя операціи. Будетъ-ли эта дѣятельность сложною, или простою, во всякомъ случаѣ она не теряетъ своего прежняго ремесленнаго характера, а потому остается по прежнему въ зависимости отъ силы, ловкости, быстроты и увѣренности, съ которыми отдѣльный рабочій дѣйствуетъ своимъ инструментомъ. Ремесло по прежнему лежитъ въ основаніи этого рода производства. Такое узкое техническое основаніе исключаетъ дѣйствительно научный анализъ процесса производства, такъ какъ здѣсь каждый частичный процессъ, проходимый продуктомъ, долженъ имѣть возможность выполняться ручнымъ трудомъ и образовать съ своей стороны отдѣльное ремесло. Именно потому, что ремесленная сноровка продолжаетъ лежать въ основаніи процесса производства, каждый отдѣльный рабочій приспособляется къ какой-нибудь спеціальной функціи, и его рабочая сила, до конца его жизни, превращается въ постоянный органъ этой спеціальной функціи. Наконецъ, это раздѣленіе труда представляетъ особенный родъ кооперація, и многія изъ его выгодныхъ сторонъ возникаютъ изъ сущности кооперація, а не изъ какихъ-либо спеціальныхъ достоинствъ именно этой особенной формы ея.

2) Детальный, односторонній работникъ и его рабочіе инструменты.

Переходя теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію сказаннаго, мы замѣчаемъ прежде всего, что рабочій, выполняющій въ продолженіе всей своей жизни одну и ту же простую операцію, превращаетъ все свое тѣло въ автоматическій органъ этой операціи, а потому требуетъ для выполненія ея меньшее количество времени, чѣмъ ремесленникъ, исполняющій попремѣнно цѣлый рядъ различныхъ работъ. Но коллективный работникъ, образующій живой механизмъ мануфактуры, состоитъ именно изъ такихъ одностороннихъ, детальныхъ работниковъ. Поэтому, по сравненію съ самостоятельнымъ ремесломъ, здѣсь производится большее количество продукта въ меньшее количество времени, или производительная сила труда здѣсь повышена[27]). Далѣе, вслѣдствіе того, что извѣстный отдѣльный трудъ при этомъ обособляется становясь исключительною функціей особеннаго рабочаго, самъ онъ болѣе или менѣе значительно совершенствуется. Отъ постояннаго повторенія того же самаго ограниченнаго дѣйствія и отъ сосредоточенія всего вниманія на этомъ ограниченномъ дѣйствіи, рабочій путемъ опыта научается достигать задуманнаго результата съ наименьшею тратою силы. Но такъ какъ различныя поколѣнія рабочихъ живутъ одновременно вмѣстѣ и работаютъ въ тѣхъ же самыхъ мануфактурахъ, то добытые ими техническіе пріемы вскорѣ упрочиваются, накопляются и передаются, отъ одного къ другому[28]).

Искусство рабочаго, при мануфактурномъ способѣ производства, въ исполненіи его спеціальнаго дѣла доходитъ до высокой степени совершенства, именно благодаря тому, что мануфактура, не довольствуясь воспроизведеніемъ въ своихъ мастерскихъ раздѣленія ремеслъ въ томъ видѣ, какъ она находитъ его въ обществѣ, доводитъ это раздѣленіе до крайнихъ его предѣловъ. Съ другой стороны, это превращеніе спеціальнаго труда въ задачу всей жизни человѣка соотвѣтствуетъ стремленію прежнихъ обществъ сдѣлать ремесло наслѣдственнымъ, втиснуть его въ каменную форму касты, или тамъ, гдѣ извѣстныя историческія условія порождали въ лич-

---

[27]) «Въ мануфактурномъ производствѣ значительной сложности чѣмъ болѣе работа раздѣлена между различными работниками, изъ которыхъ каждый выполняетъ только то, что назначено спеціально на его долю, тѣмъ лучше и скорѣе она идетъ, тѣмъ менѣе пропадаетъ и труда, и времени». («The Advantages of the East India Trade. London 1720», p. 71).

[28]) «Легкій трудъ есть переданное искусство». («Easy labour is transmitted skill», Th. Hodgskin l. c. p. 125).

ностяхъ стремленіе къ измѣнчивости, противорѣчившей кастовому устройству, — закрѣпить раздѣленіе труда, по крайней мѣрѣ, въ формѣ цеха. Происхожденіе этихъ кастъ и цеховъ подчиняется тому же самому закону природы, который управляетъ выдѣленіемъ животныхъ и растеній въ различные виды и равновидности, съ тою только разницею, что, на извѣстной степени развитія, наслѣдственность кастъ или исключительность цеховъ декретируется въ видѣ общественнаго закона [29]). «Кисея, приготовляемая въ Даккѣ, по тонкости своей не имѣетъ ничего себѣ подобнаго; а ситцы и другія матеріи Коромานделя никогда еще не были превзойдены по роскоши и прочности красокъ. А между тѣмъ матеріи эти выдѣлываются безъ капитала, безъ машинъ, безъ раздѣленія труда и вообще безъ всякой помощи тѣхъ средствъ, которыя даютъ столько выгодъ европейской фабрикаціи. Ткачъ здѣсь—отдѣльный рабочій, который выдѣлываетъ свою ткань по заказу покупателя на станкѣ самаго простѣйшаго устройства, состоящемъ иногда просто изъ деревянныхъ палокъ, грубо сбитыхъ и соединенныхъ между собою. У него нѣтъ даже никакого прибора для того, чтобы навивать основу; а потому станокъ долженъ оставаться растянутымъ во всю свою величину, вслѣдствіе чего онъ бываетъ такъ нескладенъ и такъ великъ, что для для него не находится мѣста въ хижинѣ, и ткачъ принужденъ работать на открытомъ воздухѣ, гдѣ она неизбѣжно прерывается каждою неблагопріятною перемѣною погоды» [30]). Виртуозность индуса, подобно виртуозности паука, происходитъ только отъ искусства, накоплявшагося изъ поколѣнія въ поколѣніе и передававшагося по наслѣдству отъ отца къ сыну. А между тѣмъ такой индійскій ткачъ выполняетъ гораздо болѣе сложную работу, чѣмъ большинство мануфактурныхъ рабочихъ.

Ремесленникъ, исполняющій поперемѣнно различныя отдѣльныя работы, служащія для изготовленія извѣстнаго предмета, принужденъ постоянно мѣнять то занимаемое имъ мѣсто, то употребляемые имъ инструменты. Такой переходъ отъ одной работы къ другой прерываетъ ходъ его труда и образуетъ какъ-бы поры въ его рабочемъ днѣ. Эти поры закрываются, коль скоро онѣ въ продолженіе цѣлаго рабочаго дня, выполняетъ непрерывно одну и ту же работу; или исчезаютъ въ той мѣрѣ, въ какой уменьшается эта смѣна одной работы другою. Производительность труда возрастаетъ при этомъ въ зависимости или отъ увеличенія траты рабочей силы въ данный промежутокъ времени, слѣдовательно отъ увеличенія интенсивности труда, или отъ уменьшенія непроизводительной траты рабочей силы. Тотъ излишній расходъ силы, котораго постоянно требуетъ всякій переходъ отъ покоя къ движенію, уничтожается здѣсь, благодаря большей продолжительности разъ уже достигнутой нормальной быстроты. Но съ другой стороны, непрерывность однообразнаго труда уничтожаетъ напряженіе и ту душевную бодрость, которая въ самой этой перемѣнѣ дѣятельности находитъ свой отдыхъ и свое возбужденіе.

Производительность труда находится въ зависимости не только отъ искусства рабочаго, но также и отъ совершенства его инструментовъ. Инструменты одного и того же рода, рѣжущіе, сверлящіе, рубящіе, ударные и т. п., употребляются при разнообразныхъ работахъ; и сверхъ того, при одной и той же работѣ, одинъ и тотъ же иструментъ служитъ часто для различныхъ цѣлей. Но коль скоро различныя операціи одной и той же работы отдѣляются одна отъ другой, и каждая изъ этихъ спеціальныхъ операцій въ рукахъ детальнаго работника, получаетъ форму наиболѣе соотвѣтствующую ея назначенію, а слѣдовательно исключительную форму, является необходимость и въ соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ инструментовъ, служившихъ до сихъ поръ каждый для нѣсколькихъ различныхъ цѣлей. То направленіе, въ которомъ нужно измѣнить ихъ форму, выводится изъ наблюденія трудностей, возникающихъ изъ старой неудобной формы рабочихъ орудій при исполненіи извѣстной операціи по новому способу. Это дифференцированіе рабочихъ орудій, благодаря которому инструменты того же самаго рода получаютъ особыя прочно установившіяся формы для каждаго особеннаго полезнаго примѣненія ихъ, а также спеціализація ихъ, вслѣдствіе которой каждый та-

[29]) «Искусства также... достигли въ Египтѣ значительной степени совершенства. Потому что въ одной только этой странѣ ремесленники не имѣли права вмѣшиваться въ дѣло другихъ рабочихъ классовъ, но обязаны были заниматься только тѣмъ ремесломъ, которое, на основаніи закона, составляло наслѣдственную принадлежность ихъ рода... У другихъ народовъ мы встрѣчаемъ, что люди, принадлежащіе къ рабочему классу, разбрасываютъ свое вниманіе между черезчуръ большимъ количествомъ предметовъ... то пробуютъ они заняться земледѣліемъ, то пускаются въ торговыя предпріятія, то занимаются двумя, тремя ремеслами одновременно. Въ свободныхъ государствахъ они бѣгаютъ по большей части по народнымъ собраніямъ... Напротивъ того, въ Египтѣ каждый ремесленникъ подвергается тяжелому наказанію, если онъ вмѣшивается въ государственныя дѣла, или если вздумаетъ заниматься нѣсколькими ремеслами заразъ. Такимъ образомъ ничто не можетъ нарушать его прилежанія въ принадлежащей ему сферѣ производства... Притомъ же, какъ они сами наслѣдовали многія правила отъ своихъ предковъ, такъ точно они и сами ревностно заботились о томъ, чтобы придумать и передать своимъ дѣтямъ новыя усовершенствованія». (Diodorus Siculus. Historische Bibliothek, t. I, p. 74).

[30]) «Historical and descriptive account of Brit. India etc., by Hugh Murray and James Wilson etc». Edinburgh 1832, v. II, p. 449.—Основа натягивается вертикально въ индусскомъ ткацкомъ станкѣ.

кой специальный инструментъ работаетъ, въ полномъ своемъ объемѣ, только въ рукахъ особаго детальнаго рабочаго, представляютъ явленія характеризующія мануфактуру. Въ одномъ Бирмингамѣ выдѣлывается около 500 разновидностей молотковъ, причемъ не только каждая разновидность назначена для особеннаго процесса производства, но часто значительное число такихъ разновидностей служитъ только для разнообразныхъ операцій въ одномъ и томъ же процессѣ. Мануфактурный періодъ упрощаетъ, улучшаетъ и разнообразитъ рабочіе инструменты, вслѣдствіе приспособленія ихъ къ исключительнымъ специальнымъ функціямъ детальнаго работника [31]). Онъ создаетъ въ тоже время одно изъ матеріальныхъ условій для появленія машины, которая есть ни что иное какъ комбинація простыхъ инструментовъ.

Детальный работникъ и его инструментъ образуютъ простые элементы мануфактуры. Перейдемъ же теперь къ ея общему механизму.

3) Двѣ основныя формы мануфактуры: разнородная мануфактура и органически связанная мануфактура.

Расчлененіе мануфактуры представляетъ двѣ основныя формы, которыя, не смотря на случайное соединеніе ихъ въ одной и той же мануфактурѣ, представляютъ двѣ существенно различныя формы и, при дальнѣйшемъ превращеніи мануфактуры въ крупную промышленность, ведущую производство съ помощью машинъ, играютъ совершенно различныя роли. Такой двойственный характеръ зависитъ отъ природы самого изготовляемаго товара. Товаръ, или законченный продуктъ данной мануфактуры, можетъ быть полученъ или простымъ механическимъ соединеніемъ самостоятельныхъ специальныхъ продуктовъ; или же его окончательная форма зависитъ отъ цѣлаго ряда различныхъ процессовъ и манипуляцій, находящихся во взаимной неразрывной связи одни съ другими.

Локомотивъ, напримѣръ, состоитъ болѣе чѣмъ изъ 5,000 отдѣльныхъ самостоятельныхъ частей. Впрочемъ локомотивъ не можетъ служить примѣромъ настоящей мануфактуры перваго рода, такъ какъ онъ представляетъ собою произведеніе крупной машинной промышленности. Но часы могутъ служить намъ въ этомъ случаѣ очень подходящимъ примѣромъ, какъ они служили уже William'у Petty, который мануфактурное раздѣленіе труда пояснялъ на изготовленіи часовъ. Изъ индивидуальнаго произведенія нюренбергскаго ремесленника часы превратились въ общественный продуктъ множества специальныхъ рабочихъ, каковы: рабочій обдѣлывающій сырой матеріалъ, рабочій, дѣлающій часовыя пружины, циферблаты, спиральныя пружины, просверливающій отверстія въ камняхъ для вкладыванія осей, дѣлающій рубиновые рычажки, стрѣлки, часовыя коробки, винты, золотильщикъ со многими подраздѣленіями, какъ напримѣръ: дѣлающій колеса (причемъ мѣдныя колеса и остальныя колеса выдѣлываются опять-таки разными лицами), Triebmacher, Zeigerwerkmacher, acheveur de pignon (ставитъ колеса, полируетъ фацеты и пр.), Zapfenmacher, planteur de finissage (собираетъ различные механизмы и колеса), finisseur de barillet (вырѣзаетъ зубцы, даетъ надлежащую ширину отверстіямъ), Hemmungmacher, Steigradmacher, изготовитель маятниковъ; Raquettemacher (das, Rückwerk, посредствомъ котораго регулируются часы), planteur d'èchappement (настоящій Hemmungmacher); затѣмъ repasseur de barillet, полировщикъ стальныхъ частей, полировщикъ колесъ, полировщикъ винтовъ, рисовальщикъ цифръ. Blattmacher (наводящій на мѣдь эмаль), fabricant de pendants (дѣлающій только кольцо къ часовой коробкѣ), finisseur de charnière (вставляетъ латунный шрифтъ въ средину коробки и проч.), faiseur de secret (дѣлающій ту пружину, которая заставляетъ отскакивать крышку часовъ), граверъ, ciseleur, полировальщикъ часовыхъ коробокъ и пр. и пр.; наконецъ repasseur, который собираетъ часы въ одно цѣлое и пускаетъ ихъ въ ходъ. Только немногія части часовъ проходятъ черезъ различныя руки, и всѣ эти membra disjecta собираются вмѣстѣ въ первый разъ только въ рукахъ того, кто соединяетъ ихъ наконецъ въ одно механическое цѣлое. При такомъ чисто внѣшнемъ отношеніи законченнаго продукта къ его разнороднымъ элементамъ, соединеніе специальныхъ рабочихъ, занимающихся изготовленіемъ этихъ элементовъ, въ одной и той же мастерской, при фабрикаціи часовъ и другихъ сходныхъ съ ними въ этомъ отношеніи товаровъ, оказывается дѣломъ случая. Специальныя работы могутъ даже исполняться какъ независимыя одно отъ другого ремесла, какъ это мы видимъ въ Невшательскомъ и Ваадтскомъ кантонахъ; между тѣмъ какъ напримѣръ въ Женевѣ, существуютъ большія ча-

---

[31]) Въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи видовъ», составляющемъ эпоху въ мірѣ естествознанія, Дарвинъ замѣчаетъ слѣдующее по отношенію къ естественнымъ органамъ растеній и животныхъ: «До тѣхъ поръ, пока одинъ и тотъ же органъ долженъ выполнять различныя функціи, основаніе для его измѣняемости заключается, можетъ быть, уже въ томъ обстоятельствѣ, что естественный подборъ сохраняетъ или подавляетъ каждое легкое отступленіе въ его формѣ съ меньшею тщательностью, чѣмъ если бы тотъ же самый органъ былъ назначенъ лишь для одной какой-нибудь особенной цѣли. Такъ ножи, назначенные для рѣзанія всевозможныхъ вещей, могутъ быть вообще довольно сходной формы; тогда какъ инструментъ, назначенный только для одного извѣстнаго употребленія, для всякаго другаго употребленія долженъ имѣть также и форму другую».

совыя мануфактуры, т. е. существуетъ непосредственная кооперація между отдѣльными детальными работниками, подъ управленіемъ одного капитала. Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ циферблаты, пружины и часовыя коробки рѣдко изготовляются на самой мануфактурѣ. Комбинированное мануфактурное производство бываетъ выгодно при этомъ только въ исключительныхъ условіяхъ, такъ какъ конкурренція между рабочими, желающими работать на дому, бываетъ обыкновенно всего сильнѣе; сверхъ того, расчлененіе производства на цѣлую массу разнородныхъ, независимыхъ процессовъ, оставляетъ очень немного мѣста для примѣненія общаго пользованія рабочими орудіями и другими средствами производства; наконецъ при такой системѣ фабрикаціи, гдѣ рабочіе работаютъ у себя дома, капиталистъ сберегаетъ расходы на рабочія зданія и пр. [32]). Во всякомъ случаѣ положеніе этихъ детальныхъ работниковъ, работающихъ хотя и у себя дома, но на капиталиста (Fabricant, établisseur), совершенно отличается отъ положенія самостоятельныхъ ремесленниковъ, работающихъ на своихъ собственныхъ заказчиковъ и покупателей [33]).

Второй родъ мануфактуры, ея наиболѣе совершенная форма, изготовляетъ такія издѣлія, которыя ранѣе достиженія своей окончательной формы, проходятъ черезъ многія зависящія другъ отъ друга фазы развитія, черезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ процессовъ. Такъ напримѣръ на мануфактурахъ, выдѣлывающихъ иголки, проволока проходитъ черезъ руки 72, и даже 92 различныхъ детальныхъ работниковъ.

Такая мануфактруа, соединяя вмѣстѣ первоначально разъединенныя ремесла, уменьшаетъ пространственное разъединеніе между особенными фазами производства выдѣлываемаго ею продукта. Она сокращаетъ время, требующееся для перехода этого продукта изъ одной стадіи въ другую, а также и трудъ, посредствомъ котораго совершаются такіе переходы [34]). Такимъ образомъ, по сравненію съ ремесломъ при этомъ оказывается выигрышъ въ производительной силѣ труда; хотя выигрышъ этотъ происходитъ просто изъ кооперативнаго характера мануфактуры. Съ другой стороны, свойственный мануфактурѣ принципъ раздѣленія труда, обусловливаетъ изолированіе различныхъ фазъ производства, которыя получаютъ при этомъ значительную независимость и становятся по отношенію другъ къ другу въ положеніе отдѣльныхъ самостоятельныхъ детальныхъ работъ. Установленіе и поддержаніе связи между этими изолированными функціями вынуждаетъ постоянно передавать продуктъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, изъ одного процесса въ другой. Съ точки зрѣнія современной купной зрѣнія промышленности, такая необходимость представляется характернымъ и убыточнымъ недостаткомъ мануфактуры, неразлучнымъ съ нею вслѣдствіе самого принципа, положенному въ ея основаніе [35]).

Если мы остановимъ наше вниманіе на извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ сырого матеріала, напримѣръ на нѣкоторомъ количествѣ тряпья на писчебумажной мануфактурѣ, или проволоки на иголочной мануфактурѣ, то увидимъ, что ранѣе достиженія своей законченной формы, этотъ матеріалъ проходитъ въ рукахъ различныхъ детальныхъ работниковъ, въ теченіе извѣстныхъ послѣдовательныхъ промежутковъ времени, черезъ рядъ различныхъ фазъ производства. Если же напротивъ того, мы станемъ разсматривать мануфактуру, какъ одинъ коллективный организмъ, то увидимъ, что сырой матеріалъ находится одновременно во всѣхъ фазахъ его обработки. Коллективный рабочій, состоящій изъ отдѣльныхъ

---

[32]) Въ 1854 году Женева изготовила 80,000 часовъ, т. е. менѣе пятой части того, что было произведено въ томъ же году Невшательскимъ кантономъ. Одинъ Chaux-de-Fonds, который можно разсматривать какъ одну громадную часовую мануфактуру, производитъ ежегодно вдвое больше часовъ, чѣмъ Женева. Съ 1850 по 1861 г. Женева изготовила 750,000 часовъ. (Смотри: «Report from Geneva on the Watch Trade» въ «Reports by H. M.-'s Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc., № 6, 1863»). Если отсутствіе связи между отдѣльными процессами, на которые распадается производство сложнаго товара, уже само по себѣ значительно затрудняетъ превращеніе такой мануфактуры въ машинное производство въ большихъ размѣрахъ, то, по отношенію къ часамъ, къ этому прибавляются еще два другія препятствія; во-первыхъ, мелкость и деликатность ихъ составныхъ элементовъ, а, во-вторыхъ, то, что они представляютъ предметъ роскоши, а потому отличаются большимъ разнообразіемъ, такъ-что напримѣръ въ лучшихъ лондонскихъ домахъ въ теченіе цѣлаго года, едва-ли изготовляется даже одна дюжина часовъ, которые были бы совершенно сходны между собою. Часовая фабрика подъ фирмою Vacheron et Constantin, употребляющая съ успѣхомъ машины, выдѣлываетъ всего какія-нибудь 3, 4 разновидности, отличныя между собою по формѣ и величинѣ.

[33]) Часовое производство, этотъ классическій образчикъ разнородной мануфактуры, представляетъ отличный примѣръ для изученія вышеупомянутой дифференцировки и спеціализаціи рабочихъ инструментовъ, происходящей вслѣдствіе расчлененія одной и той же ремесленной дѣятельности.

[34]) «При столь тѣсномъ сожительствѣ людей, роль переноски непремѣнно должна быть меньше». («In so close a cohabitation of the people, the carriage must needs be less»). «The Advantages of the East India Trade», p. 106).

[35]) «Изолированіе различныхъ стадій мануфактуры, проистекающее вслѣдствіе употребленія ручного труда, сильно увеличиваетъ расходы производства; причемъ наибольшая потеря происходитъ главнымъ образомъ просто вслѣдствіе переходовъ (the mere removals) отъ одного процесса къ другому». («The Industry of Nations. Lond. 1855.». Part. II, p. 200).

детальныхъ рабочихъ, одними своими руками, вооруженными множествомъ инструментовъ, тянетъ проволоку сквозь волочильню, между тѣмъ какъ въ тоже самое время, другими своими руками онъ распрямляетъ ее, рѣжетъ на части, заостряетъ и т. д. Послѣдовательность во времени превратилась здѣсь въ послѣдовательность въ пространствѣ. И въ результатѣ полученіе бо̀льшаго количества готоваго товара въ тотъ же самый періодъ времени [36]). Хотя эта одновременность происходитъ изъ общаго кооперативнаго характера процесса въ его цѣломъ, но мануфактура не только находитъ условія коопераціи уже готовыми, но отчасти создаетъ ихъ сама, разлагая ремесленную дѣятельность на ея болѣе элементарныя составныя части. Съ другой стороны, она достигаетъ этой общественной организаціи процесса труда только при помощи прикрѣпленія того же самаго рабочаго къ той же самой мелкой детали.

Такъ какъ частичный продуктъ каждаго спеціализированнаго работника представляетъ лишь особенную степень развитія того же самаго готоваго издѣлія, то каждый рабочій или каждая рабочая группа доставляетъ другимъ работникамъ и рабочимъ группамъ ихъ сырой матеріалъ. Результатъ труда одного представляетъ исходный пунктъ для труда другого. Поэтому одинъ рабочій даетъ при этомъ непосредственно занятіе другому. Въ каждомъ спеціальномъ процессѣ установляется на основаніи опыта количество рабочаго времени, потребнаго для достиженія того полезнаго результата, который служитъ цѣлью этого процесса; и механизмъ мануфактуры, какъ цѣлаго, основывается на томъ расчетѣ, что въ извѣстное количество рабочаго времени достигается постоянно извѣстный результатъ. Только при такомъ предположеніи, различныя дополняющія другъ друга работы могутъ производиться непрерывно, одновременнно, рядомъ одна съ другою. Ясно, что такая непосредственная зависимость другъ отъ друга отдѣльныхъ работъ, а потому и рабочихъ, заставляетъ каждаго отдѣльнаго рабочаго употреблять на исполняемую имъ функцію только необходимое время, вслѣдствіе чего при этомъ порождается такая непрерывность, однообразіе, правильность, порядокъ [37]) и въ особенности интенсивность труда, какой мы не находимъ ни въ независимомъ ремеслѣ, ни даже въ простой коопераціи. Законъ, что на производство какого бы то ни было товара должно быть израсходовано только общественно-необходимое рабочее время, представляется при производствѣ товаровъ вообще, какъ законъ, устанавливающійся подъ вліяніемъ конкурренціи, такъ какъ, выражаясь поверхностно, всякій отдѣльный производитель долженъ продавать свой товаръ по его рыночной цѣнѣ. Напротивъ того, здѣсь, въ мануфактурномъ производствѣ, полученіе извѣстнаго количества продукта, въ извѣстное рабочее время, становится техническимъ закономъ самого процесса производства [38]).

Но различныя операціи требуютъ для своего выполненія не одинаковаго времени, а потому доставляютъ въ одинаковое время неравныя количества частичныхъ продуктовъ. Слѣдовательно, если одни и тѣ-же рабочіе должны, изо дня въ день исполнять постоянно только одни и тѣ-же работы, въ такомъ случаѣ относительныя числа рабочихъ, занятыхъ различными работами, должны быть различны. Предположимъ напримѣръ, что одинъ литейщикъ въ состояніи отлить въ часъ 2,000 буквъ, одинъ отбивальщикъ шрифтовъ можетъ отбить въ часъ 5,000 буквъ, и наконецъ одинъ полировщикъ въ состояніи отполировать въ часъ 8,000 буквъ, очевидно, что въ такомъ случаѣ на мануфактурѣ, занимающейся выдѣлкою шрифтовъ, на каждаго полировщика должно приходиться 2 отбивальщика и 4 литейщика. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ принципомъ коопераціи въ ея простѣйшей формѣ, т. е. съ одновременнымъ занятіемъ многихъ рабочихъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ; но теперь этотъ принципъ представляется намъ какъ выраженіе нѣкотораго органическаго соотношенія. Мануфактурное раздѣленіе труда слѣдовательно не только упрощаетъ и разнообразитъ качественно различные органы общественнаго коллективнаго работника, но также создаетъ опредѣленное численное соотношеніе для количественнаго размѣра этихъ органовъ, т. е. для относительнаго числа работниковъ или относительной величины рабочихъ группъ въ каждой отдѣльной функціи. Вмѣстѣ съ качественнымъ расчлененіемъ процесса труда, она развиваетъ также и количественную мѣру, и пропорціональность.

Какъ только на основаніи опыта отыскано

---

[36]) «Оно (раздѣленіе труда) производитъ также значительное сбереженіе во времени, вслѣдствіе того, что раздѣляетъ производство на его различныя составныя части и при томъ такъ, что всѣ эти части могутъ выполняться одновременно... Вслѣдствіе того, что всѣ тѣ различные процессы, которые отдѣльная личность должна исполнять послѣдовательно одни за другими,— исполняются здѣсь разомъ, является возможность изготовлять напримѣръ множество совершенно готовыхъ булавокъ въ такое количество времени, которое необходимо чтобы обрѣзать или заострить только одну булавку». (Dugald Stewart. l. c. p. 319).

[37]) «Чѣмъ разнообразнѣе рабочій составъ на какой-нибудь мануфактурѣ... тѣмъ болѣе порядка и правильности въ каждомъ дѣлѣ, тѣмъ въ меньшее количество времени должно исполняться то же самое дѣло, тѣмъ меньше должно расходоваться труда». («The Advantages» etc. p. 68).

[38]) Впрочемъ, мануфактурное производство во многихъ своихъ отрасляхъ доходитъ до такого результата только весьма несовершенно, такъ какъ оно не умѣетъ управлять какъ слѣдуетъ общими химическими и физическими условіями процесса производства.

такое численное соотношеніе различныхъ группъ детальныхъ работниковъ, которое является наиболѣе подходящимъ и выгоднымъ при данномъ размѣрѣ производства, то размѣръ такого производства можно расширить только соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа рабочихъ въ каждой особой рабочей группѣ [39]). Къ этому еще нужно прибавить, что одинъ и тотъ же рабочій можетъ исполнять нѣкоторыя работы одинаково хорошо, будутъ-ли онѣ производиться въ маломъ или въ большемъ размѣрѣ; таковъ напримѣръ трудъ надзора, переноска продуктовъ разныхъ степеней готовности изъ одной сферы производства въ другую и пр. Поэтому обособленіе такихъ функцій, и порученіе каждой изъ нихъ особенному рабочему, становится выгоднымъ только при возрастаніи общаго числа занятыхъ на мануфактурѣ рабочихъ, но такое возрастаніе должно быть произведено непремѣнно въ одно и то же время во всѣхъ группахъ и пропорціонально величинѣ каждой изъ нихъ.

Каждая отдѣльная группа рабочихъ, исполняющихъ одну и ту же частичную функцію, состоитъ изъ однородныхъ элементовъ и является простымъ органомъ всего механизма. Однако въ различныхъ мануфактурахъ, сама группа представляетъ уже многочисленное рабочее тѣло, а весь механизмъ мануфактуры образуется изъ повторенія и умноженія такихъ элементарныхъ производительныхъ организмовъ. Возьмемъ для примѣра мануфактуру, занимающуюся изготовленіемъ стеклянныхъ бутылокъ. Она раздѣляется сначала на три существенно различныя фазы. Во-первыхъ, подготовительная фаза, которая заключается въ приготовленіи стекольнаго состава, т. е. въ смѣшиваніи песку, извести и пр., и въ сплавленіи этой смѣси въ жидкую стекольную массу [40]). Въ этой первой фазѣ заняты различные детальные рабочіе, точно также какъ и въ заключительной фазѣ, состоящей въ выниманіи бутылокъ изъ сушильныхъ печей, въ сортировкѣ ихъ, упаковкѣ и т. д. Въ промежуткѣ, между этими двумя фазами, заключается настоящее стекольное производство, состоящее въ обработкѣ жидкой стекольной массы. У одного и того же отверстія большой печи, содержащей расплавленную массу, работаетъ цѣлая рабочая группа, называемая въ Англіи «hole» (дыра), и состоящая изъ одного bottlemaker или finisher, одного blower, одного gatherer, одного putter up или whetter off и одного taker. Эти пять детальныхъ работниковъ представляютъ пять различныхъ органовъ одного и того же рабочаго тѣла, которое можетъ дѣйствовать только какъ цѣлое, какъ одна нераздѣльная единица, т. е. только при непосредственной коопераціи всѣхъ пяти составляющихъ ее рабочихъ. Если недостаетъ хотя одного члена этого пятираздѣльнаго тѣла, все тѣло оказывается парализованнымъ. Но одна и та же печь имѣетъ нѣсколько отверстій, въ Англіи напримѣръ отъ 4 до 6, изъ которыхъ каждое соотвѣтствуетъ заключенному въ печи глиняному плавильному тиглю съ жидкой стекольной массой, и каждое такое отверстіе даетъ занятіе своей собственной рабочей группѣ той же самой пятираздѣльной формы. Расчлененіе каждой отдѣльной группы основано при этомъ непосредственно на раздѣленіи труда; тогда какъ связь между различными однородными группами представляетъ простую кооперацію, стремящуюся достигнуть, посредствомъ совмѣстнаго пользованія, болѣе экономическаго потребленія одного изъ средствъ производства, т. е. въ нашемъ случаѣ стекло-плавильной печи. Такая печь съ своими 4—6 группами образуетъ одну стекольную мастерскую; стекольная же мануфактура состоитъ изъ множества такихъ мастерскихъ, не считая тѣхъ мастерскихъ и рабочихъ, которые исполняютъ подготовительную и заключительную фазы производства.

Кромѣ того мануфактура можетъ возникнуть изъ комбинаціи различныхъ мануфактуръ, подобно тому, какъ она возникаетъ въ извѣстной части случаевъ изъ сочетанія различныхъ ремеслъ. Такъ напримѣръ, наиболѣе крупные англійскіе стекольные заводы приготовляютъ сами свои глиняные плавильные тигли, такъ какъ отъ ихъ доброкачественности существенно зависитъ удача или неудача самого продукта. Такимъ образомъ, мануфактура продукта соединяется при этомъ съ мануфактурою средствъ производства. И наоборотъ: мануфактура продукта можетъ соединяться съ такими мануфактурами, для которыхъ самъ этотъ продуктъ служитъ сырымъ матеріаломъ или съ продуктами которыхъ онъ впослѣдствіи вступаетъ въ соединеніе. Такъ напримѣръ, мануфактура англійскаго хрусталя (Flintglass) соединяется иногда со шлифовальною мануфактурою или даже съ латунно-литейною мануфактурой, продуктъ которой идетъ на металлическія оправы многихъ стеклянныхъ предметовъ. Разнообразныя такимъ образомъ соединенныя мануфактуры составляютъ болѣе или

[39]) «Какъ скоро опытъ научилъ раздѣлять извѣстную фабрикацію на детальныя операціи такимъ способомъ, который даетъ наиболѣе выгодъ, согласно особенной природѣ продукта, изготовляемаго данной мануфактурой, какъ скоро узнано также число рабочихъ, необходимое для этой мануфактуры, то, послѣ этого всѣ заведенія, которыя не будутъ употреблять точно опредѣленнаго числа найденнаго количества рабочихъ, будутъ работать съ меньшею экономіей, чѣмъ другія.. Это одна изъ причинъ крупнаго размѣра промышленныхъ заведеній». (Ch. Babbage: «On the Economy of Machinery». 2-nd. ed. London. 1832, ch. XXI, p. 172, 173).

[40]) Въ Англіи плавильная печь совершенно отдѣльна отъ той печи, въ которой содержится расплавленное уже стекло во время его обработки. Въ Бельгіи одна и таже печь служитъ для обоихъ процессовъ.

менѣе раздѣльныя части одной большей мануфактуры, представляя въ тоже время, независимые другъ отъ друга процессы производства, каждый съ особеннымъ, присущимъ ему раздѣленіемъ труда. Несмотря на многія техническія и экономическія выгоды, получаемыя отъ соединенія мануфактуръ, она никогда не достигаетъ полнаго техническаго единства, пока продолжаетъ держаться на своемъ собственномъ основаніи. Только посредствомъ превращенія въ крупное машинное производство ей удается достигнуть такого единства.

Въ мануфактурномъ періодѣ вскорѣ начинаетъ проявляться, какъ сознательный принципъ [41]), стремленіе къ сокращенію рабочаго времени, необходимаго для производства товаровъ. Въ томъже періодѣ начинаетъ также развиваться, то здѣсь, то тамъ, употребленіе машинъ, особенно въ нѣкоторыхъ простыхъ предварительныхъ работахъ, которыя необходимо производить въ большихъ размѣрахъ и съ большою тратою силы. Такъ напримѣръ, на писчебумажныхъ мануфактурахъ уже съ самыхъ раннихъ поръ измельченіе тряпья производится посредствомъ особыхъ мельницъ, а на металическихъ заводахъ для раздробленія руды употребляется механическая толчея [42]). Самая элементарная форма всѣхъ послѣдующихъ машинъ была завѣщана римской имперіей въ видѣ водяной мельницы [43]). Ремесленный періодъ завѣщалъ также рядъ великихъ открытій: компасъ, порохъ, книгопечатаніе и автоматическіе часы. Однако же, въ цѣломъ, машины продолжали имѣть въ процессѣ производства лишь то второстепенное значеніе, которое даетъ имъ Адамъ Смитъ рядомъ съ раздѣленіемъ труда [44]). Очень важное значеніе имѣло случайное примѣненіе машинъ въ XVII-мъ столѣтіи, такъ какъ оно дало великимъ математикамъ того времени точку опоры и побудительную причину къ созданію новѣйшей механики.

Мануфактурный періодъ обладаетъ только одною машиною, которая свойственна ему специфически; эта машина—самъ коллективный рабочій, составленный изъ множества детальныхъ работниковъ. Различныя операціи, которыя приходится исполнять попеременно производителю какого-нибудь товара въ теченіе процесса труда, требуютъ съ его стороны очень разнородныхъ усилій. Для одной операціи необходимо большее напряженіе физической силы, для другой—болѣе ловкости, искусства, для третьей — болѣе умственнаго напряженія и вниманія и т. д. А одному и тому же лицу невозможно обладать всѣми этими свойствами въ одинаковой степени. Но послѣ того какъ различныя операціи раздѣлились, обособились и изолировались одна отъ другой, производство приступаетъ къ распредѣленію, классификаціи и группировкѣ рабочихъ, сообразно наиболѣе выдающимся свойствамъ каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, если природныя особенности рабочихъ представляютъ то основаніе, на которомъ строится впервые раздѣленіе труда, то, будучи разъ введена, мануфактура продолжаетъ развивать только тѣ рабочія силы, которыя по своимъ природнымъ качествамъ годятся лишь для одностороннихъ специальныхъ функцій. Коллективный рабочій обладаетъ теперь всѣми производительными свойствами въ одинаково высокой степени совершенства и, въ тоже время, расходуетъ ихъ наиболѣе бережливо, такъ какъ онъ употребляетъ всѣ свои органы, индивидуализированные въ особенныхъ работникахъ ирабочихъ группахъ, исключительно лишь для ихъ специальныхъ функцій [45]). Односторонность и даже несовершенства отдѣльнаго детальнаго работника становятся его совершенствами, если разсматривать какъ составную часть коллектив-

[41]) Это можно видѣть, между прочимъ, изъ сочиненій W. Petty, John Bellers, Andrew Yarranton, «The Advantages of the East India Trade» и J. Vanderlint.

[42]) Еще въ концѣ XVI столѣтія во Франціи раздробленіе и промывка руды производили посредствомъ простой ступки и грохота.

[43]) Всю исторію развитія машиннаго производства можно прослѣдить на исторіи мукомольныхъ мельницъ. Фабрика и до сихъ поръ называется по англійски mill (мельница). Въ нѣмецкихъ техническихъ сочиненіяхъ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка словомъ Mühle (мельница) называются не только всѣ машины, приводимыя въ движеніе силами природы, но даже и всѣ мануфактуры, которыя употребляютъ какіе бы то ни было механическіе аппараты.

[44]) Адамъ Смитъ, какъ это мы покажемъ подробнѣе въ четвертой книгѣ этого сочиненія, не установилъ ни одного новаго положенія относительно раздѣленія труда. Но то, что характеризуетъ А. Смита, какъ экономиста мануфактурнаго періода, какъ выразители экономическихъ идей этого періода, это удареніе, съ которымъ онъ говоритъ о раздѣлении труда. Та подчиненная роль, которую онъ отводитъ машинамъ, вызвала въ началѣ возникновенія крупной промышленности, полемику со стороны Lauderdale'я; а въ болѣе развитую эпоху ея, возраженія Ure. Ад. Смитъ смѣшиваетъ также дифференцированіе рабочихъ инструментовъ, въ которомъ сами детальные работники мануфактуры принимали очень дѣятельное участіе, съ изобрѣтеніемъ машинъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, имѣютъ главнѣйшее значеніе не мануфактурные рабочіе, а ученые, ремесленники, даже землевладѣльцы (Brindley) и пр.

[45]) «Когда изготовленіе всякаго сложнаго продукта раздѣляется на множество различныхъ операцій, требующихъ каждая различной степени искусства и силы, то хозяинъ мануфактуры всегда можетъ найти такое количество силы и искусства, которое будетъ вполнѣ соразмѣрно требованіямъ каждой операціи. Напротивъ того, если бы вся работа должна была выполняться однимъ и тѣмъ же работникомъ, то одному и тому-же лицу пришлось бы обладать одновременно такимъ искусствомъ, которое было бы годно только для выполненія самыхъ тонкихъ

наго рабочаго [46]). Привычка къ постоянному исполненію одной спеціальной функціи превращаетъ его въ органъ этой функціи, дѣйствующій съ совершенствомъ природнаго органа; между тѣмъ какъ та связь, которая существуетъ между всѣми частями цѣлаго механизма, заставляетъ его въ тоже время дѣйствовать съ такою регулярностью, какъ будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ составной частью какой-нибудь машины [47]).

Такъ какъ различныя функціи коллективнаго рабочаго бываютъ проще или сложнѣе, выше или ниже, поэтому и органы его, т. е. индивидуальныя рабочія силы требуютъ также очень различной степени выработки и обладаютъ, вслѣдствіе этого, очень различною стоимостью. Такимъ образомъ мануфактура заводитъ извѣстную іерархію рабочихъ силъ, которой соотвѣтствуетъ также извѣстная градація въ рабочей платѣ. Если съ одной стороны индивидуальный рабочій, присвоивается извѣстной односторонней функціей, и на всю свою жизнь прикрѣпляется къ ней, то съ другой стороны, разнообразныя рабочія операціи точно также приспособляются или подгоняются къ этой іерархіи природныхъ или унаслѣдованныхъ качествъ [48]). Но каждый процессъ производства заключаетъ въ себѣ операціи столь же простыя какъ ходьба и стояніе, такъ что ихъ можетъ исполнять каждый человѣкъ. Но и эти простыя операціи отдѣляются теперь отъ остальной болѣе содержательной дѣятельности человѣка и поручаются особо назначеннымъ рабочимъ. Поэтому въ каждомъ ремеслѣ, которымъ завладѣваетъ мануфактура, нарождается цѣлый классъ такъ называемыхъ чернорабочихъ или неискусныхъ работниковъ (ungeschickte Arbeiter), которыхъ вовсе не существовало при прежнемъ ремесленномъ производствѣ. До сихъ поръ, мануфактура развивала до совершенства какую-нибудь одну вполнѣ одностороннюю спеціальность на счетъ всѣхъ остальныхъ способностей; теперь она начинаетъ уже обращать въ спеціальность самое отсутствіе всякаго развитія. Рядомъ съ іерархическою градаціей выступаетъ простое раздѣленіе рабочихъ на искусныхъ, отъ которыхъ требуются какія-нибудь спеціальныя свѣдѣнія или искусство, и на чернорабочихъ, отъ которыхъ не требуется никакихъ познаній или искусства. Для послѣднихъ не требуется вовсе никакихъ расходовъ на обученіе; что же касается первыхъ, то расходы на ихъ обученіе также понижаются, сравнительно съ расходами на обученіе ремесленника, благодаря упрощенію выполняемыхъ ими функцій. И въ томъ и другомъ случаѣ стоимость рабочей силы понижается [49]). Исключеніе изъ этого закона является въ такихъ случаяхъ, когда расчлененіе работъ порождаетъ новыя, болѣе сложныя функціи, не существовавшія при прежнемъ ремесленномъ способѣ производства вовсе, или существовавшія, но не въ такихъ размѣрахъ. Относительное пониженіе стоимости рабочей силы, благодаря уничтоженію или уменьшенію издержекъ на обученіе, предполагаетъ непосредственно болѣе значительное возрастаніе стоимости капитала; такъ какъ все то, что сокращаетъ время, потребное для воспроизведенія рабочей силы, расширяетъ область прибавочнаго труда.

4) Раздѣленіе труда въ мануфактурѣ и раздѣленіе труда въ обществѣ.

Первоначально мы разсматривали возникновеніе мануфактуры изъ кооперации; затѣмъ ея простые элементы—детальнаго работника и его инструментъ; и наконецъ ея общій механизмъ. Теперь мы разсмотримъ вкратцѣ отношеніе между мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда и общественнымъ раздѣленіемъ труда, которое составляетъ общее основаніе всякаго производства товаровъ.

Если имѣть въ виду только самый трудъ, то можно назвать раздѣленіе общественнаго производства на его крупные роды, каковы земледѣліе, обработывающая промышленность и пр..

операцій и такою силою, которая была бы годна только для самыхъ тяжелыхъ и утомительныхъ работъ». (Ch. Babbage, l. c. ch. XIX).

[46]) Такъ напримѣръ, одностороннее развитіе мускуловъ, извѣстное искривленіе костей и т. д.

[47]) На вопросъ слѣдственнаго коммиссара, какимъ образомъ поддерживается вниманіе къ труду и прилежаніе между дѣтьми работающими на мануфактурѣ, Wm. Marschall, главноуправляющій однимъ стекольнымъ заводомъ, отвѣчалъ совершенно вѣрно: «Невнимательными къ своему дѣлу они быть не могутъ: какъ скоро они разъ начали работать, они должны продолжать; они становятся какъ бы частями машины» («they are the same as parts of a machine». Child. Empl. Comm. Fourth Report, 1865", p. 247).

[48]) Dr. Ure, въ своемъ прославленіи крупной промышленности, понимаетъ гораздо яснѣе истинныя характеристическія особенности мануфактуры, чѣмъ экономисты болѣе ранняго періода, не имѣвшіе его полемическихъ побудительныхъ мотивовъ, и даже чѣмъ его современники, какъ напримѣръ Babbage, который хотя и долженъ быть поставленъ гораздо выше его какъ ученый математикъ и механикъ, но который однако понимаетъ крупную промышленность собственно говоря лишь съ точки зрѣнія мануфактуры. Ure замѣчаетъ: «Такое присвоеніе работника каждой особенной операціей составляетъ сущность раздѣленія труда». Съ другой стороны онъ изображаетъ это раздѣленіе труда, какъ «приспособленіе» разныхъ работъ къ различнымъ индивидуальнымъ способностямъ» и характеризуетъ, наконецъ, всю мануфактурную систему, какъ «систему градацій труда, смотря по степени искусства», какъ «раздѣленіе труда, соотвѣтственное различнымъ степенямъ искусства» и т. д. (Ure Philosop. of Manuf p. 19—23 passim).

[49]) «Работникъ... будучи принужденъ совершенствоваться, вслѣдствіе постояннаго занятія однимъ и тѣмъ же дѣломъ, становится... дешевымъ работникомъ» (Ure l. c. p. 19).

раздѣленіемъ труда вообще; раздѣленіе этихъ группъ на виды и разновидности—раздѣленіемъ труда въ частности; а раздѣленіе труда внутри мастерской—раздѣленіемъ труда въ отдѣльности (im Einzelnen) [50]).

Въ обществѣ раздѣленіе труда и вытекающее изъ него ограниченіе каждой личности особенною сферою занятій,—подобно раздѣленію труда въ мануфактурѣ, развивается изъ двухъ противоположныхъ точекъ отправленія. Внутри семейства [50a]) или при послѣдующемъ его развитіи внутри рода, естественно появляется раздѣленіе труда, обусловленное различіемъ пола и возраста, слѣдовательно, изъ чисто физіологическаго основанія; развитіемъ общественныхъ связей, увеличеніемъ населенія, а въ особенности столкновенія между различными родами и порабощенія одного рода другимъ, расширяетъ это основаніе еще болѣе. Съ другой стороны, какъ я уже замѣтилъ ранѣе, обмѣнъ продуктовъ возникаетъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ различныя семейства, роды, общины приходятъ во взаимное соприкосновеніе, потому что въ самомъ началѣ человѣческой культуры, только семейства, роды и т. д., выступаютъ самостоятельно по отношенію другъ къ другу, но не отдѣльныя частныя лица. Различныя общины находятъ въ окружающей ихъ природѣ различныя средства производства, также какъ и различныя продовольственныя средства. Поэтому ихъ способы производства, образъ жизни и изготовляемые ими продукты также различны. Вотъ это-то естественное различіе и вызываетъ, при взаимномъ соприкосновеніи различныхъ общинъ, взаимный обмѣнъ принадлежащихъ имъ продуктовъ, а поэтому и превращеніе этихъ продуктовъ постепенно въ товары. Различія въ сферахъ производства обмѣнъ не создаетъ; такія различія существовали уже до обмѣна; онъ просто приводитъ эти различныя сферы производства во взаимное отношеніе и превращаетъ ихъ такимъ образомъ въ болѣе или менѣе зависящія другъ отъ друга отрасли одного и того же производства болѣе обширнаго общества. Общественное раздѣленіе труда при этомъ возникаетъ вслѣдствіе обмѣна между первоначально различными, но самостоятельными сферами производства. Тамъ, гдѣ исходной точкой служитъ физіологическое раздѣленіе труда, особенные органы первоначальнаго сложнаго цѣлаго, отдѣляются одни отъ другихъ, распадаются,—главный толчекъ къ такому процессу распаденія даетъ обмѣнъ товаровъ съ чужими общинами,—и обособляются на столько, что всякая послѣдующая связь между отдѣльными родами труда поддерживается въ будущемъ только при помощи взаимнаго обмѣна ихъ продуктовъ въ формѣ товаровъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ одномъ случаѣ первоначально самостоятельныя единицы теряютъ значительную часть своей независимости; а въ другомъ случаѣ, первоначально зависимыя единицы получаютъ постепенно нѣкоторую самостоятельность.

Всякое развитое и обусловленное обмѣномъ товаровъ раздѣленіе труда, основано на отдѣленіи города отъ деревни [51]). Можно сказать, что вся экономическая исторія общества сводится на движеніе этого противорѣчія. Впрочемъ здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого предмета, почему мы и оставляемъ его пока въ сторонѣ.

Извѣстное число одновременно занятыхъ работниковъ является необходимымъ матеріальнымъ условіемъ для возможности раздѣленія труда въ мануфактурѣ; точно также и для раздѣленія труда въ обществѣ необходима извѣстная величина населенія и извѣстная плотность его, которая занимаетъ при этомъ мѣсто агломераціи работниковъ въ той же самой мастерской [52]). Впрочемъ эта плотность есть нѣчто от-

---

[50]) «Раздѣленіе труда, начинаясь съ раздѣленія разнороднѣйшихъ профессій, продолжается вплоть до того рода раздѣленія, когда нѣсколько рабочихъ раздѣляютъ между собою выдѣлку того же самого предмета, какъ это происходитъ на мануфактурѣ». (Storch: «Cours d'Econ. Pol.», парижское изданіе, t. I, p. 173). «У всѣхъ народовъ, достигшихъ нѣкоторой степени цивилизаціи, мы находимъ три рода раздѣленія промышленности: первый родъ, который можно назвать общимъ (générale), приводитъ къ различенію земледѣльцевъ, мануфактуристовъ и торговцевъ; онъ относится къ тремъ главнымъ отраслямъ народной промышленности; второй родъ, который можно было бы назвать спеціальнымъ (spéciale), есть раздѣленіе каждаго рода промышленности на виды... наконецъ третье раздѣленіе промышленности, которое надо было бы назвать раздѣленіемъ занятія (division de la besogne) или раздѣленіемъ труда въ собственномъ смыслѣ, есть такое раздѣленіе, которое устанавливается въ отдѣльныхъ искусствахъ и ремеслахъ... которое учреждается въ большей части мануфактуръ и мастерскихъ». (Skarbeck, l. c. p. 84, 85).

[50a]) Къ 3-му изд.—Позднѣйшія весьма глубокія изслѣдованія первобытныхъ условій существованія человѣка, привели автора къ заключенію, что не семейство первоначально развилось въ родъ, но, что наоборотъ, первоначальной и стихійно возникшей формой человѣческаго общежитія былъ родъ, имѣющій основаніемъ кровное родство, такъ что лишь позднѣе, при начинающемся ослабленіи родовыхъ связей, стали появляться многоразличныя формы семейства.—Фр. Э.

[51]) Sir James Steuart изложилъ это мѣсто лучше, чѣмъ кто нибудь. Какъ мало извѣстно въ настоящее время его сочиненіе, вышедшее лѣтъ за десять до «Wealth of Nations», видно изъ того, что поклонники Мальтуса даже не подозрѣваютъ, что въ первомъ изданіи его сочиненія о «Population», Мальтусу принадлежитъ почти одна только чисто декламаторская часть, между тѣмъ какъ почти все остальное заимствовано имъ изъ Стюарта, а также изъ сочиненій англійскихъ священниковъ.—Wallace и Townsend.

[52]) «Только извѣстная плотность населенія благопріятна развитію соціальныхъ отношеній,

носительное. Сравнительно мало населенная страна, съ развитыми путями сообщенія, обладаетъ болѣе плотнымъ населеніемъ, чѣмъ болѣе населенная страна съ неразвитыми путями сообщенія; въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, сѣверные штаты Американскаго Союза населены плотнѣе, чѣмъ Индія [53]).

Такъ какъ необходимымъ условіемъ для всякаго капиталистическаго способа производства, является вообще производство и обращеніе товаровъ, поэтому мануфактурное раздѣленіе труда требуетъ, чтобы раздѣленіе труда въ самомъ обществѣ достигло уже предварительно извѣстной степени развитія. И наоборотъ, мануфактурное раздѣленіе труда дѣйствуетъ въ свою очередь на общество, развивая и умножая общественное раздѣленіе труда. Вмѣстѣ съ дифференцированіемъ рабочихъ инструментовъ, болѣе и болѣе дифференцируются также и тѣ отрасли промышленности, которыя занимаются изготовленіемъ этихъ инструментовъ [54]). Какъ только мануфактурное производство завладѣваетъ какимъ-нибудь ремесломъ, которое до тѣхъ поръ находилось въ связи съ другими производствами, какъ главное или побочное ремесло, и исполнялось однимъ и тѣмъ же производителемъ, немедленно происходитъ расчлененіе его и обособленіе каждаго изъ нихъ. Если же мануфактурное производство захватываетъ какой-нибудь товаръ въ какой-нибудь фазѣ его производства, то различныя фазы производства этого товара превращаются въ различныя независимыя ремесла. Выше уже было сказано, что тамъ, гдѣ готовое издѣліе является только простымъ механическимъ соединеніемъ различныхъ фазъ его производства, эти различныя фазы работъ могутъ снова принять самостоятельную форму особенныхъ ремеслъ. Для того, чтобы провести раздѣленіе труда внутри мануфактуры съ большею полнотою, та же самая отрасль производства расчленяется на различныя, отчасти совершенно новыя мануфактуры, сообразно различіямъ въ употребляемомъ ею сыромъ матеріалѣ, или соотвѣтственно различнымъ формамъ, которыя можетъ получить тотъ же самый сырой матеріалъ. Такъ напримѣръ, уже въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія въ одной только Франціи производилось болѣе 100 сортовъ разнородныхъ шелковыхъ тканей; а въ Авиньонѣ, напримѣръ, существовалъ такой законъ, что «каждый ученикъ обязанъ изучать всецѣло лишь одинъ какой-нибудь сортъ фабрикаціи, и не имѣетъ права обучаться изготовленію многихъ сортовъ матерій». Территоріальное раздѣленіе труда, ограничивающее извѣстныя отрасли производства извѣстными округами страны, получаетъ также новый толчокъ со стороны мануфактурнаго способа производства, постоянно эксплуатирующаго всякаго рода особенныя преимущества [55]). Богатый матеріалъ для раздѣленія труда въ обществѣ доставляется мануфактурному періоду расширеніемъ всемірнаго рынка и колоніальною ситемой, двумя обстоятельствами, которыя принадлежатъ къ кругу общихъ условій существованія разсматриваемаго нами способа производства. Здѣсь не мѣсто объяснять, какимъ образомъ раздѣленіе труда постепенно овладѣваетъ не только экономическою, но и всѣми другими общественными сферами, и полагаетъ повсюду прочное основаніе той спеціализаціи, той узкости, тому раздробленію цѣльнаго человѣка, по поводу котораго A. Ferguson, учитель Адама Смита, восклицаетъ съ горечью: «Всѣ мы образуемъ націю илотовъ, между нами нѣтъ ни одного свободнаго человѣка» [56]).

Впрочемъ, несмотря на многочисленныя аналогіи и несомнѣнную связь между раздѣленіемъ труда въ обществѣ и раздѣленіемъ труда внутри мастерской, оба эти явленія отличаются другъ отъ друга не только по степени, но и по существу. Очевидность аналогіи между этими двумя явленіями замѣтна всего сильнѣе тамъ, гдѣ существуетъ нѣкоторая внутренняя связь, соединяющая между собою различныя отрасли производства. Скотопромышленникъ, напримѣръ, производитъ шкуры, кожевникъ превращаетъ эти шкуры въ выдѣланную кожу, а сапожникъ превращаетъ эту кожу въ сапоги. Каждый изготовляетъ при этомъ полуготовый продуктъ, а послѣдняя окончательная форма представляетъ коллективный продуктъ ихъ отдѣльныхъ спеціальныхъ работъ. Сюда же нужно прибавить

и тому сочетанію силъ, посредствомъ котораго возрастаетъ продуктъ труда». (James Mill l. c. p. 50). «Съ увеличеніемъ числа работниковъ, производительная сила общества возрастаетъ въ сложномъ отношеніи, а именно пропорціонально этому возрастанію, помноженному на дѣйствія раздѣленія труда». (Th. Hodgskin, l. c. p. 125, 126).

[53]) Съ 1861 года, вслѣдствіе громаднаго запроса на хлопчатую бумагу, въ нѣкоторыхъ, до тѣхъ поръ очень густо населенныхъ, округахъ Остъ-Индіи, воздѣлываніе хлопка расширилось на счетъ воздѣлыванія риса. Поэтому, мѣстами, вскорѣ появился голодъ, такъ какъ, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ сообщенія, а слѣдовательно и недостатка въ физической связи, дѣйствіе неурожая риса въ одномъ округѣ нельзя было ослабить своевременнымъ подвозомъ изъ другого округа.

[54]) Такъ, напримѣръ, производство ткацкихъ челноковъ уже въ XVII-мъ столѣтіи представляло въ Голландіи особенную отрасль промышленности.

[55]) «Развѣ шерстяная мануфактура Англіи не раздѣлена на различныя части или отрасли, причемъ каждая находится только въ опредѣленной мѣстности; тонкія сукна производятся въ Сомерсетширѣ, грубыя сукна — въ Іоркширѣ, long ells — въ Эксетерѣ, soies — въ Сэндбюри, крепы—въ Норвичѣ, сермяга—въ Кендалѣ, одѣяла—въ Whitney, и такъ далѣе!» (Berkeley: «The Querist» 1750, §. 520).

[56]) A. Ferguson: «History of Civil Society», Edinb. 1750 Part IV, sect. II, p. 285.

также и тѣ многочисленныя отрасли труда, которыя доставляютъ скотопромышленнику, кожевнику и сапожнику ихъ средства производства. Можно представить себѣ вмѣстѣ съ Адамомъ Смитомъ, что это общественное раздѣленіе труда отличается отъ мануфактурнаго раздѣленія труда только субъективно, т. е. что, въ одномъ случаѣ, наблюдатель можетъ окинуть однимъ взглядомъ всѣ разныя частичныя работы, происходящія одна подлѣ другой на сравнительно тѣсномъ пространствѣ, между тѣмъ какъ въ другомъ случаѣ разбросанность такихъ работъ по громадному пространству, а также многочисленность рабочихъ, занятыхъ исполненіемъ каждой изъ нихъ, затемняютъ существующую между ними связь [57]). Но почему же именно возникаетъ связь между самостоятельными занятіями скотопромышленника, кожевника и сапожника? Потому, что ихъ продукты производятся ими въ формѣ товара. Что же, наоборотъ, въ особенности характеризуетъ мануфактурное раздѣленіе труда? То, что специализированный рабочій не производитъ никакого товара [58]). Только общій продуктъ всѣхъ спеціальныхъ рабочихъ превращается въ товаръ [58a]). Раздѣленіе труда въ обществѣ обусловливается продажею и покупкою продуктовъ различныхъ отраслей труда; связь же между отдѣльными операціями въ мануфактурѣ обусловливается продажею различныхъ рабочихъ силъ одному и тому же капиталисту, употребляющему ихъ какъ одну коллективную рабочую силу. Мануфактурное раздѣленіе труда предполагаетъ сосредоточеніе средствъ производства въ рукахъ одного капиталиста; общественное раздѣленіе труда предполагаетъ раздробленіе средствъ производства между многими независимыми другъ отъ друга производителями товаровъ. Тогда какъ въ мануфактурѣ желѣзный законъ пропорціональности работъ подчиняетъ опредѣленное число рабочихъ опредѣленнымъ функціямъ,—въ обществѣ внѣ мастерской, распредѣленіе товаро-производителей и ихъ средствъ производства между различными отраслями промышленности представляетъ пеструю прихотливую игру произвола и случая. Правда, что различныя сферы производства постоянно стремятся притти въ положеніе равновѣсія, съ одной стороны тѣмъ, что каждый товаро-производитель долженъ производить всегда какую-нибудь потребительную стоимость, а потому долженъ удовлетворять какой-нибудь особой общественной потребности, и если размѣръ этихъ потребностей количественно различенъ, все-таки есть нѣкоторая внутренняя связь, соединяющая различныя массы потребностей въ одну стихійно-возникшую систему; съ другой стороны тѣмъ, что законъ, которому подчиняется стоимость товаровъ, въ концѣ концовъ опредѣляетъ сколько рабочаго времени можетъ данное общество потратить на производство каждаго особеннаго рода товаровъ, изъ всего того количества рабочаго времени, которое оно имѣетъ въ своемъ

---

57) «Въ настоящихъ мануфактурахъ, говоритъ онъ, раздѣленіе труда кажется болѣе значительнымъ потому, что «рабочіе, занятые исполненіемъ различныхъ частей одного общаго дѣла, часто могутъ быть собраны въ одномъ и томъ же рабочемъ зданіи, гдѣ зритель можетъ видѣть ихъ всѣхъ сразу. Напротивъ того,—въ тѣхъ громадныхъ мануфактурахъ (!), которыя предназначены для удовлетворенія громадныхъ потребностей громаднаго тѣла цѣлаго народа, каждая различная часть дѣла употребляетъ такое значительное число рабочихъ, что нѣтъ никакой возможности собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ одной и той же мастерской... связь здѣсь далеко не такъ наглядна». (A. Smith: «Wealth of Nations». b. I, ch. I). Знаменитый параграфъ той же самой главы, который начинается словами: «Посмотрите на домашнюю обстановку самаго простого рабочаго, какого-нибудь поденщика, въ цивилизованной, преуспѣвающей странѣ... etc.», и который расписываетъ далѣе, какимъ образомъ безчисленныя, разнообразныя ремесла помогаютъ удовлетворенію нуждъ обыкновеннаго рабочаго,—списанъ почти буквально изъ B. de Mandeville's Remarks къ его «Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits». (Первое изданіе безъ примѣчаній, въ 1706; съ примѣчаніями—въ 1714 г.).

58) «Здѣсь не существуетъ болѣе ничего, что бы могло быть названо естественнымъ вознагражденіемъ индивидуальнаго труда. Каждый рабочій производитъ только нѣкоторую часть цѣлаго; а такъ какъ каждая часть сама по себѣ не имѣетъ никакой полезности или цѣнности, поэтому здѣсь нѣтъ ничего, что рабочій могъ бы взять и сказать: «вотъ мое произведеніе, я его беру себѣ». («Labour defended against the claims of Capital. Lond. 1825», p. 25). Авторъ этого превосходнаго сочиненія есть не разъ уже цитированный нами Th. Hodgskin.

58a) Ко 2-му изд. — Это различіе между общественнымъ раздѣленіемъ труда и раздѣленіемъ труда въ мануфактурѣ было иллюстрировано для янки практически. Одинъ изъ новыхъ налоговъ, придуманныхъ въ Вашингтонѣ во время междуусобной войны, состоялъ изъ 6%-го налога на «всѣ промышленныя издѣлія». Вопросъ: Что такое промышленное издѣліе? Отвѣтъ законодателя: Предметъ производится, «если онъ сдѣланъ» (when it is made), а онъ сдѣланъ, если готовъ для продажи, Такъ вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Нью-іоркскіе и филадельфійскіе мануфактуры раньше «дѣлали» зонтики со всѣми ихъ принадлежностями. Но такъ какъ зонтикъ представлялъ mixtum compositum частей крайне разнородныхъ, то послѣднія мало-по-малу стали обращаться въ продукты различныхъ самостоятельныхъ отраслей промышленности, находящихся въ разныхъ мѣстахъ. Они поступали на зонтичную мануфактуру въ видѣ отдѣльныхъ товаровъ, гдѣ они собирались для изготовленія зонтиковъ. Подобные предметы торговли янки окрестили названіемъ «assembled articles» (соединенными предметами торговли), это названіе они заслужили къ тому же какъ сборное мѣсто пошлины. Такимъ образомъ зонтикъ «соединяетъ», во-первыхъ, 6%-ый налогъ съ цѣны каждой изъ его составныхъ частей, а затѣмъ еще 6% со всей его собственной цѣны.

распоряженіи. Но это постоянное стремленіе различныхъ отраслей производства къ устойчивому равновѣсію проявляется лишь какъ реакція противъ постояннаго нарушенія этого равновѣсія. При раздѣленіи труда внутри мастерской, снабженіе каждой особенной функціи извѣстнымъ числомъ рабочихъ подчиняется a priori закону пропорціональности работъ, который дѣйствуетъ здѣсь какъ правило, примѣняющееся сознательно и по заранѣе обдуманному плану; при раздѣленіи же труда въ обществѣ, этотъ законъ дѣйствуетъ лишь a posteriori, какъ внутренняя, скрытая, естественная необходимость, которой подчиняется безпорядочный произволъ производителя товаровъ, и которая обнаруживается въ барометрическихъ колебаніяхъ рыночныхъ цѣнъ. Раздѣленіе труда внутри мастерской предполагаетъ неоспоримую и неограниченную власть капиталиста надъ людьми, которые представляютъ собою лишь простыхъ членовъ принадлежащаго ему механизма. Общественное раздѣленіе труда приводитъ во взаимное соприкосновеніе самостоятельныхъ товаро-производителей, не признающихъ никакой другой власти, кромѣ власти конкурренціи, и никакого другого принужденія, кромѣ принужденія, обусловленнаго давленіемъ ихъ взаимныхъ интересовъ; точь въ точь какъ въ царствѣ животныхъ, гдѣ bellum omnium contra omnes сохраняетъ болѣе или менѣе условія существованія всѣхъ видовъ. Поэтому, то же самое буржуазное пониманіе вещей, которое торжественно превозноситъ мануфактурное раздѣленіе труда, пріурочиваніе рабочаго пожизненно къ одной и той же детальной операціи и рабское подчиненіе детальнаго рабочаго капиталу, какъ организацію труда, увеличивающую его производительную силу, — громко жалуется въ то же время на всякій сознательный общественный контроль и регулированіе общественнаго процесса труда, какъ на вторженіе въ священныя права собственности. Особенно характерно то обстоятельство, что самые горячіе защитники фабричной системы, нападая на всякую общую организацію труда всего общества, не умѣютъ сказать противъ нея ничего болѣе язвительнаго какъ то, что такая организація превратила бы все общество въ одну большую фабрику.

Если въ обществѣ, основанномъ на капиталистическомъ способѣ производства, анархія въ общественномъ раздѣленіи труда и деспотизмъ въ мануфактурномъ раздѣленіи труда обусловливаютъ другъ друга, за то болѣе раннія общественныя формы,—гдѣ обособленіе ремеслъ развивается путемъ естественнымъ, затѣмъ мало-помалу кристаллизуется въ нравы и обычаи, и наконецъ закрѣпляется путемъ закона,—представляютъ съ одной стороны картину правильной, твердой организаціи общественнаго труда, а съ другой стороны или совершенно исключаютъ раздѣленіе труда внутри мастерской, или допускаютъ его развитіе только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, или же представляютъ лишь спорадическіе и случайные примѣры развитія такого раздѣленія [59]).

Такъ напримѣръ, тѣ первобытныя мелкія индійскія общины, отчасти существующія еще и до сихъ поръ, основываются на общинномъ владѣніи землею, на непосредственной связи между земледѣліемъ и ремесломъ, и на упрочившемся раздѣленіи труда, которое, при возникновеніи каждой новой общины, служитъ для ея основателей готовымъ планомъ и образцомъ. Каждая изъ такихъ общинъ образуетъ одно производительное цѣлое, вполнѣ удовлетворяющее своимъ собственнымъ потребностямъ и нуждамъ, причемъ область производства такой общины колеблется между 100 и нѣсколькими тысячами акровъ. Главная масса продуктовъ изготовляется непосредственно для удовлетворенія нуждъ самой общины, а не какъ товары; а потому и самое производство не зависитъ при этомъ отъ обусловленнаго обмѣномъ товаровъ раздѣленія труда во всемъ индійскомъ обществѣ. Только излишекъ продуктовъ обращается въ товары; но даже и этотъ излишекъ обращается въ товары отчасти только въ рукахъ правительства, къ которому съ незапамятныхъ временъ извѣстная часть продукта поступаетъ въ видѣ натуральной ренты. Форма такихъ общинъ въ разныхъ мѣстахъ Индіи различна. При самой простой формѣ община обработываетъ сообща свою землю и раздѣляетъ потомъ полученные продукты между своими членами; что же касается до пряденья, тканья и т. д., то въ каждомъ семействѣ это является домашнимъ, побочнымъ занятіемъ. Среди всей этой массы, занятой однороднымъ трудомъ, мы встрѣчаемъ: «старшину», соединяющаго въ одномъ своемъ лицѣ судью, полицію и сборщика налоговъ; счетовода, ведущаго счетъ всему тому, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ земледѣлію; третье должностное лицо обязано ловить преступниковъ, охранять заѣзжихъ иностранцевъ и провожать ихъ изъ своей деревни до ближайшаго сосѣдняго поселенія; пограничнаго сторожа, охраняющаго границы отъ захватовъ со стороны обитателей сосѣднихъ общинъ; надзирателя за водоемами, который завѣдуетъ распредѣленіемъ воды изъ общественнаго водохранилища по воздѣланнымъ участкамъ земли; брамина, исполняющаго функціи религіознаго культа; школьнаго учителя,

[59]) «Можно принять... за общее правило, что чѣмъ менѣе участвуетъ авторитетъ въ раздѣленіи труда въ обществѣ, тѣмъ болѣе развивается раздѣленіе труда внутри мастерской, и тѣмъ болѣе подчиняется оно тамъ авторитету одного лица. Слѣдовательно, степень участія авторитета въ мастерской и степень участія его въ обществѣ обратно пропорціональны другъ другу» (Karl Marx, l. c. p. 130, 131).

который на пескѣ обучаетъ ребятишекъ деревни читать и писать; брамина-астролога, опредѣляющаго время для посѣва и жатвы, а также благопріятное и неблагопріятное время для исполненія каждой изъ земледѣльческихъ работъ: кузнеца и плотника, изготовляющихъ и исправляющихъ всѣ орудія, необходимыя для земледѣлія; горшечника, дѣлающаго всѣ сосуды, употребляющіеся въ деревнѣ; цирюльника, прачку (мужчина) для стирки одежды; серебряныхъ дѣлъ мастера и, наконецъ, кое-гдѣ также поэта, который въ нѣкоторыхъ общинахъ встрѣчается вмѣсто серебряныхъ дѣлъ мастера, а въ другихъ вмѣсто школьнаго учителя. Эта дюжина лицъ содержится на счетъ всей общины. Какъ скоро поселеніе разростается до извѣстной степени, часть жителей уходитъ на необработанныя земли и основываетъ тамъ новую общину по образцу старой. Разсматривая общій механизмъ общины, мы находимъ здѣсь раздѣленіе труда, соотвѣтствующее извѣстному плану; но мануфактурное раздѣленіе труда здѣсь невозможно, такъ какъ рынокъ для кузнеца, плотника и такъ далѣе остается неизмѣннымъ; много, много, что если, вслѣдствіе болѣе значительнаго размѣра деревни, мы встрѣчаемъ вмѣсто одного кузнеца, гончара и такъ далѣе,— двухъ или трехъ и проч. [60]). Законъ, управляющій раздѣленіемъ общиннаго труда, дѣйствуетъ при этомъ съ непреодолимостью закона природы; но въ то же самое время каждый отдѣльный ремесленникъ, напримѣръ кузнецъ и т. д., исполняетъ всѣ работы, относящіяся къ его спеціальности, хотя по способамъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ отцовъ,—но тѣмъ не менѣе совершенно самостоятельно и не признавая никакого авторитета въ предѣлахъ своей мастерской. Простая производительная организація этой общины,— удовлетворяющая всѣмъ ея потребностямъ, воспроизводящаяся постоянно въ той же самой формѣ, и появляющаяся снова, послѣ каждаго случайняго разрушенія, на томъ же самомъ мѣстѣ и подъ тѣмъ же самымъ именемъ [61]),—даетъ намъ ключъ къ той таинственной загадкѣ, которая заключается въ неизмѣнности азіатскихъ обществъ, такъ странно противорѣчащей съ постояннымъ паденіемъ азіатскихъ государствъ, возстановленіемъ ихъ и съ безпрерывными перемѣнами династій. Дѣло въ томъ, что бури, происходящія въ его политической атмосферѣ оставляютъ нетронутыми зданіе основныхъ экономическихъ элементовъ общества.

Выше мы уже замѣтили, что не цеховые законы допустили превращенія цеховаго мастера въ капиталиста, строго ограничивая число учениковъ и подмастерьевъ, какое могъ держать отдѣльный мастеръ. Кромѣ того, онъ могъ употреблять учениковъ исключительно лишь для того ремесла, въ которомъ онъ самъ былъ мастеромъ. Цехъ ревниво охранялъ производство отъ всякаго захвата со стороны купеческаго капитала, единственной формы свободнаго капитала, съ которой ему приходилось входить въ соприкосновеніе. Купецъ могъ покупать всякіе товары; но ему было запрещено покупать трудъ какъ товаръ. Его терпѣли только какъ сбытчика ремесленныхъ продуктовъ. Если внѣшнія обстоятельства вызывали дальнѣйшее раздѣленіе труда, существующіе цехи распадались на разновидности, или же новые цехи возникали рядомъ со старыми; однако при этомъ различныя ремесла никогда не сосредоточивались въ одной и той же мастерской. Поэтому, хотя обособленіе, изолированіе и развитіе ремеслъ, выработанныя цеховымъ періодомъ, и принадлежатъ къ числу матеріальныхъ условій существованія мануфактурнаго періода, тѣмъ не менѣе цеховая организація исключала мануфактурное раздѣленіе труда. Вообще, при цеховомъ устройствѣ, рабочій и его средства производства оставались соединенными другъ съ другомъ, какъ улитка съ своей раковиной, и, такимъ образомъ, не доставало основного условія мануфактуры,— отдѣленія средствъ производства отъ рабочаго и превращеніе ихъ въ капиталъ.

Тогда какъ раздѣленіе труда во всемъ обществѣ, — будетъ-ли его сопровождать обмѣнъ товаровъ, или нѣтъ, все равно, — принадлежитъ самымъ различнымъ экономическимъ общественнымъ формаціямъ, мануфактурное раздѣленіе труда является чисто специфическимъ созданіемъ капиталистическаго способа производства.

5) Капиталистическій характеръ мануфактуры.

Значительное число рабочихъ, соединенныхъ подъ властью одного и того же капитала, составляетъ естественный исходный пунктъ какъ коопераціи вообще, такъ и мануфактуры. И наоборотъ: вслѣдствіе мануфактурнаго раздѣленія

---

[60]) Lieut. Col. Mark Wilks: «Historical Sketches of the South of India. Lond. 1810—17», v. I, p. 118—120. Очень хорошее сопоставленіе различныхъ формъ индійскаго общежитія находится въ George Campbell's: «Modern India. London 1852».

[61]) «Въ этой простой формѣ... обитатели страны жили съ незапамятныхъ временъ. Границы деревень рѣдко измѣнялись; и хотя самыя деревни были иногда разворяемы и даже опустошаемы войною, голодомъ, повальными болѣзнями, тѣмъ не менѣе тоже самое названіе, тѣже самыя границы, тѣже самые интересы и даже тѣже самыя семейства продолжали существовать изъ вѣка въ вѣкъ. Жители мало безпокоятся о паденіяхъ и раздѣленіяхъ царствъ; пока деревня остается цѣла, имъ мало дѣла до того, за какимъ государствомъ она считается, или какому монарху она принадлежитъ; ея внутреннее хозяйство остается безъ измѣненія». (Th. Stamford Raffles, late Lieut. Gov. of Java. «The History of Java. London 1817», v. II. p. 285).

труда возрастаніе числа занятыхъ работниковъ становится технической необходимостью. Минимальное число работниковъ, которое капиталистъ долженъ употребить для извѣстнаго дѣла, указывается при этомъ уже существующимъ раздѣленіемъ труда. Съ другой стороны, тѣ выгоды, которыя можно получить вслѣдствіе дальнѣйшаго раздѣленія труда, находятся въ зависимости отъ дальнѣйшаго увеличенія числа рабочихъ, увеличенія, пропорціональнаго числу ихъ въ каждой отдѣльной группѣ. Но съ увеличеніемъ перемѣнной части капитала, должна увеличиваться и постоянная его часть, затраты на орудія производства, машины, строенія, печи и т. д., и въ особенности—затраты на сырой матеріалъ, количество котораго возростаетъ гораздо быстрѣе числа рабочихъ. Количество сырого матеріала, потребляемаго въ данное время даннымъ количествомъ труда, возрастаетъ въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ увеличивается производительная сила труда отъ его раздѣленія. Слѣдовательно, возрастаніе минимума капитала, который долженъ находиться въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста, другими словами, превращеніе въ капиталъ общественныхъ средствъ существованія и средствъ производства, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, составляетъ законъ, вытекающій изъ техническаго характера мануфактуры [62]).

Коллективный рабочій организмъ, какъ въ простой коопераціи, такъ и въ мануфактурѣ, представляетъ только особую форму существованія капитала. Этотъ сложный, коллективный, производительный механизмъ, состоящій изъ множества индивидуальныхъ детальныхъ работниковъ, принадлежитъ капиталисту. А потому и производительная сила, развивающаяся изъ сочетанія ихъ работъ, представляется при этомъ производительной силой капитала. Мануфактура, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не только подчиняетъ прежняго независимаго рабочаго власти и дисциплинѣ капитала, но еще создаетъ, сверхъ того, іерархическое раздѣленіе между самими рабочими. Тогда какъ простая кооперація почти не касается способа работы отдѣльной единицы, оставляя его почти безъ всякаго измѣненія, — мануфактура производитъ въ этомъ способѣ настоящій переворотъ, потрясающій его въ самомъ основаніи, и поражаетъ индивидуальную рабочую силу въ самомъ ея корнѣ. Искусственнымъ, тепличнымъ развитіемъ спеціализированной ловкости рабочаго на счетъ цѣлаго міра производительныхъ наклонностей и дарованій, она уродуетъ его, превращая въ какое-то ненормальное существо; она дѣйствуетъ какъ скотопромышленники Ла-Платы, которые убиваютъ цѣлое животное ради одной только шкуры или сала. Мануфактура не только раздѣляетъ детальныя работы между различными лицами, но она раздѣляетъ и самую личность, превращая ее въ автоматическую машину для исполненія извѣстной детальной работы [63]) и осуществляетъ, такимъ образомъ, нелѣпую басню Мененія Агриппы, представляющую человѣка какъ простую часть его же собственнаго тѣла [64]). Первоначально рабочій продавалъ свою рабочую силу капиталу потому, что у него не было матеріальныхъ условій для изготовленія извѣстнаго товара; теперь же сама его индивидуальная рабочая сила потеряла возможность приносить услугу, пока она не продана капиталу. Она можетъ дѣйствовать теперь только совмѣстно съ другими рабочими силами; а такая связь наступаетъ лишь послѣ того, какъ она уже продана, т. е. только въ мастерской капиталиста. Неспособный по своимъ естественнымъ качествамъ дѣлать что-нибудь самостоятельное, мануфактурный рабочій развиваетъ производительную дѣятельность только какъ простую принадлежность мастерской капиталиста [65]). Какъ на лбу избраннаго народа было написано, что онъ есть собственность Іеговы, такъ точно раздѣленіе труда кладетъ на мануфактурнаго работника неизгладимое клеймо, отличающее его повсюду, какъ собственность капитала.

---

[62]) «Предположимъ, что капиталъ, требующійся для дальнѣйшаго подраздѣленія ремеслъ (вмѣсто капиталъ нужно читать средства существованія и средства производства, нужныя для этого), находится въ обществѣ, но этого далеко еще недостаточно; кромѣ этого, необходимо еще, чтобы этотъ капиталъ скопился въ рукахъ предпринимателей въ достаточно значительныхъ массахъ, чтобы они имѣли возможность вести производство въ широкихъ размѣрахъ.... Съ увеличеніемъ раздѣленія труда постоянное занятіе того же самаго числа рабочихъ требуетъ все болѣе и болѣе значительныхъ затратъ капитала на рабочія орудія, сырой матеріалъ и т. д.» (Storch: «Cours d'Econ. Polit.», парижское изданіе, t. I. p. 250, 251). «Сосредоточеніе средствъ производства и раздѣленіе труда также неразрывны другъ отъ друга, какъ, въ области политической, сосредоточеніе общественной власти и раздѣленіе частныхъ интересовъ». (Karl Marx, l. c. p. 134).

[63]) Dugald Stewart называетъ мануфактурныхъ рабочихъ: «живыми автоматами.... употребляемыми для исполненія деталей извѣстной работы». (l. c. p. 318)

[64]) У кораллов, каждый индивидуумъ дѣйствительно представляетъ желудокъ цѣлой группы. Но онъ доставляетъ пищу своей группѣ, а неотнимаетъ ее у нея, какъ это дѣлалъ римскій патрицій.

[65]) «Рабочій, руки котораго имѣютъ способность къ цѣлому ремеслу, можетъ идти куда ему угодно: повсюду онъ можетъ исполнять свое ремесло и добывать такимъ образомъ средства для существованія; другой же (мануфактурный работникъ) есть ни что иное какъ аксессуаръ; отдѣленный отъ своихъ собратовъ, онъ не имѣетъ ни способностей, ни самостоятельности и принужденъ принимать такія условія, какія другимъ придетъ въ голову ему предложить». (Storch, l. c. édit. Pétersb. 1815, t. I, p. 204).

Познанія, предусмотрительность и воля, проявляемыя, хотя бы и въ ничтожномъ размѣрѣ, независимымъ земледѣльцемъ или ремесленникомъ, — подобно тому, какъ дикарь въ своей личной хитрости и ловкости, проявляетъ разнообразные элементы всего военнаго искусства, — требуются здѣсь только для всей мастерской, какъ цѣлаго. Умственныя стороны производства развиваются только въ одну сторону, такъ какъ со всѣхъ другихъ онѣ исчезаютъ. То, что теряется детальными рабочими, — сосредоточивается въ капиталѣ, который употребляетъ ихъ на работу [66]). Благодаря мануфактурному раздѣленію труда, духовныя стороны матеріальнаго процесса производства противополагаются работникамъ, какъ чужая собственность, какъ господствующая надъ ними сила. Такой процессъ обособленія начинается уже въ простой кооперацiи, гдѣ капиталистъ для отдѣльнаго рабочаго представляетъ единство и волю коллективнаго работника. Процессъ этотъ продолжаетъ развиваться далѣе въ мануфактурѣ, которая коверкаетъ и уродуетъ работника, превращая его въ детальнаго работника. Наконецъ онъ завершается въ крупной промышленности, которая обращаетъ науку въ самостоятельную производительную силу, назависимую отъ труда, и вербуетъ ее на службу капиталу [67]).

Обогащеніе коллективнаго рабочаго,—а слѣдовательно, капитала, — общественною производительною силою происходитъ въ мануфактурѣ на счетъ обѣдненія каждаго отдѣльнаго рабочаго индивидуальными производительными силами. «Невѣжество, это—мать промышленности, также какъ и мать суевѣрія. Размышленіе и воображеніе подвержены заблужденіямъ; но привычка двигать руками или ногами не зависитъ ни отъ того, ни отъ другаго. Поэтому мануфактура сильнѣе процвѣтаетъ тамъ, гдѣ всего меньше прибѣгаютъ къ умственной помощи, и гдѣ на мастерскую... можно смотрѣть какъ на машину, составленную изъ людей» [68]). И дѣйствительно, въ половинѣ XVIII-го столѣтія нѣкоторыя мануфактуры предпочитали употреблять разныхъ полу-идіотовъ для нѣкоторыхъ работъ, составлявшихъ фабричную тайну [69]).

«Умъ большинства людей», говоритъ Адамъ Смитъ, «складывается необходимымъ образомъ въ зависимости отъ ихъ ежедневныхъ занятій. Человѣкъ, тратящій всю свою жизнь на выполненіе немногихъ простыхъ операцій .... не имѣетъ случаевъ упражнять свой разумъ. Онъ становится вообще настолько тупымъ и настолько невѣжественнымъ, насколько это возможно для человѣческаго созданія». Изобразивъ тупоуміе детальнаго рабочаго, А. Смитъ продолжаетъ: «Весьма естественно, что постоянное однообразіе его жизни вліяетъ пагубнымъ образомъ также и на бодрость его духа. Оно уничтожаетъ даже энергію его тѣла и дѣлаетъ его неспособнымъ проявлять свою силу, съ должной напряженностью и продолжительностью, ни въ чемъ другомъ, кромѣ того детальнаго занятія, которому его обучили. Такимъ образомъ его ловкость въ его особенномъ спеціальномъ занятіи какъ будто получается на счетъ его интеллектуальныхъ, соціальныхъ и воинскихъ качествъ. Таково именно, въ каждомъ промышленномъ, цивилизованномъ обществѣ, то состояніе, въ которое неизбѣжно должны впасть работающіе бѣдняки (the labouring poor), т. е. значительная часть народа» [70]). Для того, чтобы помѣшать полному отупѣнію народныхъ массъ, возникающему изъ раздѣленія труда, А. Смитъ совѣтуетъ народное образованіе на счетъ государства; хотя образованіе это, согласно его совѣту, должно даваться въ осторожныхъ, гомеопатическихъ дозахъ. Но его французскій переводчикъ и комментаторъ, Гарнье, болѣе послѣдовательный въ этомъ случаѣ, возражаетъ противъ такой мѣры. (Этотъ Гарнье, во время первой французской имперіи, сдѣлался, весьма естественно, сенаторомъ). Народное образованіе, утверждаетъ онъ, нарушаетъ основной законъ раздѣленія труда; допустивъ его, мы «осудили бы на смерть всю нашу общественную систему». «Подобно всякому другому раздѣленію труда», говоритъ онъ, «раздѣленіе между ручнымъ

---

[66]) A. Ferguson l. c. «Первый можетъ выиграть то, что потерялъ другой».

[67]) «Человѣкъ знанія и производительный рабочій далеко раздѣлены одинъ отъ другого, и наука, вмѣсто того, чтобы увеличивать производительныя силы въ рукахъ рабочаго къ его собственной выгодѣ, выступаетъ почти повсюду противъ него..... Знаніе систематически обманываетъ (рабочаго) и вводитъ его въ заблужденіе, для того чтобы обратить его мускульную силу въ чисто механическую и послушную». (W. Thompson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. Lond. 1824», p. 274).

[68]) A. Ferguson l. c. p. 280.

[69]) J. D. Tuckett: «A. History of the Past and Present State of the Labouring Population London 1846. v. I, p. 149.

[70]) A. Smith: «Wealth of Nations» B. V, ch. I, art. II. Какъ ученикъ Фергюсона, развившаго всѣ вредныя послѣдствія раздѣленія труда, А. Смитъ имѣлъ на этотъ счетъ вполнѣ ясныя понятія. Въ своемъ вступленіи, въ которомъ раздѣленіе труда прославляется ex professo, А. Смитъ указываетъ лишь мимоходомъ на то, что это же самое раздѣленіе труда является источникомъ общественныхъ неравенствъ. Только въ 5-й книгѣ, по поводу государственныхъ доходовъ, онъ воспроизводитъ аргументацію Фергюсона. Въ моей «Misère de la Philosophie» я достаточно разъяснилъ ту историческую связь, какая существуетъ между Фергюсономъ, А Смитомъ, Lemontey и Сэ, касательно ихъ критики раздѣленія труда. Тамъ же, я впервые показалъ, что мануфактурное раздѣленіе труда есть специфическая форма капиталистическаго способа производства (l. c. p. 122 sq).

трудомъ и умственнымъ трудомъ [71]) дѣлается тѣмъ рѣзче и рѣшительнѣе, чѣмъ богаче становится общество. (Онъ справедливо примѣняетъ это выраженіе къ капиталу, поземельной собственности и ихъ государству). Подобно всякому другому и это раздѣленіе труда является результатомъ прошедшихъ общественныхъ успѣховъ и причиной будущаго прогресса... Въ правѣ-ли правительство мѣшать этому раздѣленію труда и останавливать его въ его естественномъ развитіи? Въ правѣ-ли оно истратить часть государственнаго дохода на попытку, направленную къ тому, чтобы смѣшать и соединить два такіе класса труда, которые сами стремятся къ раздѣленію и обособленію?» [72]).

Нѣкоторое умственное и тѣлесное изуродованіе даже неразлучно съ раздѣленіемъ труда въ обществѣ. Но такъ какъ мануфактурный періодъ проводитъ это общественное расчлененіе различныхъ отраслей труда гораздо дальше, чѣмъ оно было до него, и такъ какъ, съ другой стороны, этотъ періодъ порождаетъ свое особенное раздѣленіе труда, впервые поражающее личность въ самомъ ея жизненномъ корнѣ,—поэтому мануфактурный періодъ первый далъ намъ представленіе о промышленной патологіи и матеріалъ для нея [73]).

«Подраздѣлять человѣка, значитъ исполнять надъ нимъ смертный приговоръ, если онъ заслуживаетъ такого приговора, и — убивать его, если онъ его не заслуживаетъ. Раздѣленіе труда, это—убійство народа» [74]).

Кооперація, основанная на раздѣленіи труда, другими словами мануфактура, сперва возникаетъ стихійно, такъ, сказать, сама собою. Но, какъ только она пріобрѣтаетъ извѣстную степень прочности и широты развитія, то превращается въ сознательную, цѣлесообразную и систематическую форму капиталистическаго способа производства. Исторія мануфактуры въ истинномъ смыслѣ этого слова показываетъ, какимъ образомъ свойственное ей раздѣленіе труда развивается съ самаго начала изъ опыта, какъ бы безъ яснаго сознанія своей цѣли со стороны дѣйствующихъ лицъ: затѣмъ принимаетъ, понемногу, какъ будто ощупью, такія формы, которыя наиболѣе пригодны и отвѣчаютъ данному производству, и,—подобно тому какъ въ цеховомъ ремеслѣ,—однажды найденная форма стремится укрѣпиться, такъ что, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, продолжаетъ существовать въ теченіе столѣтій. И если такая форма измѣняется сколько нибудь существенно, (а не въ какихъ нибудь побочныхъ частностяхъ), то это всегда происходитъ вслѣдствіе коренныхъ измѣненій въ рабочихъ орудіяхъ. Новѣйшая мануфактура,—я не говорю здѣсь о крупной промышленности, основанной на машинномъ производствѣ,—или находитъ (какъ напримѣръ мануфактура, изготовляющая платья), disjecta membra poetae совершенно готовыми, въ тѣхъ большихъ городахъ, гдѣ она возникаетъ, такъ что ей остается только собрать ихъ вмѣстѣ; или же она можетъ легко приложить принципъ раздѣленія труда, просто обращая различныя работы какого-нибудь ремесла (какъ, напримѣръ переплетнаго) въ исключительное занятіе особенныхъ работниковъ. Опредѣленіе относительнаго числа рукъ, необходимыхъ для каждой особенной работы, такъ просто, что для него не нужно даже и недѣли наблюденія [75]).

Мануфактурное раздѣленіе труда,—посредствомъ разложенія ремесленной дѣятельности, посредствомъ спеціализаціи рабочихъ инструментовъ посредствомъ образованія спеціальныхъ работниковъ, посредствомъ ихъ группированія и соединенія въ одинъ общій механизмъ,—создаетъ качественное расчлененіе и количественную про-

---

[71]) Еще Фергюсонъ сказалъ: «Въ періодъ, когда все раздѣляется, само искусство мыслить можетъ также составить особое ремесло» l. c. p. 281.

[72]) G. Garnier, t. V его перевода, p. 4—5.

[73]) Ramazzini, профессоръ практической медицины въ Падуѣ, напечаталъ въ 1713 году свое сочиненіе: «De morbis artificum»; сочиненіе это было переведено на французскій языкъ въ 1781 г., и потомъ снова перепечатано въ 1841 г., въ «Encyclopédie des Sciences Médicales, 7-me Dis. Auteurs Classiques». Періодъ крупной промышленности, весьма естественно, еще болѣе расширилъ каталогъ болѣзней рабочихъ. Смотри между прочимъ: «Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Par le Dr. A. L. Fonterel. Paris 1858», и «Die Krankheiten, welche verschiedenen Ständen, Altern und Geschlechtern eigenthümlich sind. 6 Bände. Ulm 1860». Въ 1854 году, Society of Arts назначило особенную коммисію для производства изслѣдованій о промышленной патологіи. Списокъ документовъ, собранныхъ этою коммисіею, можно найти въ каталогѣ «Twickenham Economic Museum». Очень важны также оффиціальныя донесенія англійскаго «Reports on Public Health». См. также Eduard Reich, M. D. «Ueber die Entartung des Menschen, Erlangen, 1868.

[74]) «To subdivide a man is to execute him, if he deserves the sentence, to assassinate him if he does not... The subdivision of labour is the assassination of a people». (C. Urquhart: «Familiar Words. London 1855», p. 119). Гегель имѣлъ очень еретическіе взгляды на раздѣленіе труда. «Подъ образованными (Gebildeten) людьми слѣдуетъ понимать прежде всего такихъ людей, которые могутъ дѣлать все, что дѣлаютъ другіе», говоритъ онъ въ своей «Философіи права».

[75]) Наивную вѣру въ особенный изобрѣтательный геній капиталиста, проявляемый имъ при раздѣленіи труда a priori, находимъ только у однихъ нѣмецкихъ профессоровъ, вродѣ напримѣръ господина Рошера, который, въ благодарность капиталисту, создающему изъ своей юпитеровской головы раздѣленіе труда вполнѣ готовымъ, назначаетъ ему «diverse Arbeitslohne» (различныя рабочія платы). Большее или меньшее примѣненіе раздѣленія труда зависитъ отъ величины кошелька, а не отъ обширности ума.

порціональность общественныхъ процессовъ производства; стало быть оно создаетъ опредѣленную организацію общественнаго труда, а при помощи этой организаціи развиваетъ въ то же время новую общественную производительную силу труда. Какъ специфически капиталистическая форма общественнаго процесса производства, — а, при данныхъ условіяхъ, оно не могло принять иной формы, кромѣ капиталистической, — мануфактурное раздѣленіе труда представляетъ только особенный способъ порождать относительную прибавочную стоимость, возвышать, на счетъ работника, самовозрастаніе стоимости капитала, и увеличивать, такимъ образомъ, на его счетъ, то, что называютъ обыкновенно общественнымъ богатствомъ, «Wealth of Nations» и т. д. Мануфактурное раздѣленіе труда не только повышаетъ общественную производительную силу труда въ пользу капиталиста, вмѣсто того, чтобы увеличивать ее въ пользу рабочаго; но еще и повышаетъ ее посредствомъ изуродованія отдѣльнаго рабочаго. Оно ставитъ новыя условія, усиливающія власть капитала надъ трудомъ. Поэтому, если, съ одной стороны, исторически оно оказывается прогрессомъ и необходимой фазой въ экономическомъ развитіи общества, за то, съ другой стороны, оно является средствомъ цивилизованной, утонченной эксплуатаціи.

Политическая экономія, возникшая какъ наука самостоятельная только со времени наступленія мануфактурнаго періода, занимается изученіемъ вообще общественнаго раздѣленія труда лишь съ точки зрѣнія мануфактурнаго раздѣленія труда [76], и видитъ въ немъ только средство, при помощи того же самого количества труда, производить бо̀льшее количество товаровъ и, такимъ образомъ, удешевлять ихъ стоимость и ускорять накопленіе капитала. Въ противоположность такому исключительному вниманію къ количеству и къ мѣновой стоимости, писатели классической древности держатся исключительно за качество и потребительную стоимость [77]). Обособленіе въ извѣстномъ обществѣ различныхъ отраслей производства, вызываетъ улучшеніе изготовленія товаровъ въ качественномъ отношеніи: различные люди избираютъ себѣ различныя сферы дѣятельности, наиболѣе подходящія ихъ склонностямъ и дарованіямъ [78]); и, наконецъ, безъ нѣкотораго ограниченія сферы своей дѣятельности, человѣкъ не можетъ произвести ничего замѣчательнаго [79]). Слѣдовательно, раздѣленіе труда улучшаетъ и продуктъ, и производителя. Если классическіе писатели и упоминаютъ случайно о возрастаніи массы продуктовъ, то они упоминаютъ объ этомъ лишь по отношенію къ большему изобилію потребительной стоимости. Они не обмолвливаются даже полусловомъ о мѣновой стоимости и объ удешевленіи товаровъ. Понятіе о потребительной стоимости служитъ исходною точкою, какъ для Платона [80]),

---

76) Писатели болѣе ранней эпохи, каковы Petty, авторъ «Advantages of the East India Trade», догадываются яснѣе Адама Смита, что мануфактурное раздѣленіе труда представляетъ собою капиталическую форму производства.

77) Исключеніемъ изъ числа новѣйшихъ авторовъ являются нѣкоторые писатели XVIII-го столѣтія, какъ Beccaria и James Harris, которые, по отношенію къ раздѣленію труда, почти только раздѣляли идеи, высказанныя писателями классической древности. Такъ напримѣръ Beccaria пишетъ: «Изъ опыта извѣстно, что если физическія и умственныя силы постоянно употребляются на производство однихъ и тѣхъ же продуктовъ, то послѣдніе получаются легче, въ большемъ изобиліи и лучшаго качества, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждый сталъ бы производить всѣ нужныя ему вещи самъ... Люди раздѣляются, такимъ образомъ, на различные классы и состоянія, для своихъ частныхъ и общихъ интересовъ» Cesare Beccaria: «Elementi di Econ. Publica» ed. Custodi, Part. Moderna, t. XI, p. 28) James Harris, впослѣдствіи графъ Malmsbury, знаменитый своимъ «Diaries» веденнымъ имъ въ бытность его въ С.-Петербургѣ въ качествѣ англійскаго посланника, говоритъ самъ въ примѣчаніи къ своему «Dialogue concerning Happiness. London. 1741», перепечатанному впослѣдствіи въ «Three Treatises etc. 3 ed. London. 1772»: «Вся аргументація, которою подтверждается естественность общества (а именно посредствомъ «раздѣленія занятій») . . . взята изъ второй книги Платоновой республики».

78) Такъ въ Одиссеѣ, XIV, 228 мы читаемъ: «Ибо одинъ человѣкъ бываетъ доволенъ исполняя одно дѣло, другой исполняя другое»; а Архилохъ у Секста Эмпирика говоритъ: «Одно дѣло веселитъ душу одного, другое—другого».

79) «Дѣлъ знали много, но дурно исполняли каждое». Впрочемъ, какъ ни чувствовали аѳиняне свое превосходство надъ спартанцами въ качествѣ товаропроизводителей, такъ какъ послѣдніе могли для войны располагать достаточнымъ числомъ людей, а не имѣли денегъ,—какъ это, по словамъ Ѳукидида, говоритъ Периклъ въ своей рѣчи, которою онъ возбуждалъ аѳинянъ къ пелопонезской войнѣ: «Люди, работающіе сами, будутъ скорѣе лично воевать съ непріятелемъ, чѣмъ жертвовать для этого имуществомъ» (Thuc. 1. I, c. 141)—тѣмъ не менѣе, въ матеріальномъ производствѣ, для нихъ оставалось идеаломъ αὐταρκεία (довольство), которое противоположно раздѣленію труда. «Такъ какъ благо и довольство вытекаютъ изъ одного источника». При этомъ нужно замѣтить, что во время паденія 30 тирановъ не было даже и 5,000 аѳинянъ, не имѣющихъ поземельной собственности.

80) Платонъ объясняетъ раздѣленіе труда въ обществѣ разносторонностью потребностей и односторонностью дарованій отдѣльныхъ лицъ. Основная точка зрѣнія его заключается въ томъ, что работникъ долженъ приспособляться къ дѣлу, а не дѣло къ работнику: если работникъ занимается нѣсколькими ремеслами заразъ, онъ непремѣнно будетъ небрежно исполнять или то, или другое. «Такъ какъ онъ не желаетъ, чтобы дѣло выжидало досуга производителя; поэтому-то нужно, чтобы производящій преслѣдовалъ свою цѣль не какъ диллетантъ, а какъ спеціалистъ. Это законъ. Оттого и работы исполняются легче, притомъ бываютъ въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, въ томъ случаѣ, когда че-

который разсматривалъ раздѣленіе труда какъ основаніе раздѣленія общества на сословія, — такъ и для Ксенофонта [81]), который, съ характеризующимъ его буржуазнымъ инстинктомъ, подходитъ уже ближе къ раздѣленію труда внутри мастерской. Республика Платона, — поскольку раздѣленіе труда развивается въ ней, какъ основной принципъ, дающій государству его форму, — является только аѳинской идеализаціей египетскаго устройства, потому что Египетъ служитъ постоянно примѣромъ образцоваго государства не только для Платона, но также и для другихъ его современниковъ, напримѣръ, для Изократа [82]), и сохраняетъ это значеніе свое даже для грековъ временъ римской имперіи [83]).

Въ теченіе мануфактурнаго періода въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. того періода, когда мануфактура является преобладающей формой капиталистическаго производства, она не можетъ достигнуть полнаго осуществленія своихъ стремленій, вслѣдствіе многочисленныхъ препятствій, лежащихъ на пути къ такому осуществленію. Хотя мануфактура, какъ мы уже видѣли, рядомъ съ іерархическимъ подраздѣленіемъ рабочихъ на группы, создаетъ также простое раздѣленіе на искусныхъ работниковъ и чернорабочихъ, тѣмъ не менѣе, число послѣднихъ остается постоянно очень ограниченнымъ, вслѣдствіе преобладающаго вліянія первыхъ. Хотя она и приспособляетъ различныя спеціальныя работы къ различнымъ степенямъ зрѣлости, силы и развитія своихъ живыхъ рабочихъ органовъ и, такимъ образомъ, стремится къ производительной эксплуатаціи женщинъ и дѣтей, тѣмъ не менѣе такое стремленіе разбивается о народныя привычки и сопротивленіе рабочихъ мужчинъ. Хотя производимое мануфактурою расчлененіе ремесленной дѣятельности на ея простѣйшіе составные элементы и понижаетъ расходы на обученіе рабочаго, а потому и стоимость рабочей силы, тѣмъ не менѣе для многихъ, болѣе трудныхъ спеціаль-

---

ловѣкъ дѣлаетъ что нибудь одно, по склонности и въ удобное время, оставляя все прочее въ сторонѣ» (Rep. 1. 2 ed. Baiter, Orelli etc.). Подобныя же разсужденія находимъ мы у Ѳукидида (1. c. 142). «Мореплаваніе есть такое же искусство, какъ и всякое другое, и потому оно не можетъ исполняться какъ побочное занятіе при какомъ-нибудь другомъ изъ существующихъ занятій; точно также, занимаясь имъ, нельзя одновременно заниматься какимъ-либо постороннимъ дѣломъ». Если дѣло, говоритъ Платонъ, должно будетъ дожидаться рабочаго, то это поведетъ къ тому, что критическій моментъ производства будетъ часто пропущенъ, и продуктъ будетъ испорченъ: «время удобное для дѣла будетъ совершенно упущено» Ту же самую платоновскую идею мы находимъ снова въ протестѣ владѣльцевъ англійскихъ бѣлиленъ противъ того параграфа фабричнаго акта, который назначаетъ для всѣхъ рабочихъ опредѣленные часы для ѣды. Ихъ дѣло не можетъ приспособляться къ рабочимъ, такъ какъ «ни одна изъ работъ исполняемыхъ въ ихъ заведеніяхъ,—сушка, промывка, катаніе, лощеніе, крашеніе,—не можетъ быть остановлена въ любое время, не рискуя повредить производству... Обязательное назначеніе одного и того же обѣденнаго часа для всѣхъ рабочихъ могло бы иногда (occasionally) подвергнуть дорогіе товары риску неудачи, вслѣдствіе несовершеннаго выполненія извѣстныхъ операцій». Le platonisme où va-t-il se nicher!

[81]) Ксенофонтъ разсказываетъ, что получать кушанія со стола царя персидскаго пріятно не только потому, что это большой почетъ, но также и потому, что эти кушанья гораздо вкуснѣе другихъ. «Въ этомъ нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго; извѣстно, что, въ большихъ городахъ, всякія искусства достигаютъ особенно высокой степени совершенства, поэтому и царскія кушанья приготовляются совершенно по особеннымъ, чрезвычайно искуснымъ пріемамъ. Такъ какъ въ маленькихъ городахъ одинъ и тотъ же ремесленникъ дѣлаетъ кровати, двери, плуги и столы; часто тотъ же ремесленникъ строитъ еще вдобавокъ дома, и очень счастливъ, если число пріобрѣтаемыхъ имъ такимъ образомъ покупателей и заказчиковъ оказывается достаточнымъ для поддержанія его существованія. Понятно, что человѣкъ, исполняющій такое множество дѣлъ, положительно не въ состояніи исполнять ихъ всѣ хорошо. Но въ большихъ городахъ, гдѣ на каждаго ремесленника приходится много покупателей, даже одного ремесла оказывается вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы прокормить занимающагося имъ человѣка. Часто даже для этого не требуется цѣлаго ремесла, но лишь одна какая-нибудь его часть; такъ напримѣръ,—одинъ дѣлаетъ мужскую обувь; между тѣмъ, какъ другой дѣлаетъ женскую. Мѣстами случается даже такъ, что одинъ только шьетъ, между тѣмъ какъ другой только кроитъ башмаки; одинъ только кроитъ платье, а другой только стачиваетъ вмѣстѣ выкроенныя части. Понятно, что подобное обстоятельство не можетъ остаться безъ вліянія на качество работы: человѣкъ, исполняющій самую простую работу, конечно долженъ исполнять ее наилучшимъ образомъ. Точно также и въ кухонномъ искусствѣ». (Xen. Cyrop. 1. VIII, c. 2). Всѣ эти разсужденія имѣетъ въ виду только доброкачественность изготовляемой потребительной стоимости, хотя Ксенофонтъ уже знаетъ, что степень раздѣленія труда зависитъ отъ размѣра рынка.

[82]) «Онъ (Бузирисъ) раздѣлилъ всѣхъ на отдѣльныя касты.... и повелѣлъ, чтобы тѣ же самые люди занимались постоянно тѣми же самыми ремеслами; ибо онъ зналъ, что тѣ, которые мѣняютъ постоянно свои занятія, ни въ одномъ изъ этихъ занятій не достигаютъ совершенства; а тѣ, которые остаются постоянно при тѣхъ же самыхъ занятіяхъ, исполняютъ каждое изъ нихъ наисовершеннѣйшимъ образомъ. Поэтому-то мы видимъ, что въ искусствахъ и ремеслахъ египтяне превзошли своихъ соперниковъ точно также и даже болѣе, чѣмъ мастеръ превосходитъ простого чернорабочаго; а что касается до тѣхъ законовъ, которые предназначены были для поддержанія царской власти и другихъ государственныхъ учрежденій, то всѣ знаменитѣйшіе философы, когда-либо говорившіе объ этомъ предметѣ, восхваляютъ государственное устройство Египта преимущественно предъ всѣми другими». (Isokrates: Busiris, c. 8).

[83]) Сравни Diod. Siculus.

ныхъ работъ, необходимо довольно продолжительное обученіе, и даже тамъ, гдѣ такая продолжительность времени обученія въ сущности излишня, она все-таки ревностно отстаивается рабочими. Такъ мы видимъ, что въ Англіи, laws of apprenticeship (законы объ ученичествѣ), съ ихъ семилѣтнимъ временемъ обученія, продолжали сохраняться въ полной силѣ до конца мануфактурнаго періода, и были отмѣнены только съ наступленіемъ періода крупной промышленности. Такъ какъ ремесленная ловкость и сноровка служатъ постоянно основаніемъ мануфактурнаго способа производства, и такъ какъ общій механизмъ дѣйствующій въ мануфактурѣ не обладаетъ никакимъ объективнымъ скелетомъ, который былъ бы независимъ отъ самихъ рабочихъ, то капиталъ постоянно вынужденъ бороться съ неподчиненіемъ рабочихъ, съ отсутствіемъ желательной для него дисциплины. «Слабость человѣческой натуры такова», восклицаетъ нашъ другъ Ure, «что, чѣмъ искуснѣе рабочій, тѣмъ болѣе онъ склоненъ становиться своевольнѣе, и конечно тѣмъ менѣе онъ подходитъ къ той механической системѣ.... которой, какъ цѣлому, онъ можетъ нанести значительный вредъ» [84]). Поэтому, во все продолженіе мануфактурнаго періода, раздаются непрерывныя жалобы на отсутствіе дисциплины между работниками [85]). И если бы даже мы не имѣли свидѣтельствъ писателей того времени, то одни уже эти простые факты,— что, начиная съ XVI-го столѣтія вплоть до эпохи крупной промышленности, капиталу не удалось овладѣть всѣмъ свободнымъ временемъ мануфактурнаго рабочаго; что мануфактуры вообще недолговѣчны и что онѣ исчезаютъ въ одной странѣ и появляются въ другой, вмѣстѣ съ переселеніемъ рабочихъ, — одни эти факты, говоримъ мы, удостовѣряли бы не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ цѣлая библіотека. «Порядокъ слѣдуетъ создать тѣмъ или другимъ способомъ!» восклицаетъ, въ 1770 году, не разъ уже цитированный нами авторъ «Essay on Trade and Commerce». Порядокъ! вырывается снова, 66-ю годами позднѣе, изъ устъ доктора Andrew Ure; «порядка» недоставало въ мануфактурѣ, «основанной на схоластической догмѣ раздѣленія труда», и только, наконецъ, «Аркрайтъ создалъ порядокъ».

Мануфактура не была въ состояніи въ то же время ни завладѣть общественнымъ производствомъ въ цѣломъ его объемѣ, ни проникнуть въ захваченныхъ ею отрасляхъ производства до сколько нибудь значительной глубины. Она красовалась какъ какое-то архитектурное украшеніе на вершинѣ экономическаго зданія, построеннаго на широкомъ основаніи городской ремесленной промышленности и сельскихъ кустарныхъ промысловъ. Ея собственное узкое техническое основаніе оказалось—на извѣстной степени ея развитія—въ противорѣчіи съ созданными ею же самою потребностями производства.

Наиболѣе совершеннѣйшею формой мануфактуры были заведенія, предназначенныя для производства самыхъ рабочихъ инструментовъ, въ особенности же для производства болѣе сложныхъ механическихъ аппаратовъ, которые уже и тогда имѣли довольно обширное примѣненіе. «Такая мастерская», говоритъ Ure, «представляла взору раздѣленіе труда въ его разнообразнѣйшихъ степеняхъ. Буравъ, долото, токарный станокъ и пр. имѣли каждый своихъ собственныхъ рабочихъ, подраздѣлявшихся въ іерархическомъ порядкѣ, сообразно степени ихъ искусства. Такая мастерская—этотъ продуктъ мануфактурнаго раздѣленія труда—произвела съ своей стороны машины. Машины лишили ремесленную дѣятельность значенія принципа, регулирующаго общественное производство. Такимъ образомъ, съ одной стороны, разрушилось техническое основаніе мануфактуры, по которому рабочій на всю свою жизнь прикрѣплялся своею спеціальностью къ какой нибудь одной работѣ. Но за то, съ другой стороны, съ уничтоженіемъ этого принципа, исчезли и тѣ препятствія, которыя еще ставились имъ власти капитала.

[84]) Ure l. c. t. I, p. 31.

[85]) Все, сказанное въ текстѣ, относится гораздо болѣе къ Англіи, чѣмъ къ Франціи и гораздо болѣе къ Франціи, чѣмъ къ Голландіи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Машины и крупная промышленность.

1) Развитіе машинъ и машиннаго производства.

Въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи» Джонъ Стюартъ Милль говоритъ: «Это еще вопросъ, облегчили-ли всѣ совершенныя до сихъ поръ механическія изобрѣтенія дневной трудъ хотя одного человѣческаго существа» [86]).

[86]) «It is questionable, if all the mechanical inventions yet made have lightened the day's toil of any human being». Милль долженъ былъ бы сказать of any human being not fed by other people's labour (хотя одного человѣческаго существа, не кормящагося чужимъ трудомъ), потому что машины безспорно увеличили число зажиточныхъ празднолюбцевъ.

Но капиталистическій способъ приложенія машинъ вовсе и не стремится къ этому. Подобно всякому другому развитію производительной силы труда, машины имѣютъ цѣлью удешевлять товары и сокращать ту часть рабочаго дня, которую рабочій расходуетъ на себя самого, для того чтобы удлинить другую часть его рабочаго дня, въ теченіе которой онъ работаетъ на капиталиста. Короче говоря, посредствомъ машинъ производится относительная прибавочная стоимость.

Въ мануфактурѣ преобразованіе способа производства исходитъ изъ рабочей силы, въ крупной же промышленности оно исходитъ изъ орудій труда. Стало быть, прежде всего намъ нужно заняться разсмотрѣніемъ вопроса, — въ силу какихъ качествъ орудіе труда превращается изъ инструмента въ машину, или чѣмъ отличается машина отъ ремесленнаго инструмента? Само собой разумѣется, что при этомъ дѣло идетъ только объ общихъ, крупныхъ, характерныхъ различіяхъ; такъ какъ рѣзкія и строгія разграниченія не встрѣчаются въ экономической исторіи общества, подобно тому, какъ ихъ нѣтъ въ геологической исторіи земли.

Механики и математики, — а вслѣдъ за ними и нѣкоторые англійскіе экономисты,—называютъ рабочее орудіе простою машиною, а машину — сложнымъ орудіемъ. Слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, между ними нѣтъ никакого существеннаго различія, такъ что даже простыя механическія приспособленія, напримѣръ, рычагъ, наклонную плоскость, клинъ, винтъ и т. д., они называютъ машинами [87]). Правда, каждая машина состоитъ изъ этихъ простыхъ приспособленій, какъ бы комбинированы и замаскированы они ни были. Но, съ экономической точки зрѣнія, такое объясненіе непригодно рѣшительно ни къ чему, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ самое важное, т. е. историческій элементъ. Другіе ищутъ различія между рабочимъ инструментомъ и машиною въ томъ, что при инструментѣ, движущею силою служитъ человѣкъ; тогда какъ машину приводитъ въ движеніе какая нибудь сила природы, отличная отъ человѣческой силы, напримѣръ: животное, вода, вѣтеръ и т. д. [88]). При такомъ взглядѣ на дѣло, запряженный быками, плугъ, принадлежащій къ самымъ различнымъ эпохамъ производства, былъ бы машиною, между тѣмъ какъ круговой станокъ Клауссена (Claussen's Circular Loom), приводимый въ движеніе рукою одного работника, и приготовляющій 96,000 петель въ минуту, былъ бы простымъ рабочимъ инструментомъ. Мало того, тотъ же самый станокъ былъ бы инструментомъ, пока онъ приводился бы въ движеніе рукою человѣка, и дѣлался машиною,—какъ скоро приводился бы въ движеніе паромъ. Далѣе: такъ какъ примѣненіе животной силы составляетъ одно изъ древнѣйшихъ изобрѣтеній человѣчества, то, при такомъ взглядѣ на дѣло, машинное производство предшествовало бы ремесленному производству. Когда, въ 1735 году, John Wyatt объявилъ, что изобрѣлъ прядильную машину, которою начался промышленный переворотъ XVIII-го столѣтія, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о томъ, что его машина приводится въ движеніе вмѣсто человѣка осломъ; хотя дѣйствительно эта роль выпала ослу. Машина, «для того, чтобы прясть безъ помощи пальцевъ», — вотъ какъ онъ выразился въ описаніи ея [89]).

[87]) Смотри напримѣръ «Hutton's: Course of Mathematics».

[88])«Съ этой точки зрѣнія можно провести рѣзкую грань между рабочимъ инструментомъ и машиною: лопата, долото, молотокъ и т. д., системы рычаговъ и винтовъ, для которыхъ, какъ бы искусно они ни были сдѣланы, двигательною силою служитъ человѣкъ..... всѣ эти вещи подходятъ подъ понятіе рабочаго орудія; тогда какъ плугъ, съ движущей его животною силою, вѣтряныя и другія мельницы, слѣдуетъ причислить къ машинамъ». Wilhelm Schulz: «Die Bewegung der Produktion. Zürich 1843», p. 38). Это сочиненіе во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ похвалы.

[89]) Впрочемъ прядильныя машины, хотя очень несовершенныя, существовали еще до его изобрѣтенія; впервые появились онѣ, какъ кажется, въ Италіи. Критическая исторія технологіи могла бы показать вообще, что врядъ-ли хотя одно изъ изобрѣтеній XVIII-го столѣтія принадлежитъ сполна кому нибудь одному. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ такого сочиненія еще нѣтъ. Дарвинъ пробудилъ интересъ къ исторіи естественной технологіи, т. е. къ развитію органовъ растеній и животныхъ, играющихъ роль орудій производства для поддержанія ихъ существованія. Неужели же исторія развитія производительныхъ органовъ общественнаго человѣка, этихъ матеріальныхъ базисовъ каждой особенной общественной организаціи, не заслуживаетъ такогоже вниманія? Къ тому же написать такую исторію было бы легче, такъ какъ, по выраженію Vico, исторія человѣка отличается отъ естественной исторіи тѣмъ, что она сдѣлана нами, между тѣмъ какъ другая сдѣлана не нами. Технологія раскрываетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства, которымъ онъ поддерживаетъ свое существованіе, а одновременно также способъ формированія его общественныхъ отношеній и вытекающихъ изъ нихъ умственныхъ представленій. Даже всякая исторія религіи, не обращающая достаточнаго вниманія на этотъ матеріальный базисъ,—лишена критическаго основанія. Ясно, что гораздо легче отыскать земное начало при помощи анализа религіозныхъ туманныхъ представленій, чѣмъ итти обратнымъ путемъ, т. е. изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній, существующихъ въ томъ или другомъ случаѣ, развить соотвѣтствующія имъ небесныя формы. Этотъ методъ есть единственный матеріалистическій, а потому—единственный научный методъ. Слабая сторона абстрактнаго матеріализма естественныхъ наукъ, матеріализма, который исключаетъ историческое развитіе, дѣлается очевидною изъ абстрактныхъ, идеологическихъ представленій его защитниковъ, лишь только они выходятъ изъ области своей спеціальности.

Всякая окончательно развившаяся машина состоитъ изъ трехъ существенно различныхъ частей: двигательной машины, передаточнаго механизма и, наконецъ, исполнительнаго механизма или рабочей машины собственно. Двигательная машина дѣйствуетъ какъ сила, приводящая въ движеніе весь механизмъ. Она или сама порождаетъ свою двигательную силу, какъ это мы видимъ въ паровой машинѣ, калорической машинѣ, электро-двигательной машинѣ и пр., или она получаетъ импульсъ къ движенію извнѣ, отъ какой нибудь естественной силы, какъ напримѣръ мельничное колесо получаетъ свое движеніе отъ силы падающей воды, крыло вѣтряной мельницы — отъ удара вѣтра и пр. Передаточный механизмъ, который состоитъ изъ маховыхъ колесъ, валовъ, зубчатыхъ колесъ, эксцентриковъ, стержней, безконечныхъ цѣпей и ремней, разныхъ промежуточныхъ и прибавочныхъ снарядовъ,—регулируетъ движеніе, измѣняетъ гдѣ нужно его форму, превращая его напримѣръ изъ перпендикулярнаго въ круговое, и распредѣляетъ его на различныя части рабочей машины. Обѣ эти части механизма существуютъ только для того, чтобы сообщать рабочей машинѣ то движеніе, которымъ она схватываетъ и преобразуетъ предметъ труда. Изъ этой-то послѣдней части машины, т. е. изъ рабочей машины собственно, возникаетъ промышленная революція XVIII-го столѣтія. Да и въ настоящее время, каждый разъ, когда ремесленное или мануфактурное производство переходитъ въ производство машинное, начальною точкою такого превращенія является всегда эта часть машины.

Если мы разсмотримъ поближе рабочую машину собственно, то обыкновенно найдемъ въ ней, хотя часть въ очень измѣненной формѣ, тѣже самые аппараты и инструменты, которыми работаетъ ремесленникъ или мануфактурный рабочій; но только они являются теперь не инструментами человѣка, а инструментами механизма или механическими инструментами. При этомъ или вся машина представляетъ болѣе или менѣе видоизмѣненное механическое изданіе стараго ремесленнаго инструмента, какъ это мы видимъ въ механическомъ ткацкомъ станкѣ [90]), или же дѣйствующіе органы, насаженные на остовъ рабочей машины, оказываются нашими старыми знакомыми, какъ напримѣръ веретена въ прядильной машины, спицы въ чулочно-вязальной машинѣ, зазубренныя полосы стали въ пильной машинѣ, ножи въ рѣжущихъ машинахъ и т. д. Отличіе этихъ орудій собственно отъ остова рабочей машины простирается даже на ихъ происхожденіе: а именно эти орудія изготовляются въ большинствѣ случаевъ ремесленнымъ или мануфактурнымъ способомъ, и только впослѣдствіи укрѣпляются на остовѣ рабочей машины, изготовленномъ машиннымъ способомъ [91]). Стало быть, рабочая машина собственно есть такой механизмъ, который, по сообщеніи ему надлежащаго движенія, исполняетъ съ помощью своихъ инструментовъ тѣже самыя операціи, которыя исполнялъ прежде рабочій при помощи инструментовъ подобнаго же рода. Будетъ-ли двигательной силой человѣкъ, или же эта двигательная сила будетъ снова порождаться какою нибудь машиною, особенно предназначенной для этого, обстоятельство это вовсе не измѣняетъ сущности дѣла. Послѣ передачи инструмента въ собственномъ смыслѣ изъ рукъ человѣка механизму, на мѣсто простого инструмента выступаетъ машина. Различіе тотчасъ же бросается въ глаза даже и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ все еще продолжаетъ приводить ее въ движеніе. Число рабочихъ инструментовъ, которымъ онъ можетъ работать одновременно, ограничено числомъ его естественныхъ орудій производства, числомъ органовъ его тѣла. Въ Германіи пробовали когда то заставлять одного рабочаго вертѣть два прядильныхъ колеса и работать такимъ образомъ одновременно обѣими руками и обѣими ногами. Но это требовало слишкомъ чрезмѣрнаго напряженія. Потомъ изобрѣли прялку съ двумя веретенами; но прядильщики-виртуозы, обладавшіе способностью сучить одновременно двѣ нити, встрѣчались почти также рѣдко, какъ и люди о двухъ головахъ. Напротивъ того, jenny, уже съ самаго начала своего появленія, работала на 12 и даже на 18 веретенахъ; чулковязальная машина работаетъ заразъ на 1,000 спицахъ и т. д. Такимъ образомъ число инструментовъ, которыми работаетъ въ одно и тоже время одна и таже рабочая машина, съ самого же начала становится вполнѣ свободнымъ отъ тѣхъ органическихъ границъ, которыми стѣснено количество ручныхъ инструментовъ, употребляемыхъ одновременно однимъ и тѣмъ же рабочимъ.

Есть много ручныхъ инструментовъ, самая конструкція которыхъ рѣзко обрисовываетъ ту двойственную роль, какую играетъ человѣкъ, какъ простая двигательная сила, и человѣкъ,

[90]) Въ первоначальной формѣ механическаго ткацкаго станка старинный ткацкій станокъ не трудно узнать съ перваго же взгляда; и лишь новѣйшіе станки являются въ формѣ, существенно отличной отъ прежнихъ ремесленныхъ ткацкихъ станковъ.

[91]) Только около 1850 года, инструменты рабочихъ машинъ стали въ Англіи изготовлять машиннымъ способомъ; съ тѣхъ поръ подобный способъ изготовленія этихъ орудій расширяется съ каждымъ годомъ, однако же инструменты эти изготовляются не тѣми фабрикантами, которые дѣлаютъ самыя машины, а другими. Въ числѣ машинъ, изготовляющихъ такія механическія орудія, можно привести напримѣръ, automatic bobbin-making engine (машина для изготовленія шпулекъ), card-setting engine, машина для изготовленія ткацкой тесьмы машина для изготовленія различныхъ веретенъ (mule and throstle spindles) и проч.

какъ работникъ въ собственномъ смыслѣ слова. Такъ напримѣръ, при работѣ на прялкѣ, нога дѣйствуетъ только какъ двигательная сила, тогда какъ рука, которая дѣйствуетъ веретеномъ, щиплетъ и сучитъ волну, выполняетъ настоящую работу пряденья. Вотъ именно за эту то послѣднюю часть ремесленнаго инструмента и схватывается прежде всего промышленная революція, предоставляя человѣку чисто механическую роль двигательной силы, съ добавленіемъ новаго труда надзора за машиною и исправленія рукою, сдѣланныхъ тою ошибокъ. Наоборотъ, хотя тѣ орудія, при которыхъ человѣкъ съ самаго начала дѣйствовалъ лишь какъ простая двигательная сила,—какъ напримѣръ при вращеніи рукоятки мельницы [92]), при работѣ насосомъ, при подыманіи и опусканіи рукоятки раздувальнаго мѣха, при толченіи въ ступкѣ и пр.—вызываютъ прежде всего употребленіе животныхъ, воды и вѣтра [93]), какъ движущихъ силъ; но такіе аппараты частью появляются въ продолженіе мануфактурнаго періода, частью же они существуютъ то здѣсь, то тамъ еще задолго до наступленія этого періода, и не они производятъ переворотъ въ способѣ производства. Что такіе аппараты, даже въ ихъ ремесленной формѣ были уже машинами, оказалось очень скоро по наступленіи періода крупной промышленности. Такъ напримѣръ насосы, которыми голландцы въ 1836—37 г. выкачали всю воду изъ Гарлемскаго озера были построены на принципѣ обыкновенныхъ насосовъ, только ихъ поршни приводились въ движеніе, вмѣсто человѣческихъ рукъ, циклопическими паровыми машинами. Обыкновенный, весьма несовершенный, кузнечный мѣхъ еще и теперь иной разъ превращается въ Англіи въ механическій раздувальный мѣхъ, посредствомъ простого соединенія его рукоятки съ паровою машиною. Да и сама паровая машина, изобрѣтенная въ концѣ XVII-го столѣтія въ мануфактурный періодъ, продолжала существовать почти въ томъ же самомъ видѣ, до начала 80-хъ годовъ XVIII-го столѣтія [94]), не вызывая никакого промышленнаго переворота. Напротивъ того, именно созданіе исполнительныхъ механизмовъ или рабочихъ машинъ собственно, сдѣлало паровую машину необходимою, а потому возможною; и только при этихъ условіяхъ паровая машина сдѣлалась орудіемъ промышленной революціи. Коль скоро человѣкъ, вмѣсто того чтобы обработывать посредствомъ инструмента предметъ труда, служитъ лишь двигательной силой при рабочей машинѣ, существованіе двигательной силы въ формѣ человѣческихъ мускуловъ дѣлается совершенно случайнымъ и человѣка всегда можно замѣнить вѣтромъ, падающею водою, паромъ и т. д. Понятно, что этимъ вовсе не отрицается, что такая перемѣна можетъ вызывать часто очень значительныя техническія измѣненія въ первоначальномъ механизмѣ, который приводился въ движеніе исключительно человѣческою силою. Теперь всѣ машины, выходящія на дорогу, — каковы швейная машина, машина для приготовленія хлѣба, и пр.—строятся такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было приводить въ движеніе по произволу, или человѣческою силою, или при помощи чисто механическаго двигателя; конечно, если только такія машины, по самому назначенію своему, не исключаютъ напередъ работу въ малыхъ размѣрахъ.

Машина, служащая начальной точкой промышленнаго переворота, замѣняетъ рабочаго, который работаетъ одновременно только однимъ инструментомъ, — неодушевленнымъ механизмомъ, который работаетъ заразъ множествомъ такихъ же иструментовъ, или иструментовъ подобнаго рода, и который приводится въ движеніе одною двигательною силою, какова бы ни была ея форма [95]). Такимъ образомъ мы имѣемъ опредѣленіе машины; но въ этомъ видѣ машина есть пока ни что иное, какъ лишь простой элементъ машиннаго производства.

Для увеличенія размѣровъ рабочей машины и числа ея одновременно дѣйствующихъ органовъ необходимъ массивный двигательный механизмъ; а такой механизмъ, чтобы преодолѣть одно собственное сопротивленіе, нуждается въ двигательной силѣ, болѣе могущественной, чѣмъ сила человѣка; не говоря уже о томъ, что человѣкъ яв-

---

[92]) Моисей говоритъ: Не завязывай рта волу, когда онъ молотитъ: Напротивъ того, христіанско-германскіе филантропы накладывали на шею своимъ крѣпостнымъ рабамъ, употреблявшимся какъ двигательная сила при размолкѣ хлѣба, большіе деревянные кружки, для того чтобы они не могли поднести руки ко рту, и такимъ образомъ ѣсть тайкомъ муку.

[93]) Отчасти недостатокъ въ падающей водѣ, отчасти борьба съ избыткомъ всякой другой воды, принудили голландцевъ воспользоваться вѣтромъ, какъ двигательной силой. Самыя вѣтряныя мельницы были позаимствованы ими изъ Германіи, гдѣ это изобрѣтеніе вызвало любопытную борьбу между дворянствомъ, духовенствомъ и королемъ, изъ за того, кому изъ нихъ троихъ «принадлежитъ» вѣтеръ. Тотъ же воздухъ, который въ Германіи служилъ дѣлу порабощенія, въ Голландіи послужилъ дѣлу свободы. Единственная вещь, которую онъ порабощалъ въ Голландіи, была почва, которую онъ отнялъ для голландцевъ у моря. Еще въ 1836 году, для защиты двухъ третей всей земли въ Голландіи отъ обратнаго превращенія въ болото, дѣйствовало 12,000 вѣтряныхъ мельницъ въ 6,000 лошадиныхъ силъ.

[94]) Хотя она была значительно улучшена Watt'омъ, въ его первой машинѣ (такъ называемой паровой машинѣ простого дѣйствія); однако, и въ этой формѣ ее продолжали употреблять лишь для поднятія соляного раствора, да для выкачиванія воды изъ рудниковъ.

[95]) «Соединеніе всѣхъ этихъ простыхъ инструментовъ, приводимыхъ въ движеніе однимъ и тѣмъ же двигателемъ, составляетъ машину». (Babbage l. c).

ляется очень несовершеннымъ механизмомъ для производства однообразнаго и непрерывнаго движенія. Предположимъ, что рабочій инструментъ замѣненъ рабочей машиной, и что роль человѣка ограничивается такимъ образомъ лишь ролью простой двигательной силы, не трудно видѣть, что человѣка легко замѣнить теперь также и въ этой роли разными другими силами природы. Изъ всѣхъ значительныхъ двигательныхъ силъ, унаслѣдованныхъ отъ мануфактурнаго періода, лошадиная сила была самою неудовлетворительною; частью вслѣдствіе того, что лошадь обладаетъ иногда упрямствомъ, частью вслѣдствіе ея дороговизны и вслѣдствіе того, что ею можно было пользоваться на фабрикѣ только въ извѣстныхъ, довольно ограниченныхъ предѣлахъ [96]). Однако лошадью пользовались очень часто въ теченіе дѣтскаго періода крупной промышленности, что видно не только изъ жалобъ тогдашнихъ агрономовъ, но изъ принятаго обычая обозначать механическую силу въ лошадиной силѣ, уцѣлѣвшаго въ технологіи и до настоящаго времени. Вѣтеръ былъ слишкомъ непостояненъ и не подчинялся управленію, поэтому, еще во время мануфактурнаго періода, сила падающей воды получаетъ преобладающее значеніе, въ особенности же въ Англіи, въ этой колыбели крупной промышленности. Уже въ XVII-мъ столѣтіи были сдѣланы попытки, съ помощью одного и того же водяного колеса, приводить въ движеніе два бѣгуна, а слѣдовательно—два мельничныхъ механизма. Но происшедшее вслѣдствіе этого увеличеніе размѣровъ передаточнаго механизма наткнулось на препятствіе, заключающееся въ недостаточной силѣ падающей воды, и послужило, между прочимъ, однимъ изъ обстоятельствъ, вызвавшихъ болѣе внимательное изученіе законовъ тренія. Точно также недостаточно однообразное дѣйствіе двигательной силы въ тогдашнихъ мельницахъ, приводившихся въ движеніе ударами и тягой коромысла,—повело къ теоретическому изслѣдованію и къ практическому приложенію махового колеса [97]), которое позднѣе стало играть такую важную роль въ крупной промышленности. Такимъ образомъ развивались, въ продолженіе мануфактурнаго періода, первые научные и техническіе элементы крупной промышленности. Прядильная машина Аркрайта первоначально приводилась въ движеніе водою. Но употребленіе водяной силы, какъ главной двигательной силы, было сопряжено со многими обстоятельствами и условіями, осуществленіе которыхъ дѣлалось постоянно все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Силу падающей воды невозможно было по желанію увеличить; во многихъ мѣстахъ ея вовсе не было; иногда она изсякала и исчезала; а главное, она всегда была силой чисто мѣстнаго характера [98]). Только съ изобрѣтеніемъ второй машины Watt'a, такъ называемой паровой машины двойного дѣйствія, нашли первый двигатель, который потребленіемъ воды и угля создаетъ самъ свою двигательную силу; сила такого двигателя находится совершенно подъ контролемъ человѣка, который, представляя средство движенія, въ тоже время подвиженъ и самъ, и можетъ быть переносимъ по произволу съ мѣста на мѣсто; который, представляя двигатель городской,—въ противоположность водяному колесу, представляющему двигатель сельскій, — даетъ возможность сосредоточить производство въ городахъ, между тѣмъ какъ водяное колесо разбрасывало производство по всей странѣ [99]); ко-

---

[96]) Въ 1861 году, John Morton читалъ, въ засѣданіи Society of Arts, статью о «Силахъ, употребляемыхъ въ земледѣліи». Въ этой статьѣ онъ говоритъ между прочимъ: «Каждое улучшеніе, содѣйствующее единообразію почвы, расширяетъ приложимость паровой машины, какъ источника чисто механической силы... Лошадиная сила требуется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кривыя, неправильно извивающіяся изгороди и другія препятствія мѣшаютъ единообразію дѣйствія. Препятствія эти исчезаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Въ тѣхъ работахъ, гдѣ нужно болѣе воли, чѣмъ физической силы, — приложима одна только человѣческая сила, находящаяся подъ непрерывнымъ контролемъ ума и воли». Мортонъ приводитъ паровую, лошадиную и человѣческую силу къ единицѣ мѣры, обыкновенно употребляющейся при опредѣленіи силы паровой машины,— т. е. къ силѣ, способной поднять 33,000 фунтовъ, въ теченіе одной минуты, на одинъ футъ, — и затѣмъ вычисляетъ стоимость паровой лошадиной силы, при употребленіи паровой машины, въ 3 пенса за часъ, а при употребленіи лошади—въ $5^1/_2$ пенс. за часъ. Затѣмъ, лошадь не въ состояніи работать изо дня въ день болѣе 8 часовъ въ сутки, безъ вреда для ея силъ и здоровья. Исполняя полевыя работы посредствомъ паровой машины, фермеръ сберегаетъ расходы, необходимые на содержаніе въ теченіе круглаго года по крайней мѣрѣ 3 изъ каждыхъ 7 лошадей; тогда какъ расходы на машину не привысятъ расходовъ на этихъ 3 лошадей въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ они только и работаютъ какъ слѣдуетъ. Наконецъ, во всѣхъ земледѣльческихъ работахъ, въ которыхъ только можетъ быть употреблена паровая сила, она улучшаетъ качество продукта, по сравненію съ тѣмъ, который получается при употребленіи лошадиной силы. Для того, чтобы исполнить работу паровой машины, нужно 66 работниковъ, стоющихъ 15 шиллинговъ въ часъ; а для того, чтобы исполнить работу лошадьми, требуется 32 работника, стоющихъ 8 шилл. въ часъ.

[97]) Faulhebr 1625, De Cous 1688.

[98]) Изобрѣтенныя въ послѣднее время турбины освобождаютъ промышленную эксплуатацію водяной силы отъ многихъ прежнихъ стѣсненій.

[99]) «Въ самый ранній періодъ существованія мануфактуръ, занимавшихся выдѣлкою матерій, мѣсторасположенія мануфактуры зависѣло отъ существованія потока, который имѣлъ бы паденіе настолько сильное, чтобы вращать водяное колесо; и хотя устройство фабрикъ съ механизмомъ, приводимымъ въ движеніе водою, было началомъ паденія домашней системы мануфактуры, тѣмъ не менѣе такія фабрики, расположен-

торый универсаленъ въ своемъ техническомъ примѣненіи и, относительно, почти совершенно независимъ отъ мѣстныхъ условій въ отношеніи выбора того или другого мѣста для своей дѣятельности. Великій геній Уатта проявляется въ самой спецификаціи взятаго имъ, въ апрѣлѣ 1784 г., патента, въ которомъ онъ изображаетъ свою машину не только какъ изобрѣтеніе, служащее для извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей, но какъ всеобщій дѣятель (general agent) крупной промышленности. Онъ указываетъ, между прочимъ, на такія примѣненія, изъ которыхъ многія,—какъ, напримѣръ, паровой молотъ,—были введены впервые болѣе чѣмъ полустолѣтіемъ позднѣе. Но онъ сомнѣвается въ возможности примѣнить паровую машину къ мореходству. А его преемники, Boulton and Watt, выставили; въ 1851 году, на лондонской всемірной выставкѣ, самыя колоссальныя машины для океанскихъ пароходовъ.

Съ превращеніемъ ручныхъ человѣческихъ инструментовъ въ инструменты механическаго аппарата, т. е. въ рабочую машину,—двигательный механизмъ также получаетъ самостоятельную форму, совершенно независимую отъ предѣловъ человѣческой силы. Въ тоже время и отдѣльная рабочая машина, которую мы разсматривали до сихъ поръ, низводится до степени простого элемента машиннаго производства. Одинъ и тотъ же двигательный механизмъ теперь приводитъ въ движеніе нѣсколько рабочихъ машинъ одновременно. Съ увеличеніемъ же числа одновременно приводимыхъ въ движеніе рабочихъ машинъ, исполнительныхъ механизмовъ, увеличивается и двигательный механизмъ, а передаточный механизмъ разростается мало по малу въ обширный и сложный аппаратъ.

Разсматривая машинное производство, необходимо различать кооперацію многихъ одинаковыхъ машинъ и систему машинъ.

Въ одномъ случаѣ, весь изготовляемый предметъ выдѣлывается одною и тою же рабочею машиною. Она исполняетъ всѣ тѣ различныя работы, которыя прежде производилъ рабочій посредствомъ своего инструмента, — какъ напримѣръ ткачъ посредствомъ своего станка, — или же которыя исполнялись одна за другою различными работниками, посредствомъ различныхъ инструментовъ, безразлично, работали-ли эти рабочіе самостоятельно, какъ независимые ремесленники, или же во взаимной связи и подчиненіи капиталу, какъ члены мануфактуры [100]). Такъ напримѣръ, на мануфактурѣ, занимающейся изготовленіемъ конвертовъ, одинъ рабочій фальцовалъ бумагу, т. е. перегибалъ ее извѣстнымъ образомъ посредствомъ деревянной или костяной фальцовки; другой намазывалъ края клапановъ клеемъ; третій отгибалъ клапанъ, на которомъ вытискивается монограма или виньетка; четвертый выбивалъ эту виньетку и т. д.; причемъ для исполненія всѣхъ этихъ операцій, каждый отдѣльный конвертъ долженъ былъ переходить изъ рукъ въ руки. Машина для выдѣлки конвертовъ совершаетъ всѣ эти операціи однимъ ударомъ, и выдѣлываетъ по 3,000 конвертовъ и болѣе въ теченіе одного часа. Американская машина для изготовленія бумажныхъ картузовъ, выставленная на лондонской промышленной выставкѣ 1862 года, рѣжетъ бумагу, свертываетъ ее надлежащимъ образомъ, склеиваетъ и отдѣлываетъ окончательно по 300 штукъ въ минуту. Тотъ же самый процессъ, который въ мануфактурѣ раздѣленъ и выполняется послѣдовательно нѣсколькими рабочими,—исполняется здѣсь одною рабочею машиною, дѣйствующей благодаря сочетанію различныхъ инструментовъ. Будетъ-ли такая рабочая машина лишь механическимъ воспроизведеніемъ одного сложнаго ручного инструмента, или же она будетъ сочетаніемъ разнообразныхъ простыхъ инструментовъ, придуманныхъ и спеціализированныхъ мануфактурнымъ производствомъ, во всякомъ случаѣ, на фабрикѣ,—въ этой новой формѣ мастерской, основанной на машинномъ производствѣ, — мы опять встрѣчаемъ простую кооперацію; и—если мы оставимъ на время въ сторонѣ работника—такая кооперація представляется намъ прежде всего какъ соединеніе въ одномъ мѣстѣ однородныхъ и одновременно дѣйствующихъ рабочихъ машинъ. Такъ, ткацкая фабрика составляется изъ множества механическихъ ткацкихъ станковъ, расположенныхъ одинъ подлѣ другого въ одномъ и томъ же

ныя по неволѣ на потокахъ, и часто въ значительныхъ разстояніяхъ одна отъ другой, составляли часть скорѣе сельской, чѣмъ городской системы производства; и только послѣ замѣны силы падающей воды паровой силой, мануфактуры впервые сосредоточились въ городахъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ уголь и вода, необходимые для производства, находились въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія потребностей этихъ мануфактуръ. Паровая машина, это—мать мануфактурныхъ городовъ». (A. Redgrave, въ «Reports of the Inspectors of Factories. 30 April 1866», p. 36).

[100]) Съ точки зрѣнія мануфактурнаго раздѣленія труда, процессъ тканья вовсе не есть простой трудъ, но скорѣе весьма сложный ремесленный трудъ, а потому механическій ткацкій станокъ есть машина, исполняющая нѣкоторую сумму очень разнообразныхъ операцій. Вообще нельзя думать, что новѣйшее машинное производство захватываетъ первоначально такія операціи, которыя предварительно упрощены для него мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда. Мануфактурный періодъ подраздѣлилъ пряденье и тканье на многіе новые роды; онъ улучшилъ инструменты, служащіе для этихъ операцій, и умножилъ ихъ разнообразіе, но отнюдь не раздѣлилъ самого процесса труда, оставшагося въ своей прежней ремесленной формѣ. Вообще, исходною точкою, при появленіи машины, служитъ не трудъ, а орудія труда.

зданіи; и швейная фабрика состоитъ изъ ряда швейныхъ машинъ, дѣйствующихъ одновременно въ томъ же самомъ помѣщеніи. Но въ то-же время существуетъ техническое единство, такъ какъ многія одинаковыя рабочія машины получаютъ одновременный и однообразный импульсъ отъ одного общаго имъ всѣмъ перваго двигателя, который бьется подобно общему сердцу этого огромнаго организма, и біенія котораго передаются отдѣльнымъ рабочимъ машинамъ при помощи передаточнаго механизма, также отчасти общаго имъ всѣмъ, такъ какъ каждая изъ них получаетъ лишь особенную вѣтвь, отходящую отъ общаго передаточнаго механизма. Какъ отдѣльные инструменты представляютъ собою многочисленные органы одной рабочей машины, такъ и отдѣльныя рабочія машины представляютъ теперь многочисленные одинаковые органы одного и того же двигательнаго механизма.

Но настоящая система машинъ впервые замѣняетъ отдѣльную самостоятельную машину только тамъ, гдѣ предметъ труда проходитъ черезъ послѣдовательный рядъ различныхъ частичныхъ процессовъ, выполняемыхъ цѣлою цѣпью разнородныхъ, хотя и находящихся во взаимной связи рабочихъ машинъ. Здѣсь снова возникаетъ свойственная мануфактурѣ кооперація, основанная на раздѣленіи труда, но она является теперь какъ комбинація спеціализированныхъ рабочихъ машинъ. Особыя рабочія орудія спеціализированныхъ рабочихъ,—каковы напримѣръ на шерстяной мануфактурѣ орудія шерстобита, чесальщика, прядильщика и т. д.,—превращаются теперь въ орудія спеціализированныхъ рабочихъ машинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ въ этой системѣ сочетанія рабочихъ машинъ, особенный органъ приспособленный для особенной функціи. Въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ система машинъ вводится впервые, сама мануфактура доставляетъ ей естественное основаніе для раздѣленія труда и для дальнѣйшей организаціи процесса производства [101]). Впрочемъ немедленно выступаетъ и существенное различіе между мануфактурнымъ и машиннымъ способомъ производства. Въ мануфактурѣ раздѣленіе работъ должно быть таково, чтобы каждый отдѣльный, детальный процессъ могъ быть выполненъ отдѣльнымъ рабочимъ или группою рабочихъ посредствомъ ихъ ручныхъ инструментовъ. Если рабочій и приспособляется при этомъ къ процессу труда, за то съ другой стороны процессъ труда предварительно былъ уже также приспособленъ къ рабочему. Такой субъективный принципъ раздѣленія труда совершенно исчезаетъ при машинномъ производствѣ. Процессъ производства, взятый во всемъ его цѣломъ, разсматривается при этомъ совершенно объективно, самъ по себѣ, т. е. не обращая вниманія на то, выполняется ли онъ руками рабочаго; онъ просто раздѣляется на свои составныя фазы, и задача наилучшаго выполненія каждой спеціальной работы и наивыгоднѣйшаго соединенія между собою различныхъ спеціализированныхъ работъ разрѣшается здѣсь при помощи техническаго приложенія механики, химіи и т. д. [102]). Но, конечно, и въ этомъ случаѣ, теоретическая сторона дѣла весьма естественно должна сильно совершенствоваться, благодаря накопившемуся опыту, производимому въ такихъ значительныхъ размѣрахъ какъ фабричное производство. Каждая спеціализированная машина доставляетъ другой, слѣдующей за нею машинѣ, ея сырой матеріалъ; а такъ какъ всѣ эти машины дѣйствуютъ одновременно, то продуктъ находится непрерывно на всѣхъ ступеняхъ своего производства, точно также какъ и во всѣхъ моментахъ перехода изъ одной фазы производства въ другую. Какъ въ мануфактурѣ непосредственная кооперація спеціальныхъ рабочихъ порождаетъ извѣстныя, опре-

[101]) Передъ наступленіемъ періода крупной промышленности, шерстяная мануфактура была важнѣйшей мануфактурой Англіи. Поэтому, въ теченіе первой половины XVIII-го столѣтія, большая часть опытовъ приложенія машиннаго производства была произведена именно въ этой мануфактурѣ. Хлопчатая бумага, механическая обработка которой не требуетъ такой сложной и такой трудной предварительной подготовки, какъ механическая обработка шерсти, воспользовалась тѣми свѣдѣніями, которыя были добыты изъ опытовъ механической обработки шерсти; позднѣе же, наоборотъ, механическій способъ пряденья и тканья хлопчатой бумаги послужилъ основаніемъ, на которомъ развилась механическая обработка шерсти. Только въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, предшествовавшего 1866 г., нѣкоторые отдѣльные элементы шерстяной мануфактуры,—какъ напримѣръ чесаніе шерсти,—вошли въ фабричную систему. «Приложеніе механической силы къ чесанію шерсти,.. чрезвычайно распространившееся со времени введенія «чесальной машины», въ особенности же чесальной машины Листера, имѣло своимъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ то, что чрезвычайно громадное число чесальщиковъ осталось безъ работы, и было выброшено на улицу. До того шерсть расчесывалась при помощи ручного труда, и чесальщики производили эту работу по большей части у себя на дому. Въ настоящее же время шерсть обыкновенно расчесывается на фабрикѣ, и ручной трудъ уступилъ свое мѣсто труду механическому, исключая только нѣкоторыхъ особенныхъ сортовъ фабрикатовъ, при изготовленіи которыхъ до сихъ поръ еще отдается предпочтеніе шерсти, расчесанной отъ руки. Многіе ручные чесальщики нашли себѣ поэтому занятіе на фабрикѣ; но продуктъ труда ручного чесальщика представляетъ такую ничтожную часть, сравнительно съ продуктомъ труда чесальной машины, что громадное большинство чесальщиковъ не могло найти себѣ занятій». («Rep. of Insp. of Fact. for 31-st Oct. 1856», p. 16).

[102]) «Итакъ, принципъ автоматической системы заключается въ томъ.... чтобы замѣнять раздѣленіе труда между рабочими посредствомъ разложенія процесса производства на его составные элементы». (Ure l. c. p. 30).

дѣленныя числовыя соотношенія между отдѣльными рабочими группами, такъ точно и въ расчлененной системѣ машинъ постоянная зависимость одной машины отъ другой порождаетъ извѣстное опредѣленное соотношеніе между ихъ числомъ, ихъ размѣрами и скоростью ихъ дѣйствія. Комбинированная рабочая машина, состоящая теперь изъ расчлененной системы отдѣльныхъ разнородныхъ рабочихъ машинъ и изъ группъ такихъ машинъ, бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ непрерывнѣе исполняемый процессъ во всемъ его цѣломъ, т. е. чѣмъ менѣе перерывовъ встрѣчаетъ сырой матеріалъ при переходахъ отъ его первой фазы, до его послѣдней фазы, т. е. чѣмъ большую роль играетъ самый механизмъ, а не человѣческія руки, при такихъ переходахъ изъ одной фазы производства въ другую. Слѣдовательно, если въ мануфактурѣ изолированіе спеціализированныхъ процессовъ является принципомъ, обусловленнымъ самымъ раздѣленіемъ труда, то на фабрикѣ въ ея развитой формѣ тоже самое раздѣленіе труда, наоборотъ, обусловливаетъ непрерывность такихъ процессовъ.

Коль скоро система машинъ—будетъ-ли эта система основываться на простой коопераціи однородныхъ рабочихъ машинъ, какъ это происходитъ въ ткацкихъ, или же на комбинаціи разнородныхъ машинъ, какъ въ прядильняхъ—приводится въ движеніе самодвижущимся первымъ двигателемъ, то такая система изображаетъ собою одинъ громадный автоматъ. Впрочемъ, возможно, что вся система будетъ приводиться въ движеніе, напримѣръ паровою машиною, между тѣмъ какъ ея отдѣльныя рабочія машины будутъ нуждаться еще въ рабочихъ для нѣкоторыхъ движеній, каковы напримѣръ нѣкоторыя движенія при работѣ на старомъ прядильномъ станкѣ (mule), предшественникѣ механическаго прядильнаго станка (selfacting mule), а также при работѣ на станкѣ, употребляющемся еще и теперь для тонкаго пряденья; или же нѣкоторыя части машины, для выполненія ими ихъ работы, должны будутъ направляться извѣстнымъ образомъ рабочимъ, какъ онъ управляетъ и дѣйствуетъ своимъ инструментомъ, что напримѣръ можно было наблюдать въ машиностроительной мастерской, прежде превращенія аппарата slide rest въ selfactor, т. е. въ самодѣйствующій аппаратъ. Какъ скоро машина выполняетъ безъ всякаго содѣйствія со стороны человѣка всѣ движенія, необходимыя для обработки сырого матеріала и нуждается лишь въ человѣческомъ надзорѣ и управленіи, мы имѣемъ автоматическую систему машинъ, которая однако остается способною къ постоянному и дальнѣйшему совершенствованію въ подробностяхъ; такъ напримѣръ аппаратъ, механически останавливающій прядильную машину, едва только порвалась хотя одна нитка, а также selfacting stop, находящійся при усовершенствованномъ паровомъ ткацкомъ станкѣ, и останавливающій его, какъ только вышла вся уточная нить, намотанная на шпулькѣ челнока, представляютъ самыя позднѣйшія изобрѣтенія. Новѣйшая писчебумажная фабрика можетъ служить очень нагляднымъ примѣромъ, какъ непрерывности производства, такъ и проведенія автоматическаго принципа. Вообще писчебумажное производство позволяетъ изучать съ большимъ удобствомъ не только различіе въ способахъ производства, основывающееся на различіи въ орудіяхъ производства, но также связь между различными общественными условіями производства и этими различными способами производства. Такъ, въ старинномъ нѣмецкомъ бумажномъ дѣлѣ мы имѣемъ примѣръ ремесленнаго производства; Голландія въ XVII-мъ столѣтіи и Франція въ XVIII-мъ даетъ намъ образецъ мануфактуры въ точномъ смыслѣ слова; а современная Англія—примѣръ автоматической фабрикаціи; кромѣ того въ Китаѣ и Индіи существуютъ еще двѣ различныя староазіатскія формы той же самой промышленности.

Машинное производство, въ своей развитой формѣ, представляетъ расчлененную систему автоматическихъ рабочихъ машинъ, получающихъ свое движеніе посредствомъ передаточнаго механизма, отъ одного центральнаго автомата. На мѣсто отдѣльныхъ машинъ выступаетъ при этомъ огромное механическое чудовище, громадное тѣло котораго наполняетъ собою все фабричное зданіе, и демоническая сила, скрытая вначалѣ въ почти торжественно-размѣренныхъ движеніяхъ его исполинскихъ членовъ, обнаруживается въ лихорадочно-бѣшеной пляскѣ его безчисленныхъ рабочихъ органовъ, исполнительныхъ механизмовъ.

Механическіе ткацкіе станки, паровыя машины и т. д. существовали прежде, чѣмъ появился рабочій, исключительное занятіе котораго состоитъ въ изготовленіи паровыхъ машинъ, механическихъ станковъ и т. д.; точно также, какъ человѣкъ носилъ одежду, прежде чѣмъ появился на свѣтъ настоящій портной. Однако же изобрѣтенія Vaucanson'а, Arkwright'а, Watt'а и другихъ могли быть осуществлены только потому, что эти изобрѣтатели нашли значительное число искусныхъ механическихъ рабочихъ, подготовленныхъ мануфактурнымъ періодомъ. Нѣкоторая часть этихъ рабочихъ состояла изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ различныхъ профессій, другая же часть была сгруппирована въ мануфактурахъ, въ которыхъ, какъ мы уже говорили выше, раздѣленіе труда было проведено съ особенною строгостью. Съ умноженіемъ изобрѣтеній и съ увеличеніемъ запроса на новоизобрѣтенныя машины развивалось все болѣе и болѣе, съ одной стороны, обособленіе фабрикаціи машинъ въ многочисленныя самостоятельныя отрасли промышленности, а съ другой стороны, раздѣленіе труда внутри каж-

дой такой мануфактуры, занимающейся изготовленіемъ машинъ. Теперь мы видимъ, что мануфактура была непосредственнымъ техническимъ основаніемъ крупной промышленности. Мануфактура производила тѣ машины, при помощи которыхъ крупная промышленность уничтожила ремесленный и мануфактурный способы производства въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя первыя подпали подъ ея власть. Такимъ образомъ машинное производство возникло и развилось путемъ естественнымъ на такомъ матеріальномъ основаніи, которое ему совершенно не подходило. На извѣстной степени развитія оно было вынуждено преобразовать въ самомъ корнѣ то самое основаніе, на которомъ оно зародилось, которое оно нашло первоначально уже готовымъ и которое оно затѣмъ разработало далѣе въ его старой формѣ, и должно было соорудить себѣ новое основаніе, болѣе подходящее его собственному способу производства. Какъ отдѣльная машина остается жалкою по размѣрамъ и дѣйствію до тѣхъ поръ, пока она приводится въ движеніе лишь силою человѣка; какъ механическая система не можетъ достигнуть полнаго развитія до тѣхъ поръ, пока на мѣсто старинныхъ двигательныхъ силъ, животныхъ, вѣтра и даже воды, не выступаетъ паровая машина; такъ точно и все развитіе крупной промышленности остается несовершеннымъ, парализованнымъ до тѣхъ поръ, пока характеризующее ее орудіе производства, т. е. сама машина, обязана своимъ существованіемъ личной силѣ и личному искусству, а слѣдовательно зависитъ отъ мускульнаго развитія, отъ вѣрности глаза и отъ такъ сказать артистической ловкости, съ которыми спеціальный мануфактурный рабочій или ремесленникъ владѣетъ своимъ жалкимъ инструментомъ. Помимо уже дороговизны машинъ, изготовляемыхъ такимъ способомъ, — а это обстоятельство, которое всегда имѣется въ виду капиталистомъ, — дальнѣйшее расширеніе промышленности, уже введшей у себя машинный способъ производства, а также вторженіе машинъ въ новыя, еще не захваченныя ими отрасли промышленности, зависитъ при этомъ исключительно отъ увеличенія числа того класса рабочихъ, который по самой природѣ своихъ занятій, граничащихъ почти съ художествомъ, можетъ увеличиваться лишь крайне медленно. Но, на извѣстной фазѣ развитія, крупная промышленность приходитъ сверхъ того и въ техническое противорѣчіе со своею ремесленно-мануфактурною подкладкою. Увеличеніе размѣровъ двигательныхъ машинъ, передаточнаго механизма и рабочихъ машинъ; увеличеніе разнообразія, сложности, точности и правильности ихъ составныхъ частей, по мѣрѣ того какъ рабочая машина удаляется отъ ремесленнаго образца, господствовавшаго первоначально при ея построеніи, и принимаетъ свободную самостоятельную форму, обусловленную исключительно ея механическою задачею [103]); развитіе автоматической системы и постоянное неизбѣжное введеніе на мѣсто прежнихъ матеріаловъ новыхъ, обработывающихся съ большими затрудненіями, — напримѣръ желѣза вмѣсто дерева, — вотъ тѣ задачи, которыя возникли естественнымъ путемъ, такъ сказать сами собою, на пути развитія машиннаго производства; и разрѣшеніе всѣхъ этихъ задачъ встрѣтило повсюду препятствія въ видѣ личной силы человѣка, которыя даже коллективный рабочій на мануфактурѣ могъ преодолѣть только въ ограниченной степени. Мануфактура не могла дать напримѣръ такихъ машинъ, какъ новѣйшій скоропечатный станокъ, новѣйшій паровой ткацкій станокъ или новѣйшая чесальная машина (Kardirmaschine).

Коренное измѣненіе въ способѣ производства въ одной какой-либо сферѣ промышленности, вызываетъ такой же переворотъ и въ другихъ сферахъ. Прежде всего это происходитъ въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя, хотя и связаны между собою какъ отдѣльныя фазы того же самаго процесса производства, но въ тоже время, общественнымъ раздѣленіемъ труда, онѣ разобщены на столько, что каждая изъ нихъ производитъ особенный самостоятельный товаръ. Такъ, машинное пряденье сдѣлало необходимымъ машинное тканье, а оба вмѣстѣ произвели механико-химическій переворотъ въ бѣлильняхъ, красильняхъ и ситцепечатняхъ; такъ, съ другой стороны, тотъ же переворотъ въ пряденьи хлопчатой бумаги вызвалъ изобрѣтеніе gin, особой машины для отдѣленія хлопчато-бумажныхъ волоконъ отъ сѣмянъ [104]), послѣ чего только и

---

[103]) Механическій ткацкій станокъ, въ своей первоначальной формѣ, состоитъ главнѣйшимъ образомъ изъ дерева; въ своей же послѣдней, улучшенной формѣ, онъ состоитъ почти исключительно изъ желѣза. До какой степени старинная форма орудія производства имѣла вліяніе на его новую форму, показываетъ самое поверхностное сравненіе новѣйшаго парового ткацкаго станка съ прежнимъ механическимъ станкомъ, или новѣйшихъ инструментовъ, служащихъ на чугунноплавильныхъ заводахъ для вдуванія воздуха, съ прежнимъ малоуспѣшнымъ механическимъ воспроизведеніемъ обыкновеннаго кузнечнаго мѣха; но въ этомъ отношеніи еще интереснѣе сравнительное изученіе старыхъ и новыхъ локомотивовъ, которое, быть можетъ, приводитъ къ результатамъ болѣе поразительнымъ, чѣмъ сравнительное изученіе какихъ бы то ни было другихъ машинъ: у первоначальнаго локомотива было, напримѣръ, двѣ ноги, которыя онъ поднималъ и опускалъ попемѣнно, какъ лошадь. Только послѣ значительнаго практическаго опыта вмѣстѣ съ развитіемъ механики, стали придавать машинѣ форму отвѣчающую принципамъ механики, и тогда она окончательно освободилась отъ формы прежняго инструмента, наслѣдованнаго ею отъ мануфактурнаго періода, и изъ котораго она возникла.

[104]) Cottongin, изобрѣтенный однимъ янки, по имени Eli Whitney, выдержалъ, до самого

стало впервые возможно воздѣлываніе хлопчатой бумаги въ такихъ широкихъ размѣрахъ, которые вызывались новыми улучшенными способами обработки хлопка. А въ особенности, переворотъ въ способахъ производства, употребляемыхъ въ промышленности и земледѣліи, сдѣлалъ необходимымъ коренное преобразованіе въ общихъ условіяхъ общественнаго процесса производства, т. е. въ средствахъ сообщенія и перевозки. Все равно какъ средства сообщенія и перевозки такого общества, которое вращалось исключительно вокругъ мелкаго земледѣлія, съ его домашними подсобными промыслами, и городскаго ремесла, оказались совершенно недостаточными для потребностей производства въ мануфактурный періодъ, съ его болѣе широкимъ раздѣленіемъ общественнаго труда, съ его сосредоточеніемъ рабочихъ орудій и самихъ рабочихъ, наконецъ съ его колоніальнымъ рынкомъ, а потому должны были значительно измѣниться; одинаково и тѣ средства сообщенія и перевозки, которыя были выработаны мануфактурнымъ періодомъ, стали служить страшными задержками и препятствіями для крупной промышленности, съ ея лихорадочною быстротою производства, съ тѣмъ обширнымъ размѣромъ, въ которомъ она ведетъ его, съ ея постояннымъ перекидываніемъ капиталовъ и рабочихъ массъ изъ одной сферы производства въ другую, и съ новосозданными ею связями, приводящими во взаимную зависимость производство и рынки цѣлаго міра. Поэтому независимо отъ кореннаго измѣненія способа постройки парусныхъ судовъ, средства сообщенія и перевозки мало-по-малу приспособлялись къ способу производства крупной промышленности созданіемъ рѣчного пароходства, желѣзныхъ дорогъ, океанскихъ пароходовъ и телеграфовъ. Но тѣ чудовищныя массы желѣза, которыя предстояло теперь проковывать, сваривать, разрѣзывать, пробуравливать и отдѣлывать, потребовали съ своей стороны такихъ циклопическихъ машинъ, для созданія которыхъ мануфактурный способъ постройки машинъ оказывался совершенно безсильнымъ.

Стало быть крупной промышленности пришлось овладѣть самою машиною, этимъ наиболѣе характернымъ для нея орудіемъ производства, и строить машины при помощи машинъ. Только, благодаря этому, она могла создать для себя соотвѣтствующее ей техническое основаніе и стать на собственныя ноги. Съ увеличеніемъ машиннаго производства, въ первыя десятилѣтія XIX-го столѣтія, машинный трудъ овладѣлъ мало-помалу фабрикаціей рабочихъ машинъ. Но только въ послѣднее десятилѣтіе до 1866 года, чудовищное развитіе желѣзнодорожнаго дѣла и океанскаго пароходства, вызвало впервые къ жизни циклопическія машины для постройки первыхъ двигателей.

Для производства машинъ посредствомъ машинъ существеннѣйшее условіе состояло въ открытіи такой двигательной машины, которая была бы способна къ развитію какой угодно силы, какого угодно напряженія, и въ тоже время находилась бы постоянно подъ полнѣйшимъ контролемъ человѣка. Такая двигательная машина имѣлась уже въ формѣ паровой машины. Но, вслѣдъ затѣмъ, требовалось отыскать возможность производить машиннымъ способомъ строго точныя геометрическія формы,—каковы линія, плоскость, кругъ, цилиндръ, конусъ и шаръ,—необходимыя для отдѣльныхъ частей машинъ. Эту задачу разрѣшилъ, въ первомъ десятилѣтіи XIX-го столѣтія, Henry Maudsley, изобрѣтшій slide-rest, который вскорѣ былъ превращенъ въ самодѣйствующій аппаратъ, и въ такомъ видѣ былъ примѣненъ не только къ токарному станку, для котораго онъ первоначально назначался, но и ко всѣмъ остальнымъ машинамъ для постройки машинъ. Это механическое приспособленіе замѣнило собою не какой нибудь опредѣленный инструментъ, но самую человѣческую руку, которая придаетъ на токарномъ станкѣ извѣстную желаемую форму, посредствомъ приклацыванія къ обработываемому матеріалу, напримѣръ куску желѣза, острія рѣжущаго инструмента и постояннаго удерживанія этого острія въ извѣстномъ направленіи. Такимъ образомъ удалось найти способъ производить геометрическія формы отдѣльныхъ машинныхъ частей «съ такою степенью легкости, точности и быстроты, которая никогда не можетъ быть достигнута самымъ искуснымъ рабочимъ, несмотря ни на какую опытность, сноровку, навыкъ и давность занятія своимъ дѣломъ» [105]).

Разсматривая машину, служащую для построенія другихъ машинъ, и обращая при этомъ болѣе вниманія на ту часть ея, которую мы назвали

послѣдняго времени, менѣе существенныхъ измѣненій, чѣмъ какая бы то ни было другая машина XVIII-го столѣтія. Только въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій, было придумано другимъ американцемъ Emery изъ Albany, New-York, такое улучшеніе, которое, будучи столько же простымъ, сколько дѣйствительнымъ, сразу отодвинуло машину Whitney въ разрядъ устарѣвшихъ.

[105]) «The Industry of Nations. London 1855», Part II, p. 239). Тамъ же говорится: «Какъ бы ни былъ простъ и на видъ неваженъ этотъ придатокъ къ станку, мы полагаемъ, что отнюдь не преувеличимъ его значенія, если скажемъ, что его вліяніе на улучшеніе, и распространеніе машиннаго производства было такъ же велико, какъ и улучшеніе, произведенное Уаттомъ въ самой паровой машинѣ. Введеніе его повело къ немедленному усовершенствованію и удешевленію всѣхъ машинъ и дало, одновременно, побудительный толчекъ къ новымъ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ.

выше исполнительнымъ механизмомъ или рабочею машиною, то снова найдемъ прежній ремесленный инструментъ, только онъ является теперь въ циклопическихъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ, существенная часть сверлильной машины есть ни что иное, какъ чудовищный буравъ, который приводитъ въ движеніе паровыя машины, и безъ котораго нельзя было бы сдѣлать цилиндры большихъ паровыхъ машинъ и гидравлическихъ прессовъ. Механическій токарный станокъ есть циклопическое воспроизведеніе обыкновеннаго токарнаго станка, приводимаго въ движеніе ногою; строгальная машина, это — желѣзный плотникъ, обработывающій желѣзо съ тѣми же инструментами, съ которыми живой плотникъ обработываетъ дерево; инструментъ рѣжущій желѣзо — точь въ точь такъ, какъ портновскія ножницы рѣжутъ сукно, есть ни что иное, какъ чудовищныя ножницы; а паровой молотъ дѣйствуетъ головкою такой же формы, какъ у обыкновеннаго молотка, только молотъ этотъ такъ тяжелъ, что самъ Торъ не могъ бы взмахнуть имъ [106]). Такъ напримѣръ, одинъ изъ этихъ паровыхъ молотовъ, изобрѣтенныхъ Nasmyth'омъ, вѣситъ болѣе 6 тоннъ и падаетъ перпендикулярно, съ высоты 7 футовъ, на наковальню вѣсомъ въ 36 тоннъ. Онъ можетъ легко превратить въ порошокъ гранитную глыбу и въ тоже время способенъ забить маленькій гвоздь въ мягкое дерево, посредствомъ ряда послѣдовательныхъ легкихъ ударовъ [107]).

Орудія труда въ видѣ машинъ вынуждаютъ замѣнять человѣческую силу силами природы, и рутинные пріемы — сознательнымъ приложеніемъ науки. На мануфактурѣ организація общественнаго процесса труда была чисто субъективною; это было просто сочетаніе спеціализированныхъ рабочихъ; въ машинной системѣ крупная промышленность пріобрѣтаетъ производительный организмъ совершенно объективный, въ которомъ рабочій становится простымъ придаткомъ уже вполнѣ сформировавшагося, готоваго матеріальнаго условія производства. Въ простой коопераціи, и даже въ коопераціи, основанной на раздѣленіи труда, вытѣсненіе одиночнаго, самостоятельнаго рабочаго рабочимъ общественнымъ, представляется всегда болѣе или менѣе случайнымъ. Машина-же, за нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи, дѣйствуетъ только въ рукахъ непосредственно-общественнаго или совокупнаго труда. Такимъ образомъ, кооперативный характеръ процесса труда является теперь технической необходимостью, благодаря природѣ самыхъ орудій труда.

[106]) Въ Лондонѣ, одна изъ такихъ машинъ для выковки padle-wheel schafts носитъ названіе «Тора». Она выковываетъ желѣзную массу въ 16½ тоннъ вѣсомъ, также легко, какъ кузнецъ подкову.

[107]) Машины, обрабатывающія дерево, и которыя могутъ употребляться также ремесленниками, по большей части американскаго изобрѣтенія.

2) Передача стоимости машинъ продукту.

Мы видѣли, что производительныя силы, возникающія изъ раздѣленія труда и коопераціи, ничего не стоятъ капиталу. Это — естественныя силы общественнаго труда. Силы природы—напримѣръ, паръ, вода и т. д. — прилагаемыя къ производительнымъ процессамъ, также ничего не стоятъ. Но, какъ человѣку необходимы легкія для дыханія, точно также и ему нужно нѣчто, что было бы работой человѣческихъ рукъ, для производительнаго потребленія силъ природы. Для эксплуатаціи движущей силы воды, необходимо водяное колесо, и паровая машина — для эксплуатаціи упругости пара. Относительно науки можно сказать то-же, что и относительно силъ природы. Законъ отклоненія магнитной стрѣлки отъ дѣйствія электрическаго тока, или намагничиванье желѣза отъ дѣйствія тока, разъ уже открытый,—не стоитъ уже ни гроша [108]). Для примѣненія же этихъ законовъ къ телеграфамъ и т. п. требуются дорогіе и сложные аппараты. Инструменты, какъ мы видѣли, не вытѣсняются машинами: крошечный инструментъ, находившійся въ рукахъ человѣка, разростается въ размѣрахъ и въ числѣ, и образуетъ орудіе механизма, созидаемаго человѣкомъ. Капиталъ заставляетъ работать уже не ручнымъ инструментомъ, а машиною, которая сама приводитъ въ дѣйствіе инструменты. Поэтому, если уже на первый взглядъ ясно, что крупная промышленность должна необыкновенно сильно увеличивать производительную силу труда, прилагая громадныя силы природы и естествознаніе къ процессу производства, — то изъ этого, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ, что это возрастаніе производительной силы не выкупается, съ другой стороны, увеличенною тратою труда. Машины, подобно всякой другой составной части постояннаго капитала, не создаютъ новыхъ стоимостей, но передаютъ свою собственную стоимость продукту, для производства котораго онѣ служатъ.

[108]) Наука, вобще говоря, «ничего» не стоитъ капиталисту, что, однако, нисколько не мѣшаетъ ему эксплуатировать ее. Капиталъ захватываетъ «чужую» науку точно такъ же, какъ и чужой трудъ. «Капиталистическое» присвоеніе и «личное» присвоеніе, науки-ли, матеріальнаго богатства — двѣ вещи совершенно различныя. Самъ докторъ Ure жалуется на грубое незнакомство съ механикой своихъ милыхъ фабрикантовъ, эксплуатирующихъ машины; Либихъ много разсказываетъ о чудовищномъ невѣжествѣ въ химіи англійскихъ химическихъ заводчиковъ.

Поскольку онѣ обладаютъ стоимостью и, поэтому, поскольку онѣ переносятъ стоимость на продуктъ, постольку онѣ являются элементомъ стоимости послѣдняго. Вмѣсто удешевленія, продуктъ дѣлается дороже соразмѣрно увеличенію стоимости машины. Ясно, что машины и система машинъ — это характерное орудіе труда крупной промышленности — несравненно дороже, чѣмъ орудія труда въ ремесленномъ и мануфактурномъ производствѣ.

Далѣе нужно замѣтить, что машины, входя цѣликомъ въ процессъ труда, входятъ въ процессъ образованія стоимости только по частямъ. Онѣ никоимъ образомъ не прибавляютъ къ продукту больше той стоимости, которую, въ среднемъ, сами теряютъ отъ изнашиванія. Поэтому, существуетъ большое различіе между стоимостью машины и той частью стоимости, которую въ данное время машина передаетъ продукту. Существуетъ большая разница между машиной — какъ образователемъ стоимости, и машиной — какъ образователемъ продукта. И эта разница тѣмъ больше, чѣмъ больше промежутокъ времени, въ продолженіе котораго извѣстная машина работаетъ для одного и того же процесса труда. Правда, мы видѣли, что каждое орудіе труда, или инструментъ для производства, всегда входитъ въ процессъ труда цѣликомъ, и только по частямъ, — соразмѣрно ежедневному изнашиванію, — въ процессъ образованія стоимости. Но это различіе между пользованіемъ орудіями труда и изнашиваніемъ ихъ, между помощью, оказываемой ими при производствѣ товаровъ и вздорожаніемъ товара, вслѣдствіе передачи на него ихъ стоимости, — это различіе гораздо значительнѣе при машинахъ, нежели при ручныхъ инструментахъ: такъ какъ машины дѣлаются изъ болѣе прочнаго матеріала и служатъ долѣе; такъ какъ употребленіе ихъ — будучи основано на строго научныхъ законахъ — допускаетъ большую экономію въ тратѣ, какъ ихъ составныхъ частей, такъ и сырого матеріала, топлива и т. п.; и наконецъ, еще потому, что ихъ дѣятельность несравненно шире, сравнительно съ дѣятельностью простыхъ инструментовъ. Если мы исключимъ, какъ изъ машинъ, такъ и изъ инструментовъ, ихъ среднюю ежедневную трату, или ту составную часть стоимости, которую они передаютъ продукту ежедневнымъ изнашиваніемъ своимъ и поглощеніемъ вспомогательныхъ средствъ — напримѣръ, масла, угля и т. п., — то окажется, что они работаютъ даромъ, какъ бы безъ помощи человѣческаго труда, одной силой природы. Чѣмъ больше производительная сфера дѣйствія машинъ, сравнительно съ инструментами, тѣмъ больше и количество даровой услуги ея, сравнительно съ послѣдними. Только крупная промышленность учитъ человѣка заставлять дѣйствовать даромъ, въ большихъ размѣрахъ, подобно силамъ природы, продуктъ своего прошлаго воплощеннаго труда [109]).

Разсматривая кооперацію и мануфактурное производство нашли, что нѣкоторыя общія условія производства, какъ напримѣръ, строенія и т. п., сберегаются болѣе при общемъ употребленіи, чѣмъ при разъединенныхъ условіяхъ производства отдѣльныхъ рабочихъ; поэтому, онѣ болѣе удешевляютъ продуктъ. При машинномъ производствѣ не только сообща потребляются многіе исполнительные механизмы, соединенные въ корпусѣ одной рабочей машины, — но одна и та же движущая машина, вмѣстѣ съ частью передаточнаго механизма, потребляется сообща многими исполнительными механизмами.

При извѣстномъ различіи между стоимостью машинъ и тою частью стоимости, которую онѣ переносятъ ежедневно на продуктъ, степень вздорожанія этой части стоимости продукта прежде всего зависитъ отъ размѣра продукта, такъ сказать, отъ поверхности его. Baynes изъ Blackburn'а въ лекціи, изданной въ 1858 г., вычисляетъ, что «каждая реальная [109a]) механи-

---

[109]) Рикардо придаетъ настолько большее значеніе этому безвозмездному дѣйствію машинъ,—впрочемъ, столь же мало изслѣдованному имъ, какъ мало имъ изучено и общее различіе между процессомъ труда и процессомъ образованія стоимости,—что иногда теряетъ изъ вида ту составную часть стоимости, которую машина передаетъ продукту, и совершенно отождествляетъ ее съ силами природы. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Адамъ Смитъ нигдѣ не уменьшаетъ услугъ, оказываемыхъ намъ силами природы и машинами, но онъ весьма справедливо различаетъ сущность стоимости, которую онѣ прибавляютъ къ продукту..... тогда какъ онѣ дѣлаютъ это даромъ, то услуга, ими намъ оказываемая, нисколько не увеличиваетъ мѣновой стоимости». (Ric. 1. c. p. 336—337). Замѣчаніе Рикардо, конечно, совершенно вѣрно по отношенію ко вздору, который несетъ J. B. Say, будто машины оказываютъ «услугу», создавая стоимость, образующую часть прибыли капиталиста.

[109a]) (Къ 3-му издан.). Одна лошадиная сила равняется силѣ 33,000 футо-фунтовъ въ минуту, т. е., силѣ, поднимающей 33,000 фунтовъ въ одну минуту на одинъ футъ или одинъ фунтъ на 33,000 футовъ. Объ этой лошадиной силѣ и говорится въ текстѣ. На обыкновенномъ дѣловомъ языкѣ, а также въ нѣкоторыхъ цитатахъ настоящей книги, дѣлается однако различіе между «номинальными» и «коммерческими» или «индикаторскими» лошадиными силами той же самой машины. Прежняя или номинальная лошадиная сила вычисляется по величинѣ хода поршня и по діаметру цилиндра, причемъ нисколько не принимается въ расчетъ давленіе пара и быстрота хода поршня. Фактически ею обозначается, что такая то машина разовьетъ, напримѣръ, 50 лошадиныхъ силъ, если будетъ приведена въ движеніе при помощи такого же незначительнаго давленія пара и съ такою же ничтожною скоростью хода поршня, какія практиковались во время Boulton и Watt'а. Но съ тѣхъ поръ оба послѣдніе фактора чрезвычайно увеличились. Для измѣренія

ческая лошадиная сила приводитъ въ движеніе 450 самодѣйствующихъ веретенъ (mulespindeln) съ принадлежностями, или 200 throstlespindeln, или 15 ткацкихъ станковъ для 40 дюймовыхъ тканей, вмѣстѣ съ шлихтовальными механизмами и т. д.». Ежедневное содержаніе одной паровой лошадиной силы и изнашиванье, происходящее отъ приведенія въ дѣйствіе машины, въ первомъ случаѣ распредѣляется на ежедневный продуктъ — 450 mulespindles; во второмъ 200 — throstlespindles, въ третьемъ — 15 механическихъ ткацкихъ станковъ; такъ что на фунтъ пряжи или на аршинъ ткани переходитъ самая ничтожная часть стоимости. Тоже можно сказать о вышеприведенномъ примѣрѣ парового молота. Такъ какъ ежедневное изнашиваніе его, потребленіе угля и т. п., распредѣляется на гигантскую массу желѣза, которую онъ ежедневно куетъ, то на каждый центнеръ желѣза переносится самая ничтожная часть его стоимости, которая, однако была-бы громадна, если бы этотъ циклопическій инструментъ долженъ былъ вколачивать маленькіе гвозди.

Кругъ дѣятельности рабочей машины, — слѣдовательно, при опредѣленномъ количествѣ ея исполнительныхъ механизмовъ или, если дѣло идетъ о ея силѣ, при опредѣленной величинѣ послѣдней, — зависитъ отъ скорости ея дѣйствія на массу продукта, слѣдовательно, напримѣръ, отъ быстроты вращенія веретена, или количества ударовъ, производимыхъ молотомъ, въ единицу времени. Многіе изъ этихъ колоссальныхъ молотовъ дѣлаютъ 70 ударовъ въ минуту. Патентованная кузнечная машина Райдера, употребляющая паровой молотъ небольшихъ размѣровъ для ковки веретенъ, дѣлаетъ 700 ударовъ въ минуту.

При данномъ отношеніи, въ которомъ машина переноситъ свою стоимость на продуктъ, величина этой части стоимости зависитъ отъ цѣны самой машины [110]). Чѣмъ менѣе труда вложено въ нее, тѣмъ менѣе стоимости передаетъ она, тѣмъ она производительнѣе и тѣмъ болѣе услуга оказываемая ею, приближается къ услугѣ силъ природы. Изготовленіе же машинъ машинами понижаетъ ихъ стоимость соразмѣрно съ расширеніемъ ихъ дѣятельности.

Сравнительный анализъ цѣнъ товаровъ, производимыхъ ремесленнымъ и мануфактурнымъ путемъ, съ цѣнами тѣхъ же товаровъ, производимыхъ машинами, показываетъ, въ общемъ выводѣ, что составная часть стоимости, передаваемая орудіемъ труда, въ продуктѣ машинъ, — относительно возрастаетъ, но, абсолютно, — уменьшается. Это значитъ, что абсолютная величина ея уменьшается, но величина ея по отношенію ко всей стоимости продукта, — напримѣръ фунта пряжи — увеличивается [111]).

дѣйствительной механической силы, даваемой машиной въ настоящее время, былъ изобрѣтенъ индикаторъ, показывающій давленіе пара. Быстроту хода поршня опредѣлить очень нетрудно. Такимъ образомъ количество «индикаторскихъ» или «коммерческихъ» лошадиныхъ силъ какой нибудь машины выражается математической формулой, въ которую входятъ: діаметръ цилиндра, величина хода поршня, скорость его хода и давленіе пара, а потому эта формула показываетъ сколько дѣйствительно данная машина развиваетъ 33,000 футо-фунтовъ въ минуту. Стало быть, номинальная лошадиная сила можетъ въ дѣйствительности развивать три, четыре, даже пять индикаторскихъ или дѣйствительныхъ лошадиныхъ силъ. — Эта замѣтка сдѣлана для объясненія различныхъ послѣдующихъ цитатъ. — Фр. Э.).

[110]) Читатель съ капиталистическими воззрѣніями очевидно ожидаетъ здѣсь встрѣтить процентъ, который прибавляетъ машина къ продукту, соразмѣрно своей капитальной стоимости. Но, легко убѣдиться, что машина, которая (подобно всѣмъ прочимъ составнымъ частямъ постояннаго капитала) не создаетъ новой стоимости, и въ данномъ случаѣ не можетъ создать ее въ видѣ процента. Далѣе, ясно, что здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о производствѣ прибавочной стоимости, нельзя ни одной части ея предположить a priori подъ названіемъ «процента». Капиталистическій способъ расчета, который, съ перваго взгляда, кажется нелѣпымъ и противорѣчащимъ законамъ образованія стоимости, мы разъяснимъ въ 3-й книгѣ этого сочиненія.

[111]) Эта составная часть стоимости, прибавляемая машинами, уменьшается абсолютно и относительно тамъ, гдѣ онѣ замѣняютъ лошадей, или вообще рабочихъ животныхъ, которыя употребляются только какъ движущая сила, а не какъ машина, видоизмѣняющая вещества. Замѣтимъ, кромѣ того, что Декартъ смотритъ глазами мануфактурнаго періода, когда опредѣляетъ животныхъ, какъ простыя машины, — въ противоположность средневѣковому воззрѣнію, которое смотрѣло на животныхъ, какъ на помощниковъ человѣка. Это воззрѣніе отстаивалъ позже ф. Галлеръ въ своемъ сочиненіи «Restauration der Staatswissenschaften». Подтвержденіемъ того, что Декартъ, точно такъ же какъ Бэконъ, смотрѣлъ на измѣненіе способовъ производства и на практическое господство человѣка надъ природой, какъ на результатъ измѣненнаго метода мышленія, служатъ его «Discours de la Méthode», гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Можно (методомъ, вводимымъ имъ въ философію) дойти до знаній, крайне полезныхъ въ жизни, и вмѣсто той умозрительной философіи, которую преподаютъ въ школахъ, можно найти практическія свѣдѣнія, при помощи которыхъ — зная силу и свойства огня, воды, воздуха, звѣздъ и всѣхъ другихъ насъ окружающихъ тѣлъ такъ же обстоятельно, какъ мы знаемъ разныя ремесла нашихъ рабочихъ, — мы могли бы употребить ихъ для нужныхъ намъ цѣлей и, тѣмъ самымъ, стали бы хозяевами и властелинами природы, и содѣйствовали бы улучшенію человѣческой жизни». Въ предисловіи къ «Discourses upon Trade» (1691), Sir Dudley North'а говорится, что методъ Декарта, примѣненный къ политической экономіи, началъ освобождать ее отъ старыхъ басенъ и предразсудковъ о деньгахъ, торговлѣ и т. п. Вообще, прежніе англійскіе экономисты примкнули къ философіи Бэкона и Гоббса, между тѣмъ какъ впослѣдствіи философомъ политической экономіи

Ясно, что въ томъ случаѣ, когда производство машины требуетъ столько же труда, сколько сберегается ея примѣненіемъ, кромѣ простого перемѣщенія труда, не происходитъ ничего, стало быть, при этомъ общая сумма труда, потраченнаго на производство товаровъ, не понизится, или производительность труда не возрастетъ. Разница, однако, между трудомъ, потраченнымъ на машину, и тѣмъ трудомъ, который она сберегаетъ, или степень ея производительности, не зависитъ, понятно, отъ разницы между ея собственной стоимостью и стоимостью замѣненныхъ ею инструментовъ. Разница эта будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока трудъ, потраченный на машину, а слѣдовательно и та часть ея стоимости, которая передается продукту, — будетъ оставаться ниже той стоимости, которую рабочій прибавляетъ помощью инструментовъ къ предметамъ труда. Степень производительности машины измѣряется, поэтому, тѣмъ, насколько она вытѣсняетъ рабочую силу человѣка. По Baynes'у, на 450 мюльныхъ веретенъ съ принадлежностями, которыя дѣйствуютъ одной паровой лошадиной силой, приходится $2^1/_2$ рабочихъ [112]); такъ что $2^1/_2$, рабочихъ при 10 часовомъ ежедневномъ трудѣ, помощью одной selfacting mule прядутъ 12 унцій пряжи (средняго нумера), или еженедѣльно — $365^5/_8$ фунтовъ. При полученіи этого количества пряжи, 366 ф. хлопка (для простоты мы не обращаемъ вниманія на угаръ), поглощаютъ только 150 рабочихъ часовъ или 15 десятичасовыхъ рабочихъ дней; между тѣмъ какъ помощью самопрялки, — когда прядильщикъ въ теченіе 60 часовъ приготовляетъ 13 унцій пряжи, — тоже количество хлопка потребуетъ 2,700 десятичасовыхъ рабочихъ дней, или 27,000 рабочихъ часовъ [113]), Тамъ, гдѣ старый способъ blockprinting, или ручная набивка ситца, замѣненъ машиннымъ печатаніемъ, машина, подъ управленіемъ одного рабочаго или мальчика, печатаетъ столько же четырехъ-цвѣтнаго ситца, сколько прежде печатали 200 человѣкъ [114]). До 1793 г., когда Eli Whitney изобрѣлъ cottongin, отдѣленіе 1 ф. хлопка отъ сѣмянъ стоило, среднимъ числомъ, одного рабочаго дня. Благодаря его изобрѣтенію, одна негритянка была въ состояніи ежедневно очищать 100 ф. хлопка; со времени же первоначальнаго введенія, производительность этой машины значительно увеличена. Фунтъ хлопка, производимый прежде за 50 центовъ, сталъ заключать въ себѣ послѣ этого изобрѣтенія бо́льшее количество неоплаченнаго труда, а потому продавался по 10 центовъ съ бо́льшей выгодой. Въ Индіи, для отдѣленія волоконъ отъ сѣмянъ, употребляется инструментъ, «хурка» нѣчто среднее между машиной и простымъ инструментомъ, помощью его одинъ рабочій и одна работница могутъ очищать ежедневно 28 ф. Машиной же, изобрѣтенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, докторомъ Форбесомъ, одинъ взрослый рабочій при помощи мальчика очищаетъ ежедневно 250 ф.; тамъ же, гдѣ двигателемъ служатъ волы, паръ или вода, требуется только небольшое число мальчиковъ и дѣвочекъ, въ качествѣ feeders (подкладывателей матеріала для машины). Шестнадцать подобныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе волами, выполняютъ такую работу, на которую прежде требовалось, въ среднемъ, 750 человѣкъ [115]).

Какъ уже было замѣчено, паровая машина при паровомъ плугѣ выполняетъ, напримѣръ, въ теченіе одного часа, за 3 пенса или $^1/_4$ шилл., такую же работу, какъ 66 человѣкъ за 15 шилл. въ часъ. Возвращаюсь къ этому примѣру во избѣжаніе ложнаго толкованія: 15 шилл. ни въ какомъ случаѣ не выражаетъ труда, совершеннаго 66 рабочими въ продолженіе часа. Если отношеніе прибавочнаго труда къ труду необходимому выражалось въ 100%, то эти 66 человѣкъ производили въ теченіе часа стоимость въ 30 шилл., хотя эквивалентъ своей рабочей платы въ 15 шилл. они производили лишь въ теченіе 33 часовъ. И такъ положимъ, что машина сто́итъ столько же, во сколько, напримѣръ, обходится годовой заработокъ 150 работниковъ, которыхъ она вытѣсняетъ,—скажемъ 3,000 ф. стерл.; эти 3,000 ф. стерл. ни въ какомъ случаѣ не выражаютъ въ деньгахъ всего количества труда, доставляемаго 150 работниками, и прибавляемаго къ предметамъ труда, но выражаютъ только часть изъ годового труда, которую они доставляютъ какъ эквивалентъ за самихъ себя, попросту—рабочую плату. Напротивъ того, денежная стоимость машины въ 3,000 ф. стерл.

κατ' ἐξοχήν для Англіи, Франціи и Италіи сдѣлался Локкъ.

112) По годовому отчету Эссенской торговой палаты (октябрь 1863 г.) сталелитейный заводъ Круппа въ 1862 г. изготовлялъ при помощи 161-й плавильной, калильной и цементной печи, 32-хъ паровыхъ машинъ (въ 1800 г. во всемъ Манчестерѣ дѣйствовало не болѣе этого количества паровыхъ машинъ) и 14-ти паровыхъ молотовъ (представляющихъ вмѣстѣ 1,236 лошадиныхъ силъ),—49-ти кузнечныхъ горновъ, 203 рабочихъ машинъ и около 2,400 рабочихъ—13 милліоновъ фунтовъ литой стали. Въ этомъ случаѣ на одну лошадиную силу приходится меньше 2 рабочихъ.

113) По вычисленію Babbage, на Явѣ, при пряденіи прибавляется 117% къ первоначальной стоимости хлопка, и эта прибавка къ стоимости производится почти исключительно трудомъ прядильщика. Въ Англіи въ то же время (1832) общая стоимость, прибавляемая трудомъ и машинами къ хлопку, при тонкой пряжѣ составляла приблизительно 33% стоимости сырого матеріала. («On the Economy of Machinery». p. 214).

114) При машинномъ печатаніи сберегается, кромѣ того, краска.

115) Ср. «Paper read by Dr. Watson, Reporter on Products to the Government of India, before the Society of Arts, 17 April 1860.»

есть выраженіе всего труда, потраченнаго на изготовленіе ея, въ какомъ бы отношеніи ни была заработная плата рабочаго къ прибавочной стоимости капиталиста. Слѣдовательно, если машина стоитъ столько же, сколько замѣщенная ею рабочая сила, то трудъ, воплощенный въ ней, будетъ гораздо меньше того живаго труда, который она замѣщаетъ [116]).

Машины служатъ до тѣхъ поръ средствомъ удешевленія продукта, пока на ихъ собственное производство расходуется труда менѣе того, который вытѣсняется ихъ приложеніемъ. Для капиталиста же предѣлы эти еще болѣе ограничены. Такъ какъ онъ оплачиваетъ не потраченный трудъ, а стоимость потраченной рабочей силы, то приложеніе машинъ для него ограничивается разницей между стоимостью машины и стоимостью замѣщаемой ею рабочей силы. Такъ какъ дѣленіе рабочаго дня на необходимый трудъ и прибавочный трудъ, можетъ быть — въ различныхъ странахъ, или въ одной и той же странѣ въ различные періоды, или въ различныхъ отрасляхъ труда въ теченіе того же самого періода—крайне различно; такъ какъ, далѣе, дѣйствительная заработая плата иногда понижается ниже стоимости рабочей силы, иногда же бываетъ выше ея, — то и разница между цѣной машины и цѣной рабочей силы, замѣщаемой ею, можетъ сильно колебаться даже въ томъ случаѣ, когда разница между количествомъ труда, потребнымъ для производства машины, и всѣмъ количествомъ замѣщаемаго ею труда—остается безъ измѣненія [116a]). Для самого же капиталиста издержки производства товара опредѣляетъ только первая разница, и только она подъ давленіемъ конкурренціи имѣетъ вліяніе на его дѣйствія. Такъ, въ Англіи, изобрѣтаются теперь машины, употреблять которыя можетъ только С. Америка; такъ Германія XVI — XVII столѣтія изобрѣтала машины, примѣнявшіяся только въ Голландіи; такъ многія французскія изобрѣтенія XVIII-го вѣка эксплуатировались только въ Англіи. Самыя машины производятъ въ странахъ старой цивилизаціи, когда ихъ употребляютъ въ какой нибудь отрасли промышленности, такой избытокъ труда («redundancy of labour», говоритъ Рикардо) въ другихъ отрасляхъ, что здѣсь паденіе рабочей платы ниже стоимости рабочей силы, мѣшаетъ употребленію машинъ и дѣлаетъ ихъ введеніе излишнимъ, часто даже невозможнымъ, съ точки зрѣнія капиталиста, прибыль котораго къ тому же возникаетъ не отъ прилагаемаго, а отъ оплачиваемаго труда. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской шерстяной мануфактуры, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ употребленіе дѣтей на работы сильно понизилось, кое гдѣ даже почти совсѣмъ исчезло. Почему? Благодаря тому, что фабричный законъ требуетъ двойной смѣны рабочихъ дѣтей, изъ которыхъ одна работала бы 6, другая—4 часа, или каждая только по 5 часовъ; родители же не жалѣли продавать half-times (занятыхъ половину рабочаго времени), дешевле прежнихъ full-times (т. е. занимающихся въ теченіе полнаго рабочаго времени). Поэтому-то half-times были замѣнены машинами [117]). До запрещенія работы женщинъ и дѣтей моложе 10 лѣтъ въ рудникахъ, капиталъ находилъ до такой степени согласнымъ съ своимъ нравственнымъ кодексомъ, а главное, со своими бухгалтерскими книгами, — заставлять работать голыхъ женщинъ и дѣвочекъ, часто въ перемежку съ мужчинами, въ угольныхъ и другихъ копяхъ, что, только послѣ запрещенія, ихъ замѣнили, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, машины. Янки изобрѣли машину для разбиванія камней. Англичане не употребляютъ ее, такъ какъ «сволочь» («wretch»—техническое названіе у англійскихъ экономистовъ для рабочихъ земледѣльцевъ), которая исполняетъ эту работу, получаетъ до такой степени ничтожную плату за свой трудъ, что машины только повысили бы издержки производства для капиталистовъ [118]). Въ Англіи для тяги судовъ въ каналахъ все еще пользуются всегда, вмѣсто лошадей женщинами [119]), такъ какъ трудъ, необходимый для производства лошадей и машинъ, есть точно извѣстное количество, между тѣмъ какъ трудъ, необходимый для поддержанія жизни женщинъ избыточнаго населенія, ниже всякаго расчета. Поэтому, нигдѣ не расточается человѣческая

---

[116]) «Нѣмые дѣятели (машины) всегда представляютъ собою продуктъ меньшаго труда, чѣмъ тотъ, который они замѣщаютъ, даже въ томъ случаѣ, если денежная стоимость ихъ одинакова». (Ricardo l. c. p. 40).

[116a]) Ко 2 изд. Поэтому въ общинномъ хозяйствѣ область приложенія машинъ несравненно шире, чѣмъ въ капиталистическомъ.

[117]) «Хозяева не будутъ безъ необходимости держать двѣ смѣны дѣтей моложе 13 лѣтъ..... Дѣйствительно, одинъ классъ фабрикантовъ, прядильщики шерсти, въ настоящее время рѣдко употребляютъ дѣтей моложе 13 лѣтъ, т. е. half-times. Они ввели въ употребленіе различныя новыя и улучшенныя машины, которыя почти замѣняютъ употребленіе дѣтей (т. е. моложе 13 лѣтъ). Упомяну объ одномъ процессѣ для доказательства подобнаго уменьшенія числа дѣтей, гдѣ, прибавленіемъ одного аппарата, называемаго piecing machine, къ существовавшему механизму, работа шести или четырехъ half-times, сообразно особенности каждой машины, можетъ быть совершена однимъ человѣкомъ (старше 13 лѣтъ).... система halftimes.... способствовала изобрѣтенію piecing machine». (Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1858).

[118]) «Машины..... не могутъ быть часто примѣнены до тѣхъ поръ, пока трудъ (онъ подразумѣваетъ рабочую плату) не возрастетъ». Ricardo l. c .p. 579).

[119]) См. Report of the Social Science Congress at Edinburgh. October 1863.

сила на всякій вздоръ такъ безсовѣстно, какъ именно въ Англіи, этой странѣ машинъ.

3) Непосредственное дѣйствіе машиннаго производства на рабочаго.

Исходной точкой крупной промышленности является, какъ показано, коренное преобразованіе орудій труда, а такія преобразованныя орудія труда получаютъ наибольшее развитіе въ организованной системѣ машинъ на фабрикѣ. Прежде чѣмъ мы увидимъ, какимъ образомъ человѣческій матеріалъ присоединяется къ этому объективному организму, составляя съ нимъ одно цѣлое, посмотримъ на нѣкоторыя воздѣйствія такихъ преобразованій на самого рабочаго.

а) Присвоеніе дополнительныхъ рабочихъ силъ капиталомъ. Женскій и дѣтскій трудъ.

По мѣрѣ того какъ машины дѣлаютъ мускульную силу излишнею, онѣ даютъ поводъ для употребленія на работу рабочихъ съ слабой мускульной силой, гибкость членовъ которыхъ тѣмъ больше, чѣмъ они менѣе развиты. Поэтому, женскій и дѣтскій трудъ былъ первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ! Эти могущественные замѣстители труда и рабочихъ обратились затѣмъ въ средства для увеличенія числа рабочихъ, подчинивъ всѣхъ членовъ семейства рабочаго, безъ различія пола и возраста, непосредственной власти капитала. Обязательный трудъ на капиталистовъ замѣняетъ не только дѣтскія игры, но также свободный трудъ въ домашнемъ кругу для самого семейства, а эта домашняя работа, производившаяся въ обычныхъ умѣренныхъ размѣрахъ, была хозяйственной поддержкой семьи [120]).

Цѣна рабочей силы опредѣлялась не тѣмъ рабочимъ временемъ, которое необходимо для поддержанія отдѣльнаго взрослаго рабочаго, но тѣмъ, которое необходимо для поддержанія рабочаго семейства. Выгоняя всѣхъ членовъ рабочаго семейства на рабочій рынокъ, машины понижаютъ стоимость рабочей силы мужчины, распредѣляя ее на стоимость силъ всего семейства. Покупка, напримѣръ, 4-хъ рабочихъ силъ, принадлежащихъ одному семейству, теперь стоитъ можетъ быть дороже, чѣмъ прежде покупка рабочей силы главы семейства; но теперь вмѣсто одного рабочаго дня, покупаются 4, и цѣна его падаетъ соразмѣрно съ избыткомъ прибавочнаго труда четырехъ человѣкъ надъ прибавочнымъ трудомъ одного. Четверо должны дать капиталу не только трудъ, но и прибавочный трудъ, чтобы дать возможность жить одному семейству. Слѣдовательно, машины, увеличивая человѣческій матеріалъ, этотъ главный предметъ эксплуатаціи капитала, усиливаютъ одновременно и самую степень эксплуатаціи [121]).

Формальное выраженіе капиталистическихъ отношеній, т. е. договоръ между рабочимъ и капиталистомъ, благодаря машинамъ преобразуется также до основанія. Основное условіе обмѣна товаровъ предполагаетъ, что рабочій и капиталистъ встрѣчаются какъ личности свободныя, какъ независимые владѣльцы товаровъ: одинъ — располагающій деньгами и средствами производства, другой — рабочей силой. Теперь же капиталъ покупаетъ малолѣтнихъ или не вполнѣ полноправныхъ. Раньше рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которою

---

[120]) Dr. Edward Smith былъ посланъ англійскимъ правительствомъ во время хлопчато-бумажнаго кризиса, возникшаго вслѣдъ за американской гражданской войной, въ Ланкаширъ, Чеширъ и другія мѣста, для изслѣдованія санитарныхъ условій хлопчато-бумажныхъ рабочихъ. Онъ, между прочимъ, доноситъ, что кризисъ въ санитарномъ отношеніи, кромѣ того, что удалилъ рабочихъ изъ фабричной атмосферы, имѣлъ многія выгоды: у женъ рабочихъ теперь есть время для кормленія грудью дѣтей, вмѣсто того, чтобы отравлять ихъ Godfrey's Cordial'емъ; у нихъ нашлось время научиться стряпать. Къ несчастію, только этому искусству стряпать онѣ выучились какъ разъ въ такое время, когда нечего было ѣсть. Во всякомъ случаѣ, изъ этого видно, какъ капиталъ захватываетъ для своего увеличенія тотъ семейный трудъ, который необходимъ для самаго потребленія. Точно также кризисомъ воспользовались для того, чтобы въ нѣкоторыхъ школахъ научить дочерей рабочихъ шить. Потребовалась американская революція и міровой кризисъ, чтобы научить шитью дѣвушекъ-работницъ, которыя ткутъ для всего свѣта!!

[121]) «Приростъ числа рабочихъ былъ значителенъ, вслѣдствіе возрастающаго замѣщенія мужчинъ—женщинами, и, въ особенности, труда взрослыхъ—дѣтскимъ трудомъ. Три дѣвочки 13-лѣтняго возраста, съ заработной платой, отъ 6 до 8 шилл. въ недѣлю, замѣняли собою взрослаго работника, съ заработной платой, колеблющейся между 18 и 45 шилл.». (Th. de Quincey: «The Logic of Political Economy, London 1845», выноска къ стр. 147). Такъ какъ извѣстныя семейныя обязанности, напримѣръ, уходъ за ребенкомъ и кормленіе его нельзя вовсе уничтожить, то матери семействъ, конфискованныя капиталомъ, вынуждены нанимать кого нибудь, кто бы, болѣе или менѣе, заступалъ ихъ мѣсто. Необходимыя домашнія работы, какъ шитье, починка и т. п., приходится замѣнить покупкой готоваго товара. Уменьшеніе домашняго труда соотвѣтственно увеличиваетъ расходъ денегъ. У рабочаго издержки на содержаніе семейства, поэтому, возрастаютъ и поглощаютъ увеличеніе дохода. Къ этому еще присоединяется невозможность пользоваться экономіею и средствами существованія и во время ихъ приготовить. Относительно этихъ фактовъ, замалчиваемыхъ оффиціально политическою экономіей, можно найти богатый матеріалъ въ «Отчетахъ» фабричныхъ инспекторовъ, «Children's Employment Commission и, въ особенности, въ «Reports on Public Health».

онъ располагалъ какъ совершенно свободная личность. Теперь онъ продаетъ жену и дѣтей. Онъ становится торговцемъ рабовъ [122]). Запросъ на дѣтскій трудъ часто даже по формѣ похожъ на требованія рабовъ негровъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ объявленіяхъ американскихъ газетъ. «Мое вниманіе», говоритъ, напримѣръ, одинъ англійскій фабричный инспекторъ, «было привлечено слѣдующимъ объявленіемъ въ мѣстной газетѣ одного изъ большихъ мануфактурныхъ городовъ моего округа: «Требуются отъ 12 до 20 подростковъ, которымъ на видъ можно было бы дать не менѣе 13 л. Жалованье 4 шилл. въ недѣлю. Спросить и т. д.» [123]). Слова, «которымъ на видъ можно было бы дать не менѣе 13 лѣтъ», относятся къ тому обстоятельству, что по фабричному закону дѣти моложе 13 лѣтъ не могутъ работать дольше 6 часовъ. Правительственный медикъ (certifying surgeon) долженъ засвидѣтельствовать возрастъ. Поэтому фабрикантъ требуетъ такихъ дѣтей, которымъ на видъ можно дать 13 лѣтъ. Быстрое пониженіе на фабрикахъ числа дѣтей моложе 13 лѣтъ, иногда поражающее насъ въ англійской статистикѣ послѣднихъ 20 лѣтъ, было большею частію, по словамъ самихъ фабричныхъ инспекторовъ, дѣломъ certifying surgeons, которые преувеличивали возрастъ дѣтей, для удовлетворенія страсти эксплуатаціи капиталистовъ и потребности наживы самихъ родителей. Въ одномъ лондонскомъ кварталѣ, пользующемся дурною славой—Bethnal Green—каждый понедѣльникъ и вторникъ, по-утрамъ происходитъ открытый базаръ, на которомъ собираются дѣти обоего пола, съ 9-ти лѣтняго возраста, для найма на лондонскія шелковыя фабрики. «Обыкновенныя условія—1 шилл. 8 пенс. въ недѣлю, (которые принадлежатъ родителямъ) и 2 пенс. для меня самого, не считая чая». Договоръ дѣйствителенъ только въ теченіе недѣли. Сцены и разговоры во все время этого торга по истинѣ возмутительны [124]). Еще до сихъ поръ въ Англіи женщины «берутъ дѣтей изъ рабочихъ домовъ, и отдаютъ ихъ въ наймы кому угодно за 2 шилл. 6 пенс. въ недѣлю» [125]). Несмотря на прямое запрещеніе закономъ, еще до сихъ поръ въ Великобританіи до 2,000 мальчиковъ отдаются ихъ собственными родителями въ качествѣ машинъ для чистки трубъ (хотя для замѣны ихъ изобрѣтены машины) [126]). Переворотъ, произведенный машинами въ правовыхъ отношеніяхъ между покупателями и продавцами рабочей силы,—такъ что вся сдѣлка потеряла даже и тѣнь договора, заключаемаго между свободными лицами,—далъ юридическій поводъ англійскому парламенту для государственнаго вмѣшательства въ фабричныя отношенія. Всякій разъ, когда фабричное законодательство ограничивало дѣтскій трудъ 6-ью часами въ какихъ нибудь отрасляхъ промышленности, до тѣхъ поръ незатронутыхъ имъ,—тотчасъ снова возникали жалобы фабрикантовъ; нѣкоторые родители немедленно брали своихъ дѣтей изъ этой отрасли промышленности, для того чтобы продавать ихъ въ такія, гдѣ еще господствуетъ «свобода труда», т. е. гдѣ дѣтей моложе 13 лѣтъ заставляютъ работать такъ же, какъ взрослыхъ, слѣдовательно, гдѣ они и стоятъ дороже. Но такъ какъ капиталъ, по своей природѣ уравнитель, т. е требуетъ во всѣхъ сферахъ производства равенства условій эксплуатаціи труда, какъ прирожденнаго права человѣка, то законное ограниченіе дѣтскаго труда, въ одной отрасли промышленности служитъ причиной ограниченія его и въ другой.

Мы уже раньше указали на физическую порчу дѣтей, молодежи и женъ рабочихъ, которыхъ машины подчиняютъ капиталу сначала непосредственно въ тѣхъ фабрикахъ, гдѣ онѣ служатъ основаніемъ, а затѣмъ посредственно и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ промышленности. Здѣсь мы остановимся только на одномъ вопросѣ, на громадной смертности дѣтей рабочихъ въ первые годы ихъ жизни. Въ Англіи имѣется 16 округовъ, въ которыхъ на 100,000 дѣтей моложе одного года, среднимъ числомъ, приходится только 9,000 смертныхъ случаевъ (въ одномъ округѣ только 7,047); въ 24 округахъ

---

[122]) Въ противоположность тому замѣчательному факту, что ограниченіе дѣтскаго и женскаго труда на англійскихъ фабрикахъ было завоевано у капитала взрослыми рабочими мужчинами, находимъ даже въ послѣднихъ отчетахъ Children's Employment Commission, поистинѣ возмутительныя наклонности родителей-рабочихъ, которыя напоминаютъ торговцевъ невольниками. Капиталистическіе же фарисеи, какъ это видно изъ того же отчета, съ негодованіемъ указываютъ на это ими же самими созданное, увѣковѣченное и эксплуатируемое звѣрство, окрещенное ими же «свободой труда». «На помощь былъ призванъ дѣтскій трудъ... даже для добыванія самого насущнаго хлѣба. Не имѣя силы выдержать такой несоразмѣрный трудъ, не имѣя подготовки для направленія своей будущей жизни, они были брошены въ положеніе, развращающее физически и нравственно. Еврейскій историкъ по поводу разрушенія Іерусалима Титомъ замѣчаетъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ долженъ былъ быть разрушенъ, потому что одна безчеловѣчная мать принесла въ жертву своего собственнаго ребенка, чтобы утолить мученія ужаснаго голода». «Public Economy Concentrated» Carlisle 1833», p. 56.

[123]) A. Redgrave въ «Reports of Insp. of Factories for 31 Oct. 1858», p. 40, 41.

[124]) «Children's Employment Commission. V Report. London. 1866», p. 81, n. 31. (Къ 4-му изд.—Bethnal Green'ская шелковая промышленность въ настоящее время почти совершенно не существуетъ.—Фр. Э.).

[125]) «Childr. Emp. Comm. III Rep. London 1864», p. 53 n. 15.

[126]) l. c. V. Report, p. XXII n. 137.

болѣе 10,000, но менѣе 11,000; въ 39—выше 11,000, но ниже 12,000; въ 48 округахъ выше 12,000, но ниже 13,000; въ 22—выше 20,000; въ 25 округахъ выше 21,000; въ 17—выше 22,000; въ 11—выше 23,000; въ Гу, Ульвергамптонѣ, Aschton-under-Lyne и Престонѣ—выше 24,000; въ Ноттингамѣ, Стокпортѣ и Брадфордѣ — выше 25,000; въ Уисбичѣ — 26,000 и въ Манчестерѣ—26,125 [127]). Такой высокій процентъ смертности, какъ показываетъ оффиціальное врачебное изслѣдованіе 1861 г., зависитъ не только отъ мѣстныхъ условій, а главнымъ образомъ, отъ того, что матери заняты постоянно внѣ дома, и дѣти остаются безъ присмотра, при дурномъ уходѣ, напримѣръ получаютъ плохую пищу, или въ недостаточномъ количествѣ, или съ примѣсью опіума и т. д; отсюда происходитъ неестественное отчужденіе матерей отъ своихъ дѣтей; слѣдствіемъ всего этого является предумышленное замариваніе голодомъ и отравленіе [128]). Поэтому въ такихъ земледѣльческихъ округахъ, «гдѣ женщины наименѣе заняты,—и процентъ смертности наименьшій» [129]). Коммисія, занимавшаяся изслѣдованіемъ этого вопроса въ 1861 году, пришла однако къ неожиданнымъ результатамъ, именно, что въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ округахъ, лежащихъ по берегу Нѣмецкаго моря, процентъ смертности дѣтей моложе одного года, доходитъ до процента, приходящагося на самые знаменитые въ этомъ отношеніи фабричные округа. Поэтому Dr. Julian Hunter'у было поручено изслѣдовать это явленіе на мѣстѣ. Отчетъ его помѣщенъ въ «VI Report on Public Health» [130]). До сихъ поръ думали, что дѣтей поражаютъ malaria и другія болѣзни, свойственныя низменнымъ и болотистымъ мѣстностямъ. Изслѣдованіе показало совершенно противное, именно, «что та же причина, которая уничтожаетъ болотную лихорадку, т. е. обращеніе почвы, представляющей болота зимою и скудныя пастбища лѣтомъ, въ плодородную пашню, чрезвычайно повысило въ то же время процентъ смертности грудныхъ дѣтей» [131]). 70 врачей-практиковъ этихъ округовъ, спрошенные Dr. Hunter'омъ, были «замѣчательно единогласны» относительно этого вопроса. Въ дѣйствительности переворотъ въ способѣ обработки почвы повелъ къ промышленной системѣ. «Замужнія женщины, работающія партіями, вмѣстѣ съ дѣвочками и молодыми людьми, поставляются фермеру лицомъ, называемымъ «gangmaster», которое нанимаетъ всю партію и отдаетъ ее за извѣстную сумму въ распоряженіе фермера. Эти партіи странствуютъ иногда за много миль отъ своихъ деревень. Ихъ можно встрѣтить по утрамъ и по вечерамъ на дорогахъ: женщинъ, одѣтыхъ въ короткія юбки и соотвѣтственныя кацавейки, въ сапогахъ, иногда въ штанахъ; на видъ онѣ очень сильны и здоровы, но испорчены обычнымъ для нихъ развратомъ и мало заботятся о вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя производитъ на дѣтей ихъ склонность къ этой дѣятельной и независимой жизни, и которыя чахнутъ дома» [132]). Здѣсь повторяются всѣ явленія фабричныхъ округовъ, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, напримѣръ тайное дѣтоубійство, кормленіе дѣтей опіумомъ [133]). «Глубокое омерзѣніе», говоритъ Dr. Simon, врачъ англійскаго Privy Council и главный редакторъ отчетовъ «Public Health», «съ которымъ я отношусь ко всякому промышленному труду взрослыхъ женщинъ, должно быть оправдано моимъ знаніемъ всего зла, производимаго имъ» [134]). «Для мануфактурныхъ округовъ Англіи», восклицаетъ фабричный инспекторъ Р. Беккеръ въ одномъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ, «будетъ истиннымъ счастіемъ запрещеніе замужнимъ женщинамъ, имѣющимъ семейства, работать на какихъ-бы то ни было фабрикахъ [135]).

Производимая капиталистической эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда нравственная испорченность, описана Фридрихомъ Энгельсомъ, въ его «Положеніе рабочаго класса въ Англіи», и другими писателями, до такой степени подробно, что здѣсь я только напомню объ этомъ. Но умственное одичаніе, искусственно производимое обращеніемъ несложившагося еще человѣка въ простую машину для фабрикаціи прибавочной стоимости,—которое надо отличать отъ

[127]) «Sixth Report on Public Health. London 1864, p. 34.

[128]) It (the inquiry of 1861).... showed, moreever, that while, with the described circumstances, infants perish under the neglect and mismanagemenet which their mothers' occupations imply, the mothers become to a grevious extent denaturalized towards their offspring — commonly not troubling themselves much at the death, and even sometimes... taking direct measures to ensure it». l. c.

[129]) l. c. p. 454.

[130]) l. c. p. 454—463. «Report by Dr. Henry Julian Hunter on the excessive mortality of infants in some rural districts of England».

[131]) l. c. p. 35 и p. 455, 456.

[132]) l. c. p. 456.

[133]) Какъ въ англійскихъ земледѣльческихъ, такъ и въ фабричныхъ округахъ потребленіе опіума, между взрослыми рабочими и работницами, съ каждымъ днемъ распространяется все сильнѣе. «Развить продажу опіума.... составляетъ великую цѣль нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ крупныхъ торговцевъ. Дрогисты считаютъ опіумъ главнымъ предметомъ своей торговли (the leading article)» l. c. p. 459. Грудныя дѣти принимая опіумъ, «искалѣчиваются въ маленькихъ старыхъ человѣчковъ или сморщиваются въ маленькихъ обезьянъ». l. c. p. 460. Мы видимъ, чѣмъ Китай и Индія мстятъ Англіи.

[134]) l. c. p. 37.

[135]) «Rep. of Insp. of Factor. for 31 Oct. 1862», p. 59. Этотъ фабричный инспекторъ былъ прежде врачемъ.

естественнаго невѣжества, не затрогивающаго природныхъ умственныхъ дарованій, не губящаго ихъ способности развитія, ихъ естественнаго плодородія, — это умственное одичаніе заставило наконецъ даже англійскій парламентъ сдѣлать во всѣхъ отрасляхъ промышленности, подчиненныхъ фабричному законодательству, элементарное образованіе обязательнымъ условіемъ для «производительнаго» потребленія дѣтей моложе 14 лѣтъ. Духъ капиталистическаго производства ясно просвѣчиваетъ въ небрежной редакціи, такъ называемыхъ, статей о воспитаніи фабричнаго законодательства, въ томъ недостаткѣ административнаго механизма, вслѣдствіе котораго это обязательное обученіе остается, большею частію, мертвою буквою, въ оппозиціи самихъ фабрикантовъ противъ этихъ статей закона и ихъ практическихъ уловкахъ и увертках, которыми они обходятъ ихъ. «Порицать надо только законодательную власть, потому что она издала обманчивый законъ (delusive law), который, подъ видомъ заботы о томъ, чтобы дѣти работающія на фабрикахъ получали образованіе, не содержатъ никакихъ постановленій, которыя бы обезпечивали выполненіе этого закона. Законъ опредѣляетъ только, чтобы дѣти въ теченіе опредѣленнаго времени (3 часа) были заперты въ четырехъ стѣнахъ помѣщенія, называемаго школой, и чтобы нанимающій ихъ представлялъ въ опредѣленные дни недѣли, еженедѣльно, въ этомъ свидѣтельство отъ школьнаго учителя или учительницы, за ихъ подписью [136]). До изданія въ 1844 г. измѣненнаго фабричнаго закона, часто бывали случаи, когда свидѣтельства о посѣщеніи школы, учитель или учительница за неграмотностью подписывали крестомъ. «При посѣщеніи одной изъ такихъ школъ, которая выдавала подобныя свидѣтельства, я до такой степени былъ пораженъ невѣжествомъ учителя, что спросилъ его: «Скажите пожалуйста, умѣете вы читать?»—онъ отвѣчалъ:—«Да! по складамъ маракую!». Чтобы поправиться, онъ прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ я смотрю за учениками». Во время подготовленія закона 1844 г., фабричные инспектора доносили о жалкомъ состояніи помѣщеній, называемыхъ школами, свидѣтельства которыхъ они должны были по закону признавать вполнѣ достаточными. Все, чего они достигли, состояло въ томъ, что съ 1844 г. числа въ школьныхъ свидѣтельствахъ должны были писаться рукою учителя и быть подписаны имъ самимъ, его полнымъ именемъ и фамиліей» [137]). Шотландскій фабричный инспекторъ, Sir John Kincaid, разсказываетъ о подобныхъ же случаяхъ. «Первую школу, которую мы посѣтили, содержала нѣкая Анна Киллинъ (Killin). По моему приглашенію написать свое имя, она тотчасъ сдѣлала ошибку, начавъ съ буквы С; но сейчасъ поправилась, сказавъ, что ея имя начинается съ К. При взглядѣ на подписи школьныхъ свидѣтельствъ, я однако замѣтилъ, что она подписывается различно, между тѣмъ какъ почеркъ не оставлялъ никакого сомнѣнія въ ея неспособности учить. Она сама согласилась съ тѣмъ, что не можетъ вести списокъ... Посѣтивъ другую школу, я нашелъ, что комната, въ которой она помѣщается, имѣетъ всего 15 футовъ длины и 10 ширины, и на этомъ пространствѣ я насчиталъ 75 ребятъ, бормотавшихъ что-то непонятное» [138]). «Но не только въ такихъ жалкихъ трущобахъ дѣти получаютъ школьныя свидѣтельства, не получая никакого образованія, но и во многихъ школахъ, гдѣ учителя свѣдущи, ихъ усилія окончательно разбиваются среди дѣтей всевозможныхъ возрастовъ, начиная съ трехлѣтняго. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, они получаютъ самое ничтожное вознагражденіе, вполнѣ зависящее отъ количества пенсовъ, получаемыхъ съ небольшаго количества дѣтей, какое только можетъ помѣститься въ ихъ компатѣ. Къ этому надо прибавить скудную меблировку, недостатокъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій, и вредное дѣйствіе на самихъ несчастныхъ дѣтей спертаго и отвратительнаго воздуха. Я былъ во многихъ такихъ школахъ, гдѣ видѣлъ цѣлые ряды дѣтей, рѣшительно ничего не дѣлающихъ, и подобныя то дѣти фигурируютъ въ оффиціальныхъ статистикахъ, какъ получившія образованіе (educated)» [139]). Въ Шотландіи фабриканты по возможности стараются не брать на фабрики дѣтей, которыя по закону обязаны посѣщать школу. «Этого совершенно достаточно для доказательства сильнаго недоброжелательства фабрикантовъ къ статьямъ фабричнаго закона объ обязательномъ обученіи» [140]). Особенно уродливо проявляется это въ ситцепечатняхъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ, которыя подчинены особому фабричному закону. По опредѣленію этого закона, каждый ребенокъ, прежде нежели можетъ заниматься въ ситценабивныхъ фабрикахъ, долженъ посѣщать школу по крайней мѣрѣ 30 дней, и не менѣе 150 час. въ теченіе шести мѣсяцевъ, непосредственно передъ днемъ начала работъ. Въ продолженіе же своей работы въ этихъ заведеніяхъ, онъ долженъ посѣщать школу точно также въ теченіе 30 дней или 150-ти часовъ въ каждый 6-ти мѣсячный періодъ... Въ школу онъ долженъ ходить между 8 часами утра и 6 часами пополудни. Ни одно посѣщеніе, продолжавшееся меньше 2 $^1/_2$

---

[136] Leonhard Horner, въ «Rep. of Insp. of Factor. for 30 June 1857», стр. 17.

[137]) «Rep. Insp. of Factor. for 31 Oct. of 1855», p. 18, 19.

[138]) Sir John Kincaid въ «Rep. of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1858», p. 31, 32.

[139]) Leonhard Horner въ «Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1856», p. 17, 18.

[140]) Sir J Kincaid, Rep. Insp. Fact. 31-st Oct. 1856, p. 66.

часовъ или болѣе 5 часовъ въ одинъ и тотъ же день, не должно входить въ число 150 требуемыхъ часовъ. При обыкновенныхъ условіяхъ, дѣти посѣщаютъ школу, до и послѣ полудня, въ продолженіе 30 дней, пробываютъ тамъ по пяти часовъ; по истеченіи же 30 дней, когда общая сумма въ 150 часовъ, требуемая закономъ, достигнута, когда — употребляя ихъ собственное выраженіе — они «покончили со своими книгами», то возвращаются на ситценабивную фабрику, гдѣ и остаются шесть мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ снова посѣщаютъ школу пока опять не покончатъ съ книгами... Многіе мальчики, посѣщавшіе такимъ образомъ школу установленные 150 часовъ, возвращаются въ нее, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія на фабрикѣ, съ такимъ же знаніемъ, какъ до поступленія въ школу... Они, разумѣется, все перезабыли, чему научились въ предыдущее посѣщеніе школы. Въ другихъ ситцепечатняхъ посѣщеніе школъ находится въ совершенной зависимости отъ хода занятій на фабрикѣ. Требуемое число часовъ пополняется, въ теченіе каждаго шестимѣсячнаго періода, зачетомъ каждый разъ отъ 3 до 5 часовъ, которые распредѣляются, можетъ быть, болѣе нежели на 6 мѣсяцевъ... Напримѣръ, одинъ день дѣти сидятъ въ школѣ отъ 8 до 11 часовъ утра, въ другой разъ — отъ часу до четырехъ пополудни; затѣмъ, нѣсколько дней ребенокъ можетъ и совсѣмъ не появляться въ школѣ; потомъ его вдругъ посылаютъ отъ 3 до 6 часовъ пополудни; въ теченіе 3—4 дней или недѣли онъ является въ школу, — потомъ снова пропадаетъ недѣли на 3 или на мѣсяцъ, опять является на нѣсколько часовъ въ кое-какіе незанятые дни, когда хозяинъ фабрики случайно не нуждается въ немъ. Такимъ образомъ, ребенка гоняютъ (buffeted) изъ фабрики въ школу, изъ школы на фабрику, до тѣхъ поръ, пока не наберутся требуемые 150 часовъ» [141]).

Машина благодаря черезмѣрному добавленію дѣтей и женщинъ къ общему персоналу рабочихъ, преодолѣваетъ наконецъ, сопротивленіе, которое, при мануфактурномъ производствѣ, еще оказываютъ взрослые рабочіе деспотизму капитала [142]).

b) Удлиненіе рабочаго дня.

Если машина представляетъ наиболѣе сильное средство къ повышенію производительности труда, т. е. уменьшенія необходимаго рабочаго времени при производствѣ товаровъ, то, какъ капиталъ, она становится — въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя прежде всего захватываетъ, — сильнѣйшимъ средствомъ удлиненія рабочаго дня дальше всякихъ естественныхъ предѣловъ. Она создаетъ, съ одной стороны, новыя условія, дающія полную возможность капиталу достигнуть этой постоянной цѣли его стремленій; съ другой стороны — новое побужденіе для удовлетворенія ненасытной страсти къ чужому труду.

Далѣе, въ видѣ машины, орудія труда становятся автоматичными, предметами движущимися и работающими независимо отъ рабочаго, Машинное производство, само по себѣ, стремится сдѣлаться промышленнымъ perpetuum mobile, которое производило бы непрерывно, если бы не встрѣчало извѣстныхъ естественныхъ преградъ въ своихъ помощникахъ-людяхъ, въ ихъ тѣлесной слабости и въ силѣ ихъ воли. Какъ представитель капитала, автоматъ совершенно проникнутъ капиталистическимъ сознаніемъ и волей; поэтому онъ воодушевленъ стремленіемъ довести до minimum'а сопротивленіе, представляемое этимъ противящимся, но растяжимымъ естественнымъ препятствіемъ, человѣкомъ [143]). Это сопротивленіе, кромѣ того, уменьшается кажущеюся легкостью труда при машинѣ и гибкостью и податливостью работающихъ при нихъ женщинъ и дѣтей [144]).

---

141) A. Redgrave въ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st Oct. 1857», p. 41, 42. Въ тѣхъ отрасляхъ англійской промышленности, которыя давно уже подчинены фабричному законодательству (не Print Works' Act, о которомъ говорится въ текстѣ), препятствія противъ обязательнаго обученія, нѣкоторымъ образомъ, въ послѣдніе годы устранены. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя еще не подчинены фабричнымъ законамъ совершенно господствуютъ взгляды стекольнаго заводчика J. Geddes'а, который такъ поучалъ правительственнаго коммиссара Уайта: «Насколько я понимаю, бо̀льшее образованіе, которымъ пользуется часть рабочаго сословія въ послѣдніе годы, положительно вредно. Оно опасно, такъ какъ дѣлаетъ ихъ слишкомъ независимыми»: («Children's Empl. Commission, IV Report, London 1865», p. 253).

142) «Г. Е., фабрикантъ, сообщилъ мнѣ, что при механическихъ веретенахъ, онъ даетъ работу исключительно женщинамъ; замужнимъ женщинамъ онъ отдаетъ предпочтеніе, въ особенности такимъ, у которыхъ дома есть семейства, содержимыя ими: онѣ гораздо внимательнѣе и понятливѣе незамужнихъ, и принуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы заработать необходимыя средства для жизни. Такимъ образомъ, добродѣтели, свойственныя характеру женщины, обращаются противъ нея самой; такимъ образомъ, наиболѣе нравственная и нѣжная сторона ея природы дѣлается источникомъ ея рабства и страданій». («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley 15 th March. London 1844», p. 20).

143) «Со времени всеобщаго введенія дорогихъ машинъ, человѣка принуждаютъ работать несравненно больше его естественныхъ силъ». (Robert Owen: «Observations on the effects of the manufacturing system». 2-nd ed. London 1817»).

144) Англичане, принимая часто наиболѣе раннюю форму проявленія чего нибудь за основную причину, считаютъ основной причиной продолжительнаго рабочаго времени на фабрикахъ, — громадныя, иродскія похищенія дѣтей, произведенныя капиталомъ въ пріютахъ для сиротъ и для нищихъ, при возникновеніи фабрич-

Производительность машины, какъ мы видѣли, находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ части стоимости, передаваемой ею продукту. Чѣмъ больше промежутокъ времени, въ продолженіе котораго она находится въ дѣйствіи, тѣмъ больше масса продуктовъ, на которую распредѣляется прибавляемая ею стоимость, и тѣмъ меньше часть стоимости, приходящаяся на каждый отдѣльный товаръ. Активный же жизненный періодъ машины опредѣляется, очевидно, длиной рабочаго дня, или продолжительностью дневного процесса труда, помноженной на число дней, въ теченіе которыхъ этотъ процессъ повторяется.

Изнашиванье машинъ ни въ какомъ случаѣ не совпадаетъ математически со временемъ пользованія ими. Даже если предположить это, то машина, служащая $7^1/_2$ лѣтъ, по 16 часовъ ежедневно, обнимаетъ собою такой же длинный періодъ производства, и прибавляетъ къ продукту не болѣе стоимости, чѣмъ та же машина, но которая прослужила бы 15 лѣтъ—по 8 часовъ ежедневно. Въ первомъ же случаѣ стоимость машины воспроизводится вдвое быстрѣе, чѣмъ въ послѣднемъ, и капиталистъ посредствомъ нея въ $7^1/_2$ лѣтъ получитъ столько же прибавочнаго труда, сколько получалъ въ 15.

Вещественное изнашиваніе машинъ бываетъ двухъ родовъ: во-первыхъ, машины портятся отъ употребленія,—какъ монета истирается въ обращеніи; во-вторыхъ, отъ неупотребленія,—какъ бездѣйствующій мечъ ржавѣетъ въ ножнахъ. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ становятся добычею стихій. Изнашиванье перваго рода находится, болѣе или менѣе, въ прямомъ отношеніи съ употребленіемъ машины; изнашиванье же второго рода—до нѣкоторой степени—въ обратномъ [145]).

Машина подвергается, кромѣ матеріальнаго, еще, такъ сказать, нравственному изнашиванію: она теряетъ мѣновую стоимость цѣликомъ, въ томъ случаѣ, если машину той же конструкціи дѣлаютъ дешевле, или же если является конкурирующая съ нею лучшая машина [146]). Въ обоихъ случаяхъ стоимость ея—какъ-бы нова машина ни была,—опредѣляется уже не тѣмъ рабочимъ временемъ, которое фактически воплощено въ ней, но тѣмъ, которое потребно для воспроизведенія ея самой, или для постройки лучшей машины. Поэтому, она, болѣе или менѣе, теряетъ свою стоимость. Чѣмъ меньше періодъ, въ который она воспроизводитъ всю свою стоимость, тѣмъ меньше опасность нравственнаго изнашиванія, а чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ меньше этотъ періодъ. При первоначальномъ введеніи машины въ какой нибудь отрасли промышленности, являются одинъ за другимъ новые способы болѣе дешеваго ихъ производства, а также улучшенія, и не только какихъ нибудь частностей, но всего механизма [147]). Поэтому въ первое время по введеніи такой машины, эта побудительная причина удлиненія рабочаго дня дѣйствуетъ съ особенною силою [148]).

При прочихъ постоянныхъ условіяхъ и при данной величинѣ рабочаго дня, эксплуатація двойного числа рабочихъ требуетъ также удвоенія какъ той части постояннаго капитала, которая вложена въ машины и строенія, такъ и той, которая затрачена на сырой и вспомогательный матеріалъ и т. д. При удлиненіи рабочаго дня производство постепенно увеличивается между тѣмъ какъ постоянный капиталъ, вложенный въ машины и строенія, остается безъ измѣненія [149]). Отъ этого не только увеличивается прибавочная

ной системы, вслѣдствіе чего онъ присвоилъ себѣ совершенно лишенный воли человѣческій матеріалъ. Такъ напримѣръ, Фильденъ, самъ англійскій фабрикантъ, говоритъ; «Очевидно, что продолжительный рабочій день вошелъ въ обычай отъ того громаднаго количества нищихъ дѣтей, которыя доставлялись изъ различныхъ частей страны, такъ что хозяева не стѣснялись количествомъ рабочихъ рукъ и, разъ введя такой обычай посредствомъ жалкаго матеріала, полученнаго этимъ путемъ, имъ не стоило большого труда принудить къ этому же и своихъ сосѣдей». (J. Fielden: «The Curse of the Factory System». London 1836 p. 11). Относительно женскаго труда фабричный инспекторъ Saunders, въ отчетѣ за 1844 г., говоритъ слѣдующее: «Между работницами находятся женщины, которыя занимаются нѣсколько недѣль подрядъ, за исключеніемъ немногихъ дней, съ 6 ч. утра до 12 ночи; имѣя меньше 2 часовъ на ѣду, такъ что имъ въ теченіе 5 дней въ недѣлю, изъ 24-хъ часовъ остается всего только 6, чтобы дойти до дому и отдохнуть въ постели.

145) Извѣстно какой «вредъ производитъ бездѣйствіе машины на подвижныя и тонкія металлическія части ея». Ure, l. c. p. 28.

146) Уже упомянутый нами «Манчестерскій прядильщикъ», (Times, 26 ноябрь 1862) считаетъ въ числѣ издержекъ на машины: «It (именно: allowance for deterioration of machinery) is also intended to cover the loss which is constantly arising from the superseding of machines before they are worn out by others of a new and better construction».

147) «Считаютъ, что постройка перваго экземпляра какой-нибудь вновь изобрѣтенной машины стоитъ въ 5 разъ дороже, нежели постройка второго». (Babbage, l. c. p. 349.)

148) Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сдѣлано такъ много и такія значительныя улучшенія въ станкахъ для производства тюля, что еще вполнѣ хорошая машина, стоившая 1,200 ф. стерл., черезъ нѣсколько лѣтъ продавалась всего за 60 фунтовъ.... Улучшенія слѣдовали одно за другимъ съ такою быстротой, что машины оставались неоконченными въ рукахъ строителей, такъ какъ онѣ успѣвали устарѣть, благодаря какому нибудь болѣе счастливому изобрѣтенію». Въ это горячее время фабриканты тюля растянули первоначальный восьмичасовой рабочій день на 24 часа, при помощи двойной смѣны рабочихъ. (l. c. p. 233).

149) Ясно что среди колебаній рынка и измѣняющейся величины запроса, постоянно слу-

стоимость, но и понижаются затраты, необходимыя для полученія ея. Хотя это происходитъ болѣе или менѣе, при каждомъ удлиненіи рабочаго дня, но особенное значеніе имѣетъ именно здѣсь, такъ какъ часть капитала, затраченнаго на рабочія орудія, играетъ здѣсь вообще болѣе важную роль [150]). Развитіе машиннаго производства превращаетъ постоянно возрастающую часть капитала въ такую форму, при которой она, съ одной стороны, постоянно становится дороже, а съ другой—теряетъ мѣновую и потребительную стоимость, какъ только прерывается ея связь съ живымъ трудомъ. «Когда земледѣлецъ», поучаетъ Ashworth, одинъ изъ англійскихъ хлопчатобумажныхъ магнатовъ, профессора Nassau W. Senior'а «бросаетъ заступъ, то на это время онъ дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ стоимостью въ 18 пен. Если кто-нибудь изъ нашихъ людей оставляетъ фабрику, то дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ въ 100,000 ф. стерл.» [151]). Подумайте только: капиталъ стоимостью въ 100,000 ф. стерл. сдѣлать «безполезнымъ», хотя бы на одно мгновеніе! Это дѣйствительно возмутительно, если кто-нибудь изъ нашихъ людей когда-либо уйдетъ съ фабрики! Такъ вотъ Senior, просвѣщенный Ashworth'омъ, приходитъ къ заключенію, что расширеніе машиннаго производства дѣлаетъ «желательнымъ» постоянное удлиненіе рабочаго дня [152]).

Машина производитъ относительную прибавочную стоимость не только тѣмъ, что прямо обезцѣниваетъ рабочую силу и удешевляетъ ее косвенно, вслѣдствіе пониженія цѣнъ товаровъ, входящихъ въ ея воспроизведеніе, — но также и тѣмъ, что, при спорадическомъ введеніи ея, она обращаетъ трудъ, прилагаемый владѣльцемъ машины, въ трудъ болѣе высокаго качества, продуктъ котораго, обладая общественною стоимостью болѣе высокой, чѣмъ его индивидуальная стоимость, позволяетъ капиталисту замѣщать дневную стоимость рабочей силы меньшею частью стоимости дневного продукта. За это переходное время,—когда машинное производство является какъ-бы монополіей, почему и барышъ громаденъ, — капиталистъ старается какъ можно основательнѣе воспользоваться «этимъ медовымъ мѣсяцемъ», при помощи возможно бо́льшаго удлиненія рабочаго дня. Величина прибыли порождаетъ алчность къ большей прибыли.

По мѣрѣ того какъ въ извѣстной отрасли промышленности машина входитъ во всеобщее употребленіе, общественная стоимость машиннаго продукта понижается до своей индивидуальной стоимости и вступаетъ въ силу законъ, что прибавочная стоимость появляется не изъ тѣхъ рабочихъ силъ, которыя капиталистъ замѣщаетъ машиною, но наоборотъ изъ тѣхъ, которыя работаютъ при машинѣ. Источникомъ прибавочной стоимости служитъ только перемѣнная часть капитала, и мы видѣли, что количество прибавочной стоимости опредѣляется двумя факторами: нормой прибавочной стоимости и числомъ одновременно занимающихся рабочихъ. При извѣстной длинѣ рабочаго дня, норма прибавочной стоимости опредѣляется отношеніемъ, въ которомъ рабочій день дѣлится на необходимый трудъ и прибавочный трудъ. Число же одновременно занятыхъ рабочихъ зависитъ, съ своей стороны, отъ отношенія между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ. Но, какъ бы пользованіе машиною ни увеличивало прибавочный трудъ на счетъ труда необходимаго, вслѣдствіе возрастанія производительности труда, очевидно, что капиталистъ можетъ достичь этого результата только тѣмъ, что уменьшитъ число рабочихъ, занятыхъ даннымъ капиталомъ. Онъ обращаетъ часть капитала, бывшаго прежде перемѣннымъ, т. е. помѣщеннымъ въ живую рабочую силу, на машины, слѣдовательно на постоянный капиталъ, не производящій прибавочной стоимости. Изъ двухъ рабочихъ, напримѣръ, нельзя выжать столько же прибавочной стоимости, сколько изъ 24. Если каждый изъ 24-хъ рабочихъ, на 12 часовъ работы, доставляетъ только часъ прибавочнаго труда,—то всѣ вмѣстѣ доставляютъ 24 часа прибавочнаго труда; между тѣмъ, вся работа двухъ человѣкъ достигаетъ только 24 часовъ. Поэтому, въ примѣненіи машинъ къ производству прибавочной стоимости лежитъ внутреннее противорѣчіе;

чаются обстоятельства, при которыхъ фабрикантъ можетъ вложить добавочный оборотный капиталъ, не влагая въ тоже время добавочнаго основного капитала... если добавочное количество сырого матеріала можетъ быть обработано не требуя добавочныхъ издержекъ на машины и и строенія». (R. Torrens: «On Wages and Combination», London 1834, p. 63).

[150]) Обстоятельство, изложенное въ текстѣ, приведено только ради полноты, такъ какъ норму прибыли, т. е. отношеніе прибавочной стоимости ко всему затраченному капиталу, я разсмотрю въ третьей книгѣ.

[151]) «When», говоритъ Ashworth, «a labourrer lays down his spade, he renders useless, for that period, a capital worth 18 d. When one of our people (т. е. фабричныхъ рабочихъ) leaves the mill, he renders useless a capital that has cost 100,000 Pd. St (Senior: «Letters on the Factory Act, London» 1837, p. 13 и 14).

[152]) «Чѣмъ больше основной капиталъ сравнительно съ оборотнымъ... тѣмъ желательнѣе удлиненіе рабочаго дня». По мѣрѣ возрастанія размѣра машиннаго производства и т. д., «основанія для удлиненія рабочаго дня будутъ возрастать, такъ какъ это единственное средство сдѣлать прибыльной бо́льшую величину основнаго капитала» (l. c. p. 11—13). «На фабрикѣ существуютъ различныя издержки, которыя не измѣняются, работаетъ-ли фабрика дольше или меньше,—какъ напримѣръ рента за строенія, мѣстныя и общія подати, страхованіе отъ огня, заработная плата различнымъ постояннымъ рабочимъ, порча машинъ, — рядомъ съ другими издержками, отношенія которыхъ къ прибыли возрастаютъ соразмѣрно съ уменьшеніемъ размѣровъ производства». «Reports of the Insp. of. Fact. for 31 Oct. 1862», p. 19).

такъ какъ изъ двухъ факторовъ прибавочной стоимости, доставляемой капиталомъ данной величины, одинъ факторъ—норма прибавочной стоимости—увеличивается только вслѣдствіе того, что уменьшается другой факторъ—число рабочихъ. Это внутреннее противорѣчіе проявляется, когда съ распространеніемъ машины въ какой нибудь отрасли промышленности, стоимость товара, изготовленнаго машиннымъ путемъ, является стоимостью, опредѣляющею общественную стоимость всѣхъ товаровъ одного съ нимъ рода; и это то противорѣчіе побуждаетъ снова капиталъ, невольно [153]), крайне удлинять рабочій день, чтобы вознаградить уменьшеніе относительнаго числа эксплуатируемыхъ рабочихъ, увеличеніемъ не только относительнаго, но также абсолютнаго прибавочнаго труда.

Если, поэтому, съ одной стороны, капиталистическое примѣненіе машинъ создаетъ новые могущественные поводы для безграничнаго удлиненія рабочаго дня и преобразуетъ какъ самые пріемы работъ, такъ и характеръ всего общественнаго рабочаго организма такимъ образомъ, что устраняетъ всякія препятствія этому удлиненію; то съ другой стороны, оно производитъ—частью, подчиняя капиталу недоступные ему прежде слои рабочаго класса, частью увеличивая рабочихъ машинами — излишнее рабочее населеніе [154]), которое вынуждено подчиняться требованіямъ капитала. Отсюда — то замѣчательное явленіе въ исторіи современной промышленности, что машина уничтожаетъ всѣ нравственные и естественные предѣлы рабочаго дня. Отсюда также тотъ экономическій парадоксъ, что самое могущественное орудіе для сокращенія рабочаго времени, обращается въ самое вѣрное средство превращенія каждой минуты жизни рабочаго и его семейства въ рабочее время, которымъ располагаетъ капиталъ для увеличенія своей стоимости. «Если бы» мечтаетъ Аристотель, величайшій мыслитель древности, «если бы каждый рабочій инструментъ могъ исполнять свойственную ему работу по приказанію, или по собственному влеченію, какъ созданія Дедалія двигались сами собой, или какъ треножники Гефеста отправлялись по собственному побужденію на священную работу, — если бы челноки ткача ткали такимъ же образомъ сами собою, то мастеръ не нуждался бы въ помощникахъ, а господинъ — въ рабахъ» [155]). А Антипаросъ, греческій поэтъ, современникъ Цицерона, привѣтствовалъ изобрѣтеніе водяной мельницы для приготовленія муки—эту начальную форму производительной машины—какъ освободительницу рабынь и возстановительницу золотого вѣка [156]). «Язычники!» О эти язычники!» Они рѣшительно не имѣли понятія о политической экономіи и о христіанствѣ, какъ это открылъ мудрый Бастіа, и о чемъ еще до него говорилъ еще болѣе мудрѣйшій Макъ Келлохъ. Они не понимали, между прочимъ того, что машина есть самое вѣрнѣйшее средство удлиненія рабочаго дня. Они оправдывали рабство однихъ, — какъ средство полнѣйшаго человѣческаго развитія другихъ. Но, чтобы проповѣдывать рабство массъ для превращенія нѣсколькихъ грубыхъ, полуневѣжественныхъ выскочекъ въ «eminent spinners», «extensive sausage makers» и «influential schoe black dealers» (въ замѣчательныхъ прядильщиковъ, крупныхъ колбасниковъ, вліятельныхъ продавцевъ ваксы),—для этого у нихъ не хватило христіанскаго милосердія.

c. Увеличеніе напряженности труда.

Черезмѣрное удлиненіе рабочаго дня, которое производится машинами въ рукахъ капиталистовъ, ведетъ, какъ мы видѣли, къ реакціи со стороны общества, источнику жизни котораго оно угрожаетъ; отсюда — законодательное ограниченіе нормальнаго рабочаго дня. Благодаря послѣднему получаетъ особенное значеніе явленіе, которое уже мы встрѣчали прежде,—именно: увеличеніе напряженности (intensification) труда. При анализѣ абсолютной прибавочной стоимости рѣчь шла объ экстенсивной (extensive), растяжимой величинѣ труда; степень напряженія его считалась при этомъ за величину опредѣленную, извѣстную заранѣе. Намъ предстоитъ теперь изслѣдовать обращеніе экстенсивнаго труда въ интенсивный, и степень такой напряженности.

Само собой понятно, что по мѣрѣ распространенія машинъ и при накопленіи опытности въ особомъ классѣ рабочихъ при машинахъ, повышается скорость, а слѣдовательно и интенсивность, напряженность труда. Такимъ образомъ, въ Англіи, въ теченіе полустолѣтія, удлиненіе рабочаго дня шло рука объ руку съ возрастаніемъ напряженности фабричнаго труда. Въ тоже время разумѣется, что такая работа, которая идетъ не урывками, а въ правильномъ однообразіи, повторяющемся изо дня въ день,—неизбѣжно ведетъ къ такому моменту, когда удлиненіе рабочаго дня и напряженность труда

[153]) Мы узнаемъ въ первыхъ главахъ третьей книги причину, почему капиталисты и политическая экономія, которая проникнута ихъ взглядами, не сознаютъ этого внутренняго противорѣчія.

[154]) Одна изъ величайшихъ заслугъ Рикардо состоитъ въ томъ, что онъ разсматриваетъ машины не только какъ средства производства товаровъ, но также какъ причину «redundant population», перенаселенія.

[155]) F. Biese: «Die Philosophie des Aristoteles». Berlin, 1842, т. II: стр. 408.

[156]) Привожу здѣсь переводъ стиховъ, сдѣланный Штольбергомъ съ греческаго на нѣмецкій языкъ, потому что они, какъ и вышеприведенныя цитаты о раздѣленіи труда, вполнѣ обрисовываютъ противоположность между древними и новыми воззрѣніями.

исключаютъ одно другое, такъ что при удлиненіи рабочаго дня понижается интенсивность труда и, наоборотъ, возрастаніе напряженности труда можетъ произойти только при сокращеніи рабочаго дня. Коль скоро постепенно возрастающее недовольство рабочихъ классовъ принудило государство ограничить закономъ рабочее время и установить для фабрикъ нормальный рабочій день, — съ того мгновенія, значитъ, когда возрастаніе производства прибавочной стоимости на счетъ удлиненія рабочаго дня разъ навсегда стало невозможнымъ, капиталъ съ полнымъ сознаніемъ направляетъ всѣ свои усилія на производство относительной прибавочной стоимости, посредствомъ болѣе быстраго дальнѣйшаго усовершенствованія и развитія машинъ. Одновременно съ этимъ происходитъ измѣненіе въ характерѣ относительной прибавочной стоимости. Способъ производства относительной прибавочной стоимости вообще состоитъ въ томъ, чтобы заставить рабочихъ при увеличенной производительности труда, съ тою же затратою труда и въ такое же время, производить болѣе. Одинаковое рабочее время прибавляетъ ко всему продукту одинаковую стоимость, хотя эта постоянная мѣновая стоимость распредѣляется на большее количество потребительныхъ стоимостей: поэтому стоимость отдѣльнаго товара понижается. Другое дѣло, если происходитъ принудительное сокращеніе рабочаго дня, которое имѣетъ такое огромное вліяніе на развитіе производительной силы и на экономизированіе условій производства, — и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличиваетъ затрату труда въ продолженіе даннаго времени, повышаетъ напряженность рабочей силы, плотнѣе наполняетъ поры рабочаго времени, т. е. заставляетъ рабочаго конденсировать, сжимать свой трудъ до такой степени, какая возможна только при сокращенномъ рабочемъ днѣ. Это сжиманіе большихъ массъ труда въ предѣлы данной единицы времени считается теперь тѣмъ, что оно дѣйствительно представляетъ, т. е. большимъ количествомъ труда. Рядомъ съ мѣрою рабочаго времени, какъ «величины протяженной», является теперь мѣра уплотненія ея [157]). Болѣе интенсивный часъ десятичасового рабочаго дня содержитъ столько же или даже болѣе труда, т. е. израсходованной рабочей силы, сколько содержалъ болѣе пористый часъ 12-ти часового рабочаго дня. Поэтому, продуктъ его содержитъ такую же, или даже большую, стоимость, нежели продуктъ болѣе пористаго $1^1/_5$ часа. Помимо повышенія относительной прибавочной стоимости, вслѣдствіе увеличенія производительной силы труда, теперь, напримѣръ, $3^1/_2$ часа прибавочнаго труда на $6^2/_3$ необходимаго, даютъ капиталисту то же количество стоимостей, какую давали прежде 4 часа прибавочнаго труда на 8 часовъ необходимаго.

Теперь является вопросъ, какимъ образомъ трудъ сдѣлать болѣе интенсивнымъ?

Первое вліяніе сокращеннаго рабочаго дня подчиняется закону, понятному безъ объясненій, именно, что производительная способность рабочей силы находится въ обратномъ отношеніи ко времени ея дѣятельности. Поэтому, то, что потеряно во времени, можно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, наверстать въ степени проявленія силы. Но, способомъ расплаты, капиталъ заботится о томъ, чтобы рабочій дѣйствительно тратилъ рабочей силы больше [158]). Въ такихъ отрасляхъ промышленности, напримѣръ, въ гончарномъ производствѣ, гдѣ машины не играютъ никакой роли или играютъ весьма незначительную, введеніе фабричнаго закона поразительно доказало, что простое сокращеніе рабочаго дня удивительно повышаетъ правильность, непрерывность, равномѣрность, порядокъ и энергію труда [159]). Это вліяніе на настоящихъ фабрикахъ можетъ, однако, казаться сомнительнымъ, такъ какъ зависимость рабочаго отъ непрерывнаго, правильнаго хода машины уже давно пріучила его къ строгой дисциплинѣ. Поэтому, когда въ 1844 году былъ поднятъ вопросъ объ уменьшеніи 12-ти

«Schonet der mahlenden Hand, o Müllerinnen, und schlafet
Sanft! es verkünde der Hahn euch den Morgen umsonst!
Däo hat die Arbeit der Mädchen den Nymphen befohlen,
Und itzt hüpfen sie leicht über die Räder dahin,
Dass die erschütterten Achsen mit ihren Speichen sich wälzen,
Und im Kreise die Last drehen des wälzenden Steins.
Lasst uns leben das Leben der Väter, und lasst uns der Gaben
Arbeitslos uns freuen, welche die Göttin uns schenkt».

(«Gedichte aus dem Griechischen übersetzt von Christian Graf zu Stolberg. Hamburg 1782»).

(«О мельничихи, поберегите мелющія руки, и усните спокойно! Пусть пѣтухъ извѣщаетъ васъ напрасно о появленіи утра. Работу дѣвушекъ Део поручила нимфамъ, и теперь онѣ легко по колесамъ скользятъ и вертятся сотрясенныя со спицами оси, и съ ними кружится тяжесть вращающагося камня. Станемъ жить жизнью отцовъ и не трудясь станемъ радоваться и брать дары что богиня посылаетъ намъ»).

[157]) Разумѣется въ разныхъ отрасляхъ производства есть разница между интенсивностью труда. Это различие частью вознаграждается, какъ показалъ уже Ад. Смитъ, второстепенными условіями, свойственными каждому отдѣльному роду труда. Вліяніе же на рабочее время, какъ на мѣру стоимости, существуетъ здѣсь настолько, насколько интенсивныя и экстенсивныя величины являются противоположными и исключающими одно другое выраженіями того же количества труда.

[158]) Въ особенности посредствомъ поштучной платы; этотъ видъ будетъ изслѣдованъ въ VI-мъ отдѣлѣ настоящей книги.

[159]) См. «Reports of Insp. of Factories, for 31 Oct. 1865».

часового рабочаго дня, фабриканты заявили почти единогласно, что «ихъ надсмотрщики во всѣхъ отдѣлахъ фабрики смотрятъ, чтобы рабочія руки не теряли времени», «степень внимательности и бдительности со стороны рабочихъ (the extent of vigilance and attention on the part of the workmen) врядъ-ли можетъ быть повышена», и, предполагая всѣ другія условія (какъ быстроту хода машинъ и т. п.) неизмѣняющимися, «было бы нелѣпостью ожидать на фабрикѣ съ хорошимъ надзоромъ, сколько нибудь значительнаго результата отъ увеличенія внимательности и т. д. со стороны рабочаго [160]). Это утвержденіе было опровергнуто опытомъ. Р. Гарднеръ на своихъ двухъ громадныхъ фабрикахъ въ Престонѣ, съ 20 апрѣля 1844 года, понизилъ число рабочихъ часовъ съ 12 на 11 въ день. По прошествіи почти года, въ результатѣ оказалось, что «было получено тоже количество продукта съ тѣми же издержками, и всѣ рабочіе заработали въ 11 часовой рабочій день столько же, какъ прежде въ 12 час.» [161]). Я обхожу здѣсь опыты въ прядильнѣ и чесальнѣ, такъ какъ они были связаны съ увеличеніемъ скорости машинъ (на 2%). Въ ткацкомъ отдѣленіи, напротивъ того, гдѣ при этомъ ткались крайне-разнообразные роды легкихъ узорчатыхъ матерій, не произошло никакихъ перемѣнъ въ объективныхъ условіяхъ производства. Въ результатѣ оказалось: «съ 6-го января по 20 апрѣля 1844 г., при 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ, средняя недѣльная заработная плата каждаго рабочаго было 10 шилл. $1^1/_2$ пенса; съ 20 апрѣля, по 29 іюня 1844 г., при 11-ти часовомъ рабочемъ днѣ, средняя заработная плата составляла 10 шилл. $3^1/_2$ пенса» [162]). Въ этомъ случаѣ, въ продложеніе 11-ти часовъ производилось больше, чѣмъ прежде въ продолженіе 12-ти, исключительно вслѣдствіе болѣе равномѣрной усидчивости рабочаго и экономіи времени. Между тѣмъ какъ послѣдній получаетъ ту же самую заработную плату и выигрываетъ одинъ часъ свободнаго времени, капиталистъ получаетъ то же количество продуктовъ и сберегаетъ расходъ на уголь, газъ и т. п., на одинъ часъ. Подобные же опыты съ одинаковыми результатами были произведены на фабрикахъ Horrocks и Jackson [163]).

[160]) «Rep. of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30 April 1845», p. 20, 21.

[161]) l. c. p. 19. Такъ какъ поштучная плата осталась та же, то величина недѣльной платы зависѣла отъ количества продукта.

[162]) l. c. p. 20.

[163]) l. c. p. 21. Въ вышеизложенныхъ опытахъ нравственный элементъ игралъ значительную роль. «Мы», объясняли рабочіе фабричному инспектору, «мы работаемъ лучше, такъ какъ у насъ имѣется всегда въ виду уйти раньше ночевать; вся фабрика, начиная съ дѣтей и кончая старыми рабочими, проникнута бодрымъ и дѣятельнымъ духомъ и мы легко можемъ помогать другъ другу». (l. c.).

Сокращеніе рабочаго дня создаетъ, прежде всего, субъективныя условія для конденсаціи труда, заставляя рабочаго тратить въ теченіе даннаго времени больше силы. Какъ только это сокращеніе становится принудительнымъ, то машина, въ рукахъ капиталиста, обращается въ объективное средство, употребляемое систематически для извлеченія бо́льшаго количества труда въ данное время. Это происходитъ двоякимъ способомъ: увеличеніемъ скорости машинъ и увеличеніемъ количества машинъ, при которыхъ работаетъ тотъ же рабочій. Усовершенствованіе устройства машинъ необходимо частью для произведенія бо́льшаго давленія на рабочаго, частью оно само сопровождаетъ увеличеніе интенсивности труда, такъ какъ ограниченіе рабочаго дня принуждаетъ капиталиста наистрожайше экономизировать издержки производства. Усовершенствованіе паровыхъ машинъ увеличиваетъ число ударовъ поршня въ минуту и дозволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, при большей экономіи силы, приводить въ движеніе тѣмъ же двигателемъ болѣе обширный механизмъ, съ такимъ же или даже съ меньшимъ расходомъ топлива. Усовершенствованіе передаточнаго механизма уменьшаетъ треніе, и — чѣмъ новыя машины отличаются такъ рѣзко отъ старыхъ — приводитъ постоянно къ minimum'у діаметръ и вѣсъ большихъ и малыхъ валовъ. Наконецъ, усовершенствованіе рабочихъ машинъ уменьшаетъ, при увеличеніи скорости и большей производительности, ихъ размѣръ (какъ въ новѣйшихъ паровыхъ ткацкихъ станкахъ), или увеличиваетъ, вмѣстѣ съ корпусомъ, число и размѣръ приводимыхъ ими въ дѣйствіе исполнительныхъ механизмовъ (какъ въ прядильной машинѣ), или увеличиваетъ ихъ подвижность незамѣтными измѣненіями въ деталяхъ машины, которыя, какъ напримѣръ, въ selfacting mule, повысили въ продолженіе 10 лѣтъ быстроту веретенъ на $^1/_5$.

Въ Англіи, сокращеніе рабочаго дня до 12 часовъ произведено въ 1832 г. Уже въ 1836 г. одинъ англійскій фабрикантъ заявилъ: «Въ сравненіи съ прежнимъ, трудъ на фабрикахъ сильно повысился, вслѣдствіе большаго вниманія и дѣятельности, которыя требуются отъ рабочаго сильно возросшею быстротою, которую придаютъ машинѣ» [164]). Въ 1844 г. лордъ Ashley, нынѣшній графъ Шефтсбэри, представилъ въ палатѣ общинъ слѣдующіе факты, подтвержденные документами:

«Трудъ рабочихъ, занимающихся въ настоящее время на фабрикахъ, втрое больше того, который былъ при возникновеніи фабричнаго производства. Машина, конечно, замѣнила мускулы милліоновъ людей, но она, въ то же время, поразительно увеличила трудъ людей, подчиненныхъ ея ужасному движенію... Трудъ слѣ-

[164]) John Fielden, l. c. p. 32.

дованія за двумя прядильными машинами для полученія пряжи № 40, считая рабочій день въ 12 часовъ, — требовалъ въ 1815 году 8 миль ходьбы. Въ 1832 г. ходьба при пряденіи того же самого нумера, составляла 20 миль и даже болѣе. Въ 1825 г. каждый прядильщикъ долженъ былъ въ продолженіе 12 часовъ сдѣлать 820 вытяжекъ на каждой машинѣ, что составляетъ 1,640 въ день. Въ 1832 г. каждый прядильщикъ дѣлалъ въ продолженіе 12 часоваго рабочаго дня, на каждой прядильной машинѣ 2,200 вытяжекъ, всего 4,400; въ 1844 г. на каждой машинѣ 2,400, всего 4,800; въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовалось еще большее количество труда (amount of labour)... У меня въ рукахъ другой документъ, присланный мнѣ въ 1842 г., показывающій, что трудъ прогрессивно возрастаетъ; но не только потому, чтобы нужно было пройдти большее разстояніе, но и потому, что увеличивается количество производимыхъ товаровъ, между тѣмъ какъ число рабочихъ рукъ, сравнительно, уменьшается; и въ особенности потому, что часто прядется худшій сортъ хлопка, съ которымъ труднѣе работать. Въ чесальнѣ произошло также сильное увеличеніе труда... одинъ рабочій дѣлаетъ теперь то-же, что прежде дѣлали двое! Въ ткацкой, гдѣ занимается множество рабочихъ, преимущественно женщинъ... трудъ въ послѣдніе 10 лѣтъ возросъ на полные 10%, вслѣдствіе увеличившейся быстроты хода машинъ. Въ 1838 г. въ теченіе недѣли пряли 18,000 мотковъ; въ 1843 г. число это возрастаетъ до 21,000. Число picks при паровой прядильной машинѣ въ 1819 г. было 60 въ минуту, въ 1842 г. оно достигло 140, что указываетъ на сильное возрастаніе труда» [165]).

Въ виду этой поразительной интенсивности, до которой дошелъ трудъ при 12-ти часовомъ законѣ уже въ 1844 г., казалось, что утвержденія англійскихъ фабрикантовъ имѣли основаніе; именно, они говорили, что дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ направленіи невозможенъ, такъ какъ всякое дальнѣйшее уменьшеніе рабочаго времени тождественно съ уменьшеніемъ производства. Кажущаяся правильность ихъ разсужденій всего лучше доказывается слѣдующими соображеніями ихъ неутомимаго цензора, фабричнаго инспектора Леонгарда Горнера:

«Такъ какъ количество изготовляемыхъ продуктовъ опредѣляется, главнымъ образомъ, быстротою хода машинъ, то выгода фабрикантовъ заключается въ такомъ увеличеніи этой скорости, которое могло бы быть соединено съ слѣдующими условіями: сбереженіемъ машинъ отъ быстрой порчи, сохраненіемъ качества производимыхъ продуктовъ и способности рабочаго слѣдить за ходомъ ея съ такимъ напряженіемъ, которое онъ можетъ выдерживать непрерывно.

[165]) Lord Ashley, l. c. p. 6—9 passim.

Часто бываетъ, что фабрикантъ слишкомъ усилитъ ея скорость. Убытокъ отъ ломки и дурной работы далеко не вознаграждается быстротою хода машины, и онъ принужденъ убавить ее. Поэтому я пришелъ къ выводу (такъ какъ дѣятельный и свѣдущій фабрикантъ, навѣрно найдетъ настоящій maximum), что въ теченіе 11 часовъ нельзя произвести столько же, сколько въ 12. Кромѣ того, я считалъ, что рабочій, получающій поштучную плату, на столько напрягаетъ свои силы въ теченіе всего рабочаго дня, на сколько въ состояніи выдержать» [166]). Отсюда Горнеръ выводитъ заключеніе, не смотря на опыты Р. Гарднера и др., что дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня, ниже 12 часовъ, должно понизить количество производимаго продукта [167]). Спустя 10 лѣтъ, онъ самъ цитируетъ свои сомнѣнія 1845 г. въ доказательство того, какъ еще мало понималъ онъ тогда растяжимость машинъ и человѣческой рабочей силы, такъ какъ обѣ дошли до высшей степени напряженія, благодаря принудительному сокращенію рабочаго дня.

Теперь мы перейдемъ къ періоду, слѣдующему за 1847 г., когда былъ введенъ десятичасовой законъ въ англійскихъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ и льняныхъ фабрикахъ.

«Скорость веретенъ въ тонко прядильныхъ машинъ возрасла на 500, въ прядильныхъ машинахъ на 1,000 оборотовъ въ минуту, т. е. скорость тонкихъ прядильныхъ веретенъ, которые въ 1839 г. дѣлали 4,500 оборотовъ въ минуту, дошла теперь (1862 г.) до 5,000; скорость же грубыхъ прядильныхъ веретенъ съ 5,000 поднялась до 6,000 оборотовъ въ минуту въ первомъ случаѣ скорость возрасла на $^1/_{10}$, во второмъ— на $^1/_5$» [168]) Jas Nasmyth, извѣстный гражданскій инженеръ изъ Patricroft, близъ Манчестера, въ 1852 г. въ письмѣ къ Горнеру, сообщилъ о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя сдѣланы въ паровыхъ машинахъ съ 1848 по 1852 г. Замѣтивъ, что паровая лошадиная сила, опредѣляемая постоянно въ оффиціальныхъ фабричныхъ статистикахъ по ея дѣйствію въ 1828 г. [169]), есть лишь номинальная, и можетъ только служить указателемъ дѣйствительной силы, онъ между прочимъ, говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что паровыя

[166]) «Reports of Insp. of Factories, to 30 th. April 1845», p. 20.

[167]) Repots of Insp. of Fact. to 30 April, 1845 p. 22.

[168]) Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1862, p. 62.

[169]) Это измѣнилось съ «Parliamentary Return» 1862 г. Съ этого времени стали показывать дѣйствительную паровую лошадиную силу новѣйшихъ паровыхъ машинъ и водяныхъ колесъ, а не номинальную. Точно также двойныя веретена уже перестали смѣшивать съ простыми (какъ это дѣлалось въ «Returns» 1839, 1850 и 1856 гг.); далѣе, на шерстяныхъ фабрикахъ было прибавлено число «gigs», введено было различіе

машины одинаковаго вѣса, часто даже почти тождественныя, въ которыя введены только новѣйшія улучшенія, совершаютъ среднимъ числомъ на 50% болѣе работы, чѣмъ прежде, и что во многихъ случаяхъ одинаковыя машины, дававшія во времена ограниченной скорости—220 футовъ въ минуту—до 50 лошадиныхъ силъ, теперь же, при меньшемъ расходѣ угля, даютъ ихъ болѣе 100... Новѣйшая паровая машина, съ той же номинальной лошадиной силой дѣйствуетъ съ бо́льшимъ напряженіемъ, чѣмъ прежде, вслѣдствіе улучшенія конструкціи, уменьшенія объема и устройства паровика и т. д. Поэтому, хотя теперь, по отношенію къ номинальной силѣ, занято то же число рабочихъ рукъ, какъ и прежде,—по отношенію же къ рабочимъ машинамъ, число рукъ уменьшилось» [170]). Въ 1850 г., въ Соединенномъ королевствѣ, дѣйствовало 134,217 номинальныхъ лошадиныхъ силъ, для приведенія въ движеніе 25,638,716 веретенъ и 301,495 ткацкихъ станковъ. Въ 1856 г. число веретенъ увеличилось до 33.503,580, а число ткацкихъ станковъ—до 369,205. Если бы необходимая для нихъ лошадиная сила осталась прежняя, то въ 1856 г. понадобилось-бы 175,000 лошадиныхъ силъ. По оффиціальнымъ же даннымъ, она достигла только 161,435, т. е. слишкомъ на 10,000 лошадиныхъ силъ менѣе того, сколько бы потребовалось по даннымъ 1850 года» [171]). «По даннымъ (оффиціальной статистики) 1856 г. оказывается, что фабричная система чрезвычайно быстро распространяется; что число рабочихъ рукъ убавилось по отношенію къ машинамъ; что паровая машина, сбереженіемъ силъ и другими способами, приводитъ въ движеніе машины большого вѣса и что увеличеніе количества продукта достигается улучшеніемъ исполнительныхъ механизмовъ, измѣненіемъ способа производства, увеличеніемъ скорости машинъ и многими другими обстоятельствами» [172]). «Значительныя усовершенствованія, сдѣланныя во всякаго рода машинахъ, очень подняли ихъ производительную силу. Безъ всякаго сомнѣнія, сокращеніе рабочаго дня... служило толчкомъ для этихъ улучшеній. Послѣднія, и болѣе интенсивное напряженіе рабочаго, вызвали то, что продукта изготовлялось, по крайней мѣрѣ, столько же въ продолженіе сокращеннаго (на 2 ч. или на $^1/_6$) рабочаго дня, сколько прежде въ теченіе болѣе длиннаго [173]).

На сколько возрасло обогащеніе фабрикантовъ, при болѣе интенсивной эксплуатаціи рабочей силы, видно уже изъ одного того обстоятельства, что среднее относительное возрастаніе числа англійскихъ хлопчато-бумажныхъ и др. фабрикъ доходило ежегодно съ 1838—1850 гг. до 32%, а въ 1850 же года по 1856 уже до 86%.

Какъ ни великъ былъ прогрессъ англійской промышленности за 8 лѣтъ—съ 1848 по 1856 г.—при десятичасовомъ рабочемъ днѣ, но онъ былъ далеко превзойденъ въ слѣдующія шесть лѣтъ, съ 1856 по 1862 г. На шелковыхъ фабрикахъ, напримѣръ, въ 1856 г. было веретенъ: 1.093,799, въ 1862 г.—1,388,544, въ 1856 г. ткацкихъ станковъ — 9,260, а въ 1862 г.—10,709. При этомъ число рабочихъ въ 1856 г. простиралось до 56,131 а въ 1862 г. ихъ было 52,429. Этоз начитъ, что число веретенъ увеличилось на 26,9%, ткацкихъ станковъ—на 15,6 % и, въ тоже время, число рабочихъ убавилось на 7%. На фабрикахъ шерстяныхъ издѣлій въ 1850 г. дѣйствовало 875,830 веретенъ, въ 1856 г. — 1.324,549 (увеличеніе на 21,2%), а въ 1862 г.—1.289,172 (уменьшеніе на 2,7%). Если же считать двойныя веретена, которыя въ счетъ 1856 г. не входятъ, а въ 1862 г. уже входятъ,—то окажется, что число веретенъ съ 1856 г. осталось почти тѣмъ же. Но во многихъ случаяхъ съ 1850 г. скорость веретенъ и ткацкихъ станковъ удвоилась. Число паровыхъ ткацкихъ станковъ на шерстяныхъ фабрикахъ доходило въ 1850 г. до 32,617, въ 1856 до 38,956, а въ 1862 г. ихъ было 43,048. На нихъ занимались въ 1850 г. 79,737 человѣкъ, въ 1856 г.—87,794 человѣка, а въ 1862 г.—86,063; но изъ этого числа дѣтей моложе 14 лѣтъ въ 1850 г. было 9,956, въ 1856 г.—11,228, а въ 1862 г.—13,178 человѣкъ. Несмотря на сильно возросшее въ 1862 г. число ткацкихъ станковъ, сравнительно съ 1856 г., общее число рабочихъ убавилось, число же эксплуатируемыхъ дѣтей возрасло [174]).

27-го апрѣля 1863 г. членъ парламента Ferrand заявилъ въ Нижней Палатѣ: «Представители рабочихъ 16 округовъ Ланкашира и Чешира, по порученію которыхъ я говорю, сообщили мнѣ, что трудъ на фабрикахъ, благодаря усовершенствованію машинъ, постоянно возрастаетъ. Тамъ, гдѣ прежде одинъ рабочій съ подручнымъ управлялъ двумя ткацкими станками, теперь одинъ человѣкъ безъ помощниковъ управляетъ тремя, и нѣтъ ничего необыкновеннаго, если даже — четырьмя и т. д.; 12 часовъ работы сжаты теперь, какъ показываютъ сообщенные факты, менѣе нежели въ 10 часовъ. Изъ этого очевидно, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ увеличился трудъ фабричныхъ рабочихъ за послѣдніе годы» [175]).

между фабриками пеньковыми и джутовыми съ одной стороны, и льняными—съ другой; наконецъ въ первый разъ вошло въ отчетъ чулочное производство.

[170]) «Reports of Insp. of. Factories, for 31 Oct. 1856», p. 11.

[171]) l. c. p. 14, 15.

[172]) l. c. p. 20.

[173]) «Reports etc., for 31 Oct. 1858», p. 9, 10.

Ср. «Reports etc., for 30 April 1860», p. 30 sqq.

[174]) Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1862», стр. 100 и 130.

[175]) Посредствомъ новѣйшаго механическаго

Поэтому, хотя фабричные инспектора неутомимо, съ полнымъ правомъ, превозносили благопріятные результаты фабричныхъ законовъ 1844—1850 гг., однако они сознаются, что сокращеніе рабочаго дня вызывало настолько значительное усиленіе напряженія труда, что оно разрушаетъ здоровье, а слѣдовательно и самую рабочую силу. «Въ большей части хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ изнуреніе, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія,—необходимаго для работъ при машинахъ, движеніе которыхъ въ послѣдніе годы такъ необыкновенно ускорилось,—на мой взглядъ, очень можетъ быть, составляетъ одну изъ причинъ сильно возросшей смертности отъ болѣзней легкихъ, на что указываетъ Dr. Greenhow въ своемъ послѣднемъ отчетѣ»[176]). Коль скоро капиталу воспрещено закономъ удлинять рабочій день, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ будетъ стремиться наверстать это систематическимъ повышеніемъ степени интенсивности труда, и обратить каждое усовершенствованіе машины въ средство сильнѣйшей эксплуатаціи рабочей силы. Но это стремленіе, дойдя до извѣстной степени, необходимо поведетъ къ тому, что потребуется неизбѣжно новое сокращеніе рабочихъ часовъ[177]). Съ другой стороны, быстрый ходъ англійской промышленности съ 1848 г. до настоящаго времени, т. е. періодъ десятичасоваго рабочаго дня, далеко опредѣлилъ ходъ ея съ 1837 по 1847 г., т. е. періодъ 12-ти часового рабочаго дня; послѣдній, въ свою очередь, нельзя сравнить съ полустолѣтіемъ, прошедшимъ послѣ введенія фабричной системы, т. е. съ періодомъ неограниченнаго рабочаго дня[178]).

ткацкаго станка теперь одинъ рабочій изготовляетъ, работая 60 часовъ въ недѣлю, на двухъ станкахъ, 26 кусковъ извѣстнаго рода ткани, опредѣленной длины и ширины; посредствомъ же станка старой конструкціи онъ могъ изготовлять только 4 куска. Издержки на тканье одного такого куска уже съ начала 1850 г. упали съ 2 шилл. 9 пенс. на 5⅛ пенс. къ 2 изд. «Лѣтъ дцать тому назадъ (въ 1841 году) одного прядильщикъ съ тремя подручными заставляли наблюдать на бумагопрядильняхъ за парой мюльмашинъ съ 300—324 веретенами. Въ настоящее время (въ исходѣ 1871 году), прядильщикъ съ 5-ью подручными наблюдаетъ за мюльмашиной съ 2,200 веретенами, при чемъ производитъ пряжи въ семь разъ больше, чѣмъ въ 1841 году». («Alexander Redgrave, фабричный инспекторъ въ Journal of the Society of Arts, January 5, 1872»).

[176]) Rep. etc. for 31 Oct. 1861», стр. 25, 26.

[177]) Въ настоящее время (1867 г.) появилась восьмичасовая агитація между фабричными рабочими Ланкашира.

[178]) Слѣдующія немногія цифры показываютъ прогрессъ фабрикъ въ собственномъ смыслѣ, въ Соединенномъ королевствѣ, съ 1848 года:

	Вывозъ. Количество 1848 г.	Вывозъ. Количество 1851 г.	Вывозъ. Количество 1860 г.	Вывозъ. Количество 1865 г.
Хлопчато-бумажныя фабрики.				
	фунт.	фунт.	фунт.	фунт.
Хлопчато-бумажной пряжи	135.831,162	143.966,106	197.343,655	103.751,455
Бумаги для шитья		4.392,176	6.297,554	4.648,611
	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.
Хлопчато-бумажныя ткани	1.091.373.930	1.543.161,789	2.776.218,427	2.015.237,851
Льняныя и пеньковыя фабрики.				
	фунт.	фунт.	фунт.	фунт.
Пряжи	11.722,186	18.841,326	31.210,612	36.777,334
	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.
Ткани	88.901,519	129.106,753	143.996,773	247.012,529
Шелковыя фабрики.				
	фунт.	фунт.	фунт.	фунт.
Пряжи и нитокъ	466,825	462,513	897,402	812,589
		ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.
Ткани		1.181,455	1.307,293	2.869,837
Шерстяныя фабрики.				
		фунт.	фунт.	фунт.
Шерстяной пряжи		14.670,880	27.533,968	31.669,276
		ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.
Ткани		241.120,973	190.381,537	278.837,348

	Вывозъ. Цѣнность 1848 г.	Вывозъ. Цѣнность 1851 г.	Вывозъ Цѣнность 1860 г.	Вывозъ. Цѣнность 1865 г.
Хлопчато-бумажныя фабрики.	ФУНТ. СТЕРЛ.	ФУНТ. СТЕРЛ.	ФУНТ. СТЕРЛ.	ФУНТ. СТЕРЛ.
Хлопчато-бумажной пряжи .	5:927,831	6.634,026	9.870,875	10.351,049
Ткани	16.753,369	23.454,810	42.141,505	46.903,796
Льняныя и пеньковыя фабрики.				
Пряжи	493,449	951,426	1.801.272	2.505,497
Ткани	2.802,789	4.107,396	4.804,803	9.155,318
Шелковыя фабрики.				
Пряжи	77,789	195,380	918,342	768,067
Ткани		1.130,398	1.587,303	1.409,221
Шерстяныя фабрики.				
Пряжи	776,975	1.484,544	3.843,450	5.424,017
Ткани	5.733,828	8.377,183	12.156,998	20.102,259

(См. въ Синихъ Книгахъ: «Statistical Abstract for the Unit. Kingdom» № 8 и № 13. London 1861 и 1866).

Въ Ланкаширѣ число фабрикъ съ 1839 до 1850 г. возросло только на 4%, съ 1850 до 1856 на 19%, съ 1856 до 1862 на 33%, между тѣмъ въ оба одиннадцатилѣтніе періода число занимающихся лицъ абсолютно — увеличилось, относительно же — уменьшилось. Ср. Reports of Inspectors of Factories for 31 Oct. 1862 p. 63. Въ Ланкаширѣ преобладаютъ хлопчато-бумажныя фабрики. Понятіе же о томъ, какое мѣсто занимаютъ онѣ въ фабрикаціи пряжи и ткани вообще, можно получить изъ того обстоятельства, что онѣ составляютъ 45,2% всѣхъ такихъ фабрикъ Англіи, Шотландіи, Уэльса и Ирландіи; что на нихъ приходится 83,3% всѣхъ веретенъ Соединеннаго королевства; 81,4% всѣхъ механическихъ ткацкихъ станковъ; 72,6% всѣхъ лошадиныхъ силъ и 58,2% общаго числа всѣхъ занимающихся лицъ. (l. c. p. 62, 63).

4) Фабрика.

Мы изслѣдовали въ началѣ этой главы, такъ сказать, организмъ фабрики, органы машинной системы. Мы видѣли тамъ, какъ машина, захватывая женскій и дѣтскій трудъ, увеличиваетъ число человѣческихъ существъ, которыя составляютъ матеріалъ капиталистической эксплуатаціи; какъ она присвоиваетъ все время жизни рабочаго непомѣрнымъ удлиненіемъ рабочаго дня и какъ усовершенствованіе ея даетъ ей возможность доставлять, въ меньшее время, несравненно больше продукта и обращаетъ ее въ средство приведенія въ дѣйствіе большаго количества труда въ единицу времени, или въ средство болѣе интенсивной эксплуатаціи рабочей силы. Теперь мы переходимъ къ обзору фабрики въ ея цѣломъ, и притомъ въ ея наиболѣе совершенной формѣ.

Dr. Ure, Пиндаръ автоматической фабрики, описываетъ ее, съ одной стороны какъ «кооперацію различныхъ классовъ рабочихъ, взрослыхъ и дѣтей, которые съ усидчивымъ искусствомъ наблюдаютъ за системой производительныхъ машинъ, приводимыхъ въ непрерывную дѣятельность центральной силой (первымъ двигателемъ)»; съ другой стороны, какъ «громадный автоматъ, составленный изъ безчисленныхъ механическихъ и сознательныхъ органовъ, дѣйствующихъ безпрерывно по общему плану, для производства одного и того же предмета, причемъ всѣ эти органы подчинены одной саморегулирующейся движущей силѣ». Эти два описанія далеко не тождественны. Въ одномъ—коллективный рабочій, или общественный рабочій организмъ, является полновластнымъ субъектомъ, а механическій автоматъ—объектомъ; въ другомъ — автоматъ самъ субъектъ, а рабочіе—это только сознательные органы, присоединенные къ его безсознательнымъ органамъ и подчиненные, вмѣстѣ съ механическими органами, центральной движущей силѣ. Первое выраженіе годно для всевозможныхъ примѣненій машинъ въ широкихъ размѣрахъ; второе же характеризуетъ капиталистическое приложеніе ея, слѣдовательно, современную фабричную систему. Поэтому, Ure любитъ изображать центральную машину, служащую для приведенія въ движеніе не только въ видѣ автомата, но даже въ видѣ автократа. «Въ этихъ громадныхъ залахъ, гдѣ производятся работы, благодѣтельная сила пара собираетъ вокругъ себя миріады своихъ подданныхъ» [179]).

Съ рабочими инструментами переходитъ и искусство управленія ими отъ рабочаго къ машинѣ. Это искусство уже не стѣсняется болѣе личными предѣлами человѣческой рабочей силы. Этимъ устраняется техническій базисъ, на которомъ основывается дѣленіе труда въ мануфактурѣ. Вмѣсто характеристичной іерархіи рабочихъ спеціалистовъ, на автоматической фабрикѣ происходитъ, поэтому, стремленіе къ уравненію

[179]) Ure, c. l. p. 8.

работъ, которыя должны быть произведены подручными машинъ[180]); вмѣсто искусственно произведеннаго различія рабочихъ по спеціальностямъ, является преобладающимъ естественное различіе по возрасту и полу.

Если же дѣленіе труда вновь возникаетъ на автоматической фабрикѣ, то это бываетъ распредѣленіемъ рабочихъ между спеціализированными машинами, и массъ рабочихъ, не организованныхъ однако въ группы, между различными отдѣлами фабрики, гдѣ всѣ они, у одинаковыхъ машинъ, исполняютъ одинаковую же работу; они, слѣдовательно, соединены простой коопераціей. Организованная группа, характерная для мануфактуры, замѣнена главнымъ рабочимъ съ немногими помощниками. Рабочіе по существу раздѣляются на такихъ, которые дѣйствительно заняты при самыхъ рабочихъ машинахъ (сюда относятся, кромѣ того, и тѣ немногіе рабочіе, которые смотрятъ за машиной, кочегары, истопники), и ихъ простыхъ подручныхъ (почти всегда дѣтей). Къ подручнымъ причисляются, болѣе или менѣе, всѣ «feeders» (тѣ, которые просто подкладываютъ машинѣ обрабатываемый матеріалъ). Кромѣ этихъ главныхъ разрядовъ, имѣется незначительный по численности персоналъ, который смотритъ за всѣми машинами и занимается поправкой ихъ; это инженеры, механики, столяры и т. д. Эти рабочіе—аристократы, изъ которыхъ нѣкоторые съ научнымъ образованіемъ, нѣкоторые съ ремесленнымъ, стоятъ внѣ круга фабричныхъ рабочихъ и только присоединены къ нему[181]). Такое дѣленіе труда—чисто техническое.

Всякая работа при машинѣ требуетъ ранняго навыка со стороны рабочаго, для того чтобы онъ могъ приноравливать свои собственныя движенія къ непрерывнымъ, однообразнымъ движеніямъ автомата. По скольку система машинъ фабрики состоитъ изъ разнообразныхъ отдѣльныхъ машинъ, дѣйствующихъ одновременно и заодно, постольку основанное на ней сотрудничество нуждается въ распредѣленіи различныхъ группъ рабочихъ между отдѣльными родами машинъ. Машинное же производство не требуетъ закрѣпленія этого распредѣленія, какъ это необходимо въ мануфактурѣ, заставляя постоянно тѣхъ же самыхъ лицъ производить ту же самую работу[182]). Такъ какъ общій ходъ фабрики зависитъ не отъ рабочаго, а отъ машины, то персоналъ можетъ постоянно мѣняться безъ остановки работъ. Наиболѣе поразительнымъ доказательствомъ этому служитъ relais-system (система смѣнъ), введенная англійскими фабрикантами во время ихъ возмущенія въ 1848—50 гг. Быстрота, наконецъ, съ которою въ юношескомъ возрастѣ, обучаются работѣ при машинахъ устраняетъ также необходимость образовывать особый классъ рабочихъ при машинахъ[183]). Обязанности же подручныхъ на фабрикахъ можно до нѣкоторой степени замѣнять машинами[184]); а благодаря ихъ крайней простотѣ, можно быстро и постоянно смѣнять лицъ, обремененныхъ этою тяжелою работою.

Хотя машина, выражаясь технически, вытѣсняетъ старую систему дѣленія труда, но она сначала, какъ рутинная привычка, унаслѣдованная отъ мануфактурнаго періода призводства, переходитъ и на фабрику; потомъ систематически закрѣпляется капиталомъ въ еще болѣе отвратительномъ видѣ,—какъ средство эксплуатаціи рабочей силы. Спеціальность управленія однимъ и тѣмъ рабочимъ инстументомъ переходитъ въ спеціальность всю жизнь служить одной и той же машинѣ. Машиною злоупотребляютъ, обращая самого рабочаго съ дѣтскихъ лѣтъ въ частицу части машины[185]). Подобнымъ

[180]) l. c. p. 31. Cp. Karl Marx, Misère etc. l. c. p. 140, 141.

[181]) Очень характеристиченъ статистическій обманъ, который даже не трудно было бы доказать въ подробностяхъ,—когда англійское фабричное законодательство положительно исключаетъ послѣднихъ поименованныхъ въ текстѣ рабочихъ изъ круга его дѣятельности, не называя ихъ фабричными рабочими; съ другой стороны, издаваемые парламентомъ «Returns» также положительно включаютъ въ число фабричныхъ рабочихъ не только инженеровъ, механиковъ и т. п., но и управляющихъ фабриками, прикащиковъ, разсыльныхъ, надсмотрщиковъ складовъ, упаковщиковъ и т. д.—короче всѣхъ, кромѣ самого владѣльца фабрики.

[182]) Ure соглашается съ этимъ. Онъ говоритъ, что рабочій въ „случаѣ нужды", можетъ, по волѣ, управляющаго, быть перемѣщенъ отъ одной машины къ другой, и торжествуя восклицаетъ: «Подобное перемѣщеніе находится въ явномъ противорѣчіи со старой рутиной, которая раздѣляетъ трудъ, дѣлая задачей одного рабочаго приготовленіе головки къ булавкѣ, задачей же другого—заостреніе конца ея». Онъ бы долженъ былъ задать вопросъ, почему эта «старая рутина» оставляется на автоматическихъ фабрикахъ только «въ случаѣ нужды»?

[183]) Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, во время американской междоусобной войны, фабричные рабочіе употребляются буржуазіей на самыя грубыя работы — на устройство дорогъ и т. п. Англійскіе «ateliers nationaux» (національныя мастерскія) 1862 и слѣдующихъ годовъ, для рабочихъ съ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, лишившихся занятій, отличаются отъ французскихъ мастерскихъ 1848 г. тѣмъ, что въ послѣднихъ рабочіе непроизводительно работали на счетъ государства, въ первыхъ же совершали производительныя городскія работы на пользу буржуазіи, дешевле даже обыкновенныхъ рабочихъ, съ которыми они такимъ образомъ принуждены были конкурировать. «Наружный видъ рабочихъ съ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ несомнѣнно поправился. Это я приписываю... что касается мужчинъ, — общественной работѣ внѣ фабрикъ». (Здѣсь идетъ рѣчь о престонскихъ фабричныхъ рабочихъ, которые работали на «Preston Moor»). «Rep. of Insp. of Fact. Oct. 1865», p. 59).

[184]) Примѣръ: различные механическіе аппараты, введенные для замѣны дѣтскаго труда, послѣ закона 1844 г., на шерстяныхъ фабрикахъ,

способомъ не только сильно уменьшаются расходы, необходимые для его воспроизведе́нія, но, одновременно, завершается его безпомощная зависимость отъ фабрики, а слѣдовательно отъ капиталиста. Здѣсь, какъ и вездѣ, необходимо не смѣшивать увеличенія производительности, происходящаго отъ развитія общественнаго процесса производства, съ увеличеніемъ производительности, зависящимъ отъ капиталистической эксплуатаціи этого процесса.

Въ мануфактурѣ и ремесленномъ производствѣ инструменты служатъ рабочему; на фабрикѣ же рабочій служитъ машинѣ. Тамъ - движеніе орудій труда исходитъ отъ него; здѣсь же—онъ долженъ слѣдить за движеніемъ машины. Въ мануфактурѣ—рабочіе образуютъ членовъ живого организма. На фабрикѣ же передъ нами мертвый механизмъ, отъ рабочаго независимый, къ которому онъ присоединенъ какъ живой придатокъ. «Жалкая рутина безконечной тяжелой работы, гдѣ тотъ же механическій процессъ постоянно продѣлывается вновь, похожа на Сизифову работу; тяжесть труда, подобно скалѣ, непрерывно падаетъ вновь на обезсиленнаго работника» [186]). Работа при машинѣ не только крйне утомляетъ нервную систему, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, угнетаетъ расносторонні̇я упражненія мускуловъ и подавляетъ всякую тѣлесную и душевную дѣятельность [187])· Даже облегченіе работы является пыткой, такъ какъ машина не избавляетъ рабочаго отъ труда, но отнимаетъ у его работы всякое содержаніе. Всѣмъ видамъ капиталистическаго производства,—поскольку они представляютъ не только процессъ труда, но и процессъ возрастанія стоимости капитала — свойственно, чтобы не рабочій господствовалъ надъ орудіемъ труда, а наоборотъ, чтобы орудія труда господствовали надъ рабочимъ; но только при машинномъ производствѣ превращеніе это впервые пріобрѣтаетъ технически-осязательную дѣйствительность. Средства труда, обращаясь въ автомата, противополагаются рабочему, во время самого процесса труда, какъ капиталъ, какъ мертвый трудъ, господствующій надъ живою рабочею силою и высасывающій ее. Развитіемъ крупной промышленности, основанной на машинномъ производствѣ, окончательно завершается, какъ уже выше объяснено, отдѣленіе духовной стороны процесса производства отъ ручного труда и обращеніе ея во власть капитала надъ трудомъ. Спеціальное искусство отдѣльныхъ рабочихъ при машинахъ исчезаетъ, какъ безконечно малая величина, предъ наукой, предъ громадными силами природы, и общественнымъ трудомъ массъ, воплощенныхъ въ машинной системѣ и образующихъ съ нею силу «хозяевъ». Этотъ хозяинъ, въ головѣ котораго неразрывно соединены понятія о машинѣ и его монополіи надъ ней, презрительно восклицаетъ поэтому въ случаѣ столкновенія съ «рабочими руками»: «Фабричные рабочіе не должны никогда забывать, что работа ихъ, въ дѣйствительности, представляетъ самый низшій родъ искусной работы; что ни одна работа такъ легко не усвоивается, и что ни одна такъ хорошо не оплачивается, сравнительно съ ея качествомъ, и никакой другой работѣ нельзя обучить въ болѣе короткое время и большее число даже самыхъ неопытныхъ лицъ... Хозяйскія машины, въ дѣйствительности играютъ болѣе значительную роль въ дѣлѣ производства, чѣмъ работа и искусство рабочихъ, которому въ шесть мѣсяцевъ можно научить даже каждаго чернорабочаго» [188]).

Техническое подчиненіе работниковъ однообразному ходу орудій труда, и особенный составъ рабочаго персонала изъ лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, порождаетъ казарменную дисциплину, которая совершенно преобразуется въ фабричный режимъ, вполнѣ развивающій уже упомянутый нами трудъ надзора, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлитъ рабочихъ на фактическихъ рабочихъ и надсмотрщиковъ надъ ними, на рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ промышленной арміи. «Главное затрудненіе (на автоматическихъ фабрикахъ) состояло въ дисциплинѣ, необходимой для того, чтобы заставить рабо-

---

Какъ только дѣти самихъ господъ фабрикантовъ пройдутъ «школу» подручныхъ, эта почти нетронутая отрасль механики сильно разовьется. Врядъли найдется болѣе опасная машина чѣмъ self-acting mule. Большая часть несчастныхъ случаевъ падаетъ на долю дѣтей, и именно вслѣдствіе того, что они во время хода машины подлѣзаютъ подъ нее, чтобы мести полъ. Многіе «minders» (рабочіе при mule) преслѣдовались (фабричными инспекторами) судомъ, присуждавшимъ ихъ къ денежному штрафу за такіе проступки, но для всѣхъ это пользы не принесло. Если бы строитель машинъ изобрѣлъ такой механизмъ, который бы самъ подметалъ полъ и тѣмъ самымъ устранилъ бы необходимость для маленькихъ дѣтей ползать подъ машиной, то это было бы счастливымъ дополненіемъ нашихъ охранительныхъ мѣръ». („Reports of Inspectors of Factories for 31 Oct. 1866", p. 63).

[185]) Послѣ всего этого можно оцѣнить остроумную идею Прудона, видящаго въ машинахъ не синтезъ орудій труда, но «способъ соединенія различныхъ работъ, которыя разъединены раздѣленіемъ труда».

[186]) F. Engels «Lage etc. p. 217. Самъ господинъ Молинари, вполнѣ ординарный, оптимистическій сторонникъ свободы торговли, замѣчаетъ: «Человѣкъ истощается, наблюдая въ теченіе 15 часовъ въ сутки за однообразнымъ ходомъ какого-нибудь механизма, гораздо сильнѣе, чѣмъ когда онъ упражняетъ въ продолженіе того же времени свою физическую силу. Трудъ наблюденія, который можетъ быть служилъ бы полезной гимнастикой ума, если бы не былъ такъ продолжителенъ, разрушаетъ въ концѣ концовъ, вслѣдствіе излишествъ, и умъ и самое тѣло». (G. de Molinari, Etudes économiques, Paris, 1846».

[187]) F. Engels, l. c. p. 216.

[188]) «The factory operatives should keep in

чихъ отказаться отъ привычекъ работать съ остановками, и принудить ихъ принаравливаться къ неизмѣнной правильности сложнаго автомата. Но изобрѣтеніе дисциплинарнаго кодекса, соотвѣтствующаго потребностямъ и быстротѣ автоматической системы, и примѣненіе его съ успѣхомъ,—было предпріятіе, достойное Геркулеса; это былъ благородный трудъ Аркрайта!.. Даже теперь, когда эта система окончательно организовалась, почти невозможно превратить рабочихъ, достигшихъ уже возмужалаго возраста, въ полезныхъ фабричныхъ автоматическихъ рабочихъ» [189]).

Фабричный кодексъ, въ которомъ капиталъ формулируетъ собственною властью свое самодержавіе надъ рабочими,—впрочемъ, безъ раздѣленія отвѣтственности, въ другихъ случаяхъ столь любезнаго буржуазіи, и безъ еще болѣе любезной ей представительной системы,—этотъ кодексъ есть просто капиталистическая карикатура общественнаго регламентированія процесса труда, которое необходимо при коопераціи въ большихъ размѣрахъ и при употребленіи сообща орудій труда и въ особенности машинъ. Кнутъ погонщика рабовъ здѣсь замѣняетъ штрафная книга надзирателей Разумѣется, всѣ наказанія сводятся на денежные штрафы и вычеты изъ рабочей платы, и законодательное остроуміе фабричныхъ Ликурговъ, всячески старается сдѣлать нарушеніе этихъ законовъ, еще болѣе прибыльнымъ, чѣмъ исполненіе ихъ [190]).

Мы указываемъ здѣсь только на матеріальныя условія, при которыхъ совершается фабричная работа. На всѣ органы чувствъ имѣетъ одинаково вредное вліяніе искусственно возвышенная температура, воздухъ, наполненный частичками сырого матеріала, оглушительный шумъ и т. д., помимо опасности, которой подвергается жизнь между тѣсно установленными машинами, которыя съ правильностью временъ года выпускаютъ свои промышленные бюллетени убитыхъ и ране-

---

wholesome remembrance the fact that theirs is really a low species of skilled labour; and that there is none which is more easily acquired, or of its quality more amply remunerated, or which, by a short training of the least expert can be more quickly, as well as abundantly, acquired... The master's machinery really plays a far more important part in the business of production than the labour and the skill of the operative, which six months' education can teach and a common labourer can learn». («The Master Spinners' and Manufacturers' Defence Fund. Report of the Committee. Manchester 1854», p. 17). Мы послѣ увидимъ, что «master» поетъ другую пѣсню, если ему угрожаетъ потеря его «живыхъ» автоматовъ.

[189]) Ure l. c. p. 15. Кто знаетъ біографію Аркрайта, тотъ никогда не подумаетъ назвать геніальнаго цирюльника «благороднымъ». Изъ всѣхъ великихъ изобрѣтателей XVIII столѣтія, онъ былъ, безспорно, величайшій воръ чужихъ открытій и самый презрѣнный человѣкъ.

[190]) «Рабство, которымъ буржуазія сковала пролетаріатъ, нигдѣ не проявляется съ большей очевидностью, какъ въ фабричной системѣ. Здѣсь прекращается всякая свобода, и юридически и фактически. Въ половинѣ шестого утра рабочій обязанъ явиться на фабрику; придетъ онъ минутами двумя позже, его штрафуютъ; придетъ онъ 10-ю минутами позже — его совершенно не впускаютъ до завтрака и вычитаютъ четверть поденной платы. Онъ долженъ по командѣ пить, ѣсть, спать... Деспотическій колоколъ зоветъ его съ постели, зоветъ его отъ завтрака, отъ обѣда. Что же дѣлается на фабрикѣ? Здѣсь фабрикантъ—неограниченный законодатель. Онъ издаетъ фабричные законы, какіе ему вздумается; онъ по своему желанію, измѣняетъ и дополняетъ свой кодексъ, и какой бы глупѣйшій вздоръ онъ ни придумалъ, судья постоянно говоритъ рабочему: «такъ какъ вы добровольно согласились на эти условія, то обязаны подчиняться имъ»... Эти рабочіе обречены жить съ девятилѣтняго возраста до самой смерти въ ежовыхъ рукавицахъ. (Fr. Engels, l. c. p. 217 и слѣд.). Я поясню двумя примѣрами, что «говорятъ судьи». Первый случай произошелъ въ Шеффильдѣ, въ концѣ 1866 г. Рабочій нанялся тамъ на 2 года на фабрику металлическихъ издѣлій. Вслѣдствіе ссоры съ фабрикантомъ, онъ оставилъ фабрику и объявилъ, что ни на какихъ условіяхъ не станетъ для него работать. За нарушеніе контракта его присудили къ двухмѣсячному заключенію. (Если же контрактъ нарушаетъ фабрикантъ, то онъ подвергается только гражданской отвѣтственности и рискуетъ только денежнымъ штрафомъ). Отсидѣвъ 2 мѣсяца, рабочій былъ приглашенъ тѣмъ же фабрикантомъ, согласно старому контракту, вернуться на фабрику. Рабочій отвѣчалъ: «нѣтъ—онъ уже отсидѣлъ за нарушеніе контракта». Фабрикантъ жалуется снова; судъ снова осуждаетъ, хотя одинъ судья, M-r Shee, открыто назвалъ юридическою нелѣпостью наказывать за одно и тоже преступленіе или проступокъ, одно и тоже лицо, періодически въ продолженіе всей его жизни. Этотъ приговоръ былъ произнесенъ не какимъ-нибудь «Great Unpaid», не провинціальными «dogberries», но въ Лондонѣ, однимъ изъ высшихъ судовъ!—Къ 4-му издан. Въ настоящее время это уничтожено за исключеніемъ одиночныхъ случаевъ, — напр. въ общественныхъ газовыхъ заведеніяхъ; — въ случаѣ нарушенія контракта, англійскій рабочій теперь пользуется одинаковыми правами съ работодателемъ, и судится въ такихъ случаяхъ только гражданскимъ судомъ. — Другой случай былъ въ Уильтширѣ, въ концѣ ноября 1863 г. Около 30 работницъ при паровомъ ткацкомъ станкѣ, служившихъ на суконной фабрикѣ Harrupp, Leower's Mill, Westbury Leigh, устроили стачку, такъ какъ вышеупомянутый Harrupp имѣлъ милое обыкновеніе за опаздываніе по утрамъ, вычитать изъ заработка 6 пенс. за 2 минуты, 1 шилл. за 3 минуты и 1 шилл. 9 пенс. за 10 минутъ. Это, при 9 шилл. въ часъ, составляетъ 4 ф. 10 шилл. въ день, между тѣмъ какъ средняя годовая рабочая плата ихъ не превышала 10—15 шилл. въ недѣлю. Harrupp поставилъ одного юношу, чтобы трубить фабричные часы, что онъ дѣлалъ иногда раньше 6 часовъ утра; какъ только онъ прекращалъ—ворота запирались, и опоздавшимъ приходилось платиться денежными штрафами; а такъ какъ на фабрикѣ не было часовъ, то несчастныя «руки» находились во власти молодого часового,

ныхъ [190a]). Сбереженіе общественныхъ средствъ производства, которое достигаетъ тепличной зрѣлости только въ фабричной системѣ, обращается въ рукахъ капитала въ тоже время въ систематическое лишеніе того, что необходимо для жизни рабочаго во время работы,—лишеніе его простора, свѣта, воздуха и средствъ защиты его личности противъ опасныхъ для жизни и вредныхъ для здоровья процессовъ производства, уже совершенно не говоря о лишеніи всякихъ приспособленій для удобства рабочихъ [191]). Развѣ Фурье не былъ правъ, когда называлъ фабрики «умѣренною каторгою»? [192]).

5) Борьба между рабочимъ и машиною.

Борьба между капиталистомъ и рабочимъ началась съ самого возникновенія капиталистическихъ отношеній. Она велась въ продолженіе

наставляемаго Harrupp'омъ. «Руки», образовавшія «стачку», матери семействъ и дѣвушки, объявили, что онѣ опять примутся за работу, когда часового замѣнятъ часы и когда будутъ введены болѣе раціональные штрафы. Harrupp привлекъ къ суду 19 женщинъ и дѣвушекъ за нарушеніе контракта. Онѣ были присуждены къ уплатѣ 6 пенс. штрафа и 2 шилл. 6 пенс. судебныхъ издержекъ, при громкомъ негодованіи публики. Harrupp'а изъ суда толпа народа провожала свистками.—Одинъ изъ самыхъ любимыхъ обычаевъ фабрикантовъ состоитъ въ наказаніи рабочихъ вычетами изъ заработка за недостатки даннаго имъ матеріала. Такое обыкновеніе вызвало въ 1866 г. общую стачку во всѣхъ англійскихъ гончарныхъ округахъ. Въ отчетахъ «Children Empl. Commission» (1863—66) приведены случаи, гдѣ рабочій, вмѣсто того, чтобы получить рабочую плату, благодаря штрафнымъ правиламъ, становится даже «должникомъ» своего «хозяина». Поучительные примѣры остроумія фабричныхъ самодержцевъ, при вычетахъ изъ заработка, показалъ также послѣдній хлопчато-бумажный кризисъ. «Я самъ», говоритъ фабричный инспекторъ R. Baker, «велъ недавно судебное преслѣдованіе противъ одного фабриканта хлопчато-бумажныхъ издѣлій, такъ какъ онъ въ эти тяжелыя и мучительныя времена вычиталъ у нѣкоторыхъ работавшихъ у него мальчиковъ (старше 13 лѣтъ) изъ жалованья по 10 пенс. за докторское свидѣтельство, стоившее ему самому только 6, между тѣмъ какъ законъ позволяетъ вычитать только 3 пенса, обычай же никакого вычета не допускаетъ.. Другой фабрикантъ съ тою же цѣлью, чтобы не нарушать закона, накладывалъ на каждаго бѣднаго ребенка, работавшаго на него, по шиллингу, въ видѣ платы за обученіе искусству и секрету прясть, коль скоро докторское свидѣтельство объявляло его способнымъ на это занятіе. Поэтому, чтобы понять такія исключительныя явленія какъ теперешняя стачка (рѣчь идетъ о стачкѣ ткачей на Darwen'ской фабрикѣ, въ іюнѣ 1863 г.), надо знать также самую сущность дѣла». («Reports of Insp. of Fact. 30 April. 1863». Фабричные отчеты всегда заходятъ дальше оффиціальнаго числа изданія).

[190a]) Законы, изданные съ цѣлью защитить рабочихъ отъ опасныхъ машинъ, оказали благотворное дѣйствіе. «Но... теперь явился новый источникъ несчастныхъ случаевъ, именно—усиленная быстрота машинъ. Колеса, валы, веретена, ткацкіе станки дѣйствуютъ теперь все быстрѣе и быстрѣе; пальцы должны быстро и смѣло схватывать перерванныя нити, потому что при медленности и неосторожности можно потерять ихъ... Большая часть несчастныхъ случаевъ происходитъ отъ старанія рабочаго быстро исправить свою работу. Не надо забывать, что для фабриканта въ высшей степени важно, чтобы машины были въ ходу непрерывно, т. е. чтобы непрерывно производили пряжу и ткани. Каждая остановка, хотя бы на одну минуту, причиняетъ не только ущербъ двигательной силѣ, но и производству. Поэтому надсмотрщикъ за рабочими, заинтересованный въ количествѣ изготовленнаго продукта, заставляетъ рабочаго держать машины въ ходу; для рабочаго же, получающаго плату поштучно или по вѣсу, это не менѣе важно. Хотя на большей части фабрикъ формально запрещено чистить машины на ходу, однако это дѣлается повсюду. Только одно это, въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ, было причиною 906 несчастныхъ случаевъ... Хотя чистка производится изо дня въ день, однако для этого назначается спеціально суббота и чистятъ обыкновенно во время хода машинъ... За чистку ничего не платятъ, поэтому рабочій старается отдѣлаться отъ нея по возможности скорѣй. Поэтому число несчастныхъ случаевъ по пятницамъ, и въ особенности по субботамъ, болѣе чѣмъ во всѣ остальные дни недѣли. По пятницамъ среднее число несчастныхъ случаевъ около 12% больше, чѣмъ въ предъидущіе 4 дня недѣли; по субботамъ же почти на 25% больше, чѣмъ въ остальные 5 дней недѣли; или, если принять въ расчетъ, что по субботамъ на фабрикахъ работаютъ $7^1/_2$ часовъ, а въ остальные дни недѣли — $10^1/_2$ часовъ, то перевѣсъ будетъ свыше 65%». («Reports of Insp. of Factories for etc. 31 October 1866. London 1867», p. 9, 15, 16, 17).

[191]) Въ первомъ отдѣлѣ третьей книги я разскажу о походѣ, предпринятомъ въ послѣднее время англійскими фабрикантами противъ статей фабричнаго закона, защищающихъ члены «рабочихъ рукъ» отъ машинъ, угрожающихъ жизни. Здѣсь достаточно привести выписку изъ одного оффиціальнаго отчета фабричнаго инспектора Leonhard Horner'а: «Мнѣ приходилось слышать непростительно-легкомысленные отзывы фабрикантовъ о нѣкоторыхъ несчастныхъ случаяхъ: такъ напримѣръ, потерю пальца они считаютъ пустяками.... Жизнь и будущность рабочаго до такой степени зависитъ отъ его пальцевъ, что такая потеря составляетъ для него крайне важное событіе. Когда я слышалъ подобную безсмысленную болтовню, то задавалъ вопросъ: «Положимъ, вамъ нуженъ лишній рабочій: двое предлагаютъ свои услуги; оба совершенно одинаково способны, но у одного нѣтъ большого или указательнаго пальца — котораго изъ нихъ вы возьмете»? Ни минуты не раздумывая, они отвѣчали, что возьмутъ рабочаго съ полнымъ числомъ пальцевъ... У этихъ фабрикантовъ есть ложный предразсудокъ противъ того, что они называютъ псевдо-филантропическимъ законодательствомъ». («Reports etc. for 31 Oct. 1855»). Эти господа—народъ «смѣтливый»: недаромъ они радовались мятежу рабовладѣльцевъ!

[192]) На фабрикахъ, которыя уже давно подчинены фабричному законодательству, съ его обязательными ограниченіями рабочаго времени и другими правилами, совершенно исчезли мно-

всего мануфактурнаго періода [193]). Только съ введеніемъ машинъ рабочій борется противъ самыхъ орудій труда, матеріальнаго способа существованія капитала. Онъ возстаетъ противъ этого опредѣленнаго вида средствъ производства, какъ матеріальной основы капиталистическаго способа производства.

Почти вся Европа пережила, въ теченіе XVII-го столѣтія, возмущенія рабочихъ противъ такъ называемой Bandmühle (ленточная мельница; называется также шнурочной мельницей или мельничнымъ станкомъ), — машины для тканья тесьмы и галуна [194]).

гія прежнія дурныя условія. Самыя усовершенствованія машинъ требуютъ, дойдя до извѣстной степени, «лучшаго устройства фабричныхъ зданій», улучшающаго и положеніе рабочаго (ср. «Reports etc. for 31 Oct. 1863», стр. 109).

[193]) См. между прочимъ, John Houghton: «Husbandry and Trade improved», London. 1727, «The Advantages of the East India Trade 1720», John Bellers l. c. «Къ несчастію хозяева и рабочіе находятся въ постоянной войнѣ между собою. Первые неизмѣнно стремятся получить ихъ работу по возможности дешевле и не гнушаются никакою хитростью для достиженія этого, между тѣмъ какъ послѣдніе одинаково внимательно ищутъ случая предъявить хозяину большія требованія». «An Inquiry into the causes of the Present High Prices of Provisions». (Авторъ, Rev. M-r Nathaniel Forster, стоитъ совершенно на сторонѣ рабочихъ).

[194]) Ленточная машина была изобрѣтена въ Германіи. Итальянскій аббатъ Ланцелотти разсказываетъ въ сочиненіи, изданномъ въ 1636 г. въ Венеціи: «Антонъ Мюллеръ изъ Данцига, около 50 лѣтъ тому назадъ видѣлъ чрезвычайно искусную машину, приготовляющую одновременно отъ 4 до 6 тканей; но городской совѣтъ,—имѣя въ виду, что это открытіе можетъ обратить массу рабочихъ въ нищихъ.—запретилъ вводить ее въ употребленіе, а самого изобрѣтателя приказалъ тайно удушить или утопить». Въ 1629 г. такая же машина была въ первый разъ употреблена въ Лейденѣ. Возставшіе ткачи требовали сперва у магистрата запрещенія ея: различными постановленіями генеральныхъ штатовъ 1623, 1639 и др. годовъ, пользованіе ею было ограничено, но потомъ, постановленіемъ 15 декабря 1661 г., было дозволено съ нѣкоторыми ограниченіями. «Около 20 лѣтъ тому назадъ», говоритъ Boxhorn («Inst. Pol. 1663») «въ этомъ городѣ былъ изобрѣтенъ ткацкій станокъ, помощью котораго одинъ рабочій могъ приготовлять ткани и въ большемъ количествѣ, и съ большею легкостью, чѣмъ въ одинаковое время нѣсколько другихъ, не употреблявшихъ станка. Однако здѣсь, вслѣдствіе возникшихъ жалобъ и неудовольствій, наконецъ, и самое употребленіе станка было запрещено магистратомъ». Эта же самая машина была въ 1676 г. запрещена въ Кельнѣ, между тѣмъ какъ введеніе ея въ Англіи произвело волненіе между рабочими. Императорскимъ эдиктомъ 19 февраля 1685 г., употребленіе ея было запрещено во всей Германіи. Въ Гамбургѣ она была публично сожжена по приказанію магистрата. 9 февраля 1719 года Карлъ VI подтвердилъ эдиктъ 1685 г. Въ Курфюршествѣ Саксонскомъ въ первый разъ была она допущена къ употребленію только въ 1765 г. Машина эта, — которая вызвала такой шумъ, —въ дѣйствительности, была предшественницей прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, т. е. промышленной революціи XVIII-го столѣтія. При ней занимались совершенно неопытные въ ткацкомъ искусствѣ юноши, которые, двигая туда и сюда стержнемъ, приводили въ движеніе весь станокъ, со всѣми его челноками, и приготовляли одновременно до 40 и 50 кусковъ ткани.

Построенная однимъ голландцемъ, близъ Лондона, въ концѣ первой трети XVII-го столѣтія, вѣтряная пильная мельница была разрушена народомъ. Даже въ началѣ XVIII-го столѣтія, пильныя машины, приводимыя въ движеніе водой, только съ трудомъ преодолѣли въ Англіи народное противодѣйствіе, поддерживаемое парламентомъ. Когда Everet построилъ, въ 1758 г., первую машину для стрижки шерсти, приводимую въ движеніе водой, то 100,000 человѣкъ, которые лишились работы, вслѣдствіе введенія этой машины подожгли ее. Противъ skribbling mills и чесальной машины Аркрайта, протестовали предъ парламентомъ 50,000 рабочихъ, которые до сихъ поръ жили расчесываніемъ шерсти. Разрушеніе машинъ цѣлыми массами въ англійскихъ мануфактурныхъ округахъ, въ продолженіе первыхъ 15-ти лѣтъ XIX-го столѣтія, извѣстное подъ названіемъ Luddit'скаго движенія, — именно, вслѣдствіе введенія въ употребленіе изобрѣтеннаго механическаго ткацкаго станка — дало предлогъ для крайне-реакціонныхъ мѣръ антиякобинскаго министерства Sidmouth, Castlereagh и др. Понадобилось время и опытъ, чтобы рабочіе научились отличать машины отъ капиталистическаго примѣненія ихъ, и переносить свои нападки съ самихъ матеріальныхъ средствъ производства на общественныя формы эксплуатаціи ихъ [195]).

Въ мануфактурномъ производствѣ борьба за рабочую плату допускаетъ уже это производство, и ни въ какомъ случаѣ не направляется противъ самаго его существованія. Противодѣйствіе основанію новыхъ отраслей мануфактуры оказываютъ не наемные рабочіе, а цеховые хозяева и привилегированные города. Поэтому писатели мануфактурнаго періода представляютъ, бóльшею частію, дѣленіе труда, средствомъ замѣщенія потенціальныхъ рабочихъ, а не вытѣсненія дѣйствительныхъ рабочихъ. Это различіе очевидно.

Если, напримѣръ, говорятъ, что въ Англіи необходимо 100 милліоновъ человѣкъ для пряденья старой самопрялкой такого же количества хлопка, какое теперь прядутъ 500,000 человѣкъ при помощи машинъ, — то, очевидно, это

[195]) Въ устарѣлыхъ мануфактурахъ иногда и теперь еще повторяются въ грубой формѣ возмущенія рабочихъ противъ машинъ, такъ, напримѣръ, среди нарѣзчиковъ напилковъ въ Шеффильдѣ, въ 1865 г.

не означаетъ, что машины замѣстили эти никогда не существовавшіе милліоны людей: это только значитъ, что потребовалось бы много милліоновъ людей, чтобъ замѣнить прядильную машину. Но если говорятъ, что паровой ткацкій станокъ выбросилъ на улицу 800.000 ткачей, то рѣчь идетъ не о существующихъ машинахъ, которыя должны быть замѣнены опредѣленнымъ числомъ рабочихъ, но о существующемъ числѣ рабочихъ, которые фактически замѣнены или замѣщены машиной. Во время мануфактурнаго періода основаніемъ продолжалъ служить ремесленный способъ производства, какія бы измѣненія ни были произведены вслѣдствіе раздѣленія труда. Новые колоніальные рынки нельзя уже было удовлетворить тѣмъ относительно незначительнымъ числомъ городскихъ рабочихъ, которое было завѣщано средними вѣками, и собственно мануфактуры открыли новое поприще производительности сельскому населенію, изгнанному съ своей земли при паденіи феодализма. Стало быть, въ то время положительная сторона дѣленія труда и коопераціи въ мастерскихъ обнаружилась именно въ томъ, что сдѣлала трудъ рабочихъ производительнѣе [196]). Правда, еще задолго до періода крупной промышленности, кооперація и соединеніе рабочихъ орудій въ рукахъ немногихъ вызвали, въ примѣненіи къ земледѣлію, громадные, быстрые, принудительные перевороты въ способахъ производства, — а чрезъ это и въ условіяхъ жизни и средствахъ занятія сельскаго населенія. Но борьба, вызванная этими перемѣнами происходитъ скорѣе первоначально между крупными и мелкими поземельными собственниками, нежели между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Съ другой стороны, поскольку рабочіе вытѣснялись орудіями труда — овцами, лошадьми и т. д., — это были дѣйствія непосредственно насильственныя, которыя въ данномъ случаѣ сдѣлали возможнымъ экономическій переворотъ: сначала изгнали съ земли рабочихъ, чтобы потомъ пустить на нее овецъ. Только отнятіе земли въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ Англіи, могло создать поприще для крупнаго сельскаго хозяйства. Въ началѣ это преобразованіе сельскаго хозяйства имѣло скорѣе видъ политическаго, а не экономическаго пареворота.

Какъ только орудія труда примутъ форму машинъ, тотчасъ же становятся конкурентами самихъ рабочихъ [197]). Самовозрастаніе стоимости капитала при помощи машинъ становится въ прямое отношеніе къ числу рабочихъ, условія существованія которыхъ онѣ уничтожили. Въ основѣ всей системы капиталистическаго производства лежитъ продажа работникомъ рабочей силы въ видѣ товара. Раздѣленіе труда дѣлаетъ эту рабочую силу крайне одностороннею, обращая ее въ совершенно спеціальное искусство управленія какимъ-нибудь однимъ рабочимъ инструментомъ. Когда же машина сама начинаетъ управлять инструментомъ, то вмѣстѣ съ потребительной стоимостью рабочей силы пропадаетъ и мѣновая ея стоимость: рабочаго уже не берутъ, какъ не берутъ бумажныхъ денегъ, изъятыхъ изъ обращенія законодательнымъ актомъ. Та часть рабочаго класса, которую машина обращаетъ въ излишнее населеніе—т. е. такое, которое не требуется непосредственно капиталомъ для самовозрастанія его стоимости,—частью гибнетъ въ неравной борьбѣ ремесленнаго и мануфактурнаго способовъ производствъ съ машиннымъ, частью же наводняетъ всѣ болѣе доступныя отрасли промышленности, переполняетъ рабочій рынокъ и сбиваетъ цѣну рабочей силы ниже ея стоимости. Для того, чтобы утѣшить этихъ обнищавшихъ рабочихъ, ихъ увѣряютъ, во-первыхъ, что страданія ихъ «временныя» («a temporary inconvenience»); а во-вторыхъ, что машины только постепенно завладѣваютъ всѣмъ полемъ производства, вслѣдствіе чего уменьшаются размѣры и интенсивность ихъ разрушительнаго дѣйствія. Одно утѣшеніе парализуется другимъ. Гдѣ машина только мало-по-малу овладѣваетъ полемъ производства, въ рабочихъ слояхъ, конкурирующихъ съ нею, она производитъ хроническія лишенія. Когда переходъ скоръ, тогда дѣйствіе ея имѣетъ острый характеръ и ощущается огромными массами. Во всемірной исторіи трудно найти другое такое возмутительное зрѣлище какъ постепенная гибель англійскихъ мануфактурныхъ хлопчатобумажныхъ ткачей, продолжавшаяся цѣлыя десятилѣтія и, наконецъ, закончившаяся въ 1838 г. Многіе изъ нихъ умерли голодною смертью, многіе

196) Sir James Steuart разсматриваетъ дѣйствіе машинъ еще совершенно въ этомъ смыслѣ: «Je considère donc les machines comme des moyens d'augmenter (virtuellement) le nombre des gens industrieux qu'on n'est pas obligé de nourrir... En quoi l'effet d'une machine diffère-t-il de celui de nouveaux habitants»? (Франц. перевод., Т. I, l. I. гл. XIX). Много наивнѣе Петти, который говоритъ, что онѣ замѣняютъ «полигамію». Эта точка зрѣнія примѣнима развѣ только въ нѣкоторыхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ другой стороны: «Машины рѣдко могутъ быть съ успѣхомъ употреблены для уменьшенія труда рабочихъ: на постройку ихъ потратится больше времени, чѣмъ можетъ быть сохранено ихъ употребленіемъ. Онѣ бываютъ только тогда дѣйствительно полезны, когда дѣйствуютъ на большія массы, когда одна машина можетъ помочь труду тысячъ. Соотвѣтственно этому, онѣ употребляются преимущественно въ гуще населенныхъ странахъ: гдѣ болѣе людей праздныхъ, тамъ и ихъ больше... Машины вводятся въ употребленіе не вслѣдствіе недостатка въ людяхъ, но вслѣдствіе той легкости, съ какой можно заставить массы работать при нихъ». Piercy Ravenstone: «Thougths on the Funding System and its Effects. London., 1824», p. 15).

197) «Машины и трудъ находятся въ постоянномъ соперничествѣ». (Ricardo l. c. p. 479).

долго прозябали со своими семействами на $2^1/_2$ пенса въ день [198]). Напротивъ того, англійскія хлопчатобумажныя машины въ Остъ-Индіи вызвали острый кризисъ. Вотъ что доноситъ тамошній генералъ-губернаторъ за 1834 — 1835 гг.: «Такія бѣдствія едва-ли бывали когда нибудь въ исторіи торговли. Равнины Индіи бѣлѣютъ костями ткачей хлопчатой бумаги». Но такъ какъ ткачи перемѣнили только временную жизнь на вѣчную, то, конечно и машины причинили имъ только «временныя затрудненія». Впрочемъ, «временное» дѣйствіе машинъ постоянно, такъ какъ онѣ овладѣваютъ все новыми и новыми областями производства. Самостоятельная и отчужденная отъ рабочаго форма, въ которую капиталистическій способъ производства вообще облекаетъ условія труда и продукты труда, развивается, такимъ образомъ, съ машиннымъ производствомъ до полнѣйшаго противорѣчія [199]). Поэтому только съ его возникновеніемъ появляются дикія возмущенія рабочихъ противъ орудій труда.

Орудія труда побѣждаютъ рабочихъ. Это прямое противорѣчіе проявляется особенно осязательно въ то время, когда вновь изобрѣтенная машина конкурируетъ съ еще уцѣлѣвшимъ ремесленнымъ и мануфактурнымъ производствомъ. Но и въ самой крупной промышленности прогрессивное усовершенствованіе машинъ и развитіе автоматической системы дѣйствуетъ совершенно аналогично. «Постоянная цѣль улучшенія машинъ заключается въ уменьшеніи ручного труда, или въ замѣнѣ въ производительной цѣпи фабрики человѣческаго аппарата — желѣзнымъ» [200]). «Приложеніе силы пара и воды къ машинамъ, которыя до того приводились въ движеніе человѣческой силой, совершается почти каждый день.. Незначительныя улучшенія машинъ, имѣющія цѣлью сбереженіе движущей силы, улучшеніе продукта, увеличеніе количества производимаго продукта въ продолженіе того же самаго времени, замѣну ребенка, женщины или взрослаго рабочаго, — всѣ эти улучшенія въ машинахъ постоянны, и хотя повидимому иногда не имѣютъ большаго значенія, тѣмъ не менѣе результаты ихъ очень велики» [201]). «Повсюду, гдѣ работа нуждается въ особенномъ искусствѣ и твердой рукѣ, ее стараются по возможности скорѣе взять изъ рукъ слишкомъ ловкаго рабочаго, склоннаго къ неправильностямъ всякаго рода, чтобы поручить такому механизму, наблюдать за которымъ могъ бы ребенокъ» [202]). «При автоматической системѣ талантъ рабочаго мало-по-малу становится не нужнымъ [203]).»

---

198) Въ Англіи конкуренція между ручнымъ и машиннымъ ткачьемъ, до изданія закона о бѣдныхъ въ 1833 г., затянулась до того, что къ рабочей платѣ, упавшей гораздо ниже minimum'а, давались вспоможенія отъ приходовъ. «Ректоромъ одного мануфактурнаго округа Уильмстона, въ Чеширѣ, былъ въ 1827 г. Rev. M-r Turner. Отвѣты M-r Turner'а на вопросы эмиграціоннаго комитета показываютъ, какъ поддерживался человѣческій трудъ при соперничествѣ машины. Вопросъ. Употребленіе паровыхъ ткацкихъ станковъ не вытѣсняетъ-ли ручные ткацкіе станки? Отвѣтъ. Безъ сомнѣнія; они еще болѣе вытѣсняли бы ихъ, если бы ткачи на ручныхъ станкахъ не были принуждены соглашаться на уменьшеніе рабочей платы. Вопросъ. Но вѣдь соглашаясь, они были принуждены принимать рабочую плату, на которую они не въ состояніи жить и считать приходскія вспомоществованія, какъ дополнительную плату, безъ которой имъ пришлось бы умереть съ голода? Отвѣтъ. Да, и дѣйствительно соперничество между паровой и ручной ткацкой машиной поддерживается налогомъ для бѣдныхъ.—Итакъ, унижающій пауперизмъ или эмиграція — вотъ прибыль, получаемая трудящимся классомъ отъ введенія машинъ! Изъ уважаемаго и, до нѣкоторой степени, независимаго человѣка, онѣ обращаютъ его въ раболѣпную сволочь, живущую унизительнымъ хлѣбомъ благотворительности... Это у нихъ называется «временными затрудненіями». («A Prize essay on the Comparative merits of Competition and Cooperation. London, 1834», p. 29).

199) «Тѣ самыя причины, которыя могутъ увеличить доходъ страны т. е., какъ Ricardo объясняетъ въ томъ же мѣстѣ, доходы землевладѣльцевъ и капиталистовъ, богатство которыхъ, съ экономической точки зрѣнія, вообще составляютъ Wealth of the Nation, богатство народа), могутъ въ тоже время произвести перенаселеніе и ухудшить положеніе рабочаго». (Ricardo l. c. p. 469). «Постоянная цѣль и стремленіе всякаго усовершенствованія машинъ состоитъ въ дѣйствительности въ томъ, чтобы совершенно отдѣлаться отъ человѣческаго труда, или уменьшить цѣну его замѣщеніемъ труда взрослыхъ мужчинъ женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, или замѣной искуснаго рабочаго чернорабочимъ». (Ure).

200) «Report of Insp. of Factories for 31 Oct. 1858» p. 43.

201) Reports etc. 31 Oct. 1856, p. 15.

202) Ure l. c. t. I, стр. 29. „Громадное преимущество машинъ въ кирпичномъ производствѣ состоитъ въ томъ, что предприниматель совершенно не зависитъ при этомъ отъ искусства рабочихъ. («Child. Emp. Commission V. Rep. London 1866». p. 180 n. 46).—Къ 2 изд.—Mr. A. Sturrock, завѣдующій машиннымъ отдѣленіемъ Great Northern Railway (великой сѣверной желѣзной дороги), относительно постройки локомотивовъ и пр., говоритъ: «Дорогіе англійскіе рабочіе съ каждымъ днемъ употребляются все менѣе и менѣе. Производительность мастерскихъ въ Англіи возрастаетъ, благодаря употребленію усовершенствованныхъ инструментовъ, а такіе инструменты, съ своей стороны изготовляются низшимъ классомъ рабочихъ... Прежде были нужны рабочіе, способные дѣлать всѣ части машины; въ настоящее время части машинъ изготовляются трудомъ менѣе искусныхъ, но посредствомъ хорошихъ инструментовъ.... Подъ инструментами я понимаю машины, необходимыя для постройки машинъ.....». (Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence. n. 17.862 и 17.863 London 1867.

203) Ure l. c. p. 20.

«Дѣйствіе улучшенія машинъ заключается не только въ уменьшеніи числа занимающихся взрослыхъ рабочихъ для достиженія извѣстнаго результата, но и въ замѣщеніи одного класса рабочихъ другимъ,—болѣе искусныхъ — менѣе искусными, взрослыхъ — дѣтьми, мужчинъ — женщинами. Всѣ эти перемѣны производятъ постоянныя колебанія нормы рабочей платы» [204]). «Машины, безпрерывно выкидываютъ взрослыхъ рабочихъ изъ фабрикъ». [205]). Чрезмѣрная растяжимость машинной системы, вслѣдствіе накопленной практической опытности, и уже достигнутыхъ размѣровъ механическихъ средствъ и постояннаго прогресса техники,—выказалась во всей своей силѣ подъ давленіемъ сокращеннаго рабочаго дня. Но кто могъ ожидать въ 1860 г., во время наивысшаго процвѣтанія англійской хлопчато-бумажной промышленности, тѣхъ, быстрослѣдующихъ одно за другимъ въ продолженіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ, улучшеній въ машинахъ и соотвѣтственнаго вытѣсненія рабочихъ рукъ, которыя были вызваны американской междоусобной войной? Достаточно привести нѣсколько примѣровъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ относительно этого вопроса. Одинъ манчестерскій фабрикантъ заявилъ: «Вмѣсто 75 чесальныхъ машинъ, намъ теперь нужно только 12, для полученія того же количества и такого же, если только не лучшаго, качества... Экономія на рабочей платѣ доходитъ въ недѣлю до 10 ф. стерл., на угарѣ до 10%». «На другой манчестерской фабрикѣ тонкихъ сортовъ ткани мнѣ сообщали, что благодаря ускоренному движенію и введенію различныхъ механическихъ процессовъ, въ одномъ отдѣленіи уволены 1/4, въ другомъ 1/2 всего рабочаго персонала; между тѣмъ какъ чесальная машина, вмѣсто второй кардной машины (Kardirmaschine), сильно уменьшила число рукъ въ чесальнѣ». Другая прядильная фабрика оцѣниваетъ свою экономію въ расходѣ ни «руки» въ 10%. Гг. Джильморъ, манчестерскіе прядильные фабриканты заявили: «Въ нашемъ blowing departement мы считаемъ сбереженія на «руки, hands» и на рабочую плату на цѣлую треть... въ jack frame и drawing frame room—около трети менѣе на расходы и на рабочихъ, въ прядильной — около 1/3 менѣе на расходы. Но это еще не все: когда теперь пряжа идетъ къ ткачамъ, она настолько лучше, благодаря новымъ машинамъ, что они производятъ большее количество ткани, притомъ лучшаго качества, чѣмъ при старой машинной пряжѣ» [206]). Фабричный инспекторъ A. Redgrave при этомъ замѣчаетъ: «Уменьшеніе числа рабочихъ, при увеличенномъ производствѣ, идетъ быстрыми шагами впередъ; на шерстяныхъ фабрикахъ недавно началось сокращеніе рабочихъ рукъ, оно и теперь продолжается; на дняхъ одинъ школьный учитель, живущій около Рочдэля, сообщилъ мнѣ, что сильное уменьшеніе числа учащихся въ школахъ для дѣвочекъ зависитъ не только отъ кризиса, но отъ измѣненій въ машинахъ шерстяныхъ фабрикъ, вслѣдствіе которыхъ среднимъ числомъ вытѣснено 70 halftimes» [207]).

[204]) Ure l. c. p. 321.

[205]) l. c. p. 23.

[206]) «Reports of Insp. of. Fakt. for 31 October 1863», 108 и слѣд.

Слѣдующая таблица показываетъ результаты механическихъ усовершенствованій въ англійской хлопчатобумажной промышленности, вызванныя американской междоусобной войной:

Число фабрикъ:

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англія и Уэльсъ	2,046	2,715	2,405
Шотландія . . .	152	163	131
Ирландія	12	9	13
Великобританія .	2.210	2,887	2,549

Число механическихъ ткацкихъ станковъ:

Англія и Уэльсъ .	275,590	368,125	344,719
Шотландія . . .	21,624	30,110	31,864
Ирландія	1,633	1,757	2,746
Великобританія .	298,847	399,992	379,329

Число веретенъ:

Англія и Уэльсъ	25.818,576	28.352,152	30.478,228
Шотландія . .	2.041,129	1.915,398	1.397,546
Ирландія	150,512	119,944	124,240
Великобританія	28.010,217	30.387,494	32.000,014

Число занятыхъ рабочихъ:

Англія и Уэльсъ	341.170	407.598	357,052
Шотландія . . .	34,698	41,237	39,809
Ирландія	3,345	2,734	4,203
Великобританія .	379,213	451,569	401,064

[207]) l. c. p. 109. Быстрое усовершенствованіе машинъ во время хлопчато-бумажнаго кризиса, дозволило англійскимъ фабрикантамъ въ одно мгновеніе вновь переполнить міровой рынокъ, тотчасъ по окончаніи американской гражданской войны. Уже въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ 1866 года почти нельзя было продать ткани. Тогда стали отправлять товаръ на коммиссію въ Индію и Китай, что, разумѣется, сдѣлало glut еще сильнѣе. Въ началѣ 1867 года, фабриканты прибѣгнули къ своей обыкновенной уловкѣ, они понизили рабочую плату на 5%. Рабочіе воспротивились и объявили (теоретически совершенно справедливо), что единственное средство помочь горю—сократить время, т. е. работать 4 дня въ недѣлю. Послѣ долгаго сопротивленія, самозванные промышленные капитаны сдались, порѣшивъ на томъ, что рабочіе нѣкоторыхъ отдѣловъ будутъ работать безъ скидки, въ другихъ же со скидкою 5%.

Стало быть съ 1861 до 1868 г. закрылось 338 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ: иными словами, машины болѣе производительныя и болѣе широкихъ размѣровъ сосредоточились въ рукахъ меньшаго числа капиталистовъ. Число механическихъ ткацкихъ станковъ понизилось до 20,663; но такъ какъ количество произведеннаго ими продукта въ тоже самое время увеличилось, то каждый новый станокъ теперь доставилъ больше продукта, чѣмъ прежній. Наконецъ, число веретенъ увеличилось на 1.612,541, между тѣмъ какъ число рабочихъ уменьшилось на 50.505. «Временныя» лишенія, угнетавшія рабочихъ вслѣдствіе хлопковаго кризиса, слѣдовательно, увеличились, и изъ временныхъ обратились въ постоянныя, благодаря быстрому и безостановочному усовершенствованію машинъ.

Машина является однако не только какъ сильнѣйшій конкурентъ, который всегда стремится сдѣлать «лишнимъ» наемнаго рабочаго. Капиталъ громогласно заявляетъ о машинахъ, какъ о силѣ враждебной рабочему и въ этомъ же смыслѣ пользуется ими. Онѣ представляютъ самое могущественное орудіе для подавленія стачекъ и т. п. періодическихъ возмущеній рабочихъ, противъ самодержавія капитала [208]. По Гаскелю съ самого своего появленія паровая машина стала во враждебныя отношенія къ «человѣческой силѣ», и эта вражда дала возможность капиталистамъ подавлять требованія рабочихъ, угрожавшія поставить возникающую фабричную систему въ затруднительное положеніе [209]. Можно было бы написать цѣлую исторію открытій съ 1830 г., которыя возникли просто какъ оружіе капитала противъ возмущеній рабочихъ. Мы напомнимъ во первыхъ selfacting mule, такъ какъ ею открылась новая эпоха автоматической системы [210]. Насмитъ (Nasmyth), изобрѣтатель парового молота, даетъ слѣдующее показаніе передъ Trades' Union Commission, относительно произведенныхъ имъ усовершенствованій въ машинахъ, которыя онъ ввелъ, вслѣдствіе общей и продолжительной стачки рабочихъ на машиностроительныхъ заводахъ въ 1851 году. «Характерная черта нашихъ новѣйшихъ механическихъ усовершенствованій,—это введеніе самодѣйствующихъ исполнительныхъ механизмовъ. Въ настоящее время каждый рабочій механикъ уже не долженъ работать самъ, а долженъ дѣлать то, что можетъ сдѣлать любой ребенокъ, т. е. наблюдать за прекрасной работой машины. Весь классъ такихъ рабочихъ, отъ которыхъ требовалось исключительно искусство, совершенно исчезъ. Прежде на каждаго рабочаго механика у меня было по четыре мальчика. Благодаря этимъ новымъ механическимъ усовершенствованіямъ, число взрослыхъ рабочихъ я сократилъ съ 1,500 до 750. Въ результатѣ прибыль моя значительно возросла».

Ure говоритъ объ одной машинѣ для печатанія красками въ ситцепечатняхъ: «Наконецъ капиталисты стали искать средствъ избавиться отъ этого невыносимаго рабства (т. е. тягостныхъ для нихъ условій договора, требуемыхъ рабочими), обратившись за помощью къ наукѣ, и скоро были возстановлены въ своихъ законныхъ правахъ, правахъ головы надъ другими частями тѣла. На всѣхъ новѣйшихъ крупныхъ фабрикахъ въ настоящее время есть машины, печатающія въ четыре и въ пять красокъ, которыя сдѣлали ситцепечатаніе производствомъ быстрымъ и не допускающимъ неправильностей и ошибокъ». Объ одной сновальной машинѣ, непосредственною причиною изобрѣтенія которой была стачка, онъ говоритъ: «Множество недовольныхъ, которые считали себя непобѣдимыми за старыми укрѣпленіями раздѣленія труда, увидѣли себя побѣжденными съ фланга, и ихъ средства защиты были уничтожены новѣйшею тактикою машиностроителей. Они вынуждены были сдаться безусловно на милость побѣдителя». Онъ говоритъ объ изобрѣтеніи selfacting mule; «Она была призвана водворить порядокъ среди промышленныхъ классовъ... Это открытіе подтверждаетъ развитое нами великое ученіе, что капиталъ, принудивъ науку служить себѣ, заставляетъ повиноваться и мятежныхъ рабочихъ» [211]. Хотя сочиненіе Ure появилось 30 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ то время, когда фабричная система была развита сравнительно слабо, тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ остается классическимъ выраженіемъ фабричнаго духа, не только по своему откровенному цинизму, но также по той наивности, съ какою авторъ выбалтываетъ безсмысленныя противорѣчія капиталистической головы. Развивъ напримѣръ «ученіе», что капиталъ помощью взятой имъ на содержаніе науки, «принуждаетъ къ повиновенію мятежныхъ рабочихъ», онъ сердится на то, «что ихъ (физико-механическія науки) обвиняютъ въ томъ, что онѣ отдаютъ себя въ руки капиталистовъ, какъ орудіе угнетенія бѣдныхъ классовъ». Наговоривши вдоволь о томъ, какъ выгодно быстрое развитіе машинъ для рабочихъ, онъ пре-

---

[208]) «Отношенія между хозяевами и рабочими на стекольныхъ и бутылочныхъ заводахъ представляются въ видѣ хронической стачки». Отсюда быстрое развитіе мануфактуры прессованнаго стекла, гдѣ главныя операціи производятся машинами. Одна ньюкестльская фирма, которая производила прежде 350,000 ф. дутаго стекла, производитъ теперь вмѣсто него, 3.000.500 ф. пресованнаго стекла. («Child. Emp. Commission IV Rep. 1865» p. 262, 263).

[209]) Gaskell: «The manufacturing population of England. 1833, London» p. 3. 4.

[210]) Нѣкоторыя весьма значительныя приложенія машинъ къ постройкѣ машинъ изобрѣлъ нѣкто г. Fairbairn, вслѣдствіе стачекъ на его собственномъ машино-строительномъ заводѣ.

[211]) Ure l. c. p. 368—370.

достерегаетъ ихъ, что своими стачками, упорствомъ и т. д., они ускоряютъ развитіе машинъ. «Подобныя возмущенія», говоритъ онъ, «показываютъ человѣческое ослѣпленіе въ самомъ жалкомъ его видѣ, ослѣпленіе, дѣлающее человѣка собственнымъ палачомъ». Нѣсколько страницъ передъ этимъ, говорится наоборотъ: «Безъ столкновеній и насильственныхъ перерывовъ, происходящихъ вслѣдствіе ложныхъ воззрѣній рабочихъ, фабричная система развилась бы гораздо быстрѣе и съ большею пользою для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ». Потомъ онъ снова восклицаетъ: «къ счастію для населенія фабричныхъ округовъ Великобританіи, усовершенствованія въ машинахъ происходятъ не вдругъ, а постепенно». «Говорятъ, будто они (усовершенствованія въ машинахъ»), продолжаетъ онъ, «понижаютъ рабочую плату взрослыхъ рабочихъ, вытѣсняя часть ихъ, благодаря чему предложеніе труда превышаетъ спросъ на него. Но въ этихъ случаяхъ увеличивается приложеніе дѣтскаго труда, вслѣдствіе чего доходъ взрослаго еще болѣе возростаетъ». Тотъ же утѣшитель защищаетъ, съ другой стороны, низкую рабочую плату дѣтямъ тѣмъ, «что родители этимъ удерживаются отъ посылки дѣтей на фабрику въ слишкомъ раннемъ возрастѣ». Вся его книга представляетъ оправданіе и защиту неограниченнаго рабочаго дня, и его либеральная душа припоминаетъ самыя мрачныя времена среднихъ вѣковъ, когда законъ запрещалъ мучить дѣтей, начиная съ 13-ти-лѣтняго возраста, болѣе 12 часовъ въ сутки. Это не мѣшаетъ ему приглашать рабочихъ приносить благодарственную молитву провидѣнію, которое «создало» имъ, при помощи машины, «досугъ, чтобы подумать о загробной жизни» [212]).

6) Теорія вознагражденія рабочихъ, замѣщаемыхъ машинами.

Цѣлый рядъ буржуазныхъ экономистовъ, какъ Джемсъ Милль, Макъ Коллохъ, Торренсъ, Senior, Дж. Стюартъ Милль и др., утверждаетъ, что всѣ машины, которыя замѣщаютъ рабочихъ, въ то же время обязательно освобождаютъ капиталъ, дающій занятіе тѣмъ же самымъ рабочимъ [213]).

Положимъ, капиталистъ даетъ занятіе 100 рабочимъ, напримѣръ на ковровой мануфактурѣ, и каждому ежегодно платитъ 30 ф. стерл. Перемѣнный капиталъ его простирается, слѣдовательно, до 3,000 ф. стерл. Онъ отпускаетъ 50 человѣкъ, а остальнымъ даетъ работу при машинѣ, стоющей 1,500 ф. стерл. Чтобы не усложнять расчета, мы не будемъ принимать во вниманіе строенія, уголь и т. п. Положимъ далѣе, что ежегодно потребляемый сырой матеріалъ стоитъ попрежнему 3,000 ф. стерл. [214]). «Освобождается» ли какой-нибудь капиталъ вслѣдствіе такого измѣненія? При старомъ способѣ производства, вся употребленная сумма равнялась 6,000 ф. стерл. составленнымъ на половину изъ постояннаго, на половину изъ перемѣннаго капитала. Теперь она состоитъ изъ 4,500 ф. стерл. (на 3,000 ф. стерл. сырого матеріала и на 1,500 ф. стерл. машинъ) постояннаго и 1,500 ф. стерл. перемѣннаго капитала. Вмѣсто половины, перемѣнная часть капитала, или превращенная въ живую рабочую силу, составляетъ теперь только $^1/_4$ всего капитала. Здѣсь происходитъ слѣдовательно не «освобожденіе» капитала, а затрата его въ такой формѣ, гдѣ онъ уже перестаетъ обмѣниваться на рабочую силу: перемѣнный капиталъ превращается въ постоянный. Капиталъ въ 6,000 ф. стерл. теперь уже никакъ не можетъ, при прочихъ прежнихъ условіяхъ, дать работу болѣе чѣмъ 50 рабочимъ. Съ каждымъ усовершенствованіемъ машинъ, онъ даетъ работу меньшему числу лицъ. Если вновь введенная машина стоитъ дешевле суммы вытѣсненныхъ ею инструментовъ и рабочей силы, слѣдовательно напримѣръ, не 1,500, а только 1,000 ф. стерл., то 1,000 ф. стерл. перемѣннаго капитала обращаются въ постоянный или связываются, а капиталъ въ 500 ф. стерл. освобождается. На послѣдній, принимая ту же величину годовой рабочей платы, можно содержать только 16 человѣкъ, между тѣмъ какъ лишилось работы 50 человѣкъ; строго говоря, даже гораздо меньше 16-ти рабочихъ, такъ какъ часть его должна быть вновь обращена въ постоянный капиталъ, а слѣдовательно, можетъ быть только частью затрачена на рабочую силу.

Но предположимъ сверхъ того, что постройка новыхъ машинъ даетъ занятіе большему числу рабочихъ на машиностроительныхъ заводахъ; явиться-ли это вознагражденіемъ для ковровщиковъ, выгнанныхъ на улицу? Въ лучшемъ случаѣ, на постройку такихъ машинъ потребуется меньше рабочихъ, чѣмъ сколько замѣщено введеніемъ ихъ. Сумма въ 1,500 ф. стерл., которая представляла рабочую плату уволенныхъ ковровщиковъ, входитъ теперь въ цѣну машины и заключаетъ: 1) стоимость средствъ производства, затраченныхъ для постройки машинъ 2) заработокъ рабочихъ, занятыхъ ея постройкою, и 3) прибавочную стоимость, приходящуюся на долю ихъ хозяевъ. Затѣмъ, разъ машина находится въ дѣлѣ, ее не надо замѣщать новою до тѣхъ поръ, пока она не износится, вплоть до самой ея смерти. Такимъ образомъ для того чтобы рабочіе на машиностроительномъ заводѣ имѣли постоянное

---

[212]) Ure l. c. p. 368, 7, 370, 280, 321, 381 475.

[213]) Рикардо первоначально раздѣлялъ этотъ взглядъ, но потомъ, со свойственнымъ ему научнымъ безпристрастіемъ и любовью къ истинѣ совершенно отъ него отказался. См. l. c. ch. XXXI «On Machinery».

[214]) NB. Я даю иллюстраціи совершенно во вкусѣ вышеназванныхъ экономистовъ.

занятіе, необходимо, чтобы одно ковровое заведеніе за другимъ замѣщало своихъ рабочихъ машинами.

Въ дѣйствительности, названные защитники этого ученія подразумѣваютъ не этотъ способъ освобожденія капитала. Они подразумѣваютъ средства существованія освобожденныхъ рабочихъ. Нельзя отрицать, что въ приведенномъ примѣрѣ машина не только «освобождаетъ» 50 рабочихъ, отдавая ихъ въ распоряженіе другихъ работодателей, но лишая ихъ 1,500 ф. стерл., которые они получали, она въ то же время «освобождаетъ», такимъ образомъ, средства существованія на 1,500 ф. стерл. Простой, и вовсе не новый фактъ, что машина освобождаетъ рабочаго отъ продовольственныхъ средствъ, на языкѣ экономистовъ значитъ, что машина освобождаетъ продовольственныя средства для рабочаго и обращаетъ ихъ въ новый капиталъ, назначаемый для того, чтобы дать имъ занятіе. Мы видимъ, что все зависитъ отъ способа выраженія. Nominibus mollire licet mala.

По этой теоріи предполагается, что средства существованія на 1,500 ф. стерл. были капиталомъ, который увеличивалъ свою стоимость, благодаря труду 50 отпущенныхъ ткачей, что, стало быть, капиталъ этотъ не будетъ помѣщенъ до тѣхъ поръ, пока для этихъ 50 рабочихъ, вынужденныхъ сидѣть безъ работы, не найдется вновь какого-нибудь занятія, въ которомъ ихъ можно снова потреблять производительно. Раньше или позже, капиталъ и рабочіе опять должны встрѣтиться, и тогда, стало быть, все придетъ опять въ равновѣсіе. Итакъ, нужда и страданія рабочихъ, замѣщенныхъ машинами, только временныя, преходящія, какъ преходящи всякія земныя блага. Для уволенныхъ рабочихъ средства существованія на 1,500 ф. стерл. никогда не имѣли значенія капитала. Противоставились имъ, какъ капиталъ, только тѣ 1,500 ф. стерл., которые теперь обращены въ машины. При болѣе внимательномъ изслѣдованіи, оказывается, что эти 1,500 ф. стерл. представляютъ только часть ковровъ, ежегодно производимыхъ при помощи уволенныхъ 50 рабочихъ, которые они получали отъ капиталиста какъ рабочую плату, но въ денежной формѣ, а не натурою. Помощью ковровъ, обращенныхъ въ 1,500 ф. стерл., они покупали на ту же сумму средства существованія. Поэтому, для нихъ послѣднія были не капиталомъ, а товаромъ, и сами они по отношенію къ нимъ были не наемными рабочими, а покупателями. «Освобождая» рабочаго отъ покупательнаго средства, машина, тѣмъ самымъ, обращаетъ его изъ покупателя въ не-покупателя. Отсюда пониженіе спроса на эти товары. Voilà tout. Если это пониженіе спроса не уравновѣшивается увеличеніемъ спроса съ другихъ сторонъ, то рыночная цѣна товара падаетъ. Если это продолжится долѣе и въ большемъ размѣрѣ, то уменьшается производство этихъ товаровъ, а рабочіе, занятые ихъ изготовленіемъ будутъ уволены. Часть капитала, вложеннаго прежде на производство необходимыхъ средствъ существованія, будетъ воспроизводиться въ какой-нибудь другой формѣ. Во время пониженія рыночныхъ цѣнъ и перемѣщенія капитала, рабочіе, занятые производствомъ необходимыхъ средствъ существованія, будутъ «освобождены» отъ части своей рабочей платы. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы доказывать, что машина, освобожденіемъ рабочаго отъ средствъ существованія, обращаетъ послѣднія въ то же время въ капиталъ, дающій занятіе рабочимъ, господа защитники этой теоріи доказываютъ, наоборотъ, своимъ закономъ запроса и предложенія, что машина выгоняетъ на улицу рабочихъ не только тѣхъ отраслей промышленности, куда вводится, но и тѣхъ, куда не вводится.

Оптимизмъ экономистовъ переиначилъ дѣйствительные факты, которые заключались въ томъ, что рабочіе, вытѣсненные изъ мастерской машиною, выбрасываются на рабочій рынокъ и пополняютъ собою число рабочихъ, находящихся въ распоряженіи капиталистовъ. Въ VII-мъ отдѣлѣ этой книги мы увидимъ, что такое дѣйствіе машинъ, которое, какъ насъ хотятъ увѣрить, представляетъ вознагражденіе для рабочихъ классовъ, въ дѣйствительности, наоборотъ, является для нихъ самымъ страшнымъ бичемъ. Теперь замѣтимъ только слѣдующее. Рабочіе, лишившіеся работы въ какой-нибудь изъ отраслей промышленности, могутъ, конечно, искать занятіе въ какой-нибудь другой отрасли. Если они и найдутъ его, и этимъ возобновятъ узы, связывающіе ихъ со средствами существованія, то это можетъ случиться только при помощи затраты новаго и дополнительнаго капитала, ищущаго помѣщенія, а ни въ какомъ случаѣ не при помощи капитала, дававшаго имъ прежде занятія, и который теперь обращенъ въ машины. Даже въ томъ случаѣ, если они и найдутъ работу, что за жалкій видъ у нихъ! Искалѣченные раздѣленіемъ труда, эти бѣдняги внѣ своей прежней спеціальности такъ мало стóятъ, что если и найдутъ себѣ какое-нибудь занятіе, то развѣ только въ какихъ-нибудь немногихъ низшихъ, притомъ переполненныхъ отрасляхъ труда, а потому плохо оплачиваемыхъ [215]).

---

215) Одинъ сторонникъ Рикардо, въ отвѣтъ на нелѣпости J. B. Say, замѣчаетъ по этому поводу: «Если раздѣленіе труда получило достаточное развитіе, то ловкость рабочихъ примѣнима только именно въ той особенной отрасли, въ которой она пріобрѣтена; они сами составляютъ нѣчто вродѣ машины. Поэтому, нечего повторять, подобно попугаю, что вещи стремятся къ равновѣсію. Если мы посмотримъ вокругъ себя, то увидимъ, что онѣ долго не могутъ придти въ равновѣсіе, и что если приходятъ въ него, то оказывается, что уровень ниже чѣмъ,

Далѣе, каждая промышленная отрасль ежегодно привлекаетъ множество народа, дающаго контингентъ для правильной замѣны и увеличенія числа рабочихъ. Едва машины освободятъ часть рабочихъ, занятыхъ въ извѣстной промышленной отрасли, заступающіе ихъ мѣсто рабочіе снова распредѣляются и поглощаются другими рабочими отраслями, между тѣмъ какъ первыя жертвы переходнаго времени большею частью гибнутъ.

Само собой разумѣется, что машины сами по себѣ не отвѣтственны за «освобожденіе» рабочихъ отъ средствъ существованія. Онѣ удешевляютъ и увеличиваютъ производство въ той отрасли, которую охватываютъ, оставляя пока неизмѣнною ту массу средствъ существованія, какая производится другими отраслями промышленности. Послѣ введенія ихъ, точно также какъ и до него, общество владѣетъ, слѣдовательно, тѣмъ же или бо́льшимъ количествомъ средствъ существованія для замѣщенныхъ рабочихъ, совершенно независимо отъ той громадной части ежегоднаго продукта, которая расточается нерабочими. И это именно тотъ пунктъ, на который особенно уповаютъ наши апологеты экономисты! Противорѣчій и антагонизма, нераздѣльныхъ отъ капиталистическаго приложенія машинъ, на ихъ взглядъ, не существуетъ, такъ какъ они происходятъ не отъ самыхъ машинъ, а отъ капиталистическаго приложенія ихъ! Такъ какъ машина, сама по себѣ, слѣдовательно, сокращаетъ рабочее время, между тѣмъ какъ въ рукахъ капитала она удлиняетъ рабочій день; сама по себѣ—облегчаетъ трудъ, въ капиталистическомъ же приложеніи — повышаетъ его напряженіе; сама по себѣ—есть побѣда человѣка надъ силами природы, въ капиталистическомъ же приложеніи—подчиняетъ человѣка силамъ природы; въ перьомъ случаѣ умножаетъ благосостояніе производителя, во второмъ же—отнимаетъ послѣднія средства существованія и т. д., то буржуазный экономистъ просто заявляетъ, что машины, разсматриваемыя сами по себѣ, неопровержимо подтверждаютъ, что всѣ эти очевидныя противорѣчія суть ни что иное, какъ пустой призракъ, и что на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ ни въ дѣйствительности, ни въ теоріи. Онъ уже дальше и не старается ломать себѣ голову и навязываетъ, сверхъ того, своему противнику нелѣпость, что будто тотъ оспариваетъ не капиталистическое приложеніе машинъ, а самыя машины.

Конечно, онъ вовсе не отрицаетъ, что отъ капиталистическаго приложенія машинъ могутъ выйти временныя неудобства. Но развѣ есть какая-нибудь медаль безъ оборотной стороны? Какое бы то ни было другое приложеніе машинъ, кромѣ капиталистическаго для него является невозможнымъ. Поэтому, эксплуатація рабочаго машиною для него тождественна съ эксплуатаціей машины рабочимъ. Стало быть, всякій, кто разоблачаетъ дѣйствительное положеніе вещей при капиталистическомъ приложеніи машинъ, является противникомъ какого бы то ни было ихъ приложенія и врагомъ общественнаго прогресса! [216]). Разсужденіе это совершенно похоже на разсужденіе знаменитаго убійцы Bill Sykes'а. «Господа присяжные, сказалъ онъ, конечно горло этого комми-вояжера было перерѣзано. Но это не моя вина, а вина ножа! Но развѣ, благодаря такому временному неудобству, мы должны отказаться отъ употребленія ножа? Подумайте только, что́ будетъ съ земледѣліемъ и промыслами безъ ножа? Развѣ онъ не приноситъ спасеніе въ хирургіи, развѣ онъ не поучаетъ въ анатоміи? Къ тому же развѣ это не услужливый помощникъ за пиршескимъ столомъ? Уничтожьте ножъ,—и вы ввергнете насъ снова въ пучину варварства!» [216a]).

Такъ какъ каждый продуктъ машиннаго производства дешевле вытѣсненнаго имъ такого же рода продукта ручного труда, то отсюда вытекаетъ слѣдующій безусловный законъ: если все количество продукта, изготовленнаго машиннымъ путемъ, остается равнымъ всему количеству замѣщенныхъ имъ продуктовъ ремесленнаго или мануфактурнаго производства, то общая сумма потраченнаго на него труда уменьшается. Новый трудъ, потраченный на производство самихъ орудій труда, машинъ, угля и т. д., долженъ быть непремѣнно меньше труда, замѣщеннаго приложеніемъ этихъ машинъ. Иначе продуктъ машинъ былъ бы такъ же дорогъ, или даже дороже ручного продукта. Въ дѣйствительности же, вмѣсто того, чтобы оставаться неизмѣнной, общее количество продуктовъ машинъ, произведенныхъ меньшимъ числомъ рабочихъ, возрастаетъ несравненно болѣе всего количества вытѣсненныхъ ручныхъ продуктовъ. Положимъ, что 400,000 арш. ткани на механическомъ ткацкомъ станкѣ будутъ изготовляться меньшимъ числомъ рабочихъ, нежели 100,000 арш. на ручномъ станкѣ. Вче-

былъ въ началѣ процесса». («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc. London. 1821» p. 72).

[216]) Одинъ изъ такихъ виртуозовъ въ этомъ нагломъ кретинизмѣ, Макъ Коллохъ, говоритъ съ аффектированною наивностью 8-ми-лѣтняго ребенка: «если выгоднѣе болѣе и болѣе развивать ловкость и способность рабочаго, такъ чтобы онъ былъ въ состояніи производить постоянно возростающее количество товаровъ тѣмъ же самымъ или даже меньшимъ количествомъ труда, то также должно быть выгодно, чтобы онъ пользовался такою машиной, которая бы какъ можно болѣе способствовала ему достигнуть этого результата». Mac Culloch: «Princ. of Pol. Econ. London 1830» p. 166).

[216a]) «Изобрѣтатель прядильной машины разорилъ Индію; фактъ, который, однако, мало насъ касается». (A. Thiers: De la propriété. Тьеръ смѣшиваетъ при этомъ прядильную машину съ механическимъ ткацкимъ станкомъ, что въ данномъ случаѣ насъ мало касается.

тверо большее количество продукта требуетъ въ четыре раза болѣе сырого матеріала. Производство сырого матеріала должно, слѣдовательно, увеличиться въ четыре раза. Что же касается до потребленныхъ орудій труда, строеній, машинъ, угля и т. д., то здѣсь предѣлы, въ которыхъ можетъ увеличиваться добавочный трудъ, необходимый на ихъ производство, измѣняются вмѣстѣ съ разницей между количествомъ машинныхъ продуктовъ, доставляемыхъ тѣмъ же числомъ рабочихъ.

Итакъ, при распространеніи въ какой-нибудь отрасли промышленности машиннаго производства, прежде всего возрастаетъ производство въ другихъ отрасляхъ, которыя доставляютъ ей средства производства. Насколько, вслѣдствіе этого, возрастетъ число занятыхъ рабочихъ, зависитъ, — при данной величинѣ рабочаго дня и интенсивности труда, — отъ состава приложеннаго капитала, т. е. отъ отношенія между его постоянной и перемѣнной составными частями. Это отношеніе, съ своей стороны, сильно измѣняется съ размѣрами, въ какихъ машины уже захватили данный промыселъ или захватываютъ его. Число рабочихъ въ угольныхъ и металлическихъ копяхъ страшно росло съ развитіемъ англійскихъ машинъ, хотя это возрастаніе было задержано въ послѣднія десятилѣтія употребленіемъ новыхъ машинъ въ горномъ дѣлѣ [217]). Вмѣстѣ съ машиною на свѣтъ является новый родъ рабочихъ—это ея производители. Мы уже знаемъ, что машинное производство съ каждымъ днемъ захватываетъ все больше и больше эту отрасль производительности [218]). Далѣе, что касается сырого матеріала [219]), то не подлежитъ, напримѣръ, никакому сомнѣнію, что быстрое развитіе бумагопряденья помогло развитію не только хлопчато-бумажныхъ плантацій въ Соединенныхъ Штатахъ, и одновременно искусственному поддерживанію африканской торговли неграми, но въ то же время сдѣлало торговлю рабами главнымъ занятіемъ такъ называемыхъ Пограничныхъ рабскихъ государствъ. Когда въ 1790 г. въ Соединенныхъ Штатахъ произвели первую перепись рабовъ, то число ихъ достигало 697,000, между тѣмъ какъ въ 1861 г. ихъ было около 4 милліоновъ. Съ другой стороны, не менѣе вѣрно, что процвѣтаніе механическихъ шерстяныхъ фабрикъ вызвало, вмѣстѣ съ постепеннымъ превращеніемъ пахатной земли въ пастбища, изгнаніе цѣлыхъ массъ избытка сельскихъ рабочихъ съ ихъ земель въ города. Даже въ настоящее время Ирландія гибнетъ отъ этого процесса, уменьшившаго въ теченіе 20 лѣтъ почти на половину ея населеніе, и теперь продолжающаго уменьшать его, соразмѣрно потребностямъ своихъ лэндлордовъ и англійскихъ фабрикантовъ шерстяныхъ издѣлій.

Если машина завладѣваетъ первой или переходной фазой, черезъ которую долженъ пройти предметъ труда, для достиженія своей законченной формы, то въ мастерствахъ, которыя обрабатываютъ далѣе машинный фабрикатъ, и которыя ведутся ремесленнымъ и мануфактурнымъ путемъ, увеличивается вмѣстѣ съ рабочимъ матеріаломъ и запросъ на трудъ. Машинное пряденье, напримѣръ, доставляло такую дешевую пряжу, и въ такомъ громадномъ количествѣ, что ткачи на ручныхъ станкахъ могли сначала, не увеличивая расходовъ, работать полное время. Соотвѣтственно этому повышался и ихъ доходъ [220]). Отсюда — притокъ рабочихъ къ хлопчато-бумажному ткачеству, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, 800,000 ткачей, которыхъ вызвали къ жизни jenny, throstle и mule, не были, въ свою очередь, сокрушены механическимъ ткацкимъ станкомъ. Такъ, при усиленномъ машинномъ производствѣ матерій для платья, возрастаетъ число портныхъ, портнихъ, швей и т. п., пока не появляется швейная машина.

Соотвѣтственно возрастанію массы сырыхъ матеріаловъ, полуфабрикатовъ, орудій труда и т. д.,—доставляемыхъ машиннымъ производствомъ помощью сравнительно меньшаго числа рабочихъ,—обработка этихъ сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ распадается на множество подраздѣленій, повышается разнородность общественнаго производства. Машинное производство приводитъ къ несравненно большему обществен-

[217]) По переписи 1861 г. (Vol. II Lond. 1863) число рабочихъ въ каменно-угольныхъ копяхъ въ Англіи и Уэльсѣ простиралось до 246,613; изъ нихъ 73,545 моложе и 173,067 старше 20 лѣтъ. Въ первой рубрикѣ помѣщены 835 дѣтей отъ 5 до 10 лѣтъ, 30,701 отъ 10 до 15 лѣтъ, 42,010 отъ 15 до 19 лѣтъ. Число же рабочихъ въ желѣзныхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ, оловяныхъ и другихъ рудникахъ простиралось до 319,222 человѣкъ.

[218]) Въ Англіи и Уэльсѣ, въ 1861 году, изготовленіемъ машинъ занимались 60,807 человѣкъ, со включеніемъ фабрикантовъ съ ихъ прикащиками и т. п., агентовъ и купцовъ. Не включены же сюда производители мелкихъ машинъ, напримѣръ швейныхъ и т. п., и производители инструментовъ для рабочихъ машинъ, напримѣръ веретенъ и т. п. Число всѣхъ гражданскихъ инженеровъ простиралось до 3,329.

[219]) Такъ какъ желѣзо есть одинъ изъ важнѣйшихъ сырыхъ матеріаловъ, то замѣтимъ здѣсь, что въ 1861 году въ Англіи и Уэльсѣ было 125,771 плавильщиковъ желѣза, изъ нихъ 123,430 мужчинъ и 2,341 женщина. Изъ первыхъ 30,810 моложе и 92,620 старше 20 лѣтъ.

[220]) «Одно семейство, состоящее изъ 4-хъ взрослыхъ (ткачей хлопчато-бумажныхъ издѣлій) и 2-хъ дѣтей, въ качествѣ мотальщиковъ, зарабатывало въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія 4 ф. стерл. въ недѣлю, при 10 часовомъ рабочемъ днѣ; при очень спѣшной работѣ они могли заработать больше.... Прежде они всегда терпѣли отъ недостатка пряжи». (Gaskell l. c. p. 25, 27).

вому раздѣленію труда, чѣмъ мануфактурное, такъ какъ оно гораздо сильнѣе напрягаетъ производительную силу той отрасли, которую охватываетъ.

Введеніе машиннаго производства имѣло непосредственнымъ результатомъ возрастаніе прибавочной стоимости и, вмѣстѣ съ тѣмъ массы продуктовъ, въ которыхъ она проявляется, слѣдовательно, вмѣстѣ съ вещественною сущностью, благодаря которой наживается классъ капиталистовъ съ его прислужниками, увеличивается и размножается этотъ общественный слой. Возрастающее богатство послѣдняго и относительно постоянно уменьшающееся число рабочихъ, требующихся для производства необходимыхъ жизненныхъ средствъ, создаетъ одновременно съ появленіемъ вновь возникающихъ потребностей роскоши, и средства для удовлетворенія ихъ. Все бо́льшая и бо́льшая часть общественнаго продукта переходитъ въ прибавочный продуктъ; производство же и потребленіе послѣдняго, въ свою очередь, все больше и больше разнообразится и является въ болѣе и болѣе утонченномъ видѣ. Другими словами: производство предметовъ роскоши возрастаетъ [221]). Продукты дѣлаются болѣе утонченными и разнообразными также вслѣдствіе новыхъ условій всемірнаго рынка, создаваемыхъ крупною промышленностью. Не только обмѣнивается больше заграничныхъ средствъ потребленія на туземные продукты, но въ туземную промышленность входитъ, въ то же время, какъ средства производства, все бо́льшая масса иностранныхъ сырыхъ матеріаловъ, полуфабрикатовъ и т. д. Одновременно съ этими же самыми условіями всемірнаго рынка увеличивается запросъ на трудъ въ перевозочной промышленности и она раздробляется на множество новыхъ подраздѣленій [222]).

Возрастаніе средствъ производства и средствъ существованія, сопровождаемое относительнымъ пониженіемъ числа рабочихъ, вызываетъ усиленный запросъ на трудъ въ отрасляхъ промышленности, продукты которыхъ, какъ, напримѣръ, каналы, товарные доки, тоннели, мосты и т. п., даютъ плоды только въ далекомъ будущемъ. Появляются совершенно новыя отрасли промышленности, а слѣдовательно, новыя поприща труда, либо прямо вызванныя машиннымъ производствомъ, или же соотвѣтствующимъ ему общимъ промышленнымъ переворотомъ. Мѣсто же, отведенное этимъ отраслямъ въ общей производительности, само по себѣ, весьма незначительно, даже въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Число рабочихъ, находящихъ занятіе въ этихъ отрасляхъ, увеличивается пропорціонально возрастанію необходимости въ грубѣйшемъ ручномъ трудѣ. Главнѣйшими отраслями промышленности этого рода можно считать въ настоящее время газовое производство, телеграфъ, фотографію, пароходство, желѣзныя дороги. По переписи 1861 г. (въ Англіи и Уэльсѣ) въ газовомъ производствѣ занималось 15,211 человѣкъ (производствомъ газа, механическихъ аппаратовъ, агенты газовыхъ обществъ и т. д.), при телеграфѣ—2,399 человѣкъ, фотографіей—2,366, службой при пароходствѣ—3,570 и при желѣзныхъ дорогахъ—70,599, изъ которыхъ около 28,000 болѣе или менѣе постоянно занятыхъ чернорабочихъ-землекоповъ, вмѣстѣ со всѣмъ административнымъ и торговымъ персоналомъ. Слѣдовательно, общее число лицъ въ этихъ пяти новыхъ отрасляхъ промышленности достигаетъ до 94,145.

Наконецъ, громадная производительность крупной промышленности, сопровождаемая болѣе усиленной, какъ экстенсивной, такъ и интенсивной эксплуатаціей рабочей силы во всѣхъ остальныхъ сферахъ производства, даетъ возможность расходовать непроизводительно все бо́льшую и бо́льшую часть рабочаго класса, создавая вновь, такимъ образомъ, въ громадномъ числѣ прежнихъ домашнихъ рабовъ, подъ названіемъ «служащаго класса», сюда относится, напримѣръ, прислуга, служанки, лакеи и т. д. По переписи 1861 года, общее населеніе Англіи и Уэльса простиралось до 20,066,244 лицъ, изъ нихъ 9.776 259 мужчинъ и 10.289,965 женщинъ. Если отсюда исключить слишкомъ старыхъ и слишкомъ юныхъ для работы, всѣхъ «непроизводительныхъ женщинъ», подростковъ и дѣтей, «идеологическія состоянія», какъ, напримѣръ, правительственныхъ лицъ, духовенство, юристовъ, военное сословіе и т. д., далѣе, всѣхъ тѣхъ, исключительное занятіе которыхъ составляетъ пользованіе чужимъ трудомъ въ видѣ поземельной ренты, процентовъ и т. д., наконецъ, нищихъ, бродягъ, преступниковъ и т. д., то останется круглымъ числомъ 8.000,000 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, считая въ этомъ числѣ и всѣхъ капиталистовъ, чѣмъ-либо занимающихся въ производствѣ, торговлѣ и т. д. На эти 8.000,000 приходится:

Сельскихъ рабочихъ (со включеніемъ пастуховъ, служащихъ у фермеровъ, батраковъ, служанокъ)	1.098,261 челов.
Всѣхъ рабочихъ хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ, шелковыхъ, механическихъ чулочныхъ и кружевныхъ фабрикъ	642,607 » [223])
Всѣхъ работающихъ въ угольныхъ и металлическихъ копяхъ	565,835 челов.
Во всѣхъ металлическихъ производствахъ (доменныя печи,	

[221]) F. Engels въ «Lage etc.» указываетъ на жалкое положеніе большинства именно этихъ производителей предметовъ роскоши. Множество новыхъ фактовъ, относящихся сюда, можно найти въ отчетахъ «Child. Empl. Comm.».

[222]) Въ 1861 г. въ Англіи и Уэльсѣ было 94,665 моряковъ, занятыхъ въ торговомъ флотѣ.

[223]) Изъ нихъ 177,596 мужского пола старше 13 лѣтъ.

прокатные заводы) и въ производствахъ по обработкѣ металловъ всякаго рода работаютъ 396,998 » [224])
Служащаго класса. . . . . 1.208,648 » [225])

Если сложимъ число всѣхъ занимающихся на фабрикахъ, обработывающихъ волокнистыя вещества, съ персоналомъ угольныхъ и металлическихъ копей, — получимъ въ итогѣ 1.208,442. Сложивъ же число первыхъ съ персоналомъ всѣхъ металлическихъ производствъ мануфактуръ, получаемъ въ общемъ числѣ 1,039,605 чел. въ обоихъ случаяхъ меньше числа современныхъ домашнихъ рабовъ. Что за блестящій результатъ капиталистической эксплуатаціи машинъ!

7) Отталкиваніе и притяженіе рабочихъ фабриками. Кризисы въ хлопчато-бумажномъ производствѣ.

Что введеніе новыхъ машинъ дѣйствуетъ подобно чумѣ на рабочихъ въ ремесленныхъ и мануфактурныхъ производствахъ, съ которыми они соперничаютъ, — съ этимъ соглашаются почти всѣ представители политической экономіи, способные понимать дѣло. Почти всѣ сожалѣютъ о рабствѣ рабочихъ.

Въ чемъ же, однако, заключается ихъ главный аргументъ?

Въ томъ, что машины, послѣ всѣхъ ужасовъ, которые слѣдуютъ за ихъ введеніемъ и распространеніемъ, въ концѣ концовъ, не только не уменьшаютъ число рабовъ труда, но увеличиваютъ его! Да, нектаръ, которымъ упивается политическая экономія, состоитъ въ слѣдующей филантропической теоремѣ: фабричный способъ производства, послѣ переходнаго періода и болѣе или менѣе быстраго своего распространенія, подчиняетъ своему желѣзному игу большее число рабочихъ, чѣмъ сколько выбросилъ ихъ на улицу [226]).

Примѣры нѣкоторыхъ англійскихъ шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ, правда, показываютъ, что на извѣстныхъ ступеняхъ развитія, чрезмѣрное расширеніе фабричной системы соединяется не только съ относительнымъ, но и съ абсолютнымъ уменьшеніемъ числа занимающихся рабочихъ. Въ 1860 г. по распоряженію парламента была произведена спеціальная перепись всѣхъ фабрикъ Соединеннаго Королевства. Въ той части, которая пришлась на долю фабричному инспектору Р. Беккеру, въ фабричныхъ округахъ Ланкашира, Чешира и Йоркшира, оказалось 652 фабрики, изъ нихъ въ 570 было 85,622 паровыхъ ткацкихъ станка; 6.819,146 веретенъ (за исключеніемъ двойныхъ); 27,439 лошадиныхъ силъ въ паровыхъ машинахъ и 1,390 въ водяныхъ колесахъ; лицъ, работавшихъ на этихъ фабрикахъ, было 94,119. Въ 1865 г. на этихъ фабрикахъ было: 95,163 ткацкихъ станка, 7.025,031 веретено; 28,925 лошадиныхъ силъ въ паровыхъ машинахъ и 1,445 въ водяныхъ колесахъ, при 88,913 рабочихъ. Поэтому съ 1860 до 1865 года число ткацкихъ станковъ на этихъ фабрикахъ возрасло на 11%, веретенъ — на 3%, паровыхъ лошадиныхъ силъ — на 5%; между тѣмъ, какъ число работающихъ при нихъ лицъ понизилось за то же время на 5,5% [227]). Между 1852 и 1862 годами сильно увеличилось число англійскихъ шерстяныхъ фабрикъ, между тѣмъ, какъ число занимавшихся на нихъ рабочихъ осталось почти безъ измѣненія. «Это показываетъ, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ новыя машины вытѣснили трудъ предъидущаго пе-

[224]) Изъ нихъ женщинъ 30,501.

[225]) Изъ нихъ 137,447 мужчинъ. Всѣ лица, не служащія у частныхъ лицъ, исключены изъ этого числа 1,208,648. (Къ 2-муизд.). Съ 1860 до 1870 года, число мужской прислуги почти удвоилось. Оно увеличилось до 267,671. Въ 1874 г. было 2,694 смотрителя за дичью въ охранныхъ мѣстахъ для охоты лэндлордовъ. Въ 1861 г. ихъ стало 4,921. Молодая женская прислуга въ домахъ низшаго слоя средняго класса, въ Лондонѣ, въ просторѣчіи носитъ названіе «little slaveys», маленькихъ рабынь.

[226]) Ганиль представляетъ исключеніе. По его мнѣнію, конечный результатъ машиннаго производства заключается въ абсолютномъ уменьшеніи числа рабочихъ, хлѣбъ которыхъ заѣдаетъ большее число «gens honnêtes», развивая свое извѣстное «perfectibilité perfectible». Какъ бы мало ни разумѣлъ Ganilh движеніе производства, онъ чувствуетъ по крайней мѣрѣ, что машина весьма злополучное учрежденіе, если она служитъ, во-первыхъ, только для того, чтобы своимъ введеніемъ обращать трудящихся рабочихъ въ нищихъ и, во-вторыхъ, чтобы своимъ распространеніемъ воспроизводить большее число рабовъ труда, чѣмъ было въ мірѣ до введенія ея. Кретинизмъ его собственной точки зрѣнія можно передать, только приведя его собственныя слова: Les classes condamnées à produire et à consommer diminuent, et les classes qui dirigent le travail, qui soulagent, consolent et éclairent toute la population se multiplient... et s'approprient tous les bienfaits qui resultent de la diminution des frais du travail, de l'abondance des productions et du bon marché des consommations. Dans cette direction l'espèce humaine s'élève aux plus hautes conceptions du génie, pénètre dans les profondeurs mystérieuses de la religion, établit les principes salutaires de la morale (которые состоятъ въ томъ, чтобы s'approprier tous les bienfaits», ets.) les lois tutélaires de la liberté (свободы для «les classes condamnées à produire?») et du pouvoir, de l'obéissance et de la justice, du devoir et de l'humanité». Эта тарабарщина находится въ «Des Systémes d'Economie Politique etc. Par M. Ch. Ganilh» 2-eme édition Paris 1821. T. II, p. 224. Сравн. ib. p. 212.

[227]) «Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1865», p. и 58 слѣд. Въ то же время дано было матеріальное основаніе для занятія возрастающаго числа рабочихъ; было вновь заведено 110 фабрикъ съ 11,625 паровыми ткацкими станками, 628,756 веретенами, 2,695 паровыми и водяными лошадиными силами. (l. c.).

ріода» [228]). Если вникнуть въ дѣло, то во многихъ случаяхъ увеличеніе числа рабочихъ будетъ только кажущимся, т. е. увеличеніе происходитъ не отъ расширенія уже существующаго машиннаго производства, а вслѣдствіе причисленія къ нему отраслей побочныхъ. Напримѣръ, «увеличеніе числа механическихъ ткацкихъ станковъ и занимающихся при нихъ рабочихъ, съ 1838 по 1858 гг., произошло на англійскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ просто вслѣдствіе расширенія этой отрасли; на другихъ же фабрикахъ, наоборотъ, вслѣдствіе примѣненія силы пара къ тканью ковровъ, лентъ, полотна, которое прежде производилось ручнымъ трудомъ» [229]). Увеличеніе числа этихъ фабричныхъ рабочихъ выражало, слѣдовательно, только уменьшеніе всего числа занимающихся рабочихъ. При этомъ, наконецъ, совершенно упускается изъ вида, что вездѣ, кромѣ фабрикъ металлическихъ издѣлій, молодые рабочіе (моложе 18 лѣтъ), женщины и дѣти образуютъ преобладающій элементъ въ фабричномъ персоналѣ.

Понятно, однако,—какъ, несмотря на то, что машинное производство фактически вытѣснило и замѣстило массу рабочихъ, оно, при своемъ собственномъ распространеніи, выражающемся въ увеличеніи числа фабрикъ или ихъ размѣра,—дѣлаетъ возможнымъ, что число фабричныхъ рабочихъ можетъ быть несравненно больше числа вытѣсненныхъ ремесленниковъ и мануфактурныхъ рабочихъ. Положимъ, что еженедѣльно затрачиваемый капиталъ въ 500 ф. ст. состоитъ, при старомъ способѣ производства, изъ $^2/_5$ постояннаго и $^3/_5$ перемѣннаго, т. е. что 200 ф. ст. затрачены на средства производства, а 300 ф. ст. на рабочую силу, скажемъ по 1 ф. ст. на рабочаго. При введеніи машиннаго производства, строеніе всего капитала измѣняется. Теперь, положимъ, на постоянную его часть приходится $^4/_5$, а на перемѣнную $^1/_5$ всего капитала; другими словами, теперь на рабочую силу приходится только 100 ф. стерл. Двѣ трети прежде занимавшихся рабочихъ придется, слѣдовательно, отпустить. Если это фабричное производство расширяется, при неизмѣняющихся условіяхъ производства, а весь капиталъ съ 500 ф. стерл. возрастаетъ до 1,500, то теперь получатъ работу 300 человѣкъ, то-есть столько же, сколько ихъ было до введенія машинъ. Если затраченный капиталъ возрастаетъ, затѣмъ, до 2,000 ф. стерл., то будетъ занято 400 рабочихъ, слѣдовательно, на $^1/_3$ больше, чѣмъ при старомъ способѣ производства. Число занятыхъ рабочихъ абсолютно возрасло на 100 человѣкъ, относительно же, — т. е. по сравненію со всей суммой затраченнаго капитала,—понизилось на 800 чел., такъ какъ, при старомъ способѣ, капиталъ въ 2,000 ф. стерл., далъ бы занятіе 1,200 рабочимъ, а не 400. Относительное уменьшеніе числа рабочихъ, имѣющихъ занятіе, допускаетъ, стало быть, абсолютное его увеличеніе. Выше мы предполагали, что при возрастаніи всего капитала взаимное отношеніе его составныхъ частей остается безъ измѣненія, такъ какъ условія производства не измѣняются. Но мы уже видѣли, что при всякомъ прогрессѣ машиннаго производства, постоянная часть капитала, т. е. состоящая изъ машинъ, сырого матеріала и т. д., увеличивается, между тѣмъ какъ перемѣнная, затраченная на рабочую силу, уменьшается; кромѣ того, мы знаемъ, что ни при какомъ другомъ способѣ производства усовершенствованія не происходятъ такъ постоянно, а слѣдовательно, взаимное отношеніе частей нигдѣ такъ не перемѣнчиво, какъ въ этомъ. Но эти постоянныя измѣненія также постоянно прерываются періодами спокойствія и простымъ количественнымъ развитіемъ его на данномъ техническомъ основаніи. Въ продолженіе такихъ періодовъ число занятыхъ рабочихъ возрастаетъ. Такъ, число всѣхъ рабочихъ на хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ фабрикахъ Соединеннаго Королевства, въ 1835 году, достигало только 354,684, между тѣмъ, какъ въ 1861 г., число однихъ паровыхъ ткачей (обоего пола и всѣхъ возрастовъ, начиная съ 8-ми-лѣтняго) достигло 230,654. Конечно, увеличеніе это покажется менѣе значительнымъ, если припомнить, что въ 1838 г. число британскихъ ручныхъ ткачей хлопчато-бумажныхъ издѣлій, съ семействами, работающими вмѣстѣ съ ними, простиралось до 800,000 человѣкъ [230]), и это не считая вовсе тѣхъ, которые вынуждены были бросить свои занятія въ Азіи и на европейскомъ

---

[228]) Reports etc. for 31 Oct. 1862», p. 79. (Къ 2-му изд.). Въ концѣ декабря 1871 года, фабричный инспекторъ A. Redgrave на публичномъ чтеніи въ «New Mechanics' Institution, въ Брадфордѣ, между прочимъ, сказалъ: «Что меня въ послѣднее время поразило, такъ это измѣненіе внѣшняго вида шерстяныхъ фабрикъ. Прежде онѣ были наполнены женщинами и дѣтьми, а въ настоящее время кажется, какъ будто вся работа производится только машинами. На мой вопросъ, почему это такъ, фабрикантъ далъ слѣдующее объясненіе. При прежней системѣ у меня работало 63 человѣка; послѣ введенія усовершенствованныхъ машинъ, число рабочихъ рукъ я сократилъ до 33; а не такъ давно, вслѣдствіе новыхъ и болѣе обширныхъ измѣненій, я былъ въ состояніи уменьшить этихъ 33 рабочихъ до 13».

[229]) «Reports etc. for 31 Oct. 1856», p. 16.

[230]) «Бѣдствія ткачей, работающихъ на ручныхъ станкахъ (хлопчатой бумаги и тканей съ примѣсью ея) были предметомъ изслѣдованія королевской коммиссіи, и хотя несчастія ихъ были признаны и о нихъ сожалѣли, но улучшеніе (!) ихъ участи оставили на произволъ судьбы и времени; и можно надѣяться, что эти страданія теперь (спустя 20 лѣтъ!) почти (nearly) изгладились, чему, по всей вѣроятности, способствовало современное распространеніе паровыхъ ткацкихъ станковъ» (Rep. Insp. Fact. 31 Oct. 1856, p. 15).

континентѣ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ англійскими машинами.

Въ тѣхъ немногихъ замѣчаніяхъ, которыя намъ остается сдѣлать по этому вопросу, мы коснемся частью чисто фактически, такъ сказать внѣшнимъ образомъ, отношеній, до которыхъ насъ еще не довело теоретическое изложеніе.

До тѣхъ поръ, пока машинное производство расширяется въ какой-нибудь отрасли промышленности на счетъ ремесленнаго или мануфактурнаго, успѣхъ его такъ же несомнѣненъ, какъ успѣхъ арміи, вооруженной магазинными ружьями, надъ арміей, вооруженной самострѣлами. Этотъ первый періодъ, въ продолженіе котораго машины еще только завоевываютъ себѣ кругъ дѣятельности, въ высшей степени важенъ, вслѣдствіе чрезмѣрной прибыли, которая получается при ихъ помощи. Прибыль эта образуетъ не только сама по себѣ источникъ быстраго накопленія, но притягиваетъ въ такую благопріятствуемую отрасль производства значительную часть общественнаго добавочнаго капитала, который постоянно вновь образуется и ищетъ новаго помѣщенія. Особенныя выгоды перваго бурнаго періода послѣдовательно повторяются въ каждой изъ отраслей промышленности, которую захватываетъ машина. Но, коль скоро фабричный способъ достигъ извѣстной ширины развитія и опредѣленной степени зрѣлости, въ особенности, когда техническое основаніе его, машины, сами производятся машиннымъ путемъ; коль скоро въ добываніи желѣза и каменнаго угля, точно также какъ въ металлургіи и въ средствахъ сообщенія, совершился переворотъ, словомъ, когда опредѣлились общія условія производства, соотвѣтствующія требованіямъ крупной промышленности,—этотъ способъ производства пріобрѣтаетъ растяжимость, способность быстро расширяться, предѣлы которой опредѣляются количествомъ сырого матеріала и рынкомъ сбыта. Съ одной стороны, машины прямо вліяютъ на увеличеніе сырого матеріала, такъ, напримѣръ, cotton gin увеличила производство хлопка [231]). Съ другой стороны, дешевизна машиннаго продукта и увеличеніе путей сообщенія доставляетъ орудіе для захвата иностранныхъ рынковъ. Машинное производство, подрывомъ продуктовъ ремесленнаго производства, заставляетъ эти рынки производить сырой матеріалъ для себя. Такъ, Великобританія принудила Остъ-Индію производить для себя хлопчатую бумагу, шерсть, пеньку, джутъ, индиго и т. д. [232]). Постоянный «избытокъ» рабочихъ въ странахъ крупной промышленности принуждаетъ ихъ выселяться и колонизоваться въ чужеземныхъ странахъ, обращая послѣднія въ разсадники сырого матеріала для метрополіи; такъ, напримѣръ, Австралія обратилась въ колонію для производства шерсти [233]). Порождается новое раздѣленіе международнаго труда, сообразно требованію главныхъ центровъ машиннаго производства, обращающее одну часть земного шара преимущественно въ поле производства земледѣльческихъ продуктовъ, снабжающую ими другую часть, которая остается преимущественно промышленною. Этотъ переворотъ совпадаетъ съ кореннымъ преобразованіемъ земледѣлія, о которомъ мы пока говорить не станемъ [234]).

По предложенію Гладстона, Палата Общинъ въ засѣданіи 17 февраля 1867 г. постановила собрать статистическія свѣдѣнія о всемъ количествѣ хлѣба, — какъ въ мукѣ, такъ и всякаго рода зерновомъ, — ввезенномъ и вывезенномъ Соединеннымъ Королевствомъ съ 1831 по 1866 г. Въ слѣдующей таблицѣ изложенъ вкратцѣ результатъ этихъ изслѣдованій. Мука переведена въ квартеръ зернового хлѣба.

Громадная, порывистая растяжимость фабричнаго производства и зависимость его отъ всемірнаго рынка необходимо вызываетъ лихорадочную производительность и, какъ слѣдствія ея — переполненіе рынковъ, между тѣмъ какъ сокращеніе рынка парализуетъ производство! Жизнь современной промышленности обращается въ непрерывный рядъ періодовъ посредственной жизненности, процвѣтанія, перепроизводства,

---

[231]) Другіе способы, посредствомъ которыхъ машины вліяютъ на производство сырыхъ матеріаловъ, будутъ указаны въ третьей книгѣ.

[232]) Вывозъ хлопка изъ Индіи въ Великобританію простирался:

въ 1846 года до . .	34.540,143	фунт.
» 1860 » » . .	204.141,168	»
» 1865 » » . .	445.947,600	»

Вывозъ шерсти изъ Остъ-Индіи въ Великобританію простирался:

въ 1846 году . .	4.570,581	фунт.
» 1860 » . .	20.214,173	»
» 1865 » . .	20.679,111	»

[233]) Вывозъ шерсти съ мыса Доброй Надежды въ Великобританію:

въ 1846 году простирался до .	2.958,457	фунт.
» 1860 » » » .	16.574,345	»
» 1865 » » » .	29.920,623	»

Вывозъ шерсти изъ Австраліи въ Великобратанію:

въ 1846 году доходилъ до .	21.789,346	фунт.
» 1860 » » » .	59.166,616	»
» 1865 » » » .	109.734,261	»

[234]) Само экономическое развитіе Соединенныхъ Штатовъ есть продуктъ европейской, именно даже англійской крупной промышлености. На нихъ надо смотрѣть, даже въ ихъ современномъ видѣ (въ 1866 г.), какъ на европейскія колоніи. (Къ 4-му изд.). Съ тѣхъ поръ Соединенные Штаты обратились во вторую мировую промышленную страну, не теряя при этомъ своего колоніальнаго характера.

Вывозъ хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію:

въ 1846 году было вывезено	401.949,393	фунт.
» 1852 » » »	765.630,544	»
» 1859 » » »	961.707,264	»
» 1860 » » »	1.115.890,608	»

Вывозъ хлѣба (овса, ржи, кукурузы, пшеницы), бобовыхъ растеній и т. п. изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію:

въ 1850 году доходилъ до	34.365,801	центн.
» 1862 » » »	74.083,351	»

кризиса и застоя. Ненадежность и непостоянство, которымъ машинное производство подвергаетъ занятія, а слѣдовательно и судьбу рабочихъ, дѣлаются нормальными, вслѣдствіе такихъ періодическихъ измѣненій промышленнаго цикла. За исключеніемъ періода процвѣтанія, между капиталистами ведется ожесточенная борьба за ихъ личныя доли участія на рынкѣ. Эта доля участія находится въ прямомъ отношеніи къ дешевизнѣ продукта. Кромѣ того, что при этомъ является соперничество въ употребленіи усовершенствованныхъ машинъ и новыхъ пріемовъ производства, вытѣсняющихъ рабочихъ,— въ каждомъ изъ промышленныхъ цикловъ наступаетъ такое время, когда удешевленія товаровъ стремятся достигнуть насильственнымъ пониженіемъ уровня рабочей платы ниже стоимости рабочей силы [235]).

Итакъ, необходимое условіе для увеличенія числа фабричныхъ рабочихъ заключается въ сравнительно болѣе быстромъ возрастаніи всего

Пятилѣтніе періоды и 1866 годъ.

	1831—1835	1836—1840	1841—1845	1846—1850	1851—1855	1856—1860	1861—1865	1866
Средняя ежегодная цифра.								
Ввоза . . Квартеровъ	1.096,373	2.389,729	2.843,865	8.776,552	8.345,237	10.912,612	15.009,871	16.457,340
Средняя цифра въ году. Вывоза	225,363	251,770	139,056	155,461	307,491	341,150	302,754	216,318
Перевѣсъ средней цифры ввоза надъ вывозомъ .	871,110	2.137,959	2.704,809	8.621,091	8.037,746	10.572,462	14.707,117	16.241,122
Населеніе.								
Средняя ежегодная цифра въ каждомъ періодѣ .	24.621,107	25.929,507	27.262,569	27.797,598	27.572,923	28.391,544	29.381,460	29.935,404
Среднее ежегодное количество хлѣба и т. д., въ квартерахъ, приходящагося на душу населенія, изъ излишка ввоза надъ мѣстнымъ производствомъ, при равномѣрномъ распредѣленіи его между жителями . . .	0,036	0,082	0,099	0,310	0,291	0,372	0,541	0,543

[235]) Въ воззваніи рабочихъ, выброшенныхъ на улицу посредствомъ «lock out» лейстерскими башмачными фабрикантами, обращенномъ къ «Trade Societies of England» (іюль 1866), между прочимъ, читаемъ: «Около 20 лѣтъ тому назадъ, сапожничество въ Лейстерѣ подверглось перевороту вслѣдствіе введенія заклепыванія гвоздями вмѣсто шитья. Прежде можно было получать хорошій заработокъ. Вскорѣ новое мастерство сильно расширилось. Между различными фирмами возникла сильная конкурренція, которая выражалась во вкусѣ, съ какимъ онѣ отдѣлывали

капитала, затрачиваемаго на фабрики. Но это возрастаніе обусловливается, однако, приливами и отливами промышленнаго цикла. Сверхъ того, оно прерывается техническимъ прогрессомъ, причемъ иногда машина занимаетъ мѣсто новыхъ рабочихъ потенціально, а иногда она вытѣсняетъ прежнихъ фактически. Это качественное измѣненіе въ машинномъ производствѣ постоянно удаляетъ рабочихъ съ фабрики или запираетъ ея двери отъ наплыва новыхъ рекрутовъ, тогда какъ простое численное развитіе фабрикъ поглощаетъ вмѣстѣ съ выброшенными и свѣжій контингентъ рабочихъ. Рабочіе, такимъ образомъ, непрерывно и притягиваются, и отталкиваются; ихъ бросаетъ то въ ту, то въ другую сторону, и это происходитъ при постоянно измѣняющемся требованіи на тотъ или другой полъ, возрастъ и искусство вербующихся.

Ясное понятіе о судьбѣ фабричныхъ рабочихъ лучше всего дастъ краткій очеркъ судьбы англійской хлопчато-бумажной промышленности.

Съ 1770 по 1815 гг., хлопчато-бумажная промышленность находилась въ теченіи пяти лѣтъ въ стѣсненномъ положеніи или застоѣ. Въ продолженіе этого перваго 45-ти-лѣтняго періода англійскіе фабриканты пользовались монополіей машинъ и всемірнаго рынка. Съ 1815 по 1821 гг. — застой; 1822 и 1823 гг. — процвѣтаніе; 1824 г. — отмѣна закона о рабочихъ союзахъ, общее громадное развитіе фабрикъ; 1825 г. — кризисъ; 1826 г. — ужасная нищета и волненіе среди фабричныхъ; 1827 г. — небольшое улучшеніе; 1828 г. — сильное увеличеніе количества механическихъ ткацкихъ станковъ и вывоза; 1829 г. — вывозъ, по преимуществу въ Индію, превзошелъ вывозъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ; 1830 г. — переполненный рынокъ, сильная нужда; съ 1831 по 1833 гг. — угнетенное состояніе продолжается; у Остъ-Индской компаніи была отнята монополія торговли съ Китаемъ и Индіею; 1834 г. — быстрое возрастаніе фабрикъ и машинъ, недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Новый законъ для бѣдныхъ принуждаетъ сельскихъ рабочихъ переселяться въ фабричные округи. Очищеніе сельскихъ графствъ отъ дѣтей. Торговля бѣлыми невольниками. 1835 г. — высокое процвѣтаніе. Въ то же время вымираніе съ голода хлопчато-бумажныхъ ручныхъ ткачей. 1836 г. — высокое процвѣтаніе продолжается; 1837 и 1838 гг. — стѣсненное положеніе и кризисъ; 1839 — годъ оживленія; 1840 г. — сильное стѣсненіе, возстанія, вмѣшательство войска; 1841 и 1842 гг. — ужасная нужда среди фабричныхъ рабочихъ. Въ 1842 году фабриканты гонятъ рабочихъ съ фабрикъ, чтобы заставить отмѣнить хлѣбные законы. Рабочіе, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стекаются въ города Ланкашира и Іоркшира, войско гонитъ ихъ обратно, вождей ихъ судятъ въ Ланкастерѣ. 1843 г. — сильная нужда; 1844 г. — оживленіе; 1845 г. — полное процвѣтаніе; въ 1846 г. процвѣтаніе продолжается, потомъ показываются признаки реакціи. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Въ 1847 г. — кризисъ. Общее уменьшеніе заработной платы на 10 и болѣе процентовъ въ честь «big loaf» (большого ломтя хлѣба); 1848 г. — застой продолжается. Манчестеръ находится подъ охраною войска. 1849 г. — оживленіе; 1850 г. — процвѣтаніе. Въ 1851 г. цѣны на товаръ падаютъ, заработная плата понижается; частыя стачки. Въ 1852 г. начинается улучшеніе, стачки продолжаются, фабриканты угрожаютъ ввозомъ рабочихъ изъ-за границы. Въ 1853 г. вывозъ увеличивается; 8-ми-мѣсячная стачка и сильная нищета въ Престонѣ; 1854 г. — процвѣтаніе, переполненіе рынка. 1855 г. — извѣстія о банкротствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и на восточно-азіатскихъ рынкахъ. 1856 г. — сильное процвѣтаніе; 1857 г. — кризисъ; 1858 г. — улучшеніе; 1859 г. — сильное процвѣтаніе, увеличеніе числа фабрикъ. Въ 1860 г. англійская хлопчато-бумажная промышленность находится на высотѣ. Индійскій, австралійскій и другіе рынки были въ такой степени переполнены, что даже въ 1863 г. еще не потребили всего запаса. Французскій торговый договоръ. Громадное увеличеніе числа фабрикъ и машинъ. Въ 1861 г. процвѣтаніе нѣкоторое время продолжается; реакція, американская гражданская

товаръ. Однако, вскорѣ послѣ этого, явилась конкуренція худшаго рода, именно: одна фирма старалась подорвать дешевизной (undersell) другую. Пагубныя послѣдствія выразились скоро въ пониженіи рабочей платы; паденіе цѣны труда было такъ быстро, что многія фирмы стали платить только половину первоначальной рабочей платы. Но, хотя рабочая плата все болѣе и болѣе понижалась, тѣмъ не менѣе прибыль, при каждомъ такомъ пониженіи, все возрастала». Фабриканты пользуются даже плохими временами промышленности, чтобы сильно увеличить свою прибыль чрезмѣрнымъ уменьшеніемъ рабочей платы, т. е. прямымъ лишеніемъ рабочаго необходимѣйшихъ жизненныхъ средствъ. Возьмемъ примѣръ. Дѣло идетъ о кризисѣ въ производствѣ шелковыхъ издѣлій въ Ковентри. «Изъ показаній, какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что рабочая плата была понижена несравненно сильнѣе, чѣмъ того требовала конкуренція съ иностранными производителями и другія обстоятельства. Большая часть ткачей работала за плату, пониженную на 30—40%. Кусокъ ленты, за который 5 лѣтъ тому назадъ ткачъ получалъ 6 или 7 шилл., доставляетъ ему теперь только 3 шилл. 3 пенс. или $3^1/_2$ шилл.; другая работа, оплачивавшаяся прежде 4 шилл. или 4 шилл. и 3 пенс., даетъ теперь только 2 шилл. или 2 шилл. 3 пенс. Рабочая плата понизилась больше, чѣмъ нужно для увеличенія спроса на продуктъ. Дѣйствительно пониженіе рабочей платы за многіе сорты лентъ часто вовсе не сопровождалось какимъ-либо пониженіемъ цѣны товара». (Отчетъ коммисара F. D. Longe, въ «Children's Employment Comm. V Rep. 1866», p. 114, n. 1).

война, недостатокъ хлопка. 1862 — 1863 гг. — полное крушеніе.

Исторія хлопчато-бумажнаго голода слишкомъ характерна, чтобы на ней нѣсколько не остановиться. Изъ указаній на положеніе всемірнаго рынка въ 1860 — 1861 гг., видно, что недостатокъ въ хлопкѣ явился кстати, и былъ отчасти даже выгоденъ фабрикантамъ; фактъ этотъ признанъ въ отчетѣ манчестерской торговой палаты; въ парламентѣ заявляли о немъ Пальмерстонъ и Дерби; событія подтвердили его [236]) Несомнѣнно, что въ 1861 г. изъ числа 2,887 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ Великобританіи было много небольшихъ. По отчету фабричнаго инспектора A. Redgrave, оказывается, что изъ 2,109 фабрикъ, находившихся въ его округѣ, 392, т. е. $19^0/_0$, употребляли меньше 10 паровыхъ лошадиныхъ силъ; 345 или $16^0/_0$ — между 10 и 20; а 1,372—20 и болѣе паровыхъ лошадиныхъ силъ [237]). Большинство мелкихъ фабрикъ были ткацкія, основанныя въ теченіе періода процвѣтанія 1858 г., большею частью спекулянтами, изъ которыхъ одни доставляли пряжу, другіе машины, третьи постройки, и эти фабрики управлялись прежними overlookers (надзирателями) и другими лицами, не имѣющими достаточныхъ средствъ. Дѣла этихъ мелкихъ фабрикантовъ большею частью пришли въ полное разстройство. Ту-же участь подготовилъ-бы имъ и торговый кризисъ, которому, однако, помѣшалъ недостатокъ хлопка. Хотя они составляли $^1/_3$ всего числа фабрикантовъ, но на ихъ фабрики была затрачена несравненно меньшая часть капитала, вложеннаго на все хлопчатобумажное производство. Что-же касается до размѣра сокращеній, то, по достовѣрнымъ вычисленіямъ, въ октябрѣ 1862 г., въ бездѣйствіи находилось $60{,}3^0/_0$ всего числа веретенъ и $58^0/_0$ ткацкихъ станковъ. Это относится ко всѣмъ отраслямъ хлопчато-бумажной промышленности и, разумѣется, въ различныхъ округахъ цифры эти измѣнялись. Только очень немногія фабрики работали полное время (60 часовъ въ недѣлю), остальныя дѣйствовали съ перерывами. Даже для немногихъ рабочихъ, которые были заняты полное время за обычную поштучную плату, недѣльная плата по необходимости уменьшалась, вслѣдствіе замѣны лучшаго хлопка худшимъ, Си-Айлэнда—египетскимъ (для тонкой пряжи), американскаго и египетскаго—соратскимъ (остъ-индскимъ), и чистаго хлопка — смѣсью хлопчатобумажнаго угара съ соратомъ. Короткія волокна соратскаго хлопка, его загрязненность, бóльшая ломкость волоконъ, замѣна крахмала всякими болѣе тяжелыми суррогатами при шлихтованіи основы и т. д., все это, вмѣстѣ взятое, уменьшило скорость машинъ или число ткацкихъ станковъ, за которыми можетъ наблюдать одинъ ткачъ. увеличило работу, вслѣдствіе неправильнаго хода машинъ, и уменьшило вмѣстѣ съ количествомъ продуктовъ и поштучную плату. При употребленіи сората и при работѣ полнымъ временемъ, потеря рабочихъ достигала 20, 30 и болѣе процентовъ. Но, независимо отъ этого, большая часть фабрикантовъ понизила норму поштучной платы на 5, $7^1/_2$ и $10^0/_0$. Легко понять, поэтому, положеніе тѣхъ, кто былъ занятъ 3, $3^1/_2$ или 4 дня въ недѣлю или всего 6 часовъ въ день. Даже въ 1863 г., когда произошло уже относительное улучшеніе, недѣльный заработокъ ткачей и прядильщиковъ достигалъ 3 шил. 4 пенс,, 3 шил. 10 пенс., 4 шил. 6 пенс., 5 шил. 1 пен., и т. д. [238]). Даже въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ изобрѣтательность фабрикантовъ на вычеты не прекращалась; эти вычеты назначались частью въ видѣ штрафа за порчу издѣлій, въ дѣйствительности объясняемую плохимъ качествомъ хлопка и неприспособленностью машинъ и т. д.; тамъ-же, гдѣ фабрикантъ въ-то же время былъ собственникомъ коттэджей рабочихъ, онъ самъ себѣ уплачивалъ за наемъ вычетами изъ этой ничтожной заработной платы. Фабричный инспекторъ A. Redgrave разсказываетъ о selfacting minders (они наблюдаютъ за парой selfacting mules), которые «въ теченіе четырнадцати-дневной полной работы заработали 8 шил. 11 пенс., изъ этой суммы была вычтена плата за наемъ дома, но половину этой платы фабрикантъ возвратилъ рабочимъ въ видѣ подарка, такъ что minders снесли домой цѣлые 6 шил. 11 пен. Недѣльная плата ткачу въ концѣ 1862 года начиналась съ 2 шил. 6 пен.» [239]). «Плата за наемъ дома исключалась изъ зарабочей платы даже и тогда, когда рабочіе были заняты неполное время» [240]). Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Ланкашира появился голодный тифъ! Характернѣе-же всего былъ тотъ переворотъ, который происходилъ въ процессѣ производства на счетъ рабочихъ. Это были формальные опыты in corpore vili, похожіе на тѣ, которые физіологи производятъ надъ лягушками. «Хотя я, говоритъ фабричный инспекторъ A. Redgrave, показалъ дѣйствительную выручку рабочихъ на многихъ фабрикахъ, изъ этого нельзя, однако, заключить, чтобы они изъ недѣли въ недѣлю получали такую-же сумму. Запросъ на рабочихъ подверженъ сильнымъ колебаніямъ вслѣдствіе постоянныхъ экспериментовъ (experimentalizing) фабрикантовъ... ихъ зарабочая плата повышается и понижается отъ качества хлопковой смѣси; иногда она не достигаетъ прежней платы только на $15^0/_0$, въ про-

[236]) Ср. «Rep. of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1862», p. 30.

[237]) l. c. p. 19.

[238]) «Reports of Fact. for 31 Oct. 1865», p. 41—45.

[239]) Rep. etc. 31-st Oct. 1863», p. 41, 42.

[240]) Id. p. 51.

долженіе-же слѣдующей недѣли или двухъ она падаетъ на 50—60%» [241]). Эти опыты производятся не только на счетъ средствъ существованія рабочаго, но онъ долженъ платиться всѣми своими пятью чувствами. «Занимающіеся вскрытіемъ тюковъ хлопка говорили мнѣ, что невыносимая вонь вызываетъ тошноту... Въ помѣщеніяхъ, гдѣ смѣшивается хлопокъ, въ чесальнѣ и т. п., поднимающаяся пыль и грязь раздражаетъ рабочимъ дыхательные пути, вызываетъ кашель, затрудняетъ дыханіе; кожныя болѣзни, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ грязи, заключающейся въ соратѣ... Вслѣдствіе короткости волокна, прибавляется значительное количество шлихта, какъ растительнаго, такъ и животнаго происхожденія. Отъ этого у ткачей разстройства пищеваренія и тошнота. Бронхиты и воспаленіе гортани происходятъ отъ пыли. Воспалительныя горловыя болѣзни вслѣдствіе той же причины». Съ другой стороны, суррогаты муки употреблялись еще и потому, что, увеличивая вѣсъ пряжи, были выгодны для кармана господъ фабрикантовъ. У нихъ «15 фунт. сырого матеріала въ пряжѣ, вѣсили въ ткани 26 фунтовъ [242]). Въ отчетѣ фабричнаго инспектора, отъ 30 апрѣля 1864 года, читаемъ: «Промышленность пользуется теперь этими вспомогательными средствами въ размѣрахъ по истинѣ неприличныхъ. Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что восьмифунтовая ткань дѣлается изъ $5^1/_4$ ф. хлопка и $2^3/_4$ф. примѣсей. Другая ткань въ $5^1/_4$ фунтовъ содержала 2 ф. примѣси. Это былъ обыкновенный шертингъ, предназначенный для вывоза. Къ другимъ сортамъ прибавляли до 50% примѣсей, такъ что фабриканты могли хвастаться, и дѣйствительно хвастались, что наживались, продавая ткани по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ стоила, номинально, заключающаяся въ ней пряжа» [243]). Но рабочіе должны страдать не только на фабрикахъ при опытахъ фабриканта и отъ муниципалитета внѣ фабрикъ, не только вслѣдствіе пониженія заработной платы и неимѣнія работы, отъ нужды и милостыни, но и отъ хвалебныхъ рѣчей членовъ Верхней и Нижней Палатъ. «Несчастныя женщины, которыя, благодаря хлопковому кризису, съ самаго начала его потеряли занятія, стали отверженницами общества; и въ настоящее время, хотя дѣла и пошли лучше, продолжаютъ состоять членами этого несчастнаго класса, и вѣроятно такъ и не выйдутъ изъ него... Число молодыхъ проститутокъ возрасло гораздо больше чѣмъ въ продолженіе послѣднихъ 25 лѣтъ» [244]).

Поэтому въ теченіе первыхъ 45 лѣтъ англійской хлопчато-бумажной промышленности, съ 1770 по 1815 г., мы встрѣчаемъ только 5 лѣтъ застоя и кризиса; но это былъ періодъ ея міровой монополіи. Во второй 48-лѣтній періодъ, съ 1815 по 1863 г. на 20 лѣтъ оживленія и процвѣтанія приходится 28 лѣтъ кризиса и застоя. Между 1815 и 1830 г. возникаетъ конкуренція съ Соединенными Штатами и съ континентальной Европой. Съ 1833 г. было вызвано насильственное расширеніе азіатскихъ рынковъ, посредствомъ «истребленія человѣческой расы» (уничтоженія массъ ручныхъ ткачей индусовъ). Со времени отмѣны хлѣбныхъ законовъ, съ 1846 по 1863 г., на 8 лѣтъ удовлетворительнаго положенія и процвѣтанія приходится 9 лѣтъ тяжелаго состоянія и застоя. О положеніи взрослыхъ хлопчато-бумажныхъ рабочихъ, даже во время процвѣтанія, можно судить по даннымъ, которыя я привожу въ выноскѣ [245]).

---

[241]) Reports of Fact. for 31 Oct. 1865 p. 50, 51.

[242]) l. c. p. 62, 63.

[243]) «Rep. etc. for 31 April 1864», p. 27.

[244]) Изъ письма Chief Constable Harris'a изъ Больтона въ «Rep. of Insp. of Factories» 31 Oct. 1865, p. 61, 62.

[245]) Въ одномъ воззваніи хлопчато-бумажныхъ рабочихъ, написанномъ весною 1863 года для образованія эмиграціоннаго общества, читаемъ: «Врядъ-ли кто будетъ оспаривать, что эмиграція фабричныхъ рабочихъ въ большихъ размѣрахъ въ настоящее время безусловно необходима. Но для того, чтобы показать, что эмиграція требуется постоянно, во всякое время, и что безъ нея невозможно поддержать положеніе фабричныхъ рабочихъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, просимъ обратить вниманіе на слѣдующіе факты. Въ 1814 г. оффиціальная цѣнность (бывшая только показателемъ количества) вывозимыхъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій достигала 17.665,378 ф. стерл., дѣйствительная-же ея рыночная цѣнность достигала 20.070,824 ф. стерл. Въ 1858 г. оффиціальная цѣнность вывозимыхъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій была 182.221,681 ф. стерл.; дѣйствительная-же ея рыночная цѣнность достигала только до 43.001,322 ф. стерл., такъ что количество увеличилось въ десять разъ, а цѣна, по которой вся она была продана, съ небольшимъ вдвое. Много причинъ способствовали достиженію такого результата, столь разорительнаго для страны вообще и для фабричныхъ рабочихъ въ особенности. Достаточно сказать, что одной изъ очевидныхъ причинъ такого положенія дѣлъ, былъ постоянный избытокъ труда, неразрывный съ этою отраслью промышленности, которая, подъ страхомъ уничтоженія, нуждается въ постоянномъ расширеніи рынка. Наши хлопчато-бумажныя фабрики могутъ періодическими застоями торговли приводиться въ бездѣйствіе, но эти застои при настоящихъ условіяхъ также неизбѣжны, какъ сама смерть. Тѣмъ не менѣе, изобрѣтательный умъ человѣка не бездѣйствуетъ. Хотя, по самому скромному расчету, 6 милліоновъ людей въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ уѣхали изъ этой страны, все-таки громадный процентъ взрослыхъ рабочихъ, даже во времена наибольшаго процвѣтанія, не находитъ себѣ на фабрикѣ никакой работы, ни на какихъ условіяхъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія и постояннаго замѣщенія труда машинами, ради удешевленія производства» («Rep. of Insp. of Fact. 30 April 1863», p. 51, 52). Въ одной изъ

8) Переворотъ, произведенный крупною промышленностью въ мануфактурѣ, въ ремесленныхъ и домашнихъ (кустарныхъ) промыслахъ.

а) Уничтоженіе коопераціи, ремесленной и основанной на раздѣленіи труда.

Мы уже видѣли, какъ машина уничтожаетъ кооперацію, основанную на ручномъ трудѣ, и мануфактуру, основанную на ремесленномъ раздѣленіи труда. Примѣромъ перваго рода служитъ сѣнокосилка: она замѣняетъ кооперацію косцовъ. Поразительный примѣръ второго рода представляютъ машины для изготовленія иголокъ. По свидѣтельству Ад. Смита, въ его время, 10 человѣкъ при коопераціи изготовляли ежедневно болѣе 48,000 иголокъ. Теперь же, напротивъ того, одна единственная машина изготовляетъ въ продолженіе 11-ти часового рабочаго дня 145,000 штукъ. Одна женщина или дѣвушка наблюдаетъ среднимъ числомъ за 4-мя подобными машинами, производя, слѣдовательно, машиннымъ путемъ ежедневно 600,000 или еженедѣльно 3.000.000 иголокъ [246]). Коль скоро одна единственная рабочая машина замѣняетъ кооперацію или мануфактуру, то она сама можетъ стать основаніемъ ремесленнаго производства. Однако же воспроизведеніе ремесленнаго производства, основаніемъ котораго служитъ машина, образуетъ только переходъ къ фабричному производству, которое и дѣйствительно возникаетъ, какъ только механическая двигательная сила, паръ или вода, замѣняетъ, для приведенія въ дѣйствіе машинъ, мускульную силу человѣка. Производство въ небольшихъ размѣрахъ можетъ вестись то здѣсь, то тамъ, но, во всякомъ случаѣ, только временно, при помощи механической двигательной силы. Это дѣлается посредствомъ найма паровой силы, какъ въ нѣкоторыхъ бирмингэмскихъ мануфактурахъ, или же при помощи небольшихъ калорическихъ машинъ, какъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ткацкаго дѣла и т. д. [247]). Въ шелковыхъ ткацкихъ промыслахъ въ Ковентри была сдѣлана попытка устройства «коттэджей-фабрикъ». Посреди ряда коттэджей, выстроенныхъ квадратомъ, строится такъ называемый «Engine House», домъ для паровой машины, которая при помощи стержней соединяется съ ткацкими станками въ коттэджахъ. Обыкновенно паровую силу покупали, напримѣръ, за $2^1/_2$ шилл. на станокъ. За паровую силу приходилось платить понедѣльно, независимо отъ того, находились-ли станки въ дѣйствіи, или нѣтъ. Въ каждомъ коттэджѣ имѣлось отъ 2 до 6 станковъ, нѣкоторые изъ нихъ принадлежали рабочимъ, нѣкоторые были куплены въ кредитъ, или же взяты на прокатъ. Борьба между фабриками, коттэджами и настоящими фабриками тянулась болѣе 12 лѣтъ. Кончилась она полнѣйшимъ разореніемъ 300 подобныхъ cottage factories [248]). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сущность процесса не требуетъ производства въ широкихъ размѣрахъ, всѣ новые промыслы, возникшіе въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій, напримѣръ, изготовленіе конвертовъ, стальныхъ перьевъ и т. д., прежде чѣмъ дойти до фабричнаго производства, проходятъ кратковременныя фазы ремесленнаго мануфактурнаго. Эти переходы бываютъ наиболѣе трудны въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мануфактурное производство продукта не представляетъ ряда процессовъ прогрессивно развивающихся, но заключаетъ множество процессовъ не связанныхъ между собою. Это являлось сильнымъ препятствіемъ развитію фабрикъ стальныхъ перьевъ. Однако, около 15 лѣтъ тому назадъ, была изобрѣтена машина, которая автоматически, однимъ взмахомъ, совершала шесть разнородныхъ операцій. Первыя 12 дюжинъ стальныхъ перьевъ, изготовленныя въ 1820 году ручнымъ трудомъ, стоили 7 ф. стерл. 4 ш.: въ 1830 г., изготовленныя мануфактурнымъ путемъ, онѣ стоили 8 ш., фабрики же продаютъ ихъ оптовымъ торговцамъ 12 дюжинъ за 2 — 6 пенсовъ [249]).

b) Воздѣйствіе крупной промышленности на мануфактуру и домашніе кустарные промыслы.

Съ развитіемъ фабрикъ и преобразованіемъ земледѣлія, которое всегда сопровождаетъ это развитіе, не только увеличиваются размѣры производства во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, но измѣняется также и характеръ

послѣдующихъ главъ мы увидимъ, какъ господа фабриканты во время хлопчато-бумажной катастрофы искали случая препятствовать, хотя бы путемъ правительственнаго вмѣшательства, эмиграціи всякаго рода фабричныхъ рабочихъ.

[246]) «Children's Empl. Comm.» IV Rep. 1864, p. 108, n. 447.

[247]) Въ Соединенныхъ Штатахъ часто встрѣчается подобное воспроизведеніе ремесленнаго производства, техническимъ основаніемъ котораго служатъ машины. Поэтому, когда произойдетъ неизбѣжный переходъ его къ фабричному производству, сосредоточеніе пойдетъ тамъ, въ сравненіи съ Европой и даже съ Англіей, чрезвычайно быстро.

[248]) Сравн. «Rep. of Insp. of Fact.», 31 Oct. 1865, стр. 64.

[249]) Gillot первый устроилъ въ Бирмингамѣ мануфактуру стальныхъ перьевъ въ обширныхъ размѣрахъ. Уже въ 1851 году она доставляла болѣе 180.000,000 перьевъ и потребляла ежегодно 120 тоннъ листовой стали. Бирмингамъ, монополизировавшій эту промышленность въ Великобританіи, въ настоящее время производитъ ежегодно милліарды стальныхъ перьевъ. По переписи 1861 года, число всѣхъ занимающихся въ ней лицъ доходило до 1,428, изъ нихъ 1,268 работницъ, начинавшихъ съ пятилѣтняго возраста.

его. Принципъ машиннаго производства, состоящій въ томъ, чтобы разлагать процессъ производства на его составныя фазы, и чтобы разрѣшать являющіяся при этомъ задачи приложеніемъ механики, химіи и т. д., короче естествознанія, дѣлается рѣшающимъ повсюду. Машина стремится, поэтому, захватить то тотъ, то другой процессъ въ мануфактурѣ, что ведетъ къ постояннымъ измѣненіямъ и къ уничтоженію органическаго соединенія ея частей въ одно цѣлое, обусловленное прежнимъ дѣленіемъ труда. Кромѣ этого, составъ всѣхъ рабочихъ, или комбинированнаго рабочаго персонала, радикально преобразуется. Въ противоположность мануфактурному періоду, въ крупной промышленности раздѣленіе труда основывается на приложеніи женскаго труда, труда дѣтей всѣхъ возрастовъ, чернорабочихъ, которыхъ всюду можно приткнуть, короче, «cheap labour», дешеваго труда, какъ характерно называютъ его англичане. Это относится не только ко всякому производству въ широкихъ размѣрахъ, — прилагается-ли при этомъ машина или нѣтъ, — но и ко всякимъ, такъ называемымъ, домашнимъ промысламъ, производятся-ли они въ собственныхъ жилищахъ рабочихъ, или въ мелкихъ мастерскихъ. Эта, такъ называемая, современная домашняя промышленность, кустарная, кромѣ имени не имѣетъ ничего общаго со стариннымъ домашнимъ производствомъ, которое предполагаетъ независимыя городскія ремесла, самостоятельное крестьянское хозяйство и въ особенности собственный очагъ рабочаго семейства. Она обратилась теперь въ наружное отдѣленіе фабрики, мануфактуры или товарнаго магазина. Вмѣстѣ съ фабричными, мануфактурными и ремесленными рабочими, сосредоточенными въ одномъ мѣстѣ, капиталъ управляетъ при помощи невидимыхъ нитей другою арміей, именно домашними рабочими, разбросанными въ большихъ городахъ и въ селеніяхъ. Возьмемъ примѣръ: рубашечная фабрика г. Tillie, въ Лондондерри, въ Ирландіи, даетъ занятіе 1,000 фабричнымъ рабочимъ и 9,000 домашнимъ рабочимъ, разбросаннымъ по странѣ [250]).

Въ нынѣшней мануфактурѣ эксплуатація дешевыхъ и не окрѣпшихъ рабочихъ силъ гораздо безстыднѣе, чѣмъ на настоящихъ фабрикахъ, такъ какъ техническое основаніе фабричной системы, замѣна мускульной силы машинами и легкость труда, въ мануфактурѣ большею частью отсутствуетъ, и въ то же время женскіе и незрѣлые дѣтскіе организмы самымъ безсовѣстнымъ образомъ подвергаются дѣйствію ядовитыхъ или вредныхъ веществъ п. д. Эксплуатація въ такъ называемой домашней промышленности безстыднѣе, чѣмъ въ мануфактурѣ, потому что съ разъединеніемъ рабочихъ уменьшается способность ихъ къ сопротивленію; между настоящими предпринимателями и рабочими появляется цѣлый рядъ грабителей-паразитовъ; домашняя промышленность вынуждена непрерывно бороться съ продуктами той же отрасли промышленности фабричнаго производства или, по крайней мѣрѣ, мануфактурнаго, бѣдность лишаетъ рабочихъ самыхъ необходимыхъ условій при работѣ: свѣта, простора, вентиляціи и т. д.; возрастаетъ неправильность занятій и, наконецъ, въ этихъ послѣднихъ убѣжищахъ всѣхъ, кого крупная промышленность и земледѣліе сдѣлали излишними,— конкуренція между рабочими по необходимости достигаетъ своего maximum'а. Экономія средствъ производства, впервые проводимая въ видѣ системы машиннымъ производствомъ съ самаго его возникновенія, и сопровождаемая самымъ безразсуднымъ расточеніемъ рабочей силы и лишеніемъ нормальныхъ условій, требуемыхъ для работы,— экономія эта, въ настоящее время, тѣмъ болѣе выдвигаетъ впередъ свою отрицательную человѣкоубійственную сторону, чѣмъ менѣе развиты въ извѣстной отрасли промышленности общественная производительная сила труда и техническое основаніе для комбинированія рабочихъ процессовъ.

c) Современная мануфактура.

Теперь я разъясню на нѣсколькихъ примѣрахъ вышеизложенныя положенія. Читатель уже знаетъ массу данныхъ относительно этого изъ отдѣла о рабочемъ днѣ. Мануфактура металлическихъ издѣлій Бирмингэма и его окрестностей употребляетъ, по большей части для очень тяжелыхъ работъ, 30,000 дѣтей и подростковъ, кромѣ 10,000 женщинъ. Здѣсь мы ихъ встрѣчаемъ въ условіяхъ крайне вредныхъ для здоровья: на мѣднолитейныхъ заводахъ, на пуговичныхъ фабрикахъ, при глазированьи, гальванопластикѣ, лакированьи [251]). Чрезмѣрный трудъ взрослыхъ и дѣтей обезпечилъ за многими лондонскими типографіями, какъ газетными, такъ и книжными, зловѣщее названіе «бойни» [251a]). Подобный-же чрезмѣрный трудъ, жертвами котораго являются главнымъ образомъ женщины, дѣвушки и дѣти, находимъ также въ переплетныхъ. Для малолѣтнихъ работы одинаково тяжелы на канатныхъ заводахъ; на солеварняхъ, свѣчныхъ и химическихъ заводахъ существуютъ ночныя работы; убійственъ трудъ подростковъ, которые вертятъ ткацкіе станки на тѣхъ шелковыхъ ткацкихъ фабрикахъ, гдѣ они приводятся въ движеніе не машинами [252]).

---

250) «Ch. Empl. Com. II Rep.» 1864, p. LXVIII, n. 415.

251) Дѣтей можно даже найти при шлифовкѣ напилковъ въ Шеффильдѣ!

251a) «Ch. Emp. Commission V Rep. 1866», p. 3, n. 24, p. 6, n. 55, 56, p. 7, n. 59, 60.

252) l. c. p. 114, 115, n. 6, 7. Коммисаръ справедливо замѣчаетъ, что если обыкновенно ма-

Одна изъ самыхъ отвратительныхъ, грязныхъ и плохо оплачиваемыхъ работъ, на которую преимущественно употребляютъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, это— сортировка тряпья. Извѣстно, что Великобританія, несмотря на громадное количество своего собственнаго тряпья,— есть складочное мѣсто тряпичной торговли для всего міра. Оно привозится туда изъ Японіи, отдаленнѣйшихъ государствъ Южной Америки, съ Канарскихъ острововъ. Но главные источники, откуда получается тряпье, это—Германія, Францiя, Россія, Италія, Египетъ, Турція, Бельгія и Голландія. Оно идетъ на удобреніе, для набивки матрасовъ, для shoddy (искусственной шерсти) и какъ сырой матеріалъ на приготовленіе бумаги. Сортировщицы тряпья разносятъ оспу и другія заразительныя повальныя болѣзни, первыми жертвами которыхъ являются сами [253]). Классическимъ примѣромъ чрезмѣрнаго труда, тяжелой утомительной работы и, какъ слѣдствія ея, огрубѣнія трудящихся съ малолѣтства рабочихъ, — могутъ служить, кромѣ работъ въ рудникахъ и каменноугольныхъ копяхъ, работы на кирпичныхъ заводахъ, на которыхъ въ Англіи только въ немногихъ случаяхъ (въ 1866 г.) употребляются вновь изобрѣтенныя машины. Лѣтомъ, отъ мая до сентября, работа начинается съ 5-ти часовъ утра и продолжается до 8-ми вечера; тамъ-же, гдѣ сушка происходитъ на открытомъ воздухѣ, часто съ 4-хъ часовъ утра до 9-ти вечера. Рабочій день съ 5-ти часовъ утра до 7-ми часовъ вечера считается «сокращеннымъ», «умѣреннымъ». Здѣсь работаютъ дѣти обоего пола, съ 6-ти или даже съ 4-хъ лѣтняго возраста. Работаютъ-же они то-же число часовъ, какъ и взрослые, иногда даже дольше. Работа трудна, лѣтній-же зной еще болѣе усиливаетъ изнуреніе. На одномъ кирпичномъ заводѣ въ Мозлэ, одна 24-хъ-лѣтняя дѣвушка, напримѣръ, дѣлала ежедневно 2,000 кирпичей; ей помогали двѣ дѣвочки, которыя приносили глину и уносили готовые кирпичи. Эти дѣвочки таскали ежедневно 10 тоннъ по скользкимъ отлогостямъ кирпичныхъ ямъ, изъ глубины 30 футовъ, на разстояніи 210 футовъ. «Ребенку невозможно пройти черезъ это чистилище безъ того, чтобы не упасть нравственно... Непристойный языкъ,который онъ привыкаетъ слышать съ самаго нѣжнаго возраста; безстыдныя, неприличныя развратныя привычки, въ которыхъ онъ растетъ невѣждой и одичалымъ, дѣлаютъ его для позднѣйшей жизни негоднымъ, развратнымъ, безпорядочнымъ... Самый ужаснѣйшій источникъ развращенія, это—образъ жизни. Каждый moulder (формовщикъ), который бываетъ всегда искуснымъ рабочимъ и главою группы рабочихъ, доставляетъ своей партіи изъ 7 человѣкъ квартиру и столъ въ коттэджѣ или хижинѣ. Мужчины, женщины, дѣти, дѣвушки, принадлежатъ-ли они къ одному семейству, или нѣтъ, всѣ спятъ въ одной избѣ обыкновено состоящей изъ 2, въ рѣдкихъ случаяхъ изъ 3 комнатъ наравнѣ съ землею; провѣтриваются онѣ крайне плохо. Всѣ рабочіе до такой степени изнурены работой въ теченіе дня, что здѣсь совершенно не соблюдаются ни гигіеническія требованія, ни опрятность, ни приличія. Многія изъ этихъ избъ могутъ служить образцами безпорядка, грязи, пыли... Величайшее зло этой системы, которая заставляетъ заниматься молодыхъ дѣвушекъ подобнаго рода работами, заключается въ томъ, что, съ самаго ранняго дѣтства на всю жизнь, она связываетъ ихъ съ самою отъявленной сволочью. Онѣ становятся грубыми, сквернословными мальчишками («rough, foul mouthed boys»), прежде чѣмъ природа дастъ имъ знать, что онѣ женщины. Одѣтыя въ жалкія оборванныя лохмотья, съ ногами оголенными гораздо выше колѣнъ, съ лицами и волосами запачканными грязью, онѣ научаются смотрѣть съ презрѣніемъ на всякое чувство скромности и стыда. Во время, назначенное для ѣды, онѣ лежатъ въ растяжку на лугу, или смотрятъ на парней, купающихся въ сосѣднемъ каналѣ. По окончаніи тяжелой дневной работы, онѣ одѣваются получше и провожаютъ мужчинъ въ кабаки». Весьма естественно, что во всемъ этомъ классѣ пьянство становится обычнымъ явленіемъ съ дѣтскаго возраста. Хуже-же всего то, что кирпичники потеряли надежду на собственное исправленіе. «Вы можете, сказалъ одинъ изъ лучшихъ капеллану въ Southallfields'ѣ, съ одинаковымъ успѣхомъ попытаться исправить и нравственно поднять черта, какъ и кирпичника, сударь»! («Youm ight as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!» [254]).

Обширный и офиціальный матеріалъ о капиталистической экономіи условій труда на новѣйшихъ мануфактурахъ, (считая въ ихъ числѣ всѣ мастерскія въ широкихъ размѣрахъ, кромѣ настоящихъ фабрикъ) можно найти въ IV (1862) и VI (1864) «Public Health Report». Описаніе workshops (помѣщеній для работъ), въ особенности лондонскихъ печатниковъ и портныхъ, по отвратительности превосходитъ все, что можетъ создать самое пылкое воображеніе нашихъ романистовъ. Вліяніе ихъ на состояніе здоровья рабочихъ понятно безъ объясненій. Dr. Simon, главный врачъ Privy Council и официальный редакторъ «Public Health Reports», между прочимъ, говоритъ: «Въ моемъ

шины замѣщаютъ, людей, то здѣсь подростки буквально замѣщаютъ машины.

[253]) Смотри отчетъ о торговлѣ тряпьемъ и множество фактовъ въ «Public Health. VIII Rep. London 1866» Appendix p. 196—208.

[254]) «Child. Empl. Comm. V Rep. 1866» XVI, n. 96—97 и стр. 130, n. 39—61. Срав. также ib. III Rep. 1864 p. 48, 56.

четвертомъ отчетѣ (1863) я показалъ, какъ практически невозможно для рабочихъ отстаивать то, что составляетъ ихъ первое право на здоровье, право трудиться внѣ всѣхъ условій, вредныхъ для здоровья, во всѣхъ работахъ, на которыя собираетъ ихъ хозяинъ и на сколько это зависитъ отъ него. Я показалъ, что въ то время рабочіе практически не въ силахъ создать сами такое санитарное право, они не находятъ также дѣйствительнаго заступничества со стороны офиціальной администраціи санитарной полиціи... Жизнь миріадъ рабочихъ и работницъ подвергается теперь безполезной пыткѣ и сокращается вслѣдствіе непрерывныхъ физическихъ страданій, порождаемыхъ единственно ихъ занятіями»[255]). Чтобы наглядно показать вліяніе рабочихъ помѣщеній на состояніе здоровья, Dr. Simon приводитъ слѣдующую таблицу смертности:

Число лицъ всѣхъ возрастовъ, занимающихся въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ промышленности.	Сравненіе разныхъ отраслей промышленности по отношенію къ здоровью.	Норма смертности на 100,000 человѣкъ, въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ промышленности, въ разныхъ нижепоименованныхъ возрастахъ.		
		отъ 25 до 35 лѣтъ.	отъ 35 до 45 лѣтъ.	отъ 45 до 55 лѣтъ.
958,265	Земледѣліе въ Англіи и Уэльсѣ	743	805	1,145
22,301 мужчинъ 12,379 женщинъ	Лондонскіе портные	958	1,262	2,093
13,803	Лондонскіе печатники	894	1,747	2,367 [258])

d) Современная кустарная промышленность.

Я перехожу теперь къ такъ называемой кустарной промышленности. Чтобы получить понятіе объ этой сферѣ эксплуатаціи капитала, помѣщающейся на заднемъ планѣ крупной промышленности, и ея чудовищности, стоитъ, напримѣръ посмотрѣть гвоздарный промыселъ, кажущійся совершенно идиллическимъ, существующій въ нѣкоторыхъ глухихъ деревняхъ Англіи[257]). Здѣсь достаточно привести нѣсколько примѣровъ изъ сферъ производства, куда еще вовсе не проникли машины, или изъ такихъ, гдѣ кустарные промыслы конкурируютъ съ машиннымъ и мануфактурнымъ производствомъ, именно кружевной промыселъ и плетенье соломенныхъ издѣлій.

Изъ 150,000 лицъ, занимающихся въ Англіи производствомъ кружевъ, около 10,000 подошли подъ фабричный законъ 1861 года. Громаднѣйшее-же большинство остальныхъ 140,000 состоитъ изъ женщинъ, подростковъ и дѣтей обоего пола; мужского-же пола весьма мало. О санитарномъ положеніи этого «дешеваго» матеріала эксплуатаціи можно получить понятіе по слѣдующимъ даннымъ Dr. Trueman'a, врача при ноттингэмскомъ General Dispensary. Изъ 686 паціентокъ кружевницъ, въ возрастѣ отъ 17 до 24 лѣтъ, было чахоточныхъ:

въ 1852 г.—1 на 45, въ 1857 г.—1 на 13,
» 1853 »—1 » 28, » 1858 »—1 » 15,
» 1854 »—1 » 17, » 1859 »—1 » 9,
» 1855 »—1 » 18, » 1860 »—1 » 8,
» 1856 »—1 » 15, » 1861 »—1 » 8[258]).

Это возрастаніе процента чахоточныхъ должно удовлетворить самыхъ оптимистическихъ прогрессистовъ и самыхъ рьяныхъ странствующихъ защитниковъ свободной торговли.

Фабричный законъ 1861 года регулируетъ производство кружевъ, лишь въ томъ случаѣ, если оно производится машиннымъ путемъ; въ Англіи это общее правило. Отрасли этого производства, которыя мы здѣсь бѣгло изслѣдуемъ, и только по отношенію къ рабочимъ, занимающимся у себя дома, а не собраннымъ въ мануфактурахъ, торговыхъ домахъ, — распадаются: 1) на finishing (окончательная отдѣлка кружевъ, произведенныхъ машиннымъ путемъ; эта категорія сама имѣетъ множество подраздѣленій) и 2) на плетенье кружевъ.

Lace finishing (отдѣлка кружевъ) производится домашнимъ путемъ въ такъ называемыхъ «mistresses houses», или однѣми женщинами, или съ дѣтьми, на своихъ квартирахъ. Женщины, содержащія «mistresses houses», сами бѣдны,

[255]) «Public Health VI Rep. Lond. 1864», p. 31.

[256]) l. c. p. 30. Dr. Simon замѣчаетъ, что смертность лондонскихъ портныхъ и печатниковъ отъ 25 до 35-ти-лѣтняго возраста въ дѣйствительности значительно выше, такъ какъ ихъ лондонскіе хозяева получаютъ громадное число молодыхъ людей до 30-ти лѣтняго возраста изъ деревень, въ качествѣ «учениковъ» и «improvers» (желающихъ усовершенствоваться въ ремеслѣ). Въ переписи они считаются лондонцами, увеличиваютъ число лицъ, по которымъ вычисляется норма лондонской смертности, не оказывая вліянія на число лондонскихъ смертныхъ случаевъ. Именно большая часть ихъ возвращается въ провинцію, въ особенности же тяжело больные (l. c.).

[257]) Здѣсь идетъ рѣчь о гвоздяхъ, приготовляемыхъ ковкой, которые нужно отличать отъ гвоздей, приготовляемыхъ нарѣзкой машиннымъ путемъ. См. «Child. Empl. Commission III Report» p. XI, p. XIX, n. 125—130, p. 53, n. 11, p. 114, n. 487, p. 137, n. 674.

[258]) «Child. Empl. Com. II Report», p. XXII, n. 166.

Комната для работы составляетъ часть ихъ собственной квартиры. Онѣ получаютъ заказы отъ фабрикантовъ, владѣльцевъ магазиновъ и т. п., а работаютъ у нихъ женщины, дѣвушки и дѣти, число которыхъ измѣняется съ размѣрами помѣщенія и величиною запроса со стороны заказчиковъ; въ однихъ домахъ бываютъ отъ 10 до 20 работницъ, въ другихъ же—отъ 20 до 40. Среднимъ числомъ, дѣти начинаютъ работать съ 6-ти-лѣтняго возраста; нѣкоторыя даже моложе 5 лѣтъ, Рабочее время обыкновенно продолжается съ 8 час. утра до 8 час. вечера, $1^1/_2$ часа дается на ѣду; ѣдятъ-же не въ опредѣленное время, и часто въ тѣхъ-же вонючихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ работаютъ. При хорошихъ заказахъ работа начинается съ 8, иногда съ 6 часовъ утра, и продолжается до 10 и 11 и 12 часовъ ночи. Въ англійскихъ казармахъ на каждаго солдата приходится отъ 500 до 600 куб. фут. пространства, въ военныхъ лазаретахъ—1,200 фут. Въ этихъ же рабочихъ трущобахъ приходится на каждаго 67 до 100 куб. фут. Вмѣстѣ съ тѣмъ, газовое освѣщеніе поглощаетъ кислородъ воздуха. Чтобы не запачкать кружева, дѣтей заставляютъ снимать башмаки даже зимой, хотя полъ обыкновенно бываетъ кирпичный или каменный. «Въ Ноттингэмѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго встрѣтить отъ 14 до 20 дѣтей, скученныхъ въ одну маленькую комнату, можетъ быть, не болѣе 12 квадратныхъ футовъ, занятыхъ по 15 часовъ въ сутки работою, утомительною по однообразію и скукѣ, притомъ въ условіяхъ крайне вредныхъ для здоровья... Даже маленькія дѣти работаютъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ и съ такою скоростью, которыя положительно достойны удивленія, такъ какъ при этомъ они почти не даютъ отдыха своимъ пальцамъ и даже не замедляютъ движенія. Если къ нимъ обращаются съ вопросомъ, то они отвѣчаютъ, не поднимая глазъ, потому что боятся потерять хотя бы минуту». «Длинная палка» служитъ для «mistresses» возбуждающимъ средствомъ, которое пускается въ ходъ тѣмъ чаще, чѣмъ дольше время работы, «Дѣти постепенно устаютъ и, подъ конецъ, работаютъ совершенно машинально; занятіе ихъ монотонно, вредно для глазъ, изнурительно, вслѣдствіе одинаковаго положенія тѣла. Это вполнѣ рабскій трудъ» («Their work is like slavery»)[259], положеніе-же женщинъ, работающихъ со своими дѣтьми дома, т.-е. собственно въ наемной комнатѣ, часто гдѣ-нибудь на чердакѣ, еще хуже. Работу этого рода раздаютъ на 80 миль въ окружности отъ Ноттингэма. Если ребенокъ работаетъ въ магазинѣ, то ему вечеромъ, часовъ въ 9—10, даютъ еще пучекъ нитокъ, чтобы онъ окончилъ работу дома. Капиталистическій фарисей, въ образѣ одного изъ своихъ наемниковъ, дѣлаетъ это, разумѣется, съ назидательною фразою: «это для матери», хотя отлично знаетъ, что несчастный ребенокъ долженъ сидѣть и помогать ей[260]).

Кружева плетутся, главнымъ образомъ, въ двухъ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, въ Гонитонскомъ кружевномъ округѣ, который тянется отъ 20 до 30 миль вдоль южнаго берега Девоншира, и къ которому принадлежитъ также нѣсколько мѣстностей изъ сѣвернаго Девона; и въ другомъ округѣ, заключающемъ въ себѣ большую часть графствъ Букингэмскаго, Бедфордскаго, Нордгамптонскаго и сосѣднія части Оксфордшира и Гунтингдоншира. Работа обыкновенно производится въ коттэджахъ земледѣльческихъ рабочихъ. Многіе мануфактуристы даютъ работу болѣе нежели 3,000 такихъ домашнихъ рабочихъ, главнымъ образомъ дѣтямъ и подросткамъ, исключительно женскаго пола. То, что было описано при lace finishing, повторяется и здѣсь; только вмѣсто «mistresses houses» здѣсь имѣются такъ называемые «lace schools» (кружевныя школы), которыя содержатъ бѣдныя женщины въ своихъ коттэджахъ. Дѣти работаютъ въ этихъ школахъ съ 5-ти лѣтняго возраста, иногда и моложе, до 12 и 15-ти-лѣтняго; въ теченіе первыхъ лѣтъ ихъ работа продолжается отъ 4 до 8 часовъ, позднѣе-же отъ 6 часовъ утра до 8 или 10 часовъ вечера. «Работаютъ большею частію въ обыкновенныхъ жилыхъ комнатахъ маленькихъ коттэджей; трубы бываютъ заложены, для того чтобы не было воздушной тяги; обитатели согрѣваются, иногда даже и зимой, своею собственною теплотою. Въ другихъ случаяхъ эти, такъ называемыя, похожія на чуланы, школьныя комнаты бываютъ безъ всякой печи... Переполненіе этихъ норъ, а слѣдовательно и зараженіе воздуха— часто ужасны. Къ этому присоединяется еще вредное вліяніе жолобовъ для стока нечистотъ, отхожихъ мѣстъ, гніющихъ веществъ и тому подобной мерзости, находящихся обыкновенно около маленькихъ коттэджей». Относительно размѣровъ этихъ помѣщеній, читаемъ: «Въ одной кружевной школѣ, состоящей изъ 18 дѣвушекъ и «учительницы», приходилось 35 куб. фунтовъ на каждую; въ другой-же, отличавшейся страшною вонью, находилось 18 лицъ, и на каждое приходилось $24^1/_2$ куб. фута. Въ этой промышленности попадаются дѣти 2 и $2^1/_2$ лѣтъ»[261]).

Въ сельскихъ графствахъ бедфордскомъ и букингэмскомъ, тамъ, гдѣ прекращается плетенье кружевъ, начинается плетенье соломенныхъ издѣлій. Послѣднее распространено въ большой части Гердфоршира и въ западной и сѣверной части Эссекса. Въ 1861 году плетеньемъ соломы и соломенныхъ шляпъ занималось 40,043 лица, изъ нихъ 3,815 мужескаго пола всѣхъ возра-

[259]) «Ch. Empl. Com. II Rep. 1864», p. XIX, XX, XXI.

[260]) l. c. d. XXI, XXVI.

[261]) l. c. d. XXIX, XXX.

стовъ, остальныя-же женскаго пола, а именно: 14,913 моложе 20 лѣтъ, и изъ нихъ 7,000 дѣтей. Вмѣсто кружевныхъ школъ здѣсь являются «straw plait schools» (школы для плетенья изъ соломы). Дѣти начинаютъ здѣсь учиться плетенью изъ соломы обыкновенно съ 4-лѣтняго возраста, иногда еще не достигши 4-хъ лѣтъ. Разумѣется, они не получаютъ никакого образованія. Сами дѣти называютъ элементарныя школы «natural schools» (натуральными школами) въ отличіе отъ тѣхъ учрежденій для высасыванія крови, гдѣ ихъ просто заставляютъ работать, пока они не выполнятъ уроковъ, заданныхъ ихъ полуголодными матерями, и состоящихъ большею частью въ томъ, чтобы сплесть 30 ярдовъ въ день. Эти-же матери часто заставляютъ ихъ еще дома работать до 10, 11 и 12 часовъ ночи. Солома рѣжетъ имъ пальцы и губы, которыми они постоянно смачиваютъ ее. Dr. Ballard, резюмируя взгляды всѣхъ лондонскихъ оффиціальныхъ врачей, говоритъ, что для комнатъ, гдѣ спятъ и занимаются рабочіе, необходимо minimum 300 куб. футовъ на каждаго. Размѣръ школъ для плетенья соломы еще меньше, нежели кружевныхъ школъ, именно въ нихъ приходится «12²/₃, 17, 18¹/₂ и менѣе 22 куб. футовъ на каждаго». На сколько малы эти цифры, говоритъ Коммиссаръ White, можно заключить изъ того, что наименьшія изъ приведенныхъ чиселъ представляютъ менѣе половины того пространства, которое занялъ-бы ребенокъ, упакованный въ ящикъ, каждая сторона котораго равно 3 футамъ. Такой образъ жизни ребенокъ ведетъ до 12 или 14 лѣтъ. Жалкіе, забитые родители только и думаютъ о томъ, чтобы какъ можно больше извлечь изъ своихъ дѣтей выгоды. Выросши, дѣти, естественно, не ставятъ родителей ни въ грошъ и бросаютъ ихъ. «Нѣтъ ничего удивительнаго, если невѣжество и пороки сильно распространены въ населеніи, воспитанномъ такимъ образомъ... Ихъ нравственность стоитъ на самой низкой степени... Большинство женщинъ имѣетъ незаконныхъ дѣтей, и многія въ такихъ раннихъ годахъ, что поражаютъ самыхъ глубокихъ знатоковъ уголовной статистики» [262]). Родиной-же этихъ образцовыхъ семействъ, по словамъ графа Монталамбера, столь компетентнаго въ христіанствѣ, является образцовая христіанская страна Европы!

Заработная плата въ только что разсмотрѣнныхъ отрасляхъ промышленности вообще жалкая (какъ исключеніе, maximum платы дѣтямъ въ школахъ для плетенія изъ соломы бываетъ 3 шилл.), и еще значительно понижается противъ номинальной платы, вслѣдствіе господствующей, именно въ кружевныхъ округахъ, такъ называемой, truck system [263]).

е) Переходъ мануфактуры и кустарничества въ крупную промышленность. Ускореніе такого перехода распространеніемъ дѣйствія фабричнаго законодательства на эти способы производства.

Удешевленіе рабочей силы посредствомъ простого злоупотребленія женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, простого лишенія всѣхъ нормальныхъ условій, необходимыхъ для работы и для существованія, посредствомъ жестокости чрезмѣрнаго и ночного труда,—наталкивается, наконецъ, на опредѣленныя естественныя границы, перейти которыя уже нѣтъ возможности, а, слѣдовательно, этимъ полагаются также предѣлы удешевленію товаровъ,—насколько ему служатъ основаніемъ всѣ эти способы, — равно какъ и капиталистической эксплуатаціи вообще. Какъ скоро этотъ предѣлъ достигнутъ—а его достигаютъ въ многіе годы — значитъ насталъ часъ для введенія машинъ и для быстраго обращенія разбросанной кустарной промышленности (а также мануфактурной) въ фабричное производство.

Колоссальнымъ примѣромъ такого перехода служитъ производство «Wearing Apparel» (предметовъ одежды и обуви). По классификаціи «Children's Employment Commission», къ этой отрасли промышленности относятся лица, дѣлающія соломенныя дамскія шляпы, дамскіе головные уборы, портные, модистки и портнихи [264]), бѣлошвейки и швеи, корсетницы, перчаточники, сапожники и многія мелкія отрасли, какъ, напримѣръ, изготовленіе галстуховъ и т. п. Женщинъ, работающихъ въ этихъ отрасляхъ промышленности въ Англіи и Уэльсѣ, въ 1861 г., было 586,298, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ 115,242 моложе 20 лѣтъ и 16,650 моложе 15 лѣтъ. Во-всей же Великобританіи число этихъ работницъ въ 1861 году доходило до 750,334. Въ-тоже время число работниковъ мужчинъ, занятыхъ портняжнымъ, шляпочнымъ, перчаточнымъ и башмачнымъ ремеслами, въ Англіи и Уэльсѣ было 437,969, изъ которыхъ 14,964 моложе 15 лѣтъ, 89,285—отъ 15 до 20 лѣтъ и 333,117—старше 20 лѣтъ. Въ это число не вошло множество мелкихъ отраслей той-же промышленности. Если мы возьмемъ эти цифры какъ онѣ есть, то только для Англіи и Уэльса, по переписи 1861 г., получится итогъ въ 1.024,277 лицъ, т.-е. почти столько, сколько занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ. Теперь мы начинаемъ понимать, для чего машины помогаютъ производить такую чудовищ-

[262]) Child. Empl. Com. II Rep. 1864. p. XL, XLI.

[263]) «Child. Empl. Comm. I Rep. 1863», p. 185.

[264]) Модистки занимаются собственно головными уборами, впрочемъ, сюда также причисляется шитье дамскихъ пальто и мантилій; между тѣмъ какъ портнихи,—шьютъ только платья.

ную массу продуктовъ и «освобождаютъ» такую чудовищную массу рабочихъ.

Производство «Wearing Apparels» ведется частью мануфактурою, въ мастерскихъ которой существуетъ только то раздѣленіе труда, membra disjecta котораго были найдены уже готовыми; частью мелкими ремесленниками, теперь уже не работающими какъ прежде на отдѣльныхъ потребителей, а на мануфактуры и на магазины, — такъ что часто цѣлые города или мѣстности занимаются какой-нибудь специальной отраслью, напримѣръ, сапожничествомъ; и наконецъ, болѣе всего, такъ называемыми рабочими, кустарями, составляющими внѣшнія отдѣленія мануфактуръ, товарныхъ магазиновъ и даже мастерскихъ мелкихъ хозяевъ [265]). Массу рабочаго матеріала, сырого матеріала и полуфабрикатовъ доставляетъ крупная промышленность, масса-же дешеваго человѣческаго матеріала (taillable à merci et miséricorde) состоитъ изъ «освобожденныхъ» крупною промышленностью и усовершенствованнымъ земледѣліемъ. Мануфактуры этой отрасли обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, тому что капиталисту нужно имѣть подъ руками армію, готовую отвѣтить на всякое колебаніе запроса [266]). Эти мануфактуры допускаютъ однако, подлѣ себя существованіе, въ видѣ широкаго своего основанія, разбросаннаго ремесленнаго и кустарнаго производства. Производство большой прибавочной стоимости въ этихъ отрасляхъ труда, вмѣстѣ съ постояннымъ удешевленіемъ продуктовъ, обусловливается, главнымъ образомъ, minimum'омъ заработной платы, необходимой для того, чтобы только-только не умереть съ голода, вмѣстѣ съ maximum'омъ рабочаго времени, который только можетъ вынести человѣческій организмъ. Дѣйствительно, только благодаря дешевизнѣ человѣческаго пота и крови, обращаемымъ въ товары, постоянно расширялся и съ каждымъ днемъ продолжаетъ расширяться рынокъ сбыта; для Англіи — главнымъ образомъ колоніальный рынокъ, гдѣ къ тому-же преобладаютъ англійскіе вкусы и привычки. Наконецъ наступаетъ роковой моментъ, когда основа стараго способа, простая грубая эксплуатація рабочаго матеріала, сопровождаемая болѣе или менѣе систематическимъ раздѣленіемъ труда, болѣе не удовлетворяетъ требованіямъ расширяющагося рынка, и еще быстрѣе возрастающей конкуренціи капиталистовъ. Наступаетъ часъ появленія машины. Положительно революціонная машина, одинаково охватывающая всѣ безчисленныя отрасли этой сферы производства, производство модныхъ товаровъ, портняжество, сапожничество, швейное мастерство, шляпошничество и т. д., это — швейная машина.

Непосредственное вліяніе ея на рабочихъ сходно съ вліяніемъ другихъ машинъ, захватывающихъ въ періодъ крупной промышленности новыя отрасли производства. Малолѣтнія дѣти удаляются. Заработная плата рабочихъ при машинахъ поднимается сравнительно съ платою кустарей, изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ (the poorest of the poor). Плата лучше поставленнымъ ремесленникамъ, съ которыми конкурируетъ машина — понижается. Новыми рабочими при машинахъ являются исключительно дѣвушки и молодыя женщины. Помощью механической силы, онѣ уничтожаютъ монополію мужского труда въ тяжелыхъ работахъ, а въ легкихъ — вытѣсняютъ старыхъ женщинъ и малолѣтнихъ. Всемогущая конкуренція побиваетъ слабѣйшихъ рабочихъ. Чудовищное возрастаніе случаевъ голодной смерти (death from starvation), за послѣднее десятилѣтіе, въ Лондонѣ идетъ параллельно съ развитіемъ машиннаго шитья [267]). Новыя работницы на швейныхъ машинахъ тратятъ много рабочей силы, приводя въ движеніе машину рукой и ногой, или одной рукой, сидя или стоя, смотря по тяжести, величинѣ и спеціальности машины. Это занятіе, если оно продолжительно, вредно дѣйствуетъ на здоровье; хотя, большею частью, длина рабочаго дня здѣсь меньше, чѣмъ при старой системѣ. Вездѣ, гдѣ швейныя машины вводятся въ тѣсныя и переполненныя мастерскія, какъ, напримѣръ, въ корсетныя, сапожныя, шляпочныя и др., онѣ ухудшаютъ санитарныя условія. «Впечатлѣніе», говоритъ коммисаръ Lord, «при входѣ въ низкія мастерскія, гдѣ работаютъ на машинахъ человѣкъ 30 — 40, положительно невыносимо... Жара, происходящая частью отъ газовыхъ печей для нагрѣванія утюговъ, ужасна... Въ такихъ помѣщеніяхъ, даже при такъ называемыхъ умѣренныхъ рабочихъ часахъ, т.-е. когда работа производится съ 8-ми часовъ утра до 6-ти вечера, все-таки каждый день человѣка 3 или 4 падаютъ въ обморокъ» [268]).

Преобразованіе общественнаго способа производства, это необходимое послѣдствіе преобразованія орудій производства, совершается при

[265]) Въ Англіи моды и платья производятся, большею частью, въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ, частью работницами, которыя тамъ и живутъ, частью же поденщицами.

[266]) Коммисаръ White осмотрѣлъ одну мануфактуру военнаго платья, гдѣ работало отъ 1,000 до 1,200 лицъ, почти все женщины; одну сапожную мануфактуру, гдѣ было 1,300 лицъ, изъ которыхъ около половины дѣтей и подростковъ и т. п. «Ch. Empl. Com. II Rep.» p. XVII, n. 319.

[267]) Вотъ примѣръ: 26 февраля 1864 года еженедѣльный отчетъ о смертныхъ случаяхъ, публикуемый Registrar General, устанавливаетъ 5 случаевъ голодной смерти. Въ тотъ же самый день «Times» сообщилъ еще объ одномъ. Шесть жертвъ голода за одну недѣлю!

[268]) «Ch. Empl. Comm. II Rep. 1864», p. LXVII, n. 406—9, p. 84, n. 124, p LXXIII, n. 441, p. 66, n. 6, p. 84, n. 126, p. 78, n. 85, p. 76, n. 69, p. LXXII, n. 483.

посредствѣ пестраго ряда переходныхъ формъ. Онѣ измѣняются соотвѣтственно размѣрамъ, въ какихъ швейная машина захватила ту или другую отрасль промышленности; соотвѣтственно времени, въ продолженіе котораго она дѣйствовала въ ней; сообразно тому положенію, въ какомъ она нашла рабочихъ; сообразно тому производству, какое въ то время преобладало: мануфактурное, ремесленное или кустарное; соразмѣрно наемной цѣнѣ помѣщеній для работъ и т. д. [269]). Въ производствѣ модныхъ товаровъ, напримѣръ, гдѣ работа большею частью уже была огранизована преимущественно въ видѣ простой коопераціи, швейная машина образуетъ сначала только новый факторъ мануфактурнаго способа производства. Въ портняжествѣ, сапожничествѣ, шитьѣ рубашекъ и т. п., всѣ формы переплетаются между собой. Здѣсь — настоящее фабричное производство. Тамъ—хозяева-посредники получаютъ сырой матеріалъ отъ капиталистовъ en chef и группируютъ около швейныхъ машинъ въ «палатахъ» или на «чердакахъ» отъ 10—50 и болѣе наемныхъ рабочихъ. Наконецъ, какъ при всякомъ машинномъ способѣ производства, пока онъ еще не получитъ систематической организаціи, и когда машины могутъ примѣняться только въ ничтожныхъ размѣрахъ, ремесленники и кустари, со своими семействами и съ помощью немногихъ постороннихъ рабочихъ, работаютъ на своихъ собственныхъ швейныхъ машинахъ [270]). Фактически, въ Англіи преобладаетъ такой способъ, гдѣ капиталистъ сосредоточиваетъ большое число машинъ въ своихъ помѣщеніяхъ, и затѣмъ продуктъ этихъ машинъ распредѣляетъ для дальнѣйшей обработки между арміей кустарей [271]). Пестрота переходныхъ формъ не скрываетъ, однако, стремленія ихъ перейти въ настоящее фабричное производство. Этому стремленію содѣйствуетъ самый характеръ швейныхъ машинъ, многосторонность примѣненія которыхъ соединяетъ отрасли производства прежде разобщенныя подъ одну кровлю и подъ надзоръ и управленіе одного капитала; затѣмъ, то обстоятельство, что предварительныя работы иголкой и нѣкоторыя другія операціи совершаются всего удобнѣе при самихъ машинахъ; наконецъ, неизбѣжная экспропріація ремесленниковъ и кустарей, производимая машинами. Эта участь постигаетъ ихъ отчасти уже и теперь. Постоянно возрастающее количество капитала, затраченнаго на швейныя машины [272]), расширяетъ производство и вызываетъ на рынкахъ застой, благодаря которому кустари вынуждены продавать свои швейныя машины. Перепроизводство самихъ машинъ заставляетъ производителей отдавать ихъ понедѣльно напрокатъ и создаетъ, этимъ самымъ, конкуренцію, убійственную для мелкихъ владѣльцевъ машинъ [273]). Уменьшеніе цѣнъ старыхъ экземпляровъ происходитъ еще вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій конструкціи и удешевленія производства машинъ, благодаря чему крупные капиталисты покупаютъ ихъ массами за безцѣнокъ, и съ выгодою пользуются ими. Наконецъ, послѣдній ударъ при этомъ, какъ и при всякомъ другомъ промышленномъ переворотѣ, наноситъ замѣщеніе людей паровыми машинами. Приложеніе пара наталкивается сначала на чисто техническія препятствія,—какъ, напримѣръ, неравномѣрность хода машины, трудность совладать съ ея скоростью, быструю порчу мелкихъ машинъ и т. п. препятствія, — преодолѣвать которыя скоро научаетъ опытъ [274]). Если, съ одной стороны, скопленіе многихъ рабочихъ машинъ въ большихъ мануфактурахъ способствуетъ приложенію пара, то, съ другой стороны, соперничество пара съ человѣческими мускулами ускоряетъ сосредоточеніе рабочихъ и машинъ на большихъ фабрикахъ. Такъ, въ Англіи колосальныя сферы производства «Wearing Apparel», какъ и большая часть другихъ отраслей, переживаютъ въ настоящее время (1867) преобразованіе мануфактуры, ремесленнаго и кустарнаго труда въ фабричное производство,—послѣ того, какъ всѣ эти формы, подъ вліяніемъ крупной промышленности, окончательно преобразовались и разложились, уже давно воспроизвели и даже превзошли всѣ чудовищности фабричной системы, не воспользовавшись, однако, какими-бы то ни было положительными элементами общественнаго прогресса, которыми она обладаетъ [275]).

[269]) «Наемная плата за помѣщенія для мастерскихъ есть, кажется, рѣшающій элементъ, и потому именно въ метрополіи всего долѣе удерживалась старая система давать работу мелкимъ хозяевамъ и семействамъ, и тамъ же всего скорѣе къ ней возвращались». (l. c. p. 83 n. 123). Послѣднее относится исключительно къ сапожничеству.

[270]) Въ перчаточномъ производствѣ и т. п., гдѣ положеніе рабочихъ врядъ-ли чѣмъ отличается отъ нищихъ, этого не бываетъ.

[271]) l. c. p. 2, n. 122.

[272]) Только въ одномъ Лейстерѣ, въ 1864 году, на производство сапоговъ и башмаковъ для оптовой продажи употреблялось 800 швейныхъ машинъ.

[273]) l. c. p. 84, n. 124.

[274]) Такъ въ депо солдатской одежды въ Пимлико, въ Лондонѣ, на рубашечной фабрикѣ Tillie and Henderson въ Лондондерри, на фабрикѣ платья, принадлежащей фирмѣ Tait въ Лимерикѣ, занято до 1.200 рабочихъ рукъ

[275]) «Стремленіе къ фабричной системѣ» (l. c. p. LXVII). «Все производство находится въ настоящее время въ переходномъ состояніи и претерпѣваетъ тѣ же измѣненія, какъ кружевное, ткацкое и т. д.» (l. c. n. 405). «Полнѣйшая революція» (l. c. p. XLVI, n. 318). Во время «Children's Empl. Comm.» 1840 года, чулки производились еще ручнымъ трудомъ. Съ 1846 года были введены разныя машины, теперь приводимыя въ движеніе паромъ. Общее число лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, съ трехлѣтняго, занимавшееся въ Англіи чулочнымъ производ-

Этотъ стихiйный ходъ промышленнаго переворота ускоряется искусственно, распространенiемъ дѣйствiя фабричнаго закона на всѣ отрасли промышленности, гдѣ работаютъ женщины, подростки и дѣти. Обязательное регулированiе рабочаго дня по его продолжительности, остановкамъ, времени начала и конца работъ, способу смѣны дѣтей, недопущенiю дѣтей моложе опредѣленнаго возраста и т. д., — все это побуждаетъ, съ одной стороны, къ увеличенiю числа машинъ [276]) и къ замѣнѣ мускуловъ двигательной силой пара [277]); съ другой стороны, чтобы возмѣстить потерю во времени, происходитъ увеличенiе размѣровъ орудiй производства, которыми пользуются сообща, напримѣръ, печей, строенiй и т. д., словомъ — большее сосредоточенiе орудiй производства и, соотвѣтственно этому, большее скопленiе рабочихъ. Въ каждой мануфактурѣ, на которую распространяется фабричное законодательство, повторяется одна и та-же жалоба, именно, что необходимы бóльшiя затраты капитала для продолженiя веденiя дѣла въ прежнихъ размѣрахъ. Что-же касается переходныхъ формъ между мануфактурой и самимъ кустарничествомъ, то, съ ограниченiемъ рабочаго дня и дѣтскаго труда, онѣ теряютъ подъ собою почву. Безграничная эксплуатацiя дешевыхъ рабочихъ силъ только и давала имъ возможность конкурировать.

Фабричное производство, въ особенности если на него распространено дѣйствiе закона, регулирующаго рабочiй день, требуетъ первымъ условiемъ, чтобы ожидаемый результатъ поддавался расчету, такимъ образомъ, чтобы, въ теченiе опредѣленнаго времени, можно было разсчитывать на производство опредѣленнаго количества товаровъ. Далѣе, законные перерывы регулированнаго рабочаго дня предполагаютъ внезапныя и перiодическiя остановки работы, безъ вредныхъ послѣдствiй для продукта, находящагося въ производствѣ. Эта обезпеченность результата и способность работы прерываться, разумѣется легче можетъ быть достигнута въ чисто механическихъ производствахъ, чѣмъ тамъ, гдѣ играютъ роль процессы химическiе, какъ, напримѣръ, въ гончарномъ производствѣ, въ бѣлильномъ, красильномъ искусствѣ, при хлѣбопеченьи, въ большей части металлическихъ про изводствъ. При неограниченномъ рабочемъ днѣ, ночной работѣ и свободномъ расточенiи человѣческихъ силъ, всякое естественное препятствiе скоро превращается въ вѣчныя «естественныя препятствiя» производства. Ни одинъ ядъ не уничтожаетъ такъ быстро гадовъ, какъ фабричный законъ — подобныя «естественныя препятствiя». Никто такъ громко не кричалъ о «невозможности», какъ господа гончарные заводчики. Въ 1864 г. на нихъ распространился фабричный законъ, и уже 16 мѣсяцевъ спустя, всѣ невозможности исчезли. «Усовершенствованные способы приготовленiя посуды, вызванные фабричнымъ закономъ, печи новой конструкцiи для сушки еще не готоваго товара и т. п., являются событiями, въ высшей степени важными для гончарнаго искусства, и показываютъ такой прогрессъ въ немъ, равнаго которому не было во все послѣднее столѣтiе... Температура печей сильно понижена, причемъ расходъ на топливо значительно уменьшился, а между тѣмъ полезное дѣйствiе возрасло [278]). Несмотря на всякiя пророчества, цѣна на гончарныя издѣлiя не повысилась, число же продуктовъ даже увеличилось, такъ что цѣнность товара, вывезеннаго съ декабря 1864 по декабрь 1865 г., была на 138,628 ф. стерл. больше средней цѣнности трехъ предъидущихъ лѣтъ. При спичечномъ производствѣ считалось дѣломъ естественнымъ, когда дѣти окунали спички въ расплавленный фосфоръ даже во время ѣды и, такимъ образомъ, поглощали вмѣстѣ съ ѣдою ядовитые пары, поднимавшiеся имъ въ лицо. Необходимость экономничать временемъ, вслѣдствiе фабричнаго закона (1864 г.), побудила фабрикантовъ ввести «dipping machine» (макательную машину), изъ которой пары уже не могутъ доходитъ до рабочаго [279]). Такъ и въ настоящее время увѣряютъ, что въ отрасляхъ кружевной мануфактуры, на которыя еще не распространяется дѣйствiе фабричнаго закона, невозможно точно назначить время для ѣды, «такъ какъ различные матерiалы для кружевъ требуютъ для просушки различнаго время, одни требуютъ 3 минуты, другiе-же часъ и болѣе». На это коммисары Chil-

ствомъ, въ 1862 году доходило до 129,000; изъ нихъ по парламентскому отчету 11 февраля 1862 года фабричный законъ распространился только на 4,063.

[276]) Такъ, напримѣръ, относительно гончарнаго производства, фирма Cochrane, подъ названiемъ «Britain Pottery, Glasgow», говоритъ: «чтобы поддержать количества продуктовъ, мы усиленно вводимъ въ употребленiе машины съ неискусными рабочими, и ежедневно болѣе и болѣе убѣждаемся, что можемъ этимъ путемъ производить больше, нежели старымъ способомъ». («Rep. of Insp. of Fact. 31 Oct. 1865» p. 13). «Влiянiе фабричнаго закона выражается въ томъ, что онъ понуждаетъ къ дальнѣйшему введенiю машинъ» (l. c. p. 13, 14).

[277]) Такъ, со времени распространенiя фабричнаго закона на гончарное производство, сильно увеличилось число механическихъ гончарныхъ станковъ, вмѣсто ручныхъ.

[278]) Rep. Insp. Fact. 31 Oct. 1865. p. 96, п. 127.

[279]) Введенiе на спичечныхъ фабрикахъ этихъ и другихъ машинъ замѣстило только въ одной отрасли производства 230 подростковъ 32 мальчиками и дѣвушками, отъ 14 до 17 лѣтняго возраста. Это сбереженiе въ числѣ рабочихъ въ 1865 году пошло еще дальше, вслѣдствiе примѣненiя паровой силы.

dren's Empl. Commission» отвѣчаютъ: «здѣсь условія совершенно тѣ-же, какъ при печатаніи обоевъ. Нѣкоторые изъ главныхъ фабрикантовъ этой отрасли особенно настаивали на томъ, что свойство употребляющихся матеріаловъ и разнообразіе процессовъ, которымъ они подвергаются, не позволяютъ, безъ большихъ потерь, дѣлать перерывы въ работѣ для ѣды, въ какое-нибудь опредѣленное время. Но опытъ показалъ, что, при извѣстной предосторожности и предварительныхъ приспособленіяхъ, предполагаемое затрудненіе можно устранить... Шестою статьею шестого отдѣла Factory Akts Extension Act'a (актъ, распространяющій дѣйствія фабричнаго законодательства) имъ былъ данъ 18-ти мѣсячный срокъ, со времени изданія акта, въ продолженіе котораго они обязаны были приноровиться къ перерывамъ для отдыха, установленнымъ закономъ» [280]). Какъ только этотъ законъ былъ утвержденъ парламентомъ, господа фабриканты нашли, что «неудобства, которыя мы ожидали отъ введенія фабричнаго закона, къ счастію не произошли. Мы не находимъ, чтобы производство въ чемъ-нибудь стало стѣснено. Дѣйствительно, мы изготовляемъ больше въ теченіе того-же времени» [281]). Мы видимъ, что англійскій парламентъ, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ избыткѣ геніальности, опытомъ убѣдился, что достаточно обязательнаго закона, чтобы исчезли всѣ, такъ называемыя, естественныя препятствія производства для ограниченія и регулированія рабочаго дня. Поэтому, при введеніи фабричнаго закона въ какую-нибудь отрасль промышленности, дается срокъ отъ 6 до 18 мѣсяцевъ, и уже дѣло фабрикантовъ устранить техническія препятствія въ продолженіе этого времени. Слова Мирабо: Impossible? Ne me dites jamais ce bête de mot!» относятся именно къ современной технологіи. Но если фабричный законъ искусственно содѣйствуетъ болѣе скорому развитію матеріальныхъ элементовъ для обращенія мануфактурнаго производства въ фабричное, то, въ тоже время, онъ ускоряетъ, какъ гибель мелкихъ хозяевъ, такъ и накопленіе капитала въ рукахъ немногихъ лицъ, благодаря необходимости большихъ затратъ капитала [382]).

Помимо препятствій чисто техническаго свойства и устраняемыхъ технически, регулированію рабочаго дня мѣшаютъ также неправильныя привычки самихъ рабочихъ, именно тамъ, гдѣ господствуетъ поштучная плата и гдѣ можно гулять въ теченіе одной части дня или недѣли, а потомъ наверстать потерянное время усиленнымъ или ночнымъ трудомъ; отъ этого взрослые рабочіе грубѣютъ, а силы дѣтей и женщинъ надламываются [283]). Хотя это отсутствіе правильности при тратѣ рабочей силы есть естественная и грубая реакція противъ скуки однообразнаго труда, но, тѣмъ не менѣе, въ несравненно высшей степени она происходитъ отъ анархіи въ самомъ производствѣ, которая, съ своей стороны, предполагаетъ необузданную эксплуатацію рабочей силы капиталомъ. Вмѣстѣ съ общими періодическими измѣненіями фазисовъ промышленнаго цикла и особенными колебаніями рынка, которымъ подвергается каждая отрасль производства, являются такъ называемые saisons, зависимые или отъ періодичности временъ года, благопріятныхъ для мореплаванія, или отъ моды, причемъ внезапные и крупные заказы необходимо исполнить въ самый короткій срокъ. Подобные заказы все болѣе и болѣе входятъ въ обычай съ распространеніемъ телеграфа и желѣзныхъ дорогъ. «Развитіе желѣзнодорожной сѣти», говоритъ, напримѣръ, одинъ лондонскій фабрикантъ, «по всей странѣ, значительно способствовало обычаю краткосрочныхъ заказовъ. Покупатели пріѣзжаютъ теперь разъ недѣли въ двѣ изъ Гласго, Манчестера, Эдинбурга къ оптовымъ торговымъ домамъ Сити, которымъ мы доставляемъ свой товаръ. Вмѣсто того, чтобы покупать товары въ складахъ, какъ обыкновенно дѣлалось прежде, они даютъ приказы, которые нужно исполнить немедленно. Прежде, въ тихое время, мы могли заготовить товаръ для требованій слѣдующаго сезона; теперь-же никто не можетъ сказать заранѣе, на что тогда будетъ запросъ» [284]).

---

[280]) «Ch. Empl. Com. II Rep. 1864» p. IX, n. 50.

[281]) «Rep. of Insp. of Fact. 31 Oct.» 1865 p. 22.

[282]) «Во многихъ старыхъ мануфактурахъ невозможно ввести необходимыхъ улучшеній безъ большихъ затратъ капитала, превосходящихъ средства многихъ теперешнихъ владѣльцевъ. Разстройство въ дѣлахъ обязательно сопровождаетъ введеніе фабричнаго закона. Степень этого разстройства бываетъ пропорціональна количеству устраняемыхъ неудобствъ». (l. c. p. 96, 97).

[283]) При доменныхъ печахъ, напримѣръ, «въ концѣ недѣли работа обыкновенно продолжается дольше, вслѣдствіе привычки рабочихъ лѣниться по понедѣльникамъ, а частью даже и по вторникамъ» («Ch. Empl. Com. III Rep.» p. VI). «У мелкихъ хозяевъ рабочіе часы обыкновенно крайне неправильны. Они теряютъ 2, 3 дня, а потомъ, чтобы наверстать ихъ, работаютъ по цѣлымъ ночамъ... Если у нихъ есть собственныя дѣти, то они всегда заставляютъ работать и ихъ» (l. c. p. VII). «Недостатокъ правильности рабочаго дня поощряется возможностью наверстать потерянное время болѣе продолжительной работой, что дѣйствительно и дѣлается» (l. c. p. XVIII). «Громадная потеря времени въ Бирмингэмѣ... часть времени лѣнятся, другую работаютъ, какъ рабы (l. c. p. XI).

[284]) «Ch. Empl. Com. IV Rep.» p. XXXII, XXXIII. «Распространеніе желѣзныхъ дорогъ, говорятъ, сильно помогло упроченію обычая краткосрочныхъ заказовъ, что повлекло за собою поспѣшность, отсутствіе правильности во времени для ѣды и поздніе рабочіе часы трудящихся» (l. c. p. XXXI).

На тѣхъ фабрикахъ, на которыя еще не распространено фабричное законодательство, чрезмѣрный трудъ господствуетъ періодически въ продолженіе такъ называемаго сезона и вслѣдствіе непредвидѣнныхъ заказовъ. Внѣшнія отдѣленія фабрикъ, мануфактуръ и товарныхъ магазиновъ, то есть кустари,—занятія которыхъ и безъ того очень неправильны — находятся въ полной кабалѣ касательно сырого матеріала и заказовъ отъ прихотей капиталистовъ, совершенно не помышляющихъ о возмѣщеніи стоимости строеній, машинъ и т. д., и рискующіе при этомъ только шкурой работника. Такимъ то-образомъ, они систематически подготовляютъ промышленную резервную армію, которою могутъ во всякое время располагать, и которая одно время года находится подъ гнетомъ непосильнаго труда, другую-же часть года бѣдствуетъ отъ недостатка работы. «Хозяева», говоритъ «Ch. Empl. Comm.», «пользуются обычною неправильностью кустарничества для того, чтобы при экстренной работѣ заставлять работать до 11, 12 часовъ ночи, однимъ словомъ, подряжать на всѣ часы, какъ обыкновенно говориться въ этихъ случаяхъ; и это въ такихъ помѣщеніяхъ, «гдѣ вонь сшибаетъ васъ съ ногъ («the stench is enough to knock you down»). Вы, можетъ быть, дойдете до двери и отопрете ее, но войти далѣе побоитесь» [285]. «Наши хозяева —странные люди», сказалъ одинъ изъ допрошенныхъ свидѣтелей, сапожникъ, «они думаютъ, что если несчастный мальчикъ принужденъ долго надрываться надъ работой, а другіе полгода бездѣльничать, то это не принесетъ ему никакого вреда» [286].

Заинтересованные въ дѣлѣ капиталисты называли и называютъ, вмѣстѣ съ техническими затрудненіями, и эти «торговые обычаи» (usages which have grown with the growth of trade) «естественными препятствіями» производства; и это былъ особенно любимымъ доводомъ лордовъ хлопка, въ то время, когда имъ впервые угрожалъ фабричный законъ. Хотя ихъ промышленность болѣе чѣмъ какая-нибудь другая зависитъ отъ всемірнаго рынка, слѣдовательно и отъ мореплаванія, опытъ показалъ, что слова ихъ были ложью. Съ тѣхъ поръ на всякія «естественныя затрудненія», возникающія изъ хода предпріятія, фабричные инспектора смотрятъ какъ на вздорныя отговорки [287]. Вполнѣ добросовѣстныя изслѣдованія «Children's Employment Commission» дѣйствительно доказываютъ, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, вслѣдствіе регулированія рабочаго дня, масса уже занятаго труда распредѣляется равномѣрнѣе въ теченіе цѣлаго года [288]; что такое регулированіе явилось первымъ раціональнымъ ограниченіемъ прихотямъ моды, которыя, сами по себѣ, безсодержательны, человѣкоубійственны и не подходятъ къ условіямъ крупной промышленности [289]; что развитіе мореплаванія, и средствъ сообщенія вообще, уничтожило техническое основаніе, на которомъ собственно покоилась сезонная работа [290]; что всѣ другія, якобы непреодолимыя, препятствія устраняются болѣе обширными помѣщеніями, добавочными машинами, увеличеніемъ числа рабочихъ [291]) и соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ способѣ веденія оптовой торговли [292]. Однако,

---

[285]) «Childr. Empl. Com. IV Rep.» p. XXXV, n. 235 и 237.

[286]) l. c. p. 127, n. 56.

[287]) «Что касается до торговыхъ потерь, происходящихъ отъ несвоевременнаго выполненія заказовъ, я припоминаю, что это былъ любимѣйшій доводъ фабрикантовъ въ 1831 и 1832 гг. Ничего изъ того, что можно теперь сказать по этому поводу, не могло имѣть силу тогда, когда паръ еще не сократилъ вдвое всѣ разстоянія и не установилъ новаго порядка для перевозки товаровъ. Тогда положительно не было доказательствъ; ихъ, конечно, не найдется и теперь, если вновь изслѣдовать это дѣло» («Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1862» p. 54, 55).

[288]) «Ch. Empl. Com. IV Rep.» p. XVIII, n. 118.

[289]) Еще въ 1699 году Джонъ Беллерсъ замѣтилъ: «Непостоянство моды повышаетъ число нуждающихся бѣдныхъ. Въ немъ заключаются два великихъ зла: во-1-хъ, поденьщики очень несчастны зимой, вслѣдствіе недостатка работы, потому что мелочные торговцы и хозяева ткачи не могутъ затрачивать капитала и давать работу поденьщикамъ раньше весны, когда они узнаютъ, какова будетъ мода; во 2-хъ, весною число поденьщиковъ бываетъ недостаточно, но хозяева ткачи вынуждены усиленно производить для того, чтобы быть въ состояніи удовлетворить торговлю королевства въ 3 мѣсяца или полгода; это отрываетъ множество рукъ отъ плуга, лишаетъ страну рабочихъ, переполняетъ города нищими, а зимою моритъ голодомъ тѣхъ, кому совѣстно нищенствовать». («Essays about the Poor, Manufactures etc.» p. 9).

[290]) «Ch. Empl. Comm. V Rep.» p. 171, n. 31.

[291]) Такъ, напримѣръ, въ свидѣтельскихъ показаніяхъ брэдфордскихъ экспортеровъ читаемъ: «Очевидно, что при этихъ условіяхъ мальчикамъ нѣтъ необходимости заниматься въ товарныхъ складахъ дольше нежели съ 8 часовъ утра и до 7 и $7^1/_2$ вечера. Весь вопросъ только въ экстренныхъ расходахъ и въ экстренныхъ рабочихъ. Мальчикамъ не нужно было бы работать до поздней ночи, если бы нѣкоторые хозяева не были такъ жадны къ барышамъ; какая-нибудь лишняя машина стоитъ всего 16—18 ф. стерл.... Всѣ сверхурочныя работы зависятъ отъ плохого устройства и отъ недостатка мѣста» (l. c. p. 171, n. 31, 36 и 38).

[292]) l. c. Одинъ лондонскій фабрикантъ, который, впрочемъ, считаетъ регулированіе рабочаго дня средствомъ защиты рабочихъ противъ фабрикантовъ и защиты самихъ фабрикантовъ противъ оптовой торговли, говоритъ: «Наши дѣла стѣсняются судовладѣльцами, которые, напримѣръ, отправляя товаръ на парусномъ суднѣ, хотятъ чтобы онъ поспѣлъ къ опредѣленному сроку на мѣсто, и въ то же время желаютъ положить въ карманъ разницу фрахта на парусномъ суднѣ и пароходѣ, или изъ двухъ пароходовъ стараются выбрать отправляющійся ранѣе, чтобы явиться на заграничномъ рынкѣ прежде своихъ конкурентовъ».

такія измѣненія капиталъ никогда не соглашается произвести, какъ онъ многократно заявлялъ въ лицѣ своихъ представителей. иначе, какъ «только подъ гнетомъ общаго парламентскаго закона» [293]), который устанавливаетъ нормальный рабочій день одновременно для всѣхъ отраслей производства.

9) Фабричные законы. Статьи этихъ законовъ, касающіяся санитарныхъ условій и образованія. Всеобщее распространеніе ихъ въ Англіи.

Фабричное законодательство, это первое сознательное и цѣлесообразное воздѣйствіе общества на самопроизвольно возникшія формы процесса производства, есть въ то-же время, какъ мы видѣли, продуктъ крупной промышленности, столь-же необходимый, какъ хлопчато-бумажная пряжа, selfaktor'ы и электрическіе телеграфы. Прежде чѣмъ перейти къ тому, какъ оно распространялось на всѣ отрасли производства въ Англіи, скажемъ нѣсколько словъ о статьяхъ англійскаго фабричнаго закона, не относящихся къ числу часовъ рабочаго дня.

Не говоря уже о редакціи закона, облегчающей капиталистамъ возможность обходить его, слѣдуетъ замѣтить, что статьи, относящіяся къ санитарнымъ условіямъ, крайне не полны; онѣ ограничиваются лишь предписаніями о бѣленіи стѣнъ, о вентиляціи и о мѣрахъ предосторожности противъ опасныхъ машинъ. Въ третьей книгѣ мы еще возвратимся къ фанатическому сопротивленію фабрикантовъ противъ статей, обязывающихъ ихъ дѣлать ничтожныя издержки для охраны членовъ ихъ «рабочихъ рукъ», сопротивленію, которые проливаетъ новый и ясный свѣтъ на тотъ догматъ свободной торговли, по которому въ обществѣ съ противуположными интересами, каждый, преслѣдуя свою индивидуальную пользу, способствуетъ общему благу! Достаточно одного примѣра. Извѣстно, что въ продолженіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ льняное производство, а вмѣстѣ съ нимъ и scutching mills (фабрики, гдѣ треплютъ ленъ), сильно разрослось въ Ирландіи. Въ 1864 г. тамъ было около 1,800 такихъ фабрикъ. Осенью и зимой, т.-е. когда нѣтъ полевыхъ работъ, набираются преимущественно молодые люди и женщины, сыновья, дочери и жены сосѣднихъ мелкихъ фермеровъ,—все лица, совершенно незнакомыя съ машинами, — и засаживаются за валы на трепальныхъ фабрикахъ, чтобы подкладывать подъ нихъ ленъ. Здѣсь несчастные случаи, по своей значительности и числу, представляютъ нѣчто безпримѣрное въ исторіи машиннаго производства. На одну scutching mill въ Кильдинанѣ (Коркъ), съ 1852 по 1856 г., приходилось 5 смертныхъ случаевъ и 60 тяжелыхъ увѣчій; всѣхъ ихъ можно было избѣжать самыми простыми мѣрами, затративъ нѣсколько шиллинговъ. Dr. W. White, certifying surgeon на фабрикахъ въ Downpatrick, заявляетъ, въ одномъ офиціальномъ отчетѣ отъ 15-го декабря 1865 года: «Несчастія на scutching mill бываютъ самаго ужаснаго свойства. Во многихъ случаяхъ четверть тѣла отрывается отъ туловища. Смерть или жалкое уродство и пожизненныя страданія, вотъ самыя обыкновенныя послѣдствія ранъ. Увеличеніе числа фабрикъ въ этой странѣ понятно увеличитъ и число этихъ ужасныхъ несчастій; и было-бы великимъ благодѣяніемъ, если-бы ихъ подчинить законодательству. Я убѣжденъ, что надлежащій правительственный надзоръ за scutching mills сильно понизитъ число смертныхъ случаевъ и увѣчій [294]).

Не служитъ-ли лучшей характеристикой капиталистическаго способа производства эта необходимость обязывать его закономъ соблюдать самыя простыя мѣры чистоплотности и гигіены? «Фабричный законъ 1864 г. принудилъ вычистить и выбѣлить на гончарныхъ заводахъ до 200 мастерскихъ, послѣ 20-ти-лѣтняго полнаго воздержанія отъ подобныхъ операцій (вотъ «воздержанность» капитала!) въ помѣщеніяхъ, гдѣ занималось 27,800 рабочихъ и гдѣ до сихъ поръ въ теченіе усиленной денной и ночной работы, они дышали испорченнымъ воздухомъ; такъ что эта сравнительно пустая причина давала громадный процентъ заболѣванія и смертности. Законъ значительно улучшилъ вентиляцію» [295]). Эта часть фабричнаго закона въ то-же время довольно убѣдительно доказываетъ, какъ капиталистическій способъ производства, по самой своей сущности, за извѣстными предѣлами, не допускаетъ никакихъ раціональныхъ улучшеній. Мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, что англійскіе врачи единогласно признаютъ 500 куб. фут. воздуха едва достаточнымъ минимумомъ для человѣка во время работы. Такъ вотъ, если фабричное законодательство, косвеннымъ образомъ, вслѣдствіе своихъ обязательныхъ постановленій. станетъ ускорять превращеніе мелкихъ мастерскихъ въ фабрики, а потому косвенно будетъ стѣснять право собственности мелкихъ капиталистовъ и обезпечивать монополію крупнымъ, если оно принудитъ обезпечить каждому рабочему необходимое количество воздуха въ мастерскихъ, то это будетъ прямою экспропріацією тысячи мелкихъ капиталистовъ! Такое законодательство подкапывается подъ самый корень капиталистическаго способа производства, т.-е.

[293]) „This could be obviated" говоритъ одинъ фабрикантъ, «at the expense of an enlargement of the works under the pressure of a General Act Parliament l. c. p. X, n. 38).

[294]) l. c. p. XV, n. 72 и слѣд.

[295]) «Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1865» p. 127.

подъ самоувеличеніе стоимости капитала, большого или малаго, все равно, при помощи «свободной» покупки и потребленія рабочей силы. Такимъ образомъ, предъ этими 500 куб. фут. воздуха, необходимыми для дыханія, само фабричное законодательство задыхается. Санитарные врачи, слѣдственныя промышленныя коммиссіи, фабричные инспектора постоянно твердятъ о необходимости 500 куб. фут. и о невозможности навязать ихъ капиталу. Такимъ образомъ они въ сущности заявляютъ, что чахотки и другія болѣзни легкихъ у рабочихъ являются необходимымъ условіемъ существованія капитала [296]).

Какъ-бы жалки ни казались всѣ вообще статьи фабричнаго закона, относящіяся къ первоначальному образованію, но онѣ все-таки объявляютъ первоначальное образованіе обязательнымъ условіемъ для употребленія дѣтей на работы [297]). Успѣхъ ихъ впервые доказалъ возможность соединенія образованія и гимнастики[298]) съ ручнымъ трудомъ, а слѣдовательно также ручного труда съ образованіемъ и гимнастикою. Фабричные инспектора скоро нашли, на основаніи показаній школьныхъ учителей, что фабричныя дѣти, несмотря на, то что пользуются только вдвое меньшимъ обученіемъ, чѣмъ дѣти правильно посѣщающіе школу, пріобрѣтаютъ познаній не меньше, часто даже больше послѣднихъ. «Это объясняется просто тѣмъ, что тотъ кто сидитъ въ школѣ только половину дня, постоянно бодръ, всегда спокоенъ и расположенъ къ ученію. Когда работа чередуется съ ученьемъ, то каждое изъ этихъ занятій служитъ отдыхомъ отъ другого, а слѣдовательно такое чередованіе болѣе свойственно ребенку, нежели постоянное занятіе однимъ изъ нихъ. Ребенку, который съ ранняго утра сидитъ въ школѣ, въ особенности-же при жаркой погодѣ, конечно невозможно соперничать съ такимъ, который приходитъ съ работы бордымъ» [299]). Дальнѣйшія свѣдѣнія можно найти въ рѣчи Senior'а, прочтенной на конгрессѣ общественныхъ наукъ въ Эдинбургѣ, въ 1863 г. Онъ показываетъ здѣсь, между прочимъ, какъ односторонній, непроизводительный и длинный школьный день дѣтей высшаго и средняго класса увеличиваетъ трудъ учителя, «причиняя не только безплодную, но даже прямо вредную трату времени, здоровья и энергіи дѣтей» [300]). Изъ фабричной системы, какъ это можно въ подробности прослѣдить у Robert Owen'а, возникаетъ зародышъ будущаго воспитанія, которое соединитъ для всѣхъ дѣтей извѣстнаго возраста производительный трудъ съ ученьемъ и гимнастикой; и это не только способъ для повышенія общественнаго производства, но и единственный способъ произведенія всесторонне развитыхъ людей.

Мы видѣли, что крупная промышленность технически устраняетъ мануфактурное разчлененіе труда, съ его прикрѣпленіемъ человѣка на всю жизнь къ какой-нибудь спеціальной операціи, но въ то-же время капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводитъ

---

[296]) Путемъ опыта нашли, что при каждомъ вдыханіи средней интенсивности, человѣкъ средняго здоровья потребляетъ 25 куб. дюймовъ воздуха, и что въ минуту производится около 20 вдыханій. Слѣдовательно, человѣкъ поглощаетъ въ теченіе 24 часовъ около 720,000 куб. дюймовъ или 416 куб. футовъ воздуха. Извѣстно однако, что воздухъ, разъ побывавшій въ легкихъ, уже не можетъ служить вторично для того же процесса до тѣхъ поръ, пока онъ не очистится въ великой мастерской природы. По опытамъ Валентина и Бруннера, здоровый человѣкъ выдыхаетъ въ теченіе часа около 1,300 куб. дюймовъ угольной кислоты; слѣдовательно, легкими въ теченіе 24 часовъ выбрасывается 8 унцій твердаго угля. «Для каждаго человѣка надо по крайней мѣрѣ 800 куб. футовъ». (Huxley).

[297]) По англійскому фабричному закону родители не имѣютъ права посылать дѣтей моложе 14 лѣтъ на фабрики, «подлежащія контролю», не давая имъ, въ то же время, первоначальнаго образованія. За соблюденіе закона отвѣчаетъ фабрикантъ. «Factory education is compulsory and it is a condition of labour». («Rep. of Insp. of Fact. 31 Oct. 1863» p. 111).

[298]) О благопріятныхъ послѣдствіяхъ соединенія гимнастики (для мальчиковъ также военныхъ упражненій) съ обязательнымъ образованіемъ для фабричныхъ дѣтей и для воспитанниковъ школъ для бѣдныхъ, смотри рѣчь N. W. Senior'a на 7-мъ годичномъ конгрессѣ «National Association for the Promotion of Social Science» въ «Report of Proceedings etc. London 1863», p. 63, 64, также отчетъ фабричныхъ инспекторовъ за 31 Oct. 1865 p. 118, 119, 120, 126 и слѣд.

[299]) «Rep. of Insp. of Fact.» l. c. p. 118. Одинъ наивный фабрикантъ шелковыхъ издѣлій заявляетъ коммисарамъ «Ch. Empl. Commission»: «Я вполнѣ убѣжденъ, что тайна полученія способныхъ рабочихъ заключается въ соединеніи труда съ ученьемъ, начиная съ дѣтскаго возраста. Конечно работа не должна быть слишкомъ утомительна или вредна и противна. Я желалъ бы, чтобы ученіе моихъ собственныхъ дѣтей чередовалось въ школѣ съ играми». («Ch. Empl. Com.» V Rep. p. 82, n. 36).

[300]) Senior, l. c. p. 66. Какимъ образомъ крупная промышленность, на извѣстной степени развитія, преобразуя матеріальные способы производства и общественныя отношенія производителей, производитъ также переворотъ въ головахъ, превосходно показываетъ сравненіе рѣчи N. W. Senior'а 1863 года и его филиппики противъ фабричнаго закона 1833 года, или сравненіе взглядовъ вышеупомянутаго конгресса съ тѣмъ фактомъ, что въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ округахъ Англіи бѣднымъ родителямъ до сихъ поръ еще запрещено, подъ страхомъ голодной смерти, учить своихъ дѣтей. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Снелля (Snell), въ Соммерсетширѣ, если какой-нибудь бѣдняга пожелаетъ получить вспоможеніе отъ прихода, то его принуждаютъ взять своихъ дѣтей изъ школы. Такъ Wollaston, пасторъ въ Фельтгамѣ, разсказываетъ о случаяхъ, когда было отказано въ помощи нѣкоторымъ семействамъ «на томъ основаніи, что они посылали своихъ дѣтей въ школу»!

это дѣленіе труда еще чудовищнѣе: на настоящихъ фабрикахъ,—обращеніемъ рабочаго въ живой придатокъ машины; повсюду-же, внѣ фабрики, частью—спорадическимъ употребленіемъ машинъ и машиннаго труда [301]), частью—возстановленіемъ раздѣленія труда, но уже на новыхъ основаніяхъ, вводя въ употребленіе дѣтскій, женскій и дешевый трудъ чернорабочихъ.

Противорѣчіе между раздѣленіемъ труда въ мануфактурѣ и сущностью крупной промышленности проявляется пагубными явленіями, между прочимъ въ томъ ужасномъ фактѣ, что большая часть дѣтей, занимающихся на современныхъ мануфактурахъ и фабрикахъ, съ самаго нѣжнаго возраста прикрѣпляется къ самымъ простѣйшимъ манипуляціямъ и эксплуатируется изъ года въ годъ, не научаясь какой-бы то ни было работѣ, даже такой, которая сдѣлала-бы ихъ впослѣдствіи полезными хоть на той-же фабрикѣ или мануфактурѣ. Въ англійскихъ типографіяхъ, напримѣръ, существовалъ прежде,—какъ въ старинныхъ мануфактурахъ и ремесленныхъ мастерскихъ,—переходъ учениковъ съ легкой работы на болѣе трудную и содержательную. Они проходили все ученье, пока не становились настоящими печатниками. Умѣнье читать и писать составляло необходимое условіе ихъ промысла. Скоропечатныя машины все это измѣнили. При нихъ находится два рода рабочихъ: надсмотрщики за машинами и дѣти, большею частью отъ 11-ти до 17-ти-лѣтняго возраста, обязанность которыхъ состоитъ только въ томъ, чтобы подкладывать чистые листы бумаги, или вынимать отпечатанные листы. Эту утомительную работу они производятъ, въ Лондонѣ, безостановочно 14, 15 16 час. въ теченіе нѣсколькихъ дней въ недѣлю, часто даже въ продолженіе 36 час. подрядъ, съ двумя только часами перерыва для ѣды и сна! [302]). Большинство изъ нихъ неграмотны и представляютъ изъ себя совершенно одичалыя, уродливыя созданія. «Чтобы сдѣлать ихъ способными къ той работѣ, которую они выполняютъ, нѣтъ надобности давать имъ какое-либо умственное образованіе; имъ мало представляется случаевъ показать свою ловкость, и еще менѣе, чтобы выказать умъ; ихъ плата, хотя для дѣтей довольно высокая, не увеличивается по мѣрѣ того, какъ они сами растутъ, и у громаднаго большинства нѣтъ никакой надежды получить болѣе отвѣтственное и болѣе выгодное мѣсто надсмотрщика за машиной, такъ какъ на каждую машину приходится по одному надсмотрщику и часто по 4 подростка» [303]). По достиженіи ими возраста слишкомъ стараго для такой дѣтской работы, т.-е. 17-ти-лѣтняго, ихъ отпускаютъ изъ типографіи. Они становятся рекрутами преступленія. Нѣкоторыя попытки доставить имъ какое-нибудь другое занятіе не имѣли успѣха, вслѣдствіе ихъ невѣжества, грубости, тѣлесной и душевной испорченности.

То, что мы говорили о мануфактурномъ раздѣленіи труда въ мастерскихъ, вполнѣ примѣнимо и къ раздѣленію труда въ самомъ обществѣ. До тѣхъ поръ, пока ремесла и мануфактуры служатъ общимъ основаніемъ общественнаго производства,—подчиненіе производителя одной исключительной отрасли производства и уничтоженіе первоначальной многосторонности его занятій можно разсматривать какъ неизбѣжный моментъ историческаго развитія [304]). Въ этомъ періодѣ, каждая отрасль производства эмпирически находитъ подходящую ей техническую форму, медленно улучшается, и разъ достигнетъ опредѣленной степени зрѣлости, быстро кристаллизуется. Все, что иногда и вызываетъ измѣненія,—независимо отъ новыхъ сырыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ торговлей,—производится постепеннымъ измѣненіемъ рабочихъ инструментовъ. Но, разъ опытомъ найдена соотвѣтственная форма ихъ, она также каменѣетъ, чему служитъ доказательствомъ переходъ ея изъ рукъ одного поколѣнія въ руки

---

[301]) Тамъ, гдѣ машины, приводимыя въ движеніе человѣческой силой, прямо или косвенно конкурируютъ съ машинами, приводимыми въ дѣйствіе механической силой, происходятъ большія перемѣны по отношенію къ тѣмъ рабочимъ, которые приводятъ въ движеніе машину. Первоначально паровая машина замѣняла такихъ рабочихъ, теперь же рабочіе должны замѣнять паровую машину. Напряженіе и трата ихъ рабочей силы бываютъ, поэтому, чудовищны, въ особенности, когда на эту пытку обречены малолѣтніе! Такъ, коммисаръ Longe нашелъ въ Ковентри и его окрестностяхъ дѣтей, отъ 10 до 15-ти-лѣтняго возраста, приводящихъ въ движеніе станки для тканья лентъ, и дѣтей еще моложе, которыя приводили въ движеніе станки меньшаго размѣра. «Эта работа очень утомительна. The boy is a mere substitute for steam power» (т. е. мальчики просто замѣняютъ паровую силу) («Child. Empl. Comm. V Rep. 1866», p. 114, n. 6). Объ убійственныхъ послѣдствіяхъ «этой системы рабства», какъ ее называютъ офиціальные отчеты, смотри l. c. sq.

[302]) l. c. p. 3, n. 24.

[303]) l. c. p. 7, n. 60.

[304]) «Въ нѣкоторыхъ частяхъ горной Шотландіи еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ это видно изъ «Statistical Accounts», каждый крестьянинъ самъ шилъ себѣ сапоги изъ кожи, имъ же самимъ продубленной; многіе пастухи, а также крестьяне со своими женами и дѣтьми, приходили въ церковь въ платьѣ, которое они сами сшили изъ матеріала, ими самими остриженнаго съ овецъ, или изъ льна, который сами они выростили. При шитьѣ платья, почти нѣтъ вещи, которую бы они покупали, кромѣ шила, иглы, наперстка и немногихъ желѣзныхъ частей механизма, употребляемаго при тканьѣ. Краски приготовляли сами женщины изъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ и т. д.». (Dugald Stewart, Works, ed. Hamilton, vol. VIII, p. 327—328).

другого, иногда въ теченіе тысячелѣтія. Характерно то, что даже до XVIII-го столѣтія нѣкоторыя ремесла назывались mysteries (mystéres, таинства)[305], въ тайну которыхъ могъ проникать только посвященный. Крупная промышленность разорвала завѣсу, скрывавшую отъ людей ихъ собственный общественый процессъ производства, вслѣдствіе котораго естественно обособленныя отрасли производства были загадкой одна для другой, и даже для посвященныхъ въ каждую изъ нихъ. Благодаря принципу, котораго она держится при разложеніи каждаго процесса производства на его составныя части, вовсе не обращая вниманія на то, возможно-ли выполненіе его человѣческими руками и создалась новѣйшая наука—технологія. Пестрыя, повидимому безсвязныя окаменѣлыя формы общественнаго процесса производства она свела на сознательныя и систематическія приложенія естествознанія для достиженія имѣющихся въ виду полезныхъ результатовъ. Технологія открыла также немногія основныя формы движенія, въ которыхъ, не смотря на разнообразіе употребляемыхъ инструментовъ, должна совершаться вся производительная дѣятельность человѣческаго тѣла, подобно тому какъ въ наиболѣе сложномъ механизмѣ скрывается лишь дѣйствіе самыхъ простыхъ механическихъ силъ. Современная промышленность никогда не смотритъ на данную форму производительнаго процесса, какъ на окончательно установившуюся. Техническое основаніе ея, поэтому, революціонно, между тѣмъ какъ всѣ прежніе способы производства, по существу своему, были консервативны[306]. Машинами, химическими процессами и другими способами, технологія, вмѣстѣ съ техническими основаніями матеріальнаго производства, постоянно преобразовываетъ занятія рабочихъ и общественную организацію труда. Вслѣдствіе этого она также постоянно преобразуетъ раздѣленіе труда въ обществѣ, перебрасывая безпрестанно массы капиталовъ и рабочихъ изъ одной отрасли производства въ другую. Отсюда видно, что, по самой природѣ своей, крупная промышленность требуетъ перемѣны занятій рабочихъ, непостоянства работы, всесторонней подвижности рабочаго. Съ другой стороны, въ своей капиталистической формѣ, она воспроизводитъ старое дѣленіе труда, съ его окаменѣлыми спеціальностями. Мы уже видѣли, какъ это безусловное противорѣчіе—между техническими потребностями крупной промышленности и свойственнымъ ей общественнымъ характеромъ,—уничтожаетъ всякую опредѣленность, прочность, обезпеченность положенія рабочаго и постоянно угрожаетъ отнять у него изъ рукъ вмѣстѣ съ средствами труда и средства существованія[307], постоянно стремится—одновременно съ упраздненіемъ его спеціальнаго занятія сдѣлать и его самого излишнимъ. Намъ также извѣстно, какъ благодаря тому противорѣчію создается чудовищная запасная промышленная армія, содержимая въ нищетѣ, для того, чтобы постоянно состоять въ распоряженіи капитала; — приносятся человѣческія жертвы изъ среды рабочаго класса; происходитъ самая безразсудная трата рабочихъ силъ и погромы, вызываемые общественной анархіей, которая всякій экономическій прогрессъ превращаетъ въ общественное бѣдствіе. Эта сторона отрицательная. Но если такая перемѣна занятій, съ одной стороны, навязывается въ настоящее время, какъ-бы съ силою закона природы, проявленіе котораго, встрѣчая вездѣ препятствія[308], слѣпо разрушаетъ ихъ, — то съ

---

305) Въ знаменитой «Livre des métiers» d' Etienne Boileau, между прочимъ, помѣщено предписаніе, чтобы подмастерье, при поступленіи къ хозяину, давалъ клятву «любить своихъ братьевъ по братски, помогать имъ въ работѣ, не открывать никому тайны своего ремесла добровольно и даже въ интересѣ всѣхъ не расхваливать свой товаръ покупателю, указывая на недостатки товара другихъ».

306) «Буржуазія не въ состояніи существовать безъ того, чтобы постоянно не измѣнять орудій производства, слѣдовательно условій производства и всѣхъ общественныхъ отношеній. Поэтому, первымъ условіемъ существованія всѣхъ прежнихъ промышленныхъ классовъ было неизмѣнное сохраненіе старыхъ способовъ производства. Непрерывное потрясеніе всѣхъ общественныхъ состояній, вѣчная неопредѣленность и тревога, отличаютъ эпоху буржуазіи отъ всѣхъ предыдущихъ. Всѣ установившіяся, какъ бы заржавѣвшія отношенія, съ вереницей ихъ патріархальныхъ представленій и воззрѣній, разрушаются; всѣ вновь образовавшіяся старѣютъ раньше, чѣмъ успѣютъ окрѣпнуть. Все, что казалось прочнымъ и установившимся, испаряется; все, что казалось священнымъ, оскверняется, и въ концѣ концовъ, люди бываютъ принуждены взглянуть трезвыми глазами на свое житейское положеніе и на свои взаимныя отношенія». (F. Engels und Karl Marx: «Manifest der Kommunistischen Partei. London. 1848», p. 5).

307) You take my life
When you do take the means whereby I live».
(Shakespeare. Shylock).
«Лишая средствъ для жизни — жизни всей лишаете».

308) Одинъ французскій рабочій пишетъ по возвращеніи изъ Санъ-Франциско: «Я совсѣмъ не думалъ, что буду способенъ работать во всѣхъ ремеслахъ, которыми занимался въ Калифорніи. Я былъ твердо убѣжденъ, что ни на что не годенъ, кромѣ работы въ типографіяхъ... Разъ попавъ въ этотъ міръ искателей приключеній, которые перемѣняютъ свои занятія чаще, чѣмъ свои рубашки, я поступалъ такъ же, какъ другіе. Когда работа въ рудникахъ оказалась недостаточно прибыльной, я ее бросилъ и переселился въ городъ, гдѣ былъ поочередно типографщикомъ, кровельщикомъ, свинцовыхъ дѣлъ мастеромъ и т. д. Благодаря этому опыту, показавшему мнѣ, что я годенъ на всякую работу,

другой стороны, тѣ самыя катастрофы, которыя вызываются крупною промышленностью, заставляютъ признать перемѣну занятій, а слѣдовательно возможно большую разносторонность рабочихъ, за законъ современнаго общественнаго производства, при чемъ, во что-бы то ни стало, необходимо, чтобы обстоятельства приспособились къ нормальному осуществленію этого закона. Это вопросъ жизни или смерти. Да, крупная промышленность вынуждаетъ общество, подъ страхомъ смерти, замѣщать человѣка, изувѣченнаго постояннымъ повтореніемъ въ теченіе всей жизни какихъ-нибудь самыхъ простыхъ дѣйствій, который, стало быть, представляетъ собою какого-то получеловѣка,—личностью вполнѣ развитою, способною на самыя разнообразныя работы, для которой различныя общественныя функціи представляютъ лишь способъ свободнаго проявленія ея собственныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей. Однимъ изъ проявленій этого преобразовательнаго процесса, естественно возникшаго на почвѣ крупной промышленности, являются техническія и агрономическія школы; другимъ проявленіемъ служатъ «écoles d'enseignement professionnel», гдѣ дѣти рабочихъ узнаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ технологіи и практическія наставленія для употребленія различныхъ рабочихъ инструментовъ. Если фабричное законодательство — эта первая, съ трудомъ вынужденная, уступка капитала — соединяетъ только элементарное образованіе съ фабричнымъ трудомъ, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что неизбѣжный захватъ политической власти рабочимъ классомъ завоюетъ для школъ рабочаго класса и техническое образованіе, какъ теоретическое, такъ и практическое. Одинаково несомнѣнно также то, что капиталистическая форма производства и та экономическая среда, въ которую она ставитъ рабочихъ, находится въ діаметральномъ противорѣчіи съ подобными преобразовательными ферментами и ихъ цѣлью—уничтоженіемъ стараго раздѣленія труда. Но историческое развитіе противорѣчія, свойственнаго данной формѣ производства, есть, однако, единственный путь, которымъ эта форма можетъ быть разрушена и на ея мѣстѣ можетъ появиться новая. Вотъ въ чемъ заключается тайна историческаго развитія, которую не желаютъ понять доктринеры, какъ оптимисты, такъ и соціалисты. «Ne sutor ultra crepidam»! эта величайшая ремесленная мудрость сдѣлалась величайшею глупостью съ той минуты, какъ часовщикъ Уаттъ изобрѣлъ паровую машину, цирюльникъ Аркрайтъ — прядильную машину, ювелирный подмастерье Фультонъ—пароходъ [309].

До тѣхъ поръ, пока фабричное законодательство регулируетъ трудъ на фабрикахъ, мануфактурахъ и т. д., на него смотрятъ просто, какъ на вмѣшательство въ право эксплуатаціи капитала. Но, какъ только оно вздумаетъ регулировать такъ называемый кустарный трудъ [310]), на него тотчасъ-же начинаютъ смотрѣть, какъ на прямое вмѣшательство въ patria potestas, т. е., говоря современнымъ языкомъ, какъ на вмѣшательство въ сферу родительской власти, шагъ, на который долго не отваживался мягкосердечный англійскій парламентъ. Однако сила фактовъ заставила, наконецъ, признать, что крупная промышленность, вмѣстѣ съ экономическимъ основаніемъ прежняго семейнаго быта и соотвѣтствовавшаго ему семейнаго труда, разрушаетъ и прежнія семейныя отношенія. Приходилось провозгласить права дѣтей. «Къ несчастію», говоритъ заключительный отчетъ «Ch. Empl. Comm.» 1866 г., «изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній видно, что дѣти обоего пола нуждаются въ защитѣ всего болѣе отъ произвола своихъ родителей». Система неограниченной эксплуатаціи дѣтскаго труда вообще и домашняго въ особенности держится тѣмъ, «что родители имѣютъ надъ своими малолѣтними дѣтьми безконтрольную, произвольную, неограниченную власть... Власть родителей надъ дѣтьми не должна доходить до того, чтобы они обращали ихъ въ простыя машины съ цѣлью полученія того или другого количества недѣльной платы... Поэтому, дѣти и несовершеннолѣтніе имѣютъ право на защиту со стороны законодательства противъ злоупотребленія родительской властью, которая раньше времени разрушаетъ ихъ физическія силы и понижаетъ ихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи» [311]). Однако, не злоупотребле-

---

я чувствую себя теперь меньше моллюскомъ и больше человѣкомъ». (A. Corbon: «De l'enseignement professionnel» 2-ième édit. p. 50).

[309]) John Bellers, этотъ истинный феноменъ въ исторіи политической экономіи, уже въ концѣ XVII столѣтія, съ полнѣйшею ясностью понялъ необходимость уничтоженія теперешняго образованія и дѣленія труда, которыя производятъ гипертрофію и атрофію въ двухъ крайнихъ слояхъ общества, хотя и въ противоположныхъ направленіяхъ. Между прочимъ, онъ прекрасно говоритъ: «Лѣнивое ученіе немногимъ лучше ученія лѣности.... Тѣлесный трудъ есть первое божеское учрежденіе.... Трудъ также необходимъ для человѣческаго здоровья, какъ ѣда для жизни; потому что тѣ страданія, отъ которыхъ избавляетъ человѣка праздная жизнь, онъ находитъ въ болѣзни.... Трудъ подбавляетъ масло въ лампаду жизни, между тѣмъ какъ мысль воспламеняетъ ее.... Глупо употребленные дѣтскіе годы («A childish silly employ») это является какъ бы предсказаніемъ появленія Базедовыхъ и ихъ современныхъ подражателей оставляютъ дѣтскій умъ глупымъ» («leaves the children's mind silly»). («Proposals for raising College of Industry of all useful Trades and Husbandry. London 1696» p. 12, 14, 18).

[310]) Впрочемъ это злоупотребленіе происходитъ большею частью также въ мелкихъ мастерскихъ, какъ это мы видѣли въ мануфактурахъ кружевныхъ и соломенныхъ издѣлій и особенно въ мануфактурахъ металлическихъ издѣлій Шеффильда, Бирмингэма и т. д.

[311]) «Ch. Empl. Com. V Rep.» p. XXV, n.

ніе родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацію рабочей силы дѣтей, но, наоборотъ, способъ капиталистической эксплуатаціи довелъ родительскую власть до злоупотребленія, разрушивъ экономическое основаніе родительской власти. Какъ-бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушеніе старыхъ, семейныхъ отношеній при капиталистической системѣ, тѣмъ не менѣе крупная промышленность, силою той положительной роли, какую она даетъ женщинамъ, несовершеннолѣтнимъ и дѣтямъ обоего пола въ общественно организованныхъ процессахъ производства, внѣ домашней сферы, создаетъ новое экономическое основаніе для высшихъ формъ семьи и отношеній обоихъ половъ. Понятно, столь-же нелѣпо считать христіанско-германскую форму семейства абсолютною, какъ и древне-римскую, древне-греческую или восточную, которыя, впрочемъ, всѣ вмѣстѣ взятыя образуютъ собою рядъ поступательныхъ формъ развитія. Ясно тоже, что составъ коллективнаго рабочаго персонала изъ лицъ обоего пола и самыхъ различныхъ возрастовъ, при соотвѣтственныхъ обстоятельствахъ, долженъ обратиться въ источникъ человѣческаго развитія—хотя его грубая капиталистическая форма, гдѣ рабочій служитъ для процесса производства, а не процессъ производства для рабочаго, есть источникъ нравственной порчи и рабства [312]).

Необходимость распространить дѣйствіе фабричнаго закона — имѣющаго силу только для прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, этихъ первообразовъ машинной обработки, — на все общественное производство, вытекаетъ, какъ мы видѣли, изъ хода историческаго развитія крупной промышленности, на почвѣ которой прежнія формы мануфактуръ, ремеслъ и домашняго труда совершенно преобразуются: мануфактуры постоянно обращаются въ фабрики, ремесленное производство въ мануфактурное и, наконецъ, сферы ремеслъ и домашняго труда въ удивительно короткое время превращаются въ трущобы нищеты, гдѣ съ полною свободою проявляются дикія безобразія капиталистической эксплуатаціи. Два обстоятельства даютъ, наконецъ, рѣшительный оборотъ дѣлу: во-первыхъ, постоянно повторяющійся опытъ, что чѣмъ болѣе капиталъ подчиняется контролю на нѣкоторыхъ точкахъ общественной периферіи, тѣмъ безграничнѣе его самовластіе на другихъ точкахъ [313]); во-вторыхъ, крики самихъ капиталистовъ о равенствѣ условій конкуренціи, т.-е. объ одинаковыхъ предѣлахъ эксплуатаціи труда [314]). Выслушаемъ по этому вопросу два свидѣтельства. Господа W. Cooksley (фабриканты гвоздей, цѣпей и т. д., въ Бристолѣ) добровольно регулировали у себя на фабрикѣ рабочій день. «Такъ какъ прежняя неправильная система продолжаетъ процвѣтать на сосѣднихъ фабрикахъ, то они подвергались непріятности видѣть, какъ работающіе у нихъ мальчики, послѣ 6 часовъ вечера, переманивались (enticed) куда-нибудь на работы». «Разумѣется, говорятъ они, это относительно насъ несправедливо и причиняетъ намъ убытокъ, такъ какъ при этомъ расходуется часть силъ рабочихъ, полное пользованіе которыми принадлежитъ намъ» [315]). J. Simpson (Paper Box Bagmaker, London) даетъ слѣдующее показаніе коммисарамъ «Children's Employment Commission»: «Онъ подпишетъ всякую петицію, требующую законодательнаго вмѣшательства. Онъ никогда не чувствуетъ себя спокойнымъ по ночамъ (he always felt restless at night), по закрытіи мастерской, при мысли, что у другихъ фабрикантовъ работаютъ дольше и они отнимаютъ заказы у него изъ-подъ носа» [316]). «Было-бы несправедливо», говоритъ «Ch. Empl. Comm»., резюмируя сказанное, «относительно крупныхъ предпринимателей, если ихъ фабрики будутъ подчинены регулированію, не ограничивая въ то-же время законодательнымъ порядкомъ рабочій день въ мелкомъ производствѣ той-же отрасли. Исключая мелкія мастерскія, къ несправедливости, вслѣдствіе неравенства условій конкуренціи по отношенію къ рабочему времени, мы присоединяемъ еще одно неудобство для большихъ фабрикъ: притокъ женскаго и дѣтскаго труда отстраняется отъ фабрикъ и направляется въ тѣ мастерскія, которыхъ законъ не коснулся. Наконецъ, это послужило-бы для размноженія мелкихъ мастерскихъ, которыя почти всѣ безъ исключенія, представляютъ условія наименѣе благопріятныя для здоровья, удобствъ, образованія и вообще для развитія народа» [317]).

Въ своемъ заключительномъ отчетѣ, «Children's Employment Commission» предполагаетъ подчинить фабричному закону болѣе 1.400,000 дѣтей, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, изъ которыхъ около половины эксплуатируются въ мелкомъ и кустарномъ производствѣ [318]). «Если»,

---

162, и II Rep. p. XXXVIII, n. 285, 289, p., XXXV, n. 191.

[312]) «Фабричный трудъ можетъ быть такимъ же чистымъ и благотворнымъ какъ и кустарный, даже можетъ быть выше его». («Reports of Insp. of Fact. for 31 October 1865», p. 127).

[313]) l. c., p. 27—32.

[314]) Множество сюда относящихся фактовъ можно найти въ «Rep. of Insp. of Factories».

[315]) «Children Empl. Com. V Rep.» p. X, n. 35.

[316]) l. c. p. IX, n. 28.

[317]) l. c. n. 165 — 167. О преимуществахъ крупнаго производства, сравнительно съ мелкимъ, см. «Ch. Empl. Com. III Rep.» p. 13 n. 144, p. 25 n. 121, p. 26 n. 125, p. 27 n. 140 и т. д.

[318]) Отрасли промышленности, на которыя предполагалось распространить дѣйствіе фабричнаго закона, были слѣдующія: мануфактура кружевныхъ издѣлій, чулочное производство, плетенье соломенныхъ издѣлій, мануфактуры Wea-

говоритъ онъ, «парламентъ приметъ наше предложеніе въ цѣломъ объемѣ, то, безъ сомнѣнія, что законодательство произведетъ благотворное вліяніе не только на несовершеннолѣтнихъ и слабосильныхъ, которыхъ оно непосредственно касается, но и на еще большее число взрослыхъ работниковъ, которые попадутъ въ кругъ его дѣятельности прямо (женщины) и косвенно (мужчины). Оно заставитъ установить для нихъ правильные и болѣе умѣренные рабочіе часы; оно вызоветъ болѣе сообразное съ гигіеническими условіями и болѣе опрятное содержаніе рабочихъ помѣщеній; оно сбережетъ и увеличитъ запасъ физическихъ силъ, отъ которыхъ въ такой сильной зависимости находится благосостояніе, какъ самихъ рабочихъ, такъ и всей страны; оно явится заступникомъ подрастающаго поколѣнія отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ въ раннія годы, которое разстраиваетъ ихъ здоровье и ведетъ къ преждевременному истощенію; оно дастъ имъ, наконецъ, возможность получать образованіе, по крайней мѣрѣ до 13-ти-лѣтняго возраста и этимъ положитъ конецъ невѣроятному невѣжеству... такъ вѣрно обрисованному въ отчетахъ коммиссіи, и которое производитъ такое тягостное впечатлѣніе и вызываетъ чувство глубокаго національнаго униженія [319]).

Еще въ 1840 году, была назначена парламентская коммиссія для изслѣдованія дѣтскаго труда. Отчетъ ея въ 1842 году открылъ, по словамъ N. W. Senior'а, страшную картину корыстолюбія, эгоизма и жестокости со стороны какъ капиталистовъ, такъ и родителей, нищеты, испорченности и гибели дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, —картину, которую едва-ли когда-нибудь видѣлъ свѣтъ... Можно подумать, что отчетъ описываетъ ужасы временъ давнопрошедшихъ... Къ несчастію эти ужасы продолжаются и теперь еще сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь... Злоупотребленія, описанныя въ 1842 году, вполнѣ процвѣтаютъ и въ настоящее время, (1863)... На этотъ отчетъ (съ 1842) въ теченіе 20 лѣтъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія, а въ продолженіе этого времени дѣтей, «воспитанныхъ безъ малѣйшаго представленія о томъ, что значитъ нравственность, у которыхъ не было ни знаній, ни религіи, ни естественныхъ привязанностей» допустили сдѣлаться родителями настоящаго поколѣнія» [320]).

Между тѣмъ общественныя условія измѣнились. Парламентъ уже не рискнулъ положить подъ сукно требованія коммиссіи 1863 года, какъ это было въ 1842 г. Поэтому, уже въ 1864 году, когда коммиссія обнародовала не больше половины своего отчета, гончарные заводы, обойныя и спичечныя фабрики, патронные и капсюльные заводы были подчинены законамъ, дѣйствующимъ на фабрикахъ, обрабатывающихъ прядильные продукты. Въ тронной рѣчи 5 февраля 1867 года, тогдашній торійскій кабинетъ возвѣстилъ о внесеніи билля, основаннаго на заключительныхъ предложеніяхъ коммисіи, закончившей свои работы въ 1866 году.

Королева утвердила, 15 августа 1867 года, законъ, распространяющій дѣйствіе фабричныхъ законовъ (Factory Acts Extension Act), а 21 августа былъ также утвержденъ Workshops' Regulation Act (законъ, регулирующій трудъ въ мастерскихъ). Первый регулировалъ работу на фабрикахъ, второй въ мелкихъ мастерскихъ.

«Factory Acts Extension Act регулируетъ работы во всѣхъ металло-плавильныхъ заводахъ, кузнечныхъ мастерскихъ и мануфактурахъ металлическихъ издѣлій, включая машиностроительные заводы; затѣмъ — на стекляныхъ заводахъ, писче-бумажныхъ и табачныхъ фабрикахъ, резиновыхъ и гуттаперчевыхъ мануфактурахъ, въ типографіяхъ и переплетныхъ, наконецъ во всѣхъ мастерскихъ, гдѣ работаютъ одновременно 50 человѣкъ и болѣе, и не менѣе чѣмъ 100 дней въ продолженіе года.— Чтобы дать понять о той области, которой касался законъ, приводимъ изъ его объяснительныхъ статей слѣдующія опредѣленія:

«Ремесломъ долженъ называться (въ этомъ законѣ) всякій ручной трудъ, выполняемый въ видѣ промысла или съ цѣлью наживы, который содѣйствуетъ изготовленію какого-нибудь товара, а также измѣненію, поправкѣ, украшенію, отдѣлкѣ или приспособленію его какимъ-либо инымъ путемъ для продажи.

«Мастерскою должна называться каждая комната или мѣсто, все равно на открытомъ воздухѣ или въ закрытомъ помѣщеніи, въ которомъ производится какое-нибудь ремесло малолѣтнимъ, подросткомъ или женщиною, и къ которому, даю-

ring Apparel, съ ихъ безчисленными подраздѣленіями, выдѣлка искусственныхъ цвѣтовъ, сапожное, шляпное и перчаточное производство, портняжество, все металлическое производство, начиная съ доменныхъ печей до фабрикъ для изготовленія иголокъ и т. п., писчебумажныя фабрики, стекольныя табачныя мануфактуры, фабрики резиновыхъ предметовъ, производство снурковъ (для ткацкихъ), ручныя ковровыя мастерскія, зонтичное производство, производство веретенъ и челноковъ, типографіи, переплетныя, производство письменнаго матеріала (Stationary, сюда принадлежитъ также изготовленіе бумажныхъ коробокъ, картъ, цвѣтной бумаги и т. д.), канатныя фабрики, производство агатовыхъ украшеній, кирпичные заводы, мануфактуры шелковыхъ издѣлій, приготовляемыхъ ручнымъ путемъ, соляныя варницы, производство сальныхъ свѣчей, цементовъ, сахарные заводы, изготовленіе сухарей, различныхъ деревянныхъ издѣлій и другія смѣшанныя работы.

[319]) l. c. p. XXV, n. 169.

[320]) Senior, Social Science Congress, p. 55, 56.

щій занятіе малолѣтнему, подростку или женщинѣ, имѣетъ право доступа и контроля».

«Занятымъ называется работающій въ какомъ-нибудь ремеслѣ, все равно за плату или безплатно, на хозяина или на родственниковъ.

«Родственникомъ считается каждый изъ родственниковъ, опекунъ или лицо, имѣющее на своемъ попеченіи или подъ своимъ руководствомъ малолѣтняго или подростка».

Статья 7-я назначаетъ наказаніе за несоблюденіе этого закона относительно дѣтей, подростковъ и женщинъ; она подвергаетъ штрафу не только хозяина мастерской, все равно родственника или нѣтъ, но даже «ихъ родственниковъ или лицъ, получающихъ отъ работы какую-нибудь прямую выгоду, или тѣхъ, у кого находится на попеченіи малолѣтній, подростокъ или женщина».

The Factory Acts Extension Act, который касается крупныхъ предпріятій, дѣлаетъ шагъ назадъ, сравнительно съ Factory Act'омъ, допуская множество изъятій и малодушныхъ компромисовъ съ хозяевами.

Workshops' Regulation Act, жалкій во всѣхъ частностяхъ, остался мертвой буквой въ рукахъ городскихъ и мѣстныхъ властей, которымъ было поручено наблюденіе за его выполненіемъ. Когда въ 1871 году Парламентъ отнялъ у нихъ эту власть, чтобы передать ее фабричнымъ инспекторамъ, вѣдѣнію которыхъ, однимъ почеркомъ пера, было подчинено болѣе ста тысячъ мастерскихъ и триста кирпичныхъ заводовъ,— то одновременно онъ позаботился о томъ, чтобы ихъ персоналъ, и безъ того крайне недостаточный, увеличить всего на восемь помощниковъ [321]).

Что, стало быть, особенно бросается въ глаза въ этомъ англійскомъ законодательствѣ 1867 года, это, съ одной стороны, необходимость, вынудившая парламентъ, который состоитъ изъ представителей господствующихъ классовъ, принять въ принципѣ такія необычайныя мѣры, и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, противъ злоупотребленій капиталистической эксплуатаціи. А съ другой стороны, нерѣшительность, неохота и недобросовѣстность, съ которыми онъ привелъ эти мѣры въ исполненіе.

Коммиссія, производившая разслѣдованіе въ 1862 году, предложила также новое регулированіе труда въ горной промышленности, промышленности отличающейся отъ остальныхъ тою исключительною особенностью, что въ ней интересы землевладѣльцевъ и капиталистовъ идутъ рука объ руку. Противоположность интересовъ тѣхъ и другихъ была выгодна для фабричнаго законодательства, тогда какъ, съ другой стороны, отсутствія такой противоположности интересовъ вполнѣ достаточно для объясненія замедленій и увертокъ въ горнопромышленномъ законодательствѣ.

Коммиссія, производившая разслѣдованіе въ 1840 году, сдѣлала ужасныя, возмутительныя разоблаченія, которыя произвели скандалъ на всю Европу, для спасенія своей чести Парламентъ принялъ Mining Act 1842 г. (законъ о рудникахъ), въ которомъ онъ ограничился тѣмъ, что запретилъ употреблять на работы въ рудникахъ дѣтей моложе 10 лѣтъ и женщинъ.

Затѣмъ новый законъ, Mines' Inspection Act 1860 г., устанавливаетъ, чтобы рудники были подчинены надзору государственныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ спеціально съ этою цѣлью, и что мальчики отъ 10 до 12-ти-лѣтняго возраста могутъ быть употребляемы на работы не иначе, если у нихъ есть школьное свидѣтельство или если они посѣщаютъ школу опредѣленное число часовъ. Этотъ законъ остался совершенно мертвой буквой, благодаря ничтожному до смѣшного числу инспекторовъ, крайне узкому предѣлу ихъ власти и по другимъ причинамъ, которыя будутъ приведены ниже.

Одна изъ самыхъ послѣднихъ синихъ книгъ о рудникахъ: «Reports of the Select Committee on Mines, together with.... Evidence 23 July 1866», представляетъ собою большой фоліантъ, но заключаетъ только свидѣтельскія показанія. Отчетъ же комитета, выбраннаго изъ среды самой Нижней Палаты состоитъ буквально изъ пяти строчекъ, въ которыхъ только говорится, что ему нечего сказать, и что надо выслушать еще болѣе свидѣтелей. Способъ допроса свидѣтелей напоминаетъ перекрестный допросъ въ англійскихъ судахъ, гдѣ адвокаты своими безсовѣстными и запутанными вопросами стараются сбить свидѣтеля и вложить ему въ уста слова по своему желанію. Здѣсь-же въ роли адвокатовъ выступаютъ сами члены парламентскаго комитета, въ числѣ которыхъ находятся и собственники и эксплуататоры рудниковъ, свидѣтелями-же являются рабочіе въ рудникахъ, большею частью углекопы. Весь фарсъ слишкомъ характеренъ для духа капитала, чтобы не привести здѣсь нѣсколько выдержекъ. Напомню, что вопросы и соотвѣтственные отвѣты въ англійскихъ Синихъ Книгахъ перенумерованы.

1) Занятіе въ рудникахъ дѣтей съ 10-ти-лѣтняго возраста. Работа, вмѣстѣ съ необходимою ходьбою отъ дома къ рудникамъ и обратно, продолжается обыкновенно отъ 14 до 15 час., въ исключительныхъ случаяхъ дольше, съ 3, 4, 5 час. утра до 4 и 5 час. вечера. (п. 6,

[321]) Весь персоналъ состоялъ изъ двухъ инспекторовъ, двухъ ихъ помощниковъ и 41 субъинспектора. Восемь добавочныхъ субъинспекторовъ были назначены въ 1871 году. Весь расходъ на администрацію, узаконенную фабричными актами, для Англіи, Шотландіи и Ирландіи въ 1871—1872 гг., дошелъ всего до 25,347 ф. стерл., считая въ этомъ числѣ расходы, вызванные судебнымъ преслѣдованіемъ фабрикантовъ за нарушеніе закона.

452, 83) Взрослые рабочіе занимаются въ двѣ смѣны, каждая по 8 час.; для дѣтей такихъ смѣнъ не полагается, ради сбереженія расходовъ. (п. 80, 203, 204) Дѣти, помоложе, употребляются, главнымъ образомъ, для открыванія и закрыванія вентиляціонныхъ клапановъ въ различныхъ частяхъ рудниковъ; тѣ, которыя постарше, назначаются на болѣе тяжелыя работы; переноску угля и т. п. (п. 122, 739, 1747) Такая продолжительная ежедневная работа подъ землею продолжается до 18 или 22-хъ-лѣтняго возраста, когда начинаются настоящія работы въ рудникахъ. (п. 161) Дѣти и несовершеннолѣтніе теперь гораздо больше работаютъ, чѣмъ когда-либо прежде, съ ними и обращаются хуже прежняго. (п. 1663 —67). Рудокопы почти единогласно требуютъ изданія закона, запрещающаго дѣтямъ моложе 14 лѣтъ работать въ рудникахъ. И послѣ этого еще Hussey Vivian (самъ эксплуататоръ рудниковъ) спрашиваетъ: «Не зависитъ-ли это желаніе отъ большей или меньшей бѣдности родителей? Не будетъ-ли жестоко въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ изувѣченъ, боленъ или умеръ, а есть только мать, лишить возможности ребенка отъ 12 до 14-ти-лѣтняго возраста зарабатывать для семейства 1 шилл. 6 пенс. въ день?.... А существующія правила должны быть общими... Хотите-ли вы, чтобы во всѣхъ случаяхъ была запрещена работа подъ землею дѣтямъ моложе 14 лѣтъ, въ какомъ-бы состояніи не находились родители? Отвѣтъ: «во всѣхъ случаяхъ». (107, 110) Vivian: «Если дѣтскій трудъ будетъ запрещенъ въ рудникахъ, не будутъ-ли родители посылать дѣтей на фабрики и т. п.?—Какъ общее правило—нѣтъ»—(п. 174). Рабочій: «Открываніе и закрываніе клапановъ кажется легкою работою. Но это занятіе очень тяжелое. Не говоря уже о постоянномъ сквозномъ вѣтрѣ, ребенокъ сидитъ въ темнотѣ, словно въ темномъ карцерѣ». Буржуа Vivian: «Развѣ ребенокъ не можетъ читать въ это время, если у него есть свѣча?—Во-первыхъ онъ долженъ купить свѣчу. Но кромѣ того, этого бы ему не позволили. Онъ находится тамъ при дѣлѣ, онъ долженъ исполнять свою обязанность. Я никогда не видалъ въ рудникахъ дѣтей читающими» (п. 141—160).

2) Образованіе. Рабочіе въ рудникахъ требуютъ закона для обязательнаго обученія дѣтей, какъ на фабрикахъ. Статьи закона 1860 года, требующія школьнаго свидѣтельства для употребленія въ работы дѣтей 10—12-ти-лѣтняго возраста, они называютъ фиктивными. «Уголовные» допросы капиталистическаго слѣдователя просто смѣшны. (п. 115) «Противъ кого болѣе необходимъ законъ, противъ предпринимателей или противъ родителей?—Я полагаю, что противъ тѣхъ и другихъ». (п 116) «Не думаете-ли вы, что противъ однихъ болѣе, нежели противъ другихъ?—Что мнѣ отвѣчать на этотъ вопросъ?» (п. 137). «Проявляютъ-ли предприниматели какое-нибудь желаніе подгонять рабочіе часы къ школьному обученію? — Никогда». (п. 211) «Дополняютъ-ли рудокопы свое образованіе впослѣдствіи?—Они вообще становятся хуже; они пріобрѣтаютъ скверныя привычки, у нихъ является пристрастіе къ вину, игрѣ и т. п., словомъ, совершенно развращаются». (п. 109) Отчего не посылаютъ дѣтей въ вечернія школы?—Въ бóльшей части каменноугольныхъ округовъ таковыхъ не имѣется. Но главная причина заключается въ томъ, что чрезмѣрный трудъ такъ утомляетъ ихъ, что глаза у нихъ слипаются отъ усталости». «Итакъ», заключаетъ буржуа, «вы противъ образованія?—Ни въ какомъ случаѣ, но и т. д.». (п. 443) «Развѣ собственники рудниковъ не обязаны требовать, на основаніи закона 1860 г., школьныхъ свидѣтельствъ для дѣтей отъ 10 до 12-ти-лѣтняго возраста?—По закону — да, но предприниматели не исполняютъ этого». (п 444) «По вашему мнѣнію эти статьи закона не вполнѣ исполняются?—Онѣ совершенно не исполняются». (п. 717) «Сильно-ли заинтересованы рабочіе вопросомъ объ образованіи?—Громадное большинство». (п. 718) «Сильно-ли они желаютъ чтобы законъ исполнялся?—Громадное большинство». (п. 720) «Въ такомъ случаѣ отчего они не принуждаютъ исполнять его?—Иной рабочій хочетъ удалить мальчика, у котораго нѣтъ школьнаго свидѣтельства, но такой рабочій попадаетъ на замѣчаніе (a marked man)». (п. 721) «У кого-же онъ будетъ на замѣчаніи?—У своего хозяина» (п. 722). «Однако вы вѣдь не думаете, чтобы хозяинъ сталъ преслѣдовать рабочаго, требующаго исполненія закона? — Я думаю, что станетъ». (п. 723) «Слышали-ли вы когда-нибудь о рабочемъ, который воспротивился-бы допущенію къ работѣ мальчика отъ 10 до 12 лѣтъ, неумѣющаго писать или читать?—Это не въ ихъ власти. (п. 1634) «Вы требуете парламентскаго вмѣшательства?—Если дѣйствительно надо что-нибудь сдѣлать для образованія дѣтей рудокоповъ, то это можетъ быть сдѣлано только принудительнымъ парламентскимъ закономъ». (п. 1636) «Должно-ли это относиться ко всѣмъ рабочимъ Великобританіи или только къ рудокопамъ?—Я нахожусь здѣсь, чтобы говорить отъ лица рудокоповъ«. (п. 1638) «Зачѣмъ-же отличать дѣтей рудокоповъ отъ другихъ?—Такъ какъ они составляютъ исключеніе изъ общаго правила». (п. 1639) «Въ какомъ отношеніи?—Въ физическомъ». (п 1640) «Отчего для нихъ образованіе имѣетъ больше значенія нежели для мальчиковъ прочихъ классовъ?—Я не говорю, что оно для нихъ имѣетъ болѣе значенія, но вслѣдствіе непосильныхъ работъ въ рудникахъ, они имѣютъ менѣе возможности посѣщаютъ обыкновенныя и воскресныя школы». (п. 1644) «Не правда-ли, что вопросы этого рода нельзя разсматривать абсолютно?». (п. 1646) «Достаточно-

ли школъ въ округѣ? — Нѣтъ». (п. 1647) «Откуда-бы взялись школы для всѣхъ дѣтей, если-бы государство потребовало, чтобы каждаго ребенка посылали въ школу?—Я думаю, что еслибы обстоятельства этого потребовали, школы возникли-бы сами собою. Громадное большинство не только дѣтей, но и взрослыхъ рудокоповъ, не умѣетъ ни писать, ни даже читать (п. 705, 726).

3) Женскій трудъ. Съ 1842 года женщины употребляются для работъ надъ землею, а не въ самыхъ рудникахъ; а именно для нагрузки угля, и т. п., для возки тачекъ къ каналамъ и вагонамъ, для сортировки угля и т. д. Въ послѣдніе 3,4 года число ихъ сильно возросло, (п. 1727) Это большею частью жены, вдовы, дочери рудокоповъ, въ возрастѣ отъ 12 до 50 — 60 лѣтъ. (п. 645, 1779) (п. 648) «Какъ горнорабочіе смотрятъ на женскій трудъ въ рудникахъ?—Они всѣ порицаютъ его». (п. 649) Почему?—Они его считаютъ унизительнымъ для женскаго пола. Онѣ носятъ родъ мужской одежды Во многихъ случаяхъ отбрасывается всякій стыдъ. Многія женщины курятъ. Работа также грязна, какъ и въ самыхъ рудникахъ. Между ними есть много замужнихъ, которыя не могутъ исполнять своихъ домашнихъ обязанностей. (п. 651 и слѣд.) (п. 709). «Могутъ-ли вдовы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ получить такое прибыльное занятіе (отъ 8 до 10 шилл. въ недѣлю)? — Относительно этого я ничего не могу сказать». (п. 710) «И все таки (о каменное сердце!) вы рѣшаетесь лишить ихъ этой поддержки жизни?—Разумѣется». (п. 1715) «Отчего-же? — Мы, рудокопы, слишкомъ уважаемъ прекрасный полъ, чтобы видѣть его на работѣ въ каменноугольныхъ копяхъ... Эти работы большею частью очень трудны. Многія изъ этихъ дѣвушекъ подымаютъ до 10 тоннъ въ день». (1732) «Думаете-ли вы, что работницы, занимающіяся въ рудникахъ, безнравственнѣе фабричныхъ?—Процентъ дурныхъ здѣсь больше, нежели между фабричными дѣвушками» (1733). «Но вы вѣдь недовольны и состояніемъ нравственности на фабрикахъ?—Нѣтъ, недоволенъ». (п. 1734) «Что же, вы желаете и на фабрикахъ запретить женскій трудъ?—Нѣтъ, я этого не хочу». (п. 1735) «Отчего-же нѣтъ?—Фабричный трудъ болѣе приличенъ женскому полу». (п. 1736) «Но, тѣмъ не менѣе, вы находите, что онъ вредно дѣйствуетъ на ихъ нравственность?—Нѣтъ, вовсе не такъ сильно, какъ работа въ рудникахъ. Впрочемъ, я имѣю въ виду не только нравственныя, но и физическія, и соціальныя причины. Общественное положеніе дѣвушекъ очень печально. Когда эти дѣвушки дѣлаются женами рудокоповъ, мужья ихъ сильно страдаютъ отъ этого, почему они и бѣгутъ отъ семьи и пріучаются къ пьянству». (п. 1737) «Но не относится-ли это также къ женщинамъ, занимающимся на чугунно-литейныхъ заводахъ?—Я не могу говорить за другія отрасли работъ». (п. 1740) «Но какая-же разница между женщинами, работающими въ рудникахъ и женщинами работающими на чугунно-литейныхъ заводахъ?—Я никогда не занимался этимъ вопросомъ». (п. 1741) «Находите-ли вы разницу между тѣми другими?—Я ничего не могу сказать положительнаго по этому вопросу; но я побывалъ въ большей части домовъ и мнѣ извѣстно печальное положеніе вещей въ нашемъ округѣ». (п. 1750) «Можетъ быть вы желаете уничтожить женскій трудъ вездѣ, гдѣ онъ унизителенъ? — Да... лучшія чувства пріобрѣтаются отъ материнскаго воспитанія». (п. 1751) «Но вѣдь это относится также ко всѣмъ земледѣльческимъ занятіямъ женщинъ? — Да, но тамъ это продолжается въ продолженіе двухъ временъ года, у насъ-же онѣ работаютъ круглый годъ, иногда день и ночь, промокшія до костей; силы ихъ падаютъ, здоровье разрушается». (п. 1753) «Вы не изучали этого вопроса, (то-есть занятій женщинъ) со всѣхъ сторонъ? — Я присматривался ко всему окружающему и могу только сказать, что нигдѣ не встрѣчалъ ничего подобнаго занятію женщинъ въ каменноугольныхъ копяхъ, это трудъ мужской и притомъ трудъ для мужчинъ сильныхъ». Лучшая часть рудокоповъ, та часть, которая стремится поднять себя, гуманизировать, вмѣсто того, чтобы встрѣчать поддержку въ своихъ женахъ, благодаря имъ, падаетъ еще ниже». Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ, буржуа обнаруживаетъ наконецъ тайну своихъ «симпатій» къ вдовамъ, бѣднымъ семействамъ и т. п. «Собственники копей назначаютъ извѣстныхъ джентльменовъ для высшаго надзора, политика которыхъ замѣчается въ томъ, чтобы все устроить какъ можно дешевле, а дѣвушкѣ платятъ за работу отъ 1 до $1^1/_2$ шилл. въ день, тамъ, гдѣ мужчинѣ нужно было бы заплатить $2^1/_2$ шилл.» (п. 1816).

4) Присяжные для опредѣленія причины смерти (п. 360). «Довольны-ли рабочіе въ вашемъ округѣ судопроизводствомъ при изслѣдованіи несчастныхъ случаевъ? — Нѣтъ, недовольны». (361). Почему-же нѣтъ? — Такъ какъ присяжными назначаютъ лицъ, совершенно незнакомыхъ съ рудниками. Рабочихъ никогда не приглашаютъ; они бываютъ только свидѣтелями. Вообще призываютъ сосѣднихъ лавочниковъ, которые находятся подъ вліяніемъ своихъ покупателей, владѣльцевъ копей, и часто не понимаютъ даже техническихъ выраженій свидѣтелей. Мы хотимъ, чтобы часть присяжныхъ состояла изъ рудокоповъ. Обыкновенно приговоръ совершенно противорѣчитъ показаніямъ свидѣтелей. (п. 378) «Развѣ присяжные не безпристрастны? — Нѣтъ, не безпристрастны» (п. 379). «Будутъ-ли рабочіе безпристрастны?—Я не вижу причинъ, почему имъ не быть безпристрастными. Они знаютъ дѣло». (п. 380). «Не будутъ-ли они стремиться въ

интересахъ рабочихъ выносить приговоръ слишкомъ строгій?—Нѣтъ, я этого не думаю».

5) Фальшивыя мѣры, вѣсъ и т. п. Рабочіе требуютъ еженедѣльной расплаты вмѣсто двухнедѣльной, мѣры вѣсомъ, а не емкостью тачекъ, защиты противъ употребленія фальшивыхъ гирь и т. д. (п. 1071) «Но вѣдь если обманомъ увеличиваютъ объемъ тачки, то рабочій можетъ послѣ 14 дневнаго срока бросить рудникъ?—Да, но если онъ пойдетъ на другое мѣсто, то и тамъ встрѣтитъ то-же самое». (п. 1072) «Но онъ можетъ оставить мѣсто, гдѣ встрѣчаетъ несправедливость?—Она повсюду». (п. 1073) «Но вѣдь рабочій можетъ оставлять мѣсто каждые 14 дней?—Да». И все это вздоръ!

6) Инспекція рудниковъ. Рабочіе страдаютъ не отъ однихъ только несчастныхъ случаевъ при взрывахъ газа. (п. 234 и слѣд.) «Рабочіе жалуются также на плохую вентиляцію въ каменно-угольныхъ копяхъ; такъ что люди едва не задыхаются и становятся неспособными къ какой-бы то ни было работѣ. Такъ, напримѣръ, въ той части рудника, гдѣ я работаю, вслѣдствіе испорченнаго воздуха, многіе заболѣвали и цѣлыя недѣли не могли работать. Главные ходы еще достаточно провѣтриваются, но совершенно не то въ мѣстахъ, гдѣ мы работаемъ». «Отчего-же вы не жалуетесь?—Были случаи, что рабочіе теряли мѣста, если жаловались инспектору... вслѣдствіе чего они не находятъ работы и у другихъ. «Mining Inspecting Act» 1860 года есть просто клочекъ бумаги. Инспекторовъ слишкомъ мало, такъ что инспекторъ, быть можетъ, только разъ въ семь лѣтъ оффиціально посѣтитъ рудникъ. Нашъ инспекторъ 70-лѣтній старикъ, а подъ его надзоромъ болѣе 130 копей. Кромѣ увеличенія числа инспекторовъ, необходимо еще назначить имъ помощниковъ». (п. 280) «Неужели правительство обязано содержать такую армію инспекторовъ, чтобы они могли дѣлать все, что вы требуете, безъ заявленій со стороны самихъ рабочихъ?—Это невозможно, но они должны сами приходить въ рудники, чтобы выслушивать заявленія рабочихъ». (п. 285) «Не думаете-ли вы, что слѣдствіемъ этого будетъ то, что отвѣтственность (!) за вентиляцію и т. п., перейдетъ съ владѣльцевъ рудниковъ на инспекторовъ? — Ни подъ какимъ видомъ; ихъ обязанность должна заключаться въ томъ, чтобы требовать исполненія существующаго закона». (п. 294) «Когда вы говорите о помощникахъ инспекторовъ, подразумѣваете-ли вы подъ ними лицъ съ меньшимъ содержаніемъ и низшихъ по значенію въ сравненіи съ существующими инспекторами?—Я ни въ какомъ случаѣ не желаю низшихъ, если вы можете имѣть высшихъ». (п. 295) «Желаете-ли вы имѣть больше инспекторовъ или лицъ низшаго класса?—Намъ нужны люди, которые-бы сами объѣзжали рудники; лица, которые не боялись-бы за свою собственную шкуру» (п. 296). «Если будетъ исполнено ваше желаніе имѣть инспекторовъ изъ людей низшаго качества, то не будетъ-ли имѣть дурного вліянія ихъ неспособность и т. д ?—Нѣтъ, я думаю, что правительство будетъ наблюдать, чтобы назначались способные люди». Такого рода допросъ дѣлается, наконецъ, даже для президента коммисіи черезчуръ нелѣпымъ и онъ прерываетъ его замѣчаніемъ: «Вы хотите имѣть людей практическихъ, которые сами-бы входили во всѣ подробности, заглядывали-бы во всѣ закоулки рудниковъ, обращали-бы вниманіе на дѣйствительные факты... и доносили-бы инспекторамъ, которые съ своей стороны, могли-бы прилагать къ дѣлу свои научныя знанія»? (п. 531) «Не сопряжено-ли устройство вентиляцій въ старыхъ рудникахъ съ большими расходами?—Да, расходы увеличатся, но за то будетъ сбережена человѣческая жизнь». (п. 581) Одинъ горнорабочій возражаетъ противъ 17-го отдѣла закона 1860 г. «Въ настоящее время, инспекторъ рудниковъ, найдя какую-нибудь часть рудника въ такомъ положеніи, что въ ней нельзя работать, долженъ объ этомъ сообщить владѣльцу рудника и министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣ этого, первому дается 20 дней на размышленіе; затѣмъ онъ можетъ отказаться сдѣлать какія-либо измѣненія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ сообщаетъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, указывая при этомъ на пять горныхъ инженеровъ; изъ этихъ пяти инженеровъ, указанныхъ самимъ владѣльцемъ рудника, министръ выбираетъ одного въ качествѣ третейскаго судьи. Такъ вотъ, мы думаемъ, что владѣлецъ рудника самъ назначаетъ судью». (п. 586) Коммисаръ-буржуа, самъ собственникъ рудника: «Это чисто теоретическое возраженіе (п. 588). Вы, стало быть, самаго плохого мнѣнія о честности горныхъ инженеровъ?—Я говорю, что это, конечно, очень несправедливо». (п. 589) «Нѣтъ-ли у горныхъ инженеровъ чего-нибудь въ родѣ общественнаго положенія, что-бы устраняло ваши опасенія объ ихъ пристрастіи?—Я отказываюсь отвѣчать на вопросы о личныхъ качествахъ этихъ господъ. Я думаю, что они во многихъ случаяхъ поступаютъ очень пристрастно; желательно, чтобы они не имѣли права такъ поступать тамъ, гдѣ дѣло касается жизни человѣка». У этого буржуа хватаетъ еще безстыдства спросить: «Развѣ вы думаете, что владѣлецъ рудника не терпитъ убытковъ отъ взрыва?» Наконецъ (п. 1042): «Развѣ вы, рабочіе Ланкашира, не можете сами охранять свои собственные интересы, не прибѣгая къ помощи правительства?—Нѣтъ». Въ 1865 г. въ Великобританіи было 3,217 каменноугольныхъ копей и 12 инспекторовъ. Одинъ владѣлецъ копей въ Іоркширѣ вычисляетъ самъ (Times», 26 января 1867 г.), что вслѣдствіе чисто бюрократическихъ занятій, которыя поглощаютъ почти все ихъ время, инспек-

торъ можетъ побывать на каждомъ рудникѣ только разъ въ 10 лѣтъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ послѣднія 10 лѣтъ такъ прогрессивно растетъ число несчастныхъ случаевъ и размѣръ ихъ (иногда число жертвъ доходитъ до 200—300 рабочихъ). Вотъ прелести «свободнаго» капиталистическаго производства!

Законъ 1872 года, какъ бы неудовлетворителенъ онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ, является первымъ, который регулируетъ работу дѣтей въ рудникахъ, и дѣлаетъ въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственными владѣльца и эксплуататора рудника за такъ называемые несчастные случаи.

Королевская коммисія 1867 года, для изслѣдованія труда дѣтей, подростковъ и женщинъ въ земледѣліи, опубликовала нѣкоторые очень важные отчеты. Были разныя попытки примѣнить основанія фабричнаго законодательства въ измѣненной формѣ къ земледѣлію, но до сихъ поръ ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха. Но, на что я хочу обратить вниманіе, это на существованіе страстнаго стремленія повсюду примѣнять принципъ фабричнаго законодательства.

Если распространеніе на всѣ отрасли производства фабричнаго законодательства, какъ физическаго и духовнаго средства защиты рабочихъ, стало неизбѣжнымъ, то оно, съ другой стороны, какъ уже прежде мы указали, распространяетъ и ускоряетъ обращеніе разрозненныхъ рабочихъ процессовъ, производимыхъ въ маломъ размѣрѣ, въ комбинированные рабочіе процессы, производимые въ крупныхъ общественныхъ размѣрахъ; оно, стало быть, ускоряетъ сосредоточеніе капитала и исключительное преобладаніе фабричной системы. Оно разрушаетъ всѣ старыя и переходныя формы, за которыми иногда еще только скрывается нѣкоторая власть капитала, и замѣняетъ ихъ прямымъ и открытымъ господствомъ его. Но этимъ самымъ оно обобщаетъ прямую борьбу противъ этого господства. Требуя однообразія, правильности, порядка и экономіи въ отдѣльныхъ мастерскихъ, тѣмъ сильнымъ толчкомъ, какой получаетъ техника, благодаря ограниченію и регулированію рабочаго дня, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливаетъ анархію, катастрофы капиталистическаго производства въ цѣломъ его объемѣ, напряженность труда и конкуренцію машинъ съ рабочими. Уничтожая сферы производства въ маломъ размѣрѣ и кустарничество, оно, тѣмъ самымъ, уничтожаетъ послѣднія убѣжища для лицъ, становящихся постоянно «сверхкомплектными», а слѣдовательно, уничтожаетъ до сихъ поръ существовавшій предохранительный клапанъ всего общественнаго механизма. Съ ускореніемъ развитія матеріальныхъ условій процесса производства, съ обращеніемъ его въ общественный, оно ускоряетъ также развитіе противорѣчій и антагонизмовъ капиталистической его формы, а слѣдовательно, способствуетъ образованію элементовъ для созиданія новаго общества и силъ, разрушающихъ старое [322]).

---

[322]) Robert Owen, отецъ кооперативныхъ фабрикъ и лавокъ,—который, однако, какъ уже мы замѣтили раньше, вовсе не раздѣлялъ иллюзіи своихъ послѣдователей о значеніи этихъ изолированныхъ элементовъ преобразованія, — не только фактически исходилъ изъ фабричной системы въ своихъ опытахъ, но и теоретически считалъ ее исходной точкой соціальнаго переворота. Vissering, профессоръ политической экономіи въ Лейденскомъ университетѣ, какъ будто предчувствуетъ то-же самое, когда въ своей «Handboek van Praktische Staatshuishoudkunde 1860—62», излагая въ соотвѣтственной формѣ пошлости поверхностной политической экономіи, защищаетъ ремесленное производство противъ крупной промышленности.— Къ 4 изд. [Новое юридическое крючкотворство въ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ, состоявшемъ изъ одинъ другому противорѣчившихъ Factory Acts, Factory Extension Act и Workshops' Act, стало, наконецъ, настолько невыносимо, что появился на свѣтъ Factory and Workshop Act 1878 года, сводъ всѣхъ относящихся сюда законовъ. Конечно, мы не можемъ здѣсь дать полнаго критическаго анализа дѣйствующаго въ настоящее время въ Англіи промышленнаго законодательства. Достаточно сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Актъ распространяется на: 1) Ткацкія фабрики, Здѣсь почти все остается по старому: дѣтямъ старше 10-ти-лѣтняго возраста дозволено работать по $5^1/_2$ часовъ въ сутки, или-же по 6 часовъ; въ послѣднемъ случаѣ по субботамъ они не могутъ работать; подростки и женщины—по 10 часовъ въ сутки, а по субботамъ не больше $6^1/_2$ часовъ. 2) Остальныя фабрики и заводы. Въ нихъ условія работъ приблизились уже больше прежняго къ работамъ на ткацкихъ фабрикахъ, на нихъ все еще допущены исключенія, благопріятныя для фабрикантовъ, которыя, во многихъ случаяхъ, могутъ быть, съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, расширены еще болѣе. 3) Workshops (мастерскія), этотъ актъ заключаетъ почти одинаковыя постановленія съ прежнимъ; если въ мастерскихъ работаютъ дѣти, подростки и женщины, то онѣ поставлены почти въ одинаковыя условія съ фабриками, не обработывающими волокнистыхъ веществъ, но опять-таки съ нѣкоторыми льготами въ частностяхъ. 4) Workshops, мастерскія, въ которыхъ трудъ дѣтей и подростковъ не допускается, а работаютъ только лица обоего пола старше 18-ти-лѣтняго возраста; для этой категоріи льготъ еще больше. 5) Domestic workshops, гдѣ работаютъ только члены семейства въ своей собственной квартирѣ; опредѣленія условія работъ въ нихъ еще растяжимѣе, и въ то-же время относительно ихъ существуетъ такое ограниченіе, что инспекторъ имѣетъ право посѣтить безъ особаго министерскаго или судебнаго разрѣшенія только такія мастерскія, которыя не служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ жилыми помѣщеніями; и, наконецъ, совершенно свободны промыслы плетенія соломы, плетенія кружевъ и шитье перчатокъ, если ихъ изготовляютъ члены одного семейства. Несмотря на всѣ недостатки этого акта, онъ, вмѣстѣ съ швейцарскимъ союзнымъ фабричнымъ закономъ 23 марта 1877 г., гораздо лучше всѣхъ относящихся до этого дѣла. Сравненіе его съ упомянутымъ швейцарскимъ союзнымъ закономъ представляетъ особый интересъ; такъ, оно дѣлаетъ нагляднымъ

10) Крупная промышленность и земледѣліе.

Вызываемый крупною промышленностью въ земледѣліи и въ общественныхъ отношеніяхъ производителей переворотъ, можетъ быть изложенъ только впослѣдствіи. Здѣсь достаточно только вкратцѣ указать на нѣкоторые результаты его. Если употребленіе машинъ въ земледѣліи большею частью не сопровождается вредными физическими послѣдствіями, которыя онѣ причиняютъ фабричнымъ рабочимъ [323]), за то здѣсь вліяніе ихъ несравненно значительнѣе и безъ всякаго противодѣйствія проявляется въ «обращеніи рабочихъ въ излишніе», какъ это мы впослѣдствіи докажемъ подробнѣе. Напримѣръ, въ Кэмбриджскомъ и Суффольскомъ графствахъ площадь обработанной земли за послѣдніе 20 лѣтъ (до 1868 г.) сильно расширилась, между тѣмъ какъ сельское населеніе въ теченіе того-же времени убавилось не только относительно, но и абсолютно. Въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ земледѣльческія машины замѣщаютъ рабочихъ пока только потенціально, т.-е. онѣ даютъ возможность фермерамъ обработывать большее пространство, не вытѣсняя, однако, дѣйствительно занятыхъ рабочихъ. Число лицъ, занимавшихся приготовленіемъ земледѣльческихъ машинъ въ Англіи и Уэльсѣ въ 1861 году, доходило до 1,034, между тѣмъ, какъ число земледѣльческихъ работниковъ, занимавшихся при посредствѣ паровыхъ и земледѣльческихъ машинъ, не превышало 1,205 человѣкъ.

Въ области земледѣлія крупная промышленность оказываетъ еще большее революціонное вліяніе, вслѣдствіе того, что уничтожаетъ опору стараго строя, крестьянина, и замѣняетъ его наемнымъ рабочимъ, батракомъ. Такимъ образомъ требованія общественныхъ преобразованій и борьба классовъ въ деревнѣ становится такою-же, какъ и въ городѣ. Рутинные и не раціональные способы веденія земледѣльческаго хозяйства замѣняются научными. Капиталистическій способъ производства окончательно разрываетъ ту связь, которая связываетъ земледѣліе и обрабатывающую промышленность въ ихъ младенчествѣ. Но одновременно онъ создаетъ матеріальныя условія новаго высшаго синтеза, т.-е. соединенія промышленности и земледѣлія, имѣющихъ въ основаніи тѣ формы, которыя ими были пріобрѣтены въ теченіе того времени, пока они были совсѣмъ разъединены. Съ постоянно увеличивающимся перевѣсомъ городского населенія, которое капиталистическое производство собираетъ въ крупныхъ центрахъ, оно, съ одной стороны, накопляетъ историческую прогрессивную силу общества, а съ другой—не только разрушаетъ физическое здоровье городскихъ рабочихъ и духовную жизнь сельскихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушаетъ обмѣнъ веществъ между человѣкомъ и землею, т.-е. возвращеніе человѣкомъ составныхъ частей почвы, потребленныхъ имъ въ видѣ одежды и пищи, обратно почвѣ, нарушаетъ, слѣдовательно, вѣчныя естественныя условія постоянства плодородія почвы [324]). Но, вмѣстѣ съ разрушеніемъ условій этого обмѣна веществъ, которыя отсталыя общества выполняютъ почти стихійно, оно тѣмъ самымъ заставляетъ установить его систематически, въ видѣ закона, регулирующаго общественное производство, при томъ въ формѣ, отвѣчающей полному человѣческому развитію.

Какъ и въ мануфактурѣ, въ земледѣліи капиталистическая форма процесса производства является мартирологіей производителей; средства труда—средствами порабощенія, эксплуатаціи и обѣдненія рабочихъ; общественное сочетаніе работъ — огранизованнымъ подавленіемъ ихъ индивидуальной жизненности, свободы и самостоятельности. Разбросанность сельскихъ работниковъ на большихъ пространствахъ ослабляетъ силу ихъ сопротивленія, тогда какъ сосредоточеніе на одномъ мѣстѣ городскихъ рабочихъ увеличиваетъ ее .Въ современномъ земледѣліи увеличеніе производительной силы и большее напряженіе труда покупаются, какъ и въ городской промышленности, разслабленіемъ и разрушеніемъ самой рабочей силы. Но всякій прогрессъ капиталистическаго земледѣлія является не только прогрессомъ въ искусствѣ эксплуатировать работника, но въ то-же время, и въ искусствѣ истощать почву: каждый шагъ на пути увеличенія ея плодородія,

---

какъ достоинства, такъ и недостатки обоихъ законодательныхъ способовъ: англійскаго, «историческаго», расширяющаго сферу своего дѣйствія отъ случая до случая, и континентальнаго способа, болѣе обобщающаго, покоющагося на традиціяхъ французской революціи. Къ сожалѣнію англійскій промышленный уставъ, въ своемъ примѣненіи къ мастерскимъ, workshops, вслѣдствіе недостаточности персонала инспекціи, остается по большей части мертвою буквою.— Фр. Э.].

[323]) Подробное описаніе машинъ, употребляемыхъ въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ, можно найти въ «Die landwirthschaftlichen Geräthe und Maschinen Englands von Dr. W. Hamm. 2-e изд 1856». Въ своемъ очеркѣ хода развитія англійскаго земледѣлія, Dr. Hamm слишкомъ рабски слѣдуетъ за Leonce de Lavergne. [Къ 4 изд.—Въ настоящее время сочиненіе это, конечно, устарѣло.—Фр. Э.].

[324]) «Вы дѣлите народъ на два враждебныхъ лагеря: на неуклюжую деревенщину и на слабосильныхъ карликовъ.... О небеса! нація, раздѣленная между сельскими и торговыми интересами, называетъ сама себя здоровою, даже величаетъ себя просвѣщенною и цивилизованною и притомъ, не на зло этому уродливому и неестественному раздѣленію, а вслѣдствіе его». (David Urquhart l. c. p. 119). Это мѣсто показываетъ, въ одно и тоже время, силу и слабость того рода критики, которая умѣетъ судить и осуждать современный порядокъ вещей, но не въ силахъ понять его.

для извѣстнаго періода времени, есть, въ то-же время, шагъ къ истощенію на долгое время источника этого плодородія. Чѣмъ болѣе развитіе какой-нибудь страны, напримѣръ, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, основывается на крупной промышленности, тѣмъ быстрѣе происходитъ этотъ процессъ разрушенія [325]). Слѣдовательно, капиталистическое производство развиваетъ технику и комбинируетъ различные процессы производства въ одно общественное цѣлое, но одновременно истощаетъ источникъ происхожденія всѣхъ богатствъ: землю и рабочаго.

---

[325]) Ср. Либиха: «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie. 7 изд. 1862», въ особенности въ первомъ томѣ: «Введеніе въ естественные законы полеводства». Изложеніе отрицательной стороны современнаго земледѣлія, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, есть одна изъ безсмертныхъ заслугъ Либиха, а очеркъ исторіи земледѣлія, хотя онъ и не безъ грубыхъ ошибокъ, проливаетъ гораздо больше свѣта, чѣмъ всѣ сочиненія современыхъ экономистовъ, взятыя вмѣстѣ. Нельзя не пожалѣть, что онъ рискуетъ выражать напримѣръ слѣдующія мнѣнія: «Обмѣнъ воздуха внутри пористыхъ частицъ земли становится тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ чаще земля обрабатывается и чѣмъ полнѣе измельчаніе этихъ частицъ; этимъ увеличивается и обновляется поверхность земляныхъ частицъ, на которыя долженъ дѣйствовать воздухъ; но легко понять, что урожайность полей не можетъ возрасти, соразмѣрно съ увеличеніемъ труда, употребленнаго на обработку этого поля, а что она увеличивается въ гораздо меньшей степени. Этотъ законъ,—прибавляетъ Либихъ,—былъ въ первый разъ выраженъ Дж. Ст. Миллемъ въ его «Основаніяхъ Полит. экономіи» такъ: «Общій законъ земледѣльческой промышленности состоитъ въ томъ, что продуктъ земли увеличивается, caeteris paribus, сравнительно меньше увеличенія числа занятыхъ рабочихъ (Милль повторяетъ законъ школы Рикардо даже въ ошибочной формѣ; дѣйствительно, такъ какъ въ Англіи при развитіи земледѣлія происходило постоянное «уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ», то законъ, найденный для Англіи и въ Англіи, не примѣнимъ во всякомъ случаѣ для Англіи), что довольно замѣчательно, прибавляетъ Либихъ, такъ какъ ему не была извѣстна причина этаго закона» (Liebig l. c. Bd. I, стр. 143 и выноска). Независимо отъ невѣрнаго пониманія значенія слова «трудъ», подъ которымъ Либихъ понимаетъ не то, что понимаетъ подъ нимъ политическая экономія, «довольно замѣчательно», что онъ дѣлаетъ Дж. Ст. Милля первымъ провозвѣстникомъ теоріи, которую впервые провозгласилъ Джемсъ Андерсонъ, современникъ А. Смита, и которую онъ постоянно проповѣдывалъ въ разныхъ сочиненіяхъ до начала XIX-го столѣтія; которую присвоилъ себѣ въ 1815 году Мальтусъ, бывшій вообще мастеромъ по части воровства чужихъ мыслей (вся его теорія народонаселенія есть безстыднѣйшій плагіатъ); которую развилъ одновременно съ Андерсономъ, и независимо отъ него, West; которую въ 1817 году Рикардо соединилъ съ общей теоріей стоимости; которая съ тѣхъ поръ обошла весь свѣтъ съ именемъ Рикардо; которую въ 1820 году Джемсъ Милль (отецъ Дж. Ст. Милля) популяризировалъ; и которую, наконецъ, повторилъ въ числѣ другихъ Дж. Ст. Милль, когда она стала уже общимъ мѣстомъ. Безспорно, что Дж. Ст. Милль обязанъ своимъ, во всякомъ случаѣ «замѣчательнымъ», авторитетомъ почти только подобнымъ qui pro quo.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Абсолютная и относительная прибавочная стоимость.

Процессъ труда былъ изслѣдованъ сперва (см. пятую главу) абстрактно, независимо отъ его историческихъ формъ, какъ процессъ, происходящій между человѣкомъ и природою. Мы тамъ видѣли, что «при разсмотрѣніи всего процесса (труда) въ его цѣломъ, съ точки зрѣнія его результата, т.-е. продукта, какъ предметъ труда, такъ и орудіе труда представляются оба средствами производства, а самый трудъ производительнымъ трудомъ». Къ этому въ выноскѣ 7-й (стр. 162) мы добавили: «Такое опредѣленіе производительнаго труда, полученное нами съ точки зрѣнія простого процесса труда, оказывается вовсе недостаточнымъ для капиталистическаго процесса производства». Этотъ вопросъ намъ предстоитъ теперь изслѣдовать.

Насколько процессъ труда есть продуктъ чисто индивидуальный, въ немъ тотъ-же самый рабочій соединяетъ въ себѣ всѣ функціи, которыя впослѣдствіи разъединяются. Если кто-нибудь самостоятельно приспособляетъ предметы, находимые имъ въ природѣ, для удовлетворенія своего существованія, то онъ только одинъ и управляетъ своими дѣйствіями. Впослѣдствіи-же имъ управляютъ другіе. Отдѣльный человѣкъ можетъ дѣйствовать на природу не иначе, какъ приводя въ дѣйствіе свои собственные мускулы, подъ контролемъ своего собственнаго мозга. Совершенно подобно тому, какъ въ природѣ рука человѣка и голова его нераздѣльны и дополняютъ одна другую, точно такъ-же и въ процессѣ труда работа рукъ и работа головы соединяются въ одно нераздѣльное цѣлое. Впослѣдствіи онѣ разъединяются и становятся смертельными врагами. Продуктъ перестаетъ быть непосредственнымъ продуктомъ отдѣльнаго человѣка, а дѣлается продуктомъ общественнымъ, продуктомъ коллективнаго рабочаго; причемъ отдѣльные рабочіе принимаютъ самыя разнообразныя степени участія въ его изготовленіи, одни непосредственное, другіе посредственное, а нѣкоторые даже никакого. Поэтому, вмѣстѣ съ развитіемъ кооперативнаго характера самого процесса труда, обязательно расширяется понятіе о производительномъ трудѣ и о производительномъ рабочемъ. Для того, что-бы быть производительнымъ, нѣтъ уже надобности исполнять работу своими руками, достаточно быть органомъ коллективнаго рабочаго, или выполнять какую-нибудь изъ его функцій. Вышеприведенное опредѣленіе того, что̀ такое производительный трудъ, которое мы вывели изъ самой сущности матеріальнаго производства, остается вѣрнымъ и по отношенію къ коллективному рабочему, если на него смотрѣть какъ на одного человѣка, но оно уже не примѣнимо къ каждому изъ его членовъ, взятому въ отдѣльности.

Но, съ другой стороны, наше представленіе о производительномъ рабочемъ дѣлается болѣе узкимъ. Капиталистическое производство не есть только производство товаровъ, но есть, главнымъ образомъ, производство прибавочной стоимости; рабочій производитъ не для себя, а для капитала. Поэтому уже недостаточно, чтобы онъ только производилъ. Онъ долженъ производить прибавочную стоимость. Слѣдовательно, производительнымъ оказывается только рабочій, доставляющій капиталисту прибавочную стоимость, трудъ котораго оплодотворяетъ капиталъ, увеличиваетъ его стоимость.

Съ этой точки зрѣнія школьный учитель бываетъ производительнымъ рабочимъ лишь въ томъ случаѣ, если не ограничивается обработкою дѣтскихъ головъ, а работаетъ какъ волъ для

обогащенія владѣльца школы. Дѣло нисколько не измѣняется вслѣдствіе того, что капиталъ вложенъ въ школьное заведеніе, а не въ колбасное. Поэтому, понятіе о производительномъ рабочемъ предполагаетъ уже не простое отношеніе между дѣятельностью и полезнымъ результатомъ, между рабочимъ и продуктомъ труда, но также и особенныя общественныя условія производства, которыя возникли исторически и которыя обращаютъ рабочаго въ непосредственное орудіе для созиданія прибавочной стоимости. Быть производительнымъ рабочимъ, поэтому, не есть счастіе; напротивъ, это—несчастіе. Въ четвертой книгѣ, въ которой излагается исторія теоріи, мы увидимъ яснѣе, что классическая политическая экономія постоянно считала производство прибавочной стоимости отличительнымъ признакомъ производительнаго работника. Поэтому, вмѣстѣ съ ея взглядомъ на сущность прибавочной стоимости, измѣняется и ея опредѣленіе производительнаго работника.

Такъ, физіократы утверждаютъ, что производителенъ только земледѣльческій рабочій, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, только онъ производитъ прибавочную стоимость, а утверждаютъ они это потому, что на ихъ взглядъ прибавочная стоимость только и существуетъ, что въ видѣ ренты.

Продолженіе рабочаго дня за предѣлы того времени, въ теченіе котораго рабочій произвелъ-бы лишь эквиваленты стоимости своей рабочей силы, и присвоеніе такого прибавочнаго труда капиталомъ, вотъ въ чемъ состоитъ производство абсолютной прибавочной стоимости. Оно служитъ общимъ основаніемъ капиталистической системы и исходной точкой производства относительной прибавочной стоимости. Послѣдняя предполагаетъ, что рабочій день уже раздѣленъ на двѣ части, на необходимый трудъ и на прибавочный трудъ. Для того, чтобы продолжить прибавочный трудъ, необходимый трудъ сокращается способами, благодаря которымъ эквивалентъ рабочей платы производится въ меньшее время. Производство абсолютной прибавочной стоимости вращается исключительно на продолжительности рабочаго дня; производство относительной прибавочной стоимости производитъ все болѣе и болѣе глубокія преобразованія въ техникѣ рабочаго процесса и въ группировкѣ всего общества. Оно, слѣдовательно, предполагаетъ специфическій способъ производства, именно капиталистическій, такой способъ, который, вмѣстѣ со своими средствами, пріемами и условіями, возникаетъ и развивается стихійно на почвѣ формальнаго подчиненія труда капиталу. Въ продолженіе этого развитія, вмѣсто формальнаго происходитъ дѣйствительное, реальное подчиненіе труда капиталу.

Достаточно простого указанія на нѣкоторыя промежуточныя формы, въ которыхъ прибавочный трудъ не получается прямымъ принужденіемъ, и гдѣ самъ производитель также еще не находится въ формальномъ подчиненіи у капитала. Въ этихъ формахъ капиталъ не овладѣлъ еще непосредственно рабочимъ процессомъ. На ряду съ самостоятельными производителями, занимающимися ремеслами или земледѣліемъ по прадѣдовскимъ способамъ, находится ростовщикъ или купецъ, ростовщическій или торговый капиталъ, который подобно паразиту сосетъ ихъ. Преобладаніе этой формы эксплуатаціи въ какомъ-нибудь обществѣ исключаетъ капиталистическій способъ производства, для котораго она является переходной формой, какъ напримѣръ, въ послѣдніе годы среднихъ вѣковъ. Наконецъ, нѣкоторыя промежуточныя формы воспроизводятся въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при господствѣ крупной промышленности, чему примѣромъ могутъ служить «домашніе промыслы», — хотя физіономія ихъ уже совершенно иная.

Если для производства абсолютной прибавочной стоимости вполнѣ достаточно одного формальнаго подчиненія труда капиталу, напримѣръ, когда ремесленники, раньше работавшіе на самихъ себя,—или-же какъ подмастерья у мастера,—подчиняются въ качествѣ наемныхъ рабочихъ прямому контролю капиталиста, то, съ другой стороны, оказалось, что методы производства относительной прибавочной стоимости въ то-же время методы призводства абсолютной прибавочной стоимости. Даже болѣе того: чрезмѣрное удлиненіе рабочаго дня явилось результатомъ именно крупной промышленности. Вообще говоря, особенный капиталистическій способъ призводства перестаетъ быть средствомъ производства одной только относительной прибавочной стоимости какъ только захватитъ цѣлую отрасль производства относительной прибавочной стоимости, во-первыхъ, поскольку капиталъ овладѣваетъ отаслями промышленности, до тѣхъ поръ подчиненными ему только формально, слѣдовательно, пока онъ пролагаетъ лишь только путь къ фактической власти; во-вторыхъ, поскольку въ отрасляхъ промышленности, уже подпавшихъ его власти, происходятъ непрерывныя преобразованія въ приложеніи машинъ и пріемовъ производства вообще.

Съ извѣстной точки зрѣнія, различіе между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется чисто фиктивнымъ. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, такъ какъ ей необходимо абсолютное удлиненіе рабочаго дня за предѣлы рабочаго времени, потребнаго для существованія самого рабочаго. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, такъ какъ она требуетъ такого развитія производительности труда, которое даетъ возможность ограничить необходимое рабочее время частью рабочаго дня. Если-же мы будемъ имѣть въ виду движеніе прибавочной

стоимости, то это кажущееся тождество исчезаетъ. Разъ капиталистическій способъ производства упрочился и сталъ всеобщимъ, разница между относительной и абсолютной прибавочной стоимостью даетъ себя знать въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло коснется повышенія нормы прибавочной стоимости. Если предположить, что рабочая сила оплачивается по дѣйствительной ея стоимости, то, очевидно, мы придемъ къ слѣдующей альтернативѣ: норма прибавочной стоимости, при данной производительной силѣ и напряженности труда, можетъ повыситься отъ абсолютнаго удлиненія рабочаго дня; съ другой стороны, при опредѣленномъ ограниченіи рабочаго дня норма прибавочной стоимости можетъ увеличиться вслѣдствіе относительнаго измѣненія величины ея составныхъ частей — необходимаго труда и прибавочнаго труда, что, во всякомъ случаѣ, — если вознагражденіе не упадетъ ниже цѣнности рабочей силы, предполагаетъ измѣненіе производительности или напряженности труда.

Если рабочему нужно все его время для производства средствъ, необходимыхъ для поддержки существованія его самого и его семейства, то откуда-же онъ возьметъ время, чтобы даромъ работать для третьяго лица? Безъ извѣстной степени производительности труда, такого свободнаго времени у рабочаго нѣтъ; а безъ такого излишка времени—нѣтъ прибавочнаго труда, значитъ нѣтъ и прибавочной стоимости, а, слѣдовательно, нѣтъ и класса капиталистовъ; но нѣтъ также и рабовладѣльцевъ, нѣтъ феодальныхъ бароновъ, однимъ словомъ нѣтъ класса крупныхъ собственниковъ! [1]).

Итакъ, можно сказать, что прибавочная стоимость лежитъ на естественномъ основаніи; но сказать это можно только въ совершенно общемъ смыслѣ, что нѣтъ никакихъ естественныхъ препятствій, которыя помѣшали бы одному свалить съ самого себя трудъ, необходимый для его собственнаго существованія, и взвалить его на другого; какъ напримѣръ, нѣтъ никакого непреодолимаго препятствія, которое помѣшало бы одному ѣсть мясо другого [1а]). Но такому, факту какъ производительность труда, возникшему историческимъ путемъ, вовсе не слѣдуетъ придавать оттѣнокъ какой-то таинственности, пытаясь объяснить его во вкусѣ схоластиковъ, какимъ-то «сокровеннымъ» свойствомъ труда, присущей ему производительности, производительности вполнѣ готовой, которою надѣлила человѣка природа при появленіи его на свѣтъ. Только тогда, когда человѣкъ выходитъ изъ первобытнаго животнаго состоянія, слѣдовательно лишь тогда, когда трудъ его дѣлается до извѣстной степени общественнымъ, возникаетъ такое положеніе вещей, вслѣдствіе котораго прибавочный трудъ однихъ становится средствомъ существованія другихъ. При началѣ цивилизаціи производительность труда незначительна; но не велики и потребности, которыя растутъ вмѣстѣ со средствами для ихъ удовлетворенія и при помощи этихъ средствъ. Затѣмъ, въ тѣ отдаленныя времена, число членовъ общества, живущихъ чужимъ трудомъ, сравнительно съ массой непосредственныхъ производителей, было крайне ничтожно. Съ развитіемъ общественной производительной силы труда число это возрастаетъ и абсолютно и относительно [2]). Кромѣ того, капиталистическія отношенія развиваются на такой экономической почвѣ, которая сама есть продуктъ продолжительнаго процесса развитія. Та производительность труда, которая служитъ имъ основаніемъ, не есть даръ природы, но даръ тысячевѣковой исторіи.

Помимо общественной формы производства, производительность труда находится въ зависимости и отъ естественныхъ условій, въ которыхъ онъ производится. Всѣ эти условія могутъ быть сведены или къ самому человѣку (раса и т. д.), или къ окружающей его природѣ. Внѣшнія естественныя условія, въ экономическомъ отношеніи, распадаются на два большіе класса: природное богатство средствами существованія, слѣдовательно, плодородіе почвы, вóды богатыя рыбою и т. п.., и природное богатство средствами труда, сюда относятся, напримѣръ: водопады, судоходныя рѣки, лѣсъ, металлы, каменный уголь и т. п. На зарѣ цивилизаціи имѣетъ бóльшее значеніе первый родъ естественныхъ богатствъ, при высшей степени ее развитія — послѣдній. Сравнимъ напримѣръ Англію съ Индіей, или, въ древнемъ мірѣ, Аѳины и Коринѳъ съ прибрежьями Чернаго моря.

Чѣмъ ограниченнѣе число естественныхъ потребностей, необходимо требующихъ удовлетворенія, чѣмъ выше, плодороднѣе почва и чѣмъ благопріятнѣе климатъ, тѣмъ короче необходимое рабочее время для поддержки и воспроизведенія производителя. Слѣдовательно, тѣмъ больше мо-

---

[1]) «Самое существованіе хозяевъ-капиталистовъ, какъ отдѣльнаго класса, зависитъ отъ производительности промышленности» (Ramsay l. c. p. 206). «Если-бы каждый человѣкъ могъ своимъ трудомъ производить только пищу для самого себя, то не могло-бы быть собственности» (Ravenstone l. c. p. 14, 15).

[1а]) По недавнимъ вычисленіямъ, въ изслѣдованныхъ уже частяхъ земного шара, существуетъ по крайней мѣрѣ 4.000,000 людоѣдовъ.

[2]) «У дикихъ индѣйцевъ Америки почти все принадлежитъ работнику, 99 частей изъ ста приходится на долю труда; въ Англіи-же на долю рабочаго не приходится, можетъ быть, и $^2/_3$» («The Advantages of the East India Trade etc» p. 73).

жетъ быть избытокъ его труда для другихъ, въ сравнении съ его трудомъ для самого себя. Уже Діодоръ замѣчаетъ о древнихъ египтянахъ: «Совершенно невѣроятно, какъ дешево стоитъ имъ содержаніе дѣтей и какъ оно мало причиняетъ имъ заботъ. Они варятъ для нихъ кушанье, какое только попадется подъ руку; они даютъ имъ ѣсть нижнюю часть папируса, поджаривая его на огнѣ, затѣмъ корни и стебли болотныхъ растеній, частью въ сыромъ видѣ, частью вареные и жареные. Большая часть дѣтей вслѣдствіе мягкости климата ходитъ безъ одежды и обуви. Поэтому, все содержаніе ребенка, до его возмужалости, стоитъ родителямъ не болѣе 20 драхмъ. Этимъ, главнымъ образомъ, и можно объяснить многочисленность населенія Египта, вслѣдствіе чего и было произведено тамъ столько колоссальныхъ работъ» [3]. Между тѣмъ, громадныя сооруженія древняго Египта обязаны своимъ существованіемъ не столько численности своего населенія, какъ размѣрамъ, въ какихъ можно было располагать имъ. Какъ отдѣльный рабочій доставляетъ тѣмъ болѣе прибавочнаго труда, чѣмъ менѣе его необходимое рабочее время,—такъ точно, чѣмъ меньшая часть рабочаго населенія требуется для производства необходимыхъ средствъ существованія, тѣмъ больше та часть его, которою можно располагать для другихъ работъ.

Если предположить существованіе капиталическаго производства, то при прочихъ равныхъ условіяхъ и при данной длинѣ рабочаго дня, величина прибавочнаго труда измѣняется съ измѣненіемъ естественныхъ условій труда и въ особенности съ измѣненіемъ плодородія почвы. Изъ этого, однако, нельзя сдѣлать обратнаго вывода, что плодороднѣйшая почва наиболѣе способствуетъ развитію капиталистическаго способа производства. Послѣдній предполагаетъ господство человѣка надъ природою. Слишкомъ расточительная природа «держитъ его за руку, какъ ребенка на помочахъ». Она препятствуетъ его развитію тѣмъ, что не дѣлаетъ его развитіе естественною необходимостью [4]. Не тропическій климатъ со своею роскошною растительностью, а умѣренный поясъ есть отечество капитала. Единственную основу общественнаго раздѣленія труда образуетъ не абсолютное плодородіе почвы, но разнородность ея химическихъ свойствъ, ея геологическаго строенія, ея естественныхъ продуктовъ; и именно оно, въ зависимости отъ природныхъ условій, въ которыхъ живетъ человѣкъ, поощряетъ его разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и пріемы труда.

Необходимость общественнаго контроля надъ какою-нибудь силою природы, чтобы пользоваться ею, сберегать ее, подчинять ее посредствомъ гигантскихъ произведеній рукъ человѣческихъ, играетъ рѣшительную роль въ исторіи промышленности; напримѣръ, регулированіе водъ въ Египтѣ [5], Ломбардіи и Голландіи; то-же въ Персіи и т. д., гдѣ искусственные каналы доставляютъ почвѣ не только необходимую воду, но вмѣстѣ съ ней приносятъ, въ видѣ ила минеральное удобреніе съ горъ. Канализація,— вотъ гдѣ надо искать тайну промышленнаго процвѣтанія Испаніи и Сициліи подъ арабскимъ владычествомъ [6],

Одни только благопріятныя естественныя условія доставляютъ лишь возможность, но ни въ какомъ случаѣ не необходимость прибавочнаго труда, слѣдовательно и прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта. Разнообразныя естественныя условія труда имѣютъ вліяніе на то, что одно и то-же количество труда въ различныхъ странахъ удовлетворяетъ различное количество потребностей [7]; слѣдовательно, при остальныхъ одинако-

---

3) Diodor l. c. l. I c. 80.

4) «Первое (природное богатство), будучи болѣе щедрымъ и болѣе прибыльнымъ, дѣлаетъ народъ безпечнымъ, гордымъ и склоннымъ ко всевозможнымъ излишествамъ; тогда какъ второе сообщаетъ силу и бодрость литературѣ, искусствамъ и политикѣ». («England's Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure. Written by Thomas Mun, of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun. London 1669». p. 181, 182). «Я также не могу представить сильнѣйшаго несчастія для народа, какъ быть брошеннымъ въ такую мѣстность, гдѣ земля производитъ пищу и средства существованія почти безъ помощи труда и гдѣ климатъ требуетъ или допускаетъ мало заботы объ одеждѣ.... но можетъ быть также и противуположная крайность. Почва, неспособная производить при посредствѣ труда, также дурна, какъ почва, производящая изобильно безъ всякаго труда». («An Inquiry into the Present High Price of Provisions. London 1767», p. 10).

5) Необходимость предсказывать повышеніе водъ Нила создали египетскую астрономію и, вмѣстѣ съ нею, господство касты жрецовъ, какъ руководителей земледѣлія. «Солнцестояніе есть время года, когда начинается повышеніе водъ Нила и которое египтяне должны были наблюдать съ особеннымъ вниманіемъ.... Это именно то самое время въ тропическомъ климатѣ, замѣтить которое было особенно важно, чтобы согласно ему располагать свои земледѣльческія работы. Они должны были, поэтому, искать на небѣ видимаго знака его возвращенія». Cuvier: «Discours sur les revolutions du globe, ed. Hoefer». Paris 1863, p. 141).

6) Одно изъ матеріальныхъ основаній власти правительства надъ мелкими производительными организмами Индіи, между которыми не существовало никакой связи, было регулированіе водоснабженія. Магометанскіе властители Индіи понимали это лучше своихъ англійскихъ преемниковъ. Припомнимъ только голодъ 1866 года, который стоилъ жизни болѣе чѣмъ 1.000,000 индусовъ въ одномъ Орисскомъ округѣ Бенгальскаго президентства.

7) «Нѣтъ двухъ странъ, въ которыхъ потребности существованія были-бы одинаковы, а средства къ ихъ удовлетворенію доставлялись-бы въ одинаковомъ изобиліи и при одинаковомъ количествѣ труда; нужды человѣка возрастаютъ или

выхъ условіяхъ, необходимое рабочее время бываетъ различно. На прибавочный-же трудъ эти условія дѣйствуютъ только какъ естественные предѣлы, т.-е. они опредѣляютъ моментъ, съ котораго можетъ начинаться трудъ для другихъ. По мѣрѣ того, какъ промышленность развивается, эти естественные предѣлы отступаютъ. Въ средѣ нашего западно-европейскаго общества, гдѣ рабочій покупаетъ позволеніе работать для своего существованія, только уплачивая за это прибавочнымъ трудомъ, легко создается представленіе, что доставленіе прибавочнаго продукта есть качество, присущее человѣческому труду [8]). Но возьмемъ, напримѣръ, жителей восточныхъ островов азіатскаго архипелага, гдѣ саго растетъ въ лѣсахъ въ дикомъ состояніи. «Когда жители, просверливъ въ деревѣ отверстіе, убѣдятся, что сердцевина созрѣла, то стволъ срубаютъ, раздѣляютъ на нѣсколько частей, сердцевину выскабливаютъ, смѣшиваютъ съ водой, процѣживаютъ, и въ такомъ видѣ она совершенно годна къ употребленію какъ саго. Обыкновенно, одно дерево даетъ 300, ну можетъ давать до 500 и 600 фунтовъ саго. Слѣдовательно, тамъ идутъ въ лѣсъ и рѣжутъ свой хлѣбъ, какъ у насъ рубятъ дрова» [9]). Теперь предположимъ, что такому азіатскому хлѣборѣзу нужно 12 рабочихъ часовъ въ недѣлю для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, а природа даритъ ему непосредственно много свободнаго времени; чтобы онъ употреблялъ его производительно для себя, необходимъ цѣлый рядъ историческихъ условій; для того-же, чтобы онъ употреблялъ его на прибавочной трудъ для постороннихъ лицъ, требуется внѣшнее принужденіе. Если будетъ введено капиталистическое производство, то такому молодцу придется проработать, можетъ быть, 6 дней въ недѣлю, чтобы добыть для самого себя продуктъ одного дня. Щедростью природы нельзя объяснить, почему онъ работаетъ теперь 6 дней въ недѣлю, или почему ему приходится доставлять 5 дней прибавочнаго труда. Ею можно объяснить только то, почему его необходимое рабочее время ограничивается однимъ днемъ въ недѣлю. Но его прибавочный продуктъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ возникнуть отъ какого-то таинственнаго качества, присущаго человѣческому труду.

Стало быть, не только общественная производительность труда, развившаяся исторически, но также и естественная его производительность представляется производительностью капитала, съ которымъ она нераздѣльна.

Рикардо никогда не касается происхожденія прибавочной стоимости. Онъ смотритъ на нее какъ на нѣчто свойственное капиталистическому способу производства, который, на его взглядъ, является естественной формой общественнаго производства. Точно также, когда онъ говоритъ о производительности труда, то и не думаетъ искать въ ней причину существованія прибавочной стоимости, а видитъ въ ней только причину, опредѣляющую величину ея. Школа его, наоборотъ, объявляетъ открыто причиною нарожденія прибыли (надо понимать: прибавочной стоимости)—производительность труда. Это былъ конечно, уже шагъ впередъ, сравнительно съ меркантилистами, которые, съ своей стороны выводили превышеніе цѣны продукта надъ издержками его производства изъ акта обмѣна, изъ того, что продуктъ продавался выше его стоимости. Но это значило уклониться отъ разрѣшенія задачи, а не разрѣшить ее. Дѣйствительно, буржуазные экономисты школы Рикардо инстинктивно чувствовали, и не безъ основанія, что очень опасно слишкомъ углубляться въ жгучій вопросъ о происхожденіи прибавочной стоимости. Но что намъ приходится сказать, когда спустя полстолѣтія послѣ Рикардо, Джонъ Стюартъ Милль торжественно провозглашаетъ свое превосходство надъ меркантилистами, нескладно повторяя увертки первыхъ популяризаторовъ Рикардо?

Милль говоритъ: «Причина прибыли заключается въ томъ, что трудъ производятъ больше, чѣмъ сколько нужно для его содержанія». Это пока повтореніе старой пѣсни; но желая прибавить что-нибудь отъ себя, Милль продолжаетъ: «Чтобы нѣсколько измѣнить теорему, скажемъ, что причина, по какой капиталъ приноситъ прибыль, состоитъ въ томъ, что пища, одежда, матеріалы и инструменты существуютъ дольше того времени, которое требуется для ихъ производства». Милль при этомъ смѣшиваетъ продолжительность труда съ продолжительностью существованія продуктовъ этого труда. Съ его точки зрѣнія, булочникъ, товаръ котораго просуществуетъ всего только одинъ день, никогда не могъ-бы добыть изъ своихъ рабочихъ такую-же прибыль, какую добываетъ машиностроительный заводчикъ, товаръ котораго можетъ просуществовать лѣтъ двадцать, а то и болѣе. Правда, совершенно вѣрно, что если-бы гнѣздо

понижаются въ зависимости отъ суровости или мягкости климата, въ которомъ онъ живетъ; слѣдовательно, размѣръ разнаго рода работъ, которыя жители разныхъ странъ вынуждены производить, не можетъ быть сходенъ; эту разницу почти невозможно объяснить чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ разницы температуры; отсюда слѣдуетъ то общее заключеніе, что количество труда, необходимаго для опредѣленнаго количества людей, въ холодныхъ климатахъ болѣе, нежели въ жаркихъ; ибо въ первыхъ для людей необходимо не только бо́льшее количество одежды, но и землю нужно обработывать больше, нежели въ послѣднихъ», («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest». London 1750, p. 60). Авторъ этого анонимнаго сочиненія, составившаго эпоху, J. Massey. Юмъ заимствовалъ отсюда свою теорію процентовъ.

[8]) «Каждый трудъ долженъ (это, вѣроятно, принадлежитъ также къ правамъ и обязанностямъ du citoyen) давать избытокъ» (Proudhon).

[9]) F. Schouw: «Die Erde, die Pflanze und der Mensch», 2 изд. Leipzig 1854, стр. 148.

не просуществовало дольше того времени, которое требуется птицѣ, чтобы его свить, то птицамъ пришлось-бы обходиться безъ гнѣздъ.

Установивъ эту основную истину, Милль обращается къ доказательству своего превосходства надъ меркантилистами. «Мы такимъ образомъ видимъ, восклицаетъ онъ, что прибыль возникаетъ не изъ случайностей обмѣна, но благодаря производительности труда, и вся прибыль страны опредѣляется всегда производительной силой труда, есть-ли при этомъ обмѣнъ, или нѣтъ, все равно. Если-бы не было раздѣленія занятій, то не было-бы ни покупокъ, ни продажъ, а прибыль все-таки была-бы». Стало быть для Милля покупка и продажа, эти общія условія капиталистическаго производства, кажутся только случайностями, и прибыль все-таки была-бы даже безъ покупки и продажи рабочей силы!

«Если, продолжаетъ онъ, рабочіе страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны товаровъ». Съ одной стороны это разсужденіе представляется чистѣйшимъ повтореніемъ, такъ какъ, если рабочіе производятъ для капиталистовъ 20% прибавочной стоимости, то отношеніе ихъ прибыли къ затратамъ на зарабочую плату ихъ рабочихъ будетъ = = 20: 100. Но съ другой стороны безусловно не вѣрно говорить, что «прибыль будетъ равняться 20%». Прибыль будетъ всегда меньше, такъ какъ она исчисляется на всю сумму затраченнаго капитала. Если, напримѣръ, капиталистъ затратилъ 500 ф. стерл., изъ которыхъ на средства производства употреблено 400 ф. стер., а на рабочую плату 100 ф. стерл., и если норма прибавочной стоимости = 20%, то норма прибыли будетъ 20:500, т.-е. 4%, а отнюдь не 20%.

Далѣе слѣдуетъ блестящій примѣръ того, какъ Милль обращается съ разными историческими формами общественнаго производства: «Я постоянно предполагаю господство такого порядка вещей, который, за немногими исключеніями, преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы; именно я предполагаю, что капиталистъ затрачиваетъ всѣ расходы, въ томъ числѣ все вознагражденіе рабочаго». Милль хочетъ вѣрить, что даже при такомъ экономическомъ порядкѣ, при которомъ «рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы», «нѣтъ безусловной необходимости, чтобы это было такъ». Напротивъ того, «можно предположить, что рабочій былъ-бы въ состояніи ждать до окончанія производства уплаты... всей той части своего заработка, которая превышаетъ сумму необходимыхъ средствъ существованія, или даже уплаты всего своего заработка, если-бы у него были средства прожить это время. Но въ послѣднемъ случаѣ рабочій становится въ сущности капиталистомъ, доставляя часть средствъ, необходимыхъ для веденія дѣла». Милль имѣлъ-бы полное основаніе пойти дальше и сказать, что рабочій, который затрачиваетъ на себя не только средства существованія, но также средства производства, есть въ сущности никто иной какъ свой собственный наемный рабочій. Онъ съ одинаковымъ правомъ могъ-бы сказать, что американскій крестьянинъ собственникъ есть ни кто другой какъ крѣпостной, который несетъ барщинный трудъ для себя, а не для помѣщика.

Доказавъ съ такою очевидностью, что капиталистическое производство, если-бы даже и не существовало, то все-таки существовало-бы, Милль оказывается настолько послѣдовательнымъ, что наоборотъ доказываетъ, что его не существуетъ, даже если оно и существуетъ. «Да и въ первомъ случаѣ (когда рабочій является наемникомъ, которому капиталистъ ссужаетъ всѣ средства для его существованія), можно считать его (рабочаго) капиталистомъ, такъ какъ, отдавая свой трудъ за цѣну меньшую рыночной (!), можно сказать, что разницу (?) онъ ссужаетъ предпринимателю, чтобы получить ее обратно съ процентами» и т. д. [9a]). Въ дѣйствительности, рабочій ссужаетъ своимъ трудомъ капиталиста безвозмездно, скажемъ, въ продолженіе недѣли и т. д., чтобы въ концѣ недѣли и т. д. получить рыночную стоимость его; и это-то обстоятельство по мнѣнію Милля обращаетъ его въ капиталиста. На равнинѣ небольшіе бугорки имѣютъ видъ холмовъ; тупость современной буржуазіи надо измѣрить высотою ихъ «великихъ умовъ».

[9a]) St. Mill: Principles of Political Economy London, 1868 pp. 252—253 passim.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Измѣненіе величины цѣны рабочей силы и прибавочной стоимости.

Стоимость рабочей силы опредѣляется стоимостью обычныхъ средствъ существованія, потребныхъ для средняго рабочаго. Количество этихъ жизненныхъ средствъ, — хотя форма ихъ и можетъ измѣняться, — для даннаго времени и для даннаго общества извѣстны, вслѣдствіе чего его можно разсматривать какъ величину постоянную. Измѣняется только стоимость этого количества. Въ опредѣленіе стоимости рабочей силы входятъ кромѣ того два другіе фактора. Съ одной стороны, издержки на ея развитіе, которыя измѣняются съ измѣненіемъ способа производства; съ другой стороны, ея естественное различіе, т.-е. различіе рабочей силы мужчины и женщины, взрослаго и несовершеннолѣтняго. Пользованіе этими силами, въ зависимости опять-таки отъ способа производства, вызываетъ большую разницу въ издержкахъ, необходимыхъ для содержанія семейства рабочаго и въ стоимости взрослаго рабочаго мужского пола. Но, при нижеслѣдующемъ изслѣдованіи мы, однако, не будемъ принимать въ расчетъ оба эти фактора [9b]).

Мы допускаемъ: 1) что товары продаются по ихъ стоимости, 2) что цѣна рабочей силы случайно можетъ быть выше своей стоимости, но никогда не падаетъ ниже ея.

Разъ предположивъ это, мы находимъ, что относительныя величины цѣны рабочей силы и прибавочной стоимости зависятъ отъ трехъ условій: 1) отъ продолжительности рабочаго дня или экстенсивной величины труда; 2) отъ нормальнаго напряженія труда или отъ его интенсивной величины, показывающей, какое количество труда истрачивается въ теченіе опредѣленнаго времени; наконецъ, 3) отъ производительности труда, при чемъ одинаковымъ количествомъ труда въ одно и то-же время доставляется, смотря по степени развитія условій производства, большее или меньшее количество продукта. Ясно, что могутъ быть самыя разнообразныя сочетанія, смотря по тому, одинъ-ли факторъ остается постояннымъ, а два остальные измѣняются, или два фактора постоянны, а одинъ измѣняется, или-же, наконецъ, измѣняются одновременно всѣ три. Число этихъ сочетаній увеличивается еще потому, что, при одновременномъ измѣненіи различныхъ факторовъ, величина и направленіе измѣненій могутъ быть различны. Мы разсмотримъ только главнѣйшія изъ этихъ сочетаній.

[9b]) Случая, разсмотрѣннаго на стр. 325, мы здѣсь, конечно, также не касаемся. Прим. Къ 3-му изд. Фр. Э.

I. Величина рабочаго дня и интенсивность труда постоянны,—измѣняется производительность труда.

При этомъ предположеніи стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость опредѣляются тремя законами.

Во-первыхъ: рабочій день извѣстной продолжительности производитъ всегда стоимость одной и той-же величины, какъ-бы ни измѣнялась производительность труда, а съ нею количество продуктовъ, а слѣдовательно и цѣна отдѣльнаго товара.

Если стоимость, произведенная въ теченіе 12-ти часового рабочаго дня равняется, скажемъ, 6 шилл., то хотя количество произведенныхъ продуктовъ измѣняется съ измѣненіемъ производительной силы труда, но единственнымъ результатомъ будетъ то, что стоимость въ 6 шилл. распредѣлится на бо́льшее или меньшее количество продуктовъ.

Во-вторыхъ: стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость измѣняются въ противоположномъ направленіи одна къ другой. Измѣненіе производительной силы труда, ея увеличеніе или уменьшеніе, производитъ измѣненіе стоимости рабочей силы въ обратномъ направленіи, а прибавочной стоимости въ томъ-же самомъ направленіи

Стоимость, произведенная въ продолженіе 12-ти часового рабочаго дня — величина постоянная, напримѣръ, 6 шилл. Эта постоянная величина равняется суммѣ прибавочной стоимости, плюсъ стоимость рабочей силы, которую рабочій возмѣщаетъ эквивалентной величиной. Очевидно, что изъ двухъ частей одной постоянной величины ни одна не можетъ увеличиться безъ того, чтобы не уменьшилась другая, и наоборотъ. Въ такомъ случаѣ, стоимость рабочей силы не можетъ повыситься съ 3 на 4 шилл., безъ того, чтобы прибавочная стоимость не понизилась съ 3 на 2, а прибавочная стоимость не можетъ подняться съ 3 на 4 шилл., безъ того, чтобы стоимость рабочей силы не упала съ 3 на 2. При такихъ условіяхъ никакъ не можетъ измѣняться абсолютная величина, — будь это стоимость рабочей силы, будь это прибавочная стоимость,—безъ измѣненія относительныхъ величинъ, т.-е. относитель-

но одна другой. Онѣ не могутъ одновременно повышаться или падать.

Стоимость рабочей силы не можетъ упасть, слѣдовательно, прибавочная стоимость — повыситься безъ повышенія производительности труда; такъ, напримѣръ, въ нашемъ случаѣ, стоимость рабочей силы не можетъ упасть съ 3 шилл. на 2 безъ того, чтобы производительная сила труда не поднялась настолько, чтобы дать возможность производить въ продолженіе 4-хъ часовъ столько-же жизненныхъ средствъ, сколько прежде производилось въ теченіе 6 часовъ. Наоборотъ, стоимость рабочей силы не можетъ повыситься съ 3 на 4 шилл., безъ пониженія производительной силы труда, т.-е. безъ того, чтобы не потребовалось 8 часовъ для производства такого количества средствъ существованія, для котораго прежде достаточно было 6-ти часовъ. Слѣдовательно, увеличеніе производительности труда вызываетъ пониженіе стоимости рабочей силы и соотвѣтственное повышеніе прибавочной стоимости, между тѣмъ, какъ, съ другой стороны, уменьшеніе производительности труда вызываетъ повышеніе стоимости рабочей силы и пониженіе прибавочной стоимости.

При формулированіи этого закона Рикардо упустилъ изъ вида слѣдующее обстоятельство: хотя измѣненіе величины прибавочной стоимости или прибавочнаго труда обусловливаетъ противоположное измѣненіе величины стоимости рабочей силы или необходимаго труда, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онѣ измѣняются въ одинаковомъ отношеніи. Онѣ повышаются или понижаются на одну и ту-же величину. Отношеніе-же, въ которомъ каждая часть произведенной стоимости или рабочаго дня увеличивается или уменьшается, зависитъ отъ первоначальной величины каждой изъ частей, существовавшей до измѣненія производительности труда. Если, напримѣръ, стоимость рабочей силы равнялась 4 шилл., или необходимое рабочее время — 8 часамъ, слѣдовательно, прибавочная стоимость — 2 шилл., а прибавочный трудъ — 4 часамъ, и если, вслѣдствіе повышенія производительности труда, стоимость рабочей силы понизится до 3 шилл., а необходимое рабочее время — до 6 часовъ, то прибавочная стоимость повысится до 3 шилл. и прибавочный трудъ — до 6 часовъ. Величина, которая, съ одной стороны, прибавилась, а съ другой убавилась, т.-е. два часа или одинъ шиллингъ — одна и та-же. Но относительное измѣненіе этой величины въ обоихъ случаяхъ различно. Въ то время, какъ стоимость рабочей силы понижается съ 4 шилл. на 3, слѣдовательно на $^1/_4$ или на 25 %, прибавочная стоимость повышается съ 2 на 3 шилл., т.-е. на $^1/_2$ или на 50%. Изъ этого слѣдуетъ, что пропорціональное увеличеніе или уменьшеніе прибавочной стоимости, вслѣдствіе даннаго измѣненія производительности труда, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе, и тѣмъ менѣе, чѣмъ больше была первоначально часть рабочаго дня, которая представляла прибавочную стоимость.

Въ-третьихъ: Увеличеніе или уменьшеніе прибавочной стоимости является всегда слѣдствіемъ, но никогда не причиной, соотвѣтственнаго уменьшенія или увеличенія стоимости рабочей силы [10]).

Такъ какъ рабочій день есть величина постоянная, она выражается въ постоянной величинѣ стоимости; такъ какъ каждое измѣненіе величины прибавочной стоимости соотвѣтствуетъ противоположному измѣненію величины стоимости рабочей силы стоимость рабочей силы можетъ измѣняться только съ измѣненіемъ производительной силы труда, то ясно, что каждое измѣненіе величины прибавочной стоимости происходитъ отъ измѣненія величины стоимости рабочей силы. Поэтому, если мы прежде видѣли, что абсолютное измѣненіе величины стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости невозможно безъ измѣненія ихъ относительныхъ величинъ, то теперь приходимъ къ заключенію, что никакое измѣненіе ихъ относительныхъ величинъ невозможно безъ измѣненія абсолютной величины рабочей силы.

По третьему закону, измѣненіе величины прибавочной стоимости предполагаетъ измѣненіе стоимости рабочей силы, производимое измѣненіемъ производительной силы труда. Границы этого измѣненія опредѣляются новою стоимостью рабочей силы. Но даже и тогда, когда обстоятельства позволяютъ закону проявляться, могутъ произойти побочныя движенія. Если, напримѣръ, вслѣдствіе повышенія производительной силы труда, стоимость рабочей силы понизится съ 4 шилл. на 3, или необходимое рабочее время съ 8 часовъ на 6, то цѣна рабочей силы можетъ понизиться только до 3 шилл. 8 пенс., 3 шилл. 6 пенс., 3 шилл. 2 пенс. и т. д., прибавочная-же стоимость повысится поэтому только до 3 шилл. 4 пенс., 3 шилл. 6 пенс., 3 шилл. 10 пенс. и т. д. Степень пониженія, низшій предѣлъ котораго — 3 шилл., зависитъ отъ давленія капитала съ

[10]) Къ этому третьему закону Макъ Кӧллохъ, въ числѣ другихъ, сдѣлалъ нелѣпое добавленіе, что прибавочная стоимость можетъ повыситься безъ пониженія стоимости рабочей силы, вслѣдствіе уничтоженія налоговъ, прежде платимыхъ капиталистами. Уничтоженіе этихъ налоговъ рѣшительно ничего не измѣняетъ въ величинѣ прибавочной стоимости, которую капиталистъ непосредственно извлекаетъ изъ рабочаго. Этимъ измѣняется только отношеніе между тою частью прибавочной стоимости, которая попадаетъ въ его карманъ, и тою, которую онъ долженъ уступить третьему лицу. Слѣдовательно, при этомъ совершенно не измѣняются отношенія между стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью. Исключеніе Макъ Кӧллоха обнаруживаетъ только его непониманіе самого правила; несчастіе, которое съ нимъ также часто случается при популяризаціи Рикардо, какъ съ J. B. Say при популяризаціи Ад. Смита.

одной стороны и отъ противодѣйствія рабочаго съ другой.

Стоимость рабочей силы опредѣляется стоимостью даннаго количества средствъ существованія. Съ измѣненіемъ производительной силы труда измѣняется не количество средствъ существованія, а ихъ стоимость. Однако возможно, что, при возрастающей производительности труда, количество средствъ существованія будетъ возрастать одновременно и въ одинаковомъ отношеніи и для рабочаго и для капиталиста безъ какой-бы то ни было перемѣны въ цѣнѣ рабочей силы и прибавочной стоимости. Если первоначальная стоимость рабочей силы равнялась напримѣръ 3 шилл., необходимое-же рабочее время достигало 6-ти часовъ, если прибавочная стоимость также равнялась 3 шилл., или прибавочный трудъ также достигалъ 6 часовъ, тогда при удвоенной производительности труда, при прежнемъ дѣленіи рабочаго дня, цѣна рабочей силы и прибавочная стоимость останутся прежними, величина ихъ не измѣнится. Каждая изъ нихъ представляется только въ удвоенномъ количествѣ потребительныхъ стоимостей, но вдвое болѣе дешевыхъ. Хотя цѣна рабочей силы не измѣнилась, но она повысилась выше своей стоимости. Если-бы даже цѣна рабочей силы и упала, но не до низшаго предѣла своей новой стоимости въ $1^1/_2$ шилл., а до 2 шилл. 10 пенс, 2 шилл. 6 пенс. и т. д., то эти болѣе низкія цѣны все-таки представляли-бы собою возросшее количество средствъ существованія. Такимъ образомъ, при возрастающей производительности труда, цѣна рабочей силы можетъ постоянно понижаться одновременно съ увеличеніемъ количества средствъ существованія рабочаго. Но даже въ этомъ случаѣ пониженіе стоимости рабочей силы произведетъ соотвѣтственное повышеніе прибавочной стоимости и слѣдовательно пропасть между жизненнымъ положеніемъ рабочаго и капиталиста будетъ все болѣе расширяться [11]).

Рикардо первый точно формулировалъ только что приведенные три закона. Но онъ впадаетъ въ слѣдующія ошибки: во-1-хъ, онъ смотритъ на особенныя условія, при которыхъ эти законы имѣютъ силу, какъ на общія, исключительныя и очевидныя сами по себѣ условія капиталистическаго производства. Онъ не знаетъ никакого измѣненія въ продолжительности рабочаго дня или въ интенсивности труда; стало быть, для него есть только одинъ измѣняющійся факторъ, производительность труда. Во-2-хъ,—и эта ошибка портитъ его анализъ несравненно больше чѣмъ первая—онъ, подобно всѣмъ другимъ экономистамъ, никогда не изслѣдовалъ когда-либо прибавочной стоимости, въ ея чистомъ видѣ, независимо отъ особенныхъ формъ, которыя она принимаетъ, какъ напримѣръ, прибыли, ренты, процентовъ и т. п. Поэтому онъ смѣшиваетъ законы нормы прибавочной стоимости съ законами нормы прибыли. Норма прибыли, какъ мы уже видѣли, есть отношеніе прибавочной стоимости ко всему затраченному капиталу; между тѣмъ норма прибавочной стоимости есть отношеніе прибавочной стоимости къ перемѣнной части капитала. Положимъ, что капиталъ въ 500 ф. стерл. (C) состоитъ изъ сырого матеріала, орудій труда и пр. на сумму въ 400 ф. стерл. (c); на заработную плату затрачено 100 ф. стерл. (v); и что затѣмъ прибавочная стоиморть $= m$ 100 ф. стерл. Тогда норма прибавочной стоимости у насъ будетъ $\left(\frac{m}{v}\right) = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{100 \text{ ф. ст.}} = 100\%$; между тѣмъ какъ норма прибыли $\frac{m}{C} = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{500 \text{ ф. ст.}} = 20\%$. Кромѣ того очевидно, что на норму прибыли могутъ имѣть вліяніе обстоятельства, которыя нисколько не вліяютъ на норму прибавочной стоимости. Въ третьей книгѣ я покажу, что, при данной нормѣ прибавочной стоимости, у насъ могутъ быть самыя разнообразныя нормы прибыли и, что разныя нормы прибавочной стоимости, при опредѣленныхъ условіяхъ, могутъ выражаться въ одинаковой нормѣ прибыли.

2) Постоянный рабочій день; производительность труда постоянна, — измѣняется интенсивность труда.

Возрастающая интенсивность труда предполагаетъ увеличеніе траты труда въ теченіе даннаго времени. Поэтому, болѣе интенсивный рабочій день воплощается въ бо́льшемъ количествѣ продуктовъ, нежели менѣе интенсивный, при одинаковомъ числѣ часовъ. Правда, при увеличенной производительности труда тотъ-же рабочій день даетъ также больше продуктовъ; но, въ послѣднемъ случаѣ, стоимость каждаго отдѣльнаго продукта понижается, потому что онъ сто́итъ менѣе труда, чѣмъ прежде; тогда какъ въ предыдущемъ случаѣ она остается безъ измѣненія, потому что продуктъ стоитъ столько-же труда, какъ и раньше. При этомъ увеличивается количество продуктовъ безъ пониженія цѣны ихъ. Съ ихъ количествомъ повышается и сумма ихъ цѣнъ; между тѣмъ, при повышеніи производительности, та-же сумма стоимости распредѣляется на большее количество продуктовъ. При неизмѣняющейся продолжительности рабочаго дня,

[11]) «Когда происходитъ измѣненіе въ производительности промышленности, когда даннымъ количествомъ труда и капитала производится либо болѣе, либо менѣе, то очевидно, что размѣръ рабочей платы можетъ измѣниться, между тѣмъ какъ количество, выражаемое этимъ размѣромъ, останется тѣмъ же самымъ или же количество можетъ измѣниться, а размѣръ останется безъ измѣненія» («Outlines of Political Economy etc.», p. 67).

болѣе интенсивный рабочій день воплощается въ большей произведенной стоимости, слѣдовательно, если стоимость денегъ не измѣнилась, въ большемъ количествѣ денегъ. Произведенная въ теченіе рабочаго дня стоимость измѣняется въ зависимости отъ уклоненія интенсивности труда отъ средней общественной нормы ея. Тотъ-же рабочій день производитъ, слѣдовательно, не постоянную стоимость, какъ прежде, а уже стоимость измѣняющуюся; напримѣръ, болѣе интенсивный 12-ти часовой рабочій день даетъ стоимость въ 7, 8 шилл. и т. д., вмѣсто 6 шилл., какъ 12-ти часовой рабочій день обыкновенной интенсивности. Очевидно, что если стоимость, произведенная въ теченіе рабочаго дня, поднимется съ 6 на 8 шилл., то обѣ части этой произведенной стоимости — цѣна рабочей силы и прибавочная стоимость — могутъ одновременно повышаться, либо въ равной, либо въ неравной степени. Цѣна рабочей силы и прибавочная стоимость могутъ обѣ въ одно и то-же время подняться съ 3 шилл. на 4, если произведенная стоимость возрастетъ съ 6 на 8 шилл. При этомъ повышеніи цѣны рабочей силы не предполагается непремѣнно, что ея цѣна поднялась выше ея стоимости; напротивъ того, повышеніе цѣны рабочей силы можетъ сопровождаться паденіемъ ея стоимости. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда повышеніе цѣны рабочей силы не вознаграждаетъ ея усиленной траты.

Намъ уже извѣстно, что, за нѣкоторыми исключеніями, измѣненіе производительности труда только тогда вызываетъ измѣненіе величины стоимости рабочей силы, и вліяетъ потому на измѣненіе величины прибавочной стоимости, когда продукты отраслей промышленности, въ которыхъ произошло такое измѣненіе, служатъ для обычнаго потребленія рабочаго. Въ данномъ случаѣ это условіе уже не приложимо. Ибо, происходитъ-ли измѣненіе въ продолжительности, или въ интенсивноститруда, измѣненію этому всегда соотвѣтствуетъ измѣненіе величины произведенной стоимости, независимо отъ природы продукта, которымъ эта стоимость представляется.

Если интенсивность труда поднимется одновременно и равномѣрно во всѣхъ отрасляхъ промышленности, то новая и высшая степень интенсивности станетъ нормальной степенью интенсивности труда всего общества, и вслѣдствіе этого не будетъ браться въ расчетъ. Но даже и въ такомъ случаѣ средняя степень интенсивности труда остается различною у различныхъ народовъ и, стало быть, видоизмѣняетъ приложеніе закона стоимости къ рабочимъ днямъ различныхъ націй. Болѣе интенсивный рабочій день одной націи будетъ выражаться въ большемъ количествѣ денегъ, нежели менѣе интенсивный день другой[12]).

3) *Производительность и интенсивность труда постоянны, — измѣняется продолжительность рабочаго дня.*

Длина рабочаго дня можетъ измѣняться по двумъ направленіямъ. Она можетъ быть укорочена или удлинена.

1) Укороченіе продолжительности рабочаго дня при данныхъ условіяхъ, т. е. при неизмѣняющейся производительности и интенсивности труда, не измѣняетъ стоимости рабочей силы, а слѣдовательно и необходимаго рабочаго времени. Оно уменьшаетъ прибавочный трудъ и прибавочную стоимость. Съ пониженіемъ абсолютной величины послѣдней, уменьшается также ея относительная величина, т. е. ея величина по отношенію къ неизмѣняющейся величинѣ стоимости рабочей силы. Капиталистъ можетъ избавиться отъ этого убытка, только понижая ея цѣну ниже ея стоимости.

Всѣ обычныя возраженія противъ сокращенія рабочаго дня основаны на томъ, что явленіе происходитъ при предполагаемыхъ здѣсь условіяхъ, тогда какъ въ дѣйствительности, наоборотъ, измѣненіе производительности и интенсивности труда либо предшествуетъ сокращенію длины рабочаго дня, либо слѣдуетъ за нимъ непосредственно[13]).

2) Удлиненіе рабочаго дня. Пусть необходимое рабочее время равняется 6 часамъ, или стоимость рабочей силы 3 шилл.; точно также пусть прибавочный трудъ будетъ равняться 6 часамъ, а прибавочная стоимость 3 шил. Весь рабочій день достигаетъ въ такомъ случаѣ 12 часовъ и выражается въ стоимости въ 6 шил. Если рабочій день будетъ удлиненъ на 2 часа, а цѣна рабочей силы останется безъ измѣненія, то, вмѣстѣ съ повышеніемъ абсолютной величины прибавочной стоимости, повышается и относительная ея величина. Хотя величина стоимости рабочей силы не измѣняется абсолютно, но относительно она падаетъ. При условіяхъ, изложенныхъ подъ рубрикою 1), относительная величина стоимости рабочей силы не могла измѣняться безъ измѣненія ея абсолютной величины. Здѣсь же, наоборотъ, измѣненіе относительной

[12]) «При равенствѣ прочихъ условій, англійскій мануфактуристъ можетъ получить значительно бо̀льшее количество труда въ данное время, нежели иностранный мануфактуристъ, такъ что онъ можетъ уравновѣсить разницу въ величинѣ рабочихъ дней, составляющихъ у насъ около 60 часовъ въ недѣлю, вездѣ-же за границей отъ 72 до 80» («Reports of Insp. of Factories for 31 Oct. 1855», p. 65). Большее пониженіе числа рабочихъ часовъ законодательнымъ путемъ на континентальныхъ фабрикахъ было-бы самымъ вѣрнымъ средствомъ для уменьшенія этого различія между рабочими часами континентальными и англійскими.

[13]) «Есть обстоятельства уравновѣшивающія..... которыя были выведены на свѣтъ дѣйствіемъ десятичасового закона». («Rep. of Insp. of Factories for 1-st December 1848», p. 7).

величины стоимости рабочей силы есть результатъ абсолютнаго измѣненія величины прибавочной стоимости.

Такъ какъ стоимость, въ которой выражается трудъ рабочаго дня, повышается вмѣстѣ съ увеличеніемъ продолжительности этого дня, то, очевидно, что цѣна рабочей силы и прибавочная стоимость могутъ одновременно возрастать на равную или неравную величину. Это одновременное возрастаніе возможно, слѣдовательно, въ двухъ случаяхъ: при абсолютномъ удлиненіи рабочаго дня и при возрастающей интенсивности труда безъ такого удлиненія.

При удлиненіи рабочаго дня цѣна рабочей силы можетъ упасть ниже своей стоимости, хотя бы номинально она не измѣнялась, или даже возрастала. Дневная стоимость рабочей силы, какъ мы помнимъ, оцѣнивается по ея нормальной средней продолжительности, или по нормальному періоду жизни рабочаго и по соотвѣтственному нормальному превращенію органическихъ веществъ въ движеніе, сообразно человѣческой природѣ [14]). Бо́льшая трата силы, неразрывно связанная съ удлиненіемъ рабочаго дня, можетъ быть, до нѣкоторыхъ предѣловъ, пополнена усиленнымъ возстановленіемъ ея при увеличеніи заработка. Но за этими предѣлами трата возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, и въ то-же время уничтожаются всѣ нормальныя условія для воспроизведенія и дѣятельности рабочей силы. Цѣна рабочей силы и степень ея эксплуатаціи перестаютъ быть величинами соизмѣримыми.

4) Одновременное измѣненіе длины рабочаго дня, производительности и интенсивности труда.

Очевидно, что здѣсь возможно значительное число сочетаній. Всѣ три фактора могутъ измѣняться въ одинаковой или неодинаковой степени, въ одномъ и томъ-же направленіи или въ противоположныхъ, поэтому ихъ измѣненія могутъ быть уничтожаемы или частью, или совершенно. Тѣмъ не менѣе, разборъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, послѣ всего изложеннаго подъ рубриками I, II и III, не представляетъ особаго затрудненія. Результатъ всѣхъ возможныхъ сочетаній мы найдемъ, разсматривая по порядку каждый изъ факторовъ какъ измѣняющійся, а другіе относительно его какъ постоянные. Поэтому, мы изложимъ здѣсь, и то вкратцѣ, только два наиболѣе важные случая.

1) Уменьшающаяся производительность труда, при одновременномъ удлиненіи рабочаго дня.

[14]) «Количество труда, исполненнаго человѣкомъ въ теченіе 24 часовъ, можно приблизительно опредѣлить изслѣдованіемъ химическихъ измѣненій, происшедшихъ въ его организмѣ; измѣненная форма матеріи указываетъ на предшествующую ей дѣятельность динамической силы». (Grove: «On the Correlation of Physical Forces»).

Говоря объ уменьшающейся производительности, мы имѣемъ въ виду пониженіе ея въ тѣхъ отрасляхъ труда, продукты которыхъ опредѣляютъ стоимость рабочей силы; напримѣръ, объ уменьшающейся производительности труда, вслѣдствіе усиливающагося истощенія почвы и соотвѣтственнаго вздорожанія продуктовъ земли. Возьмемъ 12-ти часовой рабочій день; произведенная въ теченіе его стоимость составляетъ 6 шил., изъ нихъ половина возмѣщаетъ стоимость рабочей силы, другая-же половина составляетъ прибавочную стоимость. Слѣдовательно, рабочій день распадается на 6 часовъ прибавочнаго труда. Положимъ, что вслѣдствіе вздорожанія продуктовъ земли стоимость рабочей силы поднимается съ 3 на 4 шилл., слѣдовательно, необходимое рабочее время съ 6 часовъ на 8. Если рабочій день не измѣняется, то прибавочный трудъ уменьшится съ 6 часовъ на 4, прибавочная-же стоимость съ 3 на 2 шилл. Если-же рабочій день увеличивается на 2 часа, т.-е. съ 12 на 14 часовъ, то прибавочный трудъ равняется по прежнему 6 часамъ, прибавочная стоимость —3 шилл., но величина ея по сравненію со стоимостью рабочей силы, измѣряемой необходимымъ трудомъ, падаетъ. Если рабочій день будетъ удлиненъ на 4 часа— съ 12 на 16, то относительныя величины прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы, прибавочнаго труда и необходимаго труда не измѣнятся, абсолютная-же величина прибавочной стоимости повысится съ 3 шил. на 4, а прибавочнаго труда съ 6 часовъ на 8, слѣдовательно на $^1/_3$ или на $33^1/_3\%$. При понижающейся производительности труда и одновременномъ увеличеніи рабочаго дня, абсолютная величина прибавочной стоимости можетъ, слѣдовательно, не измѣняться, въ то время какъ ея относительная величина убавляется; ея относительная величина можетъ не измѣняться, въ то время, какъ ея абсолютная величина повышается; наконецъ, при извѣстной степени удлиненія, могутъ повышаться обѣ. Въ періодъ отъ 1799 до 1816 года повышающіяся цѣны средствъ существованія повлекли за собою въ Англіи номинальное повышеніе рабочей платы, въ то время какъ реальная рабочая плата, выраженная въ средствахъ существованія, понизилась. Изъ этого факта West и Ricardo пришли къ заключенію, что уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда повело за собою уменьшеніе нормы прибавочной стоимости, и этотъ то фактъ, существовавшій только въ ихъ воображеніи, они взяли за исходную точку анализа, имѣющаго огромное значеніе, относительныхъ величинъ рабочей платы, прибыли и ренты. Въ дѣйствительности же прибавочная стоимость въ то время, вслѣдствіе повышенія интенсивности труда и удлиненія рабочаго дня, возрасла какъ абсолютно, такъ и относительно. Это былъ тотъ періодъ, когда непомѣрное удлиненіе рабочаго

дня получило право гражданства [15]); періодъ, именно тѣмъ и характерный, что съ одной стороны чрезвычайно быстро возросталъ капиталъ, а съ другой—на столько-же быстро развивался пауперизмъ [16]).

2) Возрастаніе интенсивности и производительности труда при одновременномъ сокращеніи рабочаго дня.

Увеличенная производительность труда и повышеніе его интенсивности въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствуютъ одинаково. Въ обоихъ случаяхъ увеличивается количество продуктовъ, производимыхъ въ единицу времени, и, слѣдовательно, сокращается часть рабочаго дня, необходимая рабочему для производства средствъ для своего существованія или ихъ эквивалентовъ. Наименьшій предѣлъ рабочаго дня вообще зависитъ отъ этой необходимой, но сократимой составной части. Если весь рабочій день сократится до этого предѣла, то долженъ исчезнуть прибавочный трудъ, что при режимѣ капитала невозможно. Устраненіе капиталистической формы производства позволитъ ограничить рабочій день необходимымъ рабочимъ временемъ. Однако и въ этомъ случаѣ, съ расширеніемъ понятія о послѣднемъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, долженъ увеличиться и его размѣръ. Съ одной стороны, вслѣдствіе того, что понятіе о средствахъ существованія рабочихъ расширится, и потребности его станутъ разнообразнѣе. Съ другой стороны, часть теперешняго прибавочнаго труда причислится къ необходимому труду; именно трудъ, необходимый для образованія общественнаго запаснаго фонда и фонда накопленія.

Чѣмъ больше повышается производительность труда, тѣмъ больше можетъ быть сокращенъ рабочій день; а чѣмъ больше можетъ быть сокращенъ рабочій день, тѣмъ больше можетъ возрасти интенсивность труда. Съ общественной точки зрѣнія, производительность труда возрастаетъ также при его экономіи, т.-е. при устраненіи всякой безполезной траты какъ средствъ производства, такъ и живой рабочей силы. Правда, капиталистической способъ производства принуждаетъ сберегать средства производства въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи, но анархическая система конкуренціи этого способа принуждаетъ непомѣрно расточать общественныя средства производства и рабочія силы, не говоря уже о множествѣ должностей, теперь необходимыхъ, но которыя, сами по себѣ, совершенно излишни.

При извѣстной интенсивности и производительности труда, рабочее время, которое общество должно назначить для матеріальнаго производства, тѣмъ короче,—слѣдовательно, время для свободной умственной дѣятельности личности тѣмъ длиннѣе,—чѣмъ равномѣрнѣе распредѣленъ трудъ между всѣми членами общества, способными трудиться, чѣмъ менѣе одинъ общественный слой имѣетъ возможность сваливать на другой естественную необходимость работать. Съ этой точки зрѣнія, абсолютный предѣлъ сокращенія рабочаго дня есть всеобщность труда. Въ капиталистическомъ обществѣ свободное время для одного класса пріобрѣтается обращеніемъ всей жизни массъ въ рабочее время.

---

[15]) «Стоимость хлѣба и стоимость труда рѣдко идутъ совершенно рука объ руку; но несомнѣнно существуютъ предѣлы, за которыми онѣ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Что касается до необычайныхъ напряженій, дѣлаемыхъ трудящимися классами въ періоды дороговизны, которые производятъ паденіе рабочей платы, отмѣченное свидѣтельскими показаніями (именно парламентскими Commitees of Inquiry 1814—15), то они весьма похвальны въ отдѣльныхъ личностяхъ и, конечно, помогаютъ возрастанію капитала. Но ни одинъ гуманный человѣкъ не пожелаетъ видѣть это явленіемъ постояннымъ и неослабѣвающимъ. Какъ временное облегченіе, оно въ высшей степени замѣчательно, но если это явленіе становится постояннымъ, то получаются тѣ же результаты, какъ и при размноженіи населенія страны до крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ его пищею» (Malthus: «Inquiry into the Nature and Progress of Rent». London 1815, p. 48 выноска). Мальтусу дѣлаетъ честь, что онъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ своего памфлета, указываетъ на значеніе удлиненія рабочаго дня, между тѣмъ какъ Рикардо и другіе, несмотря на краснорѣчивѣйшіе факты, въ основаніе всѣхъ своихъ изслѣдованій берутъ постоянно величины рабочаго дня. Но консервативные интересы, слугою которыхъ былъ Мальтусъ, мѣшали ему видѣть, что непомѣрное удлиненіе рабочаго дня, вмѣстѣ съ громаднымъ развитіемъ машинъ и эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда, сдѣлало громадную часть рабочаго класса «сверхкомплектною», въ особенности, когда прекратилась война, и вмѣстѣ съ нею, англійская монополія на міровомъ рынкѣ. Конечно, было гораздо удобнѣе и болѣе сообразно съ интересами господствующихъ классовъ, которымъ Мальтусъ поклонялся какъ истинный жрецъ, объяснить это «перенаселеніе» вѣчными законами природы, а не историческими законами капиталистическаго производства.

[16]) «Главная причина возрастанія капитала во время войны происходила отъ большаго труда и можетъ быть отъ большихъ лишеній трудящихся классовъ, наиболѣе многочисленныхъ во всякомъ обществѣ. Благодаря нуждѣ, большее число женщинъ и дѣтей принуждено было заняться работой; и прежніе рабочіе, по той же причинѣ, вынуждены были посвятить болѣе времени для увеличенія производства». (Essays on Political Econ. in which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress». London 1830, p. 248).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Различныя формулы для нормы прибавочной стоимости.

Мы видѣли, что норма прибавочной стоимости выражается слѣдующими формулами:

$$\text{I)}\quad \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{перемѣнный капиталъ}}\left(\frac{m}{v}\right)=\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}}=\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ.}}$$

Двѣ первыя формулы выражаютъ отношеніе стоимостей, третья отношеніе временъ, въ теченіе которыхъ производятся эти стоимости. Эти формулы, дополняющія одна другую, въ идеѣ весьма точны. Сущность ихъ, поэтому, можно найти въ классической политической экономіи, но разработаны онѣ ею безсознательно. Въ ней, напротивъ того, играютъ важную роль слѣдующія производныя формулы:

$$\text{II)}\quad \frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{рабочій день}}=\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость продукта}}=\frac{\text{прибавочный продуктъ}}{\text{валовой продуктъ.}}$$

Одно и то-же отношеніе выражается здѣсь различно: въ формѣ рабочаго времени, въ формѣ стоимостей, въ которыхъ оно воплощается и въ формѣ продуктовъ, въ которыхъ заключаются эти стоимости. При этомъ, разумѣется, предполагается, что подъ стоимостью продукта надо понимать только стоимость, вновь произведенную въ теченіе рабочаго дня, постоянная-же часть стоимости продукта въ расчетъ не принимается.

Во всѣхъ этихъ формулахъ дѣйствительная степень эксплуатаціи труда или норма прибавочной стоимости выражена невѣрно. Пусть въ рабочемъ днѣ будетъ 12 часовъ. Если принять и другія данныя изъ нашихъ прежнихъ примѣровъ, то дѣйствительная степень эксплуатаціи труда выразится въ такихъ отношеніяхъ.

$$\frac{\text{6 часовъ прибавочнаго труда}}{\text{6 часовъ необходимаго труда}}=\frac{\text{прибавочная стоимость въ 3 шил.}}{\text{перемѣнный капиталъ въ 3 шил.}}=100\%.$$

По формулѣ же II мы, напротивъ того, получаемъ:

$$\frac{\text{6 часовъ прибавочнаго труда}}{\text{рабочій день въ 12 часовъ}}=\frac{\text{прибавочная стоимость въ 3 шил.}}{\text{стоимость продукта въ 6 шил.}}=50\%$$

Эти производныя формулы выражаютъ въ дѣйствительности отношеніе, въ которомъ рабочій день, или произведенная въ теченіе его стоимость, распредѣляется между капиталистомъ и рабочимъ. Если-бы онѣ служили непосредственнымъ выраженіемъ степени самовозрастанія стоимости капитала, то мы имѣли-бы слѣдующій ошибочный законъ: прибавочный трудъ или прибавочная стоимость никогда не можетъ достигнуть 100% [17]). Такъ какъ прибавочный трудъ можетъ составлять только часть рабочаго дня, или прибавочная стоимость — часть вновь произведенной стоимости, то прибавочный трудъ непремѣнно долженъ быть всегда меньше рабочаго дня, или прибавочная стоимость меньше всей вновь произведенной стоимости. Для того-же, чтобы относиться какъ 100:100 онѣ должны быть равны. Чтобы прибавочный трудъ поглотилъ весь рабочій день (здѣсь рѣчь идетъ о среднемъ рабочемъ днѣ любой рабочей недѣли, рабочаго года и т. д.), необходимый трудъ долженъ упасть до нуля. При исчезновеніи-же необходимаго труда исчезаетъ и прибавочный, такъ какъ послѣдній есть только функція перваго. Отношеніе

$$\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{рабочій день}}=\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{произведенная стоимость}}$$

поэтому никогда не можетъ дойти до предѣловъ $\frac{100}{100}$, тѣмъ менѣе дойти до $\frac{100+x}{100}$.

[17]) Такъ, напримѣръ: въ «Dritter Brief an v. Kirchmann von Rodbertus. Widerlegung der Ricardo'schen Theorie von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie». Berlin 1851. Впослѣдствіи я еще вернусь къ этому сочиненію, которое, не смотря на ошибочную теорію поземельной ренты, проникаетъ въ сущность капиталистическаго производства. — [Къ 3 изд.— Изъ этого видно, насколько благопріятны были отзывы Маркса объ его предшественникахъ, если только онъ находилъ въ ихъ сочиненіяхъ дѣйствительный шагъ впередъ, новую и вѣрную мысль. Между тѣмъ, изъ писемъ Родбертуса къ Рудольфу Мейеру, видно, что вышеприведенное признаніе Марксомъ заслугъ Родбертуса нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи. Въ этихъ письмахъ мы, между прочимъ, читаемъ: «Капиталъ слѣдуетъ охранять не только отъ труда, но также отъ него самого и на самомъ дѣлѣ этого всего легче достигнуть, если смотрѣть на дѣятельность капиталиста-предпринимателя, какъ на экономическія и политическія функціи, которыя налагаются на него его капиталомъ, а на его барышъ какъ на вознагражденіе, гонораръ, такъ какъ мы пока не знаемъ никакой другой общественной организаціи. Но это вознагражденіе должно быть однако урегулировано и можетъ также быть уменьшено, если отнимаетъ слишкомъ много отъ рабочей платы. Точно также нападки Маркса на общество,— какъ бы я могъ назвать его книгу, — должны быть отражены... Вообще книга Маркса представляетъ собою не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемику противъ нынѣшней формы капитала, кото-

Другое дѣло норма прибавочной стоимости или дѣйствительная степень эксплуатаціи труда. Возьмемъ, напримѣръ, оцѣнку L. de Lavergne а', по которой англійскій земледѣльческій рабочій получаетъ только $^1/_4$ продукта или его стоимости, капиталистъ-же (фермеръ) съ другой стороны—$^3/_4$ [18]); оставимъ пока въ сторонѣ дальнѣйшее распредѣленіе дохода между капиталистомъ, землевладѣльцемъ и др. При этомъ прибавочный трудъ англійскаго земледѣльческаго работника относится къ его необходимому труду какъ 3 къ 1, степень эксплуатаціи = 300 %.

Способъ классической экономіи принимать рабочій день за величину постоянную упрочился вслѣдствіе употребленія формулы II, такъ какъ прибавочный трудъ сравнивается при этомъ всегда съ рабочимъ днемъ данной величины. То-же самое происходитъ, когда имѣютъ въ виду исключительно дѣленіе произведенной стоимости. Рабочій день, который уже реализованъ въ опредѣленной стоимости, есть всегда рабочій день извѣстной продолжительности.

Способъ изображать прибавочную стоимость и стоимость рабочей силы, въ видѣ частей вновь созданной стоимости,— способъ изображенія, вытекающій, впрочемъ, изъ самаго способа капиталистическаго производства и значеніе котораго выяснится впослѣдствіи,—скрываетъ самыя характерныя сдѣлки капитала, именно обмѣнъ перемѣннаго капитала на живую рабочую силу, и соотвѣтственное устраненіе рабочаго отъ продукта. Вмѣсто этого дѣйствительнаго факта, передъ нами является ложное подобіе товарищественныхъ отношеній, при которыхъ капиталистъ и рабочій какъ будто дѣлятъ продуктъ сообразно доли участія каждаго изъ нихъ въ образованіи его [19]).

Впрочемъ, формулы II всегда можно обратить въ формулы I. Если, напримѣръ, у насъ есть: $\frac{\text{6-ти часовой прибавочный трудъ}}{\text{12-ти часовой рабочій день}}$, то необходимое рабочее время = двѣнадцатичасовому рабочему дню минусъ шесть часовъ прибавочнаго труда. Отсюда получаемъ:

$$\frac{\text{шестичасовой прибавочный трудъ}}{\text{шестичасовой необходимый трудъ}} = \frac{100}{100}.$$

Есть еще третья формула, о которой я уже случайно упоминалъ прежде, вотъ она:

$$\text{III)}\ \frac{\text{Прибавочн. стоимость}}{\text{стоимость рабоч. силы}} = \frac{\text{прибавочн. трудъ}}{\text{необходим. трудъ}} = \frac{\text{неоплаченный трудъ}}{\text{оплаченный трудъ}}.$$

Недоразумѣніе, которое могла бы вызвать формула $\frac{\text{неоплаченный трудъ}}{\text{оплаченный трудъ}}$, показывающая какъ будто капиталистъ оплачиваетъ трудъ, а не рабочую силу, устраняется на основаніи всего вышеизложеннаго. $\frac{\text{Неоплаченный трудъ}}{\text{оплаченный трудъ}}$ есть только болѣе популярное выраженіе формулы $\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}$.

Капиталистъ платитъ стоимость, или вѣрнѣе, цѣну (отступающую нѣсколько отъ стоимости) рабочей силы, и взамѣнъ того получаетъ въ свое распоряженіе живую рабочую силу. Его пользованіе рабочей силой распадается на два періода. Въ продолженіе одного періода рабочій производитъ только одну стоимость = стоимости своей рабочей силы, слѣдовательно производитъ только эквивалентъ ея. Такимъ образомъ, капиталистъ, за уплаченную цѣну рабочей силы, получаетъ продуктъ такой-же цѣны. Это все равно, какъ еслибы онъ купилъ на рынкѣ готовый продуктъ. Въ теченіе другого періода, періода прибавочнаго труда, пользованіе рабочей силой приноситъ капиталисту стоимость, за которую онъ ничего не даетъ взамѣнъ [20]). Эта трата живой рабочей силы достается ему даромъ. Въ этомъ смыслѣ прибавочный трудъ можетъ быть названъ неоплаченнымъ трудомъ. Капиталъ, поэтому, есть не только хозяинъ труда, какъ говоритъ Ад. Смитъ, но онъ главнымъ образомъ хозяинъ неоплаченнаго труда. Всякая прибавочная стоимость, въ какой-бы формѣ она не кристаллизовалась, въ формѣ-ли прибыли, процента, ренты и т. п., по самой сущности своей есть воплощеніе неоплаченнаго рабочаго времени. Тайна самоувеличенія стоимости капитала заключается именно въ пользованіи опредѣленнымъ количествомъ чужого дарового труда.

рую онъ смѣшиваетъ съ самимъ понятіемъ капитала». (Briefe etc. von Dr. Rodbertus Jagetzow-herausgegeben von Dr. Rud. Meyer, Berlin, 1881, I Bd. p. 111, 48. Brief von Rodbertus). Такими, то идеологическими общими мѣстами въ концѣ концовъ разрѣшились смѣлыя нападки Родбертуса въ его «Socialen Briefe».—Фр. Э.].

[18]) Часть продукта, пополняющая только затраченный капиталъ, само собою разумѣется, въ расчетъ не принимается. L. de Lavergne, слѣпой поклонникъ Англіи, даетъ скорѣе черезчуръ низкое, нежели высокое отношеніе.

[19]) Такъ какъ всѣ развитыя формы капиталистическаго производства представляютъ формы кооперацiи, то, конечно, ничего не можетъ быть легче, какъ мысленно отвлекаясь отъ ихъ противорѣчиваго характера, обратить ихъ въ свободныя формы ассоціаціи, что и дѣлаетъ графъ А. de Laborde въ «De l'Esprit de l'Association dans tous les intérêts de la Communauté. Paris 1818». Янки Н. Carey производитъ этотъ фокусъ съ такимъ же успѣхомъ даже относительно системы рабства.

[20]) Хотя физіократы не постигли тайны прибавочной стоимости, но она была для нихъ все таки на столько ясна, что они смотрѣли на нее, какъ на «богатство независимое, которымъ онъ (владѣлецъ) можетъ располагать и которое, не купивъ—продаетъ». (Turgot: «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», p. 11).

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Рабочая плата.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Превращенiе стоимости или цѣны рабочей силы въ рабочую плату.

При поверхностномъ взглядѣ на буржуазное общество, зарабочая плата представляется платой за трудъ, т.-е. извѣстнымъ количествомъ денегъ, уплачиваемыхъ за извѣстное количество труда. Такъ, говорятъ о стоимости труда и денежное выраженiе этой стоимости называютъ необходимой или естественной цѣной труда. Съ другой стороны, говорятъ о рыночныхъ цѣнахъ труда, т.-е. о цѣнахъ, колеблющихся выше или ниже необходимыхъ цѣнъ.

Но что такое стоимость какого-нибудь товара? Овеществленiе общественнаго рабочаго времени, необходимаго для его производства. Чѣмъ мы измѣряемъ величину его стоимости? Величиной содержащагося въ немъ рабочаго времени. Чѣмъ-же опредѣлится стоимость, напримѣръ, одного 12-ти часового рабочаго дня? 12-ю рабочими часами, заключающимися въ 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ, а это нелѣпая тавтологiя [21]).

Чтобы быть проданнымъ на рынкѣ какъ товаръ трудъ долженъ, во всякомъ случаѣ, существовать прежде нежели его продадутъ. Но если-бы рабочiй могъ придать ему самостоятельное объективное существованiе, то онъ продавалъ-бы товаръ, а не трудъ [22]).

Кромѣ этихъ противорѣчiй, прямой обмѣнъ денегъ, т.-е. овеществленнаго труда на живой трудъ, привелъ-бы къ уничтоженiю или закона стоимости, который начинаетъ свободно развиваться только на почвѣ капиталистическаго производства, или самого капиталистическаго производства, которое прямо основывается на наемномъ трудѣ. 12-ти-часовой день выражается, напримѣръ, въ денежной стоимости въ 6 шилл. Если-бы обмѣнивались эквиваленты, то рабочiй получилъ-бы за 12 часовъ работы 6 шилл. Цѣна

---

[21]) «Рикардо довольно остроумно обходитъ затрудненiе, которое, на первый взглядъ, грозитъ опрокинуть его доктрину, что стоимость находится въ зависимости отъ количества труда, потраченнаго на производство. Если строго держаться этого принципа, то окажется, что стоимость труда зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на его производство, что, очевидно нелѣпо. Поэтому, искуснымъ оборотомъ, Рикардо ставитъ стоимость труда въ зависимость отъ количества труда, необходимаго для производства рабочей платы, или, говоря его собственнымъ языкомъ, онъ утверждаетъ, что стоимость труда опредѣляется количествомъ труда, требуемаго для производства рабочей платы; подъ этимъ онъ понимаетъ количество труда, требуемаго для производства денегъ или жизненныхъ потребностей, даваемыхъ рабочему. Это все равно что сказать, что стоимость сукна опредѣляется не количествомъ труда, употребленнаго на его производство, а количествомъ труда употребленнаго на производство серебра, на которое обмѣнивается сукно». («A. Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», p. 50, 51).

[22]) «Если трудъ вы называете товаромъ, то онъ не похожъ на товары, которые производятся съ цѣлью продажи и выносятся на рынокъ для обмѣна на другiе товары, сообразно относительному количеству каждаго, могущаго быть въ это время на рынкѣ; трудъ создается въ то время, когда выносится на рынокъ; онъ выносится на рынокъ даже раньше, чѣмъ создается». («Observation on some verbal disputes etc.», p. 75, 76).

его труда равнялась-бы цѣнѣ его продукта. Въ этомъ случаѣ онъ не произвелъ-бы никакой прибавочной стоимости для покупателя его труда, 6 шилл. не обратились-бы въ капиталъ, и почва капиталистическаго производства исчезла-бы; но именно на этой-то почвѣ онъ и продаетъ свой трудъ, и поэтому-то его трудъ дѣлается трудомъ наемнымъ. Или за 12 часовъ труда онъ получаетъ меньше 6 шилл., т.-е. менѣе 12-ти часовъ труда. Двѣнадцать часовъ труда обмѣниваются въ такомъ случаѣ на 10, 6 и т.-д. часовъ труда. Это уравненіе величинъ неравныхъ не просто только уничтожаетъ опредѣленіе стоимости. Такое само себя уничтожающее противорѣчіе не можетъ быть даже и выражено или формулировано въ видѣ закона [23]).

Нѣтъ необходимости объяснять обмѣнъ большаго количества труда на меньшее его количество различіемъ формы труда, именно тѣмъ, что онъ въ одномъ случаѣ овеществленъ, въ другомъ-же находится въ живомъ состояніи [24]). Это тѣмъ нелѣпѣе, что стоимость товара опредѣляется не количествомъ овеществленнаго въ немъ живого труда, а количествомъ живого труда, необходимаго для его воспроизведенія. Товаръ представляетъ, напримѣръ, 6 рабочихъ часовъ. Происходятъ открытія, благодаря которымъ онъ можетъ быть произведенъ въ теченіе 3 часовъ; тогда стоимость уже произведеннаго товара понижается на половину. Онъ представляетъ теперь уже не 6, а только 3 общественно-необходимыхъ рабочихъ часа. Стало быть, величину его стоимости опредѣляетъ не овеществленная форма этого труда, а количество труда, необходимаго для производства этого товара.

На товарномъ рынкѣ владѣлецъ денегъ дѣйствительно встрѣчаетъ не трудъ, а рабочаго, который и продаетъ свою рабочую силу. Коль скоро его трудъ дѣйствительно начинается, онъ уже перестаетъ принадлежать ему, слѣдовательно, онъ уже не можетъ болѣе продать его. Трудъ есть сущность и неотъемлемая мѣра стоимости, но самъ по себѣ онъ не имѣетъ стоимости [25]).

Въ выраженіи «стоимость труда», понятіе о стоимости не только совершенно пропало, но даже совершенно извратилось. Это выраженіе такое-же мнимое, какъ, напримѣръ, стоимость земли. Но эти мнимыя выраженія возникаютъ изъ самыхъ отношеній производства, въ нихъ отражаются формы проявленія этихъ отношеній. Во всѣхъ наукахъ, кромѣ политической экономіи, къ тому-же извѣстно, что вещи представляются часто наоборотъ, а не такъ какъ онѣ есть въ дѣйствительности [26]).

Классическая политическая экономія заимствовала у обыденной жизни, безъ всякой критики категорію цѣны труда, чтобы впослѣдствіи задать себѣ вопросъ: какъ опредѣлить эту цѣну? Она скоро узнала, что измѣненіе отношеній запроса и предложенія относительно цѣны труда, какъ и всякаго другого товара, ничего не разъясняетъ, кромѣ ея измѣненія, т.-е. колебанія рыночныхъ цѣнъ выше и ниже опредѣленной величины. Если запросъ и предложеніе взаимно уравновѣшиваются, то, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, колебаніе цѣнъ прекращается. Но тогда запросъ и предложеніе также перестаютъ что-либо объяснять. Цѣна труда, при равновѣсіи запроса и предложенія, есть цѣна естественная, уже болѣе не зависящая отъ отноше-

---

[23]) «Разсматривая трудъ какъ одинъ товаръ, а капиталъ, продуктъ труда, какъ другой, и если стоимость этихъ двухъ товаровъ опредѣляется равнымъ количествомъ труда, то данная сумма труда.... обмѣнивается на то количество капитала, которое произведено тѣмъ-же количествомъ труда; прошедшій трудъ.... будетъ обмѣненъ на ту-же сумму настоящаго труда. Но стоимость труда по отношенію къ другимъ товарамъ.... опредѣляется не равными количествами труда». (E. G. Wakefield, въ своемъ изданіи «Wealth of Nations» А. Смита, v. I. London 1836, p. 231, выноска).

[24]) Нужно было согласиться (еще одно изданіе «contrat social»), что каждый разъ, когда онъ обмѣниваетъ трудъ совершенный на трудъ, который долженъ совершиться, послѣдній (капиталистъ) имѣлъ бы стоимость выше, нежели первый (рабочій)». (Simonde, т. е. Сисмонди) («De la richesse commerciale». Genéve 1803, t. I; p. 37).

[25]) «Трудъ есть исключительное мѣрило стоимости.... созидатель всего богатства, но онъ не товаръ». Th. Hodgskin, 1. c. p. 186).

[26]) Объяснять же эти мнимыя выраженія просто какъ поэтическую вольность, значитъ обнаруживать безсиліе анализа. Поэтому, въ отвѣтъ на фразу Прудона: «Говорятъ, что трудъ представляетъ стоимость, не столько какъ товаръ самъ по себѣ, но какъ стоимость, заключающуюся въ немъ въ скрытомъ состояніи. Стоимость труда есть выраженіе фигуральное и т. д.», я возражаю: «Въ трудѣ-товарѣ, ужасающемъ своею реальностью, онъ видитъ только грамматическую фигуру. Слѣдовательно, все современное общество, основывающееся на трудѣ-товарѣ, покоится отнынѣ на поэтической вольности, на фигуральномъ выраженіи. Если общество хочетъ «уничтожить всѣ неудобства» тяготѣющія надъ нимъ, что-же! пусть оно уничтожитъ неблагозвучные термины, пусть оно перемѣнитъ языкъ; а для этого ему стоитъ только обратиться въ Академію и попросить сдѣлать новое изданіе его словаря». (K. Marx: «Misère de la Philosophie etc.», 34, 35). Разумѣется, еще удобнѣе совершенно ничего не подразумѣвать подъ стоимостью. Тогда можно безъ церемоніи подводить все подъ эту категорію. Такъ поступаетъ напримѣръ J. B. Say. Что такое «стоимость»? Отвѣтъ: «То, что вещь стоитъ». А что такое «цѣна»? Отвѣтъ: «Стоимость вещи, выраженная въ деньгахъ». Почему-же «работа земли»... имѣетъ стоимость?— Потому, что ей придаютъ цѣну». Слѣдовательно, стоимость есть то, что вещь стоитъ, а земля имѣетъ «стоимость» потому, что стоимость ея «выражается въ деньгахъ». Это крайне простой способъ понимать why and wherefore (почему и отчего) вещей.

нія запроса и предложенія, стало быть ее еще приходится опредѣлить, какъ будто ея совсѣмъ не было. Вотъ эта-то цѣна, — этотъ центръ тяжести рыночныхъ цѣнъ — и стала, такимъ образомъ, дѣйствительнымъ предметомъ научнаго анализа. Къ этому-же результату пришли также иначе, именно брали болѣе длинный періодъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, напримѣръ одинъ годъ и находили, что ихъ повышенія и пониженія взаимно уравновѣшиваются и даютъ среднія, сравнительно постоянныя величины. Слѣдовательно, цѣна труда должна быть опредѣлена иначе, а не взаимнымъ уравновѣшиваніемъ ея уклоненія отъ нея-же самой. Но эта цѣна, главенствующая надъ случайными рыночными цѣнами труда и регулирующая ихъ, необходимая цѣна (физіократовъ) или «естественная цѣна труда» (Ад. Смита), какъ и цѣна всякаго другого товара, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только стоимостью его, выраженною въ деньгахъ. Такимъ способомъ политическая экономія думала дойти, при помощи случайныхъ цѣнъ труда, до его стоимости. Затѣмъ далѣе, эта стоимость опредѣлялась, какъ и стоимость другихъ товаровъ, по расходамъ на производство. Но что такое расходы на производство рабочаго, т.-е. расходы, необходимые для того, чтобы производить или воспроизводить самого рабочаго? Этимъ вопросомъ политическая экономія, безсознательно для самой себя, замѣнила вопросъ первоначальный, такъ какъ она, изслѣдуя расходы на производство труда какъ такового, вращалась въ кругу, не двигаясь съ мѣста. Итакъ, то, что она называла стоимостью труда (value of labour), въ дѣйствительности есть стоимость рабочей силы, заключающейся въ личности рабочаго, и на столько же отличной отъ ея дѣятельности, труда, на сколько машина отлична отъ совершаемыхъ ею операцій. Занимаясь вопросомъ о различіи между рыночной цѣной труда и его, такъ называемой, стоимостью, отношеніемъ этой стоимости къ нормѣ прибыли, къ стоимости товаровъ, производимыхъ этимъ трудомъ и т. д., экономисты такъ и не открыли, что ходъ анализа не только приводитъ рыночную цѣну труда къ его предполагаемой стоимости, но и самую стоимость труда сводитъ на стоимость рабочей силы. Классической политической экономіи такъ и не удалось придти къ сознательному пониманію результатовъ своего собственнаго анализа, она приняла безъ всякой критики категорію стоимости труда, естественной цѣны труда и т. п., какъ окончательныхъ, совершенныхъ выраженій разсматриваемыхъ отношеній стоимости, — а это привело ее, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, къ неразрѣшимой путаницѣ и противорѣчіямъ, тогда какъ вульгарной политической экономіи это дало прочный операціонный базисъ для недомыслія, принципіально руководящагося только тѣмъ, что видитъ.

Разсмотримъ теперь, какъ выражаются стоимость и цѣна рабочей силы въ ихъ превращенной формѣ—въ формѣ рабочей платы.

Мы знаемъ, что стоимость дневной рабочей силы вычисляется по опредѣленной продолжительности жизни рабочаго, которой соотвѣтствуетъ опредѣленная длина рабочаго дня. Положимъ, что обычный рабочій день составляетъ 12 часовъ, а стоимость дневной рабочей силы 3 шилл.; эти 3 шилл. представляютъ денежное выраженіе стоимости, соотвѣтствующей 6-ти рабочимъ часамъ. Если рабочій получаетъ 3 шилл., то онъ получаетъ стоимость своей рабочей силы, находящейся въ работѣ въ теченіе 12-ти часовъ. Если-же эту дневную стоимость рабочей силы выразить въ видѣ стоимости дневного труда, то получается формула: стоимость 12-ти-часового труда равна 3 шилл. Слѣдовательно, стоимость рабочей силы опредѣляетъ стоимость труда, или, выражая это въ деньгахъ, — его необходимую цѣну. Поэтому, если цѣна рабочей силы уклоняется отъ ея стоимости, то уклоняется также цѣна труда отъ его, такъ называемой, стоимости.

Но такъ какъ стоимость труда есть лишь нераціональное выраженіе понятія стоимости рабочей силы, то теперь очевидно, что стоимость труда должна быть всегда меньше произведенной имъ стоимости, потому что капиталистъ постоянно заставляетъ дѣйствовать рабочую силу дольше, чѣмъ сколько необходимо для воспроизведенія ея собственной стоимости. Въ приведенномъ примѣрѣ стоимость 12-ти-часовой рабочей силы равна 3 шилл., стоимости, на воспроизведеніе которой нужно только 6-ть часовъ. Произведенная-же ею стоимость равняется 6-ти шилл. потому, что на самомъ дѣлѣ она дѣйствуетъ въ теченіе 12-ти часовъ, и производимая ею стоимость зависитъ не отъ ея собственной стоимости, но отъ продолжительности времени ея дѣятельности. Такимъ образомъ, у насъ получился результатъ, — кажущійся съ перваго взгляда нелѣпымъ, — что трудъ, который создаетъ стоимость въ 6 шилл., самъ имѣетъ стоимость въ 3 шилл. [27]).

Далѣе мы видимъ, что стоимость въ 3 шилл., въ которой выражается оплаченная часть рабочаго дня, т.-е. шестичасовой трудъ, представляется стоимостью или цѣною всего 12-ти-часового рабочаго дня, заключающаго 6 неоплаченныхъ часовъ. Форма рабочей платы уничтожаетъ,

---

[27]) Сравни «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», p. 40, гдѣ я заявляю, что въ той части этого изслѣдованія, гдѣ будетъ рѣчь о капиталѣ, необходимо рѣшить слѣдующую задачу: «Какимъ образомъ производство, основанное на мѣновой стоимости, которая опредѣляется однимъ только рабочимъ временемъ, приводитъ къ результату, что мѣновая стоимость труда менѣе мѣновой стоимости продукта»?

слѣдовательно, всѣ слѣды дѣленія рабочаго дня на необходимый трудъ и на прибавочный трудъ, на оплаченный и неоплаченный трудъ. Весь трудъ кажется трудомъ оплаченнымъ. При крѣпостномъ трудѣ, трудъ крѣпостного для самого себя и обязательный трудъ на помѣщика осязательно отличаются какъ во времени, такъ и по мѣсту, гдѣ онъ производится. При рабскомъ трудѣ, даже та часть рабочаго дня, когда рабъ возмѣщаетъ только стоимость своихъ жизненныхъ потребностей, — слѣдовательно, когда онъ дѣйствительно работаетъ на себя — представляется работою на его хозяина. Весь его трудъ является трудомъ неоплаченнымъ [28]). При наемномъ-же трудѣ, самый прибавочный или неоплаченный трудъ представляется оплаченнымъ. Тамъ отношенія собственности скрываютъ работу раба на самого себя, здѣсь-же денежныя отношенія скрываютъ даровую работу наемнаго рабочаго.

Теперь понятно, почему такъ важно превращеніе формы стоимости и цѣны рабочей силы въ рабочую плату, или въ стоимость и цѣну самого труда: всѣ правовыя представленія какъ рабочаго, такъ и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ капиталистическія иллюзіи о свободѣ, всѣ оправдательныя уловки вульгарной политической экономіи основаны на этой формѣ проявленія, скрывающей дѣйствительныя отношенія и показывающей вполнѣ противное имъ.

Если для исторіи надо было много времени, чтобы проникнуть въ тайну рабочей платы, то, напротивъ того, ничего не можетъ быть легче, какъ понять необходимость, raison d'être, этой формы проявленія.

Обмѣнъ между капиталомъ и трудомъ при непосредственномъ наблюденіи, представляется совершенно въ такомъ-же видѣ, какъ покупка и продажа всякаго другого товара. Покупатель даетъ опредѣленную сумму денегъ, а продавецъ даетъ вещь отличную отъ денегъ. Съ точки зрѣнія права, замѣчается здѣсь только вещественное различіе, которое выражается въ слѣдующихъ формулахъ, юридически эквивалентныхъ: Do ut des, do ut facias, facio ut des и facio ut facias *).

Такъ какъ потребительная стоимость и стоимость мѣновая по самой сущности величины несоизмѣримыя, то выраженія «стоимость труда», «цѣна труда» не представляются болѣе нераціональными, чѣмъ выраженія «стоимость хлопка», «цѣна хлопка». Прибавимъ что рабочему платятъ лишь послѣ того, какъ онъ исполнилъ свою работу, такъ какъ деньги, въ своей функціи платежнаго средства, реализуютъ стоимость или цѣну продукта уже послѣ того, какъ онъ доставленъ, т.-е. въ данномъ случаѣ уже послѣ того, какъ доставлена стоимость или цѣна труда. Наконецъ, потребительная стоимость, доставляемая рабочимъ капиталисту, въ дѣйствительности не есть рабочая сила, но пользованіе этой силой, ея особенная функція опредѣленнаго содержанія опредѣленной полезности:—работа сапожника, портного, ткача и т. п. Что эта работа съ другой стороны представляетъ общій образующій цѣнность элементъ, то есть свойство, которымъ она отличается отъ прочихъ товаровъ, и это-то ея свойство упускается обыкновенно изъ вида.

Станемъ на точку зрѣнія рабочаго, который за 12-ти-часовой трудъ получаетъ стоимость, произведенную, напримѣръ, 6-ти часовымъ трудомъ, положимъ 3 шил. Для него дѣйствительно его 12-ти-часовой трудъ есть средство купить 3 шил. Стоимость его рабочей силы можетъ измѣняться со стоимостью обыкновенныхъ потребностей существованія, съ 3 шил. на 4, или съ 3 на 2 шил., или при неизмѣняющейся стоимости его рабочей силы, цѣна ея, вслѣдствіе измѣненія отношеній запроса и предложенія, можетъ возвыситься до 4 шил. или упасть до 2, но тѣмъ не менѣе, онъ отдаетъ всегда 12 часовъ труда. Поэтому, всякое измѣненіе величины получаемаго имъ эквивалента представляется ему, по необходимости, измѣненіемъ стоимости или цѣны этихъ 12-ти рабочихъ часовъ. Это обстоятельство дало возможность, напротивъ того, Ад. Смиту, который разсматривалъ рабочій день, какъ величину постоянную [29]), ошибочно утверждать, что стоимость труда постоянна, хотя-бы стоимость средствъ существованія и измѣнялась, а слѣдовательно, одинъ и тотъ-же рабочій день можетъ выражаться для рабочаго въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ денегъ.

Если-же мы возьмемъ, съ другой стороны, капиталиста, то онъ стремится получить какъ можно больше труда за возможно меньшее количество денегъ. Поэтому, въ практическомъ отношеніи, его занимаетъ только разница между цѣной рабочей силы и стоимостью, создаваемой ея дѣятельностью. Но вѣдь онъ старается покупать всѣ товары возможно дешевле, и объясняетъ свою прибыль простымъ обманомъ, покупкой ниже, а продажей выше стоимости. Онъ поэтому не догадывается, что если-бы дѣйствительно существовала такая вещь, какъ стоимость труда, то не

---

[28]) «Morning Star», наивный до глупости органъ лондонскихъ фритредеровъ, во время американской гражданской войны, постоянно и съ крайнимъ негодованіемъ увѣрялъ, что негры работаютъ въ «конфедеративныхъ штатахъ» совершенно даромъ. Онъ долженъ-бы былъ потрудиться сравнить ежедневную стоимость содержанія подобнаго негра со стоимостью содержанія свободнаго рабочаго лондонскаго East End'a

*) Я даю, чтобы и ты далъ; даю, чтобы и ты сдѣлалъ; дѣлаю, чтобы и ты далъ. Дѣлаю, чтобы и ты сдѣлалъ.

[29]) Ад. Смитъ только случайно, именно разбирая поштучную плату, намекаетъ на измѣненія продолжительности рабочаго дня.

существовало-бы никакого капитала, и его деньги не обращались-бы въ капиталъ.

Къ тому-же колебаніе рабочей платы въ дѣйствительности обнаруживаетъ такія явленія, которыя какъ будто подтверждаютъ, что оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость ея дѣятельности, самый трудъ. Эти явленія мы можемъ подвести подъ два большіе разряда. Во-первыхъ: измѣненіе рабочей платы при измѣненіи длины рабочаго дня. Вѣдь также можно было-бы заключить, что оплачивается не стоимость машины, а ея отправленія, такъ какъ нанять машину на недѣлю стоитъ дороже, нежели на одинъ день. Вовторыхъ: индивидуальное различіе въ рабочей платѣ разныхъ рабочихъ, производящихъ одинаковую работу, мы снова встрѣчаемъ, но безъ всякихъ иллюзій, въ системѣ рабства, гдѣ самая рабочая сила продается вполнѣ свободно и открыто, безъ всякихъ уловокъ. Только въ системѣ рабства выгода отъ рабочей силы, стоящей выше средняго уровня ея стоимости, и убытокъ если она стоитъ ниже ея стоимости, достается на долю рабовладѣльца, въ системѣ-же наемнаго труда—на долю самого рабочаго, такъ какъ рабочая сила въ одномъ случаѣ продается имъ самымъ, въ другомъ-же—третьимъ лицомъ.

Кромѣ того относительно формы проявленія «стоимости и цѣны труда» или «рабочей платы», въ отличіе отъ содержащагося въ ней существеннаго отношенія, т.-е. стоимости и цѣны рабочей силы,—относительно всего этого, говоримъ мы, справедливо все, что имѣетъ значеніе и для всякихъ формъ проявленія и ихъ скрытой сущности. Первыя отражаются въ представленіи непосредственно, самопроизвольно, послѣдняя-же должна быть открыта наукой. Классическая политическая экономія близко подходитъ къ истинному отношенію вещей, не формулируя его однако сознательно. Но она этого и сдѣлать но можетъ, пока находится въ своей буржуазной шкурѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Плата по времени.

Рабочая плата принимаетъ самыя разнообразныя формы, фактъ обыкновенно замалчиваемый въ экономическихъ трактатахъ, которые, при своемъ грубомъ пристрастіи къ матеріальной сторонѣ вопроса, пренебрегаютъ всякими формальными различіями. Изложеніе всѣхъ этихъ формъ относится, однако, къ спеціальному изслѣдованію о рабочей платѣ, слѣдовательно въ это сочиненіе войти не можетъ. Но мы нѣсколько остановимся на двухъ основныхъ формахъ.

Читатель помнитъ, что продажа рабочей силы производится всегда на извѣстный періодъ времени. Слѣдовательно, превращенная форма, въ которой непосредственно проявляется поденная, понедѣльная и т. д. стоимость рабочей силы, есть плата по времени, т.-е. поденная, понедѣльная и т. д.

Далѣе необходимо замѣтить, что законы, изложенные въ XV-й главѣ относительно измѣненія величины цѣны рабочей силы и прибавочной стоимости, вслѣдствіе простого измѣненія формы, обращаются въ законы рабочей платы. Одинаковое различіе между мѣновой стоимостью рабочей силы и количествомъ средствъ существованія, въ которыя эта стоимость превращается, является теперь какъ различіе номинальной и дѣйствительной рабочей платы. Было-бы безполезно, при формахъ проявленія, повторять то, что мы уже говорили, при разсмотрѣніи этой формы по ея существу. Поэтому мы ограничимся изложеніемъ немногихъ чертъ, характеризующихъ плату по времени.

Сумма денегъ [30]), которую рабочій получаетъ за свою дневную, недѣльную и т. д. работу, составляетъ величину его номинальной рабочей платы, т.-е. платы, оцѣненной по ея стоимости. Однако ясно, что смотря по длинѣ рабочаго дня, слѣдовательно, сообразно количеству работы, которую онъ ежедневно производитъ, та-же самая поденная, понедѣльная и т. д. плата можетъ представлять самыя различныя цѣны труда, т.-е. самыя различныя денежныя суммы за одно и то-же количество труда [31]). При платѣ по

---

[30]) Самая-же стоимость денегъ всегда предполагается здѣсь, какъ величина постоянная.

[31]) «Цѣна труда есть сумма, уплачиваемая за извѣстное количество труда». (Sir Edward West: «Price of Corn and Wages of Labour». London 1826, p. 67). Это тотъ самый West, который написалъ анонимный трактатъ, составившій эпоху въ исторіи политической экономіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Essay on the Application of Capital to Land. By a Fellow of Univ. College of Oxford. London, 1815».

времени надо, слѣдовательно, опять-таки дѣлать различіе между общей суммой рабочей платы, поденной, помѣсячной платы и т. д. и цѣной труда. Какъ-же въ такомъ случаѣ узнать цѣну труда, т.-е. денежную стоимость извѣстнаго количества работы? Средняя цѣна работы получается при дѣленіи средней дневной стоимости рабочей силы на среднее число часовъ рабочаго дня. Если дневная стоимость рабочей силы равна 3 шил. стоимости, произведенной въ теченіе 6-ти рабочихъ часовъ, и если рабочій день продолжается 12 часовъ, то цѣна одного рабочаго часа $= \frac{3 \text{ шил.}}{12} =$ 3 пенсамъ. Полученная такимъ образомъ цѣна рабочаго часа служитъ единицей мѣры цѣны труда.

Изъ этого слѣдуетъ, что поденная, понедѣльная плата и т. д., можетъ не измѣняться, хотя цѣна труда постоянно понижается. Если, напримѣръ, обычный рабочій день равнялся 10 часамъ, а стоимость рабочей силы 3 шилл., то цѣна рабочаго часа достигала $3^3/_5$ пенс.; коль скоро рабочій день возрастаетъ до 12 часовъ, она понижается до 3 пенс., если до 15 часовъ, то понижается до $2^2/_5$ пенсовъ. Несмотря на это, поденная и понедѣльная плата остается прежнею; она можетъ, наоборотъ, повыситься, хотя-бы цѣна труда оставалась постоянной или даже понижалась. Если рабочій день равняется напримѣръ десяти часамъ, а дневная стимость рабочей силы 3 шил., то цѣна одного рабочаго часа будетъ равна $3^2/_5$ пенс. Если-же, благодаря увеличенію работъ, рабочій занятъ, при прежней цѣнѣ труда, 12 часовъ, то его поденная плата возрастаетъ 3 шилл. $7^1/_5$ пенс., безъ измѣненія цѣны труда. Къ этому-же результату можетъ привести увеличеніе не экстенсивной величины труда, а интенсивной [32]). Слѣдовательно, увеличеніе номинальной поденной или понедѣльной платы можетъ сопровождаться прежней или понижающейся цѣной труда. То-же самое относится и къ доходамъ семейства рабочаго, коль скоро количество труда, доставляемаго главой семейства, увеличивается трудомъ членовъ его семейства. Стало быть, уменьшеніе номинальной поденной и понедѣльной платы не есть единственный способъ пониженія цѣны труда [33]). Изъ всего этого слѣдуетъ общій законъ: при данномъ количествѣ дневного, недѣльнаго и т. д. труда, поденная и понедѣльная плата зависитъ отъ цѣны труда, которая измѣняется сама либо со стоимостью рабочей силы, либо съ уклоненіями цѣны ея отъ ея стоимости. Если-же, наоборотъ, цѣна труда дана, то поденная и понедѣльная плата зависитъ отъ количества дневного и недѣльнаго труда.

Единица мѣры платы по времени, цѣна рабочаго часа, есть частное, полученное отъ дѣленія стоимости рабочей силы на число часовъ средняго рабочаго дня. Положимъ, послѣдній равняется 12-ти часамъ, дневная стоимость рабочей силы—3 шилл. или стоимости, произведенной въ 6 рабочихъ часовъ. При этихъ условіяхъ цѣна рабочаго часа будетъ 3 пенс., его произведенная стоимость—6 пенс. Если рабочій станетъ работать меньше 12-ти часовъ въ день (или менѣе 6 дней въ недѣлю), напримѣръ только 6 или 8 часовъ, то онъ получаетъ при этой цѣнѣ труда только $1^1/_2$ или 2 шилл. поденной платы [34]). Такъ какъ мы предположили что онъ долженъ работать среднимъ числомъ ежедневно шесть часовъ, чтобы получить плату только соотвѣтствующую стоимости его рабочей силы, а также предположили, что въ теченіе каждаго часа онъ работаетъ полчаса для себя и полчаса для капиталиста, то ясно, что онъ не въ состояніи выработать стоимость продукта шести часовъ, если будетъ занятъ менѣе 12-ти часовъ. Раньше мы видѣли разрушительныя послѣдствія чрезмѣрнаго труда, теперь-же здѣсь открываемъ источникъ страданій рабочаго, происходящій отъ недостатка работы.

---

[32]) «Рабочая плата зависитъ отъ цѣны труда и отъ количества произведенной работы.... Увеличеніе рабочей платы не подразумѣваетъ необходимости возрастанія цѣны труда. Вслѣдствіе болѣе продолжительнаго или усиленнаго занятія, рабочая плата можетъ сильно повыситься, тогда какъ цѣна труда останется прежняя». (West l. c. p. 67, 68 и 112). Отъ главнаго же вопроса: какъ опредѣляется «price of labour»?—West отдѣлывается общими мѣстами.

[33]) Фанатическій защитникъ промышленной буржуазіи XVIII столѣтія, авторъ часто нами приводимаго сочиненія «Essay on Trade and Commerce», понимаетъ это совершенно вѣрно, хотя излагаетъ предметъ неясно: «Количество труда, а не цѣна его (понимая подъ этимъ номинальную поденную и понедѣльную плату) опредѣляется цѣной съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей: уменьшая крайне низко цѣну потребностей, вы этимъ самымъ соотвѣтственно уменьшаете количество труда.... Хозяева мануфактуристы знаютъ, что есть много средствъ для увеличенія и пониженія цѣны труда, независимыхъ отъ измѣненія ея номинальной величины» (l. c. p. 48 и 61) N. W. Senior въ своихъ «Three lectures on the Rate of Wages». London 1830, гдѣ онъ пользуется сочиненіемъ West'a, не указывая на это, между прочимъ говоритъ: «Рабочій главнымъ образомъ заинтересованъ величиной рабочей платы» (p. 14). Слѣдовательно, рабочій прежде всего заинтересованъ тѣмъ, что онъ получаетъ, номинальной суммой платы, а не тѣмъ, что онъ даетъ, не количествомъ труда!

[34]) Дѣйствіе такого ненормальнаго сокращенія работъ совершенно отлично отъ общаго сокращенія рабочаго дня, устанавливаемаго закономъ. Первое не имѣетъ ничего общаго съ абсолютною длиною рабочаго дня и можетъ произойти какъ при 15, такъ и при 6 часовомъ рабочемъ днѣ. Нормальная цѣна работы въ первомъ случаѣ разсчитана на то, что рабочій работаетъ среднимъ числомъ 15 часовъ въ сутки; во второмъ, на то, что онъ трудится 6 часовъ. Дѣйствіе поэтому, будетъ совершенно одинаковое, какъ еслибы онъ въ первомъ случаѣ работалъ $7^1/_2$ часовъ, а во второмъ, 3 часа.

Если плата по часамъ будетъ опредѣлена такимъ образомъ, что капиталистъ обяжется давать не поденную и понедѣльную плату, а плату по рабочимъ часамъ, въ продолженіе которыхъ ему вздумается дать занятія рабочему, то онъ можетъ дать ему работу на меньшее время, сравнительно съ тѣмъ, которое первоначально служило основаніемъ оцѣнки платы по часамъ или единицы мѣры цѣны труда. Такъ какъ эта единица мѣры опредѣляется отношеніемъ:

$$\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочій день опредѣленнаго числа часовъ}},$$

то она теряетъ смыслъ, разъ въ рабочемъ днѣ не будетъ опредѣленнаго числа рабочихъ часовъ. Соотношеніе между оплаченнымъ и неоплаченнымъ рабочимъ временемъ исчезаетъ. Капиталистъ имѣетъ теперь возможность извлекать изъ рабочаго опредѣленное количество прибавочнаго труда, не давая ему рабочаго времени, необходимаго для поддержанія его собственнаго существованія. Въ его власти уничтожить всякую регулярность занятій, и по своему произволу, сообразно съ удобствомъ и минутными интересами, чередовать чрезмѣрный трудъ съ относительнымъ или совершеннымъ прекращеніемъ работы. Подъ предлогомъ уплаты «нормальной цѣны труда» онъ можетъ не нормально удлинить рабочій день безъ всякаго соотвѣтственнаго вознагражденія рабочаго. Поэтому, возстаніе лондонскихъ рабочихъ при постройкахъ (1860),—противъ попытокъ капиталистовъ ввести плату по часамъ въ видѣ общаго правила—было вполнѣ понятно. Когда рабочій день ограниченъ закономъ, подобные безпорядки прекращаются, хотя, разумѣется, не прекращается безработица, происходящая отъ конкуренціи машинъ, вслѣдствіе замѣны искусныхъ рабочихъ чернорабочими, взрослыхъ мужчинъ дѣтьми и женщинами и, наконецъ, вслѣдствіе кризисовъ какъ частныхъ, такт и общихъ.

При возрастающей поденной и понедѣльной платѣ, цѣна труда можетъ номинально, оставаться постоянною, и несмотря на то, падать ниже своего нормальнаго уровня. Это происходитъ каждый разъ, когда при неизмѣняющейся цѣнѣ труда (или рабочаго часа) рабочій день удлиняется за свои нормальные предѣлы. Если въ дроби

$$\frac{\text{дневная стоимость труда}}{\text{рабочій день}}$$

увеличивается знаменатель, то числитель возрастаетъ еще быстрѣе. Стоимость рабочей силы возрастаетъ съ продолжительностью ея дѣятельности, потому что трата ея увеличивается, и притомъ скорѣе, нежели продолжительность ея дѣятельности. Во многихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ господствуетъ плата по времени и гдѣ предѣлы рабочаго дня закономъ ограничены, вошло, поэтому, само собою въ обычай считать рабочій день только до опредѣленнаго пункта, напримѣръ до конца 10-ти часовъ, за нормальный («normal working day» «the day's work», «the regular hours of work»). По ту сторону этого предѣла рабочее время образуетъ «overtime» сверхурочное время, и тутъ каждый рабочій часъ оплачивается лучше («extra pay»), хотя часто на пустяшную величину [35]). Здѣсь нормальный рабочій день существуетъ какъ часть дѣйствительнаго рабочаго дня, и часто въ продолженіе цѣлаго года послѣдній длится дольше перваго [36]). Возрастаніе цѣны работы при удлиненіи рабочаго дня за извѣстные нормальные предѣлы въ различныхъ отрасляхъ британской промышленности произошло такимъ образомъ, что низкая цѣна работы въ продолженіе такъ называемаго нормальнаго времени заставляла рабочаго работать и въ лучше оплачиваемое overtime, разъ онъ хотѣлъ получать достаточную рабочую плату [37]).

---

[35]) «Норма платы за «overtime» (въ мануфактурѣ кружевныхъ издѣлій) до такой степени ничтожна, $^1/_2$ пенса и т. п. въ часъ, что представляетъ ужасный контрастъ съ громаднымъ зломъ, которое оно приноситъ здоровью и жизненнымъ силамъ рабочаго.... Добытый, такимъ образомъ, ничтожный прибавокъ, кромѣ того, часто приходится издержать на добавочное количество пищи» (Children's Empl. Comm.» II Rep., p. XVI, n. 117).

[36]) Такъ, на обойныхъ фабрикахъ до недавняго введенія фабричнаго закона. «Мы работаемъ безъ перерывовъ для ѣды, такъ что дневная работа, продолжающаяся $10^1/_2$ часовъ, оканчивается въ половинѣ 5-го, а все, что позже этого считается за overtime, которое рѣдко кончается раньше 6 часовъ, такъ что круглый годъ мы работаемъ дольше нормальнаго рабочаго дня». (M. Smith's Evidence въ «Ch. Empl. Com.» I Rep. p. 125).

[37]) Напримѣръ въ шотландскихъ бѣлильняхъ: «Въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи работы въ этой отрасли промышленности производились по системѣ overtime (до введенія фабричнаго закона въ 1862 г.), т.-е. 10 часовъ принимались за нормальный рабочій день. При этомъ мужчина получалъ 1 шилл. 2 пенс. Но къ этому всегда прибавлялось 3 или 4 overtime съ платою 3 пенс. въ часъ. Слѣдствіемъ этой системы было то, что мужчина, работавшій только въ теченіе нормальнаго времени, могъ заработать въ недѣлю не болѣе 8 шилл. Безъ overtime платы было-бы недостаточно» («Rep. of Insp. of Fact 30 April 1863», p. 10). «Добавочная плата за сверхурочное время составляетъ искушеніе, противъ котораго рабочіе не могутъ устоять». («Rep. of Insp. of Fact. 30 April 1848», p. 5). Въ переплетныхъ лондонскаго Сити очень многія молодыя дѣвушки отъ 14 до 15 лѣтняго возраста работали по ученическимъ контрактамъ, по которымъ нужно работать опредѣленное число рабочихъ часовъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе послѣдней недѣли мѣсяца онѣ работали до 10, 11, 12 и даже до 1 часу ночи, вмѣстѣ со старшими рабочими въ очень разнообразномъ обществѣ. «Хозяева соблазняли (tempt) ихъ добавочной платой и деньгами на хорошій ужинъ въ сосѣднемъ кабакѣ. Сильное распутство, производимое такимъ образомъ среди этихъ «young immortals» («Ch. Empl. Com. V Rep.», 44, n. 191), вознаграждалось тѣмъ, что у нихъ, между прочимъ, переплеталось много библій и поучительныхъ сочиненій.

Законнымъ ограниченіемъ рабочаго дня, это удовольствіе было запрещено [38]).

Извѣстно, что чѣмъ длиннѣе рабочій день въ какой-нибудь вѣтви промышленности, тѣмъ ниже рабочая плата [39]). Фабричный инспекторъ A. Redgrave доказалъ это сравнительнымъ обзоромъ двадцатилѣтняго періода, съ 1839 — 1859 г., по которому на фабрикахъ, подчиненныхъ 10-ти часовому закону, рабочая плата повысилась, между тѣмъ какъ на фабрикахъ, гдѣ работали отъ 14 до 15 часовъ въ сутки, она упала [40]).

Законъ, что «при извѣстной цѣнѣ работы поденная и понедѣльная плата зависитъ отъ количества потраченнаго труда», уже показываетъ, что чѣмъ ниже цѣна труда, тѣмъ должно быть больше количество работы или тѣмъ длиннѣе долженъ быть рабочій день, чтобы рабочій могъ обезпечить себѣ даже недостаточную среднюю плату. Если цѣна труда = 2 пенни, т.-е. если рабочій часъ оплачивается по этой нормѣ, то рабочій, чтобы получить по $2^1/_2$ шилл. въ день, вынужденъ проработать 15 часовъ въ сутки. Если-же цѣна труда будетъ 3 пенни, то ему достаточно 12 часовъ, чтобы заработывать по 3 шилл. въ день. Низшій уровень платы за трудъ является при этомъ побужденіемъ для удлиненія рабочаго дня [41]).

Но удлиненіе рабочаго времени вызываетъ уменьшеніе цѣны труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіе поденной и понедѣльной платы.

Изъ опредѣленія цѣны труда отношеніемъ

дневная стоимость рабочей силы
рабочій день опредѣленнаго числа часовъ

видно, что простое удлиненіе рабочаго дня, при прочихъ равныхъ условіяхъ, понижаетъ цѣну труда. Но тѣ-же обстоятельства, которыя позволяютъ капиталисту удлинять рабочій день, сначала даютъ возможность, а потомъ заставляютъ его номинально понижать цѣну труда, до тѣхъ поръ, пока не понизится общая цѣна увеличеннаго числа часовъ, а слѣдовательно поденная и понедѣльная плата. Здѣсь достаточно указать на два обстоятельства. Если вслѣдствіе большей продолжительности рабочаго дня, одинъ человѣкъ выполняетъ работу вмѣсто $1^1/_2$ или 2 рабочихъ, то предложеніе труда возрастаетъ, между тѣмъ какъ предложеніе находящихся на рынкѣ рабочихъ силъ остается безъ измѣненія. Возникающая, благодаря этому между рабочими, конкуренція позволяетъ капиталисту понизить цѣну труда, тогда какъ падающая цѣна труда, съ своей стороны, даетъ ему возможность еще болѣе удлинить рабочее время [42]). Но вскорѣ этотъ излишекъ труда сверхъ нормальнаго количества, т.-е. количества, превосходящаго средній общественный уровень неоплаченнаго труда, становится средствомъ конкуренціи между самими капиталистами. Часть цѣны товара состоитъ изъ цѣны труда. Неоплаченную часть цѣны труда можно и не принимать въ расчетъ при опредѣленіи цѣны товара. Эта часть можетъ быть подарена покупателю. Вотъ первый шагъ, къ которому ведетъ конкуренція. Второй шагъ, къ которому она приводитъ, состоитъ въ томъ, чтобы выкинуть изъ продажной цѣны товара по крайней мѣрѣ также часть прибавочной стоимости, получаемой вслѣдствіе большей продолжительности труда. Такимъ способомъ сперва образуется спорадически, а потомъ мало-по-малу устанавливается ненормально низкая продажная цѣна товара, которая съ этого времени служитъ основаніемъ ничтожной заработной платы при крайне продолжительномъ времени работы, тогда какъ сначала она была слѣдствіемъ этого обстоятельства. Мы только слегка указываемъ на это движеніе, такъ какъ анализъ конкуренціи сюда не относится. Но дадимъ слово самому капиталисту: Въ Бирмингэмѣ на столько сильна конкуренція между хозяевами, что многіе изъ насъ принуждены были поступать съ рабочими такъ, какъ въ другихъ случаяхъ поступать съ

---

[38]) Смотри «Rep. of Insp. of Fact.» 30 April 1863, l. c. Во время громадной стачки и lock out 1860, лондонскіе рабочіе строительнаго ремесла вполнѣ вѣрно понимали положеніе вещей, заявляя, что согласны на плату по часамъ только при 2-хъ условіяхъ: 1) чтобы вмѣстѣ съ цѣной рабочаго часа былъ опредѣленъ нормальный рабочій день въ 9 и 10 часовъ и чтобы цѣна рабочаго часа десятичасоваго рабочаго дня была выше цѣны часа девятичасового дня; 2) чтобы каждый часъ, выходящій изъ предѣловъ нормальнаго дня оплачивался относительно выше.

[39]) «Замѣчательная вещь также, что чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ менѣе рабочая плата». («Rep. of Insp. of Fact.» 31 Oct. 1863, p. 9). «Работа, плохо оплачиваемая, большею частью крайне продолжительна» («Public Health VI Rep.» 1864». p. 15).

[40]) «Rep. of Insp. of Fact. 30 April» 1860, p. 31, 32.

[41]) Напримѣръ рабочіе, выдѣлывающіе въ Англіи гвозди ручнымъ способомъ, благодаря низкой цѣнѣ за трудъ, вынуждены работать 15 часовъ въ сутки, чтобы добиться жалкой понедѣльной платы. «Много, много часовъ въ день долженъ онъ проработать въ надеждѣ получить 11 пенс. или 1 шилл., изъ которыхъ отъ $2^1/_2$ до 3 пенс. идутъ на порчу инструментовъ, на топку и на отбросъ желѣза». («Ch. Empl. Com. III Rep.», p. 136, n. 671). «Женщины, при томъ-же самомъ числѣ рабочихъ часовъ, зарабатываютъ въ недѣлю только 5 шилл.» (l. c. p. 137, n. 674).

[42]) Если фабричный рабочій откажется работать обычные добавочные часы, «его тотчасъ же замѣняютъ кѣмъ-либо другимъ, кто станетъ работать какъ бы то ни было долго, и такимъ образомъ онъ теряетъ занятіе». («Rep. of Insp. of Fact.» 31 Oct. 1848 Evidence, p. 39 и 58). «Если одинъ рабочій совершаетъ работу за двоихъ.... норма прибыли вообще возрастаетъ... такъ какъ добавочное предложеніе труда уменьшаетъ его цѣну». (Senior l. c. p. 14).

ними было-бы совѣстно; и несмотря на то, большей прибыли не получили (and yet no more money is made); въ барышахъ осталась только одна публика» [43]). Читатель помнитъ два рода лондонскихъ булочниковъ, изъ которыхъ одни продаютъ хлѣбъ по нормальной цѣнѣ (the «fullpriced» bakers), другіе-же ниже его нормальной цѣны («the underpriced», «the underseller»). «The fullpriced» обвиняетъ своихъ конкурентовъ передъ парламентской коммисіей въ томъ, что «они живутъ во-первыхъ, только тѣмъ, что надуваютъ публику (поддѣлкой товара), и, во-вторыхъ, тѣмъ, что извлекаютъ изъ своихъ рабочихъ 18 часовъ труда за 12-ти часовую плату... Средство, которымъ ведется борьба конкуренціи, это—неоплаченный трудъ рабочаго (the unpaid labour).. Причину же трудности устраненія ночного труда представляетъ конкуренція между булочниками хозяевами. The underseller, который продаетъ свой хлѣбъ ниже цѣны муки, долженъ наверстать, заставляя своихъ рабочихъ работать больше. Если я даю своимъ людямъ занятіе на 12 часовъ, сосѣдъ-же мой—на 18—20, то онъ меня побьетъ на продажной цѣнѣ. Если-бы рабочій могъ настоять на платѣ за сверхурочное время, то эти продѣлки скоро совершенно-бы прекратились... Большая часть занимающихся у undersellers'овъ —иностранцы, несовершеннолѣтніе и другіе, вынужденные довольствоваться той рабочей платой, которую только могутъ получить» [44]).

Эта іеремiада интересна еще потому, что она показываетъ, какъ въ головѣ капиталиста отражается только внѣшній видъ отношеній производства. Капиталистъ не знаетъ, что и нормальная цѣна труда заключаетъ въ себѣ часть неоплаченнаго труда, и, что именно этотъ неоплаченный трудъ есть нормальный источникъ его барыша. Категорія прибавочнаго рабочаго времени для него вовсе не существуетъ, такъ какъ она заключается въ нормальномъ рабочемъ днѣ, который, по его мнѣнію, оплачивается поденной платой. Но для него существуетъ overtime, сверхурочное время, удлиненіе рабочаго дня за предѣлы обычной цѣны труда. Въ противоположность своему конкуренту underseller'у, онъ стоитъ даже за добавочную плату (extra pay) за это overtime. Онъ опять-таки не знаетъ, что эта добавочная плата заключаетъ, точно также какъ и цѣна обыкновенныхъ рабочихъ часовъ, неоплаченный трудъ. Напримѣръ, цѣна одного часа двѣнадцати-часового рабочаго дня равняется 3 пенсамъ, т.-е. стоимости произведенной въ $^1/_2$ часа работы, между тѣмъ какъ цѣна часа сверхурочнаго труда = 4 пенсамъ, стоимости произведенной въ $^2/_3$ часа работы. Въ первомъ случаѣ капиталистъ присвоиваетъ себѣ даромъ половину рабочаго часа, а во второмъ $^1/_3$.

[43]) «Children's Emp. Commission» III Rep. Evidence, p. 66, n. 22.

[44]) «Report etc. relative to the Grievances complained of by the journeymen bakers». London 1862, p. LII, и тамъ же Evidence, p. 479, 359, 27. Но и сами fullpriced, какъ уже мы сказали и какъ утверждаетъ ихъ собственный ораторъ Bennett, принуждаютъ своихъ людей «начинать работу съ вечера 11 часовъ и даже раньше и продолжать ее часто до 7 часовъ слѣдующаго вечера» (l. c. p. 22).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Поштучная (задѣльная) плата.

Поштучная (задѣльная) плата есть ни что иное, какъ превращенная форма платы по времени, точно также какъ плата по времени есть только превращенная форма стоимости или цѣны рабочей силы.

При первомъ взглядѣ на поштучную плату, представляется какъ будто потребительная стоимость, проданная рабочимъ, не есть фукція его рабочей силы, живой трудъ, но трудъ уже овеществленный въ продуктѣ, и что цѣна этого труда выражается не дробью

$$\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочій день опредѣленнаго числа часовъ}},$$

какъ при платѣ по времени, а производительною способностью рабочаго [45]).

Такое представленіе, основанное на внѣшнемъ видѣ этихъ отношеній, должно, однако, быть

[45]) «Система поштучной платы составляетъ эпоху въ исторіи рабочихъ; это нѣчто среднее между положеніемъ простого поденьщика, зависящаго отъ произвола капиталиста и положеніемъ кооперативнаго рабочаго, который въ недалекомъ будущемъ обѣщаетъ соединить въ своемъ лицѣ рабочаго и капиталиста. Поштучные рабочіе, на самомъ дѣлѣ, сами себѣ хозяева, хотя они и работаютъ на капиталъ предпринимателя». (John Watts: «Trade Societies and Strikes, Machinery and Cooperative Societies» Manchester 1865, p. 52, 53). Я цитирую это сочиненьице только потому, что оно представляетъ настоящую клоаку всѣхъ давно перегнившихъ апологетическихъ общихъ мѣстъ. Этотъ-же самый господинъ Watts прежде былъ поклонникомъ Rob. Owen'а и издалъ въ 1842 году другое сочиненьице «Facts and Fictions of Pol. Economy», гдѣ, между прочимъ, property онъ называетъ robbery. Впрочемъ, это было уже давно.

сильно поколеблено уже тѣмъ фактомъ, что въ одной и той-же отрасли промышленности одновременно существуютъ обѣ формы рабочей платы. Напримѣръ: «лондонскіе наборщики обыкновенно получаютъ поштучную плату, плата-же по времени составляетъ у нихъ исключеніе. Наоборотъ, провинціальные-же наборщики получаютъ, обыкновенно плату по времени, а поштучная плата является у нихъ исключеніемъ. Корабельные плотники въ лондонскомъ портѣ получаютъ поштучную плату, во всѣхъ-же другихъ англійскихъ портахъ — плату по времени» [46]). Часто въ одной и той-же сѣдельной мастерской за одну и ту-же работу французы получаютъ поштучную плату, а англичане плату по времени. На настоящихъ фабрикахъ, гдѣ вообще господствуетъ поштучная плата, нѣкоторые роды работъ, вслѣдствіе техническихъ условій, не допускаютъ поштучной платы, и поэтому плата въ нихъ производится по времени [47]). Однако и само по себѣ ясно, что различіе формъ при оплатѣ заработка нисколько не измѣняетъ его сущности, хотя одна форма можетъ быть благопріятнѣе другой для развитія капиталистическаго производства.

Положимъ, что обыкновенный рабочій день состоитъ изъ 12-ти часовъ, изъ которыхъ 6 оплачены, а 6 не оплачены. Его произведенная стоимость пусть будетъ 6 шилл., одинъ рабочій часъ поэтому равенъ 6 пенсамъ. Положимъ, изъ опыта узнали, что рабочій, работая со среднею степенью напряженія и умѣнья, слѣдовательно, употребляя фактически только время общественно необходимое для изготовленія какого-нибудь предмета, въ теченіе 12-ти часовой работы приготовляетъ 24 штуки или вполнѣ раздѣльныхъ предметовъ, или-же измѣримыхъ частей одного нераздѣльнаго цѣлаго. Въ такомъ случаѣ, стоимость этихъ 24 штукъ, за вычетомъ постоянной части капитала, заключающейся въ нихъ, равна 6 шилл., стоимость-же каждой штуки — 6 пенсамъ. Рабочій получаетъ за штуку $1^1/_2$ пенса, зарабатывая, такимъ образомъ, въ 12 часовъ 3 шилл. Какъ при платѣ по времени рѣшительно все равно, считать-ли, что рабочій работаетъ 6 часовъ на себя и 6 — на капиталиста, или, что въ продолженіе каждаго часа полчаса онъ работаетъ на себя, а другіе полчаса — на капиталиста, точно также и здѣсь безразлично, — сказать-ли, что каждая единичная вещь на половину оплачивается, а на половину не оплачивается, или, что цѣна 12 штукъ возмѣщаетъ только стоимость рабочей силы, между тѣмъ какъ другіе 12 штукъ воплощаютъ прибавочную стоимость.

Форма поштучной платы на столько-же нераціональна, какъ и форма платы по времени. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ двѣ штуки товара, за вычетомъ стоимости израсходованныхъ на нихъ средствъ производства, какъ продуктъ одного рабочаго часа, стоятъ 6 пенс., тогда какъ рабочій получаетъ за нихъ цѣну въ 3 пенса. Поштучная плата въ дѣйствительности непосредственно не выражаетъ никакого отношенія стоимостей. Поэтому, стоимость штуки товара не измѣряется воплощеннымъ въ немъ рабочимъ временемъ, но наоборотъ, израсходованный рабочимъ трудъ измѣряется числомъ произведенныхъ рабочимъ штукъ товара. При платѣ по времени трудъ измѣряется по его непосредственной продолжительности; при поштучной платѣ — количествомъ продуктовъ, производимыхъ трудомъ въ данный періодъ времени [48]). Цѣна самого рабочаго времени опредѣляется все-таки уравненіемъ: стоимость дневного труда = дневной стоимости рабочей силы. Поштучная плата есть, слѣдовательно, только измѣненная форма платы по времени.

Разсмотримъ нѣсколько ближе характерныя особенности поштучной платы.

Качество труда контролируется при этомъ самою работою, которая должна быть средняго достоинства, чтобы поштучная цѣна была выплачена вполнѣ. Съ этой стороны поштучная плата является обильнѣйшимъ источникомъ какъ вычетовъ изъ платы, такъ и капиталистическаго обмана.

Капиталистъ имѣетъ въ ней вполнѣ опредѣленную мѣру интенсивности труда. Только то рабочее время считается за общественно необходимое, которое воплощается въ количествѣ товара опредѣленномъ заранѣе опытомъ, и какъ такое оплачивается. Въ большихъ лондонскихъ портняжныхъ мастерскихъ, поэтому, извѣстная

---

[46]) T. J. Dunning: «Trade's Unions and Strikes». London 1860, p. 22.

[47]) Вотъ какъ благопріятствуетъ продѣлкамъ фабрикантовъ одновременное существованіе этихъ двухъ формъ рабочей платы: «На фабрикѣ занимаются 400 человѣкъ, изъ которыхъ половина получаетъ поштучную плату и этимъ прямо заинтересована работать дольше. Другіе-же 200, получая поденную плату, работаютъ одинаковое время съ другими, и за сверхурочные часы добавочной платы не получаютъ... Ежедневный получасовой трудъ этихъ 200 человѣкъ равенъ труду одного лица, работающаго 50 часовъ, или $^5/_6$ труда одного лица въ недѣлю, и составляетъ положительный барышъ предпринимателя» («Rep. of Insp. of Fact.» 30 Oct. 1860, p. 9). «До сихъ поръ господствуетъ въ значительныхъ размѣрахъ чрезмѣрная работа и въ большинствѣ случаевъ фабриканты гарантированы отъ уличенія и наказанія самимъ закономъ. Во многихъ прежнихъ отчетахъ я показалъ... невыгоду для тѣхъ рабочихъ, которые получаютъ не поштучную плату, а понедѣльную». (Leonhard Horner въ «Rep. of Insp. of Fact.» 30 April 1860, p. 8, 9).

[48]) «Рабочую плату можно измѣрить двумя способами, или по продолжительности труда, или по продукту его». («Abrégé élémentaire des principes de l'Econom. Pol.» Paris 1796, p. 32) Авторъ этого анонимнаго сочиненія—G. Garnier.

рабочая единица, напримѣръ жилетъ и т. п., называется часомъ, полу-часомъ и т. п., плата-же за часъ—6 пенсовъ. Изъ опыта извѣстно, какъ великъ средній продуктъ часового труда. При появленіи новыхъ модъ, при починкахъ и т. п., между предпринимателемъ и рабочимъ возникаетъ споръ, равна-ли данная рабочая единица одному часу и т. п.; споръ этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока его не рѣшитъ опытъ. То-же самое у лондонскихъ мебельщиковъ и др. Если у рабочаго нѣтъ средней производительной способности, т.-е., если онъ не можетъ доставить minimum'а дневной работы, то ему отказываютъ [49]).

Такъ какъ качество и интенсивность труда повѣряются при этомъ самой формой рабочей платы, то наблюденіе за работой становится лишнимъ. Форма эта дѣлается, поэтому, основаніемъ какъ вышеописанной современной домашней работы, кустарной, такъ и іерархически организованной системы эксплуатаціи и притѣсненія. Послѣдняя распадается на двѣ основныя формы. Поштучная плата облегчаетъ, съ одной стороны, посредничество паразитовъ между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ, торговлю чужимъ трудомъ (subleting of labour). Прибыль посредниковъ возникаетъ исключительно изъ разницы между цѣной труда, платимой капиталистомъ, и частью этой цѣны, которую дѣйствительно получитъ рабочій [50]). Система эта въ Англіи получила характерное названіе «sweating system» (вгоняющая въ потъ). Поштучная плата позволяетъ, съ другой стороны, капиталисту входить въ соглашеніе съ главнымъ рабочимъ, — въ мануфактурѣ съ главою группы, въ рудникахъ съ углекопомъ и т. п., на фабрикахъ съ работающими при машинахъ,—за такую-то поштучную плату, а главный рабочій беретъ уже на себя вербовку помощниковъ и самъ платитъ имъ. Здѣсь эксплуатація капитала происходитъ при помощи эксплуатаціи рабочаго самимъ же-рабочимъ [51]).

При извѣстной поштучной платѣ естественно, что личный интересъ рабочаго заставляетъ его напрягать по возможности интенсивнѣе свою рабочую силу, что облегчаетъ капиталисту возможность увеличивать нормальную степень интенсивности труда [51a]). Точно также въ личный интересъ рабочаго входитъ удлиненіе рабочаго дня, такъ какъ при этомъ повышается его поденная и понедѣльная плата [52]). Это ведетъ къ реакціи, уже описанной нами при платѣ по времени, помимо того, что удлиненіе рабочаго дня уже само по себѣ предполагаетъ, даже при постоянной, неизмѣняющейся поштучной платѣ, пониженіе цѣны труда.

При платѣ по времени, за немногими исключеніями, въ одномъ и томъ-же занятіи существуетъ обыкновенно одинаковая рабочая плата. Напротивъ того, при поштучной платѣ, хотя цѣна рабочаго времени и измѣряется опредѣленнымъ количествомъ продукта, поденный и понедѣльный заработокъ измѣняется въ зависимости отъ индивидуальнаго различія рабочихъ, изъ которыхъ одни доставляютъ только minimum продукта въ данное время, другіе — среднее количество про-

---

[49]) «Прядильщикъ получаетъ опредѣленное количество хлопка, взамѣнъ котораго, по прошествіи опредѣленнаго времени, онъ обязанъ сдать требуемое количество пряжи и получаетъ плату по количеству фунтовъ сданной работы. Если продуктъ плохого качества, то убытокъ падаетъ на него; если онъ сдалъ, по прошествіи даннаго времени, количество продукта меньше установленнаго minimum'а, то ему отказываютъ и замѣняютъ болѣе способнымъ работникомъ». (Ure, l. c. t. II, p. 317).

[50]) «Когда работа идетъ черезъ нѣсколько рукъ, изъ которыхъ каждыя получаютъ свою долю прибыли, между тѣмъ какъ работаютъ только послѣднія, плата, получаемая работницею, понижается до ничтожныхъ размѣровъ». («Child. Empl. Commission» II Rep. p. LXX, n. 424).

[51]) Даже защитникъ этой системы Watts замѣчаетъ: «Было-бы значительнымъ улучшеніемъ системы поштучной работы, если-бы всѣ лица, работающія поштучно, участвовали въ договорѣ, каждый сообразно своимъ способностямъ, вмѣсто того, чтобы заинтересовывать только одного человѣка въ эксплуатаціи товарищей для своей собственной выгоды». (l. c. p. 53). Относительно дурныхъ сторонъ этой системы срав. Ch. Empl. Com.» Rep. III, p. 66, n. 22, p. 11, n. 124, p. XI, n. 13, 53 59 и т. д.

[51a]) Этотъ естественный результатъ часто поощряется еще искусственно. Напримѣръ, въ лондонскомъ engineering trade существуетъ обычный trick (уловка): «капиталистъ выбираетъ главой извѣстнаго числа рабочихъ человѣка съ наибольшею физическою силой и сноровкою. Онъ ему платитъ по четвертямъ года, или въ другіе сроки, добавочную сумму, съ условіемъ постараться во что-бы то ни стало заставить другихъ рабочихъ, получающихъ обыкновенную плату, не отставать отъ него въ работѣ... И безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ это объясняетъ жалобы капиталистовъ на «ослабленіе дѣятельности или высшаго искусства и рабочей силы («stinting the action, superior skill and working power») рабочими союзами (trade's union's)» (Dunning l. c. p. 22, 23). Такъ какъ авторъ самъ рабочій и секретарь одного изъ рабочихъ союзовъ, то это можно было-бы считать преувеличеніемъ. Но откроемъ, напримѣръ, «highly respectable» агрономическую энциклопедію J. Ch. Morton'a, статью «Labourer», и увидимъ, что этотъ способъ рекомендуется фермерамъ, какъ самый надежный.

[52]) «Всѣмъ, получающимъ поштучную плату... выгодно переходить за предѣлы законныхъ границъ труда. Это замѣчаніе, на счетъ согласія работать дольше нормальныхъ предѣловъ, особенно относится до женщинъ ткачихъ и молотильщицъ». («Rep. of Insp. of Fact. 30-st April 1858», p. 9). «Эта система поштучной платы, до такой степени выгодная для капиталистовъ.... имѣетъ цѣлью пріучить горшечника къ чрезмѣрному труду, платя ему въ теченіе 4 или 5 лѣтъ поштучную, но крайне низкую цѣну. Это одна изъ главныхъ причинъ, которой слѣдуетъ приписать физическое вырожденіе горшечниковъ». (Childr. Empl. Com.» I Rep. p. XIII).

дукта, третьи — выше средняго количества. Действительныя полученія здѣсь сильно различаются, смотря по способности, умѣнью, силѣ, энергіи, выдержкѣ и т. д., отдѣльнаго рабочаго[53]). Это, разумѣется, ничего не измѣняетъ въ общихъ отношеніяхъ между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Во первыхъ, эти индивидуальныя различія сглаживаются для всей мастерской, такъ что она, въ продолженіе опредѣленнаго времени работы, даетъ средній продуктъ, и общій итогъ рабочей платы равняется средней платѣ въ данной отрасли промышленности. Во-вторыхъ, отношеніе между рабочей платой и прибавочной стоимостью остается безъ измѣненія, такъ какъ и количество рабочей платы каждаго рабочаго соотвѣтствуетъ прибавочной стоимости, которую онъ производитъ. Поштучная плата предоставляетъ индивидуальности большой просторъ и стремится, съ одной стороны, развить эту индивидуальность, а съ нею вмѣстѣ чувство свободы, самостоятельности и независимости; а съ другой стороны — ихъ конкуренцію между собою. Повышая индивидуальную рабочую плату выше средняго уровня, поштучная плата, поэтому, стремится понизить этотъ самый уровень. Гдѣ опредѣленная поштучная плата уже давно установилась обычаемъ, а слѣдовательно, гдѣ пониженіе ея представляетъ особенное затрудненіе, тамъ хозяева, въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, иногда прибѣгаютъ къ принудительному обращенію ея въ плату по времени. Отсюда, напримѣръ, большая стачка въ 1860 году ленточныхъ ткачей въ Ковентри [54]). Поштучная плата является, наконецъ, главной поддержкой часовой системы, описанной въ въ предыдущей главѣ [55]).

Изъ всего, до сихъ поръ изложеннаго, оказывается, что поштучная плата есть форма рабочей платы, наиболѣе соотвѣтствующая капиталистическому способу производства. Хотя она вовсе не нова, о ней упоминается офиціально вмѣстѣ съ платою по времени, между прочимъ, въ англійскихъ и французскихъ рабочихъ статутахъ XIV-го столѣтія, — но большее распространеніе она пріобрѣтаетъ только въ теченіе мануфактурнаго періода, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Во время бурнаго юношескаго періода крупной промышленности, именно съ 1797 по 1815 годъ, она служатъ рычагомъ для удлиненія рабочаго дня и пониженія рабочей платы. Очень важные матеріалы для изслѣдованія колебаній рабочей платы за этотъ періодъ можно найти въ Синихъ Книгахъ: «Report and Evidence from the select Committee on Petitions respecting the Corn Laws» (парламентская сессія 1813—14) и «Reports from the Lord's Committee, on the state of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto». (Сессія 1814—15). Здѣсь находятся документальныя доказательства постояннаго пониженія рабочей платы со времени начала противо-якобинской войны. На ткацкихъ фабрикахъ, напримѣръ, поштучная плата такъ понизилась, что несмотря на сильное удлиненіе рабочаго дня, поденная плата была ниже, чѣмъ прежде. «Теперь дѣйствительный доходъ ткачей значительно меньше, чѣмъ былъ прежде: ихъ прежнее, громадное преимущество предъ простыми рабочими, почти совершенно изчезло. Дѣйствительно... различіе между рабочей платой искуснаго работника и простого рабочаго теперь гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ какое-бы то ни было прежнее время[56]). Какъ мало помогла сельскому пролетаріату возросшая вмѣстѣ съ поштучной платой интенсивность труда, можно

[53]) «Если въ какомъ-нибудь дѣлѣ плата производится поштучно... размѣръ рабочей платы можетъ сильно разниться... Но въ поденной работѣ обыкновенно существуетъ общая норма... признаваемая какъ предпринимателями, такъ и рабочими, за общую норму рабочей платы для всѣхъ рабочихъ извѣстной отрасли труда». (Dunning l. c. p. 17).

[54]) «Трудъ ремесленныхъ подмастерьевъ регулируется либо поденно, либо поштучно (à la journée ou à la pièce)... Зная приблизительно сколько рабочій въ состояніи ежедневно сработать въ каждомъ ремеслѣ, métier, хозяева платятъ ему часто соразмѣрно произведенной имъ работѣ; эти подмастерья и работаютъ, поэтому, ради своихъ собственныхъ интересовъ по возможности больше, безъ всякаго надзора». («Cantillon: «Essai sur la nature du Commerce en général». Amsterdam, ed 1756, p. 185 и 202), Cantillon, у котораго много позаимствовали Quesnay, Sir James Steuart и Ад. Смитъ, представляетъ здѣсь, слѣдовательно, поштучную плату, какъ простую измѣненную форму платы по времени. На заголовкѣ французскаго изданія Cantillon'а читаемъ, что это переводъ съ англійскаго; англійское-же изданіе, «The Analysis of Trade, Commerce etc. by Philip Cantillon, late of the City of London, Merchant», появилось не только позднѣе (въ 1759), но своимъ содержаніемъ доказываетъ, что это позднѣйшая переработка. Такъ, напримѣръ, во французскомъ изданіи еще не упоминается Hume, а въ англійскомъ, наоборотъ, о Petty упоминается только мелькомъ. Въ теоретическомъ отношеніи англійское изданіе имѣетъ менѣе значенія, но содержитъ все, что относится спеціально до англійской торговли, торговли слитками и т. д., всего этого во французскомъ текстѣ нѣтъ. Слова-же на заголовкѣ англійскаго изданія: «Taken chiefly from the Manuscript of a very ingenious Gentleman deceased, and adapted etc.» являются поэтому, повидимому, простымъ, въ то время очень употребительнымъ, вымысломъ.

[55]) «Сколько разъ видѣли мы, что извѣстныя мастерскія держатъ рабочихъ гораздо болѣе, чѣмъ необходимо для самого дѣла. Часто рабочихъ принимаютъ въ виду возможной случайной работы, иногда даже воображаемой: но такъ какъ имъ платятъ поштучно, то говорятъ, что не подвергаются никакому риску, потому что вся эта потеря времени ложится на шею не имѣющимъ занятій» (H. Gregoir: «Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles.» Bruxelles 1865, p. 9).

[56]) «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain. London 1815», p. 48.

видѣть изъ слѣдующаго мѣста, заимствованнаго изъ сочиненія одного изъ сторонниковъ лэндлордовъ и фермеровъ: «Значительно большая часть земледѣльческихъ работъ исполняется людьми, нанятыми поденно или задѣльно. Ихъ недѣльная плата достигаетъ до 12 шилл.; и хотя можно предположить, что при поштучной платѣ, рабочій, занимаясь прилежнѣе, можетъ заработать однимъ или даже двумя шиллингами болѣе, нежели при понедѣльной платѣ, но если мы опредѣлимъ его общій доходъ, то найдемъ, что недостатокъ въ работѣ въ продолженіе года покрываетъ этотъ излишекъ... Далѣе, мы вообще найдемъ, что плата этимъ лицамъ находится въ извѣстномъ отношеніи къ цѣнѣ необходимыхъ средствъ существованія, такъ что одинъ человѣкъ съ двумя дѣтьми въ состояніи поддержать свое семейство, не прибѣгая къ помощи прихода» [57]). Относительно фактовъ, опубликованныхъ въ то время парламентомъ, Мальтусъ замѣчаетъ: «Признаюсь, я смотрю съ сожалѣніемъ на значительное распространеніе поштучной платы. По истинѣ, тяжелая работа, по 12-ти или 14-ти часовъ въ сутки въ продолженіе сколько нибудь значительнаго періода времени свыше человѣческихъ силъ [58]).

Въ мастерскихъ, на которыя распространяется дѣйствіе фабричнаго закона, поштучная плата является общимъ правиломъ, потому что тамъ капиталистъ можетъ расширять рабочій день только интенсивно [59]).

При измѣненіи производительности труда, тоже самое количество продукта представляетъ различное рабочее время. Стало быть, при этомъ измѣняется и поштучная плата, такъ какъ она есть ни что иное, какъ денежное выраженіе опредѣленнаго рабочаго времени. Въ нашемъ примѣрѣ, въ продолженіе 12 часовъ было изготовлено 24 штуки товара; въ то время, какъ стоимость, произведенная 12-ти-часовымъ трудомъ равнялась 6 шилл., стоимость дневной рабочей силы была 3 шилл., цѣна рабочаго часа 3 пенни, а рабочая плата за штуку товара $1^1/_2$ пенни. Штука товара содержала $^1/_2$ часа труда. Если, благодаря удвоенной производительности труда, въ тотъ-же рабочій день изготовляется 48 штукъ товара вмѣсто 24-хъ, то при прочихъ равныхъ условіяхъ поштучная плата понижается съ $1^1/_2$ пенни на $^3/_4$ или на 3 фартинга, такъ какъ каждая штука товара представляетъ теперь только $^1/_4$, а не $^1/_2$ часа труда. $24 \times 1^1/_2$ п.=3 шилл., точно также $48 \times ^3/_4$ пенса=3 шилл. Иначе говоря: поштучная плата понижается въ томъ отношеніи, въ которомъ возрастаетъ количество единицъ товара, производимыхъ въ-то же самое время [60]), слѣдовательно, въ томъ-же отношеніи въ которомъ уменьшается рабочее время, потраченное на изготовленіе той-же единицы товара. Это измѣненіе поштучной платы, поскольку оно чисто номинально, постоянно вызываетъ столкновенія между капиталистомъ и рабочимъ:—либо потому, что капиталистъ пользуется этимъ предлогомъ, чтобы дѣйствительно понизить заработную плату; либо потому, что возросшая производительность труда сопровождается возрастаніемъ его интенсивности; или, наконецъ, потому, что рабочій принимаетъ за дѣйствительность фикцію, свойственную поштучной платѣ и заключающуюся въ томъ, что въ ней какъ будто оплачивается продуктъ, а не его рабочая сила, а потому не соглашается на пониженіе этой платы, за которымъ слѣдуетъ пониженіе продажной цѣны товара. «Рабочіе.... зорко слѣдятъ за цѣной сырого матеріала и за цѣной фабрикуемыхъ товаровъ, а потому имѣютъ возможность точно опредѣлять прибыль своихъ хозяевъ» [61]). Подобныя притязанія капиталъ, съ полнымъ правомъ, отказывается исполнять, какъ грубое заблужденіе на счетъ сущности наемнаго труда [62]).

---

[57]) «A Defence of the Landowners and Farmers of Great Britain. London, 1814», p. 4, 5.

[58]) Malthus, «Inquiry into the Nature etc. of Rent, London 1815».

[59]) «Рабочіе, получающіе поштучную плату, составляютъ, вѣроятно, не болѣе $^4/_5$ всего числа фабричныхъ рабочихъ». («Rep. of Insp. of Fact. for 30 April 1858», p. 9).

[60]) «Даютъ себѣ точный отчетъ о производительной силѣ его прядильной машины и, по мѣрѣ возрастанія производительной силы, понижаютъ заработную плату... однако, это возрастаніе не пропорціонально возрастанію силы». (Ure l. c. p. 317). Послѣдній апологетическій оборотъ устраняетъ самъ же Ure. Такъ, онъ говоритъ, что при увеличеніи производительной силы вслѣдствіе введенія mule: «нѣкоторый избытокъ труда получается отъ этого увеличенія». Слѣдовательно, трудъ не понижается пропорціонально возрастанію производительности. Далѣе читаемъ: «это возрастаніе увеличиваетъ производительную силу на $^1/_5$. Въ этомъ случаѣ плату прядильщику уменьшаютъ; но такъ какъ ее уменьшаютъ не на $^1/_5$, то улучшеніе увеличитъ его доходъ въ продолженіе того же числа часовъ», но «вышеизложенное нуждается въ извѣстномъ ограниченіи... Именно, отсюда необходимо вычесть добавочныя издержки прядильщика, такъ какъ ему приходится увеличить число своихъ несовершеннолѣтнихъ помощниковъ, а такое увеличеніе влечетъ за собой вытѣсненіе части взрослыхъ рабочихъ» (l. c. p. 321), что ни въ какомъ случаѣ не выражаетъ стремленія къ повышенію рабочей платы.

[61]) H. Fawcett: «The Economic Position of the British Labourer». Cambridge and London 1865, p. 178.

[62]) Въ лондонской газетѣ Standard, за 26 октября 1861 года, встрѣчаемъ отчетъ объ одномъ процессѣ фирмы John Bright and C° передъ рочдельскимъ магистратомъ, «привлеченной къ суду за застращиванье членовъ Carpet Weavers Trades' Union (Союза ткачей ковровъ). Сотоварищи Брайта ввели новую машину, которая приготовляетъ 240 ярдовъ ковра въ такое время и съ такою же затратой труда (!), сколько прежде

Онъ возстаетъ противъ этихъ притязаній обложить налогомъ прогрессъ промышленности и заявляетъ, что вообще производительность труда нисколько не касается рабочаго [63]).

требовалось для 160 ярдовъ. Рабочіе не имѣютъ права требовать участія въ прибыли отъ затраты ихъ предпринимателемъ капитала на механическія усовершенствованія. Поэтому господа Брайтъ предложили сбавить плату съ $1^1/_2$ пенс. за ярдъ на 1 пенни, оставивъ заработокъ рабочихъ, за то же количество труда, прежнимъ. Было произведено только номинальное уменьшеніе, о которомъ, какъ утверждаютъ, рабочіе не были предувѣдомлены».

[63]) «Рабочіе союзы, въ своемъ стремленіи поддерживать рабочую плату, ищутъ случая принять участіе въ прибыли, получаемой отъ улучшенія машинъ (quelle horreur!)... Они требуютъ высшей платы за уменьшеніе труда, иначе говоря, пытаются обложить налогомъ промышленныя улучшенія» («On Combination of Trades. New Edit. London 1834», p. 42).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Національныя различія рабочихъ платъ.

Въ XV-ой главѣ мы разсматривали различныя сочетанія, которыя могутъ вызвать измѣненія въ абсолютной или относительной (т.-е. по сравненію съ прибавочною стоимостью) величинѣ стоимости рабочей силы; между тѣмъ, количество средствъ существованія, въ которыхъ реализируется цѣна рабочей силы, можетъ претерпѣвать колебанія, независимыя или отличныя отъ измѣненія этой цѣны [64]). Какъ уже мы говорили, всѣ эти законы, съ переводомъ стоимости рабочей силы или цѣны ея въ экзотерическую форму рабочей платы, становятся законами колебанія рабочей платы. То, что въ этихъ колебаніяхъ рабочей платы въ предѣлахъ одной страны представляется въ видѣ ряда измѣняющихся сочетаній, для различныхъ странъ можетъ представляться въ видѣ одновременнаго различія національныхъ рабочихъ платъ. Слѣдовательно, сравнивая рабочія платы у различныхъ народовъ, нужно принимать въ соображеніе всѣ факторы, отъ которыхъ зависитъ измѣненіе величины стоимости рабочей силы: цѣну и размѣръ необходимыхъ жизненныхъ потребностей, какъ естественныхъ, такъ и развившихся исторически, издержки на обученіе рабочаго, роль женскаго и дѣтскаго труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величины. Даже самое поверхностное сравненіе нуждается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы средняя поденная плата данной отрасли промышленности въ разныхъ странахъ была приведена къ однообразному рабочему дню. Въ извѣстной отрасли промышленности, въ разныхъ странахъ продолжительность рабочаго дня различна; но если дневной заработокъ раздѣлить на число рабочихъ часовъ, то получится цѣна, которая платится въ каждой странѣ за опредѣленное количество труда, именно за часъ. Когда такимъ образомъ у насъ будутъ оба фактора, цѣна труда и его продолжительность, то тогда будетъ можно сравнить нормы національныхъ рабочихъ платъ по времени. Затѣмъ, во-вторыхъ, нужно плату по времени перевести на поштучную плату, такъ какъ только ею одною опредѣляется различная степень напряженности и производительности труда.

[64]) «Нельзя говорить о повышеніи заработной платы (здѣсь рѣчь идетъ о цѣнѣ ея), если рабочіе покупаютъ больше продуктовъ, но по болѣе дешевой цѣнѣ» (David Buchanan, въ своемъ изданіи Wealth of Nations Ад. Смита, 1814, v. I, p. 417, выноска).

Каждая страна имѣетъ среднюю опредѣленную напряженность труда, при отсутствіи которой трудъ, потраченный на изготовленіе даннаго товара, требуетъ времени больше общественно-необходимаго, а слѣдовательно и не считается за трудъ нормальнаго качества. Только такая напряженность труда, которая выше средней національной, вліяетъ въ данной странѣ на мѣру стоимости простою продолжительностью труда. На всемірномъ-же рынкѣ, гдѣ каждая страна представляетъ только часть, дѣло обстоитъ иначе. Средняя національная напряженность труда въ различныхъ странахъ не одинакова. Въ одной странѣ она больше, въ другой меньше. Такія національныя среднія даютъ, поэтому, масштабъ, единицею измѣренія котораго является средняя напряженность труда всѣхъ странъ. Чѣмъ, стало быть, національный трудъ интенсивнѣе, сравнительно съ менѣе интенсивнымъ, тѣмъ, въ извѣстную единицу времени, онъ произведетъ больше стоимости, которая и выразится въ большемъ количествѣ денегъ.

Въ своемъ международномъ приложеніи закону стоимости приходится претерпѣвать еще большія измѣненія вслѣдствіе того, что на всемірномъ рынкѣ національный трудъ болѣе производительный, считается также за трудъ болѣе напряженный до тѣхъ поръ, пока конкуренція не заставитъ болѣе производительную націю понизить продажную цѣну своихъ товаровъ до ихъ стоимости.

Чѣмъ болѣе капиталистическое производство расширяется въ какой-нибудь странѣ, тѣмъ болѣе національная интенсивность и производи-

тельность труда этой страны повышается надъ международнымъ уровнемъ [64a]). Слѣдовательно, различныя количества однородныхъ товаровъ, производимыхъ въ разныхъ странахъ въ теченіе того-же самаго рабочаго времени, обладаютъ неодинаковыми международными стоимостями, которыя выражаются и въ цѣнахъ различныхъ, т.-е. въ суммахъ денегъ, величина которыхъ измѣняется съ измѣненіемъ международной стоимости. Поэтому, относительная стоимость денегъ будетъ выше въ той странѣ, гдѣ капиталистическое производство сильнѣе развито, чѣмъ въ той, гдѣ оно развито слабѣе. Изъ этого выходитъ, что номинальная рабочая плата, эквивалентная рабочей силѣ, выраженной въ деньгахъ, точно также въ среднемъ будетъ выше въ первой странѣ, чѣмъ во-второй, изъ чего вовсе еще не слѣдуетъ, что это относится также и къ реальной, дѣйствительной рабочей платѣ, т.-е. къ суммѣ средствъ существованія, которыя можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи рабочій.

Но, помимо такого относительнаго неравенства стоимости денегъ въ различныхъ странахъ, часто бываетъ, что поденная или понедѣльная и т. д. рабочая плата въ первой странѣ выше, чѣмъ во-второй, въ то время какъ, относительная цѣна труда,—т.-е. цѣна труда по сравненію и съ прибавочною стоимостью, и съ произведенною стоимостью,—выше во-второй странѣ, чѣмъ въ первой [65]).

J. W. Cowell, членъ коммисіи 1833 г. о работахъ на фабрикахъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія прядильной промышленности пришелъ къ заключенію, что «рабочая плата въ Англіи для капиталиста въ дѣйствительности ниже, между тѣмъ какъ для рабочаго она выше, нежели на континентѣ Европы» (Ure l. c. p. 314). Англійскій фабричный инспекторъ Alexander Reddrave, въ своемъ фабричномъ отчетѣ отъ 31 октября 1866 г., доказываетъ, помощью сравнительной статистики съ континентальными государствами, что, несмотря на болѣе низкую заработную плату и гораздо болѣе продолжительный рабочій день, континентальный трудъ, по сравненію съ продуктомъ, дороже англійскаго. «Одинъ англичанинъ, директоръ хлопчато-бумажной фабрики въ Ольденбургѣ, заявляетъ что тамъ рабочій день продолжается съ половины шестого утра до 8 часовъ вечера, со включеніемъ субботы, и что тамошніе рабочіе, подъ присмотромъ англичанъ, производятъ въ теченіе этого времени столько-же продукта, сколько англійскіе въ продолженіе 10 часовъ; подъ присмотромъ-же нѣмцевъ и того менѣе. Заработная плата тамъ гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи, во многихъ случаяхъ на 50%, число-же рабочихъ рукъ по отношенію къ машинамъ, гораздо больше, во многихъ отдѣлахъ въ отношеніи 5 къ 3». — Redgrave даетъ весьма обстоятельныя подробности о русскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ. Данныя сообщилъ ему недавно занимавшійся тамъ директоръ англичанинъ. На этой руской почвѣ, прежніе ужасы младенческаго періода англійской фабричной системы находятся въ полномъ процвѣтаніи. Управляютъ фабриками, разумѣется, англичане, такъ какъ русскій капиталистъ непривыченъ для фабричнаго дѣла. Несмотря на чрезмѣрную работу, продолжающуюся день и ночь, несмотря на крайне ничтожное вознагражденіе работника, русскіе фабриканты прозябаютъ только благодаря таможенной охранѣ отъ иностраннаго соперничества. Вотъ, наконецъ, сравнительный обзоръ средняго числа веретенъ, которое приходится по вычисленію А. Redgrave на каждую фабрику и на каждаго рабочаго въ различныхъ странахъ Европы. Самъ Redgrave замѣчаетъ, что эти числа онъ собралъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и что съ тѣхъ поръ въ Англіи возрасло какъ число фабрикъ, такъ и число веретенъ, приходящихся на рабочаго. Но онъ предполагаетъ, что на континентѣ произошелъ сравнительно такой-же прогрессъ въ фабричномъ дѣлѣ, такъ что числовыя данныя сохраняютъ свое относительное значеніе.

Среднее число веретенъ на каждой фабрикѣ.

Въ Англіи на каждую фабрику приходится среднимъ числомъ 12,600 веретенъ.

Въ Швейцаріи на каждую фабрику приходится среднимъ числомъ 8,000 веретенъ.

Въ Австріи на каждую фабрику приходится среднимъ числомъ 7,000 веретенъ.

64a) Въ другомъ мѣстѣ намъ еще придется изслѣдовать какія условія производительности могутъ видоизмѣнять этотъ законъ для извѣстныхъ отраслей промышленности.

65) James Anderson, полемизируя съ Ад. Смитомъ, замѣчаетъ: «Также достойно замѣчанія, что хотя кажущаяся цѣна труда обыкновенно ниже въ бѣдныхъ странахъ, гдѣ продукты земли и вообще хлѣбъ—дешевле; но въ дѣйствительности реальная цѣна тамъ по большей части выше, нежели въ другихъ странахъ. Такъ какъ реальную цѣну труда составляетъ не та плата, которую платятъ поденно рабочему, хотя она есть его кажущаяся цѣна. Реальная цѣна есть та, въ которую дѣйствительно обходится предпринимателю извѣстное количество произведенной работы и, съ этой точки зрѣнія, трудъ почти во всѣхъ случаяхъ дешевле въ богатыхъ странахъ, нежели въ болѣе бѣдныхъ, хотя цѣна хлѣба и другихъ жизненныхъ потребностей обыкновенно въ послѣднихъ ниже, чѣмъ въ первыхъ.... Трудъ оцѣнивается поденно въ Шотландіи гораздо ниже, нежели въ Англіи... Поштучная работа обыкновенно дешевле въ Англіи»... (James Anderson: «Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc. Edinb. 1777», p. 350, 351). Наоборотъ, низкая заработная плата сопровождается, съ своей стороны, дороговизной труда. «Трудъ въ Ирландіи дороже чѣмъ въ Англіи... вслѣдствіе того, что заработная плата тамъ настолько-же ниже». (№ 2079; in Royal Commission on Railways. Minutes 1867).

Въ Саксоніи на каждую фабрику приходится среднимъ числомъ 4,500 веретенъ.

Въ Бельгіи на каждую фабрику приходится среднимъ числомъ 4,000 веретенъ.

Во Франціи на каждую фабрику приходится среднимъ числомъ 1,500 веретенъ.

Въ Пруссіи на каждую фабрику приходится среднимъ числомъ 1,500 веретенъ.

Среднее число веретенъ, приходящееся на каждаго работника.

Во Франціи	на кажд.	рабоч.	приход.	14	верет.
Въ Россіи	»	»	»	28	»
Въ Пруссіи	»	»	»	37	»
Въ Баваріи	»	»	»	46	»
Въ Австріи	»	»	»	49	»
Въ Бельгіи	»	»	»	50	»
Въ Саксоніи	»	»	»	50	»
Въ мелкихъ нѣмецк. государ.	»	»	»	55	»
Въ Швейцаріи	»	»	»	55	»
Въ Великобританіи		»	»	74	»

«Это сравненіе», говоритъ г. Redgrave, «между прочимъ, особенно неблагопріятно для Англіи потому, что тамъ есть очень много фабрикъ, гдѣ машинное тканье соединено съ пряденьемъ, между тѣмъ какъ при вычисленіи берутся также въ расчетъ рабочіе при ткацкихъ станкахъ. Наоборотъ, заграничныя-же фабрики, — обыкновенно простыя прядильни. Если-бы мы имѣли возможность сравнить равное съ равнымъ, то я могъ-бы насчитать въ моемъ округѣ много бумаго-прядиленъ, на которыхъ за mules съ 2,200 веретенами наблюдаетъ только одинъ человѣкъ (minder) съ двумя подручными, при чемъ ежедневно производится 220 ф. пряжи, длиной въ 400 (англійск.) миль». («Reports of Inspectors of Factories 31-st October 1866», p. 31 — 37 passim).

Извѣстно, что въ восточной Европѣ, точно также какъ и въ Азіи, англійскія акціонерныя общества взяли на себя постройку желѣзныхъ дорогъ, причемъ рядомъ съ мѣстными рабочими на работы употребляется извѣстное число англійскихъ рабочихъ. По необходимости имъ пришлось брать въ расчетъ національную разницу напряженности труда, но это имъ не причинило никакого убытка. Ихъ опытъ показываетъ, что если величина рабочей платы болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ средней напряженности труда, то относительная цѣна труда измѣняется вообще въ противоположномъ направленіи.

Въ «Очеркѣ нормы рабочей платы»[67]), одномъ изъ своихъ первыхъ экономическихъ сочиненій, H. Carey силится доказать, что рабочія платы у разныхъ народовъ находятся въ прямомъ отношеніи къ степени производительности національнаго рабочаго дня, для того чтобы изъ этого международнаго отношенія сдѣлать выводъ, что рабочая плата вообще повышается и понижается, сообразно производительности труда. Весь нашъ анализъ производства прибавочной стоимости доказываетъ нелѣпость этого заключенія, даже если-бы Carey доказалъ свои посылки, вмѣсто того чтобы, по своему обыкновенію набрасывать, какъ попало, въ одну кучу статистическіе матеріалы, собранные поверхностно и безъ всякой критики. Хорошо еще то, что онъ не утверждаетъ, будто вещи дѣйствительно происходятъ такъ, какъ, по его теоріи, должны происходить. Именно, вмѣшательство государства перепутало естественныя экономическія отношенія. Поэтому, національную рабочую плату, слѣдуетъ такъ вычислять, будто та часть, которая падаетъ на долю государства въ видѣ налога, приходится на долю самого рабочаго. Не додумается-ли господинъ Carey до того что эти «государственные расходы» такіе-же «естественные» плоды капиталистическаго развитія? Это разсужденіе вполнѣ достойно человѣка, считающаго капиталистическія отношенія производства вѣчными законами природы и ума, свободная гармоническая игра которыхъ нарушается только государственнымъ вмѣшательствомъ, и который вслѣдъ за этимъ открываетъ, что дьявольское вліяніе Англіи на всемірный рынокъ,— вліяніе, какъ будто происходящее не по естественнымъ законамъ капиталистическаго производства,—вызываетъ по необходимости государственное вмѣшательство, т.-е. охраненіе государствомъ этихъ природныхъ и умственныхъ законовъ, иначе говоря,—протекціонную систему. Далѣе, онъ открылъ, что теоремы Рикардо и другихъ, въ которыхъ формулированы существующія общественныя противорѣчія, не составляютъ идеальнаго продукта истиннаго экономическаго движенія; но что, наоборотъ, дѣйствительныя противорѣчія капиталистическаго производства въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, являются результатами теорій Рикардо и другихъ! Онъ, наконецъ, открылъ, что торговля, въ концѣ концовъ, уничтожаетъ красоту и гармонію капиталистическаго производства. Еще одинъ шагъ, и онъ, можетъ быть, открылъ-бы, что единственное зло капиталистическаго производства есть самъ капиталъ. Только человѣкъ съ такимъ поразительнымъ отсутствіемъ критической способности и такою низкопробною ученостью заслуживалъ того, чтобы несмотря даже на свое протекціонное еретичество, сдѣлаться сокровеннымъ источникомъ гармонической мудрости Бастіа и всѣхъ другихъ современныхъ оптимистовъ-приверженцевъ свободной торговли.

[67]) «Essay on the Rate of Wages: with an Examination of the Causes of the Differences in the Conditions of the Labouring Population throughout the World. Philadelphia 1865».

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Накопленіе капитала.

Превращеніе суммы денегъ въ средства производства и въ рабочую силу, есть первый шагъ, который дѣлаетъ стоимость, предназначенная дѣйствовать какъ капиталъ. Она идетъ на рынокъ, въ сферу обращенія. Второй шагъ — процессъ производства—заканчивается, какъ только средства производства будутъ превращены въ товаръ, стоимость котораго превышаетъ стоимость его составныхъ частей, слѣдовательно, когда въ ней будетъ заключаться стоимость первоначально затраченнаго капитала плюсъ прибавочная стоимость. Затѣмъ этотъ товаръ долженъ быть внесенъ въ обращеніе. Онъ долженъ быть проданъ, стоимость его должна быть превращена въ деньги, деньги эти слѣдуетъ снова обратить въ капиталъ и т. д.

Первое условіе накопленія состоитъ въ томъ, чтобы капиталисту удалось продать свой товаръ и обратить въ капиталъ бо́льшую часть вырученныхъ денегъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ предполагать, что капиталъ обращается нормально. Подробный анализъ этого движенія читатель найдетъ во второй книгѣ.

Капиталистъ, который производитъ прибавочную стоимость, т.-е. извлекаетъ непосредственно изъ рабочихъ неоплаченный трудъ и закрѣпляетъ его въ товарѣ, хотя и есть первое лицо, присвоивающее себѣ прибавочную стоимость, но отнюдь не послѣдній собственникъ ея. Ему приходиться подѣлиться ею съ капиталистами, совершающими другія отправленія общественнаго производства, съ землевладѣльцемъ и т. п. Поэтому, прибавочная стоимость раздробляется на различныя части. Кусочки ея попадаютъ различнымъ категоріямъ лицъ, и принимаютъ различныя формы одна отъ другой независимыя, какъ, напримѣръ, предпринимательной прибыли, процента, торговой прибыли, поземельной ренты и т. д. Эти видоизмѣненныя формы прибавочной стоимости могутъ быть изслѣдованы только въ третьей книгѣ.

Стало-быть, съ одной стороны, мы предполагаемъ, что капиталистъ, который производитъ товаръ, продаетъ его по его стоимости, не останавливаясь дольше ни на новыхъ формахъ, которыя капиталъ пріобрѣтаетъ въ сферѣ обращенія, ни на скрытыхъ въ нихъ конкретныхъ условіяхъ воспроизводства. Съ другой стороны, мы предполагаемъ капиталистическаго производителя собственникомъ всей прибавочной стоимости или, если угодно, представителемъ всѣхъ своихъ соучастниковъ въ добычѣ. Мы, слѣдовательно, сперва разсмотримъ накопленіе абстрактно, т.-е. просто какъ моментъ непосредственнаго процесса производства.

Поскольку происходитъ накопленіе, нужно, чтобы капиталисту удалось продать изготовленные товары и превратить обратно вырученныя за нихъ деньги въ капиталъ. Кромѣ того, раздробленіе прибавочной стоимости на различныя части нисколько не измѣняетъ ни ея природы, ни тѣхъ условій, при которыхъ она является элементомъ накопленія. Какую-бы долю прибавочной стоимости промышленный капиталистъ ни оставлялъ себѣ, какую-бы онъ ни отдавалъ другимъ, она, во всякомъ случаѣ, прежде всего попадаетъ въ его руки. Мы, слѣдовательно, предполагаемъ только то, что происходитъ въ дѣйствительности. Раздѣленіе прибавочной стоимости на различныя части, которыя принимаютъ различныя формы, и посредствующее движеніе обращенія затемняютъ, съ другой стороны, простую основную форму процесса накопленія. Поэтому, чистый анализъ его нуждается въ томъ, чтобы мы на время оставили въ сторонѣ всѣ явленія, скрывающія внутреннее движеніе его механизма и изучили накопленіе съ точки зрѣнія производства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Простое воспроизводство.

Процессъ производства долженъ быть непрерывенъ, или періодически проходить вновь тѣ-же стадіи, какова-бы ни была его общественная форма. Какъ общество не можетъ перестать потреблять, такъ точно оно не можетъ перестать производить. Каждый общественный процессъ производства, если на него смотрѣть какъ на нѣчто цѣлое и непрерывно возобновляющееся, является, поэтому, въ то-же время процессомъ воспроизводства.

Условія производства суть въ то-же время и условія воспроизводства. Никакое общество не можетъ непрерывно производить, т.-е. воспроизводить, не обращая въ то-же время постоянно части своего продукта въ средства производства или въ элементы новаго производства. При прочихъ постоянныхъ условіяхъ оно можетъ воспроизвести свое богатство, или сохранить его въ прежнихъ размѣрахъ, замѣняя натурою израсходованныя въ продолженіе напримѣръ года средства производства, т.-е. рабочія орудія, сырой матеріалъ и вспомогательныя вещества, тѣмъ-же количествомъ новыхъ экземпляровъ, которые должны быть выдѣлены изъ всего количества годового продукта и вложены снова въ процессъ производства. Слѣдовательно, опредѣленное количество годичнаго продукта составляетъ собственность производства. Предназначенный съ самаго начала на производительное потребленіе, продуктъ этотъ находится большею частью въ такой формѣ, въ которой онъ совсѣмъ не годится для личнаго потребленія.

Если форма производства капиталистическая, то и воспроизводство капиталистическое. Какъ въ капиталистическомъ способѣ производства процессъ труда есть только средство процесса самоувеличенія стоимости капитала, точно также и воспроизводство является только средствомъ воспроизвести затраченную стоимость въ видѣ капитала, т.-е. въ видѣ стоимости, сохраняющейся и способной возрастать. Извѣстная личность до тѣхъ поръ сохраняетъ экономическій характеръ капиталиста, пока ея деньги продолжаютъ играть роль капитала. Если, напримѣръ, затраченная сумма денегъ во 100 ф. стерл., обращенная въ капиталъ, принесла въ нынѣшнемъ году прибавочную стоимость въ 20 ф. стерл., то на слѣдующій годъ и т. д. должно повториться то-же самое. Какъ періодическое наростаніе стоимости капитала или періодическій плодъ капитала, находящагося въ дѣйствіи, прибавочная стоимость получаетъ форму дохода, происходящаго отъ капитала [1]).

Если этотъ доходъ является для капиталиста фондомъ потребленія, или если онъ столь-же періодически потребляется, какъ получается, то, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, происходитъ только простое воспроизводство. И хотя послѣднее есть только простое повтореніе процесса производства въ прежнемъ размѣрѣ, но простое повтореніе или продолженіе процесса придаетъ ему извѣстное новое свойство или, вѣрнѣе, уничтожаетъ кажущееся его свойство, какъ акта единичнаго, не непрерывнаго.

Процессъ производства начинается актомъ покупки рабочей силы на опредѣленный срокъ; и этотъ актъ постоянно возобновляется, по мѣрѣ того какъ приходитъ срокъ, на который покупается трудъ, а слѣдовательно опредѣленный періодъ производства, недѣля, мѣсяцъ и т. д. Рабочему-же платится только тогда, когда его рабочая сила уже потрачена и дала въ товарѣ не только свою собственную, но и прибавочную стоимость. Онъ, слѣдовательно, производитъ нетолько прибавочную стоимость, на которую мы въ настоящее время смотримъ только какъ на фондъ для личнаго потребленія капиталиста, но и тотъ фондъ, который идетъ на уплату ему самому.—перемѣнный капиталъ,—прежде чѣмъ послѣдній возвращается къ нему въ формѣ рабочей платы; и его употребляютъ на работу только до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ воспроизводить этотъ фондъ. Отсюда является упомянутая въ шестнадцатой главѣ II формула экономистовъ, которая представляетъ рабочую плату, какъ часть самого продукта [2]) .То, что

[1]) «Богатые, потребляющіе продукты труда другихъ, могутъ получать ихъ только при помощи акта обмѣна (покупки товаровъ). Если-же въ обмѣнъ на эти новые продукты, предметы ихъ желаній, они станутъ отдавать свое пріобрѣтенное и накопленное богатство, то какъ будто они вскорѣ истощатъ весь свой запасный фондъ; они, мы сказали, вовсе не работаютъ, они даже и не могутъ работать; поэтому можно было-бы подумать, что прежнее ихъ богатство съ каждымъ днемъ уменьшается, и что когда отъ него не останется ничего, рабочимъ, которые исключительно работаютъ на нихъ, уже ничего не можетъ быть предложено взамѣнъ.... Но въ общественномъ порядкѣ богатство получило способность воспроизводиться помощью чужого труда безъ того, чтобы собственникъ этого богатства принималъ въ немъ участіе. Богатство, какъ и трудъ, и посредствомъ труда, приноситъ ежегодно плоды, которые могутъ быть ежегодно уничтожаемы, не дѣлая этимъ богатыхъ бѣднѣе. Плодъ — это доходъ, порождаемый капиталомъ». (Sismondi: «Nouv. Princ. de l'Econ. Politique» t. I, p. 81, 82).

[2]) «На рабочую плату, какъ и на прибыль нужно смотрѣть, какъ на дѣйствительныя части оконченнаго продукта» (Ramsay l. c. p. 142). «Доля продукта, которая приходится рабочему въ формѣ рабочей платы»... (J. Mill: «Elements etc. переводъ Parissot. Paris 1823», p. 34).

возвращается рабочему въ формѣ рабочей платы, часть всего продукта, постоянно воспроизводимаго имъ самимъ. Капиталистъ, правда, платитъ ему деньгами, но эти деньги есть только превращенная форма продукта труда или скорѣе части продукта труда. Въ то время какъ рабочій обращаетъ часть средствъ производства въ продуктъ, часть его прежняго продукта обратно превращается въ деньги. Его трудъ послѣдняго полугодія или трудъ текущей недѣли оплачивается трудомъ прошлаго полугодія или трудомъ прошлой недѣли. Иллюзія, производимая вмѣшательствомъ денегъ, пропадаетъ, какъ только вмѣсто отдѣльнаго рабочаго, мы возьмемъ классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Классъ капиталистовъ даетъ непрерывно рабочему классу ассигновки въ видѣ денегъ на полученіе части продукта, которую произвелъ послѣдній, но присвоилъ первый. Эти ассигновки рабочій классъ столь-же непрерывно возвращаетъ классу капиталистовъ и получаетъ, такимъ путемъ, свою долю въ собственномъ продуктѣ. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируетъ сдѣлку.

Перемѣнный капиталъ есть, слѣдовательно, особенная историческая форма проявленія фонда средствъ существованія или рабочаго фонда, который нуженъ рабочему для его поддержанія и воспроизведенія, и который, каковъ-бы ни былъ строй общественнаго производства, всегда производится и воспроизводится имъ самимъ. Рабочій фондъ постоянно приливаетъ къ нему въ формѣ платежныхъ средствъ за его трудъ, потому что его собственный продуктъ постоянно уходитъ отъ него въ формѣ капитала. Но это нисколько не измѣняетъ того факта, что капиталистъ ссужаетъ рабочаго его-же собственнымъ овеществленнымъ трудомъ [3]). Возьмемъ крѣпостного крестьянина. Онъ работаетъ своими собственными средствами производства, на своемъ собственомъ полѣ, скажемъ 3 дня въ недѣлю. Три остальные дня онъ отбываетъ барщину на господской землѣ. Онъ постоянно воспроизводитъ свой собственный рабочій фондъ, и этотъ послѣдній по отношенію къ нему, никогда не принимаетъ формы платежнаго средства, ссужаемаго ему за его трудъ третьимъ лицомъ. И взамѣнъ этого, его принудительный неоплаченный трудъ никогда не принимаетъ формы добровольнаго и оплаченнаго труда. Если въ одинъ прекрасный день помѣщикъ присвоитъ себѣ рабочій скотъ, сѣмена, словомъ средства производства крѣпостного крестьянина, то послѣднему только и остается, что продавать помѣщику свою рабочую силу. При остальныхъ равныхъ условіяхъ онъ будетъ попрежнему работать 6 дней въ недѣлю, 3 дня на себя и три дня на ех-помѣщика, который теперь преобразился въ хозяина нанимателя. Теперь какъ и раньше, онъ будетъ пользоваться средствами производства, какъ средствами производства и переносить ихъ стоимость на продуктъ. Опредѣленная часть продукта, по прежнему, пойдетъ на воспроизводство. Но какъ крѣпостной трудъ принимаетъ форму труда наемнаго, такъ и рабочій фондъ производимый и воспроизводимый крѣпостнымъ, принимаетъ форму капитала, ссужаемаго въ видѣ рабочей платы ех-помѣщикомъ. Буржуазные экономисты, ограниченный мозгъ которыхъ не въ силахъ отдѣлить формы проявленія отъ того, что въ ней проявляется, закрываютъ глаза на тотъ фактъ, что даже теперь на земномъ шарѣ рабочій фондъ проявляется въ формѣ капитала только въ исключительныхъ случаяхъ [4]).

Конечно, перемѣнный капиталъ только тогда теряетъ смыслъ стоимости, данной въ займы изъ собственнаго фонда капиталиста [4а]), когда мы станемъ разсматривать капиталистическій процессъ производства, какъ непрерывное возобновленіе его. Но процессъ этотъ долженъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь начаться. Поэтому, съ той точки зрѣнія, съ которой мы смотрѣли до сихъ поръ, вѣроятно, что капиталистъ когда-то, и посредствомъ какого-то предварительнаго накопленія, независимаго отъ неоплаченнаго чужого труда, сталъ собственникомъ денегъ и поэтому могъ притти на рынокъ, какъ покупатель рабочей силы. Между тѣмъ простая непрерывность капиталистическаго процесса производства, или простое воспроизведеніе, вызвали другое странное измѣненіе, которое охватило не только перемѣнную часть капитала, но и весь капиталъ.

Если на капиталъ въ 1,000 ф. ст. прибавочная стоимость достигаетъ періодически, напримѣръ ежегодно, до 200 ф. ст., и если эта прибавочная стоимость расходуется ежегодно, то очевидно, что сумма потребленной прибавочной стоимости, вслѣдствіе пятилѣтняго повторенія того-же процесса будетъ=5+200 или равна первоначальной стоимости затраченнаго капитала въ 1,000 ф. ст. Если годичная прибавочная стоимость потребляется только частью, напримѣръ только половина, подобный-же результатъ получается черезъ 10-ть лѣтъ, такъ какъ 100+10=1,000. Вообще, стоимость затраченнаго ка-

[3]) «Когда капиталъ употребляется на ссуду рабочимъ въ видѣ ихъ рабочей платы, то онъ не прибавляетъ ничего къ фонду для поддержки труда». (Cazenove въ примѣчаніи къ своему изданію Мальтуса: «Definitions in Polit. Econ. London 1853», p. 22).

[4]) «Даже и на четвертой части земной поверхности средства существованія рабочихъ не ссужаются имъ капиталистами». (Richard Jones: «Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations». Hertford 1852, p. 16).

[4а]) Хотя фабричный (т.-е. фабричный рабочій) получаетъ свою зарабочую плату отъ хозяина, но въ сущности онъ ему ничего не стоитъ; стоимость этой зарабочей платы, вмѣстѣ съ прибылью, всегда приберегается въ увеличенной цѣнности того продукта, на который потраченъ трудъ рабочаго. (A. Smith l. c. Book II ch. III, p. 311)

питала раздѣленная на ежегодно потребляемую прибавочную стоимость даетъ число лѣтъ или число періодовъ воспроизводства, по прошествіи которыхъ первоначальная стоимость затраченнаго капитала потребилась капиталистомъ, а слѣдовательно исчезла. Представленіе капиталиста, что онъ потребляетъ продуктъ чужого неоплаченнаго труда прибавочную стоимость и сохраняетъ первоначальную стоимость капитала, нисколько не измѣняетъ факта. По истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, стоимость капитала, которымъ онъ владѣетъ, равняется суммѣ, присвоенной въ продолженіе этого-же времени, прибавочной стоимости, а потребленная имъ стоимость равна первоначальной стоимости капитала. Правда, у него въ рукахъ капиталъ, величина котораго осталась прежнею, и часть котораго,—строенія, машины и т. д.,—находится тамъ-же гдѣ была въ то время, какъ начались работы на его фабрикѣ. Но здѣсь дѣло идетъ не о матеріальныхъ элементахъ этого капитала, а его стоимости. Если кто-нибудь проживетъ свою собственность, надѣлавъ долговъ на такую сумму, которую эта собственность стоитъ, то, очевидно, что его собственность не представляетъ собою чего-либо иного, какъ только всю сумму его долговъ. Точно также и капиталистъ, если онъ проживетъ стоимость, равную суммѣ первоначально затраченнаго имъ капитала, то стоимость его теперешняго капитала не представляетъ собою чего-либо иного, какъ только всю сумму захваченной имъ прибавочной стоимости. Ни одного автома стоимости не осталось отъ прежняго его капитала..

Слѣдовательно, совершенно независимо отъ какого-бы то ни было накопленія, простая непрерывность процесса производства, или простое воспроизводство, непремѣнно превращаетъ, чрезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, каждый капиталъ въ капиталъ накопленный или въ капитализованную прибавочную стоимость. Даже если до его вступленія въ процессъ производства капиталъ былъ-бы собственностью, лично заработанною владѣльцемъ его, то рано или поздно онъ становится стоимостью, присвояемою безъ эквивалента или овеществленіемъ, въ денежной или иной формѣ, неоплаченнаго чужого труда.

Въ четвертой главѣ мы видѣли, что для превращенія денегъ въ капиталъ необходимо нѣчто большее, а не одно только производство и обращеніе товаровъ. На товарномъ рынкѣ должны были стоять другъ противъ друга, какъ покупатель и продавецъ, владѣлецъ стоимостей или денегъ и собственникъ силы, создающей стоимость, владѣлецъ средствъ существованія и владѣлецъ рабочей силы. Слѣдовательно, фактически отдѣленіе продукта труда отъ самого труда, объективныхъ условій производства отъ субъективной рабочей силы, было реальнымъ основаніемъ и исходной точкой капиталистическаго процесса производства. Но, благодаря простому воспроизводству, то, что было сперва исходной точкой, становится, затѣмъ, постоянно возобновляющимся результатомъ.

Съ одной стороны, процессъ производства непрерывно превращаетъ матеріальное богатство въ капиталъ, въ средство созиданія новаго богатства и наслажденія для капиталиста. Съ другой стороны, рабочій выходитъ постоянно изъ этого процесса точно такимъ-же, какъ вступилъ въ него, источникомъ этого богатства, но лишеннымъ средствъ пользоваться имъ. Такъ какъ его собственный трудъ отчужденъ имъ продажею его рабочей силы, присвоенъ капиталистомъ и присоединенъ къ капиталу прежде вступленія его самого въ процессъ, то трудъ этотъ въ продолженіе процесса постоянно овеществляется въ продуктѣ, который принадлежитъ не ему. Такъ какъ процессъ производства есть одновременно и процессъ потребленія рабочей силы капиталистомъ, то продуктъ рабочаго превращается непрерывно не только въ товаръ, но и въ капиталъ, — въ стоимость, высасывающую силу, ее созидающую, въ средства существованія, покупающія личность рабочаго, въ средства производства, порабощающія себѣ производителей [5]). Рабочій поэтому самъ постоянно производитъ матеріальное объективное богатство, но въ видѣ капитала, въ видѣ чужой силы, властвующей надъ нимъ и эксплуатирующей его; капиталистъ-же, съ своей стороны, также постоянно производитъ рабочую силу, какъ субъективный источникъ богатства, отдѣленный отъ тѣхъ средствъ, въ которыхъ и посредствомъ которыхъ она только и можетъ быть овеществлена, словомъ производитъ рабочаго въ видѣ наемнаго рабочаго [6]). Это постоянное воспроизведеніе или увѣковѣченіе рабочаго въ видѣ наемнаго рабочаго является sine qua non капиталистическаго производства.

Потребленіе рабочаго есть двоякаго рода. Въ актѣ производства онъ потребляетъ своимъ трудомъ средства производства, съ тѣмъ что бы превратить ихъ въ продуктъ высшей стоимости, сравнительно съ затраченнымъ капиталомъ. Это его

---

[5]) «Это особенно замѣчательное свойство производительнаго потребленія. То, что производительно потребляется, есть капиталъ и дѣлается капиталомъ посредствомъ потребленія». (James Mill l. c. p. 242). Однако, J. Mill недогадался объ этомъ «особенно замѣчательномъ свойствѣ».

[6]) «Конечно справедливо, что первоначальное введеніе мануфактурнаго производства даетъ занятіе многимъ бѣднымъ, но они и остаются такими, развитіе-же его увеличиваетъ ихъ». («Reasons for a limited Exportation of Wool. London 1677», p. 19). «Теперь фермеры неправильно утверждаютъ, что они содержатъ бѣдныхъ. Ихъ дѣйствительно держатъ въ нищетѣ». («They are indeed kept in misery»). («Reasons for the late increase of the Poor Rates: or a comparative view of the prices of Labour and Provisions. London 1777», p. 37).

производительное потребленіе является одновременно и потребленіемъ рабочей силы капиталистомъ, которому она принадлежитъ, такъ какъ онъ купилъ ее. Съ другой стороны, рабочій, продавшій свою рабочую силу, тратитъ полученныя за нее деньги на средства своего существованія: это его личное потребленіе. Стало быть производительное потребленіе рабочаго и его личное потребленіе совершенно различны. При производительномъ потребленіи онъ дѣйствуетъ какъ двигательная сила капитала, и составляетъ собственность капиталиста: при личномъ потребленіи онъ принадлежитъ самому себѣ и выполняетъ необходимыя жизненныя отправленія внѣ процесса производства. Результатъ перваго—существованіе капиталиста; результатъ втораго—существованіе самого рабочаго.

При изслѣдованіи «рабочаго дня» и т. п., намъ приходилось указывать, что рабочій нерѣдко бываетъ принужденъ обращать свое индивидуальное потребленіе въ простой моментъ процесса производства. Въ такомъ случаѣ онъ даетъ себѣ средства существованія, чтобы поддерживать свою рабочую силу, точно такъ, какъ паровой машинѣ даютъ уголь и воду, а колесамъ—масло. Тогда его средства потребленія дѣлаются простыми средствами потребленія средствъ производства; его индивидуальное потребленіе — прямымъ производительнымъ потребленіемъ. Однако это представляется злоупотребленіемъ, которое не составляетъ необходимой принадлежности капиталистическаго процесса производства [7]).

Дѣло принимаетъ, однако, совершенно другой видъ, если мы будемъ разсматривать не отдѣльнаго капиталиста и не отдѣльнаго рабочаго, а классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ, и не какой-нибудь отдѣльный процессъ производства товара, а капиталистическое производство въ его цѣломъ, въ его непрерывномъ возобновленіи и въ его общественныхъ размѣрахъ. Превращеніемъ части своего капитала въ рабочую силу капиталистъ увеличиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоимость своего капитала. Но это еще не все. Однимъ ударомъ онъ убиваетъ двухъ зайцевъ. Онъ пользуется выгодой не только отъ того, что̀ получаетъ отъ рабочаго, но также и отъ того, что ему даетъ. Капиталъ, отданный въ обмѣнъ на рабочую силу, превращается въ средства существованія, благодаря потребленію которыхъ воспроизводятся мускулы, нервы, кости, мозгъ уже существующихъ рабочихъ и родятся новые рабочіе. Въ предѣлахъ крайнѣ необходимаго, личное потребленіе рабочаго класса есть, слѣдовательно превращеніе средствъ существованія, данныхъ капиталомъ въ обмѣнъ на рабочую силу, опять-таки въ новую рабочую силу, въ новый предметъ эксплуатаціи капитала. Это есть производство и воспроизводство орудія наиболѣе необходимаго для капиталиста, то есть самого рабочаго. Личное потребленіе рабочаго, совершается-ли оно въ самой мастерской или на фабрикѣ, или внѣ ея, составляетъ, стало быть, элементъ производства и воспроизводства капитала; точно также, какъ чистка машины, все равно, производится-ли она во время самой работы, или во время перерывовъ ея. Дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что рабочій потребляетъ средства своего существованія для удовлетворенія себя, а не капиталиста. Вѣдь потребленіе пищи вьючными животными или рабочимъ скотомъ не перестаетъ быть необходимымъ факторомъ въ процессѣ земледѣльческаго производства только по тому, что животное наслаждается тѣмъ, что ѣстъ. Поддержаніе и воспроизведеніе рабочаго класса есть и всегда останется необходимымъ условіемъ воспроизведенія капитала. Но капиталистъ можетъ смѣло предоставить соблюденіе его инстинкту самосохраненія и размноженія рабочаго. Вся забота капиталиста ограничивается тѣмъ, чтобы по возможности сократить потребленіе рабочаго до самаго необходимаго, и онъ далекъ отъ того, чтобы подражать грубымъ южноамериканцамъ, которые заставляютъ рабочаго ѣсть пищу наиболѣе питательную [8]).

Поэтому капиталистъ и его идеологическій представитель, экономистъ, считаютъ производительною только ту часть инвивидуальнаго потребленія рабочаго, которая необходима для увѣковѣченія рабочаго класса, а слѣдовательно, которая дѣйствительно должна быть потреблена, чтобы капиталъ имѣлъ возможность потреблять рабочую силу; то-же, что рабочій, сверхъ того, можетъ израсходовать ради собственнаго удовольствія, есть потребленіе непроизводительное [9]). Если-бы накопленіе капитала вызвало повышеніе рабочей платы, а слѣдовательно увеличеніе средствъ потребленія рабочаго, причемъ капиталъ не потребилъ-бы соотвѣтственно большаго количества рабочей силы, то добавочный капиталъ израсходовался-бы непроизводительно [10]). Дѣй-

---

[7]) Rossi не былъ-бы такимъ энергическимъ защитникомъ этого пункта, если-бы дѣйствительно постигъ тайну «productive consumption».

[8]) «Южно-американскіе горнорабочіе,—ежедневная работа которыхъ (вѣроятно труднѣйшая на всемъ свѣтѣ) состоитъ въ томъ, чтобы вытаскивать на своихъ плечахъ грузъ руды вѣсомъ отъ 180 до 200 фунтовъ, изъ глубины 450 футовъ,—ѣдятъ только хлѣбъ и бобы, но они предпочитаютъ ѣсть только одинъ хлѣбъ; однако ихъ хозяева нашли, что, питаясь однимъ хлѣбомъ они не могутъ такъ сильно работать, а потому заставляютъ ихъ, какъ лошадей, ѣсть также бобы; бобы-же въ сравненіи съ хлѣбомъ богаче костяной золой (фосфорно-кислой известью)». (Liebig l. c. Theil p. 194. Note).

[9]) James Mill, l. c. p. 238 sqq.

[10]) «Если рабочая плата подымается такъ высоко, что, несмотря на возрастаніе капитала, не можетъ быть употреблено болѣе труда, то я скажу, что этотъ приросшій капиталъ все-таки

ствительно, личное потребленіе рабочаго для него самого непроизводительно, такъ какъ оно воспроизводитъ только требуемаго индивидуума: оно производительно для капиталиста и для государства, такъ какъ оно создаетъ силу, созидающую ихъ богатство [11]).

Итакъ, съ общественной точки зрѣнія, рабочій классъ и внѣ непосредственнаго рабочаго процесса есть такая-же принадлежность капитала, какъ и мертвые рабочіе инструменты. Въ извѣстныхъ предѣлахъ, даже индивидуальное потребленіе его есть только моментъ процесса производства. Но уже самый процессъ заботится, чтобы сознательныя орудія производства не ускользали изъ рукъ капитала, такъ какъ онъ постоянно удаляетъ отъ нихъ ихъ продуктъ, передавая его капиталу. Личное потребленіе заботится объ ихъ собственномъ сохраненіи и воспроизведеніи, а уничтоженіе средствъ существованія постоянно обезпечиваетъ появленіе ихъ вновь на рабочемъ рынкѣ. Римскій рабъ былъ прикованъ цѣпями; наемнаго-же рабочаго связываютъ съ его хозяиномъ невидимыя нити. Призракъ его независимости поддерживается постоянной перемѣной хозяевъ-нанимателей и юридической фикціей договора.

Прежде капиталистъ тамъ, гдѣ онъ считалъ это ему нужнымъ, осуществлялъ свое право собственности на свободнаго рабочаго принудительнымъ закономъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи до 1815 года было запрещено машинистамъ, подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній, переселеніе въ другія страны.

Воспроизведеніе рабочаго класса подразумѣваетъ, въ то-же время, передачу накопленнаго искусства одного поколѣнія другому [12]). До какой степени капиталистъ считаетъ существованіе подобнаго класса искусныхъ рабочихъ однимъ изъ факторовъ производства, принадлежащаго ему по праву, и до какой степени дѣйствительно смотритъ на него, какъ на реальное проявленіе своего перемѣннаго капитала, — можно наблюдать въ то время, когда какой-нибудь кризисъ угрожаетъ потерей этого класса. Извѣстно, что вслѣдствіе американской гражданской войны и сопровождавшаго ее недостатка хлопка, большая часть рабочихъ съ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ Ланкашира и другихъ мѣстъ была выброшена на улицу. Изъ среды самого рабочаго класса, точно также какъ и изъ другихъ общественныхъ слоевъ, раздались крики, требующіе государственной помощи или національной подписки, чтобы облегчить «избытку рабочихъ» переселеніе въ англійскія колоніи или въ Соединенные Штаты. Тогда «Times» (24 марта 1863 г.) напечаталъ письмо Edmund Potter'а, бывшаго президента Манчестерской Торговой Палаты. Это письмо въ Нижнемъ Парламентѣ совершенно справедливо было названо «манифестомъ фабрикантовъ» [13]). Мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя характерныя мѣста, въ которыхъ безъ прикрасъ выражается право собственности капитала на рабочую силу.

«Рабочимъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ можно сказать, что предложеніе ихъ труда слишкомъ велико... Число ихъ должно быть сокращено на треть, и тогда только остальныя двѣ трети будутъ удовлетворены здравымъ запросомъ... Общественное мнѣніе требуетъ эмиграціи; хозяинъ (т.-е. хлопчатобумажный фабрикантъ) не можетъ смотрѣть равнодушно, что предложеніе труда для него исчезаетъ; онъ можетъ считать это, и несправедливымъ, и неправильнымъ... Но если эмиграція будетъ поддерживаться общественными средствами, онъ имѣетъ право требовать, чтобы его выслушали, и можетъ быть даже протестовать». Тотъ-же Поттеръ продолжаетъ далѣе, какъ полезна хлопчато-бумажная промышленность, какъ «она несомнѣнно отвлекаетъ излишнее населеніе изъ Ирландіи и изъ земледѣльческихъ округовъ Англіи», какъ громадны ея размѣры, какъ она въ 1860 году доставила $^5/_{13}$ всей вывозной торговли Англіи, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ она снова разовьется вслѣдствіе расширенія рынка, преимущественно Индіи, и вызоветъ обильный «ввозъ хлопка по 6 пенс. за ф.». Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Время — годъ, два, три, можетъ быть, произведетъ необходимое количество... Я тогда могу поставить вопросъ, стоитъ-ли промышленность поддержки, стоитъ-ли заботиться о сохраненіи механизма (дѣло идетъ о живомъ механизмѣ, т.-е. о рабочихъ), и не будетъ-ли величайшею глупостью думать о томъ, чтобы отказаться отъ него? Я думаю такъ. Я согласенъ, что рабочіе не составляютъ собственности («I allow that the workers are not a property»), ни собственности Ланкашира, ни хозяина,

---

потребляется не производительно». (Ricardo l. c. p. 163).

[11]) «Единственное производительное потребленіе въ тѣсномъ смыслѣ есть потребленіе или разрушеніе богатства (онъ подъ этимъ понимаетъ потребленіе средствъ производства) капиталистами, съ цѣлью воспроизводства.... Рабочій есть производительный потребитель для лица, которое ему даетъ работу и для государства, но строго говоря не для самого себя». (Malthus: «Definitions etc.» p. 30).

[12]) «Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накоплена и предварительно подготовлена, это искусство рабочихъ.... Накопленіе искуснаго труда, эта важнѣйшая операція по отношенію къ большей части рабочихъ, совершается безъ участія какого-бы то ни было капитала». (Hodgskin: «Labour Defended etc.» p. 13).

[13]) «That letter might be looked upon as the manifesto of manufacturers» (Ferrand: Motion относительно cotton famine. Засѣданіе палаты общинъ 27 апрѣля 1863 года).

но они—сила обоихъ; они составляютъ духовную и вышколенную силу, которую нельзя замѣстить въ одно поколѣніе; машины, же которыми они работаютъ («the mere machinery which they work»), могутъ быть большею частью съ выгодою замѣнены, даже улучшены въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ [14]). Что-же будетъ съ капиталистами, если поощрять или дозволятъ (!) эмиграцію рабочей силы? (Encourage and allow the working power to emigrate, and what of the capitalist?)... Если-же снять сливки рабочихъ, то и основной капиталъ въ значительной степени потеряетъ свою стоимость, а оборотный капиталъ не будетъ въ состояніи выдержать борьбы съ меньшимъ предложеніемъ труда низшаго качества... Намъ говорятъ: сами рабочіе хотятъ переселенія. Это желаніе ихъ весьма естественно... Пусть уменьшится, сократится хлопчато-бумажное дѣло отнятіемъ его рабочей силы («by taking away its working power»), уменьшеніемъ расходовъ на рабочую плату, скажемъ на $^1/_3$ или на 5 милліоновъ что тогда будетъ съ классомъ, непосредственно стоящимъ надъ нимъ, съ мелкими лавочниками? Что станетъ съ поземельной рентой, съ платой за наемъ коттэджей?... Что станетъ съ мелкимъ фермеромъ, лучшимъ домохозяиномъ, и... съ землевладѣльцемъ? Скажите, можетъ-ли быть другой болѣе самоубійственный планъ для всѣхъ классовъ страны, чѣмъ этотъ, ослабляющій націю вывозомъ ея лучшихъ фабричныхъ рабочихъ и лишеніемъ стоимости части ея производительнаго капитала и богатства?» «Я предлагаю заемъ въ 5 или 6 милліоновъ, распредѣленный на 2 или на 3 года, подъ управленіемъ спеціальныхъ коммиссаровъ, подчиненныхъ администраціи для бѣдныхъ хлопчато-бумажныхъ округовъ, на основаніи правилъ, установляемыхъ особымъ закономъ, съ извѣстнымъ обязательнымъ трудомъ, чтобы поддержать нравственное достоинство получающихъ ссуду... Можетъ-ли быть что нибудь хуже для землевладѣльца и для хозяина («can anything be worse for landowners or masters»), какъ отдать лучшихъ своихъ работниковъ, деморализовать и смутить остальныхъ широкой опустошительной эмиграціей, и лишить цѣлую провинцію цѣнностей и капитала?»

Potter, избранный защитникъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ, различаетъ два вида «машинъ», изъ нихъ каждый принадлежитъ капиталисту, но одинъ находится постоянно, на фабрикѣ, а другой ночи и воскресенья проживаетъ внѣ фабрикъ, въ коттэджахъ. Одни машины мертвыя, а другія живыя. Мертвыя машины ухудшаются и теряютъ свою стоимость не только съ каждымъ днемъ, но многіе изъ нихъ, вслѣдствіе постояннаго техническаго прогресса, скоро дѣлаются устарѣлыми, и могутъ быть съ выгодой замѣнены въ нѣсколько мѣсяцевъ новыми машинами. Живая-же машина, наоборотъ, чѣмъ дольше служитъ, тѣмъ болѣе улучшается, тѣмъ болѣе накопляется въ ней искусство, передаваемое однимъ поколѣніемъ другому. «Times» далъ фабричнымъ магнатамъ слѣдующій отвѣтъ.

«Господинъ E. Potter до такой степени убѣжденъ въ чрезвычайномъ и безусловномъ значеніи хлопчато-бумажныхъ хозяевъ, что для поддержки этого класса и увѣковѣченія этого званія хочетъ засадить полмилліона рабочихъ, противъ ихъ воли, въ громадный нравственный рабочій домъ (workhouse). Стоитъ-ли эта промышленность поддержки? вопрошаетъ господинъ Potter. Разумѣется, — всѣми добросовѣстными средствами! отвѣчаемъ мы. Стоитъ-ли заботиться о сохраненіи механизма? спрашиваетъ вновь господинъ Potter. Мы здѣсь приходимъ въ изумленіе. Подъ механизмомъ господинъ Potter разумѣетъ человѣческій механизмъ, такъ какъ онъ клянется, что не имѣетъ намѣренія обращаться съ нимъ какъ съ абсолютной собственностью. Мы должны сознаться, что считаемъ «не стоющимъ труда» и даже невозможнымъ поддерживать человѣческій механизмъ въ порядкѣ, т.-е. запирать его и смазывать масломъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не понадобится. Человѣческій механизмъ заржавѣетъ во время бездѣйствія, сколько-бы вы его ни смазывали и ни подчищали. Къ тому-же человѣческая машина, какъ мы видимъ при первомъ взглядѣ, обладаетъ свойствомъ самопроизвольно разводить пары и взрываться или неистовствовать въ нашихъ большихъ городахъ. Можетъ понадобиться нѣкоторое время, какъ говоритъ г. Potter, для воспроизведенія рабочаго, но имѣя подъ руками машинистовъ и деньги, мы во всякомъ случаѣ найдемъ дѣятельныхъ, сильныхъ рабочихъ, изъ которыхъ можемъ сдѣлать мастеровъ даже больше, чѣмъ намъ нужно. Господинъ Potter толкуетъ о возрожденіи промышленности чрезъ годъ, два, три, и требуетъ, что-бы мы не поощряли и даже не позволяли выселяться рабо-

[14]) Нужно припомнить, что тотъ-же капиталъ поетъ другую пѣсню при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы понизить рабочую плату. Тогда «хозяева» заявляютъ устами одного изъ своихъ представителей (см. 88 выноску въ четвертомъ отдѣлѣ стр. 488). «Фабричнымъ не слѣдуетъ никогда забывать, что трудъ ихъ, въ дѣйствительности, есть самый низшій родъ искуснаго труда; что ни одинъ трудъ такъ легко не усвоивается и ни одинъ такъ хорошо не оплачивается, сравнительно съ его качествомъ, что никакому труду нельзя научить въ болѣе короткое время и бо́льшее число даже совсѣмъ неопытныхъ лицъ. Хозяйскія машины (которыя, какъ мы слышимъ теперь, могутъ быть съ выгодою замѣнены лучшими въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ) дѣйствительно играютъ въ дѣлѣ производства, гораздо болѣе важную роль, чѣмъ трудъ и искусство рабочаго (который теперь и въ 30 лѣтъ не можетъ быть замѣненъ), которому въ 6 мѣсяцевъ можно научить каждаго простого рабочаго».

чей силѣ! Онъ говоритъ, что желаніе рабочихъ эмигрировать весьма естественно, но онъ полагаетъ, что наперекоръ ихъ желанію, нація должна запереть въ хлопчато-бумажные округи эти полмилліона рабочихъ вмѣстѣ съ тѣми 700,000, которые отъ нихъ зависятъ, и, какъ необходимое слѣдствіе, подавить силою ихъ неудовольствіе, а ихъ самихъ заставить жить милостынею; все это, въ виду того, что хлопчато-бумажному фабриканту они могутъ когда нибудь понадобиться... Пришла пора, когда великое общественное мнѣніе нашей страны обязано спасти «эту рабочую силу» отъ тѣхъ, кто хочетъ поступить съ ней, какъ обращаются съ углемъ, желѣзомъ, хлопкомъ («to save the working power from those who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton») [15].

Статья Times'а была только «игрою ума». «Великое общественное мнѣніе» въ дѣйствительности раздѣляло мнѣніе господина Potter'а, что фабричные рабочіе, это живой инвентарь фабрикъ. Переселенію ихъ помѣшали [16]). Ихъ самихъ засадили въ «нравственные рабочіе дома» хлопчато-бумажныхъ округовъ, и они по прежнему продолжаютъ составлять «силу (the strength) ланкаширскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ».

Капиталистическій процессъ производства, слѣдовательно, своимъ собственнымъ развитіемъ воспроизводитъ отдѣленіе рабочей силы отъ условій труда. Онъ этимъ воспроизводитъ и увѣковѣчиваетъ условія эксплуатаціи рабочаго. Онъ постоянно заставляетъ рабочаго продавать свою рабочую силу, что-бы жить, а капиталисту даетъ возможность покупать ее, что-бы наживаться [17]). Капиталистъ и рабочій встрѣчаютъ другъ друга на товарномъ рынкѣ, какъ покупатель и продавецъ, уже не случайно. Механизмъ самого процесса постоянно бросаетъ одного на товарный рынокъ, какъ продавца своей рабочей силы, постоянно обращая его-же собственный продуктъ въ средство, которымъ другое лицо можетъ купить его. Фактически рабочій принадлежитъ капиталу, прежде чѣмъ онъ продалъ себя капиталисту. Его экономическая зависимость [18]) въ одно и то-же время обусловливается и маскируется періодическимъ возобновленіемъ его само-продажи, перемѣною его индивидуальныхъ хозяевъ и колебаніемъ рыночной цѣны труда [19]).

Слѣдовательно, процессъ капиталистическаго производства, если его разсматривать какъ связное цѣлое или какъ процессъ воспроизводства, производитъ, не только товары, не только прибавочную стоимость, но производитъ и воспроизводитъ самыя капиталистическія отношенія, т.-е. съ одной стороны капиталистовъ, съ другой—наемныхъ рабочихъ [20]).

---

[15]) Times, 24 March 1863.

[16]) Парламентъ не утвердилъ ни одного фартинга для эмиграціи, но издалъ законъ, которымъ муниципалитеты получили возможность держать рабочаго въ проголодь, или эксплуатировать его, не платя однако нормальной платы. Когда-же, спустя три года, появился падежъ скота, парламентъ, грубо нарушивъ даже всѣ парламентскія приличія, быстро утвердилъ милліоны для вознагражденія убытковъ милліонеровъ лэндлордовъ, фермеры которыхъ при вздорожаніи мяса и безъ того были удовлетворены. Скотскій ревъ землевладѣльцевъ, при открытіи парламента 1866 года, доказалъ, что не надо быть индусомъ, чтобы поклоняться коровѣ Сабала, ни Юпитеромъ, чтобы обратиться въ вола.

[17]) «Рабочій требовалъ средствъ для существованія, хозяинъ требовалъ труда для полученія барыша» (Sismondi l. c. p. 91).

[18]) Мужицки грубую форму этой зависимости мы встрѣчаемъ въ Дэргамскомъ графствѣ. Это одно изъ немногихъ графствъ, гдѣ обстоятельства не безусловно обезпечиваютъ фермерамъ право собственности на батраковъ-поденщиковъ. Горный промыселъ позволяетъ послѣднимъ дѣлать выборъ. Фермеры-же, противъ обыкновенія, приняли себѣ за правило брать въ аренду только такія земли, на которыхъ есть коттэджи для рабочихъ. Наемная цѣна коттэджей составляетъ часть рабочей платы. Коттэджи эти называются «hind's houses» (дома батраковъ). Они сдаются въ наемъ рабочимъ на извѣстныхъ феодальныхъ обязательствахъ, съ контрактомъ, называемымъ «bondage» (неволя), обязывающимъ напримѣръ рабочаго, на время, пока его заставляютъ работать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, оставлять за себя кого-нибудь, напримѣръ своихъ дочерей и др. Самъ рабочій называется «bondsman», невольникъ. Эти отношенія показываютъ также съ совершенно новой стороны индивидуальное потребленіе рабочаго, какъ потребленіе для капитала или производительное потребленіе. «Любопытно видѣть, что самый калъ этихъ bondsmen'овъ идетъ въ доходъ этихъ разсчетливыхъ повелителей.... Фермеръ запрещаетъ имѣть какое-нибудь отхожее мѣсто по сосѣдству, кромѣ своего собственнаго, и скорѣе дастъ немного навоза для огорода, но не потерпитъ никакихъ посягательствъ на свои верховныя права». («Public Health VII Rep. 1864, p. 188»).

[19]) Читатель помнитъ, что при дѣтскомъ трудѣ и т. п. исчезаетъ даже формальность добровольной продажи.

[20]) «Капиталъ предполагаетъ наемный трудъ, наемный-же трудъ предполагаетъ капиталъ. Каждый изъ нихъ составляетъ необходимое условіе существованія другого, они порождаютъ другъ друга. Производитъ-ли рабочій на хлопчато-бумажной фабрикѣ одну только хлопчато-бумажную матерію? Нѣтъ, онъ производитъ капиталъ. Онъ производитъ цѣнности, которыя вновь служатъ къ тому, чтобы повелѣвать трудомъ и помощью которыхъ создаются новыя цѣнности». (Karl Marx: «Lohnarbeit und Kapital», въ Neue Rheinische Zeitung № 266, 7 April 1849). Статья, помѣщенная подъ этимъ заглавіемъ въ «Новой Рейнской газетѣ» есть отрывокъ изъ лекцій, читанныхъ мною на эту тэму въ 1847 году въ Брюссельскомъ рабочемъ обществѣ; печатаніе ихъ было прервано Февральской революціей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Превращеніе прибавочной стоимости въ капиталъ.

1) Капиталистическій процессъ производства въ расширенныхъ размѣрахъ. Обращеніе законовъ собственности, характеризующихъ товарное производство, въ законы капиталистическаго завладѣнія.

До сихъ поръ мы разсматривали какимъ образомъ прибавочная стоимость возникаетъ изъ капитала; теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть какимъ образомъ капиталъ возникаетъ изъ прибавочной стоимости.

Превращеніе прибавочной стоимости въ капиталъ называется накопленіемъ капитала[21]).

Разсмотримъ сначала такую операцію съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста. Положимъ, что бумагопрядильный фабрикантъ затратилъ капиталъ въ 10,000 ф. ст., изъ которыхъ четыре пятыхъ употреблены на покупку хлопка, машинъ и проч., а одна пятая на рабочую плату. Предположимъ, что онъ ежегодно производитъ 240,000 ф. пряжи, стоимостью въ 12,000 ф. ст. При нормѣ прибавочной стоимости въ 100%, прибавочная стоимость овеществляется въ прибавочномъ или чистомъ продуктѣ, въ 40,000 ф. пряжи, т.-е. въ одной шестой части валового продукта, стоимость котораго—2,000 ф. ст.—реализуется по продажѣ пряжи. Сумма стоимости въ 2,000 ф. ст. есть сумма стоимости въ 2,000 ф. ст. Ни однимъ изъ нашихъ органовъ чувствъ нельзя распознать, что эти деньги есть прибавочная стоимость. Если мы знаемъ, что это прибавочная стоимость, то это только указываетъ намъ путь, какимъ она попала въ руки капиталиста; но это не имѣетъ никакого вліянія ни на то, что это стоимость, ни на то, что это деньги.

Для того, чтобы превратить эту добавочную сумму въ 2,000 ф. ст. въ капиталъ, фабрикантъ, при остальныхъ неизмѣняющихся условіяхъ, четыре пятыхъ ея затратитъ на покупку хлопка и пр., а одну шестую на покупку добавочныхъ прядильщиковъ, которые найдутъ на рынкѣ средства существованія, стоимость которыхъ они получили отъ фабриканта. Тогда на бумагопрядильной фабрикѣ будетъ дѣйствовать новый капиталъ въ 2,000 ф. ст. и принесетъ, въ свою очередь, прибавочную стоимость въ 400 ф. ст.

Капитальная стоимость была первоначально затрачена въ видѣ денегъ. Прибавочная-же стоимость, напротивъ того, первоначально представляетъ стоимость опредѣленной части валового продукта. Если весь этотъ продуктъ продастся, обратится въ деньги, капитальная стоимость вновь пріобрѣтетъ свою первоначальную форму. Съ этого момента обѣ онѣ—и капитальная стоимость и прибавочная стоимость—представляютъ суммы денегъ, и превращеніе ихъ вновь въ капиталъ происходитъ совершенно одинаково. Какъ ту, такъ и другую капиталистъ употребляетъ на покупку такихъ товаровъ, которые даютъ ему возможность снова начать производство, и на этотъ разъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Но, чтобы имѣть возможность купить такіе товары, ему необходимо найти ихъ на рынкѣ

Его собственная пряжа обращается только потому, что онъ выноситъ на рынокъ свои издѣлія, произведенныя въ теченіе года; точно такъ, же какъ поступаютъ всѣ остальные капиталисты съ издѣліями своихъ фабрикъ. Но эти товары, прежде чѣмъ отправиться на рынокъ, были частью годового продукта всего общества, частью общей массы различныхъ продуктовъ, въ которые была превращена валовая сумма всѣхъ единичныхъ капиталовъ, другими словами капиталъ всего общества, только часть котораго находится въ рукахъ каждаго отдѣльнаго капиталиста. Сдѣлки, совершаемыя на рынкѣ, только перемѣщаютъ или передаютъ изъ однихъ рукъ въ другія отдѣльныя составныя части этого годичнаго продукта, но не могутъ ни увеличить размѣра послѣдняго, ни измѣнить природы произведенныхъ продуктовъ. Слѣдовательно, то употребленіе, которое можетъ быть сдѣлано изъ всего годичнаго продукта, находится въ зависимости исключительно отъ его собственнаго состава, а ни въ какомъ случаѣ не отъ обращенія.

Годичное производство должно прежде всего доставить всѣ тѣ предметы (потребительныя стоимости), которыми нужно пополнить матеріальныя составныя части капитала, истраченныя въ теченіе года. Вычтя ихъ мы получимъ чистый или прибавочный продуктъ, въ которомъ овеществлена прибавочная стоимость. Изъ чего-же этотъ прибавочный продуктъ состоитъ? Не изъ такихъ-ли только предметовъ, которые предназначены для удовлетворенія нуждъ и желаній класса капиталистовъ, стало быть изъ предметовъ, входящихъ въ потребительный фондъ капиталистовъ? Если-бы это было такъ, то чаша прибавочной стоимости была-бы выпита до дна, и кромѣ простого воспроизводства никогда ничего не могло-бы произойти.

---

[21]) «Накопленіемъ капитала называется употребленіе части дохода въ видѣ капитала» (Malthus: «Definitions etc. изд. Cazenove p. 11). «Превращеніе дохода въ капиталъ». (Malthus: «Principles of Political Economy 2-nd edit. London 1836», p. 319).

Для того, чтобы накоплять, необходимо обращать часть прибавочной стоимости въ капиталъ. Но мы не можемъ, — развѣ только чудомъ, — превратить въ капиталъ что-либо иное, кромѣ такихъ предметовъ, которые могутъ быть употреблены въ процессѣ труда, т.-е. средствъ производства, и затѣмъ такихъ, которые могутъ поддержать рабочаго, т.-е. средствъ существованія. Стало быть, часть годичнаго прибавочнаго труда должна быть употреблена на производство добавочныхъ средствъ производства и существованія, сверхъ того ихъ количества, которое необходимо для возмѣщенія затраченнаго капитала. Однимъ словомъ, прибавочная стоимость можетъ быть превращена въ капиталъ исключительно только потому, что прибавочный продуктъ, стоимость котораго она представляетъ собою, уже содержитъ вещественные элементы новаго капитала [21a]).

Для того, чтобы дать возможность этимъ элементамъ производства играть роль капитала, классу капиталистовъ нуженъ добавочный трудъ. Если эксплуатація уже занятыхъ рабочихъ не возрастаетъ ни экстенсивно, ни интенсивно, то нужно найти добавочную рабочую силу. Но объ этомъ позаботился уже заранѣе самый механизмъ капиталистическаго производства, превративъ рабочихъ въ классъ лицъ, зависимыхъ отъ рабочей платы, въ классъ лицъ, обычный заработокъ которыхъ достаточенъ не только для поддержанія ихъ существованія, но и для размноженія. Капиталу только и нужно, что завладѣть какъ этою добавочною рабочею силою, которую рабочій классъ ежегодно доставляетъ въ видѣ рабочихъ всѣхъ возрастовъ, такъ и добавочными средствами производства, заключающимися въ годичномъ продуктѣ, чтобы превращеніе прибавочной стоимости въ капиталъ стало совершившимся фактомъ. Съ конкретной точки зрѣнія, накопленіе сводится на воспроизведеніе капитала въ постоянно расширяющихся размѣрахъ. Кругъ, въ которомъ движется простое воспроизводство, измѣняетъ свою форму и, по выраженію Сисмонди, превращается въ спираль [21b]).

Вернемся теперь къ нашему примѣру. Это старая исторія. Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Іакова и т. д. Первоначальный капиталъ въ 10,000 ф. стерл. приноситъ прибавочную стоимость въ 2,000 ф. стерл., которые превращаются въ капиталъ. Новый капиталъ въ 2,000 ф. стерл., — прибавочную стоимость въ 400 ф. стерл., которые опять-таки капитализуются, превращаются во второй дополнительный капиталъ, который, со своей стороны, производитъ прибавочную стоимость въ 80 ф. стерл. и т. д.

Мы при этомъ не принимаемъ во вниманіе части прибавочной стоимости, потребляемой капиталистомъ. Насъ въ настоящую минуту точно также совершенно не интересуетъ вопросъ, присоединяется-ли дополнительный капиталъ къ первоначальному, или-же отдѣляется отъ него, чтобы играть свою роль самостоятельно; употребляетъ-ли его тотъ-же самый капиталистъ, который накопилъ его, или-же онъ передаетъ его другому капиталисту. Мы должны не забывать только того, что рядомъ съ вновь возникшимъ капиталомъ продолжаетъ воспроизводиться и создавать прибавочную стоимость такъ-же и первоначальный; и что это примѣнимо такъ-же ко всякому накопленному капиталу по отношенію къ добавочному капиталу, который онъ съ своей стороны создалъ.

Первоначальный капиталъ образовался вслѣдствіе затраты 10,000 ф. стерл. Откуда владѣлецъ этого капитала получилъ его? «Собственнымъ трудомъ и трудомъ своихъ предковъ», единогласно утверждаютъ представители политической экономіи [21c]). И въ дѣйствительности ихъ предположеніе кажется единственнымъ, согласнымъ съ законами производства товаровъ.

Совершенно другое дѣло по отношенію къ добавочному капиталу въ 2,000 ф. стерл. Его происхожденіе намъ хорошо извѣстно. Онъ представляетъ превращенную въ капиталъ прибавочную стоимость. Онъ не заключаетъ ни одного атома стоимости, которая-бы не возникла изъ неоплаченнаго труда. Средства производства, въ которыхъ воплощается добавочная рабочая сила, точно также какъ и средства, которыми поддерживается существованіе рабочихъ, представляютъ ни что иное, какъ составныя части прибавочнаго продукта, дани, изъ года въ годъ извлекаемой классомъ капиталистовъ изъ класса рабочихъ. Хотя классъ капиталистовъ и покупаетъ на часть этой дани добавочную рабочую силу, даже по ея полной цѣнности, такъ что эквивалентъ обмѣнивается на эквивалентъ, тѣмъ не менѣе это все равно, какъ если-бы завоеватель на деньги, взятыя у побѣжденныхъ, накупилъ у нихъ товаровъ

Если добавочный капиталъ даетъ заработокъ

[21a]) Мы при этомъ не принимаемъ въ соображеніе вывозную торговлю, при помощи которой нація можетъ обмѣнивать предметы роскоши на средства производства или существованія и наоборотъ. Чтобы не запутывать нашъ общій анализъ безполезными побочными обстоятельствами, а также чтобы изслѣдовать предметъ въ его чистомъ видѣ, нужно смотрѣть на весь торговопромышленный міръ, какъ на одну націю и принять, что капиталистическое производство установилось повсюду и овладѣло всѣми отраслями промышленности.

[21b]) Анализъ накопленія Сисмонди имѣетъ тотъ большой недостатокъ, что авторъ вполнѣ довольствуется только фразой «превращеніе дохода въ капиталъ», и не пытается обосновать матеріальныя условія этой операціи.

[21c]) «Первоначальный трудъ, которому капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ». Sismondi, l. c. éd. Paris t. I, p. 109.

лицамъ, которыя произвели его, то эти производители должны не только увеличивать стоимость первоначальнаго капитала, но, кромѣ того, должны еще купить обратно плоды своего прежняго труда бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ они стоятъ. Если въ этомъ видѣть только сдѣлку между классомъ капиталистовъ и рабочимъ классомъ, то дѣло нисколько не измѣнится отъ того, что добавочные рабочіе будутъ наняты на прибавочный трудъ уже занятыхъ рабочихъ. Капиталистъ можетъ даже затратить добавочный капиталъ на машины, которыя выбросятъ на улицу рабочихъ, создавшихъ этотъ самый капиталъ и замѣнить этихъ рабочихъ нѣсколькими дѣтьми. Во всякомъ случаѣ рабочій классъ своимъ прибавочнымъ трудомъ даннаго года породилъ капиталъ, предназначенный дать занятіе добавочному труду слѣдующаго года [22]), и это-то называется создавать капиталъ изъ капитала.

Накопленіе перваго дополнительнаго капитала въ 2,000 ф. стерл. предполагаетъ, что стоимость въ 10,000 ф. стерл. принадлежитъ капиталисту въ силу его «первоначальнаго труда», и что она имъ затрачивается. Второй дополнительный капиталъ въ 400 ф. стерл. предполагаетъ, наоборотъ, только предшествующее накопленіе 2,000 ф. стерл., капитализованную прибавочную стоимость котораго эти 400 ф. стерл. и представляютъ. Владѣніе прошлымъ неоплаченнымъ трудомъ является единственнымъ условіемъ для теперешняго присвоенія все въ большемъ и большемъ количествѣ живого неоплаченнаго труда. Изъ этого выходитъ, что чѣмъ болѣе капиталистъ накопилъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ накопить.

Если прибавочная стоимость, изъ которой состоитъ добавочный капиталъ № I, была результатомъ покупки рабочей силы посредствомъ части первоначальнаго капитала, покупки соотвѣтствующей законамъ обмѣна товаровъ и которая съ юридической точки зрѣнія предполагаетъ лишь свободное распоряженіе своими способностями со стороны рабочаго и своими стоимостями со стороны собственника денегъ или товара; если прибавочный капиталъ № II и т. д. есть только результатъ прибавочнаго капитала № I, а потому слѣдствіе тѣхъ-же вышеупомянутыхъ условій; если каждая единичная сдѣлка постоянно соотвѣтствуетъ закону обмѣна товаровъ, причемъ капиталистъ всегда покупаетъ рабочую силу, а рабочій всегда продаетъ ее, допустимъ даже, что по ея дѣйствительной стоимости; если все это такъ, то очевидно, что законы захвата или законы частной собственности, основывающіеся на производствѣ и обращеніи товаровъ, обращаются, вслѣдствіе своей собственной внутренней неизбѣжной діалектики, въ діаметральную противоположность себѣ. Обмѣнъ эквивалентовъ, являвшійся первоначально исходной операціей, до такой степени извратился, что сталъ теперь только призракомъ. Это произошло благодаря тому, что, во-первыхъ, часть капитала, обмѣненная на рабочую силу, есть лишь часть продукта чужого труда, захваченнаго безъ соотвѣтственнаго эквивалента, и, во-вторыхъ, что этотъ капиталъ обязанъ не только возмѣстить самъ производитель — рабочій — но возмѣстить съ новою прибавкою. Слѣдовательно, отношеніе обмѣна между капиталистомъ и рабочимъ представляетъ теперь только призракъ процесса обращенія, простую форму, лишенную самого содержанія сдѣлки и лишь затемняющую его. Постоянная покупка и продажа рабочей силы становится теперь простою формою; въ дѣйствительности-же происходитъ слѣдующее: капиталистъ постоянно захватываетъ часть уже овеществленнаго чужого труда безъ соотвѣтственнаго эквивалента и обмѣниваетъ его на большее количество чужого живого труда. Первоначально намъ казалось, что право собственности основывается на собственномъ трудѣ. По крайней мѣрѣ, мы не могли не допустить этого, такъ какъ противополагались одинъ другому только равноправные владѣльцы товаровъ, при чемъ средствомъ завладѣнія товаромъ другихъ лицъ могло быть только отчужденіе своего собственнаго; а послѣднее можетъ быть возстановлено только трудомъ. Теперь-же собственность становится со стороны капиталиста правомъ завладѣнія чужимъ неоплаченнымъ трудомъ или продуктомъ его, а со стороны рабочаго — невозможностью завладѣть своимъ собственнымъ продуктомъ. Отдѣленіе собственности отъ труда явилось необходимымъ слѣдствіемъ закона исходящаго, повидимому, изъ ихъ тождества [23]).

Слѣдовательно, хотя капиталистическій способъ завладѣнія и представляется противорѣчащимъ основнымъ законамъ товарнаго производства, но возникаетъ онъ отнюдь не вслѣдствіе нарушенія этихъ законовъ, но напротивъ того, вслѣдствіе приложенія ихъ. Если мы оглянемся назадъ и посмотримъ на послѣдовательныя фазы движенія завершающагося капиталистическимъ накопленіемъ, то это станетъ для насъ еще яснѣе.

Сначала мы видѣли, что первоначальное превращеніе какой-нибудь суммы стоимости въ капиталъ происходило вполнѣ согласно съ законами

[22]) «Трудъ создаетъ капиталъ, прежде чѣмъ капиталъ дастъ занятіе труду». («Labour creates capital, before capital employs labour«. E. G. Wakefield. England and America. London, 1833, v. II, p. 110).

[23]) То, что капиталистъ есть собственникъ продукта чужого труда, «есть строгое слѣдствіе закона овладѣнія, основнымъ принципомъ котораго было, наоборотъ, право собственности каждаго работника на продуктъ своего собственнаго труда«. (Cherbuliez: «Riche ou Pauvre. Paris 1841», p. 58, гдѣ однако этотъ діалектическій оборотъ неправильно развитъ).

обмѣна. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ продавало свою рабочую силу, а другое покупало ее. Первое получало стоимость своего товара, потребительная стоимость котораго—трудъ— отчуждалась вслѣдствіе этого второму. Послѣднее лицо превращало затѣмъ уже принадлежащія ему средства производства, помощью точно также принадлежащаго ему теперь труда, въ новый продуктъ, который точно также по праву принадлежитъ ему.

Стоимость этого продукта содержитъ въ себѣ, во-первыхъ стоимость потребленныхъ стредствъ производства. Полезный трудъ можетъ потребить эти средства производства не иначе, какъ перенося въ то же время стоимость ихъ на продуктъ; но рабочая сила, для того, что-бы ее можно было продать, должна быть въ состояніи произвести полезную работу въ той отрасли промышлености, въ которой ее слѣдуетъ употребить.

Затѣмъ въ стоимости новаго продукта заключается эквивалентъ стоимости рабочей силы и прибавочная стоимость. И это именно вслѣдствіе того, что рабочая сила, купленная на извѣстный срокъ, на день, на недѣлю и т. д., обладаетъ меньшею стоимостью, чѣмъ та стоимость, которую потребленіе этой силы создаетъ въ теченіе того-же самого времени. Но рабочій, получая въ уплату своей рабочей силы ея мѣновую стоимость, тѣмъ самымъ отчуждаетъ потребительную стоимость ея, какъ это происходитъ при каждой продажѣ и покупкѣ.

То обстоятельство, что этотъ особый товаръ, рабочая сила, обладаетъ своеобразною потребительною стоимостью, что она доставляетъ трудъ, стало быть создаетъ стоимость, не можетъ имѣть никакого вліянія на общій законъ товарнаго производства. Слѣдовательно, если сумма стоимости, затраченная на рабочую плату, не только вновь проявляется въ продуктѣ, но что въ немъ проявляется еще прибавочная стоимость, созданная этою рабочею силою, то это происходитъ не вслѣдствіе обсчитыванія продавца, но только вслѣдствіе пользованія этимъ товаромъ со стороны покупателя.

По закону обмѣна обязательно равенство мѣновыхъ стоимостей товаровъ, отчуждаемыхъ одинъ за другой. Этотъ законъ даже прямо требуетъ различія ихъ потребительныхъ стоимостей, и ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до того употребленія, которое изъ нихъ сдѣлаютъ, которое осуществляется только по окончаніи, завершеніи сдѣлки.

Слѣдовательно, первоначальное превращеніе денегъ въ капиталъ происходитъ въ полнѣйшемъ согласіи съ экономическими законами товарнаго производства и съ возникающимъ изъ него правомъ собственности. Но, не смотря на то, въ результатѣ оказывается, во-1-хъ, что продуктъ принадлежитъ капиталисту, а не рабочему; во-2-хъ, что въ стоимости этого продукта, кромѣ стоимости затраченнаго капитала, заключается еще прибавочная стоимость, которая для рабочаго стоила труда, а для капиталиста ничего не стоила, и которая несмотря на то становится вполнѣ законною собственностью капиталиста; въ 3-хъ, что рабочій сохранилъ свою рабочую силу и можетъ ее продать вновь, если найдетъ покупателя.

Простое воспроизводство представляетъ лишь послѣдовательное повтореніе этой первой операціи; каждый разъ деньги вновь превращаются въ капиталъ. Значитъ законъ не нарушается; напротивъ того, онъ находитъ только случай обнаруживаться продолжительно. «Послѣдній изъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ обмѣновъ представляетъ собою только первый» (Sismondi, l. c. p. 70).

Но тѣмъ не менѣе мы видѣли, что достаточно простого воспроизводства, чтобы этой первой операціи — если въ ней видѣть — отдѣльную сдѣлку—придать совершенно другой характеръ. «Изъ тѣхъ, которые участвуютъ въ долѣ національнаго дохода, одни (рабочіе) пріобрѣтаютъ ежегодно вновь на нее право новымъ трудомъ; другіе (капиталисты) пріобрѣли уже заранѣе на нее постоянное право первоначальнымъ трудомъ» (par un travail primitif. Sismondi, l. c. p. 111). Область труда, какъ извѣстно, не есть единственная, въ которой первородство творитъ чудеса.

Нѣтъ, однако, никакой разницы, если простое воспроизводство будетъ замѣнено воспроизводствомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, накопленіемъ. Въ одномъ случаѣ капиталистъ проживаетъ всю прибавочную стоимость, въ другомъ онъ выражаетъ свою гражданскую доблесть тѣмъ, что проживаетъ только часть прибавочной стоимости, а остальную обращаетъ въ деньги.

Прибавочная стоимость есть его собственность, она никогда никому другому не принадлежала. Если онъ затрачиваетъ ее снова на производство, то онъ поступаетъ точно также, какъ въ тотъ день, когда въ первый разъ пришелъ на рынокъ, то-есть затрачиваетъ изъ своихъ собственныхъ средствъ. Что эти средства на этотъ разъ произошли изъ неоплаченнаго труда его рабочихъ, не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на дѣло. Если рабочій B получаетъ занятіе при помощи прибавочной стоимости, которую произвелъ A, то, во-первыхъ, у A., который доставилъ эту прибавочную стоимость, не было вычтено ни гроша изъ цѣны его товара и онъ получитъ ее сполна; и, во-вторыхъ, эта сдѣлка вообще совершенно не касается B. Чего B требуетъ, и что онъ имѣетъ право требовать, это, чтобы капиталистъ уплатилъ ему стоимость его рабочей силы. «Кромѣ того, обѣ стороны еще выигрываютъ; рабочій—потому что ему ссужаютъ плоды его работы, нужно сказать: дарового труда другихъ рабочихъ), прежде чѣмъ онъ ее произведетъ (нужно было-бы сказать: прежде чѣмъ его работа дастъ плоды); хозяинъ, вслѣдствіе того, что работа этого рабочаго стоитъ болѣе его зара-

ботка» (надо было-бы сказать: произведетъ стоимость большую, чѣмъ стоимость его заработка» (Sismondi l. c. p. 135).

Конечно, дѣло явится совершенно въ другомъ свѣтѣ, если мы будемъ смотрѣть на капиталистическое производство въ безпрерывномъ его возобновленіи, и если вмѣсто единичнаго капиталиста и единичнаго рабочаго будемъ имѣть въ виду всѣхъ ихъ вмѣстѣ, съ одной стороны классъ капиталистовъ, а съ другой — рабочій классъ. Но это значило-бы примѣнять мѣру, совершенно чуждую товарному производству.

Въ товарномъ производствѣ противополагаются только продавецъ и покупатель, одинъ отъ другого независимые. Съ наступленіемъ срока заключеннаго между ними договора ихъ взаимныя отношенія прекращаются. Если сдѣлка повторится, то это вслѣдствіе новаго договора, который къ предшествующему не имѣетъ никакого отношенія, и при которомъ тотъ-же самый покупатель опять сходится съ тѣмъ-же самымъ продавцемъ только случайно.

Слѣдовательно, если товарное производство, или какое-нибудь относящееся къ нему дѣйствіе, приходится разсматривать съ точки зрѣнія его собственныхъ экономическихъ законовъ, то на каждый актъ обмѣна мы должны смотрѣть въ отдѣльности, внѣ всякой связи какъ съ тѣмъ актомъ обмѣна, который ему предшествовалъ, такъ и съ тѣмъ, который слѣдуетъ за нимъ. А такъ какъ покупки и продажи совершаются только между отдѣльными лицами, то въ нихъ нельзя искать отношеній между цѣлыми общественными классами.

Какъ долго ни продолжался-бы поэтому рядъ послѣдовательныхъ чередованій воспроизводства и предшествующаго накопленія, черезъ который прошелъ дѣйствующій въ настоящее время капиталъ, онъ постоянно сохраняетъ свою дѣвственность. Пока въ каждомъ актѣ обмѣна, взятомъ въ отдѣльности, будутъ соблюдаться законы обмѣна, способъ завладѣнія можетъ измѣниться до основанія, причемъ право собственности, соотвѣтствующее товарному производству, рѣшительно ничѣмъ нарушено не будетъ. Это самое право остается въ силѣ, какъ въ началѣ, когда продуктъ составляетъ собственность производителя, и когда послѣдній, отдавая эквивалентъ за эквивалентъ, можетъ разбогатѣть только собственнымъ трудомъ, такъ и въ періодъ капиталистическаго производства, когда общественное богатство становится въ постоянно возрастающемъ размѣрѣ собственностью тѣхъ, кто имѣетъ возможность непрерывно захватывать вновь неоплаченный трудъ другихъ.

Этотъ результатъ неизбѣженъ, если только рабочая сила свободно продается, какъ товаръ, самимъ рабочимъ. Но именно съ этихъ поръ товарное производство получаетъ право гражданства и дѣлается типической формой производства; только съ этихъ поръ каждый продуктъ начинаетъ изготовляться съ цѣлью продажи и все производимое богатство проходитъ черезъ процессъ обращенія. Только тогда, когда наемный трудъ упрочивается, товарное производство пріобрѣтаетъ преобладаніе во всемъ обществѣ; но также только тогда оно развиваетъ всѣ свои скрытыя силы. Говорить, что наемный трудъ своимъ вмѣшательствомъ извращаетъ товарное производство, значитъ говорить, что товарное производство не должно развиваться, если оно должно остаться не извращеннымъ. По мѣрѣ того какъ оно постепенно развивается въ капиталистическое производство, по законамъ, присущимъ послѣднему, въ той-же мѣрѣ законы собственности товарнаго производства неизбѣжно преобразуются въ законы капиталистическаго захвата [24]).

Мы видѣли, что, даже при простомъ воспроизводствѣ, весь затраченный капиталъ, не зависимо отъ его первоначальнаго происхожденія, обращается всегда въ накопленный капиталъ или капитализованную прибавочную стоимость. Но въ потокѣ производства весь первоначально затраченный капиталъ представляется вообще величиною безконечно малою (magnitudo evanescens, въ математическомъ смыслѣ), въ сравненіи съ капиталомъ, прямо накопленнымъ, т.-е съ прибавочною стоимостью или прибавочнымъ продуктомъ, обращеннымъ въ капиталъ, все равно въ чьихъ-бы рукахъ онъ ни дѣйствовалъ, въ рукахъ-ли тѣхъ, кто накопилъ его, или въ рукахъ другихъ лицъ. Поэтому, политическая экономія представляетъ вообще капиталъ какъ «накопленное богатство (превращенную прибавочную стоимость или доходъ), предназначенное на новое производство прибавочной стоимости» [25]), а капиталиста, какъ «собственника прибавочной стоимости» [26]). Тотъ-же способъ представленія выражается, только въ другой формѣ, когда говорятъ, что весь существующій капиталъ есть накопленный или капитализованный процентъ, потому, что процентъ есть только обрывокъ прибавочной стоимости [27]).

---

[24]) Какъ, поэтому, не подивиться остроумію Прудона, которому хотѣлось-бы уничтожить капиталическую собственность, противополагая ей вѣчные законы собственности, основывающіеся на товарномъ производствѣ.

[25]) «Capital viz: accumulated wealth employed with a view to profit» (Malthus l. c.). «Capital... consists of wealth saved from revenue, and used with a view to profit» (R. Jones: «An Introductory Lecture on Pol. Econ. London 1833», p. 16).

[26]) «The possessors of surplusproduce or capitae». («The Source and Remedy of the National Difficulties. Aletter to Lord John Russell. London 1821»).

[27]) «Капиталъ со сложными процентами на каждую сохраненную его часть, до такой степени возросъ, что богатство всего свѣта, приносящее доходъ, уже давнымъ давно сдѣлалось процен-

2) Ошибочное пониманіе политической экономіей воспроизводства въ расширяющихся размѣрахъ.

Раньше перехода къ дальнѣйшему изслѣдованію накопленія или обратнаго превращенія прибавочной стоимости въ капиталъ, намъ надо устранить двусмысленность, внесенную классической политической экономіей.

Подобно тому какъ товары, покупаемые капиталистомъ на часть прибавочной стоимости для собственнаго потребленія, не составляютъ для него средства производства и созиданія стоимости, точно также и тотъ трудъ, который онъ покупаетъ для удовлетворенія своихъ естественныхъ и общественныхъ потребностей не есть трудъ производительный. Вмѣсто обращенія прибавочной стоимости въ капиталъ, онъ, напротивъ того, покупкою этихъ товаровъ и этого труда, потребляетъ или тратитъ ее въ видѣ дохода. Въ противуположность обычному образу жизни феодальнаго дворянства, которое, по справедливому выраженію Гегеля, «потребляетъ готовое», и которое въ особенности тщеславится своею роскошью, многочисленностью тунеядной челяди,—для буржуазной политической экономіи было особенно важно выставить на видъ, что накопленіе капитала является первой обязанностью каждаго гражданина, и безъ устали проповѣдывать, что никто не можетъ накопить, если станетъ потреблять весь свой доходъ, вмѣсто того чтобы затрачивать значительную часть его на пріобрѣтеніе добавочныхъ производительныхъ рабочихъ, которые приносятъ болѣе, чѣмъ стоятъ сами. Съ другой стороны, экономисты вынуждены были бороться противъ народнаго предразсудка, который смѣшиваетъ капиталистическое производство съ собираніемъ сокровищъ[28]), и считаетъ, что накопленное богатство есть или такое богатство, которое сбережено отъ уничтоженія въ его существующей формѣ, т.-е. отъ потребленія, или богатство, которое извлечено изъ обращенія. Извлечь деньги изъ обращенія, значило-бы безусловно отнять у нихъ точно также свойство самовозрастанія, какъ капитала; а накопленіе сокровищъ въ видѣ товаровъ было-бы чистѣйшею глупостью [28а]). Накопленіе товаровъ въ большихъ количествахъ представляетъ результатъ или перепроизводства, или остановки обращенія [29]). Правда, на народное представленіе имѣетъ вліяніе, съ одной стороны, видъ массы товаровъ, предназначенныхъ для постепеннаго потребленія богатыми; а съ другой стороны—образованіе запасовъ. Но послѣднее явленіе свойственно каждому способу производства, и на немъ мы немного остановимся при изслѣдованіи процесса обращенія. Слѣдовательно, классическая политическая экономія вполнѣ права, пока она считаетъ потребленіе прибавочнаго продукта производительнымъ рабочимъ, вмѣсто непроизводительнаго, характернымъ явленіемъ процесса накопленія. Но отсюда-же начинается и ея ошибка. Адамъ Смитъ ввелъ въ моду представлять накопленіе, какъ потребленіе прибавочнаго продукта производительнымъ работникомъ, а это все равно, что сказать, что капитализація прибавочной стоимости состоитъ въ простомъ обмѣнѣ ея на рабочую силу. Послушаемъ, напримѣръ, Рикардо: «Надо замѣтить, что всѣ продукты страны потребляются: но потребляются-ли они тѣми, кто воспроизводитъ новыя стоимости, или тѣми, кто никакой стоимости не производитъ,—это такая громадная разница, какую только можно себѣ вообразить. Если мы говоримъ, что доходъ сберегается и прибавляется къ капиталу, то понимаемъ подъ этимъ, что та часть дохода, о которой говорятъ, что она присоединяется къ капиталу, будетъ потребляться производительными, а не непроизводительными рабочими. Нѣтъ болѣе грубой ошибки, какъ считать, что капиталъ возрастаетъ вслѣдствіе непотребленія» [30]). Одна изъ величайшихъ ошибокъ, которую съ легкой руки А. Смита стали распространять Рикардо и всѣ позднѣйшіе экономисты, есть та, что «часть дохода, о которой говорятъ, что она присоединяется къ капиталу, потребляется производительными рабочими». При такомъ предположеніи, вся капитализованная прибавочная стоимость дѣлается перемѣннымъ капиталомъ. Но она, какъ и первоначально затраченная стоимость, дѣлится на постоянный и перемѣнный капиталъ, на средства производства и рабочую силу. Рабочая сила является той формой, въ которой перемѣнный капиталъ находится въ процессѣ производства. Въ этомъ процессѣ сама рабочая сила потребляется капиталистомъ, между тѣмъ какъ средства производства потребляются при ея отправленіи, при работѣ. Въ то-же время, деньги, потраченныя на покупку рабочей силы, обращаются въ средства существованія, которыя потребляются не «производительнымъ трудомъ», а производительнымъ

тами на капиталъ». (London Economist 19 July 1859).

[28]) «Ни одинъ изъ современныхъ экономистовъ не можетъ подъ сбереженіемъ понимать простое скопленіе денегъ или сокровищъ; кромѣ этого-же узкаго и недостаточнаго пониманія, нельзя вообразить другого примѣненія этого слова по отношенію къ народному богатству, чѣмъ то, которое должно произойти изъ пониманія различія въ употребленіи сбереженаго,—различія, основаннаго на реальномъ распознаваніи различныхъ родовъ труда, которые поддерживаются сбереженнымъ». (Malthus l. c. p. 38, 39).

[28а]) Такъ, напримѣръ, Бальзакъ, который такъ глубоко изучилъ всѣ оттѣнки скупости, изображаетъ стараго ростовщика Гобсека, какъ впавшаго въ ребячество, когда тотъ начинаетъ копить кучу товаровъ.

[29]) «Accumulation of stocks.... non exchange... overproduction» (Th. Corbet l. c. p. 14).

[30]) Ricardo l. c. p. 163, выноска.

рабочимъ». Ад. Смитъ, посредствомъ совершенно невѣрнаго анализа, пришелъ къ нелѣпому выводу, что хотя каждый отдѣльный капиталъ подраздѣляется на постоянную и перемѣнную составныя части,—общественный капиталъ состоитъ только изъ перемѣннаго капитала, другими словами тратится только на рабочую плату. Напримѣръ, фабрикантъ сукна затрачиваетъ капиталъ въ 2,000 ф. стерл. Частъ денегъ онъ расходуетъ на наемъ ткачей, другую часть на шерстяную пряжу, машины и т. д. Но лица у которыхъ онъ покупаетъ пряжу и машины, опять-таки частью этихъ денегъ уплачиваютъ трудъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока всѣ эти 2,000 ф. стерл. неизрасходуются на рабочую плату, или пока всѣ эти 2,000 ф. стерл. не будутъ потреблены производительными рабочими. Очевидно, что вся сила этого аргумента заключается въ словахъ « и т. д.», которыя отсылаютъ насъ отъ одного къ другому. Въ дѣйствительности же Ад. Смитъ прерываетъ изслѣдованіе именно тамъ, гдѣ оно становятся труднымъ [31]).

Уяснить процессъ годичнаго воспроизводства очень нетрудно, если имѣть въ виду только всю сумму годового производства. Но каждый отдѣльный предметъ изъ валового годового продукта долженъ быть отправленъ на рынокъ въ видѣ товара; отсюда-то и начинается трудность. Движенія отдѣльныхъ капиталовъ и личныхъ доходовъ встрѣчаются, переплетаются и пропадаютъ въ общемъ движеніи перемѣщенія, въ обращеніи общественнаго богатства. Въ третьемъ отдѣлѣ II книги я помѣщу анализъ истиннаго значенія этого явленія. Одна изъ крупныхъ заслугъ физіократовъ состоитъ въ томъ, что въ своемъ tableau économique они первые попробовали изобразить продуктъ годового производства въ такомъ видѣ, какъ онъ представляется намъ послѣ того, какъ побываетъ въ процессѣ обращенія [32]).

[31]) Несмотря на свою «Логику», Дж. Ст. Милль нигдѣ не разоблачаетъ такого ошибочнаго анализа своихъ предшественниковъ, который, даже при буржуазныхъ взглядахъ, просто съ точки зрѣнія спеціалиста, очевидно нуждается въ поправкахъ. Всюду записываетъ онъ со школьническимъ догматизмомъ логическую путаницу своихъ учителей. Напримѣръ: «Самый капиталъ, послѣ длинной процедуры, вполнѣ превращается въ рабочую плату и если возмѣщается при продажѣ продуктовъ, то опять-таки обращается въ рабочую плату».

[32]) А. Смиттъ въ изложеніи процесса воспроизводства, а слѣдовательнс и накопленія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только не сдѣлалъ шага впередъ, но, напротивъ, прямо пошелъ назадъ, по отношенію къ своимъ предшественникамъ, именно физіократамъ. Его иллюзія, о которой говорится въ текстѣ, находится въ связи съ тѣмъ по-истинѣ баснословнымъ догматомъ, унаслѣдованнымъ политической экономіей отъ него-же, что цѣна товара состоитъ изъ рабочей платы, прибыли (процента) и поземельной ренты, слѣдовательно, просто изъ рабочей платы и прибавочной стоимости. На основаніи этого Шторхъ по крайней мѣрѣ наивно сознается, что «необходимую цѣну невозможно разложить на ея простѣйшіе элементы». (Storch 1. c. Petersb. 1815 t. I p. 140, выноска). Хороша, однако, экономическая наука, которая считаетъ невозможнымъ разложить цѣну товаровъ на ея простѣйшіе элементы! Подробности, касающіяся этого вопроса читатель найдетъ въ 3-мъ отдѣлѣ второй и въ 7-мъ отдѣлѣ третьей книги.

Наконецъ, само собою разумѣется, что политическая экономія, дѣйствуя въ интересахъ класса капиталистовъ, не упускала случая эксплуатировать ученіе Адама Смита, что вся та часть прибавочнаго продукта, которая обращается въ капиталъ, потребляется классомъ рабочихъ.

3) Раздѣленіе прибавочной стоимости на капиталъ и доходъ.—Теорія воздержанія.

Въ предыдущей главѣ мы разсматривали всю прибавочную стоимость (или прибавочный продуктъ), исключительно, какъ личный потребительный фондъ капиталистовъ. Въ настоящей главѣ мы до сихъ поръ разсматривали ее, какъ фондъ накопленія. Но она представляетъ не только тотъ или другой фондъ въ отдѣльности, но оба вмѣстѣ. Часть прибавочной стоимости потребляется капиталомъ какъ доходъ [33]), другая-же часть употребляется какъ капиталъ, или накопляется.

При данномъ количествѣ прибавочной стоимости, тѣмъ больше одна часть, чѣмъ меньше другая. Пиринимая, что всѣ остальныя обстоятельства равны, отношеніе, управляющее этимъ раздѣленіемъ, опредѣляетъ величину накопленія. Но такое раздѣленіе производится капиталистомъ; это актъ его личной воли. Говорятъ, что онъ сберегаетъ ту часть дани, которую накопляетъ, вслѣдствіэ, того что нэ потребляетъ ее, т.-е. вслѣдствіе того, что выполняетъ функцію капиталиста и обогащается.

Лишь настолько, насколько капиталистъ олицетворяетъ капиталъ, онъ имѣетъ историческое значеніе и историческое право существованія, о которомъ остроумный Лихновскій выразился, что оно не имѣетъ указаннаго времени или числа. Настолько-же его собственная преходящая необходимость существованія предполагаетъ прэходящую необходимость существованія капиталистическаго способа производства. Но поскольку онъ олицетворяетъ собою капиталъ, стимуломъ его дѣятельности служатъ не потребительныя стоимости и пользованіе ими, а стоимости мѣно-

[33]) Читатель замѣтитъ что слово доходъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, для обозначенія прибавочной стоимости, какъ періодически нарождающагося плода капитала; во-вторыхъ, чтобы обозначить часть этого плода, періодически потребляемаго капиталомъ или присоединяемаго къ его потребительному фонду. Я сохраняю этотъ двойной смыслъ, такъ какъ онъ гармонируетп съ употребленіемъ этого термина англійскими и французскими экономистами.

вія и умноженіе ихъ. Какъ фанатикъ созиданія новыхъ стоимостей онъ, не обращая ни на что вниманія, побуждаетъ человѣчество къ производству ради производства, слѣдовательно къ развитію общественныхъ производительныхъ силъ и созданію матеріальныхъ условій производства, которыя одни только могутъ образовать реальное основаніе высшей общественной формы, берущей за основной принципъ полное и свободное развитіе каждой отдѣльной личности. Въ этомъ смыслѣ онъ имѣетъ общую съ собирателемъ сокровищъ страсть: обогащенія ради обогащенія, ради увеличенія стоимости. Но то, что у одного является маніей индивидуальной, у другого есть результатъ дѣйствія механизма, маховымъ колесомъ котораго является онъ самъ. Кромѣ того, развитіе капиталистическаго производства побуждаетъ его постоянно увеличивать свой капиталъ, затраченный на извѣстное предпріятіе; а конкуренція принуждаетъ каждаго отдѣльнаго капиталиста чувствовать на себѣ дѣйствіе законовъ, которымъ подчиняется капиталистическое производство, какъ внѣшніе принудительные законы. Она принуждаетъ его постоянно увеличивать свой капиталъ, чтобы сохранить его, а увеличить его онъ можетъ не иначе какъ накопленіемъ.

Стало быть, поскольку его дѣйствія составляютъ лишь отправленія капитала, воля и сознаніе котораго олицетворена въ немъ, поскольку его собственное потребленіе, какъ частнаго лица, будетъ воровствомъ у накопленія его капитала, что и выражается въ итальянской бухгалтеріи тѣмъ, что частныя издержки записываются на дебетовой сторонѣ капиталиста, какъ взятыя у капитала. Накопленіе — это завоеваніе цѣлаго міра общественнаго богатства; это увеличеніе числа человѣческихъ существъ, имъ эксплуатируемыхъ, это, стало быть, также прямое и косвенное расширеніе власти капиталиста [34]).

Но вліяніе первороднаго грѣха отражается на всемъ. Съ развитіемъ капиталистическаго способа производства, накопленія и богатства, капиталистъ перестаетъ быть простымъ воплощеніемъ капитала. Онъ питаетъ «человѣческую слабость» къ своей собственной плоти, а благодаря полученному имъ образованію онъ подсмѣивается надъ наклонностью къ аскетизму, какъ предразсудкомъ былого собирателя сокровищъ. Въ то время какъ капиталистъ классическаго типа считаетъ индивидуальное потребленіе грѣхомъ по отношенію къ своей дѣятельности и осуждаетъ «воздержаніе» отъ накопленія, современный капиталистъ способенъ представить накопленіе какъ «воздержаніе» отъ личныхъ наслажденій. «Ахъ! въ его груди, двѣ души живутъ и одна съ другой разстаться хочетъ»! (Фаустъ).

При возникновеніи капиталистическаго способа производства,—и каждый капиталистическій выскочка самолично проходитъ черезъ эту стадію развитія,—единственныя страсти, это стремленіе къ обогащенію и скупость. Прогрессъ же капиталистическаго производства создаетъ не одинъ только міръ наслажденій. Спекуляція и кредитъ открываютъ тысячи источниковъ быстраго обогащенія. На извѣстной высотѣ развитія, условная степень расточительности, слу-

---

[34]) Въ ростовщикѣ, этой старомодной, но все еще продолжающей существовать формѣ капиталиста, Лютеръ очень мѣтко изображаетъ властолюбіе, какъ одинъ изъ элементовъ корыстолюбія. «Язычники пришли къ заключенію, на основаніи разума, что ростовщикъ есть трижды воръ и убійца. Мы-же, христіане, такъ ихъ почитаемъ, что чуть не молимся на нихъ, ради ихъ денегъ... Кто грабитъ и воруетъ у другого его пищу, тотъ творитъ такое-же великое убійство (на сколько это отъ него зависитъ), какъ если бы онъ морилъ кого-нибудь голодомъ и губилъ бы его окончательно. Такъ поступаетъ ростовщикъ и сидитъ спокойно въ своемъ креслѣ, тогда какъ ему, по настоящему, слѣдовало бы висѣть на висѣлицѣ, чтобы его пожирало такое-же количество воронъ, сколько онъ укралъ гульденовъ, если-бы только на немъ было столько мяса, что всѣ вороны, разорвавъ его, могли-бы получить свою долю. По этому мелкихъ воровъ вѣшаютъ... Мелкіе воры валяются по тюрьмамъ, крупные же воры ходятъ въ золотѣ и щеголяютъ въ шелку.... Поэтому на землѣ нѣтъ для человѣка врага большаго (послѣ діавола), чѣмъ скряга и ростовщикъ, такъ какъ онъ стремиться стать богомъ надъ всѣми людьми. Турки воинственные тираны, все это люди также злые, но имъ все-таки приходится оставлять людямъ жизнь, они и сознаютъ, что они злы и враги, и могутъ даже иногда щадить нѣкоторыхъ. Ростовщикъ-же или скряга хочетъ чтобы весь міръ для него голодалъ и жаждалъ, погибалъ въ горѣ и нищетѣ, и чтобы у него, и только у него одного, было все, и чтобы каждый получалъ отъ него, какъ отъ Бога, и сталъ-бы на вѣки его крѣпостнымъ. Носить мантію, золотыя цѣпи, кольца, мыть рожу, напускать на себя видъ человѣка вѣрнаго, набожнаго, хвалиться... Ростовщикъ — это громадное, безобразное чудище, чудище, которое пожираетъ все, болѣе нежели Cacus, Gerion и Antus. И однако украшаетъ себя, хочетъ быть набожнымъ, чтобы не видѣли, гдѣ находятся волы, которыхъ онъ тащитъ задомъ въ свое логовище. Но Геркулесъ долженъ услыхать крикъ воловъ и заключенныхъ и отыскать Cacus'а даже среди скалъ и утесовъ, чтобы снова освободить воловъ отъ злодѣя. Ибо Cacus'омъ называется злодѣй, набожный ростовщикъ, который воруетъ, грабитъ и пожираетъ все. И все-таки онъ — какъ будто ничего не дѣлалъ дурного; и увѣренъ, что даже никто не можетъ обличить его, ибо онъ тащилъ воловъ задомъ въ свое логовище, отчего по ихъ слѣдамъ казалось будто они были выпущены. Такимъ-же образомъ ростовщикъ хотѣлъ будто-бы обмануть весь свѣтъ, какъ будто онъ приноситъ пользу и даетъ міру быковъ, между тѣмъ какъ онъ хватаетъ ихъ только для себя и пожираетъ... И если колесуютъ и обезглавливаютъ разбойниковъ и убійцъ, то во сколько разъ больше должно колесовать... изгонять, проклинать, обезглавливать всѣхъ ростовщиковъ«. (Martin Luther l. c.).

жащая въ то время средствомъ выказать богатство, а слѣдовательно полезная для полученія кредита, дѣлается дѣловою необходимостью для «несчастнаго» капиталиста. Роскошь причисляется къ издержкамъ на представительство капитала. Кромѣ того, капиталистъ наживается не соразмѣрно своему личному труду и ограниченію своего личнаго потребленія, какъ собиратель сокровищъ, но по мѣрѣ того какъ онъ высасываетъ чужой трудъ и заставляетъ рабочаго отказываться отъ всѣхъ житейскихъ наслажденій. Поэтому, хотя расточительность капиталиста никогда не имѣетъ благодушнаго характера расточительности лихихъ феодаловъ, и даже въ основаніи ея скорѣе скрывается грязное скряжничество и заботливый расчетъ, — тѣмъ не менѣе расточительность его возрастаетъ по мѣрѣ накопленія, при чемъ одно не мѣшаетъ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ благородной груди капиталиста усиливается Фаустовская борьба между страстью къ накопленію и страстью къ наслажденію.

«Манчестерская промышленность», читаемъ мы въ одномъ сочиненіи, изданномъ въ 1795 г. Dr. Aikin'омъ, «можетъ быть раздѣлена на четыре періода. Въ первый періодъ фабриканты принуждены были сильно работать для поддержки своего существованія». Они главнымъ образомъ наживались на обкрадываніи родителей, которые отдавали имъ дѣтей въ качествѣ apprentices (учениковъ), платя за нихъ очень дорого, тогда какъ ученики умирали съ голоду. Съ другой стороны, средняя прибыль была низка и для накопленія нужна была большая бережливость. Они жили какъ скряги, далеко не расходуя даже всѣхъ процентовъ на свой капиталъ. «Во второй періодъ у нихъ образовались небольшія состоянія, но работали-они также много какъ и прежде»,—ибо непосредственная эксплуатація труда стоитъ труда, какъ это извѣстно каждому надзирателю невольниковъ, «и жили также воздержанно какъ и прежде... Въ третьемъ періодѣ начинается роскошь, дѣла расширяются посылкой курьеровъ (конныхъ commis voyageurs) для заказовъ въ каждый торговый городъ королевства... Вѣроятно, что до 1690 г. было очень мало или даже и вовсе не было капиталовъ отъ 3,000 до 4,000 ф. стерл., нажитыхъ промышленностью. Но около этого времени или немного позднѣе, промышленники уже скопили деньги и начинаютъ строить каменные дома вмѣсто деревянныхъ и оштукатуренныхъ»... Еще въ первомъ десятилѣтіи XVIII-го столѣтія манчестерскій фабрикантъ, поставившій для гостей пинту иностраннаго вина, вызвалъ толки и покачиваніе головами своихъ сосѣдей. До появленія машинъ, фабриканты, собираясь въ портерной, не тратили никогда въ продолженіе вечера болѣе 6 пенс за стаканъ пунша и пенни за свертокъ табаку. Только въ 1758 г., и это составило эпоху, въ первый разъ увидали «одно лицо, принадлежащее къ промышленному міру, въ собственномъ экипажѣ»! «Четвертый періодъ», послѣдняя треть XVIII-го столѣтія, «есть періодъ страшной роскоши и мотовства, поддерживаемыхъ расширеніемъ промышленныхъ дѣлъ [35]). Чтобы сказалъ добрѣйшій Dr. Aikin, если-бы онъ могъ возстать изъ гроба и побывать въ Манчестерѣ теперь!

Копите! Копите! Въ этихъ словахъ Моисей и пророки! «Промышленность доставляетъ матеріалъ, который бережливость накопляетъ» [36]). Итакъ, накопляйте, накопляйте, т.-е. обращайте возможно большую часть прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта въ капиталъ! Накопленіе ради накопленія, производство ради производства, этой формулой классическая политическая экономія выражаетъ историческую роль буржуазнаго періода. Она ни на минуту не обманывалась относительно мучительности потугъ при нарожденіи богатства [37]), но какая польза въ жалобахъ въ виду исторической неизбѣжности? Если классическая политическая экономія и видитъ въ пролетаріѣ только машину для производства прибавочной стоимости, то и капиталистъ въ глазахъ ея не болѣе какъ машина для превращенія этой прибавочной стоимости въ добавочный капиталъ. Она смотритъ совершенно серьезно на эту его сторическую функцію. Чтобы избавить его отъ ужасной борьбы между страстью къ наслажденію и страстью къ обогащенію, Мальтусъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Вѣнскаго конгресса, выступилъ на защиту такого дѣленія труда, на основаніи котораго капиталистамъ, дѣйствительно занимавшимся производствомъ, предоставляется дѣло накопленія, другимъ-же участникамъ въ пользованіи прибавочной стоимостью, — поземельной аристократіи, лицамъ, пользующимся доходными мѣстами въ государствѣ, въ церкви и т. д.—предоставляется дѣло расточенія. «Въ высшей степени важно», говоритъ онъ, «отдѣлять страсть къ тратамъ отъ страсти къ накопленію» («the passion for expenditure and the passion for accumulation» [38]). Господа капиталисты, уже давно обратившіеся въ людей свѣтскихъ и наслаждающихся жизнью, возопили. Какъ, — восклицаетъ одинъ изъ ихъ вожаковъ и послѣдователь Рикардо,—господинъ

---

[35]) Dr. Aikin: «Description of the Country from 30 to 40 miles round Manchester. London 1795» p. 182 и слѣд.

[36]) A. Smith l. c. b. III, ch. III.

[37]) Самъ J. B. Say говоритъ: «Сбереженія богатыхъ дѣлаются на счетъ бѣдныхъ». «Римскій пролетарій почти совершенно жилъ на общественный счетъ... Можно почти сказать, что новѣйшее общество живетъ на счетъ пролетарія, на ту часть, которую оно оттягиваетъ у него отъ платы за трудъ». (Sismondi: «Etudes etc. des etc.» t. I, p. 24).

[38]) Malthus l. c. p. 319, 320.

Мальтусъ рекомендуетъ высокую поземельную ренту, высокія подати и т. д., для того, чтобы непроизводительные потребители постоянно поощряли промышленниковъ! Конечно—производство, производство все въ болѣе широкихъ размѣрахъ, вотъ нашъ лозунгъ, наша панацея, но «подобный способъ является для производства скорѣе тормазомъ чѣмъ поощреніемъ. Одинаково не совсѣмъ справедливо («nor is it quite fair») поощрять такимъ образомъ праздность извѣстнаго числа лицъ, только для того, чтобы притѣснять другихъ, между тѣмъ какъ по ихъ характеру можно заключить («who are likely, from their characters»), что если-бы заставить ихъ работать, то они могли-бы принести пользу» [39]). Но, считая несправедливымъ побуждать капиталистовъ къ накопленію, снимая сливки съ ихъ молока, онъ въ то-же время находитъ необходимымъ понизить рабочую плату до минимума, для того, чтобы «поддерживать въ рабочемъ трудолюбіе». Онъ ни на минуту не скрываетъ того факта, что тайна прибавочной стоимости заключается въ захватѣ неоплаченнаго труда. «Увеличенный запросъ со стороны рабочихъ обозначаетъ только ихъ склонность брать меньшую долю изъ своего собственнаго продукта за свой трудъ, предоставляя большую часть его своимъ предпринимателямъ; и если скажутъ, что это, вслѣдствіе уменьшенія потребленія (со стороны рабочаго), произведетъ glut (переполненіе рынка, перепроизводство), то на это можно отвѣтить, что glut, перепроизводство, есть синонимъ высокой прибыли» [40]).

Ученый споръ о томъ, какъ выгоднѣе для накопленія добычу, взятую у рабочаго, распредѣлить между промышленнымъ капиталистомъ и празднымъ землевладѣльцемъ и т. д., замолкъ передъ іюльской революціи. Вскорѣ затѣмъ ліонскій городской пролетаріатъ ударилъ набатъ, а земледѣльческій пролетаріатъ пустилъ краснаго пѣтуха въ Англіи. По эту сторону канала свирѣпствовалъ оуэнизмъ, по ту сторону—сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ. Часъ вульгарной политической экономіи пробилъ. Какъ разъ за годъ до своего открытія, что прибыль (со включеніемъ процента) капиталиста есть продуктъ «послѣдняго двѣнадцатаго часа», Nassau W. Senior въ Манчестерѣ повѣдалъ міру другое открытіе. «Я», сказалъ онъ торжественно, «замѣняю слово капиталъ, какъ орудіе производства, словомъ воздержаніе (abstinence)» [41]).

Превосходный образецъ «открытій» вульгарной экономіи! Она замѣняетъ экономическую категорію мошеннической фразой. Voilà tout! «Когда дикарь», поучаетъ Senior «дѣлаетъ лукъ, то онъ занимается промысломъ, но при этомъ нѣтъ воздержанія». Это намъ объясняетъ, какъ и почему въ болѣе раннихъ фазахъ общественнаго развитія орудія труда производились «безъ воздержанія» капиталистовъ. «Чѣмъ больше развивается общество, тѣмъ бóльшаго воздержанія оно требуетъ» [42]), именно со стороны тѣхъ, кто занимается промышленностью, захватывая плоды чужой промышленности. Всѣ условія рабочаго процесса превращаются съ этихъ поръ въ такое-же число проявленій воздержанія со стороны капиталистовъ. Если пшеница не только съѣдается, но часть ея и сѣется — то это благодаря воздержанію капиталиста! Вину даютъ время выбродить — это опять-таки благодаря воздержанію капиталиста! [43]). Капиталистъ обворовываетъ самого себя, когда «ссужаетъ (!) рабочихъ средствами производства», другими словами, когда онъ возвышаетъ стоимость послѣднихъ какъ капитала, овеществляя въ нихъ рабочую силу, вмѣсто того, чтобы самому съѣсть всѣ эти паровыя машины, хлопокъ, желѣзныя дороги, удобреніе, вьючныхъ лошадей и т. д.; или, какъ ребячески представляетъ себѣ вульгарная экономія, вмѣсто того, чтобы промотать «ихъ стоимость» на предметы роскоши и другія средства потребленія [44]). Какимъ образомъ капи-

---

[39]) «An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 67.

[40]) l. c. p. 50.

[41]) Senior: «Principes fondamentaux de l'Econ. Pol.» trad. Arrivabene. Paris 1836, p. 308. Но это было слишкомъ нелѣпо для послѣдователей старой классической школы. «Господинъ Senior замѣняетъ выраженія трудъ и капиталъ выраженіями трудъ и воздержаніе... Воздержаніе есть простое отрицаніе. Источникомъ прибыли служитъ не воздержаніе, а производительное потребленіе капитала». (John Cazenove l. c. p. 130, выноска). Дж. Ст. Милль, напротивъ того, съ одной стороны, выписываетъ теорію прибыли Рикардо, съ другой-же стороны, принимаетъ «remuneration of abstinence» (награду за воздержаніе) Senior'а. Насколько чужды ему гегелевскія противорѣчія, первоначальный источникъ всякой діалектики, настолько-же родственны плоскія противорѣчія. (Къ 2-му изданію). Вульгарному экономисту никогда не приходила въ голову мысль, что на каждое дѣйствіе человѣка можно смотрѣть какъ на «воздержаніе» отъ дѣйствія ему противоположнаго. Ѣда—это «воздержаніе» отъ поста; хожденіе—«воздержаніе» отъ стоянія на мѣстѣ; работа—«воздержаніе» отъ праздности; праздность—«воздержаніе» отъ работы и т. д. Эти господа поступятъ прекрасно, если разъ навсегда вникнутъ въ положеніе Спинозы: Determinatio est negatio».

[42]) Senior l. c. p. 342.

[43]) «Никто.... не станетъ сѣять своей пшеницы съ цѣлью чтобы она пролежала въ землѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, и никто не оставитъ на годы свое вино въ погребѣ, вмѣсто того, чтобы потребить сразу эти продукты или ихъ эквиваленты — если-бы не разсчитывалъ получить добавочную стоимость». (Scrope: «Political Economy», edit. by A. Potter, New-Iork 1841, p. 133, 134).

[44]) «Лишеніе, на которое осуждаетъ себя капиталистъ, ссужая (это смягченное выраженіе употребляется для того, чтобы, при помощи пріема прекрасно испытаннаго вульгарной экономіей отождествить наемнаго рабочаго, эксплуатируе-

талисты въ состояніи все это совершить—вульгарная экономія до сихъ поръ упорно хранитъ въ тайнѣ. Довольно того, что міръ существуетъ только самобичеваніемъ этого новѣйшаго кающагося послѣдователя Вишну — капиталиста. Не только для накопленія, но даже для простого «сохраненія капитала нужны постоянныя усилія что бы воздержаться отъ желанія съѣсть его» [45]). Слѣдовательно ясно, что простая гуманность повелѣваетъ избавить капиталиста отъ мученичества и искушенія тѣмъ-же способомъ, какимъ еще недавно, уничтоживъ рабство, избавили рабовладѣльца Георгіи отъ мучительной дилеммы: слѣдуетъ-ли весь прибавочный продуктъ, выколоченный изъ негровъ-невольниковъ, истратить на шампанское, или-же часть его слѣдуетъ употребить на покупку добавочныхъ негровъ и добавочной земли.

Въ обществахъ, находящихся въ самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ экономическаго развитія, мы находимъ не одно лишь простое воспроизводство, но, хотя въ различной степени, воспроизводство въ постоянно расширяющихся размѣрахъ. Прогрессивно повышается какъ производство, такъ и потребленіе, слѣдовательно, также большее количество продукта приходится обращать въ средства производства. Но этотъ процессъ не будетъ накопленіемъ капитала,—а поэтому и функціей капиталиста,—до тѣхъ поръ, пока средства производства рабочаго, а слѣдовательно, также и продуктъ его, и средства его существованія, не будутъ противополагаться ему въ формѣ капитала [36]). Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ричардъ Джонсъ, преемникъ Мальтуса по кафедрѣ политической экономіи въ Haileybury College, превосходно разъясняетъ это на двухъ крупныхъ фактахъ. Такъ какъ значительнѣйшая часть индусскаго населенія—крестьяне, имѣющіе собственное хозяйство, то ихъ продуктъ, ихъ рабочія средства, средства ихъ существованія «никогда не принимаютъ формы («in the shape») фонда, скопленнаго отъ дохода («saved from revenue»), а потому не проходятъ черезъ предварительный процессъ накопленія» («a previous process of accumulation«) [47]). Съ другой стороны, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ англійское владычество наименѣе разрушило старую систему, неземледѣльческіе рабочіе получаютъ работу прямо отъ магнатовъ, которые пользуются частью земледѣльческаго прибавочнаго продукта въ видѣ подати или поземельной ренты. Часть этого продукта потребляется магнатами въ натуральномъ видѣ, другую же часть рабочіе обращаютъ для нихъ въ предметы роскоши и тому подобныя вещи; а остатокъ составляетъ плату рабочихъ, собственниковъ своихъ орудій труда. Производство и воспроизводство совершается здѣсь безъ посредства этого чудотворца, этого рыцаря печальнаго образа, «воздерживающагося» капиталиста.

4) Обстоятельства, опредѣляющія размѣръ накопленія, независимо отъ отношенія, въ которомъ прибыль подраздѣляется на доходъ и капиталъ.—Степень эксплуатаціи рабочей силы. — Производительность труда.—Возрастаніе разницы между размѣрами прилагаемаго капитала и размѣрами потребляемаго капитала.—Величина затраченнаго капитала.

При данномъ отношеніи, въ которомъ прибавочная стоимость подраздѣляется на капиталъ и доходъ, очевидно, что величина накопляемаго капитала находится въ зависимости отъ абсолютной величины прибавочной стоимости. Положимъ, что 80% ея капитализуется, а 20% потребляются; въ такомъ случаѣ накопляемый капиталъ будетъ или 2,400 ф. стерл. или 1,200 ф. стерл., смотря по тому, достигаетъ-ли прибавочная стоимость до 3,000 ф. стерл. или до 1,500 ф. стерл. Такимъ образомъ всѣ условія, опредѣляющія величину прибавочной стоимости, опредѣляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ накопленія. Мы резюмируемъ ихъ вновь, но лишь настолько, насколько они даютъ намъ новыя точки зрѣнія по отношенію къ накопленію.

Мы помнимъ, что норма прибавочной стоимости прежде всего зависитъ отъ степени эксплуатаціи рабочей силы. Политическая экономія приписываетъ такое большое значеніе этому факту, что иногда отождествляетъ ускореніе накопленія отъ повышенія производительной силы труда съ ускореніемъ его отъ увеличенія эксплуатаціи рабочихъ [48]). Въ главахъ о производствѣ прибавоч-

маго капиталистомъ, съ самимъ промышленнымъ капиталистомъ, который беретъ въ долгъ деньги у банкировъ!) рабочихъ своими орудіями производства, вмѣсто того, чтобы воспользоваться ихъ стоимостью ради собственной пользы, превращая ихъ въ предметы потребленія». (G. De Molinari l. c. p. 49).

[45]) «Сохраненіе капитала требуетъ... постоянныхъ усилій для воздержанія отъ желанія потребить его». (Courceuil-Seneuil l. c. p.37).

[46]) «Особенные роды дохода, которые всего обильнѣе увеличиваютъ народный капиталъ, измѣняются въ различныхъ стадіяхъ его развитія, и поэтому совершенно различны у народовъ, занимающихъ различныя положенія въ этомъ развитіи.... Прибыль.... въ раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія представляетъ незначительный источникъ накопленія, сравнительно съ рабочей платой и рентой.... Если въ силахъ народной промышленности дѣйствительно произошелъ значительный прогрессъ, то важность прибыли, какъ источника накопленія, сравнительно, возрастаетъ». (Richard Jones: Textbook etc., p. 16. 21).

[47]) l. c. p. 36 и сл. Къ 4-му изд.—(Вѣроятно недосмотръ, на указанной страницѣ этого нѣтъ.—Фр. Э.).

[48]) «Ricardo говоритъ: Накопленіе капитала или средствъ для приложенія (т.-е. для эксплуа-

ной стоимости мы постоянно предполагали, что рабочая плата по крайней мѣрѣ равна стоимости рабочей силы. На практикѣ, однако, насильственное пониженіе рабочей платы ниже стоимости рабочей силы играетъ слишкомъ важную роль, поэтому мы нѣсколько остановимся на немъ. Благодаря такому пониженію часть необходимаго потребительнаго фонда рабочаго фактически превращается въ фондъ накопленія капитала.

«Рабочая плата», говоритъ Дж. Ст. Милль, «не обладаетъ производительной силой; это цѣна производительной силы. Рядомъ съ самимъ трудомъ рабочая плата также мало содѣйствуетъ производству товаровъ, какъ цѣна машины съ самой машиной. Если-бы трудъ можно было имѣть безъ покупки его, то можно было-бы обойтись безъ рабочей платы» [49]). Но если-бы рабочій могъ питаться воздухомъ, то его нельзя было-бы купить ни за какую цѣну. Полное отсутствіе издержекъ на рабочаго представляетъ, слѣдовательно, предѣлъ въ математическомъ смыслѣ, къ которому постоянно стремятся, но котораго никогда не достигаютъ. Постоянное стремленіе капитала и состоитъ въ томъ, чтобы низвести рабочую плату до такого нулевого состоянія. Часто приводимый мною писатель XVIII-го столѣтія, авторъ «Essay on Trade and Commerce» раскрываетъ только глубочайшую, задушевную тайну англійскаго капитализма, когда объявляетъ, что историческая задача Англіи заключается въ пониженіи рабочей платы до уровня французской и голландской [50]). Онъ, между прочимъ, наивно говоритъ: «Но если-бы наши бѣдные (техническое выраженіе, обозначающее рабочихъ) пожелали жить въ большомъ довольствѣ... трудъ, разумѣется, долженъ былъ-бы вздорожать... Взглянемъ только на ужасающее количество излишествъ, потребляемыхъ нашими мануфактурными рабочими, какъ напримѣръ, сахаръ, чай, джинъ, водка, привозные плоды, крѣпкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табакъ и т. д.» [51]). Онъ ссылается на сочиненіе одного нордгэмптонскаго фабриканта, который поднимая взоры, къ небу, жалуется: «Работа во Франціи на цѣлую треть цѣнится дешевле, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ французскіе бѣдные работаютъ безъ устали и очень воздержны на пищу и одежду; главные предметы ихъ пищи — хлѣбъ, плоды, зелень, коренья и сушеная рыба, такъ какъ они очень рѣдко ѣдятъ мясо, а когда дорога пшеница, то очень мало хлѣба» [52]). «Къ этому надо прибавить», продолжаетъ нашъ публицистъ, «что питье ихъ составляетъ вода или подобные-же слабые напитки, такъ что они тратятъ чрезвычайно мало денегъ... Подобный порядокъ вещей, разумѣется, трудно ввести, но онъ не недосягаемъ, какъ это доказываетъ его существованіе во Франціи и въ Голландіи» [53]). Спустя два десятилѣтія, одинъ американскій лжецъ, баронизированный янки Benjamin Thomson (иначе графъ Румфордъ) преслѣдовалъ ту-же филантропическую цѣль въ угоду Богу и людямъ. Его «Essays» представляютъ поваренную книгу съ всякаго рода рецептами для замѣны обыкновенныхъ дорогихъ кушаньевъ рабочаго. Вотъ особенно удачный рецептъ этого удивительнаго «философа» 5 ф. ячменя, 5 ф. кукурузы, на три пенса селедокъ, на пенсъ соли, на пенсъ уксусу, на 2 пенса перцу и зелени—всего на сумму $20^3/_4$ пенса; изъ этого готовятъ супъ на 64 человѣка; при средней цѣнѣ ячменя и кукурузы, издержки на содержаніе одного человѣка можно сократить даже еще на $^1/_4$ пенса (около $^3/_4$ коп.) [54]). Под-

тации) труда, «въ различныхъ стадіяхъ общественнаго развитія, совершается болѣе или менѣе быстро, и во всѣхъ случаяхъ должно зависѣть отъ производительныхъ силъ труда. Производительныхъ-же силъ вообще всего болѣе тамъ, гдѣ имѣется изобиліе плодородныхъ земель». Если въ этомъ разсужденіи производительныя силы труда обозначаютъ ничтожность той части продукта, которая приходится на долю тѣхъ, руками которыхъ онъ сработанъ, то это разсужденіе будетъ простая тавтологія, такъ какъ оставшаяся часть составляетъ фондъ, изъ котораго, если владѣлецъ пожелаетъ (if the owner pleases), можетъ быть накопленъ капиталъ. Но этого большею частью не бываетъ тамъ, гдѣ земля наиболѣе плодородна». («Observations on certain verbal disputes etc.» p. 74, 75).

[49]) J. St. Mill: «Essays on some unsettled Questions of Polit Economy. London 1844», p. 90.

[50]) «An Essay on Trade and Commerce. London 1770», p.44. Въ декабрѣ 1866 года и январѣ 1867, въ Times'ѣ были помѣщены подобныя-же жалобы англійскихъ горнозаводчиковъ, гдѣ изображалось счастливое положеніе бельгійскихъ рудокоповъ, которые не требуютъ и не получаютъ болѣе того, сколько именно необходимо, чтобы жить для ихъ «masters» (хозяевъ). Бельгійскіе рабочіе много терпятъ, но за то они фигурируютъ въ Times'ѣ какъ образцовые рабочіе! Въ началѣ февраля 1867 года стачка бельгійскихъ рудокоповъ, подавленная свинцомъ и порохомъ (близъ Marchienne) была отвѣтомъ на эту рекомендацію.

[51]) l. c. p. 44, 46.

[52]) Нортгэмптонскій фабрикантъ производитъ здѣсь нѣкоторый pia fraus (невинный обманъ), извинительный, когда сердце переполнено. Повидимому, онъ сравниваетъ жизнь англійскихъ и французскихъ мануфактурныхъ рабочихъ, а изображаетъ въ только что приведенныхъ словахъ,—какъ впослѣдствіи самъ сознается,—жизнь французскихъ земледѣльческихъ рабочихъ!

[53]) l. c. p. 70, 71. (Къ 3 изд.) Въ настоящее время благодаря конкуренціи на всемірномъ рынкѣ, съ тѣхъ поръ установившейся, мы шагнули далеко впередъ. «Если Китай—говоритъ г. Стэпльтонъ, обращаясь къ своимъ избирателямъ,—станетъ значительною промышленною страною, то я не вижу, какимъ образомъ промышленное населеніе Европы будетъ въ состояніи выдержать борьбу, не спустившись до уровня своихъ конкурентовъ». (Times, 3 сент. 1873). Стало быть, желанная цѣль англійскаго капитала уже не континентальная рабочая плата, а китайская.

[54]) Benjamin Thomson: «Essays, political, economical and philosophical etc. 3 vol. Lond. 1796—

дѣлка товаровъ, явившаяся вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства, сдѣлала идеалы Thomson'а ненужными [55]). Въ концѣ XVIII-го и въ теченіе перваго десятилѣтія XIX-го столѣтія фермеры и лэндлорды добились абсолютнаго minimum'а платы тѣмъ, что уплачивали батракамъ менѣе minimum'а въ формѣ рабочей платы, остальное-же доплачивали въ формѣ приходскаго вспоможенія. Вотъ примѣръ тѣхъ фарсовъ, которые выкидывали англійскіе dogberries, когда вводили свой «законный» тарифъ рабочей платы: «Когда въ 1795 г., говоритъ Боркъ, норфолькскіе сквайры вводили опредѣленную рабочую плату для Спингамлэнда, то они сами обѣдали и, очевидно, думали, что рабочему нѣтъ необходимости дѣлать то-же самое... Они порѣшили, что недѣльная плата должна составлять 3 шилл. на человѣка, пока каравай хлѣба въ 8 ф. 11 унцій. стоитъ 1 шилл., и она должна равномѣрно повышаться до тѣхъ поръ, пока такой каравай не будетъ стоить 1 шилл. 5 пенс. Какъ только цѣна его поднимется еще болѣе, то плата должна пропорціонально понижаться до тѣхъ поръ, пока цѣна каравая дойдетъ до 2 шилл., и тогда количество пищи на человѣка должно уменьшиться на $^1/_5$ противъ прежняго» [56]). Въ слѣдственной комиссіи палаты лордовъ 1814 года, нѣкоего A. Bennett'а, крупнаго фермера, судью, смотрителя дома для бѣдныхъ и таксатора рабочей платы, спросили: «Замѣчается-ли какое-нибудь соотношеніе между стоимостью дневного труда и приходскимъ вспоможеніемъ рабочему?» Отвѣтъ: «Да. Къ номинальной рабочей платѣ каждаго семейства приплачивается столько, чтобы весь недѣльный доходъ каждаго члена его составилъ цѣну каравая хлѣба (въ 8 ф. 11 унц.) и еще 3 пенса... Мы полагаемъ, что такого каравая вполнѣ достаточно для поддержанія существованія каждаго члена семейства въ продолженіе недѣли, а 3 пенса назначаются на одежду; если-же приходъ сочтетъ болѣе удобнымъ выдавать одежду натурою, то эти 3 пенса удерживаются. Этотъ обычай существуетъ не только во всемъ западномъ Уильтширѣ, но, я думаю, во всей странѣ» [57]). «Такимъ образомъ,» восклицаетъ одинъ буржуазный писатель того времени, «фермеры въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно унижали достойный классъ своихъ соотечественниковъ, заставляя ихъ прибѣгать къ рабочему дому... Фермеры увеличивали свои собственные доходы, мѣшая зависимымъ отъ нихъ рабочимъ накоплять даже самое необходимое» [58]). Какую роль играетъ въ настоящее время прямое лишеніе необходимаго фонда потребленія рабочаго при образованіи прибавочной стоимости, а слѣдовательно и фонда накопленія капитала, показалъ примѣръ такъ называемаго домашняго труда. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ и другіе факты.

Хотя во всѣхъ отрасляхъ промышленности та часть постояннаго капитала, которая состоитъ изъ орудій труда, должна быть достаточна для опредѣленнаго числа рабочихъ (смотря по размѣрамъ предпріятія), но она ни въ какомъ случаѣ не возрастаетъ въ тѣхъ-же самыхъ размѣрахъ, какъ количество употребляемаго труда. Положимъ, что на фабрикѣ 100 рабочихъ, работая по 8 часовъ въ сутки, доставляютъ 800 рабочихъ часовъ. Пожелай капиталистъ увеличить это послѣднее число въ полтора раза, ему придется взять еще 50 рабочихъ; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ также затратить большій капиталъ не только на заработную плату, но и на орудія труда. Но онъ можетъ также принудить своихъ рабочихъ, вмѣсто 8 часовъ, работать 12 часовъ; въ такомъ случаѣ уже имѣющихся орудій труда будетъ вполнѣ достаточно: они просто только будутъ быстрѣе использованы. Такимъ образомъ, дополнительный трудъ, полученный вслѣдствіе большей траты силы, можетъ увеличить количество прибавочнаго продукта и прибавочной стоимости, т.-е. того, что служитъ

1802». vol. I, p. 288. Въ своемъ «The State of the Poor, or an History of the Labouriug Classes in England etc.» Sir F. M. Eden., горячо рекомендуетъ нищенскій супъ Румфорда смотрителямъ рабочихъ домовъ, и съ укоромъ напоминаетъ англійскимъ рабочимъ, что «у шотландцевъ есть много семействъ, которыя употребляютъ въ пищу въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ вмѣсто пшеницы, ржи и мяса, ячменную муку и овсяную крупу, смѣшанную только съ водой и солью и несмотря на то живутъ даже очень комфортэбельно» (and that very comfortably too») (l. c. v. I, b. II, ch. II, p. 503). Подобные «совѣты» встрѣчаются и въ XIX столѣтіи. Англійскіе земледѣльческіе рабочіе, говорятъ напримѣръ, «не хотятъ ѣсть никакой мучной смѣси низшихъ сортовъ зерна». Въ Шотландіи, гдѣ воспитаніе лучше, этотъ предразсудокъ вѣроятно неизвѣстенъ». (Charles H. Parry M. D: «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered. London 1816», p. 69). Тотъ-же Parry однако жалуется, что теперь (1815) англійскіе рабочіе сильно обнищали въ сравненіи съ современниками Eden'а (1797).

[55]) Изъ отчетовъ послѣдней парламентской коммисіи для изслѣдованія поддѣлки пищевыхъ продуктовъ видно, что даже поддѣлка аптекарскихъ товаровъ въ Англіи составляетъ правило, а не исключеніе. Напримѣръ, при изслѣдованіи 34 пробъ опіума, купленныхъ въ различныхъ лондонскихъ аптекахъ, оказалось, что 31 была съ подмѣсями маковыхъ головокъ, пшеничной муки, камеди, песку, извести и т. д. Во многихъ не было ни одного атома морфина.

[56]) G. B. Newnham (barrister at law): «A Review of the Evidence before the Commitee of the two Houses of Parliament on the Cornlaws. London 1815», p. 28, выноска.

[57]) l. c. p. 19, 20.

[58]) Ch. H. Parry l. c. p. 69, 77. Господа лэндлорды не только «вознаградили» себя за антиякобинскую войну, которую они вели именемъ Англіи, но еще страшно обогатились. «Ренты ихъ удвоились, утроились, учетверились и даже въ исключительныхъ случаяхъ, ушестерились въ продолженіе 18 лѣтъ» (l. c. p. 100, 101).

объектомъ накопленія, безъ соотвѣтственнаго увеличенія постоянной части капитала.

Въ добывающей промышленности, въ горнозаводскомъ дѣлѣ и т. п. на сырой матеріалъ капитала ничего не затрачивается. Предметъ труда въ этомъ случаѣ не есть продуктъ предшествовавшаго труда, но доставляется природою даромъ, какъ, напримѣръ, металлы, минералы, уголь, камень и т. п. Въ этомъ случаѣ постоянный капиталъ состоитъ почти исключительно изъ орудій труда, которыя прекрасно могутъ выносить большее количество труда (напримѣръ, при помощи дневныхъ и ночныхъ смѣнъ рабочихъ). Но, при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ, количество и стоимость продукта возрастаютъ соразмѣрно съ возрастаніемъ количества затраченнаго труда. Какъ и въ первый день производства, первоначальные созидатели продуктовъ, обращенные теперь въ созидателей вещественныхъ элементовъ капитала — человѣкъ и природа — работаютъ заодно. Безъ какого-бы то ни было предварительнаго увеличенія постояннаго капитала предѣлы накопленія расширяются благодаря растяжимости рабочей силы.

Въ земледѣліи размѣры обработываемой земли невозможно увеличить безъ затраты бо̀льшаго количества сѣмянъ и удобренія. Но разъ эта затрата сдѣлана, чисто механическая обработка самой почвы оказываетъ поразительное вліяніе на возрастаніе количества продукта. Большее количество труда, потраченное прежнимъ числомъ рабочихъ, повышаетъ, такимъ образомъ, плодородіе, не требуя какихъ-либо дополнительныхъ затратъ на орудія труда. Это опять-таки есть простое дѣйствіе человѣка на природу, которое становится непосредственнымъ источникомъ бо̀льшаго накопленія, безъ помощи новаго капитала.

Наконецъ, въ томъ, что называется обработывающею промышленностью, каждая дополнительная трата труда предполагаетъ соотвѣтственную дополнительную трату сырого матеріала, но при этомъ нѣтъ необходимости, чтобы возрастала вмѣстѣ съ тѣмъ трата орудій труда. Такъ какъ добывающая промышленность и земледѣліе доставляютъ сырой матеріалъ и для самой обработывающей промышленности, и для орудій труда, потребныхъ для нея, то дополнительный продуктъ, произведенный первыми безъ дополнительныхъ затратъ капитала, является благопріятнымъ и для послѣдней.

Итакъ, захватывая оба первоначальнне источника созиданія богатства, рабочую силу и природу, капиталъ получаетъ способность расширяться, способность, которая позволяетъ ему увеличивать элементы накопленія за предѣлы, которые, повидимому, назначены собственными его размѣрами, или стоимостью и количествомъ уже произведенныхъ средствъ производства, въ которыхъ онъ овеществленъ.

Другой важный факторъ въ накопленіи капитала, это — степень производительности общественнаго труда.

Вмѣстѣ съ производительной силой труда увеличивается количество продуктовъ, въ которыхъ воплощается опредѣленная стоимость, а слѣдовательно также и прибавочная стоимость данной величины. При неизмѣняющейся и даже при понижающейся нормѣ прибавочной стоимости,— если только она падаетъ медленнѣе, чѣмъ повышается производительная сила труда, количество прибавочнаго продукта возрастаетъ. Слѣдовательно, при неизмѣняющемся дѣленіи послѣдняго на доходъ и добавочный капиталъ, потребленіе капиталиста можетъ увеличиваться безъ уменьшенія фонда накопленія. Относительная величина фонда накопленія можетъ увеличиваться даже на счетъ потребительнаго фонда, между тѣмъ какъ удешевленіе товаровъ дастъ капиталисту столько-же средствъ наслажденія, сколько давало прежде, или даже болѣе прежняго. Возрастающая-же производительность труда, какъ мы видѣли, идетъ рука объ руку съ удешевленіемъ рабочихъ, слѣдовательно, съ возрастаніемъ нормы прибавочной стоимости даже въ томъ случаѣ, когда реальная рабочая плата повышается. Она никогда не повышается пропорціонально увеличенію производительной силы труда. Поэтому, тотъ-же самый перемѣнный капиталъ приводитъ теперь въ дѣйствіе бо̀льшее количество рабочей силы, а слѣдовательно и больше труда. Та-же самая стоимость постояннаго капитала выражается въ бо̀льшемъ количествѣ средствъ производства, т.-е. въ большемъ количествѣ орудій труда, рабочаго и вспомогательнаго матеріала, — доставляетъ, слѣдовательно, болѣе элементовъ какъ для производства потребительныхъ стоимостей, такъ и мѣновыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высасывателей труда. Поэтому при измѣняющейся и даже уменьшающейся стоимости добавочнаго капитала все-таки происходитъ болѣе быстрое накопленіе. Не только размѣры воспроизводства расширяются вещественно, но и производство прибавочной стоимости увеличивается быстрѣе, чѣмъ стоимость добавочнаго капитала.

Развитіе производительной силы труда воздѣйствуетъ также на первоначальномъ капиталѣ или на капиталѣ, уже находящемся въ процессѣ производства. Часть дѣйствующаго постояннаго капитала состоитъ изъ орудій труда, напримѣръ машинъ и т. п., которыя потребляются только въ продолжительные періоды, а слѣдовательно, воспроизводятся или замѣняются новыми экземплярами того-же рода также чрезъ длинные сроки. Часть-же этихъ орудій труда погибаетъ ежегодно, или доходитъ до конечнаго предѣла цѣли своего производительнаго отправленія. Поэтому, каждый годъ они находятся въ стадіи своего производительнаго воспроизведенія или своего

замѣщенія новыми экземплярами того-же рода. Если производительность труда въ продолженіе времени пользованія этими орудіями труда возрасла,—а она возрастаетъ постоянно вмѣстѣ съ непрерывнымъ прогресомъ науки и технологіи,—то болѣе сильныя и по размѣрамъ своей дѣятельности болѣе дешевыя машины, инструменты, аппараты и т. д. замѣщаютъ старые. Прежній капиталъ воспроизводится въ болѣе производительномъ видѣ, независимо отъ мелкихъ измѣненій въ орудіяхъ труда, находящихся въ дѣйствіи. Другая часть постояннаго капитала, сырой и вспомогательный матеріалъ, воспроизводится постоянно меньше чѣмъ въ теченіе года; а производимый въ земледѣліи — обыкновенно ежегодно. Поэтому, каждое введеніе лучшихъ способовъ и т. д. имѣетъ вліяніе почти одновременно, какъ на добавочный капиталъ, такъ и на тотъ, который уже дѣйствуетъ. Прогрессъ химіи не только увеличиваетъ число полезныхъ веществъ и полезныхъ примѣненій веществъ, уже извѣстныхъ, а потому расширяетъ съ возрастаніемъ капитала и сферу его приложенія, но онъ учитъ въ то-же время вносить экскременты процессовъ производства и потребленія снова въ круговоротъ процесса воспроизводства, создаетъ слѣдовательно, новые матеріалы для капитала безъ предварительной затраты капитала.

Подобно увеличенію эксплуатаціи природныхъ богатствъ простымъ повышеніемъ напряженія рабочей силы, наука и техника придаютъ капиталу растяжимость, независимую отъ данной величины уже дѣйствующаго капитала. Онѣ одновременно воздѣйствуютъ на ту часть первоначальнаго капитала, которая находится въ данную минуту въ стадіи своего возобновленія. Капиталъ въ своей новой формѣ овладѣваетъ даромъ тѣмъ общественнымъ прогрессомъ, который совершался, пока онъ изнашивался въ старой формѣ. Конечно это развитіе производительной силы влечетъ за собой обезцѣненіе части дѣйствующаго капитала. Капиталъ, напримѣръ, затраченный на машины, теряетъ свою стоимость, если появляются новыя лучшія машины того-же рода. Если конкуренція дѣлаетъ это обезцѣненіе довольно чувствительнымъ для капиталиста, то главная тяжесть падаетъ все-таки на рабочихъ, усиленною эксплуатаціей которыхъ, капиталистъ старается покрыть свои убытки.

Трудъ передаетъ на продуктъ стоимость потребляемыхъ имъ средствъ производства. Съ другой стороны, стоимость и количество средствъ производства, употребляемыхъ даннымъ количествомъ труда, возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ трудъ дѣлается болѣе производительнымъ. Если одно и то-же количество труда и прибавляетъ къ продукту всегда одинаковую сумму новой стоимости, тѣмъ не менѣе, прежняя капитальная стоимость, переносимая трудомъ на продуктъ, увеличивается вмѣстѣ съ возрастаніемъ производительности труда.

Предположимъ, что два прядильщика, одинъ англичанинъ, а другой китаецъ, работаютъ одно и тоже число часовъ, съ одинаковою напряженностью; въ недѣлю они, стало быть, создадутъ стоимости равной величины. Но, несмотря на такое равенство, окажется чрезвычайно значительное различіе между стоимостью, произведенною въ теченіе недѣли англичаниномъ, который работаетъ при помощи могущественнаго автомата, и стоимостью, произведенною въ теченіе того-же времени китайцемъ, который прядетъ при помощи самопрялки. Въ то время, когда китаецъ изготовитъ фунтъ хлопка, англичанинъ выпрядетъ нѣсколько сотъ фунтовъ; благодаря этому, сумма прежней стоимости, передаваемой англичаниномъ на продуктъ, въ нѣсколько сотъ разъ превышаетъ ту, которая передается на продуктъ трудомъ китайца и которая проявляется въ новой полезной формѣ и можетъ, такимъ образомъ, снова играть роль капитала. «Въ 1782 году», говоритъ F. Engels, «вся шерсть, полученная въ три предыдущіе года (въ Англіи), оставалась за недостаткомъ людей не обработанной, и, можетъ быть, въ такомъ видѣ пролежала-бы дольше, еслибы не явилась на помощь вновь изобрѣтенная машина и не выпряла-бы ее» [59]). Новыя машины, разумѣется, не создали ни одного рабочаго, но онѣ дали возможность небольшому числу рабочихъ, прилагая сравнительно малое количество живого труда, не только производительно потребить шерсть и прибавить къ ней новую стоимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ формѣ пряжи и т. п. сберечь также ея прежнюю стоимость. Въ то-же время онѣ дали этимъ средство и толчекъ для воспроизводства шерсти въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Таково уже природное свойство живого труда — сберегать прежнюю стоимость въ то время, когда онъ созидаетъ новую. Съ увеличеніемъ плодотворности, размѣровъ и стоимости средствъ производства, т.-е. съ накопленіемъ, сопровождающимъ развитіе производительной силы, трудъ, поэтому, сохраняетъ и увѣковѣчиваетъ въ постоянно возобновляющейся формѣ постоянно увеличивающуюся стоимость капитала [60]). Это при-

[59]) F. Engels: «Lage der arbeitenden Klasse in England», p. 20.

[60]) Классическая политическая экономія, благодаря неполнотѣ анализа, никогда правильно не понимала процесса труда и процесса образованія новыхъ стоимостей, этихъ важнѣйшихъ моментовъ воспроизводства, что можно видѣть, напримѣръ, у Рикардо. Онъ говоритъ, что, какъ-бы ни измѣнялась производительная сила, «милліонъ людей изготовятъ на фабрикахъ всегда одинаковую стоимость». Это вѣрно при данной степени напряженія и продолжительности ихъ труда. Но это нисколько не мѣшаетъ тому, — и Рикардо, при извѣстныхъ выводахъ, упускаетъ это изъ вниманія,—что милліонъ людей, при различной производительности своего труда, превращаетъ

родное свойство труда кажется свойствомъ присущимъ капиталу, въ составъ котораго оно входитъ, совершенно также, какъ ея общественная производительная сила труда представляется свойствомъ, присущимъ капиталу, а постоянный захватъ прибавочнаго труда со стороны капиталиста представляется свойствомъ капитала непрерывно увеличиваться въ размѣрѣ. Всѣ свойства труда представляются свойствами капитала, точно также какъ всѣ формы цѣнности товара — денежными формами.

Съ увеличеніемъ капитала возрастаетъ различіе между приложеннымъ и потребленнымъ капиталомъ, иначе говоря, увеличивается какъ стоимость, такъ и вещественная масса орудій труда,—какъ напримѣръ строенія, машины, дренажныя трубы, рабочій скотъ, аппараты всякаго рода—которыя дѣйствуютъ въ болѣе или менѣе продолжительное время, въ непрерывно повторяющихся процессахъ производства, или служатъ цѣликомъ для опредѣленныхъ полезныхъ цѣлей, тогда какъ приходятъ въ негодность только постепенно, а потому теряютъ свою стоимость только по частямъ, а слѣдовательно и переносятъ ее на продуктъ также по частямъ. Насколько эти средства труда служатъ образователями продукта, не увеличивая его стоимости, т.-е. прилагаются цѣликомъ, а потребляются только по частямъ, настолько, какъ уже было раньше сказано, они служатъ даромъ, какъ силы природы, вода, паръ, воздухъ, электричество и т. д. Эта даровая служба прошлаго труда, если онъ охватывается и одушевляется живымъ трудомъ, накопляется съ возрастаніемъ накопленія.

Такъ какъ прошлый трудъ всегда преобразуется въ капиталъ, т.-е. такъ какъ пассивъ труда *A*, *B*, *C* и т. д. фигурируетъ въ активѣ не рабочаго *X*, то буржуа и экономисты не нахвалятся заслугами прошедшаго мертваго труда, который даже, по словамъ шотландскаго генія Макъ Кэллоха, долженъ получить особенное вознагражденіе въ видѣ процента, прибыли и т. д.[61]). Постоянно возрастающее содѣйствіе прошлаго

въ продуктъ очень различныя количества средствъ производства, поэтому сберегаютъ въ продуктѣ весьма различныя количества стоимостей, а слѣдовательно и стоимости доставляемаго ими продукта бываютъ весьма различны. Рикардо, замѣтимъ между прочимъ, напрасно старается на этомъ примѣрѣ уяснить J. B. Say различіе между потребительной стоимостью (которую онъ называетъ при этомъ wealth, (вещественнымъ богатствомъ) и мѣновою стоимостью. Say отвѣчаетъ: «Что-же касается до затрудненій, которыя возбуждаетъ Рикардо, говоря, что при болѣе усовершенствованныхъ процессахъ, милліонъ лицъ въ состояніи произвести вдвое, втрое болѣе богатствъ, не производя болѣе стоимостей, то это затрудненіе пропадаетъ, разъ мы будемъ смотрѣть на производство какъ слѣдуетъ, т.-е. если примемъ производство за обмѣнъ, въ которомъ, для пріобрѣтенія продуктовъ, предлагаютъ производительныя услуги своего труда, своей земли, своихъ капиталовъ. Только при помощи такихъ производительныхъ услугъ, мы пріобрѣтаемъ всякіе продукты, существующіе на свѣтѣ. Но... мы тѣмъ богаче, наши производительныя услуги имѣютъ тѣмъ бо́льшую стоимость, чѣмъ бо́льшее количество полезныхъ вещей пріобрѣтаемъ мы при обмѣнѣ, называемомъ производствомъ». (J. B. Say: «Lettres à Malthus. Paris 1820», p. 168, 169). «Затрудненіе», — существующее для него, а не для Рикардо,— которое долженъ объяснить Say, заключается въ слѣдующемъ: почему не возрастаетъ стоимость потребительныхъ стоимостей, когда вслѣдствіе увеличенія производительной силы труда возрастаетъ ихъ количество? Отвѣтъ: Затрудненіе исчезнетъ, какъ только потребительную стоимость мы назовемъ мѣновою. Мѣновая стоимость есть вещь, которая one way or another (тѣмъ или другимъ путемъ) находится въ связи съ обмѣномъ. Слѣдовательно, если «обмѣнъ» труда и средствъ производства на продуктъ, назовемъ производствомъ, то тогда будетъ ясно какъ день, что тѣмъ болѣе получается мѣновыхъ стоимостей, чѣмъ болѣе потребительныхъ стоимостей доставляется даннымъ производствомъ. Иначе говоря: чѣмъ больше потребительныхъ стоимостей, — напримѣръ чулокъ, рабочій день доставляетъ чулочному фабриканту, тѣмъ онъ богаче чулками. Вдругъ въ голову Say приходитъ идея, что «при бо́льшемъ количествѣ» чулокъ, «цѣна» ихъ (которая, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ мѣновою стоимостью!) падаетъ, «потому что конкуренція заставляетъ ихъ (производителей) отдавать продуктъ за то, во что онъ обошелся имъ самимъ». Но откуда-же является прибыль, если капиталистъ продаетъ товаръ по той цѣнѣ, по какой онъ обходится ему самому? Но пойдемъ далѣе. Say объявляетъ, что вслѣдствіе возросшей производительности, каждый получаетъ теперь за тотъ-же эквивалентъ, двѣ пары чулокъ, вмѣсто прежней одной и т. д. Результатъ, къ которому онъ приходитъ, есть именно то положеніе Рикардо, которое онъ хотѣлъ опровергнуть. Послѣ этого умственнаго напряженія, онъ съ торжествующимъ видомъ обращается къ Мальтусу со слѣдующими словами: «Такова, милостивый государь, хорошо связанная доктрина, безъ которой, объявляю, невозможно объяснить наиболѣе значительныхъ затрудненій въ политической экономіи, и особенно того, какимъ образомъ можетъ произойти, чтобы нація стала богаче, когда стоимость ея продуктовъ уменьшается, между тѣмъ какъ богатство состоитъ изъ стоимостей» (l. c. p. 170). Одинъ англійскій экономистъ, по поводу подобныхъ фокусовъ въ «письмахъ» Say, замѣчаетъ: «эти аффектированные способы болтовни («those affected ways of talking») образуютъ въ сложности то, что господину Say угодно называть своей доктриной, которую онъ навязываетъ Мальтусу для того, чтобы тотъ поучалъ ей въ Гертфордѣ, «какъ это уже дѣлается во многихъ мѣстахъ Европы». Онъ говоритъ: «Если вы во всѣхъ этихъ положеніяхъ найдете видъ парадоксальности, то посмотрите на вещи, выражаемыя ими, и я смѣю думать, что онѣ вамъ покажутся крайне простыми и крайне разумными». Безъ сомнѣнія, въ то же время, благодаря тому-же процессу, онѣ покажутся всѣмъ чѣмъ угодно, но только не оригинальными». («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc. p. 116, 110).

[61]) Макъ Кэллохъ взялъ привилегію на wages of past labour», задолго до привилегіи Senior'а на «wages of abstinence».

труда живому рабочему процессу подъ видомъ средствъ производства приписывается, поэтому, той формѣ прошлаго труда, въ которой онъ отчуждается, какъ неоплаченный трудъ, отъ самого рабочаго, т.-е. его капиталистической формѣ. Практическіе дѣятели капиталистическаго производства и ихъ идеологическіе болтуны одинаково неспособны представить себѣ средства производства отдѣльными отъ тѣхъ антагонистическихъ общественныхъ формъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ настоящее время, какъ неспособенъ рабовладѣлецъ вообразить рабочаго не въ видѣ раба.

При извѣстной степени эксплуатаціи рабочей силы, количество прибавочной стоимости опредѣляется числомъ одновременно эксплуатируемыхъ рабочихъ; а это послѣднее соотвѣтствуетъ, — хотя въ измѣняющихся отношеніяхъ, — величинѣ капитала. Слѣдовательно, чѣмъ больше возрастаетъ капиталъ, вслѣдствіе непрерывнаго накопленія, тѣмъ также больше возрастаетъ стоимость, подлежащая распредѣленію на потребительный фондъ и на фондъ дальнѣйшаго накопленія. Стало быть, капиталистъ можетъ вести болѣе роскошную жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе «воздерживаться». Да и всѣ пружины производства работаютъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе расширяются его размѣры съ величиною затраченнаго капитала.

5) Такъ называемый рабочій фондъ.

Во время нашего изслѣдованія уже можно было видѣть, что капиталъ не есть величина постоянная, напротивъ того, это растяжимая,—и съ раздѣленіемъ вновь полученной прибавочной стоимости на доходъ и добавочный капиталъ, — постоянно измѣняющаяся часть общественнаго богатства. Затѣмъ мы видѣли, что даже при опредѣленной величинѣ дѣйствующаго капитала, включенная въ него рабочая сила, наука и земля (подъ которою въ экономическомъ смыслѣ надо понимать всѣ предметы труда, данные природой безъ содѣйствія человѣка), образуютъ растяжимые элементы капитала, и они, въ извѣстныхъ предѣлахъ, даютъ ему просторъ, независящій отъ его собственной величины. До сихъ поръ мы вовсе не обращали вниманія ни на какія вліянія процесса обращенія, которыя сообщаютъ капиталу одной и той-же величины весьма различную дѣйствующую силу. А такъ какъ мы предполагали общественное производство въ формѣ, возникшей совершенно естественно, то не обращали никакого вниманія на болѣе раціональныя сочетанія, возможныя для осуществленія непосредственно и систематически при наличныхъ средствахъ производства и рабочихъ силахъ. Классическая политическая экономія всегда любила разсматривать общественный капиталъ какъ величину постоянную, съ постоянною дѣйствующею силою. Но предразсудокъ былъ возведенъ впервые въ догматъ архифилистеромъ Іереміей Бентамомъ, этимъ педантически пошлымъ, болтливымъ оракуломъ ходячихъ буржуазныхъ взглядовъ XIX-го столѣтія [62]). Роль Бентама между философами совершенно такая, какъ Martin Tupper между поэтами. Оба были только въ Англіи возможны [63]). Его догматъ дѣлаетъ непонятными даже самыя обыкновенныя явленія процесса производства, какъ, напримѣръ, его внезапныя расширенія и сокращенія, и даже самое накопленіе [64]). Этимъ догматомъ пользуются какъ самъ Бентамъ, такъ и Мальтусъ, Джемсъ Милль, Макъ Кэллохъ и др. для оправданія разныхъ явленій, въ особенности-же для того, чтобы представить одну часть капитала, перемѣнную

---

[62]) Ср. между прочимъ: J. Bentham: «Théorie des Peines et des Récompenses, trad. E. Dumont 3-me éd. Paris 1826», t. II l. IV, ch. II.

[63]) Іеремія Бентамъ есть феноменъ чисто англійскій. Не исключая даже нашего философа Христіана Вольфа, ни въ какія времена и ни въ какой странѣ не случалось, чтобы подобная доморощенная пошлость выступала съ такимъ самодовольствомъ. Принципъ полезности вовсе не составляетъ открытія Бентама. Онъ только глупо воспроизвелъ то, что Гельвецій и другіе французы XVIII столѣтія развивали остроумно. Если, напримѣръ, желаютъ знать, что полезно для собаки?—то нужно изслѣдовать собачью натуру. Самую-же натуру нельзя построить изъ «принципа полезности». Если-же принципъ полезности прилагаютъ къ человѣку, т.-е. если хотятъ обсуждать всѣ человѣческія дѣла, поступки, отношенія и т. д., съ точки зрѣнія этого принципа, то при этомъ сперва надо повести рѣчь о человѣческой природѣ вообще, а потомъ уже объ измѣненной человѣческой природѣ, какъ она проявляется въ каждой исторической эпохѣ. Бентамъ объ этомъ не задумывается. Съ наивнѣйшею сухостью онъ принимаетъ современнаго лавочника, и притомъ англійскаго, за нормальнаго человѣка. Все, что полезно этому выродку нормальнаго человѣка и тому кругу, въ которомъ онъ вращается, полезно и само по себѣ. Этотъ масштабъ служитъ ему для мѣрки прошедшаго, настоящаго и будущаго. Напримѣръ, христіанская религія «полезна», потому что запрещаетъ подъ страхомъ религіознаго наказанія тѣ же проступки, которые осуждаются юридически уголовнымъ уложеніемъ. Критика искусствъ «вредна», такъ какъ она препятствуетъ наслаждаться достойнымъ людямъ рифмованной прозой Martin Tupper'а и т. д. Такимъ вздоромъ этотъ господинъ, девизъ котораго: «nulla dies sine linea» (ни одного дня безъ строчки), наполнилъ груды книгъ. Обладай я смѣлостью моего друга Генриха Гейне, я назвалъ-бы господина Іеремію—геніемъ буржуазной тупости.

[64]) «Экономисты слишкомъ склонны разсматривать опредѣленное количество капитала и опредѣленное число рабочихъ, какъ орудія производства одинаковой силы и какъ силы, дѣйствующей съ опредѣленнымъ одинаковымъ напряженіемъ... Тѣ, которые утверждаютъ, что единственный дѣятель производства есть товаръ, доказываютъ, что вообще производство не можетъ быть расширено, такъ какъ для этого расшире-

или превращаемую въ рабочую силу, величиною постоянною. Вещественное проявленіе перемѣннаго капитала, т.-е. масса продовольственныхъ средствъ, въ видѣ которыхъ онъ является для рабочаго, или такъ называемый рабочій фондъ, объясняется ими какъ отдѣльная часть общественнаго богатства, опредѣляемая естественными законами, и притомъ неизмѣнная. Чтобы заставить дѣйствовать часть общественнаго богатства, которая должна играть роль постояннаго капитала или, выражаясь вещественно, средствъ производства,—необходимо опредѣленное количество живого труда. Количество это опредѣляется техническими условіями. Но при этомъ не опредѣляется ни число рабочихъ, чтобы привести въ дѣйствіе эту массу труда, такъ какъ она измѣняется со степенью эксплуатаціи индивидуальной рабочей силы, ни цѣна этой рабочей силы, но только minimum ея, притомъ весьма непостоянный. Вотъ факты, положенные въ основаніе этой теоріи. Съ одной стороны, рабочій не имѣетъ права голоса при раздѣлѣ общественнаго богатства на средства потребленія не рабочихъ и на средства производства. Съ другой стороны, онъ можетъ только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ расширять такъ называемый «рабочій фондъ» на счетъ «дохода» богатыхъ. [65]).

До какой нелѣпой тавтологіи можно дойти, превращая капиталистическіе предѣлы рабочаго фонда въ общественно-естественные предѣлы, доказываетъ между прочимъ профессоръ Fawcett. «Оборотный капиталъ [66]) страны», говоритъ онъ, «есть ея рабочій фондъ. Поэтому, для того, чтобы опредѣлить среднюю денежную плату, получаемую каждымъ работникомъ, нужно просто раздѣлить этотъ капиталъ на число рабочаго населенія» [67]). Слѣдовательно, сначала мы складываемъ всѣ дѣйствительно уплачиваемыя рабочія платы, а потомъ утверждаемъ, что эта сумма составляетъ валовую стоимость «рабочаго фонда», даннаго Богомъ и природой. Наконецъ, полученную такимъ образомъ сумму раздѣляемъ на число рабочихъ, чтобы опять узнать сколько среднимъ числомъ приходится на каждаго рабочаго. Удивительно хитрая процедура. Но она нисколько не мѣшаетъ господину Fawcett'у, не останавливаясь продолжать: «Вся сумма богатствъ, ежегодно накопляющаяся въ Англіи, раздѣляется на двѣ части. Одна часть употребляется въ Англіи-же, для поддержки нашей собственной промышленности, а другая часть вывозится въ другія страны... Часть, и вѣроятно незначительная часть, всего богатства, накопляющагося ежегодно въ этой странѣ, идетъ на нашу собственную промышленность» [68]). Итакъ, большая часть ежегодно наростающаго прибавочнаго продукта уходитъ отъ англійскаго рабочаго безъ соотвѣтственнаго эквивалента, и обращается въ капиталъ не въ Англіи, а въ чужихъ странахъ. Но вмѣстѣ съ добавочнымъ капиталомъ, вывозимымъ такимъ образомъ, вывозится также и часть «рабочаго фонда», предназначеннаго для англійскихъ рабочихъ Провидѣніемъ и Бентамомъ [69]).

нія надо предварительно увеличить количество средствъ существованія, сырого матеріала и инструментовъ, изъ чего выходитъ, что невозможно никакое увеличеніе производства, безъ предварительнаго его увеличенія, или иначе говоря, что всякое возрастаніе невозможно». (S. Bailey: «Money and its Vicissitudes», p. 26, 70). Bailey разбираетъ ученіе главнымъ образомъ съ точки зрѣнія процесса обращенія.

[65]) J. St. Mill въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи», говоритъ: «Въ настоящее время продуктъ труда дѣлится въ обратномъ отношеніи къ труду; большая часть приходится на долю тѣхъ, которые никогда не работаютъ; вторая по величинѣ отдается тѣмъ, чей трудъ только номинальный, и такимъ образомъ въ нисходящей степени уменьшается вознагражденіе, т.-е. чѣмъ тяжелѣе и непріятнѣе трудъ,—до того, что самая утомительная и истощающая работа можетъ съ увѣренностью разсчитывать только на полученіе возможности удовлетворять самымъ необходимымъ жизненнымъ потребностямъ». Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣчу, что если люди какъ Дж. Ст. Милль и др. и заслуживаютъ порицанія за противорѣчія своихъ старо-экономическихъ догматовъ своимъ новѣйшимъ стремленіямъ, тѣмъ не менѣе было-бы величайшей несправедливостью смѣшивать ихъ съ толпою рутинно-экономическихъ апологетовъ.

[66]) H. Fawcett, Professor of Political Economy at Cambridge: «The Economic Position of the British Labourer. London 1865», p. 120.

[67]) Напомню здѣсь читателю, что категоріи: постоянный и перемѣнный капиталъ употреблены впервые мною. Политическая экономія, начиная съ Ад. Смита, смѣшиваетъ понятія, заключающіяся въ нихъ, съ капиталомъ основнымъ (fixe) и оборотнымъ. Подробности объ этомъ во второмъ отдѣлѣ второй книги.

[68]) Fawcett l. c. p. 123—122.

[69]) Можно было-бы сказать, что изъ Англіи ежегодно вывозится не только капиталъ, но также, въ видѣ эмиграціи, и рабочіе. Но въ текстѣ рѣчь идетъ вовсе не объ имуществѣ переселенцевъ, которые по большей части не рабочіе. Бо̀льшею частью это сыновья фермеровъ. Добавочный капиталъ, ежегодно высылаемый Англіей за границу для принесенія процентовъ, находится въ отношеніи несравненно болѣе высокомъ къ ежегодному накопленію, чѣмъ ежегодное населеніе къ ежегодному приросту населенія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Общій законъ капиталистическаго накопленія.

1) Увеличеніе запроса на рабочую силу, сопровождающее накопленіе при неизмѣняющемся строеніи капитала.

Мы разсмотримъ въ настоящей главѣ вліяніе прироста капитала на судьбу рабочаго класса. Самимъ главнымъ факторомъ при этомъ является строеніе капитала и тѣ измѣненія, которымъ оно подвергается въ теченіе процесса накопленія.

Строеніе капитала слѣдуетъ понимать въ двоякомъ смыслѣ. Со стороны стоимости оно выражается соотношеніемъ, въ которомъ капиталъ подраздѣляется на постоянный капиталъ или на стоимость средствъ производства и на рабочую силу, валовую сумму рабочихъ платъ. Со стороны матеріала, какъ онъ дѣйствуетъ въ процессѣ производства, каждый капиталъ подраздѣляется на средства производства и на живую рабочую силу. Это подраздѣленіе опредѣляется отношеніемъ между количествомъ затраченныхъ средствъ производства съ одной стороны, и количествомъ труда, необходимымъ для ихъ употребленія — съ другой. Первое я называю строеніемъ по стоимости, а второе техническимъ строеніемъ капитала. Между тѣмъ и другимъ есть тѣсное соотношеніе. Для выраженія этого, я называю строеніе по стоимости капитала, насколько оно опредѣляется техническимъ строеніемъ и насколько отражаетъ измѣненія, происходящія въ послѣднемъ,—органическимъ строеніемъ капитала. Гдѣ будетъ говориться о строеніи капитала безъ дальнѣйшаго опредѣленія, тамъ всегда слѣдуетъ понимать его органическое строеніе.

Строеніе многочисленныхъ капиталовъ, затраченныхъ въ опредѣленной отрасли промышленности, сравнительно давольно различно. Среднее изъ всѣхъ ихъ единичныхъ строеній даетъ намъ строеніе всего капитала извѣстной отрасли промышленности. Наконецъ, среднее изъ этихъ среднихъ всѣхъ отраслей промышленности даетъ намъ строеніе всего капитала страны, и мы въ послѣдующемъ изложеніи будемъ имѣть дѣло только съ послѣднимъ.

Ростъ капитала подразумѣваетъ ростъ перемѣнной его части, затраченной на рабочую силу. Часть прибавочной стоимости, обращенной въ добавочный капиталъ должна постоянно превращаться вновь въ перемѣнный капиталъ или въ добавочный рабочій фондъ. Если, при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ допустить строеніе капитала также неизмѣняющимся, (т.-е., что для приведенія въ дѣйствіе опредѣленнаго количества средствъ производства необходимо прежнее количество труда), въ такомъ случаѣ, очевидно, что запросъ на трудъ и на фондъ существованія рабочихъ возрастаетъ въ такомъ же соотношеніи, въ какомъ возрастаетъ капиталъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе увеличивается капиталъ. Такъ какъ капиталъ производитъ ежегодно прибавочную стоимость, изъ которой часть точно также ежегодно прибавляется къ первоначальному капиталу; такъ какъ само наростаніе ежегодно увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ уже дѣйствующаго капитала; такъ какъ, наконецъ, подъ особеннымъ стимуломъ къ обогащенію,—какъ, напримѣръ, при открытіи новыхъ рынковъ или новыхъ областей приложенія капитала, вслѣдствіе вновь возникшихъ общественныхъ потребностей и т. п.,—норма накопленія можетъ внезапно расшириться, только лишь благодаря измѣненію въ распредѣленіи прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта на капиталъ и доходъ,—то потребность накопленія капитала можетъ превысить приростъ рабочихъ силъ или число рабочихъ; спросъ на рабочихъ можетъ превзойти предложеніе, почему рабочая плата можетъ повыситься. Это въ концѣ концевъ произойдетъ, если всѣ предполагаемыя условія будутъ продолжать существовать. Такъ какъ въ каждый послѣдующій годъ будетъ употребляться большее число рабочихъ, чѣмъ въ предыдущій, то рано или поздно будетъ достигнутъ такой моментъ, при которомъ потребность накопленія станетъ превосходить обычное предложеніе труда, вслѣдствіе чего произойдетъ повышеніе рабочей платы. Жалобы на этотъ счетъ слышались въ Англіи въ продолженіе всего XV-го столѣтія и въ первой половинѣ XVIII-го. Болѣе или менѣе благопріятныя условія, въ которыхъ рабочій классъ влачитъ свое существованіе и размножается, отнюдь не измѣняютъ основного характера капиталистическаго производства. Подобно тому какъ простое воспроизводство постоянно воспроизводитъ самыя капиталистическія отношенія,—съ одной стороны капиталистовъ, съ другой наемныхъ рабочихъ,—точно также и воспроизводство въ расширяющихся размѣрахъ или накопленіе воспроизводитъ капиталистическія отношенія также въ болѣе широкихъ размѣрахъ, больше капиталистовъ или болѣе крупныхъ капиталистовъ на одномъ полюсѣ, болѣе наемныхъ рабочихъ на другомъ. Воспроизведеніе массъ рабочихъ силъ, которыя должны постоянно вновь присоединяться къ ка-

питалу для увеличенія его стоимости, которыя не могутъ освободиться отъ капитала, и подчиненіе которыхъ капиталу только покрывается перемѣною отдѣльныхъ капиталистовъ, которымъ онѣ продаются, такое воспроизведеніе рабочихъ силъ въ дѣйствительности образуетъ существенный моментъ воспроизводства самого капитала. Стало быть накопленіе капитала равносильно увеличенію пролетаріата [70]).

Классическая политическая экономія настолько хорошо понимала это положеніе, что Ад. Смитъ, Рикардо и др., какъ уже было раньше упомянуто, даже ошибочно отождествляли накопленіе съ потребленіемъ всей капитализованной части прибавочнаго продукта производительнымъ работникомъ, или съ превращеніемъ ея въ добавочныхъ наемныхъ работниковъ. Джонъ Беллерсъ еще въ 1696 г. сказалъ: «Если-бы у кого нибудь было 100,000 акровъ земли, столько-же фунтовъ стерлинговъ, столько-же головъ скота, чѣмъ былъ-бы этотъ богачъ безъ рабочихъ, какъ не рабочимъ-же? Такъ какъ рабочіе обогащаютъ людей, то чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше и богачей... Трудъ бѣдныхъ это—рудникъ богатыхъ» [71]). Bernard de Mandeville въ началѣ XVIII-го столѣтія говоритъ слѣдующее: «Гдѣ собственность вполнѣ ограждена, тамъ легче жить безъ денегъ, чѣмъ безъ бѣдныхъ; ибо кто сталъ-бы тогда работать... Если рабочихъ не слѣдуетъ морить голодомъ, то, съ другой стороны, они не должны получать столько, чтобы для нихъ явилась возможность сбереженія. Если кто нибудь изъ низшихъ классовъ общества особымъ прилежаніемъ и недоѣданіемъ выходитъ изъ того состоянія, въ которое былъ поставленъ, то этому никто не долженъ мѣшать; очевидно, что каждому частному лицу, каждому отдѣльному семейству въ обществѣ всего благоразумнѣе быть бережливымъ, но интересъ всѣхъ богатыхъ націй требуетъ, чтобы большая часть бѣдныхъ никогда не оставалась безъ работы, чтобы они всегда проживали то, что получаютъ.... У тѣхъ, кто живетъ поденнымъ трудомъ, нѣтъ ничего, что-бы побуждало ихъ быть услужливыми, кромѣ ихъ нуждъ, облегчать которыя благоразумно, но вполнѣ ихъ удовлетворять было-бы глупо. Единственная вещь, которая можетъ сдѣлать прилежнымъ рабочаго человѣка, это умѣренная рабочая плата. Слишкомъ малая дѣлаетъ его, смотря по характеру, малодушнымъ или повергаетъ въ отчаяніе, а слишкомъ большая—лѣнивымъ и безпечнымъ... Изъ всего сказаннаго выходитъ, что въ свободной націи, гдѣ рабство запрещено, самое вѣрное богатство заключается во множествѣ трудолюбивыхъ бѣдныхъ, такъ какъ, кромѣ того, что они составляютъ неисчерпаемый источникъ для пополненія арміи и флота, безъ нихъ не было-бы наслажденій, и никакая страна не была-бы въ состояніи извлечь выгоду изъ своихъ естественныхъ продуктовъ. Чтобы сдѣлать общество (которое разумѣется состоитъ изъ не-рабочихъ) счастливымъ, а народъ довольнымъ даже своимъ жалкимъ положеніемъ, необходимо, чтобы громадное большинство оставалось какъ въ бѣдности, такъ и въ невѣжествѣ. Знаніе расширяетъ и увеличиваетъ наши желанія, а чѣмъ менѣе у человѣка желаній, тѣмъ легче можно удовлетворить его нужды» [72]). Но Mandeville, свѣтлая голова и честный человѣкъ, не понималъ еще того, что механизмъ самаго процесса накопленія увеличиваетъ вмѣстѣ съ капиталомъ и число «трудолюбивыхъ бѣдняковъ», т.-е. наемныхъ рабочихъ, которые превращаютъ свою рабочую силу въ возрастающую жизненную силу увеличивающагося капитала, и, этимъ самымъ, волею-неволею, увѣковѣчиваютъ состояніе зависимости отъ своего собственнаго продукта, олицетвореннаго въ капиталистѣ. Въ своемъ сочиненіи: «Положеніе бѣдныхъ или исторія рабочаго класса въ Англіи», Sir F. M. Eden, по поводу этого состоянія зависимости, говоритъ: «наша земля требуетъ труда для добыванія средствъ существованія и потому, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть общества

70) Karl Marx l. c. «При одинаковомъ порабощеніи массъ, чѣмъ больше въ данной странѣ пролетаріевъ, тѣмъ она богаче». (Colins: «L'Economie Politique. Sources des Revolutions et des Utopies prétendues Socialistes. Paris 1857», t. III, p. 331). Въ экономическомъ смыслѣ «пролетаріями» называются наемные рабочіе, которые производятъ «капиталъ» и увеличиваютъ его стоимость, и которыхъ онъ выбрасываетъ на улицу, разъ они дѣлаются излишними для округленія «господина капитала», какъ называетъ эту личность Dr. Pecqueur. «Болѣзненный пролетарій первобытныхъ лѣсовъ» это милая фантазія Рошера. Житель дѣвственныхъ лѣсовъ владѣетъ этими лѣсами и распоряжается этою своею собственностью также безцеремонно, какъ орангъ-утанги. Онъ, слѣдовательно, не пролетарій. Онъ сталъ-бы имъ въ томъ случаѣ, если-бы вмѣсто того, чтобы эксплуатировать дѣвственный лѣсъ, этотъ послѣдній самъ эксплуатировалъ его. Что-же касается до состоянія его здоровья, то оно не только выдержитъ сравненіе съ здоровьемъ современнаго пролетарія, но даже и съ здоровьемъ сифилитическихъ и золотушныхъ «порядочныхъ людей». Впрочемъ, быть можетъ подъ дѣвственными лѣсами Вильгельмъ Рошеръ понимаетъ родную Люнебургскую степь.

71) «As the Labourers make men rich, so the more Labourers, there will be the more rich men.... the Labour of the Poor being the Mines of the Rich» (John Bellers, l. c p. 2).

72) B. de Mandeville: «The Fable of the Bees. 5 ed. London 1728». Remarks, p. 212, 213, 328). «Умѣренная жизнь и постоянный трудъ являются для бѣднаго прямой дорогой къ матеріальному счастію (подъ этимъ онъ считаетъ по возможности длинный рабочій день и по возможности меньшее количество жизненныхъ средствъ), а для государства (именно для землевладѣльцевъ, капиталистовъ и ихъ государственныхъ сановниковъ и агентовъ)—къ богатству». («An Essay on Trade and Commerce. London 1770», p. 54).

должна безъ устали работать... Тѣ-же которые не работаютъ, пользуются однако продуктами чужого труда; и то, благодаря только цивилизаци и порядку... Они—креатуры гражданскихъ (bürgerlichen) учрежденій [73]), которыя признали, что можно пріобрѣтать собственность и другими средствами, а не однимъ только трудомъ. Лица, обладающія независимымъ состояніемъ, обязаны имъ почти исключительно труду другихъ, а не своимъ способностямъ, которыя вовсе не лучше чѣмъ у другихъ; не обладаніе землею или деньгами, а власть надъ трудомъ («the command of labour») отличаетъ богатыхъ отъ бѣдныхъ... Бѣдняковъ характеризуетъ не низкое или рабское положеніе, но спокойное и свободное состояніе зависимости («a state of easy and liberal dependence»), лицъ-же, имѣющихъ собственность — достаточное вліяніе и власть надъ тѣми, кто для нихъ работаетъ... Подобное состояніе зависимости необходимо, какъ извѣстно всякому знатоку человѣческой природы, для удобства самого рабочаго» [74]). Sir F. M. Eden, замѣтимъ между прочимъ, былъ единственный изъ учениковъ Адама Смита, давшій хоть что-нибудь замѣчательное въ теченіе XVIII-го столѣтія [75]).

Состояніе зависимости рабочихъ отъ капитала при тѣхъ условіяхъ накопленія, которыя мы до сихъ поръ предполагали, и которыя наиболѣе

---

[73]) Eden долженъ-былъ бы спросить чья-же креатура «гражданскія учрежденія»? Стоя на точкѣ зрѣнія юридическихъ иллюзій, онъ не считаетъ законъ — произведеніемъ вещественныхъ условій производства, но наоборотъ, условія производства считаетъ произведеніемъ закона. Linguet однимъ словомъ уничтожилъ призрачный «Esprit des Lois» Montesquieu «L' ésprit des lois, c'est la propriété». (Духъ законовъ это—собственность).

[74]) Eden l. c. v. I l. I, ch. I. p. 1, 2 и Preface, p. XX.

[75]) Если читатель забылъ книгу Мальтуса «Essay on Population», которая вышла въ 1798 года, то я напомню, что она въ первоначальномъ видѣ (да и позднѣйшія изданія наполнялись только матеріаломъ по старому плану и если тамъ и было кое-что новое, то оно открыто было не Мальтусомъ, а взято имъ у другихъ) представляетъ ни что иное, какъ поверхностный, школьническій, поповски напыщенный плагіатъ изъ De Foe, Sir James Steuart, Townsend, Franklin, Wallace и др. и не заключаетъ ни одного самостоятельно продуманнаго положенія. Громадное вниманіе, которое возбудилъ этотъ памфлетъ, объясняется чисто партійными интересами. Французская революція нашла страстныхъ защитниковъ по ту сторону Ламанша, «основной законъ населенія», вырабатываемый мало по малу въ продолженіе XVIII столѣтія, а, затѣмъ, въ самый разгаръ общественнаго кризиса, провозглашенный при барабанномъ боѣ и при трубныхъ звукахъ какъ самое вѣрное противоядіе противъ ученій Кондорсэ и другихъ, былъ съ ликованіемъ встрѣченъ англійской олигархіей, какъ истребитель всякихъ стремленій къ человѣческому развитію. Мальтусъ, крайне удивленный успѣхомъ своей книги, сталъ затѣмъ безъ устали пичкать въ нее поверхностно собранный матеріалъ, пополняя ее такимъ образомъ новыми данными, не имъ, однако, открытыми. Замѣтимъ здѣсь кстати, что хотя Мальтусъ былъ пасторомъ англійской Высокой Церкви (High Church), тѣмъ не менѣе онъ далъ монашескій обѣтъ безбрачія. Это составляло одно изъ условій fellowship (права быть членомъ) въ Кэмбриджскомъ протестантскомъ университетѣ. «Socios collegiorum maritos esse non permittimus, sed statim postquam quis uxorem duxerit, socius collegii desinat esse». («Reports of Cambridge University Commission» p. 172). Это обстоятельство выгодно отличаетъ Мальтуса отъ другихъ протестантскихъ священниковъ, которые, свергнувъ съ себя католическій обѣтъ безбрачія священниковъ и признавъ библейское изрѣченіе «плодиться и множиться» своею специальною миссіею, сами всюду помогаютъ увеличенію населенія съ поистинѣ неприличнымъ усердіемъ, тогда какъ рабочимъ проповѣдуютъ въ то же время «принципъ воздержанія». Характерно, что этотъ щекотливый вопросъ—экономическая передѣлка догмата грѣхопаденія, «urgent appetite», «the checks which tend to blunt the shafts of Cupid», какъ шаловливо выражается пасторъ Townsend, — разбирался и разбирается исключительно лишь представителями протестанской теологіи или вѣрнѣе церкви. За исключеніемъ венеціанскаго монаха Ortes'a, оригинальнаго и остроумнаго писателя, большая часть проповѣдниковъ теоріи народонаселенія были протестантскіе пасторы. Таковъ Bruckner, написавшій «Théorie du Système animal. Leyde 1767», гдѣ исчерпывается вся современная теорія народонаселенія и мысли для которой далъ споръ о томъ-же предметѣ между Quesnay и его ученикомъ, Mirabeau отцомъ; далѣе пасторъ Wallace, пасторъ Townsend, пасторъ Мальтусъ и его ученикъ пасторъ Th. Chalmers, не говоря уже о мелкихъ священникахъ-писакахъ на ту-же тему. Первоначально политической экономіей занимались философы, какъ Hobbes, Locke, Hume, общественные и государственные дѣятели, какъ Thomas Morus, Temple, Sully, de Witt, North, Law, Vanderlint, Cantillon, Franklin; въ особенности и съ большимъ успѣхомъ ею занимались медики, какъ Petty, Barbon, Mandeville, Quesnay. Еще въ половинѣ XVIII столѣтія Rev. M-r Tucker, замѣчательный экономистъ того времени, извинялся, что занимается Мамономъ. Позднѣе, и именно съ «основнымъ закономъ народонаселенія», пробилъ часъ протестантскихъ священниковъ. Какъ бы предчувствуя такое вмѣшательство съ ихъ стороны, W. Petty, признающій населеніе основаніемъ богатства и подобно А. Смиту непримиримый врагъ священниковъ, говоритъ: «Религія лучше всего процвѣтаетъ тамъ, гдѣ священники наиболѣе умерщвляютъ свою плоть, точно также какъ законъ болѣе всего процвѣтаетъ тамъ, гдѣ адвокатамъ нечего дѣлать». Онъ, поэтому, совѣтуетъ протестантскимъ священникамъ, если уже они не хотятъ идти по стопамъ апостола Павла и «умерщвлять» себя безбрачіемъ, по крайней мѣрѣ не рождать священниковъ болѣе того («not to breed more Churchmen»), сколько имѣется приходовъ (benefices); т.-е., если въ Англіи и Уэльсѣ имѣется только 12,000 приходовъ, то было-бы неблагоразумно воспитать 24,000 священниковъ («it will not be safe to breed 24,000 ministers»), такъ какъ 12,000 не обезпеченныхъ должны будутъ постоянно искать средствъ существова-

благопріятны для рабочихъ, принимаетъ сносныя или, какъ выражается Eden, «удобныя и свободныя формы». Вмѣсто того, чтобы съ увеличеніемъ капитала, дѣлаться болѣе интенсивнымъ, оно становится лишь болѣе экстенсивнымъ, т.-е., вмѣстѣ съ величиною капитала и съ числомъ подчиненныхъ ему наемныхъ рабочихъ расширяется только сфера его эксплуатаціи и власти. Болѣе значительная часть ихъ собственнаго прибавочнаго продукта, который между тѣмъ все возрастаетъ и все болѣе увеличиваетъ добавочный капиталъ, снова возвращается къ нимъ въ видѣ средствъ расплаты, такъ что они могутъ расширять кругъ своихъ потребностей, могутъ производать нѣкоторые добавочные расходы на свое платье, мебель и т. п., и составлять даже небольшіе денежные запасы. Лучшая одежда, пища, болѣе гуманное обращеніе и большій запасъ денегъ столь-же мало уничтожаютъ состояніе зависимости и эксплуатацію наемнаго рабочаго, какъ и рабовъ. Повышеніе зарабочей платы, какъ слѣдствіе накопленія капитала, въ дѣйствительности означаетъ только то, что размѣръ и тяжесть золотой цѣпи, которую самъ-же рабочій сковалъ себѣ, позволяютъ ей быть менѣе напряженною и тягостною. Въ спорахъ по этому вопросу обыкновенно забываютъ главную вещь, именно специфическія отличія капиталистическаго производства. Здѣсь рабочая сила покупается не для того, чтобы ея работой или продуктами удовлетворять личныя потребности покупателя. Цѣль послѣдняго—увеличеніе капитала, производство товаровъ, которые заключаютъ въ себѣ труда больше, чѣмъ сколько за него заплачено, слѣдовательно, содержатъ часть стоимости, которая ему ничего не стоитъ, и которая, тѣмъ не менѣе, выручается при продажѣ товара. Производство прибавочной стоимости, нажива, вотъ абсолютный законъ этого способа производства. Рабочая сила можетъ служить предметомъ покупки лишь настолько, насколько она сохраняетъ средства производства въ видѣ капитала, насколько воспроизводитъ свою собственную стоимость въ видѣ капитала, и насколько она создаетъ для капиталиста, въ видѣ неоплаченнаго труда, источникъ потребительнаго фонда и добавочнаго капитала [76]). Условія ея продажи, благопріятны-ли они для рабочаго или нѣтъ, предполагаютъ, слѣдовательно, необходимость постояннаго возобновленія продажи, и все болѣе и болѣе возрастающаго воспроизведенія богатства въ видѣ капитала. По самой природѣ своей, какъ мы видѣли, рабочая плата обусловливаетъ постоянное доставленіе рабочимъ опредѣленнаго количества неоплаченнаго труда. Не говоря уже о возрастаніи рабочей платы при пониженіи цѣны труда и т. п., даже въ лучшемъ случаѣ оно указываетъ только на количественное уменьшеніе неоплаченнаго труда, который долженъ произвести рабочій. Уменьшеніе это

нія, а для этого, имъ проще всего идти въ народъ и толковать ему, что 12,000 священниковъ, имѣющихъ приходы, отравляютъ и губятъ ихъ души, и этимъ удаляютъ ихъ отъ пути, ведущаго на небо». (Petty: «A Treatise on Taxes and Contributions. London, 1667», p. 57). Отношеніе Адама Смита къ протестантскому духовенству своего времени характеризуется слѣдующимъ. Dr. Horne, Норвичскій епископъ Высокой Церкви, въ своемъ: «A Letter to A. Smith LL. D. On the Life, Death and Philosophy of his Friend David Hume. By One of the People called Christians. 4-th ed. Oxford 1784», предаетъ анафемѣ А. Смита за то, что онъ въ открытомъ письмѣ къ Strahan «превозносилъ своего друга Давида (т.-е. Юма)», разсказывая въ тоже время публикѣ, какъ «Юмъ на своемъ смертномъ одрѣ забавлялся чтеніемъ Луціана и игрою въ вистъ», и даже имѣлъ дерзость написать объ Юмѣ: «Я всегда считалъ его, какъ во время его жизни, такъ и послѣ смерти, на столько близкимъ къ идеалу вполнѣ умнаго и добродѣтельнаго человѣка, насколько это дозволяетъ слабость человѣческой природы». Епископъ съ негодованіемъ восклицаетъ: «Справедливо-ли съ вашей стороны, милостивый государь, называть намъ совершенно умными и добродѣтельными характеръ и жизнь человѣка, имѣвшаго непримиримую антипатію ко всему, что называется религіей и который напрягалъ каждый нервъ свой, стараясь изгладить даже названіе ея изъ памяти людей?» (l. c. p. 8). «Но не унывайте, друзья истины,—атеизмъ недолговѣченъ» (p. 17). Адамъ Смитъ «имѣлъ ужасную нечестивость («the atrocious wickedness») проповѣдывать въ странѣ атеизмъ (именно посредствомъ своей «Theory of moral sentiments»)... Мы знаемъ ваши хитрости, господинъ докторъ! Онѣ у васъ хорошо задуманы, но на этотъ разъ вы ошиблись. Вы хотите увѣрить насъ на примѣрѣ Давида Юма, что атеизмъ есть единственное утѣшеніе (cordial) въ унынiи и единственное противоядіе противъ страха смерти.... Смѣйтесь надъ Вавилономъ въ развалинахъ и прославляйте ожесточеннаго злодѣя Фараона, (l. c. p. 21, 22). Одинъ изъ правовѣрныхъ слушателей лекцій Ад. Смита, послѣ его смерти, пишетъ: «Дружба Смита съ Юмомъ помѣшала ему быть христіаниномъ... Онъ вѣрилъ Юму на слово. Если-бы Юмъ сказалъ ему, что мѣсяцъ кусокъ зеленаго сыра, онъ бы ему повѣрилъ...По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ близокъ къ республиканству». («The Bee», By James Anderson. 18 vls. Edinburg 1791 — 93 Vol 3, p. 164, 165). Пасторъ Th. Chalmers подозрѣвалъ что Ад. Смитъ выдумалъ категорію «непроизводительныхъ рабочихъ» только по злобѣ, имѣя въ виду исключительно протестантскихъ пасторовъ и не обращая вниманія на ихъ благословенный трудъ въ винограднике Господа.

[76]) Ко 2-му изд. «Однако предѣлы занятій для промышленныхъ, такъ и для земледѣльческихъ рабочихъ одни и тѣ-же, именно они позволяютъ предпринимателю извлечь прибыль изъ продукта ихъ труда.... Если норма рабочей платы такова, что уменьшитъ прибыль хозяевъ ниже средняго уровня прибыли на капиталъ, то онъ перестанетъ давать имъ работу, или, если и дастъ имъ работу, то лишь при томъ условіи, чтобы они согласились на меньшую рабочую плату». (John Wade, l. c. p. 241).

никогда не можетъ дойти до того, чтобы оно стало серьезно угрожать капиталистическому характеру процесса производства. Если оставить въ сторонѣ насильственныя столкновенія за норму рабочей платы, — въ которыхъ, какъ показалъ еще Адамъ Смитъ, въ концѣ концовъ хозяинъ все-таки остается хозяиномъ, — то повышеніе цѣны труда, возникающее вслѣдствіе накопленія капитала, предполагаетъ слѣдующую альтернативу. Или цѣна труда продолжаетъ повышаться вслѣдствіе того, что такое повышеніе не мѣшаетъ поступательному ходу накопленія. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, по словамъ Ад. Смита, «даже при уменьшающейся прибыли, капиталъ не только можетъ продолжать увеличиваться, но даже увеличиваться гораздо быстрѣе прежняго... Большой капиталъ, приносящій хотя и малую прибыль, увеличивается обыкновенно быстрѣе небольшого капитала, приносящаго крупную прибыль» (l. c. II p. 189). Въ этомъ случаѣ очевидно, что уменьшеніе неоплаченнаго труда никоимъ образомъ не мѣшаетъ расширенію власти капитала. Или-же, съ другой стороны—накопленіе ослабѣваетъ вслѣдствіе возрастающей цѣны труда, потому что исчезаетъ соблазнъ большихъ барышей. Норма накопленія понижается; но съ ея пониженіемъ исчезаетъ и причина самого уменьшенія, т. е. несоразмѣрность между капиталомъ и эксплуатируемой рабочей силой. Преграды, созданныя механизмомъ капиталистическаго процесса производства, имъ-же самимъ и снимаются. Цѣна труда снова падаетъ до уровня, соотвѣтствующаго потребности возрастанія стоимости капитала, все равно былъ-ли этотъ уровень ниже, былъ-ли онъ одинаковъ, или-же онъ былъ выше уровня, на которомъ она находилась до повышенія цѣны труда. Итакъ мы видимъ, что, въ первомъ случаѣ, капиталъ становится избыточнымъ не вслѣдствіе уменьшенія абсолютнаго или относительнаго возрастанія рабочей силы или рабочаго населенія, но, наоборотъ, избытокъ капитала дѣлаетъ недостаточной эксплуатируемую рабочую силу. Во второмъ случаѣ, не ускореніе абсолютнаго или относительнаго возрастанія рабочей силы или рабочаго населенія дѣлаетъ капиталъ недостаточнымъ, но наоборотъ, уменьшеніе капитала дѣлаетъ рабочую силу, или вѣрнѣе цѣну ея, чрезмѣрною. Эти-то абсолютныя колебанія въ накопленіи капитала отражаются въ видѣ относительныхъ колебаній въ количествѣ эксплуатируемой рабочей силы, и потому кажутся происходящими отъ собственнаго движенія послѣдней. Или, говоря математическимъ языкомъ, норма накопленія есть перемѣнная независимая; норма рабочей платы есть перемѣнная зависимая, а не на оборотъ». Одинаково, когда промышленный циклъ очутится въ фазѣ кризиса, то общее паденіе цѣнъ товаровъ отражается въ видѣ повышенія стоимости денегъ, а когда въ фазѣ процвѣтанія, то общее повышеніе цѣнъ товаровъ отражается въ видѣ пониженія стоимости денегъ. Такъ называемая «currency school» изъ этого выводитъ заключеніе, что въ одномъ случаѣ обращается слишкомъ много денегъ, въ другомъ—слишкомъ мало. Подобное-же невѣжество и полнѣйшее непониманіе фактовъ [77]), обнаруживаютъ и экономисты, которые объясняютъ вышеуказанныя явленія накопленія тѣмъ, что въ одномъ случаѣ очень мало наемныхъ рабочихъ, а въ другомъ—ихъ слишкомъ много.

Законъ капиталистическаго накопленія, лежащій въ основаніи такъ называемаго «естественнаго закона населенія», въ сущности сводится къ слѣдующему. Соотношеніе между накопленіемъ капитала и нормой рабочей платы есть ни что иное, какъ соотношеніе между неоплаченнымъ трудомъ, превращеннымъ въ капиталъ и дополнительнымъ оплаченнымъ трудомъ, необходимымъ для приведенія въ дѣйствіе этого дополнительнаго капитала. Слѣдовательно, это ни въ какомъ случаѣ не есть отношеніе двухъ величинъ одна отъ другой независимыхъ: съ одной стороны величины капитала, а съ другой—числа рабочаго населенія. Это есть именно отношеніе неоплаченнаго труда къ труду оплаченному того-же самаго рабочаго населенія. Если количество неоплаченнаго труда, доставляемаго рабочимъ классомъ и накопленнаго классомъ капиталистовъ, увеличивается настолько быстро, что для превращенія его вновь въ капиталъ нуженъ добавочный оплаченный трудъ, то рабочая плата возрастаетъ и, при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ, количество неоплаченнаго труда относительно понижается. Но какъ только такое пониженіе дойдетъ до того, что прибавочный трудъ, которымъ питается капиталъ, перестаетъ доставляться въ нормальномъ количествѣ, то происходитъ реакція: капитализуется меньшая часть дохода, накопленіе пріостанавливается, и движеніе повышенія рабочей платы ограничивается предѣлами, которые не только не затрогиваютъ основъ капиталистистической системы, но обезпечиваютъ даже воспроизведеніе въ ея болѣе широкихъ размѣрахъ.

Иначе и быть не можетъ въ такомъ способѣ производства, гдѣ рабочій существуетъ для удовлетворенія потрбности въ возрастаніи уже имѣющихся стоимостей, а не вещественное богатство существуетъ для развитія рабочаго. Какъ въ области вѣрованій человѣкъ состоитъ подъ властью произведенія своей собственной головы, такъ въ капиталистическомъ производствѣ онъ находится подъ властью произведенія своихъ собственныхъ рукъ [77a]).

---

77) Karl Marx: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie p. 166 и слѣд.

77a) «Если-же мы теперь возвратимся къ нашему первому изслѣдованію, гдѣ было доказано.... что

2) Относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала по мѣрѣ увеличенія накопленія и сопровождающаго его сосредоточенія.

По мнѣнію самихъ экономистовъ рабочая плата повышается не вслѣдствіе дѣйствительнаго размѣра общественнаго богатства, не вслѣдствіе абсолютнаго размѣра уже пріобрѣтеннаго капитала, но только благодаря непрерывному росту накопленія и степени быстроты такого роста (Адамъ Смитъ, кн. I, гл. 8). До сихъ поръ мы разбирали только особенную фазу этого процесса, ту, въ которой приростъ капитала происходитъ при неизмѣняющемся техническомъ строеніи капитала. Но процессъ накопленія переходитъ эту фазу.

Разъ имѣются общія основанія капиталистической системы, при поступательномъ ходѣ накопленія постоянно приходитъ такой моментъ, когда развитіе производительныхъ силъ общественнаго труда дѣлается могучимъ рычагомъ накопленія. «Тѣ-же самыя причины, говоритъ Адамъ Смитъ, которыя ведутъ къ повышенію рабочей платы, именно приростъ капитала, содѣйствуютъ повышенію производительной способности труда, тому, что меньшее количество труда въ состояніи произвести большее количество продуктовъ».

Независимо отъ степени производительности труда, насколько она зависитъ отъ естественныхъ условій, — напримѣръ отъ плодородія почвы и т. п., или отъ искусства самостоятельныхъ и отдѣльно работающихъ производителей, которое проявляется впрочемъ скорѣе качественно въ добротѣ продуктовъ, чѣмъ количественно, — общественная степень производительности труда выражается въ относительномъ количествѣ средствъ производства, которыя рабочій въ данное время, при томъ напряженіи рабочей силы, обращаетъ въ продуктъ. Количество средствъ производства, которыми онъ работаетъ возрастаетъ съ производительностью его труда. Эти средства производства играютъ двоякую роль. Увеличеніе однихъ является слѣдствіемъ, увеличеніе-же другихъ условіемъ возрастающей производительности труда. Напримѣръ, при мануфактурномъ способѣ дѣленія труда или при употребленіи машинъ, въ данное время обрабатывается болѣе сырого матеріала, слѣдовательно, въ рабочій процессъ идетъ большее количество сырого и вспомогательнаго матеріала. Это есть слѣдствіе возрастающей производительности труда. Съ другой стороны, большее количество употребляемыхъ машинъ, скота, минеральнаго удобренія, дренажныхъ трубъ и т. п. есть условіе возрастающей производительности труда. То-же самое относится и къ средствамъ производства, собраннымъ въ строеніяхъ, доменныхъ печахъ, перевозочныхъ средствахъ и т. п. Но будетъ-ли увеличеніе размѣровъ средствъ производства, — увеличеніе въ сравненіи съ рабочей силою, — слѣдствіемъ или условіемъ, оно во всякомъ случаѣ показываетъ возрастаніе производительности труда.

Увеличеніе производительности труда, значитъ, проявляется въ уменьшеніи количества труда въ сравненіи съ количествомъ средствъ производства, приводимыхъ имъ въ дѣйствіе, или въ уменьшеніи субъективнаго фактора рабочаго процесса въ сравненіи съ объективными его факторами.

Такое измѣненіе техническаго строенія капитала, такое увеличеніе количества средствъ производства, въ сравненіи съ количествомъ оживляющей ихъ рабочей силы, отражается, въ свою очередь, на органическомъ его строеніи, на возрастаніи постоянной части капитала на счетъ перемѣнной. Напримѣръ, первоначально изъ всего количества затраченнаго капитала 50% шли на средства производства и 50% на рабочую силу; затѣмъ, съ развитіемъ производительности труда, 80% затраченнаго капитала идутъ на средства производства и только 20% на рабочую силу и т. д. Этотъ законъ прогрессивнаго возрастанія постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ подтверждается на каждомъ шагу (какъ это уже было выше показано) сравнительнымъ анализомъ цѣнъ товаровъ, безразлично будемъ-ли мы сравнивать различныя экономическія эпохи или различные народы одной и той-же эпохи. Относительная величина того элемента цѣны, которая представляетъ собою только средства производства или потребленный постоянный капиталъ, находится въ прямомъ отношеніи къ прогрессивному ходу накопленія, а относительная величина другого элемента цѣны, который выражаетъ собою рабочую плату, перемѣнную часть капитала, — въ обратномъ. Подобное уменьшеніе перемѣнной части капитала сравнительно съ постоянной, или измѣненіе строенія капитала, указываетъ, однако, только приблизительно на измѣненіе состава его вещественныхъ составныхъ частей. Если, напримѣръ, въ настоящее время, стоимость капитала, затраченнаго на бумагопрядильную фабрику, состоитъ изъ $^7/_8$ постояннаго и $^1/_8$ перемѣннаго капитала, тогда какъ въ началѣ XVIII-го столѣтія она состояла изъ $^1/_2$ постояннаго и $^1/_2$ перемѣннаго капитала,

---

самый капиталъ есть только произведеніе человѣческаго труда..., то кажется совершенно непонятнымъ, какъ могъ человѣкъ подпасть подъ власть своего собственнаго продукта—капитала —и подчиниться ему. А такъ какъ въ дѣйствительности это фактъ неопровержимый, то невольно навязывается вопросъ: какимъ обрзомъ рабочій изъ властелина капитала—какъ созидатель его—могъ обратиться въ раба капитала?» (Von Ghünen: «Der isolirte Staat. 2-ая часть, 2-ой отдѣлъ, Rostock, 1863, стр. 5, 6). Заслуга Тюнена состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ этотъ вопросъ. Отвѣтъ его просто ребяческій.

то, съ одной стороны, количество сырого матеріала, орудій труда и т. д., потребляемыхъ теперь производительно опредѣленнымъ количествомъ труда, въ нѣсколько сотъ разъ больше, чѣмъ въ началѣ XVIII-го столѣтія. Причина этого заключается просто въ томъ, что при увеличеніи производительности труда не только увеличивается количество потребляемыхъ имъ средствъ производства, но также, сравнительно съ ихъ количествомъ, понижается ихъ стоимость. Стало быть, ихъ стоимость возрастаетъ абсолютно, а не пропорціонально съ ихъ количествомъ. Поэтому, увеличеніе разницы между постоянной и перемѣнной частями капитала гораздо менѣе, чѣмъ увеличеніе разницы между количествомъ средствъ производства, въ которыя превращается постоянный капиталъ, и количествомъ рабочей силы, въ которую превращается перемѣнный капиталъ. Первая разность увеличиваетея вмѣстѣ со второю, но въ значительно меньшей степени.

Но, если увеличеніе размѣра накопленія понижаетъ относительную величину перемѣнной части капитала, то это ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ возможности абсолютнаго увеличенія ея величины. Допустимъ, что капитальная стоимость первоначально распредѣлялась на 50% постояннаго и на 50% перемѣннаго капитала; а затѣмъ стала распредѣляться на 80% постояннаго и 20% перемѣннаго. Но если въ то-же время, первоначальный капиталъ, скажемъ въ 6,000 ф. стерл., увеличился до 18,000 ф. стерл., то перемѣнная его часть также увеличилась. Прежде она была 3,000 ф. стерл., а теперь стала 3,600 ф. стерл. Но въ то время какъ прежде повышеніе капитала на 20% было-бы достаточно, что-бы увеличить запросъ на трудъ на 20%, теперь для такого-же увеличенія запроса нужно, чтобы первоначальный капиталъ утроился.

Въ четвертомъ отдѣлѣ было показано, какъ развитіе общественной производительности труда предполагаетъ кооперацію въ широкихъ размѣрахъ, какъ только при этомъ предположеніи возможна организація раздѣленія и сочетанія труда и сбереженіе средствъ производства, благодаря сосредоточенію ихъ въ большихъ массахъ; какъ могутъ созидаться такія орудія труда, которыя уже по своей вещественной природѣ годны только для пользованія сообща, напримѣръ система машинъ и т. п.; какимъ образомъ въ производствѣ пользуются громадными силами природы; и какъ самый процессъ производства можетъ быть превращенъ въ техническое приложеніе науки.

При товарномъ способѣ производства, когда средства производства принадлежатъ частнымъ лицамъ, когда, слѣдовательно, рабочій изолированъ и производитъ товары самостоятельно, независимо отъ другихъ, или-же, при не имѣніи средствъ для самостоятельнаго производства, продаетъ свою рабочую силу какъ товаръ,—кооперація въ широкихъ размѣрахъ можетъ возникнуть только вслѣдствіе возрастанія личныхъ капиталовъ, или по мѣрѣ обращенія общественныхъ средствъ производства и средствъ существованія въ частную собственность отдѣльныхъ капиталистовъ. Почва товарнаго производства дозволяетъ производство въ широкихъ размѣрахъ только въ капиталистической формѣ. Нѣкоторое накопленіе капитала въ рукахъ отдѣльныхъ производителей товаровъ составляетъ необходимое условіе капиталистическаго способа производства. Поэтому, мы всегда должны были предполагать существованіе его при переходѣ ремесленнаго производства въ капиталистическое. Оно можетъ называться первоначальнымъ накопленіемъ, такъ какъ оно составляетъ историческое основаніе, а не историческій результатъ капиталистическаго производства. Намъ нѣтъ необходимости, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, изслѣдовать какъ оно само происходитъ. Довольно того, что оно является исходной точкой. Но всѣ способы увеличенія общественной производительности труда, возникающіе на этой почвѣ, представляютъ одновременно и способы для увеличенія производства прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта, которые служатъ составными элементами накопленія. Они, значитъ, являются въ то-же время способами производства капитала капиталомъ, или способами ускоренія его накопленія. Непрерывное обращеніе прибавочной стоимости въ капиталъ выражается теперь въ возрастаніи величины капитала, входящаго въ процессъ производства. Оно становится, въ свою очередь, основаніемъ для производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ, для способовъ увеличенія производительности труда, которые его сопровождаютъ, и для ускоренія производства прибавочной стоимости. Поэтому, если извѣстная степень накопленія капитала есть условіе капиталистическаго способа производства, то послѣдній, въ свою очередь, есть причина ускоренія накопленія капитала. Слѣдовательно, съ накопленіемъ капитала развивается капиталистическій способъ производства, а при капиталистическомъ способѣ производства развивается накопленіе.

Оба эти экономическіе фактора дѣлаютъ то, что, благодаря тѣмъ вліяніямъ, которыя они оказываютъ одинъ на другой, техническое строеніе капитала постоянно измѣняется, причемъ перемѣнная его часть, сравнительно съ постоянной, дѣлается все меньше и меньше.

Каждый личный капиталъ представляетъ большее или меньшее сосредоточіе средствъ производства и соотвѣтственно большую власть надъ большею или меньшею арміей рабочихъ. Каждое накопленіе становится средствомъ новаго накопленія. Увеличивая количество богатства, дѣйствующаго въ видѣ капитала, накопленіе умножаетъ сосредоточиваніе этого капитала въ рукахъ от-

дѣльныхъ капиталистовъ, а слѣдовательно расширяетъ условія для производства въ большихъ размѣрахъ и специально капиталистическаго способа производства. Увеличеніе общественнаго капитала происходитъ, благодаря возрастанію многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. При прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, каждый изъ этихъ отдѣльныхъ капиталовъ, равно какъ и сопряженное съ нимъ сосредоточеніе средствъ производства, возрастаетъ соразмѣрно съ тѣмъ, какую часть общественнаго капитала онъ составляетъ. Въ то-же время являются отпрыски первоначальнаго капитала, которые, отдѣлившись отъ него, дѣйствуютъ какъ новые самостоятельные капиталы. Значительную роль при этомъ играетъ, конечно, раздѣлъ состоянія между членами семейства капиталиста Поэтому, накопленіе капитала болѣе или менѣе увеличиваетъ число капиталистовъ. Два обстоятельства характеризуютъ этотъ родъ сосредоточенія, который непосредственно зависитъ отъ накопленія, или даже тождественъ съ нимъ. Во-первыхъ: возрастаніе сосредоточенія общественныхъ средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограничивается степенью возрастанія богатства всего общества. Во-вторыхъ: часть общественнаго капитала, затраченная въ каждой особенной отрасли производствъ, распредѣляется между многими капиталистами, которые противополагаются другъ другу, какъ независимые и конкурирующіе между собою производители товаровъ. Поэтому, накопленіе и сопровождающее его сосредоточеніе происходятъ не только разомъ во многихъ пунктахъ, но возрастаніе каждаго изъ дѣйствующихъ капиталовъ перемѣшано съ образованіемъ новыхъ и раздробленіемъ старыхъ. Иначе говоря, если накопленіе выражается въ возрастаніи сосредоточенія средствъ производства, и подчиненіи имъ труда, то, съ другой стороны, оно проявляется также въ отталкиваніи другъ отъ друга многихъ личныхъ капиталовъ.

Этому раздробленію всего общественнаго капитала на многіе личные капиталы или взаимному отталкиванію его составныхъ частей противодѣйствуетъ притяженіе ихъ. Это уже болѣе не простое сосредоточеніе средствъ производства и подчиненіе имъ труда, тождественное съ накопленіемъ, а сосредоточеніе уже образовавшихся капиталовъ, уничтоженіе ихъ личной самостоятельности, отчужденіе капиталиста капиталистомъ-же, обращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ происходитъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи уже имѣющихся и дѣйствующихъ капиталовъ, поэтому онъ не ограничивается абсолютнымъ возрастаніемъ общественнаго богатства или абсолютными предѣлами накопленія. Капиталъ накопляется въ однихъ рукахъ въ громадныхъ массахъ, потому что онъ исчезаетъ изъ многихъ рукъ. Это собственно и есть сосредоточеніе (centralisation), которое надо отличать отъ накопленія (accumulation) (и тяготѣнія Koncentration).

Мы не можемъ здѣсь изложить законы этого сосредоточенія капиталовъ, или притяженіе одного капитала другимъ. Достаточно привести только нѣкоторыя фактическія указанія. Конкуренція вынуждаетъ удешевлять товары. Дешевизна-же товаровъ зависитъ, caeteris paribus, отъ производительности труда, которая, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ размѣровъ производства. Болѣе крупные капиталы одолѣваютъ поэтому менѣе крупные. Сверхъ того, читатель помнитъ, что съ развитіемъ капиталистическаго способа производства повышается минимальный размѣръ отдѣльнаго капитала, необходимый для веденія дѣла при нормальныхъ условіяхъ. Поэтому, мелкіе капиталы вытѣсняются въ тѣ сферы производства, въ которыхъ крупная промышленность встрѣчается только спорадически или которыя она еще не вполнѣ захватила. Конкуренція происходитъ здѣсь въ прямомъ отношеніи къ числу и въ обратномъ отношеніи къ величинѣ конкурирующихъ капиталовъ. Она всегда завершается гибелью многихъ мелкихъ капиталистовъ, капиталы которыхъ частью исчезаютъ, частью переходятъ въ руки ихъ побѣдителя.

Независимо отъ этого, вмѣстѣ съ капиталистическимъ производствомъ появляется совершенно новая сила — кредитъ. Онъ становится не только самъ новымъ и могучимъ орудіемъ въ борьбѣ конкуренціи: невидимыми нитями стягиваетъ онъ денежныя средства, разбросанныя на поверхности общества большими или меньшими массами, въ руки или единичныхъ капиталистовъ, или капиталистовъ, соединяющихся въ общества. Это, такъ сказать, особый механизмъ, спеціально предназначенный для сосредоточенія капитала.

Итакъ, по мѣрѣ расширенія капиталистическаго производства и накопленія развивается конкуренція и кредитъ, эти два самые могучіе рычага сосредоточенія капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ поступательный ходъ накопленія увеличиваетъ матеріалъ для такого сосредоточенія, т.-е. единичные капиталы, тогда какъ развитіе капиталистическаго производства въ одномъ случаѣ создаетъ общественную потребность, въ другомъ — техническое средство для такихъ обширныхъ промышленныхъ предпріятій, выполненіе которыхъ сопряжено съ происходящимъ сосредоточеніемъ капитала. Слѣдовательно въ наше время всесторонняя сила тяготѣнія единичныхъ капиталовъ, стремленіе къ сосредоточенію, сильнѣе чѣмъ когда-либо прежде. Но, если относительное расширеніе и энергія движенія къ сосредоточенію въ извѣстной степени опредѣляется уже достигнутой величиной капиталистическаго богатства и превосходствомъ хозяйственнаго механизма, то поступа-

тельный ходъ сосредоточенія ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ положительной величины возрастанія общественнаго капитала. И именно этимъ сосредоточеніе (centralisation) отличается отъ тяготѣнія (concentration), которое есть лишь иное выраженіе для воспроизводства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Сосредоточеніе можетъ произойти просто благодаря только другому распредѣленію уже имѣющихся капиталовъ, благодаря простому измѣненію количественной группировки составныхъ частей общественнагокапитала. Здѣсь капиталъ можетъ увеличиться до огромныхъ размѣровъ въ однихъ рукахъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ выскользнулъ изъ рукъ многихъ отдѣльныхъ лицъ. Въ данной отрасли промышленности сосредоточеніе достигло-бы своихъ крайнихъ предѣловъ въ томъ случаѣ, если-бы всѣ затраченные на нее капиталы слились въ одинъ единственный капиталъ [78b]). Въ какомъ нибудь данномъ обществѣ предѣлы эти были-бы всѣ достигнуты лишь въ тотъ моментъ, когда весь общественный капиталъ сосредоточился-бы въ рукахъ какого-нибуть единичнаго капиталиста, или въ рукахъ одного единичнаго общества капиталистовъ.

Сосредоточеніе дополняетъ работу накопленія, позволяя промышленнымъ капиталистамъ расширить размѣръ своихъ дѣлъ. Есть-ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіе накопленія или сосредоточенія; совершается-ли сосредоточеніе насильственнымъ путемъ присоединенія, —когда опредѣленные капиталы становятся такимъ могущественнымъ центромъ тяготѣнія для другихъ, что нарушаютъ ихъ индивидуальную связь, притягая затѣмъ къ себѣ разъединенные обрывки ихъ,—или-же это сліяніе многихъ уже существующихъ или возникающихъ капиталовъ происходитъ плавно, путемъ учрежденія акціонерныхъ обществъ,—экономическое вліяніе и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково. Возросшее расширеніе промышленнаго предпріятія становится повсюду исходной точкой для обширной организаціи совмѣстнаго труда многихъ, для болѣе широкаго развитія его матеріальныхъ движущихъ силъ, т.-е. для прогрессивнаго преобразованія единичныхъ, разобщенныхъ процессовъ производства въ процессы производства, общественно-комбинированные и устраиваемыя согласно научнымъ требованіямъ.

Однако очевидно, что накопленіе,—постепенное увеличеніе капитала, вслѣдствіе того что воспроизводство идетъ уже не въ видѣ круговращенія, а по спирали,—способъ чрезвычайно медленный, сравнительно съ сосредоточеніемъ, при которомъ нужно другое распредѣленіе, другая количественная группировка составныхъ частей даннаго общественнаго капитала. Міръ былъ-бы безъ желѣзныхъ дорогъ, если-бы ему пришлось ждать до тѣхъ поръ, пока накопленіе какихъ-нибудь единичныхъ капиталовъ достигло-бы такихъ размѣровъ, чтобы соорудить желѣзную дорогу. Сосредоточеніе-же посредствомъ акціонерныхъ обществъ совершаетъ это сразу. И между тѣмъ какъ сосредоточеніе усиливаетъ и ускоряетъ такимъ образомъ дѣйствіе накопленія, и то и другое въ то-же время расширяетъ и ускоряетъ преобразованіе техническаго строенія капитала, вслѣдствіе чего увеличивается постоянная его часть на счетъ перемѣнной, а потому относительно уменьшается спросъ на трудъ.

Сплавленныя сосредоточіемъ, массы капитала воспроизводятся и увеличиваются какъ и другія, но только быстрѣе, и дѣлаются вслѣдствіе этого новымъ могучимъ рычагомъ общественнаго накопленія. Слѣдовательно, если рѣчь идетъ о поступательномъ ходѣ общественнаго накопленія, то при этомъ — въ наши дни—безмолвно подразумѣвается дѣйствіе сосредоточенія.

Образовавшіеся при ходѣ нормальнаго накопленія дополнительные капиталы, (ср. гл. XXII,1) служатъ главнымъ образомъ вспомогательнымъ средствомъ для эксплуатаціи новыхъ изобрѣтеній и открытій, вообще промышленныхъ усовершенствованій. Но и прежній капиталъ достигаетъ со временемъ момента возобновленія всѣхъ своихъ членовъ, которыми онъ облеченъ, и возникаетъ вновь точно также въ болѣе усовершенствованномъ техническомъ видѣ, при которомъ онъ довольствуется меньшимъ количествомъ труда для приведенія въ дѣйствіе машинъ большихъ размѣровъ и въ большемъ числѣ, а также большаго количества сырого матеріала. Само собой разумѣется, что абсолютное пониженіе спроса на трудъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше капиталы, подвергающіеся такому возобновленію, уже накопились, благодаря движенію, которое сосредоточило ихъ.

Стало быть, съ одной стороны, добавочный капиталъ, образовавшійся вновь при прогрессѣ накопленія, притягиваетъ все меньше и меньше рабочихъ, сравнительно со своею величиною. Съ другой стороны, прежній капиталъ, воспроизводимый періодически въ иномъ органическомъ строеніи, отталкиваетъ все больше и больше рабочихъ, которымъ прежде давалъ работу.

3) Возрастающее производство относительнаго перенаселенія или запасной промышленной арміи.

Накопленіе капитала, бывшее въ началѣ только количественнымъ расширеніемъ его, доканчивается, слѣдовательно, постояннымъ количествен-

[78b]) Къ 4-му изд. — Новѣйшіе англійскіе и американскіе «Trusts», «трэсты» стремятся къ этой цѣли, пытаясь соединить по крайней мѣрѣ всѣ крупныя предпріятія данной отрасли промышленности въ одно обширное акціонерное общество съ практической монополіей. — Фр. Э.

нымъ измѣненіемъ его строенія, непрерывнымъ увеличеніемъ постоянной его части на счетъ перемѣнной [77c]).

Специфическій капиталистическій способъ производства, соотвѣтственное ему расширеніе производительной силы труда и, какъ слѣдствіе послѣдняго, измѣненіе органическаго строенія капитала, не только расширяются съ развитіемъ накопленія или съ возрастаніемъ общественнаго богатства: поступательный ходъ ихъ еще быстрѣе послѣдняго, такъ какъ простое накопленіе или абсолютный приростъ всего капитала влечетъ за собой сосредоточеніе отдѣльныхъ капиталовъ, изъ которыхъ онъ составляется, и такъ какъ техническое преобразованіе добавочнаго капитала идетъ рука объ руку съ техническимъ преобразованіемъ первоначальнаго капитала. Слѣдовательно, съ развитіемъ накопленія измѣняется отношеніе постоянной части капитала къ перемѣнной. Если первоначально оно было = 1 : 1, то затѣмъ оно становится = 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1 и т. д., такъ что съ увеличеніемъ капитала, вмѣсто $1/2$ его общей стоимости, въ рабочую силу прогрессивно превращается только $1/3$, $1/4$, $1/5$, $1/6$, $1/7$, $1/8$ и т. д., а въ средства производства $2/3$, $3/4$, $4/5$, $5/6$, $6/7$, $7/8$ и т. д. общей стоимости капитала. Такъ какъ запросъ на трудъ опредѣляется не размѣромъ всего капитала, а размѣромъ его перемѣнной части, то, слѣдовательно, онъ прогрессивно падаетъ съ возрастаніемъ всего капитала, а не повышается, какъ предполагалось прежде. Онъ понижается сравнительно съ величиной всего капитала и притомъ въ ускоренной прогрессіи съ возрастаніемъ этой величины. Съ возрастаніемъ всего капитала хотя и увеличивается перемѣнная его часть или соотвѣтствуюшая ей рабочая сила, но увеличивается въ постоянно убывающемъ соотношеніи. Періоды, въ продолженіе которыхъ накопленіе дѣйствуетъ какъ простое расширеніе производства на данномъ техническомъ основаніи, дѣлаются короче. Мало того, что нужно ускореніе накопленія всего капитала въ возрастающей прогрессіи, для того чтобы поглотить извѣстный приростъ числа рабочихъ, или даже для того, чтобы дать работу уже имѣвшимъ ее прежде, и потерявшимъ вслѣдствіе постояннаго преобразованія прежняго, уже дѣйствующаго капитала, но еще это возрастаніе накопленія и сосредоточенія, въ свою очередь, обращается въ источникъ новаго измѣненія строенія капитала, новаго уменьшенія его перемѣнной части, въ сравненіи съ постоянною. Это болѣе скорое относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала, происходящее вмѣстѣ съ болѣе быстрымъ возрастаніемъ всего капитала, причемъ уменьшеніе идетъ скорѣе увеличенія, при взглядѣ на предметъ съ другой стороны, кажется, наоборотъ, болѣе скорымъ абсолютнымъ приростомъ рабочаго населенія, чѣмъ увеличеніе перемѣннаго капитала или тѣхъ средствъ, которыя даютъ имъ работу. Вѣрнѣе-же сказать, что само капиталистическое накопленіе постоянно производитъ, и притомъ пропорціонально своей собственной энергіи и своему размѣру, относительный избытокъ рабочаго населенія или избытокъ, въ сравненіи со среднею степенью потребностей самовозрастанія капитала, словомъ — производитъ перенаселеніе.

Разсматривая весь общественный капиталъ, мы видимъ, что ходъ его накопленія то вызываетъ періодическія измѣненія, болѣе или менѣе дѣйствующія на него во всемъ его цѣломъ, то отдѣльные моменты этого хода распредѣляются одновременно въ разныхъ сферахъ производства. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ происходитъ измѣненіе въ строеніи капитала безъ всякаго абсолютнаго возрастанія, просто вслѣдствіе сосредоточенія его; въ другихъ — абсолютное возрастаніе капитала связано съ абсолютнымъ уменьшеніемъ его перемѣнной части, или поглощаемой ею рабочей силы; въ третьихъ,—капиталъ то продолжаетъ увеличиваться, на данной технической почвѣ, привлекая добавочныя рабочія силы, соразмѣрно своему возрастанію, то совершается органическое измѣненіе и уменьшается его перемѣнная часть; во всѣхъ отрасляхъ, возрастаніе перемѣнной части капитала, а слѣдовательно и числа рабочихъ, имѣющихъ занятіе, всегда связано съ сильными колебаніями и временнымъ возникновеніемъ перенаселенія, то въ видѣ бросающагося въ глаза увольненія рабочихъ, то въ менѣе замѣтной, но не менѣе дѣйствительной формѣ затруднительнаго поглощенія добавочнаго рабочаго населенія его обыкновенными отводными каналами [78]). Вмѣстѣ съ величиной уже

[77c]) Къ 3-му изд.—На экземплярѣ Маркса въ этомъ мѣстѣ на поляхъ имѣется слѣдующая замѣтка: «Для позднѣйшей разработки: Если расширеніе только количественно, то для большаго и меньшаго капитала въ той-же отрасли промышленности размѣръ прибыли находится въ прямомъ отношеніи къ размѣру затраченнаго капитала. Но если количественное расширеніе вызываетъ качественное измѣненіе, то одновременно съ ростомъ капитала возрастаетъ и норма прибыли».—Фр. Э.

[78]) Перепись въ Англіи и Уэльсѣ между прочимъ показываетъ: Всѣхъ лицъ занимавшихся земледѣліемъ (со включеніемъ собственниковъ, фермеровъ, садовниковъ, пастуховъ и пр.) въ 1851 было: 2,011,447, въ 1861: 1,924,110, уменьшеніе на 87,337 чел. Въ шерстяномъ производствѣ—въ 1851 году 102,714, въ 1861 году 79,242. На шелковыхъ фабрикахъ въ 1851 году 111,940, въ 1861 году 101,678. На ситцепечатняхъ: въ 1851 году работало 12,098, въ 1861 году 12,556; такое ничтожное увеличеніе, не смотря на гигантское расширеніе дѣла, зависитъ отъ громаднаго относительнаго уменьшенія числа занимающихся работниковъ. Шляпочниковъ въ 1851 году было 15,957, въ 1861 году 13,814. Работающихъ соломенныя и женскія шляпы въ

дѣйствующаго общественнаго капитала и со степенью его возрастанія, съ расширеніемъ производства и возрастаніемъ числа рабочихъ, находящихся въ немъ, съ развитіемъ производительной силы ихъ труда, словомъ, всѣхъ источниковъ богатства и ихъ изобиліемъ, возрастаетъ также притяженіе рабочихъ капиталомъ съ одной стороны и отталкиваніе ихъ — съ другой; возростаетъ быстрота измѣненія въ органическомъ строеніи капитала и въ его техническихъ формахъ; расширяется, наконецъ, кругъ отраслей производства, которыя охватываются этими измѣненіями то одновременно, то одна за другой. Такимъ образомъ, производя накопленіе капитала, рабочее населеніе производитъ въ то-же время возрастающій относительный избытокъ самого себя [79]). Это законъ прироста населенія, свойственный капиталистическому способу производства; вообще каждому исторически-особенному способу производства соотвѣтствуетъ свой собственный законъ размноженія населенія, сохраняющій силу только въ его предѣлахъ. Абстрактный законъ размноженія существуетъ только для растеній и животныхъ, пока человѣкъ не воздѣйствуетъ на него.

Но если излишекъ рабочаго населенія есть необходимый продуктъ накопленія или развитія богатства на капиталистической почвѣ, то этотъ излишекъ населенія, въ свою очередь, дѣлается рычагомъ капиталистическаго накопленія, даже условіемъ существованія капиталистическаго способа производства. Онъ образуетъ запасную промышленную армію, столь-же безусловно принадлежащую капиталу, какъ если-бы онъ выростилъ это населеніе на свой собственный счетъ. Для вѣчно измѣняющихся потребностей самовозрастанія капитала, онъ создаетъ всегда готовый для эксплуатаціи человѣческій матеріалъ, независимый отъ предѣловъ дѣйствительнаго прироста населенія. Вмѣстѣ съ накопленіемъ и сопровождающимъ его развитіемъ производительности труда увеличивается также сила внезапной растяжимости капитала, не только потому, что увеличивается разстяжимость дѣйствующаго капитала и абсолютное богатство, растяжимую часть котораго составляетъ капиталъ; не только потому, что кредитъ при каждомъ особомъ возбужденіи сразу отдаетъ въ распоряженіе производства, въ видѣ добавочнаго капитала, болѣе обычной части этого богатства: техническій характеръ самого процесса производства,—машины, перевозочныя средства и т. д., допускаетъ крайне быстрое обращеніе массъ добавочнаго продукта въ добавочныя средства производства. Массы общественнаго богатства, возрастающія съ прогрессомъ нако-

---

1851 году было 20,393, въ 1861 году 18,176. Солодовщиковъ въ 1851 году было 10,566, въ 1861 году 10,676. Въ свѣчномъ производствѣ въ 1851 году работало 4,949, въ 1861 году 4,686. Это уменьшеніе объясняется, между прочимъ, увеличеніемъ газоваго освѣщенія. Гребенщиковъ въ 1851 году 2,038, въ 1861 году 1,478. Работающихъ на лѣсопильняхъ въ 1851 году было 30,552, въ 1861 году 31,647, ничтожное прибавленіе вслѣдствіе распространенія пильныхъ машинъ. Гвоздарей въ 1851 году 26.940, въ 1861 году 26,130; уменьшеніе вслѣдствіе конкуренціи машинъ. Рабочихъ въ оловянныхъ и мѣдныхъ рудникахъ: въ 1851 году было 31,360, въ 1861 году 32,041. Напротивъ того, на бумаго-прядильняхъ и ткацкихъ фабрикахъ въ 1851 году было 371,777, а въ 1861 году 456,646. Въ каменноугольныхъ копяхъ въ 1851 году 183,389, а въ 1861 году 246,613. «Наибольшее увеличеніе числа работниковъ послѣ 1851 года было вообще въ тѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ машины до сихъ поръ не примѣнялись съ успѣхомъ». («Census of England and Wales for 1862» vol. III. Lond. 1863, p. 36).

[79]) О существованіи закона прогрессивнаго уменьшенія относительной величины перемѣннаго капитала, и о вліяніи его на положеніе класа наемныхъ рабочихъ, многіе извѣстные экономисты класической школы болѣе догадывались, чѣмъ понимали его. Величайшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ John Barton'у, хотя онъ подобно всѣмъ остальнымъ смѣшиваетъ постоянный капиталъ съ основнымъ, перемѣнный съ оборотнымъ. Онъ говоритъ: «Запросъ на трудъ зависитъ отъ увеличенія оборотнаго капитала, а не основного. Если было-бы вѣрно, что отношеніе между этими двумя родами капитала во всѣ времена бывало одинаково, тогда, разумѣется, число рабочихъ всегда возрастало-бы пропорціонально увеличенію богатства страны. Но это предположеніе не имѣетъ и тѣни правдоподобія. По мѣрѣ усовершенствованія искусствъ и распространенія цивилизаціи основной капиталъ получаетъ все большее и большее преобладаніе надъ оборотнымъ. Размѣръ основного капитала, употребленнаго при производствѣ штуки англійскаго муслина, по крайней мѣрѣ во сто разъ, даже можетъ быть въ тысячу разъ больше того, какое употребляется при производствѣ индійскаго муслина. Отношеніе-же оборотнаго капитала въ 100 или 1000 разъ меньше... если бы вся сумма годичныхъ сбереженій была прибавлена къ основному капиталу, то это не имѣло-бы никакого вліянія на возрастаніе запроса на трудъ». («John Barton: Observations on the circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society». London 1817, p. 16, 17). «Причина, могущая увеличить чистый доходъ страны, можетъ въ то-же время вызвать перенаселеніе и ухудшить положеніе рабочихъ». Ricardo l. c. p. 496). Съ возрстаніемъ капитала «запросъ (на трудъ) происходитъ въ уменьшенномъ отношеніи» (l. c. p. 480. Note). «Количество капитала, назначенное на содержаніе труда, можетъ измѣняться независимо отъ измѣненій всего капитала.... Большія колебанія въ запросѣ на трудъ и значительная нужда могутъ учащаться по мѣрѣ увеличенія самого капитала». Richard Jones: «An Introductory Lecture on Pol. Economy. London 1833» p. 13). «Запросъ (на трудъ) возрастаетъ.... не пропорціонально накопленію всего капитала.... Поэтому, всякое увеличеніе національнаго капитала, предназначеннаго на воспроизводство, съ прогрессомъ общества, имѣетъ все менѣе и менѣе вліянія на положеніе рабочаго». (Ramsay l. c. p. 90 91).

пленія и способныя обращаться въ добавочный капиталъ, бѣшено устремляются или въ старыя отрасли промышленности, рынокъ которыхъ внезапно расширился, или въ возникающія вновь, какъ, напримѣръ, на желѣзно-дорожныя предпріятія и т. п., потребность въ которыхъ явилась вслѣдствіе развитія прежнихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходима возможность посылать на опредѣленные пункты громадныя массы людей внезапно и не уменьшая производства въ другихъ отрасляхъ. Ихъ доставляетъ излишекъ населенія. Своеобразный жизненный путь новѣйшей промышленности, — въ видѣ десятилѣтнихъ цикловъ, прерываемыхъ мелкими колебаніями, и состоящихъ изъ періодовъ средняго оживленія, производства подъ сильнымъ давленіемъ, кризиса и застоя,—основывается на постоянномъ возникновеніи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и возникновеніи снова запасной промышленной арміи или перенаселенія. Превратности промышленнаго цикла въ свою очередь увеличиваютъ перенаселеніе, и вообще являются однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ его воспроизведенія. Этотъ характерный жизненный путь современной промышленности, который мы не находимъ ни въ одномъ изъ болѣе раннихъ періодовъ исторіи человѣчества, былъ невозможенъ и въ младенческомъ періодѣ капиталистическаго производства. Тогда строеніе капитала измѣнялось крайне медленно. А потому, въ общемъ, накопленію его соотвѣтствовало соотвѣтственное возрастаніе запроса на трудъ. Какъ медлененъ ни былъ прогрессъ его накопленія, въ сравненіи съ новѣйшимъ временемъ, но и онъ наталкивался на естественныя предѣлы рабочаго населенія, могущаго служить для эксплуатаціи, предѣлы, которые можно было устранить только насильственными мѣрами, о чемъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Порывистое и внезапное расширеніе размѣра производства есть условіе такого-же внезапнаго его сокращенія; послѣднее вызываетъ снова первое, но первое невозможно, если нѣтъ на готовѣ человѣческаго матеріала, если нельзя увеличить числа работниковъ, независимо отъ абсолютнаго прироста населенія. Это увеличеніе создается тѣмъ простымъ процессомъ, который при помощи способовъ, уменьшающихъ число рабочихъ въ сравненіи съ увеличеннымъ производствомъ, постоянно «освобождаетъ» часть рабочихъ. Итакъ вся форма движенія современной промышленности зависитъ отъ постояннаго превращенія части рабочаго населенія въ незанятыя или наполовину занятыя рабочія руки. Поверхностность политической экономіи проявляется, между прочимъ, въ томъ, что она считаетъ расширеніе и сокращеніе кредита, простые симптомы фазисовъ промышленнаго цикла—причинами ихъ. Подобно тому, какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ движеніе, постоянно воспроизводятъ тоже самое движеніе, такъ и общественное производство, разъ брошенное въ это движеніе попеременнаго расширенія и сокращенія, непрерывно воспроизводитъ его. Дѣйствія, въ свою очередь, становятся причинами, и фазисы всего процесса, который постоянно воспроизводитъ свои собственныя условія, принимаютъ форму періодичности. Разъ эта послѣдняя установилась, то даже и политическая экономія начинаетъ признавать производство относительнаго (т.-е. по отношенію къ средней потребности возрастанія стоимости капитала) излишка населенія необходимымъ условіемъ существованія современной промышленности.

«Допустимъ», говоритъ H. Merivale, бывшій профессоръ политической экономіи въ Оксфордѣ, а впослѣдствіи чиновникъ аглійскаго министерства колоній, «допустимъ, что въ одинъ изъ такихъ кризисовъ, нація, напрягши силы, освободится посредствомъ эмиграціи, отъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ излишнихъ бѣдныхъ; каковы-же будутъ послѣдствія? При первомъ запросѣ на трудъ явится недостатокъ наличныхъ рабочихъ. Какъ-бы быстро человѣкъ ни размножался все же для пополненія потери взрослыхъ работниковъ нуженъ періодъ времени равный одному поколѣнію. Между тѣмъ, прибыль нашихъ фабрикантовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ того, могутъ-ли они эксплуатировать наиболѣе благопріятный моментъ сильнѣйшаго запроса, вознаграждая себя этимъ за время затишья и застоя. Эта возможность дается имъ только властью надъ машинами и надъ трудомъ. Они обязаны найти свободныя руки; они обязаны быть въ состояніи, когда нужно, напрячь или ослабить быстроту своихъ операцій, смотря по положенію рынка; въ противномъ случаѣ имъ ни за что не удержать за собою перевѣса въ борьбѣ конкуренціи, на которомъ основывается богатство страны» [80]). Самъ Мальтусъ признаетъ перенаселеніе необходимостью для современной промышлености, хотя онъ со свойственною ограниченностью, выводитъ его изъ абсолютнаго прироста рабочаго населенія, а не изъ относительнаго избытка его. Онъ говоритъ: «Благоразумныя привычки по отношенію къ браку, доведенныя до значительной степени среди рабочаго населенія какой-нибудь страны, зависящей главнымъ образомъ отъ мануфактуръ и торговли, могутъ стать для нея источникомъ бѣдствій... По самой природѣ населенія, приростъ рабочихъ, въ случаѣ особеннаго запроса на нихъ, не можетъ быть доставленъ на рынокъ, ранѣе 16-ти или 18-ти лѣтъ, а превращеніе дохода въ капиталъ посредствомъ сбереженія можетъ произойти гораздо быстрѣе; страна постоянно подвержена риску, что фондъ для содержанія труда возрастаетъ

[80]) H. Merivale: «Lectures on Colonization and Colonies». London, 1841 и 1842 v. I, p. 146.

скорѣе населенія» [81]). Политическая экономія, объявивъ такимъ образомъ постоянное произведеніе относительнаго излишка рабочаго населенія необходимымъ условіемъ капиталистическаго накопленія, влагаетъ въ уста своего идеальнаго капиталиста,—являющагося на этотъ разъ очень кстати въ образѣ старой дѣвы, — слѣдующія слова, обращенныя къ «сверхкомплектнымъ» выброшеннымъ на улицу добавочнымъ капиталомъ, который ими же былъ: созданъ «Увеличивая капиталъ, необходимый для вашего существованія, мы, фабриканты, дѣлаемъ для васъ все, что можемъ; вы-же обязаны дѣлать остальное, т.-е. соразмѣрять свое число со средствами существованія» [82]).

Тѣмъ числомъ силъ, которое доставляетъ естественный приростъ населенія, капиталистическое производство никакъ не можетъ довольствоваться. Чтобы свободно дѣйствовать ему нужна запасная промышленная армія, независимая отъ этихъ естественныхъ границъ.

До сихъ поръ предполагалось, что увеличеніе или уменьшеніе перемѣнной части капитала вполнѣ соотвѣтствуетъ увеличенію или уменьшенію числа занятыхъ рабочихъ.

При неизмѣняющемся или даже при уменьшающемся числѣ управляемыхъ перемѣннымъ капиталомъ рабочихъ, онъ можетъ увеличиваться въ томъ случаѣ, когда каждый отдѣльный рабочій доставляетъ болѣе труда, вслѣдствіе чего возрастаетъ и рабочая плата, хотя цѣна труда можетъ оставаться безъ измѣненія, или даже понижаться, но только медленнѣе возрастанія количества труда. Приростъ перемѣннаго капитала становится показателемъ бо̀льшаго труда, а не бо̀льшаго числа рабочихъ. Каждый капиталистъ имѣетъ прямую выгоду въ томъ, чтобы опредѣленное количество труда извлекалось изъ возможно меньшаго числа рабочихъ, а не изъ большаго, если издержки приблизительно одинаковы. Въ послѣднемъ случаѣ расходъ на постоянный капиталъ увеличивается пропорціонально количеству труда, приведеннаго въ дѣйствіе, въ первомъ-же случаѣ — гораздо медленнѣе. Чѣмъ громаднѣе размѣръ производства, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ этотъ мотивъ: онъ становится сильнѣе съ накопленіемъ капитала.

Мы видѣли, что развитіе капиталистическаго способа производства и производительности труда,—будучи въ то-же время причиной и слѣдствіемъ накопленія,—даетъ возможность капиталисту, при той-же затратѣ перемѣннаго капитала, приводить въ дѣйствіе большее количество труда при помощи болѣе интенсивной или экстенсивной эксплуатаціи индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Мы видѣли также, что съ тѣмъ-же капиталомъ онъ покупаетъ большее количество труда, вслѣдствіе того, что замѣняетъ мало-по-малу искусныхъ рабочихъ чернорабочими, зрѣлыя рабочія силы— незрѣлыми, мужчинъ—-женщинами, совершеннолѣтнихъ—дѣтьми.

Такимъ образомъ, съ прогрессомъ накопленія, большій перемѣнный капиталъ приводитъ въ дѣйствіе больше труда, не увеличивая числа рабочихъ, съ другой стороны, перемѣнный капиталъ той-же величины извлекаетъ больше труда изъ того-же количества рабочей силы и наконецъ приводитъ въ дѣйствіе большее количество силъ низшаго качества, замѣщая ими рабочія силы высшаго качества.

Поэтому образованіе относительнаго перенаселенія или освобожденія рабочихъ совершается еще скорѣе, чѣмъ техническое преобразованіе процесса производства, ускоренное влѣдствіе развитія накопленія, и скорѣе, чѣмъ соотвѣтствующее ему уменьшеніе перемѣнной части капитала сравнительно съ его постоянной частью. Средства производства, увеличиваясь въ своемъ размѣрѣ и силѣ, даютъ занятіе меньшему числу рабочихъ; и это уменьшеніе усиливается, въ свою очередь, вслѣдствіе того, что капиталъ, по мѣрѣ возрастанія производительной силы труда, быстрѣе увеличиваетъ свое предложеніе труда, чѣмъ свой запросъ на рабочихъ. Чрезмѣрный трудъ той части рабочаго класса, которая имѣетъ работу, служитъ къ увеличенію рядовъ его запаса, между тѣмъ какъ увеличенное давленіе, производимое этимъ запасомъ посредствомъ конкуренціи на работающихъ, заставляетъ черезъ силу работать и подчиняться диктатурѣ капитала. Осужденіе одной части рабочаго класса на невольную праздность при помощи чрезмѣрнаго труда другой, и обратно, становится средствомъ обогащенія единичныхъ капиталистовъ [83]) и, въ

[81]) «Prudential habits with regard to mariage carried to a considerable extent among the labouring class of a country mainly depending upon manufactures and commerce might injure it... From the nature of a population, an increase of labourers cannot be brought into market, in consequence of a particular demand, till after the lapse of 16 or 18 years, and the conversion of revenue into capital, by saving, may take place much more rapidly; a country is always liable to an increase in the quantity of the funds for the maintenance of labour faster than the increase of population». (Malthus: «Princ. of Pol. Econ.» p. 254, 319, 320). Въ этомъ сочиненіи Мальтусъ въ концѣ концовъ открываетъ при помощи Сисмонди, прекрасную троицу капиталистическаго производства: — перепроизводство— перенаселеніе — перепотребленіе, three very delicate monsters indeed! Сравни F. Engels: «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie» l. c. p. 107 sqq.

[82]) Harriet Martineau: «The Manchester Strike. 1842», p. 101.

[83]) Даже во время хлопковаго кризиса 1863 года, въ одномъ памфлетѣ блэкбёрнскихъ прядильщиковъ, мы встрѣчаемъ свидѣтельство о чрезмѣрномъ трудѣ, который, вслѣдствіе фабричнаго закона, конечно ложился только на взрослыхъ рабочихъ. «Отъ взрослыхъ рабочихъ на этой фабрикѣ требовался 12 — 13 часовой еже-

то-же время, ускоряетъ образованіе запасной промышленной арміи въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ прогрессу общественнаго накопленія. Какъ важенъ этотъ моментъ въ образованіи относительнаго перенаселенія и доказываетъ напримѣръ, Англія. Ея техническія средства для «сбереженія» труда колоссальны. Тѣмъ не менѣе, будь завтра повсюду трудъ ограниченъ раціональными предѣлами, и распредѣленъ между различными слоями рабочаго класса соотвѣтственно возрасту и полу, наличнаго населенія положительно не хватило-бы для продолженія національнаго производства въ его теперешнихъ размѣрахъ. Большая часть теперешнихъ «непроизводительныхъ» рабочихъ была-бы принуждена обратиться въ «производительныхъ».

Въ концѣ концовъ, общія колебанія рабочей платы регулируются исключительно увеличеніемъ и сокращеніемъ промышленной резервной арміи, сообразно чередованію періодовъ промышленнаго цикла. Они опредѣляются, стало быть, не колебаніями абсолютнаго числа рабочаго населенія, а измѣненіями отношенія, въ которомъ рабочій классъ раздѣляется на дѣйствующую и запасную армію, увеличеніемъ и уменьшеніемъ относительнаго размѣра перенаселенія, степенью, въ которой оно то поглощается, то вновь освобождается. Для современной промышленности, съ ея десятилѣтними циклами и періодическими фазами, которые, сверхъ того, съ возрастаніемъ накопленія прерываются все чаще и чаще неправильными колебаніями,—дѣйствительно былъ-бы очень страннымъ такой законъ, который регулировалъ-бы запросъ и предложеніе труда не расширеніемъ и сокращеніемъ капитала, слѣдовательно, не его всегдашнею потребностью возрастанія стоимостей, такъ что рабочій рынокъ казался-бы то относительно недостаточнымъ, когда капиталъ расширяется, то опять переполненнымъ, когда онъ сокращается,—но, напротивъ того, ставилъ-бы въ зависимость движеніе капитала отъ абсолютныхъ колебаній количества населенія. Таковъ однако догматъ экономистовъ. По этой теоріи рабочая плата повышается вслѣдствіе накопленія капитала. Повышенная рабочая плата даетъ толчокъ къ увеличенію рабочаго населенія; и это продолжается до тѣхъ поръ, пока рабочій рынокъ не переполнится, слѣдовательно, когда капиталъ сдѣлается недостаточнымъ сравнительно съ наплывомъ рабочихъ, рабочая плата понижается, и тогда выступаетъ обратная сторона медали. Вслѣдствіе падающей рабочей платы, рабочее населеніе мало по малу рѣдѣетъ, такъ что въ сравненіи съ нимъ капиталъ снова дѣлается переполненнымъ, или, какъ объясняютъ нѣкоторые, понижающаяся рабочая плата и соотвѣтственно усиливающаяся эксплуатація рабочихъ снова ускоряетъ накопленіе, тогда какъ низкая рабочая плата въ то-же время препятствуетъ возрастанію рабочаго класса. Такимъ образомъ предложеніе труда снова дѣлается ниже запроса на трудъ, плата повышается и т. д. Что за прекрасный способъ движенія для развитаго капиталистическаго производства! Прежде чѣмъ можетъ произойти, вслѣдствіе повышенія платы, какое нибудь положительное увеличеніе населенія, дѣйствительно способнаго къ работѣ, успѣетъ нѣсколько разъ пройти время, въ продолженіе котораго долженъ вестись промышленный походъ и произойдетъ рѣшительная битва.

Между 1849 и 1859 г., на ряду съ падающими цѣнами на хлѣбъ въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ произошло нѣкоторое повышеніе рабочей платы, въ сущности только номинальное; такъ, напримѣръ, въ Уильтширѣ недѣльная плата повысилась съ 7 на 8 шилл., въ Дорсетширѣ съ 7 на 8 и на 9 шилл. и т. д. Это было слѣдствіемъ необыкновенной убыли земледѣльческаго населенія, вслѣдствіе войны, сильнаго расширенія желѣзнодорожной сѣти, развитія фабрикъ, горнаго дѣла и т. д. Чѣмъ ниже рабочая плата, тѣмъ въ болѣе высокихъ процентныхъ числахъ выражается каждое незначительное повышенія ея. Напримѣръ, если недѣльная плата была 20 шилл. и она повысится

дневный трудъ, тогда какъ есть сотни лицъ, вынужденныхъ быть праздными, и которые охотно стали-бы работать часть времени, чтобы поддержать свои семейства и спасти своихъ братьевъ отъ преждевременной могилы вслѣдствіе чрезмѣрнаго труда». «Мы», говорится далѣе, «позволяемъ себѣ спросить, возможны-ли какія-нибудь сносныя отношенія между хозяевами и «слугами» при этомъ обыкновеніи работать сверхъ положеннаго времени? Жертвы чрезмѣрнаго труда одинаково сознаютъ эту несправедливость, какъ и осужденные на вынужденную праздность (condemned to forced idleness). Въ этомъ округѣ работы хватило-бы на всѣхъ, если-бы трудъ былъ справедливѣе распредѣленъ. Мы требуемъ у нашихъ хозяевъ только права работать всѣмъ не полный рабочій день, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока продолжается теперешнее положеніе вещей, вмѣсто того, чтобы заставлять часть рабочихъ работать чрезъ силу, между тѣмъ какъ другая часть, вслѣдствіе недостатка работы, вынуждена поддерживать свое существованіе при помощи благотворительности» («Rep. of Insp. of Fact. 31 Oct. 1863», p. 8). Дѣйствіе относительнаго перенаселенія на рабочихъ, имѣющихъ работу, авторъ «Essay on Trade and Commerce» понялъ со своимъ обычнымъ непогрѣшимымъ буржуазнымъ инстинктомъ. «Другая причина праздности (idleness) въ этомъ королевствѣ состоитъ въ недостаткѣ потребнаго количества рабочихъ рукъ. Какъ только, вслѣдствіе какого-нибудь чрезвычайнаго запроса на фабрикахъ, количество труда становится недостаточнымъ, рабочіе начинаютъ чувствовать свое собственное значеніе и хотятъ дать почувствовать его своимъ хозяевамъ. Это изумительно; понятія этого народа такъ извращены, что въ подобныхъ случаяхъ составляются группы рабочихъ съ цѣлью поставить хозяина въ затрудненіе тѣмъ, что сами весь день прошатаются безъ дѣла» («Essay etc.», p. 27, 28). Дѣло въ томъ, что этотъ народъ требовалъ повышенія рабочей платы.

до 22, то это повышеніе равно 10%; если-же, наоборотъ, она была только 7 шилл. и повысится на тѣ-же 2 шил., т.-е. до 9, то это повышеніе равняется $28^{4}/_{7}$%, что звучитъ очень выразительно. Во всякомъ случаѣ фермеры возопили, и даже «London Economist» началъ совершенно серьезно болатать объ этихъ нищенскихъ платахъ, какъ о general and substantial advance [84]) (объ общемъ и существенномъ повышеніи). Что-же сдѣлали фермеры? Стали-ли они ждать пока земледѣльческіе рабочіе, вслѣдствіе этой блестящей платы, такъ умножатся, что плата упадетъ вновь, какъ это представляется догматическому уму экономиста? Нѣтъ, они ввели больше машинъ, и рабочіе мгновенно оказались опять въ избыткѣ, совершенно достаточномъ для фермеровъ. Теперь въ земледѣліе было вложено «болѣе капитала», чѣмъ прежде, и въ болѣе производительной формѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ спросъ на трудъ понизился не только относительно, но и абсолютно.

Эта экономическая фикція смѣшиваетъ законы, которымъ подчинено общее движеніе рабочей платы, или отношеніе между рабочимъ классомъ—т. е. всей суммы рабочихъ силъ—и всѣмъ общественнымъ капиталомъ, съ законами, распредѣляющими рабочее населеніе между отдѣльными отраслями производства. Когда, напримѣръ, вслѣдствіе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, накопленіе въ какой нибудь отрасли промышленности дѣлается особенно сильнымъ, прибыль въ ней становится выше средней прибыли и потому привлекаетъ добавочный капиталъ,— то здѣсь разумѣется увеличивается какъ спросъ на трудъ, такъ и рабочая плата. Высокая рабочая плата привлекаетъ значительную часть рабочаго населенія въ благопріятствуемую отрасль производства до тѣхъ поръ, пока она не насытится рабочей силой, и тогда плата понижается опять до своего прежняго средняго уровня, или даже ниже его, если наплывъ былъ особенно великъ. При этомъ не только прекращается наплывъ рабочихъ въ эту отрасль промышленности, но они даже уходятъ изъ нея. Здѣсь экономистъ полагаетъ, что видитъ «какъ и почему» при повышеніи платы, происходитъ абсолютное возрастаніе числа рабочихъ, а при абсолютномъ возрастаніи числа рабочихъ пониженіе платы; но въ дѣйствительности онъ видитъ лишь мѣстное колебаніе рабочаго рынка какой нибудь опредѣленной отрасли производства, онъ видитъ только явленіе, сопровождающее распредѣленіе рабочаго населенія по различнымъ отраслямъ приложенія капитала, смотря по его измѣняющимся потребностямъ.

Запасная промышленная армія, или относительное перенаселеніе, въ періоды застоя и посредственнаго благосостоянія, производитъ давленіе на дѣйствующую рабочую армію и обуздываетъ ея требованія во время періодовъ перепроизводства и пароксизмовъ. Слѣдовательно, относительное перенаселеніе представляетъ фонъ, на которомъ совершаетъ свои движенія законъ запроса и предложенія труда. Оно дѣлаетъ проявленіе этого закона вполнѣ благопріятнымъ для алчности и властолюбія капитала.

Здѣсь мѣсто вернуться къ одному изъ великихъ дѣяній экономической апологетики. Читатель помнитъ, что когда, благодаря введенію новой или распространенію старой машины, часть перемѣннаго капитала обращается въ постоянный, то эту операцію, «связывающую» капиталъ, и тѣмъ самымъ «освобождающую» рабочаго, экономистъ-апологетъ объясняетъ какъ разъ наоборотъ, утверждая, что капиталъ освобождается для рабочаго. Только теперь мы въ состояніи вполнѣ оцѣнить безстыдство этого апологета. Освобождаются не только тѣ рабочіе, которыхъ непосредственно вытѣснила машина, но также и послѣдующіе ихъ замѣстители, подростающее поколѣніе, равно какъ и тотъ добавочный контингентъ, который былъ-бы поглощенъ при обычномъ расширеніи дѣла на его прежнемъ техническомъ основаніи. Всѣ они теперь «освобождаются», и ими можетъ располагать каждый новый капиталъ, ищущій помѣщенія. Привлечетъ-ли онъ именно ихъ или другихъ, это нисколько не повліяетъ на общій запросъ на трудъ, если такого капитала будетъ достаточно какъ разъ для того, чтобы взять на рынкѣ именно столько-же рабочихъ, сколько машина выбросила на него. Если онъ дастъ занятіе меньшему числу, то число сверхкомплектныхъ возрастетъ, если большему — то общій запросъ на трудъ увеличится только въ размѣрѣ излишка занятыхъ сравнительно съ «освобожденными». Стало быть толчекъ, импульсъ, который-бы могъ дать добавочный капиталъ, ищущій помѣщенія, на общій запросъ на трудъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нейтрализуется числомъ рабочихъ, выброшенныхъ машиною на улицу. Это значитъ, что механизмъ капиталистическаго производства уже самъ заботится о томъ, чтобы абсолютный приростъ капитала не сопровождался соотвѣтствующимъ общимъ повышеніемъ запроса на трудъ. И это защитники приведенной доктрины называютъ вознагражденіемъ за нищету, страданія и возможную гибель рабочихъ, вытѣсняемыхъ во время переходнаго періода, который гонитъ ихъ въ ряды промышленной запасной арміи! Запросъ на трудъ не тождественъ съ возрастаніемъ капитала; предложеніе труда не тождественно съ возрастаніемъ рабочаго класса; это не такой случай, когда двѣ другъ отъ друга независимыя причины дѣйствуютъ одна на другую. Les dés sont pipés. (Кости поддѣланы). Капиталъ одновременно вліяетъ на обѣ стороны. Если, съ одной стороны, накопленіе его повышаетъ спросъ на

[84]) Economist, Jan. 21, 1860.

трудъ, то съ другой—оно увеличиваетъ наплывъ рабочихъ посредствомъ ихъ «освобожденія», тогда какъ въ то-же время давленіе тѣхъ, которые не имѣютъ занятія, принуждаетъ работающихъ больше напрягать свои силы, т.-е., до извѣстной степени, дѣлаетъ независимымъ предложеніе труда отъ наплыва рабочихъ. Колебаніе закона спроса и предложенія труда на этой почвѣ завершаетъ деспотизмъ капитала. Поэтому, когда рабочіе начинаютъ догадываться о причинѣ почему, по мѣрѣ того какъ они работаютъ болѣе, производятъ болѣе чужого богатства, и по мѣрѣ того какъ производительная сила ихъ труда возрастаетъ, — ихъ дѣятельность, даже въ качествѣ образователей стоимости для капитала, становится все ненадежнѣе для нихъ самихъ; когда они открываютъ, что степень интенсивности конкуренціи между ними самими совершенно зависитъ отъ давленія относительнаго избытка населенія; когда, наконецъ, они, посредствомъ Trades' Unions (рабочихъ союзовъ) и т. д., пробуютъ организовать цѣлесообразную связь между имѣющими и неимѣющими работу съ цѣлью сломить или ослабить разрушительное вліяніе на ихъ сословіе этого естественнаго закона капиталистическаго производства; когда все это происходитъ, то капиталъ и его сикофантъ экономистъ подымаютъ вопль о нарушеніи «вѣчнаго» и, такъ сказать, «священнаго» закона спроса и предложенія. Всякое соединеніе имѣющихъ и неимѣющихъ работу именно нарушаетъ «чистое» проявленіе этого закона. Но, съ другой стороны, если неблагопріятныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, въ колоніяхъ, мѣшаютъ образованію запасной промышленной арміи, а съ нею и безусловной зависимости рабочаго класса отъ класса капиталистовъ, то капиталъ и его Санхо Панса возмущаются противъ «священнаго» закона спроса и предложенія и пробуютъ подчинить его себѣ посредствомъ принудительныхъ мѣръ и государственнаго вмѣшательства.

4) Различныя формы существованія относительнаго перенаселенія. Общій законъ капиталистическаго накопленія.

Относительный излишекъ населенія существуетъ во всѣхъ возможныхъ оттѣнкахъ. Къ нему принадлежитъ каждый рабочій въ то время, когда онъ остается или вовсе безъ работы, или имѣетъ ея мало. Независимо отъ періодическихъ различій формъ излишка населенія при чередованіи фазисовъ промышленнаго цикла, гдѣ онъ является то въ острой формѣ во время кризисовъ, то въ хронической — во время періода застоя, онъ имѣетъ постоянно три формы: текучую (flüssige), скрытую (latente) и неподвижную (stockende).

Въ центрахъ современной промышленности— на фабрикахъ, заводахъ, въ рудникахъ и т. д.— рабочіе то отталкиваются, то снова притягиваются въ болѣе сильной степени, такъ что въ результатѣ число занятыхъ рабочихъ увеличивается, хотя въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ размѣру производства. Здѣсь излишнее населеніе существуетъ въ текучей формѣ. Какъ на настоящихъ фабрикахъ, такъ и во всѣхъ большихъ мастерскихъ, гдѣ дѣйствуютъ машины, или даже гдѣ только проведено новѣйшее дѣленіе труда, на работы употребляются въ большомъ числѣ мальчики до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ совершеннолѣтія, послѣ чего только самая незначительная часть ихъ остается въ той-же отрасли, и потому громадное число ихъ постоянно выбрасывается. Они входятъ въ составъ излишней части населенія, увеличивающагося съ размѣромъ этихъ отраслей промышленности. Часть ихъ эмигрируетъ; въ сущности-же они отправляются только вслѣдъ за эмигрирующимъ капиталомъ. Однимъ изъ послѣдствій этого оказывается болѣе быстрое возрастаніе женскаго населенія сравнительно съ мужскимъ, доказательствомъ чему служитъ Англія. Но противорѣчіе, что естественный приростъ рабочаго населенія, съ одной стороны, не удовлетворяетъ потребностямъ накопленія капитала, а съ другой стороны, онъ слишкомъ великъ, чтобы поглотиться капиталомъ,—есть противорѣчіе, присущее движенію самого капитала. Ему нужны большія массы дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, и меньшія—взрослыхъ. Это противорѣчіе не болѣе того, которое представляется, когда многія тысячи рабочихъ выбрасываются на улицу,— потому, что дѣленіе труда приковало ихъ къ опредѣленнымъ отраслямъ дѣла, — тогда какъ въ то-же время слышатся жалобы на недостатокъ рукъ [85]). Къ тому-же рабочая сила такъ скоро изнашивается капиталомъ, что рабочій среднихъ лѣтъ большею частью уже дряхлъ. Онъ попадаетъ въ ряды сверхкомплектныхъ или сталкивается съ высшей ступени на низшую, между тѣмъ какъ капиталъ замѣщаетъ его болѣе свѣжей рабочей силой. Именно въ рабочемъ населеніи, служащемъ въ современной промышленности, мы встрѣчаемъ наименьшую продолжительность жизни. «Dr. Lee, санитарный врачъ Манчестера, доказалъ, что средняя продолжительность жизни... высшихъ слоевъ средняго класса Манчестера— 38 лѣтъ, въ то время какъ средняя продолжительность жизни рабочаго класса — 17 лѣтъ;

[85]) Въ то самое время, когда, какъ во второй половинѣ 1866 года, въ Лондонѣ, отъ 80 до 90,000 рабочихъ были безъ занятій, въ фабричномъ отчетѣ за тоже полугодіе говорится: «Кажется, положеніе, утверждающее, что вслѣдъ за спросомъ тотчасъ-же является предложеніе, не безусловно вѣрно. Это именно не приложимо къ труду, потому что въ прошломъ году многія машины бездѣйствовали за недостаткомъ рукъ». («Reports of Insp. of Fact. for 31-st Oct. 1866», p. 81).

Въ Ливерпулѣ 35 лѣтъ для первыхъ и 15 для вторыхъ. Отсюда слѣдуетъ, что достаточный классъ имѣетъ ассигновку на жизнь (have a lease of life), почти вдвое превышающую ту, которая досталась менѣе удачливымъ согражданамъ» [85a]). При такихъ обстоятельствахъ, для абсолютнаго роста этой части пролетаріата необходимы такія условія, при которыхъ-бы увеличивалась его численность, хотя единичные элементы его быстро изнашиваются. Поэтому, требуется быстрая смѣна рабочихъ поколѣній. (Этотъ законъ для остальныхъ классовъ населенія не имѣетъ силы). Такая общественная потребность удовлетворяется ранними браками, — необходимымъ слѣдствіемъ условій, въ которыхъ живетъ рабочій крупной промышленности, — и тою преміей, которую эксплуатація дѣтей рабочихъ выдаетъ за нхъ производство.

Какъ только капиталистическое производство захватитъ земледѣліе или по мѣрѣ того, какъ оно захватываетъ его, запросъ на сельское рабочее населеніе абсолютно понижается съ накопленіемъ дѣйствующаго здѣсь капитала, но при этомъ отталкиваніе его не дополняется, какъ въ не-земледѣльческой промышленности, бóльшимъ притяженіемъ въ другомъ мѣстѣ. Часть сельскаго населенія находится, поэтому, постоянно въ переходномъ состояніи превращенія въ городской или мануфактурный пролетаріатъ и въ ожиданіи условій, благопріятныхъ для такого превращенія. (Подъ словомъ мануфактурные — здѣсь подразумѣваются всѣ не-земледѣльческіе промыслы) [86]). Этотъ источникъ относительнаго излишка населенія увеличивается, слѣдовательно, постоянно. Но постоянный приливъ къ городамъ предполагаетъ въ самихъ деревняхъ постоянный скрытый излишекъ населенія, размѣръ котораго можно видѣть только тогда, когда, въ исключительныхъ случаяхъ, сточные каналы открываются шире. Плата сельскому рабочему падаетъ, поэтому, до minimum'а, самъ-же онъ всегда одной ногой стоитъ въ болотѣ пауперизма.

Третья категорія излишка населенія, неподвижный излишекъ, составляетъ часть дѣйствующей рабочей арміи, но безъ всякихъ правильныхъ занятій, такъ что капиталъ имѣетъ при этомъ всегда въ своемъ распоряженіи громадныя массы запасныхъ рабочихъ силъ. Условія его жизни ниже средняго уровня условій жизни рабочаго класса, что именно и дѣлаетъ изъ него предметъ особенной отрасли капиталистической эксплуатаціи. Его характеризуетъ maximum рабочаго времени и minimum рабочей платы. Подъ рубрикой «домашніе промыслы», мы уже имѣли случай изучить его главную форму. Неподвижный излишекъ населенія постоянно вербуетъ для себя рекрутовъ изъ избытка рабочихъ крупной промышленности и земледѣлія, и въ особенности изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя приходятъ въ упадокъ, гдѣ ремесленное производство вытѣсняется мануфактурнымъ, а послѣднее — машиннымъ производствомъ. Размѣръ его возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ съ размѣромъ и энергіей накопленія возрастаетъ число «сверхкомплектныхъ». Но неподвижный излишекъ населенія въ то же время составляетъ элементъ рабочаго класса самъ себя воспроизводящій и увѣковѣчивающій; онъ принимаетъ даже сравнительно бóльшее участіе въ общемъ приплодѣ рабочаго населенія. Дѣйствительно, не только число рожденій и смертныхъ случаевъ, но и абсолютная величина семейства находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ рабочей платы слѣдовательно, къ тому количеству средствъ существованія, которыми располагаютъ различныя категоріи рабочихъ. Такой законъ капиталистическаго общества показался-бы безсмысленнымъ среди дикихъ или даже среди цивилизованныхъ колонистовъ. Онъ напоминаетъ о громадномъ размноженіи лично слабыхъ и сильно преслѣдуемыхъ животныхъ [87]).

Наконецъ, низшій слой относительнаго излишка населенія образуется сферою пауперизма или нищенства. Онъ состоитъ — мы здѣсь не беремъ въ расчетъ бродягъ, преступниковъ, проститутокъ и всѣхъ, кого называютъ опаснымъ населеніемъ, — изъ трехъ категорій: первую категорію составляютъ способные работать. Стоитъ

[85a]) Рѣчь, которою открылъ санитарную конференцію въ Бирмингамѣ, 15 января 1875 года, J. Chamberlain, городской голова; въ 1883 году министръ торговли.

[86]) «781 городъ» числилось по переписи 1861 года въ Англіи и Уэльсѣ «съ 10.960.998 жителями, между тѣмъ какъ въ деревняхъ и селахъ было только 9.105,226 жителей.... Въ переписи 1851 года фигурировали 580 городовъ, населеніе которыхъ почти равнялось населенію прилежащихъ къ нимъ сельскихъ округовъ. Тогда какъ въ послѣднихъ въ послѣдующіе 10 лѣтъ населеніе возрасло на полмилліона, въ 580 городахъ оно увеличилось на 1.554,067 человѣкъ. Приростъ населенія въ сельскихъ приходахъ равняется 6,5%, а въ городахъ 17,3%. Разница въ нормѣ прироста произошла отъ переселенія изъ деревень въ города. Три четверти всего прироста населенія принадлежитъ городамъ». (Census etc. v. III, p. 11, 12).

[87]) «Бѣдность, повидимому, благопріятна размноженію» (A. Smith). По мнѣнію изящнаго и остроумнаго аббата Galiani, это представляетъ даже особенно мудрое установленіе божіе: «Богъ устраиваетъ такъ, что люди, отправляющіе работы первой необходимости рождаются въ наибольшемъ числѣ» (Galiani, l. c. p. 78). «Нищета, если она не дошла до того, что ведетъ къ голоду и эпидеміямъ, вмѣсто того, чтобы уменьшать населеніе, стремится увеличивать его». (S. Laing: «National Distress 1844», p. 69). Доказавъ это статистическими цифрами, Laing продолжаетъ: «Если-бы всѣ находились въ благопріятныхъ условіяхъ, то скоро опустѣлъ-бы весь свѣтъ». («If the people were all in easy circumstances, the world would soon be depopulated»).

только поверхностно проглядѣть статистику англійскаго пауперизма, чтобы увидѣть, что эта категорія сильно увеличивается при каждомъ кризисѣ и уменьшается при каждомъ оживленіи дѣлъ. Вторая категорія—сироты и дѣти нищихъ. Это кандидаты запасной промышленной арміи, и въ періодъ высшаго процвѣтанія, какъ напримѣръ въ 1860 году, они быстро и массами зачисляются въ дѣйствующую рабочую армію. Третья категорія—калѣки, обнищавшіе и неспособные работать. Это именно тѣ рабочіе, которые гибнутъ, благодаря своей неспособности приспособиться, происшедшей вслѣдствіе раздѣленія труда; тѣ, которые переживаютъ нормальную продолжительность жизни рабочаго; наконецъ, жертвы промышленности, число которыхъ растетъ одновременно съ увеличеніемъ числа опасныхъ машинъ, химическихъ заводовъ, рудниковъ и т. д., калѣки, больные, вдовы и пр. Пауперизмъ это—какъ-бы инвалидный домъ дѣйствующей рабочей арміи и балластъ запасной промышленной арміи. Возникновеніе его подразумѣвается при возникновеніи перенаселенія; необходимость его заключается въ необходимости послѣдняго, и вмѣстѣ съ нимъ это нищенство составляетъ условіе существованія капиталистическаго производства и развитія богатства. Оно относится къ faux frais (накладнымъ расходамъ) капиталистическаго производства, бо́льшую часть которыхъ капиталу, однако, удается свалить съ себя на плечи рабочаго и мелкаго средняго класса.

Чѣмъ значительнѣе общественное богатство, дѣйствующій капиталъ, размѣръ и энергія его возрастанія, слѣдовательно, чѣмъ больше также абсолютная величина рабочаго населенія и производительность его труда, тѣмъ больше и относительный излишекъ населенія и запасная промышленная армія. Рабочая сила, которою можно располагать, развивается отъ тѣхъ-же причинъ, какъ и растяжимая сила капитала. Слѣдовательно, относительная величина запасной промышленной арміи увеличивается вмѣстѣ съ потенціальной энергіей богатства. Но чѣмъ значительнѣе эта запасная армія въ сравненіи съ дѣйствующей арміей, тѣмъ больше постоянный излишекъ населенія или тѣ слои рабочихъ нищета которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ тягости ихъ труда. Чѣмъ, наконецъ больше слой лазарей рабочаго класса и запасная промышленная армія, тѣмъ больше и оффиціальный пауперизмъ. Это абсолютный, общій законъ капиталистическаго накопленія. Какъ и всѣ другіе общіе законы, при своемъ проявленіи онъ видоизмѣняется отъ вліянія многочисленныхъ условій, анализъ которыхъ сюда не относится.

Понятна теперь глупость экономической мудрости, проповѣдующей рабочимъ, чтобы они приспособляли свое число къ потребностямъ возрастанія стоимости капитала. Механизмъ капиталистическаго производства и накопленія самъ постоянно приспособляетъ ихъ число къ этимъ потребностямъ. Первое слово этого приспособленія—созданіе относительнаго излишка населенія, запасной промышленной арміи; послѣднее его слово—все большее и большее вторженіе нищеты въ глубь самой дѣйствующей рабочей арміи и мертвый балластъ пауперизма.

Законъ, по которому постоянно возрастающее количество средствъ производства, вслѣдствіе развитія производительной силы общественнаго труда, можетъ быть приведено въ дѣйствіе прогрессивно уменьшающеюся тратою человѣческой рабочей силы, этотъ законъ на капиталистической почвѣ, — гдѣ не рабочій управляетъ орудіями труда, а орудія труда управляютъ рабочимъ,— проявляется въ томъ, что чѣмъ выше производительная сила труда, чѣмъ сильнѣе давленіе рабочихъ на средства ихъ занятія, тѣмъ менѣе прочны условія существованія наемнаго работника, т.-е. продажа его рабочей силы для увеличенія чужого богатства или для самоувеличенія стоимости капитала. Болѣе быстрое возрастаніе средствъ производства и общественной производительной силы труда въ сравненіи съ производительнымъ населеніемъ, капиталистически выражается, наоборотъ, въ томъ, что рабочее населеніе увеличивается всегда быстрѣе сравнительно съ потребностями возрастанія стоимости капитала.

Въ четвертомъ отдѣлѣ, при анализѣ производства относительной прибавочной стоимости, мы видѣли, что всѣ способы увеличенія общественной производительной силы труда, въ капиталистической формѣ развиваются на счетъ индивидуальнаго рабочаго; что всѣ средства развитія производства обращаются въ средства эксплуатаціи производителя и власти надъ нимъ; что они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него полу-человѣка; унижаютъ его, обращая въ придатокъ машины; оставляя тягости труда, уничтожаютъ его содержаніе; отчуждаютъ отъ рабочаго духовную сторону процесса труда, по мѣрѣ того, какъ захватываютъ науку, какъ самостоятельную силу; условія, въ которыхъ онъ работаетъ, становятся все болѣе ненормальными; подчиняютъ его — во время рабочаго процесса — самому мелочному и неограниченному деспотизму; время его жизни обращаютъ въ рабочее время; жену и дѣтей его отдаютъ подъ ярмо капитала. Всѣ-же способы производства прибавочной стоимости суть въ то-же время способы накопленія; а каждое расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Слѣдовательно, по мѣрѣ накопленія капитала, положеніе рабочаго, какова-бы ни была его рабочая плата, должно ухудшаться. Наконецъ законъ, по которому относительный излишекъ населенія или запасная промышленная армія постоянно находится въ равновѣсіи съ размѣромъ и силою накопленія,

этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Этотъ законъ обусловливаетъ накопленіе нищеты соотвѣтственно накопленію богатства. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то-же время на другомъ,— т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала, — накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубенія и нравственнаго униженія.

Этотъ антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія[88]) удивляетъ даже экономистовъ, хотя явленія, въ которыхъ онъ проявляется, они часто смѣшиваютъ съ аналогичными, но тѣмъ не менѣе существенно различными явленіями, относящимися къ до-капиталистическимъ способамъ производства.

Такъ венеціанскій монахъ Ortes, одинъ изъ величайшихъ экономистовъ писателей XVIII-го столѣтія, разсматриваетъ антагонизмъ капиталистическаго производства, какъ общій естественный законъ общественнаго богатства. «Экономическое добро и зло какой нибудь націи всегда находится въ равновѣсіи («il bene ed il male economico in una nazione sempre all'istessa misura»): излишекъ благъ у однихъ всегда равняется отсутствію ихъ у другихъ («la copia dei beni in alcuni sempre eguale alla mancanza di esse inaltri»). Громадныя богатства однихъ, всегда сопровождаются недостаткомъ въ самомъ необходимомъ у значительно большаго числа другихъ. Богатство страны соотвѣтствуетъ ея населенію, а ея нищета соотвѣтствуетъ ея богатству. Трудолюбіе однихъ вынуждаетъ на праздность другихъ. Бѣдные и праздные—это необходимый плодъ богатыхъ и дѣятельныхъ» и т. д.[89]). Спустя около 10-ти лѣтъ послѣ Ortes'а, протестантскій пасторъ Townsend съ легкимъ сердцемъ прославлялъ бѣдность, какъ необходимое условіе богатства. «Принужденіе къ работѣ законодательнымъ путемъ связано со слишкомъ большими затрудненіями, насиліями и шумомъ, тогда какъ голодъ оказываетъ не только мирное, безгласное и постоянное давленіе, но, какъ самый естественный мотивъ для промышленности и труда, вызываетъ также и наибольшее напряженіе силъ». Слѣдовательно, все сводится къ тому, чтобы сдѣлать голодъ въ рабочемъ классѣ постояннымъ, а объ этомъ, по Townsend'у, заботится законъ размноженія, особенно дѣятельный между бѣдными. «Повидимому, существуетъ такой законъ природы, что бѣдные до извѣстной степени неосмотрительны (improvident), (именно настолько легкомысленны, что являются на бѣлый свѣтъ безъ золотой ложки во рту), такъ что всегда находится достаточно людей (that there always may be some) для отправленія самыхъ рабскихъ, грязныхъ и низкихъ функцій въ обществѣ. Сумма человѣческаго счастія («the fond of human happiness») сильно возрастаетъ отъ того, что болѣе деликатные («the more delicate») свободны отъ тягостей, и могутъ безпрепятственно слѣдовать своему высокому призванію... Законъ о бѣдныхъ стремится разрушить гармонію и красоту, симметрію и порядокъ этой системы, установленной въ мірѣ Богомъ и природой»[90]). Если венеціанскій монахъ нашелъ въ роковой судьбѣ, благодаря которой нищета является вѣчной, основаніе для существованія христіанской благотворительности, безбрачія, монастырей, благотворительныхъ учрежденій, то протестантскій пастырь, обладающій приходомъ, находитъ въ ней предлогъ для осужденія законовъ, въ силу которыхъ бѣднякъ имѣлъ право на нищенскую общественную помощь.

«Развитіе общественнаго богатства», говоритъ Шторхъ, «порождаетъ то полезное сословіе... которое выполняетъ самыя скучнѣйшія, низкія и отвратительныя работы, однимъ словомъ, взваливаетъ себѣ на плечи все, что имѣется въ жизни непріятнаго и рабскаго, и тѣмъ самымъ создаетъ

---

[88]) «Съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что условія производства, въ которыхъ вращается буржуазія, не имѣютъ характера простыхъ, однообразныхъ отношеній, но имѣютъ характеръ двойственности: что въ той-же мѣрѣ, въ какой производится богатство, производится также и бѣдность; что въ той-же мѣрѣ, въ какой развиваются производительныя силы, развиваются и угнетающія силы; что условія эти производятъ буржуазное богатство, т.-е. богатство буржуазнаго класса, уничтожая постоянно богатство членовъ этого класса и производя непрерывно возрастающій пролетаріатъ». (Karl Marx: «Misère de la Philosophie», p. 116).

[89]) G. Ortes: «Della Economia Nazionale, libri sei 1777, y Custodi, Parte Moderna t. XXI, p. 6, 9, 22, 25 etc. Тамъ-же, на стр. 32, Ortes говоритъ: «Вмѣсто того, чтобы измышлять безполезныя системы для доставленія счастія народамъ, я ограничусь указаніемъ причины ихъ несчастій».

[90]) «A Dissertatioon on the Poor Laws By a Wellwisher of Mankind (The Rev. Mr. J. Townsend) 1786», republished London 1817, p. 15, 39, 41. Этотъ «деликатный» попъ, только что упомянутымъ сочиненіемъ котораго, равно какъ и описаніемъ путешествія его по Испаніи, пользовался Мальтусъ — выписывая часто изъ нихъ по цѣлымъ страницамъ — заимствовалъ большую часть своей доктрины у Sir James Steuart, котораго онъ впрочемъ исказилъ. Напримѣръ, когда Steuart говоритъ: «Здѣсь, при рабствѣ, существуетъ принудительный способъ сдѣлать человѣчество работящимъ, (на неработниковъ)... Людей принуждали тогда къ труду (т.-е. къ даровому труду для неработниковъ), такъ какъ они были рабами другихъ; теперь-же люди принуждены работать (т.-е. работать даромъ для неработниковъ), потому, что они рабы своихъ собственныхъ нуждъ»,—то онъ отсюда вовсе не заключаетъ, какъ это дѣлаетъ жирный владѣлецъ прихода, что—наемные рабочіе должны всегда жить въ прсголодь. Напротивъ того, онъ хочетъ увеличить ихъ потребности и возрастающее число ихъ потребностей сдѣлать въ то-же время поощреніемъ ихъ труда для «болѣе деликатныхъ».

для другихъ сословій свободное время, веселое расположеніе духа и условное (c'est bon!) достоинство характера» [91]). Шторхъ задаетъ себѣ вопросъ, въ чѣмъ-же заключается собственно преимущество этой капиталистической цивилизаціи, съ ея нищетой и униженіемъ массъ, въ сравненіи съ варварствомъ? Онъ находитъ только одинъ отвѣтъ—безопасность! «Съ развитіемъ промышленности и науки», говоритъ Сисмонди, «каждый рабочій можетъ ежедневно производить гораздо болѣе того, сколько ему нужно для собственнаго потребленія. Но между тѣмъ какъ его трудъ создаетъ богатство, оно дѣлало-бы его мало способнымъ къ труду, если-бы ему самому пришлось потреблять его». По его мнѣнію «люди» (т.-е. не рабочіе) «вѣроятно предпочли-бы обходиться безъ всякихъ усовершенствованій въ искусствахъ, безъ всякихъ наслажденій, которыя намъ даютъ мануфактуры, если-бы ихъ приходилось покупать постояннымъ трудомъ, какъ трудъ рабочаго... Усилія въ настоящее время отдѣлены отъ вознагражденія за нихъ; работаетъ и потомъ отдыхаетъ уже не тотъ-же самый человѣкъ: именно по тому, что одинъ работаетъ, другой, наоборотъ долженъ отдыхать. Безграничное увеличеніе производительныхъ силъ труда не можетъ поэтому имѣть иного послѣдствія, какъ возрастанія роскоши и наслажденій праздныхъ богачей» [92]).

Наконецъ Destutt de Tracy, буржуазный доктринеръ съ холодною кровью грубо заявляетъ: «Тѣ націи бѣдны, гдѣ народъ хорошо живетъ, а гдѣ народъ бѣденъ, тѣ націи богаты? [93])

5) Иллюстрація общаго закона капиталистическаго накопленія.

а) Англія съ 1846—1866 гг.

Самый благопріятный періодъ современнаго общества для изученія капиталистическаго накопленія, представляютъ послѣднія двадцать лѣтъ. Оно шло въ эти года такъ, словно была найдена сума Фортуны. Изъ всѣхъ странъ опять-таки Англія представляетъ собою классическій примѣръ, такъ какъ она занимаетъ первое мѣсто на міровомъ рынкѣ; капиталистическій способъ производства развитъ вполнѣ только въ Англіи и наконецъ только здѣсь наступленіе въ 1846 г. вѣчнаго царства свободы торговли отняло у вульгарной политической экономіи послѣднее убѣжище. Титаническое развитіе производства,—въ чемъ вторая половина послѣднихъ 20 лѣтъ значительно опередила первую—уже достаточно разсмотрѣно въ четвертомъ отдѣлѣ.

Хотя абсолютный приростъ англійскаго населенія въ послѣднее полустолѣтіе быть очень великъ, тѣмъ не менѣе относительный приростъ, или норма прироста, постоянно понижалась, какъ показываетъ слѣдующая таблица, взятая изъ офиціальной переписи.

Ежегодное процентное наростаніе населенія Англіи и Уэльса, выраженное въ десятичныхъ цифрахъ:

1811—1821	$1{,}533$ %
1821—1831	$1{,}446$ %
1831—1841	$1{,}326$ %
1841—1851	$1{,}216$ %
1851—1861	$1{,}141$ %

Разсмотримъ теперь увеличеніе богатства. Наилучшимъ мѣриломъ служитъ при этомъ движеніе прибыли, поземельной ренты и т. д., подлежащихъ подоходному налогу. Увеличеніе прибыли, подлежащей налогу (за исключеніемъ фермеровъ и нѣкоторыхъ другихъ рубрикъ), съ 1853 по 1864 г., для Великобританіи составляло $50{,}47$% (или въ среднемъ ежегодно $4{,}58$%) [94]); населеніе въ тотъ-же періодъ времени увеличилось приблизительнью на 12%. Рента съ земли подлежащей налогу (со включеніемъ домовъ желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, рыбныхъ ловлей и т. д.) съ 1853 по 1864 г., увеличилось на 38% или на $3\frac{5}{12}$% ежегодно, при этомъ наибольшій % возрастанія приходится на слѣдующія рубрики:

	Излишекъ ежегоднаго дохода 1864 года сравнительно съ 1853 г.	Ежегодное наростаніе:
Съ домовъ	$38{,}60$%	$3{,}50$%
» каменоломень	$84{,}76$%	$7{,}70$%
» копей, рудниковъ	$68{,}85$%	$6{,}26$%
Съ чугунно-плавильныхъ заводовъ	$39{,}92$%	$3{,}63$%
» ловли рыбы	$57{,}37$%	$5{,}21$%
» газов. заводовъ	$126{,}02$%	$11{,}45$%
» желѣзныхъ дорогъ	$83{,}29$%	$7{,}70$% [95]).

Если изъ періода съ 1853 по 1864 г., сравнить каждые четыре года, то окажется, что степень возрастанія дохода непрерывно увеличивается. Такъ, напримѣръ, на первое четырехлѣтіе, съ 1853 по 1857 г., ежегодное наростаніе прибыли составляетъ—$1{,}73$% съ 1853 по 1861 г.—$2{,}74$%, а въ послѣднее четырехлѣтіе

[91]) Storch l. c. t. III, p. 223.

[92]) Sismondi l. c. t. I, p. 79, 80, 85.

[93]) Destutt de Tracy l. c. p. 231. «Les nations pauvres, c'est là où le peuple est à son aise; et les nations riches, c'est là où il est ordinairement pauvre».

[94]) «Tenth Report of the Commissioners of Her M.'s Inland Revenue. London, 1866.» p. 83.

[95]) ibidem.

1861 по 1864 г.—9,30 %. Общая сумма всѣхъ доходовъ, подлежащихъ подоходному налогу, въ Соединенномъ Королевствѣ достигала въ 1856 г. до 307.068,898 ф. стерл., въ 1859 г. —328.127,416 ф. стерл., въ 1862 г.— 351.745,241 ф. стерл., въ 1863 г.— 359.142,897 ф. стерл., въ 1864 г.— 362.462,279 ф. стерл., въ 1865 г.— 385.530,020 ф. стерл. [96]).

Накопленіе капитала сопровождалось въ то-же время сосредоточеніемъ его. Хотя для Англіи (но не для Ирландіи) нѣтъ оффиціальной земледѣльческой статистики, тѣмъ не менѣе 10 графствъ доставили цифры по собственной иниціативѣ. Изъ нихъ видно, что съ 1851 по 1861 г., аренды меньше 100 акровъ уменьшились съ 31,583 на 26,567, слѣдовательно, 5,016 соединились съ болѣе крупными [97]). Съ 1815 по 1825 годъ не было ни одного движимаго имущества выше 1.000,000 ф. стерл., которое подлежало-бы налогу на наслѣдство, съ 1825 по 1855 г. такихъ было 8, съ 1856 по іюнь 1859 г., т.-е. въ $4^1/_2$ года—4 [98]). Сосредоточеніе капитала можно однако всего лучше видѣть изъ краткаго анализа подоходнаго налога рубрики D (прибыль, за исключеніемъ арендаторской и т. д.) за 1864 и 1865 гг. Замѣчу предварительно, что доходы этого рода обложены подоходнымъ налогомъ (income tax), начиная съ 60 ф. стерл. Эти доходы, подлежавшіе налогу, въ 1864 г. простирались, въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи, до 95.844,222 ф. стерл., а въ 1865 г. до 105.435,579 ф. стерл. [99]). Число-же лицъ, обложенныхъ этимъ налогомъ въ 1864 г. было 308,416, изъ 23.891,009 человѣкъ всего населенія; въ 1865 г. ихъ было 332,491 чел., изъ общаго числа населенія въ 24.127,003 человѣка. Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе этого дохода за оба года:

	Годъ, кончающійся 5-го Апрѣля 1864.		Годъ, кончающійся 5-го Апрѣля 1865.	
	Доходъ съ прибыли.	Число лицъ.	Доходъ съ прибыли.	Число лицъ.
	фунт. стерл.		фунт. стерл.	
Общій доходъ	95.844,222	308,416	105.435,738	332,431
Изъ него	57.028,289	23,334	64.554,297	24,265
» »	36,415,225	3,619	42.535,576	4,021
» »	22.809,781	832	27.555.313	973
» »	8.744,762	91	11.077,238	107

Въ 1855 году, въ Великобританіи было добыто 61.453,079 тоннъ каменнаго угля, стоимостью въ 16.113,167 ф. стерл., въ 1864 г.— 92.787,873 тоннъ, стоимостью 23.197,968 ф. стерл., въ 1855 г.—3.218,154 тонны чугуна, стоимостью въ 8.045,385 ф. стерл., въ 1864 г. 4.767,951 тонна, стоимостью въ 11.919,877 ф. стерл. Въ 1854 г. въ Великобританіи всего было открыто желѣзныхъ дорогъ 8,054 мили, стоимостью въ 286.068,794 ф. стерл., въ 1864 г., длина ихъ увеличилась до 12,789 миль, стоимостью въ 425.719,613 ф. стерл. Въ 1854 г. общая сумма ввоза и вывоза Соединеннаго Королевства доходила до 268.210,145 ф. стерл., а въ 1865 году до 489.923,285.

[96]) Эти цифры вполнѣ достаточны для сравненія, но абсолютно онѣ невѣрны, потому что ежегодно до 100 милліоновъ ф. стерл. дохода можетъ быть «умалчиваются». Жалобы коммисаровъ of the Inland Revenue на систематическій обманъ, именно со стороны купцовъ и фабрикантовъ, повторяются въ каждомъ ихъ отчетѣ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ: «Одно акціонерное общество показало свой доходъ, подлежащій налогу, въ 6,000 ф. стерл.; правительственный же оцѣнщикъ опредѣлилъ его въ 88,000 ф. стерл. и въ концѣ концовъ налогъ былъ уплаченъ по этой суммѣ. Другое общество показало доходъ въ 190,000 ф. стерл., но его заставили согласиться, что онъ простирается до 250,000 ф. стерл.» ibid. p. 42).

[97]) Census etc. l. c. p. 29. Утвержденіе Джона Брайта, что 150 лэндлордовъ владѣютъ половиной англійской земли и 12—половиной шотландской, до сихъ поръ не было опровергнуто.

[98]) «Fourth Report etc. Inland Revenue. London 1860», p. 17

[99]) Это чистые доходы, слѣдовательно за исключеніемъ нѣкоторыхъ закономъ опредѣленныхъ вычетовъ.

Слѣдущая таблица показываетъ движеніе вывоза:

Въ 1846 году на	58.842,377	фунт. стерл.	
» 1849 » »	63.596,052	»	»
» 1856 » »	115.826,948	»	»
» 1860 » »	135.842,817	»	»
» 1865 » »	165.862,402	»	»
» 1866 » »	188.717,563	»	» [100])

По этимъ немногимъ даннымъ становится понятнымъ торжествующее восклицаніе General registrators британскаго народа: «Какъ ни скоро увеличивалось населеніе, оно не могло поспѣть за быстрымъ развитіемъ промышленности и богатства» [101]). Обратимся теперь къ непосредственнымъ дѣятелямъ этой промышленности или производителямъ этого богатства, къ рабочему классу. «Одна изъ самыхъ грустныхъ чертъ соціальнаго положенія нашей страны», говоритъ Гластонъ «состоитъ въ томъ, что уменьшеніе потребленія въ народѣ и возрастаніе лишеній и нищеты рабочаго класса постоянно сопровождается накопленіемъ богатства въ высшихъ классахъ и постояннымъ увеличеніемъ капитала» [102]). Такъ говорилъ этотъ министръ въ Палатѣ Общинъ, 13-го февраля 1843 года. 16-го апрѣля 1863 года, т.-е. спустя 20 лѣтъ, въ бюджетной рѣчи, онъ говоритъ: «Съ 1842 по 1852 годъ доходъ страны, облагаемый податью, увеличился на 6 процентовъ... Въ 8 лѣтъ, съ 1853 по 1861 годъ, онъ поднялся, если принимать за основаніе доходъ 1853 года, на 20%. Фактъ этотъ до того поразителенъ, что можетъ считаться невѣроятнымъ... Это опьяняющее увеличеніе богатства и силы... ограничивается исключительно имущими классами, но... оно должно имѣть косвенную выгоду для рабочаго населенія, такъ какъ понижаетъ цѣну на предметы общаго потребленія. Въ то время, какъ богатые разбогатѣли еще болѣе, бѣдные стали менѣе бѣдными; но ни въ какомъ случаѣ я не рѣшусь сказать, что ужасы нищеты уменьшились» [103]). Какъ слаба вторая половина періода! Если рабочій классъ остался «бѣденъ», только «менѣе бѣденъ», по мѣрѣ того, какъ производилъ «опьяняющее увеличеніе богатства и силы» для имущихъ классовъ, то, относительно, онъ остался столь-же бѣденъ, какъ и прежде. Если ужасы нищеты не уменьшились, то онѣ увеличились, потому что возрасли размѣры богатства. Что-же касается до пониженія цѣнъ на жизненныя средства, то оффиціальная статистика, напримѣръ отчеты лондонскаго Orphan Asylum (пріютъ для сиротъ), показываетъ, что они, въ трехлѣтіе 1860—1862 г., поднялись на 20% въ сравненіе съ трехлѣтіемъ 1851—1853 г. Въ слѣдующее трехлѣтіе 1863—1865 г. мясо, молоко, сахаръ, соль и цѣлая масса другихъ жизненныхъ средствъ прогрессивно дорожали [104]). Слѣдующая бюджетная рѣчь Гладстона, произнесенная имъ 7-го апрѣля 1864 г., есть ни что иное, какъ хвалебная пѣснь прогрессу обогащенія и счастью народа, умѣряемому «бѣдностью». Онъ говоритъ о массахъ, находящихся «на краю пауперизма», объ отрасляхъ промышленности, «гдѣ рабочая плата не повысилась», и резюмируетъ въ концѣ концовъ счастіе рабочаго класса въ слѣдующихъ словахъ: «человѣческая жизнь, въ девяти случаяхъ изъ 10, есть только борьба за существованіе» [105]). Профессоръ Fawcett, не стѣсняемый

---

[100]) Въ настоящую минуту (мартъ 1867 года) индо-китайскій рынокъ уже опять совершенно заваленъ товарами англійскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ. Въ 1866 году началось уменьшеніе на 5% рабочей платы хлопчато-бумажныхъ рабочихъ; въ 1867 вслѣдствіе подобной мѣры произошло въ Престонѣ стачка 20,000 лицъ. [Это было предвѣстіемъ вскорѣ послѣ того разразившагося кризиса. — Фр. Э.].

[101]) Census l. c. p. 11.

[102]) Gladston, въ House of Commons, 13 Febr. 1843; «It is one of the most melancholy features in the social state of this country that we see, beyond the possibility of denial, that while there is at this moment, a decrease in the consuming powers of the people, an increase of the pressure of privations and distress; there is at the same time a constant accumulation of wealth in the upper classes, an increase in the luxuriousness of their habits and of their means of enjoyment» («Times», 14 febr. 1843. Hansard, — 13 febr).

[103]) «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent... In the 8 years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853—20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible.... This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property... must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption. While the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! At any rate, whether the extremes of poverty are less, I do not presume to say». Gladstone въ Палатѣ Общинъ 16 апрѣля 1863.

[104]) См. подробности въ Синей Книгѣ: «Miscellaneous Statistics of the United Kingdom. Part VI. London 1866», p. 260—273 passim.

[105]) «Think of those who are on the border of that region (pauperism), wages... in others not increased.... human life is but, in nine cases out of ten, a struggle for existence» (Gladstone, H. of Com. 7 April. 1864). Постоянныя вопіющія противорѣчія въ бюджетныхъ рѣчахъ Гладстона 1863 и 1864 гг. одинъ англійскій писатель охарактеризовалъ слѣдующей цитатой изъ Мольера: «Voila l'homme en effet. Il va du blanc au noir. Il condamne au matin ses sentiments du soir. Importun à tout autre, à soi même incommode Il change à tous moments d'esprit comme de mode». («Вотъ это что за человѣкъ. Отъ бѣлаго къ черному переходитъ, утромъ отрекается отъ того

подобно Гладстону оффиціальными соображеніями, прямо заявляетъ: «Я разумѣется не отрицаю, что денежная плата поднялась вмѣстѣ съ этимъ возрастаніемъ богатства (въ послѣднее 10-ти-лѣтіе), но эта кажущаяся выгода снова исчезаетъ, такъ какъ многіе предметы первыхъ потребностей постоянно дорожаютъ (по его мнѣнію отъ пониженія стоимости благородныхъ металловъ)... Богатые быстро обогащаются еще болѣе (the rich grow rapidly richer), тогда какъ не замѣчается одновременно никакого увеличенія комфорта рабочихъ классовъ. Рабочіе становятся почти рабами мелочныхъ торговцевъ, будучи ихъ должниками [106]).

Въ главахъ о «рабочемъ днѣ» и о «машинахъ» читатель имѣлъ возможность изучить, при какихъ условіяхъ классъ англійскихъ рабочихъ, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, производилъ «опьяняющее увеличеніе богатства и силы» для имущихъ классовъ. Однако, тогда рабочій занималъ насъ преимущественно во время самого процесса производства. Чтобы основательно понять законъ капиталистическаго накопленія, необходимо остановиться на минуту на положеніи рабочаго внѣ этого процесса, на томъ, какъ онъ питается и какъ живетъ. Предѣлы настоящаго сочиненія даютъ мнѣ возможность изслѣдовать въ этомъ отношеніи только плохо оплачиваемую часть промышленныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ, которые, взятые вмѣстѣ, составляютъ большинство рабочаго класса.

Сначала скажемъ еще нѣсколько словъ объ оффиціальномъ пауперизмѣ, т.-е. о той части рабочаго класса которая лишилась средствъ своего существованія, возможности продавать свою рабочую силу, и живетъ общественною милостынею. Въ 1855 г. въ Англіи [107]) по оффиціальному списку считалось 851,369 нищихъ, въ 1856 г.—877,767, въ 1865 г.—971,433. Вслѣдствіе хлопковаго кризиса въ 1863 и 1864 гг. эта цифра поднялась до 1.079,382 и 1.014,978. Кризисъ 1866 г. — особенно тяжело отразившійся въ Лондонѣ — создалъ въ этомъ центрѣ міровою рынка, болѣе населенномъ нежели королевство Шотландія, увеличеніе нищенства на $19{,}5\%$ въ сравненіи съ 1865 г., и на $24{,}4\%$ въ сравненіи съ 1864 г.; — въ первые мѣсяцы 1867 г. произошло еще большее увеличеніе, въ сравненіи съ 1866 г. При анализѣ статистики нищенства, слѣдуетъ обращать вниманіе въ особенности на два пункта. Съ одной стороны, измѣненіе періодовъ промышленнаго цикла отражается на уменьшеніи и увеличеніи числа нищихъ. Съ другой стороны, оффиціальная статистика нищенства становится все болѣе и болѣе невѣрнымъ указателемъ дѣйствительной нищеты, по мѣрѣ развитія, вмѣстѣ съ накопленіемъ богатства, сословной борьбы, а слѣдовательно и чувства собственнаго достоинства рабочаго. Такъ, напримѣръ, варварство въ обращеніи съ нищими, о которомъ такъ громко кричала въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ англійская пресса (Times, Pall Mall Gazette и пр.), есть уже старое явленіе. Въ 1844 г. Fr. Engels указываетъ на тѣ-же самыя безобразія и на точно такіе-же крики въ извѣстной области литературы, желающей произвести эффектъ. Но страшное возрастаніе числа умирающихъ отъ голода («death by starvation») въ Лондонѣ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, положительно доказываетъ возрастающее отвращеніе рабочихъ отъ рабства рабочихъ домовъ (workhouses), этихъ карательныхъ учрежденій нищеты [108]).

b) Дурно оплачиваемые слои британскаго промышленнаго рабочаго класса.

Обратимся теперь къ плохо оплачиваемымъ слоямъ промышленнаго рабочаго класса. Во время хлопковаго кризиса, въ 1862 году, Privy Council поручилъ Dr. Smith'у изслѣдовать пищу обнищавшихъ бумагопрядильщиковъ Ланкашира и Чешира. Прежнія многолѣтнія наблюденія привели его къ заключенію, что «для предотвращенія болѣзней, происходящихъ отъ голода (starvation diseases)» среднее количество ежедневной пищи женщины должно содержать по меньшей мѣрѣ 3,900 гранъ углерода и 180 гранъ азота; среднее-же количество ежедневной пищи мужчины,—по меньшей мѣрѣ 4,300 гранъ углерода и 200 гранъ азота; для женщины почти достаточно столько питательнаго матеріала, сколько содержится его въ 2-хъ ф. хорошаго пшеничнаго хлѣба, для мужчины на $^1/_9$ болѣе; среднее-же содержаніе въ недѣлю для взрослаго мужчины и женщины должно имѣть по меньшей мѣрѣ 28,600 гранъ углерода и 1,330 гранъ азота. Его вычисленіе нашло поразительное фактическое

что вечеромъ говоритъ. Несносный для всякаго, тяжелый для самого себя, онъ ежеминутно мѣняетъ и мнѣнія свои и моды». («The Theory of Exchanges etc. Lond. 1864». p. 135).

[106]) Fawcett l. c. p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочихъ отъ мелочныхъ лавочниковъ, то она является вслѣдствіе увеличивающихся колебаній и перерывовъ въ ихъ занятіяхъ.

[107]) Къ Англіи всегда причисляется Уэльсъ, подъ Великобританіей понимается Англія, Уэльсъ и Шотландія, подъ Соединеннымъ Королевствомъ—три названныя страны и Ирландія.

[108]) На тотъ прогрессъ, который произошелъ со времени Ад. Смита, проливаетъ своеобразный свѣтъ то обстоятельство, что слово «workhouse», рабочій домъ, онъ все еще употребляетъ иногда въ смыслѣ «мануфактуры». Напримѣръ, главу о раздѣленіи труда онъ начинаетъ такъ: «Работающіе въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ работъ, могутъ быть соединены въ одномъ и томъ-же рабо чемъ домѣ».

подтвержденіе въ томъ, что оно вообще согласовалось съ ничтожнымъ количествомъ пищи, которымъ принуждены были довольствоваться бумагопрядильщики во время голода. Въ декабрѣ 1862 г. они получали еженедѣльно 29,211 гранъ углерода и 1,295 гранъ азота.

Въ 1863 году Privy Council предпринялъ изслѣдованіе положенія наиболѣе нуждающейся части англійскаго рабочаго класса. Dr. Simon, врачъ Privy Council, избралъ для этой работы вышеупомянутаго Dr. Smith'а. Его изслѣдованія простирались съ одной стороны на земледѣльческихъ рабочихъ, а съ другой на ткачей шелковыхъ издѣлій, швей, перчаточниковъ, ткачей чулокъ и перчатокъ и, наконецъ, на сапожниковъ. Послѣднія категоріи, за исключеніемъ ткачей чулокъ, исключительно городскіе рабочіе. При изслѣдованіи было принято за правило выбирать изъ каждой категоріи самыя здоровыя и относительно лучше обставленныя семейства.

Общій результатъ былъ тотъ, что «только въ одномъ изъ изслѣдованныхъ классовъ городскихъ рабочихъ количество принимаемаго организмомъ азота немного превышало тотъ minimum, ниже котораго появляются болѣзни отъ голода; что въ двухъ классахъ былъ недостатокъ, и въ одномъ даже громадный недостатокъ пищи, какъ азотистой, такъ и углеродистой; что изъ изслѣдованныхъ земледѣльческихъ семействъ болѣе одной пятой получаютъ менѣе углеродистой пищи чѣмъ необходимо, и болѣе $^1/_3$ семействъ получаютъ менѣе азотистой пищи, чѣмъ необходимо; и что въ трехъ графствахъ (Беркширъ, Оксфордширъ и Сомерсетширъ) среднимъ числомъ недостаетъ даже minimum'а азотистой пищи» [109]). Изъ земледѣльческихъ рабочихъ, рабочіе Англіи, самой богатой части Соединеннаго Королевства, питаются всего хуже [110]). Между сельскими рабочими недостаточное питаніе приходится большею частью на долю женщинъ и дѣтей, потому, что «мужчина долженъ ѣсть, чтобы работать». Еще большая нужда свирѣпствовала между изслѣдованными категоріями городскихъ рабочихъ. «Они питаются такъ плохо, что во многихъ случаяхъ должны происходить жестокія и вредныя для здоровья лишенія» (и все это отъ «воздержанія» капиталистовъ! т.-е. воздержанія отъ уплаты жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для простого прозябанія ихъ «рукъ»! [111]).

Въ слѣдующей таблицѣ сравнивается пища вышеприведенныхъ чисто городскихъ категорій рабочихъ, съ minimum'омъ, принятымъ Dr. Smith'омъ, и съ количествомъ пищи хлопчатобумажныхъ рабочихъ, во время ихъ крайней нужды.

ОБА ПОЛА.	Среднее еженедѣльное количество углерода.	Среднее еженедѣльное количество азота.
Пять городскихъ отраслей промышленности	28,876 гран.	1,192 грана.
Ланкаширскіе фабричные безработные . .	28,211 »	1,295 »
Minimum, приходящійся на равное число ланкаширскихъ работниковъ и работницъ.	28,600 »	1,330 » [112])

Половина, $^{60}/_{125}$, изслѣдованныхъ категорій промышленныхъ рабочихъ вовсе не употребляли пива, а 28% не употребляли молока. Среднее еженедѣльное количество жидкой пищи въ семействахъ колебалось между 7 унціями у швей и $24^3/_4$ у ткачей чулокъ. Большинство не получавшихъ молока, состояло изъ лондонскихъ швей. Среднее еженедѣльное количество потребляемаго хлѣба измѣнялось съ $7^3/_4$ фунтовъ у швей до $11^1/_4$ фунтовъ у сапожниковъ, въ общемъ-же среднемъ выводѣ на взрослаго приходилось $9,_9$ фунтовъ въ недѣлю. Сахару (сиропа и т. п.) приходилось въ недѣлю отъ 4 унцій у перчаточниковъ до 11 унцій у ткачей чулокъ; въ среднемъ-же выводѣ на взрослаго рабочаго всѣхъ категорій— 8 унцій въ недѣлю. Среднее еженедѣльное потребленіе масла (жира и т. п.) — 5 унцій на взрослаго. Среднее еженедѣльное количество мяса (сала и т. п.) на каждаго взрослаго работника колебалось между $7^1/_4$ унціями у ткачей шелковыхъ издѣлій, до $18^1/_4$ унцій у перчаточниковъ; среднее-же количество для всѣхъ категорій составляло $13,_6$ унцій. Еженедѣльный расходъ на пищу взрослаго работника давалъ слѣдующія среднія цифры: ткачи шелковыхъ издѣлій расходуютъ на пищу 2 шилл. $2^1/_2$ пенс.; швеи 2 шилл. 7 пенс.; перчаточники 2 шилл. $9^1/_2$ пенс.; сапожники 2 шилл. $7^3/_4$ пенс.; ткачи чулокъ 2 шилл. $6^1/_4$ пенс. У Маклсфильдскихъ ткачей шелковыхъ издѣлій еженедѣльный расходъ на пищу достигалъ только 1 шилл. $8^1/_2$ пенс. Хуже всего питались швеи, ткачи шелковыхъ издѣлій и перчаточники [113]).

Dr. Simon въ своемъ общемъ санитарномъ отчетѣ, относительно этихъ условій питанія, говоритъ слѣдующее: «Каждый, знакомый съ медицинской практикой среди бѣдныхъ или съ паціентами госпиталей, — все равно лѣчатся-ли они въ самомъ госпиталѣ, или внѣ его, — подтвердитъ, что случаи, гдѣ недостатокъ питанія производитъ болѣзнь или отягчаетъ ее, безчисленны. Но съ санитарной точки зрѣнія сюда присоединяются еще и другія важныя условія...

109) «Public Health. Sixth Report etc. for 1863». Lond. 1864, p. 13.

110) l. c. p. 17.

111) l. c. p. 13.

112) l. c. Appendix, p. 232.

113) l. c. p. 232, 233

Нужно припомнить, что недостатокъ въ питательныхъ средствахъ крайне трудно переносится, и что обыкновенно скудость пищи слѣдуетъ только за другими лишеніями. Задолго до того, когда недостатокъ пищи съ гигіенической точки зрѣнія оказывается ощутительнымъ, задолго до того, когда физіологъ начинаетъ считать граны углерода и азота, которые рѣшаютъ вопросъ о жизни и голодной смерти, въ домашнемъ хозяйствѣ исчезаютъ всѣ матеріальныя удобства. Отопленіе и одежда въ такихъ случаяхъ еще болѣе скудны, чѣмъ пища. Нѣтъ достаточной защиты отъ суровости погоды; жилое пространство урѣзывается до такой степени, что зарождаются и усиливаются болѣзни; отъ домашней утвари или мебели остаются только жалкіе слѣды, сама опрятность и чистота становится дорогою или трудно досягаемою. Если изъ чувства собственнаго достоинства и дѣлаются еще попытки поддержать все это, то каждая подобная попытка усиливаетъ только страданія отъ голода. Живутъ только тамъ, гдѣ всего дешевле можно найти кровъ; въ такихъ кварталахъ, гдѣ санитарный надсмотръ приноситъ наименьшую пользу, гдѣ всего больше скопляется всякихъ нечистотъ, гдѣ онѣ не удаляются, гдѣ водоснабженіе плохое или недостаточное, а если въ городахъ, то сверхъ того, гдѣ всего менѣе свѣта и воздуха. Вотъ опасности для здоровья, которымъ неизбѣжно подвергается бѣдность, если эта бѣдность дошла уже до недостатка пищи. Если все это зло имѣетъ большую опасность для жизни, то и простой недостатокъ пищи самъ по себѣ ужасенъ... Таковы грустныя мысли, внушаемыя бѣдностью, особенно если прибавить къ этому, что бѣдность, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходитъ не отъ праздности. Это — бѣдность рабочихъ. Да, что касается до городскихъ рабочихъ, то хотя трудъ, которымъ они покупаютъ свою скудную пищу, большею частью, удлиненъ выше всякой мѣры, тѣмъ не менѣе, можно только въ очень ограниченномъ смыслѣ сказать, что этотъ трудъ поддерживаетъ рабочаго... По большей части эта номинальная поддержка можетъ только служить болѣе или менѣе длиннымъ путемъ къ пауперизму» [114]).

Внутренняя связь между голодомъ самыхъ трудолюбивыхъ категорій рабочихъ и капиталистическимъ накопленіемъ, вмѣстѣ съ сопровождающимъ его грубымъ или утонченнымъ излишкомъ потребленія богатыхъ — связь эта, говорю я, видна только тому, кто знаетъ экономическіе законы. Другое дѣло относительно положенія жилищъ. Каждый безпристрастный наблюдатель видитъ, что чѣмъ больше сосредоточиваются средства производства, тѣмъ сильнѣе скучиваются рабочіе на маломъ пространствѣ, и что поэтому, чѣмъ быстрѣе капиталистическое накопленіе, тѣмъ хуже ихъ жилище. Всякій видитъ, что происходящее вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатствъ улучшеніе городовъ (improvements), ломкой дурно выстроенныхъ частей города, сооруженіемъ дворцовъ для банковъ, торговыхъ домовъ и т. п., расширеніемъ улицъ для дѣловой ѣзды и роскошныхъ экипажей, устройствомъ конныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д., что все это соединено съ вытѣсненіемъ бѣдныхъ въ еще худшіе гуще населенные углы и закоулки. Съ другой стороны, всѣмъ извѣстно, что дороговизна жилищъ находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ качеству, и что рудники бѣдствій эксплуатируются спекулянтами съ большимъ барышемъ и съ меньшими издержками, чѣмъ нѣкогда эксплуатировались рудники Потози. Антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія, а слѣдовательно и капиталистическихъ условій собственности вообще, здѣсь до такой степени осязателенъ, что даже англійскіе оффиціальные отчеты объ этомъ предметѣ полны еретическихъ нападокъ на «собственность и ея права» [115]). Съ развитіемъ промышленности, накопленіемъ капитала, возрастаніемъ и «украшеніемъ» городовъ, зло дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи, что простая боязнь заразительныхъ болѣзней, не щадящихъ и «порядочныхъ», принудила издать, съ 1847 по 1864 г., не менѣе 10-ти санитарно-полицейскихъ парламентскихъ актовъ; а перепуганная буржуазія, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ въ Ливерпулѣ, Гласго и др., рѣшилась даже сама вмѣшаться въ это дѣло посредствомъ своихъ муниципалитетовъ. И не смотря на то Dr. Simon въ своемъ отчетѣ за 1865 г. восклицаетъ: «Говоря вообще, въ Англіи это зло безконтрольно». По приказанію Privy Council, въ 1864 году былъ произведенъ осмотръ жилищъ сельскихъ рабочихъ, а въ 1865 г. — жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ въ городахъ. Превосходные труды Dr. Julian Hunter'а находятся въ седьмомъ (1865) и восьмомъ (1866) отчетѣ о «Public Health» (общественномъ здравіи). О сельскихъ рабочихъ я поговорю послѣ. Описанію городскихъ жилищъ я предпошлю общія замѣчанія Dr. Simon'а: «Хотя моя оффиціальная задача состоитъ исключительно въ разсмотрѣніи этого зла съ физической точки зрѣнія, но простая гуманность не позволяетъ мнѣ оставить безъ вниманія и другія стороны его. Дойдя до высокой степени, оно почти неизбѣжно влечетъ за собою такое отрицаніе всякихъ приличій, такую нечистоплотность и такую распущенность въ есте-

[114]) l. c. p. 14, 15.

[115]) «Нигдѣ права лицъ не приносятся такъ открыто и такъ безстыдно въ жертву праву собственности, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это касается помѣщеній рабочаго класса. Всякій большой городъ есть мѣсто принесенія человѣческихъ жертвъ: это алтарь, на которомъ ежегодно тысячи приносятся въ жертву Молоху жадности». (S. Laing. l. c. p. 150).

ственныхъ отправленіяхъ, такую половую наготу, какія можно признать скорѣе скотскими, чѣмъ человѣческими. Находиться подъ вліяніемъ всего этого — равносильно униженію, притомъ тѣмъ большему, чѣмъ дольше оно продолжается. Для дѣтей, которыя родились подъ этимъ проклятіемъ, это— «крещеніе въ безчестіе» («baptism into infamy»). И совершенно безнадежно желаніе, чтобы личность, поставленная въ такія условія, стремилась въ другихъ отношеніяхъ въ ту атмосферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и моральной чистотѣ» [116]).

По части переполненныхъ помѣщеній—или абсолютно невозможныхъ для человѣческаго жилья—Лондонъ занимаетъ первое мѣсто. «Два пункта, говоритъ Dr. Hunter, не подлежатъ сомнѣнію: во-первыхъ, что въ Лондонѣ есть около 20-ти большихъ колоній, каждая приблизительно въ 10,000 лицъ, бѣдственное положеніе которыхъ превосходитъ все, что когда-либо было видано въ Англіи, и причина его заключается почти исключительно въ скверныхъ помѣщеніяхъ; и во-вторыхъ, что переполненныя и пришедшія въ ветхость дома этихъ колоній находятся въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ были 20 лѣтъ тому назадъ» [117]). «Сказать, что жизнь во многихъ частяхъ Лондона и Ньюкэстля—адская, не будетъ преувеличеніемъ [118]).

И лучше поставленная часть рабочаго класса, вмѣстѣ съ мелкими торговцами и другими элементами мелкаго средняго класса, попадаютъ въ Лондонѣ все болѣе и болѣе въ эти отвратительныя условія жилья по мѣрѣ того, какъ происходятъ «улучшенія» и ломаются старыя улицы и дома; возрастаетъ количество фабрикъ и наплывъ народа въ метрополію; наконецъ, по мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ городскою земельною рентою повышается плата за наемъ помѣщеній. «Наемная плата за квартиры стала такъ дорога что немногіе рабочіе въ состояніи нанимать болѣе одной комнаты» [119]). Въ Лондонѣ почти нѣтъ ни одной домовой собственности, которая не была-бы обременена множествомъ middlemen'овъ (посредниковъ). Цѣна земли въ Лондонѣ стоитъ, въ сравненіи съ ея ежегодными доходами, слишкомъ высоко, такъ какъ каждый покупатель спекулируетъ на то, чтобы рано или поздно сбыть ее по jury price (цѣнѣ, опредѣляемой присяжными при экспропріаціяхъ) или-же разсчитываетъ на необыкновенное возвышеніе стоимости, вслѣдствіе сосѣдства съ какимъ нибудь большимъ предпріятіемъ. Благодаря этому, происходитъ правильная торговля наемными контрактами, которымъ истекаетъ срокъ. «Отъ джентльменовъ, занимающихся подобными операціями, можно ожидать, что они будутъ поступать именно такъ, какъ дѣйствительно поступаютъ, то-есть, что они будутъ стараться извлечь изъ жильцовъ по возможности болѣе и передать домъ своимъ преемникамъ по возможности въ худшемъ видѣ» [120]). Нанимаютъ обыкновенно понедѣльно, такъ что эти господа ровно ничѣмъ не рискуютъ. Вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ въ чертѣ города, «недавно въ одинъ субботній вечеръ можно было видѣть въ восточной части Лондона множество семействъ, изгнанныхъ изъ ихъ прежнихъ жилищъ и бродящихъ со своими немногочисленными пожитками на спинѣ, безъ всякаго пристанища, кромѣ рабочихъ домовъ» [121]). Рабочіе-же дома переполнены; а разрѣшенные парламентомъ улучшенія едва только начаты. Когда вытѣсняютъ рабочихъ ломкою ихъ домовъ, то они или вовсе не оставляютъ своего прихода, или поселяются въ сосѣднихъ, но вблизи границы прежняго. «Разумѣется, они стараются поселиться по возможности ближе къ тому мѣсту, гдѣ работаютъ. Поэтому, вмѣсто двухъ комнатъ, семейство часто должно ограничиваться одною. Даже за высшую плату они нанимаютъ худшія квартиры, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ ихъ выгнали. Половина рабочихъ изъ Strand'а должна пройти около двухъ миль до мѣста работы». Этотъ Strand, главная улица котораго даетъ иностранцу такое внушительное понятіе о богатствѣ Лондона, можетъ служить примѣромъ лондонской упаковки людей. Въ одномъ изъ его приходовъ, по вычисленію члена санитарной коммисіи, на каждомъ акрѣ живетъ 581 человѣкъ, не смотря на то, что въ предѣлы этого прихода наполовину входитъ Темза. Само собою разумѣется, что каждая санитарно-полицейская мѣра, которая, какъ это до сихъ поръ бываетъ въ Лондонѣ, заключается въ томъ, что рабочіе выгоняются изъ одной части города вслѣдствіе того, что ломаютъ негодные дома, ведетъ только къ тому, что они еще тѣснѣе скучиваются въ другой части. «Либо», говоритъ Dr. Hunter, «всю эту процедуру, какъ явную нелѣпость, должно совсѣмъ прекратить, либо должна пробудиться общественная симпатія (!) — для

---

[116]) «Public Health. Eighth Report. London 1866», p. 14, Note.

[117]) l. c. p. 89. Относительно дѣтей въ этихъ колоніяхъ Dr. Hunter говоритъ: «Мы не знаемъ, какъ воспитывались дѣти до этого вѣка тѣснаго скучиванія бѣдныхъ, но нѣтъ надобности быть смѣлымъ пророкомъ, чтобы предсказать, чего можно ожидать отъ дѣтей, которые воспитываются теперь, при обстоятельствахъ, не имѣющихъ себѣ равныхъ въ этой странѣ и вполнѣ принаровленныхъ къ тому, чтобы ихъ будущая практическая жизнь была жизнью опасныхъ классовъ, потому что часть ночи они проводятъ вмѣстѣ съ лицами всѣхъ возрастовъ, пьянствуя, продѣлывая всевозможныя непристойности и бранясь» l. c. p. 56.

[118]) l. c. p. 62.

[119]) «Report of the Officer of Health of St. Martin's in the Fields. 1865».

[120]) «Public Health. Eighth Report. London, 1865», p. 91.

[121]) l. c. p. 88.

того, что теперь безъ преувеличенія можно назвать національнымъ долгомъ,—для доставленія крова людямъ, которые, вслѣдствіе недостатка капитала, сами не могутъ его пріобрѣсть, хотя и въ состояніи уплачивать періодически за наемъ его» [122]). Вотъ и дивитесь капиталистическому правосудію! Землевладѣлецъ, домовладѣлецъ, хозяинъ предпріятія при экспропріаціи для «улучшенія», напримѣръ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, перестройкѣ улицъ и т. п., получаетъ не одно только полное вознагражденіе. Его слѣдуетъ еще утѣшить за свое вынужденное воздержаніе» солидною прибылью. Рабочаго-же выгоняютъ на улицу съ его женой, дѣтьми и пожитками, и если онъ въ слишкомъ большомъ числѣ тѣснится въ тѣ части города, гдѣ муниципалитетъ блюдетъ за порядкомъ—его преслѣдуютъ въ виду санитарныхъ соображеній!

Въ началѣ XIX-го столѣтія въ Англіи не было ни одного города, кромѣ Лондона, въ которомъ насчитывалось-бы болѣе 100,000 жит. Только въ 5 городахъ числилось болѣе 50,000 жит. Теперь-же 28 городовъ имѣютъ болѣе 50.000 жителей.

«Результатомъ такой перемѣны было не одно только громадное увеличеніе городского населенія, но также и то, что прежніе, тѣсно набитые, маленькіе города сдѣлались центрами, застроенными со всѣхъ сторонъ, безъ всякаго свободнаго доступа воздуха. Такъ какъ они для богатыхъ стали непріятными, то послѣдніе переселились въ предмѣстья, гдѣ жить имъ больше нравилось. Преемники этихъ богачей, перебравшись въ большіе дома, размѣстились такъ, что каждое семейство заняло по одной комнатѣ, даже отдавая въ наемъ углы. Такимъ образомъ населеніе помѣстилось въ домахъ, предназначенныхъ не для него и вслѣдствіе этого крайне неудобныхъ, при обстановкѣ поистинѣ унизительной для взрослыхъ и крайне гибельной для дѣтей [123]). Чѣмъ быстрѣе накопляется капиталъ въ промышленномъ или торговомъ городѣ, тѣмъ быстрѣе приливъ годнаго для эксплуатаціи человѣческаго матеріала, тѣмъ хуже жилища на скоро приспособленныя для рабочихъ. Поэтому Ньюкестль на Тайнѣ, будучи центромъ богатаго каменноугольнаго и горнаго округа, занимаетъ послѣ Лондона первое мѣсто по своимъ адскимъ жилищамъ. Не менѣе 34,000 человѣкъ тѣснятся тамъ, въ одиночныхъ комнатахъ. Вслѣдствіе безусловнаго вреда для общественнаго здоровья, полиція недавно разрушила значительное число домовъ въ Ньюкэстлѣ и Гэтсгедѣ. Постройка новыхъ домовъ идетъ крайне медленно; предпріятія-же растутъ очень быстро. Поэтому въ 1865 г. городъ былъ переполненъ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Даже одну комнату можно было достать съ большимъ трудомъ. Embelton, докторъ ньюкэстльскаго госпиталя, говоритъ: «безъ сомнѣнія, причина продолжительности тифа и распространенія его заключается въ чрезмѣрномъ переполненіи жилищъ и въ нечистотѣ ихъ. Дома, въ которыхъ обыкновенно живутъ рабочіе, находятся въ глухихъ переулкахъ и закрытыхъ дворахъ. Что-же касается до свѣта, воздуха, простора и чистоты, они представляютъ настоящій образецъ недостаточности и нездоровья, позоръ для каждой цивилизованной страны. Тамъ мужчины, женщины и дѣти проводятъ ночи вмѣстѣ. Что-же касается мужчинъ, то ночная смѣна тотчасъ слѣдуетъ за дневной, такъ что постели едва успѣваютъ остывать. Эти дома неопрятны и заразительны, плохо снабжены водой, вентиляціей и, еще хуже, отхожими мѣстами» [124]). Недѣльная плата за наемъ такихъ конуръ доходитъ отъ 8 пенс. до 6 шилл. «Ньюкэстль на Тайнѣ» говоритъ Dr. Hunter, «представляетъ примѣръ того, какъ одно изъ лучшихъ племенъ нашей страны, вслѣдствіе внѣшнихъ условій, именно плохого состоянія жилищъ и улицъ, часто вырождается почти въ дикарей» [125]).

Благодаря быстрымъ приливамъ и отливамъ капитала и труда, жилища какого нибудь промышленнаго города, сносныя сегодня, завтра могутъ стать отвратительными. Или-же городскія власти вдругъ опомнятся и начнутъ устранять вопіющіе недостатки. Тогда поднимаются толпы оборванныхъ ирландцевъ или раззоренныхъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ. Ихъ наскоро поселяютъ въ подвалахъ или амбарахъ, или обращаютъ до того времени порядочные дома для рабочихъ въ помѣщенія, гдѣ жильцы мѣняются также быстро, какъ постои во время тридцатилѣтней войны. Примѣромъ можетъ служить Брэдфордъ. Муниципальные филистеры этого города только что занялись городскою реформою. Къ тому-же въ 1861 г. тамъ было еще 1,751 незанятый домъ. Но вдругъ является на сцену то улучшеніе дѣлъ, о которомъ недавно такъ краснорѣчиво говорилъ другъ негровъ, медоточиво-либеральный Форстеръ. Съ блестящимъ положеніемъ дѣлъ, конечно, сейчасъ-же начинается наплывъ «запасной арміи» или «относительнаго излишка населенія». Отвратительныя подвальныя жилища и помѣщенія, перечисленныя въ спискѣ, который былъ доставленъ Dr. Hunter'у агентомъ одного страхового общества, и который здѣсь приведенъ въ выноскѣ [126]), были населены большею частью рабочими, получающими хорошую рабочую плату. Они заявили, что охотно заплатили-бы за лучшія помѣщенія, если-бы они нашлись. Въ то время какъ рабочіе заболѣваютъ и приходятъ въ болѣе и болѣе жалкое состояніе

[122]) l. c. p. 89.
[123]) l. c. p. 55 и 56.
[124]) l. c. p. 149.
[125]) l. c. p. 50.

умѣренно либеральный Forster, членъ парламента, проливаетъ слезы умиленія по поводу благодѣяній свободы торговли и барышей, получаемыхъ съ шерсти знаменитыми брэдфордскими дѣльцами. Въ отчетѣ отъ 6 сентября 1865 г. Dr. Bell, одинъ изъ брэдфордскихъ врачей для бѣдныхъ, объясняетъ ужасную смертность тифозныхъ больныхъ своего округа условіями ихъ жилищъ. «Въ подвалѣ, имѣющемъ 1,500 куб. фут., живутъ 10 человѣкъ... На Vincenstreet, Green Air Place и the Leys скучено 223 дома, въ которыхъ помѣщаются 1,450 человѣкъ, всего 435 постелей и 36 отхожихъ мѣстъ. На каждую постель,—а за нихъ я считаю каждый свертокъ грязнаго тряпья, или кучу стружекъ,—приходится среднимъ числомъ 3з человѣка, на нѣкоторыхъ-же спятъ 4, даже 6 лицъ. Многіе спятъ безъ всякой постели на голомъ полу, въ платьѣ; молодые люди, женщины, замужнія и не-замужнія, всѣ скучены безъ разбора вмѣстѣ. Надо-ли прибавлять, что эти помѣщенія представляютъ большею частью темныя, сырыя, грязныя вонючія конуры, совершенно негодныя для человѣческаго жилья? Это центры, откуда разносятся болѣзни и смерть, поражающія также и имѣющихъ достатокъ («of good circumstances»), съ дозволенія которыхъ гноятся въ нашей средѣ подобныя язвы» [127]).

Третье мѣсто по отвратительному состоянію жилыхъ помѣщеній занимаетъ Бристоль. «Здѣсь, въ одномъ изъ богатѣйшихъ европейскихъ городовъ, избытокъ голой нищеты («blank poverty») и домашней бѣдности» [128]).

с) Бродячее населеніе.

Мы обращаемся теперь къ странствующему населенію, по происхожденію земледѣльческому, но большая часть котораго занимается промышленностью. Это легкая пѣхота капитала, которая, смотря по надобности, устремляется то на одинъ, то на другой пунктъ. Когда-же она не въ походѣ,

[127]) l. c. p. 114.
[128]) l. c. p. 50.

[126]) Списокъ составленный агентомъ страхового общества для рабочихъ въ Брэдфордѣ.

Названіе улицъ и №№ домовъ.	Число комнатъ.	Число лицъ, помѣщающихся въ комнатахъ.
Д о м а:		
Vulcanstreet № 122	1 комната.	16 человѣкъ.
Lumleystreet № 13	1 »	11 »
Bowerstreet № 41	1 »	11 »
Portlandstreet № 112	1 »	10 »
Hardystreet № 17	1 »	10 »
Northstreet № 18	1 »	16 »
ditto № 17	1 »	13 »
Wymerstreet № 19	1 »	8 взрослыхъ.
Jawettestreet № 56	1 »	12 человѣкъ.
Georgestreet № 150	1 »	3 семейства.
Rifle-Court, Marihate № 11	1 »	11 человѣкъ.
Marshallstreet № 28	1 »	10 »
ditto № 49	1 »	3 семейства.
Georgestreet № 128	1 »	18 человѣкъ.
ditto № 130	1 »	16 »
Edwardstreet № 4	1 »	17 »
Yorkstreet № 34	1 »	2 семейства.
Salt Pie street	1 »	26 человѣкъ
П о д в а л ы.		
Regent Square	1 подвалъ.	8 человѣкъ.
Acrestreet	1 »	7 »
Robert's court № 33	1 »	7 »
Black Prattstreet, употребляется какъ мастерская мѣдниковъ	1 »	7 »
Ebenezerstreet № 27	1 »	6 »

(l. c. p. III).

то «стоитъ лагеремъ». Трудъ странствующихъ рабочихъ употребляется при различныхъ постройкахъ, дренированіи полей, изготовленіи кирпичей, обжиганіи извести, на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Эта бродячая колонна, располагаясь лагеремъ въ какой-нибудь мѣстности, приноситъ туда оспу, тифъ, холеру, скарлатину и т. п. [129]). Въ предпріятіяхъ, сопряженныхъ съ большими затратами капитала, напримѣръ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и т. п., предприниматель, большею частью, самъ устраиваетъ для своей арміи деревянные бараки или что нибудь въ этомъ родѣ; эти импровизованныя деревни, безъ всякихъ санитарныхъ приспособленій, внѣ надзора мѣстныхъ властей, очень прибыльны для господина подрядчика, который такимъ образомъ эксплуатируетъ рабочаго вдвойнѣ, какъ промышленнаго солдата и какъ нанимателя. Смотря по тому, сколько конуръ заключаетъ въ себѣ подобный деревянный баракъ, одну, 2 или 3 — постояльцы, землекопы и т. п., должны платить 1, 2, 3, 4 шилл. въ недѣлю [130]). Достаточно одного примѣра. Въ сентябрѣ 1864 г. сообщаетъ Dr. Simon министру внутреннихъ дѣлъ Sir George Grey'ю было подано слѣдующее заявленіе старшиной Nuisance Removal Committee севенокскаго прихода: «Оспа была почти неизвѣстна въ этомъ приходѣ до прошлаго года. Около года тому назадъ были начаты работы на желѣзной дорогѣ отъ Левисгама до Тэнбриджа. Кромѣ того, что главныя работы производились въ непосредственномъ сосѣдствѣ этого города, здѣсь-же былъ устроенъ главный складъ для всѣхъ работъ по этой дорогѣ. Поэтому, здѣсь работало большое число лицъ. Такъ какъ не было возможности помѣстить ихъ всѣхъ по коттэджамъ, то подрядчикъ г. Jay велѣлъ на протяженіи всей линіи сколотить бараки для помѣщенія рабочихъ. Эти бараки не имѣли ни вентиляціи, ни сточныхъ желобовъ и по необходимости были переполнены, такъ какъ каждый наниматель вынужденъ былъ брать себѣ еще постояльца, какъ бы-ни было велико его собственное семейство, и хотя въ каждомъ баракѣ было только по двѣ комнаты. По медицинскому отчету, полученному нами, слѣдствіемъ этого было то, что несчастный людъ принужденъ былъ по ночамъ испытывать всѣ муки задушенія, что-бы избѣжать заразительныхъ испареній отъ грязной стоячей воды и отъ отхожихъ мѣстъ, которыя находились прямо подъ самыми окнами. Наконецъ, нашему комитету была подана жалоба однимъ врачомъ, которому пришлось случайно побывать въ этихъ баракахъ. Онъ изображалъ положеніе этихъ, такъ называемыхъ, жилищъ самыми мрачными красками, и заявлялъ при этомъ опасеніе самыхъ серьезныхъ послѣдствій, если не примутъ какихъ-либо санитарныхъ мѣръ. Около года тому назадъ вышеупомянутый Jay обязался построить домъ, куда-бы можно было удалять заболѣвающихъ заразительными болѣзнями изъ числа его рабочихъ. Это обѣщаніе повторилъ онъ въ концѣ прошлаго іюля, но не сдѣлалъ ни шага для его выполненія, хотя съ того времени было нѣсколько случаевъ оспы и даже двое умерли отъ нея. 9 сентября врачъ Kelson донесъ намъ о новыхъ случаяхъ заболѣванія оспою въ этихъ баракахъ и положеніе ихъ описывалъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ. Мы должны сообщить вамъ (министру), что въ нашемъ приходѣ есть изолированный домъ, такъ называемый чумной домъ, въ которомъ лѣчатъ прихожанъ, заболѣвающихъ заразительными болѣзнями. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ этотъ домъ постоянно переполненъ больными. Въ одномъ семействѣ пятеро дѣтей умерло отъ оспы и горячки. Съ 1 апрѣля по 1 сентября нынѣшняго года было не менѣе 10 смертныхъ случаевъ отъ оспы, изъ нихъ 4 въ означенныхъ баракахъ, этихъ источникахъ заразы. Невозможно привести числа всѣхъ случаевъ заболѣванія, такъ какъ семейства, въ которыхъ они случаются, по возможности стараются скрыть ихъ» [131]).

Рабочіе въ каменноугольныхъ копяхъ и другіе горнорабочіе принадлежатъ къ числу наилучше оплачиваемыхъ рабочихъ въ Англіи. Во что обходится имъ эта плата, было уже раньше указано [132]). Бросимъ бѣглый взглядъ на ихъ жилища. Эксплуататоръ рудника, которымъ является или самъ владѣлецъ, или арендаторъ рудника, обыкновенно строитъ для своихъ «рукъ» извѣстное число коттэджей. Эти коттэджи и уголь для топки они получаютъ «даромъ», т.-е. это составляетъ часть рабочей платы, получаемой натурой. Тѣ, которые не могутъ быть помѣщены этимъ способомъ, получаютъ взамѣнъ 4 ф. стерл. въ годъ. Горные округа быстро привлекаютъ многочисленное населеніе, состоящее изъ самихъ горнорабочихъ, а также изъ ремесленни-

[129]) «Public Health. Seventh Report. London 1864» p. 18.

[130]) l. c. p. 165.

[131]) l. c. p. 18 выноска. Попечитель бѣдныхъ въ Chapel-en-le-Frith-Union доноситъ генеральному регистратору: «Въ Довегольсѣ въ большомъ известковомъ холмѣ сдѣлано множество небольшихъ углубленій. Эти углубленія служатъ для жилья землекопамъ и другимъ рабочимъ строющейся желѣзной дороги. Углубленія эти узки, сыры, безъ стоковъ для нечистоты и безъ отхожихъ мѣстъ. Они лишены всякой вентиляціи, за исключеніемъ небольшой дыры въ сводѣ, которая играетъ одновременно роль дымовой трубы. Поэтому тамъ свирѣпствовала оспа и уже было нѣсколько смертныхъ случаевъ (между этими троглодитами)» (l. c. Note 2).

[132]) Подробности, приведенныя на стран. 524 относятся именно къ рабочимъ каменноугольныхъ копей. Что-же касается положенія металлургическихъ рабочихъ, которое еще хуже, то см. добросовѣстный отчетъ «Royal Commission» за 1864 годъ.

ковъ, мелочныхъ торговцевъ и др., которые группируются около нихъ. Какъ всюду, гдѣ скучено населеніе, поземельная рента здѣсь высока. Эксплуататоръ рудника старается, поэтому, построить на возможно меньшемъ пространствѣ, у входа въ рудникъ, столько коттэджей, чтобы можно было упаковать всѣ рабочія руки съ ихъ семействами. Если по сосѣдству откроются новые рудники, или начнутъ снова разработывать заброшенные, то тѣснота возрастаетъ. При постройкѣ коттэджей господствуетъ только одна точка зрѣнія — «воздержаніе» капиталистовъ отъ всякихъ расходовъ, кромѣ безусловно-необходимыхъ. «Жилища горнорабочихъ Норсомберлэнда и Дэргама, говоритъ Dr. Julian Hunter, «по всей вѣроятности самыя скверныя и самыя дорогія изо всѣхъ жилищъ этого рода, которыхъ такъ много въ Англіи: имъ не уступятъ развѣ только жилища горныхъ округовъ въ Монмоусширѣ. Крайняя неудовлетворительность ихъ происходитъ отъ большого числа лицъ, населяющихъ каждую комнату, отъ тѣсноты большого количества построекъ, отъ недостатка воды и отсутствія отхожихъ мѣстъ, наконецъ, отъ самаго способа постройки домовъ одного надъ другимъ, или in flats (такъ что различные коттэджи образуютъ вертикальные этажи, лежащіе одинъ надъ другимъ)... Предприниматель обращается со всей колоніей, какъ будто-бы она только расположилась лагеремъ, а не живетъ здѣсь постоянно» [133]). «Согласно данной мнѣ инструкціи», говоритъ Dr. Stevens, «я посѣтилъ большую часть большихъ горныхъ поселеній Durham Union... За весьма немногими исключеніями можно сказать о нихъ, что тамъ въ пренебреженіи всѣ средства, необходимыя для обезпеченія здоровья обывателей... Всѣ работающіе въ рудникахъ или копяхъ «прикрѣпощены» («bound», это выраженіе, какъ и слово «bondage», принадлежитъ временамъ крѣпостного права) на 12 мѣсяцевъ къ арендатору («lessee») или владѣльцу рудника. Если они почему нибудь выражаютъ свое неудовольствіе, или какимъ-бы то ни было образомъ надоѣдаютъ смотрителю («viewer»), то онъ дѣлаетъ знакъ или отмѣтку противъ ихъ имени въ своей книгѣ, и ихъ увольняютъ при заключеніи новаго договора... Мнѣ кажется, что никакая часть trucksystem не можетъ быть хуже той, какая господствуетъ здѣсь, въ этихъ густо населенныхъ округахъ. Рабочій принужденъ брать часть своей рабочей платы въ видѣ помѣщенія, окруженнаго заразой. Самъ онъ не можетъ помочь себѣ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ крѣпостной («he is to all intents and purposes a serf»). Впрочемъ, еще вопросъ, можетъ-ли кто нибудь помочь ему, кромѣ его владѣльца; владѣлецъ-же этотъ справляется прежде всего со своимъ балансомъ; результаты этого понятны. Хозяинъ снабжаетъ также рабочаго водой. Хороша-ли она, дурна-ли, получаетъ-ли онъ ее или нѣтъ, онъ все-таки долженъ платить за нее или, лучше сказать, онъ долженъ позволить удерживать за нее изъ рабочей платы» [134]).

Въ борьбѣ съ «общественнымъ мнѣніемъ» или даже съ представителями санитарнаго надзора капиталъ вовсе не церемонится оправдывать опасныя и невозможныя условія, въ которыя ставитъ онъ дѣятельность рабочаго и его домашнюю жизнь, тѣмъ, что это нужно для болѣе выгодной эксплуатаціи его. Такъ бываетъ когда онъ «воздерживается» отъ приспособленій для защиты противъ опасныхъ машинъ на фабрикахъ, отъ вентиляціи и предохранительныхъ средствъ въ рудникахъ и копяхъ и т. п. Тоже самое происходитъ и здѣсь съ жилищами горнорабочихъ. «Для оправданія», говоритъ въ своемъ отчетѣ Dr. Simon, оффиціальный врачъ Privy Council, «для оправданія постройки негодныхъ домовъ, приводится то обстоятельство, что рудники эксплуатируются обыкновенно отдачею въ аренду, и что продолжительность арендаго контракта (въ каменноугольныхъ копяхъ обыкновенно 21 годъ) слишкомъ незначительна, чтобы арендаторъ считалъ стоющимъ дѣлать лучшія приспособленія для жилья рабочихъ и ремесленниковъ, привлекаемыхъ предпріятіемъ; если-бы даже онъ и захотѣлъ выказать большую щедрость въ этомъ дѣлѣ, то ему помѣшалъ-бы поземельный собственникъ. Этотъ послѣдній именно тотчасъ-же стремится потребовать непомѣрную добавочную ренту за привилегію,—имѣть удобную и приличную деревню на землѣ для жилья обработывающихъ подземную собственность. Эта запретительная цѣна, если не прямое запрещеніе—пугаетъ даже тѣхъ, которые иначе стали-бы охотно строить... Я не буду болѣе разбирать достоинство этой защиты, не стану изслѣдовать также на кого падаютъ добавочныя издержки при постройкѣ порядочныхъ жилищъ, на поземельнаго-ли собственника, на арендатора-ли рудника, на рабочаго-ли, или-же наконецъ на публику... Но въ виду такихъ позорныхъ фактовъ, какіе разоблачаютъ прилагаемые отчеты (Dr. Hunter'а, Stevens'а и другихъ), должны-же быть приняты наконецъ какія-нибудь дѣйствительныя мѣры для устраненія зла... Для совершенія самой вопіющей общественной несправедливости здѣсь употребляется во зло право поземельной собственности. Въ качествѣ собственника рудника, землевладѣлецъ приглашаетъ промышленную колонію для работъ въ своихъ владѣніяхъ, а затѣмъ—въ качествѣ собственника поверхности земли, лишаетъ возможности рабочихъ, которыхъ самъ-же собралъ, найти помѣщенія, годныя для жилья. У арендатора рудника (капиталиста-эксплуататора) нѣтъ никакого де-

133) l. c. p. 180, 182.

134) l. c. p. 515, 517.

нежнаго интереса препятствовать этому способу дѣйствія поземельнаго собственника, такъ какъ онъ отлично знаетъ. что если требованія послѣдняго непомѣрны, то слѣдствія ихъ отзовутся не на немъ. и что рабочіе, на которыхъ они ложатся, слишкомъ мало образованы, чтобы знать свои гигіеническія права, а потому ни грязнѣйшее жилье, ни гнилая вода никогда не вызовутъ стачки» [135]).

d) Вліяніе кризисовъ на лучше оплачиваемую часть рабочаго класса.

Прежде чѣмъ перейти къ настоящимъ земледѣльческимъ рабочимъ, я покажу еще на одномъ примѣрѣ, какое дѣйствіе производятъ кризисы даже на лучше оплачиваемую часть рабочаго сословія, на его аристократію. Мы помнимъ, что 1857 годъ принесъ одинъ изъ тѣхъ крупныхъ кризисовъ, которыми завершается всякій разъ промышленный циклъ. Слѣдующій кризисъ пришелся на 1866 годъ. На этотъ разъ кризисъ принялъ преимущественно финансовый характеръ, потому что еще раньше того, благодаря недостатку хлопка, много капиталовъ перешло изъ своихъ обычныхъ сферъ помѣщенія въ фабричномъ производствѣ въ крупные центры денежнаго рынка. Онъ обнаружился, въ маѣ 1866 года, банкротствомъ одного громаднаго лондонскаго банка, послѣ котораго рушилось безчисленное множество финансовыхъ спекулятивныхъ обществъ. Одна изъ крупныхъ лондонскихъ отраслей промышленности, которую постигла катастрофа, была постройка желѣзныхъ судовъ. Магнаты этого дѣла во время процвѣтанія спекуляцій не только произвели чрезмѣрный излишекъ, но взяли на себя еще громадныя поставки, разсчитывая на то, что источники кредита будутъ течь въ прежнемъ изобиліи. Теперь-же наступила ужасная реакція, которая въ этой и другихъ отрасляхъ лондонской промышленности [136]) продолжается и до настоящаго времени (конецъ марта 1867 г). Для характеристики положенія рабочихъ, приведемъ слѣдующее мѣсто изъ подробнаго отчета одного корреспендента Morning Star, посѣтившаго, въ началѣ 1867 года, главный центръ бѣдствій. «Къ востоку отъ Лондона, въ округахъ Poplar, Millwall, Greenwich, Deptford, Limehouse и Canning Town находятся по крайней мѣрѣ 15,000 рабочихъ съ ихъ семействами въ крайней нуждѣ, и больше 3,000 искусныхъ механниковъ. Благодаря шести или восьми мѣсячной безработницѣ, всѣ ихъ запасы истощились... Мнѣ стоило большого труда добраться до двери рабочаго дома (въ Poplar), потому что она была осаждена голодною толпою... Она ждала раздачи билетовъ на полученіе хлѣба, но было еще очень рано. Дворъ представлялъ большой квадратъ, съ навѣсомъ вокругъ стѣнъ. Большія кучи снѣга покрывали мостовую посрединѣ двора. Здѣсь посрединѣ двора были отгорожены ивовымъ плетнемъ, подобно овчарнѣ, маленькія площадки, гдѣ въ лучшую погоду работаютъ мужчины. Эти овчарни въ день моего посѣщенія такъ были занесены снѣгомъ, что никто не могъ тамъ сидѣть. Мужчины работали однако подъ навѣсомъ, раздробляя камни для мостовой. Каждый изъ нихъ, сидя на большомъ камнѣ, билъ тяжелымъ молотомъ по обледенѣвшему граниту до тѣхъ поръ, пока не набивалъ до 5 бушелей щебня. Тогда кончалась его дневная работа, онъ получалъ 3 пенса (около 9 копѣекъ) и билетъ на полученіе хлѣба. Въ другой части двора стоялъ маленькій, жалкій деревянный домъ. Открывъ двери, мы увидѣли, что онъ биткомъ набитъ людьми, прижавшимися другъ къ другу, чтобы согрѣться. Они щипали паклю и спорили между собою о томъ, кто можетъ дольше проработать съ меньшимъ количествомъ пищи, потому что способность выдержать для нихъ была point d'honneur. Въ одномъ этомъ рабочемъ домѣ получали вспомоществованіе до 7,000 человѣкъ; многія сотни изъ нихъ, 6 или 8 мѣсяцевъ тому назадъ, получали наивысшую рабочую плату, какая дается въ Англіи искуснымъ рабочимъ. Число ихъ было-бы вдвое больше, если-бы многіе изъ нихъ, израсходовавъ всѣ свои денежныя сбереженія, не отказывались отъ помощи прихода до тѣхъ поръ, пока у нихъ оставались хотя какія нибудь вещи для заклада... По выходѣ изъ рабочаго дома, я отправился по улицамъ, дома которыхъ были большею частью одноэтажные, какихъ такъ много въ Poplar'ѣ. Проводникомъ моимъ былъ членъ комитета для лицъ не имѣющихъ работы. Въ первомъ домѣ, въ который мы вошли, жилъ рабочій съ желѣзо-дѣлательнаго завода, уже 27 недѣль сидѣвшій безъ работы. Я засталъ его сидящимъ

[135]) l. c. p. 16.

[136]) «Голоданіе лондонскихъ бѣдныхъ цѣлыми массами! («Wholesale starvation of the London Poor!»).... Въ продолженіе послѣднихъ дней на лондонскихъ улицахъ были наклеены большіе плакаты, заключавшіе слѣдующую замѣчательную надпись: «Жирные волы, истощенные голодомъ люди! Жирные волы оставили свои хрустальные дворцы, чтобы откармливать богачей въ ихъ роскошныхъ покояхъ, тогда какъ голодающіе люди гибнутъ и умираютъ въ своихъ жалкихъ конурахъ». Плакаты съ этою зловѣщею надписью постоянно возобновлялись. Едва ихъ успѣвали залѣплять и срывать, какъ тотчасъ-же вмѣсто нихъ наклеивались другіе на томъ-же самомъ или на такомъ-же открытомъ мѣстѣ.... Это напоминаетъ тѣ предзнаменованія, которыя подготовляли французскій народъ къ событіямъ 1789 года. Въ настоящую минуту, когда англійскіе рабочіе умираютъ со своими женами и дѣтьми отъ холода и голода, милліоны англійскихъ денегъ, составляющіе продуктъ англійскаго труда, помѣщаются въ русскіе, испанскіе, итальянскіе и другіе чужеземные займы». (Reynold's Newspaper, 20 January 1867).

со всѣмъ своимъ семействомъ въ задней комнатѣ. въ которой еще оставалась кое-какая мебель и топилась печка. Огонь былъ необходимъ чтобы защитить отъ холода голыя ноги маленькихъ дѣтей, такъ какъ день былъ морозный. Противъ огня на тарелкѣ лежала пакля, которую жена его и дѣти щипали для полученія хлѣба изъ рабочаго дома. Мужъ работалъ на одномъ изъ вышеописанныхъ двориковъ изъ-за билета на хлѣбъ и 3-хъ пенни. Теперь онъ вернулся домой сильно проголодавшись, какъ это онъ сообщилъ намъ съ горькой улыбкой, а обѣдъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ ломтей хлѣба со свинымъ саломъ и одной чашки чая безъ молока... Слѣдующую дверь, въ которую мы постучались, отворила женщина среднихъ лѣтъ и, ни слова не говоря, провела насъ въ заднюю комнату, гдѣ молча сидѣло все ея семейство и смотрѣло на быстро потухавшій огонь. На этихъ лицахъ была написана такая безнадежность, а въ ихъ маленькой комнатѣ было такое запустѣніе, что я не желалъ-бы когда-нибудь въ другой разъ увидать подобную сцену. «Они ничего не заработали, сударь», сказала женщина, показывая на своихъ дѣтей, «ничего, въ продолженіе 26 недѣль; всѣ наши деньги вышли, всѣ деньги, которыя ихъ отецъ и я откладывали въ лучшія времена, мечтая обезпечить себя небольшимъ запасомъ на черные дни... «Вотъ посмотрите!» вскричала она почти дикимъ голосомъ, развертывая сберегательную книжку. Въ ней были аккуратно отмѣчены всѣ внесенныя и взятыя деньги, такъ что мы могли видѣть, какъ началось небольшое состояніе первымъ взносомъ 5 шилл., какъ мало по малу оно доросло до 20 ф. стерл., потомъ опять стало сокращаться съ фунтовъ на шиллинги, до тѣхъ поръ, пока послѣдняя запись въ книгѣ не превратила ее въ простой клочекъ бумаги не имѣющій цѣны. Это семейство получало ежедневно одинъ скудный обѣдъ изъ рабочаго дома... Послѣ этого мы посѣтили жену одного ирландца, работавшаго на корабельныхъ верфяхъ. Мы нашли ее больною отъ недостатка пищи; она лежала на матрацѣ, не раздѣтая, едва прикрывшись обрывкомъ ковра, такъ какъ ея постель была заложена. Несчастныя дѣти ходили за ней, но казалось, что они сами нуждаются въ материнскихъ попеченіяхъ. 19-ти недѣльная праздность довела ее до такого состоянія, и въ то время, когда она разсказывала исторію горькаго прошлаго, она такъ плакала, что казалось, будто пропала всякая надежда на лучшее будущее... Когда мы выходили изъ дома, къ намъ подбѣжалъ молодой человѣкъ и просилъ войти къ нему чтобы посмотрѣть, нельзя-ли помочь ему чѣмъ нибудь. Молодая жена, два хорошенькіе ребенка, куча билетовъ на заложенныя вещи и совершенно пустая комната—вотъ все, что мы увидали».

Вотъ извлеченіе изъ одной торійской газеты о бѣдственныхъ слѣдствіяхъ кризиса 1866 года. Не слѣдуетъ забывать, что восточная часть Лондона, о которой здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ собою не только мѣстожительство вышеупомянутыхъ строителей желѣзныхъ судовъ, но она также переполнена такъ называемыми «домашними рабочими», рабочая плата которыхъ всегда ниже minimum'а средней платы. «Ужасное зрѣлище разыгралось вчера въ одной изъ частей столицы. Хотя тысячи лицъ изъ East-End'а не имѣющихъ работы и не парадировали en masse съ чернымъ знаменемъ, тѣмъ не менѣе потокъ людей былъ довольно внушителенъ. Вспомнимъ, какъ нуждается это населеніе. Оно умираетъ съ голода. Это простой, по вмѣстѣ съ тѣмъ ужасный фактъ. Число его доходитъ до 40.000..... У насъ на глазахъ, въ одной изъ частей нашей чудесной столицы, непосредственно рядомъ съ такимъ накопленіемъ богатствъ, подобнаго которому не видывалъ свѣтъ, рядомъ со всѣмъ этимъ 40,000 человѣкъ безпомощныхъ, умирающихъ съ голода! Эти тысячи бродятъ теперь по другимъ кварталамъ; они, постоянно полуголодные, кричатъ намъ въ уши о своихъ несчастіяхъ, постоянно взываютъ объ этомъ къ небу, они намъ описываютъ свои жалкія жилища, говорятъ, что имъ невозможно найти себѣ работу, а нищенствовать безполезно. Мѣстные жители, подлежащіе налогу для бѣдныхъ, вслѣдствіе требованій прихода, сами близки къ нищенству» (Standard, 5 April, 1866).

Такъ какъ у англійскихъ капиталистовъ въ модѣ изображаетъ Бельгію раемъ для рабочихъ, потому что «свобода труда» или что то-же свобода капитала не испорчена тамъ ни деспотизмомъ рабочихъ союзовъ (Trades' Unios), ни фабричными законами, то скажемъ нѣсколько словъ о «счастьи» бельгійскаго рабочаго.

Конечно врядъ-ли кто нибудь могъ постигнуть лучше тайну этого счастія, чѣмъ покойный Ducpétiaux, бывшій генеральный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ и членъ центральнаго бельгійскаго статистическаго комитета. Возьмемъ его сочиненіе «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique, Bruxelles, 1855». Въ немъ, между прочимъ, можно найти бюджетъ нормальнаго семейства рабочаго. Годовой доходъ и расходъ такого семейства онъ вычислилъ по самымъ точнымъ даннымъ, и затѣмъ условія питанія сравнилъ съ условіями питанія солдатъ, матросовъ и заключенныхъ. Каждое рабочее семейство, въ среднемъ, «состоитъ изъ отца, матери и четырехъ дѣтей». Изъ этихъ шести лицъ «круглый годъ съ пользою могутъ быть употреблены четверо». Предполагается, что «между ними нѣтъ больныхъ и неспособныхъ къ труду», что не дѣлается «расходовъ на религіозныя, умственныя и нравственныя потребности, за исключеніемъ ничтожной суммы за мѣсто въ церкви», что не дѣлается также «вкладовъ въ сберегательныя кассы или въ кассы для призрѣ-

нія престарѣлыхъ, или какихъ-бы то ни было тратъ на предметы роскоши или какіе-нибудь иные излишніе расходы». Однако и отецъ и старшій сынъ позволяютъ себѣ куреніе табаку и посѣщеніе по воскресеніямъ cabaret, на что еженедѣльно идетъ по 86 сантимовъ. «Изъ общей сводки заработковъ рабочихъ разныхъ отраслей промышленности выходитъ... что наивысшая средняя величина дневной рабочей платы будетъ 1 франкъ 56 сант. для мужчины, 89 сант. для женщины, 56 сан. для мальчика и 55 сант. для дѣвочки. Вычисленный по этой нормѣ валовой доходъ всего семейства составитъ maximum 1,068 франковъ въ годъ.... Въ семействѣ, взятомъ за типическое, мы приняли въ расчетъ всевозможные источники дохода. Но, допуская, что мать семейства получаетъ рабочую плату, у насъ возникаетъ вопросъ о томъ, кто-же будетъ вести хозяйство? Кто будетъ наблюдать за порядкомъ въ домѣ? Кто будетъ смотрѣть за маленькими дѣтьми? Кто будетъ стряпать, стирать, штопать. Вотъ дилемма, ежедневно являющаяся передъ рабочими.

Согласно этимъ даннымъ вотъ годовой доходъ семейства:

Отецъ,	работая	300	дней по 1	фр.	56	сант., получаетъ	468 фр.
Мать	»	300	» » 0	»	89	» »	267 »
Сынъ	»	300	» » 0	»	56	» »	168 »
Дочь	»	300	» » 0	»	55	» »	165 »
						Всего	1,068 фр.

Годовой расходъ семейства давалъ-бы дефицитъ, предполагая, что рабочій получитъ пищу:

Матроса	1,828 фр.	Дефицитъ	760 фр.
Солдата	1,473 »	»	405 »
Заключеннаго	1,112 »	»	44 »

«Мы видимъ, что очень мало рабочихъ семействъ могутъ получать пищу не только уже такую, какую получаютъ матросы или солдаты, но хотя-бы такую, какую получаютъ заключенные. Въ среднемъ, содержаніе каждаго заключеннаго за 1847—49 гг. въ Бельгіи обошлось въ 63 сант. въ день. Эта цифра, по сравненію съ дневнымъ поддержаніемъ существованія рабочаго составляетъ разницу въ 13 сан. Затѣмъ надо припомнить, что если въ тюрьмахъ слѣдуетъ прибавить расходъ на администрацію и надзоръ, то, съ другой стороны, заключеннымъ не приходится платить за свое помѣщеніе. Какъ-же поступаетъ большинство рабочихъ, живя при болѣе стѣсненныхъ обстоятельствахъ; какъ они устраиваютъ свою жизнь? Этого они достигаютъ тѣмъ, что прибѣгаютъ къ средствамъ, составляющимъ тайну однихъ рабочихъ: тѣмъ, что урѣзываютъ свою ежедневную порцію; пшеничный хлѣбъ замѣняютъ ржанымъ, мало или вовсе не употребляютъ мяса, также какъ масла и зелени; тѣмъ, что помѣщаютъ все семейство въ одной или двухъ комнатахъ, гдѣ дѣвушки и молодые люди спятъ вмѣстѣ, часто на одномъ и томъ-же мѣшкѣ соломы; тѣмъ, что экономничаютъ на платьѣ, на бѣльѣ, отказываютъ себѣ въ опрятности, въ воскресныхъ удовольствіяхъ и т. п. Когда они дошли до этихъ предѣловъ, то достаточно даже ничтожнаго повышенія цѣнъ жизненныхъ средствъ остановки работы болѣзни и т. п., чтобы сразу бросить ихъ въ ряды нищихъ. Долги накопляются, въ кредитѣ отказываютъ, платье, мебель отправляется въ закладъ, и въ концѣ концовъ семья проситъ вписать ее въ списокъ бѣдныхъ прихода.»[137]) Дѣйствительно, малѣйшее измѣненіе цѣны хлѣба въ этомъ «раю капиталистовъ» вызываетъ измѣненіе числа смертныхъ случаевъ и преступленій! (Смотри «Manifest der Maatschappij: De Vlaemingen Vooruit! Brussel 1860», p. 15, 16) Во всей Бельгіи считается 930,000 семействъ, изъ нихъ по оффиціальной статистикѣ 90,000 богатыхъ (избирателей) состоятъ изъ 450,000 лицъ; 190,000 семействъ мелкаго средняго класса, въ городахъ и деревняхъ, значительная часть которыхъ постоянно переходитъ въ пролетаріевъ, всего 1.950,000 лицъ. Наконецъ 450,000 рабочихъ семействъ всего 2.250,000 лицъ изъ которыхъ образцовыя семейства вкушаютъ счастіе, описанное Ducpétiaux. Изъ 450,000 рабочихъ семействъ болѣе 200,000 находятся въ спискѣ бѣдныхъ!

е) Британскій сельскій пролетаріатъ.

Антагонистическій характеръ капиталистическаго производства и накопленія нигдѣ не проявляется съ большей жестокостью, какъ въ прогрессѣ англійскаго земледѣлія (включая и скотоводство) и упадкѣ англійскаго земледѣльца. Прежде чѣмъ перейти къ его теперешнему положенію, я остановлюсь не на долго на его исторіи. Современное земледѣліе Англіи получило свое начало въ серединѣ XVIII-го столѣтія, хотя преобразованіе поземельныхъ отношеній собственности, которое и послужило основаніемъ для измѣненнаго способа производства, произошло гораздо раньше.

[137]) Ducpétiaux, l. c. p. 151, 154, 155.

Если мы возьмемъ данныя Arthur'а Young'а, точнаго наблюдателя, но поверхностнаго мыслителя, о сельскихъ рабочихъ 1771 года, то увидимъ, что послѣдніе играли очень жалкую роль, сравнительно со своими предшественниками конца XIV-го столѣтія, «когда рабочіе жили въ довольствѣ и могли накоплять богатства» [138]), не говоря уже о XV-мъ столѣтіи, этомъ «золотомъ вѣкѣ англійскаго городского и сельскаго рабочаго». Однако намъ нѣтъ надобности заходить такъ далеко назадъ. Въ одномъ сочиненіи, 1777 года, очень богатомъ содержаніемъ, читаемъ: «Крупный арендаторъ почти поднялся до уровня джентльмена, тогда какъ бѣдный сельскій рабочій почти совсѣмъ опустился... Несчастное его положеніе особенно ярко выступаетъ при сравненіи современнаго его состоянія съ тѣмъ, какимъ оно было 40 лѣтъ тому назадъ... Поземельный собственникъ и арендаторъ... дѣйствуютъ рука объ руку для притѣсненія рабочаго» [139]). Затѣмъ авторъ подробно доказываетъ, что дѣйствительная рабочая плата въ Англіи съ 1737 по 1777 г. понизилась почти на 1/4 или на 25%. «Новѣйшая политика», писалъ также Dr. Richard Price около того-же времени, «благопріятствуетъ высшимъ сословіямъ; слѣдствіемъ этого будетъ то, что рано или поздно все королевство будетъ состоять только изъ джентльменовъ и нищихъ, изъ знатныхъ и рабовъ» [140]).

Тѣмъ не менѣе положеніе англійскаго сельскаго рабочаго 1770—1780 годовъ, что касается его пищи и жилища, точно также какъ развитія чувства собственнаго достоинства, количества удовольствій и т. д., представляетъ идеалъ, до котораго впослѣдствіи ему никогда не удавалось достигнуть. Средняя рабочая плата, выраженная въ пинтахъ пшеницы, въ 1770—1771 годахъ равнялась 90 пинтамъ; во времена Eden'а (1797 г.) она доходила только до 65, а въ 1808 г. всего до 60 [141]).

Положеніе сельскаго рабочаго въ исходѣ антиякобинской войны, во время которой такъ необыкновенно сильно нажились поземельная аристократія, арендаторы, фабриканты, купцы, банкиры, рыцари биржи, поставщики для армій и т. п., было уже описано выше. Номинальная рабочая плата поднялась, частью вслѣдствіе обезцѣненія банковыхъ билетовъ, частью отъ повышенія цѣнъ на необходимѣйшія средства существованія, независимо отъ такого обезцѣненія банковыхъ билетовъ. Дѣйствительное-же движеніе рабочей платы указать крайне легко, не прибѣгая даже къ подробностямъ. Законы о бѣдныхъ и относящаяся къ нимъ администрація въ 1795 и въ 1814 были тѣ-же самыя. Мы помнимъ, что въ Англіи эти законы примѣнялись такимъ образомъ, что разница между тою платой, которую получалъ рабочій и тѣмъ минимумомъ денежной суммы, какая необходима для простого его прозябанія, добавлялась приходомъ, въ видѣ вспомоществованія. Отношеніе между рабочей платой, платимой арендаторомъ, и дефицитомъ этой платы, пополняемымъ приходомъ, указываетъ намъ, во-первыхъ, на пониженіе рабочей платы ниже ея minimum'а; во-вторыхъ, на степень, въ какой сельскій рабочій слагался изъ наемнаго рабочаго и нищаго, или степень, въ какой онъ становился крѣпостнымъ своего прихода. Мы беремъ графство, представляющее среднее отношеніе для всѣхъ другихъ графствъ. Въ Нортгэмптонширѣ средняя еженедѣльная плата въ 1795 г. достигла 7 шилл. 6 пенс., годовая сумма расходовъ семейства изъ 6 человѣкъ составляла 36 ф. стерл. 12 шилл. 5 пенс.; общій-же ихъ доходъ былъ 29 ф. стерл. 18 шилл.; дефицитъ, покрываемый приходомъ, равнялся 6 ф. стерл. 14 шилл. 5 пенс. Въ томъ-же графствѣ въ 1814 г. еженедѣльная плата достигла 12 шилл. 2 пенс., сумма ежегодныхъ расходовъ семейства, состоящаго изъ 5 лицъ, равнялась 54 ф. стерл. 18 шилл. 4 пенс., сумма ихъ доходовъ была 36 ф. стерл. 2 шилл., дефицитъ, покрываемый приходомъ, составлялъ 18 ф. стерл. 6 шилл. 4 пенс. [142]). Въ 1795 г. дефицитъ былъ менѣе 1/4 рабочей платы, а въ 1814 г. болѣе половины. Очевидно, что въ 1814 г. должны были исчезнуть тѣ небольшія удобства, которыя можно было еще найти въ коттэджахъ сельскихъ рабочихъ во времена Eden'а [143]). Изъ всѣхъ животныхъ, употребляемыхъ фермеромъ, рабочаго, этого instrumentum vocale, стали наиболѣе угнетать, хуже всѣхъ кормить и грубѣе всего обращаться.

Такое положеніе вещей спокойно существовало до тѣхъ поръ, пока «бунты 1830 г. не

[138]) James E. Th. Rogers (Professor of Political Economy in the University of Oxford): «A History of Agriculture and Prices in England. Oxford 1866», v. I, p. 690. Это тщательно обработанное сочиненіе, въ двухъ первыхъ вышедшихъ до сихъ поръ томахъ, заключаетъ только періодъ отъ 1259 до 1400 года. Второй томъ содержитъ только статистическіе матеріалы. Это первая достовѣрная «History of Prices» (исторія цѣнъ), которую мы имѣемъ за то время.

[139]) «Reasons for the late Increase of the Poorlaws; or, a comparative view of the price of labour and provisions. London 1777», p. 5, 11.

[140]) Dr. Richard Price: «Observations on Reversionary Payments», 6 ed. By W. Morgan. London 1805, v. II, p. 158, 159. На стр. 159, Dr. Price замѣчаетъ: «Номинальная цѣна дневного труда въ настоящее время по меньшей мѣрѣ въ 4 раза, или даже 5 разъ выше нежели въ 1514 году. Цѣна-же хлѣба увеличилась въ семь разъ, мяса и одежды—въ 15 разъ. Слѣдовательно, цѣна труда не только не повышалась пропорціонально возрастанію необходимыхъ расходовъ, но даже, по отношенію къ этимъ расходамъ, теперь она, повидимому, не составляетъ и половины той рабочей платы, какая была прежде».

[141]) Barton l. c. p. 26. Что-же касается до конца XVIII столѣтія, то сравн. Eden l. c.

[142]) Parry l. c. p. 86.

[143]) id p. 213.

открыли намъ (т.-е. господствующимъ классамъ), при свѣтѣ горящихъ хлѣбныхъ скирдъ, что подъ поверхностью земледѣльческой Англіи скрывается такая-же нищета и мрачное мятежное недовольство, какъ и подъ поверхностью Англіи промышленной» [144]). Въ то время Sadler въ нижнемъ парламентѣ окрестилъ сельскихъ рабочихъ названіемъ «бѣлыхъ рабовъ» (white slaves»), одинъ епископъ повторилъ этотъ эпитетъ и въ палатѣ лордовъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ экономистовъ того времени, E. G. Wakefield, говоритъ: «сельскій рабочій южной Англіи... не рабъ, но и не свободный человѣкъ, онъ — нищій [145]).

Непосредственно передъ отмѣною хлѣбныхъ законовъ былъ пролитъ новый свѣтъ на положеніе сельскихъ рабочихъ. Съ одной стороны, разумѣется было въ интересѣ буржуазіи, агитировавшей противъ хлѣбныхъ законовъ, доказать, какъ мало защищаютъ эти охранительные законы дѣйствительныхъ производителей хлѣба. Съ другой стороны, промышленная буржуазія съ пѣной у рта злилась на обличеніе состоянія фабрикъ со стороны поземельной аристократіи, на притворную симпатію этихъ до мозга костей испорченныхъ безсердечныхъ праздношатающихся къ страданіямъ фабричнаго рабочаго, и на ихъ «дипломатическое» усердіе къ фабричнымъ законамъ. Есть одна старая англійская поговорка, которая говоритъ, что если два вора вцѣпятся другъ другу въ волосы, честные люди всегда остаются въ выигрышѣ. И дѣйствительно, шумный, горячій споръ между двумя фракціями господствующихъ классовъ о томъ, какая изъ нихъ безсовѣстнѣе эксплуатируетъ рабочаго, помогъ открытію истины. Графъ Shaftesbury, въ то время лордъ Ashley, стоялъ во главѣ филантропическаго похода аристократовъ противъ фабрикъ. Поэтому онъ самъ въ 1844—1845 годахъ былъ любимою тэмою Morning Chronicle каждый разъ, какъ только затрогивался вопросъ о жалкомъ положеніи сельскихъ рабочихъ. Эта газета, самый вліятельный въ то время либеральный органъ, посылала собственныхъ коммиссаровъ въ земледѣльческіе округа, и коммиссары эти не ограничивались общимъ описаніемъ и статистикой, но печатали даже имена тѣхъ семействъ рабочихъ, положеніе которыхъ они изслѣдовали, равно какъ и имена ихъ лэндлордовъ. Въ слѣдующей таблицѣ показана рабочая плата, получаемая жителями трехъ деревень по сосѣдству Blanford, Wimbourne и Poole. Деревни эти принадлежатъ господину G. Bankes и графу Шэфтсбэри (Shaftesbury). Читатель увидитъ изъ таблицы, что этотъ папа «низшей церкви» (low church), эта глава англійскихъ піэтистовъ, какъ и господинъ Bankes подъ предлогомъ домовой ренты (платы за помѣщенія) удерживали еще значительную часть ничтожнаго заработка своихъ батраковъ.

Первая деревня.

a) Число дѣтей.	b) Число членовъ семейства.	c) Недѣльная рабочая плата мужчинъ.	d) Недѣльная рабочая плата дѣтей.	e) Общій недѣльный доходъ всего семейства.	f) Недѣльная плата за наемъ помѣщенія.	g) Общій недѣльный доходъ за вычетомъ платы за наемъ помѣщенія.	h) Недѣльная плата на каждаго.
2	4	8 ш.		8 шил.	2 шил.	6 шил.	1 шил. 6 п.
3	5	8 »		8 »	1 » 6 п.	6 » 6 п.	1 » $3^1/_2$ »
2	4	8 »		8 »	1 »	7 »	1 » 9 »
2	4	8 »		8 »	1 »	7 »	1 » 9 »
6	8	7 »	2 шил. 6 п.	10 » 6 п.	2 »	8 » 6 п.	1 » $0^2/_4$ »
3	5	7 »	2 » — »	8 » 2 »	1 » 4 п.	6 » 10 »	1 » $1^1/_2$ »

Вторая деревня.

6	8	7 ш.	2 шил. 6 п.	10 шил.	1 шил. 6 п.	8 шил. 6 п.	1 шил. $0^3/_4$ п.
6	8	7 »	2 » 6 п.	7 »	1 » $3^1/_2$ »	5 » $8^1/_2$ »	0 » $8^1/_2$ »
8	10	7 »		7 »	1 » $3^1/_2$ »	5 » $8^1/_2$ »	0 » 7 »
4	6	7 »		7 »	1 » $6^1/_2$ »	5 » $5^1/_2$ »	0 » 11 »
3	5	7 »		7 »	1 » $6^1/_2$ »	5 » $5^1/_2$ »	1 » 1 »

Третья деревня.

4	6	7 ш.	3 шил.	7 шил.	1 шил.	6 шил.	1 шил.
3	5	7 »	3 » 6 п.	11 » 6 п.	0 » 10 п.	10 » 8 п.	2 » $1^1/_2$ п.
0	2	5 »	3 » 6 »	5 »	1 »	4 »	2 » [146]).

[144]) S. Laing l. c. p. 62.

[145]) «England and America. Lond. 1833», v. p. 290. I, p. 47.

[146]) London «Economist», 29 марта 1854 года,

Отмѣной хлѣбныхъ законовъ англійскому земледѣлію былъ данъ новый чрезвычайно сильный толчокъ. Эта эпоха вообще характеризуется введеніемъ дренажа въ широкихъ размѣрахъ [147]), новой системой стойловаго кормленія скота и искусственнаго разведенія кормовыхъ травъ, введеніемъ механическихъ аппаратовъ для удобренія, новымъ способомъ обработки глинистой почвы, усиленнымъ употребленіемъ минеральныхъ удобреній, примѣненіемъ паровыхъ и всякаго рода другихъ новыхъ машинъ и т. п., словомъ вообще болѣе интенсивной обработкой. Президентъ королевскаго общества земледѣлія, Pusey, утверждаетъ, что (относительныя) хозяйственныя издержки, благодаря введенію новыхъ машинъ, понизились почти на половину. Съ другой стороны, абсолютная урожайность быстро возросла. Основнымъ условіемъ новаго способа была бо́льшая затрата капитала на каждый акръ земли, слѣдовательно, и болѣе быстрое сосредоточеніе арендъ въ меньшемъ числѣ рукъ[148]). Въ то-же время количество запашки увеличилось съ 1846 по 1856 г. на 464,119 акровъ, не считая большихъ пространствъ въ восточныхъ графствахъ, которыя изъ загородей для кроликовъ и скудныхъ пастбищъ для скота обратились въ роскошныя хлѣбныя поля. Мы уже знаемъ, что въ то же время общее число лицъ, занимавшихся земледѣліемъ, понизилось. Что-же касается собственно земледѣльцевъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, то число ихъ, бывшее въ 1851 г.— 1.241;269, въ 1861 году понизилось до 1.163,217 [149]). Если, поэтому, англійскій general registrator вполнѣ вѣрно замѣчаетъ: «Возрастаніе числа арендаторовъ и сельскихъ рабочихъ съ 1801 г. вовсе не соотвѣтствуетъ возрастанію количества земледѣльческихъ продуктовъ» [150]), то эта несоразмѣрность еще болѣе бросается въ глаза въ послѣднемъ періодѣ, когда абсолютная убыль сельскаго населенія шла рука объ руку съ расширеніемъ обработываемаго пространства, большимъ развитіемъ культуры, небывалымъ накопленіемъ капитала, вложеннаго въ землю и ея обработку, увеличеніемъ земледѣльческихъ продуктовъ, не имѣющимъ себѣ равнаго въ исторіи англійской агрономіи, возрастаніемъ ренты землевладѣльцевъ и обогащеніемъ капиталистическихъ арендаторовъ. Если присоединить къ этому непрерывное и быстрое расширеніе городского рынка для сельскихъ продуктовъ и господство свободной торговли, то можно подумать, что сельскій рабочій поставленъ наконецъ въ такія условія, которыя должны сдѣлать его secundum artem въ высшей степени счастливымъ.

Вмѣсто того, профессоръ Rogers приходитъ къ заключенію, что положеніе теперешнихъ сельскихъ рабочихъ, не только въ сравненіи съ ихъ предшественниками въ XIV и XV столѣтіяхъ, но даже въ сравненіи съ ихъ предшественниками періода 1770—1780 годовъ,—чрезвычайно ухудшилось, что «они опять стали крѣпостными» и притомъ такими, которые и живутъ, и ѣдятъ хуже [151]).

Въ своемъ замѣчательномъ «Отчетѣ о жилищахъ сельскихъ рабочихъ», Dr. Julian Hunter говоритъ: «Издержки на существованіе hind'а (названіе сельскихъ рабочихъ, которое сохранилось еще со времени крѣпостнаго права) составляютъ наименьшую сумму, на какую онъ только можетъ жить... его рабочая плата и его кровъ совсѣмъ несоразмѣрны съ той прибылью, какая изъ него извлекается. Въ счетахъ арендатора они равны нулю» [152]). «Средства его существованія всегда разсматриваются, какъ величина постоянная» [153]). «Что-же касается дальнѣйшаго сокращенія его дохода, то онъ можетъ сказать nihil habeo, nihil curo (ничего не имѣю, ни о чемъ не забочусь). Онъ не боится будущности, потому что располагаетъ только тѣмъ, что безусловно необходимо для его существованія. Онъ достигъ точки замерзанія, отъ которой исходятъ всѣ вычисленія арендатора. Что-бы ни слу-

---

[147]) Поземельная аристократія сама ссудила себя фондомъ изъ государственной казны, разумѣется чрезъ Парламентъ, за весьма низкій процентъ, который арендаторы должны были ей уплатить вдвойнѣ.

[148]) Пониженіе числа арендаторовъ средней руки видно изъ рубрики переписи: «Сыновья арендаторовъ, ихъ внуки, братья, племянники, дочери, внучки, сестры, племянницы», словомъ члены семейства самого арендатора, работающіе у него. По этой рубрикѣ въ 1851 году было 216,851 человѣкъ, а въ 1861 году только 176,151 человѣкъ. Съ 1851 до 1871 года число арендованныхъ участковъ меньше 20 акровъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 900; число участковъ отъ 50 до 75 акровъ съ 8,253 упало до 6,370; то-же самое относится до участковъ меньше 100 акровъ. Наоборотъ, за тѣ-же 20 лѣтъ число крупныхъ арендъ увеличилось: аренды отъ 300 до 500 акровъ съ 7,771 увеличилось до 8,410; выше 500 акровъ—съ 2,755 до 3,914; выше 1,000 акровъ— съ 92 до 582.

[149]) Число пастуховъ овецъ увеличилось съ 12,517 до 25,559.

[150]) Census etc. l. c. p. 36.

[151]) Rogers l. c. p. 693. «The peasant has again become a serf" l. c. p. 10. Роджерсъ принадлежитъ къ либеральной школѣ; онъ личный другъ Кобдена и Брайта, слѣдовательно не laudator temporis acti (хвалитель старины).

[152]) «Public Health. Seventh Report. London 1864», p. 242. «The cost of the hind is fixed at the lowest possible amount on which he can live... the supplies of wages or shelter are not calculated on the profit to be derived from him. He is a zero in farming calculations». Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если домовладѣлецъ повышаетъ плату за наемъ, разъ онъ узнаетъ, что рабочій получаетъ нѣсколько больше, или если арендаторъ понижаетъ ему рабочую плату, «потому что его жена нашла себѣ работу» (l. c.).

[153]) l. c. p. 135.

чилось, счастіе или несчастіе, до него это не касается» [154]).

Въ 1863 г. было предпринято оффиціальное изслѣдованіе о продовольствіи и занятіяхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ каторжной работѣ. Результаты этихъ изслѣдованій помѣщены въ двухъ толстыхъ Синихъ Книгахъ: «Тщательныя сличенія», говорится тамъ между прочимъ, «пищи преступниковъ въ англійскихъ тюрьмахъ, съ пищею бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ и пищею свободныхъ сельскихъ рабочихъ, безспорно доказываютъ, что первые ѣдятъ гораздо лучше двухъ остальныхъ классовъ» [155]), между тѣмъ, какъ «количество труда, требуемое отъ каторжнаго, составляетъ приблизительно половину той работы, которую выполняетъ обыкновенный сельскій рабочій» [156]). Вотъ нѣсколько характерныхъ свидѣтельскихъ показаній. John Smith, директоръ Эдинбургской тюрьмы, показываетъ, № 5056: «Пища въ англійскихъ тюрьмахъ несравненно лучше пищи обыкновенныхъ сельскихъ рабочихъ». № 5075: «Извѣстно, что обыкновенные сельскіе рабочіе Шотландіи очень рѣдко ѣдятъ какое-бы то ни было мясо». № 3047: «Извѣстно-ли вамъ какое-нибудь основаніе, почему слѣдовало-бы кормить преступниковъ гораздо лучше (much better), чѣмъ простыхъ сельскихъ рабочихъ?—Конечно, нѣтъ». № 3048: «Признаете-ли вы необходимымъ продолжить дальнѣйшіе опыты для выясненія, нельзя-ли приблизить пищу преступниковъ, осужденныхъ на каторжныя работы, къ пищѣ свободныхъ сельскихъ работниковъ»? [157]). «Сельскій работникъ», читаемъ тамъ-же, «могъ-бы сказать: я работаю много, а пищи получаю мало. Когда-же я былъ въ тюрьмѣ, я работалъ гораздо меньше и всегда былъ сытъ, поэтому для меня лучше быть въ тюрьмѣ, чѣмъ на волѣ» [158]). Изъ таблицъ, приложенныхъ къ первому тому отчета, можно составить слѣдующій сравнительный обзоръ.

Недѣльное количество пищи. [158a]).

	Составныя части, содержащія азотъ.	Безазотныя составныя части.	Минеральныя составныя части.	Общій итогъ.
	Унцій.			
Преступника портландской тюрьмы	28,95	150,06	4,68	183,69
Матроса королевскаго флота .	29.63	152,91	4,51	187,06
Солдата	25,55	114,49	3,94	143,98
Каретника (рабочій)	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика	21,24	100,83	3,12	125,19
Сельскаго рабочаго	17,73	118,06	3,29	139,08

Общіе выводы врачебной коммиссіи 1863 г. для изслѣдованія состоянія пищи тѣхъ классовъ народа, которые питаются хуже всѣхъ, читателю уже извѣстны,—онъ помнитъ, что большая часть семействъ сельскихъ рабочихъ довольствуется количествомъ пищи ниже minimum'а, необходимаго «для предотвращенія болѣзней отъ голода». Это происходитъ именно въ чисто земледѣльческихъ округахъ Корнуэля, Дэвона, Сомерсета, Уильтса, Стаффорда, Оксфорда, Беркса и Гертса. «Пища, получаемая самимъ сельскимъ рабочимъ», говоритъ Dr. Simon, «больше той, какая соотвѣтствуетъ среднему количеству, такъ какъ онъ получаетъ гораздо большую часть питательныхъ веществъ, — что необходимо при большемъ трудѣ его, — чѣмъ всѣ остальные члены его семейства; въ бѣднѣйшихъ округахъ почти все мясо и жиръ приходятся на его долю... Количество пищи, какое приходится на долю его жены, а также дѣтей въ періодъ сильнѣйшаго ихъ роста, во многихъ случаяхъ, и притомъ почти во всѣхъ графствахъ, недостаточно, особенно мало азотистой пищи» [159]). Батраки и работницы, живущіе у самихъ арендаторовъ, получаютъ достаточное количество пищи. Число ихъ съ 288,277 въ 1851 г.—понизилось въ 1861 г. до 204,962. «Хотя полевой трудъ женщинъ», говоритъ Dr. Smith, «и имѣетъ различныя дурныя стороны, но при теперешнихъ условіяхъ онъ приноситъ громадную пользу семейству тѣмъ... что онъ доставляетъ средства для покупки обуви, одежды, уплаты за наемъ жилья, и этимъ даетъ возможность лучше питаться» [160]). Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ результатовъ этого изслѣдованія было открытіе того, что сельскій рабо-

[154]) l. c. p. 134.

[155]) «Reports of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude. London 1863», v. I, n. 42, 50.

[156]) l. c. p. 77. «Memorandum by the Lord Chief Justice».

[157]) l. c. v. II. Evidence.

[158]) l. c. v. I Appendix, p. 280.

[158a]) l. c. p. 274. 275.

[159]) «Public Health. Sixth Report 1863». p. 238, 249, 261, 262.

[160]) l. c. p. 262.

чій Англіи ѣстъ гораздо хуже въ сравненіи съ рабочими другихъ частей Соединеннаго Королевства («is considerably the worst fed»), что видно изъ слѣдующей таблицы.

Недѣльное потребленіе углерода и азота среднимъ сельскимъ взрослымъ рабочимъ.

	Грановъ углерода.	Грановъ азота.
Англія	40,673	1,594
Уэльсъ	48,354	2,031
Шотландія	48,980	2,348
Ирландія	43,366	2,439[161]).

«Каждая страница отчета Dr. Hunter'a», говоритъ Dr. Simon въ своемъ оффиціальномъ санитарномъ отчетѣ, «свидѣтельствуетъ о недостаточномъ количествѣ и жалкомъ качествѣ жилищъ нашихъ сельскихъ рабочихъ. И въ этомъ отношеніи положеніе ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ прогрессивно ухудшалось. Для нихъ въ настоящее время гораздо труднѣе найти помѣщеніе для жнлья, а если они его и приищутъ, то оно гораздо менѣе соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ, чѣмъ это было можетъ быть нѣсколько столѣтій тому назадъ. Это зло особенно быстро возрастаетъ въ послѣдніе 30—20 лѣтъ, и условія жизни землевладѣльцевъ въ настоящее время въ высшей степени жалки. За исключеніемъ случаевъ когда тѣ, которыхъ обогащаетъ трудъ земледѣльца, считаютъ нужнымъ обращаться съ нимъ съ нѣкоторою снисходительностью, онъ дѣлается совершенно безпомощнымъ. Найдетъ-ли онъ себѣ жилище на землѣ, которую обработываетъ, или нѣтъ, будетъ-ли оно годно для помѣщенія человѣка или для свиней, будетъ-ли при немъ огородъ, который такъ облегчаетъ бѣдность, или не будетъ его—все это зависитъ не отъ его готовности и возможности платить соразмѣрную цѣну за наемъ, но отъ того употребленія, какое вздумаютъ дать другіе своему «праву располагать своею собственностью по своему желанію». Какъ бы велика ни была ферма, законъ не принуждаетъ имѣть на ней извѣстное число рабочихъ жилищъ и притомъ совершенно приличныхъ; законъ не предоставляетъ рабочему также никакого права на ту землю, для которой трудъ его столь-же необходимъ, какъ дождь и солнечные лучи. Еще одно важное обстоятельство является къ его невыгодѣ... давленіе закона о бѣдныхъ съ

[161]) l. c. p. 17. Сельскій рабочій Англіи получаетъ только $^1/_4$ того количества молока и $^1/_2$ того количества хлѣба, какое получаетъ сельскій рабочій Ирландіи. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія A. Young замѣтилъ въ своей «Tour through Ireland», что пища послѣдняго лучше. Причина этого та, что бѣдный ирландскій арендаторъ несравненно гуманнѣе богатаго англійскаго. Данныя приведенной таблицы, относящіяся къ Уэльсу, дѣйствительны только для югозападной его части. «Всѣ тамошніе врачи единогласно утверждаютъ, что увеличеніе процента смертности отъ чахотки, золотухи и т. п. находится въ связи съ ухудшеніемъ физическихъ условій жизни населенія и всѣ приписываютъ это ухудшеніе — бѣдности. Дневное содержаніе сельскаго рабочаго ограничивается тамъ 5 пенс.; во многихъ округахъ арендаторъ (бѣдствующій самъ) платитъ еще меньше. Немного солонины, сухой какъ дерево и которую желудокъ едва-ли въ состояніи переварить, или сала, составляютъ приправу къ громадному количеству похлебки изъ муки и луку, или къ овсяной кашѣ; и это кушанье составляетъ ежедневный обѣдъ сельскаго рабочаго.... Прогрессъ промышленности имѣлъ для него слѣдствіемъ лишь то, что въ этомъ холодномъ и сыромъ климатѣ, толстый холстъ домашняго издѣлья былъ вытѣсненъ болѣе дешевыми хлопчатобумажными тканями, а болѣе крѣпкіе напитки «такъ называемымъ» чаемъ... Пробывъ нѣсколько часовъ подрядъ подъ дождемъ и вѣтромъ, рабочій возвращается въ свой коттэджъ, чтобы присѣсть къ огню, который даетъ ему торфъ или топливо, состоящее изъ мелкаго каменнаго угля, слѣпленнаго посредствомъ глины въ комья; отъ горѣнья этой смѣси жилье его наполняется облаками угольной и сѣрнистой кислоты. Стѣны хижинъ состоятъ изъ глины и камней; вмѣсто пола голая земля, бывшая тамъ до постройки хижины; крыша соломенная. Всякая щель заткнута для сохраненія тепла; и въ этой-то адской вони, въ грязи, часто высушивая на собственныхъ плечахъ единственное свое платье, ужинаетъ онъ со своей женой и дѣтьми, здѣсь-же они и спятъ. Повивальныя бабки, принужденныя проводить иногда часть ночи въ этихъ лачугахъ, разсказывали, какъ ноги ихъ вязли въ грязи и какъ онѣ бывали принуждены,— работа довольно легкая!—продѣлывать въ стѣнѣ дыру, чтобы имѣть возможность слегка подышать чистымъ воздухомъ. Безчисленные свидѣтели различныхъ сословій показываютъ, что голодающіе (underfed) крестьяне подвержены ночью этимъ и другимъ подобнымъ условіямъ, вреднымъ для здоровья; нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что результатомъ всего этого является слабосильный и золотушный народъ... Сообщенія чиновниковъ комитетовъ попеченія о бѣдныхъ Кармартеншира и Кардиганшира указываютъ на такое-же положеніе вещей. Еще худшее зло заключается въ распространеніи идіотизма. Наконецъ прибавьте сюда климатическія условія. Сильные югозападные вѣтры дуютъ во всей странѣ въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ въ году и какъ слѣдствіе ихъ — проливные дожди, которые разражаются обыкновенно на западныхъ склонахъ холмовъ. Деревьевъ мало, за исключеніемъ закрытыхъ мѣстъ; тамъ же гдѣ они ничѣмъ не защищены, вѣтеръ не даетъ имъ рости. Лачуги лѣпятся по какой-нибудь отлогости горы, часто также въ оврагахъ и каменоломняхъ и только мелкія овцы и туземный рогатый скотъ могутъ пастись на лугахъ.... Молодежь отправляется на заработки въ рудники восточныхъ горныхъ округовъ Гламоргана и Монмауса.. Кармартенширъ есть разсадникъ рудокоповъ и, въ то-же время, ихъ инвалидный домъ... Численность населенія поддерживается только съ трудомъ.... Вотъ напримѣръ цифры для Кардиганшира:

	въ 1851 г.	въ 1861 г.
мужского пола	45,155	44,446
женскаго пола	52,459	52,955
Итого	97,614	97,401»

(Dr. Hunter's Report въ «Public Health. Seventh Report 1864. «London 1865, p. 498—502 passim).

его опредѣленіями о мѣстѣ жительства и налогомъ въ пользу бѣдныхъ [162]). Вслѣдствіе этого налога каждый приходъ имѣетъ прямой денежный интересъ уменьшать до minimum'а число живущихъ въ немъ сельскихъ рабочихъ, такъ какъ, къ несчастью, сельскій трудъ, вмѣсто того, чтобы прочно и надолго обезпечивать независимость рабочаго, трудящагося въ потѣ лица и его семейства, большею частью представляетъ только путь, ведущій рано или поздно къ случайному нищенству, которое постоянно такъ близко, что каждая болѣзнь или какой-нибудь временный недостатокъ работы тотчасъ-же заставляетъ обращаться къ приходской помощи; поэтому, очевидно, что присутствіе земледѣльческаго населенія въ приходѣ ведетъ обыкновенно къ увеличенію налога для бѣдныхъ... Крупнымъ землевладѣльцамъ [163]) стоитъ только рѣшить, чтобы въ ихъ помѣстьяхъ не было никакихъ жилищъ для рабочихъ и они тотчасъ освобождаются отъ половины своей отвѣтственности за бѣдныхъ. Насколько англійская конституція и законы допускаютъ такого рода безусловную поземельную собственность, которая даетъ возможность лэндлорду «поступать со своимъ добромъ, какъ онъ пожелаетъ», а съ рабочими позволяетъ обращаться, какъ съ какими-нибудь посторонними, которыхъ можно гнать изъ своихъ владѣній, все это такіе вопросы, разработка которыхъ не входитъ въ предѣлы моего отчета... Это право изгнанія существуетъ не въ одной только теоріи. Оно осуществляется фактически въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Это одно изъ условій, вліяющихъ на состояніе жилищъ сельскихъ рабочихъ... О размѣрѣ этого зла можно судить по послѣдней переписи, изъ которой видно, что число сломанныхъ домовъ, несмотря на возросшій мѣстный запросъ на нихъ въ послѣднія 10 лѣтъ, въ 821 различномъ округѣ Англіи, постоянно увеличивалось, такъ что въ 1861 году населеніе, увеличившееся сравнительно съ 1851 г. на $^1/_3$%, принуждено было тѣсниться въ помѣщеніяхъ, уменьшившихся на $4^1/_2$%, не говоря уже о томъ, что многимъ пришлось жить не въ тѣхъ приходахъ, гдѣ работали... Разъ процессъ обезлюденія достигъ своей цѣли, то являются, говоритъ Dr. Hunter, показныя деревни, (show-village), гдѣ число коттэджей сокращено до самаго незначительнаго количества, и гдѣ никто не смѣетъ жить, кромѣ пастуховъ овецъ, садовниковъ и сторожей дичи—обыкновенная прислуга, которая пользуется со стороны хозяевъ хорошимъ обращеніемъ, обычнымъ для этого класса [164]). Но земля все-таки должна быть обработана, и мы видимъ, что обрабатывающіе ее не имѣютъ своего жилища во владѣніяхъ поземельнаго собственника, а приходятъ изъ открытой деревни, отстоящей можетъ быть въ 3-хъ миляхъ, гдѣ многочисленные мелкіе домовладѣльцы приняли ихъ, послѣ того, какъ ихъ коттэджи были сломаны въ закрытыхъ деревняхъ. По мѣрѣ того какъ дѣла приближаются къ этому результату, коттэджи большею частью свидѣтельствуютъ самымъ видомъ своимъ о судьбѣ, на которую они обречены. Они находятся тогда во всѣхъ степеняхъ естественнаго разрушенія. До тѣхъ поръ, пока крыша еще держится, рабочему позволяютъ платить за помѣщеніе ренту, и часто онъ очень радъ этому позволенію даже и въ томъ случаѣ, когда принужденъ платить за него цѣну какъ за хорошее жилище. Но при этомъ не дѣлается никакихъ поправокъ, никакихъ улучшеній, кромѣ тѣхъ, какія можетъ сдѣлать самъ жилецъ, не имѣющій гроша въ карманѣ. Когда-же наконецъ жить въ немъ становится совершенно невозможно, то дѣлается только однимъ разрушеннымъ коттэджемъ болѣе, а цифра налога для бѣдныхъ на будущее время становится менѣе. Тогда какъ крупные собственники сбрасываютъ со своей шеи налогъ для бѣдныхъ, посредствомъ обезлюденія принадлежащихъ имъ земель, ближайшія села и открытыя мѣстности принимаютъ лишенныхъ крова рабочихъ: «ближайшія», говорю я, но эти «ближайшія» могутъ находиться въ 3—4 миляхъ отъ той фермы, гдѣ рабочій ежедневно работаетъ. Такимъ образомъ, къ его дневному труду прибавляется еще какъ какая-нибудь бездѣлица необходимость совершать ежедневныя прогулки отъ 6 до 8 миль, чтобы добыть свой насущный хлѣбъ. Всѣ сельскія работы его жены и дѣтей происходятъ теперь при столь-же тягостныхъ условіяхъ. Но это еще не все зло, причиняемое ему удаленіемъ отъ мѣста работы. Въ открытыхъ деревняхъ спекулянты покупаютъ клочки земли и застраи-

[162]) Въ 1865 году этотъ законъ нѣсколько улучшенъ. Скоро опытомъ узнаютъ, что подобныя бездѣлицы никакой пользы не приносятъ.

[163]) Чтобы понять послѣдующее, читатель долженъ знать, что close villages (закрытыми деревнями) называются такія, которыя принадлежатъ одному или двумъ крупнымъ лэндлордамъ. Open villages (открытыми деревнями) тѣ, земля которыхъ принадлежитъ многимъ мелкимъ землевладѣльцамъ. Послѣднія и служатъ пристанищемъ для спекуляторовъ, гдѣ они могутъ строить коттэджи и жилища.

[164]) Такая показная деревня имѣетъ весьма чистый, приличный видъ; но реальнаго въ ней также мало, какъ и въ тѣхъ деревняхъ, которыя видѣла на своемъ пути въ Крымъ Екатерина II. Въ послѣднее время зачастую выгоняютъ и пастуховъ овецъ изъ такихъ show-villages. Такъ напримѣръ при Market Harborough находится пастбище для овецъ, занимающее около 500 акровъ и требующее труда только одного человѣка. Для сокращенія длинныхъ переходовъ по этому обширному пространству, состоящему изъ прекрасныхъ лейстерскихъ и нортгэмптонскихъ луговъ, пастуху обыкновенно давался коттэджъ въ усадьбѣ. Теперь онъ получаетъ тринадцатый шиллингъ на жилище, которое ему приходится отыскать въ какой-нибудь отдаленной открытой деревнѣ.

ваютъ ихъ такъ тѣсно, какъ только можно, самыми дешевѣйшими лачугами И въ этихъ-то жилищахъ, которыя—даже и въ томъ случаѣ, когда выходятъ на открытыя мѣста,—носятъ на себѣ всѣ безобразныя и характерныя черты самыхъ скверныхъ городскихъ жилищъ, скучены сельскіе рабочіе Англіи [165])... Но, съ другой стороны, вовсе не слѣдуетъ воображать, что рабочій, поселенный на той землѣ, которую обработываетъ, имѣетъ такое жилище, какого заслуживаетъ его производительная жизнь. Даже въ самыхъ аристократическихъ помѣстьяхъ его коттэджъ часто бываетъ очень жалкаго свойства. Есть такіе лэндлорды, которые считаютъ конюшню вполнѣ удовлетворительнымъ помѣщеніемъ для своихъ рабочихъ и ихъ семействъ, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, не гнушаются брать за наемъ по возможности больше [166]). Можетъ случиться, что это совершенно разрушенная лачуга, съ одною только комнатою для спанья, безъ печки, безъ отхожаго мѣста, безъ открывающихся оконъ, съ какимъ-нибудь рвомъ для снабженія водою, наконецъ безъ огорода, и противъ всего этого рабочій безсиленъ. А наши санитарные законы («The Nuisances Removal Acts»)... остаются мертвой буквой. Ихъ исполненіе возложено какъ разъ на собственниковъ, отдающихъ въ наемъ подобныя норы... Не слѣдуетъ прельщаться болѣе свѣтлыми картинами, являющимися въ видѣ исключенія, и закрывать глаза на преобладающіе факты, которые составляютъ позорное пятно для англійской цивилизаціи. Положеніе вещей, дѣйствительно, должно быть ужасно, если, несмотря на бросающееся въ глаза безобразіе нынѣшнихъ помѣщеній, компетентные наблюдатели единогласно приходятъ къ тому выводу, что даже повсемѣстная негодность помѣщеній составляетъ безконечно меньшее зло, чѣмъ простой численный недостатокъ ихъ. Уже сколько лѣтъ, какъ переполненіе жилищъ сельскихъ рабочихъ служитъ предметомъ глубокой тревоги не только для тѣхъ, которые высоко цѣнятъ здоровье, но и для всѣхъ, кто придаетъ цѣну приличной и нравственной жизни. Дѣйствительно, составители отчетовъ о распространеніи эпидемическихъ болѣзней въ сельскихъ округахъ говорятъ каждый разъ, почти въ стереотипныхъ выраженіяхъ, что переполненіе жилищъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ всѣ попытки для задержанія распространенія разъ возникшей эпидеміи. Много разъ доказывалось, что несмотря на все благотворное вліяніе сельской жизни на здоровье, то самое скопленіе людей, которое такъ благопріятствуетъ распространенію заразныхъ болѣзней, способствуетъ также и появленію незаразительныхъ болѣзней. И лица, доносившія обо всемъ этомъ, не умалчивали и о другихъ бѣдствіяхъ. Даже тамъ, гдѣ ихъ первоначальная задача состояла только въ санитарномъ отчетѣ, имъ почти невольно приходилось касаться другихъ сторонъ вопроса. Когда они доказывали, какъ часто случается, что взрослыя лица обоего пола, женатыя и неженатыя, бываютъ скучены («huddled») въ крошечной спальнѣ, то отчеты ихъ должны были вызывать убѣжденіе, что при подобныхъ условіяхъ чувство стыда и приличія

165) «Дома рабочихъ (въ открытыхъ мѣстечкахъ, разумѣется, всегда переполненныхъ) строятся обыкновенно рядами и заднею стѣною выходятъ на крайнюю черту того участка, который спекулянтъ называетъ своимъ. Поэтому, воздухомъ и свѣтомъ они снабжаются только съ лицевой стороны». (Dr. Hunter's Report l. c. p. 135). Очень часто хозяинъ деревенской пивной или мелочной лавки занимается въ то-же время отдачею въ наемъ домовъ. Въ этомъ случаѣ онъ является для сельскаго рабочаго вторымъ хозяиномъ послѣ арендатора. Рабочему приходится быть одновременно и его нанимателемъ и покупателемъ. «Получая 10 шилл. въ недѣлю, минусъ 4 ф. стерл. годовой платы за наемъ, онъ принужденъ покупать чай, сахаръ, муку, мыло, свѣчи, пиво у мелочного торговца по цѣнѣ, какую послѣдній заблагоразсудитъ взять» (l. c. p. 134). Эти открытыя деревни въ дѣйствительности представляютъ «исправительныя поселенія» (Strafkolonien) англійскаго сельскаго пролетаріата. Многіе коттэджи служатъ пристанищемъ всѣмъ окрестнымъ бродягамъ. Крестьянинъ и его семейство, которые часто по-истинѣ удивительно сохраняли порядочность и чистоту характера при самыхъ грязныхъ условіяхъ, здѣсь непремѣнно погибаютъ. Очень естественно, что знатные Шейлоки имѣютъ обыкновеніе фарисейски пожимать плечами, когда зайдетъ рѣчь объ этихъ спекулянтахъ, мелкихъ собственникахъ и объ открытыхъ деревняхъ. Они превосходно знаютъ, что ихъ «закрытыя деревни» и «показныя деревни» являются причиной происхожденія «открытыхъ деревень» и что они безъ послѣднихъ не могли-бы и существовать. «Безъ мелкихъ собствениковъ «открытыхъ деревень» бо̀льшая часть сельскихъ рабочихъ должна была-бы спать подъ деревьями тѣхъ имѣній, гдѣ они работаютъ» (l. c. p. 135). Система «открытыхъ» и «закрытыхъ» деревень получила преобладаніе во всей средней и восточной части Англіи.

166) «Сдающій въ наймы домъ (арендаторъ или лэндлордъ) наживается прямо или косвенно работой человѣка, которому онъ платитъ 10 шилл. въ недѣлю и потомъ беретъ съ этого бѣдняка 4 или 5 ф. стерл. годовой платы за наемъ дома, за который не дадутъ, если его продать, и 20 ф. стерл., но который тѣмъ не менѣе поддерживается въ искусственной цѣнѣ, благодаря тому, что собственникъ можетъ всегда сказать: «бери мой домъ или убирайся и ищи себѣ пріюта безъ моего аттестата»... Если человѣкъ захочетъ улучшить свое положеніе и рѣшится отправиться на работы при прокладкѣ рельсовъ или въ каменоломняхъ, то предъ нимъ является та-же сила и говоритъ ему слѣдующее: «работай на меня за эту низкую плату или убирайся, увѣдомивъ за недѣлю, бери свою свинью, если она есть у тебя, и выручай, что можешь выручить за картофель, который ростетъ въ твоемъ огородѣ». Если-же въ подобныхъ случаяхъ почему нибудь не въ интересахъ самого собственника гнать батрака, то онъ (или арендаторъ) повышаетъ плату за наемъ дома, заставляя такимъ образомъ нанимателя платить какъ-бы штрафъ за уклоненіе отъ службы». (Dr. Hunter l. c. p. 132).

нарушается самымъ грубымъ образомъ, и что нравственность почти неизбѣжно пропадаетъ[167])... Напримѣръ, въ приложеніи къ моему послѣднему отчету, Dr. Odd, въ своемъ донесеніи о появленіи тифа въ Wing, въ Букингэмширѣ, разсказываетъ, какъ туда пришелъ тифозный больной изъ Wingrave. Въ первые дни своей болѣзней онъ спалъ съ 9 другими лицами въ одной комнатѣ. Въ теченіе двухъ недѣль многіе изъ этихъ лицъ захворали; пятеро изъ нихъ заболѣло тифомъ и одинъ умеръ! Въ то-же время Harvey, докторъ въ госпиталѣ С. Джоржъ, посѣтившій Wing во время эпидеміи по дѣламъ своей частной практики, доноситъ мнѣ въ томъ-же родѣ: «Молодая женщина, больная тифомъ, спала въ одной комнатѣ съ отцомъ, матерью, со своимъ незаконнымъ ребенкомъ, двумя молодыми братьями и двумя сестрами, изъ которыхъ у каждаго было по ребенку, слѣдовательно, всего 10 человѣкъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, томъ-же помѣщеніи спало 13 человѣкъ дѣтей» [168]).

Dr. Hunter изслѣдовалъ 5,375 коттэджей сельскихъ рабочихъ, не только въ чисто земледѣльческихъ округахъ, но и во всѣхъ графствахъ Англіи. Изъ числа этихъ 5,375, въ 2,195 было только по одной комнатѣ для спанья (часто даже единственной во всемъ помѣщеніи); въ 2,930—двѣ, и въ 250—болѣе двухъ. Я хочу дать краткое описаніе такихъ помѣщеній въ двѣнадцати графствахъ.

1) Бэдфордширъ.

Wrestlingworth: Спальня около 12 футовъ длины и 10 ширины, хотя многія еще меньше. Маленькая одноэтажная хижина часто раздѣляется досчатою перегородкою на двѣ спальни, одна постель часто стоитъ въ кухнѣ, имѣющей 5 футовъ 6 дюймовъ высоты. Плата за наемъ — 3 ф. стерл. въ годъ. Наниматели, если хотятъ, могутъ сами строить для себя отхожія мѣста, владѣлецъ дома даетъ только яму. Коль скоро кто-нибудь построитъ отхожее мѣсто, то имъ пользуются всѣ сосѣди. Домъ Ричардсона недосягаемой красоты. «Известковыя стѣны топорщатся, какъ дамское платье при поклонѣ. Одна часть крыши выгнута, другая вогнута, и на послѣдней торчитъ несчастная дымовая труба, сдѣланная изъ дерева и глины, кривая какъ хоботъ слона. Длинная палка служитъ подпоркою этой трубѣ; окна и двери имѣютъ ромбоидальную форму». Изъ 17 посѣщенныхъ домовъ только въ четырехъ было больше одной спальни и эти четыре были совсѣмъ переполнены. Въ одной спальнѣ было трое взрослыхъ и трое дѣтей, замужняя чета съ 6-ю дѣтьми и т. д.

Dunton: Высокая плата за наемъ коттэджа, отъ 4 до 5 ф. стерл., зарабочая плата взрослыхъ рабочихъ 10 шилл. въ недѣлю. Они разсчитываютъ покрывать расходъ на наемъ дома плетеньемъ соломы, которымъ занимаются остальные члены семейства. Чѣмъ выше плата за наемъ коттэджа, тѣмъ бóльшее число лицъ должно отработывать, чтобы уплатить ее. Шесть взрослыхъ, спящіе съ 4 дѣтьми въ одной комнатѣ, платятъ за это 3 ф. стерл. 10 шилл. За самый дешевый домъ въ Dunton'ѣ платятъ ежегодно 3 ф. стерл.; онъ имѣетъ, съ наружной стороны, 15 футовъ длины и 10 ширины. Изъ 14-ти осмотрѣнныхъ домовъ только въ одномъ было двѣ спальни. Нѣсколько впереди деревни стоитъ одинъ домъ, снаружи совсѣмъ загаженный жильцами; нижніе 5 дюймовъ двери этого дома совершенно сгнили, и вечеромъ это отверстіе остроумно закладывается кирпичами и завѣшивается рогожей. Половина окна,—рама и стекла,—исчезла безъ слѣдовъ. Здѣсь, безъ всякой мебели, помѣщались трое взрослыхъ съ пятью дѣтьми. Dunton не хуже остальныхъ деревень Biggleswade Union.

2) Беркширъ.

Бингамъ: Въ одномъ cot (одноэтажный коттэджъ) въ іюнѣ 1864 г. жили мужчина, женщина и четверо дѣтей. Одна изъ дочерей вернулась съ работы больная скарлатиной. Она умерла. Одинъ изъ дѣтей захворалъ и умеръ. Мать и другой ребенокъ лежали въ тифѣ, когда былъ позванъ Dr. Hunter. Отецъ и одинъ ребенокъ спали на дворѣ. Здѣсь-то обнаружилась трудность отдѣлить заразнаго больного, такъ какъ бѣлье зараженнаго семейства, въ ожиданіи стирки, лежало на тѣсной площади жалкой деревни. Наемъ дома Н. стоилъ 1 шилл. въ недѣлю; въ немъ была одна спальня для мужа, жены и шестерыхъ дѣтей. Одинъ домъ сдавался въ наемъ за 8 пенс. (въ недѣлю), въ немъ было 14 футовъ 6 дюймовъ длины, 7 футовъ ширины, кухня 6 футовъ вышины; спальня не имѣла ни оконъ, ни очага, ни двери, словомъ, никакого отверстія, кромѣ выхода; при немъ не было огорода. Недавно здѣсь жилъ рабочій съ двумя взрослыми дочерьми и однимъ подросткомъ сыномъ; отецъ и сынъ спали на постели, дѣвушки при входѣ. Пока здѣсь

167) «Молодая чета, вступившая въ бракъ, не представляетъ ничего поучительнаго для своихъ взрослыхъ братьевъ и сестеръ, живущихъ въ той-же самой спальнѣ; и хотя примѣры не могутъ быть зарегистрованы, но имѣется достаточно данныхъ, изъ которыхъ видно, что большія страданія и часто даже смерть выпадаютъ на долю женщины кровосмѣсительницы». (Dr. Hunter l. c. p. 137). Одинъ сельскій полицейскій чиновникъ, много лѣтъ служившій сыщикомъ въ худшихъ лондонскихъ кварталахъ, говоритъ о дѣвушкахъ своей деревни: «Въ теченіе всей моей полицейской службы въ худшихъ частяхъ Лондона, я ни разу не видалъ чтобы тамъ дѣвушки съ такихъ раннихъ лѣтъ были такъ грубо безнравственны, безстыдны и нахальны, какъ у насъ въ деревнѣ.... Здѣсь живутъ какъ свиньи: взрослые юноши и дѣвушки, отцы и матери, всѣ спятъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ». «Children's Employement Commission Sixth Report. London 1867». Appendix, p. 77, n. 155.

168) «Public Health. Seventh Report. 1864, p. 9—14 passim.

жило это семейство, у каждой дѣвушки было по ребенку, но одна отправилась въ рабочій домъ, чтобы родить, и затѣмъ вернулась домой.

3) Буккингэмширъ.

30 коттэджей—на 1,000 акровъ земли—въ нихъ жило около 130—140 лицъ. Брэденгамскій приходъ содержитъ 1,000 акровъ; въ 1851 году въ немъ было 36 домовъ, имѣющихъ 84 души мужского и 54 женскаго населенія. Это неравенство половъ въ 1861 году исчезло; въ этомъ году тамъ было 98 мужчинъ и 87 женщинъ, въ теченіе 10 лѣтъ прибавилось 14 мужчинъ и 33 женщины. Несмотря на то, число домовъ стало однимъ меньше.

Уинсло: Большая часть его построена вновь и въ хорошемъ стилѣ; повидимому, требованіе на дома большое, потому что за самые нищенскіе cots платятъ 1 шилл. и 1 шилл. 3 пенс. въ недѣлю.

Уотеръ Итонъ: Здѣсь, несмотря на увеличеніе народонаселенія, собственники сломали около 20% существовавшихъ домовъ. Бѣдный рабочій, принужденный ходить около четырехъ миль отъ дома до мѣста работы, на вопросъ, неужели онъ не можетъ найти какой-нибудь cot ближе, отвѣчалъ: «Нѣтъ, они боятся брать постояльцемъ человѣка съ такимъ большимъ семействомъ, какъ у меня».

Tinker's End, близъ Уинсло: Помѣщеніе для ночлега, гдѣ спятъ четверо взрослыхъ и четверо дѣтей, имѣетъ 11 футъ длины, 9 ширины, 6 футовъ 5 дюймовъ вышины, въ самомъ высокомъ мѣстѣ; другое помѣщеніе, въ которомъ спятъ шесть лицъ, имѣетъ 11 футовъ 3 дюйма длины, 9 футовъ ширины, 5 футовъ 10 дюймовъ вышины. На каждое изъ этихъ семействъ приходится пространства меньше того, какое отводится каторжнику на галерахъ. Ни въ одномъ домѣ нѣтъ болѣе одной спальни; ни въ одномъ нѣтъ задняго входа; водой они снабжены очень рѣдко; наемная плата отъ 1 шилл. 4 пенс. до 2 шилл. въ недѣлю. Въ 16-ти осмотрѣнныхъ домахъ, только одинъ человѣкъ получалъ въ недѣлю 10 шилл. Количество воздуха, которымъ пользуется въ приведенномъ случаѣ каждое лицо, такое-же, какъ если-бы его заперли на ночь въ ящикъ, имѣющій 4 куб. фута. Конечно, ветхія хижины представляютъ въ значительной степени естественную вентиляцію.

4) Кэмбриджширъ.

Gamblingay принадлежитъ различнымъ собственникамъ. Онъ состоитъ изъ такихъ жалкихъ cots, какіе едва-ли гдѣ-нибудь встрѣчаются. Здѣсь распространено плетенье соломы. Въ Gamblingay господствуетъ «убійственная вялость, жители какъ-то безнадежно помирились съ окружающей ихъ грязью». Запустѣніе въ центрѣ этой деревни составляетъ несчастіе для ея сѣверной и южной окраинъ, гдѣ дома сгниваютъ мало-по-малу. Отсутствующіе лэндлорды, не стѣсняясь, высасываютъ изъ бѣднаго гнѣзда все, что только возможно. Наемная плата очень высока. Случается, что отъ 8 до 9 лицъ заперты на ночь въ комнату, гдѣ можетъ помѣститься только одинъ человѣкъ; въ двухъ случаяхъ въ маленькой спальнѣ помѣщались шестеро взрослыхъ съ однимъ или двумя дѣтьми.

5) Эссексъ.

Въ этомъ графствѣ во многихъ приходахъ уменьшеніе числа коттэджей идетъ рука объ руку съ уменьшеніемъ населенія. Однако не менѣе чѣмъ въ 22-хъ приходахъ ломка домовъ не задержала увеличенія населенія или не произвела вытѣсненія жителей, извѣстнаго повсюду подъ названіемъ «переселенія въ города».—Въ приходѣ Fingringhoe, занимающемъ 3,443 акра, въ 1851 году было 145 домовъ, въ 1861 году ихъ осталось 110; но народъ не выселялся, и даже при этихъ условіяхъ не переставалъ размножаться. Въ 1851 году Ramsden Crags населяли 252 человѣка, помѣщавшіеся въ 61 домѣ, а въ 1861 году 262 человѣка были скучены въ 49 домахъ. Въ 1851 году въ Базильденѣ на 1,827 акрахъ жило 157 человѣкъ въ 35 домахъ, въ концѣ-же десятилѣтія 180 лицъ жили въ 27 домахъ. Въ приходахъ Фингрингго, южномъ Фарнбриджѣ, Уидфордѣ, Базильденѣ и Рамсденъ-Крагсѣ въ 1851 г. на 8,449 акрахъ жило 1,392 лица въ 316 домахъ, въ 1861 году на томъ-же пространствѣ 1,473 лицъ въ 249 домахъ.

6) Герфордширъ.

Это маленькое графство пострадало отъ разрушенія деревень болѣе какого-бы то ни было другого графства въ Англіи. Въ Нэдби переполненные коттэджи, почти всѣ съ двумя комнатами для ночлега, принадлежатъ бо́льшею часть арендаторамъ. Они ихъ сдаютъ въ наемъ за 3—4 ф. стерл. въ годъ, а сами платятъ рабочимъ въ недѣлю 9 шилл.!

7) Гентингдонширъ.

Въ 1851 году въ Гартфордѣ было 87 домовъ, вскорѣ послѣ того въ этомъ маленькомъ приходѣ въ 1,720 акровъ было сломано 19 коттэджей; въ 1831 году тамъ было жителей 452, въ 1852 году—832, а въ 1861 году—341. Изслѣдовано 14 cots съ однимъ помѣщеніемъ для ночлега. Въ одномъ изъ нихъ жили: мужъ и жена, 3 взрослыхъ сына, 1 взрослая дѣвушка, 4 ребенка, всего 10 человѣкъ; въ другомъ—3 взрослыхъ, 6 ребятъ. Одна изъ такихъ комнатъ, въ которой спали 8 человѣкъ, имѣла 12 футовъ 10 дюймовъ длины, 12 футовъ 2 дюйма ширины и 6 футовъ 9 дюймовъ вышины; на каждаго человѣка приходилось среднимъ числомъ 130 куб. футовъ воздуха, не вычитая выдающихся частей. Въ 14-ти помѣщеніяхъ для ночлега было 34 взрослыхъ и 33 ребенка. При этихъ коттэджахъ рѣдко есть огородъ, но многіе жильцы могутъ арендовать небольшіе участки земли за 10 или 12 шилл. за руту *).

*) Акръ равенъ 4 рутамъ или 0,37 десят.

Участки эти лежатъ вдали отъ домовъ, не имѣющихъ притомъ отхожихъ мѣстъ. Семья или должна отправляться на свои участки и тамъ оставлять свои экскременты, или, какъ это часто дѣлается здѣсь, наполняетъ ими ящики, устроенные какъ выдвижные ящики комода, и еженедѣльно выдвигаютъ и опорожниваютъ тамъ, гдѣ нужно содержимое. Въ Японіи круговоротъ питательныхъ веществъ происходитъ опрятнѣе.

8) Линкольнширъ.

Лангтофтъ: Рабочій живетъ здѣсь въ домѣ Wright'a со своей женой, ея матерью и пятью дѣтьми; въ домѣ есть кухня, чуланъ, надъ кухней спальня; послѣднія двѣ комнаты имѣютъ 12 футовъ 2 дюйма длины, 9 футовъ 5 дюймовъ ширины; вся-же площадь, на которой помѣщается коттэджъ, имѣетъ 21 футъ 3 дюйма длины и 9 футовъ 5 дюймовъ ширины; спальня помѣщается подъ крышей; стѣны суживаются къ потолку, придавая комнатѣ видъ сахарной головы, а слуховое окно выходитъ на фасадъ. Зачѣмъ живетъ онъ здѣсь? Ради огорода? Нѣтъ, огородъ очень маленькій; наемная плата высока—1 шилл. 3 пенс. въ недѣлю. Можетъ быть мѣсто его работы близко? Нѣтъ, въ 6-ти миляхъ, такъ что онъ ежедневно дѣлаетъ туда и обратно 12 миль. Онъ здѣсь живетъ потому, что здѣсь отдавался въ наемъ cot, а онъ хотѣлъ нанять cot для себя одного, за какую-бы то ни было цѣну, гдѣ-бы онъ ни былъ и въ какомъ-бы положеніи ни находился. Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе жителей Лангтофта въ 12 домахъ, изъ которыхъ въ каждомъ имѣется по одной спальнѣ; въ нихъ живутъ 38 взрослыхъ и 36 дѣтей.

12 домовъ Лангтофта.

Дома.	Число помѣщеній для спанья.	Взрослыхъ.	Дѣтей.	Всего лицъ.
1-й	1	3	5	8
2-й	1	4	3	7
3-й	1	4	4	8
4-й	1	5	4	9
5-й	1	2	2	4
6-й	1	5	3	8
7-й	1	3	3	6
8-й	1	3	2	5
9-й	1	2	0	2
10-й	1	2	3	5
11-й	1	3	3	6
12-й	1	2	4	6

9) Кентъ.

Кеннингтонъ былъ чрезвычайно переполненъ въ 1859 году, когда появился въ немъ дифтеритъ, и когда приходскій врачъ произвелъ изслѣдованія о положеніи бѣднѣйшаго класса его жителей. Онъ нашелъ, что въ этой мѣстности, гдѣ спросъ на трудъ великъ, многіе cots были сломаны, а новыхъ построено не было. Въ одномъ участкѣ находилось 4 дома, называемые тамъ «birdcages» (птичьи клѣтки); въ каждомъ было по 4 комнаты; вотъ ихъ размѣръ, выраженный въ футахъ и дюймахъ:

Кухня	9 . 5×8 . 11×6 . 6
Чуланъ . . .	8 . 6×4 . 6×6 . 6
Спальня . . .	8 . 5×5 . 10×6 . 3
Спальня . . .	8 . 3×8 . 4×6 . 3

10) Норсгэмптонширъ.

Бринворсъ, Пикфордъ и Флуръ: Въ этихъ деревняхъ зимой шлялись по улицамъ, за недостаткомъ работы, человѣкъ 20—30. Арендаторы не обработываютъ въ достаточномъ количествѣ пашней, и лэндлордъ нашелъ болѣе удобнымъ соединить всѣ свои фермы въ 2—3. Отсюда недостатокъ работы. Между тѣмъ какъ съ одной стороны рва поля требуютъ обработки, съ другой стороны, лишенные работы смотрятъ на нихъ съ страстнымъ желаніемъ работать. Нѣтъ ничего удивительнаго, что измученные чрезмѣрнымъ трудомъ лѣтомъ и полуголодные зимой, они на своемъ нарѣчіи говорятъ, что «the parsonand gentlefolks seem frit to death at them» [168 a]).

Во Флурѣ, напримѣръ, мужъ и жена помѣщаются въ спальнѣ самаго крошечнаго размѣра съ 4, 5, 6 дѣтьми; или—трое взрослыхъ съ пятью дѣтьми; или мужъ, жена, дѣдъ и шестеро дѣтей, больныхъ скарлатиной и т. д.; въ двухъ домахъ съ двумя спальнями живутъ два семейства, каждое изъ 8 и 9 взрослыхъ человѣкъ.

11) Уильтширъ.

Страттонъ: осмотрѣли 31 домъ; въ 8 было по одной спальнѣ. Пентиль, въ томъ-же приходѣ. Одинъ cot сдавался въ наемъ за 1 шилл. 3 пенс. въ недѣлю, помѣщались въ немъ 4 взрослыхъ и 4 дѣтей. Кромѣ хорошихъ стѣнъ въ немъ было все скверно, начиная съ пола изъ грубо отесанныхъ камней до гнилой соломенной крыши.

12) Уорчестерширъ.

Разрушеніе домовъ здѣсь не дошло до такихъ размѣровъ; тѣмъ не менѣе съ 1851 по 1861 г. число лицъ на каждый домъ возросло съ 4, 2 до 4, 6.

Бадсэ. Здѣсь много cots и небольшихъ огородовъ. Нѣкоторые арендаторы говорятъ, что cots «a great nuisance here, because they bring the poor» (cots причиняютъ здѣсь большія неудобства, потому что привлекаютъ бѣдныхъ). На заявленіе одного джентльмэна, что «бѣднымъ не станетъ лучше если выстроятъ 500 cots, такъ какъ, чѣмъ больше ихъ строятъ, тѣмъ больше ихъ нужно» — ибо дома приносятъ съ собою жильцовъ, которые, конечно ищутъ «средства помѣщенія»,—Dr. Hunter замѣчаетъ: «Эти бѣдные должны-же откуда-нибудь браться, и такъ какъ въ Бадсэ нѣтъ особенной приманки въ родѣ щедрыхъ даровъ, то, вѣроятно, существуетъ

[168a]) Пасторъ и дворяне какъ будто дали себѣ слово ихъ уморить.

отталкиваніе ихъ отъ болѣе худшихъ мѣстъ, которое заставляетъ ихъ приходить сюда. Если-бы каждый могъ найти себѣ cot и клочекъ земли близь мѣста своей работы, то онъ, разумѣется, предпочелъ-бы его Бадсэю, гдѣ за свой клочекъ земли онъ платитъ вдвое болѣе чѣмъ арендаторъ за свой».

Постоянное переселеніе въ города, постоянное образованіе «излишка населенія» въ сельскихъ округахъ, благодаря переходу земли въ меньшее число рукъ, обращенію пашней въ пастбища, приложенію машинъ и т. д. идетъ рука объ руку съ постояннымъ лишеніемъ крова (eviction) сельскаго населенія, вслѣдствіе слома его жилищъ. Чѣмъ рѣже населеніе какого-нибудь округа, тѣмъ больше «относительный излишекъ его населенія», тѣмъ больше оно тяготѣетъ къ средствамъ занятія, тѣмъ больше безусловный избытокъ сельскаго населенія сравнительно съ жильемъ, тѣмъ больше, слѣдовательно, мѣстный излишекъ населенія въ деревняхъ, и пагубное скучиваніе массъ людей. Скученность людей въ разбросанныхъ маленькихъ деревняхъ и селахъ соотвѣтствуетъ насильственному удаленію людей съ лица земли. Безпрерывное образованіе «излишка» сельскихъ рабочихъ, несмотря на уменьшеніе числа ихъ, идущее вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества продуктовъ ихъ труда — вотъ колыбель ихъ нищенства. Ихъ случайное нищенство является мотивомъ для лишенія ихъ крова и главнымъ источникомъ жалкаго состоянія ихъ жилищъ, а это подламываетъ окончательно ихъ способность къ сопротивленію и отдаетъ ихъ въ полнѣйшее рабство лэндлордамъ [169]) и арендаторамъ, такъ что minimum рабочей платы является для нихъ какъ-бы дѣломъ естественнымъ. Страна-же, съ другой стороны, несмотря на «относительное перенаселеніе», въ то-же время недоселена. Это проявляется не только мѣстно, въ такихъ пунктахъ, гдѣ очень быстро происходитъ отливъ людей въ города, въ рудники, на постройку желѣзныхъ дорогъ и т. д., но и повсюду, какъ осенью, такъ и весной и лѣтомъ во время тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ тщательное и интенсивное англійское земледѣліе требуетъ экстренной работы. Сельскихъ рабочихъ во всякомъ случаѣ очень много для среднихъ, и слишкомъ мало для исключительныхъ или временныхъ потребностей земледѣлія [170]). Поэтому въ оффиціальныхъ документахъ находимъ полныя противорѣчій жалобы однѣхъ и тѣхъ-же мѣстностей, съ одной стороны на недостатокъ, а съ другой — на излишекъ рабочихъ рукъ. Временный или мѣстный недостатокъ работы производитъ не повышеніе рабочей платы, а привлекаетъ къ земледѣлію женщинъ и дѣтей. Коль скоро эксплуатація женщинъ и дѣтей принимаетъ большіе размѣры, то она, съ своей стороны является новымъ средствомъ обращенія мужского населенія въ «излишнее», вслѣдствіе чего рабочая плата его удерживается на minimum'ѣ. Въ восточной части Англіи процвѣтаетъ прекрасный плодъ этого cercle vicieux — такъ называемая система бандъ (gang- oder banden system), о которой скажу здѣсь нѣсколько словъ [171]).

Система бандъ процвѣтаетъ почти исключительно въ Линкольнширѣ, Гэнтингдоширѣ, Кембриджширѣ, Норфолкѣ, Суффолькѣ и Ноттингэмширѣ, и спорадически въ сосѣднихъ графствахъ Норсгэмптона, Бедфорда и Рютланда. Примѣромъ послужитъ намъ Линкольнширъ. Большая часть этого графства еще нова, т.-е превращена изъ болотъ, или, также какъ и въ

---

[169]) «Занятіе hind'a, созданное небомъ, облагораживаетъ даже его положеніе. Онъ не рабъ, а солдатъ мира и достоинъ того, чтобы лэндлордъ далъ ему помѣщеніе, годное для женатыхъ людей, такъ какъ онъ (лэндлордъ) требовалъ власти надъ такимъ-же обязательнымъ трудомъ, какого страна требуетъ отъ военнаго солдата. Онъ, какъ солдатъ, уже не получаетъ рыночную цѣну за свою работу. Подобно солдату его берутъ молодымъ, невѣжественнымъ, знающимъ только свое дѣло и свою молодость. Ранняя женитьба и различные законы объ осѣдлостяхъ имѣютъ на него такое-же вліяніе, какъ на того вербовка и Mutiny Act (законъ о мятежѣ)» Dr. Hunter l. c. p. 132). Иногда какой-нибудь особенно мягкосердный лэндлордъ растрогивается, видя произведенное имъ запустѣніе. «Быть одному на своей землѣ весьма печально», сказалъ графъ Лейстеръ, когда его поздравляли съ окончаніемъ постройки Голкгама; «я озираюсь и не вижу ни одного дома, кромѣ своего собственнаго. Я великанъ изъ гигантской башни, пожравшій всѣхъ своихъ сосѣдей».

[170]) Подобное-же движеніе происходило въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій во Франціи, по мѣрѣ того какъ, капиталистическое производство захватывало тамъ земледѣліе и выгоняло излишнее» сельское населеніе въ города. Одинаково и здѣсь ухудшились жилища и прочія жизненныя условія въ источникѣ «излишняго населенія». Что касается особеннаго «proletariat foncier» (сельскаго пролетаріата), произведеннаго на свѣтъ, благодаря дробленію поземельныхъ участковъ, то см. между прочимъ уже упомянутое нами сочиненіе Colins'a, а также Carl Marx: «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 2 Изд. Hambourg 1869. p. 56 и слѣд. Въ 1846 году городское населеніе Франціи составляло $24,_{42}{}^{0}/_{0}$, сельское-же — $75,_{58}{}^{0}/_{0}$; а въ 1861 году городского было $28,_{86}{}^{0}/_{0}$, сельское же — $71,_{14}{}^{0}/_{0}$. Въ послѣдніе 5 лѣтъ уменьшеніе процента сельскаго населенія еще значительнѣе. Уже въ 1846 году Pierre Dupont, въ своихъ «Ouvriers» пѣлъ:

«Mal vêtus, logés dans les trous,
Sous les combles, dans les décombres,
Nous vivons avec les hiboux
Et les larrons, amis des ombres».

(«Одѣтые плохо, мы живемъ въ трущобахъ, подъ крышею, въ развалинахъ, вмѣстѣ съ друзьями тьмы совами и ворами»).

[171]) «Шестой» и заключительный «Report of Childr. Empl. Comm.», изданный въ мартѣ 1867 г., наполненъ однимъ только изображеніемъ земледѣльческой системы бандъ.

другихъ названныхъ восточныхъ графствахъ, отвоевана у моря. Паровая машина произвела чудеса при осушеніи почвы. Прежнія болота и песчаная почва обратились теперь въ роскошныя пашни и даютъ наивысшую поземельную ренту. То-же самое можно сказать о наносной землѣ, полученной искусственно, какъ напримѣръ на островѣ Аксгольмѣ и въ другихъ приходахъ по берегамъ Трента. Съ появленіемъ новыхъ фермъ, не только не строились новые коттэджи, но даже старые ломались, такъ что трудъ стали получать изъ открытыхъ деревень, отдаленныхъ на цѣлыя мили; эти деревни расположены вдоль проселочныхъ дорогъ, которыя вьются по отлогостямъ холмовъ. Въ прежнія времена населеніе искало тамъ защиты лишь отъ продолжительныхъ зимнихъ наводненій. Рабочіе, живущіе на фермахъ отъ 400 до 1,000 акровъ (ихъ здѣсь называютъ «confined labourers»), служатъ исключительно для постоянныхъ тяжелыхъ земледѣльческихъ работъ, производимыхъ при помощи лошадей. На каждые 100 акровъ (37 десятинъ) едва приходится по одному коттэджу. Одинъ арендаторъ показываетъ, напримѣръ, передъ слѣдственной коммисіей: «Ферма моя заключаетъ болѣе 320 акровъ пахатной земли; коттэджей на ней нѣтъ. Въ настоящее время у меня живетъ одинъ рабочій. У меня работаютъ четверо конныхъ рабочихъ, они живутъ въ окрестностяхъ. Легкія-же работы, на которыя нужно много рукъ, производятся бандами» [172]). Почва требуетъ много легкихъ земледѣльческихъ работъ, какъ напримѣръ полотья, подчистки деревьевъ, нѣкоторыхъ процессовъ удобренія, очищенія отъ камней и т. п. Всѣ они исполняются организованными бандами, которыя живутъ въ открытыхъ деревняхъ.

Такая банда состоитъ изъ 10, 40 и даже изъ 50 человѣкъ, именно изъ женщинъ, подростковъ обоего пола (отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ), хотя мальчики большею частью по достиженіи 13-тилѣтняго возраста отъ нихъ отдѣляются; наконецъ изъ дѣтей обоего пола (отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ). Во главѣ находится gang-master (подрядчикъ), всегда простой сельскій работникъ, большею частью человѣкъ негодный, распутный, бродяга, пьяница, но обладающій предпріимчивымъ духомъ и нѣкоторымъ savoir faire. Онъ набираетъ банду, которая и работаетъ подъ надзоромъ его, а не арендатора. Съ послѣднимъ онъ обыкновенно уговаривается на задѣльную работу, и доходъ его—среднимъ числомъ немного больше дохода обыкновеннаго сельскаго рабочаго [173])—вполнѣ зависитъ отъ искусства, съ какимъ онъ извлекаетъ изъ своего отряда въ наикратчайшее время возможно большее количество труда. Арендаторы нашли, что женщины работаютъ какъ слѣдуетъ только подъ мужскимъ надзоромъ, но что коль скоро женщины и дѣти принялись за работу, то, какъ уже замѣтилъ Фурье, они съ пылкимъ рвеніемъ затрачиваютъ свои жизненныя силы, тогда какъ взрослый работникъ такъ хитеръ, что старается сберечь, по возможности, свои силы. Глава банды переходитъ изъ одного имѣнія въ другое, работая такимъ образомъ отъ 6 до 8 мѣсяцевъ въ годъ. Поэтому для семействъ рабочихъ онъ гораздо болѣе доходный и вѣрный заказчикъ, чѣмъ отдѣльный арендаторъ, который даетъ дѣтямъ только временную работу. Это обстоятельство такъ сильно закрѣпляетъ его вліяніе въ открытыхъ мѣстечкахъ, что во многихъ изъ нихъ можно нанять дѣтей только при его посредствѣ. Сбыть дѣтей арендаторамъ въ одиночку, независимо отъ банды, составляетъ его побочное занятіе.

«Темныя стороны» этой системы заключаются въ чрезмѣрномъ трудѣ дѣтей и подростковъ, въ длинныхъ переходахъ, которые имъ ежедневно приходится дѣлать къ фермѣ и обратно, обыкновенно въ 5, 6 и даже 7 миль, наконецъ въ деморализаціи «бандъ». Хотя глава банды, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «the driver» (погонщикомъ), вооруженъ длинной палкой, но онъ пользуется ею очень рѣдко, такъ что жалобы на грубое обхожденіе представляются исключеніемъ. Это скорѣе демократическій король. Ему, слѣдовательно, нужна популярность среди его подданныхъ, и онъ пріобрѣтаетъ ее если банда процвѣтаетъ подъ его покровительствомъ. Грубая распущенность, разгульная веселость и полное безстыдство господствуютъ въ бандѣ. Gangmaster большею частью расплачивается въ кабакѣ, и потомъ возвращается домой во главѣ банды, пошатываясь и поддерживаемый подъ руки женщинами; дѣти и молодежь идутъ позади, болтая и распѣвая веселыя и неприличныя пѣсни. Во время возвращенія домой происходитъ обыкновенно то, что Фурье называетъ «фанерогаміей». Тринадцати и четырнадцатилѣтнія дѣвушки часто беременѣютъ отъ своихъ сверстниковъ. Открытыя деревни, откуда пополняются банды, обращаются въ Содомъ и Гоморру [174]), и доставляютъ вдвое большее число незаконныхъ дѣтей въ сравненіи со всѣмъ остальнымъ королевствомъ. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что представляютъ въ нравственномъ отношеніи, въ качествѣ замужнихъ женщинъ, дѣвушки, прошедшія подобную школу. Дѣти ихъ, если только не умираютъ отъ опіума и т. п., съ самого рожденія становятся новобранцами банды.

Банда въ своей только что описанной класси-

[172]) «Ch. Empl. Com. VI Report» Evidence p. 37, n. 173.

[173]) Есть, однако, отдѣльные случаи, когда начальникъ банды доработывался до того, что становился арендаторомъ 500 акровъ, или владѣльцемъ многихъ домовъ.

[174]) «Половина лодфордскихъ дѣвушекъ развращена, благодаря системѣ бандъ» (l. c. Appendix p. 6, n. 32).

ческой формѣ называется публичною, обыкновенною или бродячею бандою (public, common or tramping gang). Есть еще кромѣ того и частныя банды (private gangs). Онѣ составлены также какъ и обыкновенныя, но въ нихъ находится меньше членовъ и работаютъ онѣ подъ надзоромъ не gangmaster'а, а простого батрака, котораго арендаторъ не знаетъ на что употребить. Цыганскій разгулъ здѣсь исчезаетъ, но, по всѣмъ свидѣтельскимъ показаніямъ, и плата, и обращеніе съ дѣтьми здѣсь много хуже.

Система бандъ, постоянно распространявшаяся въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ [175]), очевидно существуе́тъ не потому, что она выгодна главѣ банды, а потому, что она обогащаетъ крупныхъ аpендаторовъ [176]) или лэндлордовъ [177]). Для арендатора нѣтъ болѣе остроумнаго способа, который позволялъ-бы ему въ одно и то-же время содержать свой рабочій персоналъ гораздо ниже его нормальнаго уровня, и въ то-же время имѣть всегда подъ рукой для спѣшныхъ работъ экстренныя рабочія руки, извлекать возможно больше труда тратя возможно меньшее количество денегъ [178]), и, наконецъ, превращать взрослыхъ рабочихъ въ «сверхкомплектныхъ». На основаніи вышеизложеннаго, становится понятнымъ, какъ съ одной стороны возникаетъ большая или меньшая безработица у крестьянъ, и какъ съ другой стороны система бандъ объявляется «необходимою», вслѣдствіе недостатка мужского труда и переселенія крестьянъ въ города [179]). Поле очищенное отъ плевелъ и плевелы человѣчества въ Линкольнширѣ и другихъ мѣстахъ—вотъ два крайніе полюса капиталистическаго производства [180]).

[175]) «Эта система очень развилась въ послѣдніе годы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она введена еще недавно, въ другихъ-же, гдѣ она явилась раньше, она вербуетъ все бо́льшее и бо́льшее число дѣтей и все болѣе и болѣе молодыхъ» (l. c. p. 79 и 174).

[176]) «Мелкіе арендаторы не употребляютъ бродячихъ рабочихъ». «Они не употребляются на бѣдныхъ земляхъ, а на такихъ, которыя приносятъ отъ 2 ф. стерл. до 2 ф. стерл. 10 шилл. ренты за акръ» (l. c. p. 17, n. 14).

[177]) Одному изъ такихъ господъ такъ нравятся его высокія ренты, что онъ въ странномъ негодованіи заявилъ въ слѣдственной комисіи, что весь шумъ противъ этой системы поднятъ, только благодаря ея названію. Если слово «банда» замѣнить названіемъ «юношеская кооперативно - промышленно - земледѣльческая ассоціація самопомощи», то было бы all right.

[178] «Трудъ въ бандахъ дешевле всякаго другого труда, вотъ причина, почему онъ употребляется», говоритъ бывшій глава банды (l. c. p. 17, n. 14). «Для арендатора система бандъ положительно самая дешевая, но въ то-же время она самая гибельная для дѣтей», говоритъ одинъ фермеръ (l. c. p. 16, n. 3).

[179]) «Безъ сомнѣнія много работъ, теперь исполняемыхъ дѣтьми изъ бандъ, прежде производились мужчинами и женщинами. Тамъ, гдѣ теперь на работы употребляется больше женщинъ и дѣтей, чѣмъ прежде, тамъ больше мужчинъ остается безъ работы («more men are of work») (l. c. p. 43, n. 202). Напротивъ того: «Рабочій вопросъ («labour question») становится такимъ жгучимъ во многихъ земледѣльческихъ округахъ, особенно производящихъ зерновой хлѣбъ, вслѣдствіе выселенія и той легкости, какую представляютъ желѣзныя дороги для ухода въ большіе города, что я (это «я» принадлежитъ управляющему имѣніемъ одного крупнаго барина) считаю дѣтскія услуги безусловно необходимыми» (l. c. p. 80, n. 180). The labour question (рабочій вопросъ) въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, въ отличіе отъ всего остального цивилизованнаго міра, обозначаетъ именно the landlords, and farmers' question (вопросъ лэндлордовъ и арендаторовъ), т.-е. какимъ-бы образомъ увѣковѣчить, несмотря на постоянно увеличивающійся отливъ крестьянъ, достаточный «относительный излишекъ населенія», въ селахъ, а слѣдовательно также и «minimum рабочей платы» сельскому рабочему?

[180]) «Public Health Report», который я уже имѣлъ случай цитировать и гдѣ, между прочимъ, указывается на смертность дѣтей, происходящую отъ системы бандъ, остался неизвѣстенъ прессѣ, а слѣдовательно и англійской публикѣ. Напротивъ того, новѣйшій отчетъ «Children's Employement Commission» доставилъ для прессы пріятный сенсаціонный матеріалъ. Въ то время, какъ либеральная пресса задавала вопросъ,—какъ могутъ терпѣть изящные джентльмены, леди и представители государственной церкви, которыми такъ богатъ Линкольнширъ, подобную систему въ своихъ имѣніяхъ, какъ могутъ допустить развиваться ей на своихъ глазахъ люди, посылающіе къ антиподамъ собственныя «миссіи для улучшенія нравовъ дикарей Южнаго океана»—болѣе аристократическая пресса исключительно разсуждала о грубой испорченности крестьянъ, способныхъ продавать собственныхъ дѣтей въ такое рабство! При тѣхъ проклятыхъ условіяхъ, на которыя «деликатные» люди обрекаютъ крестьянина, не было-бы ничего удивительнаго, еслибы онъ поѣдалъ своихъ собственныхъ дѣтей. Нужно скорѣе удивляться тому нравственному достоинству, которое онъ бо́льшею частью сохраняетъ. Оффиціальные составители отчета свидѣтельствуютъ, что родители даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ царствуетъ система бандъ, ненавидятъ ее. «Въ собранныхъ нами свидѣтельскихъ показаніяхъ находятся многочисленныя доказательства, что многіе родители были-бы благодарны принудительному закону, который давалъ-бы возможность противостоять различнымъ соблазнамъ и давленіямъ, какимъ они часто подвергаются. То приходскій чиновникъ, то хозяинъ, угрожающій потерею мѣста, заставляютъ ихъ посылать своихъ дѣтей на работы вмѣсто школы... Все даромъ потраченное время и сила, всѣ страданія, причиняемыя чрезмѣрнымъ и безполезнымъ утомленіемъ рабочему и его семейству, каждый случай, заставляющій родителей приписывать нравственное паденіе своихъ дѣтей переполненію коттэджей или гибельному вліянію системы бандъ, вызываетъ въ груди трудящихся бѣдняковъ чувство, которое легко понять и которое нѣтъ надобности описывать. У нихъ есть сознаніе того, что много физическихъ и душевныхъ мукъ причиняется имъ обстоятельствами, за которыя они вовсе не отвѣтственны, на которыя они никогда-

f) Ирландія.

Раньше чѣмъ закончить эту главу намъ надо еще остановиться на нѣкоторое время на Ирландіи. Прежде всего приведемъ относящіеся сюда факты.

Въ 1841 населеніе Ирландіи доходило до 8.222,664 лицъ, въ 1851 г. оно сократилось до 6.623,982, въ 1861 г. 5.850,309, въ 1866 г. до $5^1/_2$ милліоновъ, т.-е. почти до уровня его въ 1801 году. Уменьшеніе началось съ голоднаго 1846 г., такъ что Ирландія потеряла менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ болѣе $^5/_{16}$ своего населенія [181]).

бы не согласились, если бы это было въ ихъ власти, и бороться съ которыми они не въ силахъ» (l. c. p. XX, п. 82 и XXIII, п. 96).

[181]) Населеніе Ирландіи: въ 1801 году—5.319,867 человѣкъ, въ 1811 году—6.084,996 человѣкъ, въ 1821 году—6.869,544 человѣка, въ 1831 году—7.828,347 человѣкъ, въ 1841 году—8.222,664 человѣка.

Съ мая 1851 до іюля 1865 года эмигрировало всего 1.591,487 лицъ; въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ этого періода, съ 1861—1865 г., эмигрировало болѣе полумилліона. Число жилыхъ домовъ съ 1851 по 1861 г. уменьшилось на 52,990. Съ 1851 по 1861 г. число фермъ, занимающихъ отъ 15 до 30 акровъ возрасло на 61,000, число фермъ, имѣющихъ больше 30 акровъ, на 109,000, тогда какъ общее число всѣхъ фермъ понизилось на 120,000, что произошло исключительно вслѣдствіе уничтоженія мелкихъ арендъ ниже 15 акровъ, другими словами отъ сосредоточенія ихъ въ немногихъ рукахъ.

Уменьшеніе населенія разумѣется сопровождалось уменьшеніемъ количества продуктовъ. Для нашей цѣли достаточно разсмотрѣть одно пятилѣтіе, 1861—1865 г., въ теченіе котораго эмигрировало болѣе полумилліона людей, а абсолютное число населенія понизилось болѣе чѣмъ на $^1/_3$ милліона. (См. таблицу А).

Таблица А.

Число головъ скота.

Года.	Лошадей.		Рогатаго скота.		
	Общее число.	Уменьшеніе.	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
1860	619,811	5,993	3.606,374		
1861	614,232	11,338	3.471,688	138,316	
1862	602,894	22,916	3.254,890	216,798	
1863	579,978	17,820	3.144,231	110,695	
1864	562,158	14,291	3.262,294		118,063
1865	547,867		3.493,414		231,120

Года.	Овецъ.			Свиней.		
	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
1860	3.542,080			1.271,072		
1861	3.556,050		13,970	1.102,042	169,030	
1862	3.456,132	99,918		1.154,324		52,282
1863	3.308,204	147,982		1.067,458	86,866	
1864	3.366,941		58,737	1.058,480	8,978	
1865	3.688,742		321,801	1.299,893		241,413

Изъ этой таблицы мы видимъ, что число

Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
Абсолютно уменьшилось на 72,358 головъ.	Абсолютно уменьшилось на 116.626 головъ.	Абсолютно возросло на 146,608 головъ.	Абсолютно возросло на 28.819 головъ [182]).

Обратимся теперь къ земледѣлію, которое доставляетъ пищу людямъ и скоту. Въ слѣдующей таблицѣ вычислено увеличеніе или уменьшеніе для каждаго отдѣльнаго года, сравнительно съ непосредственно предшествующимъ. Подъ рубрику зерновой хлѣбъ вошли: пшеница, рожь, овесъ ячмень, бобы, горохъ; а подъ рубрику овощи вошли: картофель, рѣпа, брюква, свекловица, капуста, морковь, петрушка, вика и т. п.

Таблица B.

Увеличеніе или уменьшеніе запашекъ и луговой земли (или пастбищъ) въ акрахъ.

Года.	Зерновой хлѣбъ.	Овощи.		Луга и клеверъ.		Ленъ.		Общее количество земли, служащей для земледѣлія и для пастбищъ.	
	Уменьшеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
	акровъ	акровъ	акровъ	акровъ	акровъ	акровъ	акровъ	акровъ	акровъ
1861	15,701	36,974		47,969			19,271	81,873	
1862	72,734	74,785			6,623		2,055	138,841	
1863	144,719	19,358			7,724		63,922	92,431	
1864	122,437	2,317			47,486		87,761		10,493
1865	72,450		25,241		68,970			28,218	
1861—1865	428,041	107,984			82,834	50,159	122,850	330,860	

Въ 1865 году главнымъ образомъ потому явились 127,470 акровъ подъ рубрикой «луговая земля», что площадь подъ рубрикой «пустошь и болота» уменьшилась на 101,543 акра. Если сравнить 1865 годъ съ 1864-мъ, то окажется: уменьшеніе количества зерноваго хлѣба на 246,667 квартеровъ, изъ нихъ 48,999 квар. пшеницы, 166,605 овса, 29,892 ячменя и т. д.; уменьшеніе количества картофеля на 446,398 тоннъ, хотя площадь, занятая его обработкой, увеличилась въ 1865 году. (Ср. Таб. C.).

Отъ движенія населенія и земледѣльческаго производства въ Ирландіи, перейдемъ къ движенію въ кошелькахъ ея лэндлордовъ, крупныхъ арендаторовъ и промышленныхъ капиталистовъ. Оно отражается на возрастаніи и пониженіи ежегоднаго дохода, подлежащаго подоходному налогу. Для пониманія слѣдующей таблицы D нужно замѣтить что рубрика D заключаетъ (доходы, за исключеніемъ арендаторскихъ) и къ нимъ доходы причисляются отъ «свободныхъ профессій» (professional), т.-е. доходы адвокатовъ, докторовъ, и т. п ; рубрики-же C и E, не вычисленныя отдѣльно въ прилагаемой таблицѣ, заключаютъ въ себѣ доходы чиновниковъ офицеровъ, пользующихся государственною синекурою, владѣльцевъ государственныхъ фондовъ, и пр.

Доходъ подъ рубрикой D среднимъ числомъ возросъ съ 1853 по 1864 г. только на $0,_{93}$%, между тѣмъ, за то-же время, въ Великобританіи онъ увеличился на $4,_{58}$. Таблица E показываетъ распредѣленіе дохода (за исключеніемъ дохода арендаторовъ) за 1864 и 1865 года.

[182]) Эти данныя окажутся еще болѣе неблагопріятными, если мы сравнимъ ихъ съ болѣе ранними. Такъ 1865 году овецъ было 3.688,742, а въ 1856 году—3.694,294; свиней въ 1865 году было 1.299,893, а въ 1858 году—1.409,883.

Т а б л и ц а. C.

Увеличеніе или уменьшеніе площади обработанной земли, продукта, приходящагося на каждый акръ и количества всего продукта въ 1865 году сравнительно съ 1864 годомъ.

Названіе продукта.	Число акровъ обработанной земли. въ 1864 г.	въ 1865 г.	Увеличеніе или	уменьшеніе въ 1865 г.	Количество продукта на акръ. 1864	1865	Увеличеніе или	уменьшеніе въ 1865 г.	Количество всего продукта. въ 1864 г.	въ 1865 г.	Увеличеніе—	Уменьшеніе въ 1865 году.
					центнеровъ				кв.	кв.		кв.
Пшеница	276,483	266,989	—	9,494	Пшеницы . 13,3	13,0	—	0,3	875,782	826,783		48,999
Овесъ	1.814,886	1.745,228	—	69,658	Овса . . . 12,1	12,3	0,2	—	7.826,332	7.659.727		166,605
Ячмень	172,700	177,102	4,402	—	Ячменя . . 15,9	14,9	—	1,0	761,909	732,017		29,892
Рожь	8,894	10,091	1,197	—	» . . 16,4	14,8	—	1,6	15.160	13,989		1,171
					Ржи 8,5	10,4	1,9	—	12,680	18,364	5,684 кв.	—
					тоннъ				тоннъ			тоннъ
Картофель	1.039,724	1.066,260	23,536	—	Картофеля . 4,1	3,6	—	0,5	4.312,388	3.865,990		446,398
Рѣпа	337,355	334,212	—	3,143	Рѣпы . . . 10,3	9,9	—	0,4	3.467,659	3.301,683		165,976
Коренья	14,073	14,839	316	—	Кореньевъ . 10.5	13,3	2,8	—	147,284	191.937	44,653 тон.	—
Капуста	31,821	33,622	1,801	—	Капусты . . 9,3	10,4	1,1	—	297,375	350.252	52,877 »	—
Ленъ	301,693	251,433	—	50,260	Льна (Stones въ 14 ф.) . . 34,2	25,2	—	9,0	64,506	39.561		24,945 [183])
					тоннъ							
Сѣно	1.609,569	1.678,493	68,924	—	Сѣна . . . 1,6	1,8	0,2	—	2.607,153	3.068,707	461,554 »	—

[183]) Данныя текста составлены по матеріаламъ: «Agricultural Statistics, Ireland. General Abstracts, Dublin" за 1860 г. и слѣд., и «Agricultural Statistics, Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc. Dublin 1866». Извѣстно, что статистика эта оффиціальная и представляется ежегодно Парламенту.—(Ко 2-му изд.). Оффиціальная статистика показываетъ для 1872 года уменьшеніе площади обрабатываемой земли подъ злаки сравнительно съ 1871 г., на 134915 акровъ. Увеличилась площадь подъ корнеплодами—подъ брюквой, свеклой и т. п.—Изъ обрабатываемой подъ злаки земли уменьшилась площадь подъ пшеницей на 16,000 акровъ; подъ овсомъ на 14,000; подъ ячменемъ и рожью на 4.000; подъ картофелемъ на 66,632; подъ льномъ на 34,667; подъ клеверомъ, викой, сурѣпнымъ сѣменемъ на 30,000. Площадь подъ пшеницею за послѣднія пять лѣтъ уменьшалась слѣдующимъ образомъ: въ 1868 г.—285,000 акровъ, въ 1869—280,000, въ 1870—259,000, въ 1871—244,000, въ 1872—228,000. Въ 1872 году въ круглыхъ цифрахъ число лошадей увеличилось на 2,609 головъ, рогатаго скота на 80,000, овецъ на 68,600; число свиней уменьшилось на 236,000.

Таблица D.

Доходы, облагаемые подоходною податью, выраженные въ фунтахъ стерлинговъ.

	1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.
Рубрика А.						
Поземельная рента	13.893,829	13.003,554	13.398,938	13.494,091	13.470,700	13.801,616
Рубрика В.						
Доходъ арендаторовъ	2.765,387	2.773,644	2.937,899	2.938,923	2.930,874	2.946,072
Рубрика D.						
Промышленные и т. п. доходы . .	4.891,652	4.836,203	4.858,800	4.846,497	4.546,147	4.850,199
Всѣ рубрики отъ А до Е вмѣстѣ . .	22.962,885	22.998,394	23.597,574	23.658,631	23.236,298	23.930,340 [184]

Таблица E.

Рубрика D. Доходы, состоящіе изъ разнаго рода прибылей (выше 60 ф. стерл.), въ Ирландіи.

	1864 годъ.			1865 годъ.		
	Фунтовъ стерлинговъ.			Фунтовъ стерлинговъ.		
Общій ежегодный доходъ въ	4.368,610	распр. на	17,467 чел.	4.669,979	распр. на	18,081 чел.
Ежегодный доходъ выше 60 и ниже 100 ф. стер.	238,626	» »	5,015 »	222,575	» »	4,703 »
Изъ всего годичнаго дохода	1.979,066	» »	11,321 »	2.028,471	» »	12,184 »
Остатокъ всего годичнаго дохода въ .	2.150,818	» »	1,131 »	2.418,933	» »	1,194 »
Изъ этой суммы	1.083,906	» »	910 »	1.097,937	» »	1,044 »
	1.066,912	» »	121 »	1.320,996	» »	186 »
	430,535	» »	105 »	584,458	» »	122 »
	646,377	» »	26 »	736,448	» »	28 »
	262,610	» »	3 »	274,528	» »	3 » [185]

Англія, страна съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ и преимущественно промышленная, истекла-бы кровью послѣ такого кровопусканія, какое вынесла Ирландія. Между тѣмъ Ирландія представляетъ, въ настоящее время, лишь земледѣльческій округъ Англіи, отдѣленный широкимъ каналомъ, и который доставляетъ ей хлѣбъ, шерсть, скотъ, промышленныхъ и военныхъ рекрутовъ.

Благодаря обезлюденію, много земли заброшено и не обрабатывается; количество ея продукта сильно уменьшилось [186]), и даже въ скотоводствѣ, несмотря на увеличеніе занятой имъ площади, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ оказывается положительное уменьшеніе, въ другихъ-же только незначительный прогрессъ, да и то безпрестанно прерываемый регрессомъ. Несмотря на все это, поземельная рента и доходъ арендаторовъ (впро-

[184]) Tenth Report of the Commissioners of Inland Revenue. Lond. 1866».

[185]) Общій годичный доходъ подъ рубрикой D немного отступаетъ отъ данныхъ предыдущей таблицы, вслѣдствіе извѣстной скидки, разрѣшаемой закономъ.

[186]) Если замѣчается также относительное уменьшеніе, т.-е. уменьшеніе продукта съ каждаго акра, то это происходитъ отъ того, что Англія вывозила въ продолженіе полутора вѣка почву Ирландіи, нисколько не думая доставлять тѣмъ, кто ее обработываетъ, средства для замѣны составныхъ частей почвы.

чемъ, въ меньшей степени, чѣмъ рента) постоянно возрастали съ уменьшеніемъ народонаселенія. Причина очень понятна. Съ одной стороны, соединеніе мелкихъ фермъ въ крупныя и обращеніе пашней въ пастбища превратило большую долю валоваго продукта въ прибавочный продуктъ. Абсолютное количество прибавочнаго продукта увеличилось, хотя валовой доходъ, часть котораго онъ составляетъ, абсолютно уменьшился. Съ другой стороны, денежная стоимость этого прибавочнаго продукта увеличилась еще быстрѣе количества его, вслѣдствіе повышенія, — въ послѣднія 20 лѣтъ и особенно въ послѣднія 10 лѣтъ, — англійскихъ рыночныхъ цѣнъ мяса, шерсти и т. п.

Небольшія средства производства, служащія самому производителю средствами занятія и существованія и не увеличивающіяся въ своей стоимости посредствомъ присоединенія чужого труда, вовсе не составляютъ капитала, точно также какъ продуктъ, потребляемый самимъ производителемъ, не есть товаръ. Поэтому, хотя съ уменьшеніемъ населенія и уменьшилось количество средствъ производства, употребляемыхъ въ земледѣліи, тѣмъ не менѣе количество вложеннаго въ него капитала возрасло, потому что часть до тѣхъ поръ раздробленныхъ средствъ производства обратилась въ капиталъ.

Часть капитала Ирландіи, затраченая въ промышленности и торговлѣ, а не въ земледѣліи, накоплялась въ послѣднія два десятилѣтія очень медленно, да и то съ постоянными и сильными колебаніями. Съ другой-же стороны, тѣмъ быстрѣе развивалось сосредоточеніе его отдѣльныхъ составныхъ частей. Наконецъ, какъ ни медленно возросталъ капиталъ абсолютно, относительно-же, т.-е. въ сравненіи съ уменьшеннымъ народонаселеніемъ, возросъ онъ чрезвычайно.

Здѣсь, слѣдовательно, на нашихъ глазахъ въ крупныхъ размѣрахъ происходитъ процессъ, лучше котораго ортодоксальная экономія не можетъ и желать для доказательствъ своего ученія о томъ, что бѣдствія страны происходятъ отъ абсолютнаго излишка населенія, и что равновѣсіе возстановляется съ уменьшеніемъ населенія. Этотъ опытъ будетъ поучительнѣе чумы, бывшей въ срединѣ XIV-го столѣтія, и такъ прославляемой мальтузіанцами. Кстати замѣтимъ: измѣреніе условій производства и соотвѣтственныхъ ему условій населенія XIX-го столѣтія масштабомъ XIV-го уже само по себѣ было школьнически наивно; но эта наивность сверхъ того просмотрѣла, что если по сю сторону канала, въ Англіи, за чумой и сопровождавшимъ ее моромъ слѣдовало освобожденіе и обогащеніе крестьянскаго населенія, то, по ту сторону канала, во Франціи, послѣ нея наступило еще большее порабощеніе и еще сильнѣйшая нищета его [186a])

Голодъ 1846 года въ Ирландіи стоилъ жизни болѣе чѣмъ милліону людей, но все бѣдняковъ. Послѣдующее двадцатилѣтнее, постоянно возрастающее выселеніе не уничтожало вмѣстѣ съ людьми и ихъ средства производства, какъ это было, напримѣръ, въ тридцатилѣтнюю войну.

Ирландскій геній нашелъ совсѣмъ новое средство удалять бѣдный людъ за тысячи миль отъ мѣста несчастія. Эмигранты, переселившіеся въ Соединенные Штаты, ежегодно посылаютъ домой деньги, чтобы облегчить переселеніе оставшимся. Каждая группа, переселившаяся въ прошломъ году, въ нынѣшнемъ тянетъ за собою другую. Эта эмиграція не только ничего не стоитъ Ирландіи, но составляетъ еще одну изъ доходнѣйшихъ отраслей промышленности. Наконецъ, это такой систематическій процессъ, который не причиняетъ лишь временную убыль въ населеніи, но ежегодно высасываетъ изъ него людей больше, чѣмъ ихъ наростаетъ, такъ что абсолютный уровень населенія годъ отъ году понижается [186b]).

Каковы-же были послѣдствія этого для оставшагося рабочаго населенія Ирландіи, освобожденнаго отъ «излишка населенія»? Относительный излишекъ населенія остался такимъ-же, какъ былъ до 1846 года; рабочая плата попрежнему низка, а трудъ рабочаго усилился-нищета страны грозитъ новымъ кризисомъ. Причины этого просты. Переворотъ въ земледѣліи шелъ рука объ руку съ эмиграціей. Возникновеніе относительнаго перенаселенія шло быстрѣе абсолютнаго уменьшенія населенія. Таблица *C* показываетъ намъ, что обращеніе пашней въ пастбища въ Ирландіи должно было производить еще болѣе сильное вліяніе, чѣмъ въ Англіи. Въ Ирландіи, съ возрастаніемъ пастбищъ, обработка овощей уменьшалась; въ Англіи-же она возрастала. Между тѣмъ какъ множество прежде воздѣлываемыхъ полей оставлялись необработанными или обращались въ постоянные луга, большая часть до того необработанной земли или болотъ употреблялась въ то-же время для развитія скотоводства. Мелкіе и средніе арендаторы — сюда я причисляю всѣхъ, которые обработываютъ не болѣе 100 акровъ — все еще владѣютъ около $^{8}/_{10}$ ирландской земли [186c]). Давленіе на

[186a]) Такъ какъ на Ирландію смотрятъ какъ на обѣтованную землю «Bevölkerungs principes», то Th. Sadler, передъ изданіемъ своего труда о населеніи, выпустилъ свою знаменитую книгу «Ireland, its evils and their remedies». 2-nd ed. London 1829. Въ ней онъ, при помощи сравненія статистическихъ данныхъ отдѣльныхъ провинцій и отдѣльныхъ графствъ въ каждой провинціи, доказываетъ, что въ Ирландіи нищета господствуетъ не такъ, какъ это хотѣлось-бы Мальтусу, не пропорціонально величинѣ населенія, а въ обратномъ къ нему отношеніи.

[186b]) За время съ 1851 до 1874 года общее число эмигрировавшихъ дошло до 2.325,922 человѣкъ.

[186c]) Къ 2-му изд. по таблицѣ, приведенной

нихъ конкуренціи земледѣлія на капиталистическихъ основаніяхъ прогрессивно усиливается теперь гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, и потому они доставляютъ настоящему рабочему классу постоянно новыхъ рекрутовъ. Единственная крупная промышленность Ирландіи, фабрикація полотна, требуетъ сравнительно мало взрослыхъ рабочихъ и вообще занимаетъ, несмотря даже на расширеніе ея со времени вздорожанія хлопка въ 1861—1866 г., только сравнительно небольшую часть рабочаго населенія. Какъ и всякая другая крупная промышленность, своими собственными безпрестанными колебаніями она вызываетъ постоянное относительное перенаселеніе, даже при абсолютномъ повышеніи числа занимающихся ею рабочихъ. Нищета сельскаго населенія служитъ основаніемъ гигантскимъ фабрикамъ—для приготовленія рубашекъ и т. п.,—рабочая армія которыхъ большею частью разбросана по странѣ. Мы здѣсь опять встрѣчаемся уже съ описанной нами системой домашнихъ промысловъ, которая, посредствомъ недоплачиванія и чрезмѣрнаго труда, систематически производитъ «сверхкомплектныхъ»; наконецъ, хотя уменьшеніе населенія и не имѣетъ здѣсь такихъ разрушительныхъ послѣдствій, какъ въ странѣ развитаго капиталистическаго производства, тѣмъ не менѣе оно остается не безъ воздѣйствія на внутренній рынокъ. Пробѣлъ, который создаетъ на немъ эмиграція не только суживаетъ мѣстный рабочій рынокъ, но понижаетъ также доходы мелочныхъ лавочниковъ, ремесленниковъ и вообще мелкихъ промышленниковъ. Вотъ почему мы видимъ въ таблицѣ уменьшеніе доходовъ между 60 и 100 ф. стерл.

Ясное изображеніе положенія сельскихъ рабочихъ въ Ирландіи можно найти въ отчетахъ ирландскихъ инспекторовъ, вѣдающихъ попеченіе о бѣдныхъ (1870) [186d]). Какъ чиновникамъ правительства, которое держится только штыками и осаднымъ положеніемъ, иногда открытымъ, иногда скрытымъ, имъ приходится соблюдать всякія предосторожности въ выраженіяхъ, избѣгая такихъ, которыя могутъ придтись не по вкусу ихъ коллегамъ въ Англіи. Однако, не смотря на то, они не позволяютъ себѣ убаюкивать правительство, оставляя его въ невѣдѣніи. По ихъ показаніямъ норма рабочей платы страны, хотя все еще крайне низкая, за послѣднія 20 лѣтъ повысилась на 50—60%, и въ настоящее время, въ среднемъ, доходитъ отъ 6 до 9 шилл. въ недѣлю. Но за этимъ кажущимся повышеніемъ скрывается дѣйствительное пониженіе рабочей платы, такъ какъ оно вовсе не соотвѣтствуетъ повышенію цѣнъ на необходимѣйшіе предметы существованія, которое произошло за это время. Въ подтвержденіе приводимъ слѣдующее извлеченіе изъ оффиціальныхъ отчетовъ объ ирландскихъ рабочихъ домахъ.

Средній еженедѣльный расходъ на содержаніе одного человѣка:

Годъ.	На ѣду.	На одежду.	Всего.
29-го сент. 1848—29-го сент. 1894 г.	1 шил. $3^1/_4$ пенс.	0 ш. 3 п.	1 шилл. $6^1/_4$ пенс.
29-го сент. 1868—29-го сент. 1869 »	2 » $7^1/_4$ »	0 » 6 »	3 » $1^1/_4$ »

Отсюда видно, что за 20 лѣтъ расходъ на продовольственныя средства возросъ нѣсколько болѣе чѣмъ вдвое, а на одежду ровно вдвое.

Даже независимо отъ такого несоотвѣтствія, простое сравненіе нормы рабочей платы, выраженной въ деньгахъ, даетъ далеко не точный результатъ. До голода большая часть земледѣльческаго заработка выплачивалась натурой, и только незначительная часть деньгами; въ настоящее время уплата деньгами составляетъ правило. Слѣдовательно, какова-бы ни была сумма дѣйствительнаго заработка, денежная его норма должна повыситься. «До голода рабочій обладалъ клочкомъ земли въ полъ акра и имѣлъ возможность садить картофель. Онъ могъ держать свинью, домашнихъ птицъ...Теперь-же рабочимъ приходится покупать хлѣбъ, у нихъ, кромѣ того, нѣтъ остатковъ, которыми-бы они могли кормить свинью или птицъ, благодаря этому они потеряли доходы отъ продажи свиньи, куръ, яицъ» [187]).

Въ дѣйствительности, прежде, сельскіе рабочіе не отличались отъ самыхъ мелкихъ фермеровъ, и по большей части образовали собою нѣчто въ родѣ аррьергарда среднихъ и крупныхъ фермъ, на которыхъ находили себѣ занятіе. Только послѣ катастрофы 1846 года они начали составлять изъ себя часть класса чисто наемныхъ рабочихъ, особенное сословіе, связанное съ нанимателями исключительно лишь денежными отношеніями.

Мы знаемъ, каково было положеніе ихъ жилищъ въ 1846 году. Съ тѣхъ поръ оно еще ухудшилось. Часть земледѣльческихъ рабочихъ, которая однако изо-дня въ день уменьшается, все еще живетъ на земляхъ арендатора въ переполненныхъ лачугахъ, безобразіе которыхъ далеко превосходитъ худшее, что даютъ намъ въ этомъ

въ сочиненіи Murphy: «Ireland, Industrial, Political and Social, 1870», 94,6% земли образуютъ аренды меньше 100 акровъ, и 5,4% аренды выше 100 акровъ.

[186d]) Reports from the Poor Law Inspectors on the Wages of Agricultural Labourers, Dublin 1870, Ср. также «Agricultural Labourers (Ireland) Return etc, 8 March 1862, London, 1862».

[187]) l. c. p. 29, 1.

отношеніи англійскіе земледѣльческіе округа. И это относится ко всей странѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Ульстера: на югѣ, въ графствахъ Коркъ, Лимерикъ, Килкенни и т. д.; на востокѣ—въ Уикло, Уэксфордѣ и т. д.; въ центральной Ирландіи, въ King's and Queen's county, въ Дублинѣ и т. д.; на сѣверѣ въ Доунѣ, Антримѣ, Тиронѣ и т. д. на западѣ въ Слиго, Роскомонѣ, Мэйо, Голуэй и т. д. «Лачуги земледѣльческихъ рабочихъ», восклицаетъ инспекторъ, «это позоръ для христіанства и для цивилизаціи этой страны» [187a]). Чтобы сдѣлать рабочимъ эти норы сноснѣе, систематически конфискуются клочки земли, принадлежащіе къ нимъ съ незапамятныхъ временъ. «Простое сознаніе, что они постоянно живутъ подъ страхомъ такого рода лишенія со стороны лэндлордовъ и ихъ управляющихъ... породило въ умахъ рабочихъ соотвѣтственное чувство антагонизма и недовольства къ тѣмъ, которые относятся къ нимъ, какъ къ какой-то безправной расѣ» [187b]).

Первымъ дѣломъ земледѣльческаго переворота было сломать лачуги, расположенныя на мѣстѣ работъ. Это было произведено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какъ будто по какому-то распоряженію, исходящему свыше. Такимъ образомъ многіе рабочіе были принуждены искать убѣжища въ деревняхъ и городахъ. Они были выкинуты какъ какіе-то отбросы въ норы, подвалы, на чердаки, углы самыхъ худшихъ кварталовъ. Тысячи ирландскихъ семействъ, которыя, по свидѣтельству самихъ проникнутыхъ національными предразсудками англичанъ, отличаются своею рѣдкою привязанностью къ домашнему очагу, своею веселостью и чистотою домашней жизни, сразу попали въ разсадникъ порока. Мужчины были принуждены теперь искать работы на сосѣднихъ фермахъ, ихъ нанимали лишь поденно, слѣдовательно заработокъ ихъ зависѣлъ только отъ случая. Вслѣдствіе этого «имъ иногда приходилось очень далеко отправляться на работу, зачастую приходилось мокнуть подъ дождемъ и подвергаться другимъ невзгодамъ, нерѣдко заканчивающимся болѣзнями и нуждою»

«Изъ года въ годъ города вынуждены были поглощать то, что считалось излишкомъ рабочихъ въ сельскихъ округахъ» [187c]) и послѣ всего этого еще удивляются, «что въ городахъ и деревняхъ все еще существуетъ излишекъ труда, и или недостатокъ, или предполагаемый недостатокъ его въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ» [187d]). Истина заключается въ томъ, что недостатокъ становился чувствительнымъ только «во время жатвы или весною, или во время наибольшихъ сельскихъ работъ, въ остальное время года многія рабочія руки не имѣютъ занятій» [187e]); что, «послѣ того какъ въ октябрѣ собранъ картофель, до ранней слѣдующей весны... для нихъ нѣтъ работъ» [187f]), и что затѣмъ въ страдное время «они теряютъ часто цѣлые дни, и работы подвергаются всевозможнымъ перерывамъ» [187g]).

Такія послѣдствія переворота въ земледѣліи—т.-е. обращеніе пахоти въ пастбище, введеніе машинъ, крайняя экономія въ пользованіи трудомъ и т. д.—отягчаются еще болѣе образцовыми лэндлордами, которые вмѣсто того чтобы тратить получаемую ими ренту за границей, удостоиваютъ жить въ собственныхъ помѣстьяхъ. Для того, чтобы не нарушался законъ спроса и предложенія, эти господа извлекаютъ «въ настоящее время необходимое имъ количество труда главнымъ образомъ изъ своихъ арендаторовъ, которые обязаны выходить на работы для лэндлорда по первому зову, на плату въ большинствѣ случаяхъ значительно низшую сравнительно съ тою, какую платятъ обыкновеннымъ рабочимъ, причемъ вовсе не обращается вниманія на неудобства или убытки, которые несетъ самъ арендаторъ, будучи принужденъ въ время посѣва или жатвы бросать работы въ собственномъ хозяйствѣ» [187h])

Неопредѣленность и непостоянство занятій, частая и продолжительная безработица, всѣ эти признаки относительнаго избытка населенія, изображаются поэтому въ отчетахъ инспекторовъ какъ источники бѣдствій сельскаго пролетаріата. Читатель помнитъ, что мы были свидѣтелями того-же самаго среди земледѣльческаго пролетаріата Англіи. Но разница въ томъ, что въ такой промышленной странѣ, какъ Англія, промышленный запасъ набирается въ сельскихъ округахъ, тогда какъ въ Ирландіи, странѣ земледѣльческой, земледѣльческій запасъ набирается въ городахъ, этихъ убѣжищахъ изгнанныхъ сельскихъ рабочихъ. Въ Англіи сверхкомплектные въ земледѣліи превращаются въ фабричныхъ рабочихъ; въ Ирландіи лица, вынужденныя перебираться въ города, производя давленіе на заработную плату въ городахъ, остаются сельскими рабочими, и постоянно отсылаются обратно въ сельскіе округа на поиски за работой.

Оффиціальные составители отчета резюмируютъ матеріальное положеніе сельскаго рабочаго слѣдующимъ образомъ. «Хотя онъ живетъ крайне экономно, но его собственнаго заработка едва хватаетъ на покупку пищи для семейства обычныхъ размѣровъ и для найма квартиры, такъ что ему приходится разсчитывать на другіе источники, для того чтобы одѣться самому, и одѣть свою жену и дѣтей... Атмосфера этихъ лачугъ, вмѣстѣ съ другими лишеніями, которымъ

[187a]) l. c. p. 12.
[187b]) l. c. p. 25.
[187c]) l. c. p. 27.
[187d]) p. 1.

[187e]) p. 1.
[187f]) p. 32.
[187g]) p. 25.
[187h]) p. 30.

они подвергаются, сдѣлала этотъ классъ въ особенности подверженнымъ заболѣваніямъ тифомъ и легочной чахоткой» [187i]). Послѣ всего этого нѣтъ ничего удивительнаго, что по единогласному свидѣтельству инспекторовъ мрачное недовольство охватываетъ всѣ ряды этого класса, что они мечтаютъ возвратиться къ прошлому, проклинаютъ настоящее, отчаяваются въ будущемъ, «поддаются пагубному вліянію демагоговъ», и имѣютъ только одну мысль — эмигрировать въ Америку. Вотъ чѣмъ стала земля преизобилія, зеленый Эринъ, съ его молочными рѣками въ кисельныхъ берегахъ, благодаря излюбленному средству мальтузіанцевъ, обезлюденію.

Для того, чтобы получить понятіе о благоденствіи ирландскаго фабричнаго рабочаго, достаточно привести только одинъ примѣръ.

«Во время моего недавняго посѣщенія сѣвера Ирландіи», говоритъ англійскій фабричный инспекторъ Robert Baker, «меня поразили старанія одного искуснаго ирландскаго рабочаго дать образованіе своимъ дѣтямъ. Я привожу его показанія буквально, какъ слышалъ отъ него самого. Что онъ дѣйствительно искусный работникъ, видно изъ того, что онъ работалъ при изготовленіи товаровъ для манчестерскаго рынка. Johnson: По занятію я—beetler; работаю съ 6-ти часовъ утра до 11-ти часовъ ночи, съ понедѣльника до пятницы; по субботамъ мы кончаемъ въ 6 часовъ вечера, 3 часа намъ дается на ѣду и отдыхъ. У меня пятеро дѣтей. За свою работу я получаю въ недѣлю 10 шилл. 6 пенс.; жена моя также работаетъ здѣсь и получаетъ въ недѣлю 5 шилл. Старшая 12-ти-лѣтняя дочь смотритъ за домомъ, она наша кухарка и единственная помощница. Она подготовляетъ дѣтей въ школу. Жена моя вмѣстѣ со мною встаетъ и вмѣстѣ уходитъ. Дѣвочка, которая проходитъ мимо нашего дома, будитъ меня въ половинѣ 6-го. Передъ отправленіемъ на работу мы ничего не ѣдимъ. Двѣнадцатилѣтній ребенокъ смотритъ за младшими дѣтьми цѣлый день. Завтракаемъ мы въ 8 часовъ, и для этого ходимъ домой; чай у насъ бываетъ разъ въ недѣлю; въ другіе-же дни у насъ бываетъ размазня. иногда овсяная, а при возможности кукурузная. Зимой мы прибавляемъ немного сахарной воды къ нашей кукурузѣ. Лѣтомъ мы собираемъ картофель, которымъ сами засѣваемъ клочекъ земли; когда-же его съѣдимъ, то принимаемся опять за размазню. Такъ идетъ изо дня въ день, въ праздникъ и будни, круглый годъ. По вечерамъ, послѣ дневной работы, я всегда страшно устаю. Немного мяса мы ѣдимъ въ исключительныхъ случаяхъ, но очень рѣдко. Трое нашихъ дѣтей ходятъ въ школу и мы платимъ по одному пенни за каждаго въ недѣлю. Наемъ дома стоитъ въ недѣлю. 9 пенс.; торфъ для топки составляетъ по крайней мѣрѣ 1 шилл. 6 пенс. въ 14 дней» [188]). Вотъ какова ирландская рабочая плата, вотъ какова ирландская жизнь!

Дѣйствительно, въ Англіи ирландская нищета стала опять вопросомъ дня. Въ концѣ 1866 и въ началѣ 1867 года, одинъ изъ ирландскихъ земельныхъ магнатовъ, лордъ Dufferin, приступилъ къ разрѣшенію этого вопроса въ Times'ѣ. «Wie menschlich von solch' grossem Herrn!» («Какъ это человѣчно со стороны такого важнаго господина!» сказалъ Мефистофель).

Изъ таблицы E мы видѣли, что, между тѣмъ какъ въ 1864 г. изъ всей прибыли въ 4.368,610 ф. ст. три фабриканта прибавочной стоимости получили только 262,610 ф. ст., тѣ-же три виртуоза «воздержанія» въ 1865 году, изъ общей прибыли въ 4.669,970 ф. ст., положили въ карманъ уже 274,448 ф. ст.; въ 1864 г. 26 такихъ господъ получили 646,377 ф. стерл.; а въ 1865—28 человѣкъ—736,448; въ 1864—121 лицо—1.066,912 ф. ст.; въ 1865—186 человѣкъ 1.320,996 ф. ст.; 1864 — 1,131 лицо—2.150,818 ф. ст., т.-е. около половины всей годичной прибыли, а въ 1863 — 1,194 человѣка—2.418,933 ф. ст., т.-е. уже болѣе половины всей годичной прибыли. Львиная-же доля, поглощаемая ничтожнѣйшимъ числомъ земельныхъ магнатовъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи изъ всей годичной ренты, такъ чудовищна, что англійская государственная мудрость находитъ даже болѣе удобнымъ вовсе не доставлять того статистическаго матеріала относительно распредѣленія поземельной ренты, какой доставляется относительно распредѣленія прибыли. Лордъ Dufferin одинъ изъ такихъ магнатовъ. Допускать, что рента или прибыль можетъ быть «излишня», или что избытокъ ея зависитъ какимъ нибудь образомъ отъ избытка народныхъ бѣдствій,—конечно столь-же «не респектабельно» (irrespectable) какъ и «неразумно» (unsound). Онъ придерживается только фактовъ. Факты-же говорятъ, что по мѣрѣ уменьшенія народонаселенія, ирландскія ренты повышаются, что обезлюденіе «благопріятно» поземельнымъ собственникамъ, слѣдовательно и землѣ, а слѣдовательно и народу, который есть только принадлежность земли. Онъ заявляетъ, поэтому, что въ Ирландіи все еще есть избытокъ населенія и что потокъ эмиграціи течетъ все еще слишкомъ лѣниво. Чтобы быть вполнѣ счастливой, Ирландія должна была-бы отпустить по крайней мѣрѣ еще 1/3 милліона рабочаго народа. Не слѣдуетъ думать, что этотъ лордъ-поэтъ принадлежитъ къ школѣ доктора Санградо, который предписывалъ кровопусканіе всякій разъ, когда находилъ своего больного невыздоровѣвшимъ, а если и это не помогало, то дѣлалъ новое крово-

[187i]) p. 21, 13.

[188]) «Reports of Insp. of Factories, for 31 Oct. 1866». London 1867, p. 96.

пусканіе, и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока у пацієнта вмѣстѣ съ кровью не исчезала и болѣзнь. Lord Dufferin предлагаетъ новое кровопусканіе всего только въ 1/3 милліона вмѣсто 2-хъ милліоновъ, безъ удаленія которыхъ, на самомъ дѣлѣ, немыслимъ рай въ Ирландіи. Доказательства представить легко.

Число и размѣръ фермъ въ 1864 году въ Ирландіи:

1. Фермы не больше одного акра.		2. Фермы больше одного акра, но меньше пяти.	
Число.	Площадь.	Число.	Площадь.
48,653	25,394	82,037	288,916
3. Фермы больше 5 акровъ, но меньше 15.		4. Фермы больше 15, но меньше 30 акровъ.	
Число.	Площадь.	Число.	Площадь.
176,368	1.836,310	136,578	3.051,343
5. Фермы больше 30, но меньше 50 акровъ.		6. Фермы больше 50, но меньше 100 акровъ.	
Число.	Площадь.	Число.	Площадь.
71,961	2.906,274	54,247	3.983,880
7. Фермы больше 100 акровъ.		8. Вся площадь.	
Число.	Площадь.		
31,927	8.227,807	20.319,924 акра. [188a])	

Сосредоточеніе хозяйствъ съ 1851 г. по 1861 г. уничтожало, преимущественно, аренды первыхъ трехъ категорій, т.-е. не превышающія 15-ти акровъ. Онѣ должны исчезнуть раньше всего. Это даетъ 307,058 «излишнихъ» арендаторовъ, считая-же среднимъ числомъ ихъ семейства состоящими изъ 4 человѣкъ, всего 1.228, 232 человѣка. Дѣлая невѣроятно преувеличенное предположеніе, что 1/4 этихъ лицъ найдутъ себѣ занятіе въ странѣ по совершеніи земледѣльческаго переворота, мы все-таки получаемъ 921,174 лица, которыя должны эмигрировать. 4-я, 5-я и 6-я категоріи, начиная отъ 15 и не выше 100 акровъ, какъ уже давно извѣстно въ Англіи, слишкомъ малы для капиталистическаго земледѣлія, для овцеводства-же представляютъ почти безконечно-малыя величины. При такой-же невѣроятно высокой оцѣнкѣ числа оставшихся, какая сдѣлана выше, должно эмигрировать, слѣдовательно, еще 788,761 человѣкъ, всего 1.709,532 человѣка. А такъ какъ l'appétit vient en mangeant, то глаза рентьеровъ найдутъ, что Ирландія и съ $3^1/_2$ милліонами слишкомъ бѣдствуетъ, а бѣдствуетъ оттого, что чрезмѣрно населена, и потому населеніе ея должно еще болѣе уменьшиться, для того чтобы она могла, наконецъ, выполнить свое истинное призваніе— быть англійской овчарней и пастбищемъ [188b]).

Этотъ доходный способъ, какъ все прекрасное на семъ свѣтѣ, имѣетъ свою дурную сторону.

[188a]) Въ это послѣднее число включены также «болота и невоздѣланная земля».

[188b]) Какимъ образомъ голодомъ и его послѣдствіями обдуманно воспользовались отдѣльные землевладѣльцы и англійское законодательство, для того, чтобы силою произвести земледѣльческій переворотъ и разрѣдить населеніе Ирландіи до размѣровъ, потребныхъ для лэндлордовъ, я покажу болѣе обстоятельно въ III книгѣ настоящаго сочиненія, въ отдѣлѣ о земельной собственности. Теперь-же достаточно одной выдержки. Nassau W. Senior, въ своемъ посмертномъ сочиненіи (Journals, Conversations and Essays, relating to Ireland» (2 vol. London 1868. II Vol. p. 282), между прочимъ говоритъ: «Прекрасно, сказалъ Dr. G., мы получили свой собственный законъ о бѣдныхъ, и это сильное орудіе въ рукахъ лэндлордовъ, для того чтобы побѣда была на ихъ сторонѣ. Другое и еще болѣе могучее орудіе, это эмиграція... Ни одинъ изъ друзей Ирландіи не можетъ пожелать, чтобы война продолжалась (между лэндлордами и мелкими кельтійскими арендаторами), и еще менѣе, чтобы она покончилась побѣдой арендаторовъ... Чѣмъ скорѣе она (война) покончится, тѣмъ скорѣе Ирландія станетъ пастбищной страной (grazing country), съ относительно рѣдкимъ населеніемъ, какъ это требуется для пастбищной страны, тѣмъ будетъ лучше для всѣхъ классовъ». Англійскіе хлѣбные законы 1815 года сохраняли за Ирландіей монополію безпошлиннаго ввоза хлѣбовъ въ Великобританію. Слѣдовательно они искусственно благопріятствовали земледѣлію. Въ 1846 году, вмѣстѣ съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ, внезапно прекратилась и монополія. Независимо отъ всѣхъ остальныхъ условій, только одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы дать сильный толчокъ для обращенія въ

Параллельно съ накопленіемъ поземельной ренты въ Ирландіи, происходитъ накопленіе ирландцевъ въ Америкѣ. Ирландецъ, вытѣсненный овцами и волами, является по ту сторону океана въ видѣ фенія. И противъ старой владычицы морей все грознѣе и грознѣе подымается юная гигантская республика.

> Acerba fata Romanos agunt
> Scelusque fraternae necis *)

Ирландіи пахотной земли въ пастбища, для сосредоточенія фермъ и для изгнанія мелкихъ землевладѣльцевъ. Послѣ того какъ, начиная съ 1815 до 1846 г., постоянно восхвалялось плодородіе ирландской почвы и громко провозглашалось, что она предназначена самой природой для воздѣлыванія пшеницы,—англійскіе экономисты, агрономы, политики вдругъ открыли, что она ни на что болѣе не годна, какъ только для производства корма для скота: Mr. Léon de Lavergne поторопился повторить ихъ слова по другую сторону канала. Надо быть такимъ «серьезнымъ» человѣкомъ какъ Lavergne, чтобы дать себя поймать подобнымъ ребячествомъ.

*) Злой рокъ и преступленіе братоубійства тяготѣютъ надъ римлянами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Такъ называемое первоначальное накопленіе.

1) Тайна первоначальнаго накопленія.

Мы видѣли, какимъ образомъ деньги обращаются въ капиталъ, какъ изъ капитала дѣлается прибавочная стоимость и какъ посредствомъ прибавочной стоимости увеличивается капиталъ. Но накопленіе капитала предполагаетъ прибавочную стоимость, прибавочная стоимость предполагаетъ капиталистическое производство; послѣднее, въ свою очередь, предполагаетъ существованіе крупныхъ капиталовъ въ рукахъ товаро-производителей. Слѣдовательно, весь процессъ движется повидимому въ порочномъ кругѣ, изъ котораго можно выйти, предположивъ, что капиталистическому накопленію предшествовало «первоначальное» накопленіе (previous accumulation, предварительное накопленіе Адама Смита), т.-е. такое, которое является исходною точкою капиталистическаго способа производства, а не результатомъ его.

Это первоначальное накопленіе въ политической экономіи играетъ почти ту-же роль, какъ грѣхопаденіе въ теологіи. Адамъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода, и чрезъ это грѣхъ проникъ въ родъ человѣческій. Происхожденіе этого накопленія объяснится, если его разсказать, какъ анекдотъ изъ прошлыхъ временъ. Въ старину, съ одной стороны, были трудолюбивые лучшіе люди, въ особенности одаренные хозяйственными наклонностями, а съ другой—лѣнивые, сволочь, которые пьянствовали съ утра до поздней ночи. Исторія грѣхопаденія въ теологіи конечно разсказываетъ намъ какимъ образомъ человѣкъ былъ осужденъ въ потѣ лица заработывать хлѣбъ свой; исторія-же экономическаго грѣхопаденія показываетъ намъ, что есть люди, для которыхъ это ни въ какомъ случаѣ не составляетъ необходимости. Но это все равно. Отъ этого и произошло то, что первые накопили богатство, а послѣднимъ въ концѣ концовъ ничего не оставалось продавать, кромѣ своей собственной шкуры. Съ этого грѣхопаденія и начинается нищета большинства, у котораго все еще, несмотря ни на какую работу, нѣтъ ничего для продажи кромѣ самихъ себя, и богатство немногихъ, которое непрерывно увеличивается, несмотря на то, что они уже давно прекратили работать. Подобныя ребяческія глупости повторяются чуть не каждый день, какъ это дѣлалъ напримѣръ съ государственно-важною торжественностью Тьеръ, для защиты propriété предъ французами, когда-то столь остроумными. Какъ только возникаетъ вопросъ о собственности, то считается священнымъ долгомъ придерживаться точки зрѣнія дѣтскихъ букварей, какъ единственной годной для всѣхъ возрастовъ и степеней развитія.

Въ дѣйствительной исторіи, какъ извѣстно, завоеваніе, порабощеніе, разбой, словомъ сила играла большую роль. Въ благодушныхъ-же лѣтописяхъ политической экономіи, наоборотъ, всегда господствовала идиллія: право и «трудъ» были всегда единственными средствами обогащенія, разумѣется каждый разъ за исключеніемъ «нынѣшняго года». На самомъ-же дѣлѣ способы первоначальнаго накопленія представляютъ все что угодно, но только не идиллію.

Деньги и товаръ сами по себѣ, точно также какъ средства производства и средства существованія, не представляютъ капитала. Нужно обратить ихъ въ капиталъ. Но самый этотъ процессъ превращенія можетъ произойти только при опредѣленныхъ условіяхъ, которыя сводятся къ слѣдующему. Два совершенно разнородные товаровладѣльца должны быть противопоставлены другъ другу и войти въ соприкосновеніе: съ одной стороны владѣлецъ денегъ, средствъ производства и существованія, который стремится увеличить сумму принадлежащихъ ему стоимостей покупкой чужой рабочей силы; съ другой стороны, свобод-

ный рабочій продавецъ собственной рабочей силы, а слѣдовательно продавецъ труда: рабочій свободный въ двоякомъ смыслѣ, т.-е., ни онъ самъ не принадлежитъ непосредственно къ условіямъ производства, какъ рабы, крѣпостные и т. п., ни условія производства не принадлежатъ ему, какъ это бываетъ у крестьянъ, имѣющихъ собственное хозяйство и т. п., другими словами онъ свободенъ отъ нихъ. Этою поляризаціей товарнаго рынка и даются основныя условія для капиталистическаго производства. Капиталистическія отношенія предполагаютъ отдѣленіе рабочихъ отъ собственности во время осуществленія труда. Какъ только капиталистическое производство стало уже на собственныя ноги, оно не только сохраняетъ это отдѣленіе, но воспроизводитъ его все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Поэтому процессъ, создающій капиталистическія отношенія, можетъ быть только процессомъ отдѣленія рабочаго отъ условій труда, процессомъ, который, съ одной стороны, превращаетъ общественныя средства существованія и производства въ капиталъ, съ другой стороны непосредственнаго производителя—въ наемнаго рабочаго. Стало быть, такъ называемое первоначальное накопленіе есть ни что иное, какъ историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства. Онъ кажется «первоначальнымъ» потому, что составляетъ до-историческую стадію капитала и соотвѣтствующаго ему способа производства.

Экономическое строеніе капиталистическаго общества возникло изъ экономическаго строенія феодальнаго общества. Разложеніе послѣдняго сдѣлало свободными элементы для перваго.

Непосредственный производитель, рабочій, получилъ возможность располагать собою лишь послѣ того, какъ пересталъ быть прикрѣпленнымъ къ землѣ, и пересталъ быть рабомъ, крѣпостнымъ, собственностью другого. Для того, чтобы стать свободнымъ продавцемъ рабочей силы, который несетъ свой товаръ повсюду, гдѣ найдетъ рынокъ, онъ затѣмъ долженъ былъ отдѣлаться отъ власти гильдіи, съ ихъ правилами объ ученикахъ и подмастерьяхъ и съ тѣми затрудненіями, которыя представляетъ регулированіе работъ. Вслѣдствіе этого историческое движеніе, которое обращаетъ производителей въ наемныхъ рабочихъ, представляется съ одной стороны освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостничества и путъ, которыми ихъ связывали гильдіи; только одна эта сторона существуетъ для нашихъ буржуазныхъ историковъ. Но, съ другой стороны, эти вновь освобожденные стали продавцами самихъ себя лишь послѣ того, какъ были лишены своихъ собственныхъ средствъ производства и всѣхъ обезпеченій существованія, которыя давалъ имъ старый феодальный порядокъ. А эта исторія, исторія ихъ экспропріаціи, написана въ лѣтописяхъ человѣчества кровью и желѣзомъ.

Промышленные капиталисты, эти новые властелины, съ своей стороны, не только принуждены были замѣстить цеховыхъ ремесленныхъ мастеровъ, но также феодальныхъ лордовъ, владѣльцевъ источниковъ богатства. Въ этомъ смыслѣ пріобрѣтеніе ими общественной власти представляется плодомъ побѣды какъ надъ феодальными властелинами и ихъ возмутительными прерогативами, такъ и надъ гильдіями и тѣми стѣсненіями, которыя онѣ налагали на свободное развитіе производства и на свободную эксплуатацію человѣка человѣкомъ. Однако рыцари промышленности получили возможность замѣстить рыцарей шпаги, только воспользовавшись событіями, въ которыхъ сами они были совершенно неповинны. Они возвысились при помощи средствъ столь-же низкихъ, какъ тѣ, при помощи которыхъ нѣкогда римскій освобожденный рабъ сталъ господиномъ своего прежняго хозяина.

Исходною точкою развитія общественныхъ отношеній, изъ которыхъ возникли какъ наемные рабочіе, такъ и капиталисты, служило крѣпостное состояніе рабочаго. Шагъ впередъ состоялъ въ измѣненіи формы подчиненія, въ превращеніи феодальной эксплуатаціи въ эксплуатацію капиталистическую. Чтобы понять ходъ этого развитія намъ вовсе нѣтъ необходимости обращаться къ сѣдой старинѣ; хотя зачатки капиталистическаго производства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по берегамъ Средиземнаго моря можно встрѣтить уже въ XIV и XV-мъ столѣтіяхъ, но капиталистическое лѣтосчисленіе начинается только съ XVI-го столѣтія. Тамъ, гдѣ эта эпоха наступила, уничтоженіе крѣпостного состоянія произошло уже давно, а высшее развитіе среднихъ вѣковъ, — существованіе владѣтельныхъ городовъ —уже давно клонилось къ упадку.

Въ исторіи первоначальнаго накопленія наиболѣе выдающимися событіями были всѣ перевороты, которые служили рычагами для поднятія возникающаго класса капиталистовъ, въ особенности-же тѣ моменты, когда огромныя массы людей внезапно и насильственно отторгались отъ средствъ ихъ существованія и выбрасывались на рабочій рынокъ какъ свободные и «незакрѣпленные» пролетаріи. Экспропріація сельскаго производителя, крестьянина, лишеніе его земли — вотъ основа всего процесса. Въ разныхъ странахъ исторія этой экспропріаціи принимаетъ различные оттѣнки, и проходитъ различныя фазы въ неодинаковой послѣдовательности и въ различные періоды времени. Только въ Англіи, которую мы возьмемъ для примѣра она является въ классической формѣ [189]).

---

[189]) Въ Италіи, гдѣ капиталистическое производство развилось раньше всѣхъ другихъ странъ, и крѣпостное право исчезло также раньше всѣхъ. Крѣпостной освобождался здѣсь прежде

2) Экспропріація сельскаго населенія.

Въ Англіи крѣпостное право фактически было уничтожено въ концѣ XIV-го столѣтія. Громадное большинство населенія [190]) состояло тогда, а еще болѣе въ XV-мъ столѣтіи, изъ свободныхъ крестьянъ, имѣющихъ собственныя хозяйства, все равно подъ какими-бы феодальными правами ни скрывалось ихъ право собственности. Въ крупныхъ господскихъ имѣніяхъ управитель (bailif)—прежде также крѣпостной—былъ вытѣсненъ свободнымъ арендаторомъ. Сельскіе наемные рабочіе состояли частью изъ крестьянъ, которые употребляли свое свободное время на работы землевладѣльцевъ, частью изъ самостоятельнаго, какъ относительно, такъ и абсолютно, очень малочисленнаго класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Но и послѣдніе фактически были въ то-же время крестьянами съ собственнымъ хозяйствомъ, такъ какъ они кромѣ платы получали коттэджъ съ 4 и болѣе акрами земли. Кромѣ того они, наравнѣ съ настоящими крестьянами, пользовались общинной землей, гдѣ пасся ихъ скотъ и которая давала имъ вмѣстѣ съ тѣмъ топливо: дрова, торфъ и т. п. [191]). Во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ феодальное производство характеризуется дѣленіемъ земли между возможно большимъ числомъ посельниковъ. Сила феодальныхъ бароновъ, какъ всякаго государя, основывалась не на величинѣ ихъ рентъ, а на числѣ ихъ подданныхъ, послѣднее-же зависѣло отъ числа крестьянъ съ самостоятельнымъ хозяйствомъ, поселившихся въ ихъ владѣніяхъ [192]). Поэтому, хотя англійская земля послѣ завоеванія норманами была раздѣлена на громаднѣйшія баронства, изъ которыхъ многія заключали въ себѣ часто до 900 старыхъ англосаксонскихъ лордствъ, тѣмъ не менѣе она была покрыта мелкими крестьянскими хозяйствами, только тамъ и сямъ прерываемыми большими господскими имѣніями. Такія условія, при одновременномъ процвѣтаніи городовъ,—чѣмъ отличается XV-е столѣтіе,—дали возможность развиться народному богатству, которое такъ краснорѣчиво изображено государственнымъ канцлеромъ Fortescue въ своемъ «Laudes Legum Angliae»: но оно исключало богатство капиталистическое.

Начало переворота, создавшаго почву для капиталистическаго способа производства, произошло въ послѣдней трети XV-го и въ первыя десятилѣтія XVI-го столѣтія. Уничтоженіемъ феодальныхъ дворовыхъ, которые, какъ справедливо замѣтилъ Sir James Steuart, «повсюду безполезно наполняли дома и замки», громадное число пролетаріевъ, свободныхъ подобно птицамъ, было выброшено на рабочій рынокъ. Хотя королевская власть, будучи сама продуктомъ гражданскаго развитія, своимъ стремленіемъ къ абсолютному господству насильственно ускорила распущеніе дворовыхъ, но она ни въ какомъ случаѣ не была единственной причиной. Крупные феодалы, скорѣе противъ желанія королевской власти и парламента, создали несравненно большее число пролетаріевъ принудительнымъ изгнаніемъ крестьянства съ земель,—на которыя послѣдніе имѣли тѣ-же самыя феодальныя права, какъ и феодалы,—и захватомъ ихъ общинныхъ земель.

чѣмъ успѣвалъ обезпечить давностью право на землю. Поэтому, освобожденіе обратило его тотчасъ въ пролетарія, свободнаго какъ птица; къ тому-же онъ нашелъ себѣ новыхъ господъ въ городахъ, бо̀льшая часть которыхъ была построена еще во времена римлянъ. Когда переворотъ, совершавшійся на всемірномъ рынкѣ въ концѣ XV-го столѣтія, уничтожилъ торговое преобладаніе сѣверной Италіи и вызвалъ упадокъ ея мануфактурной промышленности, то произошло движеніе въ противуположномъ направленіи. Рабочіе городовъ массами были вновь изгнаны въ сельскіе округа, гдѣ съ этого времени получило никогда до того не виданное развитіе мелкое земледѣліе въ такомъ видѣ, какъ ведется садоводство.

[190]) «Мелкіе землевладѣльцы, обработывавшіе свои поля собственными руками и пользовавшіеся скромнымъ довольствомъ.... составляли въ тѣ времена гораздо болѣе значительную часть населенія, чѣмъ въ настоящее время. Не менѣе 160,000 землевладѣльцевъ, которые со своими семействами должны были составлять не менѣе $^1/_7$ части всего населенія, получали средства для своего существованія отъ своихъ небольшихъ свободныхъ владѣній. Средній доходъ такихъ мелкихъ землевладѣльцевъ опредѣлялся въ 60—70 ф. стерл. Число обработывавшихъ свои собственныя земли, по произведенному расчету, было больше числа арендаторовъ чужой земли». (Macaulay: History of England 10-th ed. London, 1854, I 333—4. Еще въ концѣ XVII-го столѣтія болѣе $^4/_5$ всего населенія Англіи было земледѣльческимъ (l. c. p. 413). Я потому цитирую Маколэя, что онъ, въ качествѣ систематическаго фальсификатора исторія, по возможности «обрѣзываетъ» подобные факты.

[191]) Никогда не слѣдуетъ забывать, что сами крѣпостные были не только владѣльцами,—хотя и обложенными данью,—участковъ земли, принадлежащихъ къ ихъ домамъ, усадебной земли, но они были въ то-же время совладѣльцами и общиной земли. «Крестьяне тамъ (въ Силезіи) крѣпостные», но тѣмъ не менѣе эти крѣпостные владѣли общинными землями. «Жителей Силезіи до сихъ поръ нельзя было склонить къ раздѣлу общинныхъ земель, тогда какъ въ Неймаркѣ нѣтъ ни одной деревни, гдѣ-бы этотъ дѣлежъ не былъ произведенъ съ величайшимъ успѣхомъ». (Mirabeau: «De la Monarchie Prussienne. Londres 1788», t. II, p. 125, 126).

[192]) Японія, со своей чисто феодальной организаціей поземельной собственности и со своимъ развитіемъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ представляетъ гораздо болѣе вѣрную картину среднихъ вѣковъ Европы, чѣмъ всѣ наши историческія сочиненія написанныя большею частью съ предвзятыми буржуазными взглядами. Быть «либеральнымъ» на счетъ среднихъ вѣковъ очень удобно.

Въ Англіи непосредственнымъ поводомъ къ этому явился быстрый ростъ фландрской шерстяной мануфактуры и соотвѣтственное повышеніе цѣны на шерсть. Старое феодальное дворянство было поглощено большими феодальными войнами, новое-же было дитя своего времени, для котораго деньги составляли самую могущественную изъ силъ. Поэтому, лозунгомъ его стало обращеніе пашней въ пастбища для овецъ. Harrison, въ своемъ «Description of England, Prefixed to Holinshed's Chronicles», описываетъ какъ экспропріація мелкихъ крестьянъ раззоряетъ страну. «What care our great incroachers!» (Какое дѣло до этого нашимъ крупнымъ узурпаторамъ!) Крестьянскія жилища и коттэджи рабочихъ были силой раззорены или предоставлены собственному разрушенію отъ ветхости. «Если мы захотимъ», говоритъ Harrison, «сравнить старые инвентари рыцарскихъ имѣній, то найдемъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ исчезло много дворовъ.. что въ Англіи никогда не было такъ мало народа, какъ въ настоящее время... Каждый изъ городовъ и каждое изъ мѣстечекъ или совсѣмъ пришли въ упадокъ, или уменьшились болѣе чѣмъ на четверть или на половину, хотя нѣкоторые изъ нихъ могли и увеличиться... Я могъ-бы разсказать кое что... о городахъ и деревняхъ, разрушенныхъ ради пастбищъ для овецъ и гдѣ остались только господскіе дома». Жалобы древнихъ хроникъ всегда преувеличены, но онѣ хорошо передаютъ впечатлѣніе, произведенное на самихъ современниковъ переворотами въ условіяхъ производства. Изъ сравненія сочиненій канцлера казначейства Fortescue и Thomas Morus'а можно наглядно видѣть пропасть, которая раздѣляетъ XV-ое и XVI-ое столѣтіе. Изъ золотого вѣка, какъ вѣрно замѣчаетъ Thornton, англійскій рабочій классъ былъ низвергнутъ безъ всякихъ переходовъ въ желѣзный.

Правительство испугалось этого переворота. Оно не находилось еще на той высотѣ цивилизаціи, когда «Wealth of the Nation», т.-е. образованіе капитала и безпощадная эксплуатація и обѣдненіе массъ народа стало считаться верхомъ государственной мудрости. Бэконъ, въ своей «Исторіи Генриха VII» говоритъ: «Около этого времени (1489 г.) увеличились жалобы на обращеніе пашней, которыя нельзя обработывать, не имѣя людей, въ пастбища (для овецъ и т. п.), для которыхъ достаточно нѣсколько пастуховъ. Многолѣтняя, пожизненная аренда, аренда на одинъ годъ, всѣ эти виды аренды, которыми жили свободные поселяне, превратились въ господскія владѣнія. Это вызвало раззореніе народа, а слѣдовательно упадокъ городовъ, церквей, уменьшеніе десятинъ и т. п... Король и парламентъ приняли мѣры противъ этой опустошительной узурпаціи общинныхъ земель, огораживанія (depopulating inclosures), и слѣдовавшаго за нею по пятамъ опустошительнаго пастбищнаго хозяйства (depopulating pasture)». Закономъ Генриха VII, 1489 г. с. 19, было запрещено ломать такіе крестьянскіе дома, къ которымъ принадлежало по крайней мѣрѣ 20 акровъ земли. 25 актомъ Генриха VIII, этотъ законъ былъ возобновленъ. Тамъ, между прочимъ, читаемъ, что «многія аренды и большія количества скота, въ особенности овецъ, накопляются въ немногихъ рукахъ, благодаря чему земельная рента сильно повышается, земледѣліе (tillage) приходитъ въ упадокъ, церкви и дома разрушаются, множество людей лишаются средствъ для содержанія самихъ себя и своихъ семействъ». Законъ повелѣваетъ возобновить дома фермеровъ, пришедшіе въ упадокъ, опредѣляетъ отношеніе между размѣрами хлѣбопашества и пастбищей и т. п. Актъ 1533 года жалуется, что многіе имѣютъ болѣе 24,000 головъ овецъ, и ограничиваетъ ихъ число 2,000 [193]). Народныя жалобы и законодательство, направленное со временъ Генриха VII въ теченіе 150 лѣтъ противъ экспропріаціи мелкихъ арендаторовъ и крестьянъ, были одинаково безплодны. Тайну ихъ безсознательно выдаетъ намъ самъ Бэконъ. «Актъ Генриха VII», говоритъ онъ въ своихъ «Essays, civil and moral. Sect 20», «былъ глубокъ и достоинъ удивленія, такъ какъ онъ далъ опредѣленный нормальный размѣръ сельскимъ хозяйствамъ и крестьянскимъ домамъ, т.-е. сохранилъ для нихъ такой участокъ земли, который давалъ возможность подданнымъ имѣть достаточное богатство и независимое положеніе и заставлялъ держать плугъ въ рукахъ собственниковъ, а не наемниковъ» («to keep the plough in the hand of the owners and not hirelings [193a]).

---

[193]) Thomas Morus въ своей «Утопіи»» говоритъ объ удивительной странѣ, гдѣ «овцы пожираютъ людей». («Utopia», transl. Robinson, ed. Arbor. London 1869, p. 41).

[193a]) Бэконъ указываетъ на связь, которая существуетъ между свободнымъ достаточнымъ крестьянствомъ и хорошею пѣхотою. «Чрезвычайно важно для могущества королевства и для его значенія, чтобы въ немъ были фермы настолько достаточныхъ размѣровъ, чтобы онѣ могли безбѣдно содержать сильныхъ людей и чтобы большая часть земли была закрѣплена во владѣніи ««yeomanry» или въ рукахъ лицъ, по положенію среднихъ между дворянствомъ и бобылемъ cottagers, или батракомъ. Дѣйствительно общее мнѣніе вполнѣ компетентныхъ военныхъ.... таково, что главнѣйшая сила арміи заключается въ инфантеріи или пѣхотѣ. Но, для сформированія хорошей пѣхоты, нужно имѣть людей, которые-бы воспитывались не въ подчиненности или въ нуждѣ, а пользуясь свободой и извѣстнымъ довольствомъ. Слѣдовательно, если государство заботится по преимуществу о своихъ дворянахъ и джентельмэнахъ, тогда какъ земледѣльцы и пахари остаются просто ихъ поденщиками и батраками или бобылями, т. - е. нищими, имѣющими кровъ, то оно будетъ въ состояніи имѣть хорошую кавалерію, но у него никогда не будетъ стойкой пѣхоты.... Это мы видимъ во Франціи, въ Испаніи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ,

Капиталистическое производство, напротивъ того требовало подчиненнаго положенія массъ народа, обращенія ихъ самихъ въ наемниковъ, а ихъ рабочихъ средствъ въ капиталъ. Въ теченіе этого переходнаго времени законодательство старается сохранить также 4 акра земли около коттэджей сельскихъ наемныхъ рабочихъ, запрещая въ то-же время принимать имъ жильцовъ въ свои собственные коттэджи. Еще въ 1627 году, при Іаковѣ I, Roger Crocker, изъ Frontmill, былъ осужденъ за то, что построилъ коттэджъ, къ которому не принадлежало 4 акровъ земли; еще въ 1638 году, при Карлѣ I, была назначена королевская коммисія, имѣвшая цѣлью заставить исполнять старые законы, именно касательно 4-хъ акровъ земли; еще Кромвелль запретилъ строить дома на 4 мили разстоянія отъ Лондона, къ которымъ-бы не принадлежало 4 акровъ земли. Еще въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія жаловались, если къ коттэджамъ сельскаго рабочаго не принадлежало 1 или 2 акровъ земли. Теперь-же онъ счастливъ, если при коттэджѣ имѣется небольшой огородъ, или если можно по-близости нанять руты двѣ земли. «Лэндлорды и арендаторы» говоритъ Dr. Hunter, «дѣйствуютъ при этомъ рука объ руку. Нѣсколько акровъ при коттэджѣ сдѣлаютъ рабочаго слишкомъ независимымъ» [194]).

Новый сильный толчекъ насильственному процессу экспропріаціи народныхъ массъ дала въ XVI-мъ столѣтіи реформація и слѣдствіе ея колоссальное расхищеніе церковныхъ земель. Передъ реформаціей католическая церковь была феодальнымъ собственниковъ значительной части англійской земли. Упраздненіе монастырей и т. п. превратило ихъ жителей въ пролетаріевъ. Большая часть самыхъ церковныхъ имѣній была раздарена жаднымъ къ грабежу королевскимъ любимцамъ, а остальная часть распродана за безцѣнокъ фермерамъ спекулянтамъ и горожанамъ, которые выгоняли прежнихъ наслѣдственныхъ жителей цѣлыми толпами, а ихъ бывшія владѣнія соединяли въ одно. Закономъ гарантированное право обѣднѣвшихъ крестьянъ на извѣстную часть церковной десятины было безмолвно отмѣнено [195]).

гдѣ въ дѣйствительности нѣтъ никого, кромѣ дворянства или крестьянства.... до такой степени, что имъ приходится нанимать цѣлые отряды швейцарцевъ и др. для пополненія своихъ батальоновъ пѣхоты. Отъ этого происходитъ то, что у нихъ много жителей, а мало солдатъ». (The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kennets' England, ed. 1719, London 1870, p. 308.

[194]) Dr. Hunter l. c. p. 134. «Количество назначенной земли (старыми законами) теперь сочли-бы слишкомъ большимъ для рабочихъ и оно скорѣе способно обратить ихъ въ мелкихъ фермеровъ». (George Roberts: «The Social History of the People of the Southern Counties of England in past centuries. Lond. 1856», p. 184, 185).

[195]) «The right of the poor to share in the tithe is established by the tenour of ancient statutes». (Tuckett l. c. v. II, p. 804, 805).

«Бѣднякъ всюду угнетенъ». (Pauper ubique jacet) сказала королева Елисавета послѣ своего путешествія по Англіи. На 43-мъ году ея царствованія введеніемъ налога для бѣдныхъ были наконецъ принуждены оффиціально признать пауперизмъ. «Лица, вводившія этотъ законъ, стыдились высказать его причины, и издали его, противъ всякихъ обычаевъ, безъ какихъ-бы то ни было preambles (объяснительныхъ мотивовъ» [196]). Актомъ 16, Карла I, 4, онъ объявленъ постояннымъ, но въ дѣйствительности только въ 1834 г. онъ получилъ болѣе суровую форму [197]). Эти не-

[196]) William Cobbett: «A History of the Protestant Reformation». § 471.

[197]) Протестанскій «духъ», между прочимъ, виденъ изъ слѣдующаго. Въ южной Англіи различные поземельные собственники и зажиточные арендаторы пошушукались между собою и предложили 10 вопросовъ для правильнаго толкованія закона о бѣдныхъ Елисаветы, которые они и представили на разсмотрѣніе знаменитому юристу того времени Sergeant Snigge (впослѣдствіи судья при Іаковѣ I). «Девятый вопросъ: Многіе богатые арендаторы прихода придумали мудрый планъ, которымъ устраняются всѣ запутанности при исполненіи этого закона. Они предлагаютъ построить въ приходѣ тюрьму. Каждому бѣдняку, который не захочетъ быть заключеннымъ въ упомянутую тюрьму, слѣдуетъ отказывать въ помощи. Затѣмъ нужно объявить по сосѣдству, что каждый желающій нанять бѣдныхъ этого прихода, долженъ прислать въ опредѣленный день запечатанное предложеніе съ обозначеніемъ самой низкой цѣны, за какую согласенъ взять ихъ отъ насъ. Составители этого плана утверждаютъ, что въ сосѣдствѣ есть лица, которыя не желаютъ работать и у которыхъ нѣтъ ни состоянія, ни кредита, чтобы пріобрѣсти ферму или судно. и такимъ образомъ жить не работая («so as to live without labour»). Подобныя лица будутъ готовы дѣлать самыя выгодныя предложенія приходу. Если иногда и случится, что кто нибудь изъ бѣдныхъ погибнетъ подъ надзоромъ нанимателей, то грѣхъ будетъ на немъ самомъ, потому что приходъ исполнилъ свой долгъ относительно упомянутыхъ бѣдныхъ. Мы, однако, боимся, что теперешній законъ не допускаетъ разумныхъ мѣръ («prudential measure») подобнаго рода; но вы должны знать, что и остальные freeholder'ы, какъ нашего, такъ и прилежащихъ графствъ, присоединятся къ намъ, чтобы побудить своихъ депутатовъ въ Нижней Палатѣ внести въ законъ, который позволялъ-бы заключеніе и обязательныя работы бѣдныхъ; такъ чтобы каждое лицо, не согласное на заточеніе, теряло право на полученіе вспомоществованія. Это, надѣемся мы, удержитъ лицъ, находящихся въ нищетѣ, отъ необходимости въ вспомоществованіи» («will prevent persons in distress from wanting relief») (R. Blakey: «The History of Political Literature from the earliest times. Lond. 1855», v. II, p. 84, 85). Въ Шотландіи крѣпостное право было уничтожено столѣтіемъ позже, чѣмъ въ Англіи. Еще въ 1698 году Fletcher изъ Saltoun заявлялъ въ шотландскомъ парламентѣ: «Число нищихъ въ Шотландіи насчитываютъ не менѣе 200,000. Единственное средство, какое я, республиканецъ по принципу, могу предложить противъ этого состоитъ въ томъ чтобы возобновить прежнее

посредственныя вліянія реформаціи не принадлежали къ числу самыхъ продолжительныхъ. Церковная собственность представляла религіозное укрѣпленіе, защищавшее старинныя условія землевладѣнія. Съ ея паденіемъ пали и онѣ [198]).

Еще въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII-го столѣтія, yeomanry, независимое крестьянство, было многочисленнѣе класса фермеровъ. Оно составляло главную силу Кромвелля, и въ нравственномъ отношеніи, даже по свидѣтельству самого Маколэя, стало выше пьянаго сельскаго дворянства и его прислужниковъ деревенскихъ священниковъ, женившихся на брошенныхъ господскихъ любовницахъ. Тогда даже батраки участвовали въ пользованіи общинной землей. Около 1750 года, yeomanry исчезло [199]), а въ концѣ XVIII-го столѣтія исчезаютъ также и послѣдніе слѣды общиннаго владѣнія хлѣбопашцевъ. Мы оставимъ въ сторонѣ чисто экономическихъ дѣятелей переворота въ земледѣліи, обратимся къ его насильственнымъ рычагамъ.

При реставраціи Стюартовъ, землевладѣльцы узаконили ту узурпацію, которая повсюду на континентѣ совершалась безъ всякихъ законныхъ церемоній. Они уничтожили феодальныя поземельныя учрежденія, т.-е. сложили съ себя свои обязанности къ государству, «вознаградили» государство налогами на крестьянство и остальной народъ, завладѣли современнымъ правомъ частной собственности на земли, на которыя прежде они имѣли только феодальное право, и наконецъ даровали тѣ законы о водвореніи (laws of settlement), которые mutatis mutandis оказали такое-же вліяніе на англійскихъ земледѣльцевъ, какъ указъ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство.

«The glorious Revolution» (славная революція) принесла съ Вильгельмомъ III Оранскимъ [200]) господство людей наживы поземельныхъ и капиталистическихъ. Они открыли новую эру тѣмъ, что стали практиковать въ колоссальныхъ размѣрахъ расхищеніе государственныхъ имуществъ, производившееся до того въ размѣрахъ очень скромныхъ. Эти земли дарились, продавались за безцѣнокъ или даже прямо захватывались частными собственниками [201]). Все это производилось безъ соблюденія какихъ-бы то ни-было законныхъ приличій. Захваченныя такимъ образомъ государственныя имущества, вмѣстѣ съ грабежемъ церкви, насколько слѣды его не стерлись во время республиканской революціи, послужили основаніемъ современныхъ княжескихъ владѣній англійской олигархіи [202]). Буржуазные капиталисты способствовали этой операціи, между прочимъ для того, чтобы превратить землю въ простой предметъ торговли, чтобы увеличить въ деревняхъ число пролетаріевъ, свободныхъ подобно птицамъ и т. д. Къ тому-же новая земельная аристократія была естественной союзницей новой банкократіи, только что вылупившейся haute finance, а также крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, опорой для которыхъ въ то время служили охранительныя пошлины

крѣпостное состояніе и обратить въ рабовъ всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ заботиться самъ о своемъ существованіи». Точно также Eden l. c. b. I, ch. I стр. 60,61 говоритъ: Нищенство явилось со времени освобожденія земледѣльцевъ.... Мануфактура и торговля, вотъ настоящіе отецъ и мать нашей бѣдноты». Eden, какъ тотъ шотландскій республиканецъ по принципу, ошибается только въ томъ, что не уничтоженіе крѣпостного права обратило земледѣльцевъ въ пролетаріевъ, т.-е. въ нищихъ, а отнятіе у нихъ права собственности на землю. Англійскому закону о бѣдныхъ соотвѣтствуетъ во Франціи, гдѣ экспропріація совершалась инымъ путемъ, мулэнское распоряженіе 1571 года и эдиктъ 1656 года.

198) Господинъ Rogers, не смотря на то, что состоитъ профессоромъ политической экономіи въ Оксфордскомъ университетѣ, этомъ центрѣ протестантской ортодоксіи, въ предисловіи къ своей History of Agriculture», говоритъ съ особеннымъ удареніемъ, что массы народа обнищали вслѣдствіе реформаціи.

199) «A Letter to Sir T. C. Banbury, Brt.: «On the High Price of Provisions. By a Suffolk Gentleman». Ipswich, 1795, p. 4. Даже фанатическій защитникъ крупнаго фермерства, авторъ «Inquiry into the Connection of large farms etc. London 1773», на стран. 133 говоритъ: «Я очень сожалѣю объ исчезновеніи нашего yeomanry, этихъ людей, которые дѣйствительно поддерживали независимость націи и мнѣ грустно видѣть въ настоящее время ихъ земли монополизированными въ рукахъ лордовъ и отданными въ аренду мелкимъ фермерамъ, которые занимаются хозяйствомъ при условіяхъ, немногимъ лучшихъ, чѣмъ тѣ, при какихъ находились вассалы, готовые послѣдовать призыву при какихъ-бы то не было критическихъ случаяхъ».

200) Вотъ, между прочимъ, кое-что, относящееся до личной нравственности этого буржуазнаго героя: «Подарокъ въ 1695 году обширныхъ земель въ Ирландіи лэди Orkney былъ публичнымъ выраженіемъ королевской любви и вліянія лэди.... Полагаютъ, что милыя услуги лэди Orkney были—foeda labiorum ministeria». (Въ Sloane Manuscript Collection, Британскаго Музея № 4224. Рукопись носитъ слѣдующее заглавіе: «The charakter and behaviour of King William, Sunderland etc., as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc.». Онъ полонъ всякихъ курьезовъ).

201) «Беззаконная раздача государственныхъ земель, частью продажей ихъ, частью отдачею въ видѣ подарковъ, составляетъ скандальную главу въ англійской исторіи.... гигантскій обманъ націи (gigantic fraud on the nation)». (F. W. Newman: «Lectures on Political Economy. London 1851», p. 129, 130). (Подробности того, какимъ образомъ теперешніе англійскіе землевладѣльцы стали ими, можно найти въ книгѣ «Our old Nobility, by Noblesse oblige», London 1879 — Фр. Э.).

202) Пусть, напримѣръ, читатель прочтетъ памфлетъ Ed. Burke'а о бедфордскомъ герцогскомъ домѣ, отпрыскъ котораго—Lord John Russel, «the tomtit of liberalism».

Англійская буржуазія также правильно поступала въ своихъ собственныхъ интересахъ, какъ и шведскіе горожане, идя наоборотъ рука объ руку съ экономической силой своей страны, съ крестьянствомъ, поддерживая вмѣстѣ съ нимъ короля, когда онъ отнималъ у олигархіи коронныя земли (съ 1604 года, и позднѣе при Карлѣ X и Карлѣ XI).

Общинная собственность—совершенно отличная отъ только что разсмотрѣнной государственной собственности—была учрежденіемъ древне-германскимъ, которое продолжало свое существованіе и при феодализмѣ. Мы видѣли, какъ насильственный захватъ ея, сопровождаемый большею частью обращеніемъ пашней въ пастбища, начался въ концѣ XV-го столѣтія и продолжался въ продолженіе всего XVI-го. Но въ то время процессъ совершался только какъ рядъ единичныхъ насилій, противъ которыхъ напрасно боролось законодательство въ продолженіе 150 лѣтъ. Прогрессъ XVIII-го вѣка проявился въ томъ, что теперь самъ законъ сталъ помогать захвату народныхъ земель, хотя рядомъ съ этимъ крупные арендаторы употребляли также и свои мелкіе, частные способы [203]). Парламентская форма захвата состояла въ «Bills for Enclosures of Commons» (законъ объ огораживаніи общинныхъ земель), другими словами, въ законѣ, которымъ лэндлорды дарили сами себѣ народную собственность, какъ собственность частную, въ декретѣ о народной экспропріаціи. Sir F. M. Eden самъ опровергаетъ свою ловко составленную защиту, въ которой онъ старается выставить общинную собственность какъ частную собственность лэндлордовъ, замѣнившихъ феодаловъ—тѣмъ, что требуетъ «общаго парламентскаго акта для огораживанія общинныхъ земель», признавая, стало быть, необходимость парламентскаго переворота для превращенія ихъ въ частную собственность; и въ то-же время онъ требуетъ «вознагражденія за убытки» для бѣдныхъ, лишившихся имущества [204]). Когда вмѣсто независимыхъ yeomen'овъ явились tenants-at-will, мелкіе фермеры съ однолѣтнимъ контрактомъ, представлявшіе раболѣпную толпу, зависимую отъ произвола лэндлордовъ, тогда, кромѣ расхищенія государственныхъ земель, систематически производимый захватъ общинныхъ земель сталъ особенно способствовать возрастанію тѣхъ крупныхъ фермъ, которыя назвались въ XVIII-мъ вѣкѣ капитальными [205]) или купеческими фермами [206]), а вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовать «освобожденію» крестьянъ для промышленности, обращеніемъ ихъ въ пролетаріевъ.

XVIII-й вѣкъ однако еще не постигъ такъ основательно какъ XIX-й, что понятіе о національномъ богатствѣ и народной бѣдности тождественно. Вслѣдствіе этого въ экономической литературѣ того времени встрѣчаемъ горячую полемику по поводу «inclosure of commons». Чтобы представить живѣе тогдашнее положеніе дѣлъ, я приведу нѣсколько данныхъ изъ массы лежащаго предо мною матеріала.

«Во многихъ приходахъ въ Гертфордширѣ», пишетъ сильно негодующій авторъ, «24 фермы, каждая отъ 50 до 150 акровъ, слились въ 3» [207]). «Въ Нортгэмптонширѣ, Линкольнширѣ включеніе общинныхъ земель въ частную собственность сильно распространено, и большая часть новыхъ лордствъ, образовавшихся изъ этихъ inclosures, превращены въ пастбища; вслѣдствіе чего теперь подъ плугомъ нѣтъ и 50 акровъ земли, гдѣ прежде обработывалось 1,500... Развалины прежнихъ жилищъ, амбаровъ, хлѣвовъ и т. п. представляютъ единственные слѣды прежнихъ обитателей. Сотни домовъ и семействъ во многихъ мѣстахъ сократились до 8 или 10. Число землевладѣльцевъ въ большей части тѣхъ приходовъ, гдѣ inclosures произошли лѣтъ 15—20 тому назадъ, очень незначительно въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которые обработывали эту землю прежде, когда она была открытая. Нерѣдко случается, что 4 или 5 крупныхъ скотоводовъ захватываютъ обширныя огороженныя лордства, бывшія прежде въ рукахъ 20—30 фермеровъ и еще гораздо большаго числа мелкихъ собственниковъ и крестьянъ. Всѣ они изгнаны со своими семействами изъ своихъ владѣній, вмѣстѣ со многими другими семействами, работавшими на нихъ и существовавшихъ ими» [208]). Не только необработанныя земли, но часто и земли обработываемыя самой общиной или отдаваемыя ею за извѣстную плату, захватывались подъ предлогомъ «inclosures» сосѣдними лэндлордами. «Я говорю

[203]) «Фермеры запрещаютъ жильцамъ коттэджей содержать какое-бы то ни было живое существо, кромѣ самихъ себя, подъ тѣмъ предлогомъ, что если у нихъ будетъ скотъ или дворовыя птицы, то они будутъ воровать кормъ изъ амбаровъ. Они говорятъ также: держите cotagers въ бѣдности, и вы сдѣлаете ихъ трудолюбивыми. Въ дѣйствительности - же фермеры присвоили такимъ образомъ всѣ права на общинныя земли и поступаютъ съ ними какъ имъ заблагоразсудится». (A Political Enquiry into the Consequences of enclosing Waste Lands. London 1785», p. 75).

[204]) Eden l. c. Preface.

[205]) «Capital-farms» (Two Letters on the Flour Trade and the Dearness of Corn. By a Person in Business. London 1767», p. 19, 20).

[206]) «Merchant-farms». («An Inquiry into the Present High Prices of Provisions. London 1767», p. 11, выноска. Это прекрасное сочиненіе, явившееся безъ имени автора, принадлежитъ перу Rev. Nathaniel Forster).

[207]) Thomas Wright: «A short adress to the Public on the Monopoly of large farms 1779», p. 2, 3.

[208]) Rev. Addington: «Enquiry into the Reasons for or against enclosing open fields. London 1772», p. 37—43 passim.

здѣсь объ огораживаніи уже обработанныхъ открытыхъ полей и земель. Даже тѣ писатели, которые защищаютъ «inclosures», соглашаются, что въ этомъ случаѣ уменьшеніе числа поселеній, возвышаетъ цѣны средствъ существованія и вызываетъ убыль населенія... Даже inclosure пустопорожнихъ земель, какъ это совершается теперь, отымаетъ у бѣдныхъ часть ихъ средствъ существованія и увеличиваетъ фермы, и безъ того уже слишкомъ большія» [209]). «Когда земля попадаетъ», говоритъ Dr. Price, «въ руки немногихъ крупныхъ арендаторовъ, тогда мелкіе фермеры (прежде называемые имъ «множествомъ мелкихъ собственниковъ и фермеровъ, которые содержатъ сами себя и свои семейства продуктомъ обрабатываемой ими земли, овцами, домашними птицами, свиньями и т. п., которыхъ они выгоняли пастись на общинныя земли, такъ что они рѣдко прибѣгали къ покупкѣ средствъ существованія») обращаются въ людей, принужденныхъ поддерживать свое существованіе работой на другихъ и которые за всѣмъ необходимымъ должны идти на рынокъ... Теперь работать приходится, можетъ быть, больше, потому что имѣется больше принужденія... Города и мануфактуры будутъ возрастать, такъ какъ въ нихъ вытѣснится больше народа, ищущаго занятій. Вотъ тѣ средства, посредствомъ которыхъ производится естественное увеличеніе фермъ, и вотъ каковы они были въ дѣйствительности, въ этой странѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ» [210]). Общій результатъ дѣйствія огораживаній (inclosures) онъ суммируетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ общей сложности положеніе низшихъ классовъ народа ухудшилось почти во всѣхъ отношеніяхъ, мелкіе землевладѣльцы и фермеры дошли до положенія поденщиковъ и наемниковъ, и въ то-же время имъ стало гораздо труднѣе поддерживать свое существованіе въ этомъ положеніи» [211]). Дѣйствительно, захватъ общинныхъ земель, и сопровождавшій его переворотъ въ земледѣліи, такъ сильно отозвались на сельскихъ рабочихъ, что даже по свидѣтельству самого Eden'а, между 1765 и 1780 гг. рабочая плата ихъ стала понижаться ниже minimum'а и ее пришлось дополнять оффиціальными вспомоществованіями для бѣдныхъ. «Рабочая плата ихъ», говоритъ онъ, «уже была недостаточна для необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей».

Выслушаемъ также защитника inclosures и противника Dr. Price'а: «Было бы въ высшей степени невѣрно выводить заключеніе, что населеніе убываетъ, такъ какъ не видно болѣе людей, теряющихъ свой трудъ на открытыхъ поляхъ. Если ихъ убавилось въ деревняхъ, то настолько-же стало больше въ городахъ... Если по обращеніи мелкаго крестьянства въ людей, обязанныхъ работать для другихъ, получается больше работы, то это такая выгода, какую нація (къ ней, разумѣется, не принадлежатъ обращенные) должна желать... Количество продукта увеличится, если ихъ совмѣстный трудъ будетъ употребленъ на одной фермѣ, тогда получится добавочный продуктъ для мануфактуры и вслѣдствіе этого увеличится сравнительно съ производимымъ количествомъ хлѣба, число мануфактуръ, являющихся однимъ изъ источниковъ богатства націи» [212]).

Стоическое равнодушіе, съ какимъ экономистъ смотритъ не дерзкое нарушеніе «священнаго права собственности» и на грубѣйшее насиліе надъ лицами, когда они нужны для положенія основанія капиталистическому способу производства, можно видѣть, между прочимъ, на «филантропическомъ» Sir F. M. Eden'ѣ, имѣющемъ, кромѣ того, еще торійскій оттѣнокъ. Цѣлый рядъ захватовъ, жестокостей и страданій, которыми

---

[209]) Dr. R. Price l. c. v. II, 155. Слѣдуетъ прочесть Forster'а, Addington'а, Kent'а, Price, а и James Anderson'а и сравнить съ нимъ сикофантскую болтовню Макъ Кэллоха въ его каталогѣ: «The Literature of Political Economy. London. 1845».

[210]) l. c. p. 147.

[211]) l. c. p. 159. Можно вспомнить древній Римъ. «Богатые овладѣли большею частью нераздѣленныхъ земель. Они, полагаясь на обстоятельства времени, надѣялись что послѣднія не будутъ у нихъ болѣе отняты, поэтому покупали прилежащія къ ихъ землямъ участки бѣдныхъ, частью по доброй волѣ послѣднихъ, частью-же отнимали у нихъ силой, такъ что они стали обработывать обширныя владѣнія вмѣсто отдѣльныхъ полей. При этомъ они употребляли для земледѣлія и скотоводства рабовъ, такъ какъ свободный народъ былъ взятъ отъ нихъ на военную службу. Владѣніе рабами приносило имъ большую выгоду также потому, что они, вслѣдствіе освобожденія отъ военной повинности, могли безпрепятственно размножаться и потому плодили много дѣтей. Такимъ образомъ, могущественныя лица овладѣли совершенно всѣми богатствами и вся страна кишѣла рабами. Напротивъ того, число италійцевъ все болѣе и болѣе уменьшалось, потому что они гибли отъ бѣдности, поборовъ и военной службы. Даже когда настали мирныя времена, то имъ приходилось оставаться безъ всякаго дѣла, такъ какъ богачи владѣли землей и вмѣсто свободныхъ людей употребляли для земледѣлія рабовъ».(«Appian. Römische Geschichte» I, 7). Это мѣсто относится къ временамъ до лицинскихъ законовъ. Военная служба, такъ сильно ускорившая разореніе римскихъ плебеевъ, была главнымъ средствомъ, посредствомъ котораго Карлъ Великій ускорилъ обращеніе свободныхъ нѣмецкихъ крестьянъ въ крѣпостныхъ.

[212]) «An Inquiry into the Connection between the present Prices of Provision etc.» p. 124, 129. Подобное-же сужденіе, но съ противоположнымъ направленіемъ: «Рабочему народу, изгнанному изъ своихъ коттэджей, приходится идти въ города искать занятій—но тогда получается большій доходъ и, благодаря этому, возрастаетъ капиталъ». (The Perils of the Nation. 2-nd edit. London 1843», p. XIV).

сопропровождалась насильственная экспропріація народа, начиная съ послѣдней трети XV-го до конца XVIII-го вѣка, приводитъ его только къ такому «комфортабельному» заключенію: «Должно быть установлено надлежащее (due) отношеніе между пахатной и пастбищной землей. Еще въ теченіе всего XIV-го и большей части XV-го вѣка на 1 акръ пастбищной земли приходилось 2, 3 и даже 4 акра пахатной. Въ срединѣ XVI-го столѣтія отношеніе измѣнилось такимъ образомъ, что на два акра пастбищной земли стало приходиться 2 акра пахатной; потомъ, на 2 акра пастбищъ—1 акръ пашни, пока, наконецъ, не установилось надлежащее отношеніе, т.-е. на 3 акра пастбищъ—1 акръ пахатной земли».

Въ XIX-мъ столѣтіи, разумѣется, исчезло и амое воспоминаніе о связи между земледѣльцами и общинною собственностью. Не говоря уже о позднѣйшемъ времени, спрашивается, получилоли когда-нибудь крестьянство хоть грошъ вознагражденія за 3.511,770 акровъобщинной земли, которая была захвачена у него съ 1801 по 1831 годъ и подарена лэндлордами парламентскимъ путемъ тѣмъ-же лэндлордамъ?

Послѣдняя экспропріація земли у крестьянъ закончилась наконецъ, такъ называемымъ, «Clearing of Estates» (очисткою имѣній, въ дѣйствительности-же очищеніемъ ихъ отъ людей). Этою «очисткою» были превзойдены всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные англійскіе способы. Въ предыдущемъ отдѣлѣ, при описаніи современнаго положенія, мы видѣли, что и теперь, когда уже болѣе не осталось независимыхъ крестьянъ для изгнанія, все-таки продолжаютъ «очищать» землю отъ коттэджей, такъ что земледѣльцы не находятъ себѣ достаточно мѣста для житья на той землѣ, которую они сами обработываютъ. Что означаетъ «Clearing of Estates» въ собственномъ смыслѣ, это мы можемъ только видѣть въ излюбленной странѣ современныхъ романистовъ, въ горной Шотландіи. Здѣсь вся эта операція отличалась болѣе систематическомъ характеромъ и большими размѣрами, въ какихъ она одновременно производилась (въ Ирландіи нерѣдко лэндлордъ дѣлалъ распоряженія, чтобы заразъ снести нѣсколько деревень; въ горной Шотландіи это происходило на пространствахъ, равныхъ по величинѣ нѣмецкимъ княжествамъ) и наконецъ особеннымъ видомъ землевладѣнія, подвергавшагося этой операціи. Эта собственность была собственностью клановъ, глава которыхъ или «великій человѣкъ» былъ только собственникомъ по своему званію какъ представитель клана, совершенно такимъ-же, какъ англійская королева—номинальная собственница всей англійской земли. Какъ только англійскому правительству удалось подавить междоусобныя войны этихъ «великихъ людей» («great men») и ихъ постоянные набѣги на нижне-шотландскія равнины, главы клановъ вовсе не бросили своего стараго разбойническаго ремесла; они только видоизмѣнили его. Собственною властью они превратили право собственности, которымъ обладали по своему званію, въ частное право собственности; а такъ какъ они натолкнулсь въ своихъ поползновеніяхъ на сопротивленіе лицъ, принадлежащихъ къ клану, то и порѣшили достигнуть своей цѣли открытымъ насиліемъ. «Король Англіи на такомъ-же точно основаніи могъ-бы претендовать на право изгнанія своихъ подданныхъ въ море», говоритъ профессоръ Newman» [213]). Этотъ переворотъ, который начался въ Шотландіи послѣ послѣдняго возстанія претендента, въ первыхъ своихъ фазахъ можетъ быть прослѣженъ у James Steuart [214]) и James Anderson [215]). Въ XVIII вѣкѣ людямъ, изгнаннымъ изъ деревень, было въ то-же время запрещено эмигрировать изъ страны, для того чтобы заставить ихъ селиться въ Гласго и другихъ фабричныхъ городахъ [216]). Какъ на примѣръ способовъ, господствовавшихъ въ XIX-мъ столѣтіи [217]), здѣсь достаточно указать на «очистку» земель герцсгини Sutherland. Эта особа, прекрасно изучившая и понявшая экономію, тотчасъ по вступленіи въ управленіе задумала принять радикальныя хозяйственныя мѣры и обратить все

---

[213]) «A king of England might as well claim to drive his suljects into the see» (F. W. Newman, l. c. p. 132).

[214]) Steuart говоритъ: «Рента этихъ земель (онъ ошибочно причисляетъ къ этой экономической категоріи дань, платимую taskmen'ами главѣ клана) совсѣмъ незначительна въ сравненіи съ ихъ размѣрами; что-же касается до числа лицъ, живущихъ фермой, то можетъ быть окажется, что извѣстный участокъ земли въ горной Шотландіи прокармливаетъ вдесятеро больше народа, чѣмъ участокъ такой-же величины въ самыхъ богатыхъ провинціяхъ» (l. c. v. I ch. XVI, p. 104).

[215]) James Anderson: «Observation on the means of exciting a spirit of National Industry etc.» Edinburgh 1777.

[216]) Въ 1860 году, лица, которыхъ насильственно экспропріировали, подъ ложными обѣщаніями были вывезены въ Канаду. Многіе бѣжали въ горы и на сосѣдніе острова. Ихъ преслѣдовала полиція, дѣло дошло до рукопашной, и имъ удалось снова уйти.

[217]) «Въ горной Шотландіи», говоритъ въ 1814 году Buchanan, комментаторъ Ад. Смита, «старыя условія собственности съ каждымъ днемъ ниспровергаются... Лэндлорды, не обращая вниманія на наслѣдственныхъ арендаторовъ (здѣсь эта категорія примѣнена ошибочно), отдаютъ въ аренду землю тому, кто предлагаетъ высшую цѣну и если послѣдній приверженецъ улучшенія (improver), то тотчасъ-же вводитъ новую систему культуры. Земля, прежде усѣянная мелкими крестьянами, была населена соотвѣтственно производимому ею продукту; при новой-же системѣ улучшенной культуры и увеличенной рентѣ, возможно бо̀льшее количество продукта призводится съ наименьшими издержками: а такъ какъ съ этою цѣлью лишнія рабочія руки изгоняются, то населеніе уменьшается не соотвѣтственно тому сколько земля можетъ содержать, а смотря по тому, сколько

графство, число жителей котораго уже вслѣдствіе прежнихъ мѣръ сократилось до 15,000— въ овечье пастбище. Съ 1814 по 1820 г. эти 15,000 жителей, составлявшихъ около 3,000 семействъ, были систематически изгоняемы и искореняемы. Всѣ ихъ деревни были разрушены и выжжены; всѣ ихъ поля обращены въ пастбища. Британскіе солдаты были посланы для экзекуціи, и дѣло доходило до вооруженнаго столкновенія съ обитателями. Одна старуха сгорѣла въ пламени лачуги, которую не хотѣла оставить. Такимъ образомъ, эта барыня присвоила себѣ 794,000 акровъ земли, съ незапамятныхъ временъ принадлежавшей клану. Изгнаннымъ семействамъ она отдала на берегу моря около 6,000 акровъ земли, т.-е. по 2 акра на семейство. Эти 6,000 акровъ до тѣхъ поръ оставались невоздѣланными и не приносили своимъ владѣльцамъ никакого дохода. Благородныя чувства графини простирались такъ далеко, что она отдавала въ аренду эту землю, среднимъ числомъ, по 2 шилл. 6 пенс. за акръ, членамъ клана, которые въ продолженіе столькихъ вѣковъ проливали свою кровь за ея родъ. Всю захваченную землю клана она раздѣлила на 29 большихъ овечьихъ фермъ, изъ которыхъ въ каждой жило по одному семейству, большею частью изъ англійскихъ батраковъ. Уже въ 1825 году вмѣсто 15,000 человѣкъ тамъ было 131,000 овецъ. Часть-же первоначальныхъ жителей, выгнанная на морской берегъ, искала себѣ средствъ существованія въ рыбной ловлѣ. Они стали земноводными и вели жизнь, какъ говоритъ одинъ англійскій писатель, на половину на водѣ, на половину на землѣ, не пользуясь вполнѣ ни той, ни другой [218].

Нобравымъ шотландцамъ суждено были понести еще болѣе тяжкое искупленіе за свое горно-романтическое обожаніе «великихъ людей» клана. Запахъ рыбы дошелъ до обонянія великихъ людей. Они почуяли тутъ нѣчто прибыльное, и сдали морской берегъ въ аренду крупнымъ лондонскимъ рыбнымъ торговцамъ. Шотландцы были вторично изгнаны [219]).

Наконецъ, часть овечьихъ выгоновъ была обращена въ мѣсто для охоты на краснаго звѣря. Извѣстно, что въ Англіи нѣтъ настоящихъ лѣсовъ. Дичь въ паркахъ аристократовъ представляетъ ихъ домашній скотъ, жирный какъ лондонскіе альдермэны. Шотландія представляетъ поэтому послѣдній пріютъ для «благородной страсти». «Въ горной Шотландіи», говоритъ въ 1848 г. Somers, «лѣса очень распространяются. Здѣсь, по сю сторону Gaick'а, вы видите новый лѣсъ Glenfeshie, а по ту сторону тянется новый лѣсъ Ardverikie. Въ томъ-же направленіи вамъ представляется Bleack Mount, громадная вновь созданная пустошь. Съ востока на западъ, начиная отъ окрестностей Абердина до обэнскихъ утесовъ, вы видите непрерывный рядъ лѣсовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ горной Шотландіи находятся новые лѣса Loch Archaig, Glengarry, glenmoreston и т. д. Въ мѣстностяхъ, раньше занятыхъ общинами и мелкими фермерами, стали разводить овецъ, а фермерамъ пришлось искать средствъ существованія на болѣе безплодныхъ участкахъ земли. Теперь, когда начинаютъ замѣнять овецъ краснымъ звѣремъ, шотландцы повергаются въ еще большую нищету... Охотничій лѣсъ [219a]) и народъ не могутъ существовать рядомъ. Тотъ или другой долженъ во всякомъ случаѣ уступить. Если мѣста для охоты и въ слѣдующее 25-ти-лѣтіе будутъ распространяться и въ числѣ, и въ размѣрахъ, какъ и въ настоящемъ, то вы скоро не найдете ни одного шотландца на его родной землѣ. Это движеніе

лицъ будетъ на ней занято. Лишенные владѣнія арендаторы или ищутъ средствъ существованія въ сосѣднихъ городахъ» и т. д. (David Buchanan: «Observations etc.» A. Smith's «Wealth of Nations». Edinb. 1814» vol. IV p. 144). «Шотландскіе аристократы экспропріировали семейства точно такъ, какъ если-бы они вырывали сорную траву; они поступали съ деревнями и ихъ обитателями такъ, какъ индусы, разоряемые дикими звѣрями, обращаются съ тиграми въ ихъ логовищахъ... Человѣка промѣнивали на одну овечью шкуру или на одну заднюю часть баранины, даже еще дешевле... При вторженіи въ сѣверныя провинціи Китая, въ монгольскомъ совѣтѣ порѣшили истребить жителей и обратить ихъ земли въ пастбища для скота. Это предложеніе было приведено въ исполненіе многими лэндлордами горной Шотландіи въ своей собственной странѣ, относительно своихъ собственныхъ земляковъ». (George Ensor: «An Inquiry concerning the Population of Nations. Lond. 1818» p. 215, 216).

[218]) Въ то время, когда теперешняя герцогиня Sutherland встрѣчала въ Лондонѣ съ величайшею торжественностью Harriet Beecher Stowe, автора «Хижины дяди Тома», желая этимъ выразить свое сочувствіе къ рабамъ-неграмъ американской республики, — чего она, вмѣстѣ съ другими аристократками, благоразумно не дѣлала въ продолженіе всей междоусобной войны, когда каждое «благородное» англійское сердце билось за рабовладѣльцевъ,—въ это-то время я описалъ, въ New-York Tribune положеніе рабовъ герцогини Sutherland (выдержки изъ этой статьи можно найти у Carey въ его «The Slave Trade. London 1853», p. 202, 203). Моя статья была перепечатана въ одной шотландской газетѣ и послужила предлогомъ оживленной полемики между этою газетою и льстецами графини.

[219]) Интересные факты относительно этой рыбной торговли можно найти у David Urquhart'а, въ его «Portfolio. New Series».—Nassau W. Senior, въ своемъ уже цитированномъ посмертномъ трудѣ, называетъ «мѣры, принятыя въ Sutherlandshire'ѣ, одной изъ самыхъ благодѣтельныхъ очистокъ, которыя когда-либо производились». (l. c.).

[219a]) Въ охотничьихъ лѣсахъ Шотландіи нѣтъ ни единаго дерева. Съ совершенно открытыхъ холмовъ, гдѣ прежде паслись овцы, ихъ изгоняютъ и замѣняютъ краснымъ звѣремъ; эти мѣста получаютъ названіе «deer forest». Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ даже и признаковъ лѣсной культуры!

между собственниками горной Шотландіи частью обязано модѣ... аристократическому тщеславію... страсти къ охотѣ и т. п., другіе-же занимаются торговлей дичью, исключительно изъ-за прибыли. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ участокъ горной земли, предназначенный для охоты, несравнненно прибыльнѣе, чѣмъ овечье пастбище... Въ поискахъ за мѣстомъ для охоты, охотникъ, ограничиваетъ свое предложеніе только однимъ расчетомъ—длиною своего кошелька... Страданія, на которыя обречена горная Шотландія, не менѣе жестоки, чѣмъ тѣ, на которыя была обречена Англія политикой нормандскихъ королей. Красный звѣрь получаетъ все большее и большее раздолье, между тѣмъ какъ людей втискиваютъ все въ болѣе и болѣе тѣсный кругъ... У народа отнимаютъ одну его вольность за другою... Гнетъ растетъ съ каждымъ днемъ... Очистка земель отъ народа и изгнаніе его стало у собственниковъ утвердившимся принципомъ и такою-же земледѣльческою необходимостью, какъ очистка почвы отъ деревьевъ и кустарниковъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки и Австраліи, и вся эта операція производится теперь спокойнымъ дѣловымъ путемъ» и т. д. [220]).

Расхищеніе церковныхъ имѣній, мошенническое отчужденіе государственныхъ имуществъ,

---

[220]) Roberts Somers: Letters from the Highlands; or the Famine of 1847. London 1848», p. 12—28 passim. Письма эти первоначально появились въ Times'ѣ. Экономисты, разумѣется, объяснили голодъ въ Шотландіи въ 1847 году избыткомъ населенія. Во всякомъ случаѣ шотландцы «напирали» на свои продовольственныя средства. «Clearing of Estates», или какъ оно называлось въ Германіи «Bauernlegen» (холощеніе крестьянъ), особенно дало себя почувствовать послѣ 30-ти-лѣтней войны и еще въ 1790 году вызвало въ курфиршествѣ Саксонскомъ возстанія крестьянъ. Оно господствовало особенно въ восточной Германіи. Въ большей части прусскихъ провинцій только Фридрихъ II обезпечилъ за крестьянами право собственности. Послѣ завоеванія Силезіи онъ заставилъ помѣщиковъ снова построить избы, амбары и т. д. и снабдить крестьянскія хозяйства скотомъ и инвентаремъ. Ему нужны были солдаты для арміи и лица, способныя платить налоги, для его государственной казны. Впрочемъ, изъ слѣдующей выписки его поклонника Mirabeau можно видѣть, что за привлекательную жизнь вели крестьяне при финансовой системѣ Фридриха II, при правительственномъ смѣшеніи деспотизма, бюрократіи и феодализма. «Ленъ составляетъ, слѣдовательно, одно изъ главнѣйшихъ богатствъ земледѣльца Сѣверной Германіи. Къ несчастію для человѣческаго рода, это только средство противъ нищеты, а не источникъ благосостоянія. Прямые налоги, барщина, повинности всякаго рода отягощаютъ нѣмецкаго земледѣльца, которому кромѣ того приходится платить косвенные налоги при всякой покупкѣ... и къ довершенію разоренія онъ не смѣетъ продавать своихъ произведеній тамъ, гдѣ хочетъ и какъ хочетъ; онъ не смѣетъ покупать, что ему нужно и у тѣхъ торговцевъ, которые могли бы продать дешевле. Все это незамѣтно разоряетъ его и онъ не былъ-бы въ состояніи выплачивать въ срокъ прямые налоги, не занимаясь прядeньемъ; онъ самъ, его жена, дѣти и прислуга работаютъ надъ пряжею и такимъ образомъ она служитъ ему подспорьемъ; но какъ тягостна сама жизнь при такой помощи! Лѣтомъ онъ работаетъ какъ каторжный при пахотѣ и при жатвѣ; ложится онъ въ 9 часовъ, а встаетъ въ 2, чтобы поспѣть на работы; зимою онъ-бы долженъ былъ возстановлять свои силы продолжительнымъ отдыхомъ; но у него не хватитъ зерна для хлѣба и для посѣва, если онъ продастъ свои запасы для уплаты податей. Приходится, слѣдовательно, прясть, чтобы пополнить этотъ недостатокъ... надо употребить на это самое большое прилежаніе. Поэтому крестьянинъ зимою ложится спать въ полночь или въ часъ, а встаетъ въ 5 или 6 часовъ, или-же онъ ложится въ 9, а встаетъ въ 2; и это повторяется изо дня въ день, за исключеніемъ воскресенья. Этотъ непосильный трудъ и бодрствованіе разрушаютъ человѣческую природу; благодаря всему этому происходитъ то, что мужчины и женщины старѣютъ въ деревняхъ гораздо раньше, чѣмъ въ городахъ». (Mirabeau l. c. v. III 212 sqq).

Ко 2-му изданію.—Въ апрѣлѣ 1866 года, черезъ 18-ть лѣтъ послѣ изданія только что цитированной работы Роберта Сомерса, профессоръ Леонъ Леви прочелъ передъ Societe of Arts лекцію о превращеніи овечьихъ пастбищъ въ мѣста для охоты, въ которой онъ изображаетъ дальнѣйшіе шаги, сдѣланные на пути къ разоренію горной Шотландіи. Между прочимъ онъ говоритъ: «Обезлюденіе и превращеніе въ овечьи пастбища были средствами наиболѣе удобными для полученія дохода безъ затратъ... Замѣна овечьихъ пастбищъ мѣстами для охоты (deer forest)—явленіе очень обыкновенное въ горной Шотландіи... Можно пройти отъ владѣній графа Дальгузи въ Форфэрширѣ до владѣній Джона О, Гротса, не выходя съ земли, предназначенной для охоты... Во многихъ изъ этихъ лѣсовъ лисицы, дикія кошки, куницы, хорьки, ласки стали обычными обитателями; между тѣмъ какъ кроликъ, бѣлка и крысы за послѣднее время проложили себѣ путь въ страну. Такимъ образомъ громадныя площади земель, изъ которыхъ многія въ шотландскихъ статистическихъ отчетахъ описываются какъ обладающія пастбищами, очень богатыми по изобилію растительности и по размѣрамъ, изъяты такимъ образомъ изъ всякой культуры и какого бы то ни было улучшенія и предназначены исключительно для охоты немногихъ лицъ въ теченіе очень короткаго времени года».

Лондонскій «Economist» 2 іюня 1866 года говоритъ: «Среди новостей, напечатанныхъ въ шотландскихъ газетахъ, читаемъ... «Одна изъ лучшихъ овечьихъ фермъ Sutherlandshire'а, за которую недавно предлагали 1.200 ф. стерл. ренты въ годъ, по истеченіи срока найма въ нынѣшнемъ году будетъ обращена въ deer forest» (въ мѣсто для охоты). Въ этомъ мы видимъ современный инстинктъ феодализма... дѣйствующій почти также, какъ при нормандскомъ завоеваніи... разрушено 36 деревень, чтобы создать новый лѣсъ... Два милліона акровъ... вполнѣ заброшены, а въ эту площадь входятъ однѣ изъ наиболѣе плодородныхъ земель Шотландіи. Изъ всѣхъ луговъ пертскаго графства естественныя луга Гленъ Тильта доставляли наиболѣе корма; deer forest въ Ben Aulder представлялъ наилучшее пастбище въ обширномъ баденокскомъ

захватъ общинной собственности, насильственное обращеніе феодальной собственности и собственности клановъ въ современную частную собственность, произведенное съ безпощаднымъ терроризмомъ—таковы идиллическіе способы первоначальнаго накопленія. Ими завоевано было поле для капиталистическаго земледѣлія, земля присоединена къ капиталу и созданъ необходимый приливъ «свободныхъ пролетаріевъ къ городской промышленности.

3) Жестокіе законы съ конца XV-го столѣтія противъ лицъ, у которыхъ отняли имущество. Пониженіе рабочей платы парламентскими актами.

Отпущенные феодальные дворовые и крестьяне, изгнанные со своихъ земель, вслѣдствіе порывистой и насильственной экспропріаціи, эти безправные пролетаріи не могли также быстро поглощаться создавшейся мануфактурою, какъ они являлись на свѣтъ. Съ другой стороны, выброшенные такъ внезапно изъ своей обычной жизненной колеи, они не могли также внезапно освоиться съ дисциплиной своего новаго положенія, а потому массами обращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ, частью вслѣдствіе склонности, въ большей-же части случаевъ подъ гнетомъ обстоятельствъ. Потому-то съ конца XV-го и въ теченіе всего XVI-го вѣка стали являться въ всей западной Европѣ самые жестокіе законы противъ бродяжничества. Отцы теперешняго рабочаго класса наказывались за то, что ихъ насильно обращали въ бродягъ и нищихъ. Законодательство относилось къ нимъ, какъ къ преступникамъ, имѣющимъ «свободную волю», и предполагалось, что продолжать работать при несуществующихъ уже условіяхъ зависитъ только отъ ихъ желанія

Въ Англіи это законодательство началось при Генрихѣ VII.

Генрихъ VIII, 1530 г.: Престарѣлые нищіе, неспособные работать, получаютъ позволеніе просить милостыню. Напротивъ того плеть и арестъ для бродягъ, имѣющихъ крѣпкія руки. Привязанныхъ къ телѣжкамъ, ихъ сѣкли до тѣхъ поръ, пока не текла по всему тѣлу кровь; затѣмъ они должны были дать клятву, что возвратятся на свою родину или туда, гдѣ провели послѣдніе три года и «примутся за работу» («to put himself to labour»). Что за жестокая иронія! Въ 27-ой годъ правленія Генриха VIII нашли, что этотъ законъ слишкомъ слабъ, поэтому парламентъ снабдилъ его дополнительными карами. При вторичной поимкѣ въ бродяжничествѣ снова наказываютъ плетью и отрѣзываютъ половину уха; пойманный-же въ третій разъ долженъ былъ казненъ, какъ тяжкій преступникъ и врагъ общества.

Эдуардъ VI: Статутъ перваго года его царствованія, 1547 года, повелѣваетъ отдавать въ рабство каждаго, кто отказывается отъ работы тому, кто донесетъ на него, какъ на праздношатающагося. Хозяинъ долженъ кормить своего раба хлѣбомъ и водой, слабыми напитками и такими остатками мяса, какіе онъ найдетъ еще для него годными. Онъ имѣетъ право принудить его, подъ страхомъ кнута и закованія въ кандалы, къ самымъ отвратительнымъ работамъ. Если рабъ отлучится на 14 дней, то присуждается къ пожизненному рабству, и на лбу его или на щекѣ выжигаютъ каленымъ желѣзомъ букву S; если-же онъ убѣжитъ въ 3-й разъ, то его казнятъ, какъ государственнаго преступника. Хозяинъ можетъ его продать, оставить въ наслѣдство послѣ себя, поступить съ нимъ какъ со всякимъ движимымъ имуществомъ или скотомъ. Если рабъ что нибудь предприметъ противъ хозяина, то долженъ быть также казненъ. По полученіи донесенія о бродягахъ, мировой судья обязанъ слѣдить за ними. Если окажется, что бродяга три дня шатался безъ дѣла, то на груди его выжигается каленымъ желѣзомъ буква V, и его высылаютъ на мѣсто родины, гдѣ закованный въ кандалы употребляется на уличныя и другія работы. Если бродяга покажетъ ложно мѣсто своего рожденія, то въ наказаніе становится пожизненнымъ рабомъ этого мѣста, жителей или корпораціи, причемъ его клеймятъ буквой S. Всякій имѣетъ право отнять у бродяги его дѣтей и держать ихъ при себѣ въ качествѣ учениковъ,—молодыхъ людей до 24-хъ лѣтъ, а дѣвушекъ до 20. Если-же они убѣгутъ, то дѣлаются рабами хозяина до достиженія этого возраста; тогда хозяинъ имѣетъ право по своему произволу заковывать ихъ въ кандалы, сѣчь плетью и т. п. Каждый хозяинъ можетъ надѣть своему рабу желѣзное кольцо на шею, руку или ногу, чтобы имѣть возможность легче доказать свое право собственности на него[221]). Послѣд-

округѣ; часть блекмоунтскаго лѣса была въ Шотландіи лучшимъ пастбищемъ для черноруныхъ овецъ. Нѣкоторое представленіе о пространствѣ, которое въ Шотландіи заброшено съ чисто-охотничьими цѣлями, можно составить по тому факту, что оно охватываетъ площадь большую, чѣмъ все пертское графство. Нѣкоторое представленіе о потерѣ, претерпѣваемой вслѣдствіе насильственнаго опустошенія, можно составить по богатству лѣса этихъ земель;—на пространствѣ, занимаемомъ имъ, могли-бы пастись 15,000 овецъ, а такъ какъ оно занимало не болѣе тридцатой части прежней лѣсной площади въ Шотландіи... оно могло-бы и т. д.... Вся эта лѣсная площадь совершенно непроизводительна... Она такимъ образомъ могла-бы просто погрузиться въ воды океана... Такому импровизованному опустошенію надо было-бы положить конецъ положительнымъ вмѣшательствомъ законодательства».

[221]) Авторъ «Essay on Trade etc. 1770» замѣчаетъ: «Въ царствованіе Эдуарда VI англи-

няя часть этого статута предусматриваетъ, чтобы нѣкоторые бѣдные употреблялись на работы тѣми мѣстностями или лицами, которыя, будутъ ихъ поить, кормить и находить имъ занятіе. Этотъ родъ приходскихъ рабовъ сохранился въ Англіи до самой средины XIX-го столѣтія подъ названіемъ roundsmen (обходчиковъ).

Елисавета, 1572: Нищенствующихъ безъ позволенія и старше 14-ти лѣтъ бить кнутомъ нещадно и клеймить лѣвое ухо, если никто не захочетъ взять ихъ въ услуженіе на два года;— въ случаѣ повторенія, если они старше 18-ти лѣтъ, и если никто не пожелаетъ взять ихъ въ услуженіе на два года — ихъ слѣдуетъ казнить; пойманныхъ-же въ третій разъ казнить безъ всякой милости, какъ государственныхъ преступниковъ. Подобные же статуты 18, Елисаветы c. 13 и 1597 г.[121a]).

чане, кажется, дѣйствительно съ полнымъ рвеніемъ стали заботиться о поощреніи мануфактуръ и о занятіи бѣдныхъ работою. Это мы видимъ изъ замѣчательнаго статута, который повелѣваетъ клеймить всѣхъ бродягъ и пр.» (l. c. p. 8).

[121a]) Канцлеръ Томасъ Моръ въ своей «Утопіи» живо изображаетъ положеніе несчастныхъ, попадавшихъ подъ дѣйствіе этихъ жестокихъ законовъ. «Такимъ образомъ случается, говоритъ онъ, что жадный и ненавистный обжора, истинный бичъ для своей родной страны, можетъ захватить тысячи акровъ земли и окружить ихъ частоколомъ или живою изгородью. Либо насиліемъ или обманомъ, либо жестокими притѣсненіями, либо наносимыми оскорбленіями и убытками, онъ такъ измучитъ хозяевъ земли, что они бываютъ вынуждены продать ее во что бы то ни стало. Слѣдовательно, такъ или иначе, добровольно или силою, онъ заставляетъ уйти всѣхъ этихъ несчастныхъ, простодушныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, мужей и женъ, сиротъ, вдовъ, матерей съ ихъ грудными дѣтьми и со всѣмъ ихъ скарбомъ, хотя малоцѣннымъ, но громоздкимъ, такъ какъ хозяйство требовало много рабочихъ рукъ. Они были вынуждены, говорю, бросать свои родные очаги и брести невѣдомо куда, не находя нигдѣ пристанища. Продажа всего ихъ имущества, хотя и малоцѣннаго, могла-бы имъ при другихъ обстоятельствахъ дать что-нибудь, но такъ какъ они очутились внезапно безъ крова, то имъ приходилось продавать все за безцѣнокъ. А когда они пробродили до тѣхъ поръ, пока не истратили послѣдняго гроша, что-же имъ оставалось дѣлать, какъ не воровать,—а тогда, о Боже! ихъ вѣшали съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ,—или-же нищенствовать? И даже тогда ихъ бросали въ тюрьмы, какъ бродягъ, потому что они шлялись, а не работали: они, которымъ никто не хотѣлъ давать работу, какъ-бы они сами того ни желали». Изъ этихъ несчастныхъ бѣглецовъ изъ подъ родного крова, о которыхъ Томасъ Моръ говоритъ, что они были вынуждены приняться за воровство, «72,000 крупныхъ и мелкихъ воровъ были казнены въ царствованіе Генриха VIII (Hollinshed, description of England, Vol. I, p. 186). Въ царствованіе Елисаветы «бродягъ то и дѣло, что ловили и не проходило года, чтобы отъ 300 до 400 не попадали на висѣлицу» (Strype's «Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other various Occurences in the Church of England during Queen Elisabeth's Happy Reign» 2-d ed. 1725, Vol. II). По свидѣтельству того-же самаго Страйпа, въ Coммерсетширѣ, въ теченіе одного года было казнено 40 человѣкъ, 35 разбойниковъ были заклеймены каленымъ желѣзомъ, 37 человѣкъ были наказаны плетьми, а 183 были оставлены въ подозрѣніи и освобождены, какъ «неисправимые бродяги». Тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, «такое значительное число обвиненныхъ не заключаетъ въ себѣ и пятой части дѣйствительныхъ уголовныхъ преступниковъ, благодаря нерадивости судей и нелѣпому состраданію народа; другія англійскія графства въ этомъ отношеніи были не лучше, чѣмъ Соммерсетское, нѣкоторыя были даже хуже».

Іаковъ I: Всякій праздношатающійся и просящій милостыню считается бродягой. Мировые судьи въ своихъ обыкновенныхъ засѣданіяхъ имѣли право приговаривать ихъ къ публичному наказанію плетьми и тюремному заключенію: въ первый разъ на 6 мѣсяцевъ, во второй разъ на 2 года. Во время заточенія ихъ слѣдуетъ наказывать плетьми столько, сколько мировой судья признаетъ нужнымъ... Неисправимымъ и опаснымъ бродягамъ выжигать на лѣвомъ плечѣ букву R и присуждать къ каторжной работѣ; пойманныхъ въ бродяжничествѣ вторично казнить безъ милосердія. Эти постановленія имѣли законную силу до первыхъ годовъ XVIII-го вѣка, и были уничтожены только закономъ — 12 Анны c. 23.

Такіе же точно законы были и во Франціи, гдѣ въ половинѣ XVII-го столѣтія образовалось въ Парижѣ царство бродягъ (royaumes des truands). Еще въ первые годы правленія Людовика XVI (распоряженіемъ 13-го іюля 1777 года) каждый взрослый здоровый мужчина, отъ 16 до 60 лѣтъ, ссылался на галеры, если у него не было занятій и средствъ существованія. Подобный-же статутъ для Нидерландовъ былъ изданъ Карломъ V въ октябрѣ 1537 года, первый эдиктъ Штатовъ и городовъ Голландіи 19 марта 1614 года, декретъ Соединенныхъ Провинцій 25 іюня 1649 года и т. д.

Такимъ образомъ, сельское населеніе сначала насильственно экспропріировали, выгоняли и доводили до бродяжничества, а затѣмъ, при помощи суровыхъ законовъ, его пытали, клеймили каленымъ желѣзомъ, наказывали плетьми съ цѣлью подчинить дисциплинѣ наемнаго труда.

Еще недостаточно того, чтобы условія труда являлись съ одной стороны въ видѣ капитала, а съ другой — въ видѣ лицъ, которымъ нечего продавать кромѣ своей рабочей силы. Недостаточно также заставить ихъ продавать себя добровольно. Съ развитіемъ капиталистическаго производства создается такой рабочій классъ, который, благодаря своему воспитанію, традиціямъ, привычкамъ, считаетъ требованія этого способа производства за очевидные законы при-

роды. Организація развившагося капиталистическаго процесса производства преодолѣваетъ всякое сопротивленіе; постоянное образованіе относительнаго перенаселенія даетъ такое направленіе закону спроса и предложенія труда, а слѣдовательно и рабочей платѣ, какое вполнѣ соотвѣтствуетъ капиталистическимъ требованіямъ; безмолвный гнетъ экономическихъ условій заканчиваетъ господство капитала надъ трудомъ. Правда. непосредственная сила, принадлежащая внѣ-экономической сферѣ, хотя все еще употребляется, но уже только въ исключительныхъ случаяхъ. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, рабочій можетъ быть предоставленъ «естественнымъ законамъ производства», т.-е. той зависимости его отъ капитала, которая, вытекая изъ самихъ условій производства, ими обезпечивается и увѣковѣчивается. Другое дѣло при историческомъ возникновеніи капиталистическаго производства. Въ началѣ своего появленія на сцену, буржуазія нуждается въ государственной власти и дѣйствительно ею пользуется для «регулированія» рабочей платы, т.-е. для того, чтобы втиснуть ее въ предѣлы, соотвѣтствующіе желаніямъ наживы, для удлиненія рабочаго дня и наконецъ для того, чтобы удержать самого рабочаго въ нормальной степени зависимости. Это существенный моментъ такъ называемаго первоначальнаго накопленія.

Классъ наемныхъ рабочихъ, образовавшійся въ послѣдней половинѣ XIV-го вѣка, составлялъ въ то время, и въ теченіе слѣдующаго столѣтія, только весьма незначительную часть населенія; онъ былъ вполнѣ обезпеченъ въ своемъ положеніи самостоятельнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ въ селахъ и цеховой организаціей въ городской промышленности. И въ селахъ, и въ городахъ хозяинъ и рабочій были близки другъ къ другу по своему общественному положенію. Подчиненіе труда капиталу было чисто формальное, т.-е. способъ производства не имѣлъ еще специфически - капиталистическаго характера. Перемѣнный элементъ капитала сильно преобладалъ надъ постояннымъ. Поэтому спросъ на наемный трудъ сильно увеличивался при каждомъ накопленіи капитала, тогда какъ предложеніе труда возрастало медленно. Значительная часть національнаго продукта, впослѣдствіи обращаемая въ фондъ накопленія капитала, входила еще тогда въ фондъ потребленія рабочаго.

Законодательство о наемномъ трудѣ, съ самаго начала направленное къ эксплуатаціи рабочаго и всегда враждебное ему и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи [222]), въ Англіи началось при Эдуардѣ III, въ 1349 году, съ появленіемъ Statute of Labourers (статутъ о рабочихъ). Во Франціи ему соотвѣтствуетъ распоряженіе 1350 года, изданный именемъ короля Іоанна. Англійское и французское законодательства идутъ параллельно и по содержанію тождественны. Здѣсь я не буду возвращаться къ той части этихъ статутовъ о рабочихъ, которая касается удлиненія рабочаго дня, потому что объ этомъ уже достаточно было говорено выше.

Статутъ о рабочихъ (Statute of Labourers) былъ изданъ вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ Палаты Общинъ, т.-е. покупателей труда. «Прежде», наивно говоритъ одинъ тори, «рабочіе требовали такой высокой рабочей платы, что угрожали промышленности и богатству, и можетъ быть еще сильнѣе чѣмъ прежде. но уже иначе» [223]). Законъ установлялъ тарифъ рабочей платы для городовъ и деревень, для поштучной и поденной работы. Сельскіе рабочіе должны были наниматься на годъ, городскіе-же — «на открытомъ рынкѣ». Подъ страхомъ тюремнаго заключенія было запрещено давать плату выше опредѣленной статутомъ; тотъ, кто бралъ высшую плату, наказывался сильнѣе чѣмъ тотъ, кто давалъ ее. Такъ, напримѣръ, еще въ 18-мъ и 19-мъ отдѣлѣ статута Елисаветы объ ученикахъ, лица, платящія выше тарифа, подвергались тюремному заключенію на 10 дней, тѣ-же, которые брали такую плату, — на 21 день. Статутъ 1360 года усиливаетъ наказанія и даже даетъ право хозяину принуждать, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія, работать по законному тарифу. Всякія соглашенія, договоры, клятвы и т. п., которые происходили между плотниками и каменьщиками, объявляются не имѣющими силы. Образованіе рабочихъ союзовъ считалось тяжкимъ преступленіемъ съ XIV-го столѣтія до 1825 года, т.-е. до времени отмѣны противокоалиціонныхъ законовъ. Духъ рабочихъ статутовъ, какъ 1349 года, такъ и послѣдующихъ, особенно ярко обнаруживаются въ томъ, что хотя государство и устанавливало минимумъ рабочей платы, но оно вовсе не касалось минимума.

Въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ извѣстно, положеніе рабочаго сильно ухудшилось. Увеличилось денежное выраженіе рабочей платы, но не въ такомъ отношеніи, въ какомъ понизилась цѣна денегъ въ сравненіи съ повышеніемъ цѣнъ товаровъ. Слѣдовательно, въ дѣйствительности рабочая плата понизилась. Тѣмъ не менѣе, законы направленные къ ея пониженію, вмѣстѣ съ обрѣзываніемъ ушей и клейменіемъ тѣхъ, «кого никто не хотѣлъ взять въ услуженіе», оставались въ силѣ. Статутомъ объ уче-

[222]) «Когда законодательство рѣшится устранить разногласія между хозяевами и ихъ рабочими, совѣтниками его всегда бываютъ хозяева», говоритъ Ад. Смитъ. «L'esprit des lois, c'est la propriété», говоритъ Linguet. (Духъ законовъ, это—собственность).

[223]) «Sophisms of Free Trade. By a Barrister. Lond. 1850», p. 53. Къ приведеннымъ словамъ онъ ядовито прибавляетъ: «Законодательство всегда держало сторону хозяевъ. Неужели оно не въ силахъ принять сторону рабочихъ»?

никахъ 5 Елисаветы с. 3, мировымъ судьямъ давалось право опредѣлять извѣстныя рабочія платы и измѣнять ихъ, соображаясь съ временемъ года и цѣнами товаровъ. Іаковъ I распространилъ это регулированіе труда также на ткачей, прядильщиковъ, словомъ, на всѣ возможныя категоріи рабочихъ [224]). Георгъ II распространилъ на всѣ мануфактуры дѣйствіе законовъ, воспрещавшихъ рабочимъ составлять союзы.

Въ собственно мануфактурный періодъ капиталистическій способъ производства уже на столько развился, что всякое правительственное регулированіе рабочей платы сдѣлалось столь-же неисполнимымъ, какъ и излишнимъ; тѣмъ не менѣе орудія стараго арсенала на всякій случай сохранялись. Еще закономъ 8 Георга II запрещалось подмастерьямъ портныхъ Лондона и его окрестностей брать болѣе 2 шилл. $7^1/_2$ пенс. поденной платы, кромѣ случаевъ всеобщаго траура; еще актомъ 13 Георга III, с. 68 право регулированія рабочей платы ткачей шелковыхъ издѣлій передавалось мировымъ судьямъ; еще въ 1799 году потребовалось два приговора высшей судебной инстанціи для рѣшенія вопроса, дѣйствительны-ли постановленія мировыхъ судей о рабочей платѣ также и для неземледѣльческихъ рабочихъ; еще въ 1799 году парламентскій актъ подтвердилъ, что рабочая плата горнорабочихъ опредѣляется статутомъ Елисаветы и двумя шотландскими законами 1661 и 1671 гг. Между тѣмъ одинъ случай, раньше неслыханный въ англійской Нижней Палатѣ, доказываетъ, какъ сильно измѣнились условія. Здѣсь, гдѣ въ продолженіе болѣе 400 лѣтъ фабриковались законы исключительно о maximum'ѣ, выше котораго рабочая плата не должна была переходить, въ 1796 году, Whitebread предложилъ законъ, опредѣляющій minimum рабочей платы для сельскихъ рабочихъ... Хотя Питтъ и возсталъ противъ этого предложенія, но согласился, что «положеніе бѣдныхъ ужасно (cruel)». Наконецъ, въ 1813 году были отмѣнены законы, регулирующіе рабочую плату. Они сдѣлались смѣшной аномаліей съ тѣхъ поръ, какъ капиталистъ сталъ управлять фабрикой, руководствуясь своимъ собственнымъ законодательствомъ, а рабочая плата сельскихъ работниковъ стала дополняться до необходимаго минимума посредствомъ налога для бѣдныхъ. Постановленія статутовъ о рабочихъ относительно контрактовъ между хозяевами и наемными рабочими, относительно срока отказа отъ договора и т. п., постановленія, разрѣшающія преслѣдованіе хозяина, нарушающаго контрактъ, только гражданскимъ порядкомъ, а рабочаго, нарушающаго контрактъ, — уголовнымъ, вполнѣ процвѣтаютъ и до сихъ поръ.

Жестокіе законы противъ коалицій исчезли въ 1825 году, вслѣдствіе угрожающаго положенія пролетаріата. Несмотря на это, они исчезли только отчасти. Нѣкоторые прелестные остатки прежнихъ статутовъ исчезли только въ 1859 году. Наконецъ, закономъ 29 іюня 1871 года, парламентъ имѣлъ притязаніе устранить послѣдніе слѣды этого сословнаго законодательства легальнымъ признаніемъ рабочихъ союзовъ (Trades' Unions). Но парламентскимъ актомъ отъ того-же самаго числа (An act to amend the criminal law relating to violence, threats and molestations; актъ, измѣняющій уголовный законъ, относящійся къ насилію, угрозамъ и оскорбленіямъ) въ сущности было возстановлено старое положеніе вещей, но только въ новой формѣ. Посредствомъ этой парламентской продѣлки, средства, которыми могъ-бы воспользоваться рабочій при стачкѣ или lockout'ѣ (стачка соединившихся фабрикантовъ, когда они всѣ одновременно прекращаютъ работы на своихъ фабрикахъ), были изъяты изъ общаго права и поставлены подъ дѣйствіе исключительнаго уголовнаго законодательства, толкованіе котораго выпадало на долю самихъ фабрикантовъ, какъ мировыхъ судей. На два года до этого та-же самая Нижняя Палата и тотъ-же самый Гладстонъ съ извѣстнымъ прямодушіемъ внесли законопроэктъ, цѣль котораго—уничтоженіе всякаго исключительнаго законодательства противъ рабочихъ классовъ. Но дальше второго чтенія его никогда не допустили, такъ что все дѣло было отложено въ долгій ящикъ до тѣхъ поръ, пока «великая

[224]) Изъ одной статьи статута 2, Іакова I, с. 6 видно, что извѣстная категорія суконщиковъ имѣла право выбирать изъ своей среды лицъ, которыя, какъ мировые судьи, назначали рабочую плату въ ихъ собственныхъ мастерскихъ. Въ Германіи, особенно послѣ 30-ти-лѣтней войны, часто являлись статуты, цѣль которыхъ была держать на низкомъ уровнѣ рабочую плату. «Для помѣщиковъ былъ крайне тяжелъ недостатокъ рабочихъ въ мало населенныхъ мѣстностяхъ. Всѣмъ деревенскимъ жителямъ было запрещено отдавать въ наемъ помѣщенія холостымъ мужчинамъ и дѣвушкамъ; — всѣхъ подобныхъ лицъ надо было предъявлять начальству и ихъ слѣдовало сажать въ тюрьму, если они не захотѣли-бы итти въ услуженіе, хотя-бы они содержали-бы себя какимъ-нибудь другимъ занятіемъ: сѣяли-бы у крестьянъ за поденную плату или даже торговали-бы деньгами и хлѣбомъ. (Kaiserliche Privilegien und Sanctiones für Schlesien I, p. 125). Въ продолженіе цѣлаго столѣтія въ постановленіяхъ владѣльныхъ князей повторяются горькія жалобы на злую и непокорную сволочь, которая не желаетъ подчиняться тяжелымъ условіямъ и не довольствуется законною рабочею платою; отдѣльнымъ помѣщикамъ запрещалось платить больше того, что слѣдуетъ по таксѣ, установленной государственными чинами (Landschaft). И несмотря на то, условія наемнаго труда послѣ войны были иногда даже лучше, чѣмъ 100 лѣтъ спустя; въ 1652 году въ Силезіи батраки получали мясо по 2 раза въ недѣлю, между тѣмъ какъ еще въ нашемъ столѣтіи тамъ были такіе округа, гдѣ они получали мясо только 3 раза въ годъ. Поденная плата послѣ войны тоже стояла выше, чѣмъ въ слѣдующее столѣтіе». (G. Freitag).

либеральная партія» въ союзѣ съ торіями не набралась смѣлости, чтобы рѣшительно обратиться противъ того самаго пролетаріата, который привелъ ее къ власти. Не довольствуясь такимъ предательствомъ, «великая либеральная партія» допустила англійскихъ судей, всегда готовыхъ въ угоду господствующимъ классамъ, снова выкопать старинные законы противъ «заговора » и примѣнить ихъ къ сообществамъ рабочихъ. Мы видимъ, что англійскій парламентъ только противъ воли и подъ давленіемъ народныхъ массъ отмѣнилъ законы противъ стачекъ и рабочихъ союзовъ, послѣ того,какъ въ теченіе пятисотъ лѣтъ дѣйствовалъ съ безстыднымъ эгоизмомъ какъ постоянный союзъ капиталистовъ противъ рабочихъ.

Уже въ самомъ началѣ революціонной бури французская буржуазія не побоялась снова отнять у рабочихъ только что завоеванное ими право ассоціацій. Декретомъ 14-го іюня 1791 года она объявила всѣ рабочіе союзы «посягательствомъ на свободу и декларацію правъ человѣка» и запретила ихъ подъ страхомъ денежнаго штрафа въ 500 ливровъ годичнаго лишенія активныхъ гражданскихъ правъ [225]). Законъ этотъ дѣлающій конкуренцію между капиталомъ и трудомъ удобною для перваго, пережилъ революціи и перемѣну династій. Даже террористическое правительство оставило его. Только въ самое послѣднее время онъ былъ вычеркнутъ изъ Code pénal. Характернѣе всего предлогъ этого буржуазнаго coup d'état. «Хотя» говоритъ Chapelier докладчикъ этого закона, «хотя было-бы желательно, чтобы рабочая плата была выше теперешней, что бы получающій ее былъ внѣ той безусловной зависимости, какую вызываетъ недостатокъ въ необходимѣйшихъ жизненныхъ средствахъ, и которая почти не отличается отъ зависимости рабовъ», тѣмъ неменѣе, рабочіе не должны сговариваться о своихъ собственныхъ интересахъ, дѣйствовать сообща, и этимъ ослаблять свою «безусловную зависимость, почти равняющуюся зависимости рабовъ», такъ какъ именно этимъ они нарушаютъ «свободу своихъ ci-devant maîtres, теперешнихъ предпринимателей» (свободу держать рабочихъ въ рабствѣ!), и такъ какъ союзы противъ прежнихъ хозяевъ корпорацій представляютъ—отгадайте что?—возстановленіе корпорацій, которыя уничтожила французская конституція [226])

225) I статья этого закона гласитъ: «Такъ какъ уничтоженіе всякого рода корпорацій одного и того-же ремесла является однимъ изъ главныхъ основаній французской конституціи, то запрещается возстановлять ихъ фактически, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ или формою». IV статья объявляетъ, что если «граждане одного и того-же ремесла или занятія примутъ рѣшенія или вступятъ между собою въ соглашеніе, чтобы отказаться сообща, или согласиться только по опредѣленной цѣнѣ содѣйствовать своимъ ремесломъ или своими работами, то означенныя рѣшенія и договоры... будутъ объявлены противоконституціонными (inconstitutionelles), посягающими на свободу и на декларацію правъ человѣка и пр.», слѣдовательно государственнымъ преступленіемъ: т.-е. совершенно также какъ въ прежнихъ рабочихъ статутахъ. («Révolutions de Paris. Paris 1791», t. III, p. 523.

226) Buchez et Roux: «Histoire Parlamentaire de la Révolution française», t. X, p. 195.

4) Возникновеніе капиталистическаго фермера.

Послѣ того какъ были разсмотрѣны: насильственное созданіе безправныхъ пролетаріевъ, жестокая дисциплина, обратившая ихъ въ наемныхъ рабочихъ, постыдное правительственное вмѣшательство, помогавшее эксплуатаціи труда, а слѣдовательно накопленію капитала полицейскимъ путемъ, предъ нами является вопросъ, откуда-же взялись капиталисты, такъ какъ экспропріація крестьянъ создаетъ непосредственно только крупныхъ землевладѣльцевъ?

Что касается до возникновенія фермеровъ, то мы можемъ прослѣдить его, такъ сказать, осязательно, потому что это процессъ крайне медленный, продолжающійся многія столѣтія. Рядомъ съ крѣпостными существовали также мелкіе свободныя землевладѣльцы, сами крѣпостные находились крайне разнообразныхъ имущественныхъ отношеніяхъ, а потому и получали свободу при чрезвычайно различныхъ экономическихъ условіяхъ.

Первая встрѣчаемая въ Англіи форма арендатора это управитель (Bailiff), самъ крѣпостной. По своему положенію онъ соотвѣтствуетъ древнеримскому Villicus, только сфера его дѣятельности уже. Въ теченіе второй половины XIV-го столѣтія онъ былъ замѣненъ свободнымъ арендаторомъ, который получалъ отъ лэндлорда сѣмена, скотъ и земледѣльческія орудія. Положеніе его мало отличалось отъ положенія крестьянина. Онъ употребляетъ только большее число наемныхъ рабочихъ. Вскорѣ онъ дѣлается половинникомъ, полуарендаторомъ. Онъ вкладываетъ одну часть земледѣльческаго капитала, лэндлордъ—другую. Валовой продуктъ раздѣляется между обоими согласно договору. Эта форма въ Англіи быстро исчезаетъ, чтобы дать мѣсто настоящему фермеру, который прилагаетъ свой собственный капиталъ при посредствѣ труда наемныхъ работниковъ, часть же прибавочнаго продукта въ видѣ ренты платитъ лэндлорду или деньгами, или натурой.

До тѣхъ поръ, пока въ теченіе XV-го столѣтія свободный крестьянинъ и его рабочій, имѣвшій также свое собственное хозяйство, обогащались собственнымъ трудомъ, состояніе арендаторовъ и размѣры ихъ производства остава-

лись одинаково посредственными. Переворотъ въ земледѣліи, начавшійся въ послѣдней трети XV-го столѣтія и продолжавшійся до послѣдней четверти XVI-го, также быстро обогащаетъ арендаторовъ какъ способствуетъ обѣдненію крестьянства [227]). Захватъ общинныхъ пастбищъ и т. п. даетъ возможность имъ значительно расширять скотоводство, почти не увеличивая расходовъ, между тѣмъ какъ скотъ доставляетъ имъ богатое удобреніе.

Въ XVI-мъ столѣтіи къ этому присоединился крайне важный элементъ: арендные договоры въ это время были еще долгосрочны, они часто заключались на 99 лѣтъ. Непрерывное паденіе цѣны благородныхъ металовъ, а слѣдовательно и денегъ принесло фермерамъ золотые плоды. Вслѣдствіе этого, помимо другихъ, уже раньше указанныхъ нами условій, понизилась рабочая плата. Часть заработной платы стала присоединяться къ доходу съ фермы. Постоянное вздорожаніе хлѣба, шерсти, мяса, словомъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ увеличивало денежный капиталъ арендатора безъ всякаго его содѣйствія, тогда какъ денежная стоимость земельной ренты, которую ему приходилось, платить, оставалась безъ измѣненія [228]). Такъ фермеръ обогащался и на счетъ своего наемнаго рабочаго, и на счетъ своего землевладѣльца Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ концѣ XVI-го столѣтія въ Англіи появился классъ богатыхъ, по тогдашнимъ условіяхъ, «капиталистовъ арендаторовъ [229]).

5) Обратное дѣйствіе земледѣльческаго переворота на обработывающую промышленность. Созданіе внутренняго рынка для промышленнаго капитала.

Порывистая и постоянно возобновлявшаяся экспропріація и изгнаніе сельскаго населенія доставляли, какъ мы видѣли, городской промышленности все новыя и новыя массы пролетаріата, стоявшаго совершенно внѣ цеховыхъ отношеній; это обстоятельство казалось до того цѣлесообразнымъ, что старикъ Андерсонъ (его не слѣдуетъ смѣшиватъ съ James Anderson'омъ) даже

---

[227]) «Арендаторы», говоритъ Harrison, въ своемъ «Description of England», «которымъ прежде трудно было платить 4 ф. стерл. ренты, платятъ теперь 40, 50, 100 ф. стерл. и считаютъ сдѣлку дурною, если по истеченіи срока контракта не накопятъ 6—7 лѣтнюю ренту».

[228]) Вліяніе обезцѣненія денегъ въ XVI-мъ столѣтіи на различные классы общества было прекрасно изображено однимъ писателемъ того времени въ «A Compendendious of Briefe Examination of Certayne Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen in these our Days». By W. S., Gentleman,»London 1581).Разговорная форма этого сочиненія долго заставляла приписывать его Шекспиру, такъ что даже еще въ 1751 году оно было издано съ его именемъ. Авторъ его Вилльямъ Стаффордъ. Въ одномъ мѣстѣ рыцарь (knight) разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Рыцарь: «Вы, мой сосѣдъ земледѣлецъ, и вы лавочникъ, а также вы добрѣйшій мѣдникъ, всѣ вы, какъ и остальные ремесленники, можете вывернуться изъ бѣды. Такъ какъ, если все вздорожало противъ прежняго, то вы настолько-же повысили цѣну вашихъ товаровъ и вашихъ работъ. Но у насъ нѣтъ ничего, что-бы мы могли продать, чѣмъ-бы могли возмѣстить то, что теряемъ при нашихъ закупкахъ». Въ другомъ мѣстѣ рыцарь спрашиваетъ доктора: «Скажите пожалуйста, кого это вы имѣете въ виду, и въ особенности кто это такой, которому при этомъ нечего терять?— Докторъ: Я имѣю въ виду тѣхъ, кто живетъ продажей и покупкой, такъ какъ, если они дорого покупаютъ, то дорого и продаютъ.—Рыцарь: Затѣмъ, кто-же въ особенности, по вашему, при этомъ выигрываетъ?—Докторъ: Конечно, всѣ тѣ, у кого есть предпріятіями или фермеры обезпеченные старинными договорами, такъ какъ если они платятъ по старому, то покупаютъ по новому; т.-е. за свою землю они платятъ дешево, а продаютъ все по постоянно повышающимся цѣнамъ... Рыцарь: А кто-же, по вашему мнѣнію, теряетъ еще болѣе того, сколько тѣ выигрываютъ?—Докторъ: Это дворяне, благородные, и всѣ тѣ, которые живутъ или небольшой рентой, или заработкомъ, или тѣ, которые не обработываютъ земли, или кто не занимается какъ ремесломъ продажей и покупкой».

[229]) Во Франціи régisseur, бывшій въ началѣ среднихъ вѣковъ управляющимъ и сборщикомъ повинностей у помѣщиковъ, становится вскорѣ un homme d'affaire, который посредствомъ притѣсненій, обмановъ и т п. возвышается до положенія капиталиста. Эти régisseurs иногда были сами знатными господами. Напримѣръ: «C'est li compte que messire Jacques de Thoraine, chevalier chastelain sor Besancon rent es seigneur, tenant les comptes à Dijon pour monseigneur le duc et comte de Bourgoigne, des rentes appartenant à la dite chastellenie, depuis XXVe jour de décembre MCCCLIX jusqu'au XXVIIIe jour de décembre MCCCLX» (Alexis Monteil: «Histoire des Matériaux manuscrits» etc., p. 244). Въ экономической области выигрываютъ финансисты, биржевики, купцы, мелочные торговцы; въ юрисдикціи адвокатъ обираетъ обѣ стороны и т. д. Во Франціи, какъ и въ Англіи, громадныя феодальныя земли были раздѣлены на безконечное число мелкихъ хозяйствъ, представлявшихъ однако чрезвычайно неодинаковыя условія для крестьянства. Въ XIV-мъ вѣкѣ появились аренды, fermes или terriers. Число ихъ постоянно увеличивалось и перешло за 100,000. Они платили отъ 12-ой до 5-ой части продукта деньгами или натурою въ видѣ земельной ренты. Terriers раздѣлялись на fiefs, arrière fiefs и т. п., смотря по цѣнности и размѣру владѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя состояли только изъ немногихъ десятинъ. Всѣ эти terriers имѣли право суда какой-нибудь инстанціи (всѣхъ инстанцій было 4) надъ сельскими обывателями. Можно себѣ представить какой гнетъ выносилъ народъ отъ всѣхъ этихъ мелкихъ тирановъ. Monteil говоритъ, что въ то время во Франціи было 160.000 судовъ тамъ гдѣ теперь достаточно 4,000, считая въ томъ, числѣ и мировые суды.

нашелъ въ немъ прямое вмѣшательство провидѣнія, что онъ и высказалъ въ своей Исторіи Торговли. Мы должны здѣсь возвратиться еще разъ къ этому элементу первоначальнаго накопленія. Уменьшенію свободнаго сельскаго населенія соотвѣтствовало не одно только возрастаніе численности промышленнаго пролетаріата, подобно тому, какъ по Geoffroy Saint Hilaire разрѣженіе міровой матеріи въ одномъ мѣстѣ сопровождается уплотненіемъ ея въ другомъ [230]). Несмотря на пониженіе числа земледѣльцевъ, почва давала столько-же или даже больше продуктовъ, такъ какъ переворотъ въ землевладѣльческихъ отношеніяхъ сопровождался улучшеніемъ способовъ обработки, бо́льшимъ развитіемъ сотрудничества, сосредоточеніемъ средствъ производства и т. д., и такъ какъ сельскіе рабочіе не только были принуждены интенсивнѣе напрягать свои силы [231]), но также болѣе и болѣе сокращать собственное свое производство. Слѣдовательно, съ освобожденіемъ части сельскаго населенія освобождаются также его прежнія средства существованія. Они превращаются теперь въ вещественный элементъ перемѣннаго капитала. Лишенный владѣнія, крестьянинъ впредь долженъ покупать ихъ стоимость у своего новаго господина, промышленнаго капиталиста, въ формѣ рабочей платы. То, что мы говорили о средствахъ существованія, слѣдуетъ сказать и о туземныхъ сырыхъ матеріалахъ промышленности, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ. Они превратились въ элементы постояннаго капитала.

Допустимъ, напримѣръ, что часть вестфальскихъ крестьянъ, которые всѣ во время Фридриха II пряли ленъ, насильственно экспропріирована, изгнана съ своихъ земель, остальная-же часть обращена въ батраковъ у крупныхъ фермеровъ. Одновременно съ этимъ устраиваются большія льнопрядильни и ткацкія мастерскія, въ которыхъ теперь и работаютъ за плату «освобожденные». Ленъ вполнѣ сохранилъ свой видъ. Ни одно волокно не измѣнилось въ немъ, но въ его тѣло вдунули новую соціальную душу. Онъ является теперь частью постояннаго капитала мануфактуриста. Раньше онъ былъ распредѣленъ въ массѣ мелкихъ производителей, которые сами его ростили и сами со своими семействами пряли; теперь онъ сосредоточенъ въ рукахъ капиталиста, принуждающаго другихъ прясть и ткать его для себя. Излишекъ труда, затраченнаго на пряжу льна, реализовался прежде въ добавочномъ доходѣ безчисленныхъ крестьянскихъ семействъ, или-же какъ во времена Фридриха II, въ податяхъ pour le roi de Prusse. Теперь-же онъ реализуется въ прибыли немногихъ капиталистовъ. Самопрялки и ткацкіе станки были прежде разбросаны по деревнямъ, теперь-же они, какъ и рабочіе, какъ сырой матеріалъ, сосредоточены въ немногихъ большихъ рабочихъ казармахъ. И самопрялки, и ткацкіе станки, и сырой матеріалъ превратились изъ средствъ независимаго существованія для самихъ прядильщиковъ и ткачей, въ средства распоряжаться ими [232]) и высасывать изъ нихъ неоплаченный трудъ. Въ большихъ мануфактурахъ не видно, какъ въ большихъ арендахъ, что онѣ составились изъ многихъ мелкихъ мастерскихъ, и образовались вслѣдствіе экспропріаціи многихъ мелкихъ независимыхъ производителей. Но непредупрежденный изслѣдователь не даетъ себя ввести въ заблужденіе. Во времена Мирабо, этого льва революціи, крупныя мануфактуры назывались еще manufactures réunies, объединенными мастерскими, какъ мы говоримъ объ объединенныхъ поляхъ. «Обращаютъ вниманіе», говоритъ Мирабо, «только на большія мануфактуры, гдѣ работаютъ сотни людей подъ управленіемъ одного директора, и которыя обыкновенно называются объединенными мануфактурами (manufactures réunies). Тѣ-же производства, въ которыхъ работаетъ очень большое число рабочихъ, но раздѣльно и каждый за свой собственный счетъ, едва удостоиваются вниманія. Ихъ ставятъ совсѣмъ на заднiй планъ. Это большая ошибка, такъ какъ только одни послѣднія составляютъ дѣйствительно важный предметъ народнаго благосостоянія... Объединенная фабрика (fabrique réunie) можетъ сильно обогатить одного или двухъ предпринимателей; рабочіе-же здѣсь только простые поденщики, которые будутъ получать болѣе или менѣе значительную плату, но вовсе не будутъ участвовать въ барышахъ предпріятія. Въ раздѣленной-же фабрикѣ (fabrique séparée), наоборотъ, никто не становится богатымъ, но множество рабочихъ пользуются благосостояніемъ. Число трудолюбивыхъ и бережливыхъ рабочихъ будетъ возрастать, такъ какъ они увидятъ въ благоразумной жизни и дѣятельности средство существенно улучшить свое положеніе, вмѣсто того, чтобы получать ничтожныя прибавки къ рабочей платѣ, которыя никогда не могутъ представлятся существеннымъ условіемъ для обезпеченія будущности, и въ самомъ благопріятномъ случаѣ развѣ только позволять сводить концы съ концами. Раздѣльныя мануфактуры, большею частью соединенныя съ веденіемъ небольшого сельскаго хозяйства, всегда свободны». [233]). Экспропріація и изгнаніе части сель-

---

[230]) Въ своихъ «Notions de Philosophie Naturelle. Paris 1838».

[231]) Пунктъ, на который особенно налегаетъ Sir James Steuart.

[232]) «Я позволю», говоритъ капиталистъ, «чтобы вы имѣли честь служить мнѣ, съ условіемъ, за трудъ начальствованія надъ вами, который я беру на себя, отдавайте мнѣ то немногое, что у васъ остается». J. J. Rousseau: «Discours sur l'Économie Politique»).

[233]) Mirabeau l. c. t. III, p. 20, 109 passim. Что Мирабо считаетъ раздѣльныя мануфактуры

скихъ обывателей освобождаетъ для промышленнаго капитала вмѣстѣ съ рабочими не только ихъ жизненныя средства и рабочій матеріалъ, но создаетъ также внутренній рынокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, которыя обратили крестьянина въ наемнаго рабочаго, а средства его существованія въ вещественные элементы капитала, создали для послѣдняго внутренній рынокъ. Раньше крестьянская семья производила средства существованія и сырой матеріалъ, которые она по большей части сама-же и потребляла. Теперь сырой матеріалъ и средства существованія стали товарами; крупный фермеръ продаетъ ихъ, онъ находитъ свой рынокъ на мануфактурахъ. Пряжа, холстъ, грубыя шерстяныя матеріи, и т. п. предметы,—сырой матеріалъ для которыхъ былъ доступенъ каждой крестьянской семьѣ, — до того производившіеся въ деревнѣ, превратились въ продукты мануфактуры, для которыхъ деревня стала мѣстомъ сбыта. Множество разсѣянныхъ покупателей, получавшихъ до того предметы своихъ потребностей отъ многихъ мелкихъ производителей, теперь сосредоточиваются въ одинъ обширный рынокъ для промышленнаго капитала [234]). Такимъ образомъ съ экспропріаціей самостоятельныхъ крестьянъ, отнятіемъ у нихъ средствъ производства, идетъ рука объ руку уничтоженіе деревенскихъ побочныхъ промысловъ,—процессъ отдѣленія мануфактуры отъ земледѣлія; и только паденіе деревенской домашней промышленности можетъ дать внутреннему рынку страны ту широту и ту прочность, какія необходимы капиталистическому способу производства.

Однако собственно мануфактурный періодъ не могъ произвести такого радикальнаго переворота. Напомнимъ, что мануфактура собственно довольно постепенно овладѣваетъ національнымъ производствомъ, и всегда имѣетъ своимъ базисомъ городскія ремесла и сельскіе домашніе побочные промыслы. Если она уничтожаетъ ихъ въ какой-нибудь одной формѣ, въ отдѣльныхъ отрасляхъ или въ извѣстныхъ мѣстахъ, то въ другихъ — она снова создаетъ ихъ, такъ какъ ей до извѣстной степени необходимы сельскіе побочные промыслы и ремесла для первоначальной обработки сырого матеріала. Она производитъ поэтому новый классъ мелкаго сельскаго люда, который занимается обработкой земли, какъ побочнымъ промысломъ, главнымъ-же своимъ занятіемъ считаетъ промышленную работу, произведенія которой онъ продаетъ въ мануфактуры или непосредственно, или при посредничествѣ торговцевъ. Вотъ одна изъ причинъ, хотя и не главная, одного явленія, которое смущаетъ изслѣдователя англійской исторіи. Начиная съ послѣдней трети XV-го столѣтія, онъ встрѣчаетъ періодически повторяющіяся жалобы на возрастающее деревенское капиталистическое хозяйство и прогрессивную гибель крестьянства. Съ другой стороны, онъ постоянно снова находитъ крестьянство, хотя въ уменьшенномъ числѣ и всегда въ положеніи худшемъ, чѣмъ прежде [235]). Главная причина этого слѣдующая: Англія является поочередно, то преимущественно страною земледѣльческою, то страною скотоводства, и вмѣстѣ съ этими измѣненіями измѣняется размѣръ крестьянскаго производства. Только одна современная крупная промышленность окончательно доставляетъ капиталистическому земледѣлію въ машинахъ прочное основаніе, только она кореннымъ образомъ экспропріируетъ громаднѣйшія массы сельскаго населенія и доканчиваетъ отдѣленіе земледѣлія отъ домашнихъ сельсихъ промысловъ—пряденья и тканья, — которые оно вырываетъ съ корнемъ [236]). Поэтому, только она завоевываетъ

экономичнѣе и производительнѣе соединенныхъ и видитъ въ послѣднихъ только оранжерейныя растенія, выхоленныя заботами правительства, легко объясняется тогдашнимъ положеніемъ большей части континентальныхъ мануфактуръ.

[234]) «Двадцать фунтовъ шерсти, — скромно превращенные въ годичный запасъ платья крестьянскаго семейства его собственнымъ трудомъ въ промежутки между другими работами,—не бросаются въ глаза; вынесите-же ее на рынокъ, пошлите на фабрику, оттуда въ лавку, потомъ портному, и вамъ придется произвести большія коммерческія операціи, и получится номинальный капиталъ въ 20 разъ больше стоимости этой шерсти... Такимъ образомъ рабочій классъ принужденъ поддерживать несчастное фабричное населеніе, паразитовъ лавочниковъ и ложныя монетныя, коммерческія и финансовыя системы». (David Urquhart l. c. p. 120).

[235]) Исключеніе составляетъ время Кромвеля. Пока существовала республика, всѣ слои народа вышли изъ того униженія, въ которомъ они находились при Тюдорахъ.

[236]) Tuckett'у извѣстно, что «крупная шерстяная промышленность возникла по введеніи машинъ изъ настоящихъ мануфактуръ и изъ разрушенія сельскихъ и домашнихъ промысловъ». (Tuckett l. c. v. I p. 144). «Плугъ, ярмо были изобрѣтены богами и составляли занятіе героевъ; развѣ ткацкій станокъ, веретено, самопрялка менѣе благороднаго происхожденія? Вы отдѣляете самопрялку отъ плуга, веретено отъ ярма и получаете фабрики и дома для бѣдныхъ, кредитъ и панику, двѣ враждебныя націи, земледѣльческую и торговую». (David Urquhart l. c. p. 122). Но вотъ является Carey и обвиняетъ Англію, конечно не безъ основанія, въ томъ, что она стремится обратить всѣ другіе народы въ земледѣльческіе, а сама—сдѣлаться ихъ фабрикантомъ. Онъ утверждаетъ, что этимъ путемъ была разорена Турція, такъ какъ «Англія никогда не допускала земледѣльцевъ-собственниковъ усилиться при помощи естественнаго союза плуга и ткацкаго станка, молота и бороны». («The Slave Trade», p. 125). По его мнѣнію самъ Urquhart одинъ изъ главныхъ виновниковъ разоренія Турціи, гдѣ онъ, въ интересѣ Англіи, пропагандировалъ свободу торговли. Лучше-же всего здѣсь то, что Carey, — между прочимъ великій руссофилъ, — хочетъ помѣшать посредствомъ протекціонизма

для промышленнаго капитала весь внутренній рынокъ [237]).

6) Возникновеніе промышленнаго капиталиста.

Возникновеніе промышленныхъ капиталистовъ [238]) происходило не такъ постепенно какъ возникновеніе арендаторовъ. Безъ сомнѣнія нѣкоторые мелкіе цеховые мастера, и еще больше самостоятельные мелкіе ремесленники или даже наемные рабочіе обращались въ мелкихъ капиталистовъ; затѣмъ, посредствомъ постепеннаго развитія эксплуатаціи наемнаго труда и соотвѣтствующаго ей накопленія, обращались въ капиталистовъ sans phrase. Въ періодѣ дѣтства капиталистическаго производства часто происходило то-же самое, что и въ періодѣ дѣтства средневѣкового городского устройства, гдѣ вопросъ о томъ, кто изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ долженъ былъ стать хозяиномъ и кто слугой, рѣшался большею частью тѣмъ обстоятельствомъ, кто раньше убѣжалъ. Между тѣмъ черепашій ходъ этого способа вовсе не отвѣчалъ торговымъ потребностямъ новаго мірового рынка, созданнаго великими открытіями конца XV-го вѣка. Но средніе вѣка оставили двѣ формы капитала, которыя созрѣвали въ самыхъ различныхъ экономическихъ формаціяхъ общества и, въ до капиталистическомъ періодѣ производства, считались капиталомъ quand-même это—ростовщичій капиталъ и торговый капиталъ. «Въ настоящее время все общественное богатство попадаетъ прежде всего въ руки капиталистовъ... они платятъ ренту землевладѣльцамъ, рабочую плату—рабочимъ, налогъ—государству и оставляютъ себѣ значительную, въ дѣйствительности самую большую и съ каждымъ днемъ возрастающую часть годового продукта труда. На капиталиста можно теперь смотрѣть какъ на первоначальнаго собственника всего общественнаго богатства, хотя никакой законъ не давалъ ему права на эту собственность... Эта перемѣна въ условіяхъ собственности произошло вслѣдствіе процесса роста: не менѣе замѣчательно то, что законодатели всей Европы хотѣли предотвратить это законами противъ роста... Власть капиталиста надъ всѣмъ богатствомъ страны есть рѣшительная революція въ правѣ собственности;—вслѣдствіе какого ряда законовъ произошла она? [239]) Автору слѣдовало не забывать, что революціи законами не дѣлаются.

Обращенію денежнаго капитала, образовавшагося ростовщичествомъ и торговлею, въ промышленный капиталъ, препятствовало въ селахъ феодальное устройство, а въ городахъ цеховое [240]). Эти препятствія пали съ распущеніемъ феодальной дворни, съ экспропріаціей сельскаго населенія и съ изгнаніемъ части его. Новыя мануфактуры основывались въ приморскихъ городахъ или внутри страны внѣ контроля стараго городского устройства и цеховъ. Отсюда произошла въ Англіи ожесточенная война incorporated towns противъ этихъ новыхъ промышленныхъ разсадниковъ.

Открытіе въ Америкѣ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; истребленіе, порабощеніе и погребеніе въ рудникахъ туземнаго населенія; завоеваніе и опустошеніе Остъ-Индіи, обращеніе Африки съ торговою цѣлью въ мѣсто охоты за чернокожими,—всѣ эти событія были зарей эры капиталистическаго производства. Эти идиллическіе способы дѣйствія составляли главные моменты первоначальнаго накопленія. За ними слѣдовала торговая война европейскихъ націй, полемъ которой служилъ весь земной шаръ. Началась она отпаденіемъ Нидерландовъ отъ Испаніи, дошла до гигантскихъ размѣровъ во время крестоваго похода Англіи противъ французской революціи, и продолжается въ наше время въ видѣ знаменитыхъ войнъ за опіумъ противъ Китая и др.

Различные способы первоначальнаго накопленія, которые породили капиталистическую эру, болѣе или менѣе послѣдовательно являлись въ Испаніи, Португаліи, Голландіи, Франціи и Англіи. Въ Англіи, въ концѣ XVII-го вѣка, они систематически соединились въ колоніальную систему, систему государственнаго кредита, современную систему налоговъ и протекціонную систему. Способы эти частью основываются на грубѣйшей силѣ, какъ, напримѣръ, колоніальная система. Всѣ они пользуются государственной властью, этой сосредоточенной и организованной общественной силой, для ускоренія процесса обращенія феодальнаго способа производства въ капиталистическій и сокращенія переходнаго періода. Сила всегда служитъ акушеркой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ. Сама сила есть экономическій дѣятель.

тому процессу отдѣленія, который, напротивъ того, ускоряется протекціонизмомъ.

[237]) Англійскіе экономисты филантропы, въ родѣ Милля, Роджерса, Гольдуина, Смита, Фаусетта и др., и либеральные фабриканты, въ родѣ Джона Брайта и ему подобныхъ, спрашиваютъ англійскую поземельную аристократію, какъ Богъ спрашивалъ Каина о его братѣ Авелѣ: куда дѣвались тысячи нашихъ freeholders? Но откуда-же явились вы сами? Именно благодаря уничтоженію этихъ freeholders. Отчего-же вы не спрашиваете также, куда дѣвались независимые ткачи, прядильщики, ремесленники?

[238]) Здѣсь слово промышленный употреблено въ противоположность земледѣльческому. Въ «категорическомъ» смыслѣ арендаторъ такой-же промышленный капиталистъ, какъ и фабрикантъ.

[239]) «The Natural and Artificial Rights of Property Contrasted. London, 1832», p. 98, 99. Авторъ этого анонимнаго сочиненія Th. Hodgskin.

[240]) «Даже еще въ 1794 году мелкіе лидскіе суконщики посылали въ парламентъ депутацію съ петиціей о запрещеніи каждому купцу дѣлаться фабрикантомъ». (Dr. Aikin l. c.).

О христіанской колоніальной системѣ, W. Howitt, человѣкъ, извѣстный своимъ христіанскимъ рвеніемъ, говоритъ слѣдующее: «Варварство и злодѣйство такъ называемыхъ христіанскихъ расъ во всѣхъ странахъ свѣта и противъ всѣхъ народовъ, которыхъ они только могутъ поработить, не имѣютъ ничего подобнаго, ни въ какія времена всемірной исторіи, ни въ какой расѣ, какъ-бы она ни была дика, мало цивилизована, безстыдна» [241]). Исторія голландскаго колоніальнаго хозяйства — а Голландія находилась во главѣ капиталистическихъ націй XVII-го вѣка — «представляетъ безпримѣрную картину измѣнъ, подкуповъ, убійствъ, подлостей» [242]). Нѣтъ ничего характернѣе системы похищенія людей на Целебесѣ, для доставленія рабовъ на Яву. Лица, похищавшія людей, подготовлялись для этой цѣли. Воръ, толмачъ и продавецъ были главными агентами этой торговли; туземные принцы — главными продавцами. Похищенныхъ молодыхъ людей сажали въ потаенныя тюрьмы Целебеса, гдѣ они оставались въ ожиданіи отправки на невольничьи корабли. Въ оффиціальномъ отчетѣ читаемъ: «Одинъ только городъ Макассаръ, напримѣръ, наполненъ тайными тюрьмами, изъ которыхъ одна ужаснѣе другой, каждая переполнена несчастными жертвами жадности и тиранніи, насильственно оторванными отъ своихъ семействъ и закованными въ цѣпи». Чтобы захватить Малакку, голландцы подкупили португальскаго губернатора. Въ 1641 г. онъ впустилъ ихъ въ городъ. Они прежде всего бросились въ его домъ и убили его, чтобы «воздержаться» отъ уплаты подкупной суммы въ 21,875 ф. стерл. Всюду, куда они вступали, за ними слѣдовало опустошеніе и уничтоженія населенія. Въ одной изъ провинцій Явы, Banjuwangi, въ 1750 году числилось болѣе 80,000 жителей а въ 1811 г. уже только 8,000. Это, что называется — doux commerce!

Извѣстно, что Англійская Остъ-Индская Компанія, кромѣ политическаго господства въ Остъ-Индіи, получила исключительную монополію чайной торговли, какъ и вообще торговли съ Китаемъ, а также монополію перевозки товаровъ изъ Европы и обратно. Но каботажъ и сообщеніе между островами, точно также какъ торговля внутри Индіи, сдѣлались монополіей крупныхъ чиновниковъ компаніи. Соляная монополія, монополія торговли опіумомъ, бетелемъ и другими товарами были неисчерпаемыми источниками богатства. Чиновники сами опредѣляли цѣны и драли съ несчастныхъ индусовъ сколько хотѣли. Генералъ-губернаторъ самъ участвовалъ въ этой частной торговлѣ. Любимцы его получали контракты на такихъ условіяхъ, при которыхъ они, перехитривъ алхимиковъ, дѣлали золото изъ ничего. Громадныя состоянія выростали какъ грибы въ одинъ день; первоначальное накопленіе происходило не требуя ни одного шиллинга для предварительной затраты. Процессъ Уаррена Гастингса кишѣлъ подобными примѣрами. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Контрактъ на торговлю опіумомъ былъ заключенъ съ нѣкіимъ Sullivan'омъ, хотя онъ, по порученію правительства, уѣхалъ въ мѣстность Индіи, совершенно противуположную тѣмъ округамъ, гдѣ приготовляется опіумъ. Sullivan продалъ свой контрактъ нѣкоему Binn'у за 40,000 ф. стерл.; Binn, съ своей стороны, перепродалъ его въ тотъ же день за 60,000 ф. стерл., и наконецъ окончательный покупатель, которому пришлось исполнить контрактъ, заявилъ, что онъ получилъ громадный барышъ. Изъ одного списка, представленнаго парламенту, видно, что компанія и ея чиновники заставили индійцевъ съ 1757 по 1766 г. подарить себѣ 6 милліоновъ ф. стерл.! Между 1769 и 1770 гг. англичане создали голодъ, скупивъ весь рисъ и перепродавая его только по баснословнымъ цѣнамъ [243]).

Въ колоніяхъ, продукты которыхъ предназначались исключительно для вывоза, какъ напримѣръ въ Вестъ-Индіи, и въ богатыхъ и густо населенныхъ странахъ, обреченныхъ на грабежъ, какъ Мексика и Остъ-Индія, обращеніе съ туземцами было особенно ужасное. Но и въ колоніяхъ собственно сказался христіанскій характеръ первоначальнаго накопленія. Пуритане, эти протестантскіе постники, назначили, по приговору своего собранія 1703 г., премію въ 40 ф. стерл. за каждый скальпъ индѣйца или за каждаго пойманнаго краснокожаго; въ 1720 г. 100 ф. ст.— за каждый скальпъ; въ 1744 г., когда Massachussets Bay объявилъ одно изъ племенъ мятежнымъ, были назначены слѣдующія цѣны: за мужской скальпъ индѣйца, начиная съ 12-ти лѣтняго возраста—100 ф. стерл., за плѣннаго мужчину—105 ф. стерл., за плѣнную женщину или ребенка — 50 ф. стерл., за женскіе и дѣтскіе скальпы по 50 ф. стерл.! Нѣсколько десятилѣтій спустя, колоніальная система отомстила возмутив-

241) William Howitt: «Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by Europeans in all their Colonies. London 1838», p. 9. Относительно обращенія съ невольниками, см. хорошую компиляцію у Charles Comte; «Traité de la Législation» 3-me édit. Bruxelles 1837. Надо изучить въ подробностяхъ этотъ предметъ, чтобы видѣть, во что обращаетъ буржуа самого себя и рабочаго, когда онъ можетъ не стѣсняясь преобразовывать свѣтъ по своему подобію.

242) Thomas Stafford Raffles, late Lieut. Gov. of that island: «Java and its dependencies. London 1817».

243) Въ 1866 году въ одной только провинціи Орисса умерло отъ голода болѣе милліона индусовъ. Тѣмъ не менѣе индійскую государственную казну стараются обогатить при помощи цѣнъ, по которымъ продаютъ жизненныя средства голодающимъ.

шимся къ тому времени потомкамъ набожныхъ pilgrim fathers. По внушенію и за деньги англичанъ они были tomahawked (индѣйцы перебили ихъ томагауками). Британскій парламентъ объявилъ скальпированіе «средствомъ, даннымъ ему Богомъ и природой».

Колоніальная система ускоряла развитіе торговли и мореплаванія. «Монополія обществъ» (Лютеръ) была могущественнымъ рычагомъ сосредоточенія капитала. Колоніи доставляли рынокъ для сбыта произведеній возникающихъ мануфактуръ, и монополизируя рынокъ, обезпечивали имъ болѣе быстрое накопленіе. Сокровища, прямо награбленныя внѣ Европы или добытыя тамъ порабощеніями и убійствами, возвращались въ метрополію, и здѣсь превращались въ капиталъ. Голландія, первая развившая вполнѣ колоніальную систему, уже въ 1648 г. находилась на верху своего торговаго величія. Ей «почти исключительно принадлежала остъ-индская торговля и торгъ между юго-западомъ и сѣверо-востокомъ Европы. Ея рыбныя ловли, морской флотъ и мануфактуры стояли выше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Весь капиталъ республики былъ, можетъ быть, значительнѣе, чѣмъ капиталы всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствъ вмѣстѣ взятыхъ». Gülich забываетъ добавить, что уже въ 1648 г. народъ въ Голландіи больше замученъ работою, былъ бѣднѣе, грубѣе, и болѣе притѣсненъ, чѣмъ народъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствахъ вмѣстѣ взятыхъ.

Промышленное преобладаніе въ наши дни предполагаетъ преобладаніе торговое; но въ мануфактурный періодъ въ собственномъ смыслѣ, торговое преобладеніе даетъ возможность преобладанію промышленному. Отсюда возникаетъ та важная роль, которую въ то время играла колоніальная система. Это былъ «чужой божокъ», который «возсѣлъ на алтарь рядомъ» со старыми идолами Европы, и въ одинъ прекрасный день однимъ пинкомъ всѣхъ ихъ сбросилъ въ одну кучу. Онъ провозгласилъ наживу конечною цѣлью человѣчества.

Система государственнаго кредита,—то есть общественный долгъ,—первые признаки которой мы находимъ въ среднихъ вѣкахъ въ Генуѣ и въ Венеціи, во время мануфактурнаго періода распространилась по всей Европѣ. Колоніальная система, со своею морскою торговлею и со своими торговыми войнами, послужила для нея теплицей. Такимъ образомъ она прежде всего пустила корни въ Голландіи. Государственный долгъ, другими словами, отчужденіе со стороны правительства, все равно деспотическаго-ли, конституціоннаго, или республиканскаго, запечатлѣваетъ собою капиталистическую эпоху. Единственная часть такъ называемаго народнаго богатства, которая дѣйствительно входитъ въ общее владѣніе современныхъ народовъ, это государственные ихъ долги [243a]). Отсюда вполнѣ послѣдовательно возникаетъ доктрина, что народъ дѣлается тѣмъ богаче, чѣмъ глубже погружается въ долги. Государственный кредитъ становится символомъ вѣры капитала. А съ возникновеніемъ государственной задолженности невѣріе въ государственныя долговыя обязательства замѣняетъ собою хулу на духа святаго, единственнаго грѣха, для котораго не допускается прощенія

Одними изъ наиболѣе энергическихъ факторовъ первоначальнаго накопленія были государственные долги. Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла надѣляютъ они непроизводительныя деньги добродѣтелью воспроизводительности и обращаютъ ихъ въ капиталъ, не подвергая ихъ притомъ ни риску, ни тревогамъ, неразлучнымъ при любомъ промышленномъ или ростовщическомъ дѣлѣ. Кредиторы государства, собственно говоря, не даютъ ничего, такъ какъ ихъ капиталъ, превращенный въ легко передаваемыя и реализуемыя государственныя обязательства, продолжаютъ обращаться въ ихъ рукахъ наравнѣ съ деньгами. Но, независимо отъ создаваемаго этимъ класса праздныхъ рантьеровъ, независимо отъ богатства, ниспосылаемаго капиталистамъ-посредникамъ между правительствомъ и народомъ, равно какъ и всякаго рода торговцамъ и промышленникамъ, для которыхъ добрая доля всякаго займа оказываетъ услугу капитала, свалившагося съ неба,—независимо отъ всего этого, государственные долги дали сильный толчекъ для возникновенія и развитія акціонерныхъ предпріятій, для торговли цѣнными бумагами всякаго рода, для сомнительныхъ сдѣлокъ, ажіотажа, словомъ для развитія биржевой игры и современной банкократіи.

Облеченные названіемъ національныхъ, крупные банки, уже съ самаго своего возникновенія были лишь сообществомъ частныхъ спекулянтовъ, устроившихся около правительствъ и, благодаря пріобрѣтеннымъ ими привилегіямъ, были въ состояніи ссужать деньги государству. Благодаря этому, для накопленія государственнаго долга нѣтъ мѣры болѣе чувствительной и непогрѣшимой, какъ непрерывное повышеніе цѣнъ акцій этихъ банковъ, наиболѣе полное развитіе которыхъ начинается съ учрежденія въ 1694 году Англійскаго Банка (Bank of England). Англійскій Банкъ началъ съ того, что ссудилъ правительство своимъ денежнымъ капиталомъ за 8%; въ тоже время Парламентъ далъ ему полномочіе чеканить деньги изъ того-же самаго капитала, отдавая его вновь въ ссуду публикѣ въ видѣ банковыхъ билетовъ (bank-notes), которые ему было разрѣшено выпускать въ обращеніе, выда-

[243a]) William Cobbett замѣчаетъ, что въ Англіи всѣ общественныя учрежденія называются «королевскими»; но взамѣнъ этого есть «народный долгъ» (national debt).

вая ихъ за учитываемые векселя, подъ залогъ товаровъ, а также употребляя ихъ на покупку благородныхъ металловъ. Вскорѣ послѣ того, эти же кредитныя деньги, сфабрикованныя самимъ банкомъ, стали деньгами, которыми Англійскій Банкъ ссужалъ государство и платилъ за счетъ правительства проценты по государственнымъ займамъ. Онъ не только давалъ одной рукой, чтобы другой брать болѣе, но онъ оставался, даже тогда когда получалъ, вѣчнымъ кредиторомъ націи на всю сумму, данную въ ссуду, до послѣдняго шиллинга. Постепенно онъ по необходимости сталъ вмѣстилищемъ всего металлическаго сокровища страны, и центромъ тяжести всего торговаго кредита. Въ то самое время, когда въ Англіи перестали сжигать вѣдьмъ, начали вѣшать поддѣлывателей банковыхъ билетовъ.

Чтобы получить представленіе о дѣйствіи, какое произвело на современниковъ внезапное появленіе этого отродья банкократовъ, финансистовъ, рантьеровъ, маклеровъ, торговцевъ цѣнными бумагами и т. д., надо познакомиться съ сочиненіями того времени, напримѣръ съ сочиненіями Болингброка [243b]).

Вмѣстѣ съ государственными долгами возникаетъ международный кредитъ, въ которомъ зачастую скрывается одинъ изъ источниковъ первоначальнаго накопленія у того или другого народа. Такъ, напримѣръ, грабительства и жестокости венеціанцевъ составляютъ одно изъ основаній богатства капиталами голландцевъ, которыхъ Венеція, въ періодъ своего упадка, ссужала большими денежными суммами. Голландія, съ своей стороны, въ концѣ XVI-го столѣтія стала лишаться своего торговаго и промышленнаго обладанія, была принуждена, начиная съ 1701 до 1776 г. сдѣлать своею главною операціею отдачу въ ссуду огромныхъ своихъ капиталовъ заграницу, и, главнымъ образомъ, своей побѣдоносной соперницѣ Англіи. Въ настоящее время то-же самое происходитъ между Англіей и Американскими Штатами. Многіе капиталы, которые появляются сегодня въ Соединенныхъ Штатахъ безъ всякаго свидѣтельства о рожденіи, были, не далѣе какъ вчера, капитализованною дѣтскою кровью.

Подобно тому, какъ государственный долгъ покоится на государственныхъ доходахъ, изъ которыхъ ежегодно погашается часть долга и уплачиваются проценты на всю остальную сумму, —точно также нынѣшняя система податного и налоговаго обложенія явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ государственныхъ займовъ. Займы, производимые правительствами съ цѣлью чрезвычайныхъ, непредвидѣнныхъ расходовъ— причемъ плательщики налоговъ тотчасъ-же и не почувствуютъ ихъ вліянія—влекутъ за собою увеличеніе налоговъ. Съ другой стороны, обремененіе налогами, вызванное послѣдовательно заключаемыми займами, вынуждаетъ правительства, при новыхъ непредвидѣнныхъ расходахъ, прибѣгать къ новымъ займамъ. Поэтому, современная финансовая система, основанная на обложеніи налогомъ предметовъ первой необходимости, а слѣдовательно ведущая къ вздорожанію ихъ, заключаетъ сама въ себѣ зародышъ автоматическаго развитія. Чрезмѣрное отягощеніе налогами не есть, значитъ, что-либо случайное, но лежитъ въ основѣ всей системы. Вслѣдствіе этого въ Голландіи, гдѣ эта система была впервые принята, большой патріотъ De Witt провозгласилъ ее въ своихъ «Maximes», какъ наиболѣе подходящую для того, чтобы сдѣлать рабочаго наиболѣе покорнымъ, воздержаннымъ, трудолюбивымъ и... изнуреннымъ работою. Но пагубное вліяніе, которое она производитъ на положеніе рабочаго класса, должно насъ занимать здѣсь менѣе, чѣмъ принудительная экспропріація крестьянства, а также ремесленниковъ и всѣхъ элементовъ низшихъ слоевъ средняго класса, къ которой она ведетъ. Относительно этого нѣтъ двухъ разныхъ мнѣній, даже среди буржуазныхъ экономистовъ. Дѣйствіе этой системы, въ смыслѣ лишенія производителя орудій его труда, усиливается еще болѣе покровительственной системой, которая входитъ въ нее какъ часть.

Выдающаяся роль, которую играла система государственныхъ долговъ и новѣйшая система налоговаго обложенія при превращеніи общественнаго богатства въ капиталъ и при экспропріаціи массъ, внушила многимъ писателямъ, напр., Вильяму Коббету, Дэббльдэ и другимъ, ложную мысль искать въ нихъ причину всѣхъ современныхъ народныхъ бѣдствій.

Протекціонная система была искусственнымъ средствомъ фабриковать фабрикантовъ, экспропріировать независимыхъ рабочихъ, превращать орудія и матеріальныя условія труда въ капиталъ, насильственно ускорять переходъ стараго способа производства въ новѣйшій. Европейскія государства спорили между собою о томъ, кому принадлежитъ право на изобрѣтеніе покровительственной системы, и, сдѣлавшись покорными слугами рыцарей наживы, они не довольствовались тѣмъ, что ради этой системы раззоряли налогами свой собственный народъ, косвенно—въ видѣ охранительныхъ пошлинъ, и непосредственно—въ видѣ премій за вывозимой товаръ, монополіей внутренней торговли и т. п. Въ зависимыхъ сосѣднихъ странахъ вся промышленность была насильственно уничтожаема; такъ, напримѣръ, ирландская шерстяная мануфактура была уничтожена Англіей парламентскими указами. На европейскомъ континентѣ процессъ этотъ, по примѣру Кольбера, былъ еще болѣе упрощенъ.

243b) «Вторгнись татары въ Европу въ настоящее время, стоило-бы большого труда объяснить имъ, какую роль играетъ среди насъ финансистъ». (Montesquieu, Esprit des Lois, t. IV, p. 33. ed. Londres, 1769).

волшебный источникъ, изъ котораго первоначальный капиталъ въ видѣ ссудъ и даже въ видѣ безвозмезднаго дара переходилъ при этомъ прямо къ дѣльцамъ,—часто надо искать въ государственномъ казначействѣ. «Зачѣмъ», восклицаетъ Мирабо, «такъ далеко искать причину блестящаго состоянія мануфактуръ Саксоніи передъ семилѣтней войной? Объясняютъ ее—180 милліоновъ государственнаго долга!» [244]).

Колоніальная система, государственные долги, тяжесть налоговъ, покровительство промышленности, торговыя войны и т. д., всѣ эти побѣги мануфактурнаго періода въ собственномъ смыслѣ слова, развились до колоссальныхъ размѣровъ въ юношескій періодъ крупной промышленности. Рожденіе послѣдней было отпраздновано громадными, иродскими избіеніями дѣтей. Подобно вербовкѣ въ королевскій флотъ, наборъ рабочихъ для фабрикъ производился при помощи отрядовъ вербовщиковъ. Какъ ни равнодушенъ Sir F. M. Eden къ жестокостямъ при экспропріаціи земледѣльческаго населенія съ послѣдней трети XV-го столѣтія до его времени, то-есть до конца XVIII-го, какъ ни самодовольна его радость, которую онъ выражалъ при лишеніи земледѣльца земли, считая это «необходимымъ» для установленія капиталистическаго земледѣлія и «истиннаго отношенія между пашней и пастбищемъ», тѣмъ не менѣе онъ не проявляетъ такой-же прозорливости относительно экономической необходимости похищенія дѣтей и порабощенія ихъ для превращенія мануфактурнаго производства въ фабричное и для установленія истинныхъ отношеній между капиталомъ и рабочею силою. Онъ говоритъ: «Можетъ быть стоитъ обратить вниманіе публики на слѣдующій вопросъ: можетъ-ли увеличить сумму національнаго и индивидуальнаго счастья такая мануфактура, которая для своего успѣшнаго хода должна похищать бѣдныхъ дѣтей изъ коттэджей и рабочихъ домовъ, для того чтобы они, смѣняя другъ друга поочередно, работали большую часть ночи и такимъ образомъ лишались покоя, такъ необходимаго для всѣхъ, а въ особенности для молодыхъ;—мануфактура, которая, кромѣ, того такъ скучиваетъ толпы лицъ обоего пола различныхъ возрастовъ и наклонностей, что заразительность примѣра неизбѣжно должна помогать развитію разврата и распутства»? [245]). «Въ Дэрбиширѣ, Ноттингэмширѣ и, въ особенности, въ Ланкаширѣ», говоритъ Fielden, «введена въ употребленіе только что изобрѣтенная машина на большихъ фабрикахъ, стоящихъ на берегахъ рѣчекъ, теченіемъ которыхъ могутъ быть приводимы въ движеніе водяныя колеса. Внезапно потребовались тысячи рукъ въ эти мѣста, удаленныя отъ городовъ; и въ особенности Ланкаширъ, до сихъ поръ относительно малонаселенный и неплодородный, нуждается теперь въ очень значительномъ населеніи. Болѣе всего запроса на маленькіе, проворные пальцы. Тотчасъ-же возникло обыкновеніе доставать учениковъ (!) изъ приходскихъ рабочихъ домовъ Лондона, Бирмингэма и другихъ мѣстъ. Много, очень много тысячъ этихъ маленькихъ, безпомощныхъ созданій, отъ 7 до 13 и 14 лѣтъ, были такимъ образомъ отправляемы на сѣверъ. Обыкновенно хозяева (т.-е. похитители дѣтей) кормили и одѣвали своихъ учениковъ и помѣщали ихъ въ «ученическомъ домѣ» близъ фабрики. Назначались особые надзиратели, чтобы смотрѣть за ними во время работъ. Въ интересѣ этихъ надсмотрщиковъ было заставлять дѣтей работать до послѣднихъ силъ, такъ какъ они получали плату соразмѣрно количеству продукта, выжимаемаго изъ дѣтей. Естественнымъ слѣдствіемъ этого была жестокость обращенія... Во многихъ фабричныхъ округахъ, въ особенности-же въ Ланкаширскомъ, съ этими невинными и беззащитными созданьями, которыя отдавались на произволъ фабрикантовъ, обращались возмутительно жестоко. Ихъ отягощали чрезмѣрными работами до смерти; ихъ сѣкли, заковывали въ цѣпи, истязали съ самою утонченною жестокостью; во многихъ случаяхъ они голодали до такой степени, что оставалась только кожа да кости, тогда какъ кнутъ заставлялъ ихъ работать. Иногда ихъ доводили даже до самоубійства!... Прекрасныя романтическія долины Дербишира, Ноттингэмшира и Ланкашира, закрытыя отъ постороннихъ взоровъ, сдѣлались ужаснымъ мѣстомъ пытокъ и часто даже—смерти!.. Барыши фабрикантовъ были громадны. Это только еще болѣе возбуждало ихъ волчью алчность. Они стали пользоваться ночнымъ трудомъ, т.-е., измучивъ дневнымъ трудомъ одну группу рабочихъ рукъ, они пускали въ ходъ другую для ночной работы; дневная группа отправлялась тогда въ постели, только что оставленныя ночною группою и vice versa. Въ Ланкаширѣ образовалась даже народная поговорка—«постели никогда не остываютъ» [246]).

---

[244]) «Pourquoi aller chercher si loin la cause de l'éclat manufacturier de la Saxe avant la guerre? Cent quatre-vingt millions de dettes faites par les souverains!» (Mirabeau l. c. t. VI, p. 101).

[245]) Eden l. c. b. II, ch. I. p. 421.

[246]) John Fielden l. c. p. 5, 6. О гнусностяхъ, происходившихъ при возникновеніи фабричнаго производства сравн. Dr. Aikin (1795) l. c. p. 219 и Giborne: «Enquiry into the duties of men 1795», v. II.—Когда паровыя машины перенесли фабрики съ береговъ рѣчекъ въ города, то «воздержанный» рыцарь наживы сталъ имѣть дѣтскій матеріалъ подъ руками, и потому болѣе не нуждался въ насильственномъ привозѣ его изъ рабочихъ домовъ. Когда Sir R. Peel (отецъ «министра of plausibility») въ 1815 году внесъ свой билль для защиты дѣтей, F. Horner (свѣтило Bullion Committee и закадычный другъ Рикардо) заявилъ въ Нижней Палатѣ: «Извѣстно, что вмѣстѣ съ имуществомъ одного банкрота публично продавали на аукціонѣ шайку (если только позволено мнѣ

Съ развитіемъ капиталистическаго производства въ теченіе мануфактурнаго періода, общественное мнѣніе Европы потеряло остатокъ всякаго чувства стыда и совѣсти. Націи стали цинично хвастаться всякою мерзостью, которая была средствомъ для капиталистическаго накопленія. Достаточно прочесть наивныя лѣтописи торговли достойнаго Андерсона. Здѣсь превозносится какъ тріумфъ англійской государственной мудрости то, что по утрехтскому миру Англія, которая до того по азіентскому договору вела торговлю неграми только между Африкой и Англійской Вестъ-Индіей, выговорила у Испаніи право вести эту торговлю также между Африкой и испанской Америкой. Англія получила право снабжать испанскую Америку до 1743 года ежегодно 4,800 неграми. Это послужило одновременно предлогомъ для оффиціальный британской контрабанды. Ливерпуль развился и получилъ значеніе, благодаря торговлѣ невольниками. Для этого правовѣрнаго города торговля человѣческимъ мясомъ составляла способъ первоначальнаго накопленія. И до нашихъ дней ливерпульскіе «именитые» граждане продолжали воспѣвать прелести торговли невольниками, которая— сравни цитированное сочиненіе Dr. Aikin'а 1795 г.—«возбуждаетъ до страсти духъ коммерческой предпріимчивости, создаетъ знаменитыхъ моряковъ и приноситъ огромныя деньги». Въ 1730 году торговлей неграми занималось 15 ливерпульскихъ кораблей, въ 1751—53, въ 1760—74, въ 1770—96 и въ 1792—132.

Вводя въ Англіи рабство дѣтей, хлопчатобумажная промышленность, дала одновременно толчокъ для превращенія прежняго, болѣе или менѣе патріархальнаго, рабовладѣльческаго хозяйства Американскихъ Штатовъ въ систему эксплуатаціи, основанную на коммерческомъ разсчетѣ. Вообще замаскированное рабство европейскихъ наемныхъ рабочихъ было пьедесталомъ рабства sans phrase въ Новомъ Свѣтѣ [247]).

будетъ такъ выразиться) фабричныхъ дѣтей, какъ часть его собственности. Два года тому назадъ (1813) слѣдующій ужасный случай разбирался предъ судомъ королевской скамьи (King's Bench). Дѣло шло о нѣсколькихъ мальчикахъ. Одинъ лондонскій приходъ отдалъ ихъ одному фабриканту, этотъ въ свою очередь передалъ ихъ другому. Наконецъ ихъ нашелъ одинъ филантропъ въ состояніи абсолютнаго голода (absolute famine). Другой еще болѣе ужасный случай онъ узналъ въ качествѣ члена парламентской слѣдственной коммисіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ лондонскій приходъ заключилъ съ однимъ Ланкаширскимъ фабрикантомъ условіе, по которому фабрикантъ обязался принимать на 20 здоровыхъ дѣтей—одного идіота».

[247]) Въ 1790 году, въ Англійской Вестъ-Индіи приходилось 10 рабовъ на одного свободнаго, во французской 14—на одного, въ голландской 23—на одного (Henry Brougham: «An Inquiry into th eColonial Policy of the European Powers, Edinb. 1803», v. II, p. 74).

Tantae molis erat! Вотъ какою цѣною мы купили нашу побѣду; вотъ чего стоило установить «вѣчные природные законы» капиталистическаго способа производства, завершить процессъ отдѣленія рабочихъ отъ условій труда, обращая, съ одной стороны. общественныя средства производства и средства существованія въ капиталъ, съ другой-же стороны, дѣлая изъ народной массы наемныхъ рабочихъ,—свободныхъ трудящихся бѣдныхъ («arbeitende Arme»),—этотъ искусственный продуктъ современной исторіи [248]). Если, какъ говоритъ Augier, деньги «являются на свѣтъ съ природнымъ кровавымъ пятномъ на щекѣ» [249]), то у капитала изо всѣхъ поръ, съ головы до пятокъ, сочится кровь и грязь [250]).

[248]) Выраженіе «labouring poor» (трудящіеся бѣдные) начинаетъ попадаться въ англійскомъ законодательствѣ съ того времени, когда классъ наемныхъ рабочихъ становится уже замѣтнымъ. «Labouring poor» противополагается, съ одной стороны, «idle poor», нищему и т. п., а съ другой стороны—такому рабочему, который не представляетъ еще изъ себя ощипаной курицы, по имѣетъ свои собственныя орудія труда. Изъ законодательства выраженіе «labouring poor» перешло въ политическую экономію, начиная съ Culpeper, J: Child и др. до Ад. Смита и Eden'а. Какова-же послѣ этого bonne foi «execrable political cantmonger'а» Эдмунда Бёрка, когда онъ выраженіе «labouring poor» называетъ execrable political cant» (гнуснымъ политическимъ лицемѣріемъ). Это сикофантъ, который, будучи на жалованьи у англійской олигархіи, держалъ себя романтикомъ относительно французской революціи, точно также, какъ при началѣ американскихъ замѣшательствъ, состоя на жалованьи у сѣверо-американскихъ колоній, онъ держался либераломъ и былъ противъ англійской олигархіи.—былъ самый заурядный буржуа. «Законы торговли—это законы природы, а слѣдовательно законы Божіи». (E. Burke l. c. p. 31, 32). Не удивительно, что вѣрный закону Бога и природы, онъ всегда продавалъ самого себя на томъ рынкѣ, гдѣ было выгоднѣе! Въ сочиненіяхъ Rev. Mr. Tucker'а.—Tucker былъ пасторъ и тори, во всѣхъ-же остальныхъ отношеніяхъ совершенно приличный человѣкъ и хорошій экономистъ —находимъ превосходную характеристику этого Эдмунда Бёрка во время его либерализма. При гнусной безхарактерности господствующей теперь и набожно вѣрующей въ «законы торговли», должно постоянно безъ устали клеймить людей, подобныхъ Бёрку, который отъ своихъ преемниковъ отличается только однимъ— талантомъ!

[249]) Mari Augier: «Du Credit Public».

[250]) «Капиталъ, говоритъ обозрѣватель Quarterly Review, бѣжитъ отъ бунтовъ и борьбы, онъ робокъ по своей природѣ. Это совершенно справедливо, но здѣсь еще не вся истина. Капиталъбоится отсутствія барыша или очень маленькаго барыша, подобно природѣ, которая рили, боится пустого пространства. По мѣрѣ возрастанія барыша, капиталъ становится смѣлѣе. Если имѣется вѣрныхъ 10%, то его можно прилагать на что угодно; при 20% онъ оживляется; при 50% онъ дѣлается положительно удальцомъ;—ради 100% онъ готовъ попирать ногами всѣ человѣческіе законы; при 300% нѣтъ преступленія, на которое-бы онъ не пошелъ, даже рискуя, что владѣлецъ его попадаетъ на

7) Историческая тенденція капиталистическаго накопленія.

На что-же сводится первоначальное накопленіе капитала, т.-е. его историческое возникновеніе? Насколько это не есть простое превращеніе рабовъ и крѣпостныхъ въ наемныхъ рабочихъ, т.-е. простое измѣненіе формъ, оно означаетъ только экспропріацію непосредственныхъ производителей, т.-е. уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ.

Частная собственность, какъ противоположеніе общественной собственности, имѣется только тамъ, гдѣ орудія труда и внѣшнія условія труда принадлежатъ частнымъ лицамъ. Но частная собственность принимаетъ тотъ или иной видъ въ зависимости отъ того, рабочіе-ли эти частныя лица, или нерабочіе. Безчисленные оттѣнки, которые на первый взглядъ она представляетъ собою, соотвѣтствуютъ лишь промежуточнымъ фазамъ между этими двумя крайностями. Право частной собственности рабочаго на орудія его производства есть основаніе мелкаго производства, все равно земледѣльческаго-ли, или промышленнаго, или того и другого; мелкое-же производство есть необходимое условіе для развитія общественнаго производства и свободной индивидуальности самого рабочаго. Конечно, этотъ способъ производства существуетъ также при рабствѣ, крѣпостничествѣ и при другихъ зависимыхъ отношеніяхъ. Но онъ процвѣтаетъ, проявляетъ всю свою энергію, пріобрѣтаетъ вполнѣ классическую форму только тамъ, гдѣ рабочій есть свободный владѣлецъ имъ самимъ употребляемыхъ орудій труда, земледѣлецъ-собственникъ обработываемой имъ земли, ремесленникъ, собственникъ инструмента, которымъ онъ владѣетъ какъ виртуозъ. Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ орудій производства. Такъ какъ онъ исключаетъ сосредоточеніе послѣднихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ и кооперацію, раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, общественную власть надъ природою и производительное приложеніе силъ ея, словомъ, исключаетъ свободное развитіе общественной производительной силы. Онъ возможенъ только при узкихъ первобытныхъ условіяхъ производства и общественныхъ условіяхъ. Увѣковѣчить ихъ значило-бы, по справедливому выраженію Pequeur'а, «декретировать всеобщую посредственность». На извѣстной степени развитія онъ самъ доставляетъ матеріальныя средства для своего разложенія. Съ этого момента начинаютъ развиваться внутри общества страсти и силы, которыя чувствуютъ себя скованными имъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ уничтожается. Уничтоженіе его, обращеніе индивидуальныхъ и раздробленныхъ средствъ производства въ общественно сосредоточенныя, т.-е обращеніе мелкой собственности многихъ въ громадную собственность немногихъ, т.-е. экспропріація земли, средствъ существованія и орудій труда у огромнаго большинства народа, эта ужасная и трудная экспропіація народныхъ массъ образуетъ исторію возникновенія капитала. Она охватываетъ собою рядъ насильственныхъ способовъ и пріемовъ, изъ которыхъ мы останавливались только на наиболѣе выдающихся въ первоначальномъ накопленіи капитала.

Экспропріація непосредственныхъ производителей происходила съ безпощаднымъ вандализмомъ и подъ вліяніемъ самыхъ гнусныхъ, грязныхъ и мелкихъ страстей. Частная собственность пріобрѣтенная собственнымъ трудомъ, основанная такъ сказать, на сростаніи независимыхъ рабочихъ съ внѣшними условіями труда, была вытѣснена частною капиталистическою собственностью, основанною на эксплуатаціи чужого, но по формѣ свободнаго труда [251]).

Какъ скоро этотъ процессъ превращенія достаточно разложилъ старое общество и въ глубину, и въ ширину; какъ скоро рабочіе превращены въ пролетаріевъ, а ихъ условія труда въ капиталъ; какъ скоро капиталистическій способъ производства поддерживается лишь силою хозяйственнаго порядка вещей,—дальнѣйшее соединеніе въ общество (Vergesellschaftung) труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ общественно эксплуатируемыя, т.-е. въ общинныя средства производства, другими словами, дальнѣйшая экспропріація частной собственности пріобрѣтаетъ новую форму. Теперь остается экспропріировать уже не независимаго рабочаго, имѣющаго собственное хозяйство, а капиталиста, эксплуатирующаго многихъ рабочихъ. Эта экспропріація производится дѣйствіемъ законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству, при помощи сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ постоянно побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса; сознательное техническое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ совмѣстнаго употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбиниро-

висѣлицу. Если бунтъ и борьба станутъ давать хорошій барышъ, то онъ станетъ поощрять ихъ. Доказательство—контрабанда и торговля невольниками». (T. J. Dunning l. c. p. 36).

[251]) «Мы находимся въ совершенно новыхъ условіяхъ общества.... мы стремимся отдѣлить всякаго рода собственность отъ труда всякаго рода». (Sismondi: «Nouveaux Principes de l'Econ. Polit.» t. II, p. 434).

ваннаго, общественнаго труда. Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, увеличивается бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатація; но одинаково возрастаетъ и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и соединеніе въ общество (Vergesellschaftung) труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Приходитъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующихъ экспропріируютъ.

Капиталистическій способъ захвата, соотвѣтствующій капиталистическому способу производства, создаетъ частную капиталистическую собственность, это есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ-же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса. Это—отрицаніе отрицанія. Оно не возстановляетъ снова частную собственность производителя, но даетъ ему индивидуальную собственность, основывающуюся на пріобрѣтеніяхъ капиталистической эры, т.-е. на сотрудничествѣ свободныхъ рабочихъ и на совмѣстномъ ими владѣніи землею и средствами производства.

Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ, въ капиталистическую, есть, разумѣется, процессъ гораздо болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ обращеніе капиталистической частной собственности, фактически основывающейся уже на общественной эксплуатаціи средствъ производства, — въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ — народомъ [252]).

[252]) «Прогрессъ промышленности, невольнымъ орудіемъ котораго служитъ буржуазія, ставитъ на мѣсто отдѣленія рабочихъ конкуренціей, ихъ революціонное объединеніе ассоціаціей. Слѣдовательно, съ развитіемъ крупной промышленности у буржуазіи ускользаетъ изъ подъ ногъ почва, на которой она производитъ и присвоиваетъ себѣ продуктъ. Поэтому, прежде всего она роетъ свою собственную могилу. Паденіе ея и побѣда пролетаріата равно неизбѣжны... Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящую минуту противополагаются буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ Прочіе классы погибаютъ вмѣстѣ съ крупной промышленностью, пролетаріатъ-же есть ея собственный продуктъ... Среднее сословіе, мелкіе промышленнники, мелкіе торговцы, ремесленники крестьяне, всѣ они борятся съ буржуазіей, чтобы сохранить свое существованіе, какъ средняго сословія.... всѣ они реакціонны, такъ какъ стараются поворотить назадъ колесо исторіи». (F. Engels und Karl Marx: «Manifest der kommunistischen Partei. London 1847», p. 9, 11).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Современная теорія колонизаціи. [253])

Политическая экономія старается по принципу поддержать очень удобную сбивчивость представленія о двухъ родахъ частной собственности, вполнѣ одна отъ другой отличныхъ: о частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ, и діаметрально ей противуположной капиталистической частной собственности, основывающейся на чужомъ трудѣ. Она забываетъ при этомъ, что послѣдняя представляетъ не только противоположеніе первой, но что она произростаетъ лишь на ея могилѣ.

Въ западной Европѣ, родинѣ политической экономіи, процессъ первоначальнаго накопленія, т.-е. экспропріація рабочихъ,—окончился. Капиталистическое производство здѣсь или подчинило себѣ непосредственно все національное производство, или-же, гдѣ экономическія условія менѣе развиты, оно косвенно управляетъ все еще существующимъ рядомъ съ нимъ общественными слоями, принадлежащими устарѣлымъ способамъ производства и приходящими въ упадокъ. Къ этому болѣе или менѣе сформировавшемуся капиталистическому обществу экономистъ прилагаетъ идеи права и собственности, завѣщанныя докапиталистическимъ обществомъ, тѣмъ съ большею ревностью и тѣмъ съ большимъ умиленіемъ, чѣмъ громче вопіютъ факты противъ его идеала.

Другое дѣло въ колоніяхъ,—тамъ вездѣ капиталистическій способъ производства и захвата

[253]) Здѣсь рѣчь идетъ о дѣйствительныхъ колоніяхъ, о дѣвственной почвѣ, на которой поселяются свободные пришельцы. Соединенные Штаты въ экономическомъ отношеніи, все еще представляютъ европейскія колоніи. Впрочемъ сюда принадлежатъ также тѣ давнишнія поселенія въ которыхъ отмѣна рабства совершенно измѣнила всѣ отношенія.

наталкивается на препятствія, представляемыя собственностью, пріобрѣтенной собственнымъ трудомъ, и производителями, которые владѣя внѣшними условіями труда, сами обогащаются своимъ трудомъ, вмѣсто того, чтобы обогащать капиталистовъ. Діаметральная противоположность этихъ двухъ экономическихъ системъ проявляется здѣсь практически въ видѣ борьбы. Тамъ, гдѣ капиталистъ имѣетъ на своей сторонѣ силу метрополіи, онъ старается насильственно устранить всѣ способы производства и завладѣнія, основывающіеся на собственномъ трудѣ. Тотъ-же интересъ, который въ метрополіи заставляетъ сикофанта капитала, экономиста, объявлять въ теоріи капиталистическій способъ производства тождественнымъ съ его собственною противоположностью, тотъ-же интересъ побуждаетъ его здѣсь «to make a clear breast of it», и объявлять несовмѣстимость обоихъ способовъ производства. Для этого онъ начинаетъ доказывать, что развитіе общественной производительной силы — труда, коопераціи, раздѣленія труда, приложенія машинъ въ большихъ размѣрахъ и т. д., невозможны безъ экспропріаціи рабочихъ и обращенія ихъ средствъ производства въ капиталъ. Въ интересѣ, такъ называемаго, національнаго богатства онъ ищетъ искуственныхъ способовъ для упроченія народной нищеты. Панцырь его апологіи крошится при этомъ на мелкіе куски, какъ гнилое дерево.

E. G. Wakefield оказалъ большую заслугу не тѣмъ, что открылъ что-нибудь новое относительно колоній [254]), но тѣмъ, что въ колоніяхъ открылъ истину капиталистическихъ отношеній въ Европѣ. Какъ покровительственная система при своемъ появленіи [255]) имѣла цѣлью достигнуть фабрикаціи капиталистовъ на родинѣ, точно также теорія колонизаціи Wakefield'а, которую одно время Англія старалась осуществить законодательнымъ путемъ, имѣла цѣлью фабриковать наемныхъ рабочихъ въ колоніяхъ. Это у него называется «systematic colonization» (систематической колонизаціей).

Прежде всего Wakefield открылъ, что въ колоніяхъ обладаніе деньгами, средствами существованія, машинами и другими орудіями производства еще не дѣлаетъ человѣка капиталистомъ, если не имѣется нѣкотораго дополненія къ этому, въ видѣ наемнаго рабочаго, другого, словомъ, человѣка, который былъ-бы вынужденъ продавать самого себя. Онъ открылъ, что капиталъ не есть вещь, но общественное отношеніе между лицами, выражаемое при посредствѣ вещей [256]). Господинъ Peel, жалуется онъ, взялъ съ собой изъ Англіи на Swan river, въ Новой Голландіи средствъ существованія и орудій производства на сумму 50,000 ф. стерл. Господинъ Peel былъ, къ тому-же, настолько предусмотрителенъ, что взялъ еще 3,000 человѣкъ изъ рабочаго класса, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. По прибытіи на мѣсто, «у господина Peel'я не осталось ни одного слуги, чтобы приготовить постель, или принести воды изъ рѣки» [257]). Несчастный господинъ Peel, онъ все предусмотрѣлъ, но забылъ только вывезти на Swan river англійскія условія производства!

Чтобы понять слѣдующія открытія Wakefied'а, сдѣлаемъ два предварительныя замѣчанія. Извѣстно, что средства производства и существованія не представляютъ капитала, если они составляютъ собственность непосредственныхъ производителей, самихъ рабочихъ. Они становятся капиталомъ только при томъ условіи, если служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ эксплуатаціи рабочихъ и власти надъ ними. Но эта капиталистическая душа ихъ въ головѣ экономиста такъ тѣсно соединяется съ ихъ вещественной субстанціей, что онъ при всѣхъ обстоятельствахъ называетъ ее капиталомъ, даже и тогда, когда она прямо противоположна ему. Такъ напримѣръ и у Wakefield'а. Далѣе: раздробленіе средствъ производства, какъ индивидуальной собственности между многими другъ отъ друга независимыми рабочими, имѣющими собственное хозяйство, онъ называетъ равнымъ дѣленіемъ капитала. Экономистъ похожъ въ этомъ отношеніи на феодальныхъ юристовъ. Послѣдніе также на чисто денежныя отношенія налѣпляли свои феодальные ярлыки.

«Если», говоритъ Wakefield, «предположить, что капиталъ распредѣленъ поровну между всѣми членами общества... то никто не былъ-бы заинтересованъ въ накопленіи его въ большемъ количествѣ противъ того, сколько можетъ употребить въ дѣло собственными руками. Это до извѣстной степени и бываетъ въ новыхъ американскихъ поселеніяхъ, гдѣ страсть къ владѣнію землею препятствуетъ существованію класса

---

[254]) Немногія свѣтлыя мѣста, встрѣчающіяся у Wakefield'а о сущности самыхъ колоній, положительно предвосхищены Mirabeau отцомъ, фізіократами и еще много раньше англійскими экономистами.

[255]) Впослѣдствіи она сдѣлалась временною необходимостью въ международной борьбѣ конкуренціи. Каковъ-бы, однако, ни былъ мотивъ, — послѣдствія остаются тѣ-же.

[256]) «Негръ есть негръ. Только вслѣдствіе опредѣленныхъ отношеній онъ становится рабомъ. Хлопчато-бумажная машина есть машина для пряжи хлопка. Только вслѣдствіе опредѣленныхъ отношеній она превращается въ капиталъ. Вырванная изъ этихъ отношеній, она также мало представляетъ собою капиталъ, какъ мало золото, само по себѣ, представляетъ деньги или сахаръ — цѣну сахара... Капиталъ есть общественное отношеніе производства. Онъ представляетъ собою историческое отношеніе производства». (Karl Marx: «Lohnarbeit und Kapital». Neue Rheinische Zeitung № 266 von 7 April 1849).

[257]) E. G. Wakefield: «England and America», v. II, p. 33.

наемныхъ рабочихъ» [258]). Значитъ, до тѣхъ поръ, пока рабочій можетъ накоплять для самого себя,—а это онъ можетъ дѣлать пока остается владѣльцемъ своихъ средствъ производства,—капиталистическое накопленіе и капиталистическій способъ производства невозможны. Недостаетъ необходимаго для этого класса наемныхъ рабочихъ. Какимъ-же образомъ произошла въ старой Европѣ экспропріація у рабочихъ ихъ средствъ производства, т.-е. какимъ образомъ образовались капиталъ и наемный трудъ? Посредствомъ совершенно оригинальнаго «contrat social». «Человѣчество приняло... простой способъ для поощренія накопленія капитала», которое, разумѣется, еще со временъ Адама постоянно представлялось ему единственной цѣлью его существованія; «оно раздѣлилось на владѣльцевъ капитала и владѣльцевъ труда... дѣленіе это было результатомъ добровольнаго соглашенія и соединенія» (Kombination [259]). Словомъ, масса человѣчества экспропріировала сама себя въ честь «накопленія капитала». Теперь, надо полагать, инстинктъ этого фанатизма самоотреченія дастъ себѣ полную волю именно въ колоніяхъ, гдѣ только и существуютъ люди и условія, которые могутъ перенести contrat social изъ области мечтаній въ дѣйствительность. Но къ чему-же тогда вообще «систематическая колонизація» въ противоположность естественной колонизаціи? Но, но «сомнительно, чтобы въ сѣверныхъ штатахъ американскаго союза хотя бы десятая доля населенія принадлежала къ категоріи наемныхъ рабочихъ... Въ Англіи... большая часть народа состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ» [260]). Да, побужденіе къ самоэкспропріаціи трудящагося человѣчества въ честь капитала такъ слабо, что, по мнѣнію самого Wakefield'а, рабство есть единственное естественное основаніе колоніальнаго богатства. Его систематическая колонизація есть просто pis aller, такъ какъ ему приходилось теперь имѣть дѣло съ свободными, а не съ рабами. «Первые испанскіе поселенцы въ Санъ Доминго не получали рабочихъ изъ Испаніи. Безъ рабства ихъ капиталъ пропалъ-бы тамъ, или во всякомъ случаѣ сократился-бы до такихъ незначительныхъ размѣровъ, въ какихъ каждый могъ-бы прилагать его собственными руками. Это дѣйствительно произошло въ колоніяхъ, основанныхъ за послѣднее время англичанами, — напр. поселенія на Swan river, — гдѣ погибъ, вслѣдствіе недостатка наемныхъ рабочихъ, громадный капиталъ, помѣщенный въ сѣменахъ, скотѣ и инструментахъ, и гдѣ ни у одного поселенца нѣтъ капитала, большаго, чѣмъ тотъ, какой онъ можетъ прилагать самъ своими руками» [261]).

Мы видѣли, что первое условіе капиталистическаго производства заключается въ томъ, чтобы владѣніе землею уже было отнято изъ рукъ большинства. Сущность-же свободныхъ колоній заключается, наоборотъ, въ томъ, что земля составляетъ еще народную собственнось, и что каждый поселенецъ можетъ, поэтому, овладѣть частью ея, которая и послужитъ ему средствомъ производства для него самого, не препятствуя въ то-же время позднѣйшимъ поселенцамъ сдѣлать то-же самое [262]). Въ этомъ состоитъ тайна какъ процвѣтанія колоній, такъ и ихъ закоренѣлаго порока—противодѣйствія водворенію въ нихъ капитала. «Тамъ, гдѣ земля очень дешева и всѣ люди свободны, гдѣ каждый можетъ по желанію пріобрѣсти участокъ земли,—трудъ не только очень дорогъ, по величинѣ доли продукта, получаемой рабочимъ, но тамъ трудно получить за какую-бы то ни было цѣну трудъ, производимый сообща» [263]).

Такъ какъ въ колоніяхъ рабочіе еще не разъединены съ вещественными условіями труда и съ ихъ источникомъ, землею,—или если это и встрѣчается, то только случайно, или въ очень ограниченныхъ размѣрахъ,—то земледѣліе тамъ также не отдѣлено отъ промышленности и не уничтожены также деревенскіе домашніе промыслы; гдѣ-же капиталъ найдетъ для себя внутренній рынокъ?

«Въ Америкѣ нѣтъ ни одной части населенія исключительно земледѣльческаго, кромѣ рабовъ и ихъ хозяевъ, которые соединяютъ капиталъ и трудъ для крупныхъ предпріятій. Свободные американцы, сами обработывающіе землю, занимаются кромѣ того многими другими промыслами. Часть ихъ мебели и инструментовъ обыкновенно дѣлается ими самими. Они часто сами строятъ свои дома и отвозятъ продуктъ своихъ промысловъ на очень отдаленные рынки. Они въ одно и то-же время и прядильщики, и ткачи, они приготовляютъ во многихъ случаяхъ для собственнаго потребленія мыло и свѣчи, сапоги и платье. Въ Америкѣ земледѣліе образуетъ часто подобное занятіе кузнеца, мельника или мелкаго торговца» [264]). Гдѣ-же здѣсь подвизаться въ «воздержаніи» господамъ капиталистамъ среди такихъ чудаковъ?

Величайшая прелесть капиталистическаго производства состоитъ въ томъ, что оно не только постоянно воспроизводитъ наемныхъ рабочихъ, какъ наемныхъ рабочихъ, но постоянно произ-

---

[258]) l. c. v. I, p. 17, 18.
[259]) l. c. p. 18.
[260]) l. c. p. 42, 43, 44.

[261]) l. c. v. II, p. 5.
[262]) «Земля, для того чтобы сдѣлаться элементомъ колонизаціи, должна быть нетолько не обработана, но она также должна быть общественной собственностью, которая можетъ быть обращаема въ частную». (l. c. v. II, p. 125).
[263]) l. c. v. I, p. 247.

водитъ въ то-же время относительный излишекъ наемныхъ работниковъ, относительный — по сравненію съ накопленіемъ капитала. Такимъ образомъ законъ спроса и предложенія труда держится въ надлежащей колеѣ, колебанія рабочей платы вгоняются въ предѣлы, достаточные для капиталистичеекой эксплуатаціи, и наконецъ обезпечивается столь необходимая общественная зависимость рабочихъ отъ капиталистовъ, та безусловная зависимость, которую экономистъ у себя дома, на родинѣ, можетъ, если пожелаетъ, называть свободнымъ договоромъ между покупателемъ и продавцемъ, между двумя независимыми владѣльцами товаровъ: владѣлецъ товара-капитала и владѣльцемъ товара-труда. Эта пріятная иллюзія въ колоніяхъ исчезаетъ. Абсолютное число рабочаго населенія здѣсь возрастаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ на родинѣ, такъ какъ здѣсь многіе рабочіе являются на свѣтъ уже взрослыми: но тѣмъ не менѣе, на рынкѣ труда—постоянный недостатокъ предложенія. Законъ спроса и предложенія труда теряетъ силу. Съ одной стороны, старый свѣтъ постоянно доставляетъ сюда капиталъ, жаждущій эксплуатаціи, чувствующій потребность въ «воздержаніи»; съ другой стороны, правильное воспроизведеніе рабочихъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ наталкивается здѣсь на самыя грубыя и частью непреодолимыя препятствія. И сколько, тѣмъ болѣе, потребовалось-бы рабочихъ, чтобы соразмѣрно накопленію капитала появился еще излишекъ ихъ! Сегодняшній наемный работникъ становится завтра независимымъ крестьяниномъ или самостоятельнымъ ремесленникомъ. Онъ исчезаетъ съ рабочаго рынка, но только не въ рабочій домъ. Это постоянное превращеніе наемнаго рабочаго въ независимаго производителя, работающаго на самого себя, а не на капиталъ, и обогащающаго вмѣсто господъ капиталистовъ тоже самого себя, съ своей стороны воздѣйствуетъ очень пагубно на состояніе рынка наемнаго труда, а стало быть и на норму рабочей платы. Не только степень эксплуатаціи наемныхъ рабочихъ остается низкой до неприличія, но послѣдніе, вмѣстѣ съ зависимыми отношеніями, теряютъ также чувство зависимости отъ воздерживающагося капиталиста. Отсюда происходятъ всѣ тѣ неудобства, которыя описываетъ такъ краснорѣчиво, такъ трогательно, съ такимъ пафосомъ нашъ E. G. Wakefield. Предложеніе наемнаго труда, жалуется онъ, не только не постоянно, но при томъ неправильно и недостаточно. «Оно не только слишкомъ мало, но и необезпечено»[265]: «Хотя продуктъ, распредѣляемый между рабочимъ и капиталистомъ великъ, но рабочій беретъ на свою долю такую значительную часть, что скоро самъ превращается въ капиталиста... Напротивъ того, немногіе могутъ накопить большія богатства, даже и въ томъ случаѣ, если продолжительность ихъ жизни значительно превосходитъ среднюю[266]). Рабочіе совершенно не даютъ возможности капиталисту воздерживаться отъ уплаты за бо́льшую часть ихъ труда. Ему не легче и въ томъ случаѣ, если онъ бываетъ настолько догадливъ, что привезетъ изъ Европы вмѣстѣ со своимъ капиталомъ и собственныхъ рабочихъ. «Они вскорѣ... перестаютъ быть наемными рабочими и обращаются въ независимыхъ крестьянъ или даже въ конкурентовъ своего прежняго хозяина на самомъ рынкѣ наемнаго труда»[267]). Вообразите себѣ, какой ужасъ! Капиталистъ привезъ изъ Европы на свои кровныя деньги своихъ собственныхъ конкурентовъ! Значитъ конецъ міру пришелъ! Поэтому, нечего удивляться, что Wakefield жалуется на отсутствіе дисциплины и чувства зависимости у наемныхъ рабочихъ въ колоніяхъ. «Вслѣдствіе высокой рабочей платы», говоритъ его ученикъ Merivale, «въ колоніяхъ возникло страстное желаніе имѣть дешевыхъ и болѣе покорныхъ рабочихъ, такой классъ, которому условія предписывалъ-бы капиталистъ, а не наоборотъ... Въ странахъ старой цивилизаціи рабочій хотя и свободенъ, но находится въ естественной зависимости отъ капиталиста: въ колоніяхъ-же надо создать эту зависимость искусственными средствами»[268]).

[265]) l. c. v. II, p. 116.

[266]) l. c. v. I, p. 131.

[267]) l. c. v. II, p. 5.

[268]) Merivale l. c. v. II, p. 235—314 passim. Даже скромный, вульгарный экономистъ и приверженецъ свободы торговли, Молинари, говоритъ: «Въ колоніяхъ, гдѣ было уничтожено рабство, но гдѣ принудительный трудъ не былъ замѣненъ соотвѣтственнымъ количествомъ свободнаго труда, мы видѣли противное тому, что ежедневно происходитъ у насъ передъ глазами. Мы видѣли простыхъ (sic) работниковъ, эксплуатирующихъ съ своей стороны предпринимателей и требующихъ рабочую плату, превосходящую ту законную часть (part légitime) продукта какая приходится на ихъ долю. Плантаторы, не будучи въ состояніи получить за свой сахаръ цѣну настолько достаточную, чтобы покрыть повышеніе рабочей платы, принуждены были покрывать избытокъ сперва своею прибылью, потомъ даже своими капиталами. Множество плантаторовъ такимъ образомъ разорились, другіе прекратили свои дѣла, чтобъ избѣгнуть неминуемаго разоренія... Безъ сомнѣнія пусть лучше погибнетъ накопленіе капиталовъ, чѣмъ человѣческія поколѣнія (какое великодушіе со стороны г. Молинари!); но не лучше-ли было-бы, если-бы не погибало ни то, ни другое?» (Molinari l. c. p. 51, 52). Господинъ Молинари, господъ Молинари! Что-же станетъ съ десятью заповѣдями, съ Моисеемъ и пророками, съ закономъ запроса и предложенія, если въ Европѣ «entrepreneur» можетъ сокращать part légitime работника, а въ Вестъ-Индіи, наоборотъ, рабочій можетъ сокращать part légitime entrepreneur'a? И скажите пожалуйста, что это за «part légitime», которую капиталистъ въ Европѣ, по вашему признанію, ежедневно не доплачиваетъ работнику? Господина Молинари сильно подмываетъ тамъ за-моремъ, въ колоніяхъ, гдѣ работники такъ «просты», что эксплуатируютъ капиталистовъ, ввести по-

Каково-же слѣдствіе, по мнѣнію Wakefield'а, господствующей въ колоніяхъ системы частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ, а не на эксплуатаціи чужого труда? «Варварская система разъединяющая производителей и раздробляющая національное богатство» [269]). Раздробленіе средствъ производства между многочисленными производителями, владѣющими ими и работающими за собственный счетъ, уничтожаетъ вмѣстѣ съ капиталистическимъ сосредоточеніемъ и капиталистическое основаніе всякаго совмѣстнаго труда. Становятся невозможными всѣ долгосрочныя предпріятія капитала, продолжающіяся много лѣтъ и требующія большихъ затратъ. Въ Европѣ капиталъ въ такихъ случаяхъ не задумывается ни минуты, такъ какъ его живой порядокъ, рабочій классъ, всегда въ его распоряженіи. Въ колоніяхъ—не то! Wakefield разсказываетъ очень трогательный анекдотъ. Ему приходилось говорить съ нѣкоторыми капиталистами Канады и штата Нью-Іоркъ, гдѣ такъ часто застаиваются потоки переселенія и образуютъ осадокъ «избыточныхъ» рабочихъ. «Наши капиталы», вздыхаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ мелодрамы, «наши капиталы лежатъ готовыми для многихъ предпріятій, требующихъ значительнаго времени; но можемъ-ли мы начинать подобныя предпріятія съ рабочими, которые, какъ намъ извѣстно, покажутъ намъ вскорѣ спину? Если-бы мы были убѣждены, что въ состояніи удержать такихъ переселенцевъ, мы-бы съ радостью наняли ихъ, притомъ за высокую плату. Даже при полной увѣренности потерять ихъ, мы все-таки нанимали-бы ихъ, если были-бы уверены, что при нашемъ требованіи явились-бы новые» [270]).

Послѣ того какъ Wakefield превосходно изобразилъ контрастъ англійскаго капиталистическаго земледѣлія и его «комбинированнаго» труда съ раздробленнымъ американскимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, онъ проговорился и объ обратной сторонѣ медали. Онъ изображаетъ большинство американскаго народа благоденствующимъ, независимымъ, предпріимчивымъ и сравнительно образованнымъ, между тѣмъ какъ «англійскій земледѣлецъ—жалкая сволочь (miserable wretch), нищій... Въ какихъ странахъ, кромѣ сѣверной Америки и нѣкоторыхъ новыхъ колоній, рабочая плата земледѣльцевъ сколько нибудь значительно превышаетъ необходимѣйшія средства существованія рабочихъ? Безъ сомнѣнія, рабочая лошадь, какъ собственность цѣнная, кормится въ Англіи не сравненно лучше англійскаго земледѣльца» [271]). Но—never mind, все-таки національное богатство по самой природѣ своей равнозначуще съ народною бѣдностью.

Какимъ-же образомъ излѣчить въ колоніяхъ противокапиталистическую язву? Если-бы однимъ взмахомъ превратить всю народную собственность въ частную, то, разумѣется, зло было-бы вырвано съ корнемъ, но при этомъ уничтожились-бы также колоніи. Искусство состоитъ въ томъ, чтобы однимъ выстрѣломъ убить заразъ двухъ зайцевъ. Пусть за невоздѣланныя земли правительство назначитъ, независимо отъ закона спроса и предложенія, искусственную цѣну, такъ что поселенцу пришлось-бы довольно долго работать по найму, прежде чѣмъ онъ накопитъ достаточно денегъ для покупки земли и превратится въ независимаго крестьянина [272]). Съ другой стороны фондъ, образующійся отъ этой продажи земель по цѣнѣ относительно недоступной для наемнаго рабочаго, — слѣдовательно, тотъ денежный фондъ, который выжимается изъ рабочей платы нарушеніемъ священнаго закона спроса и предложенія, — пусть правительство употребляетъ на то, чтобы по мѣрѣ его возрастанія ввозить въ колоніи изъ Европы неимущихъ и этимъ поддерживать для господъ капиталистовъ рынокъ наемнаго труда. При этихъ условіяхъ «tout sera pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles». (Все пойдетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ). Вотъ въ чемъ состоитъ вся тайна «систематической колонизаціи». «По этому плану», восклицаетъ, торжествуя, Wakefield, «предложеніе труда будетъ постоянно и правильно, такъ какъ, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что ни одинъ рабочій не въ состояніи будетъ пріобрѣсти землю, не заработавъ для этого предварительно денегъ, всѣ переселяющіеся рабочіе, работая сообща по найму, этимъ самымъ будутъ производить своимъ хозяевамъ капиталъ для занятія большаго числа рабочихъ; во-вторыхъ, каждый, кто перестаетъ работать по найму и становится землевладѣльцемъ, этою самою покупкою земли обезпечиваетъ фондъ для перевозки новаго количества труда въ колоніи» [273]). Цѣна, назначаемая правительствомъ за землю, конечно, должна быть «достаточна» (sufficient price), т.-е. высока настолько, «чтобы не давать возможности рабочему

лицейскими мѣрами въ надлежащую колею законъ запроса и предложенія, дѣйствующій въ другихъ случаяхъ автоматически.

[269]) Wakefield l. c. v. II, p. 52.

[270]) l. c. p. 191, 192.

[271]) l. c. v. I, p. 47, 246.

[272]) «Вы говорите, что благодаря пріобрѣтенію земли и капиталовъ, человѣкъ, у котораго кромѣ собственныхъ рукъ ничего нѣтъ, находитъ занятіе и пріобрѣтаетъ доходъ... наоборотъ, благодаря пріобрѣтенію земли въ индивидуальную собственность находятся люди, у которыхъ ничего нѣтъ кромѣ рукъ. Ставя человѣка въ безвоздушное пространство, вы этимъ самымъ овладѣваете атмосферой. Вы поступаете точно также, овладѣвая землей... Это значитъ ставить его внѣ всякаго богатства и заставлять жить по вашему произволу». (Colins l. c. t. III, p. 268–271 passim).

[273]) Wakefield l. c. v. II, p. 192.

становиться независимымъ землевладѣльцемъ до тѣхъ поръ, пока не явятся другіе, чтобы занять его мѣсто на рабочемъ рынкѣ» [274]). Эта достаточная «цѣна земли» есть ни что иное, какъ смягченное выраженіе выкупа, который рабочій платитъ капиталисту за позволеніе удалиться съ рабочаго рынка и заняться земледѣліемъ. Сначала онъ долженъ произвести для капиталиста «капиталъ», которымъ послѣдній могъ-бы эксплуатировать большее число рабочихъ; а затѣмъ долженъ поставить на свое мѣсто другого рабочаго, котораго правительство доставляетъ на его счетъ его прежнему хозяину капиталисту изъ за моря.

Въ высшей степени характерно, что англійское правительство выполняло въ продолженіе многихъ лѣтъ этотъ способъ «первоначальнаго накопленія», предписанный господиномъ Wakefield'омъ, спеціально для примѣненія въ колоніяхъ. Неудача была, разумѣется, столь-же позорной, какъ и неудача банковаго акта Пиля. Потокъ эмиграціи былъ только отвлеченъ отъ англійскихъ колоній къ Соединеннымъ Штатамъ. Между тѣмъ прогрессъ капиталистическаго производства въ Европѣ, вмѣстѣ съ возрастающимъ давленіемъ правительства, сдѣлалъ рецептъ Wakefield'а излишнимъ. Съ одной стороны громадный и непрерывный потокъ людей, направляющійся изъ года въ годъ въ Америку, оставляетъ за собою осадокъ на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ волна эмиграціи изъ Европы бросаетъ людей на рабочій рынокъ быстрѣе, чѣмъ другая эмиграціонная волна успѣетъ унести ихъ на далекій западъ.

Съ другой стороны, американская война за освобожденіе невольниковъ повлекла за собою громадный государственный долгъ, а вмѣстѣ съ нимъ увеличеніе тяжести налоговъ, возникновеніе самой худшей финансовой аристократіи, безразсудное раздариваніе спекулятивнымъ обществамъ огромнѣйшей части государственныхъ земель, для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и пр., словомъ наиболѣе быстрое сосредоточеніе капитала. Благодаря этому, великая республика перестала быть обѣтованной землей выселяющихся рабочихъ. Капиталистическое производство идетъ тамъ исполинскими шагами, несмотря даже на то, что пониженіе рабочей платы и зависимость наемныхъ рабочихъ далеко еще не дошла до нормальнаго европейскаго уровня. Безсовѣстная и расточительная раздача англійскимъ правительствомъ невоздѣланныхъ колоніальныхъ земель аристократамъ и капиталистамъ, которую такъ громко осуждаетъ самъ Wakefield, произвела даже въ Австраліи [275]), — вмѣстѣ съ постояннымъ приливомъ искателей золота и конкуренціею, которую ввозъ англійскихъ товаровъ оказываетъ даже на мелкихъ ремесленниковъ, — «относительный излишекъ рабочаго населенія», такъ что почти каждая почта приноситъ прискорбную вѣсть о «glut of the Australian labour-market» (переполненіи рабочаго рынка въ Австраліи), а проституція мѣстами тамъ также пышно расцвѣла какъ въ Лондонѣ на Haymarket.

Впрочемъ насъ здѣсь интересуетъ не вопросъ о положеніи колоній. Насъ занимаетъ только тайна, открытая въ Новомъ Свѣтѣ экономистами Стараго Свѣта, и громко ими провозглашенная, а именно: капиталистическій способъ производства и накопленія, а слѣдовательно и капиталистическая частная собственность, предполагаетъ уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ, иначе говоря, предполагаетъ экспропріацію рабочаго.

[274]) l. c. p. 45.

[275]) Австралія, сдѣлавшись сама своей законодательницей, разумѣется, издала законы, благопріятные для поселенцевъ, но уже разъ совершенная англичанами раздача земель стоитъ поперегъ дороги. «Первая и важнѣйшая цѣль, къ которой стремится новый законъ (Land Act of 1862), состоитъ въ томъ, чтобы облегчить поселеніе народа». («The Land Law of Victoria, by the Hon. G. Duffy, Minister of Public Lands. London, 1862»).

